

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ГАГАУЗОВ

КОМРАТ-КИШИНЭУ
2006

де
к-
ал
а-
ж,
ие
о-
и»
по
С.
М.
ой
ий

бе
н-
эм
ия
ми
да
ли
ов

га-
гу-
ой
пр-
ии
ов.
юв
зи

по
ны
ии
/та
ть,
56-

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ГАГАУЗОВ

Очерки

АРХИВ
СТЕПАНА КУРОГЛО

GAGAUZ MILLI ARHIVI
№ 534 226
«CENTRUL DE CERCETĂRI
ȘTIINȚIFICE AL GAGAUZIEI»
НИЦ ГАГАУЗИИ
ИМ. М.В. МАРУНЕСКУ

СОВЕТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И
ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ИСПОЛКОМЕ ГАГАУЗИИ

ИЗДАНИЕ НАСТОЯЩЕЙ КНИГИ ФИНАНСИРОВАНО ИСПОЛКОМОМ ГАГАУЗИИ

КНИГУ ПОДГОТОВИЛ К ИЗДАНИЮ
БУЛГАР СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ

CZU 94(=512.165)(478)+008(=512.165)(478)(082)

U 90

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

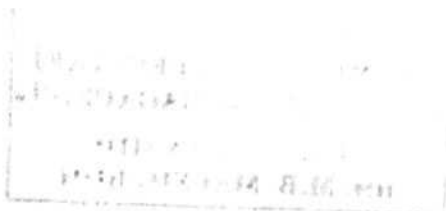
История и культура гагаузов / coord.: Stepan Bulgar. – Ch.: Pontos, 2006 (F.E.-P. «Tipogr. Centrală»). – 748 p.

ISBN 978-9975-902-01-4

1500 ex.

CZU 94(=512.165)(478)+008(=512.165)(478)(082)

ISBN 978-9975-902-01-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гагаузский народ прошёл долгий исторический путь. В своем классическом труде «Гагаузы Бендерского уезда», впервые изданном в 1901 г. в Москве, Валентин Александрович Мошков отметил, что он открыл «маленький загадочный народец» и дал его этнографическое описание. С тех пор к гагаузской тематике неоднократно обращались учёные многих стран. Писали о гагаузах И. Толстой, П. Кеппен, К. Иречек, профессор Новороссийского (Одесского) университета Д. Григорович, болгарские исследователи И. Титоров, А. Манов, и, разумеется, – В.А. Мошков, профессор Черновицкого университета И. Нистор. В 1934 г. в очерке «История гагаузов Бессарабии» гагаузский просветитель Михаил Михайлович Чакир дал краткую историографию истории гагаузов. Большой вклад в изучение гагаузов внесли советские учёные: Н.С. Державин, Н. Дмитриев, И. Мещеряк, Л.А. Покровская, М. Губогло, С. Курогло, М. Маруневич, И. Дрон и др. Авторы этого труда, продолжая работу ученых первой половины XX в., собрали, систематизировали, критически переосмыслили объемный материал по истории, этнографии, языку и культуре гагаузов.

Не отрицая суждений предшественников, современные учёные позволили себе утверждать, что гагаузы, как православный этнос, появились до зарождения Османской империи. Об этом свидетельствуют исторические источники о Добруджанском деспотстве XIII-XV вв., о государстве Карвуна. Первая волна стихийной миграция гагаузов на север началась в XV столетии, после захвата Болгарии османскими войсками. Русско-турецкие войны (1768-1774, 1806-1812, 1828-1829 годы), когда боевые действия велись на территории Добруджи и Северной Болгарии, вывели гагаузский народ на историческую арену. Произошло массовое переселение гагаузов и болгар в пределы Российской империи.

Бессарабская губерния, находясь в составе Российской империи, стала для гагаузов пристанью, где они обрели свою отчизну. Потомственные земледельцы получили землю, налоговые льготы. Благодаря трудолюбию переселенцев, в Буджакской степи стало развиваться полеводство, животноводство, садоводство и виноградарство. Компактное проживание, отсутствие законодательных ограничений в развитии национальных меньшинств – способствовали этнической консолидации гагаузов. Тем не менее, наш народ никогда не замыкался в своем доме. С болгарями гагаузов роднило общее прошлое и настоящее, с молдаванами – вера, земля, равные права и обязанности перед государством, традиции крестьянского труда и быта.

Впервые за всю свою историю, гагаузы целый век прожили в мире. С 1806 по 1918 года на землях Буджака не совершалось военных действий. Зато большие войны самым непосредственным образом влияли на их судьбу. После поражения России в Крымской войне (по условиям Парижского мира 1856 года) земли вдоль Прута и Дуная перешли соседнему государству. Налоговый гнет, воинская повинность, экономический застой – таковы были новые реалии в румынской Бессарабии 1856-

1878 г. Это привело к тому, что часть гагаузов и болгар из южной Бессарабии переселились в Таврическую губернию.

В материалах книги приводятся сведения об участии гагаузов в революционной борьбе, рассказывается о Комратском восстании, в ходе которого в январе 1906 года была провозглашена Комратская республика. Ее опыт, кстати, способствовал политической мобилизации гагаузов в период революции 1917 года и в кризисные времена в конце XX столетия. Гагаузы принимали участие в революции 1917 г. и в Гражданской войне в России и на Украине: Н. Шишман в январе 1918 г. являлся военным комиссаром г. Аккермана, П. Генов был командиром роты I Бессарабского полка, Н. Тукан служил в Красной армии, награждён орденом Боевого Красного Знамени, орденом Ленина. Книга сообщает малоизвестные факты сопротивления румынскому оккупационному режиму в 1918-1940 и 1941-1944 гг., проливает свет на годы массового голода 1946-1947 гг. Шаг за шагом книга раскрывает эволюцию государственной идеи гагаузов в рамках национальной автономии.

Советская этнографическая наука, изучавшая культуру и быт гагаузов, внесла свою лепту в стереотипное представление о царской России, как о тюрьме народов. Современная наука внесла коррективы. Так, Императорское Русское географическое общество с особым тщанием исследовало культуру и быт народов России, в том числе и гагаузов. Яркий пример тому – этнографические исследования В.А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда», «Наречия Бессарабских гагаузов». В личном фонде видного русского учёного XIX в. П. Кеппена хранятся свидетельства о населённых пунктах, где жили гагаузы. Научные сотрудники Русского музея им. Александра III (ныне Российский этнографический музей) Л. Шуманский, Н. Кирмикчи участвовали в экспедиции по югу Бессарабии. Их материалы, касающиеся традиционно-бытовой культуры гагаузов, которые находятся в коллекции музея, ждут своих исследователей... Революция, социальные потрясения первой половины XX века приостановили развитие этнографических изысканий в крае. Влияние российской этнографической школы ослабло, преемственность исследований нарушилась.

Этнографическими изысканиями на юге Бессарабии занимались и иностранцы. В 1919 году Эмиль де Мартонне, профессор из Сорбонны, отмечая этническое разнообразие населения юга Бессарабии, с удивлением отметил, что межнациональные браки породили не только одинаковые черты в культуре, но и схожую внешность у различных народов. Порой человек, напоминая малоросса, оказывался гагаузом. Его наблюдение нашло подтверждение в работах современных учёных, которые занимаются генетическими исследованиями структуры популяции.

В румынский период, особенно 30-е годы XX в., проявилась тенденция подавления культуры национальных меньшинств. В период оккупации Бессарабии румынскими войсками 1941-1944 гг., прозвучало вполне определённое требование: некоренному населению покинуть территорию Бессарабии... Гагаузы, как и все народы советского Союза, принимали участие в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., среди них – Герой Советского Союза Антон Буюклы, кавалер шести боевых орденов Василий Маргарит, кавалер ордена Славы Михаил Карамилев, кавалер ордена Славы Иван Орманжи. Отличился в боях за освобождение Кишинёва сержант Алексей Чумак (Кайкы), награждённый тремя медалями «За отвагу», орденом Славы, орденом

Красной Звезды. В феврале 1945 г. газета «Советская Молдавия» писала об отважном бойце: «Прославленные Сталинградские дивизии устремились вперёд. С ними – Алексей Чумак. Каждый шаг приближал его к родному крову. Остались позади Дон и Днепр. Пройдена Украина. И, наконец, Днестр. Комсомолец Чумак в числе первых вошёл в Кишинёв».

60–80-е годы XX века были самыми продуктивными для гагаузской истории. В этот период завершилась духовная консолидация гагаузского народа. Восприняв русский язык, как национальное достояние, гагаузы избавились от комплекса национального меньшинства, и добился подлинного равенства с другими этносами Молдавии. Логическим итогом пути явилось национальное движение гагаузов на рубеже 90-х годов, возникновение гагаузской государственности в рамках автономии. Как ни странно, период борьбы за национальную автономию (1988–1994 гг.) – самый малоисследованный учеными период. Необходимо отметить, что гагаузское движение, оставаясь национальным, никогда не было националистическим.

«Нравственность поддерживается памятью о прошлом» – эти слова Дмитрия Лихачева, как нельзя лучше, раскрывают задачу, которую поставили перед собой авторы этой книги. Изучая историю, пройденного своим народом, мы впитываем его накопленный опыт, знания и мудрость.

Разумеется, данное исследование не является исчерпывающим. Выявление источников по истории гагаузов только начинается, поэтому история и этнография гагаузов изобилует «белыми пятнами». Ожидают своего изучения такие темы как: историческая роль православия в формировании современного облика гагаузского народа, его национальных моральных ценностей, его традиций семейной и общественной жизни, национального самосознания как православного тюркоязычного народа. Несомненно, будет продолжена научная дискуссия по вопросам гагаузской истории конца XX века.

С. Булгар

Часть первая
ИСТОРИЯ

ЭТНОГЕНЕЗ

I. ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА ГАГАУЗОВ В ИСТОРИОГРАФИИ

Уже со времени появления первых сведений в литературе о гагаузах (а имя этого народа поздно – только в первой половине XIX в. – впервые попадает на страницы печатных изданий) возникают различные, порой не только мало достоверные, но и откровенно фантастические версии об их происхождении, а также и о происхождении самого имени «гагауз». Впрочем, в любой, даже самой фантастической версии, как увидим, имеется и некоторое рациональное зерно»¹.

Вскоре после этого возникает множество противоречащих друг другу гипотез о происхождении гагаузов. Это связано не только с объективной сложностью данной проблемы, но и со стереотипами бытового сознания, в которых представляется противоречивой связь тюркского языка и православного вероисповедания гагаузов. До сих пор в некоторых регионах Юго-Восточной Европы неискушенные обыватели считают, что все тюркские народы исповедуют ислам, другими словами, ислам считается имманентно присущей этнической чертой данной группы народов (что, конечно же, не соответствует действительности). Например, И. Градешлиев в своей монографии пишет: «Интерес к населению, которое называют и которое само себя называет «гагаузы», вызван необычным сочетанием языка, религии и этнического самосознания (курсив мой. – Ш. А.), что привело к форме, которую, с точки зрения этнических процессов, можно определить как «феномен гагаузов»»². Таким образом, гагаузы представляются как некое исключение из общего правила, которое требует объяснения.

Еще одной причиной повышенного интереса к проблеме этногенеза гагаузов является общеизвестная постоянная этноконфессиональная конкуренция на Балканах, перенесенная переселенцами и в Буджак: соперничество между мусульманами и христианами, христианами разных толков между собой, различных этносов: турок, болгар, греков, румын, сербов, македонцев, албанцев и др., конкурирующих друг с другом за политическое и культурное доминирование в этом сложном по историческому прошлому и составу населения регионе.

Впрочем, представление о существовании нескольких десятков версий по вопросу происхождения гагаузов скорее историографический курьез, большую роль в создании которого сыграл Г. Димитров, который в 1909 г. привел 18 гипотез о происхождении этого народа и его имени (часть из которых, по всей видимости, принадлежала ему самому)³. С тех пор к этому числу добавилось еще несколько версий, причем, серьезно относиться к большинству из них не приходится. Можно упомянуть мнения о том, что гагаузы – потомки старого греческого населения Добруджи (Н. Йорга), что они – нероманизированное коренное население Балканского полуострова (Ботнареску и Хаджеу), македонские влахи (Замфир Арборе) или смесь влахов, греков и итальянцев с болгарами в период Генуэзской и Венецианской республик (С. Клаир и К. Брофи)⁴.

Учитывая, что большинство литературы, посвященной этногенезу гагаузов, носит историографический характер, – авторы приводят известное число концепций, а также высказывают свое мнение, в лучшем случае, приводя несколько аргументов в пользу концепции, которой они симпатизируют, да и то – аргументов скорее умозрительных, нет необходимости останавливаться на истории изучения проблемы. Достаточно отослать к имеющимся более или менее обстоятельным историографическим сводкам⁵.

Остановимся несколько подробнее на гипотезах, имеющих наибольшее количество сторонников и относительно других лучше аргументированных. Таких теорий три. Это – болгарская, турецкая (малоазиатская) и северо-тюркская теории происхождения гагаузов.

Некоторые сторонники болгарской гипотезы утверждают, что гагаузы не самостоятельный этнос, а болгары, перешедшие в период Османской империи под давлением завоевателей на турецкий язык, но сохранившие свою «исконную» религию – православие и – якобы – болгарское самосознание. При этом берётся за основу культурная близость болгар и гагаузов, отсутствие упоминаний о последних ранее первой половины XIX в., а также на существовании легенд и представлений у самих гагаузов об их болгарских или греческих корнях. Сторонники этой версии, за редким исключением, – болгарские публицисты и ученые⁶.

Подробная критика данных представлений имеется в научной литературе⁷, поэтому нет необходимости долго останавливаться на этом, подчеркнем только несколько основных моментов.

Культурная близость является одним из аргументов в пользу общего происхождения народов Восточных Балкан, в том числе болгар и гагаузов. Совершенно очевидно, что, проживая на протяжении многих сотен лет чересполосно – и на Балканах, и в Буджаке, принадлежа к одной религиозной деноминации и имея одинаковый социальный статус, смешиваясь посредством межэтнических браков, эти народы не могли не приобрести многие общие черты в культуре. Однако эта культурная общность ничего не говорит сама собой – является ли она результатом общего происхождения (генетического родства), либо – результатом «сродства» – то есть, приобретена в процессе общения исходно различных групп.

Культурная близость обусловлена общим влиянием со стороны местного автохтонного – дославянского и дотюркского культурного компонента, а также тюркского, греческого, романского, иранского, арабского и других элементов, проникших параллельно в культуру и болгар, и предков гагаузов⁸.

Отождествление гагаузов с болгарями в работах исследователей задунайской

Гагаузы села Кичево. Болгария.
Нач. XX в.

колонизации Бессарабии в XIX в. объясняется, на наш взгляд, кроме их слабой осведомленности, доминированием в ту эпоху конфессиональной идентичности над этнической, «ненапряженностью» этнического самосознания, а также вполне объяснимым в условиях Османской империи и переселения в другое государство конформизмом гагаузов. Яркое свидетельство последнего находим у М. Чакира: «На расспросы гагаузы отвечают, что они не болгары, не урумы (греки), не русские, не румыны, не османские турки, но когда приходится написать в книге происхождение, национальность, гагаузы говорят между болгарами и русскими, что они – отуреченные болгары, между урумами и румынами говорят, что они отуреченные урумы, туркофоны. Гагаузы с прошлых времен научились заниматься политикой, чтобы среди болгар и русских показать, что они болгары, чтобы по этой причине болгары и русские принимали их лучше. Среди урумов и молдаван, румын гагаузы показывали, что они урумы или румыны, чтобы урумские правители и молдавско-румынские правители (фанариоты) лучше принимали гагаузов»⁹.

Частично этим объясняются и «элементы болгарского самосознания» гагаузов¹⁰. Основой последнего могло быть и вполне реальное включение групп болгар в гагаузское этническое пространство (как и противоположный процесс).

Сторонники турецкой (малоазиатской) гипотезы происхождения гагаузов в качестве главного источника используют историю сельджуков Рума Сейида Локмана (конец XVI в.), который написан на основе «Огуз-намэ» Языджи-оглу (начало XV в.), в свою очередь, восходящий к «Сельджук-намэ» Ибн Биби (конец XIII в.), а также некоторые византийские источники XIII-XIV вв.¹¹ Эти источники сообщают о переселении в середине XIII в. из Малой Азии в Добруджу населения с территории Сельджукского государства, которое бежало во главе с Иззедином Кайкаузом и Сары Салтыком от нашествия монголов в поисках спасения в Византию, дальнейшая их судьба трактуется различно. Потомками переселенцев, которые последовали за Кайкаузом, согласно мнению представителей «малоазиатской» теории, и являются современные гагаузы¹². Население государства сельджуков Рума в середине XIII в., который занимал большую часть центральной Анатолии, включая Каппадокию, состояло из двух основных элементов: тюркских мусульман (сельджукский правящий класс и туркменские кочевые племена) и досельджукских византийских поселенцев региона, греков и других анатолийских христиан¹³.

В сельджукском государстве малоазиатские христиане продолжали составлять большую часть населения страны и выжили как отличительная этно-конфессиональная группа и в сельджукский (и после XIV в. – в османский период) до 1924 г. когда они были вынуждены переселиться в Грецию. Стоит отметить, что, в течение веков живя в тюркской среде, малоазиатские христиане в ряде регионов приняли тюркский язык.

Ко времени их переселения в Грецию, в большинстве своём они не могли уже говорить по-гречески и стали полностью тюрко- (турко-) говорящими. Эти тюркоговорящие христиане Малой Азии, и особенно Каппадокии, стали известны как караманты и писали на турецком языке греческими буквами.

По мнению А. Иорданоглу, переселенцы (потомки греческих каппадокийских и других греческих малоазиатских христиан¹⁴), последовавшие за Иззедином Кайка-

узом из Малой Азии в Добруджу в середине XIII в., могут быть идентифицированы как гагаузы¹⁵.

Эта гипотеза имеет как своих сторонников (Витек¹⁶, Норрис¹⁷, Иорданоглу¹⁸), так и критиков, самый известный из которых – Мутафчиев¹⁹.

Не вдаваясь в анализ данных источников, осуществленный в свое время П. Мутафчиевым²⁰, который, сопоставляя их с сообщениями других авторов, а также с общей исторической ситуацией того времени, приходит к выводу о «мнимости» этого переселения²¹.

Наконец, большая группа специалистов исходит из мысли о тюркском, но не турецком (сельджукском) происхождении гагаузов, считая их потомками средневековых кочевых тюркских племен, переселившихся на Балканы не южным, как сельджуки, а северным (через Северное Причерноморье) путем.

Большой разницей при этом сохраняется в отношении вопроса, какой или какие тюркские народы при этом следует считать предками гагаузов. Действительно, совершенно достоверно зафиксировано переселение на Балканы и, в большинстве случаев, вероятное оседание на землях, которые позднее застаем как этническую территорию гагаузов, и тюрко-болгар (протоболгар), и печенегов, и огузов (узов), и куманов (половцев, кыпчаков). В соответствии с этим, мнения разделились. Более того, один и тот же автор в разное время по этому поводу мог высказывать разные точки зрения.

Так, существуют мнения о том, что гагаузы – прямые потомки тюрко-болгар (К. и Х. Шкорпил, Г. Занетов, Димитров Ст.²² и др.), другие в качестве таковых рассматри-

Гагаузы села Хрисохорофа (Греческая Македония). 1922 год

вают огузов (узов) (В.А. Мошков, А. Манов²³ и др.), куманов (К. Иречек, Г. Атанасов²⁴ и др.), печенегов, черных клобуков (В.А. Мошков²⁵) или сразу всех или несколько из этих народов (А. Манов, М.Н. Губогло, В.Д. Дяченко, С.С. Курогло, Л.А. Покровская²⁶ и др.). У болгарских представителей последней версии, пожалуй, наиболее распространенной была гипотеза о том, что этот народ восходит одновременно и к огузам (узам), и к куманам²⁷. Однако она базируется на представлениях об идентичности или большой близости между узами и куманами, отвергнутых в науке уже после исследования П.В. Голубовского²⁸, но длительное время продолжавших бытовать среди болгарских ученых.

Вариацией этой гипотезы следует считать и «смешанную» концепцию, согласно которой гагаузы делятся на две группы, различного происхождения – «греческих», «приморских» или «настоящих» (хасыл) гагаузов, имеющих севернотюркское происхождение, и «болгарских» гагаузов – ассимилированных в тюркской языковой среде болгар-славян²⁹.

Данные теории строятся на очевидном факте присутствия «севернотюркских» кочевых народов на будущей этнической территории гагаузов. Важным аргументом для них является также своеобразие языка гагаузов и их этноним. А в ряде позднейших работ была предпринята попытка выявления севернотюркских компонентов в бытовой культуре гагаузов.

Недостатком вышеупомянутых теорий следует считать абсолютизацию роли тех или иных народов в формировании гагаузов, преуменьшение роли смешения в процессе его складывания.

Конечно, имеющиеся на сегодняшний день данные не позволяют достаточно точно определить соотношение между различными этническими компонентами, вошедшими в состав гагаузов (да и вряд ли это соотношение когда-либо будет более или менее точно определено). Однако культура и, в частности, язык, исторические сведения и антропологический состав гагаузов указывают на достаточно массовое присутствие в этом народе самых различных: тюрко-болгарских, огузо-печенежских, куманских (кыпчакских), славянских, греческих, восточно-романских, а через их посредство и «палеобалканских» (дако-фракийских) и других (иранских, финно-угорских, монгольских) составляющих.

Другим недостатком северно-тюркской теории является попытка выявить в культуре гагаузов такие элементы, имеющие кочевое происхождение, которые были бы чужды славяно-болгарам и которые выделяли бы гагаузов от болгар. Исследования культуры болгар показывают, что и для них (особенно для восточных болгар) не чужды компоненты, связанные своим происхождением с кочевым тюркским миром. В действительности, все разноэтничное население восточной части Балканского полуострова сформировалось из сложного конгломерата местных и пришлых (славяне, турки) народов, и можно говорить лишь об относительно большей роли того или иного компонента в формировании современных этнических групп. Впрочем, не только соотношение разных компонентов, но и исторические обстоятельства (например, система расселения) могли вести к тому, что изначально славянские группы могли тюркизироваться, а тюркские группы – славянизироваться.

Так, вряд ли выдерживают критику утверждения Г.Е. Маркова о том, что у гага-

узов – меньшие, чем у болгар, сельскохозяйственных навыков, они, в отличие от славян и молдаван, никогда не огораживали свои постройки высокими оградами, что свидетельством кочевого прошлого этого народа является то, что еще недавно основными предметами домашней утвари гагаузов были котел на цепи или треножник, а также, что гагаузы имеют особую склонность к скотоводству и, особенно, – к коневодству³⁰.

Не намного более аргументированные доводы в пользу своеобразия гагаузов приводят и М.Н. Губогло³¹, и некоторые другие авторы³². М.Н. Губогло, например, считает наличие волчьих праздников (джанавар йортулары) у гагаузов свидетельством их тюркского происхождения³³. Существует точка зрения о том, что культ волка не является атрибутом только тюркского традиционного мировоззрения³⁴, но даже, если принять возможность тюркского происхождения этих праздников, нельзя не вспомнить, что, по крайней мере, у одной этнографической группы болгар также имеются «вълчи празници»³⁵.

Впрочем, трудности в исследовании происхождения гагаузов имеют и объективные причины: неопределенность теоретико-методологических принципов исследования этногенеза в науке в целом³⁶, отсутствие надлежащих источников по этническому составу и его динамике в Северо-Восточной Болгарии и прилегающих территорий до второй половины II тыс. н.э., недостаточная изученность культуры, как самих гагаузов, так и родственных или близких к ним этносов, что не позволяет на сегодняшний день четко выделить как этноспецифические черты этого народа, так и общее, связывающее их с другими этносами³⁷.

Настоящее исследование представляет первый в науке краткий очерк основных этапов этногенеза гагаузов, впервые характеризуются главные компоненты, вошедшие в состав народа и динамика процессов их взаимодействия. Тем не менее, автор отдает себе отчет, что данный очерк – лишь первое приближение, своего рода эскиз, к решению проблемы этногенеза гагаузов, а дальнейший прогресс на этом пути будет заключаться, прежде всего, в комплексной, на основе данных истории, археологии, антропологии, лингвистики и этнографии, реконструкции этнодемографического процесса в Северо-Восточной Болгарии, а также в сравнительном изучении культуры гагаузов.

Важным подспорьем в определении ареала формирования гагаузского этноса является определение границ его расселения на Балканах до переселения в Буджак. Для этого могут быть использованы два источника. Во-первых, сообщения о расселении гагаузов, оставшихся на Балканах, при этом более ранние сведения, учитывая процесс их ассимиляции в среде болгар, являются и более ценными³⁸, а также сохранившиеся данные о местах выхода с Балкан буджакских гагаузов. Эти свидетельства, к сожалению, имеют самый общий характер, названия конкретных населенных пунктов выхода отдельных семей или групп гагаузов весьма немногочисленны. Ниже приводятся все такие сведения, прямые или косвенные, которые нам известны.

В Етулии зафиксировано предание, согласно которому, первые жители переселились сюда из Варненского района Болгарии³⁹. По такой же легенде население села Курчи (Виноградовка Болградского р-на Одесской области Украины) составили переселенцы из Гявур-Суютчука (совр. Болгарево), а также переселенцы из села Акдере (совр. Бяла), расположенного на черноморском побережье Болгарии⁴⁰.

Возможно, о селе Гявур-Суютчук идет речь в семейном предании Фучеджи, записанном в Кубее (Червоноармейское Болградского р-на Одесской области Украины), в котором рассказывается, что предки многочисленных носителей этой фамилии, болгаризированных греков, переселились из болгарского села Сюютчук. Учитывая указание информатора на то, что это село находится в "Южной Болгарии", нами оно было локализовано именно там⁴¹, однако бессарабские переселенцы сохранили очень туманные представления о географии своей прародины. По рассказу представителей другой многочисленной кубейской, но уже гагаузской фамилии – Киор, их предки – братья Кара Миял и Димчо – переселились из села Кьопекли (совр. Градинарово около Провадии)⁴². В исследовании XIX в. имеется также упоминание о том, что в Кубее поселились выходцы из Добруджи⁴³. Предание фамилии Чакир выводит эту чадыр-лунгскую фамилию из г. Шабла⁴⁴.

Вероятно, о районах выхода с прародины свидетельствуют и некоторые антропониимы гагаузов. Так, фамилия Бальжик, распространенная в том же Кубее, возможно, происходит от поселения Балчик, расположенного на северо-восточном побережье Болгарии (учитывая закономерное чередование в тюркских диалектах фонем ж, ~дж, ~ч)⁴⁵. Вулканештская фамилия Каварналы (букв. "каварнец") – от гагаузского населенного пункта Каварна, расположенного между упоминавшимися Балчиком и Болгарево⁴⁶. Фамилия Вистерли происходит от названия города Вистер, который был уничтожен во время русско-турецкой войны 1806-1812 гг.⁴⁷

Кроме того, косвенным источником служит система расселения в Северо-Восточной Болгарии коренных, местных болгар, в отличие от тех болгар, что переселились сюда из других районов страны. Как показывают исследования болгарских лингвистов, ареал автохтонных болгар в этом регионе незначителен, соответственно, остальное пространство занимало, прежде всего, тюркоязычное население – гагаузы и балканские турки⁴⁸. Сопоставление и картографирование этих видов источников (см. карту 1) позволяют довольно надежно определить ареал формирования гагаузского этноса, очерчивающегося центральной частью Северо-Восточной Болгарии, черноморским побережьем Северной Болгарии и Румынии, а также румынской Добруджой. Ретроспективный метод позволяет проследить, пока в общих чертах, динамику этногенетического процесса на данной территории накануне и в ходе формирования этнической общности гагаузов.

Без знания особенностей болгарской культуры нельзя верно осмыслить этнические особенности гагаузов, так же как без привлечения гагаузского и шире – тюркского материала, остается закрытой дверь к болгарской этнологии. В понимании дуализма и глубокого взаимопроникновения, обмена культурной и генетической информацией на Балканах между двумя суперэтносами – тюркским и славянским – и лежит ключ к разгадке происхождения многих балканских этнических групп. Этот же тезис верен для последних двух тысячелетий и в отношении многих других этносов Великой Евразийской степи, а также прилегающих стран.

II. ЭТНИЧЕСКИЕ КОРНИ И ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Гагаузы имеют две основные линии этногенеза, условно – автохтонную, балканскую и пришлую евразийскую степную, инсталлировавшуюся в балканскую этническую среду в Средневековье. В результате взаимодействия и смешения этих двух основных компонентов сформировался гагаузский этнос.

АВТОХТОНЫ

Дако-фракийцы. Во второй половине III тыс. до н.э. из Северного Причерноморья в Центральную и Юго-Восточную Европу вторглись индоевропейские пастушеские племена. Расселение и ассимиляция ими автохтонов, этнолингвистический облик которых остается неизвестным, привели к появлению на юго-востоке Европы, в том числе и в правобережье низовьев Дуная, этнического массива дако-фракийцев.

Первое упоминание фракийцев в письменных источниках относится примерно к 1200 г. до н. э., когда они, по сведениям, сохранившимся в «Илиаде» Гомера, участвовали в Троянской войне.

На нижнем Дунае расселялись мезы (мизы). Позднее на левобережье и отчасти в правобережье нижнего Дуная известны были фракийские племена гетов и даков.

Еще во времена Гомера фракийцы были известны как земледельцы и скотоводы. Славились фракийские кони, вооружение, боевые колесницы; фракийцы торговали зерном, вином, медом, воском, лошадьми, кожами, керамикой, рыбой, тканями.

Расцвет фракийского общества приходится на V–IV вв. до н. э. В результате овладения металлургией железа, происходит подъем в хозяйственной деятельности, эволюционируют социальная и политическая структуры. Земледелие окончательно становится пашенным, основанным на использовании железного лемеха. Сеяли пшеницу, рожь, ячмень, просо, лен, коноплю, возделывали виноград, фрукты, выращивали овощи. Большого развития достигло коневодство и овцеводство.

Яркими и своеобразными были культура, искусство и мировоззрение фракийцев. Главную роль в религии играл культ солнца, была распространена вера в бессмертие души, существовал культ возрождения природы, культ всадника. Поклоняясь богам, фракийцы совершали жертвоприношения, обычно кровавые, целью жертвоприношений было добиться урожая, плодородия. Некоторые празднества носили оргийский характер. Многие из культуры и религии фракийцев было унаследовано современными народами Балкано-Карпатского региона – наследниками этой самобытной цивилизации древности.

С течением времени дако-фракийские племена были ассимилированы позднейшими этническими волнами – римлянами и славянами. Однако они сыграли огромную роль в формировании восточно-романских этносов, а также и славяно-болгар, а через посредство этих народов – и в формировании культуры гагаузов. Во многом, культура этих народов, как и их антропологический тип, имеют дако-фракийские корни.

Греки. Великая греческая колонизация VIII–VII вв. до н.э. охватила и причерноморские земли до устья Дуная. В это время на будущих этнических территориях гагаузов появляются греческие города (полисы) Одесс (Варна), Дионисополь (Балчик),

Истрос (Истрия), Каллатис (Мангалия), Томис (Констанца). С этого времени греческое присутствие на западном побережье Черного моря было практически непрерывным.

Гагаузы г. Орестиада
(Греческая Фракия). 1996 г.

Оказали они изначительное непосредственное влияние на позднейшие народы, чьи этнические границы соприкасались с прибрежной полосой – славяно-болгар и гагаузов, в особенности на те их группы, которые жили чересполосно с греками.

У гагаузов наиболее сильное влияние греков имело место для одной из двух основных субэтнических групп этого народа – «греческих» или «приморских» гагаузов. В лексике этой группы наблюдается большее число греческих заимствований. Известный исследователь Константин Иречек отмечал, что гагаузы, проживающие в сёлах Акдере и Эмон, и дома говорили на греческом языке⁴⁹. Многие гагаузы носят греческие по происхождению прозвища или фамильные имена: Грек, Греков, Греку, Замфираки, Занфираки, Урум (грек), Йани, Яни, Йаниогло, Яниогло, Йанаки, Янаки, Янакиоглу, Йордаки, Костаки, Митаки, Панаидаки, Панаитаки, Пантаки, Петраки, Потораки, Ставраки, Христаки, Яниш, Колиш, Митиш, Попазогло, Лефтер и др. Последнее

может свидетельствовать о том, что часть греков непосредственно вошла в этническую среду гагаузов, будучи ассимилирована в ней. В настоящее время в Греции есть ряд населённых пунктов с компактным проживанием гагаузов. Среди них: Нэа Орэстиада, Ираклия, Нэа Зихни, Аммовуно, Керамос, Спилео, Канадас, Дилофо, Филакио, Ано Сагини, Като Сагини, Ано Инои, Като Инои, Пиргос, Клисо, Лепти, Фурио, Залтос, Эвгэнико, Нэа Каллисти, Амфия, Асомати, Состис, Газарос, Агиос Христофорос, Месорахи, Хрисохорафа, Митруси, Калохори, Периволаки, Лангадас. Большая часть греческих гагаузов является потомками переселенцев из Турции в 1922 г. из района г. Эдирне (только гагаузы города Зихна в греческой Македонии считают себя коренными жителями). Интересно, что в 1903 г. русский этнограф Мошков посетил гагаузов Фракии, обозначенных им как «сургучи». Что касается термина «сургуч», то современным гагаузам Греции, потомкам выходцев из сёл Кара-Касым, Шараплы, Олпаша и др., он неизвестен. Почему-то не ведают о понятии «сургуч» и старые люди, с родителями которых встречался Мошков в 1903 г. Современные гагаузы Греции знают только этноним «гагауз». Объяснение этому феномену можно найти в средневековых османских документах, где упоминается такая категория населения, как «сюрдюн»⁵⁰ (т.е. переселенец, сосланный). Это подтверждается другими фактами. Во время русско-турецкой войны 1829-1830 гг. многие жители черноморского побережья Болгарии были переселены османскими властями в другие регионы империи⁵¹. Некоторая часть гагаузов обосно-

валясь во Фракии. По свидетельствам старожителя г. Орестиада Антониоса Каитоса, село Шараплы, откуда родом его родители, было основано в 1830 г. В своих воспоминаниях Антониос Каитас отмечал, что жителей села именовали словом «сюрдюн». Таким образом, понятие «сурдуч», «сюрдюн», «сюрдюнч» является социальным, а не этническим. Во времена Мошкова понятие «сурдуч», «сюрдюн», «сюрдюнч» ещё бытовало, но со временем социальное понятие утратилось, а национальное «гагауз» – сохранилось. Поэтому сейчас в Греции мы встречаем «гагаузов» и не можем обнаружить «сурдучей»⁵².

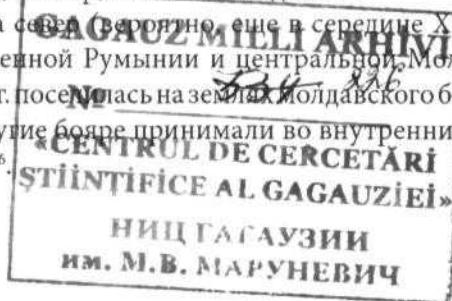
Необходимо отметить ещё одно культурно-религиозное влияние на гагаузов посредством так называемой «караманлийской» литературы. Начиная с XVI в., под эгидой Константинопольской патриархии, издавалась христианская религиозная литература на синкретическом турецком языке с использованием греческого алфавита. По определению тюрколога профессора Н.К.Дмитриева, этот язык представлял собой турецкий говор с элементами азиатских диалектов, напоминал язык балканских гагаузов, но назывался караманлийским⁵³. В очерках «Гагаузы Бендерского уезда» русского этнографа В.А.Мошкова также рассказывается о литературе на караманли. «Книги свои они печатают по-турецки, – отмечает Мошков, – но греческими буквами, и вот эти-то книги, которые они приносят с собой на продажу в Бессарабию, и привлекают к ним симпатию гагаузов. Свои книги караманли ценят довольно дорого, а поэтому редкому из гагаузов удаётся их приобрести, но у кого они есть, тот, как говорится, ценит их на вес золота». Книги на языке караманли сохраняются у гагаузов и в настоящее время⁵⁴.

Особенно большое влияние оказали греки на православную религиозную культуру гагаузов, а также на сферы культуры, связанные с земледелием южного, средиземноморского типа, строительством и оседлым бытом, способствовали приобщению позднейших переселенцев к природным реалиям Балканского полуострова.

Восточные романцы. В конце I в. до н. э. продвижение римлян в глубь гетофракийских земель завершилось завоеванием ими областей между Балканским хребтом и Дунаем. Добруджа и западнопричерноморские земли перешли под власть Римской империи. Гетские племена Добруджи оказались в составе римской провинции Мезии (после ее разделения в 86 г. – Нижней Мезии). Еще ранее римляне завоевали земли, занимающие значительную часть современной Румынии к северу от Дуная, где была образована провинция Дакия.

Начавший складываться позднее гагаузский этнос, проживая на границе с этнической территорией восточнороманских этнических групп – влахов, румын, молдаван, мокан, – а то и чересполосно с ними, на протяжении всей своей истории испытывал с их стороны значительное этнокультурное воздействие, происходил процесс смешения, взаимопроникновения этих этнических общностей. Вероятно, отражением этого факта является то, что Эвлия Челеби еще в XVII в. считал население, легшее в основу гагаузов, «смесью» татар, болгар, влахов и молдаван⁵⁵.

Первый этап переселения гагаузов на север (вероятно, еще в середине XVIII в.) был направлен именно на земли современной Румынии и центральной Молдавии. Известно, что одна группа гагаузов в 1770 г. поселилась на землях Молдавского боярина Бальша в губернии Липушна, также и другие бояре принимали во внутренних областях Молдавии гагаузских переселенцев⁵⁶.

Имеются сведения, что небольшая часть гагаузов-переселенцев 1770 г. осталась жить на территории Румынии и образовала четыре села: Попени, Жигэлия, Пеикани, Рэиу. Эти сёла находятся в районе города Фэлчиу⁵⁷.

После присоединения Буджака к Российской империи и ухода из края ногайцев гагаузы переселяются с земель молдавских помещиков на юг – на оказавшиеся пусто-порожними земли, где и расселяются до настоящего времени. Однако проживание в течение не менее 40-50 лет во внутренних областях Молдавии не могло не сказаться на культуре гагаузов.

Гагаузско-молдавское и гагаузско-румынское взаимодействие продолжалось и в последующие два столетия. Особенно значительное воздействие молдаване оказали на гагаузов в районах их смежного расселения, например, в с. Дезгинжа, Чок-Майдан, Баурчи (Каушанского района), граничащими с этнической территорией этого народа.

О роли в этногенезе гагаузов восточнороманского населения свидетельствуют гагаузские фамильные имена и прозвища: Влах, Мокан, Мокану (мокан – трансильванский румын), Ромун, Молдаван, Молдавян, Молдуван и др., многочисленные восточнороманские по происхождению слова в гагаузском языке. Особенно большое воздействие оказали восточные романцы на земледельческую и животноводческую культуру гагаузов, на их обрядность, строительство, одежду и систему питания.

Скифо-сарматы. Ираноязычные кочевые племена, в частности, скифы и сарматы, сыграли большую роль как в этнической истории северо-востока Балканского полуострова, так и в формировании культуры многих тюркских народов степной зоны Евразийского континента.

Скифы поселяются в VI в. до н. э. в Добрудже по обоим берегам Нижнего Дуная. Культура скифов сохранялась в Добрудже несколько веков, и древние авторы называли эту область Малой Скифией. В середине IV в. до н. э. она входила в состав державы скифского царя Атея. Скифские политические образования продолжали существовать в Добрудже и в III–II вв. до н. э.

Сарматы в массовом порядке переселяются на правобережье нижнего Дуная примерно с середины II по середину III вв. н. э. Постепенно кочевое население оседает на этой территории, смешиваясь с местным населением, подготавливая культурную почву для дальнейшего взаимодействия автохтонов с позднейшими – тюркскими – кочевниками, хлынувшими на эти земли с начала великого переселения народов.

Славяне, славяно-болгары. Славян лишь условно можно отнести к местному, балканскому населению, поскольку, как известно, этот этнический массив имеет северную прародину. Он появился на Балканах и, в частности, в Северо-Восточной Болгарии примерно в одно время с тюркскими кочевниками. Однако, по-видимому, массовое расселение славян в этом регионе предшествовало систематическому оседанию здесь тюрков, поэтому по отношению к последним они в какой-то мере выступали уже в качестве местного населения.

Славяне – одна из ветвей индоевропейцев, оформившаяся в I тыс. до н. э. на территории от среднего Днепра до Одера. Вероятно, ранее всего славяне населяли территорию между Эльбой и Одером. Самым первым свидетельством о славянах под именем «венедов» признается сообщение Плиния Старшего I в. н.э.

В первые столетия нашей эры славяне расселялись к северу от границ Римской империи, в частности, в Северо-Западном Причерноморье и в карпатском ареале.

Главными занятиями славян в середине I тыс. н. э. были земледелие и скотоводство. Более быстрыми темпами развивались славянские племена, находившиеся в соприкосновении с позднеантичной средиземноморской цивилизацией – греческими причерноморскими городами, римскими провинциями Подунавья, тогда как хозяйство и быт славян северных и северо-восточных регионов отличались большей архаичностью: когда на юге у славян господствовало пашенное земледелие, на севере еще практиковались подсека и перелог.

Славяне верили в загробную жизнь, одухотворяли силы природы, поклонялись источникам и рощам. Был у славян и целый пантеон богов, каждый из которых покровительствовал различным сферам жизни или стихиям.

В результате роста населения и развития производства, усовершенствования военного дела, ставшем на рубеже древности и средневековья одним из важнейших источников получения добычи и средств к существованию, у славян возникло стремление сначала к набегам, а затем и к переселению в пределы Восточноримской (Византийской) империи. Большую роль в переселении славян на юг сыграло и то, что они были вовлечены в него другими этносами в период массового передвижения народов на заре средневековья, получившего название великого переселения народов.

Возможно, славяне появились в Подунавье еще накануне гуннского нашествия, а может быть, часть их была увлечена сюда в начале IV в. н. э., при продвижении гуннов из Восточной в Центральную Европу. Между 518–527 гг. был осуществлен первый набег антов на земли империи. Систематическими походы славян на владения империи становятся с начала правления Юстиниана I (527–565).

В VI в. к северу и северо-западу от Византии складывается сложный этнополитический конгломерат, включающий славян, романизированное местное население, а также тюркские военно-племенные объединения аваров, выдвинувшихся из Центральной Азии, и тюрко-болгар. Политическое господство на землях к северу от Дуная принадлежало Аварскому каганату, однако славяне в своих набегам и продвижении на юг действовали при этом относительно самостоятельно. «Болгарские» славяне совершали частые дальние походы на империю, достигая почти стен Константинополя.

Переломной оказалась середина столетия, в 550/51 г. славяне, совершив летом и осенью поход на империю, впервые остались зимовать в ее пределах.

К первой четверти VII в. относится окончательное оформление на полуострове 20–25 славиний (племенных союзов) славян, каждая из которых имела собственное название. Среди них была и славиния Семь родов, расселявшаяся в Мизии и Добрудже.

К середине VII в. славяне стали основным демографическим фактором на Балканах, особенно это касается рассматриваемых территорий северо-востока Балкан. Впрочем, на этой территории сохранялось и местное греческое и романизированное население, главным образом, в прибрежной полосе, в уцелевших городах с их сельской округой. Часть городов на западном побережье Черного моря видимо

сохранила автономию и связи с Константинополем ценой дани славянским вождям.

Хотя в связи с военной активностью славян и тюрков плотность местного населения во внутренних областях Балкан и упала, тем не менее, автохтоны вливались в состав начавшего формироваться нового славянского этноса и оказали существенное положительное влияние на его хозяйственную деятельность и культуру, способствовавшее значительному прогрессу в этих сферах.

Вероятно, к середине VII в. славиния Семь родов признала суверенитет Византийского императора. Они числились федератами империи, обязанными защищать дунайский рубеж. С переходом в конце VII в. массы тюрко-болгар через Дунай, складывается Болгарское государство и славяно-болгарская народность, в основу которой легли славянский или славянизированный элемент Восточных Балкан и пришлый кочевой компонент.

В новом этносе демографически и этнокультурно постепенно стал доминировать «местный», автохтонно-славянский компонент, часть же населения этого сложного конгломерата Северо-Восточной Болгарии не успела окончательно консолидироваться в единый славяно-болгарский этнос и новые волны кочевников привели к продолжению этногенетического процесса в регионе, результатом которого в дальнейшем стало сложение гагаузского этноса.

Гагаузы и сегодня проживают в Болгарии. Исследователь И. Градешлиев приводит список гагаузских сёл на 1918 год: Балчик, Гурково (Гявукуйосу), Гявур суютчук (Болгарево), Добрич, Каварна, Калайджидере (Твердица), Каракурт (Прииорци), Каралар (Дуранкулакская община (Нейково), Карлебейкьой (Преспа), Каябейкьой (Камен бряг), Куюкьой (Карвуна), Кьоллюк (Иречек), Михалбей (Божурец), Омурфакья (Желгарци), Раковски, Сареджа (Росица), Саремеще (Горун), Сательмыш (Езерец), Трубчулар (Орляк), Тюрк суютчук (Топола), Хамзалар (Храброво), Чаталлар (Батово), Чаушкьой (Ген. Кантарджиево), Шабла, Юзгюбенлик (Могилище), Язержилар (Пор. Чунчево), Ялеючорман (Горичани)⁵⁸. На Черноморском побережье проживают гагаузы также в городах Варна, Каварна, Добрич, Бургас. В других регионах Болгарии гагаузы проживают в городе Ямбол, в Елховском округе сёла: Голям Монастир, Каменна река, Синапово, Кирилово, в Ямбольском округе сёла: Крумово, Меден Кладенец, Ботево, Межда, Генерал Тошево и др.

Роль славяно-болгар в этнокультуре гагаузов переоценить сложно. Этническим ядром, вокруг которого впоследствии складывалась гагаузская народность, был славяно-тюрко-болгарский конгломерат. Впоследствии, проживая черезполосно на протяжении всей своей истории, гагаузы включили в свой состав значительные массы болгар (впрочем, как и болгары – гагаузов). Этот процесс генетического и культурного взаимодействия имел место, как на Балканах, так и в Бессарабии, где известно множество семей или значительных групп гагаузов, имеющих и славяно-болгарское корни.

Впрочем, переоценивать роль в этих процессах именно славян вряд ли верно, поскольку и они, особенно в Северо-Восточной Болгарии, включили в свой состав массу тюркского, а также местного – дако-фракийского, греческого, романизованного населения. Так что речь должна вестись скорее не о собственно славянском элементе в культуре гагаузов (хотя и он имеет место), а об общих этнических компо-

нентах, вошедших в состав обоих народов, формировавшихся в смежных ареалах, и при схожих обстоятельствах. Не верна и мысль о том, что «греческие» гагаузы – «чистые» турки, а «болгарские» гагаузы – перешедшие на турецкий язык славяне. Обе части этноса имеют единую этническую основу и речь может идти только о различном соотношении в них элементов различного происхождения.

Многочисленны гагаузские фамилии и уличные прозвища, в основе которых – этнонимические названия болгар или их этнографических групп: Болгар, Булгар, Тукан (гаг. тукан «болгарин», или – «название этнографической группы болгар, переселенцев из Северо-Восточной Болгарии»), Македон, Македонский (македонец – «македонец», «западный болгарин»), Шоп (шопы – одна из этнографических групп западных болгар).

Вместе с тем, этническая близость гагаузов и болгар, одновременно с их неидентичностью, привела к этническому соперничеству. Имея негативные стороны, эта межэтническая конкуренция, тем не менее, способствовала сохранению гагаузов как самостоятельного этноса, дала возможность в большой степени сберечь им свою самобытность и не ассимилироваться в славяно-болгарской массе, что в значительной степени произошло с гагаузами, оставшимися, после массовых переселений в Россию, в Болгарии.

Гагаузы Болгарии, конец XIX века

ЕВРАЗИЙСКИЙ СТЕПНОЙ КОМПОНЕНТ

Трудно найти народ на просторах Евразии, который бы не испытал более или менее значительного, чаще – весьма существенного – влияния со стороны тюрков в сфере языка и культуры в целом, исторические судьбы которых круто не менялись бы под воздействием всесторонней активности этих кочевников. При этом основным направлением движения тюрков стал запад.

Этнические корни тюркских народов – ядра того компонента гагаузского этноса, который восходит к мигрантам из евразийских степей – теряются в глубине веков в землях Центральной Азии и прилегающих к ней регионов.

Волны кочевников в своем движении сталкивались не только с местным нетюркским населением, но и со своими соотечественниками, дальними или близкими родственниками, выдвинувшимися на запад в предшествующие эпохи. В результате глобального процесса метисации, растянувшегося на многие столетия, между различными тюркскими группами, а также между тюрками и нетюрками возникли многие современные народы нашего континента, в том числе и гагаузы.

Достоверная документированная канва этнополитической истории тюркских

народов известна с конца III в. до н. э. В 209 г. до н. э. они зафиксированы в китайских источниках под именем хунну (сюнну).

Бурная этнополитическая история хуннов, центр державы которых находился на территории современной Западной Монголии, знавшая взлеты и падения, в конечном итоге привела к расколу этого объединения, возникновению на его обломках новых тюркских кочевых образований или подчинению части потомков хуннов другим, враждовавшим с ними народам.

Гунны и тюрко-болгары. Вероятно, от последней части и происходят европейские гунны, которые неожиданно появляются в Восточной Европе во второй половине IV в., сотрясая эти земли чередой ярких военных побед и завоеваний, и ложатся в основу первой волны тюркских народов, укоренившейся на этом континенте (впрочем, есть свидетельства, подвергаемые исследователями сомнению, и о более раннем проникновении тюркских народов на окраины Восточной Европы⁵⁹).

Местопребывание, тем более история хуннов-гуннов между Европой и Центральной Азией, на протяжении более 250 лет остаются, по сути, неизвестными⁶⁰. Большую часть времени пребывания «между Европой и Азией» занимает Приаралье, переселение в которое хуннов, по письменным свидетельствам, фиксируется и ранее – с 50-х гг. I века до н.э.

Язык европейских гуннов, единственным живым наследником которого является, по мнению большинства специалистов, чувашский, отличался большей, чем другие известные тюркские языки, близостью своего строя к языкам монгольским.

В Восточной Европе гуннское объединение в еще большей степени приобретает облик полиэтнического военно-политического объединения. Вероятно, это становится одной из причин того, что этническая принадлежность этого народа в науке до сих пор рождает горячие споры. Однако не вызывает сомнения, что ядро объединения гуннов составляли тюрки.

По сообщению Аммиана Марцеллина, около 370 г. гунны сломали сопротивление алан, занимавших своими кочевьями Прикаспийские степи до Дона, многих из них перебили, других присоединили к себе. После этого в 371 г. они внезапно врываются в обширные владения готского короля Германариха, охватывающие степи Приазовья и Причерноморья от Дона до Дуная и всю лесостепную полосу Украины.

При первых же ударах со стороны гуннов разноплеменный и непрочный союз во главе с готами в 376 г. распадается. Сам Германарих, не надеясь на успех в борьбе с гуннами, кончает жизнь самоубийством.

Овладев завоеванными степями Восточной Европы и обосновавшись в них, в конце IV в. гунны переносят центр своей военной активности к югу от Кавказа.

В 412 г. Византия направляет своих послов в степи Северного Причерноморья, где это время обитают гунны. С начала 430-х годов гунны во главе с Ругилой (Руей), вслед за аланами, ушедшими в Галлию, занимают Паннонию и начинают череду походов, направленных на страны Европы. В 445 г., после смерти Ругилы, устранив своего брата и соправителя – Бледу, единоличным вождем гуннов становится племянник Ругилы – знаменитый Атила (первый «болгарский хан», по «Именнику болгарских ханов», – Авитохол).

В степях Северного Причерноморья (Припонтийской Скифии) остается

подвластная гуннам орда акациров. Начавшиеся было здесь волнения, направленные против Аттилы, были жестоко подавлены, и во главе акациров в 448 г. был поставлен старший сын Аттилы – Эллак.

После смерти Аттилы в 454 г. гуннское объединение распалось. Против гуннов восстали подвластные им германские племена.

Денгизих еще раз один напал на готов, но опять потерпел поражение. В 468 г. гунны выразили желание вступить в союзные отношения с Византией и просили открыть дунайскую границу для их купцов. Однако их предложение не было принято. Тогда Денгизих начал войну с империей, но в 469 г. был убит. Ирник (второй «болгарский хан», по «Именнику болгарских ханов», – Ирнах), поглощенный междоусобной войной, не явился на помощь брату.

Незадолго перед этим в степях Восточной Европы появляются и другие, не известные до того, тюркские народы. В 463 г. к римлянам явилось посольство от сарагур, урогов и оногур, сообщившее, что они покинули свою страну, будучи изгнаны савирами, а эти последние, в свою очередь, были прогнаны аварами, бежавшими от некоего народа, обитающего на берегах океана. Это посольство сообщило также, что сарагуры покорили упоминавшихся выше акациров.

Немного позднее на страницах европейских хроник появляются и болгары (тюрко-болгары). Если не принимать во внимание несколько более ранних свидетельств об этом народе, которые многими исследователями считаются анахронизмами, болгары упоминаются в связи с борьбой Восточно-Римской империи с готами. Император Зенон (474–491 гг.) призвал против готов, напавших на Фракию, болгар, но последние были разбиты и готы

В степи Добруджи, нач. XX в.

смогли достичь самого Константинополя (481 г.). Имеются сведения и о столкновении болгар с другой группой готов, вероятно, в 487 г., которые также достигли Константинополя. Во время переселения готов в Италию в 488 г. болгары вновь выступили против них вместе с гепидами, в битве при р. Саве погиб болгарский вождь Бузан.

В конце V в. союзные отношения между болгарами и Византией были порваны. С этого времени болгары выступают в качестве опаснейших врагов империи, неоднократно вторгавшихся на Балканы. В 499 г. болгары вторглись и опустошили Фракию; византийское войско под начальством Ариста было разбито. В 502 г. болгары, не встречая сопротивления, дошли до Иллирика. В 504 г. болгары опять неудачно действуют против готов, захвативших у гепидов город Сирмий. В то же время болгары, вместе с другими варварами, в том числе – славянами, опустошают Балканский полуостров. Гунно-болгары участвовали также в восстании Виталиана в 514–515 гг.

Вторжения и даже поселения гунно-болгар и связанных с ними, появляющихся несколько позднее в источниках кутригуров и утигуров в пределы Балканского полуострова продолжались и позднее.

Соотношение между различными тюркскими кочевыми народами, появившимися в Европе вскоре после распада державы гуннов, так же как и их происхождение, остается невыясненным.

Вполне возможно также, что «гунны» было не самоназванием определенного народа, а именем правящей династии или клана, возглавившего поход на запад (тем более учитывая известность этого имени в Азии со времен Модэ). После разгрома гуннского союза племен, каждое родоплеменное объединение, входившее в степную конфедерацию, вновь стало выступать под собственным названием. Общим названием тюркского ядра гуннской конфедерации в этом случае, скорее всего, был этноним гуры, ~огуры (они же – огузы) – широко известный в разные исторические периоды и в разных районах Азии и Европы тюркский союз племен, поскольку данный этноним присутствует в названии едва ли не большинства народов, возникших на руинах гуннской державы: сарагуры, оногуры, кутригуры, утигуры.

С другой стороны, нельзя исключать, что некоторые тюркские объединения могли вновь возникать в Восточной Европе, а не сохраняться еще со времени пребывания на прародине. Так могли возникнуть названия оногуры – «десять гуров» – союз десяти племен (родов) гуров, возникший уже в степях Восточной Европы; кутригуры – кочевые гуры, в отличие от утигуров – оседлых, «сидящих» гуров и т. д.⁶¹

Этноним тех же болгар (булгар) может переводиться с тюркских языков, как «смешанный народ», из глагольной основы bul#947;a- «махать, перемешать, взбалтывать, болтать, размешивать» и существительного ag «мужчина, человек», а также – «люди, народ» (с помощью этого слова, присоединяющегося к определению, образовано множество тюркских этнонимов, в том числе и в гуннскую эпоху). Это название может говорить о том, что болгары возникли как смешанный, не единый в своей этнической основе народ, объединение из осколков различных родо-племенных групп, возникших при распаде гуннской конфедерации. О связях между гуннами и болгарам говорит не только синонимическое употребление названий этих народов в европейских источниках того времени, но и то, что будущие ханы болгар, как отмечалось, вели свою генеалогию от Аттилы и его сына⁶²46.

События IV–первой половины VII вв. показывают, что историографический миф об образовании славяно-болгарской народности, связывающий эти процессы, прежде всего, с деятельностью Аспаруха, и, таким образом, подчеркивающий более раннее появление в будущей Болгарии славян, не имеет под собой оснований. Если не в задунайских провинциях Восточно-Римской империи, то, по крайней мере, на ее окраинах, тюркские кочевники появляются в IV–начале V вв., уже в этот период они не могли не влиять на этническую картину в будущей прародине гагаузов. А с VI в., практически одновременно со славянами, начинается заселение бывшей Мизии и других провинций империи азиатскими номадами.

Весьма показательны в этой связи сообщения о событиях первой трети VI в., рисующие картину проникновения тюрков в Восточно-Римскую империю, их адаптацию в новой этнической среде. В 530 г. болгары под предводительством двух ханов

переправились через Дунай. Один из их отрядов, вторгшихся во Фракию, удалось разбить, зато другой наголову разгромил византийское войско. Магистр армии Иллирика, крещеный гунн Акум, попал при этом в плен и как изменник был уведен на родину. Но в том же году гепид Мунд, перешедший на службу Византии и назначенный военачальником Иллирика, разбил болгар, появившихся в этой провинции. Захваченных им пленных болгар показывали в Константинополе на ипподроме, а затем отослали в византийское войско в Армению и Лазику.

В 537 г. посланный в Мизию полководец Ситта разбил болгар на Ятре (Янтре), и в том же году Велизарий с федератами, состоявшими из гуннов (болгар), славян и антов, изгнал готов из Рима.

Кутригуры выговаривают себе право поселиться в 551 году в пределах византийских владений во Фракии, с обязательством защищать границу от вторжений других варваров.

Приведенное сообщение обрисовывает механизм включения тюркских кочевников в этническую среду Балканского полуострова. Важным фактором включения тюрков в этническую среду Византии было их крещение.

При этом отметим, что наиболее привлекательными для обеих сторон, – как для кочевников, так и для Византии – районами для поселения было Подунавье – беспоконное порубежье между Византией и воинственными «варварами».

Таким образом, византийско-славяно-тюркский синтез имеет гораздо более глубокие корни, и создание славяно-тюркского Болгарского государства во второй половине VII в. было подготовлено 250-летними связями и взаимопроникновением евразийской кочевой и оседлой европейской цивилизациями, одним из наследников этого синтеза и является гагаузский этнос. Показательно в этой связи то, что гунно-болгарский этнический компонент в этот период включался в состав населения не только Мизии и Византии, но и многих других регионов Европы. Между прочим, лангобардский король Альбоин в 569 г. привел собой в Италию из Паннонии вместе с другими народами и болгар, множество болгар находилось и в подданстве Аварского каганата, занимавшего, в частности, земли Среднего Подунавья.

Заключительным и наиболее известным актом тюрко-славянско-византийского синтеза явилось переселение болгар Аспаруха в Нижнее Подунавье, после разгрома Великой Болгарии в Приазовье другим тюркским народом – хазарами, и создание в 680/681 г. независимого Болгарского ханства на Балканах, во главе с тюркской династией дуло, возводившей свои корни к Аттиле, а через него, возможно, к династии хуннских шаньюев. Создание тюрко-славянского государства ускорило формирование нового славяно-болгарского народа, хотя можно предположить, что народ с подобными этническими качествами сложился бы на Балканах и без переселения орды Аспаруха, а также то, что Аспарух встретил в нарождающейся Болгарии и своих единоплеменников, значит, его движение на Балканы было не «слепым», а подготовленным массовым заселением на протяжении предыдущих веков этих земель не только славянами, что обычно подчеркивается в историографии, но и тюрками: гуннами, болгарями, аварами, кутригурами.

Подчинив местное население на территории современной Северо-Восточной Болгарии и Северной Добруджи, в частности, славянские племена «Семь родов» и

северов, Аспарух со своей ордой занял центральную, северо-восточную и восточную части территории вновь образованного государства, переселив северов на границу с Византией – у прохода между отрогами Балкан и Черным морем, а остальные Семь родов – на границу с аварами.

Нельзя не заметить, что места выхода гагаузов в Российскую империю, как и территория формирования этого этноса, практически совпадают с ареалом расселения на Балканах тюрко-болгар. Хотя этническая динамика, как будет видно далее, продолжается на северо-востоке Балкан и впоследствии, начало длительного процесса формирования гагаузского народа следует отнести ко времени не позднее конца VII в., когда на указанных территориях складывается устойчивый славяно-тюркский симбиоз и формируется ряд специфических этнических черт, сохраняющихся в культуре гагаузов до наших дней.

Смешанное тюрко-славянское население, сохранявшее в своей культуре как отдельные степные, кочевые, так и оседло-земледельческие элементы, несколько позднее (в конце IX–начале X вв.) заселяет и юг Пруто-Днестровского междуречья – южный Буджак. На этой территории в последние десятилетия выявлена так называемая балкано-дунайская культура, просуществовавшая здесь до конца X–начала XI вв., когда она была смята новой волной кочевников – печенегами⁶³.

Эта культура имеет земледельческо-скотоводческий характер. Элементы техники домостроительства балкано-дунайцев, а для них характерны жилища-полуземлянки с открытыми очагами либо постройки наземного типа из деревянного каркаса, переплетенного ветками и обмазанного глиной, с двускатной крышей, покрытой камышом или соломой, использование навесов⁶⁴, до недавнего времени сохранялись и у гагаузов. Одна из важных черт, связывающая с одной стороны салтово-маяцкую культуру тюрко-болгар с балкано-дунайской культурой, а с другой, – балкано-дунайскую – с культурой гагаузов, – наличие больших поселений с многочисленным населением на берегах рек. Обряд захоронения балкано-дунайцев – труположение головой на запад без вещей – практически такой же, как и у современных гагаузов. Преемственность подчеркивается и антропологическим типом тюрко-болгар («зливкинцы» – умеренно брахикранные европеиды с налетом монголоидности), близких к ним в этом отношении балкано-дунайцев⁶⁵ и современных гагаузов. Следовательно, в ареал начального этапа формирования гагаузского этноса частично входила и территория современного расселения этого народа.

Таким образом, по сути, славяно-болгары и гагаузы имеют общие корни этногенеза, а образование гагаузской народности обязано новым вторжениям тюрков-кочевников, приведшим к ретюркизации уже значительно ассимилировавшихся к тому времени в славянской среде тюрко-болгар, и открывшим новый путь этногенетического процесса на Балканах.

Печенеги и огузы. Если ряд этнических черт нарождающегося гагаузского этноса сформировался еще в период славяно-тюркского дуализма в Болгарском ханстве (этническая территория, тип хозяйства – пашенное земледелие, с большой ролью в экономике элементов трансформировавшегося кочевого скотоводства, в частности, отгонного овцеводства, основные черты материальной культуры), то решающую роль в сложении современного гагаузского языка сыграли новые волны кочевников – печенеги и огузы, оказавшиеся на Балканах в начале II тыс. н.э.

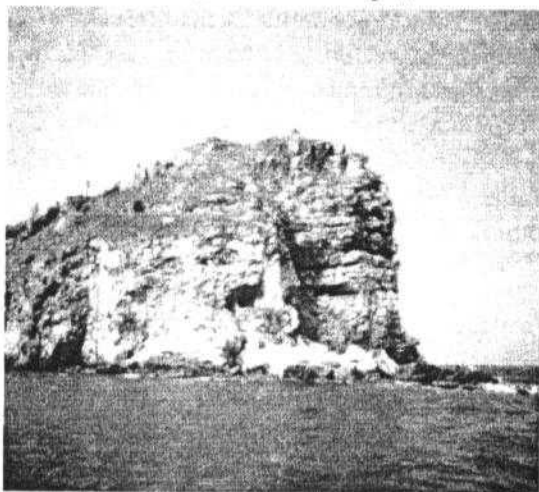
Печенежские и огузские племена Восточной Европы вышли из этнической среды новой мощной центральноазиатской империи – Тюркского каганата, возникшего в середине VI в.

Тюрки стремительно продвигаются на запад.

Предполагается, что после разгрома около 840 г. Уйгурского каганата енисейскими кыргызами, огузы Приаралья значительно усиливаются, инкорпорировав в свою среду массу кочевников, бежавших на запад из разгромленного государства⁶⁶.

В 893–898 гг. огузы в союзе с хазарами вновь разбивают печенегов и вынуждают значительную их часть уйти в степи Северного Причерноморья, покинутые венграми, «обретшими» родину в сердце Европы, на месте бывшей державы гуннов и Аварского каганата. Другая часть печенегов вливается в состав победившего их народа.

К 915 г. относится первое упоминание о печенегах в древнерусских летописях. В начале X в. эти новые тюркские пришельцы из Азии занимают территории от Волги (или Дона) до Дуная, становясь непосредственными соседями Болгарского ханства. На этой территории печенегам удается удержаться чуть более 100 лет. Отсюда они совершали набеги на Болгарию. Однако новый натиск огузов с востока заставляет печенегов в 1034 г. сделать отчаянную попытку захватить Киев, а после неудачного исхода этого предприятия, – уйти в низовья Днепра и Дуная.

*Мыс Калиакра. Добруджанское побережье
Черного моря*

Междоусобная борьба внутри самого печенежского объединения приводит к тому, что два улуса из тринадцати – Белемарниды и Пагуманиды во главе с выдвинувшимся предводителем Кегеном около 1048 г. подкочевывают к границам Византии близ Дерстра (Силистрии) и переходят в подданство империи.

Впрочем, основная масса печенегов недолго задержалась в Западной Болгарии. Вскоре они восстали против императора и ушли на более удобную для кочевания и менее подконтрольную Византии территорию Северо-Восточной Болгарии.

Туземцы называли эту местность «Сто Холмов», и она, по мнению одних специалистов, охватывала территорию между современными Шуменом, Варной и Балканским хребтом, а по утверждению других – современную Добруджу⁶⁷. По данным К. Иречка, печенеги расселились на реке Осым, в местности «Сто Холмов» в Добрудже, в старой болгарской столице Великий Преслав при Шумене.

Избрав базой Северо-Восточную Болгарию, печенеги вскоре выходят из подчинения Византии и вновь начинают череду нападений за Балканы, во Фракию. Только в 1059 г. власть Византии в ее северных провинциях была восстановлена. Но уже в сентябре 1064 г. на Дунае появляются новые полчища кочевников, на этот раз извечных врагов печенегов – узов (огузов, древнерусское – торки, от слова тюрк).

Как сообщают византийские источники, это был не просто набег, а настоящее массовое переселение; «целое племя, в числе 600.000, со всем своим имуществом и скарбом, толпилось на левом берегу реки»⁶⁸. Все усилия воспрепятствовать их переправе были напрасны. Перейдя на правый берег Дуная, и разбив силы, пытавшиеся их удержать, огузы наводняют Болгарию, доходя до Греции и самого Константинополя.

Однако вскоре они разделяют судьбу печенегов Тираха; вследствие невоздержанности и последовавших повальных болезней и голода огузы были побеждены без оружия. Оставшаяся, вероятно, довольно значительная их часть, поступила на службу к византийскому императору, получив в надел казенные земли в Македонии. В греческой армии появляются отряды огузов, при дворе в высоких званиях встречаются имена, принадлежащие этому народу, соединяемые и смешиваемые с печенегами под общим названием скифов⁶⁹. Многие из огузов поселяются в Южной Добрудже⁷⁰, усиливая издавна присутствующий здесь тюркский компонент. Таким образом, это территория – колыбелью гагаузского народа⁷¹. По словам византийского историка, «здесь можно было встретить людей всякого языка»⁷². Подобная характеристика населения этого региона имеется, как будет видно ниже, и в источнике, характеризующем данный вопрос, и через 500 лет, что является важным ключом для понимания этногенеза гагаузов.

В 1079 г. в ходе борьбы нескольких претендентов на византийский престол, в которой самое активное участие принимали и печенеги, на Балканах впервые появляются кыпчаки (куманы, половцы), перед этим овладевшие степями Северного Причерноморья и Приазовья. Им суждено будет вскоре сыграть решающую роль в разгроме печенегов.

В решающем сражении 29 апреля 1091 г. при Левунионе немногочисленные византийцы, вместе с кыпчакской ордой, возглавляемой известными в русской истории Боняком и Тугорканом, сумели сломить сопротивление огромной массы печенегов. Во второй половине дня сражение переросло в ужасную, «беспощадную и невиданную» резню печенегов. «Здесь можно было видеть новое зрелище, как целый народ, считавшийся не десятками тысяч, превышавший всякое число, с женами и детьми погиб в один день», – сообщают источники. Как пелось в сложенной по этому поводу в Константинополе песне, «из-за одного дня скифы не увидели мая»⁷³.

Впрочем, печенеги, конечно же, не были полностью истреблены в этом сражении. Их часть, уцелевшая в греческом лагере, была поселена императором Алексеем на восток от реки Вардар в Могленской области. В дальнейшем они появляются в рядах византийской армии, составляя в ней особый род войска. Часть печенегов, скорее всего, осталась на прежних местах обитания в Болгарии, так как весь многочисленный народ вряд ли мог стянуться к злополучному для них Левуниону. Под 1123 г. упоминается расселение печенегов в разных местах Болгарии в качестве военного населения.

Память о печенегах сохранилась и в топонимии Болгарии, в которой К. Иречек обнаружил село Печеняга (тур. Печеник) – на правом берегу нижнего Дуная между Хырсово и холмами Мачина, здесь же имеются остров и поток с теми же названиями. То, что эти названия имеют древнее происхождение, доказывается упоминанием села уже в 1714 г.⁷⁴

Огромное число, неоднократно упоминаемое при описании многих событий, и та роль, которую играли печенеги около полувека в истории Балкан, даже после переселения за Дунай огузов, заставляет предположить, что вклад этого народа в этногенез гагаузов, по крайней мере, не менее весом, чем вклад огузов.

Возведение гагаузов исключительно или преимущественно к огузским племенам, что часто имеет место в историографии, связано лишь с созвучием между именами двух народов – средневекового и современного. Но такая этимологическая связь, даже если она имеет под собой основания, как широко известно в этнологии, ничего не говорит о происхождении народа. Многие народы часто получали имена, некогда принадлежавшие другим народам, одно и то же название, например татары, могло в разные исторические периоды закрепляться за разными, порой даже, не связанными друг с другом генетически общностями.

Никаких других аргументов в пользу более значительной роли в формировании гагаузов именно огузов нет. Правда, язык гагаузов относится к огузской ветви тюркских языков, но и исчезнувший язык печенегов, судя по тем немногочисленным словам из него, которые сохранила история, также был языком огузского строя⁷⁵, достаточно близким к языку собственно огузов. Более того, Махмуд Кашгари и Рашид ад-дин указывали на принадлежность печенегов к племенному объединению огузов. Значительные массы печенегов вошли в состав победивших их огузов еще в Приаралье, о чем красноречиво сообщают нам источники⁷⁶. Поэтому данный этап в этногенезе и этот важный компонент в составе гагаузского этноса, исходя из имеющихся на сегодняшний день данных, следует определять как огузо-печенежский.

Кыпчаки. После разгрома печенегов при Левунионе решающей тюркской кочевой силой на Балканах становятся кыпчаки, появившиеся здесь впервые в 1079 г. и называвшиеся в Византии, вероятно, по имени одного из их многочисленных племен или одной из их ветвей куманами.

Первоначально кыпчаки, связанные с кимакским объединением племен, входили в Западно-Тюркский каганат. После падения в 656 г. этой державы оформляется ядро кимакского племенного объединения.

Начиная с 1070-х годов кыпчаки начинают играть важную роль и в делах Балканского полуострова. Кроме вышеупомянутых событий, далеко не полная хронология их набегов на Балканы, участие в военных компаниях в поддержку или против Византии включает 1095, 1114, 1148, 1155, 1159, 1160 годы. В 1186 г. союзные и наемные куманские (кыпчакские) части в болгарской армии участвуют в освобождении Болгарии от византийского господства, в результате чего возникает II Болгарское царство во главе с куманской династией.

Пока остается невыясненным, сопровождался ли этот набег переселением кыпчаков за Дунай, их оседанием на территории Болгарии или нет. По мнению одних специалистов, «массовое участие куманских союзных отрядов и наемников в болгарских войсках при первых Асеневцах создавало условия для заселения отдельных военизированных групп, а некоторые руководители куманского происхождения заняли ответственные посты в государстве (например, Манастра, Цузмен и др.). При всем этом мы не располагаем прямыми сведениями о массовых миграциях и оседании куманов в Болгарии»⁷⁷.

Другие отмечают, что в течение 1148–1186 гг. «значительное число куманов поселяется в Добрудже»⁷⁸, при этом, «куманский элемент там настолько усилился, что немалую роль начал играть позднее в политической жизни болгар, особенно после прекращения Асеновой династии. Только благодаря более высокой болгарской культуре и несомненной подавляющей мощи болгар, куманы не смогли стать господствующим народом в Северо-Восточной Болгарии»⁷⁹.

Среди, или, скорее, во главе переселившихся и осевших в Болгарии куманов, вероятно, был и отец основателя новой куманской династии на болгарском престоле – Тертеровцев (1280–1323 гг.) – Георгия I Тертера, возможный брат, сын или племянник убитого Котяна, или, по крайней мере, человек из верхушки рода Тертероба.

Таким образом, не вызывает сомнений тот факт, что куманский (кыпчакский) элемент вошел в состав как славяно-болгар и других народов Балкано-Дунайского региона (венгров, сербов, румын и др.), так и формирующегося гагаузского народа.

Оценить его долю в составе гагаузского этноса, как и в предыдущих случаях, оказывается весьма проблематичным. Высказывались мнения и о необходимости признания гагаузов прямыми предками куманов, переселившихся на Балканы, и отрицающие какую-либо их роль в сложении этого народа. Единственным надежным источником, позволяющим пролить свет на проблему, является достаточно хорошо документированный язык средневековых кыпчаков. Этот язык, несмотря на довольно большую близость всех тюркских языков между собой, существенно отличается от тюркских языков огузского строя, к которым принадлежит и язык гагаузов.

Вероятно, прежде всего, о кыпчакском присутствии говорит и небольшая монголоидная примесь, имеющаяся в антропологическом облике гагаузов, поскольку более ранние тюркские переселенцы – тюрко-болгары, печенеги и огузы в целом были носителями довольно выраженного европеоидного комплекса, и лишь с приходом в степи Восточной Европы кыпчаков у кочевников начинает преобладать монголоидный компонент (хотя и среди кыпчаков было достаточно много представителей европеоидной расы, видимо, потомков влившихся в их состав здесь более ранних тюркских насельников края).

Следовательно, диагностика на уровне имеющихся на сегодняшний день знаний говорит о возможности и даже вероятности присутствия кыпчакского субстрата в гагаузском этносе, однако оценить его относительный вес оказывается весьма проблематичным. Можно указать лишь на опасность преувеличения роли кыпчаков в этногенезе гагаузов.

В целом же, подводя итоги краткому рассмотрению северно-тюркских компонентов, принявших участие в формировании гагаузов, и более чем через полвека можно повторить сказанное в свое время профессором П. Мутафчиевым: «Современное состояние научных исследований, однако, не позволяет утверждать, что гагаузы... являются потомками того или другого из этих северно-тюркских племен»⁸⁰.

С эпохи переселения на Балканы и инкорпорации в состав местного населения кыпчаков фактически заканчивается эпоха «встречи» всех тех основных этнических групп, из которых и составил гагаузский народ. С этого момента важнейшей чертой этногенетического процесса на северо-востоке Балкан становится внутренняя интеграция всех тех этнических групп, которые попадают в общую географическую,

демографическую и историческую среду. И хотя до окончательной кристаллизации гагаузского этноса пройдет еще достаточно много времени, вероятно, примерно с середины XIII в. можно говорить о переходе этногенетического процесса из стадии собственно этногенеза в стадию этнической истории, если придерживаться разграничения этих довольно условных понятий.

III. ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

По-видимому, можно согласиться с мнением ряда исследователей, утверждающих, что значительную роль в процессе консолидации формирующейся гагаузской народности сыграла Добруджанская деспотия, государство, возникшее на территории расселения предков гагаузов на северо-востоке Балканского полуострова, в результате распада II Болгарского царства на «три Болгарии».

Несмотря на непродолжительное время существования этого государственного объединения (вторая половина XIV в., до завоевания территории Болгарии османами), турки входили не только в его политическую верхушку, а княжеская династия Добруджи представлена правителями предположительно куманского происхождения: Баликом, Федором, Добротицей и Иванко⁸¹. О вероятной этноконсолидирующей роли этого государства в процессе формирования гагаузов может говорить сохранение названия этой исторической области до настоящего времени, возникшего, по всей видимости, от имени одного из князей – Добротицы, от названия которого произошло одно из позднейших этнических наименований гагаузов – добруджанцы.

Эпоха, последовавшая за османским завоеванием и до переселения в Бессарабию, остается белым пятном в этнической истории гагаузов. Отсутствуют исследования, не только освещающие этническую историю гагаузов, но и обобщающие работы, в которых реконструировался бы этнодемографический процесс на северо-востоке Балкан. Большую сложность в исследовании исторических судеб гагаузов представляет и отсутствие их упоминаний под этим именем в источниках османского периода.

Одним из источников середины XVII в. является сообщение турецкого путешественника Эвлии Челяби, посетившего Добруджу и Делиорман – территории, на которых позднее фиксируются гагаузы⁸². «После того, как Баязид Илдырым овладел этой страной у болгар, влахов и молдаван, он заселил здесь татарских и анатолийских

Гагаузы села Бешалма.
Бессарабия, конец XIX в.

воинов. От смешения воинов с влахами произошли читаки, которые между собой употребляют особый диалект. Никто не может разобрать их языка...

Подобных слов они употребляют много, и только они их понимают. При всем том, *читаки* пользуются и общераспространенными словами. *Добруджанцы* и *делиорманцы* – отдельные племена, но – смелые и храбрые богатыри...

...*добруджанские племена*; они – *читаки*, произошедшие от смешения татар, болгар, влахов и молдаван... Матери их были болгарки, влахини и молдаванки, и от их смешения произошло *читакское племя*... Рая этого города (Добрича – Ш. А.) называется «*добричскими читаками*»⁸³.

Таким образом, рисуемая картина указывает на пестрый по своему происхождению этнический состав той территории, на которой спустя два столетия застаем гагаузов⁸⁴.

Имеющиеся сведения о языке читаков должны стать предметом специального анализа, который может пролить свет на его соотношение с гагаузским и другими языками. Следует иметь в виду искажения в передаче, которые мог допустить Челеби, а также вероятную значительную дальнейшую трансформацию этого языка в условиях, прежде всего, турецкого языкового окружения и всестороннего влияния со стороны последнего в условиях Османской империи. Можно отметить в качестве сравнения значительную разницу между языком современных гагаузов Молдовы и тех гагаузов, которые остались на прародине, возникшую за последние два века⁸⁵.

Гагаузы села Етулия. Бессарабия, конец XIX в.

Необходимо подчеркнуть, что наименование «*читаки*» известно в некоторых гагаузских сёлах, хотя используется, но носит оскорбительный и уничижительный характер⁸⁶. Сами гагаузы себя читаками не именуют.

Аналогичная ситуация и с термином «*гаджял*». Попытки некоторых учёных определить термином «*гаджял*» одну из субэтнических групп гагаузов не имеют под собой оснований⁸⁷. В работе «*Турецкие племена на Балканском полуострове*», описывая посещение в 1903 году турок-гаджял в селе Памукче, недалеко от города Ени Пазар. В.А.Мошков определил «*гаджял*» как часть турецко-мусульманского населения. Что касается гагаузов Делиормана, проживавших в соседстве с турками-гаджялами, то о них Мошков пишет: «Поселения гагаузов представляются как бы небольшими островами среди сплошного турецкого населения... Сравнительно редко группируются гагаузские сёла по 2-3 в одном месте, чаще всего они заброшены в одиночку среди сплошного турецкого населения, а некоторые из них даже имеют смешанное население из гагаузов и турок. Поэтому, если при таких условиях гагаузы уцелели как отдельная национальность в течение нескольких веков, то только благо-

даря своему христианскому фанатизму. Что же касается языка, то сохранить его при вышеописанных условиях в чистоте, конечно, не было никакой возможности. А так как немыслимо допустить, чтобы турецкое большинство могло заимствовать свой язык от маленькой горсточки гагаузов, то приходится принять обратное: что язык бешалманских гагаузов есть собственно язык гаджялов. Заимствованный гагаузами и принесённый ими в Бессарабию во всей его чистоте»⁸⁸.

Начало массовому переселению гагаузов на север от своей этнической территории связано с событиями русско-турецкой войны 1769–1774 гг. и ее результатами. А именно – с поражением Османской империи и ее союзника – Крымского ханства, от России. В ходе войны, в конце 1770 г. графу Панину, осаждавшему Бендеры, удается вывести значительную группу ногайцев из подчинения Крыму и Турции и переселить их на территорию Российской империи⁸⁹. Освободившиеся от населения самые северные земли Буджакской орды – на границе степи и лесостепи – захватываются молдавскими боярами и присоединяются к территории Молдавского княжества. Бояре, в частности, один из наиболее богатых из них – Егор Бальш, дабы заселить приобретенную им территорию земледельческим населением, приглашает гагаузов, обитавших до этого в Добрудже, а, возможно, и в других запрутских районах Молдовы. Таким образом, значительная группа гагаузов оказывается к северу от современной территории поселения уже в начале 1770-х годов.

Известно несколько поселений на молдавских помещичьих землях, в самой северной части Буджака, к северо-востоку от Леова, образованных в 1770-х годах, жители которых позднее перешли южнее и основали вторичные колонии на казенных землях. Однако определенно сказать, из каких первоначальных поселений гагаузы перешли на современное место жительства – затруднительно. Более или менее вероятно следующее: жители гагаузского села Авдарма – переселенцы из с. Орак⁹⁰, где они жили на землях молдавского помещика Егора Бальша⁹¹; Бешгиоз (другое старое название – Копкуй) – выходцы из с. Купкуй, принадлежавшего тому же помещику⁹²; Чадыр-Лунга (гаг. Чадыр) – «...перешли из селения бессарабского помещика Бальша»⁹³; Чадыр⁹⁴ (по данным другого источника, из Чадыра в Хаджи-Лунги перешло 18 семей задунайских переселенцев⁹⁵); Томай – «...перешли из селения Томай, принадлежащего бессарабскому помещику Бальшу»⁹⁶.

Считаем целесообразным привести выдержки из двух достоверных свидетельств об обстоятельствах переселений нескольких групп гагаузов, записанных со слов очевидцев этих процессов Дмитрием и Михаилом Чакиром. «Род фамилии Чакир... восходит к первой половине семнадцатого века, – пишет Дмитрий Чакир. – Родина ея Болгария, деревня Шапла (Шабла. – Ш. А.) Шапланского округа (каза Шапла)... родоначальник фамилии Чакир – по имени «Янчу» (Иван), а по фамилии Чорбаджиогло...

...около 1770 года, явились «кырджалие»... которые немилосердно опустошали селения и убивали людей с целью грабежа.

...Такой же, более чем печальной, участи, подвергся и дом родоначальника нашего, Янчу Чорбаджиогло; имущество его разграбили, а с него самого содрали, будучи живым, кожу, отчего в страшных мучениях он скончался. Сыновья Янчу Чорбаджиогло, Димитрий и Желез, чтобы избежать участи своего отца, принуждены были

оставить свои дома, имущество, родной очаг и милую родину, перейти через Дунай в Молдавию и поселиться около г. Плоешты. В каком году совершилось это переселение, нельзя с достоверностью указать...

Наконец, в 1790 году, по приглашению богатейшего молдавского боярина Бальша, братья Чакировы, со всеми своими семействами и имуществом, вместе с другими переселенцами-болгарами, пришедшими из Турции, в числе 25 семейств перешли и поселились на земле этого боярина на особых условиях, в селении Чадыр, которое уже заселено 20 лет тому назад более 25 семействами, тоже болгарами православного вероисповедания, известными под именем «гагаузов». Урочище Чадыр ныне находится в Измаильском уезде, недалеко от реки Прута...

Вскоре после этого все жители Чадыра под предводительством своего священника о. Захария Чакира, после пасхальных праздников, в 1819 году, со всем движимым имуществом... переселились на новое место, в с. Чадыр-Лунгу⁹⁷.

Михаил Чакир пишет: «Из молдавских бояр самым видным был и больше всего помогал гагаузам боярин Балуш (Балш)... Поскольку он имел многочисленные имения, земли и нуждался в рабочей силе, в крестьянах, он с правого берега Дуная переселил две группы гагаузов в Молдавию, в Бессарабию, в губернию Лапушна, и здесь на землях Балуша гагаузы (в 1770 г.) создали две колонии, два села: Чадыр и Орак, где построили две церкви. Балуш переселил несколько групп гагаузов на другие свои земли вдоль реки Сирет. Здесь гагаузы работали, жили около 50 лет. Когда же из Буджака ушли татары, тогда гагаузы из Чадыра переселились в Буджак в 1818 г., где создали новую колонию Чадыр-Лунга. Оракские гагаузы в 1820 году покинули имение Балуша Орак, переместились в Буджак и создали новую колонию Авдарма, где живут по настоящее время. Когда гагаузы ушли из старого Чадыра и орака, на их месте поселились молдаване. По примеру Балуша поступали и другие бояре, которые принимали гагаузов для поселения в своих имениях, находящихся на берегах Дуная»⁹⁸.

По другому источнику, датирующемуся 1817 г. («Список задунайских переселенцев, самовольно перешедших со всем своим имуществом из Кодрского в Измаильский и Бендерский цынуты»), в этот период из владельческого селения Менжира в селение Дезгинджа перешло 24 семейства, из Чадыра – в Хаджи-Лунги 18 семей, из Орака на Вале-Пержулуй – 16 семей, из Копкуя – в Дизгинджа 28 семей, из Капаклии – в Киржеу – 29 семей, из Томая на Вале-Камурат (вале – из молд. «долина») – 29 семей, из Джути[бы] на Вале-Томай – 6 семей, из Бараган в Бабеле – 2 семьи и из Ескикиоя в Китай, «будучи оно селение из 9 жителей со священником», 5 семей⁹⁹. Еще в одном источнике отмечается переселение из Чадыра, Менжира и Орака – в селения Сака и Валя-Пержулуй¹⁰⁰. Вообще, в документах, касающихся переселения задунайских колонистов с помещичьих на казенные земли, чаще всего упоминаются поселения Чадыр, Менжир, Орак и Томай, встречается также, кроме всех упоминавшихся, наименование Баурчи Гречанского цынута¹⁰¹.

Таким образом, к помещичьим селам Орак, Купкуй, Чадыр, Томай и Менжир (Минжир), о которых пишет И. В. Дрон, следует добавить еще легко локализуемые Капаклию, Бараган (Борогань, по карте Бауэра, – Borgan [Борган])¹⁰² – на юге от нынешнего села, расположенного к северо-западу от Комрата), Баурчи (где-то на

западе от современной Гагаузии, где на участке Икисаат упоминается селение Татар Баурчи, в котором жили “болгары”¹⁰³), а также нелокализованные Джути[бы] и Ескикой, не считая ряда других помещичьих сел, где продолжали жить в 1816–1818 гг. задунайские переселенцы¹⁰⁴, дальнейшая судьба которых остается неизвестной.

Также можно уточнить, что гагаузское село Дезгинджа основано переселенцами из Менжира и Копкуя, из Орака переселились не только в Авдарму (если эти сведения верны), но и, вероятно, на место современного села Валя-Пержей. О последнем известно, что оно основано в 1808 г. молдаванами. В 1816 г. здесь поселилось небольшое количество “болгар”¹⁰⁵ (вероятнее всего – гагаузов¹⁰⁶), а уже в 1830 г. поселяется большая группа болгар, вышедших из прародины и составляющих с этого времени основную долю в населении села. Кроме жителей Орака, в Валя-Пержей (Валя-Пержулуй) и некое селение Саку, вероятно, позднее заброшенное, переселялись жители из Чадыра и Менжира. Из владельческого Томая переселяются не только в современный Томай, но, вероятно, и в Комрат (Вале-Камурат), а в современный Томай (Вале-Томай) не только из владельческого Томая, но и из Джути[бы].

Происхождение других гагаузских сел из первоначальных поселений на молдавских владельческих территориях носит сугубо предположительный характер. Так, по поводу гагаузского села Гайдар, И. В. Дрон пишет: “нам думается, что название Гайдар было образовано именно на юге Бессарабии и что оно перенесено гагаузами не из Болгарии, а с владельческих земель. Гайдарские гагаузы могли проживать в первый период после переселения в Бессарабию в одном из населенных пунктов под названием Гайдар на территории владельческих земель. Позже, перебравшись на казенные земли в Буджак, они основали новое поселение, дав ему название, созвучное предыдущему. Населенные пункты под названием Гайдар были известны в конце XVIII – начале XIX в., в 30–50 км севернее современного гагаузского с. Гайдар”¹⁰⁷.

Если ориентироваться на карту Бауэра, то, действительно, в районе современного гагаузского села такое название не фигурирует, но близкое к нему – Хайдар Шуи (? – Chaidar Shui) отмечено, по нашей локализации, в южной части совр. с. Сэрата-Ноуэ¹⁰⁸, соседнего с, вероятно, бывшим владельческим селом Купкуй (см. выше).

Казаяклия – на карте Ф. Г. Бауэра на современном месте не указана, но населенный пункт с идентичным названием – Казаяклы – зафиксирован на р. Сарата, близ совр. с. Кызлар Леовского района¹⁰⁹. Действительно, поселение AdaklŸ KasajaklŸ (Адаклы-Казаяклы), по карте Бауэра, в нашей локализации, располагалось на северной окраине совр. с. Сэрэть.

Можно также предположить, что гагаузское село Чок-Майдан, имевшее также второе название Карлык, по происхождению связано с поселением KarlŸku (Карлыку), по карте Бауэра, локализующееся на северной окраине совр. с. Вознесень Леовского района, то есть в том же районе, что и другие бывшие гагаузские села на владельческих землях.

Косвенным подтверждением таких обстоятельств образования вышеуказанных гагаузских сел является тот факт, что по российской переписи большинство их жителей являлось “старыми болгарами”. Так, в Лунге (Чадыр-Лунге) из 122 семей 119 относилось именно к этой категории, в Гайдарах – все наличествующие 44 семьи, в Томая – 95 семей “старых” и 4 семьи “новых” переселенцев, в Авдарме – все 29 семей,

в Бешгезе – 39 “старых” и 7 “новых” семей, в Баурчи 30 семей “старых” и 57 семей “новых” “болгар”, в Комрате 52 семьи “старых” и 54 семьи “новых”, в Дезгинджа 115 семей “старых” и 14 семей “новых болгар”. Исключение составляют лишь Чок-Майдан, в котором было 12 семей “старых болгар” и 10 семей “новых болгар”, и Каза-яклия, где на 33 семьи “старых болгар” приходилось 67 семей “новых болгар”.

На этот же момент в Копкуе (откуда, вероятно, образовывался Бешгез) еще оставалось 60 семей “старых болгар”, в “старом” Томае – 8, в Минжире – 10, Орак-Мурзе – 10 таких семей¹¹⁰, которые, вероятно, к этому времени еще не успели выселиться. Впрочем, по имеющимся в нашем распоряжении источникам, проследить их дальнейшую судьбу не удастся, логически маловероятно, что они остались на помещичьих землях, а позднее ассимилировались в среде молдаван, но и доказательств обратного, во всяком случае, пока, нет.

На владельческих землях, хотя и неизвестно на каком участке, и у какого помещика, размещались до основания села на современном месте в 1821–1822 гг., и предки жителей современного гагаузского села Дмитровка¹¹¹ (что в Болградском районе Одесской области Украины).

Отметим также другие села, с преобладающим или значительным по численности “старым” населением, первоначально связанным либо с помещичьими землями, либо с участками Икисаат и Мусаит. Это – гагаузские поселения Кирсов (40 семей “старых” и 27 семей “новых”), в который позднее заселилась значительная группа болгар, и Кириет (совр. Кириет-Лунга) – 76 семей “старых” и 4 семьи “новых”.

Таким образом, можно утверждать, что первое массовое переселение в Бессарабию было осуществлено в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. значительной группы гагаузов, разместившихся на владельческих землях на северо-западной окраине Буджака, позднее перешедших на казенные земли Российской империи, на территории современной Гагаузии.

Судя по всему, переселение гагаузов в различные места Буджака продолжилось и в ходе и после русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Так, один из источников того времени прямо указывает на то, что “старые болгары” – “перешедшие в первую с турками войну (то есть в войну 1768–1774 гг. – Ш.А.) и после одной (курсив мой. – Ш.А.)”. Можно предположить, что переселенцы 1787–1791 гг. составили ту часть “старых болгар”, которые осели на участках Икисаат и Мусаит, и “вблизи крепостей”, а позднее, как и более ранние переселенцы, они перешли на казенные земли. Впрочем, без дополнительных данных это остается только предположением.

Наконец, последнее массовое переселение гагаузов в Россию имело место в ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Важно отметить, что если более ранние переселенцы преимущественно были носителями центрального (комратско-чадырского) диалекта, то есть относились, по всей видимости, к «болгарским» гагаузам, то переселенцы 1806–1812 гг., занявшие, в основном, южную часть территории компактного расселения гагаузов в Буджаке, являются носителями южного (вулканештского) диалекта и, следовательно, – потомки «настоящих», «греческих» или приморских гагаузов.

«Молдавские» же гагаузы, проживая на протяжении не менее 40–50 лет «на владельческих землях» в окружении этого восточнороманского этноса, вобрали в

себя соответствующий этнический компонент, что нашло отражение в культуре, языке, в том числе и в антропонимии данной группы гагаузов.

В продолжение последних двух столетий у гагаузов продолжались достаточно интенсивные этнические процессы. Наиболее тесное взаимодействие имело место между гагаузами и другими представителями «задунайских» колонистов: молдаванами, албанцами и, прежде всего, наиболее многочисленными среди них болгарами, с которыми гагаузы имели одинаковый социальный статус, что способствовало, в частности, межэтническим бракам.

Впрочем, и для гагаузов, и для болгар характерна общинная, внутрисельская эндогамия, подавляющее большинство браков даже сейчас, а тем более в прошлом, заключалось лишь между живущими в одном поселении. Известны факты этнической сегрегации даже в одном населенном пункте, при которой гагаузы и болгары занимали отдельные части села (махалы) и избегали межэтнических браков. Наиболее известные случаи такой этнической сегрегации имели место в Кубее (совр. Червоноармейское Болградского р-на Одесской области Украины)¹¹² и Кирсово¹¹³.

С другой стороны, известны достаточно многочисленные случаи этнической ассимиляции в Буджаке гагаузов болгарами, как и противоположный процесс, что обычно происходило при значительном преобладании в определенном населенном пункте одного из этих этносов. Так, гагаузские кварталы в прошлом имелись в селах Ташбунар (Каменка), Кальчево, в дальнейшем все представители этого народа в этих населенных пунктах были ассимилированы. Есть данные об ассимиляции гагаузов в среде болгар Табак, Зализничного (Болгарии), Голицы, Новых Троян, Каланчака (Дермендере). С другой стороны, в 1907 г. в Комрате зафиксировано 6200 (около 66 %) гагаузов и 3100 болгар (около 33 %), а в 1989 г. уже 68 % гагаузов и 4,3 % болгар¹¹⁴, в Бешалме за данный период доля гагаузов увеличилась с 67 % до 97,3 %, а болгар уменьшилась с 33 % до 0,5 %, в Казаклии доля болгар уменьшилась с 6,6 % до 0,9 %. В селе Виноградовка в настоящее время проживает 2600 гагаузов и 1400 болгар. В результате очень большого число смешанных браков подавляющее количество болгар восприняли гагаузское самосознание, а языком общения стал гагаузский. Молдаване в значительном числе ассимилировались в гагаузских селах Бешгиоз (где их доля упала с 21,4 % до 0,8 %), Кириет-Лунга, Димитровка.

Таким образом, перераспределение населения между гагаузскими и болгарскими селами в XIX – XX вв. и ассимиляция в некоторых населенных пунктах меньшинства в среде численно доминирующего этноса¹¹⁵, привели к сложению достаточно определенного географического ареала гагаузов, занявших северо-западные и юго-западные части центрального Буджака, тогда как болгары, в своей основной массе переселившиеся позднее, расселились в южной, центральной и восточной частях территории, назначенной для задунайских колонистов. Впрочем, анклав гагаузов сохраняются на территории компактного расселения болгар, как и наоборот.

В меньшей степени гагаузский этнос включал в свою среду представителей других этнических общностей Буджака, в том числе и наиболее значительных из них – украинцев и русских. Влияние последних носило, в большей части, опосредованный характер, через городскую культуру, администрацию, систему образования и пр.

Исторические обстоятельства сложились так, что именно в Буджаке гагаузы

смогли сформировать определенный географический ареал и завершить процесс своей этнической консолидации, наиболее зримым выражением которого стало создание в рамках Молдовы автономно-территориального образования Гагауз Ери (Гагаузии).

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 *Защук А.* Этнография Бессарабской области // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 520.
- 2 *Градешилев И.* Гагаузы (перевод с болгарского). Одесса, 1998. С. 4.
- 3 *Димитров Г.* Гагаузи. (Потеклото им и произхода на думата) // ИВАД. 1909. № 2.
- 4 *Губогло М.Н.* Этническая принадлежность гагаузов (историография проблемы) // СЭ. 1967. № 3. С. 157–160.
- 5 *Державин Н.С.* О наименовании и этнической принадлежности гагаузов // СЭ. 1937. № 1; *Губогло М.Н.* Этническая принадлежность гагаузов...; *Мутафова Кр.* Теории и гипотезы за гагаузите // БСП. 1993. Т. 2; *Милич-Титяк Н.И.* Гагаузката проблематика в българската научна литература. Автореф. на дис. за науч. степен канд. на историч. науки. София, 1995; *Градешилев И.* Указ. соч.; *Шабашов А.В.* Гагаузи: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002.
- 6 *Титоров И.* Българите в Бесарабия. София, 1903; *Маринов В.* Принос към изучаването на бита и културата на турците и гагаузите в Североизточна България. София, 1956; его же. По въпроса за произхода на гагаузите в България // Сборник в чест на член-кореспондент Йордан Захариев. София, 1964; *Мещерюк И.И.* Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828–1834. (Из истории развития русско-болгарских дружеских связей). Кишинев, 1965; *Градешилев И.* Указ. соч.; *Боев Е.* Не заблудата, а лъжата за гагаузите. София, 1995. и др.
- 7 *Шабашов А. В.* Гагаузы... и др.
- 8 В отношении языка и некоторых культурных компонентов об этом см.: *Шабашов А. В.* Гагаузы... С. 386–397.
- 9 *Чакир М.* История гагаузов Бессарабии // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Кишинев, 2005. С. 95.
- 10 Ср.: *Димитров Ст.* Гагаузкият проблем // БСП. 1995. Т. 4. С. 151–153.
- 11 *Akropolitis G.* (hronikanin periodu 1203-1261), *Pahimeris G.*
- 12 *Карпат Х.* Кемаль. Сельджукско-анатолийское происхождение гагаузов // ЭО. 1994. № 4; См. также: *Мутафова Кр.* Указ. соч. С. 98–100.
- 13 *Turan O.* Les Souveranis Seljoukides et leu sujets non-musulmans. *Studia islamica*, I, 1953.
- 14 *Ιορδάνογλου Α.* Οι Γκαγκαούζοι και η καταγωγή τους, *Μικρασιατικά χρονικά*, т.Е', 1984-1985.
- 15 *Witek P.* Yazijioglu Ali on the christian Turks of the Dobrudja, *Buletin of the School of Oriental and African Studies*, V. XIV, no 3, 1952; *Witek P.* Les gagaouzesi: Les gens de Kaykaus. *Raznik Orientistyczny*, V. XVII, 1953. *Μπαλάστζεφ Γ.Δ.* Ο Αυτοκράτορ Μιχαήλ Η' ο Παλαιολόγος και το ιδρυθέν τη συνδρομή αυτού κράτος των Ογούζων παρά την δυτικήν ακτήν του Ευξείνου, *Σοφία*. 1930.
- 16 *Witek P.* Yazijioglu Ali on the Christian Turks of the Dobrudja, *Buletin of the School of Oriental and African Studies*, V. XIV, no 3, 1952; *Witek P.* Les gagaouzesi: Les gens de Kaykaus. *Raznik Orientistyczny*, V. XVII, 1953.
- 17 *Norris H.T.* *Islam in the Balkans*, Hurst and Company: London, 1993.
- 18 *Ιορδάνογλου Α.* Οι Γκαγκαούζοι και η καταγωγή τους, *Μικρασιατικά χρονικά*, т.Е', 1984-1985.
- 19 *Мутафчиев П.* Мнимото преселение на селджушки турци в Добруджа през XIII в. // *Мутафчиев П.* Изток и запад в европейското средновековие. София, 1993.
- 20 *Мутафчиев П.* Мнимото преселение на селджушки турци в Добруджа през XIII в. // *Мутафчиев П.* Изток и запад в европейското средновековие. София, 1993.

- ²¹ Там же.
- ²² *Шкорнип К., Шкорнип Х.* Паметници на Одесос //Годишен отчет на Варненската държавна мъжка гимназия за 1897-1898 гг. Варна, 1898; *Шкорнип К.* Материали към въпроса за съдбата на прабългарите и северите и към въпроса за произхода на днешните гагаузи // *Byzantinoslavica*. V. 1933-1934; *Занетов Г.* Българското население в средните векове. Русе, 1902; *Димитров Ст.* Управителят на Провидийската крепост по време на османското нашествие // *Векове*. 1977. № 5; его же. Етнически и религиозни процеси сред българската народност през XV–XVII в. // *Българската народност и нация през вековете*. Ч. 1. София, 1988; его же. Някои проблеми на етническите и ислямизационни-асимиляционните процеси в българските земи през XV–XVII в. // *Проблеми на развитието на българската народност и нация*. София, 1988; его же. Гагаузкит проблем...; его же. Още едно мнение за името «гагаузи» // *БСП*. 1996. Т. 5.
- ²³ *Мошков В. А.* Гагаузы Бендерского уезда. (Этнографические очерки и материалы). Кишинев, 2004. С. 17–18; *Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым*. Ч. X. Наречия бессарабских гагаузов. Тексты собраны и переведены В. Мошковым. СПб., 1904. С. XIX; *Манов А.* За гагаузите // *ИВАД*. 1921. Кн. 7.
- ²⁴ *Иречек К.* Няколко бележки върху остатъците от печенези, кумани, както и върху т. нар. народи гагаузи и сургучи в днешна България // *ПСп*. 1890. год. 7. Кн. 32–33; его же. Пътувания по България. Т. 2. София, 1899; *Атанасов Г.* Още веднъж за етногенезиса на гагаузите // *БСП*. 1996. Т. 5.
- ²⁵ *Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым*. Ч. X. Наречия бессарабских гагаузов... С. XXII.
- ²⁶ *Манов А.* Потеклото на гагаузите: Техните обичаи и нрави. Ч. 1. Варна, 1938. С. 13–19; *Губогло М. Н.* Етническа принадлежност гагаузов...; его же. Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова: К вопросу о происхождении гагаузов. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1967; *Дяченко В.Д.* Антропологическое исследование гагаузов Молдавской ССР // *КСИЭ*. Вып. 15. 1952; его же. Антропологический состав гагаузского народа (в связи с его происхождением) // *Гагаузы. Исследования и материалы*. М., 1993; *Курогло С.С.* Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX в. Кишинев, 1980; *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка. Кишинев, 1964.
- ²⁷ *Градешилев И.* Указ. соч. С. 15–16; *Димитров Ст.* Още едно мнение за името «гагаузи»... С. 200.
- ²⁸ *Голубовский П.В.* Печенези, торки и половцы до нашествия татар // *Университетские известия*. Год. 23. № 1. К., 1884. Ср.: *Мошков В.А.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁹ Впервые эту идею выдвинул Л.Милетич: *Милетич Л.Г.* Старото българско население в североизточна България. София, 1902. Впоследствии она была поддержана и многими другими авторами: Л.А. Покровской, М.Н. Губогло и др.
- ³⁰ *Марков Г.Е.* Материали по етнографии гагаузов // *КСИЭ*. 1953. Вып. 19. С. 56. Критику этих взглядов см.: *Шабашов А.В.* К проблеме этногенеза гагаузов. Новые подходы // *История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И.И. Мещеряка)*. Кишинев, 1999. С. 166–167.
- ³¹ *Губогло М.Н.* Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов // *Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. (Материалы и исследования)*. Кишинев, 1968; его же. Гагаузская терминология по скотоводству // *Тюркская лексикология и лексикография*. М., 1971. Ср.: *Шабашов А.В.* К проблеме этногенеза гагаузов... С. 167–172.
- ³² Например: *Никогло Д.* Система питания гагаузов в XIX – начале XX века. Кишинев, 2004. С. 174.
- ³³ *Губогло М.Н.* Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов... С. 57.
- ³⁴ *Диханов В.Я.* Календарна обрядовість болгар та гагаузів Південної України. Автореф. дис. ...канд. істор. наук. К., 2001. С. 11.
- ³⁵ *Шабашов А.В.* К проблеме этногенеза гагаузов... С. 168.
- ³⁶ *Шабашов А.В.* Гагаузы... С. 306–323.
- ³⁷ Показательно в этой связи, кроме упомянутых примеров, например, мнение Д. Никогло, высказанное в одной из новых монографий, посвященных этому народу, которая считает, что обрядовое блюдо курбан у гагаузов готовится с мясом и пшеничной крупой, тогда как для турок и болгар харак-

- терен вареный курбан. В действительности, у части гагаузов курбан представляет собой просто тушеное мясо (например, в Дмитровке Болградского р-на Одесской области), а у многих болгар он готовится также и с мясом, и пшеничной крупой (булгуром) (ср.: Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. Одесса, 2003. С. 326–327). Она же считает, что для гагаузского сырного пирога характерна присобранная форма, в то время как болгары чаще готовят его в виде жгута (вертуты). В действительности, «присобранная» форма для такого блюда обычна и для болгар, и т. д. См.: *Никогло Д.* Указ. соч. С. 174.
- ³⁸ Расселение гагаузов в Болгарии реконструировано по сведениям К. Иречка (1888 г.): *Иречек К.* Няколко бележки... С. 241; Л. Г. Милетича (1902 г.): Милетич Л. Г. Указ. соч. С. 17–19; Ст. Романскому (1915 г.), цит. по: Градешлиев И. Указ. соч. С. 88; переписи населения Болгарии 1926 г.: Градешлиев И. Указ. соч. С. 93–95, и данным исследователей второй половины XX в.: Български диалектен атлас. Т. 2. Североизточна България. Ч. 2. София, 1966. С. 23, Квилинкова Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии. (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Кишинев, 2005. С. 299–300.
- ³⁹ *Зеленчук В. С., Филимонова М. Ф.* Национальная гагаузская одежда и ее бытование в настоящее время (по материалам сел Вулканештского, Чимишлийского и Чадыр-Лунгского районов) // *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР.* Кишинев, 1964. С. 63.
- ⁴⁰ *Булгар С. С.* Kurçu küün istoriyası // *Sabaa yıldızı.* № 33, 2005. S. 2.
- ⁴¹ *Шабашов А. В., Челак Е. И., Дыханов В. Я.* Кубей и кубейцы. Одесса, 1999. С. 14.
- ⁴² Там же. С. 14.
- ⁴³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 37.
- ⁴⁴ *Чакир Д.* Биографический очерк рода и фамилии Чакир // *Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв.* Кишинев, 2005. С. 25.
- ⁴⁵ *Шабашов А. В.* Гагаузы... С. 400.
- ⁴⁶ *Покровская Л. А.* Об историко-этнических факторах формирования диалектных различий гагаузского языка // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии: (Язык и этнос).* Л., 1983. С. 150.
- ⁴⁷ *Чеботарь П. А.* Что воскликнул турецкий паша. Кишинев. 1990, с. 36.
- ⁴⁸ См.: Български диалектен атлас. Т. 2. Ч. 2. С. 11–18, а также карты в части I этого издания.
- ⁴⁹ Иречек К. Болгарский дневник. София, 1936, с. ...
- ⁵⁰ *Муртазалиев С. И.* К вопросу о тюркско-исламской колонизации в болгарских землях в XV–XVI вв. // *Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура.* М. Наука. 1990. С. 152.
- ⁵¹ Шеремет В. И. Турция и Адрианонопольский мир. 1829. Москва. 1975. С. 44.
- ⁵² *Булгар С. С.* Этнографические исследования В. А. Мошкова на Балканах // *Страницы истории гагаузов.* Кишинев. 2005. С. 11.
- ⁵³ *Дмитриев Н. К.* Материалы по османской диалектологии. Фонетика «караманлийского» языка, Записки коллегии востоковедов // 1928, т. III. С. 417–458; т. IV, с. 107–159.
- ⁵⁴ *Булгар С. С.* Из истории литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. // *Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв.* Кишинев. 2005. С. 3.
- ⁵⁵ *Челеби Е.* Пътуване на Евлия Челеби из българските земи през средата на XVII век. (Пер. Д. Г. Гаджанова) // *ПСп.* 1909. 70. Год. 21. 9–10 св. С. 666.
- ⁵⁶ *Чакир М.* Указ. соч. С. 93, 96; *Чакир Д.* Указ. соч. С. 27, 29.
- ⁵⁷ *Măcriș A.* Găgăuzii cred în ziua de mâine (Istoria ya praklar). București. 2004. P. 71.
- ⁵⁸ *Градешлиев И.* Гагаузы. Одесса. С. 88.
- ⁵⁹ *Артамонов М. И.* История хазар. СПб., 2001. С. 65–66, 93, 109.
- ⁶⁰ *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 65; *Павленко Ю. В., Смагулов Е. А.* Гуни напередодні їх вторгнення в Європу // *Археологія.* 1993. № 1. С. 35–36; *Шабашов А. В.* К вопросу о происхождении европейских гуннов // *Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження.* Одеса, 2000.

- ⁶¹ Шабашов А.В., Шабашова М.Н. Этнонимия и антропонимия праболгар как источник реконструкции их ранней истории (к постановке проблемы) // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004. С. 374–376.
- ⁶² Шабашов А.В. К вопросу о происхождении европейских гуннов... С. 83–84.
- ⁶³ Чеботаренко Г.Ф. К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Прутско-Днестровского междуречья // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979.
- ⁶⁴ Чеботаренко Г.Ф. Указ. соч. С. 93–94.
- ⁶⁵ Степи Евразии в эпоху Средневековья. С. 76.
- ⁶⁶ Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 46.
- ⁶⁷ Васильевский В.Г. Византия и печенеги (1048–1094) // Васильевский В.Г. Труды. Т. 1. СПб., 1908. С. 53; Мутафчиев П. Указ. соч. С. 289.
- ⁶⁸ Васильевский В.Г. Указ. соч. С. 26.
- ⁶⁹ Там же. С. 28–29.
- ⁷⁰ Златарски В.Н. История на българската държава. Т. 2. София, 1934. С. 114–118, 182–184.
- ⁷¹ Златарски В.Н. История на българската държава. Т. 2. София, 1934. С. 114–118, 182–184.
- ⁷² Там же. С. 103–104.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Иречек К. Няколко бележки... С. 213–214.
- ⁷⁵ Щербак А.М. Печенежский язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997. С. 107–110.
- ⁷⁶ Константин Багрянородный пишет: «... когда начинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): ведь одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников». (Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 157.)
- ⁷⁷ Павлов П. По въпроса за заселванията на кумани в България през XIII в. // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. Т. 6. С. 630.
- ⁷⁸ Български диалектен атлас. Т. 2. Ч. 2. С. 12.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Мутафчиев П. Указ. соч. С. 303.
- ⁸¹ Губогло М.Н. Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова... С. 6.
- ⁸² Там же. С. 9.
- ⁸³ Челеби Е. Указ. соч. С. 674, 675, 666, 671.
- ⁸⁴ Об этом см.: Шабашов А. В. Гагаузы... С. 406–412.
- ⁸⁵ Квилинкова Е. Н. Указ. соч.
- ⁸⁶ Об этом см.: Шабашов А.В. Гагаузы... С. 406–412.
- ⁸⁷ Дрон И.В. К вопросу о происхождении гагаузского субэтнонима «гаджал». // Этногенез и этническая история гагаузов. Вып. 1. Кишинёв-Этулия. 2002. С. 59.
- ⁸⁸ Мошков В.А. Турецкие племена на Балканском полуострове. Отчёт о поездке на Балканский полуостров летом 1903 г. Кишинёв. 2005. С. 31.
- ⁸⁹ Скальковский А. О ногайских колониях Таврической губернии // Памятная книга Таврической губернии. Вып. 1. Симферополь, 1867. С. 365–372.
- ⁹⁰ По карте Бауэра, на месте современного села Орак Леовского района обозначено поселение Орак-Мурза (Orak Mursa): Carte de la Moldavie pour servir a L'histoire militaire de la guerre entre les Russes et les Turcs levée par L'Etat Major sous la direction de F. G. Bawr (1768–1774).
- ⁹¹ Дрон И.В. Гагаузские географические названия (территория Пруто-Днестровского междуречья).

- Кишинев, 1992. С. 39.
- ⁹² Там же. С. 39, 47.
- ⁹³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 41.
- ⁹⁴ Дрон И.В. Указ. соч. С. 39, 46.
- ⁹⁵ История Молдавии. Документы и материалы. Т. 2. Устройство задунайских переселенцев и деятельность А. П. Юшневского. Кишинев, 1957. С. 358.
- ⁹⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 42; Дрон И.В. Указ. соч. С. 39, 45.
- ⁹⁷ Чакир Д. Указ. соч. С. 25–33.
- ⁹⁸ Чакир М. Указ. соч. С. 96, 98–99.
- ⁹⁹ История Молдавии... С. 358.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 168, 183.
- ¹⁰¹ Там же. С. 168, 183, 233, 358, 377, 393.
- ¹⁰² Carte de la Moldavie...
- ¹⁰³ ГАОО. Ф. 1. Оп. 214. Ед. хр. 5.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Тодоров Н.Н. Опыт фонетической модели синхронного описания болгарской диалектной речи // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине. Кишинев, 1993. С. 42.
- ¹⁰⁶ Атлас болгарских говоров... С. 14.
- ¹⁰⁷ Дрон И.В. Указ. соч. С. 48.
- ¹⁰⁸ Carte de la Moldavie... Впрочем, отметим и критические соображения по отношению к точности указания населенных пунктов на этой карте, принадлежащие графу Ланжерону: Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. Перев. с фран., под ред. Е. Каменского // Русская Старина. 1907. Год. 28. Июль. С. 69.
- ¹⁰⁹ Дрон И.В. Указ. соч. С. 46.
- ¹¹⁰ ГАОО. Ф. 1. Оп. 214. Ед. хр. 5.
- ¹¹¹ Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, с приложением генерального плана сего края, составленное при гражданской съемке Бессарабии, производившейся по высочайшему повелению размежевания земель оной на участки, с 1822 по 1828 гг. Аккерман, 1899. С. 457.
- ¹¹² Шабашов А.В. Гагаузы... С. 347.
- ¹¹³ Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. (Этнографические очерки и материалы) // ЭО. 1901. № 2. Кн. XLIX. С. 34–35.
- ¹¹⁴ Здесь и далее, данные за 1907 г. приводятся по: Берг Л.С. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Пг., 1923. С. 22–23, а за 1989 г. по: Каранастас-Радова О.К. Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке (конец XVIII – первая четверть XIX вв.). Кишинев-Комрат, 2001. С. 115–116.
- ¹¹⁵ Об этническом взаимодействии гагаузов и болгар в Бессарабии см. также: Шабашов А.В. Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства (по материалам Южной Украины) // ЭО. 1995. № 3; его же. Система спорідненості й етнічні зв'язки болгар України // Щорічні записки з історії та етнографії: Збірник науков. статей. Вип. 1. Одеса, 1995.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

БСП – Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали (Велико Търново)

ГАОО – Государственный архив Одесской области

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей

ИВАД – Известия на Варненското археологическо дружество

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР (Москва)

Псп. – Периодическо списание на българското книжовно дружество в София

СЭ – Советская этнография (Москва)

ЭО – Этнографическое обозрение (Москва)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ ГАГАУЗСКОГО НАРОДА (В СВЯЗИ С ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕМ)

Первые материалы по антропологии гагаузов появились, насколько нам известно, в начале 50-х гг. (В. Дяченко, 1953), когда были опубликованы произведенные нами в 1949-1950 гг. обмеры гагаузского населения (200 взрослых мужского пола), преимущественно в селениях Чадыр-Лунга и Вулканешты – юго-запад Республики Молдова. Одновременно в сравнительном плане были изучены молдаване (преимущественно из села Колибаш Вулканештского района Молдовы), соседние болгары пгт Тараклия и албанцы из села Жовтнево (бывш. Каракурт), последнее относится уже к Белгородскому району Одесской области УССР. Материалы по народам исследуемых групп показывают, что все они антропологически довольно близки к среднеевропейскому европеоидному населению с существенной южно-европейской примесью вариантов средиземноморского антропологического комплекса. Однако при общем типично европеоидном комплексе, гагаузы в сравнительном сопоставлении с другими упомянутыми народами имеют очень небольшой налет монголоидной примеси по некоторым существенным антропологическим признакам. Так, у них при превалировании средней горизонтальной профилировки лица около 10% уплощенных, слабопрофилированных лиц (и в общем такое же количество сильнопрофилированных лиц): высота переносья у гагаузов в среднем чуть ниже, чем у соседей, густота бороды чуть меньшая, как и ширина глазной щели, а на верхнем веке отсутствие складки также дает немного меньший процент, чем это фиксируется у соседних народов. Указатель головы у гагаузов брахицефальный (83), но резкая брахикефалия для них не характерна. Основные размеры лица и их соотношения – средние, как и длина тела. Количество темноглазых (при резком преобладании лиц с глазами смешанных оттенков) приблизительно одинаковое со светлоглазыми (15–18%), что дает средний балл цвета глаз около единицы (0,97). Это и позволяет включить гагаузов в комплекс среднеевропейской расы, или группы типов, несмотря на резкое преобладание темноволосых (их около 75%). Интересно, что количество выпуклых и вогнутых спинок носа у гагаузов одинаковое, о чем и свидетельствует таблица N 1.

В 1958 году нами были отдельно изучены три селения гагаузов: Чешмякиой, Вулканешты (Вулканештский р-н) и райцентр Чадыр-Лунга (Молдова), причем подробно опубликована лишь последняя популяция (В. Дяченко, 1965). Наконец, в 1985–86 гг. исследования гагаузов были нами продолжены в двух популяциях – селе Этулия (Вулканештский р-н Молдовы) и Котловине (Белградский р-н Одесской области УССР). Последние материалы, как и данные по Вулканештам и Чешмякиой, впервые публикуются в данной статье (таблица 2). Их анализ будет дан нами ниже при определении антропологического состава гагаузов.

Гагаузы с. Чадыр-Лунга, нач XX в.

Значительные материалы по антропологии болгарских гагаузов были собраны в 60-х гг. греческим профессором А.Пуляносом. Наряду с обследованием 13 групп болгар различных районов страны, двух групп турок Болгарии, в том числе гаджялов (близких гагаузам в языковом, антропологическом и, очевидно, историческом отношении – они переселились с востока в северо-восточную Болгарию северным, а не южным путем), по одной группе татар, каракачан и греков Болгарии (часть этих материалов представлена в таблице 3).

Анализ всех материалов по гагаузам позволяет уточнить их приведенную выше характеристику, показать варибельность признаков. Так, длина тела варьируется от 163 см (Чешмякиой) до 170 см в Котловине (но в последнем селе, исследованном в 1985-86 гг., видимо, увеличение длины тела в значительной степени объяснимо процессами акселерации, не выделенной четко при обмерах 1958 г.). Продольный диаметр головы колеблется от 182–183 мм (Чешмякиой и Вулканешты) до 188,5 мм (гагаузы Болгарии и с. Котловина). Поперечный диаметр головы – от 153 мм (Чадыр-Лунга) до 158,5 мм (Котловина и Этулия); указатель головы от 81,7 (гагаузы Болгарии) до 86,5 (Чешмякиой), скуловой диаметр – от 140 мм до 144,5 мм (Этулия), морфологическая высота лица – от 125 мм (большинство указанных групп) до 127 мм (Котловина); лицевой указатель – от 87 (Этулия) до 89 у большинства популяций. Высота носа варьирует у большинства от 55 мм до 58 мм в Котловине, а указатель носа – от 59 (Котловина) до 66 (Вулканешты). Темноглазых наиболее в Котловине (28%), их количество падает во всех других группах до 15–17%. Меньше всего светлоглазых (12,5%) в Котло-

вине, наиболее – 18–21 % – во всех остальных группах. Соответственно средний балл цвета глаз в целом 0,96–0,97, но в Котловине поднимается до 1,16. Наименьшее число темноволосых (NN 4, 5, 27) – в Вулканештах – 66 %, наибольшее в Чешмякиой – 92 %. Минимальная густота бровей (ср. балл 1,83) в Вулканештах и максимальная – в Котловине и Этулии – до 2, 17–2,20. Наименее густая борода в Чадыр-Лунге (ср. балл 3,24), наибольшая (3,87) – в Котловине. Наименьший рост волос на груди (ср. балл около 1,90) в Вулканештах и Чадыр-Лунге, наибольший – 2,48 – в Котловине и Этулии. Наиболее уплощенное лицо (ср. балл 2,00) в Чадыр-Лунге, наименее – в Котловине и Этулии (2,30). Отсутствие складки верхнего века составляет в Чадыр-Лунге 30 % и в Котловине и Этулии – 46–50 %. Здесь же и наиболее высокое переносье (ср. балл 2,55–2,60) в Чадыр-Лунге и Этулии – 2,43–2,46, где зафиксирован несколько уплощенный поперечный профиль спинки носа (ср. балл 2,76), в Котловине и Этулии он, наоборот, не уплощен (ср. балл 2,94). В Чадыр-Лунге равное количество вогнутых и выпуклых спинок носа – по 12 %, в Этулии вогнутых спинок носа в 2 раза, а в Котловине в 3 раза меньше, чем выпуклых.

Анализ вышеприведенных вариаций у гагаузов и соседних народов Болгарии, а также у румын, молдаван, итальянцев, цыган Нижнего Поднестровья, албанцев Приазовья четко фиксирует у большинства из них средиземноморский антропологический комплекс или тип, характеризующийся темной пигментацией глаз, значительным развитием густоты бровей, бороды, волос на груди, большим процентом как высоких переносий, так и значительной горизонтальной профилировки лица, слабым развитием складки верхнего века, несколько удлиненной формой головы. Средиземноморский тип по этим признакам четко выявляется у гагаузов Котловины, также Этулии и в значительной мере изученных А.Пуляносом гагаузов Болгарии. Последние имеют примесь северопонтийского типа, а у гагаузов Этулии – примесь широко- и низколицевого кроманьонидного типа, с пониженным ростом волос на груди и малоразвитой складкой верхнего века. Тип реликтовый, ведет свое происхождение от древнейшего населения Европы, занимавшего не только ее лесную, но в значительной мере лесостепную и даже степную зоны. Так, на Украине он преобладал еще в позднем неолите у носителей днепро-донецкой культуры. Этот тип ощутим и в средневековом славянском населении, в частности, Киевщины, где он составлял, по нашим данным, приблизительно 20 % ряда серий. Кроманьонидный комплекс вошел в состав современных украинцев Правобережного Полесья и частично – центрально-украинской зоны (В.Д.Дяченко, 1965) и эстонцев-сету. Долихокроманьонидного типа, на наш взгляд, четко представлен у каракачан Болгарии, изученных А. Пуляносом (табл. 3).

Средиземноморский тип также очень древний в Северном Причерноморье и Нижнем Подунавье и зафиксирован здесь еще с мезолита. Например, по нашим данным, в нижнеднепровском могильнике Васильеваа III, в субпопуляции захороненных на спине вытянутых погребений и ряда соседних с ними скорченных на боку погребений (В.Д.Дяченко, 1985). На основе подобных комплексов, видимо, и сформировались перечисленные нами средиземноморские и близкие им понтийские, а также северопонтийские варианты. Последние представлены как основные в составе современных молдаван, северо-восточных румын, северо-восточных болгар,

в частности, болгар СССР, украинцев зоны прутско-днепровского типа (В.Дяченко, 1965). Северопонтийский комплекс характеризуется несколько большим процентом светлоглазых, чем средиземноморский и понтийский комплексы, посему и относится к среднеевропейской группе типов. По нашим данным, он имеет в регионе пониженный рост волос на груди и приблизительно равное количество вогнутых и выпуклых спинок носа. Наряду со средиземноморским комплексом, северопонтийский частично представлен у гагаузов, в частности Болгарии, о чем шла речь выше.

Но у гагаузов на этом фоне, как указывалось, существует незначительная монголоидная примесь, происхождение которой проясняется изучением палеоантропологических, а также других материалов по Северному Причерноморью. Так, средневековые серии из Харьковской области (булгарский могильник Эливки) и Южной Киевщины – каневская серия тюркских кочевников (Т.К.Алексеева, 1972) – брахикранные и широколицы с уплощенным лицом и не резко выступающим носом относятся к типу с заметным монголоидным компонентом, встречающимся, по нашим данным, и в составе средневековых славян Среднего Поднепровья и Прутско-Днестровского междуречья как примесь степного тюркского компонента. Этот тип, названный нами степным, очевидно, сформировался при ассимиляции тюрками-степняками со значительной монголоидной примесью, широколицыми и брахикранными ираноязычного европеоидного среднешироколицего мезокранного, предшествующего тюркам сарматского населения южнорусских степей, антропологически близких к более древним садроматам волго-донских степей, “царским” скифам Украины и сакам (особенно западным) Казахстана и соседних районов. Описанный антропологический европеоидный комплекс, характерный для сармат и более раннего ираноязычного населения, на наш взгляд, сформировался на основе модифицированного древнего палеоевропейского широкой относительно низколицего кроманьонидного неолитического и энеолитического компонентов с предполагаемым североевразийским и уральским типом речи (Ариста, 1972), занимавшего значительные районы не только лесной, но и степной и лесостепной зон Восточной Европы.

Учитывая связи между северокавказскими и финскими языками (материалы киевского лингвиста О.Б.Ткаченко), можно предполагать этнические и антропологические взаимосвязи между предками этих народов где-то в зоне южнорусских и казахстанских степей.

В период бронзы все это население было индоевропеизировано предками индоиранцев, а затем, с появлением в степях приблизительно с III в. н.э. раннетюркских племен с рядом монголоидных признаков, иранцы в своем большинстве постепенно были сами ассимилированы тюрками. Эти процессы и привели к формированию степного типа также наряду со средиземноморским, принявшем участие в этногенезе гагаузского народа. Кроманьонидный компонент в украинском и белорусском Полесье был в III–нач. II тыс. до н. э. ассимилирован другими индоевропейцами-шнуровиками праславяно-балтами, частичный контакт их потомков с тюрками начался лишь с раннего Средневековья в зоне Среднего Поднепровья. Эти связи и объясняют некоторые антропологические параллели украинцев указанной зоны и гагаузов, что подтверждается и краниологическими данными.

Степной антропологический тип четко представлен среди жителей Чадыр-Лнги

и в несколько меньшей мере – в Вулканештах. Средиземноморско-пантийский комплекс резко преобладает над степным компонентом у южных гагаузов Котловины, а также Этулии. Гагаузы Чешмякиой сформировались от смешения двух основных комплексов. Для уточнения этногенеза гагаузов необходимо произвести антропологическое обследование большинства гагаузских сел, а также гаджялов, подключив при этом одонтологические, а также краниологические, гематологические и дерматологические исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Т.К. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973 – с. 120 – 131.

Аристэ П. Старейшие субстраты в прибалтийско-финских языках //

Бунак В.В. См. его материалы в работе Дяченко В. Д. Антропологічний склад українського народу. – Київ, 1963.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

Дяченко В.Д. Антропологический состав средневековых славян // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986. с. 234–243.

Дяченко В.Д. Антропологическое исследование гагаузов Молдавской ССР. Краткие сообщения института этнографии АН СССР. – Вып. XV, 1952.

Дяченко В.Д. Антропологічний склад українського народу. – Київ, 1965.

Советское финно-угроведение. N – 1971, УП, 4, с.151–158.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПОПУЛЯЦИИ ГАГАУЗОВ МОЛДАВИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА

Необходимость исследования популяционно-генетической структуры гагаузов Молдавии была обусловлена полным отсутствием сведений подобного рода по этому этносу, хотя сложность и малоизученность их этногенеза, несомненно, привлекали к себе внимание генетиков, антропологов, этнографов.

Вопрос о происхождении гагаузов до сих пор остаётся сложным. Однако, несмотря на различия во взглядах на этногенез гагаузов, большинство исследователей полагают, что их предки появились на Балканах ещё задолго до завоевания этой территории османскими турками, т.е. до XV века¹. Без сомнения, кроме тюркского, в этнический состав гагаузов вошёл и болгарский компонент.

Первые антропологические исследования гагаузов Бессарабии были проведены в 1939-1940 гг. румынским антропологом О. Некрасовой². Позже этносы на юге Бессарабии неоднократно изучались украинским антропологом В.Д. Дяченко³. Результаты этих исследований показали, что антропологический тип гагаузов близок к таковому у болгар и молдаван. но при общем, безусловно, европеоидном типе, у гагаузов, в сравнении с сопредельными народами, прослеживается, хотя и несущественное, включение и монголоидных особенностей.

Материал по дерматоглифике гагаузов Комратского района был представлен в работах Хить и Долиновой⁴, а также Сегеды⁵. Результаты этих исследований также обнаруживают наличие некоторых восточных элементов в составе антропологических характеристик гагаузского населения.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Объектом исследования послужили лица гагаузской национальности, проживающие в Комратском районе Молдавии. Были собраны 190 образцов крови от доноров и неинфицированных больных. Материал был получен в августе 1997 г. на базе серологической лаборатории Комратской районной больницы и поликлиники. Для анализа собиралось по 5-10 мл венозной крови.

Групповая принадлежность исследуемых по системам АВО и Резус определялась общепринятыми стандартными методами на базе серологической лаборатории Комратской районной больницы, а также Московской городской станции переливания крови. Образцы эритроцитарных стустков и сывороток сохранялись до исследования генетико-биохимических маркеров при температуре -20°C. Полиморфизмы сывороточных белков и эритроцитарных ферментов изучались на базе лаборатории экологической генетики Медико-генетического научного центра Российской

Академии Медицинских Наук. Определение генетических маркеров проводилось, согласно методам электрофореза и изоэлектрического фокусирования⁶. Генетические расстояния рассчитаны по методу Nei⁷. Многомерное шкалирование проведено посредством пакета «Systat», разработанного В.Е. Дерябиным (НИИ и Музей антропологии МГУ).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В таблице 1 представлены численности фенотипов и частоты аллелей по локусам ABO, RH, HP, GC, TF, PGM 1 в выборке гагаузов. По большей части генетических систем эмпирическое распределение фенотипических частот удовлетворительно соответствует теоретически ожидаемому, согласно равновесию Харди-Вайнберга.

Гагаузы Молдавии отличаются высокой частотой гена ABO*А. Свойственно популяциям Центральной Азии и Юго-Западной Европы. Для гагаузов характерна также весьма значительная пропорция фактора Rh*d, что также присуще популяциям Западной и Юго-Западной Европы. Концентрация гена HP*1 ufgnjukj.byf cjcncfdkztn 0.3544. Такая частота этого аллеля обычно характерна для этнических групп Южной Европы. Распределение аллелей системы витамин-Д-транспортирующего белка (GC) и локуса фосфоглюкомутазы (PRM 1) также соотносятся с таковыми среди европейских популяций в целом.

Тем не менее, можно отметить некоторую тенденцию возрастания частоты аллеля TF*C2 системы трансферрина (TF) в рассматриваемой группе по сравнению с другими группами населения Европы. Эта тенденция обычно свойственна монголоидным или смешанным группам населения.

Таким образом, предварительная характеристика генетической структуры гагаузов Комратского района Молдавии свидетельствует об их близости к популяциям Центральной и Южной Европы.

Для того чтобы определить генетическое положение гагаузов среди иных сопредельных и более отдалённых этнических групп, использовался метод генетических расстояний по Nei при исчислении совокупности изученных полиморфных локусов (табл. 2.3). Информация о частотах генов в сравниваемых группах была извлечена из публикаций⁸. По причине отсутствия данных по анализируемым генетическим системам во всех сравниваемых популяциях мы вынуждены были провести расчёты два раза.

Полученные матрицы генетических расстояний были использованы для идентификации взаиморасположения популяций методом многомерного шкалирования.

Этот метод исследования демонстрирует взаиморасположение сопоставляемых групп при использовании метода многомерного шкалирования. Анализ генетических дистанций и результаты многомерного шкалирования обнаруживают сходство гагаузов с окружающими этно-территориальными группами. В наибольшей мере их генетическое подобие идентифицируется с палочкой группой венгров. Палочкая группа венгров отличается сложностью происхождения: её исходным субстратом являлись половецкие племена, в дальнейшем ассимилированные венграми. Относительная близость гагаузов к русским, болгарам, туркам свидетельствует о слож-

ности процессов этногенеза в этом регионе Европы, об определяющей роли фактора смешения в становлении многих народов на этой территории. Как и следовало ожидать, наиболее удалённую позицию от местоположения гагаузов в системе сопоставляемых популяций занимают центрально-азиатские монголоиды (буряты), к которым примыкают казахи. Несмотря на определённое лингвистическое сходство гагаузов и туркмен, генетическое расстояние между ними оказывается достаточно большим. В этом отношении генетические дистанции коррелируют с географическими расстояниями между европейскими и азиатскими этническими группами.

В целом, можно заключить, что генофонд гагаузов, идентифицируемый с помощью анализа серии биохимических и иммунологических маркеров генов. Обнаруживает близость к таковому у географически сопредельных групп Юго-Восточной Европы. Для более точной оценки генетического родства гагаузов с окружающими и более отдалёнными народами в дальнейшем представляется целесообразным исследование таких этноспецифических полиморфных систем, как GM, F13B, полиморфизмов митохондриальной ДНК и Y-хромосомы.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Державин Н.С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов // Сов. этнография. 1937. с. 80-87; Мошков В.А. Турецкие племена на Балканском полуострове // Известия Русского географического общества. 1904. Т. 40. С. 410-415; Милетич Л. Старото българско население в северо-източна България. София. 1902. С. 19; Чимтоеси Л.С. Дастанный эпос гагаузов: Институт национальных меньшинств АН РМ. 1977.
- ² Necrassov O.C. Le probleme de l'origine des gagaous // Institutul de arte grafice „Bravo” Iasi. 1940.
- ³ Дяченко В.Д. Антропологическое исследование гагаузов Молдавской ССР // Тр. Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Изд-во АН СССР. 1952. Т. XV. С. 86-89.
- ⁴ Хитъ Г.Л., Долинова Н.А. Дерматоглифика народов СССР. М.: Наука. 1983. С. 280.
- ⁵ Сегеда С.П. Одонтологическая и дерматоглифическая характеристика украинцев Поднепровья в связи с вопросами их этногенеза: Автореф. Дис. Канд. Ист. Наук. М.: 1980.
- ⁶ Спицын В.А. Биохимический полиморфизм человека. М.: МГУ, 1985, 214 с; Прокон О., Геллер В. Группы крови человека. М.: Медицина. 1991. 512 с.
- ⁷ Nei M. Molecular evolution and genetics N.Y.: Columbia Univ. Press, 1987.
- ⁸ Mourant A.E., Kopes A.C., Domanievsca-Sobcyak K. The Distribution of the Human Blood Groups other Polymorphisms. L.: Oxford Univ. Press, 1976. 1055 p.;
Спицын В.А., Новорадовский А.Г. и др. Генетические исследования субтипов фосфоглюкомутазы-1 (PGM1): популяционные аспекты // Генетика. 1991. Т. 27. № 4. С. 709-718;
Спицын В.А., Афанасьева И.С., Агапова Р.К. и др. Изучение генетических маркеров у русских и немцев в рамках совместного российско-германского исследовательского проекта // Генетика. 1994. Т. 30. № 5. С. 702-708;
Kamboh M.I., Ferrell R.E. Human transferring polymorphism // Human Heredity/ 1987. V. 37. P. 65-81;
Kamboh M.I., Ferrell R.E. Ethnic variation in vitamin D-binding protein (GC): a review of Isoelectric Focusing Studies in Human Genetics. 1986. V. 72. P. 281-293;
Genetics of the Hungarian Population; ethnic aspects, genetic markers, ecogenetics and disease spectrum / Eds Czeizel A., Benkmann H.-G., Goedde H.W. Budapest: Acad. Kiado, 1991. 344 p.

Таблица 1

ЧИСЛЕННОСТЬ ФЕНОТИПОВ И ЧАСТОТЫ АЛЛЕЛЕЙ ГРУПП КРОВИ
И НЕКОТОРЫХ ГЕНЕТИКО-БИОХИМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ПОПУЛЯЦИИ ГАГАУЗОВ
КОМРАТСКОГО РАЙОНА МОЛДАВИИ.

<i>Locus</i>	<i>Phenotype</i>	<i>Number Obs Exp</i>	<i>Allele</i>	<i>Frequencu</i>	<i>X</i>
Ab0	0	52 51,09	AB0*0	0,5241	0,0005 (p=0.05, df=1)
	A	85 83,92	AB0*A	0,3279	
	B	33 32,93	AB0*B	0,1480	
	AB				
RH	Rh-pos.	160	RH*D	0,6083	
	Rh-neg.	29	RH*d	0,3917	
HP	1-1	25 22,86	HP*1	0,3544	0,4813 (p=0.05, df=1)
	2-1	79 83,28	HP*2	0,6456	
	2-2	78 75,86			
TF	C1C1	100 99,38			4,8084 (p=0.05, df=4)
	C1C2	46 47,07	TF*C1	0,7472	
	C1C3	4 4,60	TF*C2	0,1770	
	C2C2	6 5,57	TF*C3	0,0730	
	C2C3	4 4,60	TF*B	0,0028	
	C2B	1 0,18			
	C3C3	1 9,95			
GC	1F1F	64 56,65			6,7853 (p=0.05, df=3)
	1F1S	17 19,57	GC*1F	0,1025	
	1F2	46 58,13	GC*1S	0,5932	
	1S1S	1 1,69	GC*2	0,3043	
	1S2	14 10,04			
PGM1	2-2	19 14,91			3,0061 (p=0.05, df=6)
	1+1+	40 39,11			
	1+2+	37 38,59			
	1+1-	16 14,80			
	1+2-	15 16,39	PGM*1+	0,5932	
	1-2+	12 9,52	PGM*1-	0,1000	
	2+2+	4 7,30	PGM*2+	0,2607	
	2-2+	8 8,08	PGM*2-	0,1107	
	1-1-	2 1,40			
	1-2-	4 3,10			
2-2-	2 1,72				
PTC taste ability	Tasters (TT,Tt)	148 PTC*t	PTC*T	0,5298	
	non tasters (n)	42	0,4702		

Таблица 2

ВЕЛИЧИНЫ ГЕНЕТИЧЕСКИХ РАССТОЯНИЙ МЕЖДУ СРАВНИВАЕМЫМИ ГРУППАМИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДАННЫХ О ЧАСТОТАХ 12 АЛЛЕЛЕЙ ПЯТИ ПОЛИМОРФНЫХ СИСТЕМ (AV0, RH, GC AND PGM1). 1 – ГАГАУЗЫ, 2 – ПАЛОЦКАЯ ГРУППА ВЕНГРОВ, 3 – ТАТАРЫ, 4 – РУССКИЕ, 5 – ГРЕКИ, 6 – ТУРКИ, 7 – ИТАЛЬЯНЦЫ, 8 – КАЗАХИ, 9 – БУРЯТЫ

Population	2	3	4	5	6	7	8	9
1	0,00358	0,00654	0,00503	0,00414	0,00364	0,00914	0,02256	0,03101
2		0,00727	0,00409	0,00686	0,00521	0,01303	0,01970	0,02361
3			0,00378	0,00659	0,00591	0,00917	0,01224	0,01924
4				0,00458	0,00531	0,00569	0,02160	0,02563
5					0,00097	0,00204	0,01473	0,02009
6						0,00517	0,01177	0,01658
7							0,02106	0,02704
8								0,00321

Таблица 3

ВЕЛИЧИНЫ ГЕНЕТИЧЕСКИХ РАССТОЯНИЙ МЕЖДУ СРАВНИВАЕМЫМИ ГРУППАМИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДАННЫХ О ЧАСТОТАХ 14 АЛЛЕЛЕЙ ШЕСТИ ПОЛИМОРФНЫХ СИСТЕМ AV0, RH, HP, TE, GC AND PGM1). 1 – ГАГАУЗЫ, 2 – ПАЛОЦКАЯ ГРУППА ВЕНГРОВ, 3 – РУССКИЕ, 4 – БОЛГАРЫ, 5 – ГРЕКИ, 6 – ИТАЛЬЯНЦЫ, 7 – БУРЯТЫ

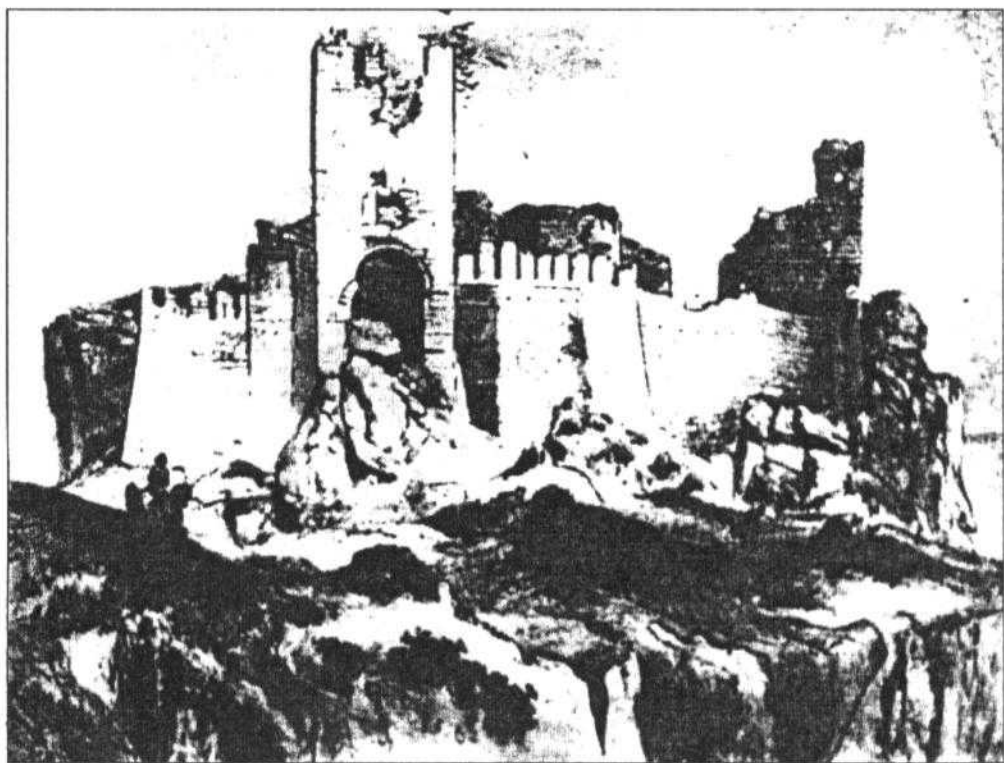
Population	2	3	4	5	6	7
1	0,00539	0,00539	0,00661	0,00692	0,01189	0,04819
2		0,00475	0,00868	0,01137	0,01674	0,03361
3			0,00459	0,00587	0,00668	0,03818
4				0,00385	0,00270	0,03869
5					0,00454	0,03748
6						0,03977

ГОСУДАРСТВО В ДОБРУДЖЕ В XIV- НАЧ. XV вв.

В начале XIV века на северо-востоке Болгарии, в Добрудже, появилось государство, которое вошло в историю под названием «Карвунская хора» или «Добруджанское деспотство». Впервые под таким названием оно упоминается в одном из писем 1337 года болгарского царя Ивана Александра к папе Бенедикту XII¹.

У государства, расположенного между Дунаем и Чёрным морем, было выгодное географическое положение. Порты на Чёрном море давали жителям возможность активно участвовать в международной торговле, а благодатные земли – заниматься хлебопашеством и животноводством. В начале XIV века оно достигло значительных экономических и политических успехов. Во главе Добруджанского деспотства стоял правитель (архонт) Балик. Мудрость позволяла ему успешно балансировать в запутанных лабиринтах политики Средневековья. Балик считал неременным условием жизнестойкости своего государства хорошие отношения с Византией².

По просьбе Анны Савойской, тогдашней византийской правительницы, с которой воевал с целью захвата власти Иоанн IV Кантакузин, Балик направил Анне в помощь войско под командованием своих братьев Теодора и Добротицы. «Когда царица Анна

Крепость Калиакра XIV в. Добруджанское деспотство

увидела, что в её владении остаётся лишь город Константинополь, потому что все остальные города перешли на сторону Кантакузена, она послала миссию к Балику, который был государём Карбуны, Каварны, и попросила его помощи. Балик хорошо принял людей государыни и послал ей в помощь своих братьев Теодора и Добротица и тысячу отборных солдат. Они завоевали крепости и города на берегах Чёрного моря и принудили их отречься от Кантакузена, перейти на сторону государыни, под её власть. Государыня Анна с большим уважением и почестями приняла Добротица, женила его на дочери Апокофкоса и назначила его командующим над урумами (греками)³. Так писал об этих событиях историк Кантакузин.

Но у фортуны характер переменчивый. 21 июня 1346 года в окрестностях города Силимврия произошло сражение между войсками под командованием Добротицы и армией Иоанна IV Кантакузина. Войска Добротицы потерпели поражение. Тем не менее, Анна Савойская сохранила доверие к Добротице и даже назначила его управителем (архонтом) города Мидия. Иоанн IV Кантакузин 3 февраля 1347 года захватил Константинополь и утвердил свою власть в Византии. После переговоров бывшие противники пришли к соглашению, и Иоанн включил Добротицу в число византийской аристократии. Более десяти лет Добротица жил в Византии, а с 1360 года стал владельцем Карвунского княжества. Эти годы стали самыми успешными для княжества. Византийский хронист Лаоник Халкокондилас называл Калиакру «крепостью Добротицы». Добротица укрепил княжество в военном отношении, создал собственный флот. Он ему понадобился для спора с крупнейшими торговыми республиками Венецией и Генуей за сферы влияния на берегах Чёрного моря. Двухлетняя война за овладение черноморскими портами Килия, Вичина, Ликостомо, Кафа и Пора закончилась в 1362 году.

Сохранилось большое количество документов, свидетельств, рассказывающих о том, как судна генуэзской колонии Кафа подвергались нападению флота Добротицы. Среди документов имеются распоряжения и решения Венецианского Сената, связанных взаимоотношениями с Добруджанским деспотством⁴. Признанием политической и военной силы Добруджанского деспотства свидетельствует то, что когда в октябре-ноябре 1366 г. флотилия с войском Амедея Савойского захватила ряд городов-крепостей на Черноморском побережье, Савойский не решился напасть на Калиакру, а заключил мирный договор с Добротицей. В результате похода Амедея Савойского (1366-1367 гг.) на побережье Чёрного моря положение болгарского Причерноморья совершенно изменилось. После 1366-1367 гг. болгарское Причерноморье было разделено: южная его часть (с городами Месемврия, Анхиал, Созополь) вошла в состав Византийской империи, тогда как центральная и северная части побережья (вместе с Эмоной, Варной, Каварной, Калиакрой и др. пунктами) принадлежали добруджанскому правителю – деспоту Добротице⁵. В эти годы политическая карта болгарского Причерноморья весьма скоро и резко изменилась. Вместо византийских владений (в южной части приморской полосы), видимо, являются владения турок – османов, постепенно завоевавших (в период с 1367 по 1380 гг.) все расположенные в этих пределах города – начиная с Созополя и кончая Месемврией⁶.

В 1385 году Добротица скончался. Власть перешла к его сыну Иванко, известному туркам под именем Иванку Добричоглу. Осознавая выгодность мира и экономи-

ческого сотрудничества с Генуэзской республикой, 27 мая 1387 года был заключён торговый договор с Генуей. Противники решили, что худой мир лучше хорошей войны. Тем не менее, в случае войны, по договору, генуэзцам гарантировали вывоз товаров из «Добротичской земли» в течение месяца, а соли и кораблей – в течение полугода. Кроме того, генуэзцы получили право иметь в Карвуне своего консула. Им отводилась земля под строительство церквей и магазинов, давалась свобода в торговле. Таможенные сборы импорта и экспорта не превышали одного процента, а корабли с драгоценностями и золотом и серебром вовсе освобождались от пошлины. Не удивительно, что генуэзцы называли Иванку «великим и могучим господарем Иванко, сыном блаженно-памятного великого Добротицы»⁷. Одно из последних упоминаний о Добруджанском деспотстве периода правления Иванка обнаружено в одной из литовских хроник в период 1391-1400 годов...⁸

Существует ещё одно обстоятельство в истории Добруджанского деспотства. Оно имело собственную церковную митрополию. До середины XIII века местонахождение «эксарха» или высшего церковного сановника, по более позднему определению титула – духовного главы православной церкви, оставалось в Каварне. В 1325 году митрополитом Варны и Карвуны» был назначен архиерей Мефодий. Церковь Карвуны подчинялась Константинопольской Патриархии, в то время как другие области – Тырновской Патриархии⁹.

История балканских стран в эпоху османского нашествия (т.е. во второй половине XIV и первой половине XV века) привлекает внимание многих учёных. Интерес к этой проблематике обусловлен стремлением возможно полнее представить процессы подчинения и окончательного завоевания турками-османами балканских стран, положение феодальных балканских государств (Византии, южнославянских держав и др.) в последний период их самостоятельности (накануне их гибели) и изменения их границ в зависимости от политики османских султанов, и в связи с общей международной обстановкой в Европе и на Балканах. В Нисебрской хронике XIV-XV вв., в связи с Добруджанским деспотством, есть краткая запись: «В году 6907 (=1399), индикт 7, на 2 февраля, в день (петък), Варна была захвачена безбожными татарами». Это были татары Актава, разорившие Варну и окрестные сёла. Таким образом, было уничтожено княжество архонта Балика, деспота Добротицы и сына его Иванка.

В связи с историческими событиями, связанными с Добруджанским деспотством, обратимся к гагаузскому фольклору. Например, в сказке о моряхах «Милан и Милиш», записанной в конце XIX века В.А. Мошковым, рассказывается о городе Караш. В книге «История гагаузов Бессарабии» М.Чакир даёт старинное название города Карвунаш, Карвуна. Вероятно, город у моря «Караш», упомянутый в сказке, искажённое «Карвунаш». Еще в сказке рассказывается о том, что героиня – «падишаха» с полком солдат захватила город Караш. Вероятно, гагаузский фольклор сохранил отголоски реальных событий, происходивших в XIV веке во взаимоотношениях Добруджанского деспотства и Византийской империи¹⁰.

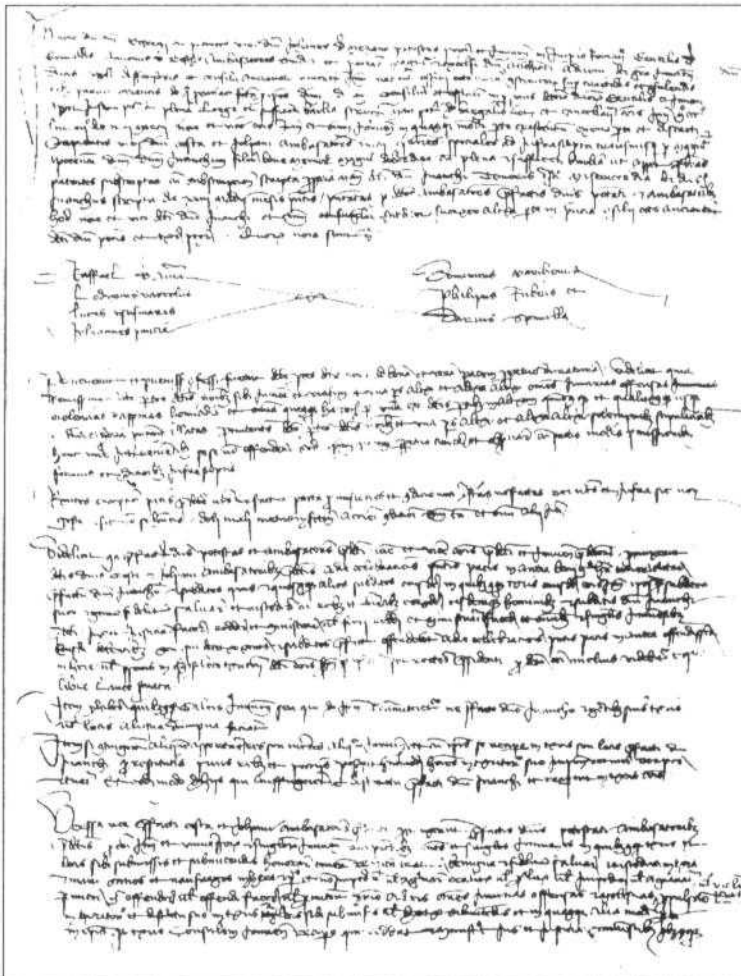
По этому поводу болгарский учёный-археолог Г. Атанасов пишет, что в османскую эпоху гагаузы были преобладающим христианским населением на всём побережье от Бабадага до Варны и Провадии¹¹. На фоне вышеуказанных фактов важным является то, что эта территория почти совпадает с границами Добруджанского деспотства в

Конная фигура XIV в. Калиакра

Деспот Добротица (время княжения 1360-1385)

Текст договора Добруджанского деспотства с Генуэзской республикой, 1387 г.

Византийская императрица Анна
Савойская Палеолог 1328-1341 г.

Иоанн Кантакузино изображен как импе-
ратор (1347-1354) и как монах (1354-1381)

Болгарский царь Иван Александр царица Сара-Теодора и сыновья Иван Шиман и Иван Асен

XIV веке. Больше всего гагаузов жили в принадлежавших добруджанским владикам Тертеровцам средневековых городах и резиденциях: Калиакре, Каварне, Балчике и Варне.

У гагаузов села Болгарево (Гяур суютчук), которое отмечено в турецких регистрах 1574 года, сохранилась интересная легенда. По ней, местные жители – некто иные как потомки средневековых обитателей крепости Калиакра, которую гагаузы покинули после захвата её турками.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ *Божилев И., Гюзелев В.* История на Добруджа. Средневековие. Велико Търново. Т. 2. 2005, с. 223.
- ² Там же. С. 225.
- ³ *Καντακονζήνοβ, Ιστορία III, σελ 585, έαδ. Βόννης.*
- ⁴ *Божилев И., Гюзелев В.* История на Добруджа. Средневековие. Велико Търново. Т. 2. 2005, с. 402.
- ⁵ *Наумов Е.* Из истории болгарского Причерноморья в конце XIV века. *Bulgarian Historical Review*. 1976, 1, стр. 48.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Божилев И., Гюзелев В.* История на Добруджа. Средневековие. Велико Търново. Т. 2. 2005, с. 418.
- ⁸ *Наумов Е.* Из истории болгарского Причерноморья в конце XIV века. *Bulgarian Historical Review*. 1976, 1, стр. 57.
- ⁹ *Γονη Δημ.* Το Τυρνοβο και οι παραθαλασσιες μητροπολειс και архιεπισκοπεс (Βαρναс, Μεσημβριαс, σωζοποлеωс και αγχιαλου) ката τον ιδ' ΑΙΣΝΑ. Стр. 310.
- ¹⁰ *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение. Т. 44, № 1, 1900; т. 48, № 1, т. 49, № 2, т. 51, № 4, 1901; т. 54, № 3, т. 55, № 4, 1902. *Он же.* Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племён. Изд. акад. В. Радловым, т. X, СПб, 1904. стр. 23.
- ¹¹ *Атанасов Г.* Археологическите източници за потеклото на гагаузите // *Relațiile moldo-bulgare în еrоsa medie și modernă*. Chișinău. 1998. P. 35.

ДОБРУДЖА В СОСТАВЕ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА В XV–НАЧАЛЕ XVII ВВ.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ГАГАУЗАХ ДОБРУДЖИ XV–XVIII ВВ.

В османских документах не зарегистрировано определения «гагаузы». Всё население в период османского владычества в Болгарии делилось по вероисповеданию – на мусульман (правоверных) и христиан («рая»). По Желепкешанскому регистру на Добруджанском побережье в 1573-1574 годах гагаузские сёла, входившие в состав Варненской казы, официально числились как христианские: Каварна, Юзгюбенлик (Могилиште), Сююджуг-и-кюберан (Гявур суютчук, Болгарево), Михаил бей (Божурец), Юч орман (Горичани), Сары Мише (Горун). Этническая картина Добруджанского побережья также отчетливо видна и по регистру 1676-1677 годов. Христиан, по этому документу, в Каварне в десять раз больше, чем мусульман. Официальный османский документ сохранил протест христиан-каварненцев по поводу подушного налога (джизие). В османском документе 1848 года, рассказывающем о сборе налога в Балчишской казе, отмечен и этнический состав населения сёл. В Каварне насчитывалось 86 хозяйств, в Болгарево (Суютчук Зимми) – 91, в Горичанах (Ялы Юч Орман) – 22, в Могилище – 11, в Божурец (Михал бей) – 11 (в этих сёлах до сих пор живут гагаузы).

Многие путешественники в XV–XIX вв. писали о Добрудже. В описании Ф. Станиславова (XVII в.) Каварна – это поселение, где живут, в основном, христиане, имеющие две большие церкви. Кювер Агонц в своей «Географии» в разделе об Османском государстве называет «татарскую Добруджу» – «болгарской». О Добрудже, населённой большей частью болгарами, пишут и другие авторы XIX века. Аналогичная информация содержится и в путевых заметках Берtrandона де ла Брокиера (1443), Ожиена де Бусбека (1553), Ст. Герлаха (1578), Гельмута Мольтке (1837) и других.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

В 1399 г. произошел разгром Добруджанского деспотства. Османская власть в Добрудже устанавливалась жестокими военно-политическими акциями, которые не прекращались на протяжении всего XV века. В 1425 году венгерский король Сигизмунд для борьбы против османов заключает союз с Венецией, Сербией и Валахией. К союзникам примыкает и Фуджин, сын Ивана Шишмана. Венгерско-сербские войска овладевают Видином и Оряхово, а валахский воевода Дан II (1423-1437) вместе с Фуджином пересекает Дунай и осаждают Силистру. Скоро против них выступает Мурад II, и Дан, чтобы сохранить престол, восстанавливает вассальные отношения с султаном.

В 1444 г. Владислав III Ягелло и Янош Хуниади организуют большой антиосманский поход. Их войска занимают Видин и по Дунаю добираются до Никополя. К освободителям присоединяются болгары из окрестных поселений. Во время захвата Шумена, Провадии и Петрича, потерпев поражение, оставшиеся в живых бойцы христианской армии убегают в Добруджу. Их путь, как писал в своих заметках один из участников похода, приближенный короля Владислава Андреас де Палаццо, проходил по пустынной области, которая простиралась на север до Дуная.

В 1445 г. в верховьях Дуная появилась венецианско-бургундская флотилия под командованием Валерана Дьо Ваврена. Вскоре крестоносцы, в союзе с валахским воеводой Владом Дракулой, предприняли новую попытку захвата Силистры. Но в Силистре их встретил многотысячный османский гарнизон, и христианские войска уходят. Продолжая свой путь вверх по реке, они захватывают тутраканскую крепость и сжигают ее до основания. Далее они завладевают Гюргево, после чего возвращаются на южный берег реки и захватывают Русе.

Победы христианских войск возвращают жителям северо-восточной Болгарии и Добруджи надежду на свободу. Они просят Влада разрешить им перебраться в Валахию. Османская власть попыталась помешать, окружила выселяющихся болгар на каком-то холме, но христианские войска отразили атаки преследователей, и открыли переселенцам путь к Дунаю. «Три дня и три ночи флот переправлял их по реке, – пишет Дьо Ваврен, – а их было 12000 мужчин, женщин и детей».

Скоро стало ясно, что Европа не отправила против османов дополнительные войска, венецианско-бургундская флотилия покинула берега Болгарии. Оставшись без подмоги, Влад Дракула стал вести переговоры с османами о восстановлении мира. Мурад II, не желая допустить в своих владениях сокращения населения, потребовал возвращения беглых болгар. Владу пришлось возвратить около 4000 человек. Тем не менее, в Валахии осталось около семи тысяч болгар.

В 1460-1461 гг. Венгрия, Венеция, Скендерберг и папство подготовили новый поход. К ним присоединился и валахский воевода Влад IV (1456-1463). По замерзшему Дунаю в 1461 году он нагрянул в Болгарию и разграбил земли от Никополя до Исакии. В своем письме венгерскому королю Матиасу Корвину он сообщает о нападении на Силистру.

Султан Мехмед II, прибыв в Валахию, отстраняет Влада от престола и сажает на место воеводы брата Влада, Раду (1462-1474). В 1475 году основные османские силы проходят Добруджу, и по временному мосту через Дунай войска переправляются в Молдову. Воевода Штефан II (1457-1504) терпит поражение, но Мехмед II не успевает воспользоваться победой. Ему сообщают, что венгерские войска наступают по Дунаю, султан спешит обратно...

Мехмед II завладевает Крымом и генуэзскими колониями вдоль Северного Черноморья. От постоянного передвижения сражающихся сторон по территории Добруджи страдает местное население. Новый султан Баязид II 5 июля 1484 году захватил Килию, Белгород. Сухопутная связь между Добруджей и Крымом целиком перешла к османам.

Во время правления Мурада II (1421-1451) и Мехмеда II (1451-1481) Добруджа становится приграничным форпостом османского государства. В Силистре и других

крепостях находились гарнизоны, где поселялись представители местного христианского населения – строители и ремесленники.

Силистринский район занимает всю восточную Болгарию. Им правят Малковчовцы и Михалбеговцы. В конце правления Мехмеда II правителем района становится Раккас Синан бей.

При Баязиде II разворачивается борьба с Польшей и украинским казачеством. После похода Сулеймана против Молдовы в 1538 году там появился новый район – Аккерман, который находился в зависимости от Силистры. Силистринский район превращается в область. В 60-е годы XVII в. известный турецкий путешественник Эвлия Челеби описывает Силистру как центр области Узи (Очаков), который отделён от области Румели. В этот регион входят районы Никополь, Аккерман, Бендеры, Узи. Район делился на мелкие административные единицы, которые сначала назывались «вилайет», а позднее – «нахия». Из описей поголовного налога 1489–1490 годов до нас дошли названия двух вилайетов – Силистра и Варна. Граница между ними проходила к западу от города Хаджиоглу Пазарджик. К Варненской нахии принадлежали Балчик и Каварна и близкие к ним села. Центральная Добруджа составляла нахию Текфургёл, в которую входили: Черная вода, Мангалия и Кюстенджа. Северная Добруджа составляла нахию Хырсово с населенными пунктами Бабадаг и Карахарманлык. К 1573 году «каза» Хаджиоглу Пазарджик охватывала сотню сел от Варненской и Силистринской нахий. К началу XVII веков начинается дробление больших административных единиц. Постоянными административными единицами остаются кази Балчик, Хаджиоглу Пазарджик, Омур Вакуф, Чардар, Карасу, Мангалия, Хырсово, Исакча, Тулча, Мачин и Бабадаг. Созданная территориальная структура просуществовала без значительных изменений до второй четверти XIX века.

Нескончаемые войны, грабеж и насилие вынудили большинство болгарского и гагаузского населения покинуть обжитые места. Чтобы обеспечить местные войска пополнением, османские правители стали создавать военные структуры, состоявшие из пехотных частей («ая»), и тюрок–кочевников («юруков»). Принимали в них и местных христиан.

Военные отряды способствовали мусульманизации местного населения. Особенно это видно из состояния организации юруков во второй четверти XV века. В 1543 г. в нахиях Варна, Силистра, Хырсово, Текфургёл и Добруджа числилось 100 юруков от этого корпуса. К ним добавляются и 108 местных жителей, и 211 освобожденных рабов. Каждый четвертый был христианином, принявшим мусульманство, либо освобожденным рабом. Османское государство увеличивало свое население за счет привезенных рабов. Только за 11 месяцев 1516 года через границу в Тулче османы ввезли 1390 рабов. С января до августа 1517 года этим же путем переправили 1314 рабов. Это, в основном, русские, украинцы, черкезы и абхазцы, которых татары похищали и продавали на невольничьих рынках Османской империи. Чтобы получить личную свободу, пленники принимали ислам. В 20-30-е годы XIV века в результате исламизации местного христианского населения и стихийного заселения этнический и религиозный облик Добруджи существенно изменился. К 1530-му году в Силистринском районе жили 17295 мусульманских и 6615 семей, из них мусульмане составляют 72, а христиане – 28 процентов от населения района.

В течение двух веков османского владения мусульмане становятся доминирующим населением в Добрудже. По описям 1569 года видно, что болгарское христианское население разбросано в Придунайском районе, и занимает села Гарван, Попина, Ветрен, Серебряная река, Тарарище, Айа Демир, Калипетрово, Алмагиол и другие села. Прибрежные районы населены христианами, тогда как села в центре являются мусульманскими или татарскими. Новым мусульманам открывается доступ в военную среду. В 1551 году сына молдавского воеводы Петра после принятия ислама назначают санджакбеем Силистры. Взаимоотношения гагаузов с османами нашли отражение в народном фольклоре, записанном в конце XIX века В.А. Мошковым, материал был опубликован в 1901 году в сборнике «Наречия бессарабских гагаузов».

В XVI веке Добруджа стала ареной опустошительных походов валашко-трансильванских войск Михаила Храброго и Альберта Кирали. Не прекращался и процесс исламизации: христианское население в Добрудже уменьшается. Список от 1621 года о «жизни от неверных в Силистре» приводит данные: в городе было 2730 болгарских и 34 еврейских семейств. За полвека исчезло 159 христианских налогоплательщиков. Число христиан к 40-м годам уменьшилось наполовину. В Тулче в 1643 году осталось 103 ханета (дома), в 1569 году их было 429. В Мачин – 52 (вместо 229), в Сомово – 41 и так далее. В 1643 году Петр Богдан пометил в своих бумагах, что «около Бабадага есть много болгарских городов и сел. Болгары в них говорят на турецком и валашском...» Что касается традиции отмечать гагаузов как болгар, говорящих на турецком языке, то она прослеживается и на территории Российской империи, куда переселились гагаузы и болгары в XVIII-XIX вв.

Во второй половине XVII века православие стабилизирует свои позиции. В 1667 году в Силистринском районе были зарегистрированы 2537 христианских джиэи-ханет. Эта цифра сохраняется и в официальных описях 1675 года. Павел Алепский, проезжая через Добруджу, отмечал, что «в городе Мачин, расположенном на Дунае, было 420 домов христианских болгар».

Болгарское, гагаузское и греческое население сохраняется в приморских районах Добруджи. В одном документе 1623-1624 гг. отмечено христианское население Балчика, Каварны, Тузлы, Сюгютчюка и других поселений. В регистре джелепкешанов (налоговый регистр) 1573 г. записаны, в основном, мусульмане. Очевидно, эти сёла основаны не ранее 30-х годов XVI в. Например, село Джаферлий было основано во второй половине XVII в. По легенде, сохранившейся у жителей села, эти земли принадлежали Джафер-паше. Он построил тут большое поместье. Позднее наследником его стал внук Джафер-паши – Сеид бей. Чтобы увековечить имя своего деда, Сеид бей назвал поместье Джаферлий.

В XVI в. в Добрудже основано большое количество татарских поселений. В 1569 г. только в нахии Хырсово зарегистрировано 32 татарских села, состоящие из 1057 полных семейств, 433 неженатых налогоплательщиков. Они имели статус военного населения и поставляли конников в армию султана. До 1569 г. они были обязаны представить 80 бойцов, а с 1569 г. – до 110 человек. В конце XVI–начале XVII вв. великое везирство пытается вновь увеличить число конников до 280.

В Валахии усиливается феодальный гнет, крепостничество, что заставляет некоторых людей искать убежище на другой стороне Дуная.

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Отношение к христианскому населению и его церковным организациям, как и общественное устройство вообще, в османском государстве основывалось на принципах ислама. По шариату, христиане в исламском государстве считались населением «охраняемым» («зимми»), в положении «охраняемых» находились и его религиозные организации.

Значение церкви в рамках османской феодальной структуры состояло в её административных функциях. Управление церковью османская администрация рассматривала как часть тимарного деления территорий Османской империи. Так, епископские книги носили то же название, что и дефтеры, в которых регистрировалось тимарное владение – «бископос дефтери», записи же о них были внесены в дневники «рюзнаме» наряду с записями «муфассал дефтери», куда заносились султанские земельные пожалования военно-административным, государственным высокопоставленным лицам.

Аналогично дело обстояло и с положением высшего православного духовенства, считавшегося «владельцем налогов», как бы получившего их в откуп («ильтизам»). В берате (султанской грамоте) было написано: метроболиди меркумун тахти ильтизамында одан каза, т.е. район, который находится в ильтизаме митрополита.

Христианское население в случае возникшего конфликта имело право обращаться в церковный суд. Как, впрочем, и к мусульманскому кадию (судье), т.е. в государственный суд. Известны случаи, когда христиане обращались к мусульманским судьям, и это было не только в случаях требования разводов, более простую процедуру, которого представляло мусульманское право. Мусульманские суды или же мусульманская государственная организация также разрешали конфликтные ситуации, возникавшие между различными христианскими церквями. Сохранение за церковью судебной компетенции объяснялось тем, что была сохранена прежняя церковная юридическая практика, необходимая для обеспечения внутренней самостоятельности церкви. Христианское духовенство имело право, вытекавшее из исторической традиции церкви, материально себя обеспечивать за счёт церковных налогов и сборов.

Заслуживает внимания положение в Силистре. В 1569 году там описаны 633 полных, 24 с одним родителем, и 136 неженатых налогоплательщиков-христиан, живущих в 15 соседних районах (махалах), которые названы в честь священников – «махала поп Куцар», «махала поп Добрика», «махала поп Братан» и др. Все указанные фамилии священников и в настоящее время бытуют среди гагаузов Бессарабии.

Несмотря на упорядоченную систему взаимоотношений между османскими властями и христианской церковью, происходили конфликты на этой почве. Так, например, в 1693 г. в селе Каварна была построена христианская церковь на месте бывшего церковного двора, недалеко от мусульманской мечети. По решению управителя «кади» Балчикской околии строительство церкви было определено как незаконное, и она была разрушена.

Гагаузский священник Дмитрий Чакир писал о положении христианской церкви в Османской империи: «В то время турки притесняли христиан-болгар до последней

степени варварства. (...) иконы в жилищах христиан всегда были спрятаны в секретных местах, а о церкви христианской нечего было и говорить: если и бывала где-либо церковь, то вдали от жилищ и устраивалась вроде шалаша, покрытого хворостом и камышом, без потолка, где ветер гулял по всему простору; священник в ней служил в турецкой чалме, опасаясь подозрений со стороны турок. Что же касается до священнослужителей христианских, то они большею частью были неграмотны и ограничивались одними требоисправлениями».

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Во время первого столетия османского владычества внутренние районы Добруджи были мало населены, со временем стали появляться новые села. Главным условием для образования поселений было наличие источника воды. Из 352 населенных мест в Силистринской нахии в 1569 г. 86 носят в названии суффикс «кую» или «пынар», т.е. источник.

В добруджанском земледелии в XVI веке преобладают зерновые культуры. Выращивают пшеницу, просо, рожь и овес, фасоль, чечевицу, горох, лен и коноплю. Развито также виноградарство и пчеловодство.

В добруджанских степях занимались животноводством. Османские власти обязывали Силистру поставлять ежегодно 21485 овец, Хырсово – 17330, Исакча – 6670, а районы Хаджиоглу Пазарджик и Балчик от казаты Варна – 17810 овец. Добруджа без нахии Текфургиол должна была предоставлять ежегодно по 63295 овец. Разводили лошадей и крупный рогатый скот. Прибрежное население занималось рыболовством.

С установлением османской власти в Добрудже ввели в землевладение военную и мирийскую системы. По ней земля признавалась собственностью завоевателей, а ее обработчики – наследственными владельцами. Они обязаны были платить десятую часть от полученной продукции, а также ряд других налогов.

До середины XIX в. в Османской империи официально существовало военное условное феодальное землевладение (спахилык). В то же время развивалось, постепенно вытесняя спахилык, чифликчийство – форма безусловного помещичьего землевладения, ориентированного на рынок. В методах ведения чифликского хозяйства, во взаимоотношениях чифликчиев и крестьян было много пережитков спахилыка. Консерватизм экономического и социального строя, составлявший отличительную черту внутреннего развития Османского государства на протяжении всей его истории.

В основе османского аграрного права лежало подразделение всех земель на пять категорий: 1) «мюльк» – земли, находящиеся в полной частной собственности; 2) земли вакуфные – пожертвованные государством и частными лицами в пользу религиозных учреждений; 3) земли государственные («мириё», «мирийские»), собственность государственной казны; 4) земли общего пользования («метрукё») – дороги, базарные места. Общинные пастбища и леса, принадлежавшие городам и сёлам, и пр.; 5) мёртвые, пустующие земли («меват»), составлявшие государственный фонд.

Эта классификация ещё в раннее Средневековье получила широкое распространение в странах ислама. В её основу был положен принцип разного налогового режима. Так, мюльковые земли не облагались десятиной и рядом других налогов. Такими землями могли владеть только мусульмане. В христианской Болгарии к разряду мюлька были причислены двор и приусадебный участок. Обрабатываемые земли, находившиеся за чертой поселений, относились к разряду земель мирие, так как, согласно шариату, земли в завоёванной стране, население которой не приняло ислам, становились достоянием государственной казны и переходили в распоряжение султана. Мирийские земли облагались десятиной, тапийными сборами и другими налогами.

Большей частью земель мирие владели турецкие феодалы (спахии) на правах пожизненного условного держания. Часть мирийских земель осталась в руках местного населения, державшего их непосредственно от государства. В мирийских землях выделялись владения султана, членов его фамилии и высшей знати (земли «хасс»).

Крестьянские владения делились на подворно закреплённые участки полей и лугов и на пастбищные земли (пастбища, леса, пустоши, иногда сенокосы), приписанные к селу в целом. В то время как наделы крестьян причислялись к категории мирийских земель, общинные угодья относились к землям метруке. Но в последнюю категорию входили и дороги, базарные места, которыми могли пользоваться все, а не только жители данной общины.

Шариатский закон предписывал пятую часть завоёванных земель отдать религиозным учреждениям. Вакуфные владения впоследствии округлялись за счёт земель, пожертвованных частными лицами и султанами. Вакуфная собственность была необратимой, т.е. не могла быть превращена в собственность иного рода, доходы от вакуфных имуществ получало духовенство.

Пустующими («меват») считались земли, удалённые от населённых пунктов и не входившие в пределы владений какого-либо села или города. Эти земли, по шариату считавшиеся собственностью всего общества правоверных, могли осваиваться только с разрешения высших властей.

Военно-ленная система феодального землевладения составляла основу социально-экономического строя Османской империи в период её расцвета.

Спахии не вели собственного хозяйства, земля оставалась в руках крестьян, живших в пределах ленных владений. В бератах – грамотах о пожаловании лена – указывалась сумма доходов, которую феодал мог присваивать. Держа мирийскую землю от султана, спахии формально не имели права распоряжаться ею: самовольно продавать, передавать по наследству и т.п. Они не могли также согнать крестьян с земли, которую те обрабатывали. Во время войны турецкие феодалы были обязаны служить в войске, приводя с собой также вооружённых всадников, число которых определялось доходностью лена. В мирное время спахии должны были следить за регулярной обработкой земли в своих ленах и держать в повиновении райю. Неисполнение перечисленных обязанностей влекло за собой отнятие лена и передачу его другому лицу. Сыновья феодала могли наследовать землю отца, только приняв на себя его обязанности. Таким путём государство обеспечивало повиновение феодалов и нужную централизацию власти, которая была залогом военных успехов империи.

Самые крупные и приносящие наибольший доход села в Добрудже принадлежали султанам в качестве хасов. Только в нахиях Силистра и Хырсово в 1569 г. санджакбей имел хасы, приносивших ему 300000 монет (акче) ежегодно.

Значительную часть сел получили алайбеи, чауши и другие лица средней прослойки феодального класса. В Силистринском районе 40 сел были зиаметскими, а среди них и Ветрене, Татарище, Тешовица, Большой Гарван и другие села. Такая же картина и в Хырсовской нахии. Наибольшее количество сел дано спахийским тимарам – 206 в Силистринском, и 103 – в Хырсовском. Доходы спахийских сел в целом едва составляют половину того, что дают большие города села, принадлежащие султану. Самые маленькие «тимары» (земельные владения) достались воинам крепостных гарнизонов (мустахфызам). Доходы от вакуфных земель шли на поддержку мечетей, медресе.

В Добрудже имелись различные категории селян, не причисленные к какому-либо феодальному владению. Тем не менее, они выполняли определенные повинности для государства. Это население составляли татары джебели, которые не платили десятину и налоги раи, а отправляли конных воинов в армию. В Добрудже имелось и христианское военизированное население, войнуганы. Они были освобождены от уплаты десятины и других налогов, что указывало на то, что они – не рая. Они служили в государственных конюшнях, пасли коней и заготавливали сено, а во время военных походов находились в обозе армии.

Прибрежные села обеспечивали государственные морские суда гребцами («кюрекчи»). Население в районе Тулчи изготавливало камышовые снопы для ремонта дорог.

В XVII веке начался процесс вытеснения тимарской системы и увеличение государственной эксплуатации рая. Были расформированы некоторые военизированные формирования, их села вошли в султанские хасы. Возросли государственные налоги: поголовный налог (джизие), откуп за расквартирование войск (авариз, бедел и нузул) и др. Состоятельные жители начинают приобретать обширные земли и превращаются в крупных частных землевладельцев.

В период османского овладения Черноморским и Дунайским прибрежным районами в Добрудже существовало значительное количество пристаней. В XV в., когда Черное море было закрыто для европейской торговли, придунайские пристани оказались в большей степени связаны с внешней торговлей.

Османская власть детально регламентировала налогообложение на базаре и городское хозяйство. Сохранились сборники законов (канунами) от 1569 года о таксах с базаров и пристаней Силистры, Хырсово, Мачина, Исакчи, Тулчи, Бабадага, Карахарманлыка, Мангалии, Кюстенджа, Калиакры, Балчика и Хаджиоглу Пазарджик Эти своды свидетельствуют о значительном месте, которое занимала торговля в городской экономике. На городских базарах продавали зерно, продукты животноводства, вино и другие товары. Существовали таксы на ремесленные изделия и товары от «неверных базаров», т.е. рынки вовлекали Добруджу во внутреннюю внешнюю торговлю. Большие количества шерсти, кожи, воска, живых товаров и продовольствия вывозились в Трансильванию и Центральную Европу, в Дубровик или Стамбул и другие регионы Османской империи.

В городах процветали ремесла. В документах отмечены строители, мясники, копатели источников, пекари, цирюльники, портные, производители различной обуви, меховщики, ювелиры, бондари. Изготавливалось и спиртное: ракия, медовия, за что производитель платил налог в 2 монеты (акче) с казана. На черноморском побережье добывали соль. Доходы в государственную казну от добычи соли в Текфугиоле, Шапле и Балчике к 1569 году достигали 153000 акче ежегодно.

На росте городов сказывается и превращение их в военно-административные населенные единицы. Например, в XVII веке в Бабадаге появился большой лагерь для зимовки войск. Город занялся заготовкой больших запасов зерна, военных припасов, одежды и обуви. Хозяйственное значение города усилилось. Вместе с тем, присутствие ремесел и торговли в экономике городов, их хозяйство не выходило за рамки феодальной экономики. Городское хозяйство оставалось составной частью феодальной экономики.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В БЕССАРАБИЮ

Гагаузский просветитель протоиерей Михаил Чакир в своей книге «История гагаузов Бессарабии» писал: «Когда начались войны между русскими и османскими турками, в губерниях Варна и Добруджа в 1734-1739 гг., и 1768-1774 гг., гагаузы испытывали много страданий и начали покидать старые места, и искать себе новые земли, стали селиться внутри Молдавии и Бессарабии, в Буджаке и в России». Этнограф В.А.Мошков, посетивший гагаузов в конце XIX в., записал у них ряд преданий о периоде переселения с Балкан в Бессарабию: «... у гагаузов сохранился рассказ о том, как турки препятствовали их дедам выселяться в пределы России и возвращали их с половины пути, если узнавали, что они направляются за Дунай, и о том, как они принуждены были подвигаться к русской границе со своими обозами только по ночам, и прибегали при этом к хитрости. Остановливаясь на день, переселенцы всякий раз поворачивали дышла своих повозок в сторону, противоположную России, и на вопрос турок, откуда едут, неизменно отвечали: «Ивандан», т.е. от Ивана (Иваном в те времена называли в Турции русских)».

Память об османском господстве у гагаузов сохранилась в преданиях, легендах и песнях.

ЛИТЕРАТУРА

Божилев И., Гюзелев В. История на Добруджа. Средневековие. Велико Търново. 2005. Т. 2

Димитров Стр., Жечев Н., Тонев В. История на Добруджа. София, 1988. Т. 3.

Градева А. (София). О некоторых проблемах формирования османской системы управления (XIV–начало XVI вв.) // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.

Весела З. (Прага). К вопросу о положении христианской церкви в османском государстве // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.

Муртузалиев С.И. (Махачкала). К вопросу о тюркско-исламской колонизации в болгарских землях в XV-XVI вв. // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.

Орешикова С.Ф. (Москва). Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.

Градешилев И. Гагаузы (перевод с болгарского). Одесса, 1998.

Димитров Страшимир. Гагаузкит проблем // БСП. 1995. Т. 4.

Дрон И.В., Курогло С.С. Современная гагаузская топонимия и антропонимия. Кишинев, 1989. Дурбайло М.А. Баллада тюркүлери. Кишинёв, 1991.

Дяченко В.Д. Антропологический состав гагаузского народа (в связи с его происхождением) // Гагаузы. Исследования и материалы. М., 1993.

Каранастас-Радова О.К. Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке (конец XVIII – первая четверть XIX вв.). Кишинёв; Комрат, 2001.

Кёппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861.

Курогло С.С. Семейная обрядность гагаузов в XIX–нач. XX вв. Кишинёв, 1980.

Маркова Л.В. Сельская община у болгар в XIX в. // ТИЭ. 1960. Т. 62.

Маркова Л.В. Землепользование у болгар и гагаузов в Бессарабии в XIX в. // ТИЭ. 1960. Т. 62.

Покровская Л.А. Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов // СЭ. 1974. № 1.

Dron Ion. Studii și cerceterii. (Articole selette). Chișinău, 2001.

Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинёв, 2004.

Крыжановская К.П., Руссев Е.М. Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П.Юшневского (Сборник документов). Кишинёв, 1957.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Первая половина XVIII века явилась временем, когда полиэтничное население Болгарии, Сербии и Греции испытывало тяжелый экономический гнет как со стороны турецких чиновников, так местных помещиков, угнетавших крестьян. Болгары, гагаузы, греки и сербы, пытаясь найти выход из создавшегося положения, переселялись в более спокойные районы Болгарии, где в меньшей мере ощущались анархия и поборы. Однако существовавшая религиозная неприязнь со стороны турецких правителей, а также экономическая разруха и социальная нестабильность вынудили в начале XVIII века группу гагаузских семей из северо-восточной Болгарии покинуть пределы страны (7).

Толчком к дальнейшим переселениям явилась также начавшаяся русско-турецкая война 1735-1739 гг., а затем 1768-1774 гг., 1787-1791 гг. Появление русских войск давало угнетенным народам как Болгарии, так и других стран Балканского полуострова, надежду на избавление от многих бед. В дальнейшем это выразилось в стремлении многих крестьян Болгарии, Сербии к переселению в Россию. Одновременно следует отметить и существовавшую тогда политическую ситуацию, способствовавшую переселению населения балканских стран в Россию. Россия, имевшая свои политические планы по отношению к Балканам, стремилась играть роль освободителя народов Балкан от османского гнета.

В 1751 году русский посол в Вене граф Бестужев-Рюмин направил “прошение православных народов, сербских, македонских, болгарских и волошских” к императрице России с просьбой “принять их на поселение и вечное подданство России” (8). Он предложил пополнить гусарские полки сербами, македонцами и болгарами (в данном случае подразумеваются выходцы из стран – Сербии, Македонии и Болгарии, но не этническая принадлежность – О.Р.), так как все эти народы одного православного вероисповедания и “по своей храбрости повсюду над миру славны” (9). В том же году, на основании этого прошения, императрицей был издан указ, где впервые официально говорилось о переселении в Россию балкан-

*Переселение в Бессарабию 1806-1812 гг.
(репродукция с картины Д. Севастина)*

Командующий Дунайской
армии М. И. Кутузов, 1811 г.

ских народов «греческого вероисповедания»* (10). Этим же указом полковнику Ивану Хорвату Оккуртичу были даны полномочия переселять в Россию болгар, а также македонцев, сербов и волохов с целью создания гусарских и пехотных полков. Впоследствии эти переселения привели к образованию в Украине военной области, получившая название «Новая Сербия».

Среди переселенцев на Украину и в Бессарабию были, как указано выше, и македонцы. Следует отметить, что если в Новой Сербии расселялись этнические македонцы, сербы и волохи, то среди «македонцев», приехавших в Бессарабию, находилась другая группа. В свое время П.Кеппен писал, что под македонцами (в данном случае имеются в виду те, которые поселились в Бессарабии – О.К.Р.), следует понимать так называемых «черных болгар», «которые употребляют письма волошские»** (11), или гагаузов. Таким образом, в эпоху правления императрицы Елизаветы Петровны русские власти впервые издают законодательство о привлечении балканских народов греческого вероисповедания и поселении их на Юге России. До этого времени все имеющие место переселения носили неофициальный характер.

Эмиграционным движением в большей мере были охвачены северо-восточные районы Болгарии: Шумен, Силистрия, Добрич, Варна, Бальчик, Каварна. Население этих мест по преимуществу являлось гагаузским.

Анализ архивных источников и опубликованной литературы дает возможность выделить несколько этапов переселения гагаузов. В переселенческом движении гагаузов с Балканского полуострова в Бессарабию можно выделить три этапа: I. XVI – первая половина XVIII в.; II. Вторая половина XVIII – начало XIX вв.; III. 1819–1857 гг.

I. Ранний этап переселения гагаузов в Бессарабию характеризуется тем, что гагаузы поселялись небольшими группами неофициально в Дунайских княжествах и в Буджаке. На этом этапе в Буджак переселились гагаузы – приверженцы греческой церкви. А.А.Скальковский писал, что «когда переселились впервые странники из Болгарии, точною не известно, но по всем версиям переселение их началось в Бессарабию, именно в Буджакские степи» (12). О том, что ранние переселения гагаузов в Бессарабию относятся к XVI веку, говорят как отечественные, так и зарубежные источники. Так, священник Д.Г.Чакир, описывая биографический очерк своего рода и фамилии, подчеркнул, что в 1790 году братья Чакир со своими семьями перешли и поселились на особых условиях в селении Чадыр (ныне село Чадыр в Леовском районе*** Молдовы).

* Имеются в виду балканские народы, придерживающиеся канонов греческой церкви.

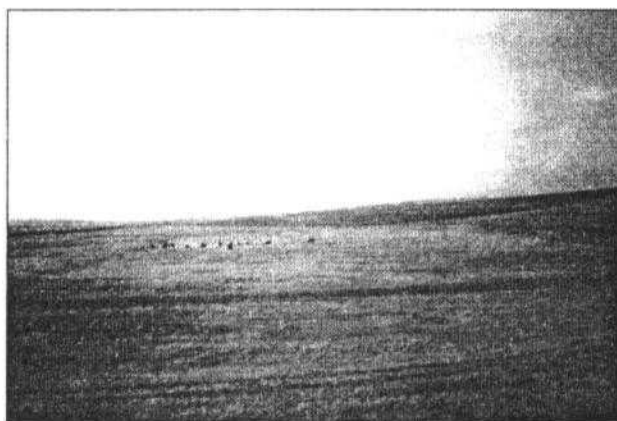
** Под «волошскими письмами» следует понимать славянский шрифт, которым волохи (мунтяне и молдаване) пользовались до середины XIX века.

*** В 1998 году было произведено изменение административных границ Республики Молдова. Вместо районов были введены уезды. Были созданы 9 уездов: Бельцкий, Кагульский, Кишиневский, Единецкий, Лэпушнянский, Оргеевский, Сорокский, Тигинский, Унгенский. Отдельной административной единицей выделено Автономное территориальное образование Гагаузия. В законе выделены населенные пункты левобережья Днестра, которым могут быть предоставлены особые формы и условия Автономии (см. «Monitorul oficial al Republicii Moldova», №116-118 от 30 декабря 1998 г., стр. 3-14).

Автор указывает, что до их прихода там уже жили “болгары православного вероисповедания, известные под именем “гагаузов” (13). Болгарские источники указывают, что то же самое село Чадыр (ныне село Чадыр в Леовском районе Молдовы) было заселено в 1589 году переселенцами из Добруджи, а село Томай того же района (ныне село Томай Леовского района Молдовы) заселено в 1694 году переселенцами из села Кюстендже Северной Добруджи (14). Известно, что выходцы из Добруджи, в основном, были гагаузами. Село Томай (Леовского района Молдовы) первоначально было заселено гагаузами, которые после 1819 года переселились в село Томай Чадыр-Лунгского района. Следует отметить, что селение Томай Чадыр-Лунгского района уже в конце XVIII века было заселено гагаузами (это показывают архивные материалы, выводы более подробно изложены ниже, а подтверждающие цифры, взятые из фондов архива (НА РМ), показаны в таблице №1 – О.К.Р.).

II. Этот этап переселения гагаузов в Бесарабию и южную Россию охватывает период 1750-1812 гг. Каждая русско-турецкая война усиливала поток переселенцев. Указы 1751 и 1752 гг., а также манифест от 1763 года* в определенной мере помогли переселенцам.

В середине XVIII века официальное переселение балканских выходцев в Новороссийский край было осуществлено Хорватом, который переселил 620 семейств

Буджакская степь

(15). Они поселялись в степях Херсонской губернии, в Новоархангельском, Синюхином броде и других военных поселениях (“ротах”) сербского гусарского полка, разместившихся вдоль реки Синюхе. Пользуясь правами этого же указа, одновременно другая, меньшая партия задунайских переселенцев перешла в Буджак (16).

Гагаузские переселенцы из Болгарии в 1732 осели в селении Волканешты** (17). Позднее, в 1806 году, из Бальчика (Болгария) в Вулканешты переселились еще 289 семей, численностью 1860 человек (18). В то время в этих селах еще жили ногайцы, которые впоследствии были выселены в Крым и Приазовье. Первое выселение ногайцев из Буджака происходило в 1768-1774 гг. (19). До окончательного переселения ногайцев в Крым, в 1807 году, гагаузы проживали в Буджакской степи в соседстве с ними.

О том, что первые задунайские переселенцы поселялись вместе с ногайцами (или же образовывали новые селения), говорят как архивные материалы, так и изданные литературные источники. А. А. Скальковский писал, что “здесь они жили спокойно и дружно среди туземных обитателей – ногайцев” (20). Доказательством

* В 1999 году был создан еще один уезд – Тараклийский.

** Ныне п.г.т. Вулканешты; по данным Всесоюзной переписи 1989 года, 66,3% населения Вулканешт составили гагаузы, 12,3% – молдаване, 9,5% – русские, 5,6% – украинцы, 4,7% – болгары.

Буджакские ногайцы

Хаджикиой; села – Баймаклы, Шамайлы и Сындык имели также название – Ини-Сегать**. По-видимому, четыре села были названы по имени их владельца (Ини-Сегат). К этому списку можно добавить и такие села, как Авдарма, Буджак, Гайдар, Джолтай, Томай, Кириет[-Лунга], Комрат, Конгаз, Копчак, Чадыр[-Лунга], которые также относятся к этнонимам ногайского происхождения (22).

До окончательного переселения ногайцев на Молочные воды, в 1807 году, мало кто решался селиться в Буджакской степи. Молдаване, помнившие опустошительные набеги крымских ханов, не продвигались южнее Бендер (23). Только тюркские народы могли ужиться в той среде. Видимо, на это тогда и рассчитывала русская администрация, переселив на юг тюркских христиан – гагаузов. Гагаузы могли селиться в ногайских селах в связи с близостью гагаузского языка к языку ногайцев, который также принадлежит группе тюркских языков. В официальных источниках гагаузы были зафиксированы под общим названием “задунайские переселенцы”. Впоследствии статистики их ошибочно определяли как болгар, греков, румелийцев, македонцев, в зависимости от той территории, откуда прибывали гагаузские переселенцы.

Вид Бендерской крепости, взятой русскими войсками

* “Ведомость о числе семейств и душ мужского и женского пола составлялась из списков при переписи Бессарабских задунайских переселенцев, учтенной от 25 мая 1816 года за №1562// Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т.ХХУШ. Ч.II. Изд. “Славянская типография Е.Хрисогелос. Одесса. -1910. с.12-14.

** В ногайском языке слово «Ини» означает младший.

Использование ретроспективного, историко-сопоставительного и географо-сопоставительного методов исследования, а также антропонимического анализа и статистических данных позволило нам восстановить численность гагаузского населения, а также количество сел, населенных ими в конце XVIII–начале XIX вв.

На этом этапе произошли два крупных переселения гагаузов из-за Дуная: в 1787-1791 и 1806-1812 гг.

Переселения в научной литературе изучены И.И.Мещерюком. Являясь сторонником болгарского происхождения гагаузов, И.И.Мещерюк не ставил своей целью рассматривать болгар и гагаузов отдельно, наоборот, он их объединял в один народ (24). Его ошибочные позиции в вопросах этногенеза гагаузов в дальнейшем отразились и на исследованиях, связанных с переселениями болгар и гагаузов.

Нельзя согласиться с мнением И.И.Мещерюка, который писал, что первое массовое переселение болгар и гагаузов происходило во время русско-турецкой войны 1806-1812 гг. (25), а второе крупное переселение – в 1829-1830 гг. (26). В действительности, крупное переселение гагаузов имело место и до 1806-1812 гг. Не отрицая значение этих переселений как крупных, следует отметить, что их следовало бы квалифицировать несколько по-другому.

Первое крупное переселение гагаузов происходило с 1787 по 1791 гг. Они поселились “в крепостях Измаил, Килия, Бендеры, Аккерман (где оставались некоторое время русские гарнизоны), в городах Кишиневе и Рени, на землях молдавских бояр и, наконец, вместе с ногайцами, в кышлах и усадьбах татарских в Буджаке” (27). Характер переселений 1806-1812 гг. и 1829-1830 гг. следует оценивать по-иному.

Переселения 1806-1812 гг. были по преимуществу не болгарскими, а гагаузскими, так как число прибывших в то время болгар было небольшим. И.И.Мещерюк по этому поводу писал, что “анализ фамилий представленного “Именного списка переселенцев с правой на левую сторону Дуная с 1809 года и живущих в Молдавии и Бессарабии” свидетельствует о решительном преобладании гагаузов, составляющих около двух третей переселившихся” (28). Что касается переселения 1829-1830 гг., то его следовало бы назвать первым крупным переселением болгар в Буджак (вместе с ними и гагаузов). Это подтверждается теми фактами, что основная масса сел в Буджаке, где и поныне живут болгары, образована в 1829-1830 гг. (29).

В историографии XIX–начала XX вв. сложился определенный стереотип, согласно которому, гагаузов не выделяли из общей массы “задунайских переселенцев”. Многие авторы, особенно болгарские историки, считали гагаузов частью болгарского народа и переселения гагаузов рассматривали только совместно с болгарскими. В связи с этим были допущены неточности, а порой и искажения фактов давности переселения гага-

Офицеры русской армии

узов в Буджак и тем более давности образования тех сел, где в настоящее время они расселены. Часто, рассматривая совместные переселения болгар и гагаузов в Буджак, авторы обращали внимание только на образование болгарских сел и упускали из внимания гагаузов.

Современные исследователи болгарских переселений продолжают придерживаться этой же позиции (30), хотя архивные источники, полевые материалы, а также изданная литература говорят о другом. Авторы некоторых работ стараются доказать, что гагаузские села, в основном, образовались в начале XIX века. Однако полученные результаты антропонимического анализа, который был сделан автором на основании списков задунайских переселенцев по Бессарабской области за 1818 год, в разрезе населенных пунктов, говорят о другом (см. табл. №1) (31).

В Национальном архиве Молдовы (ф.5, оп.2) приводится перечень сел со списком переселенцев (32). Имеющиеся пофамильные списки задунайских переселенцев каждого селения на конец XVIII–начало XIX вв., дают нам возможность установить численность гагаузских переселенцев. Тюркская основа фамилий жителей этих сел подтверждает факт первоначального поселения в этих селах гагаузов. Это же подтверждается переписями населения Бессарабии, которые имели место в XIX–начале XX вв. Компактное расселение гагаузов в Буджаке еще в период первых переселений спасло их от ассимиляции. Это подтверждают и данные последней Всесоюзной переписи 1989 года. Анализ и сопоставление списков задунайских переселенцев на конец XVIII–начала XIX вв. и данных последующих переписей, дает возможность определить ранние этапы переселения. Учитывая факт, что большинство фамилий имело тюркский характер (см. главу II.2.), например, такие как Алтыпармак, Ангели, Арабаджи, Арабоглу, Булгар, Бурук, Дерменджи, Кара, Карабаш, Киосе, Кироглу, Колиоглу, Комуруглу, Курт, Кюркчю, Маноглу, Русоглу, Сакалы, Стефоглу, Сыртмач, Танасоглу, Тасмалы, Фучиджи, Хаджиоглу и т.д., и что они прибыли вместе со своим греческим духовенством, можно заключить: это были гагаузы. В свое время П.Кеппен, описывая гагаузов, выделил большую группу «хасыл гагаузов» («настоящих» или «истинных»), которых характеризовал как гагаузов греческого вероисповедания (33).

Переселения гагаузов из-за Дуная в Буджак приходились на период с 1765-1812 гг. За это время произошли три русско-турецкие войны: 1768-1774, 1787-1791 и 1805-1812 гг., которые способствовали переселению балканских народов в Россию и на те территории, которые освобождались от турок-осман. Как видно из таблицы №1, крупное переселение гагаузов из-за Дуная происходило во время русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Ели учесть, что в смешанных гагаузско-болгарских селениях гагаузское население составляло, в среднем, около 40%, а в гагаузско-молдавских – около 25%, то можно отметить, что во время русско-турецкой войны 1787-1791 гг. переселилось в Буджак около 1000 семей гагаузов, численностью свыше 5000 человек. Сюда входят и те гагаузские переселенцы, которые поселились в этих селах (см. табл. №1) с 1765-1770, 1775-1776, 1793-1798 гг. (НА РМ; ф.5. -оп.2. -д.442. -ч.IV. -510-512, 521-522, 528-529) (34). При составлении списков задунайских переселенцев в 1818 году администрация подразделила переселенцев на тех, которые поселились в Бессарабской области во время русско-турецкой войны 1787-1791 гг. и в период русско-турецкой

войны 1806-1812 гг. Во время русско-турецкой войны 1806-1812 гг. в Буджаке поселились свыше 1600 гагаузских семей численностью около 9000 человек.

В русской документации, когда речь идет о задунайских переселенцах первой половины XIX века, часто встречается термин "старые" и "новые" поселенцы. Изучение этого вопроса дает возможность заключить, что задунайские переселенцы, появившиеся в Буджаке в XVIII веке, а также до 1806 года, получили название "старых" переселенцев, а те, которые прибыли во время русско-турецкой войны 1806-1812 гг. и после нее, стали называться "новыми" переселенцами.

Русская администрация установила разные льготы для этих обеих групп переселенцев. Для старых поселенцев были предоставлены привилегии сроком на три года, а для новых – на семь лет. Данное положение было закреплено указом от 29 декабря 1819 года (35).

Анализируя архивный материал, приведенный в таблице №1, можно подчеркнуть, что в конце XVIII – начале XIX вв. гагаузское население было расселено более чем в 63 селениях Бендерского, Гречанского, Кодрского, Измаильского уездов*, из которых 42 селения были с абсолютным большинством гагаузского населения; в 14 селениях было смешанное гагаузско-болгарское население, где гагаузы в среднем составляли около 40% и в 7 селениях было смешанное гагаузско-молдавское население, где гагаузы в среднем составляли около 25%.

В списках задунайских переселенцев встречается несколько селений, имеющих одно и то же название, но населенные жителями разных национальностей. Это такие селения как Еникиой (Кодрского цынута, жители – гагаузской национальности), Еникиой (Измаильского цынута, жители – болгарской национальности); Казаклия (Бендерского цынута, заселено было гагаузами), Казаклия (Гречанского цынута, смешанное гагаузско-болгарское селение, в 1818 году гагаузское население составило около 55% от общего числа жителей этого селения); Татар Баурчи (Гречанского цынута, жители – болгарской национальности), Баурчи (Бендерского уезда, жители – гагаузской национальности) и другие. В таблице №1 приводится перечень сел не только с абсолютным большинством гагаузского населения, смешанные гагаузско-болгарские и гагаузско-молдавские селения, но указывается также и перечень сел задунайских переселенцев с абсолютным большинством болгарского, греко-венгерского, молдавского, русского населения.

Сравнивая два периода переселений, приведенных в таблице №1, можно выделить определенную закономерность: в одних селах преобладали переселенцы периода 1787-1791, а в других – периода войны 1806-1812 гг. В период войны 1787-1791 гг. гагаузы поселились в 49 селениях Буджака, из которых в 32 селениях гагаузское население составляло абсолютное большинство (от 80-100%), в 11 жило смешанное гагаузско-болгарское население и в 6 селах – гагаузско-молдавское.

* В данном исследовании использованы результаты антропонимического анализа только по четырем уездам юга Бессарабии: Бендерского, Гречанского, Кодрского, Измаильского, проведенного, согласно спискам задунайских переселенцев, составленных в 1817-1818 гг. Последующие исследования в этом направлении, возможно, пополнят список гагаузских поселений.

Таблица №1

ДАННЫЕ О ЧИСЛЕННОСТИ ЗАДУНАЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
БЕССАРАБСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XVIII–НАЧАЛЕ XIX ВВ.¹⁴

№. пп.	Наименование населенного пункта	Поселившиеся во время русско-турецкой войны 1787-1791 гг. и до нее				Поселившиеся во время русско-турецкой войны 1806-1812 гг.			
		Число семей	Количество жителей		всего	Число семей	Количество жителей		всего
			мужчин	женщин			мужчин	женщин	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Села с абсолютным большинством гагаузского населения:</i>									
1.	Авдарма	20	67	50	117	1	3	2	5
2.	Баймаклы (Гречанского цыгута)	-	-	-	-	5	15	17	32
3.	Баурчи (Бендерского цыгута)	28	67	72	139	54	134	125	259
4.	Бешалма	2	5	4	9	65	216	182	398
5.	Бешгиоз	34	105	91	196	7	20	18	38
6.	Божорка	7	18	21	39	73	196	213	409
7.	Болбока	-	-	-	-	109	248	241	489
8.	Волканешть	52	150	159	309	98	266	242	508
9.	Гайдар	40	104	95	199	-	-	-	-
10.	Ганисены ноу	-	-	-	-	2	6	6	12
11.	Гана	15	36	36	72	-	-	-	-
12.	Джолтай	2	4	8	12	18	61	50	111
13.	Дизгинже	109	301	267	568	14	37	30	67
14.	Еникиой (Кодрского цыгута)	44	125	116	241	6	22	18	40
15.	Итулия	-	-	-	-	66	196	192	388
16.	Казаклия (Бендерского цыгута)	30	94	60	154	64	180	162	342
17.	Капаклы	6	12	17	29	-	-	-	-
18.	Карбаул	1	4	3	7	37	116	96	212
19.	Киосели Мика	6	14	16	30	27	91	77	168
20.	Кириет	71	178	154	332	4	14	5	19
21.	Кирсов (Башкиой)	38	110	99	209	26	69	69	138
22.	Кождамгали Мари	-	-	-	-	34	97	105	202
23.	Комрат	46	146	114	260	50	140	128	268
24.	Конгаз	-	-	-	-	65	183	160	343
25.	Копкуй	39	111	107	218	-	-	-	-
26.	Копчак	-	-	-	-	96	272	245	517
27.	Кубей	-	-	-	-	113	354	308	662
28.	Курчи	-	-	-	-	81	229	218	447
29.	Манжар	4	10	10	20	-	-	-	-

¹⁴ Наименования населенных пунктов даются без изменений, в соответствии с архивными материалами конца XVIII–начала XIX веков. Данная таблица оригинальна и составлена на основе полученных результатов антропонимического анализа архивных источников (подробный анализ излагается в параграфе II.2).

30.	Молдаван Баурчи (Гречанского цыгута)	24	81	75	156	19	46	55	101
31.	Пеленей Булгар	13	31	47	78	3	10	7	17
32.	Сатылык Хаджи	6	16	13	29	32	98	85	183
33.	Сындык	10	33	17	50	1	5	2	8
34.	Тартаул от Ларги	37	113	107	220	2	5	4	9
35.	Томай (Бендерского цыгута)	80	251	211	462	4	11	8	19
36.	Томай (Кодр- ского цыгута)	6	25	14	39	-	-	-	-
37.	Хаджикиой	2	5	3	8	1	2	2	4
38.	Чеболакчи Татар	2	20	18	18	7	7	9	16
39.	Чешмекиой	3	8	6	14	108	326	321	647
40.	Чокмейдан	12	37	30	67	8	31	21	52
41.	Чукурмиса	-	-	-	-	45	118	123	241
42.	Шамайлы	7	15	17	32	2	4	7	11
	Итого:	796	2296	2057	4353	1347	3829	3553	7382

Смешанные гагаузско-болгарские села:

43.	Баймаклы (Кодрского цыгута)	2	13	11	24	26	75	62	137
44.	Казаклия (Гречанского цыгута)	13	41	35	76	12	38	32	70
45.	Кайракли	11	50	31	81	14	39	36	75
46.	Каракурт	57	203	173	376	93	226	220	446
47.	Киосели Мари	11	36	21	57	5	13	14	27
48.	Кият	13	38	30	68	8	20	27	47
49.	Кодрены	31	87	59	146	16	28	28	56
50.	Кождамгали Беженарь	-	-	-	-	5	15	16	31
51.	Пеленей Молдовень	4	13	7	20	1	1	-	1
52.	Табак	6	42	27	69	103	326	286	612
53.	Хаджи Абдула	2	5	6	11	91	242	249	491
54.	Чешма	-	-	-	-	79	256	230	486
55.	Чомай	-	-	-	-	29	85	61	146
56.	Шикирли Китай	39	121	94	215	36	103	92	195
	Итого:	189	649	494	1143	518	1467	1353	2820

Смешанные гагаузско-молдавские села:

57.	Анадолка	36	99	93	192	36	88	92	180
58.	Барта	30	83	82	165	25	72	70	142
59.	Импуцята	60	200	173	373	-	-	-	-
60.	Картал	-	-	-	-	99	275	247	522
61.	Сатуноа	21	54	60	114	58	188	142	330
62.	Фрикацей	68	198	180	378	56	148	153	301
63.	Чебалакчи от Ларги	7	21	13	34	-	-	-	-
	Итого:	222	655	601	1256	274	771	704	1475

Села с абсолютным большинством болгарского населения:

64.	Алуат	-	-	-	-	13	33	31	64
65.	Бабили	8	20	17	37	27	79	67	146
66.	Борчак	-	-	-	-	4	16	16	32

67.	Гасанспахи	2	7	3	10	-	-	-	-
68.	Долукиой (Измайльского цыгута)	19	59	45	104	29	86	71	157
69.	Едибурне	-	-	-	-	13	31	36	67
70.	Еникиой (Измайльского цыгута)	43	120	115	235	38	121	102	223
71.	Карагач	86	269	249	518	11	27	30	57
72.	Кирпаешты	-	-	-	-	2	3	4	7
73.	Кигай	1	3	2	5	1	1	-	1
74.	Код Кигай	-	-	-	-	45	132	111	243
75.	Лунга	105	301	272	573	2	4	3	7
76.	Мокрешты	13	35	29	64	1	1	2	3
77.	Слободзея	26	68	63	131	24	66	56	122
78.	Тараклия	3	11	4	15	147	443	419	862
79.	Татар Баурчи (Гречанского цыгута)	7	19	15	34	10	33	26	59
80.	Татар Бунар	-	-	-	-	71	198	167	365
81.	Ташбунар	110	310	277	587	-	-	-	-
82.	Троешь	3	9	10	19	47	112	97	209
83.	Челшие	27	78	71	149	-	-	-	-
84.	Проживающие в хуторах Измайльского цыгута	-	-	-	-	17	46	31	77
Итого:		453	1309	1172	2481	502	1432	1269	2701
Села с абсолютным большинством молдавского населения:									
85.	Бринза	-	-	-	-	11	19	21	40
86.	Вадубоулуй	-	-	-	-	26	53	65	118
87.	Журжулешты	-	-	-	-	62	172	150	322
88.	Кислица 1 (Измайльского цыгута Прутского окола)	-	-	-	-	1	2	2	4
89.	Кислица 2 (Измайльского цыгута Килийского окола)	1	3	2	5	-	-	-	-
90.	Колибашы	7	15	17	32	14	29	30	59
91.	Ларга	-	-	-	-	3	5	9	14
92.	Мандрешты	6	16	16	32	19	54	45	99
93.	Роши	-	-	-	-	20	51	48	99
94.	Сараень или Бобоешты	-	-	-	-	40	120	103	223
Итого:		14	34	35	69	196	505	473	978
Села с абсолютным большинством греко-венгерского населения:									
95.	Валени	-	-	-	-	6	13	15	28
Села с абсолютным большинством русского населения:									
96.	Буджак	-	-	-	-	24	52	63	115
ВСЕГО:		1674	4943	4359	9302	2867	8069	7430	15499

В период войны 1806-1812 гг. гагаузы поселились еще в 13 селениях, из которых в 9 гагаузское население составляло абсолютное большинство, 3 селения были смешанные гагаузско-болгарские и одно – гагаузско-молдавское. В этот период переселенцы продолжали селиться и в вышеуказанных 49-ти селениях Буджака, где ранее поселились гагаузы.

Анализ архивных источников показал, что в *Бендерском цынуте* было 14 сел с **гагаузским населением** – это села: Авдарма, Баурчи, Бешалма, Бешгиоз, Гайдар, Джолтай, Дизгинже, Казаклия, Кириет, Кирсов, Комрат, Конгаз, Томай, Чокмайдан; в *Гречанском цынуте* было 10 сел: Баймаклы, Карбаул, Киосели Мика, Кождамгали Мари, Молдаван Баурчи, Пеленей Булгар, Тартаул от Ларги, Хаджикиой, Чеболакчи Татар, Чукурмиса; в *Измайльском* – 9 сел: Божорка, Болбока, Волканешть, Итулия, Копчак, Кубей, Курчи, Сатылык Хаджи, Чешмекиой; в *Кодрском* 9 сел – это: Ганисены ноу, Гана, Еникиой, Капаклы, Копкуй, Манжар, Сындык, Томай, Шамайлы.*

В *Гречанском цынуте* было 6 сел со **смешанным гагаузско-болгарским населением** – Казаклия (было две Казаклии – одно село находилось в Бендерском цынуте, другое – в Гречанском), Киосели Мари, Кият, Кождамгали Беженарь, Пеленей Молдовень, Чомай; в *Измайльском цынуте* было 6 сел: Кайракли, Каракурт, Табак, Хаджи Абдула, Чешме, Шикирли Китай; в *Кодрском цынуте* – два селения: Баймаклы, Кодрены.

Со **смешанным гагаузско-молдавским населением** в *Гречанском цынуте* было одно селение – Чеболакчи от Ларги; в *Измайльском цынуте* 6 сел: Анадолка, Барта, Импуцыта, Карталы, Сатунов, Фрикацей.

Во вновь созданные в 1819 году четыре округа (Прутский, Кагульский, Измаильский, Буджакский) **вошли все села с абсолютным большинством гагаузского населения, со смешанным гагаузско-болгарским и гагаузско-молдавским населением, которые находились в Бендерском и Измайльском цынутах. Гагаузские села, находящиеся в Гречанском и Кодрском цынутах, в состав округов не вошли** (36).

Таким образом, исследования показали, что в состав **вновь образовавшихся четырех округов вошли только лишь 36 сел, где было расселено гагаузское население.** Из них – 24 села были с абсолютным большинством гагаузского населения, 6 – смешанных гагаузско-болгарских и 6 – смешанных гагаузско-молдавских, которые находились в составе Бендерского и Измайльского цынутов. **Остальные 27 сел** (из них, 18 сел с гагаузским населением – это Баймаклы (Гречанского цынута), Ганисены ноу, Гана, Капаклы, Карбаул, Киосели Мика, Кождамгали Мари, Копкуй, Манжар, Молдаван Баурчи, Пеленей Булгар, Сындык, Тартаул от Ларги, Томай (Кодрского цынута), Хаджикиой, Чеболакчи Татар, Чукурмиса, Шамайлы; 8 – смешанных гагаузско-болгарских – села Баймаклы (Кодрского цынута), Казаклия (Гречанского цынута), Киосели Мари, Кият, Кодрены, Кождамгали Беженарь, Пеленей Молдовень, Чомай и 1 – смешанное гагаузско-молдавское село – это Чеболакчи от Ларги, где также были расселены гагаузы, остались за пределами этих округов.

А.П. Юшневский

* Названия сел приведены, согласно первоисточнику.

В результате этого часть гагаузского населения Гречанского и Кодрского цынутов переселилась во вновь созданные округа, а другая часть осталась на прежних местах проживания, и они, постепенно, к концу XIX–началу XX вв., ассимилировались.

В мае 1818 года задунайские переселенцы второй раз обратились к Александру I, во время его пребывания в Бессарабии, с просьбой об устройстве их на условиях, объявленных М. И. Кутузовым. В этом документе говорилось, что “прошло 6 лет” как “новые” задунайские переселенцы были приглашены в Бессарабию, однако вопрос их устройства оставался не решенным. В заявлении было отмечено, что при поселении им не были отведены земли, а сами они заняли места где им казалось лучше, поэтому “с тех пор живем мы рассеянно по всей Бессарабии”. Переселенцы писали: “нам запрещено собираться вообще с первыми” (т. е. со “старыми” переселенцами) и составлять таковое общество на царской земле, которую мы просим, и одновременно обещанного нам колониального права мы не видим по сей день, и все болгары, перешедшие сюда еще во время первой войны с Турцией, удерживаются на

№ 1

1811 г. апреля 26. Бухарест. – Объявление главнокомандующего Молдавской армией М. И. Кутузова о льготах, дарованных им задунайским переселенцам.

Переселяющимся с правой на левую сторону Дуная обывателям христианского исповедания.

Желая доставить все возможные выгоды единоверцам* нашим, освобождающимся из-под ига турецкого и переходящим добровольно с правого на левый берег реки Дуная, я, по силе, данной мне от его императорского величества, всемогущественнейшего государя моего, власти, дарую таковым трехгодичную льготу для освобождения от всяких земских податей и повинностей, которая потом, может быть, продолжится на несколько еще лет, со времени водворения их на левой стороне Дуная, в тех местах, кои они сами изберут своим жительством и где будут отведены свободные земли для их водворения.

Обещая всем обывателям прописанные выгоды, коими они будут пользоваться, когда переселятся на левый берег Дуная, я вместе с тем удостоверяю их также, что они не будут зависеть от Диванов здешних Княжеств, но, составляя собою особое общество колониальных поселенцев, будут состоять в непосредственном распоряжении определенных к ним российских офицеров, без всякого в том влияния земских исправников.

Напротив чего я остаюсь в полном удостоверении, что все единоверные вам народы, на правой стороне Дуная пребывающие, узнав о таковом к ним с нашей стороны призрении и даруемых выгодах, поспешно стремиться будут к соединению себя с находящимися уже здесь их соотчичами и где вкушать они

* Я. Дубровин, ук. соч., стр. 300 единоземцам; «Кутузов в Дунайских княжествах», стр. 85 единоверцам без оговорки издателями того, что в оригинале публикуемого ими док. написано единоземцам.

боярских землях, хотя также никогда не были обязаны и заселились без чьего-либо вспомоществования” (37).

Собрав все необходимые сведения о переселенцах, Инзов составил доклад, который в марте 1819 года был представлен Александру I. В докладе были изложены предложения по устройству задунайских переселенцев, а также был приложен проект Указа.

В результате этого 29 декабря 1819 года был издан императорский Указ, согласно которому, болгары и гагаузы получили права и привилегии наряду со всеми иностранцами, поселившимися в губерниях Новороссии и Бессарабии (38). Согласно этому Указу, переселенцы, прибывшие в Буджак до 1806 года, при переходе на отводившиеся им казенные земли, освобождались от платежа податей и повинностей сроком на три года. Поселившиеся во время войны 1806-1812 гг. и после нее получали также льготы, но уже сроком на семь лет. В 5 пункте говорилось, что “переселенцам, кои, быв прежде на казенных землях водворены, спокойно на оных жительствовавали, равно и коренным жителям, между ними обитающим, льготных лет не полагать”.

На казенные земли разрешалось переходить и тем крестьянам, которые осели во владениях молдавских помещиков и в городах, поэтому при переходе на казенные земли за жителями сохранялось право продажи своей собственности или переноса ее на новое место жительства.

Каждой семье отводили до 60 десятин казенной земли не в собственность, а с правом передачи потомкам. За пользование землей каждая семья должна была ежегодно уплачивать в казну около 15 руб. 60 коп. серебром за десятину, а за земли, взятых сверх надела, – около 3 коп. серебром ежегодно (39).

После принятия Указа 1819 года было осуществлено административное деление “болгарских колоний” и созданы четыре округа – Прутский, Кагульский, Измаильский и Буджакский. В эти округа стали стекаться переселенцы – гагаузы и болгары со всей Бессарабии, а также стали возвращаться те, которые по вышеизложенным причинам покинули свои родные места и уехали за границу. У «новых задунайских переселенцев» – болгар и гагаузов – осуществилась давняя мечта, они объединились со своими соплеменниками, жившими в Буджаке с незапамятных времен (40). Именно по поводу этих “старых” (о гагаузах) поселенцев А.Скальковский писал: “жили они спокойно и дружно среди туземных обитателей – ногайцев” (41).

В **Прутский округ** входили села Колибаши, Брынза, Валени, Слободзея, Бобошты или Сараени, Кислица, Вадебоулуй, Журжулешты, Мандрешты, Анадолка, Фрикацея, Божорка, Чешмекиой, Волканешты; в **Кагульский** – села Картал, Сатунов (или Ени-Кой), Барта, Карагачь, Буджак-Некрасовцы, Итулия, Хаджи-Абдула, Курчи, Инпуцыта, Болбока; в **Измаильский** – Табак или Болград, Тараклия, Татар-Копчак, Кубей, Сатылык-Хаджи, Кайраклия, Каракурт, Чешме-Варуит, Бабель или Бабили, Долукиой, Таш-Бунар, Чишия, Эрдек-Бурну, Шикирли-Китай; в **Буджакский** – села Троян, Вале-Пержи, Код-Китай, Лунга, Гайдар, Томай, Баурчи, Казаякли, Беш-Алма, Хо-Паз, Чок-Мейдан, Кирсов, Беш-Гоз, Комрат, Джолтай, Авдарма, Кириет, Дизгинже, Еникой (42).

В целом в Прутском округе было 14 колонистских сел, где проживало 1108 семей, из которых 171 семья была старого поселения (конца XVIII в.), 731 – нового (периода

1806-1812 гг.) и 206 – старожилов разных национальностей. В Кагульском округе было 10 сел, где проживало 947 семей, из которых 58 семей старого поселения, 830 – нового и 59 – старожилов разных национальностей. В Измаильском округе было 14 сел, где проживало 1556 семей. Из них 228 – старого поселения, 1088 – нового, 240 – старожилов разных национальностей. В Буджакском округе – 19 сел, проживало 1496 семей, из которых 739 было старого поселения, 667 – нового и 90 семей старожилов разной национальности. На 1819 год в этих четырех округах жили всего 5107 переселенческих семей, в том числе 4512 гагаузских и болгарских семей старого и нового поселения, 595 семей – старожилов разных национальностей (43).

В разных работах мы встречаем двоякое толкование вопроса о времени основания тех или иных сел. В списках переписи задунайских переселенцев за 1818 год отмечено, в каком году гагаузы переселились в села Буджака. Так, например, в село Копкуй переселение имело место в 1771 году, в село Капаклия – в 1771 г., с. Пеленей-Булгар – в 1795 г., с. Ларга-Тартаул – в 1791 г., с. Бешалма – в 1791 г., с. Кирсово – в 1791 г., с. Кириет – в 1790 г., с. Дезгиндже – в 1760 г., с. Томай – в 1790 г. (село Томай Чадыр-Лунгского района) (44) и т. д. В статистическом описании по Измаильскому цынуту за 1820 год даны другие данные, согласно которым, село Копчак образовано в 1813 году, с. Бешалма – в 1810 г., с. Кириет – в 1812 г., с. Томай – в 1813 г. (45) и т. д. Годы, указанные в этих источниках, нельзя рассматривать как год основания села, а лишь как время поэтапного переселения гагаузов из Балканского полуострова. Сами села возникли намного раньше.

Второе крупное переселение гагаузов происходило в 1806-1812 гг. В Бессарабии переселенцев называли “беженарями”. Окончательное выселение ногайцев из Буджака дало возможность и другим переселенцам селиться в Буджаке. Вместе с гагаузами стали прибывать и болгары. Однако они селились отдельно от гагаузов, и редки были случаи создания смешанных болгаро-гагаузских сел. Причиной тому, видимо, были распри между последователями греческой и болгарской церкви, которые имели место на Балканах вплоть до конца XIX века. Эти отношения между прихожанами сохранились и после их переселения в Бессарабию. Ярким примером тому является село Кирсово Бендерского цынута (ныне Комратского района). Жители села Кирсово еще помнят, что единственная церковь в селе была перегороджена и службу вели одновременно священнослужители как греческой, так и болгарской церквей. В начале нынешнего столетия В.А.Мошков писал, что “гагаузы села Башкюю Комратской волости, наполовину населенного болгарами, размежевали на две половины единственную сельскую церковь и хоронят своих сородичей отдельно от болгар” (46).

Анонимный автор заметки “К вопросу о греко-болгарской церковной распри” в 1874 году писал: “Благодарные из греков давно осуждают раскол в православной церкви, и некоторые из их органов печати давно требуют прекращения распри, тем более что ненависть между болгарским и греческим населением в смешанных епархиях Македонии и Фракии с каждым днем все более растет” (47).

Слово “Башкюю” в переводе с гагаузского языка означает “изначальное”, “головное” или “главное” село. Архивные источники подтверждают, что изначальное название селения Кирсово было Башкюю, то есть топоним тюркского происхождения. Гагаузское

население стало прибывать в село Башкюю уже во время русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Тогда их прибыло 38 семей, численностью 209 человек (см. табл. №1), в начале русско-турецкой войны 1806-1812 гг. добавилось еще 26 семей, численностью 138 человек (48). Болгарское население в село Кирсово (Башкюю) переселилось позже – в 1830 году из села Хърсово Разградского округа и из села Жеравна Сливенского округа (Болгария), численностью 476 человек (или 68 семейств) (49). Как видим, архивные материалы, а также источники, изданные в Болгарии, подтверждают, что изначальное название села Кирсово было Башкюю. Таким образом, древнее гагаузское название села Башкюю было впоследствии заменено болгарским названием села Хърсово, которое и легло в основу наименования современного села Кирсово.

III. Третий этап переселения охватывает 1819-1857 гг. При выделении третьего этапа автор руководствуется тем фактом, что после 1819 года вступили в силу новые условия поселения болгар и гагаузов, обусловленные законом от 29 декабря 1819 года. После окончания русско-турецкой войны 1806-1812 гг. и заключения Бухарестского мирного договора с Турцией создалась благоприятная обстановка для дальнейшего заселения Буджака. По условиям Бухарестского мира христианским подданным предоставлялось право переселяться в Россию на протяжении восемнадцати месяцев после подписания договора. В это время переселилось около 4 тысяч семей задунайских переселенцев (50).

После заключения Бухарестского мирного договора М.Кутузов был отозван с поста командующего Дунайской армией. Это обстоятельство, а также начавшаяся война с Францией задержали на несколько лет реализацию условий переселения гагаузов, а также других народов в Буджак, обещанных переселенцам 26 апреля 1811 года М. Кутузовым в его специальном обращении к “переселяющимся с правой на левую сторону Дуная обывателям христианского вероисповедания”. В этом документе говорилось о предоставлении “всех возможных выгод единоверцам, освобождающимся от ига турецкого и переходящим на левый берег Дуная” (51). Молдавские помещики воспользовались сложившейся ситуацией. Они начали захватывать казенные земли в Буджаке, объявляя их своими. В основном, они заявили претензии к землям в Гречанском и Кодрском цынутах, а селения, основанные гагаузами еще в XVIII веке и ранее в границах этих цынутов, объявили своей собственностью. Установленные новые власти и откупщики старались старожилов этих селений, обосновавшихся здесь с незапамятных времен, а также вновь прибывавших «новых» переселенцев превратить в зависимых крестьян, обязанных платить им и казне многочисленные налоги и поборы. На этой почве началась длительная борьба жителей разных селений, оказавшихся на “спорных землях”, за свободный переход и устройство на казенных землях Буджака, еще не захваченных помещиками.

СНОСКИ: (К ПАРАГРАФУ II.1)

1. *Лавров П.* Болгарская церковь. Новый энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз – И.А.Ефрон. Т.7, Санкт-Петербург, 1905, с.339.
2. Кишиневские епархиальные ведомости. 1870, №13, с.644.
3. *Радова О.К. (Каранастас).* Гагаузы Бесарабии. Расселение и численность в XIX веке//Журнал «Этнографическое обозрение», №1, январь-февраль, 1997, с.122).

4. K.Jireček. Das Fürstenthum Bulgarien. Wien, 1891, z.143; *Милетич Л.* Старото българско население в среднеизточна България. София. -1902, с.15-20; *Губогло М.Н.* Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова (к вопросу о происхождении гагаузов). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Издательство Московского университета. Москва. -1967, стр.9.
5. K.Jireček. Das Fürstenthum Bulgarien. Wien, 1891, z.143; *Губогло М.Н.* Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова (к вопросу о происхождении гагаузов). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Издательство Московского университета. Москва. -1967, с.14; *Милетич Л.* Старото българско население в среднеизточна България. София. -1902, с.224;
6. *Лавров П.* Болгарская церковь. Новый энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз – И.А.Ефрон. Т.7, Санкт-Петербург, 1905, с.339; Кишиневские епархиальные ведомости. 1870, №8, с.509.
7. *Скальковский А.А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Тип. Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург, 1848, с.3.
8. Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. № 9918. -1751.-556-557.
9. Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. № 9918. -1751.-555.
10. Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. №.9919. -1751. -552-558; Полное собрание законов Российской империи. Т.XIII. №.9976. -1752. -с.638.
11. *P. von Koerper.* Die Bolgaren in Bessarabien//Bulletin de la Classe des sciences Historiques, Philologiques et Politiques de L'Academie imperiale des sciences. T.XI, №13,14. Sankt-Petersbourg-Leipzig. -1854. z.197; *Кеппен П.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. Санкт-Петербург. -1864. -с.59-63.
12. *Скальковский А.А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Тип. Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. -1848. -с.3.
13. *Чакир Д.Г.* Биографический очерк рода и фамилии Чакир. Кишинев. -1899. -с.6.
14. Преселнически селища на територията на Украинска ССР и на Молдавска ССР//Энциклопедия. България. Т.5. Издателство на Българската Академия на уките. София. -1986. -449 с.
15. *Скальковский А.А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Тип. Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. -1848. -с.4.
16. *Mincev D.N.* Bulgarii din Basarabia de sud //Revista "Din trecutul nostru". Ianuarie, Sofia. -1938. -p.9; *Клаус А.* Наши колонии. Материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Санкт-Петербург. -1869. -с.295.
17. НА РМ; ф.5. -оп.2. -д.563., - 117.
18. Преселнически селища на територията на Украинска ССР и на Молдавска ССР//Энциклопедия. България. Т.5. Издателство на Българската Академия на уките. София. -1986. -444-449с.
19. *Скальковский А.А.* Хронологическое обозрение Новороссийского края. 1730-1823, Ч.II. Одесса. -1838. -с.126.
20. *Скальковский А.А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Тип. Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. -1848. -с.15.
21. *Попруженко М.Г.* Из материалов по истории славянских колоний в России. //Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т.ХХУІІІ. Ч.II. Изд. "Славянская типография Е.Хрисогелос. Одесса. -1910. -с.12-14.
22. *Дрон И.В.* Гагаузские географические названия. Изд. "Штиинца". Кишинев. -1992. -184 с.
23. *Дружинина Е.И.* Южная Украина 1800-1825 гг. Изд. "Наука". Москва. -1970. -с.103.
24. *Мещерюк И.И.* Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX века// Известия Молдавского филиала Академии наук СССР №3-4(11-12), Кишинев. Госиздат Молдавии. -1953. -с.74-75.
25. *Мещерюк И.И.* Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812 – 1820 гг. Кишинев. Госиздат Молдавии. -1957. -с.10с.
26. *Мещерюк И.И.* Переселение болгар и гагаузов в Буджак (1769-1834 гг.)//Болгария сестра родная. Кишинев. Изд. "Карта Молдовеняскэ". -1967. -с.155.
27. *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда (этнографические очерки и материалы) //Этнографическое обозрение. Издание этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, №1. Моска. 1900.№1, -с.4; *Скальковский А.А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Санкт-Петербург. Тип. Министерства внутренних дел. -1848. -с.5.
28. *Мещерюк И.И.* Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX века//

- Известия Молдавского филиала Академии наук СССР №3-4(11-12), Кишинев. Госиздат Молдавии. -1953. -с.80.
29. Преселнически селища на територията на Украинска и на Молдавска ССР//Энциклопедия. България. Т.5 Издателство на Българската Академия науките. София. -1986. -с.446.
  30. Хаджиниколова Е. Българските преселници в южните области на Русия 1856/1877. Изд. "Наука и изкуство". София. -1987. -177 с.
  31. НА РМ; ф.5. -оп.2. -д.442. -Ч.І. -68-183.
  32. НА РМ; ф.5. -оп.2. -д.442. -Ч.І-IV.
  33. Берг Л.С. Бессарабия. Страна – Люди – Хозяйство. Изд. "Universitas". Кишинев. -1993. -с.124-125; Кеппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. Санкт-Петербург. -1864. -с.62-63.
  34. НА РМ; -ф.5. -оп.2. -д.442. -Ч.ІV. -510-512, 521-522, 528-529.
  35. Полное собрание законов Российской империи. Т.XXXVI. -1819. -с.517-520.
  36. Радова О.К. Эволюция процессов расселения гагаузов в Буджаке в конце XVIII–первой четверти XIX вв.// Журнал «Штиинца», Кишинев, -1996, -с.21; Радова О.К. Этническая эдидентификация задунайских переселенцев и расселение гагаузов в Буджаке (конец XVIII – начало XIX вв.)// Журнал «Штиинца», Кишинев, -1996, -с.22; Радова (Каранастас)О.К Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке (конец XVIII–первая четверть XIX вв.). Кишинев-Комрат, -2001, -133 с.
  37. Крыжановская К.П., Руссев Е.М. Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П.Юшневского. Сборник документов. Т.П. Госиздат Молдавии. Кишинев. -1957. -с.505-506.
  38. Крыжановская К.П., Руссев Е.М. Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П.Юшневского. Сборник документов. Т.П. Госиздат Молдавии. Кишинев. -1957. -с.542-547.
  39. Мецгерюк И.И. Переселение болгар и гагаузов в Буджак (1769-1834 гг.)//Болгария сестра родная. Кишинев. Изд. "Карта Молдовеняскэ". -1967. -с.151.
  40. Крыжановская К.П., Руссев Е.М. Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П.Юшневского. Сборник документов. Т.П. Кишинев. Госиздат Молдавии. -1957. -с.505-506.
  41. Скальковский А.А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Тип. Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. -1848. -с.15.
  42. Скальковский А.А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Тип. Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург. -1848. -с.24; Крыжановская К.П., Руссев Е.М. Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П.Юшневского. Сборник документов. Т.П. Кишинев. Госиздат Молдавии. -1957. -с.542-547.
  43. Радова О.К. К проблеме этнодемографического развития гагаузов в XIX веке//Журнал "Штиинца", №11. -1995. -с.11.
  44. НА РМ; ф.5. -оп.2. -д.439, -об.330.
  45. НА РМ; ф.5. -оп.2. -д.563, -об.36-43.
  46. Мошков В.А. Турецкие племена на Балканском полуострове. Отчет о поездке на Балканский полуостров летом 1903 г. //Известия Императорского русского географического общества. Т.40, вып.3. Санкт-Петербург. -1904. -с.428.
  47. Кишиневские Епархиальные ведомости. -1874. -№20. -с.275.
  48. НА РМ; ф.5. -оп.2. -д.442. -Ч.І. -лл.105-112.
  49. Преселнически селища на територията на Украинска ССР и на Молдавска ССР//Энциклопедия. България. Т.5. Издателство на Българската Академия на уките. София. -1986. -с.447.
  50. Клаус А. Наши колонии. Материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Санкт-Петербург. -1869. -с.295.
  51. Крыжановская К.П., Руссев Е.М. Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П.Юшневского. Сборник документов. Т.П. Кишинев. Госиздат Молдавии. -1957. -с.1.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И УСТРОЙСТВО КОЛОНИСТОВ

Основная масса гагаузов пришла в Буджак в конце XVIII в. и первых двух десятилетиях XIX в. По стечению исторических обстоятельств беженцы из турецких владений имели более благоприятные условия перемещения в годы войн, когда позиции Турции на Балканах ослабевали, а политика царского правительства и русского командования была благожелательной к этим страдающим народам. Так было в 1787–1791, 1806–1812, 1828–1829, 1853–1856, 1877–1878 гг. Более планомерное, подготовленное гражданскими и военными властями переселенческое дело проявилось в периоды 1806–1812 и 1828–1829 гг.

Проблемами переселения жителей из-за Дуная занимался штаб Дунайской армии и ее командующий П.И. Багратион¹ уже в 1809 г. Отмечалось тогда, что «все болгарские селения в Херсонской губернии находятся в самом цветущем состоянии». В связи с этим Багратион решил желающих переселиться в Россию «обывателей христианского вероисповедания» также направлять в Херсонскую губернию. Об этом осуществлялась переписка между херсонским губернатором Дюком де Ришелье и председательствующим в Диванах княжеств Молдавии и Валахии сенатором Кушниковым. Ришелье выделил для организации переселения управляющего («голову») болгарскими колонистами Зелу Несторова, «с нужным числом денег» для

Группа гагаузов у винного погреба с. Комрат, Бендерского уезда, XIX в.

оказания помощи переселенцам в пути. Но беженцы просили последнего отложить выезд до весны 1810 г.

Командующий армии Н.М.Каменский, сменивший Багратиона, решил направить беженцев и в Херсонскую губернию, и в Буджак. Председательствующим в Диванах тогда был уже сенатор Красно-Милашевич, который содействовал З.Нестерову в переселенческих делах.

Подключены к этому были еще чиновник конторы опекуства иностранных поселенцев Контениус, инспектор Дубоссарского карантина Карпов, староста колонии Парканы Кара Вильнова. На деле все оказалось сложнее, чем казалось этим доверенным лицам. Беженцы из-за Дуная, сосредоточившиеся на его левом берегу, отказались следовать немедленно в Новороссийский край и Буджак, надеясь на скорую победу России в войне с Турцией, когда их судьба изменится к лучшему и они смогут вернуться на прежние места «в свои жилища»².

Колонии задунайских переселенцев, XIX в.

Вступивший в командование армией М.И.Кутузов также подключился к переселенческой проблеме. Как достаточно осторожный политик, он пошел на уступки переселенцам. Так как они изъявили желание переселиться не в отдаленные места, а в Буджак и с определенными льготами, Кутузов и объявил в 1811 г известные в исторической литературе предварительные условия устройства беженцев в Буджаке. Для конкретных дел по устройству в Буджаке был создан специальный комитет из трех человек (попечитель и два члена «из болгарских аграриев»). Предполагалось, если переселенцы пожелают в будущем перейти в Херсонскую губернию, то осуществят эту операцию по окончании войн³. Но, как известно, в 1812 г., примерно через месяц после Бухарестского мира, армия Наполеона вторглась в Россию, и война продолжалась до 1814 г., и херсонский вариант отпал. Да и сами выходцы предпочли Буджак, находившийся рядом с Балканами. Первоначально предполагалось вывести из-за Дуная до 1 тыс., а затем еще 2 тыс. семей, для чего были приняты меры по строительству домов и выдаче ссуд из «колониистского капитала» (200 тыс. руб.). Александр I в принципе одобрил эти шаги, о чем было сообщено М.И.Кутузову. Причем подчеркивалась добровольность в этом деле со стороны «задунайских переселенцев».

Переговорами на местах расселения и руководством делами переселенцев занимался Карпов, который регулярно сообщал о своих «ревностных стараниях» в этом направлении и выяснял позицию жителей Болгарии. Оказалось, что и теперь в подавляющей своей массе они были уверены в победе России, надеялись, что весь край будет очищен от турецких войск и властей, а они станут полноправными хозяевами своей судьбы. И поскольку еще шла война и русские войска успешно действовали, они решили ждать осуществления своих надежд. Пройдет время, и доведенные до предела терпения, жестоко преследуемые беженцы станут массами переходить Дунай, чтобы укрыться под защиту России. Но это произошло тогда, когда были санкционированы царским правительством все начинания М.И.Кутузова⁴.

Стали реализовываться его предварительные условия: 3-летняя льгота «от всяких земских податей и повинностей» на время водворения на новых местах, которые они выберут сами; там же будут отведены «свободные земли» и даны права колониистов («составят собой особое общество поселенцев»), со специфической административно-управленческой системой, обособленной от земских исправничеств.

Тогда всплыл вопрос историко-хронологического характера: об отношении молдавских правящих кругов к Буджаку. Выявилось, что господари Молдавского княжества «вообще иноземцев в число коренных жителей никогда не причисляли. Не только сих, но даже выходцев с Буджакской земли почитали иноземцами, ибо край сей, имеющий особенные свои границы, под управление их никогда не состоял и назывался заграничным краем»⁵.

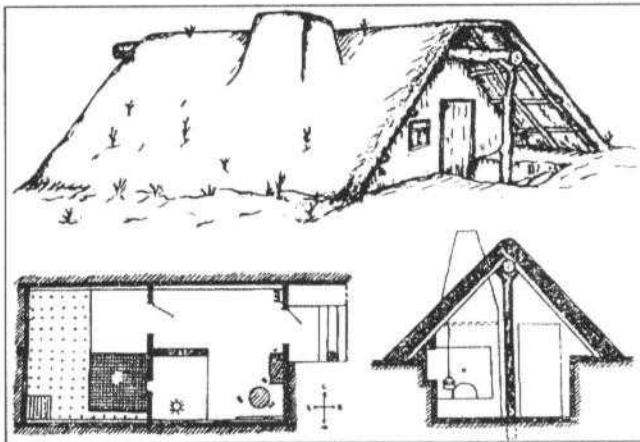
Уже в первые годы по включении Бессарабии в пределы России «задунайских переселенцев» в официальной переписке подразделяли на «старых» и «новых». К «старым» относились те из них, которые «водворились в черте Буджакской земли» до 1806 г. – они жили частью «совокупно с татарами и коренными жителями» в придунайской зоне, а частью поселились «в ближайших к буджакской границе помещичьих селениях». К ним присоединили и выходцев из-за Дуная периода войны 1806 – 1812 г., не определяя точно, какие места в Бессарабии будут отведены им под окончательное

водворение. Устойчивость, стабильность их жизни были нарушены фронтовой обстановкой в Буджаке («так называемой Бессарабии»), вследствие чего «многие из обитавших близ крепостей «старые» болгары и коренные жители Буджака христианского вероисповедания при открытии важных действий удалились в Подунавье⁶ и в ближайшие к нему помещичьи селения». Некоторые из них по взятии русскими войсками крепостей вернулись на старые места, а другие не перемещались туда до окончания войны. Жизнь последних осложнилась тем, что часть буджакской земли была занята помещиками, которые усилили давление на «задунайских переселенцев», притесняли их «на основании своих обычаев». В ответ и «старые», и «новые» переселенцы, и коренные жители стали удаляться «внутрь Буджака на казенные земли» или уходили внутрь Бессарабской области и на левобережное Поднестровье⁷.

Что предпринимали в этой ситуации местные, бессарабские высокопоставленные официальные лица. Политическая тактика их половинчата. В 1815 г. областное правление определило время, с которого надо вести отсчет оседлости поселян, – это 1 января 1813 г. Таким решением, по существу, крестьяне, оказавшиеся на начало 1813 г. в помещичьих имениях, закреплялись в них. С другой стороны, «задунайским переселенцам» из-за Дуная во время войны 1806–1812 гг. и проживавшим в Буджаке к 1813 г., по 7-й статье Бухарестского мира, было дано право «возвратиться пока за Дунай». Но все 2500 семей остались здесь⁸. Часть из них временно осела на казенных землях, другие остановились в болгарских вотчинах, не подозревая о том, что оказались в сложных социальных условиях – землевладельцы последовательно и настойчиво стремились превратить их в царан. Одновременно крестьяне подвергались пагубному воздействию уездной администрации, унаследовавшей от турецко-фанариотского режима произвол, злоупотребления, мздоизмство⁹. В ответ развернулась продолжительная и упорная борьба за свободу и переселение на казенные земли. В Буджаке тогда почти вся земля, «кроме нескольких вотчин, прежними владельцами отыскиваемых», как докладывал царю бессарабский гражданский губернатор С.Стурдза в мае 1813 г., «принадлежит по праву войны казне»¹⁰.

Среди переселенцев первых десятилетий XIX в. было много гагаузов, по исследованиям известного советского болгариста С.Б.Бернштейна, в те годы из северо-восточной

Землянка, нач. XIX в.

Болгарии ушла большая часть местного гагаузского населения. В последующих массовых выходах из-за Дуная (30-е и 50-е гг.) гагаузов было сравнительно мало. Именно они оказались преимущественно на боярских землях и более других беженцев терпели угнетение от вотчинников, активно сопротивлялись гнету, добываясь поселения в «казенном» Буджаке¹¹. В острый социальный конфликт противоборствующих сторон вмеша-

лась царская администрация, ответственная за заселение юга Бессарабской области. Судьба переселенцев привлекла внимание и центральных властей¹². Неопределенное поземельное положение переселенцев в Буджаке продолжалось до 1816 г., хотя по указам 26 ноября 1801 г., 5 января 1802 и 31 июля 1807 г. выходцам из-за границы в Россию предоставлялось право «по их желанию селиться на свободных казенных землях»¹³.

Кухня. с. Александровка, нач. XX в.

Непосредственное устройство всех беженцев-крестьян на казенном фонде Буджака должно было быть осуществлено под контролем полномочного наместника Бессарабской области – согласно специальной инструкции царского правительства от 21 мая 1816 г. В общих чертах в ней определялось обеспечение земельными угодьями и социально-правовое устройство поселенцев как колонистов, которые затем в «Уставе образования Бессарабской области» 1818 г. Положения 1819 г. были конкретизированы и юридически закреплены¹⁴.

Процесс заселения, задунайскими переселенцами» казенных земель шел довольно интенсивно. Судя по сведениям колонистской администрации, в 1816 г. гагаузские селения были уже довольно многочисленны. Тогда числилось в Табаке – 710, Кубе – 652, Саталык-Хаджи – 212, Этулии – 388, Чишмикиой – 661, Вулканештах – 818, Курчи – 447, Балбоке – 493, Казаяклии – 496, Томае – 477, Чадыр-Лунге – 779, Бешалме – 404, Конгазе – 289, Бешгиозе – 232, Чок-Майдане – 119, Комрате – 506, Джолтае – 122, Дезгинже – 636, Кириет-Лунге – 400, Татаркопчаке – 523 человека¹⁵.

Реальное их положение улучшилось лишь с 1818 г., когда указом от 22 марта было утверждено положение о попечительстве над колонистами, обособленное от подчинения местным властям. Во главе его поставлен генерал И.Н.Инзов (первоначальное местопребывание в г. Екатеринославе, затем – в Кишиневе).

В мае 1818 г., при посещении Александром I г. Кишинева, Инзов представил ему подробный письменный доклад о положении «болгарского» населения в России. Тогда же при личном приеме представители бессарабских колонистов вручили ему письменное прошение. Итогом был указ Сената от 29 декабря 1819 г. о правах «задунайских переселенцев» как иностранных колонистов.

20-е гг. – время собирания распыленных по Бессарабской области и левобережному Поднепровью «задунайских переселенцев» на казенных землях (в Буджаке). В 1821 г. их было 32 тыс. человек. Но собирание оказалось трудным. Из тревожных донесений гражданских и военных инстанций той поры можно судить о масштабах этой тяжести. Это: «сперва засуха и неурожай, потом семь лет сряду гнездилась здесь все опустошающая саранча, за сим переход армии за границу (война 1828–1829 гг.), чрезвычайные требования повинности, перевозка туда военных тяжестей и продовольственных припасов и, наконец, падеж скота и смертоносная язва на людях»;

«изнурение края» оттого было «особенно ощутительно в южной части Бессарабии»¹⁶. Среди задунайских переселенцев, осевших в городах Бессарабии до 1819 г., кроме купцов и ремесленников, было много крестьян. В новые села на казенной земле началось их переселение в 1828 г.

С 1819 г. начался важнейший период в нелегкой судьбе «задунайских переселенцев». До 70-х гг. они пользовались правами колонистов, т. е. особой категории крестьян, что обусловило их быстрое развитие по пути прогресса в экономической, социальной и духовной сферах. По уровню благосостояния и втянутости в товарно-денежные отношения «задунайские переселенцы» значительно опережали государственных крестьян, казаков и тем более царан.

В так называемом «болгарском водворении» не было этнической замкнутости. Большинство жителей этого «водворения» составляли болгары и гагаузы, которые приняли в свою социальную среду молдаван, албанцев, греков, украинцев, русских, сербов, цыган. Здесь не сложилось социально-правового обособления, составных элементов разнородного населения. Их объединила общая историческая судьба – все прошли через иноземный гнет. Эта параллельность гнетущего прошлого сплавивала, вырабатывала отзывчивость, взаимопонимание и взаимопомощь при общих бедах, но не мешала и не исключала этническое своеобразие каждого народа. Наиболее близким по пережитому, бесправному прошлому были болгары и гагаузы, но и у них сохранились свои этнические корни и особенности, проявлявшиеся во внутри-общинных связях, бытовом и семейном укладах, языке, приемах хозяйствования, обычаях, традициях местного самоуправления и пр.¹⁷

В результате большого их притока в 1808–1819 гг. возникло 55 селений колоний, а в конце 20–начале 30-х гг. в 28 новых селениях окончательно осели еще 25 тыс. человек. Из числа 82 колоний 6 находились при реке Прут, 15 – при озерах Кагул, Ялпуг, Катлабуг, Кмитай, Кундук и 62 – по речкам и балкам Кагульского и Аккерманского уездов. В период Крымской войны наблюдалось сравнительно большое количество болгарских беженцев. Численность «задунайских переселенцев» в 1819 г. составляла 24 тыс. человек. До середины 30-х годов она возрастала, главным образом, за счет притока извне и с помещичьих земель внутри Бессарабии, к январю 1837 г. достигла 57164 человек. В последующие два десятилетия главную роль в этом процессе играл естественный прирост, и в 1856 г. переселенцев насчитывалось уже около 99 тыс. человек. Затем последовало сокращение в два раза из-за отторжения юго-западной части Бессарабии – до 49440 человек в 1858 г. к началу 70-х годов в оставшихся 45 селениях значилось 67,2 тыс. «задунайских переселенцев».

Подавляющее большинство составляли болгары и гагаузы. Молдаване и украинцы были включены в состав колонистов в селениях со смешанным населением, сложившимся до 1820 г., греки пришли вместе с болгарами и гагаузами, а наибольшая группа цыган-ремесленников получила колонистские права в течение 20–40-х годов по специальным решениям местных властей. В среде «задунайских переселенцев» находилась небольшая группа албанцев. В 1809–1810 гг. они в числе 300 семей пришли в Буджак из-под Вароны и первоначально поселились в селе Чумай (по р. Ялпуг), а в 1820 г. ушли на берег озера Ялпуг и основали колонию Каракурт.

В колониях расселилось некоторое число сербов. Статистические сведения о них

нечеткие, так как при подсчете их часто объединяли с албанцами. Первоначально они оказались (около 150 семей) в Бессарабии в 1813 г. как волонтеры, участвовавшие с русскими войсками в недавней войне с Турцией или как беженцы. В 1815 г. проектировалось основать отдельную сербскую колонию из 100 дворов. Но сербы добивались особых прав и привилегий, отличных от колонистских. Переписка об основании колонии затягивалась. Наконец, в 1828 г. некоторые были приселены на правах колонистов в округа «задунайских переселенцев». Отдельные – около 200 семей – покинули область.

В начале 210-х гг. в среде колонистов болгары и гагаузы составляли 62 %, а молдаване, украинцы, русские, греки, албанцы, сербы – 37 %. С притоком нескольких тысяч семей из Болгарии в конце 20–начале 30-х гг. число первых заметно возросло. Соотношение этнических групп 40–начала 50-х гг. представлено в таблице.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ «ЗАДУНАЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ» (ДУШ ОБОЕГО ПОЛА)¹⁸

Год	Болгары	Гагаузы	Молдаване	Украинцы	Албанца и сербы	Греки	Цыгане	Всего
1842	56895		10211	1074	670	154	56	69860
1844	57720		10478	1082	970	154	56	70467
1850	43872	21553	12805	1440	1328	307	56	86461

Таким образом, в середине века болгары и гагаузы составляли 80-82 %, а остальные – около 1/5 от общей численности колонистов.

По указу от 29 декабря 1819 г. «задунайские переселенцы» получили права иностранных колонистов. Для них выделили большой земельный фонд в 585 тыс. десятин, представленные посемейные наделы в 50-60 десятин по тем временам являлись довольно крупными. В распоряжение колоний поступили некоторые рыбные промыслы на лиманах и озерах и камышовые плавни. Земли и различные угодья колонисты получали в потомственное пользование, т.е. не имели права распоряжаться ими как собственностью.

«Задунайские переселенцы» наделялись рядом льгот, в частности, правом перехода из колонистов в другие категории населения, могли основывать промышленные предприятия, заниматься торговлей, вступать в купеческое сословие, устраивать в своих селениях ярмарки и базары, выезжать за границу, приобретать земельные участки у частных владельцев и селиться на них; освобождались от воинских повинностей. Им предоставлялась свобода торговли виноградными винами и водкой в округах их расселения (с 1820 по 1863 гг. – до введения акцизной системы). От 3 до 10 лет переселенцы пользовались льготой по налогам.

Льготы в обязанности «задунайских переселенцев» зафиксированы в «Уставе о колониях иностранцев в империи», выработанном в начале 40-х гг.

В целом эта категория колонистов по своему социально-правовому положению стояла ближе всего к немецким колонистам и находилась в более привилегированных условиях, чем государственные крестьяне и казаки.

У колонистов сложилась своя специфическая сеть административных учреждений.

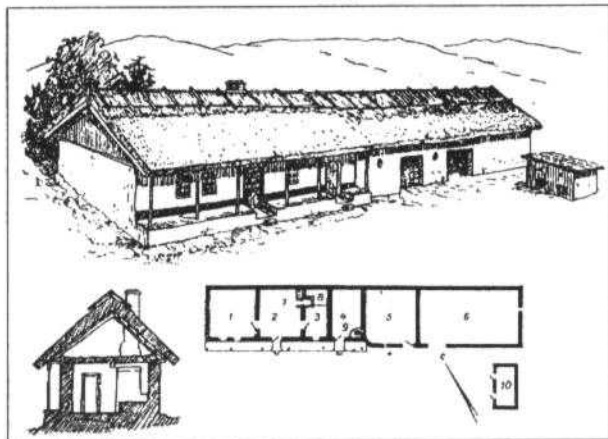
В 1816 г. в Бессарабии была открыта Канцелярия конторы опекунства иностранных поселенцев, которая занималась поселением колонистов и управляла ими. Через два года ее переименовали в Бессарабскую контору иностранных поселенцев, и для непосредственного надзора за колониями были определены особые смотрители. Контора играла роль связующего звена между колониями и Попечительным комитетом об иностранных поселенцах Южного края России; просуществовала до 1833 г., когда произведено было разделение управления колонистами в областном масштабе. «Задунайскими переселенцами» стало весть особое управление (до 1858 г.), а вместо него в том же году было образовано Попечительство бессарабско-болгарских колоний с сокращенным штатом, и в Попечительном комитете (в Одессе) выделен специальный смотритель этих колоний. Бессарабское попечительство действовало до января 1872 г.

Помимо того, функционировали Комитет сельского хозяйства, инспектор садоводства и лесоводства, инспектор училищ и управления ссудно-вспомогательных касса. На местах административными и судебными учреждениями являлись окружные и сельские приказы.

Фактически колония в административном отношении (с особой структурой учреждений и подчиненностью Попечительному комитету) занимала обособленное положение. С 1864 г., когда из компетенции колонистских учреждений были изъяты судебно-следственные дела и введено в действие положение о земских учреждениях, это положение начало меняться.

Существовавшая там до 1872 г. административная система являлась составным элементом их сословного своеобразия. В то же время она служила орудием проведения политики царского правительства в среде колонистов, системой полицейского попечительства, охватившего всю их многосложную жизнь и быт.

Политика правительства и в отношении административного устройства колоний была направлена на постепенное «присоединение их под общее управление государственных имуществ», на сближение колонистов «в правилах и порядке с государственными крестьянами». В силу этого было изменять Устав о колониях. Но реализовать этот проект министру государственных имуществ П. Д. Киселеву не удалось. В 50-х годах работа специальной комиссии, которая готовила законодательный акт по унификации названных учреждений, была прекращена. Лишь в ходе реформы 1871 года в колониях Бессарабской области была упразднена специфическая структура учреждений.

Длинный дом в с. Карболия

Из числа колоний «задунайских поселенцев» выделились два центра – Болград и Комрат. Болград являлся главной колонией всего «болгарского водворения».

Комрат – центральная колония Верхне-Буджакского округа, насе-

...

ленного преимущественно гагаузами. Уже до Крымской войны он выделялся своим хозяйственным, торговым и культурным значением. В середине 50-х гг. из 757 семей его населения 572 занимались сельским хозяйством, 22 – торговлей и 114 – ремеслами. Население неуклонно росло: в 1827 г. – 1540, 1836 г. – 3200, 1862 г. – 4160, 1855 г. – 3535, 1864 г. – 4644, 1873 г. – 5000, 1892 г. – 6070 семей.

Его промышленность к началу 70-х гг. была представлена 27 мелкими предприятиями, это – салотопенные, свечные, кожевенные мастерские, мельницы, красильни, кирпичные, черепичные и гончарные «заводы». В денежном выражении вся их ежегодная продукция оценивалась в 17 тыс. руб., сбыт ее осуществлялся в самом Комрате и в селениях.

Там регулярно действовали еженедельные торги с привозом товаров на 50 тыс. руб. серебром. Ассортимент товаров был разнообразным, но преимущественно продавали хлеб, живой скот, кожи, сало, масло, фрукты, вино, ремесленные «колониетские изделия». Помимо крестьян, туда приезжали торговцы из городов и местечек Бессарабской области, из-за Днестра и из Одессы.

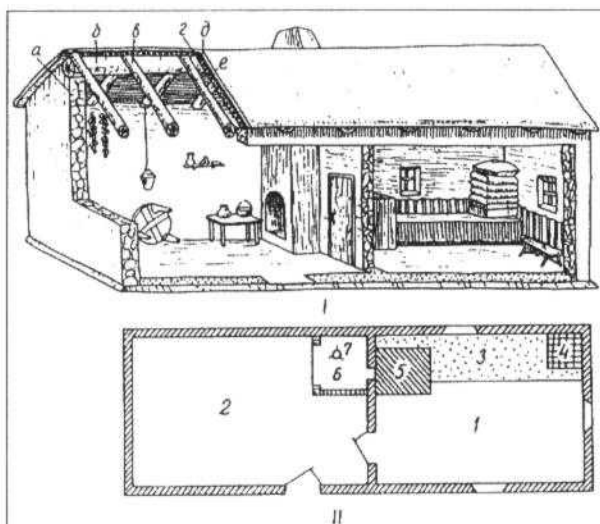
Конечно, главными занятиями колонистов были земледелие и животноводство. Комрату была отведена обширная земельная дача – 20340 десятин.

Как центральная и торговая колония, Комрат нуждался в денежных капиталах. Уже в начале 60-х гг. его предпринимательская прослойка возбудила ходатайство об открытии земельного банка с первоначальным капиталом в 300 тыс. руб. серебром.

Комрат становится видным центром школьного дела. С конца 20-х годов работало начальное училище (обучалось примерно 40 мальчиков), а в 60-е годы возник вопрос об открытии среднего учебного заведения, который потом был реализован. И что еще важно отметить, в нем функционировала учебная группа девочек. Уже в XIX в. создавались предпосылки превращения его в город.

Здесь формировалась гагаузская интеллигенция. «Торговая колония» Комрат уже в 60-е гг. выделялась процентом грамотных людей¹⁹.

С начала 20-х гг. в колониях вводилась специфическая налоговая система: сбор налогов через откуп упразднился. Первое время колонисты пользовались льготами от платежей по следующей градации: переселенцам, пришедшим в Бессарабию до 1806 г., – трехлетняя; беженцам, поселившимся там по время войны 1806–1812 гг., – семилетняя; прибывшим после присоединения края к России – восьмилетняя. По истечении льготного срока вводилась серия казенных, земских, общественных, мирских и других налогов. Государству платили оброк и земские сборы. В конце 30-х

План дома XIX в.

годов оброк равнялся 77 коп. ассигнациями (22 коп. серебром) с 1 десятины надельной и 33,3 коп. ассигнациями (11 коп. серебром) с сверхнадельной земли во всех колониях. Этой уравнительностью поземельного обложения «задунайские переселенцы» отличались от немецких колонистов. В 50–60-х годах оброк был несколько повышен: 25,5 коп. с десятины надельной и 11,9 коп. серебром с сверхнадельной земли.

Государственную земскую повинность как отдельный налог до 1845 г. не платили – она включалась в поземельный оброк. С 1845 до 1860 г. облагались по 27 коп. серебром с семьи на содержание земской полиции. К концу 60-х годов этот сбор увеличен до 1 руб. 10 ½ коп. с души, т. е. в одинаковом размере с другими разрядами крестьян.

Земская губернская повинность, как и у других крестьян, была введена лишь в середине 60-х годов и равнялась 1 коп. с десятины удобной земли надела. Чисто колонистскими налогами являлись сборы на содержание управленческого аппарата – по 33 коп. серебром, и мирской сбор по 18 коп. серебром с ревизской души.

Казенные налоги к концу исследуемого периода составляли около 12 руб. серебром с семьи. Раскладка их производилась по площади земли, занятой каждым семейством под посев, и по количеству голов скота.

«Задунайские переселенцы» несли натуральные повинности: выполняли наряды по поставке подвод, по строительству и ремонту дорог, сопровождению арестантов и противопожарной охране.

Вместе с тем, и им приходилось нести большие нагрузки в годы войн, при чрезвычайных обстоятельствах, стихийных бедствиях и т. п. Но так как у них было больше рабочего скота в расчете на крестьянский двор и они находились в лучшем социально-правовом положении, чем государственные крестьяне, то эти повинности являлись для них менее обременительными.

Так было до середины 50-х годов. С конца этого десятилетия налоги возростали. В то же время наделы к началу 70-х годов сократились вдвое – в среднем по колонии Бессарабской области до 25 десятин на семью. В еще более сложном положении оказались колонисты на территории Подунавья²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Багратион Петр Иванович (1765–1812 гг.), князь, русский генерал от инфантерии. Участник Итальянских и Швейцарских походов А. В. Суворова, войн с Францией и Турцией (в 1809–1810 гг. командовал Молдавской армией). В Отечественную войну 1812 год командовал 2-й армией, при Бородино возглавлял левое крыло, смертельно ранен в бою.

² Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА), ф. 379, оп. 46, д. 2417, л. 61–65.

³ Там же, л. 66–70.

⁴ Там же, л. 77.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 411, л. 136.

⁶ «Подунавьем» назвалась юго-западная часть Буджака.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 411, л. 137.

⁸ Центральный государственный архив МССР (ЦГА), ф. 2., оп. 1, д. 65, л. 55.

⁹ Там же, л. 56.

- ¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 7, д. 95, л. 738–739.
- ¹¹ *Бернштейн С. В.* Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII–XIX вв. // Советское славяноведение, 1980, № 1, с. 52, 53, 55.
- ¹² Устройство «задунайских переселенцев» в Бессарабии и деятельность А.П.Юшневского. Сборник документов. Кишинев, 1957.
- ¹³ ЦГА МССР, ф. 6, оп. 1, д. 990, л. 36.
- ¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 7, 1816 г., д. 95, л. 746–747; ф. 1308Ю, оп. 1, д. 2, л. 16; ф. Государственного совета. Департамент и законов, оп. 15, 1810–1829 гг., д. 3, л. 266.
- ¹⁵ *Попруженко М. Г.* Из материалов по истории славянских колоний в России. Одесса, 1909, с. 10–15.
- ¹⁶ ЦГА МССР, йф. 88, оп. 1, д. 426, л. 40; д. 426, л. 40; д. 429, л. 17; Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА), ф. МА, оп. 182а, св. 24, д. 74, л. 5; *Скальковский А. А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае, Одесса, 1848, с. 34.
- ¹⁷ *Скальковский А. А.* Историческое введение в статистическое описание Бессарабской области. СПб., 1846, с. 61–62.
- ¹⁸ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4126, л. 10–15, 67–68; *Кеттен П.* Хронологический указатель материалов для истории иностранцев Европейской России. СПб., 1861, с. 62–63.
- ¹⁹ См. сведения о Комрате: ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 71, д. 1416, л. 88; ф. 383, оп. 29, д. 610, л. 35–37; ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 6, л. 195; ф. 24, оп. 1, д. 3; *Корнилович А.* Статистическое описание Буджака или Бессарабии собственно так называемой. Аккерман, 1898, с. 434–436; *Титоров И.* Българите в Бессарабия. София, 1903, с. 224; Бессарабские областные ведомости, 1870 (официальный орган Бессарабского губернского правления).
- ²⁰ *Мещеряк И. И.* Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808–1856). Кишинев, 1971, гл. II и IV; *Анцупов И. А.* Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812–1870 гг.) Кишинев, 1978, гл. I, IV.

АНТИКРЕПОСТНИЧЕСКАЯ БОРЬБА ГАГАУЗОВ И БОЛГАР В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ КОМИССИИ 1816 г.

Наибольшие затруднения Комиссия испытывала в тех случаях, когда ей приходилось предпринимать конкретные шаги к ограждению болгар и гагаузов от притеснений со стороны помещиков, местных властей и откупщиков. Пользуясь своими полномочиями, Юшневский и Ватикиоти установили тесные связи с переселенцами. Это позволило им на протяжении 3-4 месяцев работы убедиться в справедливости жалоб, изложенных в «Записке, представленной при прошении от общества живущих в Бессарабской области задунайских переселенцев, о тягостях и поборах, понесенных ими со времени поселения»¹.

В «Записке» напоминалось о том, что, не получив при переселении никакой помощи от правительства, а только обнадеженные обещанными льготами переселенцы заняли свободные земли южной Бессарабии, часть которых местные помещики вскоре назвали своими. Они жаловались на угнетение переселенцев, живших не только на помещичьих, но и на казенных землях. С тех и других местные чиновники взыскивали тяжелые налоги, поборы и повинности. С них требовали десятую часть урожая зерна, овощей, винограда и камыша, скашиваемого для собственных нужд, и тяжелый налог со скота и пчеловодства. Их обязывали доставлять все это на места, указанные помещиками, откупщиками и арендаторами.

Каждая семья облагалась подымной податью в размере 14 левов, а холостяки – по 7 левов в год.

Особое недовольство вызывали поборы и повинности, взыскивавшиеся «по неизвестным постановлениям» в размерах, произвольно увеличивавшихся исправниками и откупщиками. К повинностям относили косьбу и доставку сена и камыша, поставку дров и отопительного леса для нужд казны. Возмущение переселенцев вызывали и требования выполнять такие повинности, как: доставка леса для строительства домов немецким колонистам и сербам, поселявшимся в Бессарабии с 1814 г., выполнение обременительных нарядов для обработки земель тех же колонистов своим инвентарем и иных работ, а также принудительная продажа им зерна по заниженным ценам. Исправники не только присваивали плату, назначенную государством за доставку леса на строительство домов немецким колонистам, но и принуждали платить каждую переселенческую семью в свою пользу от 150 до 900 левов за освобождение от этой обременительной доставки.

Переселенцы за свой счет строили провиантские магазины и склады. Они же отправляли подводную и почтовую повинности, обязываясь содержать за свой счет ямщиков, почтовые станции, обеспечивая их ячменем и сеном или же, взамен этого, большими суммами денег в пользу исправников. За свой же счет их обязывали

содержать и строить на дорогах, пролежавших через их земли и земли помещиков в Буджаке, так называемые «обывательские почтовые станции» без оплаты прогонных денег. Тяжелая подводная повинность использовалась для перевозки воинских команд и поклаж, содержания караулов и разнообразных казённых нужд.

Карта Бессарабии XIX – нач. XX в.

Обременительной являлась и повинность по содержанию пикетов, расположенных по границе, на расстоянии 75-80 сажен друг от друга. Хотя на каждый из них следовало выставлять по 3 человека, исправники наряжали двойное количество людей с расчетом освободить половину, взыскивая с каждого освобожденного по 5-6 левов. Каждого пикетчика, кроме того, обязывали приобретать пику с уплатой за нее от 5 до 7 левов, хотя переселенцы соглашались изготавливать их по леву за штуку. Обременительным был постой с бесплатным содержанием в своих жилищах солдат и сербов.

При сборе налогов и поборов исправники и откупщики брали с переселенцев значительно больше утвержденных сумм с целью личного обогащения. К тому же, при уплате налогов и взыскании поборов русские рубли, котировавшиеся по официальному курсу в 5 левов, принимались по 4. Таким образом, на одной этой операции исправники и откупщики получали в свою пользу 20 процентов поступлений.

Кроме того, исправники и откупщики принуждали бесплатно работать на себя болгар и гагаузов: возводить различные постройки, ухаживать за скотом, косить сено, обрабатывать поля, и собранный урожай хлеба и сена доставлять «куда заблагорассудится» исправнику или откупщику. Исправники «закупали» в принудительном порядке и по произвольно сниженным ценам пшеницу и часто без всякой платы отбирали зерно, скот и разные продукты сельского хозяйства; захватывали и всякими путями присваивали скот переселенцев, оказывавшийся за пределами их сел; укрывали похитителей скота, а пострадавших, изобличавших этих похитителей, принуждали платить штраф якобы за «несправедливое обвинение» в воровстве, использовали любой повод, чтобы сажать переселенцев в тюрьмы, а затем освобождать их за такой большой выкуп, уплата которого разоряла многих и вынуждала к бегству за Дунай. Имущество, оставленное бежавшими переселенцами, присваивалось исправниками. Последние взыскивали в свою пользу по 2 лева с каждого воза хлеба, доставленного в город для продажи. Откупщики, в свою очередь, получали с каждого такого воза по 44 пары, а с переселенцев, занимавшихся извозом, – по 2 лева.

Поселенцы не имели права забоя собственного скота, так как продажа мяса отдавалась «на неограниченный откуп». В пользу откупщика шла и пятая часть улова рыбы.

Эксплуатация поселенцев вызывала их разорение, нежелание развивать отдельные отрасли хозяйства. Так, например, кроме десятины с виноградников, откупщики взыскивали по 5-6 пар с каждого ведра вина. Но и после этого хозяин вина не мог потреблять или продавать его, не уплатив еще по 50 пар питейного откупа с каждого ведра. В результате, как жаловались поселенцы, сумма взысканий была выше стоимости самого вина, из-за чего многие из них прекращали заниматься виноградарством, считая его невыгодным.

Анализ «Записки» позволяет заключить, что с населения Буджака взыскивалось более 40 видов всевозможных налогов, поборов и повинностей. Если не забыть при этом о притеснениях и произволе местных властей, то имеется достаточно оснований признать справедливыми жалобы не только рядовых, но и зажиточных поселенцев.

В «Прошении», поданном Юшневскому и Ватикюти одновременно с «Запиской», поселенцы называли испытываемые ими притеснения и тяготы «силы их превосходящими»². Вследствие этого некоторые предпочли вернуться на родину под власть турок-угнетателей. Тем самым признавалось, что условия социально-экономичес-

ЗАПИСКА ЗАДУНАЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ. 1816 г., 8 апреля

АВТОРЫ: *Хаджи Пенчо, Константин Кочовлу, Станко Марколо, Христо Кесяколу, Добри Чомак, Петри Узун, Христо Милишоглу, Панаит Констанга и др.*

О повинностях и нарядах, каковые отбывали и отбывают задунайские переселенцы со времени перехода их в Бессарабию

На содержание ямщиков при почтовых станциях собирается с селений немалая сумма денег; сверх того, на сей же самый предмет поставляем мы по станциям большое количество ячменя, за который, хотя и обещается нам уплата денег от содержателей почт, но таковые редко до кого-либо из нас доходили; значительное количество сена на почтовые станции заготавливается и поставляется нашими же трудами; но, как поставка оного на станции бывает сопряжена с большими притеснениями, и сено нового заготовления, под предлогом негодности, не принимается исправниками, то поселяне, для избавления себя от напрасных трудов и потери времени, принуждены бывают платить до 800 левов за каждый стог.

Кроме существующих в Бессарабской области вышепомянутых казённых почт, поселяне обязаны содержать как на помещичьих, так частью и на казённых землях, своим иждивением обывательские почтовые станции по тем трактам, где не положено казённых станций, на каковых обывательских почтах содержат они от 15 до 24 собственных лошадей, строят для них конюшни и снабжают всеми принадлежностями и продовольствием как ямщиков, так и лошадей, кои употребляются для возки чиновников и всякого рода людей, весьма редко с платежом прогонов.

При всём том, по самим селениям, в содержании обывательских почт участвующих, по требованиям областного и земского начальств, для казённых надобностей подводы, как для перевозки воинских команд к содержанию в штаб-квартирах караулов, не от одного селения до другого, а на одних и тех же подводах, кои, по распоряжению исправников, нередко задерживаемы бывают до самой смены команд и доставляют их обратно в места квартирования, так, наконец, для произвольного употребления самих исправников, за что обыватели не получают даже прогонов.

Ежегодно наряжают нас к поставке леса и дров на мосты и почтовые станции в столь большом количестве, сколько нам известно, большую часть оных исправники употребляют на свои постройки или продают нам же на надобности наши.

«Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского».

Сборник документов. 2-я часть. Составители К. П. Крыжановская, Е. М. Руссев. Кишинев, 1957 г.

кой жизни в Буджаке были тяжелее, нежели в Турции. При этом отмечалось, что такие возвращенцы понесли в своих сердцах на родину «непоколебимую верность к России», считая виновниками своего бегства «местное токмо начальство». Что же касается переселенцев, остававшихся на месте, то они возлагали наивные надежды на попечение русского правительства, которое, по их мнению, учтя их приверженность к России и участие на ее стороне в последней войне против Турции, положит конец их угнетению местными помещиками и властями.

Они отдавали отчет в необходимости выполнения некоторых обязанностей в пользу казны. В этой связи можно понять жалобы на незаконность многих налогов и поборов, взыскивавшихся «по самоправию исполнителей», так как при переселении никто не предупреждал их об этих обязанностях³. Движение против таких произвольных поборов носило отчетливо выраженный антикрепостнический характер. Освобождение от их выполнения объективно могло открыть простор для развития более прогрессивных буржуазных производственных отношений. Это подтверждается и их желанием использовать отдельные отрасли хозяйства для производства товаров на рынок. О глубокой заинтересованности в этом свидетельствовало недовольство переводом порта из Рени в Измаил. Первый считался более удобным из-за его близости к поселениям и возможности быстрой погрузки товаров на корабли, пристававшие в Рени непосредственно к берегу. Перевод же порта в Измаил означал для поселенцев, «промышлявших поставкой хлеба за границу», значительные убытки в связи с необходимостью везти товары по более отдаленным топким и болотистым дорогам и затем совершать погрузку на корабли, стоявшие на рейде⁴. Это говорит о том, что производство зерна на продажу, преимущественно на внешнем рынке, интересовало буржуазные элементы и, в первую очередь, таких хлеботорговцев, какими являлись Хаджи Пейчо, Костадин Кочовлу, Христо Милишоглу и другие, подписавшиеся под «Запиской». Снятие всех или большинства тягот с поселенцев прямо или косвенно содействовало бы дальнейшему развитию торговли.

Одновременно с «Запиской» и «Прошением» переселенцев Юшневский и Ватикоти представили свои «Замечания о бессарабских переселенцах», которые можно рассматривать как выводы Комиссии. Она убедилась в справедливости жалоб переселенцев и в том, что они трудолюбивы, занимаются преимущественно земледелием, скотоводством, виноградарством, пчеловодством и только некоторые — торговлей. Отмечалась и их непримиримость к притеснениям, которые они испытывали⁵. Комиссия подтвердила справедливость жалоб на невыносимое положение переселенцев и изложила их требования. Высказываясь за ускорение решения вопроса об их судьбах, Комиссия опасалась, что, если не будет принято мер в ближайшее время, то они «вовсе расстроятся и по закрытии рек Прута и Дуная льдом уйдут в Турцию, понеся с собой соотечичам своим роптание и неудовольствие к российскому правительству, что устранил и лишит россиян тех выгод, каковых от сей полезной нации ожидать было можно»⁶.

Такое мнение Комиссии, в которой руководящая роль принадлежала Юшневскому, несомненно, должно было оказать воздействие на правительство и лиц, заинтересованных в заселении Буджака. Анализ «Замечаний» убеждает нас в том, что Юшневский умело сочетал в них интересы России с интересами народных масс. С одной стороны, он не относился безразлично к проблеме усиления влияния России на Балканах. С другой стороны, как представитель самой прогрессивной части тогдашнего русского общества, он отстаивал интересы народных масс, ставших на путь борьбы против закрепощения.

Он был за создание таких условий существования переселенцев в Буджаке, которые объективно привели бы к ускорению развития капиталистических отношений в этой окраине России.

Изложенное выше облегчает нам задачу проследить борьбу переселенцев с местными властями и помещиками за устройство на казенных землях Буджака в период работы Переселенческой комиссии. Это даст возможность ближе познакомиться с отношением Юшневского к борющимся массам при решении отдельных задач, касавшихся удовлетворения их требований. Сбор статистических сведений обо всех переселенцах являлся, как уже известно, одной из задач Комиссии. В переписные списки следовало включить всех болгар и гагаузов, независимо от времени их прибытия в Бессарабию и от того, на чьих землях они поселились. Кроме того, предстояло выяснить и количество молдавского и другого населения, жившего вместе с переселенцами.

Не располагая собственным штатом переписчиков, Комиссия решила привлечь к проведению переписи самих переселенцев. По рекомендации Юшневского, из их среды было избрано для этой цели несколько человек, служивших в болгарском войске во время последней войны с Турцией. Так, например, в Гречанский цынут был направлен брат Д. Ватикиоти, бывший поручик болгарского войска Иван Ватикиоти⁷.

Так как работа этих уполномоченных встретила сопротивление со стороны земских властей, Комиссия просила Гартинга прикомандировать к ним из каждого цынута по одному писцу, владевшему русским языком⁸, и предписать цынутным исправникам не препятствовать проведению переписи. Гартинг согласился и потребовал от исправников исполнения требований Комиссии⁹. Однако последние не выполняли этих указаний. Гречанский исправник Непейпиво отказался прикоман-

№ 62

1815 г. июня 22. — Предписание И. М. Гартинга килийскому полицмейстеру Федьяновичу о расследовании притеснений задунайских переселенцев Томаровским исправничеством.

По случаю дошедших ко мне жалоб от болгар, жительствующих в Томаровском цынуте, на господина исправника Макарова о разных притеснениях, делаемых им со стороны его, и по поводу отношения дежурного генерала проежной армии, господина генерал-лейтенанта Инзова, которым он подтверждает то же самое и присовокупляет претензии штабс-ротмистра Ватикиоти, простираемую к нему, Макарову, за причиненную якобы им обиду взятием из дома Ватикиоти двух болгар, через что произошло большое расстройство по хозяйству его, я командирую Вас, совместно с векилом Бендерского цынута, коллежским регистратором Августовским, для произведения на месте обо всем том надлежащего исследования. И для того предписываю Вам, отправясь немедленно) в Томаровский цынут, приступить к непременному действию, и, по исполнению, подлинное следственное дело представить ко мне за [все]* подписом при рапорте. Для соображения же Вашего при разысканий об обидах болгар прилагаю при сем копию с отношения господина дежурного генерала Инзова.

А на проезд Ваш от Килии до Рейна и обратно можете потребовать от исправничества нужное число обывательских лошадей, о чем предварительно с оными письменно снести. Кишинев, июня 22 дня 1815 года. Подлинное подписал Инженер генерал-майор Гартинг.

С подлинным верно: Полицмейстер Федьянович ЦГИА МССР, ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 1. Заверенная копия.

дировать писца к уполномоченному И. Ватикиоти, сославшись на отсутствие такого. Такое же положение наблюдалось и в Томаровском цынуте¹⁰. Подобное отношение нельзя рассматривать иначе, как скрытую форму сопротивления проведению переписи, так как ее цели шли вразрез с интересами помещиков. Преодолевая это сопротивление, Комиссия проявила большую самостоятельность.

Энергичные действия Комиссии при проведении переписи вызвали у переселенцев надежду на близкое избавление от помещиков, тем более, что и перепись рассматривалась как мера, связанная с вопросом об образовании болгарского казачьего войска. Эти настроения охватили даже молдавское население некоторых южных сел. Включение в переписные списки Комиссии оно рассматривало как путь к ликвидации их зависимости от земских властей и откупщиков. Ниже мы остановимся на одном из таких случаев включения в переписные списки Комиссии жителей сел Паланка и Коркмазы. Как далеки эти настроения от тех, которые царили среди молдавского крестьянства тотчас после присоединения Бессарабии к России! Тогда Бессарабское Областное правительство не могло осуществить переписи, так как она вызвала бы усиление побегов за Прут крестьян, опасавшихся ухудшения своего положения.

Неприязненно отнеслось молдавское крестьянство и к переписи населения Бессарабии, производившейся Областным правительством в начале 1816 г. Эта перепись имела своей целью установление количества налогоплательщиков для обложения биром. Она должна была охватить не только север и центр области, но также Кодрский, Гречанский и Хотарничанский цынуты со смешанным населением, в составе которого находились болгары и гагаузы.

Так как обложение биром означало для переселенцев дальнейшее усиление угнетения, то с самого начала 1816 года наблюдалось движение, направленное против исправников и других представителей власти, занимавшихся проведением переписи.

В ряде сел Гречанского и Хотарничанского цынутов дело дошло до выступлений, названных в официальной переписке «бунтами». В этом отношении большой интерес представляет движение переселенцев, живших в селах Пилиния Болгар и Пилиния Молдовень, расположенных близ с. Фрумосы (ныне г. Кагул), являвшегося центром Гречанского цынута. Согласно донесению представителя Областного правительства житничера Симеона Главче и Гречанского земского исправника Непейпиво, они успешно осуществляли перепись в селах с молдавским населением. Но как только Главче прибыл в начале февраля 1816 г. в Пилинию Молдовень и Пилинию Болгар, то встретил иное отношение проживавших там болгар. На протяжении четырех дней они оказывали решительное сопротивление и неповиновение, не допустив его к проведению переписи.

Когда же житничер пригласил себе в помощь исправника Непейпиво, движение еще более усилилось, или, говоря словами названных чиновников, болгары открыли «совершенный бунт». Выступление небольшой горстки болгар двух Пилиний поражает своей сплоченностью. Решительно протестуя против проведения переписи, переселенцы заявляли: «Лучше мы яд примем (чтобы) умертвить себя, нежели требуемое житничера приступим исполнить». Нельзя не обратить внимание и на осознание населением своей ответственности за противодействие властям: «Мы

знаем, что после сего ничего не будет, и все готовы ответить, если бы до того пришлось, не только имением нашим, но и жизнью жертвовать не поопасмся»¹¹.

Видимо, они при этом рассчитывали, в крайнем случае, бежать на казенные земли Томаровского и Бендерского цынутов, так как убедились в том, что болгар и гагаузов, бежавших туда в прежние годы, не могли возвратит к помещикам.

Житничер и исправник высказали свое недовольство и тем, что сопротивлявшиеся угрожали им «опасным намерением». Все их усилия усмирить недовольное население оказывались тщетными. Когда же они попытались узнать «имена и прозвания... зачинщиков бунта», то вызвали ярость участников движения, призывавших друг друга не называть ничьих имен. Дело дошло до того, что чиновники, избегая «опасного последствия, могущего в отчаянном их положении приключиться», выехали из района движения в Фрумосу. Впрочем, этот отъезд был продиктован еще одним обстоятельством, заставившим их явиться в исправничество. Главче и Непейпиво тогда были серьезно встревожены распространением движения, вызванного, по их мнению, неизвестно кем составленной запиской, в которой было обещано создать из переселенцев казачье войско.

В результате этого из повиновения властям вышли не только болгары, но и «некоторые уже из молдаван». Оказалось, что болгары, составлявшие всего третью часть жителей двух Пилиний, в ходе борьбы против переписи втягивали «в единомыслие с собой в неповиновении начальству» остальные две трети населения, состоявшие из молдаван, которых они якобы обольщали «записанием в казацкое звание». Такой пример мог оказаться заразительным и вызвать движение во всем цынуте и пограничных селах, которое представлялось тем более опасным, что население припрутских сел несло пограничную караульную службу.

При совместном выступлении болгар с молдаванами представители местных властей были бессильны справиться с ними. Между тем, движение приняло такую острую форму, что Главче и Непейпиво были не прочь использовать для его подавления воинскую силу. Они просили Гартинга прислать гренадерскую роту второго батальона Камчатского пехотного полка для расправы с «взбунтовавшимися и ослушавшимися болгарами», подвергнув их, и прежде всего старшин или чорбаджиев двух Пилиний, телесному наказанию¹². Но Гартинг не счел возможным применение таких мер. Он не мог не считаться с политикой правительства в переселенческом вопросе и опасался нежелательных для себя последствий в случае насильственного подавления движения. Поэтому, действуя осмотрительно, он пытался использовать авторитет Комиссии и прежде всего А.Юшневского. Сообщив ему 29 марта о «бунтовщицких» намерениях болгар и молдаван, Гартинг просил его, как представителя главного командования 2-й армии, отправить в названные села Ватикиоти или другого чиновника, чтобы призвать жителей к повиновению властям при прове-

Граф Воронцов

дении переписи и убедить их в том, что они временно должны оставаться в составе бирников «наравне с прочими обывателями здешней области». По мысли Гартинга, освобождение задунайских переселенцев от податного бремени и их исключение из состава бирников могло последовать только после соответствующего решения правительства, которое могло быть принято на основании сведений, собранных Комиссией¹³.

Вместе с тем, как это видно из рапорта Главче от 5 апреля, 2-й департамент Областного правительства уже принимал меры к усмирению волнения. Он командировал в район Фрумось двух чиновников, Ботезата и Матющенко, обязав их исследовать причины движения пилинийских болгар. Отсюда стало известно, что движение распространилось и на жителей двух сел Хотарничанского цынута, которые, как и жители «прочих селений», противились осуществлению переписи, ссылаясь на то, что они уже записаны в болгарское войско¹⁴.

Таким образом, к 5 апреля движение, по-видимому, охватило большое количество переселенцев. Для его подавления требовались значительное усилие и помощь гражданского начальника области.

Как же реагировал Юшневский на упомянутую просьбу Гартинга? Ознакомившись с поступившими материалами, он воздержался от немедленного ее удовлетворения под благовидным предлогом необходимости проведения переписи в Томаровском цынуте, после завершения которой обещал выехать в села Гречанского цынута со всей Комиссией. И это не случайно. Ответ Юшневого свидетельствует о его сочувствии возмущенному населению. Ссылаясь на показания некоторых болгар, прибывших из двух Пилиний, он был склонен обвинять во всем происшедшем только представителей местной власти.

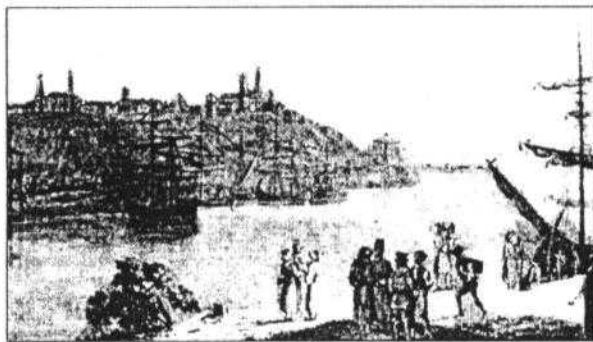
Причину оказанного сопротивления он видел в том, что Главче занимался не только переписью, но и принуждением переселенцев подписывать какой-то документ, содержание которого от них скрывали. По-видимому, это была практиковавшаяся тогда попытка принудить переселенцев дать подписку в том, что они не имеют никаких претензий к местным властям. Такие документы в официальной переписке 1816 г. названы «квитанциями». Смысл их заключался в том, чтобы скрыть от Комиссии и центральных властей произвол и притеснения переселенцев местными властями.

Таким образом, Юшневский выступал защитником обвиненных в «бунте» еще до своего выезда в села, охваченные движением. Он старался вскрыть произвол Главче и доказать его виновность в том, что население Пилиний отказалось выполнять его требования. Он выступил с доводами против необоснованных подозрений в причастности Комиссии к этому происшествию. Отмечалось, что она не только не подстрекала переселенцев к неповиновению властям, но, занимаясь выполнением своего поручения, попутно убеждала переселенцев в необходимости временного подчинения земским властям до издания ожидавшегося постановления правительства об их устройстве¹⁵.

Однако разбор дела затягивался, так как откупщики и помещики продолжали чинить всевозможные препятствия работе Комиссии и умышленно распространяли различные слухи с целью опорочить деятельность Юшневого и Ватикиоти. Против

них выдвигались ложные обвинения в подстрекательстве переселенцев к неповиновению властям и к бегству на казенные земли. Юшневский оказался вынужденным 3 июня вновь дать объяснение по этому поводу.

С этой целью он и Ватикиоти вместе с исправником Непейпиво и житничером Главче выехали в Фрумосу. Сюда были созваны жители сел Пилиния Болгар и

Вид порта Галац, нач. XIX в.

Пилиния Молдовень для выяснения на месте, действительно ли Юшневский и Ватикиоти дали им повод оказывать неповиновение властям. Жители Пилинии выражали готовность подтвердить присягой безосновательность обвинения Юшневского и Ватикиоти в «возмутительном внушении»¹⁶. Разобравшись в обстоятельствах, вызвавших волнение, члены Комиссии и представители местной власти признали беспочвенность такого обвинения. Комиссия вновь убеждала переселенцев в необходимости временного повиновения местным властям, хотя это и не входило в круг ее обязанностей.

Но Гартинг и Областное правительство были серьезно встревожены продолжавшимся уходом населения на казенные земли в Томаровский и Бендерский цынуты.

Юшневский доказывал, что действительными виновниками волнений переселенцев и их неповиновения властям являлись сами помещики, неоднократно пытавшиеся включить их в состав «... старожилых поселян, на землях их (помещиков – И.М.) живущих, и лишить их, таким образом, прав, каковые удерживают за собою переселенцы, наложить обязанность остаться навсегда на их землях»¹⁷.

Таким образом, еще раз вскрывается антикрепостнический характер движения болгар, в котором бок о бок с ними выступали и молдаване. Особенное упорство в стремлении закрепить переселенцев летом 1816 г. проявлял боярин Бальш, являвшийся собственником двух Пилиний. Излагая в своем прошении обстоятельства, при которых состоялось приобретение в собственность Хотарничанского и части Гречанского цынутов, он пытался обосновать одновременно и свое право собственника на даровой труд всего населения, жившего на его землях. Он считал себя вправе получать «узаконенную прибыль», которая должна была поступать ему в виде годового дохода с земли и «самой работы поселян», живущих на его землях. Как и другие помещики Бессарабии, он придерживался того взгляда, что... «каждый поселянин всегда обязан находиться на своей земле и быть подчиненным помещику деревни»¹⁸ (разрядка наша. – И.М.).

Выступление пилинийских поселенцев против их закрепощения помещиками и включения в списки для обложения биром не было единственным. Такие выступления происходили и в других селах Кодрского, Хотарничанского и Гречанского цынутов. Так, например, в середине апреля 1816 г. жители сел Чадыр-Орака и Минджира Хотарничанского цынута также оказали упорное сопротивление чинов-

никам, производившим перепись. Они не только вышли из повиновения властям, но и массами уходили на казенные земли в урочища Саку и Валя-Пержей. Мощностъ этого движения оказалась такой значительной, что земские власти не могли с ним справиться и удержать переселенцев в имениях помещиков¹⁹. Департамент запрашивал Гартинга, как поступать с непокорным населением. Однако теперь и он был вынужден считаться с невозможностью приостановить ширившееся движение переселявшихся масс. Таким образом, сопротивление переписи, осуществлявшейся местными властями, с одной стороны, и стремление быть включенными в переписные списки, составлявшиеся Комиссией Юшневского, с другой – могут быть расценены как формы борьбы против закрепощения. Отсюда понятна и тревога бессарабских помещиков, не желавших лишиться дарового труда переселенцев.

Преодолев большие трудности, Комиссия все же собрала сведения о переселенцах, которые и были представлены в середине июля 1816 г. в Кишинев. Пользуясь «Перечневой ведомостью задунайских переселенцев», представленной Комиссией Бахметеву при рапорте 13 июля, мы можем получить следующую таблицу, характеризующую состав переселенцев летом 1816 года (см. таблицу).

Приведенные данные мы считаем приблизительно верными, так как они в общем мало отличаются от сведений, собранных по распоряжению Бахметева несколько месяцев спустя начальником пограничных войск в Бессарабии Навроцким совместно с попечителем Ватикюти.

Цынуты	Количество			Число душ обоого пола			
	сел	дворов	семей	болгар	молдав.	греков	старожилов
Томаровский ...	34	2554	2772	7279	2738	216	1516
Гречанский ...	27	1216	1288	5754	270	144	288
Бендерский ...	15	902	962	4557	153	–	–
Кодрский...	10	302	1170	373	–	–	–
Хотарничанский...	4	231	236	1165	–	–	–
Кишинев (город)		144	156	571	–	–	–
Всего:	90	5349	5731	20496	3534	360	18041

В Ведомости²⁰, представленной ими в ноябре того же 1816 г., числилось 5079 семей задунайских переселенцев и 241 семья «старожилов», а всего – 5320 семей²¹. Некоторое расхождение с данными Комиссии может быть объяснено тем, что в ведомость Навроцкого-Ватикюти не вошли сведения по Хотарничанскому цынуту и г. Кишиневу, и вследствие трудностей учета населения, перемещающегося из цынута в цынут.

Данные таблицы позволяют установить разбросанность переселенцев по огромной территории. Они поселились в 90 селах четырех цынутов и в г. Кишиневе. Общее количество переселенцев и старожилов составляло 26164 души обоого пола.

Хотя Комиссия не нашла среди них неводворенных, нельзя не обратить внимания на несоответствие количества дворов, занимаемых наличным количеством семей. На 5731 семью приходилось 5349 дворов. Таким образом, 384 семьи не имели своих самостоятельных дворов. И так как Комиссия утверждала отсутствие неводворенных, то можно прийти к выводу, что в 384 случаях один двор приходился на каждые две семьи.

При сборе демографических данных Комиссия обратила внимание на разноплеменность состава переселенцев и отразила эту особенность в своих сведениях. В числе переселенцев из-за Дуная она обнаружила не только болгар и гагаузов, составлявших большинство, но и «немалое число молдован и частью греков», которые переселились вместе с ними в Бессарабию.

Болгары и гагаузы в общей массе переселенцев составляли 83,3%. За ними следовали молдаване—14,5% и около 2% составляли греки. Все они поселились в Буджаке, образовав в ряде случаев села со смешанным национальным составом. Такими стали и поселения буджакских старожилов. При этом Комиссия обратила особое внимание на желание старожилов «состоять на одинаковом положении с переселенцами»²². Комиссии не удалось довести поставленной задачи до конца. Однако она успела многое сделать. Собранные ею материалы были обработаны и использованы в ноябре 1816 г. Ватикиоти и Навроцким. На основании этих материалов можно установить, что в помещичьих селах Кодрского и Гречанского цынутов оставалось 1566 переселенческих семей²³, что по отношению к общему количеству переселенцев (5079 семьям) составляло около 30%.

Установление числа переселенцев имело большое значение для принятия последующего решения русского правительства. Так как на учет были взяты почти все переселенцы, в том числе и жившие на землях помещиков, мы вправе рассматривать перепись как результат борьбы народных масс за свое устройство.

Не меньшее внимание Комиссия уделила другим вопросам, которые интересовали массы народа. Это был, прежде всего, вопрос о переселении с помещичьих земель на казенные — преимущественно в Томаровский (Рениский тож) и Бендерский цынуты, лежавшие между нижними течениями Прута, Днестра и Дуная и постепенно заселявшиеся беглыми. По словам Ватикиоти, в 1816 г. большинство жителей Томаровско-Измайльского цынута состояло из переселенцев, и лишь в некоторых сёлах среди них жили молдаване²⁴. При этом обращалось внимание на одну характерную особенность положения этого немногочисленного молдавского населения. Он установил, что оно «не принадлежало частным владельцам», т. е. не находилось в зависимости от помещиков²⁵.

Вместе с тем Юшневский и Ватикиоти вновь обращали внимание своего начальства на обстоятельства, при которых часть болгар и гагаузов поселилась на помещичьих землях, вследствие чего попала в зависимость от их владельцев.

После того как они испытали на себе всю тяжесть боярского гнета и произвола со стороны исправников и откупщиков, переход на пустовавшие казенные земли хотя

Генерал И. Инзов

и был желательным, но стал невозможным по уже отмеченным причинам. Только вмешательство правительства, казалось им, могло выволить их из создавшегося невыгодного положения. Поэтому приезд правительственной Комиссии и воспринимался болгарами и гагаузами как решение оказать содействие в переселении на казенные земли. Не случайно уже в начале марта, т. е. в пору, когда на юге Бессарабии начинаются весенние полевые работы, многие переселенцы стали на путь перехода на казенные земли. Не дожидаясь окончательного решения вопроса о своем устройстве, они устремились туда, чтобы заняться распашкой земли. И так как число побегов росло изо дня в день, местные земские и областные учреждения Бессарабии совместно с Гартингом, с одной стороны, и Комиссия во главе с Юшневским, с другой, — должны были как-то реагировать на это явление. Сохранившиеся архивные материалы показывают, что первая сторона неизменно старалась всеми способами удержать массу переселенцев под властью помещиков в их имениях. Что же касается Комиссии, то, как увидим ниже, она боролась против притязаний помещиков и поддерживала болгар и гагаузов.

Невзирая на все препятствия, которые Комиссия встречала со стороны земских властей, Областного правительства и Гартинга, она развернула поистине кипучую деятельность, направленную на самое тщательное изучение положения переселенцев и принятие мер к его улучшению. Всего через месяц после начала работы были собраны важнейшие сведения о переселенцах, которые подтверждали справедливость их жалоб и вскрыли недостойные действия земских властей. В рапорте от 10 апреля на имя Беннигсена Комиссия сообщала: «Местное начальство, взирая недоброжелательным оком на предпринятое положение в пользу переселенцев» и видя приближающееся освобождение их от земской власти, приняло ряд чрезвычайных мер к «усугублению угнетения», которое стало заметным со времени работы Комиссии и выразилось в стремлении собрать с них сразу все, «что только с них получить можно».

Земские власти, стараясь затруднить осуществление мероприятий, предпринимавшихся в пользу переселенцев, засылали к ним «своих людей» для распространения ложных слухов, различных внушений и угроз с тем, чтобы заставить их отказаться от переселения на казенные земли. Они прилагали все усилия, чтобы убедить переселенцев в том, что с переходом на казенные земли они лишатся всех своих выгод, которыми якобы пользовались, находясь на помещичьих землях. Среди таких агентов земских властей известны своей хищностью житничер Симеон Главче, слуджер Федоров и откупщик Григорий Брашеван²⁶.

Чувствуя, что Комиссия может разоблачить совершенные ими преступления, помещики использовали земских исправников, откупщиков и арендаторов помещичьих сел. Для прикрытия своего хищничества они принуждали болгар выдавать им «квитанции», в том, что они не имеют к ним никаких претензий, а сопротивлявшихся этому арестовывали или обременяли особыми поборами. Юшневский и Ватикиоти возмущались тем, что помещики «при всех своих своевольствах и злоупотреблениях пользуются отличным доверием бессарабского правительства»²⁷.

Томаровское исправничество дошло до того, что, невзирая на присутствие Комиссии в Рени, арестовало одного из жалобщиков и освободило его только после

вмешательства Комиссии. Это — один из случаев расправы с переселенцами. Поэтому некоторые болгары не осмеливались являться в Рени для подачи жалоб.

Так как подобные меры, по свидетельству Юшневского и Ватикиоти, не поколебали решимости большинства переселенцев добиться удовлетворения своих требований, то земские власти стали применять более жестокие меры воздействия на них с тем, чтобы вызвать полное их разорение и тем самым заставить либо отказаться от переселения на казенные земли, либо принудить их «искать спасения за границей от хищности земского начальства»²⁸.

С этой целью, например, использовались такие средства, как воинский постой, злоупотребления при нарядах на поставку леса для строительства домов немецким колонистам, для доставки сена и ячменя на почтовые станции и т. д. Все изложенное Юшневский и Ватикиоти рассматривали как «слабое изображение бедствий, претерпеваемых... переселенцами», из-за которых они были «выведены из терпения страданиями, их силы превосходящими». Это заставило их беспрестанно обращаться в Комиссию за защитой. Присутствие Комиссии и ее постоянное заступничество вселяли в переселенцев надежду на благополучное решение вопроса в их пользу. Тем не менее, некоторые из них, не выдержав угнетения, искали выхода в бегстве за границу. За месячный срок работы Комиссии из одного лишь Томаровского цыгута бежало за Прут около 40 семей²⁹. Измаильский полицмейстер сообщил о бегстве 8 апреля шести «беженаров» с имуществом на правую сторону Дуная³⁰.

Земские власти, повинные в росте недовольства переселенцев и их побегах за Прут и Дунай, могли подвергнуться строгому наказанию за свои преступления, направленные во вред переселенческой политике правительства. Поэтому, стараясь избежать таких последствий, они делали все возможное, чтобы скрыть от взоров правительства свои злоупотребления и взвалить всю вину на Комиссию. Но Комиссия сумела разоблачить эти маневры. Считая одной из главных своих задач — «...удовлетворение желания самих болгар» и действуя в интересах последних, Юшневский и Ватикиоти выявляли злоупотребления не только земских властей, но и Областного правительства, которое отказывалось «внимать жалобам» болгар на несправедливые требования исправников и откупщиков при сборе податей, поборов и отбывания повинностей, перечисленных в цитированной «Записке» переселенцев от 8-го апреля 1816 г.

Изучив бедственное положение переселенцев, Юшневский и Ватикиоти констатировали бесполезность их обращений к Областному правительству, которое, «щадя своих людей (разрядка наша, — И.М.), подлежащих наказанию за противозаконные поступки, старается отдалить время изобличения оных». Для этих членов Комиссии стало ясно, что, если переселенцам не будет обеспечена защита «от угнетений, беспрестанно усугубляющихся», они окажутся вынужденными «искать убежища там, куда соотечественники их проложили уже дорогу», т. е. за границей³¹.

Все содержание этого чрезвычайно ценного документа дышит глубоким сочувствием Юшневского и Ватикиоти к «бедным сим людям», для которых они были готовы сделать все, что от них зависело. Сознывая, что выходят за пределы своих полномочий, они соглашались взять на себя временное «охранение задунайских переселенцев от претерпеваемых ими притеснений». Испрашивая на это разрешение Беннитсена, они

полагали возможным добиться успеха в том случае, если Гартинг будет удовлетворять все требования Юшневского и Ватикиоти по защите переселенцев «от притеснений, как продолжающихся, так и вновь возникнуть могущих». При этом Гартинг, в свою очередь, должен был отдать соответствующее распоряжение земским властям³². Только таким образом, по их мнению, возможно было удержать переселенцев в Бессарабии.

Однако переселенцы продолжали уходить на казенные земли. Это движение принимало широкие размеры. Томаровское земское исправничество было встревожено усилившимся притоком переселенцев из помещичьих моший других цынутов. Обращаясь в марте 1816 г. к Гартингу за указаниями, как поступать с ними, исправничество жаловалось на Юшневского и Ватикиоти, которые якобы, пользуясь своими полномочиями, запрещали возвращать беглых обратно к тем помещикам, от которых они ушли³³. К чести Юшневского и Ватикиоти, нужно сказать, что они в подобных случаях действительно становились на сторону переселенцев.

Но Гартинг упорно отстаивал интересы крепостников. В своем ответе Комиссии 4 апреля он признал действия исправничества справедливыми, настаивал на возвращении переселенцев из Томаровского цынута к помещикам, якобы «для предотвращения происходящих от того худых последствий и беспорядков», до тех пор, пока не будет получено решение правительства о дальнейшем положении переселенцев в Буджаке. Гартинг опасался беспорядков, которые могли возникнуть при переписи, производившейся тогда для обложения «всех обывателей» биром. «Ежели,— писал он,— имеющие постоянную оседлость в области не будут находиться в постоянных своих местах, подобно помянутым переселенцам, то никаких не будет средств привести в настоящую известность число народа здешнего»³⁴.

Стихийное переселение на казенные земли действительно создавало известные трудности для переписи. Но они могли быть легко преодолены в том случае, если бы переселение болгар и гагаузов осуществилось в массовом порядке в короткий срок и при содействии, а не противодействии властей. В таком случае переселенцы числились бы постоянными жителями в отведенных им поселениях. Но в том-то и дело, что объяснение Гартинга использовалось как предлог, чтобы оттянуть время и не затрагивать интересов помещиков. Это наше предположение подтверждается

Дед Николай Касым из Авдармы показал мне доверительное письмо, которое было выдано авдарминским гагаузам логофетным боярином Балушем, когда они в 1820-м покинули имение Балуша Орак, где прожили около 50 лет. Балуш пишет, что оракские гагаузы честные, правдивые, смирные, ремесленные, добродушные, гостеприимные, путников встречают, как родственников, трудолюбивые, миролюбивые, добрые, остерегаются пьянства, скандалов, всякого зла. В сёлах Орак и Чадыр среди гагаузов не было ни воровства, ни грабежа, ни мошенничества, ни убийства.

Такое же доверительное письмо получили от логофетного боярина Балуша чадырские гагаузы, когда они покинули владение Балуша старый Чадыр, где гагаузы прожили около 50 лет. Из этой ценной старой бумаги видно, какими хорошими людьми были прежние гагаузы

предписанием Гартинга, отданным исправникам. Он настаивал на возвращении переселенцев, успевших уйти от помещиков³⁵.

Выступая против этого, Юшневский и Ватикиоти пришли к выводу о бесполезности обращений к нему. В своем рапорте к Беннигсену от 15 апреля они доказывали несостоятельность аргументации управляющего областью, поступавшего с беглыми, как с «бродягами», якобы укрывающимися от «законных своих владельцев». Они указывали на недопустимость такого отношения к переселенцам и на обязанность местного правительства проявлять о них больше забот, нежели о частных выгодах помещиков, так как они прибыли в Бессарабию по приглашению русского правительства «вовсе не для того, чтобы их лишили свободы и отдали в удел помещикам»³⁶.

Помещики, оставшиеся без дарового труда переселенцев, добились предписания исправникам о возвращении беглых.

Областное правительство и Гартинг решительно потребовали от исправников возвращения к помещикам бежавших переселенцев. Юшневский и Ватикиоти не раз доказывали несостоятельность доводов, приводившихся и Гартингом, и земскими исправниками. Так, еще 19 марта они потребовали от Томаровского исправника приостановить возвращение переселенцев, отмечая, что помещики уже разорили последних, присвоив имущество ушедших на казенные земли. Возвращение же переселенцев к помещикам лишь на время, до ожидавшегося юридического оформления прав переселенцев на поселение на казенных землях, неизбежно привело бы к полному их разорению³⁷.

Менее чем через месяц после этого, 15 апреля, Юшневский и Ватикиоти обратились по тому же вопросу к Беннигсену, снова доказывая нецелесообразность и вред возвращения переселенцев к помещикам. На этот раз, видимо, с целью привлечь более пристальное внимание своего начальства, Юшневский и Ватикиоти подчеркивали, что переселенцы будут вынуждены «...искать убежища не на казенных уже землях, а во владениях Порты Оттоманской»³⁸. В этом случае ставился вопрос о необходимости упрочения престижа России среди новых ее подданных, с чем должно было считаться командование 2-й армии.

Таким образом, трезвый учет обстановки подсказал необходимость отказа от удовлетворения претензий помещиков к переселенцам.

Свою деятельность среди переселенцев Юшневский и Ватикиоти рассматривали под углом зрения защиты их от разорения, используя для этой цели правительственное распоряжение «не упускать из виду ничего, что только служить может к пользе государства и самого болгарского народа» и что «по местному положению усмотрено будет». Выполняя это предписание, они не только убедились в «явном разорении переселенцев», но и в том, что Областное правительство знало о тяжелом положении переселенцев меньше, чем члены Комиссии. Окончательно убедившись, что оно не пойдет навстречу переселенцам, Юшневский и Ватикиоти стали действовать через штаб 2-й армии, видимо, учитывая заинтересованность Беннигсена в создании особого болгарского военного поселения. Успешное решение этого вопроса связывалось с необходимостью освобождения переселенцев от обложения их всевозможными тяготами в пользу помещиков, так как, в противном случае, «невзирая на единодушное их согласие, не способны будут отправлять» службу в казачьем войске³⁹.

Министерство внутренних дел, знавшее о событиях в Буджаке по донесениям штаба 2-й армии и исходившее из государственных интересов, потребовало 25 апреля от Гартинга точного выполнения распоряжения правительства от 31 декабря 1815 года, разрешавшего переселение с помещичьих земель на казенные. Козодавлев настоятельно рекомендовал прекратить возвращение к помещикам бежавших от них переселенцев⁴⁰. Гартинг должен был подчиниться и предписал цынутым земским исправникам прекратить возвращение переселенцев с казенных земель в помещичьи села, «в коих они до перехода жительствоваали», и поставить об этом в известность Юшневского⁴¹.

Такая уступка со стороны Гартинга свидетельствовала о новом успехе борьбы народных масс, поддержанных Юшневским и Ватикиоти. Однако на деле оказалось, что Гартинг пошел на это под давлением сложившихся обстоятельств, так как ограничился формальным распоряжением. Реальных мер для проведения в жизнь принятого решения не предпринималось. Поэтому и самовольные переходы с помещичьих земель в Томаровский и Бендерский цынуты не прекращались.

Подробное ознакомление с борьбой за переселение из помещичьих владений на казенные земли в 1816 г. дает основание для вывода о том, что это была борьба против закрепощения основного производителя — крестьянина. Перемещение с боярских земель на казенные рассматривалось крестьянами как путь к приобретению земельных участков в собственность. Утверждение крестьянской частной собственности на землю в условиях начала XIX в. неизбежно повлекло бы за собой торжество мелкого товарного производства, стихийным продуктом которого, как учил В.И. Ленин, является капитализм⁴².

В общем ходе антифеодальной борьбы особое внимание уделялось вопросу об имущественных правах переселенцев. Крепостники смотрели на переселенцев не только как на крепостных крестьян, обязанных жить на их землях. Они считали себя также собственниками и всего имущества переселенцев на том основании, что это приобретение якобы совершилось в годы их пребывания на помещичьей земле. Многие переселенцы при уходе от помещиков на казенные земли не могли свободно распорядиться не только своим недвижимым, но и движимым имуществом. Присвоение имущества бежавших помещики рассматривали не только как средство обогащения, но и, прежде всего, как средство к удержанию болгар и гагаузов в зависимости. Естественно, что без скота, орудий труда и семян они не могли осваивать целинные земли Буджака.

Таким образом, помещики использовали свое феодальное право собственности для утверждения крепостнических отношений в южной Бессарабии. В то же время переселенцы, борющиеся за свое освобождение, никак не могли мириться с этим и вступили в борьбу фактически за утверждение буржуазного права собственности, за утверждение частной собственности на орудия и средства производства. После переселения в Буджак они, и особенно находившиеся в их среде зажиточные болгары и гагаузы, на деле убеждались в том, что режим, существовавший в Бессарабии, мало чем отличался от турецкого и также являлся тормозом для экономического развития.

Жители с.Кирсово Бендерского цынута Христо Милишоглу, Георгий Сароглу, Никола Чолакоглу, Трандафил Юварлакоглу, Николай Милишоглу, Димо Дмитриев и

другие жаловались на откупщика Брашевана, присвоившего у них 12 волов, 7 коров, 3 лошадей, 100 овец, большое количество хлеба и т. д. Татарбунарский поселенец Тодор Кесир жаловался на захват принадлежавшей ему ветряной мельницы, а Константин Божиоглу – на захват принадлежавших ему 130 ульев, виноградника, фруктового сада и другого имущества помещиком Бальшем. Уполномоченные общества болгар, бежавших из Кодрского цынута в Бендерский, жаловались на захват их имущества Брашеваном и Непейпиво. Уполномоченные переселенцев, перешедших из Гречанского в Бендерский и Томаровский цынуты, также обвиняли Непейпиво в присвоении их имущества⁴³.

Таким образом, ограблению подвергались не только рядовые, но и зажиточные переселенцы.

Борьба за возвращение имущества вначале носила мирный характер. Болгары использовали легальные пути. Они обращались с жалобами или прошениями к различным официальным лицам и учреждениям.

Известны и активные выступления переселенцев в борьбе за сохранение прав на владение своим имуществом. Так, например, в апреле 1816г. болгары и гагаузы сел Чадыр-Орака и Минджира перед тем, как уйти на казенные земли, ломали принадлежавшие им дома и другие постройки и увозили с собой свое имущество⁴⁴. Таким образом, они не оставляли своей собственности в руках владельца названных сел.

Юшневский и Ватикиоти неустанно выступали в защиту пострадавших и перед Гартингом, и перед представителями верховной власти, особенно перед командованием второй армии. Министерство внутренних дел также было в курсе всего происходившего в районе действия Комиссии, так как получало подробную информацию. По уже известным соображениям, Козодавлев осудил практику присвоения помещиками имущества и требовал, чтобы «всякие неправомерные притеснения помещиков отдалить и чтобы земское начальство никаких своевольных распоряжений ко вреду переселенцев не делало»⁴⁵.

Вот почему Гартинг предложил 31 мая первому департаменту Областного правительства «немедленно решить на законном основании жалобы», поступившие из с. Кирсово от Христо Милишогло, Георгия Сарогло и других, и от уполномоченных переселенцев Бендерского цынута, жаловавшихся на захват имущества исправником Непейпиво и откупщиком Брашеваном. В тот же день соответствующие предписания о рассмотрении подобных жалоб были посланы и земскому исправнику Хотарничанского цынута Бурде, и отставному сотнику Котире. Аналогичные распоряжения получили Кодрский исправник Михайлов и пограничный ревизор Ясницкий⁴⁶.

Но эти распоряжения управляющего областью явились очередной формальной отпиской, так как он предлагал чиновникам руководствоваться при рассмотрении жалоб «законами и обычаями сего края» и не разбирать жалоб тех людей, которые поселились в Бессарабии до 1806 г.

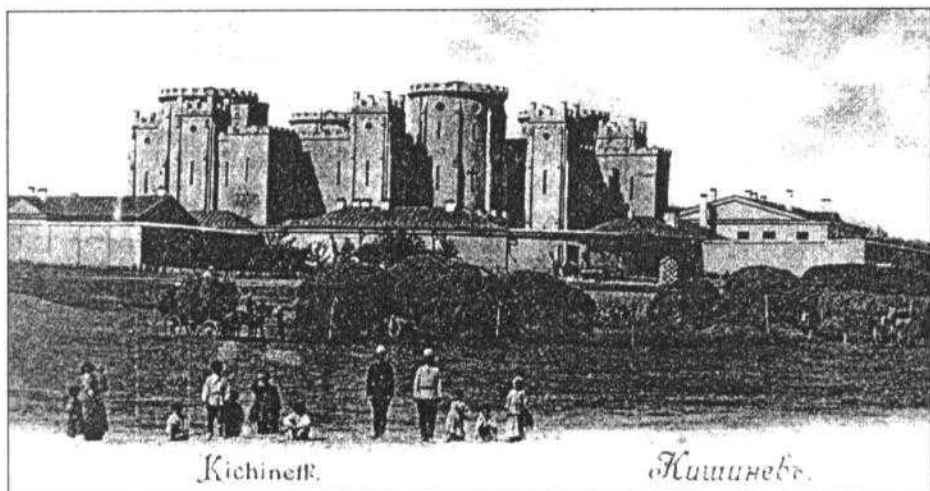
Юшневский довольно быстро разобрался в подлинных намерениях Гартинга и потребовал точного выполнения распоряжения Козодавлева. Он возражал против применения «законов и обычаев сего края» при разборе жалоб, так как это шло вразрез с предписанием Козодавлева о безусловном возвращении переселенцам их имущества. Во-вторых, как отмечалось, объявление Кутузова не предусматривало распространения «влияния прав, предоставленных в сем крае помещикам над старо-

жилыми оного обывателями», а обещало создать «особое общество поселенцев», независимо от местных властей. Считая переселенцев свободными, Юшневский доказывал, что и их собственность ни под каким видом не могла быть подведена под действие местных законов и обычаев, «каковые представлены здесь частным владельцам над собственностью земледельца»⁴⁷.

Добиваясь возвращения имущества переселенцам, Юшневский сообщил Гартингу о том, что ему известно о существовании предписания министра внутренних дел по данному вопросу, для точного выполнения которого Юшневский считал необходимым участие в разборе поступивших жалоб одного из членов Комиссии. Характерно, что он рекомендовал использовать в качестве такого представителя Марченко, т.е. члена Комиссии, назначенного Гартингом. Выбор кандидатуры Марченко мотивировался тем, что тот состоял прежде исправником двух цынутов, от жителей которых поступили жалобы на лишение имущества. Кроме того, в помощь Марченко предполагалось послать бывшего пятидесятника болгарского войска Константина Койчо, как человека, владевшего несколькими языками⁴⁸, необходимыми при общении с переселенцами.

Ответ Гартинга Юшневскому самым убедительным образом показывал, что он был против удовлетворения требований переселенцев. Не возражая против создания особой комиссии для разбора поступивших жалоб, он довольно откровенно выступил в роли противника безусловного возвращения имущества переселенцам на том основании, что они якобы поселились на помещичьих землях на условиях, обеспечивающих поступление доходов помещикам. При этом он исходил из неписанного права последних получать от крестьян разнообразные доходы и принуждать их к отбыванию всевозможных повинностей на том только основании, что они поселились на помещичьей земле.

Гартинг не хотел считаться ни с тем, что никто из переселенцев никаких условий с помещиками не заключал, ни с действительными обстоятельствами, при которых болгары и гагаузы заселяли Буджак. Он упорно твердил, будто заселение помещичьих земель происходило на условиях, заключенных между переселенцами и помещиками.

Кишиневская тюрьма, XIX в.

Таковы мотивы Гартинга, признававшиеся достаточными для уравнивания болгар и гагаузов с прочим населением помещичьих имений в обязанностях доставлять их владельцам одинаковый доход и отбывать повинности, «...поелику они нимало не изъемятся от общих правил и обычаев, в здешнем крае на сей случай существующих». Так он находил основание для крепостнической эксплуатации переселенцев помещиками. Отстаивая этот взгляд, Гартинг ссылался на отсутствие особых указаний правительства относительно взаимоотношений помещиков с переселенцами. На этом основании Гартинг оправдывал захват помещиками переселенческого имущества, а бегство на казенные земли рассматривал как намерение переселенцев оставить помещиков без рабочих рук, обеспечивавших поступление дохода с принадлежавших им земель.

Поэтому уход последних от помещиков без предварительного расчета с ними он считал незаконным и противился возвращению переселенцам их имущества, опасаясь, что, в ином случае, помещики могли пожаловаться на него императору. Особенно несправедливыми он считал претензии болгар и гагаузов, поселившихся на помещичьих землях до 1806 г.⁴⁹

Такие доводы Юшневский считал неосновательными и в донесении на имя Беннигсена от 9 июня вновь отмечал незаконность действий Гартинга по вопросу о возвращении имущества переселенцам. Он вскрывал незаконность распространения на переселенцев и их имущество действия местных законов и обычаев, тем более, что, как он справедливо заметил, «права сего края не приведены еще в известность». Исходя из этого и других суждений, изложенных в рапорте Беннигсену, Юшневский и Ватикиоти подчеркивали, что не только новые переселенцы, но и поселившиеся в Буджаке в предшествующие времена должны оставаться свободными, так как «давность переселения не лишила их свободы», и находиться в ведении российского правительства. В подтверждение выдвинутого положения они ссылались на то, что переселенцы в Бессарабии до 1806 г. считались непосредственными подданными Османской Порты и платили подати одному только турецкому правительству. И если тогда они не зависели от местных помещиков, то и теперь должны были сохранить эту независимость⁵⁰.

Пользуясь формальным согласием Гартинга на создание Комиссии для совместного разбора жалоб, Юшневский направил в нее бывшего сотника Ивана Ватикиоти. Однако исполнявший должность исправника Томаровского цынута капитан Полтораднев не допустил последнего к разбору жалоб будто бы из-за отсутствия необходимых указаний Гартинга. Юшневский располагал достаточными основаниями для обвинения Полтораднева в пристрастном подходе к порученному делу⁵¹ и опротестовал его действия перед Гартингом. Гартинг на следующий день вторично предписал Полторадневу допустить Ватикиоти к производству следствия по жалобам на Крапивного с предупреждением об ответственности за пристрастие при его осуществлении⁵². Но и на этот раз вопрос о возврате задержанного имущества не был решен. Становилось ясно, что линия, занятая Гартингом, не могла изменить положения. Владельцы мошій не сомневались в его поддержке и продолжали подвергать жалобщиков «вещему разорению», не собираясь возвращать награбленного имущества⁵³.

Считая себя охранителем законности, якобы существовавшей в Бессарабии, Гартинг заявлял, что будет ждать соответствующего указания министерства внутренних дел⁵⁴. Так Гартинг делал все, что было в его силах, для защиты интересов крепостников.

Однако и на данном этапе борющиеся массы народа сумели добиться определенных успехов, зафиксированных в указе 1819 г. Несомненная заслуга в этом принадлежит Юшневскому и Ватикиоти.

Антикрепостническое движение бессарабских болгар и гагаузов в 1815-1816 гг. имело некоторые особенности, отличавшие его от движения крестьян в других местностях России. В своем «Прошении» 8 сентября 1815 г. они требовали от правительства создать из них особое болгарское казачье войско по образцу Донского. Вместе с тем было выдвинуто и требование о создании особого административного устройства и управления ими, независимого от Бессарабского областного правительства и его агентов на местах.

Переселенцы надеялись, что эти требования будут удовлетворены правительством, а с подачей названного «Прошения» вопрос о формировании казачьего войска считали предрешенным. Этим объясняется то решительное сопротивление, которое оказали жители сел Пилиния Болгар и Пилиния Молдовень при переписи, производившейся там в начале 1816 г. чиновниками Главче и Непейпиво. Болгары, жившие в этих селах, встретили их криками: «... нас записали уже один раз в казаки. Мы после сего никакого описания не слушаем и знать не хотим»⁵⁵. Такие выступления происходили не только в Гречанском, но и в других цынутах. В своем рапорте на имя Гартинга 13 мая 1816 г. второй департамент Областного правительства доносил о том, что болгары бежали из сел Чадыр-Орака и Минджира Хотарничанского цынута в урочища Саку и Валя-Пержей в связи с ожиданием «начальнического согласия» на создание из них казачьего войска и нежеланием быть включенными в списки для обложения биром⁵⁶.

26 июля того же года Балыш жаловался царю на сильное уменьшение населения его сел в Хотарничанском и Гречанском цынутах, так как болгары и гагаузы «...самопроизвольно поступают в казаки, не думая платить то, что по закону определено владельцу земли»⁵⁷.

Перепись, производившаяся Комиссией весной 1816 г., рассматривалась как предпосылка для формирования казачьего войска, как одно из средств ликвидации зависимости от помещиков, откупщиков и земских властей не только переселенцами, но и населением южных цынутов Бессарабии, в которых не было ни болгар, ни гагаузов.

Известны и конкретные случаи таких записей бессарабских крестьян в казаки. Так, в мае 1816 г. бендерский земский исправник был встревожен тем, что неизвестный ему чиновник производил запись в казаки жителей подведомственного ему цынута. Действительно, некий Иващенко, занимаясь переписью жителей сел Паланка и Коркмазы, в которых не было переселенцев, заявлял при этом старожилам, что после переписи они будут числиться казаками.

Император Александр I

140	Горюхи Козима
141	Корчагинъ Сергей
142	Котельниковъ
143	Кочетковъ Михаил
144	Кочетковъ Николай
145	Котельниковъ
146	Мещеряковъ Николай
147	Мещеряковъ Сергей
148	Соринъ Николай
149	Котельниковъ
150	Соринъ Николай
151	Соринъ Николай
152	Соринъ Николай
153	Соринъ Николай
154	Соринъ Николай
155	Соринъ Николай
156	Соринъ Николай
157	Соринъ Николай
158	Соринъ Николай
159	Соринъ Николай
160	Соринъ Николай
161	Соринъ Николай
162	Соринъ Николай
163	Соринъ Николай
164	Соринъ Николай
165	Соринъ Николай

Именной список волонтеров, 1824 г.

Исправничество задержало Иващенко и прекратило дальнейшее проведение переписи. При расследовании выяснилось, что он был привлечен в качестве частного писца уполномоченным Комиссии по переписи Фогелем после отказа бендерского исправника прислать писца, затребованного Юшневским. В ходе переписи Фогель отлучился по служебным делам в Кишинев и в связи с этим поручил Иващенко завершить перепись. Комиссии пришлось дать объяснение, что указанный случай является недоразумением, так как переписью следовало охватить только переселенцев⁵⁸.

Этот случай представляется интересным в том отношении, что позволяет установить отношение молдавского населения к переписи, производившейся Комиссией Юшневского. Молдаване, как и их собратья из-за Дуная, стремились к освобождению от власти помещиков, откупщиков и цынутных властей.

После окончания переписи Комиссия Юшневского поддержала требования переселенцев об образовании особого болгарского войска на правах Донского казачьего войска. Сочувственно относясь к причислению в это войско всех переселенцев, независимо от их национальной принадлежности, Юшневский и Ватикиоти подкрепляли свое ходатайство ссылкой на условия 1811 г., согласно которым, к переселению из-за Дуная русское правительство приглашало не только болгар, но и других «обывателей христианского вероисповедания».

В связи с этим они поддерживали и требование о выделении особого округа в Буджаке для поселения в нем этого войска⁵⁹.

Образование болгарского казачьего войска, выделение для него особого округа и предоставление в нем податных и иных льгот одним только болгарам, по верному замечанию Юшневского и Ватикиоти, породило бы впоследствии «обоюдные затруднения и недоразумения» между ними и теми, кто не вошел бы в состав этого войска. Поэтому они считали целесообразным заблаговременно устранить эти неудобства и затруднения, неизбежные при сохранении в одном и том же округе двух категорий населения с неодинаковым правовым и общественным положением⁶⁰.

Таким образом, Юшневский и Ватикиоти не в первый раз высказывались за создание наиболее благоприятных условий жизни не только для болгар и гагаузов, но и для их соратников по борьбе с боярским угнетением — молдавских крестьян.

Тесные связи Юшневского и Ватикиоти с болгарами и гагаузами позволили им уточнить причины, побуждавшие последних добиваться создания особого болгарского казачьего войска. Его создание рассматривалось как гарантия от рекрутских наборов. Зная о тогдашней системе долголетней и тяжелой военной службы в Российской империи, они опасались, что молодые болгары и гагаузы, взятые в армию, навсегда будут оторваны от своих семей. Так, они выступали противниками феодальных форм войсковой системы. При службе же в казачьих частях, как они полагали, все их единоплеменники будут находиться в одних полках, а по окончании войн смогут возвращаться в свои семьи. Юшневский и Ватикиоти подчеркивали, что такие настроения не являлись проявлением трусости или боязливости, так как во время войны 1806–1812 гг. болгары и гагаузы показали себя неустрашимыми воинами.

Второй и, пожалуй, самый важный довод в пользу создания казачьих формирований заключался в нежелании «быть под молдавскими правами» и в надежде освободиться «от несносных для них видов помещиков закрепить за собой навсегда»⁶¹. Таким образом, создание казачьего войска в своей основе имело социальные причины. Ради освобождения от власти помещика они готовы были заплатить высокую цену — содержанием за свой счет 3 пятисотенных полков, что для 25-тысячной массы переселенцев являлось делом довольно нелегким. Мало того, борясь за создание такого войска и зная об опасениях правительства лишиться доходов с буджакских земель, они обязывались не причинять убытка казне и отбывать все повинности и платить установленные подати. Доказывая выгодность для правительства от образования казачьих частей, они отмечали, что в дальнейшем ему не пришлось бы содержать за счет казны русский казачий полк для охраны границы Буджака, так как ее можно было поручить болгарским казакам.

Вопрос о создании болгарского казачьего войска в правительственных кругах был встречен по-разному. Некоторые представители правительства считали нежелательным создание вооруженных болгарских сил непосредственно у государственных границ. Колебания в этом вопросе более всего проявил и Александр I и его статс-секретарь граф Каподистрия. Они знакомились с поступившими от Комиссии и из штаба 2-й армии материалами о создании казачьего войска, которое могло быть использовано для несения службы на участке русско-турецкой границы от устья Прута и далее по левому берегу Дуная до крепости Килия. Сомнения в целесообразности существования такого войска они объясняли, с одной стороны, тем, что болгары и гагаузы получили бы возможность для сношений со своими соотечественниками на правом берегу Дуная, что могло приводить к «злоупотреблениям всякого рода» и давать повод к нежелательным инцидентам с враждебной Турцией. Во-вторых, военное дело, по их мнению, могло отвлечь «сей трудолюбивый народ от земледельческого образа жизни, столь полезного для всей Бессарабии»⁶². Таким образом, экономическому освоению буджакских степей придавалось не меньшее значение, чем созданию войска из тех же переселенцев. Нужно, однако, сказать,

что царь и Каподистрия не пришли к окончательному решению, и, действуя осторожно, они позднее предложили бессарабскому наместнику Бахметеву представить свое мнение по этому вопросу. В случае признания необходимости создания казачьего войска предусматривалось водворить его не между устьем Прута и Килией, а между Килией и Аккерманом⁶³. Последняя поправка связана с желанием отдалить переселенцев от границы и, следовательно, от соприкосновения с их соотечественниками на правом берегу Дуная, и тем самым устранить возможность пограничных инцидентов с Турцией.

Решение этого вопроса тесно связывалось с проблемой организации управления переселенцами. В министерстве внутренних дел все более склонялись к убеждению в невозможности успокоения переселенцев до тех пор, пока они будут оставаться под властью местных бессарабских учреждений. Становилась ясной необходимость создания особого управления переселенцами. Уже 12 мая 1816 г. Козодавлев известил Гартинга о мерах, предпринимавшихся Комитетом министров в этом направлении. До принятия последним окончательного решения предлагалось осуществить некоторые предварительные меры с целью успокоения переселенцев. Гартинга обязывали выделить особого чиновника, оказывать ему всевозможное покровительство и содействие во всех его законных требованиях, «чтобы болгары защищаемы были от всяких притеснений как помещиков тамошних, так и земского начальства»⁶⁴. Таким образом, в порядок дня ставился вопрос о создании должности попечителя для задунайских переселенцев в Буджаке.

До окончательной выработки общего положения Козодавлев предложил осуществить временные меры. О них он известил Гартинга предписанием от 12 мая 1816 г. В числе временных мер предусматривалась организация особого управления переселенцами. Беннигсену поручалось назначить в соответствии с его представлениями «благонадежного чиновника для управления болгарам и попечения об их нуждах». Министр Козодавлев и Комитет министров были склонны остановиться на кандидатуре Дм.Ватикиоти, «попечительностью коего они (переселенцы — И.М.) были довольны, как то видно из самой просьбы их, поданной Беннигсену»⁶⁵.

Ватикиоти должен был управлять переселенцами, разбросанными на территории четырех цынутов, при помощи старшин, избранных ими из своей среды. Он наделялся полномочиями для защиты переселенцев. Ему предоставлялось право «сноситься в нужных случаях с областным начальством» и информировать о своих действиях министерство. Чтобы укрепить его авторитет, министерство требовало от Гартинга оказания ему «всевозможного покровительства и содействия во всех его законных требованиях». Вместе с тем и Гартинг обязывался защищать болгар «от всяких претензий как помещиков тамошних, так и земского начальства»⁶⁶. Нужно отметить, что представления Юшневского и Ватикиоти по вопросам о создании особого управления и защиты интересов переселенцев были приняты во внимание в высших правительственных сферах. На этом основании министерство внутренних дел должно было признать отрицательной роль бессарабских помещиков в заселении Буджака⁶⁷. Оно было недовольно бегством значительной части населения за границу, явившимся следствием притеснений их со стороны помещиков.

Такая откровенная характеристика, объективно изобличавшая жестокую эксплуататорскую сущность бессарабских помещиков и властей, была бы непонятна без учета того интереса, который проявлялся царизмом к заселению малолюдной Бессарабии и к захватам на Балканах. Таким образом, майское решение 1816 г. предусматривало ликвидацию вмешательства местных властей и помещиков во внутренние дела болгар и гагаузов. Это был еще один шаг по созданию особого управления переселенцами. Однако его реализация задержалась на некоторое время в связи с общей реорганизацией управления Бессарабской областью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 355, лл. 41—50.
- ² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 355, лл. 39—40.
- ³ Там же, л. 40.
- ⁴ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 355, лл. 49—50.
- ⁵ Там же, лл. 51—54.
- ⁶ Там же.
- ⁷ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 372, л. 41.
- ⁸ Там же, л. 41.
- ⁹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 372, лл. 42—43.
- ¹⁰ Там же, л. 46.
- ¹¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 401, л. 106.
- ¹² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 401, лл. 107—108.
- ¹³ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 401, лл. 109—110.
- ¹⁴ Там же, лл. 111—112.
- ¹⁵ ЦГИЛ МССР, ф. 2, оп. 1, № 401, л. 114.
- ¹⁶ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 372, л. 68.
- ¹⁷ Там же, лл. 49—50.
- ¹⁸ Там же, № 414, л. 71.
- ¹⁹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 372, л. 77.
- ²⁰ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 355, лл. 163—164.
- ²¹ Там же, № 66, лл. 392—393.
- ²² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 355, л. 165.
- ²³ Там же, № 66, лл. 392—393.
- ²⁴ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 66, л. 308.
- ²⁵ Там же, л. 388.
- ²⁶ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 355, л. 11.
- ²⁷ Там же, л. 6.
- ²⁸ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 355, л. 12.
- ²⁹ Там же, лл. 12—14.
- ³⁰ Там же, № 2, л. 139.
- ³¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 355, л. 13.
- ³² Там же, лл. 12—14.
- ³³ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 372, л. 35.
- ³⁴ Там же, лл. 37—38.
- ³⁵ Там же, л. 43.
- ³⁶ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 355, л. 17.
- ³⁷ Там же, № 372, л. 35.
- ³⁸ Там же, № 355, л. 18.
- ³⁹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 355, лл. 17—20.

- ⁴⁰ Там же, № 372, лл. 75—76.
⁴¹ Там же, л. 75.
⁴² В.И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 329.
⁴³ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 372, лл. 82—83.
⁴⁴ Там же, № 414, л. 77.
⁴⁵ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 372, лл. 75—78.
⁴⁶ Там же, лл. 82, 83, 89—91.
⁴⁷ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 372, л. 96.
⁴⁸ Там же, л. 95.
⁴⁹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 372, лл. 97-98.
⁵⁰ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 355, лл. 28—31.
⁵¹ Там же, № 372, л. 99.
⁵² Там же, л. 100.
⁵³ Там же, лл. 127—128.
⁵⁴ Там же, л. 98.
⁵⁵ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 401, л. 105.
⁵⁶ Там же, № 372, л. 77.
⁵⁷ Там же, № 414, лл. 73—74.
⁵⁸ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 372, л. 81.
⁵⁹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 355, лл. 9-10.
⁶⁰ Там же.
⁶¹ ЦГИА Л. ф. 958, оп. 1, № 616, лл. 9—11.
⁶² Там же, № 355, л. 55.
⁶³ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 355 л. 65.
⁶⁴ Там же, № 372, лл. 93—94.
⁶⁵ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, № 355, л. 93.
⁶⁶ Там же, лл. 5—6.
⁶⁷ Там же, л. 6.

БУДЖАК

КАК ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЗОНА

Юг Бессарабии¹ представлял собой специфический район области в производственно-экономическом отношении, отличавшийся от ее центра и севера территориальной и естественно-географической совокупностью, сочетанием исторически сложившихся объективных условий хозяйственного развития, своей отраслевой структурой и социально-правовым положением категорий крестьянства.

Начало формирования различия между экономико-географическими районами края относится к периоду до 1812 года, и это необходимо учитывать при написании истории края.

Территориальное очертание его подвергалось изменениям несколько раз с 1812 по 1878 гг. По Бухарестскому миру 1812 г., граница на Дунае проходила по Килийскому рукаву. В 1817 г. она была передвинута на Сулинский рукав по специальному договору с Турцией. Затем в 1829 г. (Адрианопольский мир)² в состав России отошла вся дельта Дуная. В 1856 г., согласно Парижскому трактату³, юго-западная часть Бессарабии была отторгнута, из которой после русско-турецкой войны 1877–1878 гг.⁴, в 1878 г. возвращено лишь сухопутное пространство, и граница снова, как и в 1812 г., установилась по Килийскому рукаву Дуная.

В административном отношении в понятие «Бессарабия» входили Бессарабская область и Измаильское градоначальство (придунайский район) с 1830 г. За южной частью Бессарабии, или как она в официальных документах называлась «собственно Бессарабия», включавшей в себя Аккерманский уезд, названное градоначальство, большую часть Бендерского и Кагульского уездов, ограниченную с севера условно Верхним Трояновым валом, в XIX в. закрепилось наименование «Буджак» – его площадь 1714100 десятин (1 десятина равнялась 1,1 га), что составляло 41 % площади области. До начала XIX в. территориально Буджак имел несколько иное очертание.

Ландшафт, почвенно-климатические условия района – типично степные. По размещению и структуре отраслей сельского хозяйства он претерпел эволюцию в течение первой половины XIX в. в связи с изменением конкретно-исторической обстановки.

Одной из отличительных черт Буджака являлось доминирующее значение крестьянского, а не помещичьего хозяйства в аграрном секторе и на рынке. Крестьянство юга испытывало

Буджак

менее стесненное положение сравнительно с основной категорией зависимого населения области – царанами и даже с аналогичными разрядами во внутренних и сопредельных с Бессарабией губерниях, что являлось важным социальным фактором в аграрной эволюции. При анализе условий перехода от одной общественно-экономической формации к другой не следует игнорировать особенностей окраин страны, где феодальный гнет, как правило, был слабее, чем в центре.

Обособление Буджака в качестве особого района Бессарабии в значительной мере определялось пограничным положением края. Бессарабия была форпостом России на юго-западе, играла роль ближайшего тыла на границе с Турцией и Австро-Венгрией. В мирное время здесь постоянно находился значительный контингент войск, размещенный, главным образом, вблизи Дуная, не говоря уже о периодах военной обстановки, когда он возрастал в несколько раз.

Стратегическое значение края наложило заметный отпечаток на хозяйственные мероприятия правительства, административное устройство и на процесс заселения Буджака.

Уже в первые годы после присоединения Бессарабской области видные военачальники, служившие в Бессарабии, высказывались за превращение ее в особый военный округ. Сохранившиеся в делах Центрального военно-исторического архива СССР специальные докладные записки генералов И. С. Тучкова⁶, командующего крепостями Бессарабии и будущего основателя г. Измаила (его «Записки о Бессарабии»), Козачковского⁷, командира 16 дивизии, дислоцированной в Бессарабии («Взгляд на Бессарабию»), бессарабского губернатора Гартинга (докладные записки об измене-

ниях в административном устройстве края) сходились во мнениях о необходимости подчинения хозяйственной жизни края и его административных учреждений военным интересам.

Эта точка зрения нашла отражение и в печати. Известный публицист А. Мартос⁸ писал в статье «некоторые сведения о Бессарабии»: «Военное правление, общее с властью гражданской, наиболее здесь приличествует», ввиду пограничного положения области. Известный писатель и генерал Михайловский-Даниловский⁹ в книге «Описание Турецкой войны с 1806 по 1812 годы», характеризуя исторические последствия присоединения края, особо подчеркивал его стратегическое положение и высказывался за разработку природных ресурсов и развитие экономики в военных интересах.

Царское правительство не решилось превратить край в военный округ, даже

Обложка книги Берга «Бессарабия»

освободило население от рекрутской повинности, но в его политике военные мотивы прослеживаются по ряду мероприятий. В Буджаке созданы в 20–30-е годы 10 военно-хозяйственных поселений – Дунайское казачье войско. Но это лишь штрих в социально-экономической политике правительства. Главную роль в хозяйственном освоении Буджака играли не эти военизированные поселения, а широкие массы крестьян другой народности – колонисты, государственные крестьяне, десятинщики, мелкие собственники земельных угодий.

В исследовании аграрной эволюции необходимо учитывать специфику природных условий, их влияние на общий ход развития сельскохозяйственного производства, его специализацию.

Сельское хозяйство – это сложная отрасль материального производства. Особенностью его является большая рассредоточенность по территории и сильная зависимость от природных условий, географической среды.

В зависимости от природных условий люди по-разному производят материальные блага, несмотря на общность социально-экономического строя. Это обязывает исследователей возможно более полно учитывать местные физико-географические факторы.

При всей органической целостности, единстве географических условий Бессарабии, в которых происходило развитие социально-экономических процессов, они распались на зоны.

Отличие юга заключалось в следующем: открытая, ровная и безлесная поверхность, недостаток атмосферной влажности и сточных вод, значительная неравномерность в распределении тепла по временам года, резкие колебания температуры в течение дня, близость моря и наличие больших заболоченных площадей (плавней) в приречных полосах, преобладание песчано-глинистого почвенного покрова с малым плодородием. Буджак находился в одной природной зоне с южными окраинами Херсонской и Екатеринославской губерний¹⁰.

Исследуемая территория в географическом отношении ограничивалась на востоке, юге и западе реками Днестр и Дунай и Черным морем. На севере естественно-географический рубеж представлял собой ряд отрогов Мегурского горного кряжа. По рельефу район представляет широкую волнистую равнину, понижающуюся к югу и изрезанную небольшими мелководными речками и глубокими балками, т. е. в целом Буджак входил в одну ландшафтную зону.

По почвенным разновидностям и растительному покрову здесь не было однообразия. Исследуя природные особенности края, выдающийся ученый-почвовед В. В. Докучаев, естествоиспытатель А. Гроссул-Толстой и земский агроном Н. Зеленецкий определили несколько микрополос в Буджаке. Особые полосы находились на побережье и в дельтах Днестра и Дуная. Большая же часть степной равнины, ограниченная долинами этих рек и отрогами гор на севере, разделена ими на две полосы по широтной зональности: приморскую (шириной от 20 до 60 верст) и к северу от нее переходную полосу от Кодр к степи. Соответственно и дикий растительный покров подразделялся на лесной, озерно-речной и степной. Почвы в приморье солонцевато-глинистые, в долинах рек и на балках – чернозем, на остальной территории – каштановые и бурые.

Обложка книги А. Зайчука

Так называемая Буджакская степь имела протяженность 200 верст в длину и около 150 верст в ширину.

Буджак обладал местами контрастностью условий, которые проявлялись, прежде всего, в количестве и неравномерном распределении атмосферных осадков. В предустьевых участках Днестровской и дунайской пойм сохранилось достаточно устойчивое увлажнение, а в периоды разливов рек – переувлажнение, т. е. побережья этих рек отличались своим микроклиматом.

По сумме осадков из времен года выделялись зимы. В весенне-летний период осадки неравномерно распределялись по месяцам. На май-июнь приходится пора ливней, в июле-августе выпадало наименьшее их количество, а иногда и совсем не бывало, что естественно сопровождалось недородами и засухами.

Меры по отводу талых и осадковых вод сводились лишь к созданию водозадерживающей сети из мелких прудов. После скоротечного половодья и прекращения ливней

условия полевого водоснабжения резко менялись. Речки и ручьи на юге имели незначительную водосборную площадь, грунтовые воды летом находились на большой глубине, так что на значительной части Буджака источники были малопродуктивными и не обеспечивали достаточного увлажнения.

В приморской низменности было много больших открытых водоемов в виде лиманов и озер, но они заполнялись сильно минерализованной водой (частью морской), к тому же сточные воды Вильно загрязнялись. Все это затруднило использование их для питьевых целей. Многие селения фактически лишались доброкачественных водопоев. В силу этого водоснабжение селений и сельскохозяйственных угодий регулировалось в летние месяцы в большом труде.

В целом, Буджак являлся районом сравнительно слабо обеспеченным осадковыми и другими источниками природного водоснабжения.

Тепловой режим края отличался большой неустойчивостью, температурными перепадами. Каждый год не был похож на предыдущий, с чем надо было постоянно считаться в сельскохозяйственном производстве. Нередко чрезвычайные условия года – суховеи, поздневесенние и ранневесенние заморозки, преждевременное иссушение полей и т. п. сводили к нулю трудовые усилия земледельца на целый сельскохозяйственный сезон.

Зимы в Буджаке характеризовались чрезвычайным непостоянством: были либо малоснежными, когда высота устойчивого покрова достигала нескольких сантиметров, либо иногда практически совсем бесснежными. Зимой довольно много безморозных дней с пасмурной погодой. Случались зимы и довольно лютые.

Говоря об этом времени года, надо иметь в виду, что календарная и хозяйственная зимы на юге не совпадали. Хозяйственная зима, охватывающая период от появления прочного снежного покрова до полного таяния его весной, была короче календарной

Весна в Буджаке, как и в других степных окраинах юга России, – кратковременная, скоротечна: интенсивное тепло наступало быстро, сопровождаемое иссушающими землю ветрами.

Летне-осенний период (до ноября месяца) здесь отличался обилием тепла и солнца и неустойчивостью в выпадении атмосферных осадков, что требовало от земледельца большой трудовой напряженности в периоды весеннего цикла работ и уборки урожая, подверженного угрозе стихийных бедствий.

Край был почти безлесным, за исключением больших ленточных боров, рощ в Бендерском уезде и маленьких островков редколесья, насажденного в некоторых колониях «задунайских переселенцев»¹¹.

Безлесье отрицательно влияло на водные ресурсы, почву и климат. Вторгавшиеся по степному коридору с востока пыльные бури беспрепятственно поражали поля. Иногда зимой продолжительные метели и снежные заносы приводили к гибели беззащитного скота.

Угнетающе сказывалось влияние вредоносных ветров на почвенный покров: они сносили и разрушали его верхний слой. В летние месяцы продолжительные суховеи северо-восточного направления, чередуясь со знойным затишьем, являлись главной причиной «запала» хлебов, т. е. иссушения их на корню, особенно в периоды цветения и налива зерна. Получение полноценного урожая находилось часто во власти стихии.

Такова географическая среда края, таковы распределение его почвенно-климатических полос, территориальные различия, специфика времен года и другие природные факторы, в которых протекала повседневная трудовая жизнь крестьян.

В целом Буджак, располагавший богатыми сельскохозяйственными ресурсами, отличался сложностью природных условий, противостоять которым, обживать территорию, вводить в хозяйственный оборот землю, водные и другие природные богатства приходилось первопереселенцам.

Юг Бессарабии омывался Черным морем, его рубежами на западе и востоке являлись полноводные Дунай и Днестр с их лиманами и дельтами. Это определяло его климат и выгодно выделяло из других зон Бессарабской области (центральной и северной) рядом неоспоримых экономико-географических преимуществ – в частности, близостью к Одессе, дунайским портам и Аккерману.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бессарабия, историческая область между реками Днестр и Прут (ныне основная часть территории Молдавии и южная часть Одесской области Украины). В X–XI вв. была в составе Киевской Руси, затем в Галицко-Волынском княжестве. С XIV века в Молдавском княжестве, с XVI века под властью Турции. С 1812 года в Российской империи. В 1918–1940 гг. незаконно оккупирована боярской Румынией.

В XVII–XVIII веках «Бессарабией» (или «Старой Бессарабией») называлась полоса степей в Причерноморье – от Буга до Дуная. Впоследствии это наименование стало распространяться только на территорию от Днестра до Дуная. В терминологии равнозначными были и «Буджак» и «Бессарабия, собственно так называемая». Но с 1812 года, с присоединением междуречья Прута, Дуная и Днестра, его стали называть Бессарабской областью (а с 1874 г. – Бессарабской губернией). Это была административно-территориальная единица в системе Российской империи. Юг области – Бендерский, Аккерманский, Измаильский уезды – по-прежнему в официальной переписке и в народе сохранил историческое наименование «Буджак».

Происхождение термина «Бессарабия» до сих пор не выяснено. Часть авторов в дореволюционной историографии связывают его с обитанием в Причерноморской степной зоне племен «Бесов», а в румынской литературе бездоказательно привязывают этот термин к Басарабам – династии в княжестве Валахия в XIV–XVII веках (с перерывами).

2. Адрианопольский мир был заключен 14 сентября 1829 года, завершил русско-турецкую войну 1828 – 1829 гг. К России отошли устье Дуная с островами и ряд крепостей на восточном берегу Черного моря. Турция признала автономию Молдавии, Валахии, Сербии и Греции, присоединение к России Грузии, Имеретии, Мингрелии.

3. Парижский трактат был заключен 18 марта 1856 года между Россией, Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией. Завершил Крымскую войну 1853–1856 гг. По этому трактату Россия уступала Молдавскому княжеству устье Дуная и часть Южной Бессарабии, возвращала Турции Каре. Черное море объявлялось нейтральным, Россия и Турция не могли держать там военный флот. Подтверждалась автономия Сербии и Дунайских княжеств.

4. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была завершена подписанием Сан-Стефанского мира (ныне Ешилькей, близ Стамбула, – Турция) 3 марта 1878 года. По нему, Болгария, Босния и Герцеговина получили автономию, Сербия, Черногория и Румыния – независимость. К России отходили Южная Бессарабия и крепости Ардаган, Каре, Бтум, Баязет. Однако условия Сан-Стефанского мира были пересмотрены на Берлинском конгрессе 1878 года, созванном по инициативе Великобритании и Австро-Венгрии, выступавших против усиления позиций России на Балканах. Согласно подписанному 13 июля 1878 года Берлинскому трактату, была подтверждена независимость Черногории, Сербии, Румынии. Северная Болгария стала автономным государством, Южная Болгария (восточная Румелия) осталась под властью турецкого султана, получив административную автономию. К России отошли устье Дуная, крепости Каре, Ардаган, Батум с округами, Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину.

5. Аккерман – ныне город Белгород-Днестровский Одесской области Украинской ССР.

6. Генерал-майор М. С. Тучков – личность незаурядная. До того как отказаться в Бессарабии в качестве главного военачальника ее крепостей, служил в Польше, проявил себя героически в Отечественной войне 1812 года. Он является прототипом князя Болконского в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. В Бессарабии проявил себя деятельным и рассудительным человеком. Он основал г. Измаил, построенный вблизи одноименной крепости. Затем, с возникновением Измаильского градоначальничества.

чальства (в него входили города Измаил, Рени, Килия, посад Вилков и ближайшие селения), являлся его градоначальником до 1834 года. Но в том году, будучи оклеветан, смещен с этого поста и выслан из Бессарабии.

7. Генерал-лейтенант Козачковский принял под свое командование от декабриста Орлова 16-ю пехотную дивизию в 20-е годы XIX в. представил вышестоящему начальству «записку о положении Бессарабской области и о своей деятельности по искоренению в 16-й дивизии революционно-освободительных настроений в среде офицерства и иных чинов».

8. *Мартос А.* Некоторые сведения о Бессарабии – Северный архив, 1828, ч. 34, с. 276–283.

9. Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790–1848), русский военный историк, впоследствии генерал-лейтенант, член Российской АН (1841). В Отечественную войну 1812 г. адъютант М. И. Кутузова. Работы по истории войн России с Францией, Турцией и Швецией в начале XIX в. в 1818 г., будучи флигель-адъютантом царя Александра I, приезжал вместе с ним в Кишинев. Как известно, царь здесь одобрил текст «Устав образования Бессарабской области». Данилевский впоследствии опубликовал свои впечатления о Бессарабии в виде статьи. Ее материалы, в известной мере, являются историческим источником, так как в них зафиксированы важные сведения о социально-экономическом состоянии вновь приобретенного края к концу 2-го десятилетия XIX в.

10. Екатеринослав, ныне город Днепропетровск.

11. В официальной переписке беженцы именовались «задунайскими переселенцами». Это собирательная категория крестьян. По этническому составу тогда власти не подразделяли выходцев из-за Дуная. А он был сложный – в него входили болгары, гагаузы, греки, албанцы, молдаване, сербы, украинцы, русские и др., безусловно, основную часть составляли болгары и гагаузы.

С 30-х годов, наряду с термином «задунайские переселенцы» стал бытовать другой – «болгарское водворение». Это этническое смещение надо понимать не как этническую однородность, а как регион изначального пребывания (Болгария) беженцев, т. е. выходцев, в основном, с территории Болгарии.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

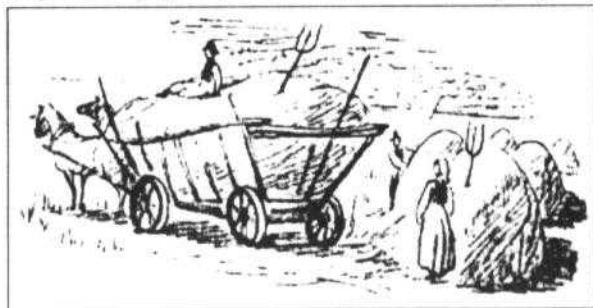
На заселяемых землях Буджака сложились иные аграрные отношения, чем в центральной и на большей части территории северной зоны Бессарабской области, где главными категориями крестьянства были царане (т.е. проживавшие на помещичьих и монастырских землях) и резеши (крестьяне-общинники, жившие на собственных землях). На юге утвердилась система «государственного феодализма», когда аграрные отношения регулировались ведомствами Министерства государственных имуществ. Колонисты не раз сталкивались с попечителями-чиновниками, вторгавшимися в их производственный процесс, и даже общинно-бытовые взаимоотношения, в крестьянскую повседневность.

Но «государственный феодализм» нельзя отождествлять с крепостничеством. По феодальной зависимости колонисты стояли после крепостных крестьян (и дворовых), царан и государственных крестьян. Лишь казаки обладали некоторыми льготами, которых не было у колонистов.

Своеобразная природа Буджака диктовала переселенцам необходимость придерживаться соответствующего образа жизни и поведения. Они знали ее и вынуждены были сживаться с новыми условиями, чтобы получить от занятий сельским хозяйством желаемые практические результаты. В целом на их производственной деятельности чувствовалась печать рискованности, ненадежности (расчет на неожиданные успехи) и неустойчивости, особенно мелких хозяйств.

Расселение колонистов также было обусловлено спецификой их земельной обеспеченности (многоземельем), микро-топографией, наличием водных источников: не было скученности, основывались колонии крупные, окруженные мелкими хуторами, тяготеющими к центральной усадьбе, характерно незначительное оснащение домов надворными постройками. Более благоприятные житейские условия имели колонии в придунайской полосе.

Переселенцы столкнулись со сложностями при устройстве в степной полосе. Не хватало денег на приобретение рабочего скота, сельскохозяйственных орудий и транспортных средств, не было денег на покупку строительных материалов и возведение

Полевые работы, XIX в.

жилых помещений и подворья. Поэтому появлялись в лучшем случае глинобитные домики, а больше землянки, в которых из-за скученности трудно было жить. К этому надо добавить бездорожье, глубокое залегание грунтовых вод, большой риск потери урожая и от недостатка осадков, налетов саранчи, заморозков, а скота – от падежей.

Все это требовало от крестьянина упорного, изнурительного труда и в своем хозяйстве, и на заработках, неизбежных при безденежье. Полученные наделы долгое время не осиливались семьями по маломощности, хотя они были у колонистов многолюдными.

До 1819 г. «задунайские переселенцы» проживали в 6 уездах Бессарабской области, в том числе на казенных землях Буджака (в двух уездах). Часть временно осела в Левобережном Поднепровье¹.

В том же году «задунайские переселенцы» получили юридическое оформление своих прав. Вслед за тем они стали концентрироваться на отведенных им землях в Буджаке. Но этот процесс, мучительный и беспокойный, осложнился «грозными для них явлениями» природы – четырехлетней засухой, падежом скота, нападением саранчи и другими стихиями природы. Дело дошло до крайнего предела – колонистам не хватало не только продовольственного, но и семенного зерна, так что многие обедневшие семьи в 1823 г. не могли произвести весенний посев. К тому же из-за событий в Дунайских княжествах в 1821 г., вызвавших перемещение больших масс войск на территории Бессарабской области, добавились повинности по их обслуживанию². Часть колонистов пыталась поправить положение заработками на стороне. Но это было не так-то просто. К тому же вербовщики рабочей силы стремились нажиться за счет нанимающихся, пользуясь их безвыходным положением³.

Трудились на чужой земле в качестве чебанов, пастухов, скотников, занимались стрижкой овец и промывкой шерсти, живя под небосводом.

Лишь в 1828 г. «задунайские переселенцы» начали приходить в весьма «хорошее состояние», но наступил очередной период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Русские войска сосредоточивались главным образом в Измаильском и Кагульском округах, и их содержание потребовало выполнения большого объема трудовых повинностей. Да и колонисты других округов несли большие наряды подвод по доставке топлива, содержанию в исправности плотины протяженностью в пять верст у переправы через Дунай, заготовке сена для войск и другие.

Особенно пострадали крестьяне Сатунова, Импуциты, Болбоки, Барты, Курчи, Табаков, Тараклии, Каракурта, Этулии, Карагауз, Картала. Одновременно селения пострадали от эпидемии чумы в 1829 г.

Как заключил посланный туда из Петербурга ревизор Франк, для восстановления хозяйства нужны пятилетние льготы от налогов и повинностей и хорошие урожаи в течение 3-4 лет. Однако в 1831-1833 гг. юг области был снова поражен сильнейшей засухой⁴.

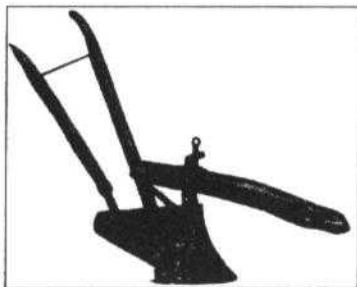
Засухи опустошали поля, огороды и пастбищно-сенокосные угодья: особенно в конце 50–начале 60-х гг. в 1873, 1891-1899, 1902 гг. Во избежание тяжких последствий этих бед для народа, рядом законодательных актов царского правительства, суммированных в «Уставе о колониях» с конца 30-х гг., особенно для предотвращения голода (а угроза их реально существовала), предписывалось в каждом селении ежегодно заготавливать и обновлять запасы зерна на продовольствие по 2 четверти (приблизительно 20 пудов) на душу и по 5 четвертей посевных семян на хозяйство. Последний резерв частью формировался путем ссыпки хлеба в общинные страховые склады («магазины»)⁵.

Следует, однако, оговориться, что неурожаи и другие стихийные бедствия, хотя и сопровождались затяжными трудностями, замедляли хозяйственный прогресс, но все-таки не приостанавливали экономического развития колоний.

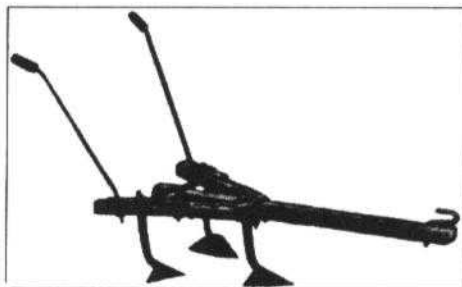
Надо иметь в виду, что устройство новой большой волны переселенцев конца 20–начала 30-х гг. было облегчено уже известной освоенностью Буджака, что сказалось на их отраслевой ориентации – стало более четко проявляться ведущее место земледелия во всем комплексе сельскохозяйственного производства. К середине XIX века налицо были довольно заметные сдвиги в экономике, накоплен опыт жизни в степи, распахана значительная часть земельных угодий, возросла численность крестьян, тяглого скота и земледельческого инвентаря, приведена в хозяйственный порядок сеть дорог. На отведенной к 20-м годам колонистам земле тогда существовало несколько десятков устоявшихся селений, и новые беженцы опирались на бескорыстную их помощь. Часть новопоселенцев влилась в существовавшие колонии, а остальные основали на безводных местах более 20 новых колоний – без тех ощутимых трудностей, которые выпали на первооткрывателей, устраивавшихся в Буджаке в 1811–1820 гг. В силу этого с середины 30-х годов перед ними открылись большие возможности широкого хозяйственного развития.

Приходившие в Буджак на поселение крестьяне были преимущественно пахарями и животноводами. Здесь они делали патриархально, по старинке, то, чем занимались их отцы, деды, соседи. Затем эта неотъемлемая черта крестьян – непрерывная семейная преемственность – дополнилась накопленным опытом жизнедеятельности в степной полосе, что позволило относительно быстро освоиться на новых местах жительства. Они хорошо знали отрасли животноводства (особенно овцеводства), полеводства, садоводства, виноградарства.

У гагаузов и болгар были совместные интересы, схожие традиции в обработке земли и занятиях животноводством; всему они учились тяжелым трудом и в борьбе с невзгодами. С этими истинно балканскими традициями они пришли, ими пользовались и позже. Главным являлось умение вести хозяйство в трудных природных условиях сухой степи, знакомство с риском трудовой деятельности, неустойчивостью производственного процесса. Эти полезные эмпирические навыки и достижения позволили крестьянам выстоять и освоиться в Буджаке. Помогали также нетребовательность к условиям быта и житейского обихода, умение терпеливо приспособиться и выносить невзгоды. И все это без сколько-нибудь существенных затрат со стороны казны.

Деревянный плуг, XIX в.

Деревянная куропашка, XIX в.

Денежная правительственная помощь переселенцам, незначительная по размерам, в виде ссуды с возвратом была оказана один раз в 1821 г. в обстановке засухи: на четыре года было выдано 75 тысяч руб. на все 35 селений. Эти скромные средства были израсходованы на приобретение семенного зерна. В 1824 г. наступила пора погашения ссуды и они попросили отсрочки из-за тяжелого положения – правительство пошло навстречу крестьянам⁶.

Однако нельзя полностью отождествлять и навыки, и традиции, и всю хозяйственную деятельность этих этносов – гагаузов и болгар. Этническая самобытность находила свое выражение во многих сторонах их жизни, устойчиво, из поколения в поколение, сохранялись особенности и в производственной деятельности (профессиональные интересы, самобытные приемы в трудовых операциях на полях, в животноводстве, в ремесле и др.).

В Буджаке крестьяне в большей степени, чем на территориях центральной и северной зон Бессарабской области, зависели от физической среды. Их занятия сельским хозяйством осуществлялось в условиях нестабильного климата (особенно незащищенности от восточных суховеев) и разработанного тяжелого почвенного покрова.

В Буджаке крестьяне в большей степени, чем на территориях центральной и северной зон, зависели от географической среды. Их занятия сельским хозяйством осуществлялись в условиях нестабильного климата, недостаточной увлажненности, жаркой погоды на протяжении многих месяцев, при неразработанном тяжелом почвенном покрове, незащищенности от суховеев с востока.

Слабая обводненность степных селений, большой солнечный прогрев воздуха и земли, сухая осень и малоснежная короткая зима – все это заставляло крестьян обращать пристальное внимание на накопление запасов влаги. Отсюда широко распространенная практика создания системы запруд для водоевов, поливы, и много других хозяйственных потребностей. Опасность засух таилась весной, летом, осенью.

При часто случавшихся весенних и летних «запалах», губительных для злаков и деревьев, поля превращались в совершенно черную поверхность, на которой даже овцы не могли найти для себя достаточно корма.

На протяжении ряда десятилетий крестьяне отдавали предпочтение полуэкстенсивному, которое не требовало больших затрат в производственном процессе, и такого числа рабочих, как в отраслях земледелия. При этом скот с апреля по октябрь находится на вольном содержании.

Озимые хлеба не выдерживали продолжительных засух, морозов и бесснежные зимы и неблагоприятной весенней погоды. Поэтому в пашенном клину преобладала яровая пшеница арнаутка – «главный продукт южного хозяйства». Урожайность зерновых на юге, – вследствие погодной неустойчивости и патриархальности систем земледелия, характеризовалась крайней неравномерностью: от 0 до 100 пудов с десятины.

Выручала крестьян кукуруза. Она давала удовлетворительные урожаи, так как из-за длительного вегетативного периода менее зависела от весенних дождей, более стойко переносила суховеи, а в качестве пропашной культуры способствовала уничтожению засоренности участков и служила хорошим предшественником колосовых хлебов.

В целом южное полеводство при кажущейся простоте и легкости его ведения представляло собой дело трудное и сложное, особенно для мелких крестьянских хозяйств⁷.

До 40-х гг. животноводческие хозяйства предпочитали кишловое (хуторское) содержание скота. Широко практиковалось сезонное разведение животных, поэтому к периоду зимнего стойлового и вагонного содержания поголовье обычно сокращалось.

Конечно, выращивание и содержание племенных стад (тонкорунных и цыгайских овец, мясного рогатого скота, чистопородных лошадей и других) требовали стабильности кормового резерва, большого опыта, мастерства и специальных знаний. На этих фермах всегда проводилась заготовка сена, травосеяние. Самой распространенной посевной культурой был могоар (бор) – давал при оптимальных погодных условиях по 165 пудов сухого сена с 1 десятины⁸. Богатый урожай сена снимали также на естественных заливных лугах. Но это практиковалось немногими крестьянами. Большинство же придерживалось сочетания занятий животноводством и земледелием, а в середине XIX века наступил перелом в отраслевой структуре: животноводство стало уступать место отраслям земледелия и развивалось либо параллельно, либо в качестве незаменимого подспорья к полеводству.

Если зерновое производство в целом было рискованным, то сухость и мягкость климата, много света и тепла, плодородные почвы (тяжелые суглинки) в исследуемой зоне позволяли выращивать виноград столовых и винных сортов, южные плодовые культуры (абрикосы, персики, айву, черешню), бахчевые, ягодные кустарники, ранние сорта яблок. В колониях «задунайских переселенцев» под садово-виноградные плантации и огороды отводились участки вне усадеб – по берегам рек и лиманов⁹.

В этих доходных, интенсивных отраслях чаще, чем в других, использовался труд специалистов, отходников и батраков. Последние выполняли тяжелые ручные работы.

Как отмечал А. Скальковский, в 50-е гг. в Кагуло-Прутском округе «селения и усадьбы, особенно со времен незабвенного генерала Инзова, напоминают самые роскошные места Италии и Франции; сады там считаются на тысячи деревьев, а лозы

Крестьяне в поле

виноградные – на миллионы. В Окружных центрах (в частности, в Комрате) закладывались обширные общественные сады и питомники», снабжавшие крестьян добротным и недорогостоящим посадочным материалом¹⁰.

У ногайцев в Буджаке земледелие находилось в зачаточном состоянии. С выводом их в 1837 г. в Подунавье остались заброшенные мелкие участки поднятых залежей, то есть фактически переселенцам приходилось заново поднимать

целину. Очень трудоемкая работа и недостаток в инвентаре и поголовье рабочего скота надолго утвердили залежную и переложную системы в полевом клину. Пройдут десятилетия, пока колонисты начнут внедрять более облегченные пахотные орудия заводского изготовления, требующие тяги только четырех валов, и на смену названным системам земледелия будут вводить двух-, трех- и четырехпольный севооборот.

В первые десятилетия хозяйствования колонистов при подъеме целинных и залежных участков (особенно при тяжелых почвах) впрягали в малороссийский плуг 6–8 волов. Но с повторными распахками и сокращением продолжительности цикла пашня – сенокос – пастбище обходились уже меньшим числом упряжных животных. Вот почему в сведениях начала 50-х годов нормой стало половинное число волов, как видно из приводимых данных по 22 гагаузским селениям, многие земледельцы и такой нормы тягловых волов не имели.

Надо учитывать еще одну специфику зернового производства в Буджаке – это укороченность весенней поры, быстрое наступление засушливых дней, в силу чего тяжеловесной упряжкой можно было успеть вспахать, разрыхлить почву и засеять в течение вынужденно сжатого срока всего 15 десятин. А это значит, что маломощные хозяйства неминуемо запаздывали с посевом и оказывались с более вероятным риском остаться без урожая.

Полностью закомплектовать «плуг» в годы первоначального устройства могли лишь немногие хозяйства. Даже в начале 50-х годов по колониям значительный удельный вес составляли «супряжные» дворы, то есть на пахоте «спрягались»). А это значит, что по своему имущественному положению часть семей могла снарядить, выставить какую-то долю упряжки, другие дополняли ее, остальные поставляли плугарей, погонщиков волов и иную подсобную рабочую силу. И сама вспашка производилась по очередности с учетом поставленного количества впрягаемых животных и пахотных орудий (собственно плуг, борона, рал, катки, последними обрабатывались полянки пеших).

ПО СВЕДЕНИЯМ КОЛОНИСТСКИХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ИНСТАНЦИЙ НА 1852 ГОД ЧИСЛЕННОСТЬ В СЕЛЕНИЯХ ДВОРОХОЗЯЙСТВ¹¹.

	Имеющих более 4-х волов	Менее 4-х волов
В Комрате	195	297
Бешалме	57	112
Конгазе	130	69
Баурчи	40	147
Казаяклии	115	91
Гайдары	36	66
Чадыр-Лунге	40	148
Кириет-Лунге	20	105
Бегиозе	15	107
Томае	40	133
Джолтае	18	60

Авдарме	30	81
Чок-Майдане	40	86
Дезгинже	34	189
Табак	95	53
Татаркопчак	112	66
Кубе	86	114
Курче	101	29
Балбоке	70	60
Чишмикиое	180	23
Вулканештах	510	487
Этулии	50	33

Площади предоставленных колонистам угодий позволяли наделять их большими участками и резервами. По расположению относительно усадеб они подразделялись на ближние и дальние. Но это касалось тех землепользователей, которые имели тягловый скот и тяжелый пахотный инвентарь, они же в первое время практиковали захватно-трудоуловый способ распорядка общинным клином. Хозяйственные возможности крестьян видны из следующих числовых показателей.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ГАГАУЗСКИХ КОЛОНИЯХ. 1836 г.¹²

Колония	Число душ обоих полов	Удобной земли (дес.)	Приходилось на 1 семью (дес.)	Лошади	Рогатый скот	Овцы	Свины	Сельскохозяйств. орудия		
								Плуги	Бороны	Телеги
Авдарма	374	3700	83,5	264	700	5500	100	36	30	75
Баурчи	820	6420	43	248	854	5030	13	66	14	135
Бешалма	731	6960	52,5	235	899	4986	45	49	11	170
Бешгиоз	461	4800	56	352	752	7000	141	45	49	110
Балбока	662	5760	36	198	708	3779	10	36	11	160
Вулканешты	1652	11994	42	687	2106	10230	129	144	26	361
Гайдары	402	4440	62,5	132	325	3518	30	27	18	82
Джолтай	308	3060	53	151	525	5176	30	35	36	62
Дезгинже	387	9120	56,5	287	1041	4478	123	66	56	185
Дмитриевка	649	5195	45	193	882	7497	27	75	75	115
Казаклия	1026	8702	47,5	554	2229	10626	59	90	19	256
Кириет-Лунга	394	5100	60	230	717	3279	105	38	29	96
Комрат	3164	20100	34	1200	3238	32544	79	139	97	324
Конгаз	845	6540	52	415	1619	8552	28	96	90	288
Кубей	908	8280	53,5	666	1361	6889	70	96	27	185
Курчи	765	6050	48	150	538	2645	-	44	44	135
Саталык-Хаджи	490	5100	58	210	1010	2021	30	31	31	77
Табак	615	2369	25,5	63	402	2775	23	35	4	80

Татар-Копчак	1054	7681	45	357	1198	6285	21	96	90	216
Томай	649	7290	60	345	758	3540	87	83	63	106
Чадыр-Лунга	897	7680	48	427	1326	9087	206	72	64	201
Чишмикиой	1088	8164	38,5	522	1060	8374	-	101	40	274
Чок-Майдан	455	6720	75,5	141	592	3431	80	38	13	78
Этулия	544	3810	45	120	734	5390	20	36	10	98

Колонии обладали большим трудовым потенциалом. К примеру, в середине 30-х годов из проживавших там 57440 крестьян числилось работоспособных (от 14 до 60 лет) более половины – 30 тысяч. Но обычно работали в поле и дома члены семьи – и моложе 14, и старше 60 лет. Это позволяло им справляться с большими запашками и содержать огромное поголовье животных. А земли и животных было действительно много, как можно судить по приведенным данным за 1836 год. Отметим, что колонисты совсем недавно, 3–4 года тому назад, пережили тяжелое стихийное бедствие (трехлетнюю засуху), но сумели восстановить поголовье и обзавестись значительным числом земледельческих орудий.

Накануне Крымской войны в подробных статистических сведениях колониальных ведомств были зафиксированы большие сдвиги на пути аграрной эволюции отраслей сельского хозяйства в интересующих нас поселениях. Приведем выдержки из них и отметим, что общий надельный фонд у колоний оставался прежним со времен 20–30-х годов. Даем цифры по массивам удобных земель; неудобья тоже были в их пользовании, однако лишь частично использовались как выгоны и, следовательно, существенной роли в сельскохозяйственном производстве не играли. Сведения таблицы дают общее представление о том, что гагаузские селения тогда обладали в сельскохозяйственном производстве (по основным отраслям) стабильным материальным потенциалом и заметным достатком; период благоустройства и обживания степного юга был уже далеко позади. Этот потенциал служил реальной основой формирования капиталистического уклада в аграрном секторе. На его базе зарождалась и жизнеутверждалась буржуазная прослойка, менялся социально-экономический облик гагаузского села. Процесс этот был внутренне противоречивым: с одной стороны, крепла этническая самобытность, с другой – капиталистические отношения нивелировали ее. В таком поступательном, прогрессивном, но неоднозначном процессе колонии «задунайских переселенцев» оказались в середине 50-х годов и в последующие два десятилетия под мощным воздействием самой Крымской войны и поражения России. По существу, колонии втянулись в продолжительную хозяйственную и социальную депрессию, и лишь до конца 70-х годов, уже в совершенно иных исторических условиях стали обретать устойчивое значение в хозяйственной жизни юга.

Цифровые материалы, сгруппированные в таблице, не дают достаточной определенности и всесторонности, но все же могут служить бесспорным показателем прогресса в экономическом развитии колоний.

Представляют несомненный интерес данные о площадях леса. Как известно, собственно в степной полосе юга Бессарабской области природного леса не было. Лишь на окраине, в Верхне-Буджакском и Кагуло-Прутском округах, сохранились

Переселенцы

низкорослый древостой и кустарниковые заросли, а лесные дачки в других колониях – это дело рук крестьян. Лесонасаждения проводились и по линии правительственных распоряжений, и как добровольные попытки сельских общин обзавестись небольшими площадями искусственно разведенного леса для удовлетворения повседневных нужд в древесине и для создания полезационных средств от эрозий, разрушения полей оврагами. В какой-то мере эти жизненно важные дела крестьян можно отнести и к лесохозяй-

ственному освоению Буджака. Эти дела колонистов, как и регулирование водного режима, свидетельствуют о специфике их отношений с природой.

***

У колонистов и хозяйственная деятельность, и повседневный уклад жизни, и особенно поземельные отношения были обусловлены общинностью, которая сыграла неоценимую роль в их исторической судьбе как мощный фактор выживания. Они издавна привыкли к общинным порядкам. Преследуемые и гонимые в условиях турецкого режима, живя под страхом смерти, а затем оказавшись опустевшей степи Буджака (с очень малыми жизненными ресурсами) в качестве беженцев, они смогли перенести удары многих невзгод, не в последнюю очередь благодаря тесным узам колонистов, диктуемых традициями и суровой необходимостью.

В местах новых поселений по-прежнему функционировала своеобразная общинная структура, в том числе подразделение жителей на большие семьи, включавшие в себя родителей, и малые семьи не отделившихся детей; фактически в сельской общине группировалось множество семейных коллективов. В землепользовании здесь прослеживается переплетение и сочетание юридического земельного права с обычным. Однако издавна действовавшие большесемейный уклад и натурально-патриархальные условия жизни, старые устои в аграрных отношениях, хотя и медленно, но деформировались. С годами возникла проблема обеспечения наделами молодых семей, нуждавшихся и требовавших индивидуальных, подворных участков.

Общинное землепользование было зафиксировано в «Уставе о колониях иностранцев». Там говорилось: «Все отведенные под поселения колонистов земли присвоены им в неоспоримое и вечное потомственное пользования и владение, но не в личную кого-либо, а в общинную каждой колонии собственность». Отдельные дворы не имели права продавать, уступать, закладывать или даже использовать по своему усмотрению участки наделной земли¹³.

До второй половины 20-х годов, то есть до размежевания Буджака, наличие в полосе расселения выходцев из-за Дуная свободных земель позволяло стихийно

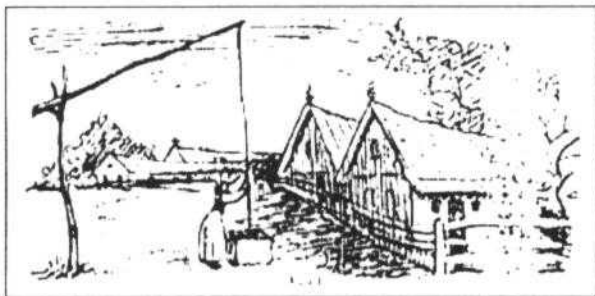
распределять пашни, пастбища и сенокосы между семьями на основе права захвата («займищ»), хотя и временно, поскольку эти угодья не закреплялись в частную собственность. Тут отчетливо проявлялась внутриобщинная противоречивость; таким хозяйствам необходимо было постоянство в распоряжении присвоенными участками, а основная масса общинников противилась этому стремлению.

В дальнейшем с ростом численности крестьянского населения, усиленной распашкой удобных земель и сокращением площади сверхнадельного резерва, общины стали распоряжаться всей совокупностью угодий, в том числе организацией выпасов, распределением сенокосных участков, камышовых зарослей и другим. Сенокосы и выгоны по своему хозяйственному значению первоначально играли главную роль в землепользовании, затем на первый план выдвинулись полевые, пахотные массивы и сенокосные участки, которые стали периодически на сходах распределять в подворное распоряжение, а пастбищами пользовались сообща. При этом община играла регулирующую роль; определяла количество скота, выгоняемого на пастбища от каждого двора, время пастьбы, заключала соглашения с пастухами. Ее роль в распоряжении кормовыми и естественными ресурсами, в известной мере, возросла в связи с тем, что у колонистов преобладали большие многодворные общины со значительным поголовьем животных, а площадь этих угодий неуклонно сокращалась с возрастающим вводом в поденный оборот ранее не обрабатываемых участков.

Общинное землепользование, с его границами между наделами, не мешало и не стесняло пастьбу общественных стад по дару и жнивьям, то есть на пашенном клину до посевов и после уборки хлебов. И в этих случаях, по решению сходов, устанавливался порядок использования его в течение сезонного цикла.

Община распоряжалась и другими жизненно важными угодьями: плавнями, лесными участками, залежами известняка, рыболовными водоемами, которыми крестьяне располагали по формально уравнильно-передельному принципу, в то же время прослеживалась здесь постоянная экономическая заинтересованность всех общественников как хозяйственного целого.

Несмотря на постоянно действующие факторы (казна как верховный собственник этих земель, общинная структура, давние традиции и обычаи), сказывалось превращение угодий в товар, они в какой-то части становились таковым, концентрировались в руках зажиточного слоя. Некоторое число общинников из-за разорения, необеспеченности рабочим скотом, неплатежеспособности и по другим причинам вынуждено было отдавать надельные участки в скрытое арендное пользование односельчанам, а продажа усадебных земель с долготлетними насаждениями становилась повсеместным явлением. И то, и другое практиковалось преимущественно в продолжительные межпередельные периоды. Так, постепенно богатейшие двory стягивали под

Вид села

свой хозяйственный контроль часть общинных угодий. А в тех селениях, где переделы фактически прекращались, процесс временного, арендного держания участков перерастал в землевладение.

Помимо скрытых денежных сделок, набиравший силы зажиточный слой стремился прибрать к рукам различные сельские должности, главенствовать на сходках и добиваться решений аграрных вопросов в свою пользу. Следовательно, в общинном землепользовании, изначально боролись две тенденции: коллективистская и индивидуальная (устремления целого слоя хозяйств к нарушению общинных принципов). К тому же внутренняя структура общинного землепользования была противоречивой и в другом аспекте; так как у крестьян частными являлись усадьбы, жилища, скот, инвентарь, которым они распоряжались беспрепятственно и передавали другим владельцам, продавали, делили и т. п., вся остальная земля была сохранена за общиной, а в пользовании полевыми и другими угодьями общинники придерживались уравнительности. И еще: в колониях общинность уживалась с изолированностью крестьянских дворов.

Все-таки крепкая колонистская община устояла, хотя и подвергалась деформациям. Как сообщал в середине 40-х годов современник, близко познакомившийся с жизнью «задунайских переселенцев», «немногие семейства из более зажиточных, соединенные союзом родства, решились отделиться от своих единоверцев, купили

земли или наняли, и живут особой» – купили или арендовали эти угодья на стороне, за общинными межами. Он же отметил наличие в колониях очень состоятельных крестьян: «Во всякой колонии можно найти не один дом, который хлебом, вином, скотом, особенно овцами богаче иного помещичьего»¹⁴.

Давала ли община возможность неуравнительного землепользования угодьями? Фактически давала. Высокопоставленный чиновник Министерства государственных имуществ Л. Флессьер, ревизовавший колонии «задунайских переселенцев» во второй половине 40-х годов, отмечал в своем отчете, что у них нет безземельных, так как «большой частью делятся землями по способам, которые имеет каждое хозяйство к разработке своих полей», в соответствии с этим и раскладка податей производится по площадям, фактически обработанных и засеянных полевых участ-

№	Имя	Площадь (в саж.)	Площадь (в моргах)	Земельный налог
120.	Васильев	50		
121.	Васильев	40		
121.	Васильев	19		
121.	Васильев	10		
122.	Васильев	8		
123.	Васильев	70		
123.	Васильев	50		
129.	Васильев	20		
130.	Васильев	11		
131.	Васильев	4		
124.	Васильев	10		
125.	Васильев	14		
126.	Васильев	13		
127.	Васильев	40		
132.	Васильев	35		
133.	Васильев	15		
134.	Васильев	13		
135.	Васильев	8		
137.	Васильев	6		
138.	Васильев	2		
128.	Васильев	11		
129.	Васильев	45		
130.	Васильев	38		
130.	Васильев	18		
130.	Васильев	7		
47/41.	Васильев	2		

Список жителей села Бешалма, 1818 г.

ков и по количеству скота у каждого двора. Иначе говоря, внутри сельских общин не было уравнительно-обязательного землепользования, поскольку не существовало, да и не могло быть, материального однородья колониетских дворов. Наоборот, всегда отчетливо обозначались признаки аграрного многообразия землепользователей.

Общинное землепользование, закрепленное законодательно в колониетском уставе, оставалось незыблемым до реформ 70-х годов. Но и пройдя через реформы, бывшие колонисты бережно хранили эту традицию, и потому в корреспонденции «По Бессарабии», помещенной в «Бессарабском вестнике» за 1890 год (№ 190, с. 2), сообщалось в связи с этим следующее: «в бывших «болгарских поселениях» (так собирательно продолжали называть «задунайских переселенцев») общинное землевладение весьма распространено, и крестьянские хозяйства тут ведутся на основаниях мирского, общинного владения всей землей».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дубровин Н. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива его императорского величества канцелярии, выпуск 7. СПб., 1895, с. 297.
- ² Имеется в виду движение греков (гетеристов) и местного населения за национальное освобождение от султанской Турции.
- ³ ЦГИА СССР, ф. 383Э, оп. 29, д. 411, л. 434–435.
- ⁴ Там же, д. 490, л. 548 – 550.
- ⁵ Статистические сведения об иностранных поселениях в России. Журнал Министерства государственных имуществ (ЖМГИ), 1838, ч. 28, с. 25–26.
- ⁶ Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 1, оп. 214, д. 5, л. 443; ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 411, л. 355–362, 366.
- ⁷ Абрамович А. А. Краткое описание хозяйства Буджакского хутора. Одесса, 1912, с. 6, 8.
- ⁸ Там же, с. 22.
- ⁹ ЦГИА СССР, ф. 383, д. 8056, л. 6.
- ¹⁰ Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. 1 и 2. Одесса, 1850–853, с. 132; ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 1, д. 1199, л. 137.
- ¹¹ ЦГА МССР, ф. 24, оп. 1, д. 3, л. 8–9, 14–15, 20–21.
- ¹² ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 610, л. 115–123.
- ¹³ ЦГА МССР, ф. 24, оп. 1, д. 3, л. 8–23, 27–30, 112–113.
- ¹⁴ Москвитянин, 1845, ч. 6, с. 160–162.

В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853-1856 гг.

Бессарабские колонисты были освобождены от воинской повинности. Сохранились документы, свидетельствующие, что в составе Дунайского казачьего войска служили гагаузы. В именном списке волонтеров, учинённых Кишинёвской градской полицией в 1824 г., числятся Паня Гагауз, Тодор Узуноглу, Мити Харадоглу, Иван Балабан, Стоян Узун и др.¹ Дунайское казачье войско участвовало в военных действиях в период Крымской войны 1853-1856 гг.²

Жители гагаузских и болгарских сёл, как и всё население Бессарабии, снабжали армию продуктами, фуражом, поставляли лошадей, выполняли военно-подводную повинность по перевозке на фронт разного рода грузов. Из местных жителей создавались хозяйственно-вспомогательные отряды, производившие ремонт и строительство дорог, мостов, укреплений и окопов для действующей армии.

Только в 1853 г. на земляных работах, а также строительстве переправы через Ялпух население гагаузско-болгарских сёл выставило 4 тыс. подвод и проработало более 10 тыс. человеко-дней. В следующем году продолжались «устройство» Сатуновской и Ялпухской переправ, артиллерийских батарей, ремонт Измаильской крепости.

Карта дислокации войск 1853 г. (на карте указан маршрут из Бессарабии в Крым, по которому двигались обозы с провиантом для русских войск)

Направляясь или возвращаясь с театра военных действий, многие русские полки проходили через Буджак и определялись на квартиры в гагаузские и болгарские сёла. Только в Нижне-Буджакском округе число постоянных дней составило 49750.

Подводами поселенцев перевезено военных грузов и выполнено разного рода работ на сумму более 420 тыс. рублей. Среди архивных документов сохранились «Именные списки» крестьян, которые в качестве «погонцев» перевозили грузы в Крым. Они были награждены бронзовыми медалями в память войны 1853-1856 гг. Некоторые из них погибли на этой войне.

«На протяжении двух лет, – говорилось в Указе русского правительства, адресованном бессарабским колонистам, – наши воины находили в ваших домах радостное гостеприимство и горячее сочувствие... В памяти России останутся неизгладимыми ваше усердие, ревностность, ваша любовь к общему делу...»

СПИСКИ КОЛОНИСТОВ, БЫВШИХ ПОГОНЦАМИ В МИНУВШУЮ ВОЙНУ 1853 ГОДА

КОЛОНИИ ГАЙДАРЫ

Коста Митишов Балканньогул, Нидялко Иванов Иоргов, Панаит Радев Драганов, Стоян Петров Вакир (умер в 1856 г.), Яни Костов Чолак, Николай Костов Чолак, Санду Добрев Сарак, Велико Панаитов Шон, Кирияк Георгиев Хергеледжи.

Учинён февраля 19 дня 1860 года; За выборного: Иван Болгар; Сельский писарь: Раинов

ВЕРХНЕБУДЖАКСКОГО ОКРУГА КОЛОНИИ БЕШГИОЗ

Танас Арабаджи, Андрей Драгнев, Никола Сопогоры, Влади Варбан, Василий Терзи, Константин Манов, Пётр Арескин, Велику Драгнев, Яни Сарииоглу.

Учинён 28 января 1860 года; Выборный: __; Писарь: Кирица

ВЕРХНЕБУДЖАКСКОГО ОКРУГА КОЛОНИИ ДЖОЛТАЙ

Иван Кочанжи (31 год), Иван Камбур (52 года), Стани Мичев (49 лет), Дмитрий Мичнев (35 лет), Курти Камбур (54 года), Дмитрий Кочогло (64 года).

Учинён 29 января 1860 года; Писарь: М. Чебаника

ВЕРХНЕБУДЖАКСКОГО ОКРУГА КОЛОНИИ ДИЗГИНЖА

Давид Танасов Терзи, Дмитрий Тортой – умер в 1857 г., Тодораки Криз, Иван Капсомун, Георгий Арабаджи, Михалаки Тукан, Илия Мунтян, Руси Тукан – умер в 1856 г., Сава Андрей, Панаит Пашканян, Гавриил Танас – не вернулся с погонцев, Велико Сарфош, Георгий Гроссу, Яни Каражеков, Павли Галацан, Петри Тодоров Узун – не вернулся, Василий Иордакиев, Георгий Гузун, Никола Дели, Георгий Гагауз.

ВЕРХНЕБУДЖАКСКОГО ОКРУГА КОЛОНИИ КИРИЕТ-ЛУНГА

Пётр Петров Чолак, Георгий Митакиев Калинидогло, Георгий Константинов Кайкы, Панаит Кирьяков Бургуджи, Дмитрий Стефанов Бургуджи, Кирияк Стефанов Бургуджи, Яни Никомидов Иванов, Георгий Стефанов Ротарь, Пётр Янев Никитин – умер в 1856 г.

Учинён 25 января 1860 года; Выборный: Пётр Малезик; Сельский писарь: Маримор

ВЕРХНЕБУДЖАКСКОГО ОКРУГА КОЛОНИИ ТОМАЙ

Дмитрий Арнаутогло, Никола Капсамун, Иордан Димоглу, Дмитрий Гогош, Параскив Димоглу, Константин Киор, Михаил Стойков, Антон Келеш, Стефан Курожик, Яни Добриогло, Иван Караиваноглу, Тодур Танов, Илия Бургован, Никола Дулиогло, Николай Каргалык.

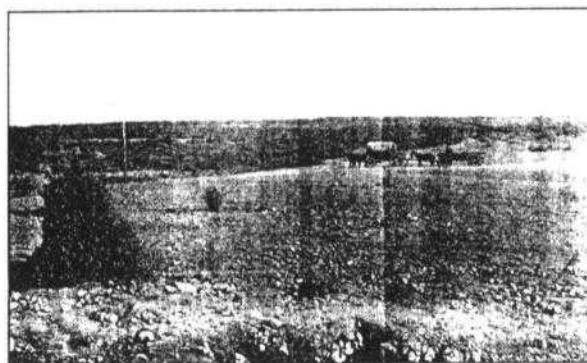
Выборный писарь: Триценко

КОЛОНИИ ЧАДЫР-ЛУНГА

Пётр Шим Шим, Пётр Караман, Танас Якмекчи, Константин Кожухарь, Георгий Михайлов, Крыстю Сырмач, Михаил Турлак, Иван Кытов, Георгий Стамов, Иван Лефтеров, Георгий Недов, Танас Сыртмач, Коста Татар, Стыро Камбур, Коста Капанджи – умер, Петко Доброжак – умер, Параскива Никулица, Ангел Караман, Радо Никулица.

Учинён феврале 1860 года; Выборный писарь: Монастырли

КОЛОНИИ БАУРЧИ ВЕРХНЕБУДЖАКСКОГО ОКРУГА

Крымские дороги XIX в.

Яни Петров Арнаут (№ медали 9826), Илья Киоьяков Карасызнерли (№ медали 9827), Янчу Драгнев Добровлеан (№ медали 9828), Иван Иванов Булмя, Иван Гарчев Черненов, Иван (Павли) Стоянов Юкюци, Яни Ананиев Кадын, Илья Карастоянов Кирияк, Георгиев Димов Орманов, Димов Добрев Гайдарлы, Георгий Стоянов Костов, Дмитрий Николаев Коппакчи, Иван Сандулов Терзи, Никола Булгар

– умер в 1854 г., Тодорий Дюльгероглу – умер в 1857 г., Георгий Иванов Тельпиз – не вернулся.

Выборный: Мандажи; Секретарь: Пётр Тре__ов

КОЛОНИИ БЕШААМА ВЕРХНЕБУДЖАКСКОГО ОКРУГА, 1853 г.

Георгий Василев Тоско и Михалакий Василев Тоско (№ медали 3880), Иван Георгиев Тасмасыз – поступил в монашество в 1855 г., Иордан Челебав Татар, Танас Симонов Кара, Иван Райчев Вылкан – из погонщиков не возвратился, Яни Бойков Чанев – умер в 1856 г., Дмитрий Тодоров Чолак, Дмитрий Рабчев Чебан, Георгий Иванов Чертмажи – находился под судом, Константин Башков Кёся – находился под судом, Панаит Иванов Челеби – находился под судом, Константин Николаев Кадын – находился под судом, Стоян Константинов Перчемли, Келеш Маринов Кочан.

Выборный секретарь

КОЛОНИИ КОМРАТ, 1853 г.

Николай Иванов Велев, Манолакий Петров Арчинтар, Тодор Русев Георгиев, Пётр Иванов Попов, Лука Николаев Лунго, Минко Константинов Костович, Янев Константинов Порграс, Тодор Радов Порграс, Тодор Райков Сырбул, Дмитрий Кирияков Михайлов, Михаил Дмитриев Железогло, Константин Стефанов Златов, Кирияк Радов Пешкогло, Матей Тодоров Панаитов, Паню Жеков Сарач, Николай Кирияков Арабаджи, Тодор Николаев Кирица, Иосиф Стафилов Дульцаца, Василий Тодоров Кара, Тодор Баба Сава, Иван Николаев Балдогин, Николай Железов Галвадник, Колю Иасов Куртев, Василий Стоянов Менчогло, Танас Пенков Чешмеджи, Добре Илиев Богданов, Марин Фетов Братунов, Господин Костов, Константин Иванов Сары, Трифон Александр Александрогло, Штефан Иванов Камбур, Стоян Драганов Тукан, Дмитрий Тодоров Гаргалык, Василий Ананиев Попович, Танас Чернев Сибов, Пётр Недов Караиван, Иван Апостолов Кыльчик, Дмитрий Маринов Мичнев, Георгий Драганов Боедгин, Тодор Мунтян, Вылю Колев Выхков, Марко Антонов Димитров – под судом, Димитрий Колюв Выхков – под судом, Хараламбий Цанков Касанги – под судом, Константинов Дмитриев Болгар – в отлучке, Георгий Колев Митиогло – в отлучке, Самоила Макаров Морошан – в бегах, Николай Стоянов Детмением – не вернулся из погонщ. с 1853 г., Недю Кирияков Сербов – не вернулся из погонщ. с 1853 г., Пётр Тричиев Стоянов – под судом, Илия Василиев Скутарь – под судом, Марин Иовчов Славов – в отлучке, Георгий Николаев Балабан – не вернулся с погонщ. с 1853 г., Тодор Маринов Недялков – не вернулся с погонщ. с 1853 г., Дмитрий Добрев Кристев, Танас Димиров Аврамов – умер, Андрей Станг – умер, Петко Томов Сырбыл – умер, Георгий Тодоров Арнаут – умер, Андрей Михайлов – умер, Иордан Ламбов – умер, Пётр Иванов Афтениев.

Выборный: Койчев; Писарь: Георгиев.

ВЕРХНЕБУДЖАКСКОГО ОКРУГА КОЛОНИИ ЧОК-МАЙДАН

Алексей Андреев Крушка, Андрей Петков Арнаут, Костаки Иванов Нитрец, Танас Петров Сырб, Никола Петров Кульчев, Добри Ников Чакир, Штефан Колев Торлаков, Иордан Манолов Корчмарь, Иван Тодоров Маля, Ангел Григорий Вотава – умер в 1856 г., Формус Манолов Корчмарь – умер в 1856 г.

ВЕРХНЕБУДЖАКСКОГО ОКРУГА КОЛОНИИ АВДАРМА

Иордан Прижилян, Георгий Казмалы, Никола Тумба, Илья Курдоглу, Тодор Цырлак, Руси Кожухарь, Панаит Казмалы – умер, Михаил Кирица – умер.

КОЛОНИИ КАЗАКЛИЯ, 1853 г.

Христо Караяна, Добри Стойчев, Танас Балта, Пётр Черт, Добри Собор, Манол Собор, Дмитрий Топал, Дмитрий Калак, Николай Койпан, Велико Аджем, Сандул Русев, Формуз Кигмял – (умер в 1856 г.), Афанасий Белев, Паскал Белев, Харитон Быца, Грозде Маркел, Дмитрий Танеев, Панайот Транчол (умер в 1857 г.), Николай Бусадгин (в неизвестной отлучке с 1857 г.), Михаил Чеботарь (в неизвестной отлучке с 1857 г.), Илия Влах (не вернулся с погонцов).

Кандидат по выборному: Данила Чакил; Писарь: ____

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Бессарабское Областное Правление сим удостоверяет, с приложением печати, что Бендерского уезда колонии Комрат Недю Кирияков Сырбов, служивший в минувшую войну погонцем – на основании Всемилоствейшего Манифеста 26 августа 1856 года и правил, приложенных к приказу Г-на Военного Министра от 26 того же августа за № 185, имеет право носить светлобронзовую медаль на Андреевской ленте, в память войны 1853-1856 годов.

Кишинёв. Апрель 27 дня 1863 г.

За Г-на Губернатора старший советник, советник, секретарь

ИМЕННОЙ СПИСОК БЫВШИМ ПОГОНЦАМИ, ВЫСТАВЛЕННЫМИ БЫЛО КОЛОНИИ ИЗМАЙЛЬСКОГО ОКРУГА В ПОЛУБРИГАДУ ПОДВИЖНОГО ПРОВИАНТСКОГО МАГАЗИНА В 1853 ГОДУ, КОИМ СЛЕДУЕТ В ПАМЯТЬ БЫВШЕЙ ВОЙНЫ БРОНЗОВЫЕ МЕДАЛИ³

Наименование колонии, имена и прозвища погонцев	Отметки
<i>Колонии Татар-Копчак</i>	
Пётр Симионов Апостолов	4059
Панаиот Николов Сакалы	4060
Филю Константин Филев	4061
Иван Дмитр. Гайдарлы	4062
Гаврил Радов Пашалы	4063
Василий Янчов Дели	4064
Панаиот Тодор Ортогло – содержится в Аккерманском остроге за воровство	4065
Пётр Добрев Ортогло	4066
Панко Иванов Яланжи	4067
Куни Добрев Колиогло	4068
Станча Георгиев Юсюмбели	4069
Николай Георгиев Юсюмбели	4070
Георгий Митов Сарисаман	4071

Николай Кирьяков Кулаксыз	4072
Иван Никушцов Топалов	4073
Иван Панаитов Арфонос	4074
Николай Добрев Кенделян	4075
Пётр Константинов Капсомун	4076
Пантелей Янев Азманоглу	4077
Симеон Трифонов Галацан	4078
Панайот Николов Акдере	4079
<i>Колонии Кубей</i>	
71. Георгий Ганели	4129
72. Константин Рачев	4130
73. Количо Чалыкован	4131
74. Ник. Арнаут	4132
75. Иван Карачебан	4133
76. Радан Коваль	4134
77. Жеко Коваль	
78. Драган Гырли	
79. Желю Аасков Чалыкован	
80. Генду Куюжеку	
81. Филип Бошков	
82. Ёни Шон	
83. Леонтий Кырчмарь	
84. Митю Карабалеv	
85. Илия Камбур	
86. Дмитрий Гордукиев	
87. Адам Ковалжи	
88. Дмитрий Калчев	
89. Георгий Галаган, до Станчу Корчмарь	
<i>Саталык Хаджи</i>	
156. Матей Иванов	4305
157. Георгий Васильев	
158. Георгий Ермонлу	
159. Стою Иорданов	
160. Иван Великсаров	
<i>Старшина М. Мелица</i>	
<i>Кирсово</i>	
232. Пётр Диоидор Сюлюманов	3855
233. Пётр Тодоров Волков	3856
234. Стача Петков	Не вернулся
235. Пётр Стоянов Суда	Не вернулся
236. П. Харитонов Хаджи	
237. Илья Георг. Бургуджи	
238. Иордан Экемезов Радулов	
239. Иордан Иванов Кузарь	
240. Дмитрий Иордан Сакалы	
241. П. Тодур Кристиоглу	
242. Тодур Иванов Великов	

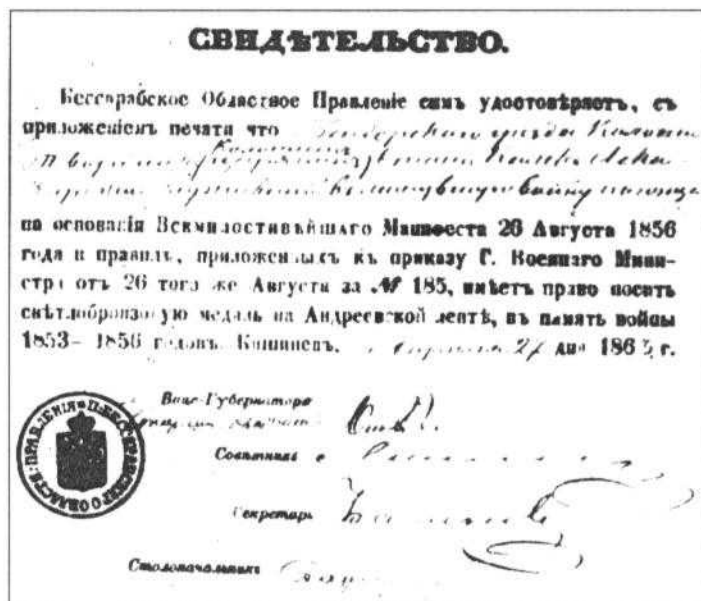
243. Танас Бунчук	Не вернулся
244. Велико Панчев Хорозол	Не вернулся
245. Г. Манолов Арнаут	
246. Пенчо Чепков Тулов	
247. Дмитрий Костов Танасогло	3870
248. Ник. Железов Карасенли	3871
249. Аф. Бужилов Тончев	
250. Ив. Григорьев Родогло	
251. Танас Тодоров Тангар	
252. Ив. Кирилов Кириякоглу	
253. Дмитрий Стоянов Пирон	
254. Ив. Пенчев Буруджи	
255. Ив. Кондрев Чебан	
256. Ив. Лефтер Радкоглу	

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чапкий С.М. Волонтировка. Страницы истории. Кишинёв, 2003, с. 85-97.

² Бачинская Е. Болгарское и молдавское население в Дунайском казачьем войске (1828-1869) // Молдавско-болгарские отношения в Средние века и Новое время. Доклады международной научной конференции. Кишинёв, 21-23 октября 1996, с. 104.

³ Национальный архив РМ, фонд № 6, опись № 3, дело № 1027, часть 1. Указ Областного Правления от 30 сентября № 4797 1859 г. Составление списков погонщиков в минувшую войну.

Указ о награждении медалью в память войны 1853-1856 гг.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА. ОТТОРЖЕНИЕ ПОДУНАВЬЯ

Юг Бессарабии – край с важными опорными пунктами экономического и стратегического характера – являлся предпольем, ближним тылом войск, действовавших на Дунае. Здесь концентрировались огромные запасы продовольствия и фуража для Южной армии: муки, круп, сухарей, вина, уксуса, перца, ячменя, сена. Чтобы поднять и перебросить эти грузы вслед за продвигавшимися войсками к Дунаю, потребовался в области наряд 4880 крестьянских пароволовых подвод, сформированных в особые воинские подразделения. С переходом войск в Крым подводы использовались для переброски туда провианта, снаряжения, боеприпасов.

Для пополнения армейских запасов в 1854 году было взято зерна из общинных запасных магазинов и переработано в муку (часть пошла на изготовление сухарей), хотя в 1855 году Бессарабию поразила засуха. С продовольственными целями также было передано войскам большое количество продуктивного скота.

Бессарабия не поставляла рекрутов и ополченцев, лишь небольшая группа населения – дунайские казаки (три полка) и вольные матросы непосредственно участвовали в военных действиях. Но был выполнен огромный объем повинностей: с начала войны до середины 1855 года наряжено 1,082 млн подвод, отбыто 1,106 млн человеко-дней на оборонительных и дорожных работах и 19 млн постоянных дней.

В Подунавье происходила массовая передислокация войск, производились трудоемкие работы по возведению оборонительных сооружений и линий.

Очень отягощены были «задунайские переселенцы». Через их округа передвигались к Дунаю, а затем при отступлении – обратно, корпуса действующей армии. От нарядов тягловый окот изнурялся и падал, трудоспособные крестьяне отвлекались от сельскохозяйственных работ, поэтому посев и сбор хлебов запаздывали, осенняя вспашка полей не производилась. К тому же в 1854 году случился неурожай трав.

Царское правительство вынуждено было специально заниматься выработкой мер по поддержанию находящихся в бедственном положении крестьянских хозяйств; освобождение от платежа податей в размере полугодового оклада, отсрочка на год погашения недоимок без начисления пени; выдача ссуд для приобретения семян и др. Но, идя на эти

Николай I

цель: крестьяне могли вновь

обратиться к обычным своим занятиям и сделаться состоятельными в исполнении лежащих на них обязанностей.

В ходе войны возникла напряженная обстановка в крае, создалась неуверенность населения в возможностях армии отстоять территории Бессарабии.

После ряда столкновений с турецкими войсками на Дунае внешнеполитическая ситуация изменилась не в пользу России. В числе противников наряду с Турцией оказались Англия и Франция – сильнейшие капиталистические страны, Сардиния и соседняя Австро-Венгерская империя.

Южная армия стремилась поспешно отдалиться от опасной зоны, отступила в Бессарабию в сопредельные украинские губернии, а затем передислоцировалась в Крым.

Ввиду реальной угрозы оккупации края австрийскими войсками в южных уездах проводилась подготовка к эвакуации Дунайского казачьего войска, готовилось ополчение.

*Турецкие войска на марше
в период Крымской войны (1853-1856)*

Жители придунайской полосы с окончанием этой войны надеялись, как и после прежних войн, поправить свое хозяйство. Но беда настгла их неожиданно: побежденная Россия вынуждена была согласиться на отторжение юго-западной части Бессарабии. Победители отодвинули Россию от Дуная.

По Парижскому миру 1856 года, определившему результаты Крымской войны, дельта Дуная, присоединенная к России по Адрианопольскому миру 1829 года, передана Турции, а Подунавье (под названием «Бессарабского участка») поступило в распоряжение Молдавского княжества. Новая граница, установленная произвольно в марте 1857 года, проходила, в основном, по сухопутью и реке Ялпут без учета жизненных интересов крестьян – оставили многие селения без полевых угодий. Она рассекала почти пополам «водворение задунайских переселенцев».

На территории «Бессарабского участка» проживало ко времени его отторжения около 140 тыс. человек, в том числе 49 тысяч названных колонистов. К Молдавскому княжеству переходила лучшая часть колонистских земель, прилегающих к Дунаю и Пруту. На отторгнутой территории оказались гагаузские селения: Болбока, Вулканешты, Конгаз, Курчи, Табак, Чешмикиой, Этулия и ряд селений смешанного состава.

Гагаузы, проживающие в городах Болграде, Измаиле и Рени, разделили судьбу гонимых с другими жителями Бессарабского участка.

Еще проводилось разграничение владений на местности, а молдавское правительство поспешило «успокоить» новых подданных: 4 февраля 1857 года обратилось к ним с прокламацией. Вот обещания правителей княжества: оно «принимает всех жителей части Бессарабии как братьев и единоверцев», «впредь молдавское правительство не только не касается прав, которыми пользовались доньне, под правлением

Российской империи, но сверх сего поставит для себя долгом охранять привилегии и права, вами приобретенные», и т. д. в том же духе; в частности, правительство обязывалось снабдить «новых подданных потребными улучшениями»; в новом «отечестве» они «найдут справедливость и защиту» и «всякое возможное благо»; правительство торжественно обещало «попечение о их судьбах и обеспечение счастливой будущности». А что же должны были сделать жители «Бессарабского участка»? Немногое: безоговорочно повиноваться. Все эти обещания являлись лишь уловкой властей.

Тем временем на колонистов и другие категории и слои населения скороиспеченные властители взваливали все новые и новые тяготы: финансовую обузу в виде различных налогов, трудовые повинности, воинскую повинность, лишение прежних прав, латиницу и румынизацию, разобщение церкви и верующих (отрыв от Кишиневско-Хотинской епархии и передачу одной части приходов в подчинение Галацкой, а другой части – Хушской епископии), торгово-предпринимательские ограничения, навязали новое административное деление (с упразднением самобытной системы местного общинного самоуправления) и румынскую систему учреждений (каймаканство, околии, коммуны, примарии, префектов, субпрефектов и т. п.). Все это сопровождалось наплывом в селения чуждого интересам населения чиновничества, искусственным отрывом селений от экономических и других связей с Бессарабией, Украиной, Россией и Болгарией; наращиванием войск и полицейским насыщением в колониях. Новые правители «законодательствовали», упивались властью, обрекая крестьян на пассивное терпение.¹

Все разряды и категория населения вскоре столкнулись с подлинной действительностью – неприемлемым для них режимом, поняли коварный смысл убаюкивающей «прокламации», стали практически сталкиваться с действительной политикой «господ».

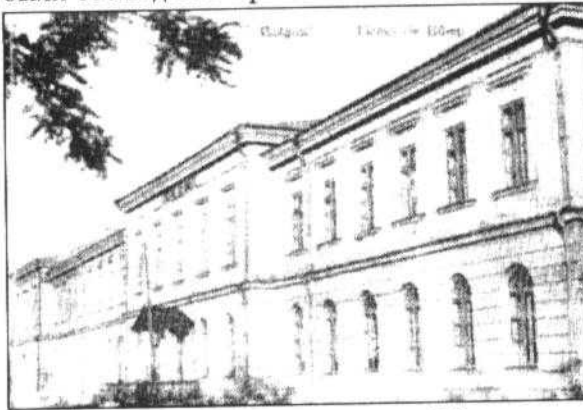
Началось тайное частичное отселение в Бессарабскую область. Тогда последовало новое воззвание, но уже адресованное непосредственно «задунайским переселенцам». Их призывали не верить «праздным внушениям и распространяемым ложным словам, которые посеяли беспокойство и страх», не предаваться заблуждению.

Что же в конечном итоге получили жители «Бессарабского участка» от Молдавского княжества? Полицейский террор, фактическое военное положение, экономический застой, произвол и разгул властей, игнорирование прав, добытых лишениями и борьбой. Это вызвало долгое, целенаправленное сопротивление колонистов. С отрывом Подунавья от Бессарабской области, с созданием обстановки изоляции обрывались рыночные связи, нарушался весь хозяйственный ритм. Пострадало и школьное дело (замена в учебных заведениях славянского языка молдавским).

Такие временщики как каймакан Балш, управляющий Болградским округом И.Ионеску, полковник Тимку, опиравшиеся на многочисленное чиновничество и войско, были прямыми проводниками политики правительства М.К.Когэлничану² по ликвидации колонистского статуса.

В такой ситуации поверенные «задунайских переселенцев» подали два прошения – на имя царя Александра II и на «европейскую комиссию для устройства княжеств Молдавии и Валахии», в которых отстаивали свои права и просили оградить и защитить от навязываемого им неприемлемого режима. В числе просьб главными

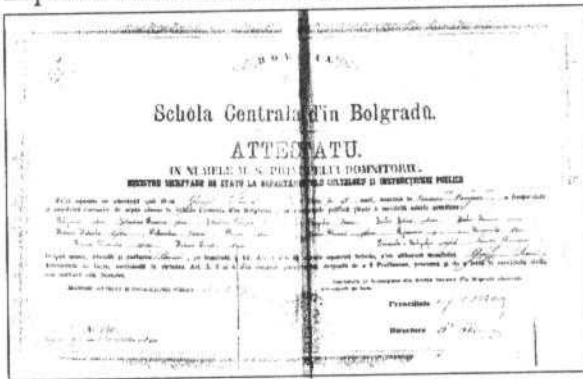
были соблюдение прежних социальных прав, особенного административно-правового устройства, дозволение посылать детей для обучения в Россию,

Здание Болградской гимназии, XIX в.

осуществление богослужения на славянском языке, подчинение по церковной линии Кишиневско-Хотинской епархии, начальник над колониями должен был назначаться из их среды. На запрос царского правительства в этой связи Молдавское правительство лицемерно заверило в нерушимости прав колонистов, а само продолжало творить обратное.

Почему правители а Яссах, в потом в Бухаресте (тут преемственность) вели двойственную политику в отношении населения Подунавья, т.е. на словах обещали нерушимость прав, а на деле давили и даже вытесняли с отторгнутой территории? В известной мере это объяснялось сложностью международной ситуации и место в ней Дунайских княжеств. Они стремились вырваться из Турецкой империи, но, согласно Парижскому миру 1856 года, оставаясь под властью Порты и под контролем Европейской союзной комиссии, в которой главенствовали Англия и Франция.

Аттестат Болградского центрального училища, 1871 г.

Княжества пошли по пути слияния. Но в этом процессе они постоянно оглядывались на Турцию и Европейскую комиссию, которые могли в любое время вмешаться в их внутренние дела. Чтобы лояльностью великих держав, в «Бессарабском участке» должно было быть спокойно. Отсюда россыпь обещаний и заверений. Но правители, стоявшие во главе политических сил Объединенных княжеств,

были яркими националистами и действовали по схеме «мы – коренные, нас большинство, должна восторжествовать идея румынизации; все, кто мешает реализации этой схемы, должны быть подавлены». Начали они с «задунайских переселенцев», позже переключились на украинцев, венгров, русских, немцев.

Загнанные, пассивно повинующиеся подданные – вот кто был нужен. Но столкнулись с не покорившимися, не сломленными и сохранившими человеческое достоинство людьми, хотя и страдальцами.

Навязывать во что бы то ни стало свои порядки, в кратчайший срок подавить сопротивлявшихся (а их десятки тысяч) – вот главная стратегическая линия главы правительства М.Когэлничану и правившей элиты. Эта линия преднамеренной дискриминации выдерживалась последовательно и жестко.

«Задунайские переселенцы» и румынские власти имели принципиально разные точки зрения в вопросе о социально-правовом положении населения Подунавья.

В чем причина, что молдавские (потом румынские) власти прежде всего сосредоточили давление на «задунайских переселенцах»? Потому что это были наиболее стойкие противники латинизации, военизации, усилившейся эксплуатации и произвола. Надо вспомнить, что они давно уже избавились от турецких порядков, бескомпромиссной борьбой с бессарабскими боярами и царскими чиновниками добились известного самоопределения в качестве особой категории крестьян, добились устойчивого социально-правового положения. Однако они снова были ввергнуты в драматические события в связи с результатами Крымской войны и вероломством новых господ, но не уступили. Нельзя скрыть и социальную, национальную сторону этих событий. Не удалось румынским правящим кругам уничтожить личность колониста, его национальные чувства. И снова гагаузы и болгары заручились поддержкой России, с которой не прекращались контакты и после 1857 года.

До поры до времени колонисты держались в удручающих событиях главным образом благодаря терпению и выстраданному историческому опыту жизни во враждебном окружении.

Первоначально основная масса колонистов медлила с уходом в Россию не под влиянием символических обещаний правящих кругов княжества. Надо иметь в виду, что совсем недавно отгремела война, потрясшая экономику юга Бессарабской области, непосредственно примыкавшего к театру боевых действий, а само очередное далекое перемещение, с неминуемой потерей недвижимого имущества, могло в короткий срок обратить большинство беженцев в малоимущих.

Затем, поскольку частичное возвращение колонистов в Россию становилось фактом, Молдавское правительство решило обобрать такие семьи: ввело в 1853 году высокие пошлинные поборы, которые были не по карману многим, и позволяло проводить с собой через границу бесплатно лишь пару волов (или лошадей) и корову, что в условиях Буджака равносильно было неотвратимому обнищанию.

Одновременно молдавские власти стали преследовать таких колонистов: арестовывали, обращались с ними как с возмутителями через особых агентов склоняли к переселению в Турцию. Особенно в этих целях усердствовал Ионеску – ставленник правительства (управлял Болградским округом).

Русский дипломат Романенко доносил министру иностранных дел из Измаила в мае 1853 года: «Противозаконные действия и самоуправство молдавских властей, обнаружившиеся в начале передачи сего края, коснулись и болгарского народонаселения», возглавивший колонистское управление Ионеску «стремится быстрыми и решительными мерами потрясти благосостояние колонистов в самом основании».

По настоянию русского консула в Молдавии правительство последней согласилось пересмотреть отношение к колонистам. В Яссы явилось представительство болгарских депутатов с ходатайством от имени всех поселенцев о смене Ионеску, подтверждении прав и преимуществ, которыми они пользовались до 1856 года, об избрании по их усмотрению нового управляющего и назначении в его ведомство представителя колонистов (для защиты их интересов), открытии в Болграде среднего учебного заведения. Кое с чем правительство согласилось.

Карта раздела Бессарабии 1859 г.

В обстановке растущей тревоги и страха помощь ожидалась со стороны России. Среди колонистов распространилась молва о вводе в Подунавье русских войск по истечении трех лет. Недоверие к местному правительству усилилось, когда оно выказало явное стремление завладеть против воли колонистов их общественными капиталами, хранящимися в Одесском коммерческом банке.

Сложилась атмосфера несовместимости позиций «власть имущих» и подавляемых. На одной стороне сконцентрировались силы, орудовавшие как завоеватели, с применением силы, а на другой – солидарные в общей борьбе неопытные в политических делах массы, ошеломленные вероломством новых хозяев и стремившиеся вырваться из социального, политического и духовного тупика, в котором они оказались.

Противоборство колонистов с господствовавшей прослойкой Объединенных княжеств достигло своего апогея в 1860–1861 гг. В правящих кругах, разьедаемых противоречиями изнутри, не было монолитного единства. А. Куза³, глава государства (Объединенные княжества) с определенным окружением стремился вернуть доверие к властям населения Подунавья путем уступок, а глава правительства М. Когэлничану, тоже опиравшийся на своих сторонников, проявлял «твердость», не считаясь с жизненно важными интересами колонистов, не выказывая никакой озабоченности их бедственным положением. Под руководством последнего осуществлялось наступление на права колонистов по всем направлениям. Начавшееся весной 1860

года брожение в колониях неотвратно углубляло конфликт. Тогда к ним заявился премьер. При объезде селений, а затем в Болграде перед собранными представителями он обрисовал свою программу действий: введение в Подунавье повинности, преподавание в учебных заведениях на румынском языке, ужесточение финансового давления (новые налоги, передача общинных доходов для финансирования местного управления и школ); пресечение ухода колонистов в Россию. Несколько позже он снова потребовал передачи бухарестской казне части страхового фонда, хранившегося в одном из одесских банков. Наконец, осенью того года добился упразднения колонистского статуса и передачи их земель в распоряжение правительства. Однако колонисты выступили непреклонно против этой программы удушения. Тогда М.Когэлничану пошел на санкционирование кровавой расправы, хотя представители колоний, посланные к нему в Бухарест, пытались договориться о мирном погашении конфликта. Разумеется, переговоры не привели и не могли привести к желаемым результатам. Правительство уже приняло жесткие меры по насыщению колоний войсками, фактическому введению осадного положения. Были стянуты большие силы, а 7 ноября 1860 г. в Болграде напали на толпу безоружных представителей колоний, пытавшихся в переговорах с властями отстаивать свои права. Командовал карателями полковник Тимку. Более ста человек получили ранения и свыше десяти убито. Кровавый шабаш длился четыре дня и не только в Болграде. Раненые прятались, таились, на них учинили настоящую охоту. Все опасались повторного нападения. Солдаты и разнузданные чиновники врываются в жилища, действуя озлобленно, для них не существовало запрета. Смятение жителей в ряде мест переросло в панику. Так правители демонстрировали силу.

События ноября 1860 г. показали, что власти пошли на физическое истребление части сопротивляющихся, проявляя социальную и национальную ярость. Так они отреагировали на жизненные интересы крестьян, фактически избавляли себя от забот о дальнейшей судьбе колонистов. А чем все это обернулось для гонимых, хорошо известно.

У колонистов не было своих организаций, программы, военной силы, они не ожидали расстрела, не готовились к отпору. Пролитая кровь, глумление звали к отмщению, но крестьянам нечего было противопоставить войскам. Этой трагедией Румыния заявила о себе как формирующееся государство. С 7 ноября 1860 года начался отсчет времени изгнания с обжитой территории десятков тысяч крестьян. Стало ясно, что для выживания остается путь немедленного выхода из зоны перекрестного огня. Колонисты протестовали в ненасильственной форме.

Злодейства, конечно, вскоре стали известны мировой прессе. Они были названы «румынскими доблестями» и навсегда остались мрачной страницей истории Румынии, которая, к сожалению, замалчивается.

Ну, а как обошлись с исполнителями этих акций в самой Румынии? Ответчиков поначалу не оказалось, только Тимку переместили по должности. Да и кто мог достойно наказать организаторов и исполнителей разбойного нападения, если сам глава правительства М.Когэлничану стоял у истоков травли колонистов, последовательно подогревал и усугублял ее своими заявлениями и распоряжениями. Он мог бы положить конец гонениям, но такой цели премьер не ставил. Он показал в

конflikте с «задунайскими переселенцами», чего стоит ее его «либерализм». Все, что касалось надежд колонистов, он отвергал и глушил, как бы не замечая ужасного тупикового положения гагаузов и болгар, в которое они были ввергнуты.

События 1860 года и порожденное недовольство в какой-то мере способствовали падению правительства М.Когэлничану в апреле 1861 года.

Вслед за этим А.Куза вынужден был принять меры к наказанию виновников болгарских событий и составил комиссию для их расследования, выезжал в колонии, заверял крестьян в восстановлении их прав. Болгарская прогрессивная печать того времени требовала суда над М.Когэлничану. Кстати сказать, позже, будучи министром иностранных дел Румынского королевства, М.Когэлничану яро выступал в 1878 году против возвращения Подунавья в состав России.

По Парижскому миру 1856 года разрешалось переселение из Подунавья в другие места на свой счет в течение трех лет, т.е. по 1 марта 1860 года. Это было подтверждено Россией: царским указом 8 мая 1857 года позволялся переход желающих на территорию Бессарабской области, Херсонской и Екатеринославской губерний, а в 1860 году районом отселения определена и Таврическая губерния, включавшая в себя Крымский полуостров, Приазовье (на материке) и часть нижнего Поднепровья. Но «задунайские переселенцы» (гагаузы, болгары, молдаване, украинцы, албанцы и др.), отвлекаемые обнадеживающими заверениями молдавского правительства и по суще-

Документ Колониального банка созданного в Болгарде (румынская Бессарабия)

ству введенные в заблуждение, почти пропустили этот срок и одумались поздно, когда для избавления от давящего режима, своего рода резервации «Бессарабского участка» надо было буквально прорываться.

Привыкшие к невзгодам, полагавшиеся много раз прежде всего на собственные средства и выносливость, они не боялись трудностей, лишь бы избавиться от гнетущей обстановки, созданной пришлыми расторопными чиновниками, иерархическим духовенством, национали-

стически настроенной интеллигенцией и различными функционерами.

Метущиеся, ошельмованные крестьяне, следуя без паспортов, обходили пограничные заслоны, спешили на украинские просторы, где им предстояло снова и снова тяжким трудом воссоздавать бесхитростную крестьянскую жизнь, подниматься на ноги.

Почему же бухарестское правительство рядом экстренных мер пыталось закрыть им дорогу в Россию, усложняло процедуру пропуска через границу, не останавливаясь перед репрессивными средствами? Его не заботило нетерпимое для беженцев положение. Цели были другие: во-первых, выглядеть твердым правительством сильного нарождающегося государства на виду великих держав (а тишина и покой – свидетельство такой силы); во-вторых, «по-хозяйски» собрать на месте тех, кто явно стремился к бегству (налоги за три года вперед, дорогие паспорта, конфискация имуще-

ства, продажа бесхозных домов, многолетних насаждений, присвоение наделной земли и пр.).

От колонистов потребовали передачи румынской казне накопленных десятилетиями общинами страхового фонда (на случай неурожая, падежей скота, поражения саранчой), фонда для поддержания школьного дела, фонда финансирования гидромелиоративных работ и пр. Этих денег в одесских банках числилось более 230 тыс. рублей.

В атмосфере гонений и давления плутоватая и цепкая администрация изрядно наживалась, но не успевала за событиями, и крестьянам иногда удавалось перегнать через границу скот – основное богатство. Все явственнее проступала политика гонения, не исключавшая нового погрома в колониях – они со всех сторон были блокированы. Но крестьяне неудержимо стремились покинуть режимную территорию.

Вспышки неповиновения, массовое отрицание навязываемых порядков приближали развязку. Крестьяне не желали оставаться обреченными на повседневное неуважительное отношение и унижения, жить в напряженном ожидании административных насилий, с постоянной оглядкой на Бухарест.

Преодолевая растерянность, они уже не хотели пропустить шанс избавления.

Кто мог в этой тревожной обстановке защитить гонимых: Турция, Франция, Англия, Австро-Венгрия? Им было не до того, их раздирали противоречия. Одна побежденная в Крымской войне Россия, переживавшая поражение и потрясаемая революционной ситуацией, снова, как и прежде в дни невзгод, протянула руку помощи, спасла десятки тысяч беженцев от очередной расправы, дала средства и силы, чтобы устроить их на новых местах с прежними правами. В водоворот событий были втянуты десятки тысяч жителей Подунавья. По существу, налицо была не регулируемая правительством миграция. Для подавляющего большинства этих людей, родившихся в Бессарабии, покидаемые земли были родиной.

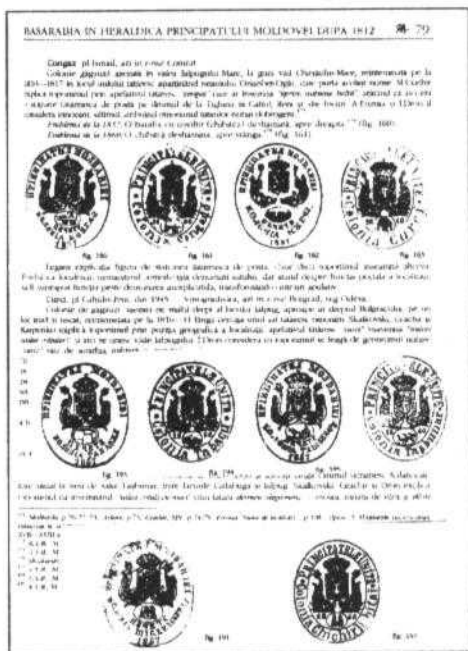
Льготы и помощь переселенцам были определены в решении Государственного совета России (апрель 1859 г.) и сводились к следующему: восстановление прав колонистов, прежний размер земельного надела (50 десятин на семью), освобождение от рекрутской повинности, 6-летняя льгота от воинского постоя, 8-летняя льгота от налогов, безвозвратная помощь при приобретении сельскохозяйственного инвентаря, пособие для путевых расходов и др.

Козни правительства М.Когэлничану не прекратились, но А.Куза в августе 1861 г. вынужден был восстановить права колонистов, а Законодательное собрание подтвердило это. Однако колонисты не поверили высшим властям, восприняли это как отвлекающий маневр и продолжали ускоренно покидать Подунавье. «Исход» приобрел характер лавинообразного порыва, дороги были заполнены беженцами. Да и на деле, как показало будущее, А.Куза и его сторонники пошли лишь на временное послабление режима, находились на сходных с М.Когэлничану позициях. Осенью того же года в колонии были посланы дополнительные войска. Начались аресты «зачинщиков», солдаты чинили издевательства. В этой ситуации сторонники М.Когэлничану с прежним упрямством продолжали настаивать на лишении колонистов их прав.

Реальная угроза повторения кровавых событий ноября 1860 г. выразилась в сосредоточении весной 1861 г. войск в Болграде.

Все бесчинства румынских властей становятся известными в Петербурге. Общественность России гневно обличала «румынские доблести» и поддержала переселенцев беженцев из опасного очага произвола и застоя. Министерство иностранных дел напомнило запрутским правителям, что никто не вправе препятствовать колонистам в выезде на новое место заселения. В ответ стали концентрироваться войска на

Печати сел (период 1856–1878 г.)
в румынской Бессарабии

Из этого числа 27 тыс. человек осели в пределах Таврической губернии (в Мелитопольском, Днепровском, Бердянском и Феодосийском уездах). Основано было 46 селений, объединенных в Бердянско-Болградский и Мелитопольский округа.

Из отторгнутого участка перешли и поселились в Бессарабской области около 250 семей греческих, сербских и болгарских волонтеров, военнопленных и перебежчиков из турецкой армии.

В приграничной полосе выходцы из Бессарабской области основали в 1861 г. три колонии: Кальчево – 31, Кайраклию – 63, и Болгарийку (Болгарию) – 48 семей. Здесь решающую роль сыграли жители г.Болграда. Всего осело в Бессарабской области более 1 тыс. человек. Но область до 1863 г. играла, главным образом, роль временного пристанища, перевала на нелегком пути беженцев. Переселенцы останавливались здесь на некоторое время как постояльцы по пути следования в Таврическую губернию. К примеру, в 1862 г. тут перезимовали 2500 семей, вышедших из 30 колоний.

Хотя болгардцы некоторое время занимали выжидательную позицию, вследствие наивной веры в достижение на месте стабилизации, весной 1861 г. тоже включились в волнение и «общее недовольство к Молдавскому правительству». Настало время окончательного решения вопроса об уходе в пределы России из-за непримиримого противоречия: 326 семей земледельцев, торговцев и ремесленников изъявили

русско-молдавской границе, но такой демонстрацией запугать Россию власти не могли и уступили – в июле согласились на выход колонистов в районы Украины, паспортов не давали.

В конечном счете созданная румынскими властями безысходность положения колонистов и насаждаемый в Подунавье военно-политический режим обострили отношения с Россией, возник «бессарабский вопрос», разрешенный лишь в 1878 г.

Насколько глубоко были потрясены «задунайские переселенцы», можно судить по следующим данным: из 49 тыс. колонистов, оказавшихся в Подунавье (за новым рубежом), 30 тыс. покинули его, так что осью событий, непримиримого противостояния являлся массовый «исход» колонистов. Полностью покинули свои селения колонисты Новопокровки, Тропекло, Новокарагача, в 8 других осталось незначительное число.

желание переселиться в Таврическую губернию или основать новое селение в пределах оставшихся в Бессарабской области земель. Их колебания были связаны с имущественным положением – купцы, мелкие торговцы и ремесленная прослойка боялись лишиться богатств. В апреле 1861 г. 300 семей получили от имени царя право поселиться в пределах России. Им полагалась денежная помощь в размере 125 руб. на семью. В Одессу для переговоров о порядке переселения выезжали делегации во главе с купцом Узуновым. Другая депутация в составе 68 человек в том же 1861 г. приезжала туда же к генерал-губернатору как полномочному представителю петербургского двора и просила разрешения на выход в Россию 6770 семей. Получили согласие на осмотр мест поселения и ездили в Приднепровье в качестве поверенных.

Шли и группами односельчане, и вперемешку с выходцами из других колоний. Затем формировались большие партии по 500 – 800 человек. Людской поток нарастал. По донесению карантинных начальников, только в 1861 г. перешли в Россию с паспортами 10630 и без паспортов 11770, а всего 22400 человек.

При формировании новых поселений придерживались принципа прежней, изначальной общинности, и сами названия этих колоний дублировали старожильские.

Некоторая часть беженцев ушла в Подольскую губернию, где была причислена к селениям государственных крестьян. Уход был вынужденно спешным – колонисты, будучи прилежными тружениками, уже не дорожили имуществом, уходили «налегке», терпя большой материальный ущерб. Если хозяйства с определенным достатком оказались на грани бедности, то что же можно сказать о тех, которые располагали скромными доходами. Они были лишены простых жизненных условий, многие семьи начисто разорились, фактически бедствовали. В этих обстоятельствах нужны были необыкновенная выдержка и здоровое размышление. У крестьян эти качества вырабатывались суровыми жизненными испытаниями.

Конечно, колонисты не были единственными гонимыми, кто оказался в этом очаге противоречий и конфликтов. По существу, силовому нажиму подверглись все, кто не мирился с бесправным положением, кто снова нашел приют за пределами этого «участка». Бежали русские, украинцы, албанцы, часть молдаван. Последние (выходцы из Кагульского уезда) основали селения Урсоя и Ерезой – между Бендерами и Каушанами. Ушли купцы из Измаила, торговцы и ремесленники из Болграда (основали колонию Болгарийку).

Амбиции распирали «держателей» Подунавья. Они как бы не замечали пестрой этнической карты юга Бессарабской области, мнили себя гегемонами, а к другим относились пренебрежительно.

Остановилась ли массовая миграция жителей ограниченной части Бессарабии? Да, остановилась. Отчасти это произошло из-за уступок молдавских (румынских) властей, вызванных долгой борьбой колонистов, а также вследствие решения царского правительства в январе 1863 г. о прекращении дальнейшего приема масс заграничных выходцев. Но отдельные семьи и небольшие группы их уходили и подселялись в колонии на территории Таврической губернии и после этого решения.

Когда в 1878 г. Подунавье было снова включено в границы России, дозволялось бывшим колонистам вернуться, но обратная дорога была заказана – их земли и дома давно оказались присвоенными⁴. Опять гагаузы, болгары и другие остались с несбывшимися надеждами.

Интеллигенты из колониcтской среды старались привлечь внимание правительства и общественности к событиям Подунавья не только России, но и Англии, Франции и

Переселенцы в Таврической губернии, XIX в.

Австро-Венгрии. Им был составлен очерк, названный в официальной переписке «Брошюрой о положении населения «Бессарабского участка». В ней подробно зафиксированы перенесенные колонистами лишения и притеснения от носителей новых порядков и обосновывалась необходимость перехода к автономии (образованию особой

области) со столицей в Болграде – под суверенитетом турецкого султана и на условиях, аналогичных с Молдавским княжеством. Выделенная для этой цели делегация выехала через Одессу в Константинополь, одновременно ходатайствовала перед послами великих держав письменно и устно о санкционировании их политического проекта. В Одессе и Константинополе состоялись встречи отдельно с каждым и затем на общем собрании. Не дожидаясь ответов правительств, решено было группу доверенных лиц с теми же заданиями послать к Наполеону III в Париж.

В этот исторический момент надо было обладать смелостью и гражданским мужеством, чтобы решиться на поездку в Константинополь и Париж. Такие люди нашлись. Как участники и свидетели событий, они отстаивали права гонимых, доносили туда правду о беде, нагрянувшей в Подунавье, добивались согласия правительств на провозглашение его автономии. Но ходатайства делегаций не нашли понимания в Турции и у других держав. Их голос остался не услышанным европейскими кабинетами.

Как и следовало ожидать, правительство «Объединенных княжеств» во главе с М. Когэлничану приняло разные меры, чтобы не допустить встречи их в Париже. «Брошюру» изъяли, чтобы никто о ней не узнал. Всех колонистов подозревали в заговоре, их стремление к избавлению рассматривали как акцию злоумышленников. В столицу Франции добрался лишь один делегат. Наполеон III не принял его (по внешнеполитическим мотивам). Встреча состоялась лишь с министром иностранных дел. В продолжительной беседе делегат отстаивал идею о провозглашении республики во главе с князем Н.К. Богораде, болгаринoм по происхождению.

Идея национально-государственного самоопределения первоначально возникла как реакция на массивированный натиск яских и бухарестских националистов в лице центральных аппаратов. В своем дальнейшем развитии она оформилась в перспективную цель борьбы.

В национально-освободительном движении «задунайских переселенцев» конца 50–начала 60-х гг. XIX в. соединилось несколько направлений: борьба за правовой «статус-кво», сопротивление насильственной румынизации, сохранение этнической самостоятельности в сочетании с политической независимостью, обособление территории и населения, создание на начальном этапе автономной области в пределах турецкой империи, а в конечном результате – республики.

Идея национально-государственного обособления зародилась в Болграде, т.е. в самой развитой в социально-экономическом, политическом и культурном отношении колонии. Здесь к 60-м гг. сформировался довольно значительный слой торгово-ремесленной и аграрной буржуазии и своей интеллигенции, возглавлявших начавшийся многотрудный процесс становления национального самоутверждения.

Само стремление к образованию независимого государства в Подунавье свидетельствовало о росте национального самосознания в среде «задунайских переселенцев», о наличии сложившихся к началу 60-х гг. XIX в. реальных социально-экономических и политических предпосылок для этого исторического шага. Национально-государственное формирование тогда мыслилось в двух вариантах: либо как государственная автономия в рамках Турецкой империи, но не в составе Молдавского княжества, либо в качестве республики с отделением от Турецкой империи.

Это было сопряжено с риском, лишениями и более того – опасностью для жизни, но люди вынуждены были становиться на такой путь.

Хотя тогда не удалось добиться конкретных результатов в обособлении Подунавья от Молдавского княжества из-за безучастности великих держав, сам факт постановки такой исторической проблемы имел существенное, перспективное значение как тенденции, реализованной за Дунаем и затем, спустя два десятилетия, ставшей свершившимся событием в 1906 г. (провозглашение «Комратской республики»). Движение за государственность объективно отражало интересы большинства «задунайских переселенцев».

А что стало с теми, кто не успел сняться с прежних мест, остался в Румынии? Они вынуждены были как-то сживаться с навязанными порядками.

Особых надежд на разумное отношение к себе со стороны бухарестских властей они не питали; жили в забытых селениях и надеялись на избавление. Рядом в опустевших колониетских домах устроились выходцы из-за Прута – юг насаждали власти, различные ведомства в качестве противовеса колониетам.

У оставшихся не было никаких гарантий устойчивой жизни в будущем. Опасной становилась неопределенность этого будущего, которое крестьянам трудно было осмыслить; не менее трудно становилось ориентироваться в сложной обстановке. Все меньше они надеялись на возможность добиться уступок от корыстных правителей.

После волнений и массового бегства колониетов, притихшее на некоторое время наступление на их права со стороны центральных властей снова возобновилось. Эта ситуация показала оставшимся крестьянам, что улаживать конфликт путем уступок власти не будут, наоборот они станут добиваться покорности крестьян перед насилием.

Подспудно и открыто усложнялись межэтнические отношения, социальные, религиозные и другие противоречия. Под прикрытием целенаправленной социальной демагогии, обещаний все явственнее проступал националистический эгоизм, четче обозначалась режимность на территории «Бессарабского участка». Конкретные шаги по сужению былых льгот касались воинской повинности (в несколько деформированном виде ее все-таки ввели), торговой деятельности (были ограничены коммерческие возможности колониетов), административной системы (колониетская структура учреждений самоуправления была заменена «коммунальной»), судов

и юриспруденции (внедрялись румынские учреждения и порядки). Утратили колонисты и некоторые другие специфические права.

Практически правящая элита во главе с М.Когэлничану форсировала законодательную деятельность, направленную на изоляцию упорствующих «задунайских переселенцев» и ускорение процесса упразднения колониетских прав. Однако в 1863 г. правительство М.Когэлничану и сам он были смещены с вершины власти. Полярное противоречие последних и новоиспеченных «господ» не угасало все 22 года владения «Бессарабским участком».

Социально-правовое и экономическое положение населения Подунавья осложнялось всей совокупностью политики правящих кругов Румынии, стремившихся к ускоренному внедрению в жизнь универсализма, приспособления всего общественно-политического уклада Румынии к французской системе, к чему страна не была готова, не имея соответствующих глубоких корней.

Очень метко эту деятельность определил высокопоставленный русский дипломат, аккредитованный в Румынии. В своем обзоре реформаторской деятельности румынских властей он сообщил следующее: «Преобразования кабинета А.Кузы коснулись

*Потомки переселенцев в Таврическую губернию,
фото 1986 г.*

многих отраслей государственного управления. Но людей, заправляющих делами княжеств, вкравшиеся несообразности не беспокоят, они не заботятся о сущности и прочности вводимых преобразований, и довольствуются одной поверхностью. Будущее для них как бы не существует, для них важны преобразования не столько в видах государственной пользы, как для того, чтобы показать перед лицом Европы, что княжества, следуя по пути прогресса и цивилизации, сделали в короткое время быстрые успехи. В таком убеждении ломают все старое и копи-

руют отжившие французские законы, против которых теперешняя Франция кричит и требует в своем законодательстве новых радикальных реформ, и эти-то законы они вводят у себя, нисколько не заботясь о их применении⁵. Такая политика изматывала крестьян.

Власти понимали, что прочного господства тут не может быть, так как Россия стремилась разрешать «бессарабский вопрос», т. е. вернуть отторгнутую землю и восстановить прочные позиции на Дунае. Поэтому они брали на ходу все, что попадало под руку.

С достаточной полнотой это охарактеризовано в корреспонденции из Измаила (опубликована в «Бессарабском вестнике»): «Румыны не могли не чувствовать, что господство их в крае кратковременно, посему и спешили косить и жать, не заботясь о корке», они «не позаботились о развитии в крае просвещения, общественного сознания, общественного мнения, не строили дорог, хотя и ввели шоссейный сбор». Одним словом, творили неприкрытое расхищение богатств, не заглядывая далеко вперед.

Последствия отторжения Подунавья сказались скоро. По существу между 1853 и 1878 гг. в богатейшем по природным условиям регионе, с предшествующим высоким уровнем развития сельскохозяйственного производства, промыслов, транспорта и торговли произошел развал в экономике. Соляные промыслы в приморской зоне не были заглублены, рыбные ловли захирели, дунайские порты застыли, знаменитый измаильский район виноградарства деградировал (к 1878 г. даже не достигал по объему выработки вина уровня начала 50-х гг.), хлебородные земли пустовали. Значительно подорванными оказались и другие отрасли сельского хозяйства, в частности, была расстроена транспортная система.

По реформе 1874 г. крестьян (в том числе и колонистов) «освободили» на тяжелых условиях, а точнее сказать – их лишили части надельного фонда и заставили платить выкуп за земли, которые Румынии никогда не принадлежали.

Численность населения в Подунавье еле-еле росла, а в отторгнутых гагаузских колониях она так и не восстановилась.

**ВОТ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ (КОЛИЧЕСТВО ДУШ ОБОЕГО ПОЛА)
ЗА 1852 ГОД И 1870 ГОД⁶.**

Села	1862 г.	1870 г.
Болбока	890	665
Вулканешты	2284	1840
Этулия	774	505
Конгаз	1364	1314
Курчи	993	665
Табак	1210	765
Чешмикиой	1510	1080

На пределе забитости оказались сами крестьяне. Ко многим бедам прибавилось нарушение ранее целостного водворения колонистов, в том числе и гагаузов – их раздробили на три очага (один в Бессарабской области, другой – в Подунавье, третий – в Таврической губернии). Разделенные, но единые они оказались в напряженной социально-этнической ситуации, что, естественно, оставило глубокий след в исторической памяти гагаузов. Восстановить существенное нарушение связей удалось в 1878 г., но лишь в пределах Буджака; колонии же на территории Таврии так и остались отделениями (судьба этих и других переселенцев и их потомков требует пристального внимания историков).

Не менее плачевным последствием отторжения Подунавья явилось формирование и консолидация здесь корпуса румынского чиновничества со всеми атрибутами власти. Буквально некуда было скрыться от честолюбивых ставленников Бухареста. Кроме взяток и вымогательства, они еще требовали большого почета и восторженных отзывов об их деятельности, всякий раз подчеркивая свое показное превосходство.

К социально-экономическим, политическим и культурным потерям добавились

моральные – был нанесен удар по дружелюбию простых людей, формировалась атмосфера этнической отчужденности.

Белградский собор, XIX в.

В 1862 году стали насаждать латиницу в приказном порядке: в марте этого года правительство М.Когэлничану распорядилось о введении «во всеобщее употребление» латинского алфавита. Так началось навязывание румынизации и латинизации и на территории «Бессарабского участка» с его этнической пестротой. По сведениям новых властей за 1859 г. (материалы переписки), на территории участка числилось молдаван около 31 %, славян – 59 %, гагаузов, албанцев, греков и других 10 %. Возникает вопрос: какими аргументами обосновывалось распространение здесь латиницы? Просто навязывался односторонний билингвизм.

При сложной этнической структуре латинизация была бичом для большинства его жителей – их языки отодвигались новоявленными правителями на второй план.⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Правительство своей реформой в управлении (1864 г.) на деле привело к следующему результату: «составив массу отдельных общин, оно подчинило их субпрефектам, префектам и уездным советам; отнял у поселян всякую инициативу и бросило на произвол мелких местных властей и капризам агентов». Эти общины «теряют свою самостоятельность и являются какой-то населенной группой людей без всякого голоса и не имеющих никакого права». (Из донесения русского консула в Галаце новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору от 19 декабря 1866 года. – ЦГМА СССР, ф.1811, оп.15, д. 93, л. 25).
- ² Когэлничану Михаил (1817–1891), глава правительства Молдовы в 1860–1861 гг., Румынии в 1863–1865 гг. Участвовал в проведении аграрной и ряда других буржуазных реформ. В 1876–1873 гг. министр иностранных дел. Происходил из помещичьей семьи (впоследствии мануфактурист). Вся сознательную жизнь был одержим властолюбием. Попутно занимался историей и публицистикой. В нем уживались властолюбец, литератор и «знарок» истории Молдавии. Его действия были продуманными, а не случайными и дорого стоили «задунайским переселенцам». Поэтому авторы не разделяют восторгов румынской историографии и некоторых историков Республики Молдова по поводу личности М.Когэлничану. Если, скажем, для некоторых М.Когэлничану – «просветитель и революционер», то для его современников – гагаузов, болгар и других народов юга, – это была фигура, способствовавшая бегству из «румынского рая» десятков тысяч людей со всеми вытекающими обстоятельствами для них.
- ³ Куза Александру (1820–1873), князь Румынского княжества в 1862–1866 гг. с 1859 г. Господарь княжества Молдовы и Валахии. Провел ряд буржуазных реформ. Свергнут с престола в 1866 г. реакционным блоком румынских помещиков и крупной буржуазии, пригласивших на престол прусского принца Карла Гюгенцоллерна (Кароль I).
- ⁴ По Берлинскому миру 1878 г., в возвращенном Россией «Бессарабском участке» числилось: 4 города, 2 посада, 176 других поселений, в которых проживали 138150 человек, с земельным фондом удобной земли в 425253 дес. – ЦГА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 343, л. 11, 124.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 15, д. 93, ч. 2, л. 29.

⁶ ЦГА МССР, ф. 24, оп. 1, д. 3, л. 3 – 36; *Титоров И.* Българите в Бессарабия. София, 1903, с. 275 – 286.

⁷ Материал написан на основе следующих источников и исследований: ЦГИА СССР, ф. 361, оп. 8, л. 3724; оп. 15, д. 8988, ф. 651; оп. 1, д. 452, ф. 388, д. 23596, ч. 2; ф. 1268, оп. 1, д. 29, ф. 1286, оп. 19; д. 994, ЦГА МССР, ф. 2, оп. , д. 7366, 8256; ф. 122, оп. 1, д. 151; ф. 134, оп. 3, д. 146; ГАОО, ф. 1, оп. 215, д. 13, 35, 39; ф. 6, оп. 3, д. 16987, л. 5; Государственный архив Хмельницкой области (ГАХО, ф. 227, оп. 1, д. 5490, 5492, 5493, 5505; Кишиневские епархиальные ведомости, 1881, № 20 (Посад Вилков); Бессарабский вестник, 1892, ф. 799; *Зыков.* Народы России, СПб., 1879; *Папруженко М. Г.* Из материалов по истории славянских колоний в России. Одесса, 1909; *Штанге А. Э.* Историческая записка о крестьянской реформе в Бессарабской губернии. Кишинев, 1911; *Титоров И.* Българите в Бесарабия. София, 1903; *Хаджиниколова Е.* Переселение болгарского населения из Молдавского княжества в Россию в 1860–1861 гг.

ИМУЩЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ

С включением Бессарабской области в социально-экономическую систему России, особенно во всероссийский внутренний и внешний рынки, существенно изменилась историческая судьба «задунайских переселенцев» и, прежде всего, открылись широкие возможности для вызревания и развития в их среде капиталистических отношений; рос и набирал силы зажиточный слой, связанный с рынком – этой важной движущей силой социально-экономического процесса.

При незначительном давлении на юге помещичьих латифундий, относительном многоземелье и безусловной самостоятельности крестьянских хозяйств открывались перспективы для более быстрого развития товарно-денежных отношений. Усиленное заселение пустующих территорий Буджака увеличивало емкость местного рынка – повышался спрос на сельскохозяйственную продукцию. Этому содействовал и внешний спрос, так как южная зона ускоренно втягивалась в мировые рыночные отношения через Одессу и дунайские порты. А расширение зернового производства, садоводства, виноградарства, овощеводства вызывало необходимость обновления земледельческой техники, внедрения более прогрессивных систем земледелия, широкого привлечения к сельскохозяйственному производству наемной рабочей силы.

Железнодорожный вокзал в Кишиневе.

Буджак был беден внутренними реками (тем более судоходными) и водоемами, но через него пролегали многие сухопутные тракты. На юге области дороги соединяли Бендеры, Аккерман, Измаил, Килию, Рени, Болград, Тарутино, Леово, Кагул с выходом за границу, Одессу и Тирасполь. В Комрате пересекались жизненно важные трассы: Кишинев – Ганчешты – Чимишлия – Комрат – Болград и Чадыр-Лунга – Комрат – Вишневка – Леово. Кроме того, пролегал местный, но не менее важный путь на Бессарабскую (с 1877 года узловая железнодорожная станция). Из Чадыр-Лунги, тоже с того года, от железнодорожной станции тянулись проселочные дороги к Тарутино, центральной немецкой колонии, очень масштабному торговому пункту в Буджаке, Арцизу и далее – к Аккерману, в болгаро-гагаузские селения и Кагул. Через Вулканешты пролегали дороги в Болград, Кагул, Рени, Измаил, то есть к крупным коммерческим базам на Дунае, Пруте и озере Ялпуг, а через Болград к Тарутино и далее на Аккерман, Бендеры к Поднестровью. Таким образом, до конца 70-х годов Буджак располагал густой сетью дорог по сухопутью, с выходами к Днестру,

Днестровскому лиману на Дунай к Пруту. С вводом в эксплуатацию железных дорог (в первую очередь дороги Бендеры – Рени – Галац) он связывался с системами Юго-Западных железных дорог, с Одессой (через железную дорогу и водным транспортом), бессарабскими ветками и Поднепровьем. Это оказывало существенное влияние на развитие внутрирегиональной торговли. Транспортная система являлась весомым фактором стимулирования роста товарно-денежных отношений. А рынок ускорял процесс специализации в сельскохозяйственном производстве.

В транспортную систему юга входили и взаимосвязанные скотопрогонные тракты. Они связывали Болград, Вулканешты, Комрат, Тарутино, Каушаны, Байрамчу, Волонтировку, Чимишлию, Арциз, Чадыр-Лунгу, Тараклию, Манзырь, Петровку, Татарбунары, Романовку (около Бессарабской). Конечными пунктами являлись Аккерман, Бендеры, Измаил, Рени, через которые осуществлялись связи с внешним рынком.

Но поражение в Крымской войне и последующие два с лишним десятилетия тяжело сказывались на экспорте сельскохозяйственной продукции из оставшейся в Бессарабской области колоний. Да и те, что были ближе в Дунаю, на территории «Бессарабского участка», искусственно принуждались властями ориентироваться в торговых операциях на Галац.

Созданный на новой границе Кубейский таможенный округ, взамен Измаильского, с сетью пропускных пунктов практически не мог заменить прежнюю систему таможенных учреждений на Дунае и Пруте, оборудованных и приспособленных для вывода сельхозтоваров. К началу 60-х годов во внешнеторговых оборотах Буджака стала обнаруживаться заминка, а затем и застой, у крестьян пропадал интерес к расширению товарного производства с экспортной ориентацией в дунайском направлении. Возрастала роль Одессы, куда стали в увеличившемся объеме поступать товары этого района. Однако до ввода в эксплуатацию Бендеро-Галацкой железной дороги (1877 – 1878 гг.) Буджак испытывал серьезные транспортные затруднения, так как коммерческие перевозки осуществлялись полностью гужевыми средствами,

Одесса в XIX в.

а это требовало много времени и больших затрат. Скот же следовал гоним и на таком протяженном расстоянии терял вес и товарные качества.

С восстановлением в 1878 году границы по Пруту и Дунаю оживился подвоз к портам животноводческой продукции, хлеб же по железной дороге направлялся к Бендерам, а оттуда поступал в Одессу. Еще сказывался прежний разрыв хозяйственных связей с Подунавьем, нарушение экономического единства южной зоны.

Труднейшие испытания исторической судьбы «задунайских переселенцев» продолжались, но прогресс в сельском хозяйстве остановить было невозможно, он пробивался через преграды и социальное неустройство.

Путей накопления материальных ценностей и денежных средств для дальнейшего расширения предпринимательской деятельности было несколько: мелкая торговля, ростовщичество, использование служебного положения, различные «откупы», арендные сделки небольшого масштаба и другое. Некоторые одновременно занимались торговлей, арендаторством и ссудно-ростовщическими операциями.

Из числа «арендаторов» («откупщиков») и содержателей «мелких и оброчных статей» лишь незначительная часть пробивалась в прослойку всеильных богачей; большинство же оставалось в нижнем ярусе торговцев, мелкой буржуазии. В архивных источниках сохранились многочисленные данные об откупщиках-арендаторах «базарных мест», «мер и весов», различных натуральных повинностей

Комрат, XIX в.

(подводной, дорожной и других), лавочниках. Они охотно включались в эти доходные операции с очевидной возможностью разбогатеть. В частности, «питейное дело» являлось самым эффективным способом накопления денег. Особенно выгодными были полевые корчмы, расположенные обычно на «бойких местах», т. е. на важных трактах. При этом

корчмарь извлекал комбинированные доходы: от торговли вином и закусками, предоставления ночлега и выпаса волов и лошадей, так как корчмы располагались выгонными участками, где останавливавшиеся обозы за определенную плату могли подкормить животных. Вот некоторые обобщенные нами сведения. С 1830 по 1860 годы 45 колонистов содержали «питейные заведения». Они монополизировали винный откуп в своих и сопредельных колониях и даже в части сел государственных крестьян. Наибольшее число их поставлял Комрат.

Близко к ним по коммерческому предпринимательству находились арендаторы базарных площадей, мер и весов, торговцы смолой и дегтем, содержатели мясных лавок, это – преимущественно жители Комрата, Чадыр-Лунги, Чешмикиоя, Авдармы, Томая и других. Удалось выявить 20 торговцев с известным постоянством своей деятельности в Комрате, местечке Чимишлия (у государственных крестьян), в разных колониях. Часть из них пробивалась в сословие купцов (в Комрате и Чадыр-Лунге, Койчи, Скарли и др.). А всего в середине века числилось в Комрате 8 купцов и

24 колониста, торгующих по свидетельствам, в Вулканештах несколько колонистов, торговавших постоянно, в Чешмикиое – один купец и один со свидетельством, в Курчи – один со свидетельством¹.

С начала 50-х годов в средство наживы состоятельная верхушка превратила откуп трудовых повинностей (почтовой, подводной, дорожной и других) – тогда это было разрешено финансовыми ведомствами. Чтобы не иметь дело с тяжеловесными общинными выборными органами, они предпочли контакт с предприимчивыми «содержателями» подвод и подводчиков, наемными дорожниками и строителями.

В прибрежных селениях по Дунаю и на лиманах колонисты в течение всего исследуемого периода имели доступ к эксплуатации крупных товарных рыбных промыслов. Разбогатевшие хозяйства арендовали («откупали») их у общин и казны с целью предпринимательства (конечно – только в пределах законодательных установлений). О размерах этих сделок можно судить по суммам арендной платы. Так, в 1836–1839 гг. вулканештский колонист П.Лефтероглы за эксплуатацию промысла на озере Белец вносил в сезон 500 рублей серебром, в 50-е годы Чимишкиойский колонист И.Дропул пользовался ловлями при Слободзее за 705 рублей, Н.Карагиогло за таковые на озере Кагул (вместе с переправой и корчмой) вносил 1500 рублей ежегодно².

Накопление денежных к материальных средств производилось и по линии злоупотреблений отдельными лицами должностным положением, в частности, сельскими старшинами. Затем они вкладывали их в торгово-ростовщические операции и предпринимательские хозяйства. В целом креп и нарастал их потенциал к расширенному воспроизводству. Известно, что сама система административного «попечительства» опиралась на зажиточный слой и использовалась последним для приумножения богатства и широкомасштабного предпринимательства в сельскохозяйственном и промышленном производствах.

Так, во второй половине 90-х гг. в Комрате местный колонист П.Акбаш открыл мастерскую по изготовлению котлов (для домашнего обихода), в которой, кроме хозяина, был наемный работник. Другой колонист, Н.Скутарь, владелец большого поголовья овец, выпасаемых на арендуемых у помещика угодьях, держал небольшое предприятие по изготовлению сыра. А колонист С.Константинов в 40-х гг. содержал в Кишиневе мыловаренный завод. В Вулканештах И.Чебан владел мельницей, стоившей около 500 рублей³.

В начале 60-х годов комратский колонист Григорий Янчу открыл в казенном селе Батыре сыроваренный или качкаваленый «завод». Производился овечий сыр в кругах на 1125–1200 рублей серебром в год, который сбывался в Одессу и через Кубейскую таможню в Измаил⁴.

Уже в 25-е годы начала выделяться верхушка аграриев. Характерным для нее было животноводческое направление предпринимательства. Комратский колонист Г.Верян с 1822 по 1831 годы арендовал вотчину Барзешты. Сам управлял, там и жил, «обзавелся хозяйством и значительной постройкой», т.е. имел свой хутор (одаю), пользовался трудом наемных работников. На хуторе содержал 46 голов рогатого скота, 68 лошадей и 180 овец. Но большую часть угодий сдавал в субаренду⁵.

Под воздействием рыночных отношений складывалась специализация на разведении мясного скотоводства. Более распространенным был нагул скупленного пого-

ловья на арендуемых пастбищах или путем стойлового содержания (с использованием заготовленных кормовых средств). И после сезонного и в случаях стационарного, доморощенного откорма вола, овцы и свиньи направлялись скотопромышленникам к местам сбыта (ярмаркам, базарам, бойням).

С рыночными целями развивали цигейское и тонкорунное овцеводство, молочное скотоводство. Колонисты занимались также крупно-табунным товарным коневодством, а отдельные из них основывали конные заводы, на которых выращивали отборных лошадей для прибыльного сбыта. Наиболее известными из последних по всей Бессарабской области в течение ряда десятилетий, начиная с конца 40-х годов, являлись заводы Трубчи, Кочо и Кылчика⁶.

В течение ряда десятилетий, т. е. до Крымской войны, на территории Буджака высокоприбыльным был хуторской (кишловый) способ дорашивания молодняка – этому благоприятствовало наличие больших массивов целинных земель в сочетании с продолжительностью выпасов. Известно, что на соседних помещичьих земельных дачах отсутствовала барская запашка в сколь-нибудь значительных размерах, что расширяло предпринимательские возможности товарных крестьянских хозяйств как при занятии земледелием, так и при специализации на отраслях животноводства.

Дом богатого поселенца в Комрате, XIX в.

«Задунайские переселенцы» в 40–50-е годы ежегодно в среднем поставляли на рынок до 2 тысяч лошадей, до 5 тысяч голов рогатого скота, более 95 тысяч овец, много различной животноводческой продукции – всего на сумму до 600 тысяч рублей серебром.

Несмотря на то, что преобладающее значение в хозяйственной структуре с середины XIX в. стало играть земледелие, еще в 70-х годах в среде колонистов

встречались владельцы крупного поголовья овец. Так в Чок-Кайдане один двор имел 1300, два – по 1 тысяче и 30 – от 300 до 500 овец. Ясно, что такое внушительное поголовье содержать на надельной земле было невозможно – требовались обширные пастбищные и сенокосные угодья в запредельных помещичьих владениях⁷.

Естественно, хуторяне не обходились без привлечения в свои хозяйства работников по найму (поденщиков, сезонных и батраков). Нанимались и пришлые и обедневшие колонисты. Сохранившиеся архивные материалы отразили эти сделки по многим гагаузским селениям – Комрату, Конгазу, Вулканештам, Этулии и др..⁸

Прогресс в сельскохозяйственном производстве колонистов осязаемо проявился в межотраслевой эволюции (земледелие постепенно становилось ведущей отраслью) и специализации в самом земледелии: расширении виноградарства, садоводства, овощеводства и бахчеводства, выращивания технических культур. В развитии последних четко выражено сказывался коммерческий интерес товаропроизводителей. Так, на соизмеримых площадях сады давали 20–30 % чистого дохода, а виноградарство – 70–80 %, иногда и больше.

В целом на юге Бессарабии и, в частности, у колонистов складывались специализированные микрорайоны этих интенсивных подотраслей земледелия. Этот процесс в селениях «Задунайских переселенцев» набирал силы в первой трети 30-х годов, т. е. в период относительно устойчивого хозяйствования после второго массового притока переселенцев. С 1832 по 1842 гг. число фруктовых садов там возросло с 621 до 5334, соответственно сами насаждения увеличены с 102500 до 1 миллиона деревьев. За это время виноградники с 4500 увеличились до 6860, а выработка вина с 101600 до 314570 ведер. К концу 40-х годов на виноградных плантациях уже было 4276 тысяч кустов, к 1854 году выработка вина достигла 600 тысяч ведер. В некоторых селениях к началу 50-х годов находились крупные фруктово-виноградные насаждения: в Болграде – 639 садов (23600 деревьев) и 675 виноградников (более 300 тысяч кустов), в Вулканештах – 152 сада и 195 виноградников (23000 деревьев и 112 тысяч кустов), в Комрате – 190 садов и 224 виноградников. В 20 селениях Верхне-Буджакского округа особенно выделялось садоводство (в начале 40-х годов – 287600 деревьев), там же – 275 тыс. кустов винограда.

Владельцы крупных садов, виноградников и огородов для получения устойчивых урожаев применяли «напускную поливу» с помощью специальных оросительных сооружений – чичерей, порий, канальной системы. При виноградно-винодельческой специализации такие хозяйства пользовались оборудованными винохранилищами, привлекали к производственному процессу профессионалов-виноделов (из специальных фондов заимствовали денежные средства на расширение плантаций). Получило распространение питомниководческое дело (в конце 40-х годов функционировало 62 питомника), доходной статьей становилась продажа саженцев, черенков и т.п.⁹

Гагаузская семья, XIX в.

Среди таких аграриев в Комрате выделялись П.Джолтян, И. Койчо, Колдоран и другие. Сады Иордана Койчо в 40-е годы насчитывали 100 тысяч деревьев, а с двух обширных виноградников грозди преимущественно перерабатывались на винодельнях (получалось несколько тысяч ведер вина). Его сын, Н.Койчо, владел в Комрате пятью виноградниками и на большом хуторском хозяйстве содержал плантацию в 7,3 десятины.

Известный агроном Х. Стевен после посещения колоний в 1841 году писал, что в Комрате один колонист владел туговой плантацией в 9 тысяч деревьев. Доход из нее извлекал не путем непосредственного занятия шелководством, а продажей зеленого листа другим шелководам по цене от 20 до 40 копеек за око (3 фунта, что составляет 1,2 кг.). Это было своеобразное предпринимательство¹⁰.

Как уже отмечалось, в «Бессарабском участке» оказалось 7 гагаузских селений, где садоводство и виноградарство играли исключительно важную роль. Но в силу гнетущего положения там колонистов и вынужденной миграции на Украину эти

отрасли в конце концов заглохли. В оставшихся в пределах Бессарабской области селениях гагаузов (как и болгар) и плодоводство, и виноградарство продолжали прогрессировать. Вот доказательство этому: в 1860 году во фруктовых садах насчитывалось 685 тыс., а в 1895 году уже около 1 млн деревьев. К 1871 году площадь садов и виноградников достигла 3340 десятин и в них 3284500 кустов. Площади плодово-виноградных долголетних насаждений достигали в Комрате – 400, Казаяклии – 304, Чешмикиое – более 200 десятин. В двух последних сложилась специализация на виноградарстве (288 тыс. и 162 тыс. кустов)¹¹. Кстати сказать, занятия садоводством, виноградарством (и связанным с ним виноделием) и другими интенсивными отраслями требовали от крестьян большого опыта и мастерства.

Комрат. Начало XX в.

В колониях появлялась «интеллигенция из крестьян», в том числе и занятая непосредственно в материальном производстве (виноградари и виноделы, специалисты по землеустройству, подготовленные в учебных заведениях садоводы, табаководы, лесоводы, специалисты по изготовлению сложной земледельческой техники), что способствовало углублению процесса специализации и интенсификации земледелия¹². Кстати сказать, для успешных занятий при этом требовался повышенный уровень рабочей квалификации и в среде самих крестьян. Безусловно, эта влиятельная сила в сельском хозяйстве в первую очередь обслуживала рационально поставленные экономии, то есть и общинные усадьбы, и разбогатевших колонистов. Богатства эти у отдельных семей были огромными. Один из современников, побывавший в колониях в конце 30-х гг., обнаружил таких богачей, которые имели по 130 тыс. рублей капитала. Может быть, тут имеет место преувеличение, но факт наличия в колониетской среде таких толстосумов несомненен, о чем свидетельствуют характеристики обширных хозяйств почти в каждом селении¹³.

Х.Стевен, ставший инспектором сельского хозяйства Южной России, отмечал, что у «задунайских переселенцев» наиболее распространенной хлебной культурой была яровая пшеница арнаутка. Для нее они «приискивали свежую землю, хотя бы за 80 верст от своего селения, как тому есть примеры». Стевен писал свой обзор в начале 40-х гг., и это важно с точки зрения выяснения степени расслоения крестьян уже к тому времени. Он сообщал: «Есть хозяйства, которые высевают от 150 до 170 четвертей ежегодно, и довольно многие сеют более 100 четвертей». Для обработки полей и особенно уборки урожая такие хозяйства привлекали батраков из царанских и казенных селений и работников из Подольской, Киевской и Полтавской губерний¹⁴.

Что в связи с этим необходимо отметить? По практиковавшейся тогда норме высева пшеницы по 1 четверти на 1 десятину (1,1 га) выходит, что в колониях было немало дворов, засевавших арнауткой от 100 до 170 десятин при наделе земли менее 50 десятин. Значит, широко практиковалась аренда пахотных угодий на стороне, преимущественно у помещиков, часто отдаленных от колоний. Весенний посевной

период в Буджаке был коротким, требовал спешной работы, а плужная упряжка при тяжелых почвах – 6–8 волов (для «перекопки» – столько же). Отсюда вывод: богатые семьи содержали большое число тягловых животных, много плугов, борон, катков, барочного инвентаря, а при молотье прогонкой скота целый табун лошадей. Плюс к этому для обслуживания всего производственного процесса требовалось немало рабочих, помимо своих трудоспособных членов семьи. Таким хозяйствам по силам было приобретение сельскохозяйственных машин промышленных образцов.

Почему колонисты так расширили запашку и посев арнаутки? Ясно, что в хлебном балансе (сюда входит посевное, продовольственное, фуражное и страховое зерно) товарный излишек составляет тысячи пудов. Вот последний и был главной целью хозяйственной деятельности зажиточных дворов. А стимулом его возрастания являлся увеличивавшийся спрос на пшеницу в отпускных портах Одессе, Измаиле, Килии, Рени, Аккермане. Именно тогда, в начале 40-х гг., в колониях зажиточная верхушка высказывалась за раздел общинных угодий на посемейные участки¹⁵.

Масштабные арендные сделки касались пахотной земли. «Задунайские переселенцы» некоторое время располагали большим резервным фондом угодий. Еще в 1830 году он составлял 190 тыс. десятин (то есть более 200 тыс. гектаров). Но с устройством беженцев (второй массовой волны) и естественным приростом площадь его заметно сократилась – уже к середине 40-х годов до 76,5 тыс. десятин. Эти запасы сохранились, главным образом, в черноморской полосе. А в Верхне-Буджакском и Кагуло-Прутском округах сверхнадельный резерв практически в 1856 г. составлял лишь 13 тысяч десятин¹⁶. Но потребность в земельных участках возросла со стороны зажиточного слоя. Их можно было арендовать у помещиков, которые в подавляющем числе сами хозяйством не занимались, достаточного оседлого крестьянского населения не имели и извлекали доходы через арендные сделки с мелкими съемщиками (десятинщиками) и более богатыми арендаторами из торговых городов и колонистов. Но земледельцам выгоднее было иметь дело с последними, так как раздробительная сдача пахотно-сенокосных и пастбищных угодий приводила к истощению их плодородия, эрозиям и т. п. С другой стороны, колонистам-предпринимателям в силу бытовавшей переложной системы земледелия и преимущественного занятия степным животноводством требовались большие массивы угодий. На практике так и было – арендовали целые имения в Бендерском, Аккерманском и Кагульском уездах.

В 30–40-х гг. комратские, вудканештские, конгазские и другие колонисты-аграрии (группами и индивидуально) содержали в аренде около 45 тысяч десятин. Как уже упоминалось, часть наиболее денежных хозяйств переходила от аренды к приобретению земли. Отдельные колонисты Комрата, Авдармы, Конгаза, Вулканешт в 30–50-е годы стали собственниками более 20 тыс. десятин¹⁷. Хотя после реформы 1871 года колонисты, ставшие крестьянами-собственниками, не имели права до окончательного выкупа наделов продавать их, фактически уже в 1872 году на территории Бендерского уезда отмечены случаи полного погашения выкупной суммы и рыночного обращения земельной собственности¹⁸. Такие люди были изворотливы и опыты в предпринимательских делах. Начинали обычно накопление денежных средств в неземлевладельческих доходных операциях, затем переключались на фермерско-арендные занятия.

Так, вулканештский колонист Каранфил Полиногло до конца 40-х годов содержал в своем селении корчму, одновременно занимался и другими коммерческими сделками, а в 50-е годы уже арендовал 2910 десятин, затем купил у помещика Е.Балша имение Карбаул – 4500 десятин¹⁹.

Гагаузская семья, XIX в.

В 40-х годах начал свою успешную торгово-предпринимательскую деятельность комратский колонист Н. Попов. Вскоре он втянулся в земельно-арендные операции; арендовал крупные помещичьи вотчины Шерпены (4 тысячи десятин) и Пугочены (2600 десятин), на которых постоянно жили 896 царан и временно 132 земледельца-десятичника. По сведениям за 1862 год, он числился в купцах и как собственник 1233 десятин²⁰.

И другие богачи обладали крупными земельными состояниями. На примере предпринимательства семьи комратских колонистов Койчо можно проследить становление и дальнейшее укрепление позиций аграриев. Начал Иордан Койчо в 1825 году с того, что захватил из комратской общинной дачи 40 десятин (кроме своего надела) и владел участком до 1839 года. На 37 десятинах заложил фруктовый сад и две виноградные плантации. Одновременно (с 1837 г.) арендовал целое помещичье имение Бороганы в Бендерском уезде. Присвоение общинных угодий продолжил его сын Николай – к 1852 г. в его руках оказалась еще 101 десятина. Он усиленно расширял виноградники, в том числе 5 плантаций развел на землях односельчан. Затем прихватил «довольно обширное пространство» по реке Ялпуг (под огороды) и камышовые плавни (камыш продавал за 300 рублей в год).

Родоначальник аграрий Иордан Койчо в 1839 году купил 1559 десятин помещичьей земли и назвал имение Иордановкой²¹. В середине 40-х годов поселил там 31 семью мелких арендаторов (десятичников). Помимо значительных доходов от аренды садов, виноградников, огородов, камышовых зарослей, получал большие прибыли от виноторговли в собственных давках, винных погребах и корчмах в Комрате, Чок-Майдане, Дезгинже, держал на откупе базарную площадь в Комрате. Его огромное хозяйство процветало и в 60–70-е годы²².

Другой богач этой семьи – Георгий Койчо – выбился в измаильские купцы и совмещал торговые операции с сельскохозяйственным предпринимательством. В 50-е годы арендовал вотчину Пиперканы с жившими на ней царанами, которые отбывали ему повинности как прежнему землевладельцу. Там же содержал 1,5 тыс. овец с коммерческими целями²³.

В числе крупных аграриев следует отметить колониста из села Авдарма – А.Петка. В 1846–1847 гг. в два приема он купил у помещика Ф.Романенко 750 десятин за 6375 рублей из урочища Когыльник. Так возникло незаселенное имение Божога (в Бендерском уезде). Сам он и его наследники вели обширное земледельческое и животновод-

ческое хозяйства, вступали в торгово-денежные отношения с купцами и другими частными лицами, пользовались наемной рабочей силой государственных крестьян соседних селений и колонистов из Комрата. В 60-х годах наследники разорились²⁴.

Вот еще страницы из предпринимательских дел комратского колониста А.Трубчи. В 1825 году резеши (крестьяне-общинники и собственники вотчины) села Сарата Бендерского уезда сдали свою землю на 6 лет в аренду леовскому жителю Хаджи Миаху Савве. Он вскоре переуступил ее А.Трубче, который и распоряжался до 1832 года. А деньги предварительно накопил в 1820–1823 гг. ростовщическими операциями в местечках Леово и Ганчешты. Следующим шагом явилось приобретение урочища Ивановки Бендерского уезда. Его площадь 2 тыс. десятин, из которых затем под пашней числилось 500 десятин, а остальные 1500 десятин – пастбища и сенокосы. Именем владел прочно и в 40–60-х годах²⁵.

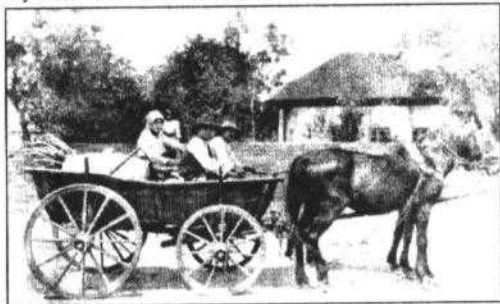
Судя по масштабам хозяйственного размаха к величине вложенных денежных и материальных средств, выдающимися индивидуальностями в среде аграриев юга области были отец и сын Кыльчик (комратские колонисты). Оставили след в хозяйственной жизни Буджака как самые предприимчивые, самые крупные землевладельцы – в конце века им принадлежало до 75 тысяч десятин земли, а все недвижимое и движимое имущество не поддавалось оценке – так они были богаты. Такой недостижимой высоты экономического процветания другие колонисты не одолевали. По существу, являлись крупнопоместными владельцами, оттеснившими всех на более низкую ступень достатка. Начал предпринимательскую деятельность Иван Дмитриевич (долго жил – умер в 1893 году), а продолжил сын Григорий Иванович, который к началу XX в. сосредоточил в своих руках 8 имений (7 в Бессарабской губернии, одно на Волыни). Помимо того, арендовал тысячи десятин угодий, через брак породнился с дворянским домом Вишневицких. Получил существенное по тем временам образование: начальное в Комрате, среднее в 1-й Кишиневской мужской гимназии. Их интересы были многообразными и изменчивыми. Так, младший Кыльчик оставил след и в развитии культуры юга: в 1896 г. основал в Комрате реальное 7-классное училище, дававшее среднее образование; его основание и другие расходы стоили более 194 тыс. рублей (частью собраны с жителей Комрата и окружающих сел). При двухклассном женском училище построил мастерские. Принял участие в обновлении собора. Это мероприятие в сочетании с богатствами дало ему звание «потомственного почетного гражданина», приравниваемое в сословных привилегиях к дворянскому. Безусловно, его огромное хозяйство держалось на эксплуатации сотен тысяч наемных крестьян и ремесленников²⁶.

Отметим, что и при таких богатствах и даже приобретении другого сословного положения аграрии оставались колонистами и несли повинности: налоги платили, а от натуральных нарядов (подводных, дорожных и т. п.) откупались.

Рассмотренные материалы позволяют утверждать о чертах очевидного классового расслоения. Но основная масса колонистов не выходила из среды имущественного расслоения.

Имущественное неравенство в среде переселенцев сказывалось еще в годы их устройства в Буджаке. По истечении срока налоговых льгот выяснилось, что часть из них продолжала свою зависимую жизнь на стороне из-за хозяйственной слабости,

хотя и значились в селениях как члены общин. О таких бедствующих семьях свидетельствуют пометки в документе: живут «по найму в услужении». Бедные дворы в 1816 году зафиксированы в Кубее, Саталык-Хаджи, Табаке, Этулии, Чешмикиое, Вулканештах, Томе, Казаклии и других селениях²⁷.

Крестьяне

Задунайские переселенцы» по своим историческим традициям отличались большесемейственностью. Большая семья – это особая самостоятельная социально-производственная ячейка, своего рода семейное трудовое предприятие, живущее по законам имущественных отношений. В семейном хозяйстве крестьянин выступает (в одном лице) и как хозяин, и как работник. Цель производства в трудовой семье – не

извлечение прибыли, а удовлетворение повседневных потребностей ее членов. При благоприятных социально-экономических условиях она увеличивала свои затраты, при напряженных моментах – снижала уровень своего бюджета, становилась более натуральной. В последнем случае такие семьи (дворы) теряли финансовую сбалансированность, хронически испытывали нехватку материальных и денежных средств, оскудевали, до предела суживая индивидуальные потребности.

В Буджаке крестьянские хозяйства с посевами на 12–16 десятинах обеспечивали себя продовольствием и семенным зерном. Это дворы среднего достатка, но с ограниченным семейным бюджетом, выше этого критерия находились зажиточные дворы, ниже – бедные, мелкие, в большинстве своем хозяйственно неустойчивые, среди которых встречались и такие, у которых «за душой ни гроша» и в перспективе – превращение в безземельных батраков²⁸.

Чтобы иметь конкретное представление о стереотипе бедного колониетского двора, приведем данные, относящиеся к концу 30–началу 40-х годов. У курчийского колониста Н. Нончиджиоло все хозяйство состояло из чамурного дома, сарая, пары волов и 18 овец, у другого крестьянина этого селения, Н. Чакира, – дом чамурный однокомнатный, сарай чамурный, два вола и 38 овец (из них – 10 барашков); в Вулканештах у Т. Иваночоглу – дом чамурный, 2 вола + 4 головы молодняка; в Чешмикиое у Т. Кара – дом глинобитный, пара волов и корова с теленком²⁹.

Конечно, с такими ресурсами, особенно с крайне недостаточным поголовьем и тяглового, и продуктивного скота, вести хозяйство в Буджаке было практически невозможно. Но были еще и совсем бедные семьи, которых относить к крестьянским уже нельзя. Из-за безденежья исключалась возможность покупки и содержания упряжного скота – неперемного условия обеспечения устойчивого существования крестьянского хозяйства в этой зоне. Этот слой парцеллярных хозяйств не был товаропроизводящим, ему трудно было одолеть порог бедности на протяжении всего долгого жизненного пути.

Имущественное, и в какой-то части социальное расслоение, отражают сведения о домашних очагах колониетов. Данные местных властей за 1855 год свидетельствуют, что в Курчи 127 семей жили в домах, а 67 в землянках. Соответственно такое

соотношение в Чешмикиое – 217 и 13, в Вулканештах – 333 и 68, а в Этулии жилищ-землянок не зафиксировано³⁰.

Разумеется, с незначительным хозяйством приходили многие переселенцы в конце 20–начале 30-х годов. А три засушливых года подействовали разорительно на тех, кто располагал определенным количеством торгового и продуктивного скота. Потребовались годы, чтобы они обрели хозяйственную самостоятельность. Вот почему часть из них вынуждена была идти в помещичьи имения, закабалиться на ряд лет, чтобы выжить. Примером может быть судьба 13 семей и 11 одиночек. Им, «находящимся в бедном положении», пришлось «отдать себя в услужение» в вотчине графа Нессельроде, что в Бендерском уезде. Они должны были отработать числящиеся с 1836 года казенные недоимки в сумме 1477 рублей серебром, которые управляющий имением обязался погасить в три срока. Соглашение обеих сторон было оформлено летом 1843 года. Это была для обедневших «отдушина», через которую можно было пополнить семейный бюджет. Вот пример того, насколько некоторые были индивидуально бедны при таком общем богатстве «болгарского водворения». На хозяйство среднего достатка, не говоря уже о таких слабых, мощно давили сельские ростовщики. Зажиточный слой «задунайских переселенцев» постоянно прибегал к труду сезонных батраков и поденщиков³¹.

Как утверждал известный статистик и историк «Новороссии», современник описываемых процессов А.А.Скальковский, «из всего количества иностранных колонистов всякое почти семейство, т. е. хозяйство, требует еще наемных работников и не одного, а часто целых десятков, особенно во время сенокоса, жатвы и обмолота своего хлеба»³². В этом деле они конкурировали с помещиками, которые широко пользовались трудом отходников.

Расслоение в колониетской среде сопровождалось глубокой отчужденностью «хозяина» от «работника». Обедневший колонист, обеспечивавший свой жизненный уклад путем найма, всюду (и в домашнем обиходе, на общинных сходах, торжествах и увеселениях) не должен был «смешиваться» с «хозяевами», держаться на расстоянии и при ослушании строго наказывался последними (вплоть до физической расправы). Это унижение бедняка было общепринято, отражало реальное соотношение экономических сил в селе. С годами число «работников»-колонистов росло, о чем свидетельствуют архивные и другие источники. Они (пастухи, батраки, поденщики и др.) появились уже в 30–40-х гг. во всех гагаузских селениях³³.

На расслоение в колониетском селе прямое влияние оказывали стихийные бедствия, от которых для большинства крестьян, несмотря на «воловье трудолюбие» (как отмечал один из чиновников, инспектировавших состояние колоний), не было спасения. В первую очередь юг поражали суховеи, безводье и т.п. Неурожайными были: 1-я половина 20-х, начало 30-х, конец 40-х, конец 50–начало 60-х, середина 70-х, начало 90-х годов, начало

Старый дом, XIX в.

XX века. Это были затяжные засушливые периоды, сопровождающиеся высушиванием посевов, трав, бескормицей и эпизоотиями, сокращением поголовья и посевов, и, конечно, обеднением большого числа семей. Крупные хозяйства также несли потери, но выходили из беды с необходимым материальным потенциалом для скорого восстановления прежнего уровня. Остановимся для примера на одном периоде. Накануне реформы 1871 года «задунайские переселенцы», оставшиеся на территории Бессарабской области, пережили продолжительный хозяйственный кризис. Крымская война с ее тяжелыми последствиями для края вообще, а для рассматриваемого разряда в особенности, депрессия в экономике области конца 50-х–первой половины 60-х годов, целая серия стихийных бедствий, трудно преодолимых особенно для экономически обессиленных крестьянских дворов, реформы 60-х годов, сопровождавшиеся ломкой устоявшегося жизненного уклада, существенно сузили материальный потенциал колонистов. Раньше, до 70-х годов, из них редкий хозяин не имел своего плуга, волов, 2–3 коровы, 3–4 лошади, 60–100 овец, из года на год в запасе 230–280 пудов хлеба.

Однако в силу перечисленных причин многие дворохозяйства оказались нежизнеспособными, непрочными. Итог этого следующий: в 1870 году «две пары волов, 2–3 лошади, 1–2 коровы, 20–30 овец можно найти только у немногих лучших хозяев; у большинства же осталось только по паре волов и лошадей, по одной корове и по 5–6 овец; у многих и того уже нет». Особенно губительными являлись продолжительные засухи, падежи скота, налеты саранчи, неблагоприятные для хозяйственной деятельности неустойчивые зимы. В конце концов крестьяне вынуждены были за бесценок продавать скот, в том числе и тягловый, без чего невозможно было сохранить хозяйственную самостоятельность. Так, к концу 60-х годов цена коровы снизилась до 5–7, вола – 8–10 и «порядочной лошади» – до 15–20 рублей. В то же время корм в непастибщные периоды продавался по небывалым ценам: зимой сажень соломы небольшой клады стоил 40–50 рублей, а весной даже 80–90 рублей. В 1867 году из оставленного на зиму скота две трети пала от истощения, а овец – 9/10. Конечно, у подавляющего большинства дворохозяев не было денег, чтобы удержаться от полного разорения, а требовалось еще уплачивать налоги от 25 до 50 рублей с суммы и погашать долги с высокими ростовщическими процентами.

В 1869 году снова повторилась засуха – собрали только третью часть семян. Люди питались суррогатами. Можно было путем отходничества в северные уезды Бессарабии заработать крайне необходимую сумму денег, но требовалось выкупить временный паспорт, а он стоил 5 рублей. Местные чиновники-ростовщики буквально грабили обедневших: брали по 40–50 % ссуду на 6 месяцев. Перечисленные обстоятельства глубоко пошатнули благосостояние колонистов, вызвали в их среде массовое обеднение³⁴. Все четче обозначало не только имущественное неравенство, но социальное расслоение, которое углублялось по мере развития товарно-денежных отношений. И, безусловно, последним стали в значительной мере определяться все социальные процессы в колонистской среде. В то же время, фиксируя несомненные

* Под термином «плуг» имеется в виду пашенный комплекс, включавший собственно орудие – тяжелый степной плуг – и упряжку в 4 пары волов.

факты имущественного и социального расслоения в колониальной среде, ее многоструктурность, нельзя отбрасывать такую реальность, как значительное земельное обеспечение колониальных семей и довольно устойчивые позиции поземельной общины с ее переделной системой пользования угодьями, что сдерживало контрастность дворохозяйств в распоряжении основным средством производства – землей, ограничивало возможности для расширенного воспроизводства. Стремительного распада бывшего колониального села не произошло в пореформенные десятилетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦГА МССР, ф. 44, оп. I, д. 321, л.10, 21; д. 478, л. 85; ф. 24, оп. I, д. 3, л.10-25.
- ² ГАОО, ф. 6, оп. I, д. 3155, л. 24-26, 28; ЦГА МССР, ф.2, оп. I, д. 6538, л. 108-109.
- ³ ЦГА МССР, ф. 44, оп. I, д. 478, л. 85-89; д. 485, л. 5; д. 738, л. 64; ф. 305, оп. I, д. 389, л. 237.
- ⁴ Там же, ф. 2, оп. I, д. 7612, л. 349; д. 7787, л. 7790, л. 142; ЦГИА СССР, Ф. 381, д. 5938, ч. I, л. 117, 269.
- ⁵ ЦГА МССР, ф. 44, оп. I, д. 478, л. 173, 349; ЦГИА СССР, ф. 1350, оп. I, д. 18, л. 1-6.
- ⁶ Статистическое обозрение коннозаводства России. СПб., 1847, с. 208; ЦГА МССР, ф. 2, оп. I, д. 5619, л. 99; Мердер И.В. Сборник сведений о торговле лошадьми и перечень конских заводов в России. СПб., 1871, с. 51; Список частных конских заводов в России, СПб., 1878, с. 199; Конская перепись 1882 года. СПб., 1884, с.8.
- ⁷ Кишинёвские епархиальные ведомости, 1875, № 20, с. 736.
- ⁸ ЦГА МССР, ф. 44, оп. I, д. 265, л. 91, 118; д. 736, л. 58; д. 738, л. 161, 199, 200, 218; д. 812, л. 10, 11, 34, 92; д. 916, л. 5-6, 57; д. 933, л.8.
- ⁹ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. I, д. 1199, л. 37-38.
- ¹⁰ Там же, оп. 5, д. 841, л. 3.
- ¹¹ Фактические данные взяты из архивных источников и периодических изданий (ЖМГИ), «Земледельческой газеты» и др.
- ¹² Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1853, с. 222, ЦГИА СССР, ф. 398, оп. I, д. 1199, л. 37-38.
- ¹³ Пуговин К. Буджак и Южная Бессарабия // Северная пчела, 1838, № 137, с. 548.
- ¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. I, д. 841, л. 8; ЦГА МССР, ф. 44, оп. I, д. 321, л. 8, 21, 24, 47; д. 478, л. 78, 114; д. 609, л.13-31.
- ¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 5, д. 4367, ч. II, л. 17.
- ¹⁶ Мещеряк И.И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сёл в Южной Бессарабии (1806-1856). Кишинёв, 1971, с. 237-238.
- ¹⁷ Сведения взяты из архивных источников: ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 400, 657, 1006; ф. 8, оп. 1, д. 3; ф. 2, оп. 1, д. 6139; ГАОО, ф. 249, оп. I, д. 1048.
- ¹⁸ ЦГА МССР, ф. 2, оп. I, д. 8230, л. 316.
- ¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 9, д. 8056, л. 60; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, л. 6139, л. 131.
- ²⁰ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6139, л. 152-153; д. 7458, л. 36.
- ²¹ Иордановка, ныне село Бессарабского района.
- ²² Сведения о Койчах соержатся в архивных фондах: ЦГИА СССР, ф. 381, д. 20618; ф. 383, оп. 9, д. 8056; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 8050; ф. 3, оп. 2, д. 375; ф. 44, оп. 1, д. 548; ф. 302, оп. 2, д. 400; ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 3155.
- ²³ ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 446; д. 1006; ф. 8, оп. 1, д. 61; ф. 37, оп. 3, д. 659, ф. 2, оп. 1, д. 7458, л. 36.
- ²⁴ ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 2334, л. 1-28; д. 1727, л. 124; ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 627, л. 3-4; ф. 2, оп. 1, д.

- 4967, л. 70-71; д. 6139, л. 153-154; д. 7458, л. 36; ф. 83, оп. 1, д. 1076, л. 7.
- ²⁵ ЦГА МССР, ф. 44, оп. 1, д. 438, л. 27.
- ²⁶ ГАОО, ф. 249, оп. 1, д. 1048, 1197, 1396; ЦГИА СССР, ф. 593, оп. 3, д. 376, л. 26-31; оп. 39, 27, л. 9; Иов Таиров, Георгий Иванович Цанко-Кыльчик от Комрата, Бессарабия, София, 1910; *Титоров И.* Указ. соч., с. 214-216; *Боканча П.С.* Записки бессарабца, т. 1 // Отдела рукописей Государственной библиотеки им. Ленина, с. 470.
- ²⁷ *Попруженко М.Г.* Из материалов по истории славянских колоний в России, 1909, с. 10-14.
- ²⁸ *Абрамович А.А.* Краткое описание хозяйств Буджакского хутора. Одесса, 1912, с. 24.
- ²⁹ ЦГА МССР, ф. 44, оп. 1, д. 610, л. 53; д. 623, л. 10, 16; д. 656, л. 6; д. 920, л. 46-47; ф. 302, оп. 2, д. 715, л. 1-70.
- ³⁰ ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 1, л. 10-72.
- ³¹ Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии, 1812-1861 гг. Документы и материалы, т. III, ч. 2, Кишинёв, 1969, док. № 138.
- ³² ГАОО, ф. 147, оп. 1, д. 36, л. 15.
- ³³ ЦГА МССР, ф. 44, оп. 1, д. 476, л. 38; д. 534, л. 23; д. 674, л. 24-25; д. 717, л. 2, 5; д. 906, л. 3; д. 952, л. 5-7; ф. 2, оп. 1, д. 3511, л. 177; Бессарабский вестник, 1890, № 232, статья «По дороге», с. 2.
- ³⁴ Настоящее положение бессарабских колоний // Бессарабские областные ведомости, 1870, № 19.

РЕФОРМЫ 70-х ГОДОВ

Глубокий след в жизни колонистов оставили реформы первой половины 70-х гг. как на территории Бессарабской области, так и Подунавье, оказавшемся в границах Румынии.

По «Правилам об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях» от 4 июня 1871 г. в Бессарабии реформе подлежали 8036 семей в 45 селениях с земельным фондом в 296 тыс. десятин. Колонисты переводились в разряд крестьян-собственников, а в административном отношении переходили в ведение губернских и уездных «по крестьянским делам присутствий» (учреждений). Сохранилось общинное землевладение, т.е. земельные угодья не давались в собственность отдельных дворохозяев. За общинами оставались все предоставленные им ранее в надел и состоящие к 1871 г. в их постоянном пользовании земельные угодья. Если же в дачах числилась излишняя земля

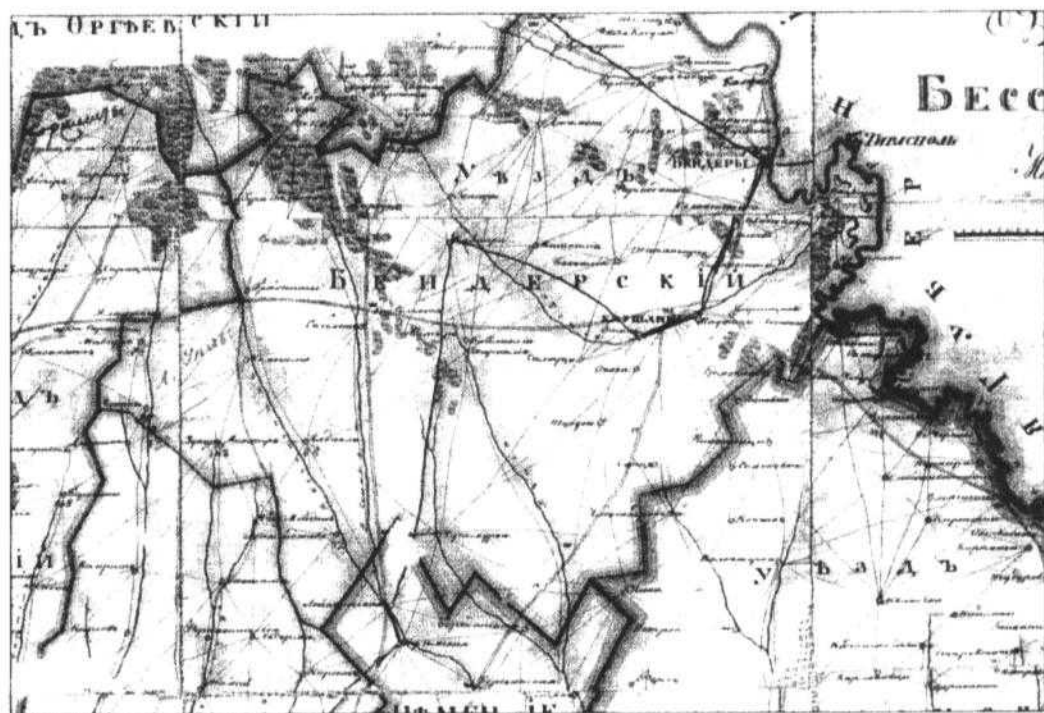

Старосты и судьи. Комратская волость. Конец XIX в.

против установленной посемейной нормы надела, общины обязывались в течение 10 лет (со дня утверждения «Правил» 1871 г.) принять на подселение семьи из мало-земельных колоний и соответственно обеспечить равным количеством земли, как у старожилов колонистов.

Общинам должны быть выданы в течение трех лет документы («владенные записи») на отмежеванные им земли, с указанием размеров выплат на полученные угодья («оброчной подати»). По всем селениям размеры посемейных наделов колебались от 20 до 30 десятин. А это значило, что от прежнего (первоначального) 50-десятинного надела к началу 70-х гг. осталась в среднем половина. В этом было заложено существенное противоречие в самом будущем землепользовании: при неуклонном возрастании удельного веса пахотного клина в используемых массивах земель и в то же время прогрессирующем сокращении размеров надела суживались возможности расширения посевных площадей за счет освоения новых угодий. Надо было менять систему земледелия (преобладала переложная система), но при известной рутинности в землепользовании это тормозилось. Нарастало тупиковое положение.

По «Правилам» 1871 г. дозволялся выдел подворных участков из общинного клина при согласии на это двух третей членов общины, имеющих право голоса на сходе. Однако в случае принятия сходом соответствующего приговора требовалось еще засвидетельствование его мировым посредником и утверждение губернского по поселенским делам присутствия. Владение землей было ограничено также следу-

Карта Бендерского уезда, XIX в.

ющим пояснением: домохозяин в течение трех лет со времени получения владений записи не имел права отчуждать надел посторонним, а лишь своим сообщинникам. На покупателя должна была переходить обязанность уплаты за участок причитающейся «государственной оброчной подати», т. е. выкупного платежа.

Размер последней был невелик и колебался в зависимости от величины и качества условного размера подворного надела. В Бендерском уезде, где преимущественно проживали гагаузы, он составлял 40 коп. за десятину, а в соседнем Аккерманском уезде соответственно 36, 48 и 52 коп. Эту сумму крестьянский двор должен был вносить ежегодно в течение 20 лет. Но можно было выкупить надел сразу (частями или в целом) либо каждым дворохозяином, либо всей общиной – тогда единовременный взнос составлял 8 руб. за десятину. Этим актом государство шло навстречу интересам зажиточного слоя крестьян. Хозяйства со скромным достатком не располагали нужными накоплениями денег, чтобы сразу же стать полноправными владельцами наделов. Перед «состоятельными» дворами открывался путь концентрации наделных участков в своих руках. Реформа 1871 г. оговаривала некоторые привилегии и права за бывшими колонистами: они на 19 лет освобождались от постоянной повинности, предоставлялось право одновременно пребывать в двух «состояниях» – крестьян-собственников и горожан, с сохранением прав и преимуществ по обоим «состояниям» (но с уплатой налогов тут и там), жизненно важная привилегия была сохранена колонистам – освобождение от рекрутской повинности, но с оговоркой: «впредь до издания общего закона о воинской повинности». Это зако-

положение очень насторожило их, вселяя тревогу. Наконец, всем недовольным реформой предоставлялось право в течение 10 лет выйти из российского подданства и выехать за границу со всем имуществом и капиталом. Эта статья «Правил» 1871 г. не была случайной. Правительство предвидело возможное недовольство колонистов реформой. Они теряли свои былые права и льготы, статус колонистов, рушилась их обособленность административно-судебного характера. Что касается последнего, то их специфические учреждения, окружные приказы, попечительство о бессарабских болгарских колониях и своеобразное сельское управление были в ходе реализации реформы упразднены. В низовом звене главными административно-территориальными единицами становились сельское общество и волость (смешанная по составу селений), в уездном и областном ступенях власти их подчинили учреждениям, ведомствам, присутствиям и т. п.

Как известно, колонисты стойко боролись за свои права и оберегали их от опасностей потери – откуда бы эти опасности ни исходили. Собственно, весь период существования этого разряда заполнен тревогами за свою судьбу и борьбой – с начала XIX века до середины 70-х гг. (да и в дальнейшем). Так было в Бессарабской области, в Подунавье и Таврической губернии (куда вынудили их спешно переселиться румынские власти в начале 60-х гг.).

Среформой 1871 г., упразднившей «попечительство», заметно упростились многообразные связи между селениями и отдельными хозяйствами в пределах Бессарабской области.

Подвергалась изменениям существовавшая до того административно-управленческая система. Колонистские округа преобразованы в волости (на общих основаниях). Так возникли Чадырлунгская и Комратская волости. Если же колонии ранее были расположены в разных уездах, там формировались особые волости, которые и впредь могли сохранять между собой связи по хозяйственным делам. Разрешалось образовывать обособленные волости из одного селения, если в них числилось 300 и более ревизских душ (то есть мужчин), и если они были очень отдалены от других колоний. Крестьяне болезненно перенесли искусственно созданную отчужденность от своих собратьев в Подунавье и далекой от них Таврии. В этой беспокойной ситуации они выказали отрицательное отношение введению воинской повинности, так что льгота, зафиксированная в «Правилах» 1871 г., оказалась номинальной. При этом социальные требования переплетались с национальными. Особенно заметно проявилось размежевание между зажиточной прослойкой и беднеющей частью крестьян. В этих событиях проявилось ярко выраженные контрасты в интересах этих слоев. Как свидетельствуют документы, наибольшую остроту

Сельские старосты, нач. XX в.

события обнаружили в гагаузских селах Бендерского уезда. Центром их волнения стал Комрат.

В 1872-1874 гг. в России проведена военная реформа. Изменения коснулись организации и подготовки вооруженных сил. Территория страны была разделена на 10 военных округов. Большая часть уездов Бессарабии вошла в Одесский округ. В губерниях и уездах учреждались управления военных начальников. Устанавливалась регулярная система подготовки резервов и был принят новый закон о воинской повинности: вместо рекрутских наборов вводилась общая воинская повинность для мужчин, достигших двадцатилетнего возраста. Срок службы определялся для сухопутных войск 6 и для флота 7 лет, с исключением для лиц с высшим образованием – они должны были проходить службу на положении добровольцев в течение 0,5–4 лет; от воинской повинности освобождалась часть иностранных поселенцев.

По новому закону набор в армию и флот должен был определяться по 6 человек с 1 тыс. ревизских душ (при рекрутском наборе – 4 человека).

Хотя реформа в целом облегчала условия прохождения службы, но, как и раньше, не обеспечивался принцип всеобщности воинской повинности. Она являлась уделом лишь податных сословий и всей тяжестью ложилась на плечи трудящихся.

В.И. Ленин дал яркую характеристику последствий проведения военной реформы, подчеркивая отсутствие всеобщности несения службы. «В сущности, – писал он, – у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе. Наоборот, казарма насквозь пропитана духом самого возмутительного бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попираание человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье. А для тех, у кого есть влиятельные связи и деньги, – льготы и изъятия»¹.

Население Бессарабии, за малым исключением, не отбывало рекрутской повинности. Поэтому распространение реформы на область требовало от царских властей осмотрительности и осторожности. В самом ходе подготовки реформы царское правительство сочло необходимым включить в «Комиссию для составления нового Положения о личной воинской повинности в Империи и Царстве Польском» гласного бессарабского земства Кристи, который являлся как бы советником по «бессарабским делам».

Недовольство введением воинской повинности выразили крестьяне всех уездов, но наиболее остро оно проявилось на юге. Здесь открытые протесты имели место в болгаро-гагаузских селениях.

Волнения охватили Комрат, Джолтай, Бешалму, Бешгиоз, Баурчи, Дезгинже, Кирсово, Чадыр-Лунгу, Томай, Башкалию, Кубей. Особенно беспокойным оказался 1873 год. Крестьяне не позволяли составлять списки, нападали на сельские правления, явочным порядком смещали старост, жгли документы. Руководил действиями особый штаб из 11 человек, а старшим среди них был житель Комрата Г. И. Койчо (он же Гуцуля).

В сентябре 1872 г. в Бендеры, через которые проезжал Александр II, была послана большая депутация бывших колонистов из селений Бессарабской области и Таври-

ческой губернии, которая просила о нераспространении на эти селения военной реформы. Царь уговаривал их подчиниться, что оказало некоторое влияние на ход событий. Но волнения продолжались и в 1873 году.

Лишь опираясь на богатые слои, которые приняли реформы 1871, 1872–1874 гг., и проведя экзекуцию, губернские власти осенью 1873 г. заглушили волнения (руководителей судили).

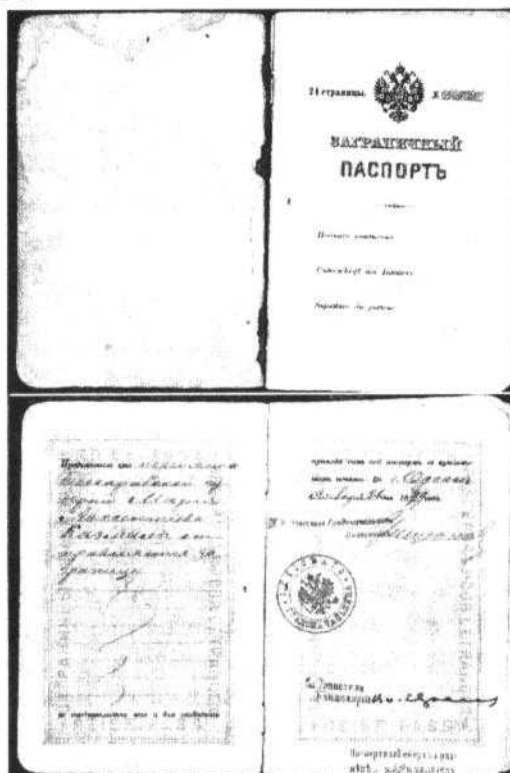
В селениях колонистов на территориях «Бессарабского участка» реформа проводилась по закону «О приведении в порядок государственных бессарабских имений, населенных колонистами и государственными поселениями» от 26 мая 1874 г. Действие закона начиналось с 1 января 1875 г.

Там числилось 39 колоний (8097 семей) с земельным фондом 204360 дес. Подавляющее большинство жителей этих селений составляли «задунайские переселенцы». С ними проживала также часть пришельцев, которые по прошествии двух лет пребывания в селениях и уплаты налогов приобретали права местного крестьянства и наделялись землей.

Согласно названному закону, земля сохранялась за общинами с последующим размежеванием между семьями, максимальный размер посемейного надела формально определялся по 50 дес. – по числу семей в день обнародования закона. Если оказывалось больше этой нормы, излишек отрезался в «собственность государства», при недостатке наличный земельный фонд селения распределялся поровну. В состав надела входили полевые земли, пастбища, сенокосы, усадьбы, сады, лес, плантации разного рода, местные дороги, каменистые места, овраги, озера, болота, камышовые плавни, приозерные участки передавались общинам без выкупа. По 10 дес. получали посторонние, осевшие в селениях.

К главам семей причислялись также вдовы с детьми, не вступившие в брак, круглые сироты и то иногородние, которые женаты были на колонистках.

Из поземельных роллов (владенных записей) видно, что 50-десятинный земельный надел получили крестьяне лишь в Эскиполосе. В большинстве же колоний он составлял 10 и чуть больше десятин. Закон предусматривал и такой вариант наделения угодьями: если в каком-то селении земли было недостаточно, крестьяне могли переселиться в многоземельные казенные вотчины. Но фактически они этим воспользоваться не могли, так как румынские власти при нарезке наделов «по недо-

Заграничный паспорт совершившей
поземничество в Иерусалим, 1899 г.
Марии Казмалы из с. Авдарма

статку людей» в ряде селений, часть угодий забирали в фонд «правительственных земель». А «недостаток» людей, как известно, был вызван бегством крестьян из Подунавья в начале 1860-х годов.

За надел полагался выкуп («вознаграждение государству») по 74 франка за десятину (в пересчете на серебряные рубли – 91 коп.). А срок выкупа первоначально определен в 15 лет, а затем продлен до 25 лет. Каждая община обязывалась в трехлетний срок размежевать землю на отдельные посемейные участки. Если хозяин надела выплачивал выкуп полностью, то освобождался от обязательств государству, мог выделить его из общего клина и распоряжаться как собственностью. Но в законе содержалась оговорка: общины не имели права размежевать отведенную им надельную землю на подворные участки ранее полного выкупа земли, а до того обязывались пользоваться ею сообща. Вот такая противоречивость была заложена в саму реформу.

Общины могли забирать в свое распоряжение наделы маломощных крестьянских семей как неисправных во взносе выкупных платежей.

После 1878 г. выкупные платежи по истечении срока (1-го января 1905 г.) крестьяне вносили в царскую казну. В эти платежи включена и капитализированная дорожная повинность. И еще одна особенность реформы в Подунавье: вместе с наделом все разряды крестьян получили 10-летнюю льготу от воинской повинности.

С возвращением Подунавья в состав Бессарабии в губернские учреждения поступило много ходатайств от бывших колонистов о возвращении земель, отрезанных румынским правительством в казенное ведомство под видом излишних, переселенцы из отторгнутого участка в Таврическую губернию или Добруджу просили разрешения вернуться в Бессарабию и поселения на прежних местах с наделением угодьями. Все получили отказ, так как реформа вошла в силу в 1879 г., а в запасе казны имелось лишь около 53 тыс. дес., в большинстве своем непашенной земли.

Что касается сельского административного устройства, то царские власти оставили его почти неизменным (введен в Румынии в 1864 г.), сохранились сельские коммуны, примарии, коммунальные советы. Земских учреждений также не ввели и вся возвращенная придунайская полоса была наименована Измаильским уездом с внутренним делением его на три округа – Измаильский, Кагульский, Болградский, с уездными земскими советами и непременными комитетами, члены которых избирались коммунами на 4-летний срок. Округа делились на околии (станы).

Жители с. Чадыр-Лунга, совершившие паломничество в Иерусалим, нач. XX в.

Статья 8-я рассматриваемого закона разрешала крестьянам в течение откупного срока совершать земельные сделки (отчуждение, залог, дарение и пр.), но только внутри данной общины. Этим воспользовалась зажиточная верхушка села, и к началу XX века в Болградском и Кагульском округах она скупила у односельчан около 22 тыс. дес. надельных участков.

Вопросами наделения земель ведали специальные временные комиссии (из представителей уездных властей и Управления казенными землями и сельских старшин). Никаких особых постоянных учреждений по крестьянским делам в Подунавье не существовало. Осуществление реформы 1874 г. растянулось на многие годы. Отчасти оно было осложнено войной 1877-1878 гг. До начала 80-х годов большинство селений не получило актов о наделе. С колонистов и государственных крестьян румынские власти взыскивали специальный сбор на землеустройство, но самого мероприятия не провели, так что у них на многие десятилетия сохранялся общинный порядок землепользования, т. е. пережитки феодализма не были предотвращены и оставались длительное время известным тормозом в развитии товарно-денежных процессов.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 393; Свод законов Российской империи, Особое приложение к IX тому, издание 1876 г., раздел XV;
2. Законы, изданные Румынским правительством в 1874, 1875, 1878 гг. о наделе жителей Болградского земского района. Одесса, 1898, с. 1 - 2.
3. Записка по вопросу об устройстве воссоединенного края Бессарабии. Кишинев, 1831, с. 2-60;
4. ЦГИА СССР, Ф. 1181, оп. 1, д. 716, 1870 г.; ф. 1405, оп. 71, д. 1416, л. 1 - 163; ф. 381, оп. 15, д. 6933, л. 1 - 3; ф. 396, оп. 1, д. 828, л. 60-88;
5. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 8255, 8270.

* Материал о реформах написан на основе следующих источников:

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА, РЕМЁСЕЛ, ПРОМЫСЛОВ И РЫНКА В ПОСЕЛЕНИЯХ ГАГАУЗОВ И БОЛГАР ПОСЛЕ РЕФОРМ 70-х ГОДОВ XIX в.

ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Юг Бессарабии после проведения буржуазных реформ 60–70-х годов XIX в. вступил на путь интенсивного капиталистического развития. В регионе поселений задунайских переселенцев и немецких колоний на юге Бессарабии и Новороссии уже в первой половине XIX в. четко обозначилась тенденция фермерского развития хозяйств колонистов, мелкотоварное производство в которых составляло уже часть капиталистического хозяйства. Мелкие товаропроизводители, каковыми были в своем подавляющем большинстве поселяне-болгары и гагаузы, а среди них и мелкие буржуа, тем и отличавшиеся от крупных, что и сами трудились.

В капиталистической перестройке народного хозяйства России неизбежно поднималась важнейшая социально-экономическая проблема, связанная с существовавшим характером землевладения и землепользования.

Без коренных преобразований в этом направлении создать устойчивую экономику, емкий внутренний рынок было невозможно.

А) ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В 70-Х гг. XIX – НАЧАЛЕ XX вв. РЫНОК ЗЕМЛИ

Жители с. Кобей, конец XIX в.

В 1871 г. жители бывших болгарских колоний были переведены в разряд поселян-собственников, но, входя в систему капитализма, они оказались в переходном состоянии, которое по времени растянулось на три с половиной десятилетия, вплоть до «столыпинской» реформы, так как, чтобы вступить в права собственника-единичника надельной земли, они должны были в течение этого срока целиком и полностью выкупить ее у государства.

На долю каждой семьи (двора) в селениях задунайских переселенцев при новом поземельном устройстве (1871 г.) приходилось в среднем по 27,1 дес. (см. табл.20).

Однако в группе бывших колонистов (гагаузов и болгар), так же как и в других категориях крестьян, обнаруживается неуклонный рост числа дворов (за 30 летие с 1875 по 1905 г. в 1,7 раза) и непрерывное уменьшение размеров надела (будущей личной, единоличной собственности) с 19,95 дес. до 12,3 дес. или в 1,62 раза. Об этом свидетельствуют данные таблицы 20.

Номинально став поселянами-собственниками наделной земли, болгары и гагаузы были обязаны в течение 20 лет выплачивать государственную оброчную подать, согласно владенным записям за душевые наделы земли, ежегодная сумма которой (за 296657 дес.) составляла 118 тыс. руб. Казалось, что по истечении этого выкупного срока, т.е. к 1892 г. они должны были окончательно выкупить закрепленную за ними землю в собственность и стать единоличными ее владельцами, т.е. перейти из переходного состояния номинального собственника – в реального. Однако исторические обстоятельства в 70–начале 80-х годов складывались не так, как предусматривалось в законе.

Таблица 20

**ЗЕМЛЕОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ОДНОГО ПОСЕЛЯНСКОГО ДВОРА
У РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП КРЕСТЬЯН БЕССАРАБИИ**

	1875г.			1905г.		
	число дворов	общее количество земли, в дес.	в среднем на один двор	число дворов	общее количество земли, в дес.	в среднем на один двор
	1	2	3	4	5	6
У бывших болгарских колонистов (гагаузов и болгар)*	14280	284943	19,95	23741	291178	12,3
У бывших государственных крестьян	13403	259290	19,3	65901	635653	9,6
У бывших владельцев (царан)	80555	586975	7,3	177604	707422	4,0
У резешей	32394	217773	6,7	13634	71827	5,3
Итого:	140632	1348981	9,59	280880	1706080	6,07

Источник: Статистика землевладения. 1905. Вып. 10. Бессарабск. Губ. СПб; 1906, с.43. Подсчит. автором. Бессарабская губерния в 1870 и 1875 гг. Перечень населенных мест. Кишинев. 1876, с.95,97,102,108,110. Подсчит. автором.

Среднестатистические сведения о существовавших условиях землевладения (уже выкупленной наделной земли) и порядках землепользования в селениях гагаузов и болгар накануне введения в действие положений указа 9 ноября 1906 г. приведены в таблице 21 (представлены волостными правлениями Бессарабскому губернатору в октябре 1908 г.).

* НАРМ, ф 151, оп. 1, д. 25, л. 102,107,108,109. Подсчитано автором.

В пореформенный период общее число поселений гагаузов и болгар в Аккерманском и Бендерском уездах оставалось почти без изменений (в конце XIX в.) – 46. Правда, в последнем десятилетии стали возникать первые дочерние селения-хутора, создававшиеся земельными товариществами, приобретающими землю в собственность у помещиков возвращенного России и воссоединенного с Бессарабской губернией ее южного участка (1878 г., Измаильский уезд), при содействии Крестьянского поземельного банка: в 1893 г. – первым Московским и в 1897 г. – вторым Московским товариществами; в Бендерском уезде в 1893 г. земельным товариществом сел. Валя-Пержий Чадыр-Лунгской волости основанно на купленной с помощью этого банка земле дочернее селение Нова Валя-Пержий (Калдари) в Гура-Галбенской волости¹. Численность земельных дворов с 1871 по 1905 гг. более чем удвоилась. Площади же поселянских земель и в начале XX в. остались, в основном, в том же размере, как и при учреждении колоний в первой трети XIX в. За эти годы численность населения выросла с 67.368 чел. в 1871 г. до 144.300 чел. в 1897 г. или тоже более чем в два раза.

Таким образом, естественно-исторический ход развития поселений гагаузов и болгар на этом этапе привел к тому, что обозначившееся еще в середине XIX в. уменьшение размеров земельных наделов переросло к началу XX в. в массовое малоземелье и даже значительное безземелье. Представленная таблица 21 наглядно иллюстрирует конечный результат этого процесса. Произошло своеобразное расслоение поселений гагаузов и болгар на бедных, среднезажиточных и относительно богатых по землеобеспечению. В первой группе оказались селения Кирютня (Кортен), Чийшия (Градина), Татар-Копчак, Чадыр-Лунга, Тараклия, Димитровка и еще шесть населенных пунктов, где на один земельный двор приходилось в среднем от 7 до 10 десятин.

Жители с. Курчи, конец XIX в.

Ведение сельскохозяйственного производства в этих селениях становилось для хозяев экономически почти невыгодным. Как же практически выходили из этого положения селяне, рассмотрим ниже.

Ко второй группе мы относим селения, в которых средняя обеспеченность пахотными землями составляла от 11 до 20 дес. на один селянский двор. Таких поселений насчитывалось 32, хотя и среди них наблюдалась большая неравномерность: лишь в 11-ти землеобеспеченность поселянского двора составляла от 15 до 20 дес. К срав-

нительно достаточно обеспеченным землей поселениям третьей группы относилось лишь сел. Башкалия (35,62 дес.)². Это усредненные цифры, и, как правило, они не

¹ По данным Первой Всероссийской переписи населения в Аккерманском и Бендерском уездах численность болгар составляла 103.225 чел., в т.ч. занятых земледелием 90.083 чел. в т.ч. занятых земледелием 90.083 чел. (дворохозяев и членов их семей); численность гагаузов составляла соответственно 55.790 и 54.217 чел. Взятая вместе общая численность населения гагаузов и болгар, занятых земледелием, составляла к концу XIX в. 144.300 душ обоего пола. Эту цифру мы и использовали в тексте за неимением данных за 1905 г.

отражают реальной картины обеспечения землей поселянских дворов. Приведем лишь один пример. В бывшей колонии Кирютня (Кортен), согласно именному раздельному списку³ (последнего передела наделной земли, состоявшегося в январе 1907 г.), площадь удобной земли составляла 4937 дес. 1705 кв. саж., в т.ч. пашня 2729 дес. или 55,3%, под виноградники – 485 дес. или 9,82%, толока (выгон-пастбище) – 1410 дес. или 28,56%, под плантациями (лесонасаждениями) – 163 дес. или 3,3%, и под усадьбами 149 дес. Пахотная земля была размещена в 10-ти разных по качеству почвы урочищах и разделена между 622 членами общины данного селения, т.е. на 6220 земельных чересполосных участков размером каждый от 50 кв. саж. до 2 дес. 30 кв. саж. Виноградники же также размещались в 9-ти урочищах. Следует заметить, что из общего числа домохозяев лишь 13 не имели виноградников, 423 имели от 30 кв. саж. до одной десятины, 179 – до двух дес., в т.ч. девять из них – более двух дес., а у одного из хозяев – Пейкова Афанасия Николаевича – виноградники занимали 4,82 дес. Из 622 домохозяев имели выкупленные полностью к 1904 г. земельные угодья в личную собственность, но в рамках еще общины пахотная земля, виноградники, плантации, усадебные участки и толока: по 1 дес. – 5 чел. 259 – от 1 до 7 дес., 196 – от 7 до 10 дес., 147 от 10 до 15 дес. и лишь 13 свыше 15 дес.⁴ Вот такая пестрота наблюдалась во всех малообеспеченных земельными угодьями поселениях гагаузов и болгар. В среднеобеспеченных землях селениях процент малоземельных и безземельных селян также был значительным.

Если в 1871 г. на долю каждого жителя болгарских и гагаузских сел занятого земледелием приходилось удобной земли 4,4 дес., в 1897 г. еще меньше – 2 дес.⁵, что для засушливого степного Буджака было явно недостаточным, чтобы можно было прокормить себя, возделывая ее, содержать рабочий и продуктивный скот и платить своевременно непомерно возросшие в этом периоде государственные, губернские, уездные и местные земские налоги.

Малоземелье же в гагаузско-болгарской деревне, как, впрочем, и в любой другой в Бессарабии, нарастало в силу того, что население увеличивалось, а наделы практически оставались в том же размере. Поэтому уже к началу 80-х годов заметная доля крестьянского земледелия переносилась с наделной земли на арендованную, о чем будет сказано ниже.

В целом же социально-экономические проблемы поселян в пореформенном периоде имели сложный характер, а положительный заряд крестьянской (земельной) реформы к началу 80-х годов быстро был исчерпан. Нужны были новые меры, которые сделали бы крестьянина полноправным членом общества и помогли ему приспособиться к рыночным отношениям, для чего следовало упразднить общину, как пережиток феодальной эпохи, и предоставить селянам полный простор для маневра своими хозяйственными возможностями. Требовались и льготные кредиты для модернизации своего хозяйства.

Сначала правительство пыталось кое-что сделать в этом направлении. В 1883 г. начал действовать Крестьянский поземельный банк, выдававший ссуды на покупку земли, однако на текущие хозяйственные нужды не давал кредита, и поэтому крестьяне были вынуждены брать займы у ростовщиков (под 18, 24 и даже 36% годовых)⁶, становясь их неотплатными должниками. В этих условиях прививавшиеся

с начала пореформенного периода понятия о частной собственности на землю с трудом утверждались.

В том же 1883 г. бывшие помещичьи крестьяне были переведены на обязательный выкуп надельных земель. Указом от 15 июля 1886 г. оброчная подать бывших государственных крестьян была преобразована в обязательные выкупные платежи⁷. Положения этого указа были распространены с 1 января 1887 г. и на бывших колонистов Аккерманского и Бендерского уездов Бессарабии (болгар, гагаузов, немцев и швейцарцев). Оброчная подать, которую они ежегодно выплачивали по владенным записям, оказались, по нашему мнению, обычным оброком за пользование казенной землей с той лишь разницей, что с 20-х и 30-х годов до 1872 г. они выплачивали за каждую десятину удобной земли по 22 коп. сер., а с 1872 г. по 1886 г. включительно по 39,7 коп. сер. или на 80,5% выше⁸ (из-за изменившегося курса рубля). С начала пореформенного периода до начала кампании обязательного выкупа надельной земли или за 15 лет поселяне-собственники (болгары и гагаузы) выплатили через свои общины в казначейство (на основе круговой поруки) оброчной подати на сумму 1770146 руб. 70 коп. сер.⁹

Вместо укрепления крестьянских хозяйств, начавших переустраиваться в условиях капиталистического развития после крестьянской реформы, преемник «царь-освободителя» крестьян от крепостной зависимости, Александр III, пошел с начала 80-х годов в противоположном направлении – по пути укрепления помещичьего хозяйства и поддержания патриархального строя на селе¹⁰. В 1885 г. был создан Дворянский банк, в котором помещики получали самый льготный кредит под залог своих имений. Правительство фактически субсидировало

Семья поселенца Кусурсуза, с. Чадыр-Лунга, нач. XX в.

свою главную опору в стране – помещиков. Считая, что мировые судьбы не обеспечивают требуемый самодержавию порядок, правительство в 1889 г. ввело «Положение о земских участковых начальниках». Земские начальники (к земствам отношения не имели) сосредоточили в своих руках административную и судебную власть на местах и действовали вплоть до 1917 г. Они назначались из местных помещиков и были полновластными распорядителями в своем участке. В полной зависимости от них оказались сельские и волостные сходы. Земский начальник мог отменить любой их приговор (постановление), арестовать сельского старосту, волостного старшину, оштрафовать всех участников схода.

В те годы были затруднены семейные разделы, выход из общины отдельных крестьян и земельные переделы. Цель этих законоположений – загнать крестьян в большую патриархальную семью и общину, усилить начальственный надзор за ними¹¹.

В таких вот условиях «контрреформ» протекала общественная жизнь и хозяйственная деятельность в гагаузских и болгарских поселениях Аккерманского и Бендерского уездов, как, впрочем, и во всей Бессарабии и стране в целом в 80–90-х годах XIX в. Поселяне-собственники, т.е. бывшие колонисты и госкрестьяне, в селе-

ниях которых сохранились общественные порядки, в основной своей массе были формальными собственниками основного средства производства – земли, находившейся в коллективном владении. Лишенные свободы хозяйственной деятельности на собственной земле, они не могли испытать свою ответственность перед риском свободного рынка. Конечно, заключенную в общину крестьянскую массу легче было держать в подчинении, легче было собирать с них казенные и земские налоги, взыскивать недоимки и выкупные платежи. С помощью общины в период с 1887 по 1905 гг., т.е. за 19 лет, с поселян-собственников гагаузов и болгар было взыскано выкупных платежей за наделные земли, предоставленные им в собственность в 1871 г., на общую сумму 2.819.664 руб. 20 коп. сер. А всего было внесено в государственную казну ими с 1872 по 1906 гг., за землю, полученную в полную единоличную собственность, 4.589.812 руб. 90 коп. сер.¹²

Такова была дань, которую отдали крестьяне, чтобы приобрести полную самостоятельность и вести индивидуальное крестьянское хозяйство. И это только по 46-ти поселениям гагаузов и болгар Аккерманского и Бендерского уездов.

Каким же был путь к этой самостоятельности их сородичей по ту сторону граничной черты, т.е. в румынской Бессарабии?

Южная Бессарабия с 1856 по 1878 гг. находилась в особых политических и социально-экономических условиях, нежели остальная Бессарабия. История южной Бессарабии за эти годы относится к числу наименее изученных вопросов истории Республики Молдова, тем более небольшой ее территории, на которой размещались 40 бывших колоний (гагаузов, болгар, молдаван). Вопросы социально-экономического развития этих поселений в указанные годы совершенно не разработаны. Из-за отсутствия документального архивного материала (а он находится, в основном в Румынии) автор не рассматривает в этом разделе развитие сельского хозяйства, ремесел, промыслов и торговли в этих селениях в 1856–1878 гг. В перспективе, при благоприятных условиях для сбора архивного и литературного материала в зарубежных странах, автор попытается вернуться к этим вопросам и разработать их.

Девятое октября 1878 г. стало памятной датой в истории Бессарабии. В этот день она вновь вступила в свои естественные границы, образуемые течением Дуная и Прута, и, если не сполна получила все (дельта Дуная осталась вне пределов России и Бессарабии), что было отторгнуто злополучным Парижским трактатом, то во всяком случае увеличилась в площади территории более, чем на четверть того пространства, какое имела с 1857 г., а именно на 831.616 дес.¹³ Начальник Бессарабской губернии по возвращении Южной Бессарабии и ее воссоединению с основной территорией губернии внес предложение в высшие инстанции России о производстве нового административно-территориального устройства на юге края: некоторые части воссоединенного края отделить к уездам Кишиневскому, Бендерскому и Аккерманскому, а из остальных, присоединив к ним 30 болгарских поселений от уездов Бендерского и Аккерманского, образовать один только новый уезд с центром в Измаиле и с наименованием Измаильского¹⁴.

При таком делении, предполагал губернатор, достигалась еще и та выгода, что все государственные и общественные учреждения в новом крае становились по возможности сподручными населению, а для местной власти район управления и надзора суживался до степени, вполне обеспечивающей успех.

Однако предложения губернатора не получили поддержки в верхах: вся воссоединенная часть Бессарабии была оставлена (временно) в прежних своих границах с сохранением действия румынских законов на этой территории в составе одного Измаильского уезда.

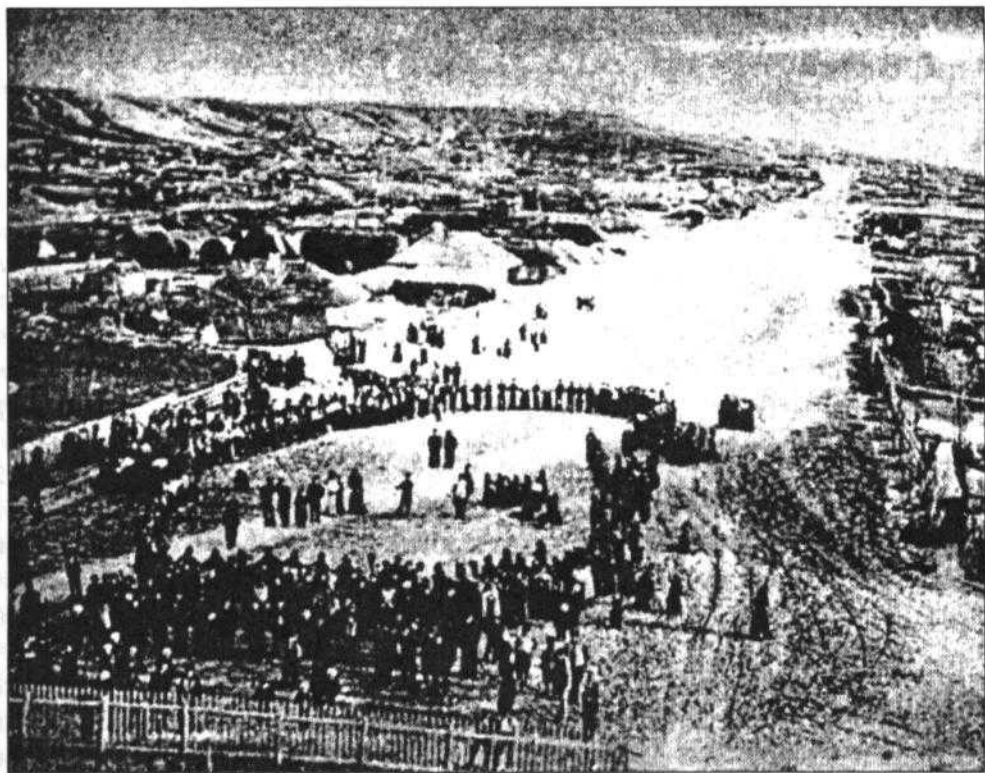
На день передачи этих колоний Молдавскому правительству (1 марта 1857 г.) им принадлежало на правах общинного пользования надельной казенной землей 240.821 дес.¹⁵ Вернулись же 9 октября 1878 г. с земельной площадью 200.951 дес. или на 39.870 дес. меньше¹⁶. Эти земли, при проведении земельной реформы по румынскому закону от 12 июля 1874 г. были признаны излишними и переданы в фонд государства. Кроме того, из общинных земель гагаузов, болгар и молдаван (бывшего Бессарабско-болгарского водворения) получили земельные наделы также 250 контрибуциантов, т.е. иногородних, проживавших в общинах и отбывавших повинности со всеми членами коммун (по 10 дес. земли).

Выкуп надельных земель, как было сказано выше (см. раздел третий), был рассрочен на 25 лет, начиная с 1 января 1875 г.; каждый получивший надел хозяин мог выкупить свой участок и раньше установленного общего срока и затем вымежевать его из общего массива, но отчуждать (продавать, завещать и т.д.) участки в течение 15 лет со времени получения надела не мог (только своей общине или своим односельцам). Размежевание всех участков вообще было возложено на общины (коммуны), для чего был назначен им трехлетний срок, но размежевание не было произведено и к началу 80-х годов, хотя все 40 общин (колоний бывших) своевременно обратились по этому вопросу к правительству с просьбой направить межевиков и внесли на предстоящие издержки по 80 сантимов с каждой десятины (в переводе на русские кредитные рубли – 30.142 руб. 65 коп.)¹⁷. Правительство назначило межевиков (землемеров – С.Н.) военного ведомства, но возникшая вскоре война с Турцией помешала командировке военных инженеров, и эта работа так и осталась невыполненной, что обернулось для поселян – бывших колонистов и государственных крестьян крайне отрицательными последствиями в их землепользовании и земледелии вплоть до конца выкупного срока (до 1900 г.).

В отличие от России, в Румынии никаких особых учреждений по крестьянским делам не существовало; ее правительство не видело надобности в них, так как надел и выкупная операция совершались одновременно, а наделенные землей поселяне и до надела и после него, пользовались одинаковыми со всеми гражданами государства правами и в каких-либо сословных учреждениях не нуждались.

После возвращения в Бессарабию ее южной части возникло несколько проблем, связанных с земельными отношениями ее бывших жителей и в первую очередь колонистов и государственных крестьян: с первых дней воссоединения стали поступать многочисленные просьбы о наделе землей. Болгарские колонии просили о возврате им излишних, сверх надела, земель, отрезанных румынским правительством в казенное ведомство; переселившиеся после Парижского трактата из воссоединенного участка

¹⁵ 15 лет было определено по основному закону 1874 г., когда срок выкупа полагался 15 летний; с рассрочкой же его на 25 лет следовало бы считать этот срок и для запрета отчуждать участки, но это в княжеском декрете 19 мая 1878 г. не было оговорено.

«Хору» в селе Бешалма, конец XIX в.

в Таврическую губернию, на казенные земли, болгары и гагаузы, а также казенные крестьяне, тоже начали ходатайствовать о возвращении им земель на старых местах. Выселившиеся, в прежнее время, в Добруджу поселяне, со своей стороны, просили о дозволении им вернуться и поселиться на казенных землях; наконец, наибольшее число просьб (2050) поступило от поселян, не получивших наделов по каким-либо случайностям: за отлучкою во время составления списков поселян, имевших право на надел; выделившиеся в отдельные семьи женитьбой; лица, поселившиеся в коммунах после надела; не внесенные в списки по ошибке и др.

Две трети этих просителей – жители бывших колоний и казенных крестьян.

Что касается просителей первых трех категорий, т.е. требовавших возврата излишних казенных земель и просивших переселения из Таврической губернии и Добруджи на старые места, то министерство государственных имуществ ответило им, что, так как проживающие в воссоединенном участке болгары-колонисты (болгары, молдаване и гагаузы) и госкрестьяне получили уже окончательное земельное устройство по румынскому закону, вошедшему в силу с 1 января 1875 г., оно не находит оснований к изменению этого устройства, а следовательно и к отводу им дополнительных наделов из поступивших в ведение министерства казенных земель и к привлечению на казенные земли поселенцев из Добруджи, поступивших в ведение румынского правительства. Что касается последней категории, то они также получили отказ¹⁸, а казенные земельные участки площадью 50027 дес. удобной и 2850 дес. неудобной

земли, в т.ч. и тузловские в количестве до 20 тыс. дес., поступили в ведение МГИ¹⁹ и распределению не подлежали.

А между тем, наделенные по румынскому закону от 12 июля 1874 г. 8480 колонистов (дворохозяев)²⁰ обязывались высочайшим повелением от 12 мая 1879 г. приступить к выплате выкупных платежей с 1 января 1879 года уже в российскую казну, независимо от количества внесенных до 1879 г. платежей²¹. За 1875, 1876 и 1877 годы ими было внесено в румынскую казну 3.798.624 франка и 60 сантимов, или, в переводе на русские кредитные рубли, – 949.656 руб. 15 коп. (1 франк = 25 коп.)²². Годовой оклад выкупных платежей был оставлен в прежнем размере и не изменялся до конца выкупного периода, т.е. до 1 января 1900 г.²³ За период с 1879 по 1899 гг. включительно бывшие колонисты болгары, молдаване и гагаузы внесли в российскую казну определенные еще румынским законом выкупные платежи за наделные земли в размере 6.647.592 руб.²⁴ Таким образом, за полученную в полную собственность наделную землю бывшие колонисты (гагаузы, болгары и молдаване) выплатили в течение 25 лет (с 1875 по 1899 гг.) 7.597.248 руб.²⁵

Если же суммировать все затраты по выкупу наделной земли и обретению юридического права собственности над ней в целом всех колонистов (болгар, гагаузов и молдаван) бывшего Бессарабско-болгарского водворения, то получается сумма, равная 12.182.061 руб. сер.²⁶, 92,21% из которой поступила в российскую казну.

Сравнивая землеобеспеченность дворохозяев воссоединенного участка и в поселениях Аккерманского и Бендерского уездов (бывших колонистов), мы установили, что жители болгарских, молдавских и гагаузских поселений южной Бессарабии (бывшие колонисты) были лучше обеспечены земельными угодьями. В среднем на один двор приходилось у них к началу 80-х годов по 25 дес. на душу населения по 4.6 дес., (в т.ч. в пяти селениях до 3-х дес.) Волканешты, Табак, Валены, Болград)²⁷, хотя Болград в земледельческом отношении уже к началу 80-х годов не представлял большого интереса, так как из 2396, семей по данным первой всероссийской переписи населения 1897 г., лишь 514 семей²⁸ были земледельцами, остальное население давно уже перешло в категорию мещан, занимаясь предпринимательством – торговлей, ремеслами, промыслами, а также находило себе пропитание, работая в сфере обслуживания. Основные земельные угодья, состоявшие в заведывании городского управления, давно уже сдавались в аренду мелкими участками жителям соседних селений (Кальчевой, Табака, Вайсала и Поповки)²⁹, а также использовались под виноградники, сады, огороды и баштаны.

При передаче его молдавским властям 1 марта 1857 г. было 43373 д. об. п.³⁰ и при возвращении его 9 октября 1873 г. – 46608 чел.³¹ Видимо, переселение из этих колоний Румынии по политическим мотивам в конце 1860 и в 1861 гг. в Россию (в Таврическую губернию) 17460 д. об. п. (2054 семей) нанесло огромный ущерб человеческому фактору в этом регионе, который едва был восполнен за 22 года. За эти годы болгарские и гагаузские поселения Бессарабской области удвоили свое население, как, впрочем, и в других сельских местностях губернии. Этим и объясняется более высокое землеобеспечение в бывших колониях нового, Измаильского уезда. А удвоить свое население бывшие колонии воссоединенного участка смогли лишь к 1903 г., т.е. спустя 25 лет, достигнув его общей численности до 85415 д. об. п.³² В этих поселе-

ниях еще до воссоединения с Бессарабией стала укореняться практика отчуждения полученных от румынского правительства земельных наделов (за неуплату выкупных и других платежей; скрытая продажа части наделной земли; сдача в аренду отдельных участков и т.д.); сначала это происходило в рамках коммуны (общины), а затем, в 80-х и, особенно, в 90-х годах, сдача в аренду и продажа наделных земель (еще не выкупленных) стала приобретать угрожающие размеры, вела к малоземелью и безземелью в болгарских, молдавских и гагаузских селениях.

Гагаузы с. Бешалма

Эта же тенденция получила развитие и среди поселян-гагаузов и болгар Аккерманского и Бендерского уездов в 90-х годах XIX в. В 1901 г., например, сдавалась в аренду общественная наделная земля (между местными поселянами по приговорам сельских обществ), земли частных владельцев, сроком от 1 до 12 лет с оплатой от 6 до 8 рублей в год за одну десятину: в Аккерманском уезде сдавалось в аренду 9433,5 дес (в т.ч. Фынтына – Дзинилорский участок, принадлежавший обществу селения Комрат площадью 2367 дес. селянам Кальчевой и др.), в Бендерском – 4209,5 дес., а в самом многоземельном (при редком населении) Измаильском уезде – 46089 дес. А всего по трем уездам у болгарских и гагаузских крестьян находилось в аренде в 1901 г. 59732 дес.³³ В начале XX в. эта форма расширения землепользования поселян особенно усилилась в Измаильском уезде.

К 1908 г. поселянами бывших колоний гагаузов, болгар и молдаван Измаильского уезда было продано наделной земли лицам, не принадлежавшим к местным обществам, площадью 17.073 дес. и, как правило, без разрешения Непременного земского комитета. Например, по Болграду – 3207 дес., селениям Бабель – 2031, Конгазу – 2003, Чишкеию – 920, Ташбунару – 594, Хаджи-Абдулу – 583, Еникию – 650 дес. и др., а всего по 34 бывшим колониям было продано 13.478 дес.

Продажные цены на земли владельческие в Измаильском уезде были от 80 до 100 руб. за десятину, в редком случае дороже, смотря по удобству. Если принять во внимание, что покупатели наделной земли принимали на себя уплату выкупных платежей, то проданная поселянами земля была дешевле владельческой, приблизительно на 10%. Кроме того, к началу XX в. в Болградском земском районе (куда входили все 40 бывших колоний) было отдано в аренду частным лицам 30.696 дес.³⁴ наделной земли.

Таким образом, в воссоединенном участке, в поселениях бывших колонистов в 80-х и, особенно, в 90-х годах, сложился и получил широкое развитие рынок земли. Попытки местных властей (губернских, Измаильского уезда, Болградского земского района) воспрепятствовать дальнейшей распродаже поселянских наделных земель, дабы не допустить прогрессирующего обеднения селян, особенно после принятия закона 14 декабря 1893 г., запрещающего выход из общины без согласия двух третей домохозяев и ограничившего залог и продажу выделенных в собственность наделов

земли, не увенчались успехом, так как нотариусы, оформлявшие сделки купли-продажи или отдачи в аренду надельной земли поселян, руководствовались действовавшим румынским законом от 19 мая 1878 г., не продлившим запрет на отчуждение, не препятствовавшим отчуждению надельной земли. Высокие инстанции, куда обращались местные власти с многочисленными просьбами распространить действие вышеуказанного закона и на Измаильский уезд, отвечали отказом что-либо менять.

С другой стороны, превращение земли в товар, в предмет купли и продажи, свидетельствовал о том, что в этом уезде, в том числе в Болградском земском районе, населенном, в основном, болгарами, гагаузами и отчасти молдаванами, капиталистические отношения в сельском хозяйстве имели самые благоприятные условия для своего развития. В соседнем с Болградским, в Кагульском земском районе, также сформировался рынок земли. В селениях этого района в посторонние руки в конце XIX–начале XX вв. перешло 6000 дес. земли³⁵.

Девушки-гагаузки с. Бешалма, конец XIX в.

Начавшее формироваться еще в первой половине XIX в. частное землевладение разбогатевшими колонистами-купцами и торговцами, бравшими земельные угодья сначала в посессию (аренду), а затем и покупавшими эти вотчины у их владельцев – бессарабских дворян, получило дальнейшее развитие как в воссоединенном участке, так и в Аккерманском и Бендерском уездах. О том, какие размеры оно приняло в Кагульском земском районе, показано в табл. 24.

Таким образом, в пореформенном периоде (70-е годы XIX–начало XX вв. в землепользовании и землевладении) в селениях гагаузов, болгар и молдаван (бывших колонистов) Аккерманского, Бендерского и Измаильского уездов), развивавшихся параллельно, протекали два процесса: в землепользовании – сокращение размеров угодий на один земельный двор и на одну душу обоего пола, занятую в земледелии; второй – вел к расширению землевладения и увеличению общего количества частных владельцев из среды бывших колонистов.

Нараставшее малоземелье и безземелье в их среде компенсировалось отчасти арендой земли в многоземельных дворах своего селения или у землевладельцев ближайших имений, преимущественно Измаильского уезда. Примеров можно привести множество, но остановимся на одном, наиболее примечательном: к началу XX в. площади арендуемой селянами Кириутни (Кортена), одного из наиболее малоземельного селения среди бывших колоний, земли составляли 3000 дес., причем на длительные сроки. Собственные пахотные земли сельского общества (662 дворохозяина) составляли 2729 дес. Ежегодные расходы на аренду земли – около 60 тыс. руб. считая по 20 руб. за десятину³⁶.

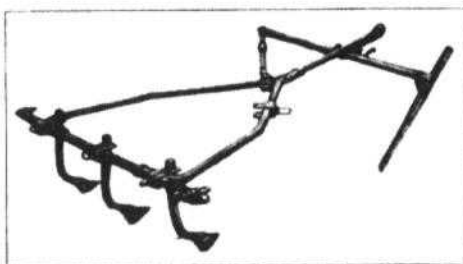
Бывшие болгарские колонисты (гагаузы, болгары и молдаване) в начале 70-х годов платили в среднем за одну десятину арендуемой земли (за один год) от 1,5 до 2,5 руб. сер., а в начале XX в. – до 20 руб. Средняя цена покупаемой земли за эти

десятилетия соответственно также баснословно возросла: с 30 – 40 руб. сер. до 130–140 руб. за десятину³⁷ в Бессарабии. Безземельные или малоземельные, не имевшие средств для покупки земли или ее аренды, нанимаясь на работу в экономиях помещиков и других частных землевладельцев, а также лишённые возможности найти приложение своему труду и заработать средства на пропитание себя и своей семьи из-за отсутствия в их регионе фабрично-заводской и кустарной промышленности, вынуждались силой сложившихся обстоятельств искать счастья далеко за пределами родного очага – переселяться на казенные земли на востоке империи, т.е. включаться в переселенческое движение уже с последнего десятилетия XIX в.

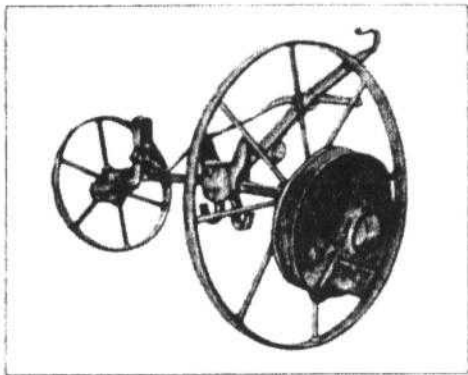
Изложенный выше фактологический материал дает нам основание сделать вывод о том, что эволюционные процессы в землепользовании и землевладении в поселениях бывших колонистов (болгар, гагаузов, молдаван, немцев и швейцарцев), а также бывших государственных крестьян и казаков привели к концу XIX–началу XX века к полному утверждению частной собственности на землю – основы капиталистического (фермерского) сельского хозяйства на юге, в степной Бессарабии. Завершение выкупного периода и погашение всех платежей за предоставленную в собственность наделную землю к 1906 г. подготовило условия для принятия Указа от 9 ноября 1906 г. «О дополнении постановлений действующего закона, касающихся землевладения и землепользования», утвержденного третьей Государственной думой и Государственным советом и ставшим с 14 июня 1910 г. законом, упразднившим общинное устройство в поселениях этих категорий крестьян и юридически утвердившим их права собственности на землю. Революционная буря, прокатившаяся в 1905–1906 гг. по всей Российской империи, в т.ч. и по Бессарабии, ускорила новые аграрные преобразования, положившие начало новому, третьему по счету, периоду в социально-экономическом развитии поселений гагаузов и болгар на юге Бессарабии.

Б) ЭВОЛЮЦИОННЫЕ СДВИГИ В СИСТЕМЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ, СТРУКТУРЕ ПЛОЩАДЕЙ И АГРОТЕХНИКЕ ПОЛЕВОДСТВА

В Бендерском уезде (в т.ч. и в 19 поселениях гагаузов и болгар) во всех крестьянских хозяйствах к концу XIX в. отсутствовал какой-либо правильный севооборот. Вся посевная площадь занималась из года в год зерновыми культурами, земле не давалось ни отдыха, ни удобрения. Посевы пшеницы, яровой-«арнаутки» и озимой-«гирки» обыкновенно чередовались с посевами ячменя до тех пор, пока поле не покрывалось сорными травами; затем «белый хлеб» начинали чередовать с кукурузой. При сильном засорении пашню в некоторых случаях оставляли на несколько лет под выгон, но к началу XX в. и эта возможность была сведена до минимума. После кукурузы всегда сеяли пшеницу, причем, так как площадь посева первой в поселениях гагаузов и болгар всегда была меньше второй, то недостающее количество десятин засеивали снова

Культиватор

Сеялка кукурузы

«белым» хлебом после «белого» же, под рало, или, даже, только под борону («наволоку») особенно в поселениях бывших колонистов Аккерманского уезда.

В условиях преобладания подобного рода системы хозяйствования и системы полеводства в пореформенном периоде утвердился двупольный севооборот – (1) кукуруза и (2) пшеница, ячмень), который поселяне, местные хозяева, считали в то время до некоторой степени прогрессивным. Посев кукурузы, таким образом, заменял собою и пар и удобрение.

1) пар удобренный, 2) рожь, 3) кукуруза, 4) пшеница яровая, 5) пар, 6) озимая пшеница, 7) ячмень, могар и 8) овес, могар. В этом же хозяйстве часть поля выбрасывали из севооборота через некоторые промежутки времени и замещали полем, отдохавшим 10–12 лет. Но это было возможно в имениях частных землевладельцев или в многоземельных зажиточных хозяйствах поселян – бывших колонистов.

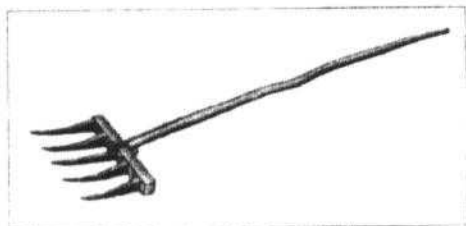
Таким образом, проводившееся в конце XIX–начале XX вв. усилиями земских агрономов исследование показало, что:

1) в крестьянских хозяйствах абсолютно отсутствовал и зеленый, и черный пар, удобрение и какой-либо определенный севооборот;

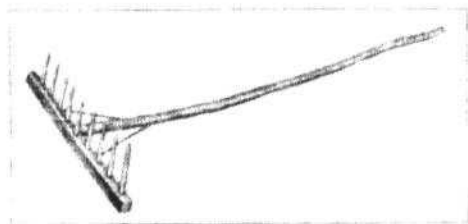
2) единственное стремление к некоторому упорядочению в этих хозяйствах просматривалось в том, что у наиболее зажиточных поселян (бывших колонистов и государственных крестьян) встречалось подобие двупольного севооборота, где почти половина пашни занималась кукурузой (Комратская и Чадыр-Лунгская волости), другая же половина – озимыми и яровыми культурами, так называемыми «белыми хлебами», но и подобный упрощенный севооборот редко выдерживался³⁸, так как кукуруза сеялась меньше в некоторых местах, особенно в Аккерманском уезде (в большинстве селений гагаузов и болгар она занимала от 21 до 26% посевных площадей)³⁹, а потому на многих полях появлялись многократные посевы одного и того же хлеба (особенно в Кулевчской волости)⁴⁰, до полного их истощения и засорения сорными травами (овсюгом);

3) подавляющее большинство помещичьих хозяйств придерживалось той же системы или, вернее, бессистемности в полеводстве, как и поселяне⁴¹.

В постоянной же надежде на исключительно благоприятный для урожая и сбыта год землевладельцы и землепользователи под давлением возросшего спроса на зерно пшеницы, ячменя и кукурузы в 70-х годах стали интенсивно расширять полевой клин под посев этих культур, что привело стихийно к постепенному переходу от устоявшейся в первой половине XIX в. переложной системы земледелия к упрощенному севообороту – двупольному – системы, конечно, примитивной, не отвечавшей достигнутому уровню тогдашней зарубежной и отечественной науки и передовой практики в этой области, о которых поселяне Бессарабии, в т.ч. и гагаузы, и болгары, не имели еще никакого представления.

Деревянные вилы

Грбли

Усовершенствованные орудия обеспечивали лучшее качество обработки земли, были производительнее своих предшественников. Поселяне-собственники постепенно заменяли наиболее распространенный в их хозяйствах однолемешный «малороссийский плуг» (громоздкий по своей конструкции и требовавший большого числа тягловых животных, скоро изнашивавшийся) на свой, бессарабско-болгарский (о чем было сказано выше), изготовлявшийся серийно на заводе А.О. И.И. Ген в Одессе (немецкий предприниматель). Но из-за своей дороговизны этот плуг не был доступен многим хозяевам, поэтому поселяне предпочитали этот же плуг, но сработанный местными ремесленниками, состоящий как из металлических, так и деревянных деталей.

Этим плугом пахали землю потомки задунайских переселенцев не только в дореформенном периоде, но и до середины XX в.

Постепенно стали заменять и рала. На их смену пришли так называемые экстирпаторы (латинск. – вырывать с корнем) – вид лапчатого культиватора, применявшегося для глубокого рыхления почвы и уничтожения сорной растительности (на конной тяге). Гагаузы и болгары называли это орудие «куропашкой».

Бороны с деревянными зубьями на деревянной раме заменялись на аналогичные с железными зубьями, а к концу XIX в. и на цельно-металлические, типа «зигзаг».

Постепенно заменялись и транспортные средства: рабочие телеги и вozy. По примеру немецких колонистов, местные плотники и кузнецы стали мастерить более вместительные телеги на металлических осях и мостах, окованных ободах, ручках и ящиках, ставших намного прочнее прежних, а посему способных перевозить груз в 1,5–2 раза больший (60 пудов, т.е. до 1 тонны)⁴².

В связи с расширением посевов озимых и яровых хлебов резко возросли масштабы уборочной страды.

По мере накопления материальных возможностей, поселяне-собственники стали вводить новшества в приемах и способах уборки урожая колосовых культур, так как прежние орудия жатвы – серп и коса уже не соответствовали ни возросшим масштабам зернопроизводства, ни технике уборки урожаев полевых культур на новом этапе развития полеводства.

Применявшийся на протяжении десятилетий примитивный способ очистки обколотого зерна путем провеивания на ветру, а затем и просеивания решетками (на кожаной или металлической сетке) стал в пореформенном периоде уступать место механическим веялкам.

Большую роль в снабжении селян усовершенствованными земледельческими

орудиями и конно-ручными и машинами стали играть Александровские ремесленные классы, учрежденные уездными земствами в волостных центрах – Тараклийский Бендерского у. и Ивановско-Русский Аккерманского у., в которых учащиеся (и дети бывших болгарских колонистов) под руководством опытных мастеров не только осваивали кузнечное, слесарное, плотницкое и др. дело, но и выполняли по заводским образцам заказы поселян на изготовление разнообразных земледельческих орудий и механических конно-ручных машин, возов и телег, а также ремонтировали изношенные; например, в 1907 г. из земского склада земледельческих машин Бендерской уездной управы отпускались веялки трех образцов: Тараклийского ремесленного класса, местного кустаря Филлипа Маева (с. Твардица) и завода Милина (Уфимская губ)⁴³.

Внедрение в гагаузских и болгарских селах улучшенных почвообрабатывающих, жатвенных и зерноочистительных орудий и конно-ручных машин в 70-х гг. XIX–в начале XX вв. свидетельствовало о значительном прогрессе, достигнутом в технике и агротехнике земледелия по пути развития предпринимательских хозяйств, являлось показателем имущественного состояния и социальной дифференциации в их среде.

В) ПРОИЗВОДСТВО ЗЕРНА

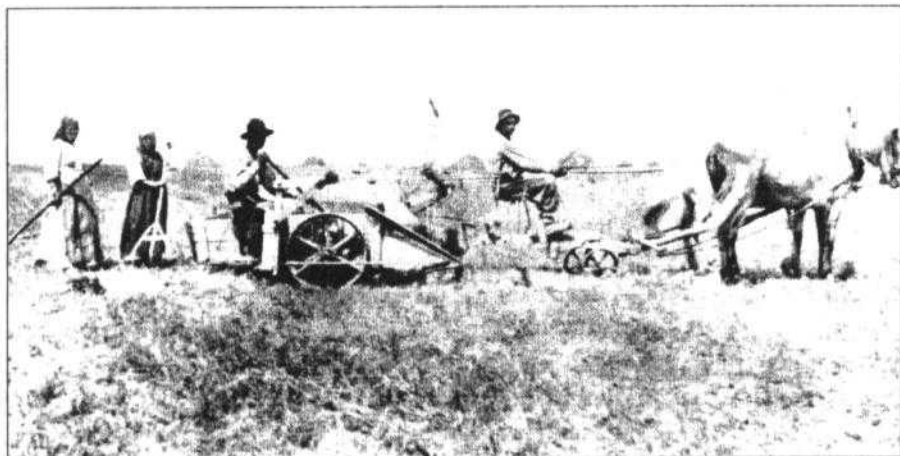
Производство зерна являлось до середины XIX в. важнейшей, а затем, в пореформенном периоде, – ведущей и составной частью экономической структуры края и одной из определяющих статей рыночного оборота.

На хлебном рынке главное место занимали пшеница, кукуруза и ячмень. Ведущими производителями зерна этих растений в губернии были три южных и три северных уезда. На долю южных приходилось более половины (53.8%) посевных площадей губернии⁴⁴. Соответственно возрастал их удельный вес в структуре валовой и товарной продукции. Это сочетание культур в зерновом хозяйстве наиболее полно соответствовало потребительским и товарным запросам.

Главными производителями зерна этих культур были мелкие хозяйства бывших колонистов (задунайских переселенцев, немцев), государственных крестьян, казаков и царан на казенных землях Аккерманского, Измаильского (после его воссоединения с Бессарабией 9 октября 1878 г.) и Бендерского уездов, в которых поселянам-собственникам принадлежало 1.122.388 дес. удобной земли, в том числе селениям общинников – 683.198 и селениям подворных владельцев – 439.190 дес. Сельскохозяйственные угодья задунайских поселенцев составляли 514.696 дес. (в селениях общинников в Аккерманском и Бендерском уездах 297.242 дес.⁴⁵ и в селениях-коммунах) подворных владельцев Измаильского уезда 217.454 дес.⁴⁶ Иными словами, поселянам-собственникам (бывшим болгарским колонистам) в этих трех уездах на юге Бессарабии принадлежало 46,73% площадей надельных земель Буджака⁴⁷, которые и использовались, главным образом, для производства зерна.

В пореформенном периоде на полях поселян-собственников (гагаузов и болгар) наиболее распространенными из пшениц яровых сортов были арнаутка, гирка и улька, а из озимых – красная остистая, бессарабская и сандомирка, а также озимая рожь.

Сельскохозяйственные работы

Традиционная культура Бессарабии – кукуруза, площади под которую расширились за три десятилетия с 20624 дес. до 64750 дес., или более чем в три раза, а в структуре посевных площадей увеличение произошло с 21,47% до 33,00%. Она заняла место второго продовольственного хлеба в селениях гагаузов и болгар, особенно Бендерского уезда. И не только спасала поселян от голода в неурожайные или малоурожайные годы, но и обеспечивала кормами все еще значительное домашнее животноводство в их хозяйствах (листья стеблей шли на корм крупному и мелкому рогатому скоту, перемолотое зерно ее (дерь) служило ценным кормом для свиней и птицы), кочерыжки и чеклеж – на топливо.

Поселяне-собственники выращивали известные во всей Бессарабии сорта кукурузы: «бессарабка» или «молдаванка», оранжевая, ганган, пенсильванский (завезенный из Америки), чинквантино (выписан из Италии). Но наиболее популярным и ценным для них был сорт «молдаванка» – продукт также значительного экспорта.

В хозяйствах задунайских поселенцев среди хлебных культур на третьем месте стоял ячмень – культура крупяная, фуражная и сырье для пивоварения. Площади под эту культуру в течение десятилетий пореформенного периода почти не изменились. Сверх того, средний крестьянский двор засеивал поля другими растениями (чечевицей, овсом, горохом, фасолью, картофелем и т.п.)

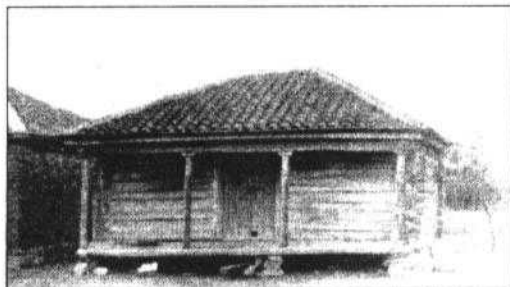
Критически оценивая деятельность крестьянских хозяйств губернии, составители «Обзора Бессарабском губернии за 1910 г.» отмечали, что все они во всей губернии находятся в крайне неудовлетворительном состоянии, «за исключением лишь бывших колонистов-немцев и болгар (и гагаузов. – С.Н.)⁴⁸, составляющих почти две трети сельского населения в Аккерманском уезде. Благосостояние их, благодаря их трудолюбию и аккуратности, не оставляет желать ничего лучшего. Обработка ими полей, уборка хлебов и обмолот, по примеру больших помещичьих экономий, производится машинным (на конной тяге. – С.Н.) способом, чем достигаются лучшие результаты в отношении как экономии затрат на обработку, так и качества получаемых продуктов.

Г) ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАРОДНОГО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

В пореформенном периоде, как прежде, большое внимание уделялось как местными властями (сельскими и волостными управлениями), так и земскими учреждениями (уездов и губерний) заботе об обеспечении народного продовольствия. Жизнь и хозяйствование поселян в засушливой Буджакской степи и в пореформенные годы неоднократно подвергались риску и опасности остаться без хлеба для семьи и кормов – для скота, несмотря на лучшую землеобеспеченность в сравнении с поселянами средних и северных уездов губернии. Периодически повторявшиеся засухи поражали, главным образом, южные степные уезды Бессарабии – Бендерский (особенно его юго-западную часть), Аккерманский и Измаильский. Как и в предыдущем периоде наиболее страдавшие от стихийного бедствия (неурожая) поселяне – члены сельской общины обращались через сельские сходы за семенной и продовольственной ссудой. Разрешение на ее получение зерном или деньгами давала губернская земская управа после тщательной проверки командированным гласным уездного земского собрания списков нуждающихся и обследования материального положения ходатайствующих семей.

Главной заботой губернских правительственных органов было избежание обращения нуждающихся поселян за материальной помощью в государственную казну. Но бывали случаи, что хранящиеся в запасе общественные продовольственные фонды и денежные средства были недостаточны, и тогда, в экстремальных случаях, выделялись ссуды из губернского и имперского капиталов.

Во всех 46-ти поселениях гагаузов и болгар Бендерского и Аккерманского уездов

Хлебный магазин, XIX в.

продолжали и после 1871 г. функционировать запасные хлебные магазины, а денежный продовольственный капитал сельских обществ (бывших колоний) находился на хранении в банке в Кишиневе.

В 1874 г. было утверждено специальное постановление правительства по этому вопросу, в котором было сказано, что при желании сельские сходы могут обращать общественные хлебные запасы в денежные

капиталы, с тем чтобы, взамен установленного количества хлеба, были внесены деньги по высшей из годовых среднесложных справочных цен за минувшие 10 лет.

Суммируя результаты участвовавших неурожая в 70–90-х годах и в начале XX в. можно прийти к выводу, что виноваты были в них не только засухи и прочая напасть, как постоянные спутники степей, но и экономические условия, в которых приходилось поселянам вообще хозяйствовать в этом краю. В то время в народе говорили, что «неурожаи от природы, голод же – от людей» и, видимо, были недалеки от истины. Если природные условия радикально изменить было невозможно, то социально-экономические – нуждались в этом. К концу пореформенного периода вызрела объективная необходимость изменения условий хозяйствования и жизни огромного крестьянского населения России и входивших в ее состав национальных окраин, в том числе и бессарабского, малую часть которого составляли потомки задунайских беженцев и вынужденных переселенцев – поселенцы гагаузы и болгары.

Д) ВИНОГРАДАРСТВО И ВИНОДЕЛИЕ

С увеличением народонаселения (табл. 31–32), с заметным ростом цен на землю, виноградарство и системы его ведения в Бессарабии получили в дореформенные десятилетия дальнейшее развитие. В 80–90-х гг. XIX в. расширились его площади, особенно в южных, степных, уездах, возросло его промышленное значение как интенсивной и высокодоходной отрасли земледелия. Важнейшими факторами, способствовавшими ускорению развития виноградарства и виноделия в поселениях гагаузов и болгар в южных уездах Бессарабии, были следующие.

Во-первых, на этом этапе социально-экономического развития бессарабского села оказалось, что многие сельские общества оказались недостаточно обеспеченными наделными земельными угодьями. Что касается многолюдности поселений гагаузов и болгар, то дело здесь вовсе не в «демографическом взрыве», так как рождаемость и смертность в регионе их проживания были примерно такими же, как и в средних, и северных уездах Бессарабии.

Для поселения задунайских беженцев и вынужденных переселенцев правительство России предоставило им в Буджакской степи 75 разновеликих земельных участка для основания колоний и наделения составивших их семей по 60 (с 1830 г. – по 50) десятин. На практике получилось так, что первоначальный надел в 51 поселении (из 83-х) на одну семью составлял от 30 до 50 дес., в 17-ти – до 60-ти дес., в 15-ти – свыше 60-ти дес.⁴⁹ Если для двух первых поколений, родившихся после 1830 г. в Бессарабии гагаузов и болгар, наделные земельные угодья в селениях первой группы были в целом достаточны для занятия хлебопашеством, то для третьего, вступившего в самостоятельную жизнь в 70–80-х годах, таких возможностей уже не было, т.е. этот род деятельности не мог быть для них единственной или главной основой их благосостояния.

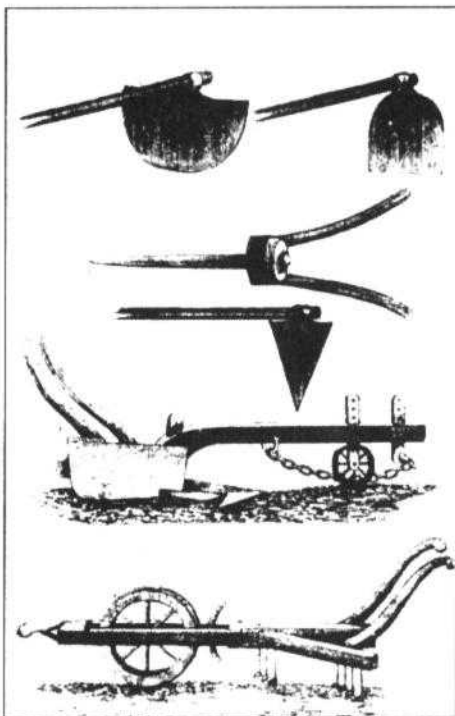
Среди поселений, изначально малоземельных – Кирютня (Кортен), где в 1832 г. на одну семью приходилось по 41,6 дес., в 1908 г. – 7,5 дес.; в Кубее – соответственно 40,0 и 9,5; в Татар-Копчаке – 45,0 и 8,5; в Тараклии – 36,7 и 9,4; в Валя-Пержий – 47,4 и 11,6; в Чийшии – 50,3 и 8,4 дес. и др.⁵⁰

Поэтому не случайно, что именно в таких малоземельных селениях в 80–90-х годах «виноградная культура достигла наибольшего развития, приобрела специальный характер и легла в основу благосостояния многих местных жителей»⁵¹.

Не имея возможности производить, как и прежде, новые посадки на равнинных (низменных) местностях, так как они были заняты исключительно для производства хлеба, поселяне болгары и гагаузы стали осваивать неудобные земли (крутые склоны, песчаные, каменистые, известковые и др., совершенно не пригодные для

Обложка книги
«Виноградарство и виноделие»

Ручные орудия для обработки винограда

других культур, урочища) под виноградники. Уникальность виноградной лозы состоит в том, что она в числе немногих культурных растений позволяет наиболее рационально использовать именно такие земли, делая их высокопродуктивными. Так как виноградные насаждения требовали затрат труда в 4–6 раз больше⁵², чем зерновые культуры, широко возделываемые в то время, то занятие виноградарством не только обеспечивало работой свободные трудовые резервы, но и давало им средства к существованию. Во-вторых, важным обстоятельством, обусловившим широкое развитие виноградарства в многолюдных поселениях гагаузов и болгар, явилось то, что виноград в сравнении с другими культурами, давал наивысший доход с наименьшей площади земли. По подсчетам Макаренко П.П., по величине прибыли десятина виноградника заменяла 9,5 дес. пшеницы⁵³. Занятие виноградарством стабилизировало как экономику края в целом, так и отдельных поселений, особенно в засушливые годы. К тому же виноградная лоза как засухоустойчивая культура, мирилась с ограниченным количеством влаги в почве, явно недостаточным для большинства злаковых растений. Виноградные кусты способны извлекать влагу из глубоких слоев подпочвы, где она лучше и дольше сохраняется. Даже в засушливые, неблагоприятные для многих культур годы, виноград давал более или менее равномерный урожай, а приготовленное вино получалось хорошего качества и продавалось по высокой цене.

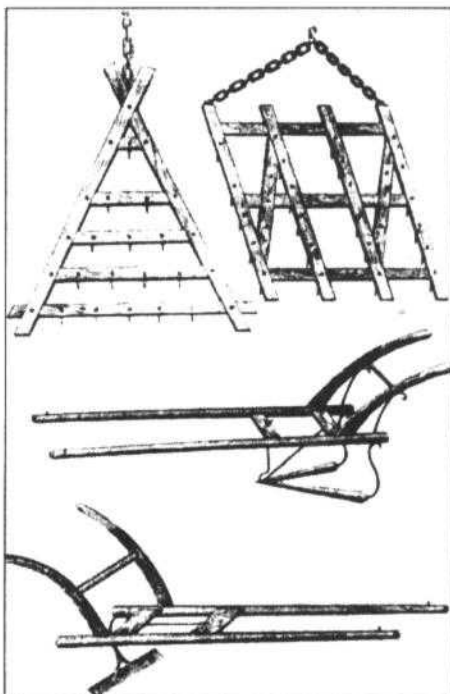
В-третьих, в пореформенные годы, в результате резкого увеличения зернопроизводства и обострения аграрного кризиса в конце XIX – начале XX вв. во многих районах России и Европы соотношение между спросом и предложением изменялось в сторону последнего.

Опыт и мастерство разведения виноградной лозы, ухода за нею, приготовления вина, доставшиеся от отцов и дедов поколения поселенцев гагаузов и болгар 70–90-х гг. и начала XX в. совершенствовались и приумножались. Немало

других культур, урочища) под виноградники.

Уникальность виноградной лозы состоит в том, что она в числе немногих культурных растений позволяет наиболее рационально использовать именно такие земли, делая их высокопродуктивными. Так как виноградные насаждения требовали затрат труда в 4–6 раз больше⁵², чем зерновые культуры, широко возделываемые в то время, то занятие виноградарством не только обеспечивало работой свободные трудовые резервы, но и давало им средства к существованию.

Во-вторых, важным обстоятельством, обусловившим широкое развитие виноградарства в многолюдных поселениях гагаузов и болгар, явилось то, что виноград в сравнении с другими культурами, давал наивысший доход с наименьшей площади земли. По подсчетам Макаренко П.П., по величине прибыли десятина виноградника заменяла 9,5 дес. пшеницы⁵³. Занятие виноградарством стабилизировало как экономику края в целом, так и отдельных посе-

Конные орудия для обработки винограда

гагаузов и болгар работал по найму (контракту) на протяжении многих лет на виноградниках шабских и аккерманских виноградовладельцев. Значительный контингент этих рабочих из безземельных (многодетных) жителей окрестных селений, работало при высокой оплате с детских лет в виноградниках чужих, а также и своих, приобрели путем навыка такие познания, какими на месте не обладают рабочие ни одного района Бессарабии, даже в специальных винодельческих пунктах⁵⁴.

Особенности местной культуры виноградной лозы, густота посадки, сложность обрезки низкого пенька и разнообразного сортимента, применение нескольких способов размножения виноградных кустов отводками и прививок – все это выработало из местного рабочего тип очень ценного знатока своего дела, который широко использовал свои знания при ликвидации тяжелейших последствий от филлоксеры, т.е. при распространении в селениях гагаузов и болгар привитых европейских сортов на американские лозы или – прививке местных сортов на американские корни, о чем скажем ниже.

По мнению М. Балласа, вследствие вздорожания земли культура винограда на юге Бессарабии стала отличаться значительным совершенством техники, тщательностью выполнения всех технологических процессов как в виноградарстве, так и в виноделии, что отвечало как многовековому опыту, так и климатическим и почвенным условиям.

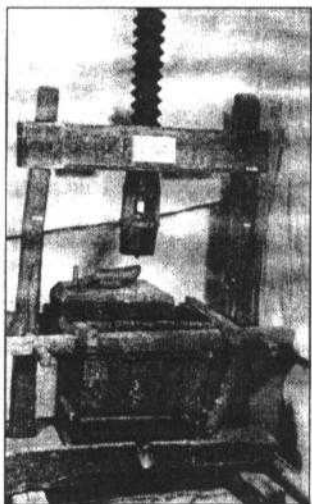
Важными микрорайонами, в которых и благодаря работникам из болгарских и гагаузских поселений была обеспечена высокая культура виноградарства и качественного виноделия в Измаильском уезде, были имения Шлингера в Борчаге и Чальке, братьев Ковалиоти в Цыганке, братьев Захариади (из Болграда) в Чумае⁵⁵, крупного виноградовладельца Копчева (выходца из болгарской колонистской среды) у г.Измаила⁵⁶, самый крупный (27 дес.) виноградник у г. Бендеры (в с. Гыска) болгарина Ф.Д.Куртева⁵⁷, засаженные такими сортами, как Каберне, Гаме черный, Гаме фрео, и другими французскими и рейнскими сортами, Каушанский, Рарэ неагрэ, привитых преимущественно на американских подвоях.

На их виноградниках, занимавших десятки и сотни десятин и засаженных привитыми европейскими сортами, работали штатными работниками-виноградарями и виноделами десятки и сотни безземельных выходцев из Кирютни (Кортена), Чадыр-Лунги, Комрата, Конгаза, Тараклии, Чийшии, Кубея, Волканешт и других). Именно их руками засаживались новые плантации промышленного типа и вырабатывались вина, принесшие тогда и особенно в последующие десятилетия XX в. славу югу Бессарабии. Почти все они осели на землях этих частных владельцев (выкупив часть земли у них и образовав таким образом первые дочерние селения (хутора). Их потомки и ныне живут и занимаются виноградарством и виноделием в этих местах. Накопленный ими опыт в имениях (экономиях) крупных виноградовладельцев широко использовался и в их родных селах.

Представляется вполне естественным, что при быстром росте населения в губернии, как сельского, так и городского, а также соответствующем увеличении числа дворохозяев, при сравнительной зажиточности многих сельских обществ, в особенности немецких и болгарских, некоторых великорусских и, наконец, при благоприятных климатических условиях и относительно значительных наделах (в

среднем у более 50% семейств в селениях гагаузов и болгар южных уездов к 1905 г. имелось по 20–30 десятин на каждое), что расширение площадей виноградников в этом районе было явлением вполне обычным⁵⁸. Выращивание винограда и производство пищевого напитка – вина были традиционным национальным промыслом для болгар, гагаузов и их соседей.

Деревянный пресс «тяска»

Поэтому выращиванию винограда и производству вина, восполнявшему запасы продовольствия семьи, поселянами этого региона всегда уделялось должное внимание, а излишки этих продуктов продавали, выручая значительные суммы, пополнявшие семейные бюджеты.

В 1871 году на виноградниках поселян-собственников (бывших болгарских колонистов) насчитывалось 3.615.452 кустов виноградной лозы, или, если взять по 2000 – 2400 куста на одной десятине (критерий М. Балласа), то площадь, занятая виноградными насаждениями, составляла 1807–1506 дес. Урожай виноградных ягод был в том году средним. Выделано вина было 194460 ведер. Общая стоимость валового сбора составила от 155,5 до 233,3 тыс. руб. сер.⁵⁹

Через семь лет, в 1877 г., количество виноградных кустов было доведено до 5.437.226 или возросло в 1,5 раза, а площадь под насаждениями занимала уже 2334,6 дес., или увеличилась в 1,55 раза⁶⁰.

Виноградные насаждения в болгаро-гагаузских селениях уезда состояли, в основном, из старых сортов, упомянутых в 3-м разделе нашей темы, но наиболее распространенными были «Држанка» и «Гордин». Виноградные кусты иностранного происхождения встречались еще крайне редко (в отдельных экземплярах) и то преимущественно в г. Аккермане, посаде Шабо и селении Пуркары (сорта Мускат-Руж, Мальбек, Пино-Гри, Красно-Венгерский)⁶¹.

Вообще, если говорить о достоинствах вин, производимых виноградовладельцами в поселениях гагаузов и болгар, судя по отзывам специалистов, то они занимали место сразу за лучшими аккерманскими, шабскими и пуркарскими винами, а у некоторых хозяев и не уступали им.

Винопродукция поселян гагаузов и болгар находила самый широкий сбыт как в местной виноторговле, так и через приезжих винопромышленников-оптовиков и далеко за пределами своего региона.

Новых виноградников на привитых американских лозах к этому времени еще не было. Всего было собрано со всех виноградников этого района 2000 пудов, выделано вина – 1800 пудов, а продавалось по цене 1 руб. 70 коп. за ведро. Возобновление одной десятины виноградника на американских (филлоксероустойчивых) корнях и уход за ней до начала плодоношения в Бессарабии стоило 1000 руб.⁶²

Начало интенсивного возрождения виноградников в селениях гагаузов и болгар совпало с наступлением нового, третьего периода социально-экономического развития их сел, связанного с выходом из общины и обретением полных (юридических) прав на выкупленную окончательно надельную землю, со статусом едино-

личных ее владельцев. Открывались новые перспективы в деле организации и ведения индивидуального хозяйства в условиях рыночной экономики и жесткой конкуренции на рынке сельскохозяйственной продукции. Реализация этих перспектив с начала нового этапа социально-экономического развития поселений гагаузов и болгар, как, впрочем, и всех бессарабских сел, встретила на своем пути массу препятствий, объективного и субъективного характера: поражение виноградников

Виноградники европейских сортов с. Кобей, нач. XIX в.

филлоксерой, отсутствие или нехватка собственных денежных средств для модернизации и укрепления своих хозяйств; не было налажено и правительственное льготное кредитование крестьянских хозяйств на внутривозрастные нужды; неумелая внешняя политика правительства России, особенно на Дальнем Востоке, приведшая к совершенно ненужной для страны русско-японской войне, повлекшей за собой большие потери для России (территориальные, материальные, людские). Отвлечение на войну наиболее дееспособной части населения (главным образом, из селянской среды), непомерные налоги для нужд войны и т.д. – все это препятствовало продвижению единоличных крестьянских хозяйств по пути прогресса; обострение внутривозрастной ситуации в стране, первая русская революция 1905–1907 гг., ускоренная подготовка к новой войне (на стороне Франции и Англии) и сама Первая мировая война 1914–1918 гг. и другие обстоятельства были главным тормозом на пути развития хозяйств поселенцев гагаузов и болгар как фермерских. Но об этом попытаемся рассказать подробнее в следующем разделе.

Е) САДОВОДСТВО

В пореформенные десятилетия эти отрасли земледелия продолжали развиваться, выполняя свое главное предназначение – обеспечивать семьи исследуемых поселений фруктами, плодами и овощами, т.е. ценными пищевыми продуктами, традиционно входившими круглый год в их меню, как в свежем, так в консервированном (квашеном) и сушеном виде. Поэтому у бывших колонистов – задунайских переселенцев всегда замечалась потребность иметь во дворе или в поле – на винограднике плодовые деревья и собственные фрукты.

Число фруктовых садов и количество плодоносящих в них деревьев возрастали в эти десятилетия по мере увеличения численности населения и новых дворохозяйств. Однако природно-климатические и географические условия Буджака не благоприятствовали переводу этой интенсивной отрасли земледелия на промышленную торговую основу.

Культивируя, в основном, летние сорта фруктовых деревьев, поселенцы гагаузы и болгары не могли рассчитывать на широкую продажу излишнего урожая в пределах региона своих поселений, так как спрос был ограниченным из-за наличия этих

плодов в каждом дворе. Вывозить продукцию через дунайские и прутские таможи в соседние страны для продажи также представлялось почти невозможным, так как ни Дунайские княжества (затем Румыния), ни Болгария, ни Греция и Турция во фруктах из Бессарабии не нуждались,

Герб города Аккермана,
утвержденный 28 апреля 1826 г.

Сбыту скоропортящихся плодов садоводства (черешни, вишни, абрикосов, персиков, слив и др.) болгарами и гагаузами препятствовали, кроме отсутствия хороших путей сообщения, также близость к Одессе такого конкурента, как Крым, с которым Бессарабия не могла в то время соперничать.

Поэтому в регионе гагаузских, болгарских и молдавских поселений Измаильского уезда так же, как и в поселениях гагаузов и болгар Аккерманского и Бендерского – не было создано крупных плантаций фруктовых насаждений ни в дореформенном, ни в пореформенном периодах.

По данным отчета Кишиневского отдела Императорского Российского общества плодководства за 1912 г. следует, что площади под самостоятельные фруктовые сады (вне пределов селений, в поле) имелись лишь в трех болгаро-гагаузских волостях из 6: в Чадыр-Лунгской и Комратской Бендерского уезда – 4,1 дес. (в уезде 1475,2 дес.) и в Кубейской Аккерманского уезда – 4,7 дес. (в уезде – 404,8 дес.)⁶³. К тому же эти фруктовые насаждения, как нам удалось

установить, были ничем иным, как плантациями тутовых деревьев.

Вместе с тем, садоводством гагаузы традиционно занимались как в дореформенном, так и в пореформенном периоде. Каждый хозяин, богатым он был или бедным, стремился иметь около своего дома несколько яблонь или груш, чтобы иметь собственные фрукты.

Посадочный материал для насаждения новых садов или замены высохших и вымерзших деревьев, поселяне болгаро-гагаузских сел приобретали в общественном плодопитомнике в Ивановке-Болгарской, состоявшем в общем пользовании всех 26 бывших болгарских колоний Аккерманского уезда⁶⁴.

Хозяева 19 гагаузских и болгарских селений Комратской и Чадыр-Лунгской волостей Бендерского уезда обеспечивались саженцами фруктовых деревьев в аналогичном плодопитомнике местечка Комрат.

Если в целом в селениях Аккерманского и Бендерского уездов в 1876 г. фруктовые насаждения составляли 532,1 тыс. деревьев, то в 46 болгарских и гагаузских селениях – 86 тыс. деревьев (по данным за 1877 г.), или 16,2%⁶⁵.

В воссоединенном с Бессарабией в 1878 г. ее южном участке – (Измаильский уезд), в Болградском земском районе, насчитывалось на 8849 дворохозяев 7368 фруктово-виноградниковых садов⁶⁶, то есть ими владело 83,2% хозяев. У г. Болграда и в сел. Хаджи-Абдула размещались общественные сады-плодопитомники, снабжавшие селения своего района посадочным материалом.

Фруктовых садов в трех южных уездах (в Бендерском, Аккерманском и Измаильском) в 1910 г. числилось 7938, занимали они площадь 10229 дес., в т.ч. в Бендерском – 9148 дес., Аккерманском – 1000 дес. и в Измаильском – 81 дес. Самым садоводческим был Бендерский уезд, где под плодовые насаждения были заняты плавневые полосы правобережья р. Днестр.

Урожай фруктов в том году в губернии был средний, а в южных уездах – даже плохой, и все же было собрано косточковых и семечковых плодов: в Бендерском – 130000, в Аккерманском – 80000 и Измаильском – 3800 пудов. Всего фруктов в губернии было собрано 1.913.000 пудов, из них 1.128.200 пудов, или 58,4%, вывезено во внутренние губернии России, а 690.700 пудов, или 36,1%, продано на местных рынках⁶⁷. Агенты торговых домов закупали на местных базарах (у поселян – продавцов фруктов) немало персиков, груш, яблок, айвы и др. плодов и вывозили в торговые порты и внутренние губернии страны.

Ж) ШЕЛКОВОДСТВО

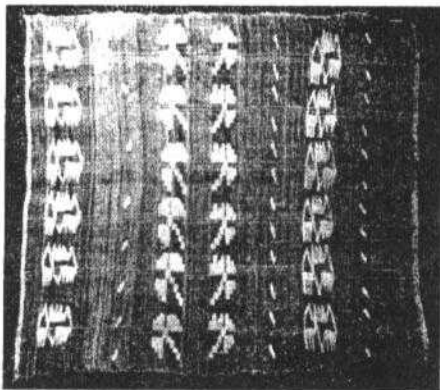
История шелководства на юге Бессарабии самым непосредственным и тесным образом связана с сельским хозяйством задунайских переселенцев в Буджакской степи. В период освоения причерноморских и буджакских степей в конце XVIII – первой половине XIX вв. правительство России всемерно поощряло поселенных на их просторах хлебопашцев (иностранных колонистов, государственных крестьян, казаков и других), на развитие всех, характерных для южной, степной зоны, отраслей сельского хозяйства, в том числе и шелководства. Однако многолетние усилия властей распространить этот промысел среди всех этих категорий поселян не имели успеха, хотя природные и климатические условия как Новороссии, так и Бессарабии благоприятствовали не только разведению тутовых деревьев, но и выкормке шелкопряда в значительных размерах.

В южной части Бессарабии, состоящей из Аккерманского, Бендерского и Изма-

Шелководы, XIX в.

Шелковое полотенце, XIX в.

ильского уездов, шелководство укоренилось только благодаря задунайским переселенцам, чье пристрастие к этому занятию, к шелковым тканям и изделиям из шелка, было национально-бытовой чертой гагаузов и болгар, подтверждавшей лишний раз, что этнические их корни имеют отношение к Востоку, где и формировался первоначально их национальный костюм.

До бегства из пределов Османской империи и переселения в южную Бессарабию, они (преимущественно женщины) традиционно занимались этим сельскохозяйственным промыслом. Эту отрасль задунайские поселенцы стали разви-

вать и на новом месте своего постоянного обитания.

Основными покупателями излишней продукции шелководства (особенно живых коконов) были турецкие греныеры. Они ежегодно приезжали (в 20–50-х гг. XIX в.) в гагаузско-болгарские селения на юге Бессарабии за доброкачественной греной⁶⁸.

Гагаузки и болгарки разводили шелкопряд наиболее популярной в те годы балканской зеленой рассы.

Вообще, говоря о шелководстве в селениях гагаузов и болгар, можно утверждать, что среди них не было лиц, которые бы специально, из года в год, на постоянной основе, вели этот промысел. Выкормкой же червей и выделкой шелка-сырца из коконов в незначительных количествах занимались многие из сельских хозяек. Кроме гагаузок и болгарок, шелководством на юге Бессарабии занимались некоторые горожанки из армян (в Аккерман, в Измаил, в Рени и Килии)⁶⁹.

Добываемый шелк употребляли гагаузки и болгарки преимущественно для выделки полос при домашнем тканье бумажного полотна на рубахи, а в особенности на простыни, занавески, скатерти и утиральники (полотенца)⁷⁰. Но так как эти предметы и вещи были рассчитаны на более или менее длительное пользование, то нужда и в шелковой пряже возникала лишь иногда (через какое-то время). На продажу шло самое ничтожное количество шелка, и сбывался он на месте самого производства по ценам от 4-х до 5-ти рублей за 1000 коконов и от 10 до 15 рублей за один золотник (пасму) выделанного шелка (размотанной шелковой нити шелка-сырца)⁷¹.

В исследованных автором архивных и литературных материалах о хозяйственной деятельности задунайских поселенцев (за 50-е годы – начало 80-х) совершенно отсутствуют статистические и иные официальные сведения о шелководстве как отрасли сельского хозяйства.

Причину этого явления так объясняли составители «Обзоров Бессарабской губернии»: «В редкой болгарской (и гагаузской) семье взрослая женщина не приготавливает из лично добытого шелка разных принадлежностей своего костюма. Производство это потому только и ускользает от официальной регистрации, что имеет вид домашнего занятия, учеть которое очень трудно»⁷².

По сведениям А.Защука, в 1857 г. во всей Бессарабии было добыто шелка до 10,5 пуда, а именно:

- около г. Кишинева – 50 фунтов (1,25 пуда);
- около г. Аккермана – 50 фунтов (1,25 пуда);
- в гагаузских (и болгарских) колониях – 320 фунтов (8 пудов).

Выявленные нами статистические данные о развитии шелководства в болгарских и гагаузских поселениях Бендерского, Аккерманского и Измаильского уездов за 1887–1912 гг., т.е. за четверть века, дают основание проследить динамику роста и развития этой отрасли, перевода ее на промышленную основу. Проследим этот процесс хронологически.

В 1887 г. только в Комратской и Чадыр-Лунгской волостях шелководством занималось 200 семейств; ими было оживлено 392,5 золотника (наперстка) грены, в т.ч. 128 было получено от уездной управы бесплатно; добыто 1715 фунтов, или 42,8 пуда коконов (121 фунт 82,5 золотника чистого шелка). Шелководы для выкармли червей пользовались листвою 2818 деревьев. Продажная цена размотанного шелка колебалась от 14 до 18 руб., следовательно, прибыль от шелкопроизводства в том году могла быть определена в сумме от 1750 до 1950 руб.⁷³

В 1888 г. в тех же волостях насчитывалось уже 437 семейств шелководов; ими оживлено 900 наперстков грены; снято 83 пуда 30,8 фунта коконов; размотано 27612,5 золотника чистого шелка; считая фунт шелка по 18 руб., как он продавался на месте, или по 1 руб.50 коп. за фунт коконов, как предлагали тогда московские фабриканты, то окажется, что шелководство принесло в том году местному населению чистого дохода около 5000 руб.⁷⁴

В Болградском земском районе, в который входили все 40 бывших колоний задунайских переселенцев и 20 селений бывших государственных крестьян, шелководством занимались практически во всех бывших колониях болгар, гагаузов, молдаван и многие мещане г. Болграда. По данным за 1888 г., в этом районе шелководством занималось 93 семьи, пользовавшиеся листвою 1645 тутовых деревьев. Ими было добыто 3 пуда и 10 фунтов сырых коконов и размотано 474 золотника чистого шелка⁷⁵.

В 1889 г. в Бендерском и Измаильском уездах занималось шелководством уже 625 семей, в их распоряжении имелось 5429 тутовых деревьев, снято коконов 57 пудов 5 ф., размотано 25540 золотников чистого шелка⁷⁶.

В 1889 г. состоялась Кишиневская сельскохозяйственная выставка. Бендерская уездная земская управа приняла самое деятельное участие в устройстве предусмотренных отделов, в том числе и особого по шелководству. Он состоял из трех отделов: учебно-научной коллекции по шелководству; образцов местных шелков, коконов и изделий из шелка; публичной практической размотки коконов и популярных объяснений по шелководству.

Экспонентами по шелководству были исключительно жители Бессарабской губернии, а именно: от 11 селений Бендерского уезда – 123, Аккерманского уезда – 1 и Болградского земского района – 11. От селений Комратской и Чадыр-Лунгской волостей было представлено 73 фунта шелка (63 ф. ручной размотки и 10 ф. машинной) и 134 предмета шелковых изделий, а всего на сумму 2202 руб. Публичная размотка коконов на выставке производилась ежедневно на двух станках размотчицей, приглашенной из Одессы, и одной из пяти ее учениц по шелкоразмотному делу из с. Комрата Платоновой. Объяснения в отделе шелководства давались председателем

Бендерской земской управы Ф.М. Ржондковским и выпускником Петровско-Разумовской землевладельческой академии Шахназаровым⁷⁷.

Как отмечалось в отчете Бендерской уездной земской управы об участии в выставке, интерес посетителей к шелководству как отрасли сельскохозяйственного производства был огромным, и потому труды шелководов и их руководителей по возрождению и дальнейшему развитию шелководства оказались не напрасными.

Выручка от проданных в Москву коконов в 1910 г. из Аккерманского уезда составила 412 руб.⁷⁸

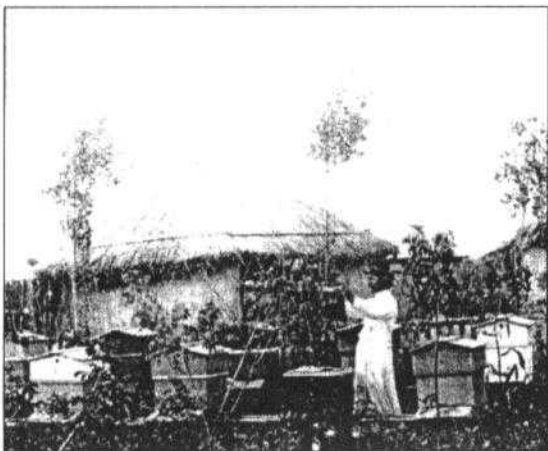
В 1912 г. насчитывалось уже 9918 шелководов, 155 шелковичных плантаций, в них 171987 тутовых деревьев, добыто коконов 1242 п. 30 ф. (30 тонн), размотано шелку 936258 золотников. Продажная цена 1000 коконов составляла от 90 коп. до 20 руб.⁷⁹

Представленные читателю статистические выкладки свидетельствуют, что не так уж и сильно необходимо нужно было покровительствовать над поселенными болгарскими и гагаузами в засушливом Буджаке, с его экстремальными климатическими условиями, чтобы добиться их руками существенного прогресса в любой традиционной отрасли сельского хозяйства, в том числе и в шелководстве. За прошедшие 25 лет число семейств занимавшихся шелководством, увеличилось в 49,5 раза, появились сплошные плантации тутовых деревьев (чего раньше не было), а в них насаждения возросли в более, чем 60 раз, и главный результат – производство коконов возросло в 30 раз, то есть шелководство вышло за рамки удовлетворения бытовых нужд и встало на путь торгового, промышленного промысла.

Достигнутое селянами в гагаузских и болгарских селениях в области развития шелководства в последующие годы XX столетия не пропало даром.

Уже с середины XX в., в советское время и в условиях колхозного строя, шелководство в болгарских и гагаузских поселениях стало мощной сырьевой базой для зародившейся и высоко развившейся шелкоткацкой промышленности Молдовы в г. Бендеры.

3) ПЧЕЛОВОДСТВО

Пчеловодство в Бессарабии

Природные условия южной Бессарабии благоприятствовали развитию и такой специальной отрасли сельского хозяйства как пчеловодство. Будучи знакомыми и с пчеловодством еще на родине, многие задунайские переселенцы стали заводить пчелосемьи в своем домашнем хозяйстве уже в 20–30-х гг. XIX в., получая высокоценный для здоровья пищевой продукт – мед и не менее ценное сырье – воск для изготовления свечей – изделий для освещения жилых помещений, для отправления религиозных обрядов. При сборе

большого урожая меда и воска владельцы пчелопасек обычно продавали излишки этих продуктов своим односельцам или на базаре. Пчеловодство как отрасль сельского хозяйства Бессарабии велось на протяжении почти всего XIX в. по старинке, дедовскими способами и методами.

И) РАЗВЕДЕНИЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦЫ

С начала пореформенного периода для бессарабского скотоводства наступили тяжелые времена. Являясь преимущественным занятием сельского населения края в дореформенные десятилетия, в том числе и для поселенных в Бужакской степи задунайских переселенцев, скотоводство (хотя и велось примитивно, но благодаря обильным пастбищам животные отличались хорошими качествами) постепенно, к середине XIX в. и, особенно, в 50–60-е годы стало клониться к упадку, уступив роль и значение ведущей отрасли сельского хозяйства – земледелию и его отраслям – зерновому производству, виноградарству и садоводству.

Такая смена ролей между двумя основными и взаимосвязанными отраслями сельского хозяйства была обусловлена всем ходом исторического и социально-экономического развития края в целом и в южном его регионе, в частности после 1812 г.

Произошедшая эволюция сельскохозяйственного производства заняла в южных уездах Бессарабии сравнительно небольшой срок – примерно четыре десятилетия (20–60-е годы)⁸⁰. Некоторому ускорению завершения этого процесса способствовал целый ряд обстоятельств. Остановимся на некоторых из них.

С повышением в 60-х годах мировых цен на хлебное зерно и увеличением отпуска российского хлеба за границу (в том числе и бессарабского через Одесский порт), посевы пшеницы и кукурузы в крае были значительно расширены за счет сокращения пастбищного пространства; целинные поля и старые перелог, служившие для нагула скота, почти полностью исчезли и некоторые остатки их в виде оазисов сохранились лишь в двух южных уездах губернии, прилегающих, с одной стороны к берегу моря (Аккерманском), с другой – к Дунаю (Измаильском)⁸¹.

Перевозка сена

Выгоды, получавшиеся в 60–70-х и вплоть до середины 80-х годов от посевов пшеницы были так велики здесь, по сравнению с доходами от скотоводства и овцеводства, что вызывали у поселян – мелких товаропроизводителей и частных владельцев постоянное стремление к расширению распашки земель не только на выгонах, еще не восстановивших свое плодородие, но и луговых угодий.

Нелишне напомнить и об ограниченных возможностях обеспечения скота в Буджаке качественной питьевой водой. В засушливые годы, когда выгорала вся растительность на полях и пастбищах, искусственные водоемы превращались в гнилые лужи, что вызывало у истощенного скота массовые заболевания и падеж.

На ослабление интереса поселян-собственников к занятию скотоводством оказало влияние также и следующее обстоятельство: в 70-х годах последовало закрытие границы германской, а затем и австрийской, что лишало скотоводство Бессарабии, в т.ч. и ее южных, самых животноводческих, уездов выгодного сбыта⁸².

Селяне-собственники лишились возможности поддерживать доходность своего хозяйства, главным образом, за счет выброса на рынки огромной массы шерсти цигейки, а также живого скота, сала, овчин, кож и др., как и прежде, из-за резкого падения цен на эти товары на мировом и внутреннем рынке (цены на шерсть снизились с 60 руб. сер. за один пуд в 60-х годах до 12 руб. сер. к 80-м годам). Хотя и в 70-х годах эта продукция составляла еще довольно крупную статью заграничного отпуска из региона болгарских и гагаузских поселений.

Бывшие гагаузские и болгарские колонисты, немцы-колонисты, другие поселенцы на казенных землях, а также некоторые крупные частные владельцы стали приспособлять развитие животноводства в своих хозяйствах к запросам рынка: в рыночный оборот втягивались продукты, служившие ранее лишь потребительским целям местного населения, – молочная продукция (сметана, творог, брынза, кашкавал), смушки, продукция птицеводства; получил более широкое развитие мясо-сальный откорм свиней.

В целях укрепления кормовой базы во многих селениях были сделаны первые опыты по выращиванию искусственным путем однолетних и многолетних трав (могара, бора, вики, люцерны и др.). Усилиями земских управ проводились меры по улучшению породного состава скота и птицы, по налаживанию ветеринарно-зоотехнической службы в крае, в том числе и в селениях гагаузов и болгар.

Таблица 53

СОСТАВ СКОТА В ТРЕХ ЮЖНЫХ УЕЗДАХ (БЕНДЕРСКОМ, АККЕРМАНСКОМ И ИЗМАЙЛЬСКОМ) И В ЦЕЛОМ ПО БЕССАРАБСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1916 г.*

Уезды	Лошадей		Крупного рогатого скота			Овец и коз	Свиней
	Всего	в т.ч. рабочих	Всего	в т.ч. волов	коров		
1. Бендерский:							
– у крестьян	59503	40319	88776	13798	23817	367989	55459
– у владельцев (помещиков)	3060	2051	10535	4108	1982	58561	5291
Итого:	62563	43870	99311	17906	25799	426550	60750
2. Аккерманский:							
– у крестьян	102509	66500	116255	5052	46945	459388	89022
– у владельцев (помещиков)	2098	1228	3234	433	1055	18278	1647
Итого:	104607	67728	119489	5485	48000	477666	90669
3. Измаильский:							
– у крестьян	73483	58929	72460	7374	27371	374717	61913
– у владельцев (помещиков)	4729	2914	12342	5427	2659	109662	6101
Итого	78211	61843	84802	12801	30030	484379	68014
Всего по 3-м южным уездам губернии	245381	173441	303602	38192	103829	1388595	219433

По Бессарабской губернии:							
- у крестьян	426114	346091	668274	85793	227912	1915680	466249
- у владельцев (помещиков)	41627	29864	57193	20307	12929	298251	41448
Итого:	503741	375955	725467	106100	240841	2213931	507697
Доля 3-х южных уездов для губернии в %.	48,7	46,1	40,0	34,1	43,1	62,7	43,2

Источник: Итоги Сельскохозяйственной переписи 1916, г.Кишинев, 1918, с.18-21 *Перепись Сельскохозяйственная проводилась во время войны, когда был запрещен забой скота.

Доля бывших болгарских, немецких колоний и их дочерних (фермерских) селений, а также поселений бывших государственных крестьян и немногочисленных частных владельцев на юге Бессарабии была существенной в этой сельскохозяйственной статистике, занимая 53 % домашнего скота губернии.

Таблица 55

**СВЕДЕНИЯ О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ И НАЛИЧИИ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ
В СЕЛЕНИЯХ ГАГАУЗОВ И БОЛГАР БЕНДЕРСКОГО УЕЗДА ЗА 1885 г.**

Волости и селения	Количество дворов	Число жителей			Количество скота			
		муж.	жен.	всего	лошадей	рогатого скота	овец и коз	свиней
I. Чадыр-Лунгская волость, селения:								
1. Чадыр-Лунга	442	1433	1258	2691	864	2927	5819	1426
2. Валя-Пержа	371	1153	1047	2200	968	1948	7000	742
3. Твардица	390	1359	1316	2675	1050	1200	7000	800
4. Кириет-Лунга	201	622	541	1163	328	868	5053	415
5. Авдарма	250	650	635	1285	410	1100	4040	350
6.Джолтай	142	383	328	711	250	550	1200	250
7. Бешгиоз	202	691	599	1290	400	859	1833	404
8. Гайдар	191	553	496	1049	340	775	1800	400
9. Баурчи	355	1064	838	1952	705	1564	2537	720
10.Казаяклия	450	1438	1318	2756	1180	2630	5570	1350
11. Кирыутне (Кортен)	340	1120	1128	2208	720	3200	3900	1000
Итого:	3334	10466	9496	19920	7215	15621	46752	7857
II. Комратская волость, селения								
1. Комрат	1060	3330	2830	6160	1600	3000	9000	1800
2.Кирсово	420	1375	1270	2645	700	380	5000	800
3. Бешалма	320	1040	974	2014	275	600	3200	400
4. Томай	350	1200	996	2196	650	1200	4000	350
5.Ферапонтъевка	170	500	460	960	200	450	1000	120
6. Бешкалия	150	533	437	970	217	692	4135	140
7. Чок-Майдан	250	768	727	1405	342	955	3042	500
8. Дезгинже	430	1240	1086	2326	550	1300	4000	550
ИТОГО:	3150	9986	8780	18766	4534	8577	33377	4660
Всего по 19-ти селениям гагаузов и болгар	6484	20452	18276	38686	11749	24198	80129	12517

Приходится

- на 1 двор - - - - 1,8гол. 3,75гол. 12,36гол. 1,93гол.
- на 1 двор разного скота - 19,83 гол.
- на одну душу обоего пола - 3,3 гол.
- на 1000 жителей - 3331,4 гол.
- на 100 душ об. пола - 332,5 разного скота.

Источник: НАРМ, ф. 65, об.1, д. 641, л. 5-7.

Вообще, если говорить о мясомолочном направлении, ставшем преимущественным в разведении и выращивании рогатого скота, то, как отмечал Ломакин, специально молочного скота в губернии было очень мало, даже в самом конце XIX в. Именей частновладельческих с мало-мальски правильно организованным молочным хозяйством встречалось весьма редко. Как исключение, он указывал на упоминавшееся имение болгарских предпринимателей братьев Захариади в Измаильском уезде, сбывавших молочные продукты (брынзу, кашкавал, сметану, творог) в Одессу⁸³.

Мясомолочная продукция потреблялась в селениях гагаузов и болгар, главным образом, семьями поселян, а излишки ее продавались на ближайших рынках. Нередко приходилось продавать и необходимый продукт из-за острой нужды в деньгах для оплаты налогов или на другие неотложные расходы. При неурожаях, при отсутствии сена и скудных запасов кормов в виде зерна и соломы, многие крестьяне вынуждены были продавать свой домашний скот за бесценок.

Бессарабский крупный рогатый скот шел большими партиями в продажу на мясо в Одессу и Варшаву. Занимались этим делом особые скотопромышленники, которые скупали скот на базарах и выпасали его на заарендованных участках. В Аккерманском уезде, например, держали гурты такого скота: житель селения Тараклия (Кубейской волости) Горановский на земле землевладельца Германсона, смежной с землей сельского общества сел. Талмаз, землевладелец Н. Куршумжи из сел. Болгария той же волости и другие выходцы из среды задунайских поселенцев.

В Бендерском уезде арендатор вотчины «Благодать» Г.И.Цанко-Кыльчи, Г.М.Гребенчо и др. также откармливали на собственных или арендованных землях большое количество такого рода скота для последующей перепродажи⁸⁴.

Самые ранние сведения о свиноводстве в волостях с болгарским и гагаузским населением относятся к 1885 г. и то только по Бендерскому уезду (см. таблицу 55). Приведенные в таблице данные о свиноводстве свидетельствуют, что на 6484 земельных дворах 19 селений Чадыр-Лунгской и Комратской волостей приходилось 12517 свиней, или в среднем почти по две головы на двор, в т.ч. в Чадыр-Лунгской волости по 2,4 шт. на двор, а в Комратской - по 1,5 шт.

Полагаем, что в селениях гагаузов, болгар и молдаван (бывших колонистов) ежегодно в каждом дворе выращивали по 1-2 кабана на мясо, сало и жир для собственного потребления. Как известно, болгары и гагаузы, как и молдаване, обрабатывали свиные кожи и использовали их для изготовления домашней обуви - постолов (по-гагаузски - «чарыки», по-болгарски - «царвули» и по-молдавски - «опинчи»).

Хозяева, содержавшие и свиноматок, продавали желающим в своем селении или на ближайшем базаре молодняк (приплод). С последних десятилетий XIX в. разведение свиней становилось выгодным занятием, как для собственного продовольствия, так и в коммерческих целях, приносившим дополнительный доход в семейные бюджеты. Вот почему свиноводство становится предметом специального исследования статистиков и экономистов.

В 1895 г. по поручению департамента земледелия было произведено подробное описание состояния свиноводства в Бессарабской губернии В.А.Бертенсоном. Результатом его изысканий явился опубликованный им труд «Состояние свиноводства в Бессарабской губернии и меры к его развитию» (СПб., 1900).

Согласно сведениям, собранным в 1895 г., общее поголовье свиней в Бессарабии достигло 318568 гол. В таблице 56 приведены данные из его труда о наличии свиней у крестьян и у частных владельцев, в том числе и улучшенной породы в южных уездах (по Измаильскому уезду сведения отсутствуют).

Таблица 56

Уезды	Общее количество свиней	В том числе		В том числе улучшенной породы		Всего
		у крестьян	у владельцев	у крестьян	у владельцев	
Аккерманский	62514	57342	5172	-	170	170
Бендерский	32068	31385	683	165	408	573

Аккерманский уезд занимал по поголовью свиней первое место: свиньи были исключительно простой породы и содержались в главной своей массе крестьянами.

К) ремесла, промыслы и торговая

Развитие ремесел, промыслов и торговли в регионе задунайских поселений в пореформенные десятилетия XIX и начале XX в. происходило под воздействием предпосылок, созданных утвердившимся в стране капитализмом.

Производившееся в этом крае огромное количество зернового хлеба, маслосемян, плодов, овощей, винограда, разнообразной продукции животноводства и птицы, шелка-сырца и другого сельскохозяйственного сырья предоставляло предпринимательским элементам из среды задунайских поселенцев на этом этапе все шансы для создания и развития в степном Буджаке значительного центра пищевой и легкой промышленности Бессарабии на новой, более высокой технологической основе. Однако лишь немногие из них располагали необходимыми средствами для вложения в крупные предприятия, поэтому здесь создавались, в основном, мелкие и средние, перерабатывавшие продукцию сельского хозяйства. К индустриально-промышленным объектам можно было причислить лишь паровые вальцовые мельницы, возникшие в 80-е гг. XIX–начале XX вв. в некоторых селениях гагаузов и болгар или устроенные купцами, выходцами из их среды, в придунайских портах, о чем будет сказано ниже.

Переработка продовольственного и фуражного зерна, главного продукта земледелия, была важнейшей заботой задунайских переселенцев с самого начала своего

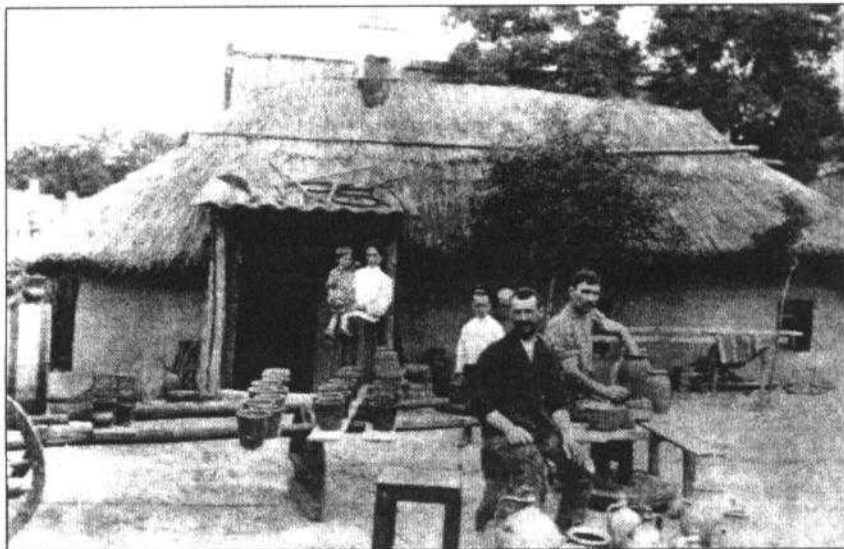
поселения на постоянной основе в буджакских степях в первой трети XIX в. Мукомолье было жизненно необходимым и выгодным ремеслом для каждого села, большого или малого, призванным обеспечивать не только каждодневные нужды местных жителей в муке, крупе, отрубях, дерти и проч., но и приносило ощутимый доход тем, кто им занимался. Как правило, этим ремесленным промыслом занимались наиболее предприимчивые хозяева (со своими семьями).

В дореформенные десятилетия повсеместно в селениях задунайских переселенцев, как впрочем и во всей Бессарабии, были распространены три типа мельниц ремесленного значения. К ним относились:

- **ветряные**, полностью зависевшие от стихии природы (ветра, сильного или слабого), работавшие не более 120 дней в году⁸⁵ (или треть года) и весьма мало-мощные. Этот тип мукомолы был наиболее распространен в селениях гагаузов, болгар и молдаван – бывших колонистов;

- **конные или земляные**, более стабильные, но крайне мало-мощные, приводившиеся в рабочее состояние с помощью конской тягловой силы: одна лошадь или пара коней запрягались в рычаг, закрепленный в оси огромного зубчатого (деревянного) колеса, расположенного во дворе горизонтально, вне помещения, под землей, которое в свою очередь, в ходе прогонки животных по кругу, приводило во вращательное движение другое горизонтально установленное зубчатое колесо (уже в помещении, в полуподвальной его части), на оси которого крепился верхний постав (круг жернова); таким образом с помощью конской силы верхний постав (жернов) вращался поверх нижнего, перемалывая зерно в нужный полуфабрикат; этот тип мельниц также был распространен в большинстве селений болгар, гагаузов и молдаван, но в меньшем количестве, чем ветряные; обычно такие мельницы работали от 2-х до 3-х месяцев в году⁸⁶;

- **водяные**, тоже мелкие, работавшие с перебоями и долгими остановками, в них использовалась сила течения рек (наливные и наплывные мельницы); на юге Бесса-

Гончарное ремесло

рабии, в засушливом Буджаке, с его мелкими, пересыхающими речушками, этот тип мельниц не получил заметного распространения.

Наряду с ветряными и конными, в селениях гагаузов и болгар, как впрочем и у молдаван и других сельских жителей, получил почти повсеместное распространение еще один тип мельниц, но уже не ремесленного, а домашнего характера – *ручные*, самые простые.

Такие мельницы, доступные для устройства в каждой семье, состояли из двух каменных кругов малого размера, легко переносившимися и устанавливавшимися обычно под навесом или на веранде. Верхний камень вращался вокруг оси, укрепленной на нижнем камне. Эта ручная мельница приводилась в работу с помощью шеста, прикрепленного верхним концом к потолку, а нижним – в выемке у края верхнего камня. Ее могли обслуживать как пожилые члены семьи, так и подростки. Такая мельничка выдавала муку грубого помола или крупу. И хотя на ней много муки не намелешь, но зато она обеспечивала самые неотложные нужды семьи в муке, крупе или дерти для домашней птицы, свиней, т.е. была под руками.

Домашнее ручное мукомолье удержалось в быту гагаузов и болгар на протяжении всего XIX и первой половины XX в., несмотря на то, что в эту пору получили широкое распространение не только паровые, но и механические (с двигателем внутреннего сгорания), многовальцовые мельницы и крупчатки, выдававшие до 10 и более сортов муки высокого качества.

Упомянутые выше типы мельниц ремесленного типа были малопоставными (1–2 комплекта парных жерновов) и без сложного оборудования, практически все детали были деревянными. В 1877 г. из общего числа мельниц (1224) лишь на 67 из них было установлено по 2 постава (т.е. 4 жернова), связанных системой зубчатых колес).

Мукомолье в селениях бывших болгарских колонистов было, как в Бессарабии и в России, самой распространенной отраслью сельской промышленности.

К началу пореформенного периода (1871 г.) в селениях гагаузов и болгар Бендер-

Обработка камня, XIX в.

ского и Аккерманского уездов) в 6-ти волостях, 46-ти бывших колониях насчитывалось (табл. 57): 100 конных и 1013 ветряных мельниц, а на них – 1180 поставов, способных перемолоть в рабочий день 1901 четверть пшеницы или кукурузы, т.е. немногим более 304 тонн зерна. Кроме них, имелось еще 27 драчей, или крупорушек, в селениях Чадыр-Лунгской волости; хотя таковые агрегаты имелись и в других болгаро-гагаузских волостях, но данными о них не располагаем.

Количество мельниц в селениях зависело от численности жителей в них. В самых крупных селах размещалось и больше всего мельниц (в Комрате, например, 65 ветряных и 7 конных, в Тараклии – 69 и 5, в Чийшии – 40 и 3, в Чадыр-Лунге – 36 и 4, в Кирютне (Кортене) – 36 и 12. И наоборот – в таких мелких селах, как Ферापонтьевка – 9, Джолтай – 12, в сел. Болгария – 7 и т.д.

Таблица 60

МУКОМОЛЬНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В КОММУНАХ БОЛГРАДСКОГО ЗЕМСКОГО РАЙОНА
ИЗМАЙЛЬСКОГО УЕЗДА ПО СОСТОЯНИЮ НА 9 ОКТЯБРЯ 1878 г.

№ п/п	Название коммун	Количество мельниц	№ п/п	Название коммун	Количество мельниц
I стан					
1	Бабели	15	21	Болбока	26
2	Долукиой	16	22	Анадол	26
3	Кайраклия	13	23	Карагач	30
4	Дермендере	11	24	Конгаз	25
5	Чешмаваруита	18	25	Еникиой	19
6	Ташбунар	32	26	Ескиполос	4
7	Каракурд	33	27	Траповка	1
8	Вайсал	20	28	Хаджиабдул	21
9	Шикирликитай	19	29	Импущита	11
10	Ердекбурно	12	30	Барта	24
11	Бановка	15	31	Колибаш	12
12	Болград, в т.ч. 1 паровая мельница	139	32	Брынза	8
13	Новопокровка	4	33	Фрикация	15
14	Фынтына-Дзинилор	10	34	Валены	14
15	Табак	10	35	Слободзея	35
16	Старотроян	13	36	Джуржулешты	8
IV стан			37	Картал	17
17	Курчи	22	38	Сату Ноу	10
18	Волканешты	65	39	Новокарагач	5
19	Этулия	18	40	Кислица	11
20	Чишмекиой	44	Итого:		860

Источник: Обзор Бессарабской губернии за 1878 г. ЦГИА РФ, ф. 1284, оп.69, лл. 2–8. Подсчитано автором.

К началу XX в. относится устройство простых паровых мельниц во многих крупных селениях гагаузов и болгар в Бендерском уезде, в том числе: братьев Кусурсуз в Чадыр-Лунге, Кирова – в Твардице, Банкова – в Кирютне, Штубера И.Я. и Редели И.Д. – в Кирютне (Кортене), а также Стойчева – в Тараклии (Аккерманский у.) и др. Ремесленные мукомольни подлежали обложению ежегодными земскими податями (по 3 руб. за каждую). Взимался земский сбор также и с маслобоен (по 2 руб.)⁸⁷.

В 70–90-х гг. XIX в. в селениях гагаузов и болгар только Бендерского уезда насчитывалось 24 маслобойни. В Аккерманском уезде в 1896 г. насчитывалось 102 маслобойни, большая часть которых приходилась на селения гагаузов и болгар⁸⁸.

Сырьем для получения растительного масла служили не только семена рапса (репака), льна, конопля, но и подсолнечника, площади под которым с конца XIX в. стали расширяться, что было продиктовано возросшим спросом на его продукцию.

С устройством в большинстве селений задунайских переселенцев простых паровых мельниц стала постепенно свертываться работа многих ремесленных.

ДРУГИЕ ВИДЫ ПРОМЫСЛОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На юге Бессарабии не было специального извозного промысла, как на Украине («чумачество»). Здесь извозничали все поселяне, но только в свободную от полевых работ пору. При этом бывшие колонисты – гагаузы, болгары и немцы, равно как и хотинские руснаки, извозничали лошадьми, молдаване – волами. До строительства железнодорожных линий, пересекших Бессарабию с запада на восток (Унгены–Кишинев–Тирасполь–Одесса) и с севера на юг (Бендеры–Рени) в 70-х годах XIX в., извозный промысел в губернии был весьма широко распространен. Одних только зерновых хлебов передвигалось к местам сбыта 1,5 млн четвертей⁸⁹ (240 тыс. тонн) в год, для чего по местной клади необходимо было не менее 300.000 пароволовых или пароконных подвод, из них от 30 до 50% перевозок осуществлялось из селений бывших колонистов собственным транспортом.

Главными пунктами, куда доставлялся этот товар из Бендерского, Аккерманского и Измаильского уездов, были таможни. В доставке камыша из плавней Дуная, Днестра и Прута, а также лесоматериалов и дров практически участвовали все дворохозяева из задунайских поселений со своим транспортом.

***

На заработки вне пределов своих селений (отхожий промысел) селяне болгары и гагаузы Бендерского уезда уходили редко, в основном, в малоурожайные годы нанимались в ближайшие помещичьи экономии Белградского и Кагульского земских районов Измаильского уезда во время уборки урожая⁹⁰. Десятки и сотни жителей из гагаузско-болгарских селений Аккерманского уезда по контрактам работали на виноградниках крупных виноградовладельцев г. Аккермана и Аккерманского, а также Измаильского уездов, на тузовских соляных промыслах, в девлетагачских и главанских каменоломнях, в рыболовецких артелях Подунавья и др., чтобы прокормить свои семьи, а при возможности и заработать необходимые средства для покупки

земли, посадки собственного виноградника, постройки дома или мельницы, приобретения рабочего скота и т.д.

***

Камень-известняк добывался в пределах Бессарабии, в основном, в Оргеевском и Кишиневском уездах, но особенно – во многих местах Аккерманского уезда (51 место добычи, 451 рабочий, добыто в 1903 г. 2835 куб. саженей известняка (котельца, бута, щибени) на сумму 12714 руб. В каменоломнях при болгарских селениях Главаны, Гасан-Батыр, Код-Китай, Селиогло, Бургуджи, Дельжилер, Кубей, Болгария, Кайраклия, Татар-Копчак и Тараклия было добыто в 1909 г. 733 рабочими 3676 куб. саж. камня на сумму 14.425 руб.⁹¹

В этом уезде интенсивно разрабатывались с промышленной целью также залежи глины и песка (сырья для выработки жженого кирпича). В 7 селениях в 1910 г. при 19 рабочих было добыто глины на 275 куб. саж. и выработано 300.000 штук кирпича на сумму 33.000 руб. и песка при 6 рабочих – 6 куб. саж. на сумму 95 руб.⁹²

В юго-западной части Бендерского уезда разрабатывались залежи камня при селениях Комратской волости Томай и Дезгинжа, где 30-ю рабочими добывалось камня на 900 руб. Горный промысел в селениях гагаузов и болгар составлял доходные статьи целых сельских обществ,²⁹⁴ как пополняя местный бюджет, так и предоставляя многим семьям заработок, особенно из числа малоимущих жителей.

Добытые камень, глина и песок продавались местным селянам и в города Болград, Измаил, Аккерман, Рени, Кагул и др. и использовались при строительстве частных и общественных зданий и сооружений.

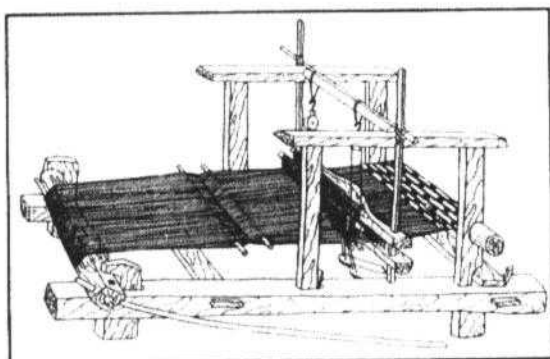
***

Десятки рабочих из селений задунайских переселенцев нанимались на работу в артели по добыче самосадочной соли на соляных промыслах Аккерманского уезда (до Крымской войны). До отторжения южного участка Бессарабии от России, т.е. до 1856 г., из соляных озер Хаджи-Ибраим, Бурнас, Мало-Шаганы и Курудиоль добывалось ежегодно несколько миллионов пудов самосадочной соли. После этого условия экспорта соли сильно осложнились, и данный вид промышленности находился в упадке. После возвращения Измаильского уезда в состав Бессарабии и России в 1878 г. эти запущенные промыслы перешли в собственность казны и были отданы в арендное пользование частным лицам – болгарским предпринимателям Г.И.Титорову и В.К.Киркорову⁹³. Это были предприниматели капиталистического типа. При них соляные промыслы фактически по-настоящему возобновили добычу самосадочной соли.

На Курудиольском промысле Титоров имел 2 локомотива в 10 и 8 л.с., 1 нефтемотор в 12 л.с. и 3 «Архимедовых винта» по 2 л.с. каждый; здесь было нанято 138 рабочих, ими было вывoločено в 1910 г. 307.822 пуда соли. На Мало-Шаганских промыслах с 80-х годов Киркоров имел двигатель внутреннего сгорания в 39 л.с. Здесь было занято 83 рабочих. У Киркорова в 1908 г. на арендуемом им Базарьянском

и Мало-Шаганском промыслах уже трудилось 264 рабочих, промыслы обслуживались 2 локобилиями, а добыча соли составила 320 тыс. пудов (в 1902 г. – 355 тыс. пудов).

На промыслах соль продавалась по цене: крупная – от 10 до 14 коп, и молотая от 12 до 25 коп. за пуд⁹⁴. На этих промыслах работали по найму десятки жителей из болгарских и гагаузских селений Измаильского и, главным образом, Аккерманского уездов.

Ткацкий станок «дюзен»

***

Рыбным промыслом, как и добычей камыша задунайские переселенцы занимались в Подунавье и Припрутье с 20-х годов XIX в., т.е. со времени своего обоснования в буджакских степях, т.к. согласно Указу Александра I от 29 декабря 1819 г. озера Ялпух, Кугурлуй, Катлабух, Кагул, Картал, Белеу, вершина оз. Китай и камышовые плавни Дуная и Прута, прилегающие к региону болгарского водворения, были переданы колонистам в бесплатное и бессрочное пользование. Это право было подтверждено и румынским правительством (закон 1874 г. о поземельном устройстве колонистов и государственных крестьян Южной Бессарабии). Указанные озера, богатые рыбой, были отданы в арендное пользование. Со времени учреждения Болградской гимназии в 1858 г. доход с этих озер поступал в распоряжение гимназии и расходовался на ее содержание.

Арендатором и рыбопромышленником на этих озерах продолжительное время была семья болгарского мещанина Давида Давидова. Согласно сведениям, которыми располагаем, артель рыболовов (рыбный завод) насчитывала в период с 1880 г. до конца века от 13 до 40 рабочих, годовой оборот – от 10 до 30 тыс. руб.⁹⁵

В селении Большая Балабанка Дивизийской волости купцу Арнаутову принадлежал рыбный завод, приносивший предпринимателю прибыль в сумме 300 руб.

***

Домашние кустарные промыслы имели второстепенное значение для экономической жизни губернии, но очень важное – для местных сельских жителей, так как, занимаясь ими, семьи поселян изготавливали для себя необходимые в быту различные изделия из шелка, шерсти, пеньки (конопляное волокно) и льна, хлопчатобумажных пряжей, глины и дерева. А именно:

- из шерсти – сукна, полотна, ковры, ковровые дорожки, покрывала, войлоки;
- из пеньки, льна, шелка и хлопчатой бумаги – полотна, скатерти, салфетки, полотенца;

– из глины – миски, разной величины сосуды (для хранения вилок мяса, сала, жира), горшки, банки, цветочные вазоны, кувшины и пр. гончарные изделия;

– из кожи – разную обувь, меховые изделия (шубы, полушубки, безрукавные телогрейки), конскую упряжь и проч.;

– из дерева и железа – разные сельскохозяйственные орудия и снаряды, необходимые при возделывании почвы, уборки, обмолота и очистки зерна; повозки, сани, шарабаны, бочки, кадушки, ведра, миски, ложки и др. изделия.

Кустарные промыслы большого промышленного значения не имели, так как изделия местных кустарей обычно оставались в пределах губернии и пользовались известностью и спросом только в своем регионе. Большинство изделий бытового назначения отвечало самобытным и своеобразным национальным вкусам гагаузов и болгар.

Видное место среди кустарных промыслов как в губернии, так и в селениях гагаузов и болгар в южных уездах занимали в пореформенные десятилетия ткацко-ковровое производство и производство шерстяных материй и полотен, как и в дореформенном периоде.

Не располагая сведениями о размерах этого производства и числа занятых в нем работников, т.к. данные об этом уже с середины XIX в. не собирались и не фиксировались в отчетных материалах, как не подлежавшие обложению и не представлявшие интереса для казны, все же можно однозначно утверждать, что гагаузы и болгары, ведя замкнутый образ жизни, строго придерживались унаследованных от предшествовавших поколений традиций в изготовлении национальной одежды и обуви и внутреннем убранстве своего жилья. Этим промыслом занималось все взрослое население, и не только до конца XIX в., но и в досоветское и доколхозное время.

Приведенный выше перечень предметов изготовлялся, главным образом, в селениях, преимущественно населенных гагаузами, болгарами, молдаванами, а также колонистами-немцами.

В местах размещения лесов (Кишиневский и Оргеевский уезды) кустарями изготовлялись отдельные части: для колес – ободья, спицы; для повозок – оси, дышла, повозки; орудия труда – плуги, бороны, грабли, вилы, лопаты, ярма воловььи; для хозяйственного обихода: ложки, корыта, бочки, улья и др. изделия, которые местными скупщиками приобретались дешево и отправлялись в степные уезды губернии, где гагаузам и болгарам сбывались по сравнительно высокой цене⁹⁶.

Как известно, капиталистическое развитие внутренних губерний России в пореформенные годы привело к невиданному росту фабрик и мануфактур, заполонивших российский рынок самыми разнообразными и добротными тканями, в т.ч. и бессарабский.

Ткацкий же промысел гагаузов и болгар, как и других сельских жителей Бессарабии, и к началу XX в. развивался медленно и выглядел примитивно (архаично). Однако сукна, полотна, ковры и другие изделия из шерсти цигейки отличались, как отмечалось неоднократно в губернаторских отчетах, чистотой работы и высокой прочностью. Занимавшиеся повсеместно в селах этим промыслом селянки, хотя и не обладали современными (для того времени), техническими знаниями и инструментами для производства изделий, близких к фабрично-заводским, но их трудом традиционно обеспечивалась опрятная и чистоплотная жизнь населения болгаро-

гагаузского региона. В донесениях губернских властей в высшие инстанции России в 70–80-х годах неоднократно констатировалось, что, «несмотря на естественные богатства и ежегодно производимое сырье, Бессарабская губерния из-за отсутствия технических знаний и чрезвычайной дороговизны капиталов никогда, по-видимому, не сделается страной фабрик и заводов в обширном смысле этого слова. Почти вся обрабатывающая промышленность олицетворялась мелкими заведениями домашнего, по преимуществу, характера, почти вся она направлялась к покрытию местных только и при том самых ограниченных потребностей»⁹⁷.

Для региона гагаузских и болгарских поселений, расположенного в западной части Буджакской степи, естественным препятствием к развитию фабрично-заводской промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье, было отсутствие проточных рек и топлива, а также периодические засухи, губившие урожай.

Из-за этих общих и частных причин и обстоятельств, в болгаро-гагаузских поселениях в пореформенные десятилетия наряду с появлением ряда современных капиталистических предприятий (паровых многовальцовых мельниц, работавших на двигателях внутреннего сгорания, сохранилось и продолжало действовать значительное количество заведений ремесленно-кустарного типа, возникших еще в дореформенные годы (см. табл. 65), которые функционировали до конца исследуемого периода.

При этом необходимо иметь в виду, что в быту задунайских поселенцев сохранялись по-прежнему многие предметы специфически национального характера, не производившиеся фабриками и заводами России и потому приходилось изготавливать их на месте кустарным способом.

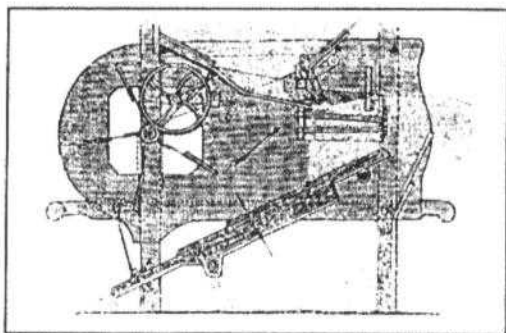
Специализация, наметившаяся в пореформенные годы в земледелии (развитие виноградарства, садоводства, шелководства), в подотраслях домашнего животноводства и др., вызвала спрос на сельскохозяйственный инвентарь – секаторы для обрезки виноградных и садовых насаждений, виноградные дробилки, прессы, коробки, корзины для сбора винограда и доставки его в свежем виде на рынки в ближайшие города для продажи, шелководные и пчеловодные принадлежности и многое другое, что также не производилось во внутренних губерниях страны, и что приходилось изготавливать на месте в возникших мастерских.

В вышеприведенной таблице содержатся сведения об официально учтенных и налогооблагаемых мелких ремесленно-кустарных предприятиях в селениях гагаузов и болгар за один год. Число таких предприятий и объемы производства в разные годы исследуемого периода менялись: одни приходили в упадок, не выдержав конкуренции фабрично-мануфактурных изделий, поступавших из внутренних губерний России или из-за границы, и закрывались, появлялись другие, в которых была потребность.

Ковер ручной работы,
конец XIX – начало XX вв.

Веялка-сортировка

жавшая болгарским предпринимателям братьям Радионовым), (19 рабочих и сумма выработки – на 12800 руб.)⁹⁸ Кашкавальщиками (сыроvarами) были исключительно болгары и гагаузы – непревзойденные знатоки приготовления плавленого сыра – продукта длительного хранения, пользовавшегося большим спросом в Болгарии, Греции, Румынии, Египте, Италии и в др. странах.

Умением гагаузов и болгар варить кашкавал заинтересовался еще в 1891 г. Департамент земледелия, командировав в южные уезды Бессарабии своего специалиста. Наблюдая за технологией приготовления кашкавала, официальный представитель правительственного ведомства убедился в том, что из овечьего молока, вместо получаемой до сих пор только брынзы, болгары и гагаузы получают продукт несравненно высшей стоимости и в сравнительно большем количестве⁹⁹.

Приготавливая кашкавал в домашних условиях, работая сезонно в экономиях крупных овцеводов, гагаузы и болгары заложили на юге Бессарабии основы самостоятельной подотрасли пищевой промышленности, получившей окончательное оформление позже, уже в советское время, в Советской Молдавии.

Приведенные в таблице 65 сведения показывают, что такие мелкие производства, как салотопенное, гончарное, свечное, мыловаренное, кирпично-черепичное, кожевенное и красильное, концентрировались по-прежнему в главных поселениях болгар (г. Болград) и гагаузов (м. Комрат), а красильное, кирпично-черепичное и кожевенное – и в других крупных селениях. При этом следует подчеркнуть, что салотопением занимались не только в указанных местах, но и в каждом селении, в каждой семье, тем более что свиной и бараний жир широко применяли в повседневной жизни при приготовлении пищи. То же можно сказать и о мыловарении и изготовлении сальных и восковых свечей для домашнего пользования; при посещении церкви прихожане обязаны были покупать восковые свечи у своего священника, изготовленные на восковом предприятии, принадлежавшем Кишиневской епархии (т.е. монополисту).

Наиболее стабильно развивалось кирпично-черепичное производство. Строительство жилых и хозяйственных помещений, вальцовых мельниц, школ и других частных и общественных зданий в условиях набиравшего силу капитализма, как в городе, так и в сельской местности, приобрело большой размах, а потому и спрос на строительный материал неизменно возрастал, особенно в начале XX в.

Гончарное производство в пореформенные десятилетия находилось в очень невы-

годном положении, ввиду сильной конкуренции эмалированной посуды, постепенно вытеснившей гончарную, а потому и приходило в упадок.

Кустари-ремесленники, обработавшие железо, дерево и кожу, находились в более или менее удовлетворительном состоянии. Однако и их изделия уже не отвечали требованиям к техническому оснащению отраслей сельского хозяйства. Они не обладали современными техническими знаниями и инструментами для изготовления изделий, близких к фабричным и заводским.

Эту проблему на местах пытались решать губернское и уездные земства путем открытия в 90-х годах ремесленных классов или училищ имени императора Александра II, содержащиеся на средства уездных земств. Было открыто 7 таких классов, два из которых были размещены в южных уездах: Тараклийский ремесленный класс (Тараклийская волость, сел. Тараклия Бендерского уезда) и Волонтировский ремесленный класс (Волонтировской волости, села Волонтировка Аккерманского уезда)¹⁰⁰. Представителей из Измаильского уезда принимали как в одном, так и в другом классе, ввиду отсутствия в этом уезде земских учреждений.

Принимали в эти классы сельских мальчиков, в основном, из бедных семей или сирот, где они получали начальное образование (учились 3–4 года) и специальную подготовку по одной из специальностей: столярному, плотничьему, слесарному, кузнечному, тележному, бочарному, колесному, гончарному, малярному и др. ремеслам. В этих училищах в 1904 г. обучалось 208 мальчиков, из которых окончило в том году 28¹⁰¹. Окончившие ремесленные классы получали хорошую подготовку под руководством опытных наставников (с инженерным образованием). В этих классах учащиеся научались изготавливать изделия по заводским образцам. По окончании учебы каждому выдавалось бесплатно по одному комплекту инструментов. Как правило, все окончившие учебу возвращались в родные селения и открывали свои мастерские и заведения. Некоторые устраивались на работу в помещичьих имениях. Вот некоторые фамилии выпускников училищ из гагаузских и болгарских

Строительство железной дороги Бендеры-Рени, 1878

сел: Киор Н.Ф. и Киор Д.К. из Кубея; Каланжиогло из Кулевчи; Стамов Н.И. из Главан; Бузаджийский из Ивановки-Болгарской; Братан из Томая; Таукчи и Безвольев из Кортена; Кисса, Кампасун, Панаит, Бодырев, Събев из Комрата; Шошев С., Шупак З., Пармакли Г., Калинков И., Влайков И., Шупак Н., Кристов В, Петков Н. из Таврицы; Танурков Дм. из Кортена, Якименко А. из Ферापонтъевки, Михайлов Ф., Павович С., Панович Г., Демьян Н. из Комрата; Яниогло Э. из Чок-Майдана; Данаджи из Казаяклии; Караман А. из Башкалии; Пасков И. из Твардицы¹⁰² и др.

Ремесленные изделия учащихся экспонировались на губернских и мелкорайонных сельскохозяйственных и кустарно-промышленных выставках.

В 1903 г. Волонтировский ремесленный класс был представлен на губернской сельскохозяйственной выставке в Кишиневе самостоятельным разделом.

Выставленные изделия учащихся были признаны выставочным комитетом очень хорошими, по качеству превосходными и вполне соответствующими своему назначению, за что мастерская была удостоена Большой серебряной медали. Изделия, представленные на этой выставке были проданы: помещику Поповскому из Хотинского уезда – 3 лемешный плуг за 45 руб.; священнику из Бендерского у. – 2 лемешный за 38 руб.; леонтьевскому помещику Ефремову – однолемешный; Кукурузенскому ремесленному классу Сорокского у. – прашовник кукурузный – в качестве образца; помещику Бендерского у. Зоти – веялка, другим – каток для укатки поля, водовозная двуколка, лестница деревянная складная, улей системы «Дубини» и др. на сумму 473 руб.¹⁰³

Новое поколение сельских кузнецов, плотников-столяров, бондарей и др. ремесленников, окончивших ремесленные классы, существенно повлияло на обеспечение селян усовершенствованными орудиями и их ремонтом за доступную плату.

Однако эти ремесленники не в состоянии были изготовлять все, что требовалось в хозяйстве селянина, поэтому некоторые, более сложные и качественные орудия, а также машины, приобретали в мастерских и заводах немецких колони-

На железнодорожной станции Чадыр-Лунга, 1878 г.

испытывали почти хронически более крупные (в среднем) хозяйства поселян южных уездов, подверженных периодическим неурожаем. Кроме того, землепользование в северных уездах значительно расширилось за счет земель заграничных монастырей, которые все находились в аренде у крестьян, а также за счет земель помещичьих, которые за редким исключением также арендовались крестьянами, хотя обычно через посредников и часто при весьма тяжелых условиях.¹⁸

Первый автомобиль в Комрате, нач XX в.

Поселяне южных уездов (Бендерского и Аккерманского) не располагали этими возможностями, что и будет сказываться на ходе и направлении осуществления мероприятий реформы П.А. Столыпина. Кроме того, нужно отметить и многодворность селений в Бессарабской губернии. В среднем на каждое селение приходилось по 207 дворов, и этот признак одинаков был для всех уездов. Больше всего селений было с числом дворов от 100 до 400 (58%).¹⁹ Уже этим одним обуславливались недочеты в крестьянских хозяйствах, так как в многодворных селениях земли, очевидно, преимущественно расположены были вдали от селений. Болгарских селений с числом дворов до 200 вообще не было. Они группировались следующим образом: от 200 до 400 дворов – 18 селений, от 400 до 600 – 16 селений, от 600 до 800 – 4 селения, от 800 до 1000 – 4 селения (Чийшия, Кубей, Чадыр-Лунга, Татар-Копчак) и свыше 1000 дворов – 2 селения (Тараклия, Комрат).²⁰

В болгарских селениях пахотные земли отстояли от населенного пункта на расстоянии в среднем 7 верст, а отдельные участки домохозяев были разбросаны на протяжении иногда от 1 до 15 верст один от другого.

Многодворность рассматривалась тогда официальными губернскими и уездными земскими чиновниками в качестве очевидного тормоза интенсификации крестьянских хозяйств, и поэтому, ведя предварительную подготовку к проведению в жизнь мероприятий столыпинской реформы, они стремились расселить поселян больших селений по их наделам и в этом видели одну из ближайших целей землеустроительных мер, на эти селения стремились направить внимание землемерных органов.

Чрезмерная чересполосность и раздробленность пахотной земли домохозяев были также характерны для поселений бывших государственных крестьян и болгарских колонистов Бендерского и Аккерманского уездов. В с. Кириутня (Кортен) на каждого из 629 домохозяев приходилось по 10 участков пахотной земли, находившейся в их пользовании, разбросанных в десяти разных урочищах, площадь каждого из которых колебалась от 50 квадратных сажень до 2 десятин 30 кв. саж., а расстояние же у поселения до самого удаленного участка достигало 10 верст.²¹ В с. Чумлекной пашня домохозяев была размещена в 24 чересполосных участках при расстоянии до самого удаленного от села в 7 верст. В отдельных селениях бывших немецких колоний, соседних с болгарскими, число участков пашни доходило до 69.²² В других поселениях пашню не дробили более чем на 3 участка (свыше половины селений

губернии), а на свыше 6 участков пахотная земля была раздроблена в 172 селениях и свыше 10 – только в 53.²³

Таким образом, применение указа от 9 ноября 1906 г. об укреплении участков надельной земли в личную собственность в Бессарабской губернии могло иметь место только в Аккерманском, Бендерском и Хотинском уездах, так как только здесь казенные земли наделялись крестьянам (государственным) и колонистам-болгарам на общинном праве. Во всех остальных селениях губернии селяне были наделены землей в подворно-наследственном владении.

Ответственные за осуществление мероприятий, предусмотренных указом 9 ноября 1906 г., – губернатор, губернское присутствие, уездные съезды, земские начальники и сельские управления, приступили к работе, которая предусматри-

Здание Реального училища в Комрате, конец XIX–нач XX вв.

вала прохождение двух стадий: первая – ликвидация общинного землевладения в губернии и укрепление участков надельной земли в личную собственность; вторая – это землеустройство крестьян на надельных землях (ликвидация или уменьшение чересполосности), переход их на отруба и хутора. По распоряжению губернатора указ от 9 ноября 1906 г. был отпечатан тиражом в 50 тыс. экземпляров²⁴ и разослан для распространения среди населения. Кроме того, была опубликована большим тиражом в качестве

бесплатного приложения к газете «Сельский вестник» (Санкт-Петербург) брошюра под названием «Земельная собственность по закону 9 ноября 1906 г.», доставлена в Бессарабию и распространена целевым порядком среди населения указанных выше уездов. В ней в популярной форме разъяснялось содержание закона, других высочайших повелений и т.д. В частности, в разделе о помощи правительства крестьянам говорилось: правительство видит, что обеднение крестьянского сословия за последние годы происходит не только от малоземелья, но и, главным образом, от неправильного пользования землей, то есть от неправильного ведения крестьянского хозяйства, и задано целью, наряду с другими мероприятиями, пособить тем крестьянам, которые хотят выселиться на хутора, чтобы они получили возможность улучшить свое хозяйство и тем избежать нарастающей бедности».²⁵

Повсеместно в империи, в том числе и в Бессарабской губернии была распространена солидная работа А.А. Кофода «Опыты самостоятельного перехода крестьян к хозяйству на отрубных участках надельной земли»,²⁶ в которой излагалась история зарождения и развития хуторского хозяйства в 70–80-х годах XIX в. в Прибалтийских краях, в Белоруссии и лесостепной Украине, где крестьяне – латыши и немцы – колонисты раньше других увидели явные преимущества самостоятельного хозяйства перед общинно-чересполосным и расселились на хуторские участки.

А что же предпринимали наши бессарабские болгарские и гагаузские общинники (бывшие колонисты)? Живя по соседству с немецкими колонистами (в восточной

части Буджака), болгарские и гагаузские поселенцы на протяжении жизни нескольких поколений имели возможность наблюдать за их хозяйственной деятельностью, перенять некоторые приемы агротехники, приобретать у них более совершенные орудия сельскохозяйственной техники, опыт выращивания картофеля, льна и т.д., разведения коней и широкого использования лошади в качестве основной тягловой силы в сельском хозяйстве (особенно с последних десятилетий XIX в.). Не склонные к профессиональным ремеслам и не зная других занятий, кроме своих традиционных хлебопашеских, гагаузы и болгары-общинники не могли не видеть преимущества давно утвердившегося у немцев подворно-участкового надельного землевладения (пашенных земель), позволявшего вводить как каждому хозяину, так и всему сельскому обществу улучшенные способы хозяйствования, внедрение которых у поселян-собственников (бывших болгарских колонистов) тормозилось общинными порядками и условиями землепользования.

В этой связи можно отметить особую активность сельских обществ в болгарской и гагаузской местностях в их стремлении, как еще в I пол. XIX в., так и в последнем десятилетии XIX в. и до издания указа от 9 ноября 1906 г. к переходу на подворно-участковое наследственное землевладение. Почти во всех поселениях болгар и гагаузов в эти годы были приняты сходами поселян-собственников (общинников) мирские приговоры, в которых обосновывались их ходатайства. Однако губернские власти не удовлетворяли их. Политика поддержки и укрепления общины со стороны правительства оставалась еще неизменной.

На протяжении 1907–1908 гг. губернские и местные власти (в уездах, в волостях) проводили усиленную работу среди крестьян-общинников по склонению их к выходу из общины целым обществом или индивидуально и укреплению их надельной земли в личную (единоличную) собственность путем отчуждения ее из общего массива общины и выделения в один отруб, на который следует перебазироваться из села и завести хуторское хозяйство.

Осенью 1907 г. состоялись сельские сходы в ряде поселений Кубейской волости Аккерманского уезда (Тараклии, Голице, Пандаклии и Сатталык-Хаджи), на которых

были приняты мирские приговоры о разделе общинной земли на подворные участки и о переходе от общинного землепользования к подворно-наследственному землевладению.²⁷ В течение 1908 г. аналогичные решения приняли сходы всех гагаузских и болгарских поселений Чадыр-Лунгской, Комратской волостей Бендерского уезда, Кулевчской, Ивановско-Болгарской, Ташлыкской и Кубейской волостей Аккерманского уезда.²⁸

По своему содержанию мирские приговоры ничем не отличались

Колокольня при домово́й церкви Комратского Реального училища построена на средства комратчанина Георгия Цанко Кильчика в ознаменование дня священного миропомазания Болгарского Княжича Бериса с присвоением наименования «Николаевской». Нач. XX в.

друг от друга. Вот какое постановление было записано, например, в мирском приговоре сельского схода поселян селения Кирютня (Кортен) Чадыр-Лунгской волости Бендерского уезда,²⁹ состоявшегося 19 февраля 1908 г.: «Общественную землю нашу, бывшую до сего времени в общинном пользовании, на будущее время не переделывать, а заменить общинное землепользование подворным наследственным землевладением и вследствие этого решили:

- во-первых, укрепить и укрепляем за каждым из нас в полную личную собственность те участки общинной пахотной земли в таком количестве и в тех местах, урочищах, кому и где сколько причитается по последнему переделу, состоявшемуся, согласно приговоров наших от 9 января 1907 и дополнительного к нему от 5 февраля того же года, утвержденным Бендерским уездным съездом 6 марта того же года;
- во-вторых, укрепляем также за каждым из нас в полную личную собственность все участки под усадьбой, виноградники и плантации (лесонасаждения. – С.Н.) в таком размере, в каком каждый из нас владеет ко времени составления настоящего приговора;
- в-третьих, толоки укрепляем за каждым из нас постольку, поскольку причитается каждому домохозяйину количеству душ в его семье ко времени составления раздельного списка при последнем переделе в 1907 г., но толока и на будущее время остается в нашем общем пользовании, а также находящиеся в даче и селе каменоломни, водопои, дороги, базар и другие общественные оброчные статьи;
- в-четвертых, отсутствующих наших односельцев, не наделенных землею при последнем переделе и не ведущих хозяйства дома, наделить землею лишь по возвращении их на жительство в родное село Кирютня наравне с нами по числу душ в их семьях ко времени составления означенных приговоров о последнем переделе (от 9 января и 5 февраля 1907 г. – С.З.);
- в-пятых, размеры каждого подворного участка определить, согласно прилагаемому к сему приговору именному раздельному списку;
- в-шестых, настоящий мирской приговор хранить в нашем сельском управлении при земельных документах как доказательство подворного землевладения в нашем селе».

Фото учащихся Реального училища в честь 100-летия присоединения Бессарабии к России, 1912 г.

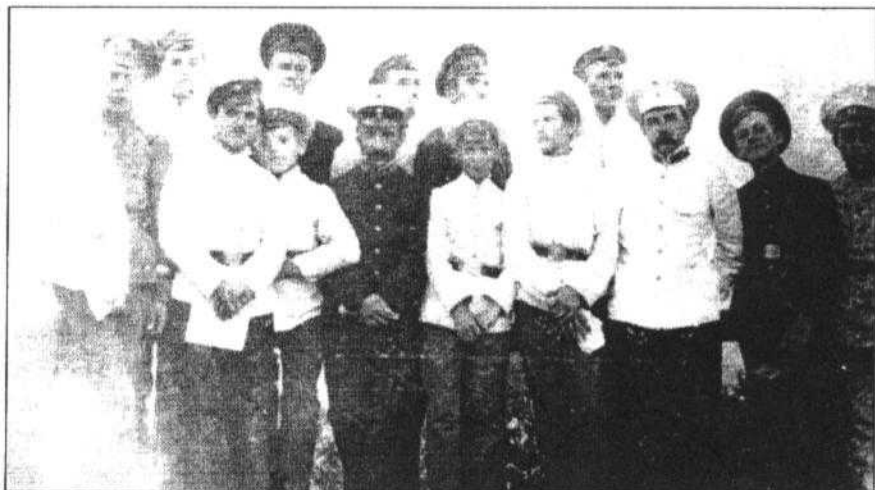
Принятые в 1907–1908 г.г. повсеместно в болгарских поселениях решения перейти от общинного землепользования (выкупленных наделных земель) к подворно-участковому наследственному землеустройству свидетельствует о том, что бывшие колонисты отошли от требований или рекомендаций указа от 9 ноября 1906 г. (переходе на отруба) и избрали форму, наиболее соответствовавшую в то время их укладу жизни.

Вот как суммировал суждения поселян на сельских сходах земский начальник 3-го участка (Чадыр-Лунгская и Абаклыджабская волости) Тодоров: «Общества не решаются переходить на отруба на том основании, что земля не везде одинакова по своему качеству; воды всюду не имеется, трудно разделить между собою неудобную землю (под оврагами и т.д.); стремление при переходе от общинного к подворному землепользованию и разверстанию чересполосицы имеется, но оно не осуществимо вследствие отсутствия бесплатных казенных землемеров, частные же слишком дороги; так, например, по с. Казаяклия частный землемер запросил около 7000 руб., а между тем общество и сегодня желает сократить число урочищ от 14 на 5, ходатайство же наше в Бендерскую землеустроительную комиссию о командировании казенного землемера отклонено, т.к. последняя направляла землемеров лишь в том случае, если общество перейдет на отруба.³⁰

Земский начальник 4-го участка (Комратская и Чимишлийская волости) сообщал в губернское присутствие: в Комратской волости не представлялось возможным свести наделы каждого домохозяина в один отрубной участок, так как каждый надел состоит из частей разнообразной земли (удобной, неудобной, выгонной и пр.), и в интересах общества сохранить за каждым домохозяином право одинакового владения во всех участках; при переделе общинной земли на подворные участки общества высказывают свое согласие на уменьшение чересполосности.³¹

Направленный губернатором в болгарские и гагаузские поселения неперемный член губернского присутствия А.Э. Штанге для склонения поселян к выходу на отруба не достиг успеха. Докладывая губернатору о своем посещении гагаузских и болгарских поселений и расспросах-разговорах на сходах, он сообщал, что лишь отдельные домохозяева склоняются к выходу на отруба, но это были все переселенцы, зачислившие уже за собою душевые земельные доли в Сибири,³² распродававшие свое имущество и готовившиеся к переселению в губернии Азиатской России.

На состоявшемся в январе 1909 г. в Петербурге совещании по внутринадельному землеустройству, созванном П.А. Столыпиным, упомянутый А.Э. Штанге заявил: Чистая форма отрубного хозяйства, когда вся земля хозяина, кроме усадьбы, находится в одном куске, в Бессарабии может быть достигнута только в виде исключения. Методы Кофода, имевшего дела с обществами из 10–15 дворов, в Бессарабии с ее большими селениями – неприемлемы.³³ Компенсировать качество или расстояние отрубного участка его размерами, денежными доплатами для худших земель и приплатами за лучшие земли в многолюдных селениях было недостижимо. Сильным было также стремление крестьян равнять все выгоды и неудобства, от которого они еще не скоро отвыкнут. Единственное, что было достигнуто при выходе из общины и переходе к подворно-участковому землеустройству, это уменьшение, по взаимному согласию, чересполосности пахотных земель.

Учащиеся Комратского реального училища в Москве, нач XX в.

Таким образом, и переход ко второй ступени на пути землеустройства на надельных землях – к отрубам по указу 9 ноября 1906 г. не состоялся в гагаузских и болгарских поселениях.

В течение 1910–1911 гг. Бессарабское губернское присутствие рассмотрело мирские приговоры всех поселений бывших болгарских колонистов и утвердило их³⁴ (табл. 69). Со времени издания указа 9 ноября 1906 г. и по 1 января 1916 г. все 47 селений перешли в полном составе по общественным приговорам к наследственному владению без разверстания угодий на отрубные или хуторские участки.³⁵

Учащиеся женской гимназии, Комрат, нач XX в.

СВЕДЕНИЯ ОБ УКРЕПЛЕНИИ ЗЕМЛИ В ЛИЧНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕМЯ
ИЗДАНИЯ УКАЗА 9 НОЯБРЯ 1906 г. ПО 1 ЯНВАРЯ 1916 г. В СЕЛ. БОЛГАР И ГАГАУЗОВ

Уезды	Число селений, перешедших в полном составе по обще- ственному приговору к наслед- ственному владению без развер- стания угодий на отрубные или хуторные участки	В этих селениях состояло	
		домохозяев, за исключе- нием ранее укрепивших землю и долгосрочно выкупивших свои наделы	земли, за исключением ранее укрепленной в собственность и долго- срочно выкупленной
Аккерманский	30	13.554	149.835,3 дес.
Бендерский	17	6.487	73.218,5 дес.
Итого:	47	20.041	223.053,8 дес.

Источник: НАРМ, ф.329, оп.3, д.4094, л. 2 – 3. Выборка автора.

В гагаузских и болгарских поселениях к концу XIX–началу XX вв. скапливалась масса избыточного, безземельного населения (преимущественно молодых). Семьи, обладавшие крепким хозяйством, стремились приобрести для своих женатых сыновей землю, малоземельные же, не имевшие перспектив, продавали свою землю и переселялись на восток.

Сведения, которые удалось выявить в архиве, свидетельствуют, что чаще всего гагаузы и болгары покупали землю в соседнем Измаильском уезде, где сохранилось еще значительное количество частных владений. Для этого создавались сельскохозяйственные товарищества, которые при содействии Крестьянского Поземельного банка (дававшего ссуды под 10% годовых на 55,5 лет) покупали у владельцев или у этого же банка приобретенные им у разорившихся помещиков имения.

Приведем список товариществ, приобретших землю при содействии упомянутого банка в Измаильском уезде.

Товарищества	Время препровождения Крестьянским банком в губернское присутствие списка членов товарищества
Купоранское	28 декабря 1905 года
1-е Московейское	28 октября 1897 года
2-е Московейское	28 октября 1897 года
1-е Ново-Троицкое	12 мая 1911 года
2-е Ново-Троицкое	12 июля 1911 года
2-е Тараклийское	22 января 1903 года
1-е Томайское	29 июля 1911 года
2-е Томайское	29 июля 1911 года
3-е Томайское	29 июля 1911 года
4-е Томайское	29 июля 1911 года
1-е Александровское	21 февраля 1903 года
2-е Александровское	21 февраля 1903 года
3-е Борчагское	29 апреля 1908 года
4-е Борчагское	29 апреля 1908 года
1-е Вознесенское	12 мая 1911 года

2-е Вознесенское	12 мая 1911 года
3-е Вознесенское	13 мая 1911 года
4-е Вознесенское	13 мая 1911 года
1-е Кирютинское (Стояновка)	15 января 1903 года
Чадыр-Лунгское (Стояновка)	15 января 1903 года
2-е Кирютинское (Викторовка-Тутован)	19 мая 1909 года
Константиновское	1897 год
Шлингеровское	1897 год

Источник: НАРМ, ф.329, оп.3, д.3083, л.58. Подсчитано автором.

С 1897 по 1912 г. 71 земельное товарищество приобрело земли в Измаильском уезде, главным образом при посредничестве Крестьянского Поземельного банка. Среди них 34 товарищества – выходцами из гагаузских и болгарских сел. Землеустройство их с самого начала было хуторским, а тип хозяйства – фермерским. Именно из этих хуторов впоследствии сформировались в Измаильском у. поселения Стояновка, Викторовка, Купораны, Колибабовка, Максимены, Троица, Московей (основанное малороссами значительно ранее), Новониколаевка, Владимировка, Карболия, Казаклия, Дерменжи, Гаваноаса, Дубовая Балка, Вознесены, Борчаг, Новая, Тараклия, Новая Ларга, Паик, Бисерикуца, Александровка, Константиновка, Ивановка (Арса), Новоскривановка, Суюндук, Булатовка (Бендерский у.) и др. Столыпинская реформа ускорила расширение ареала расселения болгарской диаспоры в пределах пограничного Измаильского уезда и частично Бендерского.^{36-а}

б) Переселение в Сибирь. Указ 9 ноября 1906 г., вошедший в историю как Столыпинская аграрная реформа, дал мощный толчок переселенческому движению крестьян из Европейской России – в Азиатскую. Этот процесс зародился и развивался стихийно задолго до реформы, но с принятием в 1893 г. основного переселенческого закона переселение становится составной частью аграрной политики российского государства.³⁷

В это движение стала втягиваться постепенно и Бессарабская губерния, бывшая до недавнего времени местом, куда переселялись тысячи семей задунайских поселенцев, немецких колонистов и многие крестьяне из внутренних губерний страны. Не остались в стороне от этого движения и бессарабские болгарские поселяне.

Нужда и желание улучшить экономические условия своего быта толкали многих поселян из этих поселений на путь переселения.

В 1895 г. с ходатайствами о разрешении переселиться в Сибирь обратились жители с. Татар-Копчак (334 сем.) и с. Кубей (256 сем.) Аккерманского уезда³⁸; в 1899 г. с подобными заявлениями из с. Кирютня (67 сем.) с. Авдарма (34 сем.) и с. Чок-Майдан (1 сем.) Бендерского уезда.³⁹ Почти никто из ходатайствовавших не получил разрешения на переселение. Причины отказа центральных и губернских властей разные: главная – отсутствие необходимых средств на оплату проезда и обзаведения хозяйством на новом месте или отсутствия свободных участков казенной земли и

* Л.С. Берг Население Бесарабии. Этнографический состав и численность. Петроград, 1923, с. 22-23.

др. Лишь 6 семействам из с. Кирютня (33 д.об.п.) было выдано разрешение на переселение в Южно-Уссурийский край (пароходом Одесса-Владивосток).⁴⁰

Новый переселенческий закон 1904 г. и реформа общины придали переселенческому движению новый импульс. После принятия закона 9 ноября 1906 г. одним из первых в Бессарабии, кто стал ходатайствовать о разрешении переселиться на казенные и кабинетные земли Сибири и за казенный счет, были мещане-арендаторы, так называемые десятинщики Аккерманского и Бендерского уезда. Их численность превышала 3.000 семей.⁴¹ Будучи безземельными, они арендовали лишь небольшие усадебные участки у пригородных землевладельцев. Среди них, особенно в Аккермане, было немало мещан болгар и гагаузов. Вслед за ними стали добиваться разрешения переселиться на казенные земли за Уралом безземельные и малоземельные поселяне этих уездов (бывшие государственные крестьяне).

В уездные землеустроительные комиссии, с момента открытия их действий в 1907 г., стали поступать тысячи ходатайств от этих крестьян о разрешении переселения.

В 1908 г. эти комиссии стали снаряжать группы ходоков в Тургайско-Уральскую область для осмотра условно зачисленными за этими двумя уездами переселенческой организацией душевых земельных долей.

В целом в 1907 – 1908 г.г. уездными землеустроительными комиссиями Бессарабской губернии было образовано 10 групп ходоков (190 чел.), в том числе две группы с участием членов комиссии.⁴² Вместе с тем эта работа пока прямого отношения к жителям гагаузских и болгарских поселений не имела.

Есть сведения о ходоках из 4-го земского участка Аккерманского уезда (Кулевчская волость), где названы фамилии жителей с. Камчик Давида и Родиона Куртовых, отправившихся также для осмотра зачисленной армии.

В Чадыр-Лунгской и Комратской волостях в 1907 – 1908 г.г. ходаческого и переселенческого движения не было, за исключением 8 семей местных селян, тайно и без паспортов выехавших и, как было установлено позже, направившихся в Тургайскую область.⁴³

Именно в эти годы в гагаузских и болгарских поселениях Бендерского (19) и Аккерманского (28) уездов на сельских сходах принимались приговоры о разделе общинной земли, о переходе от общинного к подворному, то есть единоличному землевладению домохозяина, а не семьи в полном составе.⁴⁴ Именно в это время произошло массовое разделение многосемейных дворов с выделением старших сыновей в самостоятельных дворохозяев.

Жители с. Курчи, нач XX в.

В результате происшедших перемен резко возросло число малоземельных и безземельных крестьян, не видевших никакой перспективы для себя в родных селениях. Так, например, в с. Кирютня Чадыр-Лунгской волости после раздела

общинной земли на 622 подворно-наследственных участка в 1907 г. оказалось: без пашни (только по 1 винограднику до 0,30 дес.) – 10 дворов от 0,75 до 1,5 дес. – 51 двор: от 2 до 3-х десятин – 155 дворов; от 3 до 4 дес. – 89; от 4 до 5 дес. – 93; от 5 до 6 дес. – 83; от 6 до 7 дес. – 91; от 7 до 9 дес. – 38 и от 9 до 13,5 дес. – 12 дворов.⁴⁵ Подобная картина наблюдалась во множестве гагаузских и болгарских поселениях.

Для тех, у кого вообще не было пахотной земли или было до 5 дес., единственным выходом из создавшегося положения было переселение на казенные земли за Уралом. Найти же приложения своему труду в своих уездах было невозможно, так как там отсутствовали крупные владельческие хозяйства и фабрично-заводская и кустарная промышленность. К тому же поселяне гагаузы и болгары, кроме хлебопашества и виноделия, другого занятия, которое бы обеспечивало содержание семьи, не знали.

Вот почему в 1909 – 1913 г.г. во всех 17 гагаузских и болгарских поселениях Бендерского и Аккерманского уездов развернулось массовое переселенческое движение. (Десятки малоземельных селян выражали согласие переселяться в Азиатскую Россию (табл. 71).

Как правило, при содействии землеустроительных комиссий и земских начальников снаряжались ходоки, которые от имени пославших их семей должны были подыскать подходящие участки земли за Уралом и зачислить земельные доли (1 доля равнялась 15 – 16 дес. земли) (для душ мужского пола): в 1909 г. – было выдано 239 ходоческих свидетельств от гагаузских и болгарских поселений⁴⁶, в 1910 г. – 37.⁴⁷ (таблица 72).

На зачисленные ходоками земли в Тургайско-Уральской, Семипалатинской и Акмолинской областей получило проходные переселенческие свидетельства и выехало к месту нового жительства и хозяйствования: в 1909 г. – 390 семейств⁴⁸, в 1910 г. – 1220 семейств⁴⁹, в 1911 г. – 175 семейств⁵⁰, в 1912 г. – 35 семейств⁵¹, в 1913 г. – еще 168 семей.⁵² Сведения о имевших место переселения в 1914 – 1916 г.г. мы не располагаем. Таким образом за 5 лет Столыпинской реформы (1909 – 1913 г.г.) из гагаузских и болгарских поселений Бендерского и Аккерманского уездов переселилось в восточные районы России 1893 семьи. (таблица 72).

К сожалению, в выявленных в Национальном архиве Молдовы сведениях, не везде указан состав переселившихся семей. Если же предположить, что семьи состояли из 5 – 6 чел., а переселялось, как правило, множество многосемейных переселенцев, то увидим, что в поисках лучшей жизни в Азиатскую Россию переехало более 10.000 душ обоего пола. А если учесть и переселенцев из 24 болгарских (в т.ч. ряда гагаузских) поселений Измаильского уезда (который в данной монографии не рассматриваем), и из которого переселенческое движение было также интенсивным, то можно предположить о почти 15.000 болгар и гагаузов Бесарабии, переселившихся в восточные районы России. Самую большую группу семей переселенцев дала Чадыр-Лунгская волость – 739⁵³, затем Кубейская и Ташлыкская – 418, Комратская – 255, Ивановско-Болгарская – 155 семей и др. (см. табл. 72).

Большие группы семей выехали из с.с. Татар-Копчак – 54, Кубей – 49, Тараклия – 45, Димитровка – 40, Ново-Троян – 69, Чийшия – 27, Болгария – 30, Томай – 30.⁵⁷ Были среди болгар и гагаузов возвращенцы из Сибири, но сведениями о их количестве и месте прибытия мы не располагаем.

Выходцами из гагаузских и болгарских сел были основаны десятки хуторских поселений. Некоторым давали по традиции имена своих родных сел в Бесарабии. Среди них поселок Болгарский Павлодарского уезда Семипалатинской области, Тараклийский того же уезда, Кишиневский – в память об областном центре родной губернии⁵⁸, а также Романовский (в честь царствующего в России дома Романовых). (табл. 73).

Таблица 73

СВЕДЕНИЯ О ЧИСЛЕ КРЕСТЬЯНСКИХ СЕМЕЙСТВ 8-ГО ЗЕМСКОГО УЧАСТКА АККЕРМАНСКОГО УЕЗДА, ПЕРЕСЕЛИВШИХСЯ НА КАЗЕННЫЕ ЗЕМЛИ СИБИРИ В 1913 Г.

Участок	За месяц	Число		Откуда	Причины исхода	Куда
		семейств	душ обою пола			
8	март	49	249	с. Татар-Копчак	Малоземелье, высокая арендная плата	на участок Юрт-Камаган Павлодарского уезда Семипалатинской области – 2 сем.;
						- Кара-Каска Павлодарского уезда той же области;
						- Тимрейский Тургайской обл. – 5 сем.;
						- Чулакский той же области – 16 сем.;
						- Таврический Актюбинского уезда той же обл. – 1 сем.
						- Ново-Сергеевка того же уезда и области – 6 сем.;
						- Романовский Зайсанского у. – 2 сем. и Курман Актюбинского уезда Тургайской области – 2 сем.
						- Батпак-Булакский Лийсинского уезда Семипалатинской области – 13 сем.
8	март	5	7	с. Кубей		- на участок Джуз-Агачский Зайсанского уезда Семипалатинской области – 2 сем.;
						- Болгарский Павлодарского уезда той же области – 3 семейства
8	март	7	40	с. Болгария		- на участок Романовский Зайсанского уезда Семипалатинской области – 7 сем.
8	апрель	7	35	с. Татар-Копчак		- на участок Кара-Коч Акмолинского уезда Акмолинской обл. – 1 сем.
						- Чулакский Тургайской обл. – 1 сем.
						- Курман Атбассарского уезда Акмолинской области – 5 сем.

8	апрель	21	123	с. Болгария	- на участок Петропавловск Зайсанского уезда Семипалатинской обл. - 2 сем. - Курмельты Зайсанского уезда той же области - 18 сем. - Романовский того же уезда и обл. - 1 сем.
8	май	2	11	с. Болгария	- на участок Романовский Зайсанского уезда Семипалатинской обл. - 2 сем.
8	май	1	4	с. Пандаклия	- на участок Болгарский Павлодарского уезда Семипалатинской обл. - 1 сем.
8	май	3	3	с. Селиогло	на участок Болгарский Павлодарского уезда Семипалатинской обл. - 3 сем.
8	май	1	5	с. Голица	- на участок Кишпекский Павлодарского уезда Семипалатинской обл. - 1 сем.
8	май	1	7	с. Тараклия	- на участок Тараклийский Павлодарского уезда Семипалатинской обл. - 1 сем.
8	июнь	2	15	с. Кубей	- на участок Болгарский Павлодарского уезда Семипалатинской обл. - 2 сем.
8	июнь	2	8	с. Тараклия	- на участок Тараклийский указанного уезда и области - 2 сем.
8	июль	4	17	с. Селиогло	- на участке Болгарский указан. уезда и области - 4 сем.
8	июль	1	1	с. Пандаклия	- туда же
8	июль	1	3	с. Тараклия	- на участок Тараклийский указ. у. и обл.
8	июль	4	4	с. Татар-Копчак	- на участок Чулакский Актюб. у. Тург. обл.
8	август	2	2	с. Голица	- на участок Тараклийский указ. у. и обл.
8	август	2	2	с. Селиогло	- на участок Болгарский указ. у. и обл.
8	сентябрь	7	29	с. Татар-Копчак	- на участок Таврический Тург. обл. - 1 сем. - Тимрейский Актюб. у. Тург. обл. - 3 сем. - Ново-Сергеевский того же у. и обл. - 3 сем.
8	сентябрь	2	15	с. Кубей	- на участок Болгарский указ. уезда и обл. - 2 сем.
8	октябрь	1	4	с. Татар-Копчак	- на участок Новороссийский Актюб. у. Тург. обл.
8	октябрь	6	22	с. Кубей	- на участок Тоғудбайсайский Темирского уезда Уральской обл. - 5 сем. - Тараклийский указ. у. и обл. - 1 сем.
8	ноябрь	1	3	с. Пандаклия	- на участок Болгарский указ. у. и обл.
Итого		132	614		

Малоземелье, высокая арендная плата

Несмотря на необычность этого явления (в мирное время), переселение значительной части жителей из испытывавших земельную тесноту родных сел также как и объединение в товарищества и приобретение за пределами своих мест земельных участков (в Измаильском уезде) на кредиты, предоставленные Крестьянским Поземельным банком, в значительной мере разрядило возникшую к этому времени напряженность.

Обосновавшиеся на новых местах, как в Измаильском уезде Бесарабии, так и на востоке России, гагаузы и болгары подтвердили традиции своих предков и создали, как правило, достаточно крепкие хозяйства (хуторского типа).

в) Зарождение и развитие кооперативного движения в селениях болгар и гагаузов

Выйдя из общины и став полностью самостоятельными хозяевами, поселяне Кирютни гагаузы и болгары лицом к лицу столкнулись с вышеупомянутыми проблемами, не решив которые невозможно было коренным образом улучшить крестьянское хозяйство и тем самым поднять его доходность.

В таком же положении оказались и все вышедшие после 1906 г. из общины поселяне Чадыр-Лунгской, Комратской волостей, Бендерского, Кубейской, Ивановско-Болгарской, Ташлыкской и Кулевческой Аккерманнского уездов, населенные в основном болгарами и гагаузами, бывшими колонистами.

Создавшееся положение в крестьянских хозяйствах не могло не беспокоить поселян, как и уездные и губернские органы. Вовлеченное в реализацию ряда мероприятий, вытекавших из основного содержания реформ П.А. Столыпина, губернские земства наметили ряд мер направленных на оказание содействия в удовлетворении нужд, переживаемых полеводством, виноградарством и животноводством Бесарабии, ликвидацию последствий аграрного кризиса конца XIX – начала XX вв.

Эти меры были направлены на: увеличение агрономической помощи; распространение среди крестьян-единоличников научных знаний по вопросам сельского хозяйства; устройство земских прокатных станций сельскохозяйственных машин и орудий; увеличение числа опытно-показательных полей посева и культуры хлебов и трав; организацию зерноочистительных пунктов для обеспечения населения доброкачественными семенами; учреждение в уездах земских касс мелкого кредита и расширение их деятельности в борьбе с эксплуатацией сельского населения со стороны многочисленных перекупщиков, закупавших зачастую еще в зимнее время будущий урожай: закладку питомников филлоксероустойчивых американских лоз; проведение курсов подготовки прививальщиков; выписку посадочного материала из-за границы, преимущественно из Франции, и снабжения им населения на льготных условиях; организацию борьбы с «Мильдиу» и другими грибными болезнями виноградников: принятие мер по улучшению племенной работы в животноводстве и ветеринарного обслуживания; организацию

Кооперативная организация поселения

кооперативов: потребительских, кредитных сельскохозяйственных (обществ), сельскохозяйственных товариществ по закупке, переработке и сбыту сельскохозяйственной продукции и др.

В целях внедрения достижений зарубежной и отечественной науки и практики в области агрокультуры начала XX в. признавалось желательным внедрение в хозяйствах крестьян-землевладельцев американского пара с посевом междурядий, вспашки под зябь, правильных севооборотов и систематического удобрения полей органическими и искусственными удобрениями и др.

Осуществление этих намерений зависело от степени развития сельской кооперации в Бессарабии. Ввиду того, что до 1906 г. в губернии число кооперативных организаций и учреждений было незначительным (6 потребительских, в основном в бывших немецких колониях, одно в Яловенах, сельскохозяйственное общество)⁵⁹ и невозможно было на них опереться, чтобы оказывать через них существенную помощь крестьянам-единоличникам в перестройке своего хозяйства, губернская и уездные управы, в ходе осуществления мероприятий столыпинской реформы, стали всячески содействовать созданию кооперативов различных наименований.

В 1906 – 1913 г.г. в Бессарабской губернии были учреждены еще 11 сельскохозяйственных и 26 потребительских обществ. Численность последних в 1914 – 1917 г.г. достигла 354. Они были объединены в два союза – Бессарабский союз потребительских обществ и Придунайский потребительский союз.⁶⁰

С 1906 г. начала свою деятельность касса мелкого кредита при Бессарабском губернском земстве. Ее главное управление учреждает в уездных городах земские кассы мелкого кредита. В свою очередь уездные земские кассы мелкого кредита организуют кредитные товарищества в волостных центрах и многих поселениях, общая численность которых в 1913 г. достигла 231.⁶¹

Таблица 74.

СПИСОК УЧРЕЖДЕНИЙ В СЕЛЕНИЯХ БОЛГАР И ГАГАУЗОВ, КРЕДИТОВАВШИХСЯ В БЕССАРАБСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ КАССЕ МЕЛКОГО КРЕДИТА ПО СОСТОЯНИЮ НА 1 ЯНВАРЯ 1913 Г.

Наименование учреждений	Задолженность на 1 января 1913 г. (руб.к.)			
	Сумма открытого краткосрочного кредита в оборотные средства	По краткосрочному кредиту в оборотные средства	По ссудам на покупку земледельческих машин и орудий	По ссудам в основной капитал
Аккерманский уезд				
1. Бургуджийское ссудосберегательное товарищество	10.000	5.000	–	–
2. Галицкое с.сб. т-во	3.000	3.000	–	–
3. Гасан-Батырское товарищество	8.000	5.000	–	–
4. Дюльменское с.сб. т-во	15.000	15.000	–	–

5. Дельжилерское кр. т-во	15.00	15.000	-	-
6. Девлет-Агачское с.сб. т-во	5.000	5.000	-	-
7. Задунаевское с.сб. т-во	20.000	13.000	-	-
8. Ивановка-Болгарское с.сб. т-во	45.000	29.000	300р.50к	500р
9. Исерлийское с.сб. т-во	10.000	10.000	-	-
10. Кубейское с.сб. т-во	40.000	30.000	-	-
11. Кулевческое с.сб. т-во	8.000	8.000	-	-
12. Камчикское кр. т-во	7.000	5.000	660р.	-
13. Кальчевское с.сб. т-во	15.000	7.750	-	-
14. Ново-Троянское кр. т-во	10.000	8.000	-	-
15. Пандаклийское с.сб. т-во	8.000	8.000	-	-
16. Сатталык-Хаджийское с.сб. т-во	10.000	7.000	-	-
17. Татар-Копчакское с.сб. т-во	20.000	15.000	-	-
18. Тарклийское с.сб. т-во	20.000	13.000	-	-
19. Чайшинское с.сб. т-во	25.000	18.000	-	-
Бендерский уезд				
1. Валя-Пержское кр. т-во	10.000	8.000	-	1.000
2. Дезгинжинское кр. т-во	5.000	5.000	1635р.75к	-
3. Кирсовское кр. т-во	25.000	20.000	-	-
4. Киютненское кр. т-во	8.000	6.000	402р95к	-
5. Комратское кр. т-во	20.000	18.000	143р50к	-
6. Конгазское кр. т-во	16.000	-	-	-
7. Томайское кр. т-во	10.000	10.000	-	1.000
8. Твардицкое кр. т-во	30.000	20.000	-	-
9. Ферапонтьевское кр. т-во	35.000	31.000	494р20к	-
10. Чадыр-Лунгское кр. т-во	10.000	10.000	-	-
11. Чок-Майданское кр. т-во	10.000	9.700	-	-
Измаильский уезд				
1. Болградское кр. т-во	50.000	6.500	-	-
2. Волканештское кр. т-во	5.000	3.000	-	-
3. Димитровское кр. т-во	5.000	5.000	-	-
4. Кайраклийское кр. т-во	20.000	5.000	-	-
5. Карагачское кр. т-во	20.000	7.500	-	-
6. Кирничанское кр. т-во	5.000	3.000	-	-
7. Ташбунарское кр. т-во	10.000	10.000	-	-
8. Чешма-Варуитское кр. т-во	22.000	14.000	-	-
9. Чешмекиойское кр. т-во	20.000	16.000	-	-
10. Шикирли-кр. т-во	30.000	25.000	71р	-
Итого: 40 кредитн. учрежд.	660.000	442.450	3.707р90к	2.500р.

Источник: Отчет Бессарабской земской кассы мелкого кредита за 1912 г. и доклады Правления кассы чрезвычайному губернскому земскому собранию созыва 1913 г. Кишинев, 1913. с. 20.

Всего же к началу 1913 г. в системе Бессарабской кассы мелкого кредита насчитывалось 334 учреждения, в том числе кредитных товариществ – 203, из которых

145 размещались в Аккерманском, Бендерском и Измаильском уездах. В гагаузских и болгарских селениях этих уездов функционировало 40 кредитных учреждений, 25 из которых составляли кредитные товарищества, обслуживавшие своих членов.

Получив в основной капитал средства от уездного земства, кредитные товарищества формировали оборотные средства путем заключения краткосрочных и долгосрочных займов у губернской кассы мелкого кредита или у частных лиц. Оказывая содействие в открытии кредитных товариществ, уездные управы стремились через них распространить возможно большее число земледельческих машин и орудий, а также посадочного материала среди крестьян-единоличников за наличные деньги или в кредит.

*Первый врач Комратской
земской больницы
— И.Л. Гурфинкель*

В Бендерском уезде к 1911 г. было учреждено 10 кредитных товариществ, в том числе в самой южной его части, в Комратской волости — 2 (Ферапонтьевское и Дезгинжинское) и в Чадыр-Лунгской волости — 1 (Кирютнянское).⁶²

В с. Кирютня кредитное товарищество было создано в 1910 г. Оно получило из земской кассы мелкого кредита 1000 руб. в основной капитал, краткосрочную ссуду под долговые обязательства правления товарищества у губернской кассы мелкого кредита на усиление оборотных средств и на приобретение в земском складе земледельческих машин и орудий и других предметов для улучшения хозяйства и приступило к посредническим операциям.

Привыкшие к старым приемам ведения хозяйства, селяне, как правило, очень туго поддавались на проведение какой бы то ни было, даже самой простой, ломке своих хозяйств. Однако периодические засухи и недород, гибель виноградников от филлоксеры и «Мильдиу», подсказывали думающим, предприимчивым селянам, а такие были в каждом селе, что без обращения к науке, к практическому опыту, добытому и в местных условиях, надеяться на хороший урожай и высокий доход не приходится.

Именно эта категория крестьян нуждалась в первую очередь в контактах с людьми, подготовленных для того, чтобы провести среди них ту или иную агрономическую задачу, тот или иной улучшенный способ ведения хозяйства.

Учреждение же, с начала 1911 г., в Бендерском и Аккерманском уездах (на средства, выделенные департаментом земледелия и уездными управами) службы участковых агрономических инструкторов⁶³ отвечало зародившимся запросам многих селян. С введением в каждую волость участковых агрономов, земства приближали к деревне, к селянам, лиц, имеющих специальную теоретическую и практическую подготовку, в области сельского хозяйства, полагали, что они будут иметь возможность широко развить свою деятельность с мелкими кооперативными учреждениями и, тем самым, способствовать поднятию агрокультуры и доходность крестьянских хозяйств. Для поселян Чадыр-Лунгской и Комратской волостей и Аккерманского уезда, где отсут-

ствовавали частновладельческие (помещичьи) хозяйства, более рационально организованные, особенно желательной была агрономическая помощь, потому что здесь, в 1909 – 1911 г.г., совершался массовый выход их общины и переделы земли на началах единоличных владений.

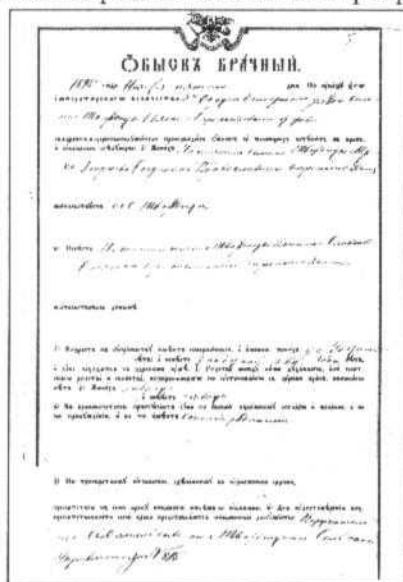
В числе других был приглашен на службу в Бендерское земство и направлен в Чадыр-Лунгскую волость, прошедший жесткий конкурс, молодой агроном, выпускник сельскохозяйственного училища, Пантелеймон Семенович Боканча⁶⁴, уроженец Хотинского уезда (в Комратскую – инструктор Сербинов, в Аккерманский уезд – Баскевич и др.).⁶⁵

По приезду в Чадыр-Лунгскую волость П.С. Боканча занялся организационной работой (намечал будущие показательные участки для посева кукурузы, люцерны, сорго, кормовой свеклы), а также изучал экономическое состояние крестьянских хозяйств и тем самым знакомился с населением волости. Деятельность П.С. Боканча в гагаузских и болгарских селах Чадыр-Лунгской волости была наиболее плодотворной по сравнению с работой других агрономических инструкторов и поэтому остановимся несколько подробнее на ней.

Для проведения в жизнь всех мероприятий земства им был избран верный путь к достижению успеха, а именно: беседы с крестьянами не только при волостных правлениях или школах, но и везде при всяком удобном случае, когда возможно было собрать возле себя слушателей. Простым, умелым языком, лишенным всяких непонятных для крестьян слов и выражений, он знакомил их с новыми способами ведения хозяйства, подтверждая для наглядности свои слова примерами и расчетами стоимости тех или иных хозяйственных приемов. Особенное внимание им было обращено на разъяснение значения для крестьянина кредитных товариществ как учреждений, давших возможность всегда найти дешевый и доступный кредит и тем самым освободить село от нежелательного элемента – ростовщиков. С 9 по 20 марта в волостном центре – с. Чадыр-Лунга им был установлен прокатный земский триер для очистки посевного материала; пробная работа последнего демонстрировалась в присутствии многих крестьян – представителей со всех селений волости, которые остались весьма довольны сортировкой и чистотой работы. В течение трех недель было очищено 1211 пудов зерна от головни.

Ему удалось убедить крестьян протравливать свои семена формалином. Он постоянно наблюдал за случным пунктом, обеспечивая животное фуражом, который закупал у местных крестьян. Под его руководством были засеяны кукурузой американские пары и обсеменены площади, предназначенные для культуры кормовых трав. Попутно земский агрономический инструктор был занят посадкою плодовых и декоративных деревьев при земских школах и больнице.

Им распространялись среди населения сведения

Документ XIX века

о мерах борьбы с вредителями плодовых и виноградных садов, раздавались плакаты о приготовлении инсектицидов и фунгицидов, которые отпускались для крестьян из земства. Свободное от работы время он использовал на соби́рание сведений о случаях, о состоянии садов, заполнял бланки и опросные листы по страховым спискам виноградников. В конце лета, с 1-го сентября инструктором было приступлено к производству посева озимых на американских парах.

В том же 1911 г. им были открыты показательные участки у следующих лиц: с 4-х-польным севооборотом в с. Твардица у Георгия Турлака – 2 десятины и у Степана Лаева – 2 дес. – с американский паром: в с. Авдарма у учителя Димитрова – 1 дес. и у Харлампия Касына – 2,5 дес.; в с. Кириет-Лунга у Василия Кичука – 1 дес.; в с. Беш-Гиоз у сельского старосты – 1 дес.; в с. Чадыр-Лунга у Афанасия Касына – 0,8 дес. и у учителя Стойчева – 1 дес.; в с. Кирютня у Ильи Чебанова – 1 дес.; в с. Гайдары у Георгия Болгарова – 0,75 дес.; в с. Баурчи у Ивана Тукана – 0,5 дес.⁶⁶ Кроме того, при открывающемся сельскохозяйственном обществе в с. Твардица был заложен участок в 4 дес. с 4-х-польным севооборотом. В течение первого неполного года работы инструктор Боканча совершил 80 поездок по селам волости, что составляло 75% времени. На его ответственности в Чадыр-Лунге находился следующий земский инвентарь: сортировка-триер, сортировка-веялка 11-рядная Эльворти, культиватор и прочий мелкий инвентарь, которые предоставлялись на прокат за небольшую плату или бесплатно.⁶⁷

Молодому агроному приходилось считаться с традициями населения Чадыр-Лунгской волости, населенной преимущественно гагаузами и болгарями, которые зачастую с трудом поддавались сельскохозяйственным нововведениям.

Описывая хозяйства Чадыр-Лунгской волости П.С. Боканча отмечал, что жители Кирютни, Твардицы, Валя-Пержей, Чадыр-Лунги и др. сел «хорошие вообще земледельцы, скотоводы, виноградари, виноделы, ремесленники...» Они славятся как отличные огородники и первые ввели простые и удобные водоподъемные приспособления для огородов». ⁶⁸

Особые отношения, переросшие в многолетнюю дружбу, сложились у М.С. Боканча с селянами Кирютни. Здесь он быстро нашел понимание своей миссии, заинтересованных слушателей и здравомыслящих собеседников. В селах он выявлял людей творческих способностей и организаторского таланта и привлекал их к своей работе по внедрению нового прогрессивного в крестьянском хозяйстве.

Крестьяне в поле

В условиях, когда известные на всю округу кирютнянские виноградники были также подвергнуты (1908 г.) нашествию филлоксеры и поражены «Мильду», местный житель В.И. Делибалтов⁶⁹, единомышленник Боканча, первым в селе осознал необходимость обновления виноградников путем привития европейских и местных сортов на филлоксероустойчивых американских лозах (корнях). При поддержке земского агронома он

вел тщательное наблюдение за кустами устойчивыми к филлоксере, использовал их черенки для прививок и привил на филлоксероустойчивых подвоях 16 местных сортов, среди них хорошо зарекомендовавшие себя в селе, чрезвычайно устойчивые к климатическим условиям и грибным болезням, высокоурожайные и исключительно винные сорта «Държанка», «Торба», «Каравълчевка». В.И. Делибалтов и другие хозяева Кирютни ставили эти сорта на первое место среди привойных виноградных лоз. Они удачно приживались на американских подвоях «Муртверд Рупестрис 1202», «Рипария-Рупестрис 3309» и др. Он выписал несколько сортов привитых саженцев французских лоз (Шасла, Мускат, Сенсо, Гаме, Алиготе, Каберне, Рислинг, Алепо), использовал полученные им и из Никитского сада крымские сорта. В. И. Делибалтов первым завел у себя школку, организовал кустарную прививку названных выше сортов на американские чубуки (подвои). Организованное им, виноградно-винодельческое хозяйство на рациональных началах, причем на филлоксероустойчивых корнях, стало образцовым не только для Кирютни, но и всей Чадыр-Лунгской волости и южной Бессарабии.

Массовое стремление населения Бендерского уезда и, особенно его самых винодельческих волостей Чадыр-Лунгской и Комратской (46% всей площади виноградников уезда)⁷¹ к восстановлению погибающих виноградников на филлоксероустойчивых подвоях стало замечаться с 1911 г., когда в уездное отделение (с апреля 1911 г. – комитет) по виноградарству стали поступать сотни обращений виноградладельцев с просьбами ознакомить и с прививочными работами.

Удовлетворить все ходатайства по этому вопросу не представлялось возможным по техническим причинам, поэтому земство давало предпочтение тем районам, где наблюдалась коллективность поселян, стремившихся перейти на подвойную лозу. Это было особенно заметным на юге уезда. Поэтому первые курсы прививки лозы решено было провести сначала Бендерах, затем в Чадыр-Лунге и в Комрате, где они и состоялись в 1907 – 1909 г.г. В числе прошедших курсы было и 23 виноградладельца из Кирютни. Среди них: Делибалтов И.В., Торлак И.В., Барбаров В., Безволев Д., Чебанов И., Карафизи Н. и др. Кроме свидетельства, каждому слушателю было выдано в виде премии: нож Кунде, секатор серпетка, 25 привитых саженцев и популярное издание земства по виноградарству. Окончившие курсы поселяне подали коллективное прошение на имя земской управы о высылке им для прививочных целей подвойного материала. Такой материала был ими получен из земского питомника американских лоз «Мисилиндра» (в 15 км от г. Бендеры) и заграничного – «Камерсон-Фор» (Франция). Каждым в отдельности курсистом были с осени 1910 г. заготовлены школки. Всего было высажено около 47000 прививок. Первое место по числу прививок занимала школка, принадлежавшая курсисту В.И. Дерибатову. Часть школки он отвел под опытное поле. Среди сортимента винограда были уже упоминавшиеся сорта «Държанка», «Торба Бяла» и «Каравълчевка», представлявшие собою прекрасный материал, успешно прививающийся наряду с европейскими сортами на различных американских подвоях. Весной 1911 г. в с. Кирютня курсисты-поселяне приступили к прививочным работам, за ходом которых наблюдал помощник земского виноградаря И.Е. Бахталовский. Это было начало возрождения на новой основе знаменитых на юге Бессарабии кирютинских виноградников и вин. Таким

образом, селяне Кириютни, не имея возможности приобретать привитые саженцы, из-за границы ввиду их чрезмерной дороговизны, а иногда и из-за сомнительного качества, наладили у себя кустарное производство привитого посадочного материала.

Очаги кустарного производства саженцев возникали и в других местах Бендерского и Аккерманского уездов, и наиболее прочные из них находились в Феропонтьевке, Чадыр-Лунге, предместьях г. Бендеры, Брезоях и Комрате и др., где разводили преимущественно местные сорта: молдоване – Растрепу, Плаваю, Эгигарду; гагаузы и болгары – Торбу Черну, Торбу Бялу, Държанку, Каравълчевку и проч. Таким образом в уезде в 1911 г. было заготовлено свыше 200000 прививок.

В дальнейшем курсы в уезде расширяясь, приобрели большую популярность. За период с 1907 г. по 1913 г. курсы прививки, а вернее школы виноградарства, проводились 42 раза в 31 населенном пункте уезда. В некоторых местах их пришлось возобновлять по два и более раз. Комитетом виноградарства было решено и в последующие годы устраивать курсы (ежегодно в 16 новых пунктах), чтобы постепенно охватить все села уезда. С 29 ноября по 4 декабря 1911 г. состоялась школа прививки также в Кириютне, где в течении недели еще 35 селян получили необходимые технические навыки и элементарные сведения по культуре виноградной лозы. Особый интерес проявляли хозяева к выяснению вопроса о выборе надлежащего филлоксероустойчивого подвоя к данному участку, учитывая различные почвы, наклонности, время посадки, то есть условий адаптации растений.

Не менее важным было убедить хозяев в необходимости применения предупредительных мер против паразитарной болезни на виноградных кустах – «Мильдиу». Слушателям раздавались брошюры «Мильдиу», текст которых был изложен на русском, молдавском и болгарском языках. Земскому агроному П.С. Боканча, чья деятельность в Чадыр-Лунгской волости по подъему местного хозяйства ставилась в пример, приходилось немало потрудиться, чтобы убедить массы мелких собственников в убыточности крайнего многосортья в посадках, каковое широко было распространено раньше и важности и необходимости культуры немногих, но строго определенных сортов, твердо упрочившихся на рынке.

На курсах, а также и на ряде районных сельскохозяйственных выставках (первая в уезде состоялась в Бендерах в 1909 году, вторая – в Комрате в 1911 г. и в сельскохозяй-

Сельскохозяйственные курсы в с. Кириютня, нач. XX в.

ственной и промышленной выставке в с. Тарутино Аккерманского уезда в сентябре 1912 г., в которых принимали участие и курсисты из Кириютни со своими экспонатами – пакетами привитых кустарным способом саженцев, сортами винограда, заслуженно высоко и оцененные и награжденные и т.д.), все чаще высказывалась мысль о целесообразности производить уборку винограда в пору его полного созревания, что, несомненно, сказалось бы на качестве приготовляемых вин и реализации их не перекупщикам-ростовщикам, а через кооперативные

учреждения. Однако эти пожелания могли быть проведены в жизнь при условии организации сельскохозяйственных обществ и кооперативных товариществ.

Экстремальные условия, возникшие в результате гибели виноградников от филлоксеры и грибковых болезней, частые засухи и градобития и другие неурядицы в хозяйствах поселян, толкали крестьян, поверивших в научные знания, к объединению усилий для вывода своих единоличных хозяйств из глубочайшего кризиса.

Именно такой путь избрали крестьяне Кирютни, в первую очередь то из них, что пришли курском прививки или участвовали со своими экспертами в сельскохозяйственных выставках. Вслед за Яловенским и Феропонтъевским, в Бесарабии появляется и третье сельскохозяйственное общество – Кирютинское (второе – в Бендерском уезде). Вслед за ним возникают такие общества в селах Твардица, Валя-Пержа (тоже Чадыр-Лунгской волости) и в с. Авдарма (Комратской волости), Карайклийское, Ивановско-Болгарское (Аккерманский уезд).⁷⁴

К 1915 г. такие же общества организовались еще в 8 населенных пунктах Бендерского и несколько сельскохозяйственных обществ в других уездах Бесарабии.

Прошение и проект Устава Кирютинского сельскохозяйственного общества подписали 33 его учредителя. 18 апреля 1912 г. сельскохозяйственное общество в с. Кирютня было утверждено губернатором Бесарабии, а 14 мая 1912 г. состоялось открытие действия общества.⁷⁵

Цель создания общества, согласно его уставу, состояла в том, чтобы содействовать в районе своих действий, соединенными силами своих членов, развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности, т.е. улучшить захудалое крестьянское хозяйство путем современных нововведений и перехода к более рациональным и интенсивным формам ведения хозяйства. Деятельность общества распространялась на Кирютню и соседние с нею гагаузские села – Казаклию, Баурчи и Гайдары Чадыр-Лунгской волости, представители которых также состояли членами этого общества.

Интерес к начавшему свои действия сельскохозяйственному обществу стало быстро нарастать. До конца 1912 г. в общество вступило 42 единоличных хозяина, в 1913 г. – еще 60.⁷⁶

Кирютнянское сельскохозяйственное общество проводило с самого начала своего учреждения большую просветительскую работу среди селян своей местности и соседней.

Благодаря условиям совета общества и земского агронома П.С. Боканча в Кирютне были устроены: 7 показательных участков площадью от 0,5 до 3 тыс. дес. каждый по культуре кукурузы по американскому способу (в Чадыр-Лунгской волости – 34, в Комратской – 22); 8 участков рядкового посева озимых площадью от 1 до 3 дес. каждый (в Чадыр-Лунгской волости – 20, в Комратской – 6); 10 участков рядкового посева яровых (в Чадыр-Лунгской волости – 14, в Комратской – 5); 4 участка с посевом люцерны (в Чадыр-Лунгской волости – 7, в Комратской – 8), а также кормовой свеклы.⁷⁷

Бендерское земство организовало в 1912 – 1913 г.г. в 31 поселении зерноочистительные обозы, в т.ч. в Феропонтъевке, Дезгинже, Авдарме, Кирютне, Твардице, Валя-Перже и Баурчак. В указанных селах имелись следующие машины: по 1 триеру

«Моро», 1 – веялке, 1 – десятичным весам. За пользование ими взималась плата по 0,5 коп. с пуда пропущенного зерна. В каждой волости были организованы прокатные пункты. В Чадыр-Лунгской, например, имелись 2 одиннадцатирядные сеялки, 3 – шестирядные, 2 – пятирядные, 4 – двухрядные сеялки, 6 культиваторов, 3 бороны, 1 пульверизатор. В Ферапонтьевке и Валя-Пержей были открыты случные пункты.

На показательных участках, организованных сельскими агрономами на землях членов общества, урожай был на 15–20 пудов в среднем выше, чем на обыкновенных. Члены общества давно убедились в преимуществах культурного ведения своего полевого хозяйства, но осуществить это в полной мере не представлялось возможным из-за чересполосицы и двуполья.⁷⁸

Обложка журнала «Народный учитель», Кишинев, 1907 г.

Сельскохозяйственные общества принимали меры также по улучшению садоводства, пчеловодства и шелководства. При обществах имелись показательные пасеки. Все интересующиеся могли ознакомиться с устройством ульев и работой пчел. Здесь же желающие могли получить бесплатно набор пчеловодных принадлежностей. В Твардице было 173, в Валя-Пержей – 165, в Кириутне – 163 улья.

Шелководство, как традиционное занятие болгар и гагаузов, к началу XX в. получило значительное развитие. В Чадыр-Лунгской и Комратской волостях занимались шелководством 1712 женщин.⁷⁹

На состоявшемся 19 октября 1912 г. заседании Бендерского уездного комитета виноградарства В.И. Делибатов выступил от имени Кириутнянского сельскохозяйственного общества с докладом, в котором изложил не только беды и нужды виноградарства родного села, но и

внес конкретные предложения по выводу этой важнейшей для Бессарабии отрасли, исходя из создавшегося положения (О предоставлении правительством крестьянам-виноградарям долгосрочной малопроцентной ссуды на 10 лет для приобретения привитых саженцев и подготовки перевала, об определении ассортимента винных сортов, наиболее пригодных для прививки к ним местных сортов, о мерах против фальсификаций вин и др.). На этом заседании был определен следующий сортимент виноградных лоз для южного винодельческого района (Бендерский, Аккерманский и Измаильский уезды), Торба Бяла, Торба Черна, Държанка, Кара-Вълчевка, Шасла-Розовое, Шасла-Золотистое, Крымский-Черный, Алиготе, Линьян, Лидия, Алеппо, Рислинг, Каберне, Мускат Гамбургский и др.⁸⁰

Действовавшие при обществе общественные лавки служили главным источником доходов обществам, облегчая им выполнение других задач, а также были регулятором цен на предметы потребления в селах. Например, до открытия лавки цены на такие продукты и предметы, как сахар, масло, крупа, керосин и др. были обычно выше на 2–3 коп., а то и более на каждый фунт, чем после открытия лавки. Лавочники не церемонились с потребителем, и стоило только какому-нибудь товару закончиться

в общественной лавке, как они моментально повышали цены на соответствующий продукт.

Благодаря обществам стало успешно развиваться сельскохозяйственное посредничество.

Бендерская и Аккерманская кассы мелкого кредита поставляли через общества плуги, веялки, пульверизаторы, медный купорос, кровельное железо, черепицу. Приобретались товары по сельскохозяйственному посредничеству, а продавались в суду по ордерам кредитных товариществ.

Пропагандируемые обществами мероприятия находили себе благодатную почву в умах молодых хозяев, но осуществление их встречало непреодолимые препятствия – в чересполосице и двхполье. Вместе с тем отдельные мероприятия получили право гражданства и польза от них тогда уже была признана почти всеми.

Так, например, производились очистка семян на триере и посев первосортным зерном, протравливание семян от головни, посевы рядковые сеялкой, посевы кормовой свеклы и люцерны.

Под влиянием общества стали восстанавливать старые и заводить новые фруктовые сады на более рациональных началах: началась замена примитивных, кустарной работы деревянных орудий земледелия (рал, плугов) на усовершенствованные металлические (заводского производства). Опрыскивание виноградников бордосской жидкостью стало для каждого хозяина-виноградаря неременной обязанностью. Пульверизаторы Вернореля получили значительное распространение в селах южного виноградарского района.

Важным событием для жителей гагаузских и болгарских поселений было устройство сельскохозяйственными обществами выставок при поддержке земств.

В 1913 г. была устроена первая в крае крестьянская районная сельскохозяйственная выставка, в полном объеме показавшая все лучшее, что было в районе деятельности Кирутинского сельскохозяйственного общества и соседей.⁸¹ Она вмещала в себя все отрасли хозяйства, все улучшения, добытые практикой и знаниями за последние годы, расширила и углубила слой хлебопашцев, готовых воспринять сельскохозяйственные знания, новые приемы и навыки, чтобы вести свое хозяйство по пути интенсификации и доходности.

Кирутинская сельскохозяйственная выставка принесла существенную пользу местному земледельческому населению, а сельскохозяйственным кооперативам и кредитным товариществам – ценные указания для направления дальнейшей деятельности.

Предполагалось в последующем устройство мелкорайонных сельскохозяйственных и промышленных выставок на базе сельскохозяйственных обществ и других кооперативных организаций, однако с началом войны все работы в этом плане были приостановлены до лучших времен.⁸²

Обложка книги П. Кеппена, 1858 г.

Изложенный в этом разделе материал дает нам основание заключить, что сельская община болгар и гагаузов, бывших болгарских колонистов на юге Бессарабии, как уклад жизни, просуществовала целое столетие (1812–1912). С точки зрения материальной, экономической жизни, сельская община постоянно устраняла накапливавшиеся между ее членами различия в землепользовании, выполняла усредняющую роль, обеспечивала каждому средства для пропитания, не давала слишком разбогатеть одним и окончательно разориться другим. Вместе с тем, малоземелье в болгарских поселениях, обозначившееся как тенденция в 50-х г.г. XIX в., к началу XX в. стало кричащей реальностью, приведшей к появлению сотен семей совершенно безземельных поселян. И это в условиях засушливого Буджака!

Община к XX столетию уже не имела ни сил, ни средств, чтобы противостоять обеднению одних и обогащению других, поэтому так легко произошло ее упразднение и дружный переход в гагаузских и болгарских поселениях к подворно-участковому, наследственному, единоличному владению надельной (уже выкупленной) земельной собственностью.

С выходом из общины мало что произошло в крестьянской психологии. Община доказала своя живучесть, пройдя через прессинг столыпинской реформы, три русские революции, пребывание Бессарабии в 1918–1940 гг. в составе королевской Румынии, в доколхозный период, когда многие вопросы местной жизни решались не органами власти, а общинной традицией.

*Старосты сел и руководство волости на собрании в селе Кобей, конец XIX в.
(во втором ряду справа, третий, староста с. Копчак Гаризан Иван Николаевич)*

А теперь попытаемся ответить непредвзято на главный вопрос темы данного раздела: что же дала болгарскому и гагаузскому крестьянину столыпинская реформа?

Столыпинская аграрная реформа придала взрывной характер темпам развития сельскохозяйственного производства, а вместе с ним – социально-экономическим переменам в поселениях болгар и гагаузов.

Десятилетие (1906-1916), в течение которого проводилась столыпинская реформа, привело к тому, что личная земельная собственность оказалась у большей части крестьянских дворов болгар и гагаузов Бессарабии. Избыточное (малоземельное или безземельное) население (семьи) при содействии родителей и Крестьянского поземельного банка, организовавшись в сельскохозяйственные товарищества, приобрело земельные участки за пределами своих селений, главным образом в Измаильском уезде, в местностях, принадлежавших бессарабским помещикам, где основало дочерние болгаро-гагаузско-молдавские селения, т.е. в конце XIX – начале XX столетия произошло значительное расширение ареала болгаро-гагаузского региона на юге Бессарабии. При содействии правительства сотни семей из старых болгаро-гагаузских колоний получили землю, но уже далеко за пределами своих селений, в азиатской России, путем переселения.

Таким образом, в регионе болгаро-гагаузских поселений на юге Бессарабии на время удалось предотвратить появление массы молодых семей только с усадьбой и крохотным виноградником. Подавляющее большинство дворохозяев имело вполне самостоятельные хозяйства. Поэтому среди болгар и гагаузов к концу исследуемого периода не было бедных людей, там жили, в основном, среднезажиточные семьи. Проблема нехватки земли, для ведения самостоятельного хозяйства (после столыпинской реформы) вновь станет острой примерно через два десятилетия, т.е. к середине 20-х годов. Именно поколению болгар и гагаузов, родившемуся в конце XIX – начале XX вв. придется столкнуться с ней. Не имея возможности завести самостоятельное хозяйство в пределах Бессарабии, (входившей с 1918 г. в состав королевства Румыния) десятки молодых семей из гагаузских и болгарских сел были вынуждены покинуть родной край и влиться в общий поток трудовых мигрантов из Бессарабии в страны Латинской Америки (в 1925 – 1926 г.г., после проведения румынскими властями аграрной реформы в этой провинции). Но это уже другая тема, которой мы не касаемся.

С переходом же от общинного к подворно-наследственному землевладению произошло уменьшение, путем добровольного размежевания пахотных земель, череспосицы наполовину, а в некоторых селах даже и более (в с. Чийшия и Ивановка-Болгарская с 18 на 8 участков, в Голице с 22 на 2 и т.д. Значительные улучшения стали

Журнал «Этнографическое обозрение» где были опубликованы очерки В.А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда», 1901 г.

наступать в способах обработки пашни. Примитивные орудия – деревянный плуг, рало и борона уступали место металлическим – плугу, сеялке, культиватору, бороне. Сокращение чересполосицы и дробность наделов позволяли перейти к многопольным севооборотам и более широкому применению сельскохозяйственных машин: сеялок, жаток, веялок, сортировок, сенокосилок и др. Посев стал производиться очищенными сортовыми семенами. Становился заметным и рост урожайности на крестьянских полях. Сложились условия, благоприятствующие налаживанию агрономической и ветеринарной помощи селянам, особенно со стороны губернского и уездных земств.

По мере укрепления единоличного хозяйства и роста его доходности у поселян появилась возможность перестройки своего, старинной кладки, жилища. Сооружаемое по новой планировке, оно становилось более просторным, светлым, крытым черепицей или кровельным железом, а внутри – наряду с национальным интерьером, появляются и предметы городского быта.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ГАГАУЗОВ XIX – НАЧ. XX вв.

Константин Иречек

Валентин Мошков

Михаил Чакир

Петр Драганов

Крестьянская кооперация, хотя и не была предусмотрена мероприятиями столыпинской реформы, получила под ее влиянием мощный толчок в своем развитии. Потеряв опору в упраздненной общине, поселяне стали усиленно искать новые формы помощи и взаимопомощи, сотрудничества для решения своих повседневных житейских проблем. Крестьяне стали кооперироваться для более выгодного сбыта продукции, организации ее переработки, а в известных пределах и производства (супруга), совместного приобретения машин, создания агрономических, мелиоративных, ветеринарных и других служб. Наиболее широкое распространение получили в поселениях болгар и гагаузов сельскохозяйственные общества, кредитные товарищества, ссудо-сберегательные кассы, потребительские общества.

Было бы несправедливо и неправильно изображать время, наступившее после разрушения общины, как некую эру крестьянского благополучия.

Выше было сказано, что задолго до реформы П.А. Столыпина началось расслоение крестьянской массы, формирование ее антагонистических частей – зажиточных хозяев и сельских пролетариев. В руках одних концентрировались значительные средства, другие теряли последнее, разорялись. Резко усиленные столыпинской реформой эти процессы не только благотворно влияли на интенсификацию сельскохозяйственного производства, на рост богатства страны и общества, но и негативно – на поляризацию села, и об этом следует помнить.

УЧАСТИЕ ГАГАУЗОВ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904-1905 гг.

Уроженцы с. Авдарма - П. Помюшлю и В. Тумба. Порт-Артур, 1902 г.

К началу русско-японской войны в составе русской армии служило немало гагаузов – солдат и офицеров. Уже более тридцати лет на территории Российской империи действовал закон о всеобщей воинской повинности, и гагаузы, наряду с остальным населением, подвергались призыву в армию и на флот.

После нападения японцев на русский флот в ночь на 9 февраля 1904 г. началась война: в армию стали отправлять призывные возрасты из запаса. Мобилизации подлежали и гагаузы. Сколько их было призвано – неизвестно, но с уверенностью можно сказать, что мобилизация проводилась во всех гагаузских сёлах.

Во время этой бесславной для Российской империи войны погибли десятки представителей гагаузского народа, многие вернулись с поля боя инвалидами. Так, уроженец села Курчи, Георгий Николаевич Ангелов, бывший солдат царской армии, рассказывал, как участвовал в сражениях у города Мукдена, попал в

плен и вместе с другими военнопленными оказался в Японии. Геройски воевал под Мукденом и был награждён за храбрость Георгиевским крестом уроженец Чадыр-Лунги Андрей Гаста. Житель Комрата Симу Бургуджу воевал в Порт-Артуре. В Манчжурии был тяжело ранен житель Чадыр-Лунги Семён Генов.

В газете «Друг», издававшейся в начале XX в. в Кишинёве, в 1906 г., была напечатана любопытная заметка о военных приключениях уроженца Комрата Фёдора Табакаря, служившего матросом на флагманском броненосце «Петропавловск». На этом броненосце находился командующий Тихоокеанским флотом адмирал С.Макаров. 13 апреля 1904 г., возвращаясь в Порт-Артур после боевого задания, броненосец «Петропавловск» подорвался на mine. Матрос Фёдор Табакарь был в числе немногих моряков, спасённых подоспевшим на помощь кораблём.

Информация с театра боевых действий доходила на родину и через письма солдат, присланных из Манчжурии, Приморья, Забайкалья. Отражение этого периода есть и в гагаузской литературе. В повести Н.Танасоглу «Иваноглулар» рассказывается, как жители села Кириет-Лунга с большим вниманием следили за боевыми действиями русской армии, как переживали падение Порт-Артура. Память о войне нашла отражение и в фольклоре. В сборнике гагаузских баллад «Баллада тўркүлери» опубликованы две баллады. В одной из них, «Порт-Артурда топ атылды» («В Порт-Артуре стреляют пушки»), есть такие строки:

Участники русско-японской войны, 1905 г.

*В Порт-Артуре пушки стреляют,
От звуков выстрелов земля затряслась.
Царь указ издал,
Командиры приказали:
«Если кончатся пули,
Хватайте камни».*

В другой балладе – «Мукден клисеси чимчир дирекли» («В мукденской церкви высокие колонны») говорится:

*У города Мукдена
Обжигает огонь.
Русские солдаты
Погибшие лежат.*

В Бешалминском историко-этнографическом музее хранится стела, установленная после русско-японской войны в память о земляках, погибших на той войне. Там есть такие строки: «Вечная память героям, погибшим за Царя и Отечество».

Константин Ангелов Кадын – рядовой 56-го Житомирского полка. Убит в бою у деревни Хуандзи в 1905 г. Павел Георгиевич Карайсенни. Николай Недов Вылчу – рядовые 56-го Житомирского полка. Убиты в бою у деревни Кингу-

Справа (сидит) уроженец с. Авдарма Гаргальк Федор Иванович с медалью за участие в русско-японской войне, 1905 г.

В японском плену. (Справа сидит) Палик с книгой в руке, уроженец с. Конгаз

антунь в 1905 г. Пётр Степанов Икизли – рядовой 33-го Елецкого полка. Без вести пропал на войне в 1905 г.»

Далёкая русско-японская война была непопулярна в народе. Эхо её отозвалось в Буджаке в январе 1906 г., когда в Комрате произошло восстание. Одним из заявлений восставших был отказ поставлять новобранцев в царскую армию.

КОМРАТСКОЕ ВОССТАНИЕ 1906 ГОДА

Одним из наиболее ярких событий в истории гагаузов в начале XX века является Комратское восстание в январе 1906 года.

Обычно к крестьянским волнениям в Бессарабии приводил земельный голод. В основе Комратского восстания также был земельный вопрос, несмотря на то, что земельные наделы жителей Буджака были больше средних крестьянских наделов по Бессарабии. До 80-х годов XIX века, согласно закону того времени, бывшие колонисты не имели права продавать свои земли. Земельные наделы переходили по наследству. После буржуазных реформ в Российской империи началась капитализация в сельском хозяйстве. Появились крупные землевладельцы и безземельные крестьяне, что порождало несправедливость. А в людях жили традиции защиты своих прав, которые проявились у гагаузов и болгар во время антикрепостнической борьбы 1811-1820 гг., во время восстаний колонистов 1848 г. Кроме того, народ возмущало социальное неравенство. Землю сдавали в аренду, что усиливало их эксплуатацию. В

глазах крестьянства помещики были социальными паразитами, от которых следует избавиться. Поэтому в годы первой российской революции 1905-1907 гг. главными требованиями комратских крестьян, как и большинства крестьян России, были – ликвидация помещичьего землевладения и раздел помещичьей земли. Предвестником Комратского восстания явились выступления крестьян в различных сёлах юга Бессарабии в конце XIX – начале XX вв. Например, 6 июня 1899 года более пятисот человек – жителей села Вулканешты пришли в Болград с требованием от Земского комитета «в виду постигшего неурожая» оказать им помощь. Получив отказ, беднота стала ломать окна и двери здания Земского комитета. Власти арестовали сорок бунтовщиков.

В декабре 1905 г. гагаузы села Димитровка Ивановско-Болгарской волости «на частном совещании обсудили своё положение и пришли к выводу, что для того, чтобы ... зажили действительно разумною, культурною жизнью», необходимо, в первую очередь, уничтожение частной собственности на землю, передача частновладельческой, казённой удельной, монастырской,

Организатор Комратского восстания Андрей Галацан

Павел Николаев с учащимися Комратского Реального училища

церковной земли «в распоряжение всего народа бесплатно». Лишь тот может пользоваться землёю, кто «обрабатывает её личным трудом», и то в таком количестве, «какое необходимо для прокормления себя и своей семьи». Крестьяне требовали ликвидации косвенных налогов и пошлин на предметы первой необходимости, «установления прямого прогрессивного налога», бесплатного медицинского обслуживания, «всеобщего обязательного и бесплатного образования на родном языке», в средние и высшие учебные заведения должен быть свободным доступ, а дети неимущих содержаться «за счёт государства».

И. В. Болфосов

В постановлении димитровских крестьян содержались и политические требования. Это – «уничтожение сословий и уравнивание всех перед законом», ограждение граждан от посягательств духовенства, выборность административных органов и судей, отмена «исключительных судов и смертной казни», объявление полной амнистии лицам, «пострадавшим за свои убеждения». Собравшиеся считали, что осуществление всех требований «возможно лишь при Учредительном собрании и Государственной думе с представителями, выбранными на основании всеобщего избирательного права с равной, прямой и тайной подачей голосов, без различия веры и национальности». Из 144 человек, присутствовавших «на совещании», 52 поставили свои подписи под «постановлением», и оно было опубликовано в газете «Бессарабская жизнь» от 25 декабря 1905 г.

Ненависть трудящихся вызывал также сословный строй. Доступ к образованию их детям ограничивала высокая плата за обучение в гимназиях, лицеях, университетах. Выборы в органы местного самоуправления – земства – проводились в зависимости от уровня материального благосостояния, и обеспечивали всевластие имущих. Разумеется, гагаузы и прежде становились государственными служащими, учителями, офицерами, священниками. Но настало время, когда они, как и большинство населения Российской империи, осознали необходимость ликвидации сословного строя. Подданные царя хотели стать гражданами, они требовали свободы слова, собраний, организации, права избирать и быть избранными. В 1903 году император Николай II подписал манифест о незыблемости самодержавия. Но революционные идеи проникли в среду рабочих, интеллигенции, ремесленников, среднего и бедного крестьянства. Во главе сил, борющихся за кардинальные изменения в государственном устройстве России, выступали партия социалистов-революционеров, радикальное крыло Россий-

Ф. И. Болфосов

ской социал-демократии, движение «Всероссийский Крестьянский Союз».

Необходимо отметить, что требования эсеров провозглашали ликвидацию крупной частной собственности на землю революционным путём, и предлагали передачу отобранной у помещиков земли крестьянам. Требование социализации земли с её уравнительным разделом, равно как и другие демократические требования, обеспечили эсерам во время революции 1905-1907 гг. влияние и поддержку среди крестьянства. О том, что эсеры имели широкое поле деятельности в Бессарабии, в том числе в Комрате, свидетельствует тот факт, что в Комрате существовала техническая мастерская, принадлежавшая боевой дружине эсеров и специально изготовлявшая бомбы, транспортировавшиеся в Одессу, Киев, Кишинёв и другие города Российской империи. Она появилась задолго до приезда Галацана в Комрат, и вообще до начала революционных выступлений крестьян, так как в большей мере была связана с эсеровским комитетом Одессы или Кишинёва, и в меньшей – с местными. Следовательно, в Комрате была создана база для развёртывания эсеровской пропаганды среди местного населения.

М. И. Болфосов

Исторические источники конца XIX – начала XX вв. свидетельствуют о том, что Комрат был культурным центром юга Бессарабии. Вот что писала по этому поводу газета «Бессарабская жизнь» в 1905 г.:

«Всё население этой части Бессарабии в культурном отношении стоит неизмеримо выше наших крестьян; среди болгар очень редко встречаются люди неграмотные, а со средним и даже высшим образованием их сравнительно много. Достаточно указать, в самом Комрате имеется несколько школ и реальное училище, содержимое на счёт поселян, и это село насчитывает среди своих жителей несколько врачей, инженеров, общественных деятелей и много студентов. И всё это элемент чисто крестьянский, со всеми правами и обязанностями людей податного сословия. В общем, народ здоровый, трудолюбивый, трезвый, грамотный и сравнительно богатый. Вот какой элемент произвёл там беспорядки». Автор полагал, что «характер этих беспорядков не аграрный...» и приходит к выводу: «Причина возмущения более глубокая. Местные власти арестованы, объявлено самоуправление, во главе которого избран, как говорят, местный поселянин, человек с образованием».

Выступлению комратчан предшествовала революционная агитация. Ее вели студенты Галацан, Зиновьев, Георгиев и другие. По данным полиции, студент Харьковского технологического института Андрей Галацан призывал «население к аграрным беспорядкам». В кружки, возглавляемые студентами Зиновьевым, Ткачём и Сибовым, входили крестьяне и рабочие комратской мельницы. Соратниками Галацана являлись учителя Комратского реального училища Сигизмунд Филярский и Максим Коломейцев, Михаил и Фёдор Болфасовы. Их отец учитель Болфасов стоял за

«законные» действия; но кружок принял программу Всероссийского крестьянского союза, как наиболее близкую к интересам комратских крестьян, и его участники распространяли ее в народе. Иногда участники кружка направлялись в окрестные сёла, чтобы вести агитацию.

Ещё ранее властям стало известно, что бывший студент Харьковского университета, местный уроженец, А.П.Галацан ведёт в селе Комрат «среди крестьян противоправительственную пропаганду и пропагандирует о необходимости вооружённого восстания». Он разъезжал по окрестным сёлам, где выступал на митингах. А.П.Галацан указывал «на утрату авторитета не только местными чинами, но и правительством вообще», призывал подниматься на борьбу с ними, осуществлять «самовольный захват чужой земельной собственности» и передавать тем, кто её не имел.

Достаточно политически развиты были и массы народа. Революционные призывы находили отклик в крестьянстве. В начале января в Комрате начались митинги. Галацан призывал крестьян взять власть в свои руки. «Воздействие на соседские сёла, – докладывал в Петербург губернатор Бессарабии Александр Харузин, – выразилось посылкой депутатов Николая Хаджи и Семёна Сырбу в село Дезгинже с предложением поселянам принять программу Всероссийского Крестьянского Союза, и тем самым присоединиться к нему в целях явно преступных действий, путём террора и насилия произвести экспроприацию частновладельческой имущественной собственности». Крестьянский союз устраивал сельские сходы, на которых крестьян призывали к захвату помещичьей земли, лугов и пастбищ. Студенты Шпиркан, Ткач, Фердинанд Брогалио, Сибов и другие печатали на гектографе призывы к захвату помещичьей земли. Участника сходов раздавали революционные газеты и листовки.

Местные власти решили устранить главного, по их мнению, зачинщика начинающихся беспорядков в Комрате Андрея Галацана. Вечером 5 января пристав арестовал студента и под конвоем отправил его в Кишинёв. Однако почва для революционного выступления уже была подготовлена, и революционеры, собравшись на совещание в помещении школы, избрали комитет во главе с учителем Болфасовым, решили ударить в набат и поднять народ. Колокол зазвонил ночью. За стражниками, увозившими А.Галацана в Кишинев, была послана погоня. Утром прибыли гонцы из окрестных сёл. Демонстранты двигались по Комрату с красными знамёнами. Толпа крестьян и молодежи окружила квартиру пристава, схватила его и заперла в арестном помещении. Затем были задержаны урядник и судья. Аксию задержания и водворения в арестантское помещение представителей власти возглавлял комратчанин Фёдор Табакарь, матрос с линкора «Петропавловск», участник русско-японской войны. Таким образом, 6 января 1906 г. народ отстранил в Комрате царскую администрацию. Власть перешла к революционерам.

Освободить Галацана не удалось, но комитет разослал по сёлам гонцов с извещением о восстании в Комрате. Избранный на митинге волостной комитет объявил Комратскую волость республикой и вынес решение об отмене на ее территории всех налогов и о прекращении мобилизации в царскую армию; были уничтожены налоговые документы. В Кишинёв губернатору направили телеграмму с требованием освободить А.Галацана. До его освобождения, объявил Комитет Республики, под арестом останутся местные администраторы. Дороги на Кишинев и Бендеры были

перекрыты баррикадами. Из Бендер прибыл эскадрон драгун с двумя пушками и, обойдя баррикады, вошел в Комрат.

Комитет Республики был ликвидирован, а участники восстания арестованы и отправлены в тюрьму. В ходе обысков у жителей Комрата было отобрано 200 ружей и револьверов.

Исторические документы того времени свидетельствуют о том, что восстание в Комрате повлияло на настроение жителей ряда сёл волости и за её пределами. Например, 20 августа 1907 года был задержан властями житель Чадыр-Лунги Кирица И.А., обвинённый в подстрекательстве населения к неповиновению властям. В селе Башкалия задержаны 9 человек за неповиновение властям, 11 января 1907 г. арестован

И. И. Поркграс

житель Бешалмы Исайя Кёся, призывавший к неплатежу податей и неповиновению властям. В январе 1907 г. арестован житель Конгаза Курдогло К. за распространение революционной литературы «О земле», «Что нужно крестьянину». Очень активно против существующих порядков выступили крестьяне села Димитровка. На сходе села приняли решение, опубликованное в газете «Бессарабская жизнь», где говорилось об уничтожении частной собственности на землю и об осуществлении демократических преобразований.

№ 77

1905 г. декабря 25. – *Постановление крестьян с. Димитровка Аккерманского у. Об уничтожении частной собственности на землю и осуществлении демократических преобразований в стране, опубликованное в газете «Бессарабская жизнь».*

Милостивый государь, г-н редактор!

Просим Вас поместить в уважаемой Вашей газете следующее наше постановление: мы, крестьяне с. Димитровка Ивановско-Болгарской волости Аккерманского у. Бессарабской губ. в числе 144 человек на частном совещании обсудили своё положение и пришли к выводу, что для того, чтобы мы зажили действительно разумною, культурною жизнью (...)

2) Всеобщее, обязательное и бесплатное образование на родном языке, свободный доступ в средние и высшие школы, где содержание неимущих также должно быть за счёт государства. (...)

№ 119

1906 г. июня 13. – *Донесение помощника начальника Бендерского Губернского жандармского управления в Сорокском, Бендерском и Оргеевском уездах начальнику Управления о необходимости командировать в с. Комрат 2 унтер-офицеров для предотвращения крестьянских волнений.*

Секретно.

По полученным мною агентурным путём сведениям в с. Комрате и прилегающих к

Копия, шифрованной телеграммы,
посланной на имя Начальника Бес-
сарабского Губернского Жандарм-
ского Управления по квитанции
от 10 Января 1906 г. -

Копии

Начальнику Жандармского Управ-
ления.

Одновременным разоблачением
Выше-Губернатора, судебной вла-
сти и результатами допросов
най разоблачки выяснено шесть ин-
теллигентов-интеллигентов и двое
обвиняемых по делу Сивича
на основании арестов при-
стана урядника установлено,

Л

в кордебардн ливстнае приштавъ Мо-
вильо и уредилъ Сепанки. Админис-
тративнаиъ разсидованнаиъ наливотъ
Вице-Губернаторамъ Павленъ и фор-
сированной моей развѣдки установ-
лена аграрно революционнае съ про-
граммного престѣпенскаго союга зрутна
интеллигентовъ трѣхъ учителей Го-
манейцева, Румерскаго, Болжосова,
студента Георгиева и ливилье реали-
стовъ Михаила и Федора Болжосовиъ.
Открыта 54 виновнаиъ возмущеннаиъ
восстании. Все арестована. Предва-
рительное судоуствие ведется по при-
казамъ 263 ст. Уложения Максим. подъ
надзодениемъ прокурорскаго надзора на-
селение готовое первоначално окарать

Лит. В.
Секретно.

СВЪДЪВНІЯ

лице, привлеченоноѣ къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго по
делу, в котором фигурируетъ личность, подлежащая государственному
преследованію, и къ осуществленію государственного преследованія въ со-
отвѣтствіи со ст. 158 Уст. Зем. Титоф. 1.

1) Когда послана лит. А. • 21. Јулиа 1986 г. за № 356

2) Фамилія, имя и отчество (в змужинихъ упомянуть первоначальную фамилію).

Галацан, Андриѣ Мавровиѣ

3) Время рожденія. 15 июля 1875 года

1) Мѣсто рожденія. Св. Кирилла Бездѣлскаго града Боснарскаго
- џурѣи

б) Произношеніе. Мавровиѣ

6) Происхожденіе. Моголацка

7) Национальность. Боснарска

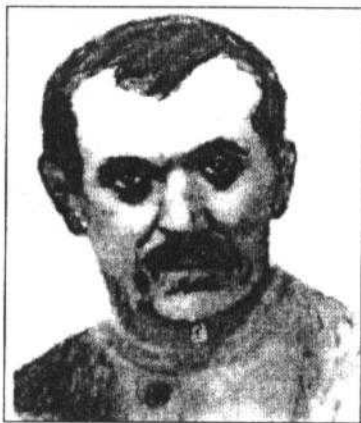
8) Подданство. Дукава

21) Мѣсто произношенія дознанія. Св. Кирилла Бездѣлскаго града
Боснарскаго џурѣи

нему сёлах и деревнях Бендерского уезда под влиянием преступной агитации и пропаганды студента Андрея Галацана крестьяне крайне тревожно настроены к стремлению произвести аграрные беспорядки в самых больших размерах.

Докладывая об изложенном, испрашиваю указания, не будет ли признано возможным командировать в с. Комрат по меньшей мере 2 жандармских унтер-офицеров, так как находящиеся на пункте в гор. Бендеры унтер-офицеры за дальностью расстояния Комрата от Бендер и ввиду малочисленности их не могут в достаточной мере обслуживать эту серьёзную часть уезда.

Верно: подполковник *Васильев*.

Георгиев

№ 159

1907 г. января 17. – Представление прокурора Кишинёвского окружного суда прокурору Одесской судебной палаты о производстве дознания по обвинению крестьянина с. Бешалма Бендерского у. Киоса И. в революционной агитации среди крестьян.

Секретно.

Доношу Вашему превосходительству, что 11 сего января прикомандированным к Бессарабскому губернскому жандармскому управлению подполковником Пахаловичем приступлено к производству формального дознания по обвинению поселянина Исаея Киоса в том, что он, проживая в с. Бешалме Бендерского у., в период времени с октября 1906 г. по январь текущего года в непубличных беседах с местными поселянами возбуждал их к неплатежу податей и к неповиновению властям, то есть в преступлении, предусмотренном 3 пунктом 1 части и 2 частью 130 ст. Уголовного уложения.

Прокурор *Кенигсон*

ЦГИА УССР, ф. 419, оп. 1,

Д. 5374, л. 1. Подлинник

№ 161.

1907 г. января 31. – Представление прокурора Кишинёвского окружного суда прокурору Одесской судебной палаты о производстве дознания по обвинению Курдогло К. в распространении революционной литературы в с. Конгов Измаильского у.

Секретно.

Доношу Вашему превосходительству, что 25 сего января помощником начальника Бессарабского жандармского управления подполковником Васильевым приступлено к производству формального дознания по обвинению жителя с. Комрат Константина Курдогло в том, что, проживая в декабре прошлого года в с. Конгове Измаильского у., распространял среди местного населения брошюры революционного содержания

под заглавием «О земле», «Что нужно крестьянину» и прочие, то есть в преступлении, предусмотренном 129 ст. Уголовного уложения.

Прокурор Кенигсон

№ 181

1907 г. августа 20. – *Постановление начальника Бессарабского губернского жандармского управления по делу о жителе с. Чадыр-Лунга Бендерского у. Кирицы Н.А., обвинявшегося в призыве односельчан к неплатежу налогов и неповиновению властям.*

Я, начальник Бессарабского губернского жандармского управления, полковник Соколов, рассмотрев представленную мне помощником моим ротмистром Марачевским произведённую им в порядке высочайше утверждённого 14 августа 1881 г. «Положения о государственной охране» переписку по исследованию политической неблагонадёжности поселянина с. Чадыр-Лунга Бендерского у. Николая Александрова Кирицы, нашёл:

20 июля сего 1907 г. за № 1681¹ пристав 4-го стана Бендерского у. представил мне произведённое им полицейское дознание по обвинению Николая Кирицы в подстрекательстве населения с. Чадыр-Лунга к неплатежу налогов, неповиновению властям и, вообще, в его политической неблагонадёжности. (...) По оставлении земским начальником схода, там поднялся беспорядочный спор между двумя враждебными партиями. По показаниям допрошенных по сему делу свидетелей из партии «богачей»

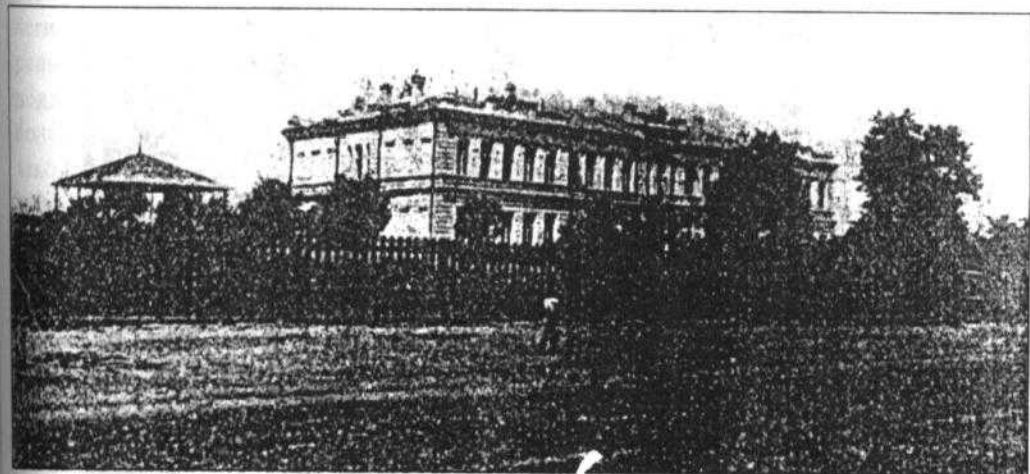

Фото участников Комратского восстания в Кишиневской тюрьме, 1907 г.

Н. Кусурсуза, С. Кусурсуза, Ф. Новачилы, С. Новачилы, М. Кавыржика, П. Пажалы, Г. Градинара, И. Мурчева, Н. Капенжи и С. Стефогло, Николай Кирица в отсутствии земского начальника при этих спорах взывал на турецком языке к сельчанам, убеждая их не слушать вновь назначенного старосту Николая Кусурсуза, так как он не был избран сходом, а назначен вопреки желанию общества земским начальником, и не платить податей при требованиях Кусурсуза, не признавая его за старосту...

Царские власти стремились предотвратить обострение борьбы. Кровавых репрессий, которых можно было ожидать при подавлении «бунта», в Комрате не последовало. Не поддержал губернатор и намерение полиции устроить громкий политический процесс. В апреле арестованные, ободренные поддержкой общественности, потребовали освобождения и объявили голодовку. Через три дня, 21 апреля 1906 года, суд освободил их. Часть арестованных комратчан была оставлена под надзором полиции, но большинство освободили под залог небольших сумм, внесенных их родственниками. Только через год, в декабре 1907 г., по делу о Комратской республике 15 участников выступления были приговорены к символическому наказанию – заключению на два-три месяца. Андрея Галацана и Павла Николаева, Михаила Сибова, Маджарова осудили и сослали на поселение в Сибирь.

Мягкость вынесенных приговоров можно объяснить стремлением правительства показать крестьянству устойчивость существующего в стране порядка. Почему восстание, в ходе которого никто не погиб, получило большой общественный резонанс? Да потому, что в ходе этого выступления насильственным образом были отстранены от исполнения своих функций местные администраторы, то есть, свергнута власть существующая, и была, пусть всего на пять дней, установлена новая, революционная власть. Об этом свидетельствует квалификация обвинения, предъявленного Андрею Галацану на суде. Его обвинили «в подстрекательстве поселян к участию в бунтовщицком деянии, к ниспровержению существующего в государстве общественного строя». Комратское восстание явилось кульминационным пунктом крестьянского движения в Бессарабии в годы первой российской революции. Оно

Комратское реальное училище в 1905 г.

оказало революционизирующее воздействие на дальнейшее развитие общественного движения в крае. Об этом свидетельствует внимание к Комратским событиям в Советском Союзе в 30-е годы XX века. Общество бессарабцев отмечало 20-летие, 30-летие Комратской республики, что нашло отражение на страницах журнала «Красная Бессарабия», газеты «Плугарул рошь» и др. изданиях.

Причины выступления комратских крестьян были социального и политического характера. Комратское восстание подготовили и в нем участвовали комратчане различных национальностей. Но наибольший отклик восстание нашло в гагаузских селах, и гагаузы осознали его как свое деяние. Не являлось восстание и стихийным взрывом негодования. Оно было сознательным, назревшим и подготовленным революционными силами выступлением политического протеста.

Последующие события подтвердили историческое значение Комратской республики для духовного развития гагаузского народа. Пять дней ее существования гагаузы осознали как свое революционное деяние, как свидетельство своей способности к историческому творчеству. Возвратившись в Комрат в 1917 году, деятель Комратской республики Павел Николаев пытался возродить идею создания Буджакской или Гагаузской Республики. В начале 1918 года революционеры-гагаузы – сторонники образования автономии на Юге Бессарабии, вместе с молдаванами, болгарями, украинцами, русскими приняли участие в вооруженной борьбе против румынской интервенции, а в годы румынской оккупации они, как и сам П.Николаев, участвовали в борьбе Бессарабского подполья. В 1924 году идея гагаузской автономии нашла отражение в письме его друга Григория Котовского, направленном В.И. Ленину.

В 30-е годы XX в. гагаузская интеллигенция была исключена из общественной жизни, отстранена от профессиональной деятельности и принуждена к деклассированию или эмиграции. Подготовка новой интеллигенции из гагаузов была

Подавление восстания в Комрате, январь 1906 г.

блокирована, немногие гагаузы получали высшее образование в Москве, Стамбуле, Бухаресте, но были лишены возможности трудиться в родном краю, на благо своего народа. В Бессарабии практически не осталось учителей, врачей и даже священников-гагаузов. Во вторую половину XX века гагаузы вступили как народ без истории. Хотя еще были живы современники событий, почти полностью были забыты Комратское восстание и государственность, созданная в Комрате в январе бурного 1906 года.

Одич из участников восстания Д.И. Маджар (слева) в Иркутской губернии в ссылке

Но наш народ нашел в себе силы к национальному возрождению. Традиции коллективного действия в защиту общественных интересов оказались живы среди гагаузов.

Подъем переживала вся страна, бурно развивалась и историческая наука Молдавии. События 1905-1907 годов по документам были воссозданы в трудах «История Молдавской ССР», в монографии «Революционные движения в Молдавии в 1895-1917 гг.», в книге «Борцы на народное счастье», в сборнике документов «Крестьянское движение в Молдавии эпохи империализма», а после перехода Молдовы к независимости – в труде «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней». Знакомясь с фактами вековой давности, гагаузская интеллигенция вновь обретала веру в способность гагаузского народа к историческому творчеству, концептуальный суверенитет, то есть способность мыслить и действовать в соответствии с фундаментальными интересами и традициями своего народа.

Продолжением традиций 1905-1906 гг. стало провозглашение в ноябре 1989 г. Гагаузской автономной республики в составе МССР, а в августе 1990 года – Гагаузской Республики. Как и в те времена, гагаузы не потребовали особых прав и привилегий, гагаузская государственность была создана под лозунгами национального равноправия и сохранения целостности страны. Эта позиция обеспечила гагаузам поддержку большинства населения Молдовы, нашла понимание в парламентском большинстве Республики Молдова. 23 декабря 1994 года Парламент РМ принял закон «Об особом правовом статусе Гагауз Ери (Гагаузии)». Сегодня уже никто не может сказать, что гагаузы – народ без истории.

Новое поколение гагаузов извлекает из событий тех лет свои уроки. В чем они заключаются? Комратское восстание показало, что уже наши прапрадеды чувствовали себя на этой земле полноправными гражданами, чувствовали ответственность за прогресс своей страны, и вместе с молдаванами, болгарями, русскими, украинцами боролись за это. Комратское восстание показало, что сам народ определяет своих друзей и врагов. Главный вывод из событий вековой давности гласит: подлинным творцом своей истории является сам народ.

В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914-1918 гг.

*Уроженцы с Чадыр-Лунга перед отправкой в армию,
1915 г. Бендеры*

Война, которая началась 1 августа 1914 года, охватила десятки государств мира. В 1916 году, после вступления Румынии в войну, прифронтовой стала и территория Бессарабии. Война отразилась на всех сферах жизни: наступил спад экономики, в тяжёлом положении оказалось сельское хозяйство.

К весне 1917 г. в числе других национальностей в армию было призвано более 15 тысяч гагаузов. Многие жители города Комрата участвовали в войне, среди них: Патраман Иван Дмитриевич, Мавроди Георгий Фёдорович, Яниогло Георгий Степанович, Митиогло Георгий Николаевич, Недялков Фёдор Петрович,

Керчел Фёдор Георгиевич, Евчук Константин Петрович, Герч Иван Фёдорович, Казаков Дмитрий Дмитриевич, Автенов Иван Васильевич, Влах Фёдор Андреевич, Кара Илья Константинович, Тукан Василий Фёдорович, Камельчу Николай Пантелеевич, Патрамак Дмитрий Иванович, Мутав Константин Михайлович, Сербов Василий Доменович, Пеногло Иван Константинович, Митиогло Пётр Георгиевич, Койнак Димитрий Дмитриевич, Иофчу Николай Павлович, Недялков Степан Иванович, Топал Георгий Константинович, Гаргалык Фёдор Васильевич, Недялку Иван Тванович, Аврамов Илья Николаевич, Якимов Михаил Петрович, Казамиров Андрей Ал., Сибов Степан Христофорович, Никогло Иван Дмитриевич, Ботапани Николай Дмитриевич, Муска Николай Николаевич, Николаев Пётр Фёдорович, Карабаджак Константин Георгиевич, Сибов Димитрий Фёдорович, Касап Андрей Васильевич, Кирияков Димитрий Степанович, Кирияков Василий Степанович, Костович Фёдор Петрович, Недялков Георгий Андреевич, Тукан Георгий Димитриевич, Мавроди Николай Дмитриевич, Фуртуна Пётр Афанасьевич, Великогло Захарий Георгиевич, Узун Лука Петрович, Фуртуна Иван Иорданович, Петров Пётр Петрович, Гагауз Пётр Петрович, Кюлафлы Димитрий Иванович, Минчеглу Николай Ильич, Кыльчик Иван Михайлович, Рушика Пётр Иванович, Каражи Димитрий Николаевич, Рушика Алексей Иванович, Ебришим Пётр Лазаревич, Панаитов Фёдор Георгиевич, Киханогло Андрей Георгиевич, Болгар Димитрий Захарович, Фуртина Фёдор Николаевич, Дечан Авр. Иванович, Арчинтару Георгий Степанович, Гарчу

Пётр Афанасович, Анчиогло Кирилл Иванович, Гайдаржи Иван Дмитриевич, Сары Афанасий Иванович, Думитроглу Иван Георгиевич, Ротаренко Алекс. Петрович, Влах Иван Фёдорович, Минчиогло Пётр Георгиевич, Домусчу Александр Феодорович, Дудогло Савва Степанович, Влах Дмитрий Фёдорович, Влах Георгий Михайлович, Болгар Ефтимей Петрович, Влах Георгий Георгиевич, Чебан Николай Петрович, Узун Пётр Георгиевич, Арабаджи Георгий Георгиевич, Петкогло Николай Андреевич, Греков Фёдор Константинович, Влах Василий Иванович, Собко Леонтий Яковлевич, Великогло Пётр Георгиевич, Кыльчик Иван Афанасьевич, Кыльчик Иван Афанасьевич, Арабаджи Михаил Дмитриевич, Влах Афанасий Петрович, Пеногло Дмитрий Дмитриевич, Ибришим Алексей Лазаревич, Кара Дмитрий Николаевич, Златов Лазарь Петрович, Стоянов Дмитрий Андреевич, Топал Иван Николаевич, Рушика Фёдор Иванович, Пометко Фёдор Васильевич, Назаренко Афанасий Павлович, Караван Михаил Петрович, Петров Фёдор Петрович, Добров Родион Фёдорович.

Несмотря на трудности и лишения, гагаузы в этой войне проявили патриотизм. Нередки были случаи пожертвований на победу, а отдельные молодые люди отправлялись на фронт вольноопределяющимися.

Гагаузы воевали на всех фронтах, служили на флоте. За годы войны среди них появилось немало офицеров: подполковник М. Чакир, штабс-капитан Карачобан, прапорщики К. Иорданов, В. Арабаджи и многие др.

Тысячи представителей гагаузского народа были награждены орденами и медалями. Геройски воевал на фронте комратчанин Савелий Георгиевич Болгар, 1893 г. рожд. Он отличился в боях под Варшавой и в других сражениях. Домой в 1918 г. солдат вернулся полным кавалером Георгиевских крестов и медалей. Георгиевским крестом был отмечен за храбрость Константин Кылчик, двумя «Георгиями» – Рушика.

*Уроженец с Кобей штабс капитан Д. Карачобан на Кавказском фронте 1917 г.
(в центре, рядом с французским офицером)*

Савелий Болгар – полный георгиевский кавалер. Западный фронт. 1916 г.

Прапорщик К.Иорданов был награждён орденом Св. Анны.

Годы Первой мировой войны нашли отражение в гагаузском фольклоре. Песни сочинялись и на фронте, и в тылу. В начале войны родилась песня, где были такие слова:

*«Пришла телеграмма
Из Мариинского полка
Молодым парням,
Нашим одногодкам,
Чтоб на службу шли
И службу свою несли».*

Гагаузы служили во 2-й Кавказской стрелковой бригаде, 55-м Подольском полку, 224-м и 295-м Свирских полках и т.д. Во 2-м Кавказском полку служили рядовой Георгий Вердукогло и унтер-офицер

Дмитрий Сырбов. В Волынском полку – Иван Ангелов и Константин Келеш.

Уроженцы селе Чишмикиой И.Д.Христов и Г.А. Карагеорги воевали с немцами под Ригой и Псковом. На Кавказском фронте служил в крепостной артиллерии Ф.А.Маджар. На Западном фронте воевали комратчане Георгиев, Арабаджи. В 17-й роте Инженерного полка служил уроженец Чадыр-Лунги Николай Тукан. На Кавказском фронте в составе 13-го Туркестанского полка воевал его односельчанин, унтер-офицер Петр Генов. На разных фронтах сражались томайцы Недеялко, Ялама, Гарчу и др.

Всю войну провёл в окопах уроженец села Чишмикиой Антоний Петрович Перчемли. В 1967 году он рассказывал: «Шла кровавая битва, солдаты гибли массами...».

О жертвах в этой войне поётся в одной из песен тех лет:

*Германские и русские аэропланы,
Как небесные птицы, летают.
От Одессы до Прута
Везде одни могилы...
По два, по три хоронят,
По пять, по шесть закапывают,
У изголовья ставят отметину.*

Уроженец с. Кобей
П. Карачебан,
полный георгиевский кавалер

Много жителей Буджака вернулось с войны инвалидами. Из них: С. Стефогло из села Гаваносы, чишмикионец Адам Опря. Под городом Станислав в июне 1917 г. был тяжело ранен солдат Василий Арабаджи, уроженец села Кириет-Лунга. 22 декабря 1916 г. в бою был тяжело ранен солдат 6-й роты Волынского полка Константин Келеш. За годы этой войны погибло более трёх тысяч солдат гагаузской национальности.

Памятник солдатам, павшим на фронтах
Первой мировой войны 1914-1918 гг.,
с. Этулия, Вулканештского района

(сидит слева) А. Кулев
уроженец Чадыр-Лунги,
1914 г.

М. Сюрма (первый слева)
из села Курчи, 1916 г.

Н. Чебан в госпитале после
тяжелого ранения на
западном фронте, 1916 г.
(лежит слева)

(Сидит) Н. Кулев,
из села Чадыр-Лунга, 1916 г.

УЧАСТИЕ ГАГАУЗОВ В РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

*Федор Трандафилов, 1917 г.
Матрос крейсера «Аврора»*

Традиции борьбы за социальное освобождение начали складываться у гагаузов еще в начале XIX века, когда они вместе с болгарами противились попыткам молдавских бояр закрепить их. Активное участие приняли гагаузы в первой русской революции. Среди участников восстания на броненосце «Потемкин» был уроженец Комрата матрос Дмитрий Николаевич Топчев. Были гагаузы и среди участников возникшей тогда же в Болграде марксистской организации. Но главным свидетельством революционных возможностей гагаузского народа стала Комратская республика, провозглашенная в январе 1906 г. Видимо, именно этим актом был впервые поставлен вопрос о создании в Бессарабии гагаузской территориальной автономии.

Свержение самодержавия в марте 1917 г. создало условия для реализации подобных чаяний. Однако политическое пробуждение народа происходило постепенно. Первый Совет в гагаузских районах, в Чадыр-Лунге, был создан только к началу мая.

В 1917 г. выдвинулись и новые революционеры-гагаузы. Д.И. Чадырян, уроженец села Дезгинжа, служивший в Волынском резервном полку, 25 октября 1917 г. участвовал в штурме Зимнего дворца, Ф. Пиогло из Комрата участвовал в восстании на миноносце «Зоркий», С.В. Чакир из села Этулия избирался председателем полкового солдатского комитета. Уроженец села Вулканешты прапорщик Н. Филиппов вел большевистскую работу на Румынском фронте. Вместе с другим большевиком, солдатом Трегубовым из Кагула, Филиппов организовал крестьян в Кагульском уезде на раздел помещичьей земли. Имя Филиппова было тогда широко известно. Когда Филиппов был заключен в Кишиневскую тюрьму, за его освобождение выступили не только большевики, но и широкая общественность города; в числе других арестованных он был освобожден. Таким образом, люди, способные на политическую инициативу, среди гагаузов имелись.

Виднейшим из них являлся П. Николаев, уже в силу своей биографии призванный возглавить революционное движение гагаузов. С его организаторской работой по демократизации жизни А. Александров, один из руководителей Бессарабской организации партии эсеров, посетивший Комрат и Чадыр-Лунгу в октябре 1917 г., связывал то обстоятельство, что население Комрата, «хотя и с грехом пополам, но в политике разбирается». А вот в Чадыр-Лунге, сообщал далее этот деятель, болгары

и гагаузы – «народ серьезный и трудолюбивый», но «в политическом отношении – совершенно младенец. Кто что скажет – тому и поверят»¹.

Близость фронта, общение с массой солдат, офицеров, рабочих на железнодорожных станциях способствовали политическому просвещению крестьян, в том числе гагаузов. В местечке Романовка, прилегающем к узловой железнодорожной станции Бессарабская, продолжал А. Александров, «руководителем общественного мнения всего железнодорожного узла и всей волости является Совет рабочих и солдатских депутатов, пользующийся заслуженным авторитетом, благодаря присутствию в нем старых работников, как рабочих, так и солдат». Свидетелю довелось побывать на митинге, созванном Советом, на который явились от 800 до 1000 человек. Несмотря на осенний холод и ветер, ораторов слушали до позднего вечера. Выступили представители различных революционных партий: эсеров, меньшевиков, один польский социалист, двое большевиков. Даже на крохотной станции Троян-Вал в Кагульском уезде было полно народу и можно было купить большинство социалистических и демократических газет. По поводу прочитанного велись бесконечные дебаты, «так что станция превратилась в политический клуб, где нередко можно встретить представителей всех партий, начиная от кадетов до анархистов и большевиков включительно»². Гагаузы были, за малым исключением, крестьяне, и их отношение к событиям определяли прежде всего их социальные интересы. Эти интересы получили отражение в социальной программе большевиков.

Однако Временное правительство выдерживало курс на развал Российского государства. Оно саботировало решение наиболее важного для крестьян вопроса о земле, продолжало непопулярную войну, допустило развал промышленного производства и транспорта, инфляцию. Рабочие, крестьяне, учителя оказались в отчаянном материальном положении. Временное правительство сделало новые шаги к разрушению действующей армии, развернув формирование национальных частей – польских, украинских, латышских и других. Оно инициировало также создание двух важнейших институтов грядущей молдавской государственности – армии и законодательного собрания. В сентябре 1917 г. с его согласия началось формирование молдавских полков, а 20 октября по приказу верховного главнокомандующего российской армией Керенского в Кишиневе был созван военно-молдавский съезд. По инициативе О. Гибу и некоторых других лиц, связанных с правительством Румынии, съезд постановил образовать Краевой Совет – «Сфатул Цэрий».

Кризис в стране, отметил в те дни В.И. Ленин, действительно, назрел. Осенью 1917 г. об этом свидетельствовало и положение в Бессарабии. Как и по всей стране, в крае начался массовый захват крестьянами помещичьих земель. В них также приняли участие гагаузы. Жители села Ялпужены захватили у помещика паровую мельницу и пустили ее в работу. Жители села Чадыр приняли участие в разгроме помещичьего

Участник революции 1917 г., Гражданской войны 1918-1921 г., Кавалер ордена боевого Красного знамени, ордена Ленина Николай Тухан (уроженец Чадыр-Лунги)

Владимир Райнов
Ком. 1 Бессарабского полка
1918 г., г. Овидиополь

имения. Временное правительство утратило всякий авторитет в народе. Безвластием пользовались уголовники, грабившие склады и магазины, подвалы, где хранились вина, водка и спирт. Местные Советы пытались наладить охрану винных складов, иногда даже уничтожали запасы алкоголя. В Комрате по решению Совета склады заминировали, а население оповестили об этом.³ Народ ожидал новых перемен.

25 октября (7 ноября) 1917 г. власть в Петрограде взяли большевики, еще более радикальные сторонники самоопределения наций. Поэтому никаких препятствий создание Краевого Совета «Сфатул Цэрий» не встретило. Этот орган был образован 21 ноября как «круглый стол» 29 общественных организаций Бессарабии. Принципы его комплектования были недемократичными. Крестьянству, составляющему около 90% населения края, было предоставлено всего 30 мест, менее 25%. Не было обеспечено в Краевом Совете и национально-пропор-

циональное представительство. Хотя доля молдаван среди населения Бессарабии составляла в это время 53%, в составе «Сфатул Цэрий» они составляли 70%. То обстоятельство, что в этом органе имелись также украинцы, евреи, русские, болгары, немцы, поляки, армяне и грек, не исключало возможности превращения его в орган националистической диктатуры⁴. Что касается участия гагаузов в «Сфатул Цэрий», то по документам числится один гагауз как представитель от кооператива, а другой участник – Топчу Дмитрий, уроженец с. Томай, в период с 1920-1940 гг. жил в г. Бендеры, неоднократно избирался депутатом в румынский парламент. Упоминается также некто Кара из города Бендеры, по национальности – гагауз. Эти люди практически не известны были гагаузскому народу. Это свидетельствовало об отсутствии среди гагаузов деятелей, готовых хотя бы формально поддержать курс на отрыв Бессарабии от России. Сепаратистских тенденций не было и среди болгар, молдаван, украинцев и других национальных сообществ края. И все же, в силу ситуации, сложившейся в стране, путь к образованию региональной государственности был открыт. 2 декабря 1917 г. «Сфатул Цэрий» принял Декларацию о создании Молдавской Демократической республики.

Доверия к «Сфатул Цэрий» в народе не было, и провозглашение МДР взволновало национальные меньшинства. Стремясь оградить себя от национальной дискриминации, гагаузы и болгары обсуждали вопрос о создании Буджакской республики. В декабре 1917 г. Павел Николаев приехал в Кишинев и обсудил будущее гагаузского народа с руководителем местных большевиков

Петр Генов, командир роты
1 Бессарабского полка, 1919 г.

председателем Бессарабского губисполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Яковом Денисовичем Мелешиним. Речь шла о гагаузской автономии. «Вторым таким делегатом, но уже в единственном числе, – вспоминал участник гражданской войны историк С.С. Бантке, – был товарищ Николаев Павел. Он приехал из Комрата, огромного села, центра Гагаузии, или, как раньше называлось это место, Буджака. Он приехал посоветоваться к нам по вопросу образования Буджакской или Гагаузской республики, с центром в Комрате. В товарищах-гагаузах жили ещё традиции 1905 года, когда они в результате аграрных беспорядков образовали свою республику, прогнали, предварительно избив, исправника, и создали нечто вроде своего революционного комитета»⁵. Подобный комитет или группа единомышленников во главе с П. Николаевым имелась в Комрате и в 1917 г. Но времени для преобразования местной власти им отпущено не было.

Павел Капсыз, Председатель земельного комитета с. Бещалма. Расстрелян румынскими оккупантами в январе 1918 г.

В первые дни января 1918 г. румынские войска вторглись в Бессарабию и заняли Кагул, Леово, Болград и ряд сел; 13 января они захватили Кишинев, 24-го, расстреляв пятерых, а затем еще двоих членов «Сфатул Цэрий» и, принудив к бегству за Днестр более 50, представлявших революционные организации, вынудили «Сфатул Цэрий» провозгласить независимость Молдавской Республики от России⁶. Но боевые действия продолжались, и гагаузы были среди тех, кто с оружием в руках выступил против интервентов. У села Кислица-Прут два дня удерживал фронт против румынских войск отряд вулканештских партизан. Одного из партизан этого отряда, тяжело раненного в бою Харлампия Алексиогло, подобрала и выносили крестьяне села Кислица-Прут. В селе Кубей (ныне с. Червоноармейское Болградского района Одесской области) местные жители Н. Шишман, Хаджиогло, К. Иорданов, Г. Кара, А. Карачебан, Калчев, Фучежи и другие, получив от солдат русской армии оружие, сформировали партизанский отряд из трехсот человек и разгромили подразделение румынских войск. Вступив 18(31) января в село Кубей, вспоминал бессарабский революционер-подпольщик Д.К. Кюрчи, румынские интервенты учинили там дикую расправу над жителями⁷. Небольшой партизанский отряд создали в те трагические дни крестьяне села Дезгинжа, недавние солдаты русской армии. Партизаны обстреляли из засады подразделение румынской кавалерии, приблизившееся к селу. Впоследствии оккупанты разыскали некоторых партизан, – в их числе были Ф. Байрактарь, И. Дрангоз, Г. Гроссу, Н. Тукан, – арестовали и расстреляли их. Вооруженные группы патриотов выступили и в других гагаузских селах, партизан из Дезгинжи расстреляли вместе с партизанами из окрестных сел. В конце января 1918 г., в боях с румынскими интервентами под Болградом и Измаилом участвовала боевая дружина гагаузов под командой

Шишман Николай Сав.

Г.И. Котовский

бывшего солдата русской армии, уроженца села Кириет-Лунга В.П. Арабаджи⁸.

Большевики не смирились с оккупацией Бессарабии. 15(28) января 1918 г. Совет Народных Комиссаров под председательством В.И. Ленина обсудил положение в Бессарабии и постановил «принять немедленно самые решительные меры к подавлению румынской контрреволюции». Была образована Верховная автономная коллегия по русско-румынским делам, призванная вести дела, касающиеся взаимоотношений России с Румынией. Революционные войска и Дунайская военная флотилия продолжали боевые действия на Дунае, отбили Аккерман, нанесли интервентам поражение под Рыбницей и Резиной. В феврале румынское правительство приступило к переговорам об урегулировании конфликта, и 5 марта 1918 г.

в Одессе было подписано советско-румынское соглашение «Об очищении Румынии Бессарабии», предусматривавшее вывод румынских войск из Бессарабии в двухмесячный срок; 9 марта это соглашение было ратифицировано румынским правительством в Яссах.⁹

Наступление немецких войск и гражданская война в России позволили румынскому правительству пренебречь взятыми на себя обязательствами. 27 марта (9 апреля) 1918 г. его представители во главе с премьер-министром Маргиломаном и командующим оккупационными войсками в Бессарабии генералом Э. Броштяну, используя запугивание, подкуп, обман и подлог, добились от «Сфатул Цэрий» декларации об «объединении» с Румынией. Но лозунг самоопределения наций, один из главных лозунгов революции, не был забыт молдаванами. Члены «Сфатул Цэрий» все же выговорили для Бессарабии автономию¹⁰. Оставалась в силе и идея гагаузской автономии. В апреле 1919 г., когда в Одессе было образовано Временное Рабоче-крестьянское правительство Бессарабии, его возглавил Иван Николаевич Криворуков, кишиневский рабочий, деятель профсоюзов, хорошо знавший взгляды революционеров – гагаузов и болгар. В этой работе участвовала также подпольщица из Комрата Евгения Карабаджак, в июле 1920 г. – член Бессарабского партийного комитета, курировавшего деятельность Временного правительства Бессарабии¹¹. Начальником охраны правительства Бессарабии являлся гагауз из Чадыр-Лунги Пётр Семёнович Генов. У него также состоялась беседа с И.Н. Криворуковым о будущем гагаузского народа. П.С. Генову довелось общаться и, видимо, беседовать на темы гагаузской автономии также с Г.И. Котовским, И.Э. Якиром и другими видными революционерами-большевиками. Как показали последующие события, они знали о чаяниях гагаузов.

Вообще, история I-го Бессарабского полка мало исследованна, но факты говорят, что в полку служило много гагаузов и болгар. Вот что пишет по этому поводу бывший политко-

Л.С. Дегтерев, руководитель Болградского революционного отряда, январь 1918 г.

миссар I-го Бессарабского полка А. Гарри: «Пешая разведка I-го Бессарабского полка, где И. Сарра был помощником командира, состояла сплошь из болгар и гагаузов. Разведка эта совершала чудеса храбрости».

Личность П.С. Генова, как многих других гагаузов-участников гражданской войны, заслуживает более подробного рассмотрения. В первую мировую войны он воевал в Закавказье. В 1918 г. возвратился домой, но румынскую оккупацию не принял и ушел за Днестр. В Одессе вступил в I-й Бессарабский полк 45-й дивизии Красной Армии, воевал против гайдамаков, французских и румынских интервентов. Однако наступление белых войск под командованием генерала А.И. Деникина на Киев и Одессу сорвало освободительный поход Красной Армии в Бессарабию. В мае 1919 года, во время боя в Бендерах, П.С. Генов попал в плен к французам и, как уроженец Бессарабии, был передан румынским войскам. Из плена бежал, скрывался, а в феврале 1920 г., когда Левобережье Днестра было освобождено Красной Армией, возвратился на советскую службу. Работал в ВЧК, боролся с контрреволюцией и бандитизмом в Одесской области. Вместе с П.С. Геновым в Одесской ЧК служила, выполняя опасные секретные задания по борьбе с контрреволюцией и уголовной преступностью, его сестра Елена Генова.

Еще один житель Чадыр-Лунги, Николай Иванович Тукан, во время мировой войны был писарем инженерного полка. Когда началась революция, он сыграл важную роль в срыве попытки офицеров направить солдат на подавление рабочих. На общем собрании полка Н.И. Тукан был избран заместителем командира. В 1918 г., когда полк демобилизовался, Тукан поступил на службу в Рабоче-крестьянскую милицию в городе Невеле и вскоре стал ее начальником. В годы гражданской войны занимал руководящие посты в органах ВЧК Витебской губернии, участвовал в формировании частей особого назначения (ЧОН), воевал с кулацкими бандами и белогвардейцами.

Несколько уроженцев села Чишмикиой воевали под командой Г.И. Котовского. Одним из них был демобилизованный солдат царской армии Илья Дмитриевич Христов. В начале 1918 г. он прибыл из Курска в Тирасполь. Жители Бессарабии бродили по городу в ожидании переправы через Днестр. Однажды недалеко от рынка Христов увидел толпу солдат. Подошел поближе. В центре стоял человек богатырского сложения и держал речь. Это был Котовский. Он призывал бессарабцев отсрочить свое возвращение на родину и послужить делу революции. Христов записался в его отряд, получил обмундирование и на следующий день пошел выполнять боевое задание. Во время одного из рейдов на Одессу, когда эшелон котовцев остановился на станции Раздельная, Христов встретил земляка Г.А. Карагеорги, который воевал в артиллерии на Турецком фронте и теперь пробирался домой. Христов уговорил друга записаться в бригаду. Служба друзей-гагаузов

Козабаш Андрей Иванович (сидит справа), уроженец с. Александровка, Таврической губернии. Участник гражданской войны 1918-1921 гг.

продолжалась немногим более трех месяцев, но за это время они приняли участие во многих боях. Георгия Афанасьевича ранило осколком снаряда в ногу. В отряде Г.И. Котовского служил также Федор Афанасьевич Маджар.

В кавалерийской бригаде Г.И. Котовского также служили гагаузы. Об этом пишет А. Гарри: «В отдельной кавбригаде Котовского болгар и гагаузов было человек пятнадцать». Интересны сведения А. Гарри о начальнике штаба кавбригады Садакли: «... по-моему, он – гагауз».

В борьбе за Советскую власть участвовали и гагаузы, переселившиеся в 1906–1914 гг. из Бессарабии в Казахстан и Сибирь в ходе столыпинской аграрной реформы. Там, в Семипалатинской области, они образовали целые села: Романовка, Прохладное, Болгарка и другие. В 1919 г. партизанские отряды, в которых сражались жители этих сел, участвовали в боях против белогвардейских войск атамана Анненкова, прорывающихся в Китай. Уроженцы сел Вулканешты и Копчак образовали знаменитый на Алтае партизанский отряд «Красные горные орлы». Командиром отряда был украинец Бабенко, а старшиной – Кирилл Мырзак, уроженец Копчака. В составе этого отряда сражались против белой гвардии и другие жители Копчака: братья Михаил, Семен, Константин, Илья Монастырлы, Михаил Попазов. Отличились в боях с белогвардейцами также кыпчакцы Афанасий Браган, Мартин Калчев, Кирилл Онофрей, Георгий Онофрей, вулканештцы Иван Селемет и Илья Селемет. После службы в отряде «Красных горных орлов» партизан Яков Дмитриевич Бабов вступил в регулярную Красную Армию. Вместе со своей частью Я.Д. Бабов попал в Среднюю Азию, воевал там с белогвардейцами и басмачами дослужился до должности командира кавалерийского полка. Погиб он в 1922 г. в Коканде.

В годы революции и гражданской войны гагаузы решительно выступили на стороне центрального правительства России – правительства большевиков. Они мужественно боролись против румынских интервентов, воевали за Советскую власть на других фронтах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Левит И. Молдавская Республика (Ноябрь 1917–ноябрь 1918). Кишинев. 2000. С. 11.
- ² Там же. С.12.
- ³ Там же. С. 166, 158.
- ⁴ Wilhelmus Petrus van Meurs. Chestiunea Basarabiei in istoriografia comunista. Chisino. 1996. P.435.
- ⁵ См.: Бантке С. Бессарабская организация большевиков в период Октября. \Красная Бессарабия. 1927. № 4-5.
- ⁶ Unirea Basarabiei si Bucovinei cu Romania. 1917-1918. Documente. Chisinau. 1995.P. 148-150.
- ⁷ Лунгу В.Н. Политика террора и грабежа в Бессарабии. 1918-1920. Кишинев. 1979. С.49.
- ⁸ Булгар С.С. Гагаузские судьбы. Деятели культуры и науки: 200 лет истории. Кишинев. 2003. С.55.
- ⁹ Левит И.Э. Молдавская Республика. С.293.
- ¹⁰ Unirea Basarabiei si Bucovinei cu Romania. 1917-1918.PP.215,216.
- ¹¹ Коммунистическое подполье Молдавии. Т. I. С.150.

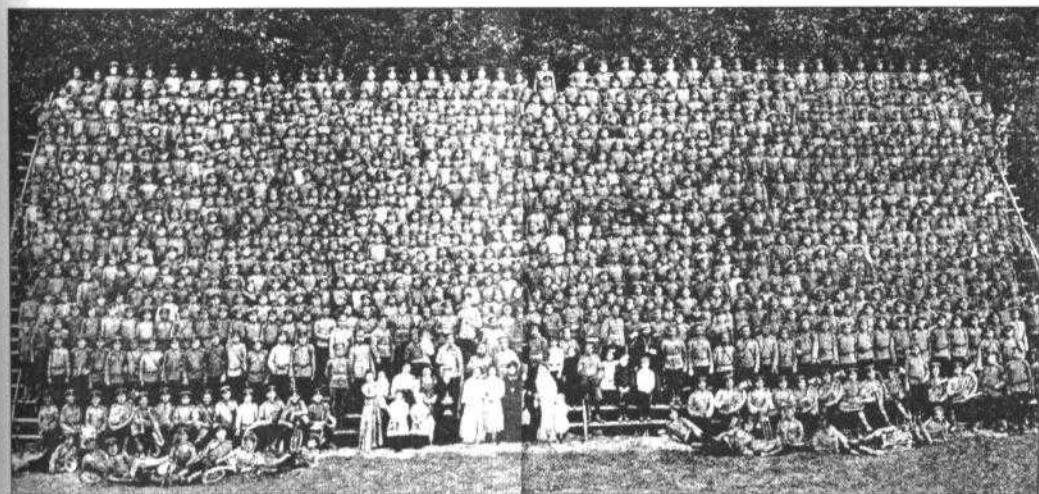

Депутаты «Сфатул Цэрий», 1918 г.

Дмитрий Топчу, депутат «Сфатул Цэрий»,
уроженец с. Томай

Участники съезда военных-молдаван 20-27 октября 1917 г. Кишинев

В РЯДАХ РЕВОЛЮЦИОННО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ БЕССАРАБИИ

КОМРАТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

(Стоят) С. Гаврилюк, С. Тузлова,
О. Гаврилюк, Комрат, 1921 г.

Стремясь деморализовать народы Бессарабии и сломить их сопротивление, румынские оккупанты пытались вытравить из их памяти героические страницы их истории. «Национальные меньшинства, – вопрошал в 1927 г. один из авторов бухарестской газеты профашистского толка «Универсул», – на чем основаны ваши права? Есть у вас своя история, свои герои? Страдали ли вы за Родину? Оплакивали ли вы ее несчастья? Проливали ли кровь за нее? Вы перелетные птицы. У вас нет никаких исторических, национальных прав. Настанет справедливый день, и вы потеряете все ваши права»¹.

Но сопротивление гагаузов, как и всего народа Бессарабии, несмотря на проводимую румынскими властями политику террора и грабежа, сломлено не было. Хотя гражданские и национальные права гагаузов были растоптаны оккупантами, а их история еще не была написана, у них, как и у молдаван, русских, болгар и других народов, были свои герои и мученики освободительной борьбы. Румынскую власть расценивали как иностранную и враждебную многие слои населения Бессарабии. В крае, начиная с 1918 г., сложилось множество легальных, полуполигальных и нелегальных патриотических организаций: монархических, эсеровских, анархистских. Пытаясь отстаивать свои классовые интересы, бессарабская буржуазия создала отделения румынских партий: национал-царанистской, либеральной, партии Авереску и других. При всех программных расхождениях, у этих формирований имелась точка согласия: критическое или враждебное отношение к румынской власти, к официальному Бухаресту². Но наиболее решительные противники румынской оккупации, добивающиеся воссоединения Бессарабии с Россией, объединились в подпольные коммунистические организации. Их возглавил секретарь Бессарабского областного комитета РКП (б) Я.Я. Антипов (Павел Ткаченко). Под руководством коммунистов действовали национально-революционные организации, в состав которых входили беспартийные рабочие, крестьяне, интеллигенты.

Таукчи Семен Степанович, участник рев. подполья в Комрате. Осужден на 5 лет военным трибуналом 3-го корпуса рум. армии в 1926 г.

Крупная подпольная организация, руководимая коммунистами, была создана в Комратской волости. Во главе её стоял комратчанин Дементий Федорович Гаврилюк. Во время мировой войны он, студент Киевского политехнического института, стал офицером. В начале 1918 г. участвовал в Бендерской обороне, а летом того же года по заданию секретаря Бендерского уездного подпольного комитета большевиков Г.И. Борисова (Старого) возвратился в Комрат и создал сеть подпольных групп. Павел Николаев, до этого называвший себя коммунистом-анархистом, вступил в партию большевиков и включился в организацию подполья. Активными участниками комратского подполья стали учителя Евгения Карабаджак, Н. Анточ, а также Х. Кысса, Н. Белджи, Н. Узун, П. Пеев, А. Топал, Л. Топал, Ф. Домузчу, С. Радов, С. Таукчи, В. Опришан, С. Михниогло, П. Кыльчик, И. Узун, М. Пантелеева, Е. Гаврилюк-Маева, М. Гайдаржи, П. Арнаут-Тузлова. Савелий Гаврилюк, брат Дементия, в конце 1918 г. создал партизанскую группу из крестьян села Манзырь. В ее состав вошли председатель манзырьского подпольного ревкома А.И. Вранчан, Иван и Исидор Боунегру и другие крестьяне.

В июне 1919 г., после подавления Бендерского восстания, в Комрат прибыла из Бендер бригада сигуранцы и приступила к розыскам братьев Дементия и Савелия Гаврилюков, Павла Николаева, Николая Анточа и Евгении Карабаджак, других активистов коммунистического подполья. Братья Гаврилюк скрылись, Евгении Карабаджак удалось уйти за Днестр, но многие участники революционной организации попали в руки политической полиции. «В Бендерском уезде, в с. Комрат, – доложил 7 сентября в Бухарест шеф полиции Бессарабии, – арестовано 19 человек – членов коммунистического движения. В их числе находятся бывшие русские и молдавские

К.Г. Иорданов

И.И. Хаджиогло

И.В. Христев

2 мая 1923 года расстреляны румынскими жандармами на окраине села Броска под городом Измаил (фото из фондов историко-краеведческого музея села Червоноармейское, Украина)

офицеры и местные жители: русские, гагаузы и болгары. Была также раскрыта организация в Баймаклии Кагульского уезда, где было обнаружено оружие и взрывчатка. В Чадыр-Лунге вместе с членами комитета арестован и телеграфист, который должен был оповестить о начале восстания. Были раскрыты также организации в селах Кирсово, Бешалма, Казаклия, Гайдар, Твардица, Томай, Валя Пержулуй и Ферапонтьевка...³ Следствие велось со страшной жестокостью. «Чтобы выведать у арестованных показания, – вспоминал бывший подпольщик К. Галайда, – всех их пытали в охранке: втыкали иглы под ногти, жгли на огне пальцы, зажимали их дверями; некоторых избивали непрерывно в течение двух недель. Иных выводили по несколько раз «на расстрел»⁴. В числе арестованных оказался Н. Анточ. При аресте его избивали до потери сознания, потом пытали на допросах, но признаний не добились. Тем не менее, в августе 1919 г. он, как и другие арестованные комратчане, проходил по «процессу 108-и». 29 августа 1919 г. был приговорен к 20 годам каторги⁵.

Павел Николаев

Павел Николаев получил ответственное задание Бессарабского бюро при ЦК РКП (б), в начале 1920 г. под псевдонимом Платонов возвратился в Бессарабию и продолжил борьбу в подполье. В мае 1920 г. он был арестован в Кишиневе на явочной квартире у Василия Волохова и прошел весь ад допросов под пыткой. 18 мая Павел Ткаченко сообщил в Тирасполь находившемуся там Г.И. Борисову (Старому), специальному уполномоченному ЦК КП(б) Украины по партийной работе в Бессарабии, что Платонова в сигуранце страшно избивали, он не может ходить, тем не менее «держится очень хорошо»⁶. Однако сигуранце удалось опознать Николаева и, главное, установить, что он «прибыл из-за Днестра», т.е. с особым заданием. Несмотря на новые пытки, ветеран революции не признался ни в чем. Используя это обстоятельство, Бессарабский обком РКП (б) принял меры к спасению арестованных, румынскому прокурору была передана взятка. 5 июня 1920 г. обком по секретным каналам сообщил в Тирасполь, что есть надежда на освобождение Николаева. Но в Кишиневе в этот момент началась крупная политическая забастовка, ситуация осложнилась, и освободить П. Николаева не удалось. В феврале 1921 г. на «процессе 48-и» он был приговорен к 15 годам каторжных работ⁷.

В.П. Арабаджи

Благодаря стойкости Николая Анточа, Павла Николаева и других арестованных комратское подполье выдержало удар. Организацию возглавил Иван Поркрас. В июле 1919 г. подпольщики Комрата получили информацию о ходе борьбы против передачи Бессарабии Румынскому королевству, которую вели на мирной конференции в Париже представители общественного «Комитета спасения Бессарабии», бывший депутат российской

Государственной Думы Александр Крупенский и Владимир Шмидт, городской голова Кишинева, изгнанный оккупантами за Днестр в начале 1918 г. Подпольщики составили и распространили в Комрате и окрестных селах листовку, призванную укрепить надежды населения на освобождение от оккупации:

«Париж. 21/7 н[ового] ст [иля]. Сим доводится до сведения бессарабцев, что сегодня по требованию представителей Соедин [енных] Штатов на конференции решено потребовать от Румынии не производить никаких выборов в Бессарабии в общерумынский парламент до тех пор, пока плебисцит не отдаст Бессарабию Румынии [если отдаст]. Пусть все знают, что это произошло благодаря вмешательству представителя Соед [иненных] Шт [атов] Генриха Уайт. Крупенский и Шмидт.»⁸

В декабре 1919 г. подпольщики Комрата восстановили связи с руководством большевистской организации в Бендерах. Курьером выступал Василий Петрович Арабаджи, непосредственно связанный с Закордонным отделом ЦК Коммунистической партии (большевиков) Украины. Он неоднократно переходил Днестр, а получив очередное задание, возвращался в Кириет-Лунгу, где жил с родителями, занимаясь крестьянским трудом. В 1920 г. сложилась также подпольная организация крестьян в селах Саратены, Вознесены и Орак. Она была связана с коммунистической организацией г. Леово. «Этот комитет, состоящий из Ивана Карагяура – председателя, Дмитрия Торгана – вице-председателя, Зиновия Кары – секретаря, Дмитрия Бейликчи – связного между леовским центром и саратенским комитетом, – отмечено в обвинительном заключении по их «делу», – сумел путем пропаганды и распространения листовок завоевать очень много сторонников»⁹.

Подготавливая восстание, комратские подпольщики собирали оружие, вели среди населения агитацию. Оккупантов встревожил устроенный ими взрыв железнодорожного полотна недалеко от Кириет-Лунги. В августе 1921 г. в Комрат для розыска патриотов вновь прибыла специальная команда сигуранцы. В момент, когда в помещении местной сигуранцы проходило совещание, боевая группа в составе С.Ф. Гаврилюка, В.П. Арабаджи и еще нескольких партизан бросила в окно бомбу. Но предотвратить новые аресты не удалось. В начале сентября политическая полиция схватила в селе Манзырь группу подпольщиков. Затем волна арестов прокатилась по Комрату и окрестным селам. Агенты сигуранцы схватили более сотни подпольщиков. В течение десяти дней их допрашивали и пытали в Комрате. 12 сентября их заковали в кандалы и отправили под конвоем в Бендеры. Близ села Тарутино конвой расстрелял «при попытке к бегству» четверых арестованных – бойцов Манзырского отряда братьев Боунегру, Ивана Андронаки и Семена Панчоуху.¹⁰

Стремясь облегчить участь земляков, комратчане собрали на подкуп судей и чиновников прокуратуры и сигуранцы четверть миллиона леев. Жизнь остальным

Николай Шишман с женой, Москва, 30-е годы XX в.

 Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР	Форма № 11
СПРАВКА	
октябрь /м. б. М. 4и-12057- Москва, 22 Ленинский в. 12.	Дело по обвинению ШИШМАНА Николая Савельевича рассмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 22 сентября 1956 года. Постановлено ИЗЪЯТЬ СССР от 20 млн 11300 руб. в отношении ШИШМАНА Н.С. отменяю и дело за отсутствием состава преступления прекратить. ШИШМАН Н.С. реабилитирован посмертно.
ВЕРС ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СУДЕБНОГО СОСТАВА ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПОДПОЛКОВНИК АСТИШКИ	/СВММД/

Справка о реабилитации Н. Шишмана, 1956 г.

арестованным удалось сохранить. К суду по «процессу 44-х» были привлечены менее половины арестованных. Остальных арестованных, подозреваемых в причастности к деятельности Комратской подпольной организации, освободили, но долго держали под гласным надзором полиции; впоследствии некоторые из них также были осуждены на разные сроки тюремного заключения.

В.П. Арабаджи также попал в поле зрения сигуранцы, на него началась охота, и руководство коммунистического подполья Бессарабии направило его на учебу в Москву. Спасаясь от ареста, ушел за Днестр и руководитель манзырских подпольщиков А.И. Вранчан. Подпольную группу в селе возглавила его жена Анастасия Петровна. Подпольную борьбу с оккупантами продолжил и Н.Н. Шишман. В 1924 г. он участвовал в подготовке Татарбунарского восстания. Принял участие в восстании и партизанский отряд Д.Ф. Гаврилюка¹¹. После подавления восстания, преследуемые сигуранцей оба руководителя, а также Савелий Гаврилюк и многие другие подпольщики были вынуждены бежать за Днестр. Другого деятеля коммунистического подполья, героя боев 1918 года К. Иорданова постигла трагическая судьба. Вместе с большой группой подпольщиков он был схвачен сигуранцей в Леово. «В Леово, – вспоминал в 1929 г. один из бессарабских подпольщиков, – всех истязали. Больше всех несколько часов подряд выдержал Иорданов. Это был сильный мужчина. Бывший офицер, сельский учитель, из гагаузов.... Держался образцово и ничего не сказал. К нему применяли двери, [защемляя пальцы рук и ног], и палки, и воду»¹². Оккупантам удалось схватить также И. Поркраса и многих других подпольщиков Комрата. Несмотря на пытки, они не выдали товарищей и предотвратили дальнейшие аресты.

В 1926 г. румынскими властями был арестован житель с. Авдарма Семён Степанович Таукчи за разведывательную деятельность в пользу СССР. Осуждён на 5 лет тюремного заключения. В обвинительном заключении говорилось о том, что Таукчи Семён являлся участником подпольной коммунистической организации, раскрытой в 1921 году в Комрате.

В селах и городах продолжали существовать вооруженные группы самообороны, созданные в начале 20-х гг. под влиянием бывших солдат русской армии. Иногда их участники предпринимали действия, не санкционированные коммунистическим подпольем. В 1924 г. слесарь Яков Дмитриевич Караджи убил бывшего члена «Сфатул цэрий» Николая Мэмэлигэ¹³. В 1925 г. коммунисты Бессарабии объединила эти группы в Союз Революционных Крестьян. Организации СРК продолжали действовать и в дальнейшем. В селе Селиоглу местная подпольная организация создала библиотеку. По сведениям сигуранцы, в 1930 г. революционные крестьяне после изучения листовок, распространенных коммунистами в канун 1 августа, «сознательно доводили до сведения всех жителей села их содержание»¹⁴. В 30-х гг. начал выдвигаться новый круг активистов из беспартийных крестьян. В селе Кирсово систематиче-

скую идеологическую работу вел. Г. Мунжиев¹⁵. Зимой 1932-1933 гг. бывшие рабочие Д. Димов, И. Михалчук, С. Смирнов, возвратившись в родные села близ Чадыр-Лунги, разъясняли крестьянам основы политических знаний¹⁶. Но постепенно на первый план выдвигались новые формы освободительной борьбы.

КРЕСТЬЯНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Раздел земли в Бессарабии, 1922 г., г. Болград

В октябре 1930 г. гагаузы приняли участие в выступлении крестьян Баймаклии, где помещик-румын И. Думитру отобрал у крестьян пастбища взамен участка земли, уступленного им правительству. Попытка крестьян добиться справедливости по суду не удалась. Возмущенные крестьяне окружили здание суда и потребовали отмены приговора. Затем крестьяне захватили имение помещика, поделили между собой землю, урожай и инвентарь. Когда на подавление выступления двинулись жандармы,

в поддержку баймаклийцев, вооружившись ножами, топорами, вилами и косами, выступили крестьяне других 11 сел: Куза-Водэ, Тараклия, Кагалия, Нижняя Албота, Средняя Албота и других.

Примечательно участие в баймаклийском конфликте крестьян различных национальностей: молдаван, болгар, гагаузов. Среди гагаузов столкновение в Баймаклии получило особый отклик. 3 ноября контрразведка 3-го армейского корпуса румынской армии доложила в Бухарест: «Уже в течение нескольких дней в городе Комрате и в близлежащих селах замечено волнение среди крестьян. Восстание в Баймаклии ... стало для крестьян юга Бессарабии своего рода заразой». Тайная полиция задним числом получила также сведения о том, что в начале ноября в Комрат прибыли два коммунистических активиста и выступили на подпольных собраниях, посвященных годовщине Октябрьской революции. Они также анализировали события в Баймаклии, призывая присутствующих к солидарности и продолжению борьбы.¹⁷

Лозунг баймаклийских крестьян напоминал о днях революции: «Земля и ее плоды должны принадлежать тем, кто ее обрабатывает!» Этот лозунг отражал и взгляды крестьян-гагаузов. «Крестьяне, – сообщала сигуранца 19 ноября 1931 г. о настроениях в селе Чок-Майдан, – почти открыто говорят, что земля должна, как в России, принадлежать государству, чтобы не нужно было платить за нее». В апреле 1931 г. безземельные крестьяне села Ченак по собственному усмотрению «определили

Руководство примэрии с. Курчи, 1926 г.

Гагаузы в румынской армии
30-е годы XX в.

себе участки для постройки домов» в размере 0,1 га на хозяйство на окраине села. Местные власти пригрозили крестьянам судом за самовольные действия, но угрозы не возымели действия. «Многие жители, – доносил 2 августа 1931 г. примар села Абаклия, – самовольным образом занимали и занимают участки для постройки домов за счет пастбищ, за что они отданы под суд». Но крестьян не остановили и репрессии. Вопреки закону, признал тот же примар, – каждый идет и занимает для дома участок из пастбища».¹⁸

Формой крестьянской борьбы за землю являлся самовольный сбор урожая, покос трав, камыша, выпас скота. В селе Бурчи бедные крестьяне осенью 1930 г. настолько часто снимали урожай, выросший на землях сельских богачей, что последние были вынуждены призвать на помощь румынских жандармов. Между жандармами и крестьянами произошла кровавая схватка. Жандармы отступили, но вызвали подкрепление. Рассеять крестьян жандармам удалось только в результате нового столкновения,

в ходе которого один крестьянин был убит, а многие ранены¹⁹.

Гагаузские крестьяне откликнулись и на такие призывы бессарабского подполья: «Долой прямые и косвенные налоги!», «Не платите налогов и долгов!». 10 октября 1931 г. в статье о положении в Бендерском уезде, озаглавленной «Налоги перестали поступать», сообщалось: «Крестьяне совершенно отказываются от уплаты налогов». Финансовое управление Бессарабии в циркуляре от 21 июня 1932 г. отметило, что Бендерский уезд «имеет самый низкий уровень инкассации» в Румынии и аннексированных ею областях. Сборщики налогов, являясь к налогоплательщикам, получали стереотипный ответ: «Денег нет!» При том, что в среднем по Бендерскому уезду процент сбора налогов составил в 1931, 1932 и 1933 гг. соответственно 55, 53 и 58,7 процента, по претуре (волости) Комрат – и того меньше – всего 48, 41,3 и 53,7 процента, а по Чадыр-Лунге – 42, 53,7 и 58,9 процента²⁰. Агенты фиска, вооруженные револьверами, даже в сопровождении жандармов не смели посещать некоторые села. В числе таких бессарабских сел фигурировало село Кирсово Бендерского уезда, где в 1931 г. произошло «форменное сражение между крестьянами, выступившими против произвола перчепторов (сборщики налогов), и жандармами».²¹

Согласно решению оккупационных органов, вокруг Кирсово были установлены посты с целью не впускать и не выпускать из села никого, пока не будут уплачены налоги. 7 октября агент фиска Калдаре попытался конфисковать лошадь у крестьянина Дмитрия Видова, не уплатившего налог. Когда Видов воспротивился, перчептор выстрелил из винтовки в лошадь. Завязалась драка между Калдаре и 10-12 кирсовскими крестьянами с одной стороны и жандармами – с другой. Представители администрации укрылись в здании примарии, где были окружены 300-400 крестьянами, вооруженными вилами, косами и топорами. Примарь села Сатуреску по телефону вызвал помощь, один из перчепторов начал стрелять в воздух, а крестьяне стали

забрасывать здание камнями. Г. Мунжиев, возглавивший крестьян, призывал их разгромить перчепцию и линчевать перчепторов. Крестьяне дали бой кирсовским жандармам и жандармскому отряду, прибывшему из Комрата. Жандармы все же схватили 11 крестьян, в том числе Г. Мунжиева и Д. Видова. В помещении жандармерии арестованных зверски избили прикладами винтовок. В этом злодеянии деятельно участвовали примар Кирсова Сатуреску и секретарь примарии Ионеску²².

Явно политический характер носили нападения крестьян на представителей румынской администрации. В 1929 г. жители Вулканешты, гагаузы и молдаване, потребовали от примара подписать прошение об отставке. Когда он отказался, толпа, вооруженная дубинами, двинулась к его дому. Жандармам удалось арестовать крестьянина С. Контантина и других инициаторов выступления. Группа односельчан совершила нападение на примара села Татар-Копчаг; четверо участников нападения были преданы суду. 10 мая 1932 г. крестьяне села Кайраклия окружили жандармский пост и потребовали освободить односельчан, накануне арестованных за распространение коммунистических листовок. Угроза расправы вынудила жандармов выполнить это требование. Подобные выступления крестьян имели место также в Тараклии и некоторых других населенных пунктах Бессарабии. У крестьян села Кубей жандармы изъяли два револьвера и много патронов²³.

ГАГАУЗЫ И РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ БЛОК

Жители села Вулканешты, 1930 г.

Высокую степень политической зрелости продемонстрировали гагаузы и в конце 20-30-х гг., когда национально-революционные силы Бессарабии использовали легальные методы борьбы.

В 1925 г. по инициативе Коминтерна Бессарабской партийной организацией, временно вошедшей в состав Румынской коммунистической партии, был взят курс на создание массовых легальных организаций, добивающихся целей коммуни-

стического движения путем использования механизмов буржуазной демократии. В апреле 1926 г. на конференции Комитетов действия Блока рабоче-крестьянской демократии, как вначале назывались комитеты Рабоче-Крестьянского Блока, были приняты устав и программа РКБ, нацеленная на объединение рабочих, большинства крестьянства, мелкой буржуазии и прогрессивной интеллигенции на борьбу против буржуазного строя.

В программу был включен ряд требований коммунистов, изложенных таким образом, чтобы не воспрепятствовать борьбе за их осуществление легальными методами: прекращение террора жандармерии и сигуранцы, устранение военных трибуналов, предоставление всеобщей политической амнистии, обеспечение свободы слова, печати, собраний, организаций, всеобщих прямых и тайных выборов, улуч-

шение условий труда рабочих и крестьян. По национальному вопросу выдвигались требования отмены законов, направленных на ущемление прав национальных меньшинств, прекращение политики денационализации и колонизации, обеспечение школьного обучения на родном языке, предоставление местным языкам официального статуса, а национальным меньшинствам – права избирать чиновников из своей среды,²⁴ т.е. за национально-пропорциональное представительство в органах публичного управления. Впоследствии в программу был включен и пункт о праве наций на самоопределение вплоть до полного отделения, особенно важный для населения Бессарабии.

Свое неприятие оккупационного режима гагаузы, как и другие бессарабцы, выражали также бойкотом выборов. Они отказывались голосовать за кандидатов румынских партий. Во время уездных выборов 5 февраля 1930 г. в Бендерском уезде (как и в Кишиневском) выборы бойкотировали 50% избирателей. В других уездах 60-70% избирателей все же приняли участие в голосовании²⁵. Значительная часть тех, кто все-таки принял участие в выборах, проголосовала за кандидатов Рабоче-Крестьянского Блока. Они собрали значительное число голосов в Комрате, Чадыр-Лунге, Кирсово, Ермоклии, Дезгинже. В селе Бакчалія советниками стали три кандидата РКБ. Они привлекли на свою сторону еще 5 советников, включая помощника примара, и по существу взяли власть. «Комитету блокистов, проникнутому большевистским духом, – отмечено в заключении специальной комиссии румынских властей, – удалось повлиять на сельских консилиеров». Немедленно после прихода к власти они начали раздел общего пастбища; они блокировали утверждение коммунального бюджета на 1931–1932 финансовый год и проведение других антикрестьянских мероприятий. Анализируя результаты этих выборов, подпольный Бессарабский обком РКП с полным на то основанием констатировал, что «трудящиеся Бессарабии не хотят терпеть эксплуатацию и национальный гнет»²⁶. На парламентских выборах 1931 г. РКБ вновь выступил единственной альтернативой румынским буржуазным партиям.

Газета «Бессарабское слово», 1934

Правящие круги Румынии были встревожены успехами Рабоче-Крестьянского Блока. Сформировать новое правительство король поручил идеологу румынизма Н. Йорге и крайнему румынскому националисту Арджетоану. Во главе румынской администрации в Бессарабии был поставлен генерал И. Попович, один из палачей Хотинского восстания 1919 г. Десятки активистов РКБ были арестованы. Добиваясь признаний в связях в коммунистическом подполье и СССР, румынские следователи действовали методами инквизиции. Один из обвиняемых, Антон Боянжи, в результате пыток, которым был подвергнут во время следствия, лишился руки²⁷. Но духовно ни он, ни другие арестованные «блокисты» сломлены не были. На состоявшемся в марте 1932 г. «Процессе 48-и» деятели РКБ вели себя героически,

приговор приняли с пением «Интернационала». Когда в зале зазвучал пролетарский гимн, вспоминал один из подсудимых, И. Подолян, «агенты сигуранцы и конвоиры набросились на нас и стали зверски избивать. Невзирая на то, что на некоторых на руках уже были надеты кандалы и они были лишены возможности подставить их для защиты лица и головы, ни один из 48 не тронулся с места... Пока мы не закончили последнюю строфу всего гимна». Подсудимых прямо в зале суда избили до полу-смерти, а затем бросили в карцер. 10 деятелей РКБ были приговорены к 10 годам тюремного заключения каждый, еще 8 к восьми, остальные к меньшим срокам²⁸. Уже в апреле 1932 г. Антон Боянжи и другие арестованные активисты РКБ организовали одиннадцатидневную голодовку протеста против пыток и изоляции от остальных заключенных²⁹.

Комитеты РКБ в городах и селах Бессарабии были разгромлены румынской полицией, актив коммунистической организации Бессарабии, в основном, был выбит. «Все люди с опытом, – сообщал ЦК РКП осенью 1932 г. Бессарабский обком партии, – арестованы. Комитетов блока в предместьях или селах недостаточно. К коммунальным выборам мы направили инструкции во все организации, но личный инструктаж осуществлять некому». Попытки блоковых комитетов возобновить легальную деятельность пресекались. Но политический успех революционных сил Бессарабии не вызывал сомнения. Дух сопротивления в народе сломлен не был. 10 июля 1932 г. молодые рабочие и безработные Кишинёва вышли на улицу под лозунгами «Против аннулирования списка Рабоче-Крестьянского Блока!», «Против подготовки антисоветской войны!», «На защиту Советского Союза!», «За труд, хлеб и свободу!». Когда колонна демонстрантов с пением «Интернационала» вышла на центральную улицу города, Александровскую, раздались выстрелы. Один демонстрант был убит, несколько человек ранены. Арестованных демонстрантов жестоко избили в полиции³⁰.

Эта расправа вызвала новые протесты и послужила дальнейшему укреплению патриотического единства населения Бессарабии.

Деятельность комитетов Рабоче-Крестьянского Блока в Бессарабии представляла собой в целом успешную попытку применить ленинскую тактику сочетания легальных и нелегальных методов революционной борьбы. Революционные силы накопили новый ценный опыт легальной политической деятельности в условиях чрезвычайного положения, их ряды пополнили сотни активистов из числа рабочих, крестьян, интеллигентов, молодежи.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СОСТОЯНИЕ ГАГАУЗОВ В ГОДЫ РУМЫНСКОЙ ОККУПАЦИИ

По официальным данным румынской администрации, на 1 октября 1934 г. в Бессарабии проживали более 100 тыс. гагаузов, в том числе в Кагульском уезде – 35873, Тигинском (Бендерском) – 38072, Измаильском – 20583. Самым многочисленным было гагаузское население в Чадыр-Лунге – 7116 чел. Немногом меньше, 5261 гагаузов, проживало в селе Дезгинжа, 4571 – в селе Чишмикиой. Комрат, якобы, находился только на четвертом месте – 4476 чел.³¹. В действительности численность

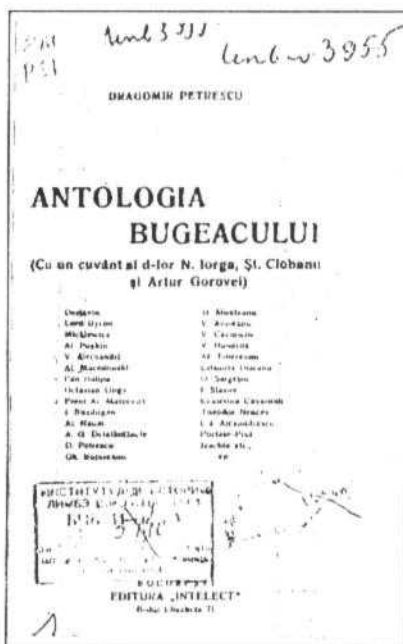
гагаузов была гораздо больше. Только в Комрате свыше 5 тыс. гагаузов власти произвольно зачислили в категорию «румын». Как «румыны» была учтена и значительная часть гагаузов, проживающих дисперсно, среди молдаван и болгар³².

Период оккупации края Румынией (1918–1940 гг.) был отмечен активным насаждением румынской культуры и языка. 24 декабря 1921 г. Директорат народного образования издал указ о переводе всех школ на румынские программы и полном прекращении преподавания русского языка.

Румынизация велась очень активно, но охват гагаузских детей школьным обучением был невысоким. Например, в Казаклии посещаемость учащихся в 1925 г. составляла всего 14,3%. Прежде всего, она объяснялась непониманием языка преподавания. 5 декабря 1929 г. учащиеся VI класса Комратского лицея им. Дм. Кантемира организованно отказались слушать лекции учителя Н. Николина ввиду того, что они его не понимают. III и V классы готовились к забастовке 7 и 12 декабря.

Школы в крае обязаны были проводить пропаганду румынской культуры в самых широких слоях населения, для чего устраивались народные празднества с хором, лекциями, танцами. Учителя, не принимающие участия в национальных праздниках, подвергались наказанию «общественное презрение».

В 1938 г. был издан особый циркуляр по насаждению румынской культуры в «денационализированных областях». Каждая школа должна была взять под своё покровительство одно из сёл и снабдить сельскую церковь колоколом и церковным облачением для служителей, приобрести за свой счёт библиотеку из румынских книг, содержать на свои средства в интернате детей в возрасте от 2 до 5 лет «денационализированных родителей» и т.д.

Антология буджакских поэтов,
Бухарест, 1938

Журнал «Bugeacul»,
изданный в Болгарде

Несмотря на все меры, румынская культура плохо приживалась в гагаузских сёлах. Материалы статистики свидетельствуют, что, например, в с. Этулия в 1930 г. неграмотных мужчин было 61,08%, женщин – 90,8%, по Бессарабии неграмотность мужчин составляла 48,5%, женщин – 74,9%.

Герб города
Комрат, 1932 г.

В сентябре 1929 г. женская гимназия в Комрате была преобразована в техпрофшколу. Насколько неуместно было закрытие Комратской женской гимназии, можно судить по тому, что Комрат занимал последнее место по грамотности населения среди городов Бессарабии (43,2%) и всего 3 из 10 женщин были грамотными. Показательны результаты обследования двух населенных гагаузами сел Аккерманского уезда – Димитриевки и Саталык-Хаджи, – проведенного в апреле 1940 г.: «Поскольку эти села окружены селами с исключительно болгарским населением [...], с течением времени, с момента их расселения в этих местах, вследствие брачных связей у них исчезло всякое национальное сознание, тем более что болгары также не имели ни школ на родном языке, ни экономических и культурных организаций, которые бы формировали и хранили национальное сознание. [...] Так как администрация является румынской, школа и экономические организации (кооперативы и народные банки) находятся под румынским управлением, и те, и другие включаются в жизнь мажоритарного румынского народа...»³³.

Экономический кризис и нищета, царившая в Румынии в 30-е годы XX века, не давали крестьянским детям из гагаузских сёл никаких шансов для получения среднего и высшего образования. Поэтому учёба в Турции была в то время для гагаузской молодежи редкой возможностью вырваться из безысходности и бесплатно получить высшее образование³⁴.

В Турции получили образование некоторые известные впоследствии деятели науки: специалист по сельскохозяйственной технике, профессор Эгейского университета в Измире Георгий Мутаф, математик, доктор наук Ирина Булгар, историк Василий Чебанов, фольклорист Петр Заврак, композитор, музыкант и педагог Василий Екюзчу и некоторые другие³⁵. В силу социально-политических условий Турции они сменили имена и не афишировали своей принадлежности к православному гагаузскому народу. Необходимо отметить, что никакого влияния на культуру гагаузов Бессарабии выпускники турецких вузов не оказали, т.к. ввиду политических обстоятельств не смогли вернуться на родину.

В 30-е годы была организована массовая миграция в страны Латинской Америки, Бразилию и Аргентину. Тысячи семей, спасаясь от голода и унижений, покидали родные края. Несмотря на все проблемы, большинство переселенцев смогло устроить свою жизнь на новой родине. И долго ещё шли письма из-за океана на гагаузском языке, написанные кириллицей и латинскими буквами.

Необходимо отметить, что некоторые предста-

Священник Ю. Фринțу,
автор исторического исследо-
вания о Комрате, 1938 г.

вители гагаузской молодёжи получали высшее образование в румынских вузах, и в дальнейшем стали выдающимися деятелями науки, культуры и политики Румынии. Среди них: уроженец г. Комрата А. Бырладяну – вице-премьер-министр, академик, председатель Сената Румынии, уроженец с. Копчак Г. Драган – академик, специалист по энергетике, уроженец с. Томай Н. Топчу – академик, иммунолог, уроженец с. Бешалма А. Макриш – выдающийся инженер, получивший звание Героя Румынии и Югославии.

Учителя лицея Д. Кантемир в Комрате, 30-е ХХ в.

Несмотря на крайне сложное социально-культурное, политическое положение гагаузов Бессарабии в 30-е годы, определённое национально-культурное развитие всё же происходило. В первую очередь, это касается просветительской деятельности священника протоиерея Михаила Чакира. Ещё с царских времён он занимался книгоизданием религиозной литературы на гагаузском языке, печатал православную газету, выпускал словари и т.д. Триумфом его просветительской и религиозной деятельности явилось чествование 50-летия его деятельности на этом поприще церковными кругами, а также представителями гагаузского и молдавского народа в 1937 г. До последних своих дней М. Чакир работал на благо православной церкви и культуры гагаузского и молдавского народов. В своей статье редактор журнала «Вяца Басарабией» Н. Костенко писал: «8 сентября 1938 года, после непродолжительной болезни, в возрасте 78 лет, Михаил Чакир, старший брат бессарабских писателей, скончался. Жизнь этого человека, берущая свое начало где-то в степи с лиловыми цветами и голубым небом, сына гагаузского народа, находящегося под гнетом тьмы и безразличия, чтобы не сказать больше – издевательства народов, которые считали себя цивилизованными, была предназначена играть роль великих апостолов среди соотечественников».

Несмотря на политику румынизации, в 1918-1940 гг. румынским властям не удалось ни ассимилировать гагаузов, ни навязать им румынскую геополитическую ориентацию. Как и молдаване, русские, украинцы, болгары, другие национальные сообщества Бессарабии, гагаузы сохранили свое национальное сознание, родной язык и культурную самобытность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Данные С.С. Булгара.
- ² См.: Шорников П. Бессарабизм. \Русский альбом. Историко-литературный альманах. [Кишинев]. 2001. №1; Его же. Молдавское национально-культурное сопротивление. 1918-1940гг. \ Мысль (Кишинев). 2001. №4 (15).
- ³ Коммунистическое подполье Бессарабии. 1918-1940. Сборник документов и материалов в четырех томах. Том первый. Кишинев. 1987. С.112
- ⁴ Цит. по: Лунгу В. Политика террора и грабежа в Бессарабии. 1918-1921 гг. Кишинев.1979. С.115.
- ⁵ Коммунистическое подполье Бессарабии. С.185.
- ⁶ Там же. С.219, 220.
- ⁷ Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917-1920 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинев. 1967. С.498-500; Фьодоров Г.К. Режим де репрессий сынжероасе. (Ку привире ла политика репресивэ дусэ де Ромыния регалэ ын Басарабия ын аний 1918-1940). Кишинэу. 1973. П.49.
- ⁸ НАРМ. Ф.693. Оп.4. Д.704. Л.844.
- ⁹ Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции С.495.
- ¹⁰ Фьодоров Г.К. Оп. чит., п.50.
- ¹¹ Кишиневский университет.1975. 24 июня.
- ¹² -----?
- ¹³ НА РМ. Ф. 680. Оп.1.д. 3114. Л.9.
- ¹⁴ Молдован Н.Д. Крестьянское движение в Бессарабии в 1929-1933 гг. Кишинев.1979. С.46,64.
- ¹⁵ Молдован Н.Д. Указ. соч., с.47.
- ¹⁶ Молдован Н.Д. Указ. соч., с.52.
- ¹⁷ Цит. по: Молдован Н.Д. Указ. соч., с.70.
- ¹⁸ Цит. по: Молдован Н.Д. Указ. соч., с.73-75.
- ¹⁹ Молдован Н.Д. Указ. соч., с.77
- ²⁰ Там же. с.91,92.
- ²¹ Фьодоров Г.К. Оп. чит., П.107; Молдован Н.Д. Указ. соч., с.95.
- ²² Молдован Н.Д. Указ. соч., с.95,96.
- ²³ Там же. с.110, 114.
- ²⁴ Копанский Я.М. Деятельность комитетов Рабоче-Крестьянского Блока в Бессарабии (1925-1933). Кишинев. 1984. с.4.
- ²⁵ Молдован Н.Д. Указ. соч., с.116.
- ²⁶ Там же. с. 121, 122.
- ²⁷ Фьодоров Г.К. Оп. чит., п.112.
- ²⁸ Копанский Я.М. Указ. соч., с.150, 151, 157.
- ²⁹ Там же. с.126; Копанский Я.М. Указ. соч., с. 143.
- ³⁰ Там же. с.155, 157.
- ³¹ НАРМ. Ф.680. Оп.1. Д.3192. Л.210.
- ³² В 1942 г., согласно «Монографии Тигинского уезда», несмотря на эвакуацию и гибель тысяч жителей, в уезде было учтено 44114 гагауза, на 9 тыс. больше, чем в 1934 г. Гагаузское население Комрата составило 9461 чел. (НАРМ. Ф. 112. Оп.1.Д.481. Л.217об.)
- ³³ Там же. Л.525.
- ³⁴ Там же. Д.3192. Л.411.
- ³⁵ Булгар С. Гагаузские судьбы. Деятели культуры и науки: 200 лет истории. Кишинев. 2003. С. 80-101.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ САВЕЛИЙ КУСУРСУЗ (ХАДЖИ САВКА).
30-е ГОДЫ XX ВЕКА, ЧАДЫР-ЛУНГА

Мельница Савелия Кусурсуза, Чадыр-Лунга, 1933 г.

Машина Кусурсуза

Магазин С. Кусурсуза

Перед своим магазином

Хлебная лавка С. Кусурсуза

С. Кусурсуз с работниками мельницы, 1938 г.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГАГАУЗОВ В 20-40 гг. XX ВЕКА

ГАГАУЗЫ В СССР И ИДЕЯ ГАГАУЗСКОЙ АВТОНОМИИ. 1920-1940 гг.

Многие гагаузы – участники борьбы за Советскую власть, преследуемые румынскими оккупантами, были вынуждены покинуть родные места и бежать за Днестр. Впоследствии к ним присоединился ряд гагаузов-деятелей бессарабского подполья. Они не просто жили в эмиграции, но активно участвовали в общественно-политической жизни и в формировании у политического руководства СССР положительного отношения к идее гагаузской автономии.

В официальном документе эта идея упомянута в феврале 1924 г., когда в Одессе и Москве обсуждался вопрос о создании молдавской автономии восточнее Днестра. В этот период вопросы создания в Бессарабии, – разумеется, после ее освобождения, – гагаузской и болгарской автономий были затронуты в составленной Г.И. Котовским, руководителем бессарабского подполья П. Ткаченко и группой румынских коммунистов «Докладной записке о необходимости создания Молдавской Советской Социалистической республики». «Этот же факт, – говорилось в пункте 2 этого документа, – послужит импульсом в стремлении новоприсоединённых (к Румынии) провинций к своему национальному самоопределению. Устроение же национальных меньшинств (болгар, гагаузов), живущих в пределах Молдавской республики, послужит примером для национальных меньшинств, населяющих старое королевство Румынию».

5 февраля 1924 г. «Докладная записка» была направлена в ЦК РКП (б), а копия – в ЦК КП (б) Украины. На следующий день с запиской ознакомился нарком по военным и морским делам М.В. Фрунзе. В том же месяце записка обсуждалась в Наркомате РСФСР по делам национальностей. Таким образом, идея создания не только молдавской, но и гагаузской, и болгарской автономий стала предметом обсуждения на уровне политического руководства СССР.

Г.И. Котовский вместе с руководителями МАССР,
1924 г.

Для продвижения идеи гагаузской автономии было значимо то обстоятельство, что в политических кругах СССР имелись деятели, знакомые с сутью гагаузского вопроса. В состав руководства Молдавской АССР входили председатель Совнаркома автономии Димитриу, до революции окончивший комратское реальное училище, и нарком коммуналь-

ного хозяйства МАССР Д.Ф. Гаврилюк, руководитель Комратского большевистского подполья в 1918-1924 гг. Хорошо знал гагаузов и руководитель партийной организации МАССР Г.В. Борисов (Старый), работавший в подполье с некоторыми большевиками-гагаузами. Уже поэтому гагаузам в МАССР, да и в Москве, политически вполне доверяли. Многие гагаузы – бывшие участники гражданской войны и активисты бессарабского коммунистического подполья получили в СССР высшее образование, работали на ответственных постах.

Семья Геновых. Москва, 1931 г.

П.С. Генов в 20-е гг. учился в московском Институте востоковедения, работал на различных должностях, но никогда не забывал о Бессарабии, о земляках. Своё отношение к судьбе гагаузов он выразил в письме брату: «Не забывай, что народность твоя в тисках гнета, ждёт твоего участия в её освобождении». Елена Генова также окончила Институт востоковедения, затем работала несколько лет в Советском полпредстве в Саудовской Аравии. Потом служила переводчиком в пограничных войсках СССР, преподавала турецкий язык в Институте востоковедения, заведовала кафедрой турецкого языка в Высшей школе НКВД. После Великой Отечественной войны Е.С. Генова возвратилась в родную Чадыр-Лунгу. За добросовестную работу Елена Семеновна была награждена орденом Трудового Красного Знамени и другими наградами.

Один из братьев Геновых, Георгий Семенович, остался в Бессарабии. Он также ненавидел оккупантов, знал о том, что его брат и сестра живут в Москве, и в 1927 г. вместе с двумя солдатами-бессарабцами румынской армии, рискуя жизнью, переплыл Днестр. После проверки уехал в Москву, устроился на работу, вступил в «Общество бессарабцев». «Деятельным активистом Московского отделения ОБ, – пишет об этом периоде его жизни историк Я.М. Копанский, – стал Г.С. Генов, слесарь из Чадыр-Лунги, обосновавшийся в Москве летом 1931 года. Передовой рабочий, член КПСС с 1931 года, он все свободное время отдавал МОПРу и Обществу бессарабцев. По его инициативе в паровозных мастерских Октябрьской железной дороги в фонд МОПРа было отремонтировано пять паровозов. Принимал активное участие в работе III Всесоюзного съезда МОПРа. Перед какой бы аудиторией ни выступал, всегда говорил о своем родном крае, разоблачал террор оккупантов, пропагандировал лозунг Общества бессарабцев»¹. Сохранилось несколько писем из переписки Г.С. Генова с Еленой Стасовой, соратницей Ленина, секретарем ЦК РКП(б). Она пишет Георгию Семеновичу: «Было очень приятно получить письмо от старого мопровца и вспомнить о былой работе».

Исследователь гагаузского языка, Н. Дмитриев, 1929 г.

Бывший подпольщик Василий Арабаджи стал

студентом московского Института национальных меньшинств Запада. Но однажды им заинтересовался нарком просвещения А.В. Луначарский, и по его рекомендации Арабаджи перевели в Институт востоковедения на отделение турецкого языка. После окончания института с молодым дипломатом побеседовал нарком Г.В. Чичерин, и В.П. Арабаджи был назначен уполномоченным Торгового представительства СССР в Турции. Выполнял также различные поручения Коминтерна.

Он был отозван в Москву в 1936 г., в разгар сталинских «чисток». К этому времени многие его товарищи по бессарабскому подполью были осуждены; впоследствии они погибли в лагерях. Но В.П. Арабаджи уцелел и посвятил себя работе в Институте востоковедения, а затем стал доцентом Московского государственного университета. Преподавал турецкий язык, вел научную работу, составил ряд учебных пособий. Впоследствии ему довелось сыграть одну из главных ролей в организации изучения гагаузской культуры и создании гагаузской письменности².

Летчик А. Тухан, уроженец Комрата, 1935 г.

Яркой фигурой среди бессарабских революционеров являлся Н.Шишман, активный участник Гражданской войны 1918-1921 гг., один из организаторов Татарибунарского восстания в 1924 г. В 30-е годы жил и работал в Москве, окончил институт Мархлевского. Принимал активное участие в обществе бессарабцев, репрессирован в 1937 г.

Уроженец села Томай Чадыр-Лунгского района С.Д. Гаргалык, участник Гражданской войны, в тридцатые годы находился на партийной работе на Украине. В 1934 г. был избран председателем колхоза в селе Лысянка Хмельницкой области. Вот что о нем писал старый колхозник из села Лысянка С.Е. Худзик: «Гаргалык Степан был средних лет, с семьей, секретарь партячейки. Они рассказывали, как нужно работать в колхозе, как держать дисциплину».

Емельян Стойков
в Испании, 1937 г.

Н.И. Тукан после окончания гражданской войны служил в военном трибунале в Сибирском военном округе. В 1929 г. в составе Особой Дальневосточной армии Тукан участвовал в боевых действиях против войск китайских милитаристов по защите принадлежащей СССР Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). За образцовое выполнение воинского долга командарм В.К. Блюхер наградил Н.И. Тукана именными часами и знаком «За участие в боях на КВЖД». После разгрома милитаристов он был назначен прокурором Томской железной дороги, в те годы военизированной. Н.И. Тукан не забывал о своей малой родине. Более чем тридцатилетняя служба Н.И. Тукана отмечена орденом Боевого Красного Знамени и высшей наградой – Орденом Ленина.

Дело отца продолжил старший сын Николая Ивановича – Петр Тукан. Окончив в 1940 г. Владивостокское высшее военно-морское училище, во время Великой Отечественной войны воевал в составе Тихоокеанского флота. Ветеран войны, награжден четырьмя орденами Красной Звезды, многими медалями, двумя орденами КНР. Последние годы службы Петр Николаевич служил в Главном штабе Военно-Морских Сил и вышел в отставку в звании капитана первого ранга.

С энтузиазмом участвовали гагаузы в работе Общества бессарабцев,³ созданного в Москве в 1925 г. Уже в момент создания общества в его состав были приняты более 300 гагаузов. На первом съезде Общества бессарабцев СССР в апреле 1925 г. некоторые большевики-гагаузы были избраны в его руководство. Председателем президиума ЦСОБ был избран П.Н. Алисов, председателем ревизионной комиссии – В.П. Арабаджи

– участник Гражданской войны. Одним из активных членов Общества являлся его брат, заместитель председателя Киевского отделения гагаузов Н.П. Арабаджи. При помощи правительства СССР и партийных органов Обществом бессарабцев был налажен выпуск журнала «Красная Бессарабия». Этот печатный орган сыграл большую мобилизующую роль в деле сплочения бессарабцев, а также в подъеме революционного движения на территории Бессарабии, оккупированной румынами. В журнале неоднократно рассматривались проблемы гагаузов, а в обзорах румынской периодической печати отмечалось тяжёлое положение гагаузов и других национальных меньшинств Бессарабии. Затрагивались на его страницах и вопросы гагаузской этнокультурной идентичности. «Вызывает сомнение, – отмечено в отклике на статью «Гагаузы», опубликованной в «Малой Советской энциклопедии», – опреде-

Редактор журнала «Красная Бессарабия» С.С. Бантке

ление гагаузов, как тюркской народности, подвергшейся болгаризации, а в последнее время румынизации. Если спорным представляется вопрос, являются ли гагаузы оболгарившимися тюрками или отуреченными болгарами, то, во всяком случае, говорить о румынизации гагаузов нет основания. Гагаузы в Бессарабии являются весьма устойчивой народностью и оказывают сопротивление румынизации»⁴. Необходимо отметить, что журнал «Красная Бессарабия» нелегально доставлялся из СССР в Бессарабию и тайно распространялся среди населения. Материалы, опубликованные в журнале, разоблачавшие оккупационный режим, влияли на умы и настроения людей. Например, участник бессарабского подполья из г. Болграда Такаогло стал активным пропагандистом и нелегальным распространителем этого журнала.

В конце 30-х гг. Общество бессарабцев, как и ряд

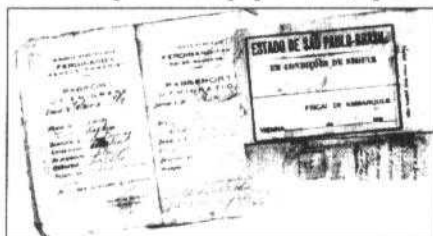
Обложка журнала «Красная Бессарабия»

других общественных организаций, было упразднено, выпуск журнала «Красная Бессарабия» прекращен, руководители Общества бессарабцев и ряд его членов были репрессированы. Представления партийно-государственных инстанций СССР о населении Бессарабии и сути происходящих в крае процессов стали менее адекватными.

МИРНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ БЕССАРАБСКОГО ВОПРОСА

Активно участвуя в Бессарабском национально-революционном движении, гагаузы вносили свой вклад в дело воссоединения Бессарабии с Россией/СССР. Но в 20-е гг. главная роль в этой борьбе перешла к советской дипломатии. После принятия Постановления СНК РСФСР о разрыве дипломатических отношений с Румынией в ответ на вторжение румынских войск в Бессарабию (13/26 января 1918 г.) и русско-румынских переговоров о выводе румынских войск из Бессарабии, завершившихся подписанием Соглашения «Об очищении Румынией Бессарабии» 5-9 марта 1918 г., требования наркома иностранных дел РСФСР от 1 мая 1918 г. об эвакуации румынских войск из Бессарабии, вехами дипломатической борьбы СССР за мирное решение Бессарабского вопроса стали предложения РСФСР от 14 декабря 1920 г. о начале мирных переговоров с Румынией, о прекращении враждебных действий Румынии на Днестре (весна 1921 г.), советско-румынская прелиминарная конференция, проходившая 22 сентября 25 октября 1921 г. в Варшаве, заявление народного комиссара по иностранным делам Г.В. Чичерина на международной конференции в Генуе (10 апреля–19 мая 1922 г.) о том, что Россия не признает аннексии Бессарабии, провал советско-румынских торговых переговоров в 1923 г., которые румынская сторона пыталась обусловить признанием аннексии Бессарабии, предложение СССР о проведении в крае плебисцита под международным контролем, выдвинутых в 1924 г. на Венской конференции и по этой причине сорванной Румынией.

Сама постановка вопроса о референдуме как способе решения вопроса о государственной принадлежности Бессарабии, области, до 1918 г. входившей в состав России и оккупированной иностранным государством, свидетельствовала не только об уверенности руководства СССР в том, что бессарабцы проголосуют за воссоединение края с Россией, но и о неготовности СССР к вооруженному конфликту даже во имя восстановления территориальной целостности страны. В территориальном споре с Россией

Бессарабские эмигранты в Бразилии
30-е годы XX в.

Румынию близоруко поддерживали западные державы, в первую очередь Франция. Руководство СССР нуждалось во времени для осуществления внутренних преобразований. Не признавая аннексии Бессарабии Румынским государством, оно отложило решение Бессарабского вопроса до лучших времен и в 1934 г. пошло на восстановление дипломатических отношений с Румынией, разорванных в январе 1918 г. При этом правительство СССР разъяснило, что данный акт не означает признания Советским Союзом аннексии Бессарабии Румынией.

К концу 30-х гг. в Европе назрела большая война. Дипломатия Великобритании и Франции пыталась направить агрессию фашистской Германии против СССР. В условиях, когда западные демократии саботировали создание системы европейской безопасности, руководство Союза ССР заключило с Германией договор о взаимном ненападении. 23 августа 1939 г. советско-германский договор, вошедший в историю как «пакт Молотова-Риббентропа», был подписан в Москве главами внешнеполитических ведомств СССР и Германии. Они подписали также Дополнительный протокол, засекреченный, очевидно, из тактических соображений. Вопрос о судьбах Бессарабии затрагивал только один пункт этого документа, который гласил: «3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях»⁵. Правительство СССР указало Германии на недопустимость каких-либо покушений на захват Бессарабии и добилось обязательства уважать права Союза. Протокол, таким образом, заслуживал немедленной публикации.

Формирование внешнеполитических предпосылок мирного разрешения Бессарабского вопроса завершило поражение западных держав, гарантировавших Румынии удержание Бессарабии. 10 мая 1940 г. немецкие войска перешли в наступление на Западном фронте и в течение месяца разгромили противостоящие им войска Франции, Великобритании, Бельгии и Нидерландов; 13 июня немецкие войска вступили в Париж. Внешнеполитических препятствий воссоединению Бессарабии с Россией\СССР более не существовало. Более того, учитывая перспективы расширения войны, Москва более не могла себе позволить откладывать решение бессарабского вопроса.

Поскольку Румыния захватила Бессарабию вооруженным путем, упразднив Молдавскую Демократическую Республику, созданную 2 декабря 1917 г. в составе Российской Советской Республики, правительство СССР было вправе действовать аналогичным образом. Москва избрала наиболее цивилизованный вариант урегулирования территориального спора. 26 июня 1940 г. правительство СССР направило в Бухарест ноту, которую румынская историография именует ультиматумом. Ультиматум был, безусловно, уместен. Однако угрозы о принятии каких-либо мер в случае несогласия Румынии с предложениями СССР в документе не было сформулировано. Советский Союз лишь предлагал «приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу». Приведем текст этого документа:

«В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории – Бессарабию и тем

самым нарушила вековое единство Бессарабии, населенной главным образом украинцами, с Украинской советской республикой.

Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром.

Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами, Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу. Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной, как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава. Такой акт был бы тем более справедливым, что передача северной части Буковины Советскому Союзу могла бы представить, – правда, лишь в незначительной степени, – средство возмещения того громадного ущерба, который был нанесен Советскому Союзу и населению Бессарабии 22-летним господством Румынии в Бессарабии.

Вступление Красной Армии в г. Кишинев, 1940 г.

Правительство СССР предлагает Королевскому Правительству Румынии:

1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу.
2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах, согласно приложенной карте.

Правительство СССР выражает надежду, что Королевское Правительство Румынии примет настоящие предложения СССР и даст тем возможность мирным путем разрешить затянувшийся конфликт между СССР и Румынией.

Правительство СССР ожидает ответа Королевского Правительства Румынии в течение 27 июня с.г.».

Хотя румынские войска, дислоцированные в Бессарабии, насчитывали 240 тыс. солдат и офицеров, официальный Бухарест признавал, что попытка вооруженного противостояния России закончится поражением Румынии. Королевское правительство обратилось за поддержкой к странам Запада. Однако Франция была разгромлена фашистской Германией, а Англия озабочена защитой своей территории. Обращение в Берлин, как и следовало ожидать после подписания пакта Молотова-Риббентропа и секретного Дополнительного протокола, не нашло отклика. «Германия, – сообщил советскому правительству германский посол в Москве граф Шуленбург, – стоит на принципах Московского соглашения (от 23 августа 1939 г. – Ред.) и не проявляет инте-

реса к бессарабскому вопросу. Ее интересует лишь судьба 100 тысяч немцев, проживающих в Бессарабии». Гитлер, разумеется, лгал. В тот же день германский посланник в Бухаресте Фабрициус по поручению своего правительства заверил правительство Румынии, что «уступку» Румынией Бессарабии Берлин считает «временным явлением» и пообещал, что «Германия уладит это дело позже»⁶. Но королевское правительство сделало однозначный вывод из сложившейся ситуации: Запад не поможет! В ночь на 27 июня оно приняло предложения правительства СССР. 28 июня 1940 г. в 12 часов дня советские войска перешли Днестр. Благодаря взвешенной политике СССР развертывания боевых действий на территории Бессарабии удалось избежать.

ИЮНЬСКИЕ ДНИ. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ 1940 Г. И ГАГАУЗСКИЙ НАРОД

В ночь на 27 июня, через два часа после вручения советской ноты румынскому послу, информация об этом событии была передана в эфир Московским радио. На следующий день весть о требовании правительства СССР распространилась по всей Бессарабии. Как и молдаване, русские, украинцы, болгары, другие бессарабцы, гагаузы приветствовали воссоединение края с Россией/СССР.

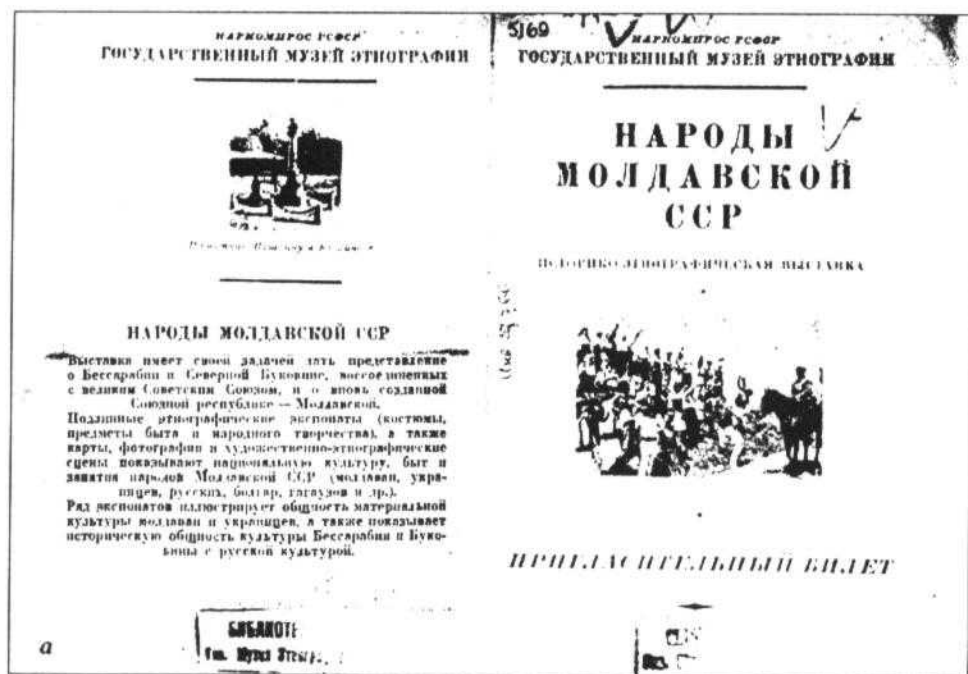
В Комрате адвокаты Петр Карагяур и Михаил Мунтяну, учитель Федор Казмалы, служащие Семен Панов и Евгений Сибов⁷, а также Антон Симанов (Кожокару), Наум Рожко, Георгий Селаев, Владимир Кисеев составили комитет, организовавший встречу освободителей. К моменту подхода колонны советских войск в городе были вывешены красные флаги, навстречу Красной Армии жители вышли с цветами и устроили митинг. От имени населения освободителей приветствовали Илья Панайотов, крестьянин Иван Терзи⁸ и другие жители Комрата. Хлебом-солью и цветами встретили войска Красной Армии крестьяне других гагаузских сел. В селе Деневица (ныне Светлый) их приветствовали ветеран революции 1905-1907 гг. и подпольной борьбы против румынской оккупации Павел Николаев, в селе Чобалакчия с приветственной речью выступила учительница Орселия Бурковская⁹.

В организации торжественной встречи освободителей приняли участие сотни крестьян. В селе Садык крестьян возглавил Стефан Душан, в селе Цыганка Кагульского уезда – болгарин Василий Люленов

*Красноармейцы танкового батальона
в с. Курчи 1940 г.*

и гагауз Григорий Таукчи, в Казаклии – Пантелей Гайдаржи, Афанасий Данаджи, Кузьма Фомичев, Ольга Ажем, Михаил Ташей, Николай и Надежда Бакаяновы, в селе Алуат – гагауз И.Ф. Дорня, в селе Кирсово – Иван Златовчен, Борис Дюльгер, Степан Мелькан, Иван Таракчи, Родион Главчев, Христофор Кынев, Софроний Раковчен, Дмитрий Бас, Петр Добриогло, Иван Главчев, Иван Катранжи, Степан Ананьев, Эмма-

Пригласительный билет на выставку «Народы Молдавской ССР», 1940 г.

нуил Ковалев, Петр Тафратов, в селе Албота – Дмитрий и Петр Димовы, в Конгазе – Георгий Карай¹⁰.

Трудовые мигранты – молдаване, гагаузы, русские, евреи, болгары, – массами возвращались из Румынии в родные места. Румынские власти расценивали эту срочную миграцию как выражение политического выбора. Только в одном из списков значатся 30 семей, возвратившихся в Комрат из Бухареста, Брашова, Констанцы, Галаца и других городов Румынии¹¹.

Основополагающим принципом национально-территориального размежевания в Советской России, а с 1922 г. – в СССР, являлось стремление обеспечить соответствие административных границ зонам проживания различных национальностей. Гагаузы на Юге Бессарабии не образовывали единого массива, однако возможность включить все или почти все гагаузские села в состав одной союзной республики существовала. В июне-июле 1940 г. руководство СССР решило образовать Союзную МССР.

Выработке этого решения способствовало и руководство Молдавской автономной республики. Без разрешения партийных инстанций УССР оно представило в ЦК ВКП (б) и Совнарком СССР документ, в котором излагалась просьба молдавского народа о создании Союзной Молдавской ССР, и содержалось ходатайство о приеме её в состав СССР в качестве суверенной республики. 9 июля 1940 г. это обращение было рассмотрено на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП (б) и Советского правительства. Было принято решение поддержать перед Верховным Советом СССР ходатайство об образовании Молдавской Союзной республики и принятии её в состав Союза. Но в обращении руководства автономной республики

говорилось об объединении только молдавского населения, компактно проживающего в Бессарабии. Руководство УССР использовало это обстоятельство, настояв на национально-территориальном размежевании между молдаванами и украинцами. 22 июля Председатель Президиума Верховного Совета УССР М.Гречуха представил в Политбюро ЦК ВКП (б) проект, построенный по так называемому «мажоритарному методу», когда к украинцам причислялись также русские. При этом не только болгар, но и гагаузов он почему-то отнес к «славянским племенам». «Я считаю, - писал М.Гречуха, - что Измаильский уезд должен быть присоединён к Украинской ССР, исходя из следующих соображений:

а) сам город Измаил населён почти исключительно украинцами и, частично, русскими;

б) что 33,3 % болгар и гагаузов, живущих в уезде, как славянские племена, имеют больше общего и в нравах, и в быту с украинцами, чем с молдаванами»¹².

Сила этой аргументации заключалась в ее соответствии принципам национально-территориального размежевания, использованного в СССР в 20-е гг. Существование малочисленных этносов, а также русского населения, при этом нередко игнорировалось. Правда, в документах, рассмотренных на совместном заседании Политбюро ЦК РКП(б) и Советского правительства 9 июля 1940 г., а также на VII сессии Верховного Совета СССР 1-7 августа 1940 г., были упомянуты и гагаузы. Но возобладали точка зрения украинского руководства. В итоге ожесточенных дебатов в состав Украины были включены районы МАССР, где преобладало украинское население, а также Измаильский, Килийский, Аккерманский и часть Хотинского уездов освобожденной Бессарабии, где проживало в большинстве своём немолдавское население. Так территории компактного проживания гагаузов оказались поделёнными между Молдавией и Украиной.

Гагаузы – участники революционных событий, бывшие подпольщики, коммунисты, проживавшие в СССР, в большинстве своём были репрессированы в 1937-1938 гг. Но среди советских учёных были люди, хорошо знающие историю гагаузов и проблемы их национального развития. Один из них – историк Н.С. Державин, в 1937 г. в журнале «Советская этнография» опубликовал статью «О наименовании и этнической принадлежности гагаузов». Филолог-тюрколог Н.К. Дмитриев в 1939 г. напечатал статью о гагаузском языке «Гагаузские этюды», основанную на фольклорных материалах В.А. Мошкова. В январе 1941 г. группа ученых организовала в московском Государственном музее этнографии историко-этнографическую выставку «Народы Молдавской ССР». В пригласительном билете писалось: «Выставка имеет своей задачей дать представление о Бессарабии и Северной Буковине, воссоединённых с великим Советским Союзом, и о вновь созданной Союзной республике – Молдавской». Подлинные этнографические экспонаты (костюмы, предметы быта и народного творчества), а также карты, фотографии и художественно-этнографические сцены рассказывали о национальной культуре, быте и занятиях народов Молдавской ССР (молдаван, украинцев, русских, болгар, гагаузов и др.), подтверждая их этнокультурную самобытность. С этнографическими особенностями гагаузского народа общественность страны знакомилась впервые.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ГАГАУЗСКИХ РАЙОНАХ

С первых дней освобождения началось установление советской власти. В течение двух недель Советы создали во всех населённых пунктах. Как органы власти, Советы призваны были решать не только проблемы местного населения, главное – они служили проводником идеологии Советского государства.

В короткие сроки были национализированы промышленные и торговые предприятия, транспорт, медицинские, культурные и учебные заведения. 1 сентября 1940 г. впервые учиться пошли все дети школьного возраста.

В середине августа завершилась национализация земли. Вся земля, вместе с урожаем, была безвозмездно передана безземельным и малоземельным крестьянам.

Темпы коллективизации были ускоренными, чему способствовало создание сети машинно-тракторных станций. В конце 1940 г. в Чадыр-Лунге создали колхоз им. Тимошенко, в Комрате – колхоз «Красное знамя», в Вулканештах – колхоз «28 июня». Появились первые комсомольцы – А. Стамов и Е. Ялама в Томае, П. Филиогло в Чадыр-Лунге, Ф. Калина и Т. Гаситу в Бешалме и т.д.

12 августа 1940 г. СНК МССР и Молдавский обком КП (б) Украины наметили основные мероприятия по организации школьного обучения в воссоединенной Бессарабии. Предписывалось обеспечить всеобщее начальное обучение детей; ... охватить всеобщим обучением всех детей и подростков школьного возраста»¹³.

Была проведена перепись детей школьного возраста. Таковых оказалось почти вдвое больше числа детей, обучавшихся в школах во время румынской оккупации.

На 16 мая 1941 г. в Комрате проживали 14 124 чел. Социальная структура отражала первые результаты начатых преобразований. В городе имелось 698 служащих, 239 рабочих. Остальные жители составляли сельскохозяйственное население. В городе действовали промысловый комбинат, швейная и сапожная артели, артель инвалидов, пекарни, мельница и водочный завод, на котором было занято 29 рабочих.¹⁴

12 января 1941 г. состоялись выборы в Верховный Совет МССР, среди депутатов которого были и гагаузы, например, жительница с. Кириет-Лунга Анна Дякова.

Преобразования, начатые в народном хозяйстве, прервала Великая Отечественная война.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Копанский Я.М.* Общество бессарабцев в СССР и союзы бессарабских эмигрантов. 1924–1940. Кишинев. 1978.
- ² *Булгар С.С.* Указ. соч., С. 55, 56.
- ³ См.: *Копанский Я.М.* Указ. соч.
- ⁴ Красная Бессарабия. 1929. Май.
- ⁵ Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики. Сборник официальных документов. Тирасполь. 1993. С.63.
- ⁶ *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев. 1974. С. 443.
- ⁷ НА РМ. Ф. 680. Оп.1. Д. 4319. ЛЛ.3,12, 23.
- ⁸ Там же. Ф. 693. Оп. 2. Д. 291. Л. 293; Д. 693. Л. 32.
- ⁹ НА РМ. Ф. 1894. Оп. 1. Д. 44. Л. 736, 730.
- ¹⁰ Там же. Ф.1894. Оп. 1. Д. 18. ЛЛ. 16 –29.
- ¹¹ Там же. Ф. 693. Оп. 2. Д. 300. Л. 489.
- ¹² *Роман А.Т.* Указ. соч., С. 36.
- ¹³ Культурное строительство в Советской Молдавии. Кишинев. 1974. С. 261.
- ¹⁴ НАРМ. Ф. 2848. Оп.1. Д. 32. ЛЛ. 7-9.

325

ГАГАУЗЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ФРОНТЕ И В СОВЕТСКОМ ТЫЛУ

22 июня 1941 г. войска фашистской Германии и Румынии, где правил военный диктатор Ион Антонеску, совершили нападение на СССР. В первый же день войны Указом Президиума Верховного Совета СССР на территории 14 военных округов, включая Одесский (в него входила также территория Молдавской ССР), была объявлена мобилизация военнообязанных 1905-1918 гг. рождения. В Молдавии, как и в других прифронтовых республиках, было введено военное положение¹. Немногочисленные войска 9-й армии, которой командовал генерал-полковник Я.Г.Черевиченко, прикрывая Бельцское, Кишинёвское и Одесское направления, были вынуждены держать фронт обороны длиной в 400 км вдоль Дуная, и нижнего и среднего течения Прута. Устойчивость фронта во многом зависела от помощи ближнего тыла, от поддержки населения. Для гагаузов, как и для других народов страны, началась Великая Отечественная война.

П.П. Пеев (слева) на фронте, 1942 г.

Районы компактного проживания гагаузов, расположенные в 30-50 км от румынской границы, где начались кровопролитные бои, уже в первые дни войны были затронуты боевыми действиями. 22-25 июня авиация противника нанесла удары по железнодорожным станциям Этулия, Тараклия, Чадыр-Лунга, Комрат, Яргара, Дезгинжа, Бессарабская. В Комрат, Чадыр-Лунгу и гагаузские села начали прибывать жители Кагула, Леово и приграничных сел, отселенные из зоны боевых действий, а также беженцы.

А. Буюклы – Герой Советского Союза, 1945 г.

Хотя пограничники и части Красной Армии отбили атаки румынских войск, на Дунае высадили десант и захватили в плен более 600 румынских солдат и офицеров, а под Кагулом, Стояновкой и у Котул-Морий нанесли противнику тяжелые потери, события на других фронтах свидетельствовали о неудачном для СССР начале войны. Несмотря на это, гагаузский народ воспринял войну как свое кровное дело. Во всех гагаузских сёлах молодые люди, особенно советские активисты и комсомольцы, обращались в Советы и районные военные комиссариаты с просьбой направить их на фронт. В некоторых сёлах с началом войны были размещены воинские части, и поэтому молодые люди, обращались с такими

Памятник первому комсомольцу с. Димитровка Федору Куроло, расстрелянному румынскими оккупантами 23 июля 1941 г.

же просьбами к военным. Командиры боевых частей, видя стремление молодых гагаузов принять участие в боях, находили возможность зачислять их в боевые части либо в рабочие батальоны. Только в селе Томай в первые дни войны были призваны в Красную Армию 100 человек.

Как и во многих других районах Молдавии, в Чадыр-Лунге был сформирован из добровольцев истребительный батальон. Его возглавил начальник районного отдела НКВД МССР К.Т. Чебаненко. Добровольцы патрулировали улицы, тушили пожары, рыли бомбоубежища, оказывали помощь войскам. Пройдя военное обучение, они показали хорошие боевые качества. Опергруппа Чадыр-Лунгского батальона и 20 бойцов регулярной армии ликвидировали румынский воздушный десант, выброшенный с самолетов у села Новые Криганы. В середине июля, когда немецкий парашютный десант захватил станцию Тараклия и попытался вывести из строя железную дорогу и разгромить отходящий эшелон с беженцами, Чадыр-Лунгский батальон ликвидировал десант. В плен были взяты 15 немецких парашютистов. В дальнейшем Чадыр-Лунгский батальон был слит с Кагульским и Тараклийским батальонами и отступил к Одессе².

Крестьяне предлагали военным свое содействие в строительстве укреплений. «В Исполком Чадыр-Лунгского райсовета, – сообщалось в те дни в армейской газете «Защитник Родины», – пришли представители колхозов имени Ленина и имени Тимошенко товарищи Лазарев и Арабаджи, и заявили, что они требуют немедленно направить крестьян на строительство дороги. Их просьба была удовлетворена. Ежедневно 500 колхозников из названных сельхозартелей с кирками и лопатами приходили в распоряжение командира воинской части»³. В первый месяц войны тысячи гагаузов были мобилизованы со своими подводами для перевозки военных грузов для нужд войск Красной Армии. Отступая вместе с советскими частями, крестьяне-гагаузы оказались в Одессе. Здесь они приняли участие в оборудовании оборонительных рубежей на подступах к городу.

В подготовке оборонительных рубежей для войск Южного фронта участвовали рабочие батальоны, где служили и гагаузы. В каждом батальоне было по две роты по 200 человек. Красноармейцы этих батальонов занимались погрузкой и разгрузкой военных грузов, строили военные укрепления. После захвата Крыма немецкими войсками рабочие батальоны, сформированные в Молдавии, были переброшены на Кубань. Летом 1942 г. красноармейцев из рабочих батальонов собрали на железнодорожной станции города Кропоткина, сообщив, в соответствии с приказом Совета обороны, о направлении их в распоряжение Наркомата угольной промышленности. Так все гагаузы и болгары, служившие в этих рабочих батальонах, оказались в Кемеровской области. Здесь их распределили на работу по угольным шахтам. Впоследствии часть красноармейцев из рабочих батальонов отправили в боевые части, на фронт.

В первый, неудачный для Красной Армии период Великой Отечественной войны, некоторые военачальники пытались объяснить поражения починенных им войск «изменой» бывших военнослужащих армий Эстонии, Латвии и Литвы. Расчет на подозрительность Сталина оправдался, 29 сентября 1941 г. был издан приказ об отзыве из Действующей армии уроженцев Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Северной Буковины и Бессарабии, воссоединенных с СССР в 1939-1940 гг. В соответствии с этим приказом были отчислены из боевых частей и отправлены на работу в тыл и многие солдаты-гагаузы. Однако они успели зарекомендовать себя хорошими бойцами, и командиры соединений и частей сознавали необоснованность политического недоверия к ним, нередко изыскивали возможность оставить их на военной службе. Остались служить в Красной Армии Е.И. Ялама из Чадыр-Лунги, В.Д. Гарбалы из Томая, П.Н. Терзи из села Бешгиоз, И.В. Бабов. З.Д. Димов из села Копчак служил в 61-м стрелковом полку.

Мария Славиогло (слева), 1943 г. Сталинград

В дальнейшем гагаузов, служивших в Красной Армии, военная судьба разбросала по разным фронтам. Большинство их вместе с частями, в которых воевали, отступали до Сталинграда. В их числе – житель села Авдарма Н.Н. Монастырлы, получивший в одном из боёв тяжёлое ранение, П.Д. Саранди, награждённый медалью «За отвагу», П.Ф. Гаргалык, С.М. Златов, А.Г. Аврамов, Л.П. Аврамова, Г.Д. Гаргалык, Е.В. Давыдова (Капсомун).

В составе рабочих батальонов отступали до Волги уроженцы Конгаза И.Г. Карасени, В.Г. Карасени, К.И. Каражелез, М.В. Казанжи, в железнодорожном батальоне служил В.М. Кара. Е.И. Ялама, В.Д. Гарбалы, П.Н. Терзи, И.В. Бабов участвовали в обороне Одессы и Крыма в составе 136 стрелкового полка. От Одессы до Берлина прошёл боевой путь уроженец Казаклии К.С. Кол. Он был в числе защитников Севастополя, воевал на Украине, дошёл до Берлина. Во время боя в городе Кюстрин взводу, в котором он служил, было приказано захватить городскую ратушу и водрузить на крыше красное знамя. Когда красноармейцы ворвались в здание, немцы взорвали заряд, и крыша рухнула на бойцов. В живых осталось двое: ефрейтор К. Кол и боец Н. Дядиков. Они сумели сорвать немецкий флаг и водрузить советский на оставшейся кровле здания. За этот подвиг К. Кол был награждён орденом Красной Звезды.

Свыше тридцати уроженцев села Томай погибли или пропали без вести на фронтах Великой Отечественной войны. В их числе Н.М. Балабан, Д.Д. Балабан, Д.П. Балабан, Ф.И. Бербер, Ф.И. Ватав, Д.Д. Гаргалык, И.Г. Сарииогло, П.П. Савин, Д.П. Савин, Г.М. Стайко, И.И. Танас, И.И. Кройтор, И.А. Танасогло, Д.П. Ялама, П.В. Ялама, Н.Д. Кючюк, В.М.

Кройтор, тяжело ранен в Венгрии в 1944 г.

Чернев, И.С. Карабаджак, В.П. Карабаджак, К.Д. Карабаджак, И.Д. Команаш, П.С. Хомутов, Ф.М. Ганжа, П.Ф. Крычмар, П.Н. Кывыржик, Т.П. Констандогло, Д.А. Бругарь, Я.И. Хоровский. С честью прошли огненные версты до Берлина, Вены, Праги, Будапешта томайчане С.Г. Лазарев, П. Ганев, И.С. Станев, К.Ф. Греков, Д.М. Караман, И.Н. Недов, Д. Топчу, С.И. Топчу, П. Топчу, Н.С. Драгнев, Р. Чернев, Е.И. Янак, А.П. Димогло, Г.Ф. Топчу, И.Д. Топчу, Ф.И. Танасоглу, П.Ф. Ялама, Х.П. Сырф, П.Н. Карабаджак, Д. Кывыржик, П.И. Стамат, И.И. Гаргалык, С.М. Караяни, Н.В. Думиника, Д.И. Ниद्याлко, Н.И. Чимпоеш, Д.Г. Краяни, А.Н. Карабаджак и другие.

И. Г. Карасени

Пали и пропали без вести на фронтах ВОВ уроженцы г. Вулканешты: Д.К. Аланин, Д.А. Афгений, Д.К. Баланел, Д.Д. Галацан, И.Д. Драган, И.И. Жантык, С.Ф. Кипер, В.Х. Лунгу, И.Н. Лебедев, Г.И. Лупаш, Ф.Л. Левицкий, Н.П. Мунтяну, Г.А. Ница, Э.П. Поштарь, Д.А. Паскал, В.Д. Ротарь, Г.К. Терзила, И.И. Шеремет, Д.И. Яниш, Цуркан.

Георгий Памужак

На фронтах Великой Отечественной войны погибли уроженцы Комрата. В.И. Кройтор, служивший в 771 стрелковом полку. 5 мая 1945 г. у села Травники (Польша) погиб Ф.С. Ябанжи; 26 апреля 1945 г. в городе Мариенведер пал в бою И.А. Янчогу. 4 февраля 1945г. отдал жизнь в бою за Родину И.И. Новак; 6 ноября 1944 г. пропал без вести Л.К. Беженар, а 6 января 1945 г. – Г.И. Буиклы; 7 ноября 1944 г. погиб восточнее литовской деревни Старутини стрелок 1067-го полка П.А. Болгар. 27 апреля 1944 г., у села Хаджи-миус Бендерского уезда, немного не дойдя до родных мест, погиб С.Г. Кара.

Орденосцами стали: Н.И. Кара, награждённый орденом Отечественной войны и медалью «За отвагу», Т.И. Спатаренко, кавалер ордена Отечественной войны II степени; И.Д. Герасимов, награждённый орденом Славы III степени. Медалью «За Отвагу» был награждён П.П. Пеев. В одном пулеметном расчёте прошли войну два друга-односельчанина из села Гайдары – Семён Калин и Василий Думиника. В Красной Армии служили и погибли, сражаясь в ее рядах, уроженцы села Казаклия Чадыр-Лунгского района П.Д. Арабаджи, П.И. Арабаджи, В.Ф. Варбан, Д.Д. Данч, Н.Н. Думиника, И.П. Момат, Н.С. Кол, Н.П. Колдавер, Ф.К. Топал, Б.С. Касым, П.А. Белиогло, А.А. Боев, Д.К. Домин, П.П. Дюльгер, А.П. Дерюгин, С.Д. Жек, С.Г. Калчу, К.В. Коса, И.М. Куюжуклу, Ф.Н. Куюжуклу, П.А. Новачлы, С.А. Кель, С.А. Калчу, Р.И. Калчу, С.И. Калчу, И.К. Кара, И.С. Момат, Д.П. Ненков, Г.Д. Радиш, С.И. Русал, Н.П. Радукан, Д.П. Узун, С.Ф. Фазлы, И.Н. Чакир, Д.Н. Чеботар, В.К. Червен, С.И. Червен, С.Н. Чакир, Г.Г. Чобаджи, А.И. Чобан.

В рядах Красной Армии воевали жители села Кириет-Лунга. Среди них – А.И. Чумак-Кайкы, награждённый медалью «За отвагу», орденом Славы, орденом Красной Звезды. Как одного из самых отважных бойцов, отметила в феврале 1945 г.

Кирил Докуз

Михаил Карамилев

Михаил Колпакчи

газета «Советская Молдавия»: «Прославленные сталинградские дивизии устремились вперёд. С ними Алексей Чумак. Каждый шаг приближал его к родному крову. Остались позади Дон и Днепр. Пройдена Украина. И, наконец, Днестр. Комсомолец Чумак в числе первых вошёл в Кишинёв. Он увидел его не таким, как три года назад. Унылые, пустые улицы... Смотрел на него Чумак и думал: бандиты должны быть наказаны». В танковых войсках воевал Харлампий Петрович Кюркчю-Кюрча. С боями дошёл до Берлина. Пётр Иванович Кюркчю-Лозов, служил в разведроте, был ранен. Георгий Степанович Дан и Константин Фёдорович Михайлов служили сапёрами на Белорусском фронте.

Восемнадцатилетней девушкой ушла добровольцем на фронт Мария Славиогло, уроженка с. Бешгиоз Чадыр-Лунгского района. Она проходила службу в составе интернационального батальона, в должности санинструктора. В этом батальоне служил сын испанской коммунистки Долорес Пасионарии – Рубен Ибаррури, удостоенный звания Героя Советского Союза. В одном из жестоких боёв под Сталинградом у деревни Котлубань Мария вынесла с поля боя раненого капитана Ибаррури. В том бою отважная девушка была контужена, но осталась в рядах героев, сумевших остановить наступление фашистов.

Воевали на фронтах Великой Отечественной войны уроженцы Чадыр-Лунги Балов И.Д., Колпакчи Г.К., Кисеев Н.Н., Стамов М.В., Стамат Я.И., Сыртмач П.Ф. Проявил героизм при освобождении Молдавии рядовой Орманжи И.В., награждённый орденом Славы III степени.

Доблесть бойцов-гагаузов, с первых дней войны сражавшихся в рядах Красной Армии, свидетельствует об их безусловной преданности своей Родине. СССР, как прежде Россия, был для гагаузов их государством, страной, которую следует защищать при любых обстоятельствах.

В последние годы выявляются всё новые материалы и документы, связанные с участием гагаузов и болгар в Великой Отечественной войне.

ПРОЯВИВ ГЕРОЙСТВО И МУЖЕСТВО ПОГИБ... (документы периода ВОВ 1941-1945 гг.)

67

Формы № 5 ВП
СЕКРЕТНО

Исполнительное
дел. №

Районному (городскому)
исполнительному комиссару Владимирскому области (края)

Гор. Владимир

ИЗВЕЩЕНИЕ

Прислать известия гр. Каранга Сидора Ивановича
проживающего в г. Каранга
о том, что он (она) погиб в боях за
освобождение Восточной Украины и был за
геройство погиб, 26 в сентябре 1945 г. и похоронен с отставкой
в г. Каранга.

Командир полка
Начальник штаба Сидор Каранга

Извещение о гибели на Фронте ВОВ
Г.И. Каранга, 1945 г.

Формы № 5 ВП
СЕКРЕТНО

Исполнительное
дел. №

Районному (городскому)
исполнительному комиссару Шаргородскому области (края)

Гор. Шаргород

ИЗВЕЩЕНИЕ

Прислать известия гр. Сидору Ивановичу Каранга
проживающего в г. Каранга
о том, что он (она) погиб в боях за
освобождение Восточной Украины и был за
геройство погиб, 26 в сентябре 1945 г. и похоронен с отставкой
в г. Каранга.

Командир полка
Начальник штаба Сидор Каранга

И.И. Каранга

Извещение о гибели на фронте ВОВ
Ф.П. Кылчыка, 1944 г.

Формы № 5 ВП
СЕКРЕТНО

Исполнительное
дел. №

Районному (городскому)
исполнительному комиссару Владимирскому области (края)

Гор. Владимир

ИЗВЕЩЕНИЕ

Прислать известия гр. Федору Павловичу Кылчыку
проживающего в г. Владимир
о том, что он (она) погиб в боях за
освобождение Восточной Украины и был за
геройство погиб, 26 в сентябре 1945 г. и похоронен с отставкой
в г. Владимир.

Командир полка
Начальник штаба Федор Кылчык

Извещение о гибели на фронте ВОВ
П.А. Болгар, 1944 г.

113

Формы № 5 ВП
СЕКРЕТНО

Исполнительное
дел. №

Районному (городскому)
исполнительному комиссару Владимирскому области (края)

Гор. Владимир

ИЗВЕЩЕНИЕ

Прислать известия гр. Ябанжи Ф.С.
проживающего в г. Владимир
о том, что он (она) погиб в боях за
освобождение Восточной Украины и был за
геройство погиб, 26 в сентябре 1945 г. и похоронен с отставкой
в г. Владимир.

Командир полка
Начальник штаба Федор Ябанжи

Извещение о гибели на фронте ВОВ
Ф.С. Ябанжи, 1945 г.

Формы № 5 ВП
СЕКРЕТНО

Исполнительное
дел. №

Районному (городскому)
исполнительному комиссару Владимирскому области (края)

Гор. Владимир

ИЗВЕЩЕНИЕ

Прислать известия гр. Брударю И.И.
проживающего в г. Владимир
о том, что он (она) погиб в боях за
освобождение Восточной Украины и был за
геройство погиб, 26 в сентябре 1945 г. и похоронен с отставкой
в г. Владимир.

Командир полка
Начальник штаба И.И. Брударь

Извещение о гибели на фронте ВОВ
И.И. Брударь, 1945 г.

Формы № 5 ВП
СЕКРЕТНО

Исполнительное
дел. №

Районному (городскому)
исполнительному комиссару Владимирскому области (края)

Гор. Владимир

ИЗВЕЩЕНИЕ

Прислать известия гр. Сербу Т.
проживающего в г. Владимир
о том, что он (она) погиб в боях за
освобождение Восточной Украины и был за
геройство погиб, 26 в сентябре 1945 г. и похоронен с отставкой
в г. Владимир.

Командир полка
Начальник штаба Т. Сербу

Извещение о гибели на фронте ВОВ
Т. Сербу, 1945 г.

ПОД ПЯТОЙ ОККУПАНТОВ

Бессарабия, в том числе Комратский, Чадыр-Лунгский, Вулканештский и другие районы, где имелись гагаузские села, была оккупирована румынскими войсками в июле 1941 г. С согласия Гитлера область была аннексирована Румынией и превращена в провинцию под управлением военного губернатора, являвшегося полномочным заместителем военно-фашистского диктатора Иона Антонеску. «Кардинальную задачу» своей политики в Бессарабии оккупанты усматривали в ее закреплении в составе румынского государства посредством «румынизации населения и территории». Напутствуя 3 июля 1941 г. руководителей оккупационной администрации, вице-премьер Румынии Михай Антонеску потребовал от них «этнического очищения отвоеванных территорий»⁴. В числе национальных меньшинств, подлежащих «удалению» из Бессарабии, были и гагаузы.

Несмотря на призыв в Красную Армию и эвакуацию тысяч рабочих, служащих, крестьян-гагаузов на восток, численность гагаузского населения в Бессарабии оставалась значительной. К концу 1941 г. румынскими властями было учтено 115,7 тыс. гагаузов⁵, они составляли 5,1% населения области. Гагаузы проживали довольно компактно. В Тигинском (Бендерском) уезде, где проживали 47,4 тыс. гагаузов, они составляли даже по румынским данным, 17% жителей⁶. Почти столько же гагаузов, 44,7 тыс. чел, проживали в Кагульском уезде, где составляли 22% населения⁷. Проживали гагаузы также в Измаильском, Аккерманском уездах. Действительная численность гагаузов, видимо, была несколько больше, ибо в обстановке террора многие гагаузы, как и лица, принадлежащие к другим национальным меньшинствам, знающие молдавский язык, предпочли назвать себя «румынами»⁸.

Более 90% гагаузов являлись крестьянами. В городах, главным образом, в Комрате, где они составляли 79% жителей⁹, проживало всего 12,1 тыс. гагаузов¹⁰. Накануне войны 83% населения Комрата было занято исключительно сельским хозяйством, в городе имелось всего 229 рабочих¹¹. Интеллигенция была представлена среди гагаузов несколькими десятками лиц с высшим образованием: учителей, врачей, священников. Поскольку многие мужчины эвакуировались либо были призваны в Красную Армию, возникла огромная диспропорция полов. В Комрате к началу 1943 года на 3782 мужчины приходилось 5944 женщины и 4492 ребенка обоего пола¹²; около 2000 мужчин ушли на фронт либо эвакуировались на восток.

С первых дней оккупации румынские войска, полиция, жандармерия принялись мстить гагаузам, как и другим бессарабцам, за восторженную встречу, устроенную ими частям Красной Армии в июне 1940 г.. «Мстителами возвращаемся мы на молдавскую землю...» – возвестил И. Антонеску 8 июля 1941 г. в своем обращении к населению

22 июня 1941 года

Бессарабии и Северной Буковины¹³. 23 июля 1941 г. в гагаузском селе Димитровка (Болградский район) оккупанты устроили публичную казнь. Сognав население на площадь, они расстреляли секретаря местной комсомольской организации Федора Ивановича Курогло. Большинство из 9 солдат экзекуционной команды, не желая служить палачами, выстрелили мимо, Ф.И. Курогло был только ранен, и румынский офицер добил его выстрелом из пистолета. В селе Колибаш были схвачены депутат Верховного Совета Молдавии молдаванин Н.И. Генчу и комсомолец гагауз Пантелей Чобан; оба были жестоко избиты, от полученных увечий П. Чобан скончался.

По гагаузским селам прокатилась волна расправ, призванных утратить население. В Вулканештах шефом жандармского поста Ионом Никулеску были арестованы, избиты, заключены в тюрьму г. Галаца С.М. Беда и В.И. Карагяур. После суда, в 1942 г., они были расстреляны. Жандармы жестоко глумились над семьей Степана Беды; от испуга его жена Василиса тяжело заболела, а 15-летняя дочь Екатерина умерла. В селе Конгаз оккупанты расстреляли членов местного Совета А.Д. Мырзу и Н.А. Хомутова, повинных в том, что организовали жителей на рытье окопов для солдат Красной Армии. Иван Карай был расстрелян только за то, что до войны работал конюхом в милиции. В селе Гайдары румынскими солдатами и офицерами были убиты председатель сельского Совета П.Г. Беженарь и крестьяне Н.Д. Болгар и С.М. Драган, в селе Чекур-Минжир – председатель сельсовета Т.И. Гайбу, в Абаклии – заместитель председателя И.С. Дадыка. В селе Бешгиоз оккупанты повесили семью Будник: отца, мать и трех дочерей – 16, 20 и 24 лет. В селе Чимишкой жандармы арестовали жену председателя сельского Совета Надежду Афанасьевну Мутаф с детьми 14 и 15 лет; мать умерла от побоев.¹⁴ Многочисленные аресты произвели оккупанты в Комрате. Румынский сержант, явившись на гагаузскую свадьбу, застрелил мальчика Афанасия Янчиоглу¹⁵.

Карта Бессарабии, 1942 г.

Сотни крестьян – участников разоружения румынских подразделений в июне 1940 г., бывших солдат румынской армии, покинувших ее в те дни, служащих советских учреждений, просто политически активных людей были схвачены жандармами и подвергнуты истязаниям, многих заключили в концлагеря. В селах Садаклия и Деневица¹⁶ румынские власти учредили лагеря принудительного труда¹⁷. В каменном карьере у села Кайраклия постоянно отбывали трудовую повинность более 1000 местных жителей – гагаузов и болгар. Как и узников сформированного из евреев Румынии «рабочего батальона», их морила голодом и систематически избивала румынская охрана; кроме того, охранники вымогали у «реквизированных» взятки.¹⁸ Арестованных по политическим мотивам гагаузов содержали в тюрьмах Галаца (Румыния), Кишинева, концлагерях Новые Онешты, Вертюжаны, Фриденсталь (Аккерманский уезд) и других. В числе 462

жителей Бессарабии, в январе 1943 г. были отправлены на смерть в один из концлагерей «Заднепровья» один из создателей Комратской республики 1906 г., участник подпольной борьбы 1918 – 1925 гг., политкаторжанин дореволюционных времен и узник румынских застенков Павел Николаев и его жена Елена¹⁹, десятки гагаузов – советских активистов 1940-1941 гг.

Практика беспощадных избиений мирных жителей за любую провинность, узаконенная в Бессарабии и других «губернаторствах», созданных режимом Антонеску на территории СССР, сохранилась до последнего дня оккупации. Всего за годы румынской фашистской оккупации, по неполным данным Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков, были расстреляны 30 жителей Кагульского уезда, повешены 6, погибли под пытками 7, приговорены к каторжным работам 25, а 5852 жителя (5569 мужчин, 170 женщин и 113 детей) угнаны на принудительные работы в Румынию. В числе угнанных были 352 жителя Вулканештского, 947 – Чадыр-Лунгского и 352 жителя Конгазского районов²⁰.

О том, как собираются румынские власти «окончательно» решить «вопрос» о пребывании гагаузов в Бессарабии, сами гагаузы судили по кампании геноцида, проведенной оккупантами против евреев. В июле 1941 г. евреи, не успевшие эвакуироваться в восточные области СССР, более 90 тыс. чел., были заключены в гетто и концлагеря. 35 тыс. из них были расстреляны либо вымерли от голода и болезней; оставшиеся, более 55 тыс. чел., были депортированы в концлагеря за Днестр²¹. Судьба гагаузского народа была увязана с реализацией колонизационных планов румынской администрации. 11 декабря 1941 г. глава ведомства румынизации, колонизации и инвентаря при правительстве Румынии, ссылаясь на указания «правителя» Иона Антонеску, известил губернатора Бессарабии, что в принципе решен вопрос о «перемещении» гагаузов на Украину, поскольку в их селах намечено поселить румынских колонистов из южной Добруджи, возвращенной Болгарии в 1940 г., и арумын (куцо-влахов) – беженцев из Македонии. Губернатору предписали спланировать депортацию гагаузов и определить время ее проведения, с тем, чтобы увязать их выселение с колонизационной кампанией²², а кампанию – с весенним севом 1942 г.

Контрнаступление Красной Армии под Москвой сорвало выполнение этого злодейского плана. Уже 16 декабря И. Антонеску, встревоженный успехами советских войск, заговорил на заседании правительства о возможности заключения компромиссного мира. Депортация национальных меньшинств была явно несвоевременной.

Копия оригинала документа № 29 на румынском языке

MINISTERUL AFACERILOR INTERNE
SECRETATIA ADMINISTRATIVĂ DE STAT

№ 4.107

București, 16 octombrie 1942

№ 421

PROCEDEINTA COMISIEI DE MINISTRI
Cabinetului pentru administrarea și organizarea
Nașterii, Succesiunii și Tranzacțiilor

—a ordinul D-locușter Nr. 3.053/942.

Se scoare a se aduce la cunoștință cu privire la
intocmirea planului de activitate, ordonat de domnul Nașterii,
în vederea evacuării populației bulgare din sudul Banatului,
în conformitate cu studiile și proiectele făcute de acest
Departament, întocmit în baza de competență a Controlului Național
de Românie și a Ministerului Afacerilor Străine.

Ministerul Afacerilor Interne va efectua măsurile
cerute, în urma hotărârilor ce se vor lua de către
parlament în această noaptea.

SECRET
SUBSCRIBIT DE STAT
Șeful de Corp de Armaie,

C. Z. Feilica

Director de Cabinet
Lt. Colonel Napierkowski

41.10.1942

Alina Negulescu a fost
înregistrată în
Cabinetul
la data
16 oct 1942
Nr. 418

Письмо Министерства внутренних дел Румынии «Военно-гражданскому кабинету по администрации и организации Бессарабии, Буковины и Транснистрии» о плане переселения болгарского населения юга Бессарабии, 16 октября 1942 г.

Однако 26 февраля 1942 г. диктатор вновь напомнил членам правительства о необходимости после «устранения» евреев «избавиться и от других меньшинства – русских, украинцев, болгар, гагаузов»²³. Выступая 11 апреля перед румынскими чиновниками в Бельцах, И.Антонеску подтвердил, что кампания, проведенная против евреев, является лишь «началом общего национального очищения Бессарабии». «У меня, – демагогически заявил «правитель», – душа болит при мысли о том, что мы должны устранить национальные меньшинства». Он подтвердил: когда представится возможность, национальные меньшинства Бессарабии будут «устранены»²⁴.

Депортации, хотя и менее масштабные, чем планировалось вначале, продолжались. Весной 1942 г. были «эвакуированы» и переданы немецким оккупационным властям на Украине более 1400 поляков и украинцев, поселившихся в Буджаке в 1940 г.; власти готовили высылку еще 6271 поляка и 8589 украинцев²⁵. В августе 1942 г. И.Антонеску распорядился об их заключении в концлагеря губернаторства «Транснистрия» («Заднепровье»)²⁶. В июле началась депортация цыган. К концу года в концлагеря на Буге были отправлены 8400 бессарабских цыган²⁷. В ноябре 1942г., в разгар сражения под Сталинградом, Кабинет по управлению Бессарабией, Буковиной и Транснистрией при правительстве Румынии (КББТ) рассматривал вопрос о выселении гораздо более многочисленной, чем гагаузы, национальной группы – украинцев Северной Буковины, численностью 457 тыс. чел²⁸. Зловещим признаком являлась начатая румынскими властями колонизация соседних с гагаузскими районов Бессарабии. В апреле 1942 г. в селах Софиевка, Саратены, Манукбеевка и Минжир Кагульского уезда были размещены 200 семей румынских колонистов. Власти предоставили им дома и значительные, по 16 гектаров на семью, земельные участки, а также скот и земледельческий инвентарь. К июлю в районы Бессарабии, прилегающие к районам компактного проживания гагаузов, прибыла еще 1000 семей румынских колонистов²⁹. Почти не скрывая подготовки депортации национальных меньшинств, румынская администрация начала учет движимого и недвижимого имущества украинцев, гагаузов, русских и болгар Бессарабии, которое должно было после их выселения перейти в собственность государства.

Ștefan Beda

Vasile Caragiu

Подпольщики антифашисты, жители с. Вулканешты, казнены в 1942 г. в г. Галац по приговору румынского военного трибунала

Оккупационная политика была нацелена на всемерную эксплуатацию, социальную маргинализацию гагаузов и подавление их национального сознания. Крестьян лишили земли, полученной ими в ходе советской аграрной реформы 1940-1941 гг. Заработная плата рабочих не обеспечивала самого скромного существования. Наем гагаузов, как и других «миноритарных» работников, на предприятия промышленности и транспорта, доступ к обучению рабочим специальностям были ограничены процентной нормой, предусмотренной шовинистическим законодательством «О защите национального труда», принятым в Румынии в 30-е гг.³⁰ Рабочих избивали румынские функционеры и полицейские, в 1943 г. телесные наказания были узаконены декретом И.Антонеску. Заниматься предпринимательством и коммерцией гагаузам, как и другим «нерумынам», было запрещено. Их практически не допускали в администрацию, даже примарами гагаузских сел были назначены румыны. О политических взглядах крестьян полиции сообщали нотари примарий и секретные информаторы, но подлинными диктаторами и тиранами в селах стали шефы жандармских постов. Жандарм по своему усмотрению мог избивать крестьян. Власти изнуряли их принудительными работами. В июне 1942 г. дислоцированная в Вулканештах «дорожная» рота румынской армии ежедневно мобилизовала на перевозку гравия 300 повозок, срывая полевые работы. По этой причине в селе остались необработанными 1300 гектаров посевов³¹. Сельских учителей и священников оккупационные власти вынуждали участвовать в проведении румынской «национальной пропаганды»³².

Из-за непомерных налогов и ограбления финансовыми средствами жители Бессарабии стремительно нищали. 4 июля 1942 г. губернатор области генерал Константин Войкулеску доложил в КББТ, что «цены на продовольствие очень высоки, и оно не доступно местному населению, которое в материальном отношении находится в критическом положении». К лету 1943 года цены возросли по сравнению с августом 1941 в 8-10 раз³³. В южных уездах области из-за транспортных трудностей промышленные товары продавались на 40-50% дороже, чем в Кишиневе³⁴. Учет собственности меньшинств выявил картину их крайней бедности. Стоимость всего имущества гагаузов составила 3,2 миллиарда леев, всего по 34 000 леев в среднем на душу; это была стоимость четырех пар ботинок. Материальное положение украинцев и русских было не лучше: в среднем на душу населения приходилась собственность стоимостью 33700 леев³⁵. Усиливалась санитарная угроза. На 34 населенных пункта с преимущественно гагаузским населением имелась всего одна больница – в Комрате. Мыло в продаже, как правило, отсутствовало. Не было керосина, применявшегося крестьянами не только для освещения, но и в качестве средства дезинсекции.

Вследствие плохого питания, возникновения инфекций и недоступности медицинской помощи в Бессарабии распространились сыпной и брюшной тиф, дизентерия, другие эпидемические заболевания, а также социальные болезни – туберкулез, пеллагра, болезни сердца. Катастрофически возросла смертность. В Комрате она составила в 1941 г. 38,5 случая на 1000 жителей, что было несколько ниже, чем в Кишиневе (40,7 промилле) и Кагуле (60,5 промилле), но превосходило средний по городам Бессарабии уровень (36,0 промилле). В 1942 г. население несколько приспособилось к существованию в условиях оккупации, и смертность в Комрате, судя

по официальным данным, сократилась до 30,3 промилле. Однако и этот уровень был вдвое выше уровня смертности в городах румынской провинции Мунтения (16 промилле). Только рождаемость, близкая к физиологическому максимуму, – в 1941 г. она составила в Комрате 43,3, а в 1942 – 47,2 промилле³⁶, – препятствовала вымиранию народа.

В действительности смертность среди гагаузов была еще выше и превышала рождаемость. Менее чем за два года, с августа 1941 до июня 1943г., – численность гагаузов сократилась на 21,7 тыс. чел., с 115,7 до 94 тыс.³⁷. Часть этого сокращения можно объяснить тем обстоятельством, что многие гагаузы обзавелись документами о том, что они – «румыны». В связи с депортацией евреев, докладывала сигуранца, среди населения распространяются слухи о предстоящем выселении за Днестр и других национальных групп. Учет собственности меньшинств и конвои выселяемых на Буг цыган усиливали эти страхи. В связи со слухом о предстоящей депортации меньшинств за Днестр, доложил в январе 1943 г. в Бухарест шеф румынской полиции Бессарабии, «очень многие из миноритарного населения пытаются доказать свое молдавское происхождение»³⁸. Однако делать это было уже непросто. «Удостоверения о румынском этническом происхождении, – разъяснял в июле 1943 г. претор Комрата, – выдаются при наличии документов, что данное лицо является румыном по крови... Румын рождается румыном, а не становится им»³⁹. Среди молдаван смертность также была высокой, их численность, несмотря на высокую рождаемость, в эти годы также сократилась почти на 30 тыс. чел.⁴⁰ Следовательно, гагаузский народ уже в первые годы оккупации понес тяжелые демографические потери.

НАРОДНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

*Дмитрий Радов
(1897-1946). Житель
с. Кириет-Лунга.
Автор и исполнитель
песни «Бессарабия». Был
арестован в 1941 г. румынскими
властями*

Несмотря на режим террора и угрозу депортации, в массе своей гагаузы сохраняли достоинство, надежду на победу России и волю к борьбе. Невооруженное сопротивление началось уже в первые дни оккупации. Железная дорога была необходима для снабжения румынских и немецких войск, и 17 июля 1941 г. И.Антонеску распорядился, используя принудительный труд населения, восстановить в Бессарабии поврежденные во время боевых действий дороги. Возобновить движение на железной дороге, включая линию Рени-Бендеры, было приказано к началу августа. Вооруженные жандармы сгоняли крестьян на дорожные работы, но заставить их работать по-настоящему не могли. Движение на линии Рени-Кишинев оккупантам удалось восстановить только к 6 октября, а ветку на Бендеры – еще позднее⁴¹. Пока под Одессой шли бои, к городу не прошел через Молдавию ни один железнодорожный состав. Гагаузы, как и другие жители Молдавии, оказали защитникам города реальную помощь.

В Комрате произошли первые в оккупированной Молдавии стачечные высту-

пления рабочих. Первую забастовку попытались организовать комратские железнодорожники Дмитрий, Федор и Андрей Вербановы, Петр Влах, Иван Болгар и Степан Топал. Прекратив работу, они потребовали повышения заработной платы. Железная дорога считалась военным объектом, и их действия были расценены властями как «акты саботажа на работах военного значения». Рабочие были арестованы, и в ноябре 1941 г. предстали перед военным трибуналом.⁴² Тем не менее, 12 июня 1942 г. группа поденных рабочих службы пути, которым не были выплачены деньги за ранее выполненную работу, также отказались приступить к работе вновь; другая группа рабочих, по сведениям полиции, покинула работу без всякого предложения. Хотя это грозило заключением в концлагерь, 1 июля рабочие вновь отказались приступить к работе и потребовали 80-процентного повышения оплаты. Румынские чиновники присваивали часть заработной платы рабочих и опасались огласки конфликта; они согласились на 20-процентное повышение. Но рабочие отвергли подачку и отказались возобновить работу.

Хотя социальные причины конфликта были очевидны, в условиях оккупации забастовка представляла собой и акт политического неповиновения. Полиция арестовала 21 рабочего. 24 июля 1942 г. были преданы суду участники стачки Федор Богданов, Харламбий Тодоров, Степан Тодоров, Дмитрий Милев, Федор Михайлов, Николай Начук, Виктор Бабарайка, Петр Стойков, Федор Христов, Георгий Сырбу, Захар Папазоглу, Иван Михайлов, Георгий Герчиоглу, Федор Кылчик, Георгий Стойков и Николай Келоглу, а также работники соседней с Комратом станции Дезгинжа Георгий Георгиев и Михаил Дерменжи, подозреваемые в подстрекательстве к забастовке⁴³. Даже военный трибунал не вынес по их делу приговора. Но вероятные руководители забастовщиков Ф.Богданов и Х.Тодоров, которые вели от имени товарищей переговоры с администрацией, были подвергнуты многомесячному жестокому «следствию» и освобождены только в феврале 1943 г.⁴⁴

Стачка подняла дух населения. Ее участники, – и гагаузы, и болгары, и молдаване, – оказались окружены сочувствием земляков. Население живо обсуждало забастовку и отказывалось сообщать оккупантам сведения о политическом прошлом ее участников. Сигуранце удалось лишь выяснить, что до 28 июня 1940 г. Ф.Богданов и Х.Тодоров «симпатизировали левым», а в предвоенный год первый был бригадиром. Был выявлен среди забастовщиков также бывший боец истребительного батальона⁴⁵. В целом, сигуранца констатировала у гагаузов «отсутствие лояльности к румынской администрации». «Гагаузы, составляющие большинство населения города Комрат, – докладывала тайная полиция в августе 1942 г., когда в Румынии война против СССР представлялась выигранной, – люди злые, враждебные, не подчиняющиеся властям, и никогда не упускают случая выразить свое возмущение [...] В манифестациях [румынского] национального характера не участвуют и не боятся распространяться о различных трудностях. [...]»⁴⁶, т.е критиковать оккупационные

Участники антифашистского подполья 1941-1942 гг. (Слева второй) – В. Стефогло

порядки. Даже в августе-сентябре 1942 г., когда немцы прорвались в Сталинград и оккупанты считали войну выигранной, население, докладывала полиция в Бухарест, все еще надеется на победу большевиков и не мирится с оккупационным режимом. «Хотя официально не существует никакой рабочей организации, – заключил шеф полиции Бессарабии тему выступления комратских рабочих, – их интересы всякий раз защищаемы как только нарушаются, благодаря их духу солидарности, который проявляется в коллективных протестах, групповом оставлении работы и .д.»⁴⁷.

Были гагаузы и среди участников подпольной борьбы. Учащийся Валентин Стефоглу уже в 1941 г. организовал патриотическую группу молодежи в Измаиле⁴⁸. В начале 1942 года В.Стефоглу и учитель Александр Кулаксыз возглавили подпольную группу в селе Гаваносы Вулканештского района. Группа установила связь с организацией Михаила Краснова, созданной молодежью Кагула. В июне 1942 г., когда Кагульская организация была раскрыта сигуранцей, В.Стефоглу и А.Кулаксыз были схвачены и приговорены к пожизненной каторге⁴⁹. С подпольем Бендер были связаны комратские рабочие Василий и Николай Кара. За участие в подпольной работе они были приговорены румынским трибуналом к 25 годам тюремного заключения⁵⁰. Летом 1944 г. действовала подпольная организация с центром в селе Ялпуг, связанная с партизанами⁵¹. Укрепляя дух сопротивления, подпольщики распространяли сведения о ходе боевых действий на фронте, и победы Красной Армии под Москвой и Сталинградом вызвали среди гагаузов необычайный подъем.

Население сочувствовало патриотам, и исполнители диверсий, полиции, как правило, разыскать не удавалось. 23 февраля 1942 г. в Вулканештах был убит румынский жандарм⁵². 2 мая 1942 г. на станции Бессарабская сошел с рельсов личный поезд И.Антонеску⁵³. В августе на станции Этулия патриоты устроили столкновение поездов; между станциями Этулия и Вулканешты сожгли 12-метровый железнодорожный мост, а между станциями Киркаешты и Хаджимус сожгли два вагона с фуражом, несколько пулеметов и военное снаряжение. 5 апреля 1943 г. на перегоне

М.В. Стамов в румынской армии
(стоит в центре)

Абаклия-Кульма скорый поезд столкнулся со сцепкой из двух паровозов, два паровоза и служебный вагон были разбиты. В августе патриоты произвели подкоп под свод железнодорожного моста у станции Кульма. 16 декабря в Комрате был сожжен склад, принадлежавший румынскому предпринимателю. 5 ноября 1943 года близ Комрата были вырезаны 70 м телеграфного провода, 8 февраля 1944 г. в 3 км от Комрата у дороги на село Вишневка были сняты и увезены 75 м телефонного кабеля, а в шести километрах от города – еще 150 м⁵⁴. Лишь случай помог жандармам схватить троих друзей, 18-летних рабочих станции Рени болгарина Христофора Узуна, гагауза Федора Гагауза и молдаванина Николая Чобану, срезавших с воинских поездов тормозные шланги⁵⁵.

Политический характер носило и моральное сопротивление населения. Румынская контрразведка ССИ

причину неповиновения усматривала не в национальной психологии гагаузов, а в социальных и экономических условиях. Крестьян, признано в «Бюллетене контринформации» ССИ, возвращение румын лишило плодов советской аграрной реформы, когда безземельные крестьяне получили наделы, поэтому «национальные меньшинства на юге Бессарабии, – гагаузы, болгары, липоване (русские старообрядцы – Ред.), – встретили румынские армии холодно»⁵⁶. Даже в самые трагические для СССР периоды войны они не теряли надежд на победу России. «Болгары и гагаузы, заключил в июне 1942 г. шеф полиции Бессарабии, «питают явные антирумынские чувства и надеются на возвращение большевиков»⁵⁷. В июле румынская контрразведка вновь упомянула гагаузов среди наиболее враждебных румынской власти национальных меньшинств Бессарабии, которые «холодно и с насмешкой» смотрят на мероприятия властей, направленные на румынизацию населения»⁵⁸. В январе 1943 г. румынское празднество в Комрате пришлось устраивать офицерам и солдатам расквартированного в городе румынского батальона⁵⁹. Учитывая морально-политическое состояние меньшинств, в ноябре 1942 г. оккупанты прекратили допризывную подготовку славянской и гагаузской молодежи⁶⁰. Гагаузов, как и других бессарабцев, мобилизованных в румынскую армию, ее командование избегало направлять на фронт.

Сознавая, что урожай будет отнят оккупантами, сельскохозяйственное производство крестьяне стремились свести до уровня потребностей собственного пропитания. Поэтому едва ли не всеобщий характер приобрел саботаж полевых работ. В сентябре 1942 г. население Комрата оказало сопротивление мобилизации на полевые работы. Инициаторы этой акции Федор Гангути и Александр Киосе призывали земляков не только уклоняться от работ, но и, – в знак политического протеста, – публично говорить по-русски⁶¹. План сева озимых, намеченный властями на 1942 год, в Комрате был выполнен только на 72%⁶². Осенью в поле осталась значительная часть урожая кукурузы, подсолнечника, картофеля. В Кагульском уезде план сева свеклы был выполнен только на 15-20%. Виноградники большей частью остались не закопанными, то есть обреченными на вымерзание⁶³.

В 1943 г. гагаузы, как и большинство крестьян Буджака, саботировали проведение осеннего сева. В сентябре за отказ выполнять принудительные сельскохозяйственные работы оккупанты только в селах Беюш, Бороган, Капаклия, Яргора и Ларгуца арестовали и заключили в концлагерь Фриденсталь около 400 крестьян-молдаван, болгар и гагаузов⁶⁴. Саботаж, тем не менее, продолжался. Но в начале ноября, когда войска Красной Армии освободили Киев, крестьяне поверили в скорое освобождение и за считанные дни, оставшиеся до окончания вегетационного периода, засеяли под урожай 1944 года столько же земли, сколько засеяли за два предшествующих месяца, в общей сложности 85% площадей, отведенных властями под озимую пшеницу, и 76% земель, намеченных под рожь⁶⁵. Крестьяне

Кара Василий Михайлович,
участник антифашистского
подполья, 1943 г.

Комрата даже перевыполнили план озимого сева, засеяв дополнительно 30 гектаров⁶⁶.

Готовясь к оборонительным боям в Бессарабии, зимой 1943/1944 гг. оккупанты приступили к ремонту шоссежных дорог. На ремонт дороги Болград-Комрат они планировали без оплаты использовать 12000 крестьян с повозками. Но саботаж крестьян сорвал и эту программу. Войскам и жандармам удалось согнать на работу лишь седьмую часть намеченного контингента – 1759 чел. Вместо запланированных 500-1000 подвод в Конгазе солдаты смогли мобилизовать всего 15 чел. с повозками, в Бешалме – 73, в Казаклии – 171, Кирсово – 37, в Кайраклии – 57, в Балабанах – 2, в селе Ойтуз – 3. Лишь в одном гагаузском селе оккупационным властям, в основном удалось произвести трудовую мобилизацию. Но и те, кто вышел на работу, выполнял 5-10% нормы⁶⁷. Программа дорожного строительства была сорвана. К марту 1944 г. на участках Садаклия-Чимишлия-Ганчешты, – летом 1944 г. ей предстояло стать одной из главных транспортных артерий в тылу 6-й немецкой армии, – выполнена лишь 1/10 часть предусмотренного объема работ⁶⁸.

ПАРТИЗАНСКАЯ БОРЬБА В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ БЕССАРАБИИ

В это же время румынские власти, предвидя отступление немецких войск, осуществляли в Молдавии «Операцию 1111», в ходе которой демонтировали и вывозили в Румынию оборудование промышленности, сельскохозяйственную технику, земледельческий инвентарь, угоняли скот. Тем самым оккупанты ликвидировали саму материальную базу существования населения области.

Эти меры больно ударили и по гагаузам. В предвидении реквизиций, докладывала в марте 1944 года полиция Комрата, население распродает лошадей⁶⁹. Зимой 1943/1944 года в Бендерском и Кагульском уездах, особенно в районе Комрата, усилилась заболеваемость сыпным тифом. «Отсутствие, местами полное, санитарного обслуживания, – признал в мае шеф полиции Бессарабии, – вызвало распространение эпидемий (особенно сыпного тифа), которые привели в Кишиневском и Тигинском уездах к бесчисленным жертвам»⁷⁰. Жертвами среди населения сопровождалась также меры властей, направленные на угон в Румынию мужчин призывного возраста.

Отступающие немецкие войска, март 1944 г.

Весной 1944 года фронт стабилизировался по линии Днестра и севернее Кишинева. Районы компактного проживания гагаузов оказались в тылу 6-й армии вермахта; в Комрате и Дезгинже разместились службы штаба этой армии. Учитывая стратегическое значение этой зоны, Штаб партизанского движения при Военном Совете 2-го Украинского фронта по воздуху забросил в район Баймаклии, Яргары и Чимишлии ряд партизанских групп.

Отряды под командованием Е.И. Петрова, А.И. Костелова, В.П. Александрова, А.И. Обушинского и другие, учитывая отсутствие в Буджаке значительных лесных массивов и других укрытий, разместились в зоне Кодр в Ганчештском (Котовском), Страшенском, Чимишлийском районах, но их диверсионные и разведывательные группы, пользуясь сочувствием населения, действовали и в гагаузских районах. Постоянным объектом партизанских диверсий являлась железная дорога, особенно у станции Злоть. В августе начал боевые действия в районе Баймаклии партизанский отряд под командованием И.Е. Нужина. У села Кочулия Микэ партизаны, отбиваясь от карателей, уничтожили 17 солдат противника. Близ Баймаклии партизаны разогнали охрану румынского обоза⁷¹.

Румынские и немецкие войска повсеместно грабили население, уничтожали недвижимость, угоняли жителей на принудительные работы в Румынию. Из Вулканештского района были угнаны 352 чел, из Чадыр-Лунгского – 947, из Конгаского – 852. Немало было гагаузов и среди 1784 угнанных в неволю жителей Баймаклийского района, а также среди 852 чел., угнанных из Тараклии и окрестных сел⁷². В августе 1944 г., накануне советского наступления на фронте, немецкие части только в Комрате уничтожили либо повредили 69 домов, отобрали у жителей 248 коров, 577 тонн зерна, 850,4 тонны вина, большое количество ковров, одежды, мебели. Систематическому ограблению подвергались также села⁷³. Однако вывезти эти ценности они не успели. 20 августа соединения 2-го и 3-го Украинских фронтов начали Яско-Кишиневскую операцию.

С началом наступления в районе, как и севернее, в зоне лесов, в районе Комрата активизировались партизаны. Уже 20 августа на линии Комрат-Прут они пустили под откос эшелон с боеприпасами, прервав движение. На следующий день партизаны устроили на только что восстановленной линии еще одно крушение, а 22-го – третье. На этот раз на перегоне Баюш-Дезгинжа партизаны подорвали паровоз и 7 вагонов, убили 75 и ранили 95 румынских солдат и офицеров. В тот же день отряд под командой И.Е. Нужина обстрелял из засады колонну немецких войск у села Кочулия. Колонне, в составе которой отступали из Комрата офицеры штаба 6-й немецкой армии во главе с ее командующим генералом Фреттер-Пико, удалось на бронетранспортерах прорваться через засады партизан, не имевших тяжелого вооружения, и уйти на запад, но на следующий день партизаны этого же отряда атаковали колонну врага у села Ларгуца, уничтожив 33 солдата. Трофеями отряда стали 200 повозок, 400 лошадей и 300 голов крупного рогатого скота. Были освобождены 4500 жителей, которых противник угонял в составе своих колонн, обоснованно рассчитывая, что советские летчики бомбить их не будут⁷⁴.

Действия партизан близ Комрата помешали противнику использовать железную дорогу в дни решающих боев на фронте и способствовали успешному завершению Яско-Кишиневской операции. Вступившие

Н.Н. Третьяков, участник освобождения Комрата, Герой Советского Союза

23 августа в Комрат передовые части 2-го Украинского фронта застигли здесь часть служб штаба 6-й немецкой армии. В Комрате, на станциях Бессарабская и Абаклия противник был вынужден оставить 10 исправных паровозов и до 500 вагонов с военным имуществом и горючим⁷⁵. Однако на ряде перегонов железной дороги Бендеры-Рени оккупанты успели разрушить пути специальным поездом. На участках Бендеры-Каушаны и Ревака-Злоть они демонтировали и вывезли рельсы; были взорваны практически все станционные сооружения и мосты.

Одним из наиболее опасных для населения мероприятий, осуществленных перед бегством румынскими властями, стала ликвидация Комратской больницы, где лежали 80 больных сыпным тифом⁷⁶, и сыпнотифозных барачков, имевшихся в Комрате, Чадыр-Лунге и некоторых селах. Больничное оборудование и медикаменты оккупанты вывезли в Румынию, больных родственники были вынуждены разобрать по домам. Помещения и мягкий инвентарь барачков (матрасы, одеяла и т.п.), вопреки общепринятым санитарным правилам, оккупанты не сожгли, а просто бросили⁷⁷. Отсутствие санитарного обслуживания, уже в мае 1944 г. доложил шеф полиции Бессарабии, привело к распространению эпидемий (особенно сыпного тифа), которые привели в Кишиневском и Бендерском уездах к бесчисленным жертвам⁷⁸.

ГАГАУЗСКИЙ НАРОД НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

После изгнания оккупантов в районах компактного проживания гагаузов была восстановлена советская администрация. В постановлениях, изданных советскими органами власти, говорилось: «Восстановить в силу и ввести в действие все ранее изданные законы, постановления органов власти Советского государства».

Перед Советской властью стояли сложные задачи восстановления промышленности, сельского хозяйства, транспорта, учреждений здравоохранения, образования, культуры. Продолжалась война, поглощавшая все ресурсы, и требовалось наладить

*Гагаузы в трудовой армии.
Казахстан, 1945 г.*

сбор налогов. Однако задачи, стоящие перед новой властью, осложнялись не только страшной разрухой и бедностью жителей. Гагаузское население было сельским, за небольшим исключением – неграмотным, оно не знало ни русского языка, ни молдавского. Последствия пропаганды врага еще предстояло преодолеть, часть крестьян относилась к новой власти настороженно. В этих условиях республиканские власти стремились опереться на беднейшие слои крестьянства. Именно из этих слоев, часто людей неграмотных и не пользующихся авторитетом у односельчан, был сформирован низовой административный аппарат и в гагаузских селах. От таких людей требовалась только исполнительность. Откроем протокол заседания Чадыр-Лунгского райсовета депутатов трудящихся от 20 октября 1944 г. «Где секретарь, где председатель

работает честно, добросовестно, – заявлял первый секретарь РК КП(б) Молдавии тов. Потапов, – там и работа идёт хорошо». Потапов вынес благодарность председателям сельсоветов Кириет-Лунги, Твардицы, Томая за хорошее и правильное руководство, заклеил таких руководителей, как Балов, Папушой, Молла и Кулев: «...Кто не борется за выполнение плана, поставленного государством, тот вообще не хочет помочь нашему государству, и считать такого, как предателя.[...] За невыполнение плана привлекать к ответственности председателей сельских Советов и крестьян, виновных в срыве кампаний. Повести борьбу со слугами фашизма». На том же заседании исполкома райсовета было констатировано: «Агроуполномоченные несерьёзно относятся к своим заданиям. Гуляют на свадьбах, пьянствуют... Агроуполномоченный Маджар обещает выполнить план хлебопоставки за 3 дня, на уклоняющихся будем составлять акты и передавать в райпрокуратуру».

Жёсткие методы управления, уместные во время войны, должны были бы обеспечить порядок и эффективность в хозяйствовании. На деле этого не происходило. Но население было настроено патриотически, и хлебные поставки из урожая 1944 г. были выполнены. Гагаузы, как и болгары, молдаване, украинцы, вместе с железнодорожными частями Красной Армии добросовестно трудились на восстановлении разрушенной оккупантами железной дороги Бендеры-Рени; уже в сентябре 1944 г. она была введена в эксплуатацию. Тысячи мужчин и женщин получили постоянную работу на транспорте, на восстанавливаемых промышленных объектах. К концу 1944 г. только на железной дороге трудились 729 гагаузов; они составили 2,5% общей численности персонала Кишиневской дороги⁷⁹.

Постановлением бюро Кагульского уездного комитета КП (б) Молдавии и исполкома Советов депутатов от 30 сентября 1944 г. утвердили план авансовой сдачи зерна государству в октябре районам уезда в количестве 24000 т. В целях обеспечения земель безземельных и малоземельных крестьян 8 января 1945 г. Бюро ЦК КП(б) Молдавии решило восстановить законодательство о землепользовании, принятое в сентябре 1940 г.⁸⁰

Некоторые правительственные постановления предусматривали наказания за их невыполнение. Постановление Совета Народных Комиссаров Молдавской ССР и Бюро ЦК (б) Молдавии от 30 марта 1945 г. «Об обязательном минимуме трудодней для колхозников на 1945 год» предполагало выработку каждым колхозником с начала года до 15 июня – 30 трудодней, с 15 июля до 15 августа – 30 трудодней, а с 15 августа по 15 октября – 40 трудодней. Последний пункт гласил: «Председателей производств и бригадиров колхозных бригад за уклонение от предания суду трудоспособных колхозников и колхозниц, не вырабатывающих минимума трудодней, привлекать к судебной ответственности».

В ТРУДОВОЙ АРМИИ

Трудармии представляла собой явление военного времени. К их созданию прибегли еще в 1921 г., после окончания гражданской войны. Как только была устранена разруха, трудармию упразднили. В период Великой Отечественной войны

Памятник погибшим за родину в ВОВ
1941-1945 г., с. Казаклия,
Чадыр-Лунгский район

<p>ДРАВАДЖИ П. Д. БЕЛЫЙ П. А. БОЕВ А. А. ВАРВАН В. Ф. ДАНИ Д. Д. ДУМИНИКА И. Н. ДЮБЕР П. П. ДЕРЮГИН А. П. ЖЕК С. Д. КАЛЧУ С. Г. КЮЖА К. В. КЮЖУКЛИ И. М. КЮЖУКЛУ Ф. Н. КОВАЛЬСКИ П. А. КЕЛЬ С. А. КОД И. П. КАРА П. С. КАЛЧУ С. А. КАЛЧУ Р. И.</p>	<p style="text-align: center;">✠</p> <p>ВІГ ЗАМІЛ ІНОДИ ПЛАД КАЗАКЛІЯТ, АНДІАЦІ ЧАДІР ІСІТЕ ВЕРНІСАГ ОМІЛ ІЕРІНІ ФРОНТАЛА ВІДЖ. ВІСТАП СЕРВІЦЯ 1941 – 1945</p> <p style="text-align: center;">✠</p> <p>ВІЧНАЯ ПАМ'ЯТЬ ЖИТЕЛЯМ «КАЗАКІЯ», ПАВШИМ В БОЇХ ЗА РОДИНУ В РОКИ ВЕЛИКОЇ ОТЕЧЕСЬКОЇ ВІЙНИ 1941 – 1945</p> <p style="text-align: center;">✠</p>	<p>КАСЫМ Б. С. КАЛЧУ С. И. КАРА И. К. КОЛДАВЕРН П. П. МОМАТ И. С. МЕНКОВ Д. П. РАДИШ Г. Д. РУСАЛ С. И. РАДУКАН И. П. ТОПАЛ Ф. К. УЗУН Д. П. ФАЛЫ С. Ф. ЧЕБЕК И. И. ЧЕБОТАВ Д. И. ЧЕРВЕНЬ С. И. ЧЕРВЕНЬ В. К. ЧАКЫР С. И. ЧОРВАДЖИ П. Г. ЧОБАН А. И.</p>
--	---	---

зачатки Трудармии возникли в 1941 г., когда были созданы первые рабочие колонны из советских немцев, отозванных из Красной Армии. Это были военизированные формирования, – рабочие отряды, рабочие колонны и рабочие бригады, сочетавшие элементы военной службы, производственной деятельности и принудительного режима содержания. Вместе с тем гражданам, мобилизованным для постоянной работы на производстве и в строительстве в другой местности, выплачивались единовременное пособие в размере 300 рублей (это была месячная заработная плата рабочего), а также заработная плата, а при переездах – суточные. Отличие положения трудармейцев от положения свободных рабочих заключалось в том, что они жили без семей и их перебрасывали с одного объекта на другой в зависимости от производственной необходимости. Уклоняющиеся от мобилизации в трудармию подлежали уголовному наказанию; их приговаривали к принудительным работам на срок до одного года. В Молдавии мобилизация в трудармию была развернута осенью 1944 г. по решению заместителя председателя СНК МССР Ф.Г. Ильинского.

Всего с ноября 1944 до мая 1945 г. в Молдавии в порядке трудовой мобилизации были призваны 35 890 чел.; половина из них, 17 370 чел., были направлены на работу за пределы республики⁸¹. Поскольку мобилизованных молдаван, русских и украинцев, как правило, направляли в действующую армию,

значительную часть лиц, направленных из Молдавии на пополнение трудармии, видимо, составили гагаузы и болгары. В основном, трудармейцы – гагаузы и болгары, попали на Урал, трудились на шахтах Караганды, были направлены в Челябинск и стали рабочими шарикоподшипникового завода, шахтерами на шахтах Донбасса, Волчанска, Краснотурьинска. Часть трудармейцев участвовала в восстановлении портов Севастополя и Одессы и т.д.

Гагаузы и болгары трудились, как правило, добросовестно, многие, овладев новыми для них навыками, получив рабочие специальности, перекрывали установленные нормы и своим трудолюбием заслужили доверие и уважение начальства. В родные места трудармейцы начали возвращаться в 1953 г.

***

В период Великой Отечественной войны и румыно-германской фашистской оккупации Молдавии под угрозой оказалось само существование гагаузского народа. Режим Иона Антонеску готовил депортацию гагаузов и их физическое уничтожение, и только провал расчетов противника на «молниеносный» разгром Красной Армии помешал оккупантам осуществить эту операцию. Тем не менее, вследствие непосильной эксплуатации и высокой смертности от социальных и эпидемических заболеваний, жестокого обращения гагаузский народ, как и другие народы Молдавии, понес тяжелые потери. Политические симпатии гагаузов всегда находились на стороне России/СССР и Красной Армии. Гагаузский народ оказал стойкое сопротивление политике фашистских оккупантов и внес посильный вклад в завоевание Победы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Правда. 1941, 23 июня.
- ² Мисочник А. Это было под Кагулом. \Советская Молдавия.. 1970. 24 октября.
- ³ Защитник Родины. 1941. 26 июня
- ⁴ Национальный архив Республики Молдова (НА РМ). Ф.706. Оп.1. Д.517. Л.7
- ⁵ Там же. Оп. 1. Д.555. Л.28.
- ⁶ Там же. Ф.112. Оп. 1.Д. 689. Л. 31.
- ⁷ НА РМ. Ф. 2067. Оп. 1. Д.112. Л.13.
- ⁸ По признанию префекта Тигинского (Бендерского) уезда, при доле «румын» (имелись в виду молдаване), официально достигавшей в уезде 59% населения, в действительности таковыми являлись лишь 30-40% жителей, остальные принадлежали к этническим меньшинствам (НАРМ. Ф.112. Оп. 1.Д. 481.Л. 217; Ф. 680. Оп. 1. Д. 4812. Л. 295).
- ⁹ Там же. Ф. 1354. Оп. 2. Д. 16. Л. 5.
- ¹⁰ Там же. Ф. 680. Оп.1.Д.4666. Л. 457.
- ¹¹ Там же. Ф. 2948. Оп. 1. Д. 32. ЛЛ. 7, 216, 219.
- ¹² Там же. Ф. 706. Оп.1. Д. 498. Л. 170
- ¹³ Buletinul oficial al provinciei Basarabia. 1941. N 1. P.4.
- ¹⁴ НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 20. Л. 39, 43, 45, 94, 95; Молдавская ССР в Великой Отечественной... Т.2. С.43-44.
- ¹⁵ НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4488. Л. 721.
- ¹⁶ Деневица – ныне поселок Светлый
- ¹⁷ Там же. Д. 4808, Л. 153; Д. 4483. Л. 407.
- ¹⁸ Там же. Д. 4670. Л. 429.
- ¹⁹ Там же. Ф. 1894. Оп. 1. Д. 18. Л. 32.
- ²⁰ Там же. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 301. Л. 1-3.
- ²¹ См.: Шорников П.М. Цена войны. Кишинев. 1994.
- ²² Молдавская ССР в Великой Отечественной... Т. 2. С. 96.
- ²³ Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. С. 191.
- ²⁴ Там же. С. 265.
- ²⁵ НАРМ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 2663. Л. 26

- 26 Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 484. Л. 211.
- 27 Там же. Д. 489. Л. 505; Д. 483. Л. 746.
- 28 Там же. Д. 490. Л. 174.
- 29 *Афтенюк С., Елин Д., Корнев А., Левит И.* Указ. соч., С. 174.
- 30 *Кустрябова С.Ф.* Положение трудящихся и демографические процессы в городах Бессарабии (1918-1940). Кишинев. 1977. С.79-83.
- 31 НА РМ. Ф.1894. Оп1. Д.2. Л.75.
- 32 Там же. 113. Л.778.
- 33 Там же. Ф.706. Оп.1. Д.483. ЛЛ. 269,416; *Шорников П.М.* Промышленность и рабочий класс Молдавской ССР в годы Великой Отечественной войны. С.60
- 34 НА РМ. Ф.680. Оп.1. Д.4485. Л.53
- 35 Там же. Ф.706. Оп.1. Д.520. Л.86
- 36 *Miscarea populației României în anul 1941.* - Вус., 1942. РР.2,6; *Ibid.:* 1942. - Вус., 1943. РР.2,6
- 37 НА РМ. Ф.706. Оп.1. Д.519. Л.1
- 38 Там же. Ф.680. Оп. 1. Д.4485. Л.926.
- 39 Там же. Ф.112. Оп.1. Д.7240. Л.128.
- 40 С сентября 1941 по май 1943 года численность молдаван в губернаторстве «Бессарабия» сократилась с 1619,8 тыс. до 1590,3 тыс. чел., на 29,5 тыс. чел. (НАРМ. Ф.706. Оп.1. Д.555. Л.28; Д.520. Л.86)
- 41 Там же. Ф.1931. Оп.1. Д.69. ЛЛ.98, 606 об.; Ф.680. Оп.1. Д.4233. Л.532.
- 42 Там же. Ф.680. Оп.1. Д.4237. Л.456.
- 43 Там же. Д.4480. Л.572,573; Молдавская ССР в Великой Отечественной... Т.2. С.251, 278, 279, 582; *Шорников П.М.* Из истории борьбы рабочих Молдавии против экономической политики фашистских оккупантов.// Известия Академии наук Молдавской ССР. Серия общественных наук. 1984. N2.С.17-21.
- 44 НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4669. Л. 129.
- 45 Там же. Д. 4480. Л. 572.
- 46 Там же. Д. 4481. Л. 453.
- 47 Там же. Д. 4487. Л. 1а.
- 48 Там же. Д. 4477. Л. 636.
- 49 Молдавская ССР в Великой Отечественной ... Т. 2., С. 266-268.
- 50 НАРМ. Ф. 1769. Оп. 2. Д. 2. Л.9.
- 51 Молдавская ССР в Великой Отечественной ...Т. 2., С. 374, 375, 589, 485.
- 52 НАРМ. Ф. 1511. Оп. 1. Д. 138. ЛЛ. 26-29.
- 53 Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4482. Л. 681.
- 54 Там же. Ф.1520. Оп.1. Д.67. Л.29; *Левит И.Э.* Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. С.363; *Шорников П.М.* Промышленность и рабочий класс... С.72; Молдавская ССР в Великой Отечественной... Т.2. С.402, 608. НАРМ. Ф.680. Оп.1. Д.4482. Л.681.
- 55 НАРМ.Ф.680. Оп.1. Д.4659. Л.250
- 56 Там же. Л.868.
- 57 Там же. Д.4480. Л. 949.
- 58 Там же. Д.4481. Л. 453.
- 59 Там же. Ф.706. Оп.1. Д. 542. Л. 8.
- 60 Там же. Ф.1931. Оп.1. Д. 69. Л. 70; Молдавская ССР в Великой Отечественной... Т. 2. С. 37.
- 61 Там же. Д.4488. Л. 183, 667; Д. 4477. Л. 180;
- 62 Там же. Ф.1354. Оп.2. Д.16. Л.5.

- 63 Там же. Ф.680. Оп.1. Д.4485. Л.52.
 64 Там же. Д.4599. Л.133; Д.4722. Л.153.
 65 Там же. Ф.112. Оп.1. Д.689. Л.31.
 66 Там же. Ф.112. Оп.1. Д. 514. Л.185.
 67 Там же. Ф.1799. Оп.2. Д.205. Л.21 об., 25, 205.
 68 Там же. Л.24.
 69 Там же. Ф.680. Оп.1. Д. 4812. Л.161.
 70 Там же. Л.321.
 71 Молдавская ССР в Великой Отечественной... Т.2.608,611, 545.
 72 НА РМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 301. Л.3.
 73 НА РМ. Ф.680. Оп.1. Д.4809. Л.160
 74 Молдавская ССР в Великой Отечественной... Т.2. С.494-495; Фриснер Г. Проигранные сражения. М., Воениздат. 1966. С.84-85.
 75 Молдавская ССР в Великой Отечественной... Т.2. С.608, 611, 545; Т.1. С.590, 431. .
 73 НАРМ. Ф. 680. Оп.1. Д. 4812. Л.148.
 74 Подробно см.: Шорников П.М. Цена войны. Кишинев. 1994. С. 78
 76 НАРМ. Ф. 680. Оп.1. Д. 4812. Л. 321.
 77 НАРМ, Ф.3208. Оп.1. Д.910. Л.4.
 78 Пасат В. Суровая правда истории. Кишинев. 1998. С.149.
 79 Подробнее см.: Шорников П.М. Цена войны. Кишинев. 1994. С. 73.

ДОКУМЕНТЫ ПО УЧЕТУ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕНОГО НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В 1941-1944 гг.

Книга
 регистрации актов по учету
 ущерба и убытков, причиненных
 немецко-фашистскими захватчи-
 ками и их сообщниками, властями,
 местными организациями, государст-
 венными учреждениями и предпринимателями.

№ п/п	Дата	Содержание	Сумма	Подпись	Подпись
38	21/5-41	Смо с Парашивеска	19506		
39	21/5-41	Смо с Авдарека	19348		
34	21/5-41	Смо с Курова	120858		
35	21/5-41	Смо с Догинеска	130500		
36	22/5-41	Догинеска завод - 100000			
37	19/5-41	Капуря 2 Капуря	5099		
18	19/5-41	Фондация и Фондация	60000		
19	23/5-41	Фондация и Фондация	19000		
20	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
21	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
22	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
23	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
24	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
25	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
26	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
27	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
28	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
29	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
30	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
31	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
32	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
33	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
34	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
35	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
36	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
37	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
38	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
39	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
40	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
41	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
42	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
43	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
44	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
45	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
46	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
47	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
48	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
49	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
50	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
51	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
52	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
53	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
54	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
55	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
56	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
57	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
58	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
59	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
60	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
61	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
62	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
63	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
64	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
65	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
66	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
67	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
68	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
69	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
70	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
71	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
72	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
73	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
74	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
75	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
76	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
77	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
78	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
79	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
80	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
81	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
82	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
83	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
84	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
85	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
86	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
87	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
88	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
89	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
90	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
91	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
92	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
93	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
94	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
95	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
96	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
97	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
98	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
99	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		
100	24/5-41	Фондация и Фондация	10000		

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО ГАГАУЗСКОГО СЕЛА

ЗАСУХА И ГОЛОД 1946–1947 ГОДОВ

Исходное социально-культурное состояние гагаузского этноса после окончания Великой Отечественной войны определялось традиционной аграрной экономикой гагаузских районов и экономической разрухой, вызванной румынской оккупацией и военными действиями. Свыше 90% гагаузов были крестьяне, среди них практически отсутствовали интеллигенция и квалифицированные рабочие. Гагаузы в массе своей были неграмотны.

Но гагаузы оказались в составе государства, чью национальную политику не только на уровне деклараций, но в общем и на практике определяли принципы интернационализма. Правительство СССР, используя, главным образом, ресурсы Российской Федерации, выдерживало курс на выравнивание уровня социально-экономического и культурного развития всех народов страны. На практике это означало не только предоставление определенных преимуществ титульным нациям в пределах их республик, но и особую заботу о малочисленных этносах. Однако начальный этап послевоенного периода оказался для гагаузского народа очень трудным.

Экономическое строительство в Молдавии было осложнено тяжким стихийным бедствием. Если из урожая 1944 г. в республике было заготовлено 480,6 тыс. тонн хлеба, то в следующем году вследствие засухи сбор зерновых в республике оказался вдвое меньше, чем в довоенном 1940 г., а заготовки еще меньше. К концу декабря 1945 г. хлебозаготовки не превысили 220 323 тонн¹. Крестьяне использовали на потребление часть зерна, оставленного на семена. Учитывая бедственное положение крестьянства Молдавии, государство выдало весной 1946 г. более 4 млн пудов семенной и около 3,6 млн пудов продовольственной ссуды².

Зима 1945/1946 гг. оказалась почти бесснежной, а весной и летом 1946 г. не выпало дождей. Большая часть посевов ранних и поздних культур погибла. Но административно-командная система, доказавшая свою эффективность в годы войны, в мирное время давала сбой. В то время, когда правительство СССР оказывало населению Молдавии помощь, местные власти продолжали изъятие зерна у крестьян. 22 марта 1946 г. Совет Министров Молдавской ССР принял постановление «О ходе вывоза зерна из глубинных на пристанционные пункты заготзерно», в котором, в частности, потребовал от заместителя председателя Кагульского уезд исполкома Боргана обеспечить выполнение Постановления Совнаркома от 1 февраля 1946 г. «О вывозе хлеба из глубинных районов». Союзное правительство не знало о действительных видах на урожай. 26 июня 1946 г. за подписью И.В. Сталина и А.А. Жданова Молдавии был

утвержден план хлебозаготовок, хотя и сниженный по сравнению с предыдущим годом, но явно невыполнимый, в размере 161 тыс. тонн³.

Видимо, сознавая собственную вину за сложившееся положение, республиканское руководство не решилось сообщить союзному Центру о скверных видах на урожай. В июле 1946 г. VIII Пленум ЦК КП (б) Молдавии принял «к безусловному исполнению» установленный союзным правительством и ЦК ВКП (б) нереальный план сдачи зерна государству. Ошибочные выводы Пленума на время ввели союзное правительство в заблуждение. Но уже в августе 1946 г. оно приняло решение о снижении хлебозаготовок в Молдавии почти вдвое, до 72 тыс. тонн и оказании зерновой помощи республике в том же размере – 72 тыс. тонн. О вывозе зерна из Молдавии речи не было. Однако урожай 1946 г. оказался в 2,5 раза меньше, чем в 1945 г., в пять раз меньше, чем до войны⁴, заготовить удалось только 43566 тонн зерна, 63,9 % намеченного. Парадоксально, но вместо срочного обращения к правительству СССР за помощью, руководство КП (б) М проводит 8–9 октября 1946 г. пленум ЦК, на котором глава республиканского правительства Г.Я. Рудь вновь ставит задачу завершения выполнения плана хлебозаготовок до 1-го ноября. В итоге хлебозаготовки были доведены почти до 70 тыс. тонн.

Голод начался еще летом. В сентябре 1946 г. остро нуждающимся, в основном, крестьянам-беднякам, в Молдавии начали оказывать продовольственную помощь. Но в декабре голод привел в республике к резкому, на 60%, увеличению смертности – до 9650 чел. по сравнению с 5753 чел. в ноябре⁵. Бюро Кагульского райкома партии впоследствии признало, что, «имея сигналы о заболевании населения дистрофией еще с сентября 1946 года, об этом не ставило в известность ни уком партии, ни ЦК КП(б) Молдавии. Когда дистрофия распространилась, райком создал для борьбы с голодом комиссию из «второстепенных лиц»⁶. ЦК КП (б) М и правительство республики не знали о трагизме сложившейся ситуации либо не сообщили о ней в Москву. О катастрофической смертности в Молдавии союзному правительству стало известно не от ее руководителей, а из сообщений прокуратуры, министерства внутренних дел и других ведомств⁷. Решающей, видимо, оказалась докладная записка министра внутренних дел МССР Ф.Я. Тутушкина о голоде, росте преступности и смертности в Молдавии, направленная 19 декабря союзному министру; она была доложена И.В. Сталину⁸. Хотя голод охватил всю страну, ситуация в республике была признана особенно опасной, и 20 декабря постановлением Правительства СССР Молдавии была выделена продовольственная ссуда – 24 000 тонн хлеба. 29 декабря было принято решение о дополнительной помощи населению республики в связи с голодом.

В условиях стихийного бедствия бюрократический механизм не справлялся с поставленными задачами. Уездные исполкомы запоздали с организацией питательных пунктов. Доставка продовольственной ссуды с железнодорожных станций в отдаленные села задерживалась из-за нехватки транспортных средств. Бесплатное распределение продуктов было связано с составлением списков голодающих, бумажной волокитой, и тормозилось поступление продуктов. В январе 1947 г. в Вулканештском районе по этой причине образовалась «экономия» – 800 тонн зерна. В следующем месяце эти продукты использовали для увеличения пайков. Но помощь

голодающим не всегда оказывалась дифференцированно. На железнодорожных станциях Чадыр-Лунга, Табаки, Вулканешты и других хранилось зерно, собранное в порядке хлебопоставок. Это продовольствие местной администрацией не было своевременно распределено. Из-за ненадлежащего хранения зерно пропадало. 24 декабря 1946 г. правительство МССР приняло Постановление «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи». В этом постановлении, в частности, было признано: «... на пунктах «Заготзерно» Вулканешты, Каушаны, Рогожаны хлеб продолжает храниться в буртах, в результате чего он подвергается порче и теряет своё качество». 29 декабря, было принято постановление Правительства СССР об оказании помощи продовольствием голодающим Молдавской ССР. А продовольствие в качестве помощи поступало издалека и застревало в дороге и на складах. Хлеб и крупа, жиры складировались в ожидании составления списков нуждающихся. Пока эти списки составлялись и доставлялись из сёл в район, необходимо было готовить уже новые списки...

Самым жестоким был голод в Кишиневском и южных уездах Молдавии – Кагульском и Бендерском. В декабре 1946 г. в Вулканештском районе дистрофией было поражено 27% жителей, вдвое больше, чем в среднем по республике. На Бендерский уезд приходилась почти треть учтенных в республике дистрофиков: 9301 из 30 043. Не имея никаких продуктов, многие люди просто лежали дома и умирали. Уже в октябре 1946 г. смертность в уезде оказалась втрое больше, чем в тот же месяц 1945 г. В Вулканештском районе она составила 158 против 50 в 1945 г., в Конгазском – 176 (65); в Чадыр-Лунгском районе смертность увеличилась не столь катастрофически, – 127(103), но в декабре она достигла 348 чел. против 141 в декабре 1945 г.⁹ На 25 декабря 1946 г. в Бендерском уезде было учтено 14 тыс. дистрофиков (из 53,2 тыс., учтенных по республике)¹⁰. В Комратском районе за октябрь 1946 г. на почве голода умерло 269 чел., в том числе 115 детей. В Чимишлийском районе умерло 70 чел.¹¹ Под угрозой голодной смерти крестьяне забивали скот, подрывая животноводство. С июня по декабрь 1946 г. доля бестягловых крестьянских хозяйств возросла с 65% до 82%¹².

У состоятельных крестьян хлеб имелся, но они не желали его продавать. В декабре 1946 г. по Конгазскому району власти обнаружили 55 ям с хлебом, в ЧадырЛунгском – 48, Вулканештах – 17,28 ям с зерном обнаружили в селе Джолтай, в том числе две – председателя Совета. У Терзи, жителя села Баурчи, обнаружили 10,5 тонны хлеба, в Комратском районе вскрыли 88 тайников с 91 тонной зерна¹³. Хотя в те времена за укрывательство хлеба полагалось наказание как за уголовное преступление, никто к ответственности привлечен не был¹⁴. В январе 1947 г. в селах начали открывать питательные пункты, на которых кормили горячей пищей голодающих, чье физическое состояние было особенно тяжелым. Часть дистрофиков госпитализировали. К 10 января 1947 г. в Чадыр-Лунгском районе были госпитализированы 613 больных дистрофией, в Вулканештском – 557, в Конгазском – 350.¹⁵

Голодала вся страна. В Молдавии на 15 февраля 1947 г. было зарегистрировано 20630 больных дистрофией, около 9% населения. Но самым острым оставалось положение на юге. В Вулканештском районе от дистрофии страдали 34% жителей. Продовольственную помощь, – хлеб, масло, мясо, сахар, – получали 86% населения. В первую

очередь кормили детей; сирот собирали в детские дома; там не хватало белья, обуви, одежды, но детей хотя бы кормили, поэтому родители стремились «пристроить» их туда. Власти по мере возможностей шли им навстречу. В Комратский детский дом, кроме 120 сирот, приняли 112 детей живых родителей. Спасая детей, контингент детского дома расширили до 470 чел. 60% т.н. коммерческого (сверхнормативного) хлеба, поступавшего в районы и подлежавшего продаже, с февраля 1947 г. использовали на приготовление горячих завтраков для школьников. Хотя нормы снабжения были очень малы, смертность начала снижаться. И все же мероприятия по борьбе с голодом оставались малоэффективными. В гагаузских селах, отметило 11 февраля Бюро ЦК КП(б) Молдавии, положение особенно серьезное.¹⁶

Крестьяне исчерпали все продовольственные запасы. В справке МГБ МССР от 27 февраля 1947 г. была дана следующая оценка ситуации в Конгазском и Чадыр-Лунгском районах: «Общее положение в этих районах должно квалифицироваться как народное бедствие – массовый голод... В связи с отсутствием своевременной продовольственной и медицинской помощи населению динамика смертности от дистрофии не уменьшается, причем большой процент смертности падает на бедняцкую часть населения преимущественно мужского пола в возрасте 20-45 лет... В связи с острым недостатком продуктов питания и получаемой малой нормы продссуды население в пищу добавляет древесные опилки, стебли и кочаны (початки) кукурузы, семена сорняка «перекати-поле», стебли подсолнуха и т.д. Указанные примеси вызывают у дистрофиков острое заболевание кишечника с последующим вздутием брюшины и увеличивают смертность... Население районов употребляет в пищу собак, кошек и трупы павших животных... При обследовании установлено, что население находится в исключительно тяжелом материальном положении»¹⁷.

Еще более наглядное представление о масштабах голода в гагаузских районах дает докладная записка главы Министерства технических культур, кандидата в депутаты Верховного Совета Молдавской ССР В.А. Шнырёва «О чрезвычайном бедствии в Конгазском районе», направленная им 11 февраля 1947 г. главе правительства Молдавии Г.Я. Рудю и секретарю ЦК КП(б) М Н.Г. Ковалю:

«Я прибыл 7-го февраля сего года в Конгазский район для встречи с избирателями по 144 избирательному округу. О неблагополучии этого района в связи с продовольственным затруднением я был соответственно информирован. Но я считал, что та помощь, которая оказана району соответствующими решениями Совета Министров и ЦК КП (б) Молдавии, выправит положение в районе и позволит провести выборы на требуемом политическом уровне, и обеспечит необходимый подъём населения в деле подготовки к весеннему севу.

В действительности же обстановка, которую я застал в районе, оказалась во много раз тяжелее и сложнее, чем это отражено в сведениях и данных, которыми располагают Центральный Комитет партии и Совет Министров Молдавии.

Особенно это бедствие развилось, как правило, в сёлах с гагаузским населением.[...] Привожу некоторые данные, а также наблюдаемые мною картины, эпизоды и установленные факты. На пути от Чадыр-Лунги до Конгаза валялись трупы, которые находились неподобранными продолжительное время. Первое село, в котором я остановился, – Баурчи, является крупным населённым пунктом – сплошное

безмолвие, людей на улицах и во дворах не видно, подъезды и проходы завалены снегом. В центре села – сельсовет, крыльцо и помещение которого забиты опухшими старухами и детьми. Некоторые из них в полуобморочном состоянии. Рядом питательный пункт. Возле окна выдачи питания свалка и нечеловеческие вопли. Это пока был единственный питательный пункт, остальные ещё были не открыты...

Точных данных о состоянии населения сельсовет не имел. Доложили, что за прошедший день умерло 20 человек. Уточнить данные собирались после составления списков на получение продовольствия, то есть при получении росписей под обязательства.

Но поскольку составление списков затянули на целую неделю, следовательно, сельсовет не знал, какое состояние населения. Предложено немедленно провести подворный обход.

Этот же обход дал возможность собрать более 100 детей-сирот, находившихся в холодных помещениях, без надзора, в полуобморочном состоянии.

После проверок и медицинского осмотра выявлены следующие данные: дистрофиков первой стадии – 202 человека, второй – 640, третьей – 403 человека. Смертность за 7 дней февраля – 93 человека.

Село Беш-Алма – также одно из крупных гагаузских сёл. Положение здесь ещё хуже. По неточным данным, в сельсовете мне доложили, что за 8 дней февраля и январь месяц умерло 630 человек. Выявлено дистрофиков, то есть тех, которых обследовали медицинские работники, – 1340 человек.

На день приезда в селе начали функционировать один питательный пункт на 240 человек и два небольших барака для детей.

Бараки совершенно не были оборудованы. Пища готовилась скверно. Медикаментов никаких у врачей не имелось.

Здания сельсовета и питательного пункта окружены измождёнными и голодными людьми, которые не дают проходить представителям района и работникам сельсовета – ловят их за ноги, полы и просят о помощи. Среди работников, находящихся в селе, чувствуется растерянность и беспомощность.

Мы с товарищем Цыганко вместе приняли срочные меры. Немедленно были посланы подводы за продовольствием, и к вечеру были открыты ещё два питательных пункта, а также дополнительные бараки и принят был ряд других мер по наведению порядка в этом селе.

Однако это далеко не всё, что нужно срочно, немедленно, экстренно провести в этих сёлах.

В чём причины, что эти сёла доведены до такого состояния, и что нужно сделать, чтобы спасти население?

Во-первых, причина в том, что руководители района до последнего времени не знали действительного положения и размеров той угрозы, за которой последовала катастрофа. Отсюда эти «руководители» неправильно и не полностью информировали Совет Министров и ЦК партии, и, как следствие этого, принятые меры со стороны руководства республики оказались недостаточными и малоэффективными.

Во-вторых, оказанная помощь очень медленно продвигалась до села. В этом деле, как никогда, проявились все возмутительные пороки бюрократизма, начиная с респу-

бликанских организаций (Заготзерно, Молдпотребсоюз, Министерство торговли и особенно Министерства здравоохранения и просвещения).

Ведь какую возню затеяли с составлением этих списков. Например, в указанных сёлах составили списки в трёх экземплярах, начали с этими списками обходить, вернее, вызывать людей в сельсовет для росписи. Списки признаны были негодными (не по форме), поскольку вместо росписи были кресты и отпечатки пальцев, а также в силу искажения в русской графике. Наконец, только 8 февраля на фонд этого месяца поступили стандартные обязательства. Начали свою работу сначала. Поехали за хлебом, оказалось, что доверенности не действительны. Потребовали, кроме росписи на обязательстве, ещё росписи на доверенности.

Склады Заготзерно не подготовились к сдаче. Создалась большая задержка на пунктах. В частности, на станции Чадыр-Лунга, где скопилось много зерна, склад занесён снегом, фронт погрузки не был расчищен, подводы простаивали сутками. Как правило, продовольствие и товары, бельё, медикаменты, жиры и т.д. завозятся на уездные межрайонные базы. Указанные министерства не проявили оперативности. Связь работает отвратительно. Конгазский и Чадыр-Лунгский районы по 3 дня добивались Кишинёва, а если и связывались с указанными министерствами, то не получали членораздельных ответов. В частности, по решению Совета Министров Конгазский район должен был получить глюкозу, рыбий жир и медикаменты. До 9-го февраля этого не было получено районом.

В большей степени повинны во всех этих делах руководители района. Своевременно или несвоевременно были сняты бывшие руководители этого района – дело прошлое.

Однако остаётся тот факт, что этот район до сего времени не укреплен. До 11-го февраля председателя райисполкома не было, и, по существу, райисполком не занимался этими делами. В райкоме партии один первый секретарь, остальные больны. Районное руководство ограничено средствами передвижения, и, хотя расстояние небольшое, однако по неделям никто из района в этих сёлах не бывал.

Особенно нужно отметить тот факт, что из 11 сельсоветов Конгазского района в самом худшем положении находятся 3 сельсовета с гагаузским населением.

Не вдаваясь в глубину причины и следствия доложенного Вам положения, считаю необходимым, главным образом, подчеркнуть, что речь идёт сейчас о сотнях человеческих жизней, для спасения которых необходимо принять чрезвычайные меры.

Я прошу приказать, кому следует, немедленно взять под особый контроль и наблюдение указанные сёла, как наиболее терпящие бедствие и оказать им специальную помощь – усиленным продовольствием и медико-санитарными средствами. Кроме продовольствия, считал бы необходимым:

1. на железнодорожной магистрали Бендеры – Рени организовать 2–3 передвижных санитарных бригады, придать им платформы с легковыми машинами, с тем, чтобы они могли накоротке оказать срочную помощь пострадавшим сёлам;

2. Конгазскому и Чадыр-Лунгскому районам дать по одной автомашине «ГАЗ» или «Виллис»;

3. увеличить количество самолёто-вылетов и организовать доставку на самолётах жиров и медикаментов непосредственно в тяжёлые сёла;

4. просить военные части на определённый период дать несколько раций для связи с глубинными сельсоветами. Эти районы взять на особые провода связи.

Особенно прошу обратить внимание на состояние детей. Развёртывание временных барачков (детских больниц в сёлах) не решит проблему. Нужно организовать дело так, чтобы, как только ребёнок станет на ноги, брать его в специальные стационарные детские дома и детские сады.

[...] Также считал бы правильным, наряду с посылкой уполномоченных, которых сейчас имеется в этом районе достаточно, решить вопрос об усилении районного руководства и усилении сельских организаций соответствующими людьми – крепкими коммунистами.

В свою очередь, учитывая существующую обстановку и то обстоятельство, что в наиболее тяжёлом бедствии оказались населённые пункты с гагаузским и частично болгарским населением, и что это население занимает определённый удельный вес в пограничных районах на юге республики, следовало бы разработать и принять специальное решение по организационному и хозяйственному укреплению этих районов и укреплению массово-политической работы среди этих национальностей¹⁸.

В деле помощи голодающим В.Шнырёв, человек умный, деятельный и облечённый полномочиями, проявил гражданскую ответственность, добрую волю, инициативу. Его вмешательство спасло жизнь сотням взрослых и детей в Баурчи, Бешалме, других сёлах Конгазского и Чадыр-Лунгского районов. Результаты его действий показали, как многое в борьбе с голодом зависит от распорядительности руководителей, и выявили не только профессиональную несостоятельность местных администраторов, но и порочность бюрократических методов борьбы с голодом. «Тот формализм, тот бюрократизм в данной обстановке, – признал 11 февраля секретарь ЦК КП(б) Молдавии Н.Г. Коваль, – граничит с преступлением», и призвал товарищей навести самый жесткий порядок. Но республиканское руководство, не способное справиться с ситуацией, утратило доверие Москвы. С целью координации мер по борьбе с голодом в феврале 1947 г. Молдавию прибыл заместитель главы Правительства СССР А.Н. Косыгин¹⁹.

Ознакомившись с ситуацией, А.Н. Косыгин отметил, что в Молдавии на одного сельского жителя, – взрослых и детей, – в среднем приходилось 9 кг хлеба в месяц, даже больше, чем в других районах СССР. При правильном распределении этих продуктов умерших от голода вообще не должно было быть. ЦК и правительство республики, признал он, «работают неудовлетворительно, плохо, в смысле организации борьбы с дистрофией», а Коваль и других руководителей обоснованно обвинил в том, что они не желают вникать в суть дела, вскрыл факты дезинформации Правительства Союза республиканскими министерствами: «Вы, – обратился А.Н. Косыгин к Н.Г. Ковалю и Г.Я. Рудю, – были в Москве и не рассказали о действительном положении в республике. Не доложили так, как нужно было доложить. Вы обязаны были потребовать, чтобы вас заслушали в Совете Министров, заслушали в ЦК. Вы не доложили истинного положения дела. Вы очень спокойные и очень много берете на себя. Вы Молдавию управляете по доверию партии и правительства, а не потому, что вам Молдавия отдана на откуп. Вы руководите плохо и поверхностно»²⁰.

Детский дом. Чадыр-Лунга, 50-е годы
XX в.

Заместитель И.В. Сталина выразил сомнение также в способности некоторых министров руководить, вынудив их к более инициативной работе. Но главное, он пообещал срочную доставку в Молдавию из Москвы крупных партий мануфактуры, дал конкретные указания по спасению населения. Используя свои полномочия, А.Н. Косыгин направил из Кишинева в 20 адресов Советского Союза телеграммы об оказании Молдавии срочной помощи. Республике было дополнительно отпущено 366 тыс., а месяц спустя еще 183 тыс. пудов муки и 600 тыс. пудов картофеля, а также крупы, мясо, жиры, сахар и другие продукты, вдвое, до 200 тыс. чел., увеличен

контингент, обслуживаемый питательными пунктами, до 40 тыс. увеличено число коек для диспансеризации дистрофиков, на 10 тыс. увеличено число мест в детских домах. А.Н. Косыгин рекомендовал отменить на время голода 15%-й гарнцевый сбор за помол зерна и просто выдавать крестьянам количество муки, соответствующее по весу представляемому ими зерну, а для организации распределения продовольствия направить на периферию группу уполномоченных из Кишинева.²¹

ЦК КП(б) М направил в районы 186 коммунистов, наделенных специальными полномочиями, взял под контроль продвижение в Молдавию железнодорожных составов с хлебом для голодающих и сеном, необходимым для спасения скота. Наиболее значительными были поставки зерна из Каменец-Подольской и Винницкой областей Украины²². Правительство отменило взимание гарнцевого сбора. Уже в феврале продовольственную ссуду получили 323,5 тыс. крестьянских хозяйств, около 70% населения Молдавии. Число питательных пунктов было в марте доведено до 1026, и они действовали почти в каждом селе.

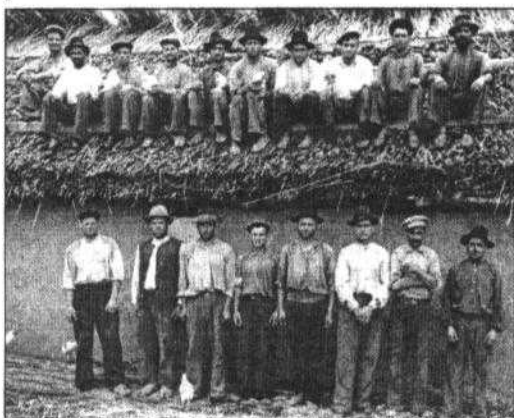
Март оказался самым катастрофичным по числу умерших месяцем. Но определенный порядок в распределении продовольственной помощи был обеспечен, и смертность начала неуклонно снижаться. Государство помогло крестьянам семенами. В сентябре, когда появился хлеб нового урожая, смертность удалось нормализовать.

Голод нанес населению Буджака тяжелые демографические потери. По официальным данным в районах, частично или преимущественно населенных гагаузами, – Чадыр-Лунгском, Комратском, Конгазском и Вулканештском, – от голода погибло в 1947 г. 9,6% населения. Почти столь же велики, – 8,4% населения, – оказались потери среди жителей смежных южных районов – Тараклийского, Баймаклийского, Романовского и Чимишлийского. Всего на долю названных восьми южных районов, где проживало менее 10% населения Молдавии, пришлось более 20% жертв голода в республике²³. В реальности погибших от голода было гораздо больше..

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В ГАГАУЗСКИХ РАЙОНАХ

Укрупнение сельскохозяйственного производства было экономической необходимостью. В коллективизации, поддержанной государством, крестьяне видели возможность выхода из трудного экономического положения. Уже в 1945 г. крестьяне села Тирашполь Чадыр-Лунгского района, явно рассчитывая на помощь государства, поставили перед районными властями вопрос о восстановлении сельхозартелей, существовавших до войны. Многие бедняцкие семьи, заявлял бывший председатель сельхозартелей села Карабетовка Романовского района, готовы возродить довоенный колхоз, а он сам готов взяться за его организацию. Имелись среди крестьян и противники коллективизации. Но ее темпы до середины 1949г. определялись, в основном, возможностями государства создавать машинно-тракторные станции и оказывать колхозам другую помощь. К июню 1947 г. в шести из 15 сельсоветов Вулканештского района возникли инициативные группы по созданию колхозов. В селе Чишмикиой в инициативную группу вступили 53 крестьянина, в селе Мусаид – 31; группа учредителей колхоза сложилась в Этулии и селе Хаджи-Абдул; в Томае Чадыр-Лунгского района заявления о желании вступить в колхоз подали главы 320 из 742 имевшихся в селе хозяйств, а почти все остальные – 350 единоличников, – просили об организации артели. До конца августа в ЦК КП(б) М поступили просьбы об организации 16 колхозов в Конгазском и 5 – в Комратском районах²⁴.

Государство не располагало средствами для помощи колхозам, и власти, опасаясь скомпрометировать колхозное движение, сдерживали коллективизацию. Артель в селе Хаджи-Абдул была создана самочинно. «Но там, – оправдывался секретарь райкома партии, – вопреки нашему указанию объединились 37 хозяйств, обобществили 27 голов тягловой силы и, юридически не оформив колхоз, начали коллективно пахать зябь». По темпам коллективизации Юг Молдавии и, особенно, гагаузские районы, опережали другие районы Бессарабии. К началу 1948

Жители с. Конгаз на строительстве фермы.
50-е годы XX в.

г., в целом, на Правобережье Днестра объединились 10,3% крестьянских хозяйств, в южной группе районов 29%, а в Романовском районе – 71,5%, в Чадыр-Лунгском – 67,5%. Наиболее трудоемкие работы в колхозах уже тогда выполнялись с использованием техники: вспашка – на 66%, предпосевная культивация на 85%, сев яровых – на 45%, обмолот – на 90%, пахота под озимые – на 79%, сев озимых – на 55%, подъем зяби – на 87%²⁵.

Хозяйственный эффект от применения тракторов, сеялок, комбайнов представлял собой сильнейшую аргументацию в поддержку идеи коллективизации. На 1 октября 1948 г. в Конгазском, Чадыр-Лунгском, Романовском и некоторых других районах Молдавии в колхозы объединились 71-90% крестьянских хозяйств. Преимущества

крупного механизированного производства были очевидны и для части зажиточного крестьянства. На первых порах государство, заинтересованное в жизнеспособности колхозов, не препятствовало приему в них кулаков. В 1947 – начале 1948 г. в колхозы Чадыр-Лунгского района вступили 90 кулаков, Баймаклийского – 55. В восьми из 27 колхозов Конгазского района кулаки или члены их семей были даже избраны председателями правлений²⁶.

Зимой 1948/1949 гг. кулаки осуществили в Молдавии ряд диверсий и террористических актов. В Баймаклийском районе они сожгли 6 колхозных токов и один ток МТС, в одном из колхозов Кагульского района уничтожили 6 гектаров виноградника, в другом колхозе вывели из строя три трактора, столь ценимых крестьянами. Были убиты кулаками председатель Совета села Бачкалия В.А. Киричкин, организатор колхоза в селе Чок-Майдан Ф.Н. Слава кулаки избивали и покушались на убийство других советских активистов.²⁷ Партийные работники усматривали в выселении кулаков путь к нормализации политического положения на селе. В ноябре 1948 г. это требование высказал на пленуме ЦК КП(б) М и секретарь Чадыр-Лунгского райкома партии.

Начались попытки административным нажимом ускорить коллективизацию. В январе 1948 г. в селе Томай инструктор райкома партии и председатель сельсовета пригласили в Совет группу крестьян и предложили им вступить в колхоз. Когда крестьяне отказались, функционеры задержали их до утра. Крестьяне пожаловались на случившееся, и эпизод был квалифицирован райкомом партии как нарушение социалистической законности, а прокуратура потребовала наказания виновных в произволе. Но партийно-государственное руководство МССР, стремясь оправдать провалы в своей работе противодействием классового врага, поставило перед Москвой вопрос о выселении кулаков и других оппозиционных элементов. Откликаясь на эти требования, 6 апреля 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило «принять предложение Бюро ЦК ВКП(б) по Молдавской ССР, ЦК КП(б) Молдавии и Совета Министров Молдавской ССР о выселении с территории Молдавской ССР кулаков, бывших помещиков, крупных торговцев, активных пособников немецким оккупантам, лиц, сотрудничавших с немецкими и румынскими органами полиции, участников профашистских партий и организаций, белогвардейцев, участников нелегальных сект, а также семей всех перечисленных категорий»²⁸.

К этому времени органы МГБ МССР уже выявили около 15 тыс. кулацких хозяйств. Их число в районах компактного проживания гагаузов оказалось невелико: в Конгазском районе – 182, в Комратском – 102, в Чадыр-Лунгском – 114, в Вулканештском – 154, в Романовском – 31. Понимание политической необоснованности подготовляемой репрессии получило отражение в документах, определявших порядок депортации. Предполагалось выслать не все, а только треть кулацких семей, «наиболее враждебную и экономически мощную часть кулачества в количестве до 5000 человек». Поскольку каждая десятая «кулацкая» семья уже работала в колхозе, а колхозники депортации не подлежали, в мае–июне только в Конгазском и Чадыр-Лунгском районах из колхозов были исключены 66 кулаков²⁹. Зажиточное крестьянство было обеспокоено. Многие жители Конгазского района, опасаясь репрессий, за два-три месяца до проведения высылки уехали на работу в Донбасс³⁰.

Операция по выселению была проведена в ночь на 6 июля 1949 г. Выселяемым разрешили брать с собой ценности и вещи (одежду, посуду, сельскохозяйственный, ремесленный и домашний инвентарь), а также продовольствие, общим весом 1500 килограммов на семью. Недвижимость, другое имущество, сады, виноградники, скот подлежали конфискации. Выселяемым давали время собрать вещи, затем грузили на автомашины и отправляли на железнодорожные станции Болград, Бессарабская, Яргара, куда уже были поданы эшелоны. В случаях, когда документы на депортацию оказывались составлены неверно, – например, в них были включены участники Отечественной войны и члены их семей, награжденные орденами и медалями СССР, вступившие в колхоз, служившие в Советской Армии, семьи, не имеющие в своем составе трудоспособных, инвалиды, – высылка отменялась. В Бендерском секторе по этим причинам избежали выселения 153 семьи, а в Кагульском – 47.³¹

Семья Федора Михова из Чадыр-Лунги, депортированная в Курганскую область, 1953 г.

Война, оккупация и голод усилили социальную рознь на селе, и у сотрудников силовых ведомств нашлась масса помощников. Вместе с войсками и милицией в осуществлении депортации приняли участие и местные активисты, число которых составило более половины численности выселяемых. «В целом, – отмечено в отчете МГБ о выселении из Бендерского оперативного сектора, включавшего и Комратский район, – операция прошла организованно». В Кагульском оперсекторе (Конгазский, Чадыр-Лунгский, Вулканештский, Тараклийский и др. районы) «случаев волюнок или вооруженных сопротивлений не было», а сельские активисты повсеместно выполнили свои задачи³². Никаких протестов, проявлений недовольства населения отмечено не было.

Депортация была осуществлена по социально-политическим мотивам, поэтому учет национального состава высланных не проводился. Однако основания судить о числе высланных гагаузов имеются. Из Кагульского уезда было выслано 1230 семей, в том числе 880 – кулаков и торговцев и 350 – пособников оккупантов, бывших участников профашистских организаций, белогвардейцев и т.п., а из Бендерского – 1210 семей, включая 432 семьи пособников врага, белогвардейцев и участников нелегальных сект³³. Но в двух уездах гагаузы составляли лишь пятую часть населения и, главное, почти все они являлись колхозниками и депортации не подлежали. Экономическое положение крестьян-гагаузов было, как показали события 1946-1947 гг., тяжелым. Поэтому можно предположить, что число высланных гагаузов составило менее 200 семей.

Хозяйства этих крестьян были разорены, но они не выпали из социального контекста. Часть их укоренилась в новых местах проживания, другие – несколько лет спустя, в середине 50-х гг., возвратились в родные места. Дети многих высланных получили высшее образование, сделали научные, военные, административные

карьеру. Тем не менее, высылка кулаков, как внесудебная репрессия, представляла собой акт политического произвола и утраты.

ОРГАНИЗАЦИЯ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ. СОЗДАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

Правительство СССР взяло и выдерживало курс на создание широкой сети образовательных и культурно-просветительных учреждений, в том числе на селе. 12 августа 1940 г. СНК МССР и Молдавский обком КП(б) Украины наметили основные мероприятия по организации школьного обучения в воссоединенной Бессарабии. Предписывалось обеспечить всеобщее начальное обучение детей; язык обучения надлежало определить, согласно желаниям родителей. Принятое в этот день совместное Постановление обязывало «уездные исполкомы и отделы народного образования установить язык преподавания в каждой школе, учитывая состав учащихся и желание их родителей... перевести все школы на родной язык... охватить всеобщим обучением всех детей и подростков школьного возраста»³⁴. Была проведена перепись детей школьного возраста. Приблизительно 95% родителей-гагаузов – выбрали русский. Как язык аккультурации нового поколения и общения с внешним миром русский был принят гагаузами добровольно, и знание русского языка уже в 50-е гг., как и в начале XX века, среди гагаузов получило широкое распространение.

Сразу после изгнания немецко-румынских оккупантов в освобожденной

Учителя и школьники, с. Конгаз, 50-е годы XX в.

Молдавии, в том числе в районах компактного проживания гагаузов, были приняты меры по организации школьного обучения детей и ликвидации неграмотности среди взрослых. Школьные здания ремонтировали методом народной стройки. К началу следующего учебного года в селе Томай крестьяне пристроили к школьному зданию корпус из трех классных комнат и двух кабинетов, в Комрате были открыты два интерната для 60 детей, живущих далеко от школы.

Но в большинстве случаев под школы приспособляли имеющееся жилье. В итоге уже в 1944 г. в Комратском районе были открыты 15 школ; в них занимались 3420 учащихся. Обучение было организовано на русском языке. С целью изучения разговорного русского языка детьми в школах создавали нулевые классы.

Выделяемых на образование средств не хватало, поэтому партийные организации, местные Советы обращались к населению за помощью в обеспечении школ топливом, собирали средства для обеспечения обувью и одеждой детей из остро нуждающихся семей, а также сирот войны. В те годы гагаузов с высшим образованием в Молдавии были единицы. Из 85 педагогов, преподававших в школах Комратского района в 1944-1945 учебном году, высшее образование имели всего 5, среднее 26, а 47 неполное среднее. Учителей готовили на краткосрочных курсах. В Вулка-

нештах такие курсы уже зимой 1945 г. окончили 69 слушателей, летом – еще 133, а в 1946 г. – 290. Более солидную педагогическую подготовку обеспечивало Комратское педучилище, возобновившее работу в конце 1944 г. Учителей для начальных школ гагаузских сел готовили и в Кагульском педучилище, открытом в 1945 г. Широкая подготовка преподавателей, а также помощь кадрами, оказанная Россией, позволила уже в начале 50-х гг. охватить школьным обучением практически всех детей в гагаузских селах. В 60-е гг. практически в каждом селе были неполные средние (7-летние) школы, затем преобразованные в средние. Обучение в них позволяло затем поступать в высшие учебные заведения.

В 40-е гг. остро стоял вопрос о ликвидации неграмотности среди взрослых. Ставилась задача не только научить их читать и писать, но и привить им интерес к книге, чтению газет, к политическим событиям. В 1947/1948 гг. в группах по ликвидации неграмотности прошли обучение в Комратском районе 1305 чел, а в Чадыр-Лунгском – 2397 чел. В 1948/1949 гг. в кампании ликвидации неграмотности в Чадыр-Лунгском и Комратском районах приняли участие 358 учителей, служащих различных учреждений, учащихся старших классов. Часть неграмотных, преимущественно многодетных женщин, обучали грамоте индивидуально³⁵. Взрослых гагаузов обучали не только грамоте, но и разговорному русскому языку.

К началу 50-х гг. неграмотность удалось преодолеть. В Чадыр-Лунгском районе, где до 1940 года работали 20 учителей и обучались 300 детей, а неграмотность достигала 85%, отметил на III съезде КПМ в марте 1950 г. глава партийной организации республики Л.И. Брежнев, теперь работают 17 школ с 275 учителями, в школах учатся около 5 тыс. детей, а неграмотность ликвидирована. В школах гагаузских районов был достигнут средний для сельских школ Молдавии уровень преподавания и, соответственно, успеваемости. Неудовлетворительным оставался уровень преподавания молдавского языка.³⁶ Кроме того, значительное число детей, по традиции помогавших в работе родителям, не было охвачено школьным обучением либо пропускало много занятий.

Первыми учреждениями культуры в селах стали библиотеки. В Комрате в 1945 г. учредили районную библиотеку; на первых порах ее книжный фонд составлял всего 3123 экземпляра, но книги пользовались у населения спросом, и к концу года в библиотеке числились 650 постоянных читателей. Июльский 1946 г. пленум ЦК КП(б)М поставил в задачу в течение двух-трех лет построить в каждом селе клуб и превратить клубы и библиотеки в очаги политического и культурного просвещения народа. Пятилетний

Школьный хор, с. Конгаз, 50-е годы XX в.

план развития народного хозяйства МССР на 1946-1950 гг. также предусматривал обеспечение библиотечного обслуживания сельских жителей. Во исполнение этих решений в 1946 г. в Комратском и других районах начали создавать передвижные библиотеки, а в селах открывать избы-читальни. Библиотечные фонды пополнялись

за счет ассигнований из государственного бюджета, но государственная политика находила и поддержку населения, средства на пополнение книжного фонда и содержание библиотек выделяли также сельскохозяйственные артели. В 50-е гг. многие колхозы приняли на свой баланс сельские библиотеки. Они строили для библиотек помещения, закупали оборудование, выделяли средства на пополнение книжного фонда и оплату труда библиотекарей.

* * *

Гагаузский этнос преодолел трудные послевоенные годы и успешно включился в экономическое и социально-культурное строительство. В этот период было осуществлено укрупнение сельскохозяйственного производства, среди гагаузов была ликвидирована неграмотность, были заложены основы национально-культурного подъема гагаузского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Шорников П.М. Цена войны. С.77
- 2 Там же. С.353.
- 3 Голод в Молдавии. С.210.
- 4 Бомешко Б.Г. Засуха и голод в Молдавии. 1946-1947 гг. Кишинев. С.26-43.
- 5 Голод в Молдавии, С.9.
- 6 Там же., С.11.
- 7 Там же. С. 508.
- 8 Царанов В.И. Очерки социально-экономического развития Молдов (1940-1960 гг.). Кишинев. 2002. С.151.
- 9 Голод в Молдове (1946-1947). Сборник документов. Кишинев. 1993. С.360.
- 10 Там же. С.351.
- 11 Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы. 1940-1950. Москва. 1994. С.242.
- 12 Царанов В.И. Указ. соч. С.124.
- 13 Царанов В.И. Очерки социально-экономического развития Молдовы. (1940-1960 гг.). Кишинев. 2002. С. 148.
- 14 Голод в Молдове, С.352.
- 15 Там же, С.10, 359, 360.
- 16 Там же. С.419.
- 17 Пасат В.И. Суровая правда истории, С.163.
- 18 Голод в Молдове. С. 411-415.
- 19 Там же, С. 427, 508.
- 20 Там же. С.510.
- 21 Царанов В.И. Указ. соч., С.156.
- 22 Голод в Молдове. С.482.
- 23 Подсчитано по статистической сводке «Общие итоги естественного движения населения МССР за 1947 г.» (НАРМ. Ф. 3021. Оп.5. Д.410. Л.108.

- ²⁴ Там же, С.132–137.
- ²⁵ Там же. С.138,139.
- ²⁶ Царанов В.И. Операция «Юг». (О судьбе зажиточного крестьянства Молдавии). Кишинев. 1998. С. 27.
- ²⁷ Там же. С. 29.
- ²⁸ Его же. Очерки социально-экономического развития Молдовы. (1940–1960 гг.). С.234.
- ²⁹ Там же. С. 220, 221, 227, 228, 242.
- ³⁰ Там же. С.58.
- ³¹ Там же. С.264.
- ³² Там же. С.261,262.
- ³³ Пацак В.И. Трудные страницы истории Молдовы. 1940-1950. Москва. 1994. С. 461, 469.
- ³⁴ Культурное строительство в Советской Молдавии. Кишинев. 1974. С. 261.
- ³⁵ Курогло С., Филимонова М. Прошлое и настоящее гагаузской женщины. Кишинев. 1976. С.28,29.
- ³⁶ История культурного строительства в СССР: Культура Молдавии за годы Советской власти. Сб. док. в 4-х томах. Т. 2. (Часть вторая). Кишинев. 1985. С. 22, 12.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ГАГАУЗСКОГО ЭТНОСА В 50-80-е ГОДЫ XX в.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЁМ РАЙОНОВ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ГАГАУЗОВ

Как уже отмечалось, успешное завершение коллективизации на рубеже 50-х годов, а затем укрупнение агрохозяйств создало необходимые условия для успешного развития сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности. В середине 70-х годов колхозы юга Молдовы по многим показателям опережали агрохозяйства республики. Не только республиканскую, но и общесоюзную известность получили колхозы: «Гигант» Вулканештского района, «Им. Кирова» – Чадыр-Лунгского, «Победа» с. Кыпчак, «Авангард» г. Комрата, «Россия» с. Конгаз, «им. Карла

Маркса» с. Этулия, «Правда» с. Бешалма и многие другие. Ускоренное развитие получила перерабатывающая промышленность. За полтора десятилетия была построена современная винодельческая, табачная, эфироперерабатывающая промышленность. По уровню производительности труда агрохозяйства юга превосходили колхозы центра Молдовы. Виноградники Комратского района стали эталоном в развитии виноградарства. В целом, за пятилетку 1981-1985 гг. в этом районе была получена наивысшая урожайность янтарных гроздей – 75/8 центнера с га.

После 1957 г. земледельцы Чадыр-Лунгского района вторично в 1977 г. стали инициаторами в разработке и внедрении в сельское хозяйство индустриальных методов производства. Эта инициатива была активно поддержана ЦК КП Молдавии и её Первым секретарём И.И.Бодюлом, Правительством СССР. Было принято постановление союзного Правительства о выделении необходимых финансовых и материальных ресурсов, в короткий период подготовлены кадры, и впервые в Чадыр-Лунгском районе, без применения ручного труда индустриальным способом на площади в 20 тысяч га кукурузы был получен урожай свыше 60 центнеров с каждого гектара. Для зоны рискованного земледелия - это был подвиг. Но этот прорыв был основан на сплаве науки и передового опыта как отечественного, так и зарубежного. Многими и другими славными делами были известны работники агропромышленного комплекса юга Молдовы.

Естественно, всё это создавалось трудом многих тысяч людей. Но нельзя не

отметить, что к этому времени были сформированы свои мощные экономические, партийные и советские кадры, которые и возглавили процесс ускоренного экономического и социального развития края. Это – Герой Социалистического труда, депутат Верховного Совета СССР, председатель колхоза «Гигант» Д.Рашкулев; Герои Социалистического труда, болгары М.Тузлов и И.Арнаут, возглавлявшие Комратскую и Чадыр-Лунгскую районные партийные организации; Герой Социалистического труда, бригадир С.Пармакли; Г.Самси – бригадир колхоза «Им. 1 Мая», депутат Верховного Совета МССР двух созывов, кавалер орденов Ленина и многих других орденов и наград; Герой Социалистического труда, бригадир Н.Георгиогло; С.Г.Богдан – кавалер орденов Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, председатель колхоза «Правда»; Пашалы М.К. – председатель колхоза им. Кирова, депутат Верховного Совета СССР; Табунщик Г.Д. – первый гагауз, которому суждено было стать Первым секретарём РК КП Молдавии (Комратского), член ЦК КПСС, и многие другие.

Именно созданный крепкий экономический фундамент, сбалансированная национальная политика Советского государства, стали основой позитивных социальных, духовных и культурных преобразований в крае, заселённом преимущественно гагаузами и болгарами.

В 80-е годы начались работы по обводнению Юга Молдавии. Решением Союзного правительства на эти цели были выделены 1,3 млрд. рублей. По проекту, дунайская вода должна была быть подана для орошения в Тараклийский, Вулканештский, Чадыр-Лунгский, Комратский, Бессарабский районы. Всего орошением должно было быть охвачено 165 тыс. гектаров пашен. Работы проводились форсированными темпами, был построен канал от озера Ялпуг (Украина) до вновь построенного Тараклийского водохранилища зеркалом более 2000 га. В короткие сроки была сформирована вся инфраструктура, в Тараклии построен целый городок. В этот же период рассматривался вопрос создания на юге Молдавии нефтеперерабатывающего завода. Инициатором этих идей во многом был Первый секретарь ЦК КП Молдавии С.К.Гроссу.

Реализация этих и других проектов позволила бы югу Молдавии, в том числе районам компактного проживания гагаузов, выйти на качественно новый уровень жизни. Однако начатые в середине 80-х смутные «перестроечные» годы привели к разрушению великого Союзного государства. Многие историки и политические деятели, рядовые граждане, до сих пор задаются вопросом: «Развал Союзного государства – было ли это объективной необходимостью?».

Поддавляющее большинство людей, отвечая на этот вопрос, приходят к выводу, что Союзное государство искусственно разрушили. Разрушили, несмотря на то, что в 1990-м году, на Всесоюзном референдуме, более 70% населения СССР однозначно высказались за сохранение единого государства. Г-да Горбачёв, Ельцин, Шевар-

Трактористы колхоза Кирова, Чадыр-Лунга, 50-е годы XX в.

днадзе, Яковлев и др. продали интересы своего народа и государства. СССР как историческая перспектива переустройства мира на более справедливых условиях, перестал существовать. Этому предшествовала многолетняя идеологическая борьба между капиталистическими странами и СССР. Исподволь в СССР была вскормлена и возвращена внутри партийной и советской элиты прослойка, способная на подлость и предательство. Эти люди, оказавшись на вершине власти, от имени партии и государства разрушили эту же партию, это же государство.

В ход было пущено всё: ложь, обман, клевета, подкупы, национализм, искусственно сформировались очаги межнациональной розни (Степанокерт, Карабах, Новый Узень, Фергана, Абхазия, события в Баку, ...). Государство, вместо наведения порядка, самоустранилось, а большей частью своим бездействием или несвоевременными и неграмотными действиями, по существу, поощряло эти действия.

Затем последовали августовские события 1991 г. в Москве, парад суверенитетов - все советские республики объявляли о своём суверенитете, и полный развал СССР.

УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ ГАГАУЗОВ

Уборка кукурузы

Благосостояние гагаузов, как преимущественно крестьянского народа, прежде всего, зависело от состояния сельскохозяйственного производства.

В 50-е гг. в сельское хозяйство республики, в том числе в колхозы гагаузских сел, Правительство СССР, направило большое количество тракторов, комбайнов, автомобилей, оборудования для животноводческих ферм, сельскохозяйственного инвентаря. В селах, в том числе на производстве, в 50-е

гг. была проведена электрификация. Были отменены обязательные поставки сельскохозяйственных товаров государству. Государственное финансирование аграрного производства в Молдавии, осуществляемое в значительной степени из общесоюзного бюджета, возрастало год от года. В гагаузских колхозах формировались кадры специалистов, других квалифицированных работников. Улучшение организации труда и агротехники обеспечило рост урожайности. Проведенное в 50-е гг. укрупнение коллективных хозяйств повысило эффективность использования земли, производственных фондов. Были повышены государственные закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию.

С середины 50-х гг. труд в сельском хозяйстве, прежде всего требующий квалификации, стал оплачиваться по ставкам, сопоставимым с трудом промышленных рабочих. В силу местных условий колхозники-гагаузы сохранили крупные приусадебные участки и извлекали значительные доходы из производства вина на дому; его по хорошим ценам продавали потребителям либо сдавали на доработку госу-

дарственным и колхозным винным заводам. Многие рядовые крестьяне обзаводились мотоциклами и даже автомобилями. Подъем экономики, повышение благосостояния и политическая либерализация породили в советском обществе, в том числе среди гагаузов, социальный оптимизм, повысили экономическую инициативу.

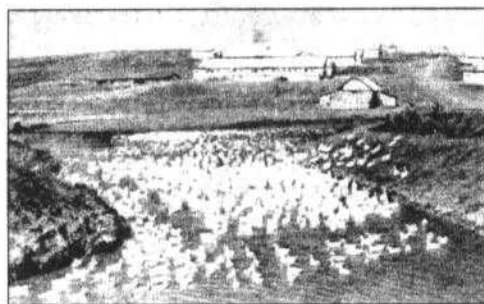
Гагаузские колхозы специализировались на производстве винограда, зерна и мяса. Традиционные производственные навыки и трудолюбие гагаузов уже к середине 50-х гг. позволили добиться наиболее высоких в Молдавии показателей в животноводстве.

Учитывая уже достигнутые результаты, в апреле 1957 г. на совещании, проходившем в Чадыр-Лунге при участии руководителя КПМ З.Т. Сердюка и председателя Президиума Верховного Совета МССР И.С. Кодицы, руководители ряда колхозов района приняли повышенные обязательства по производству мяса. Материал об этой инициативе был опубликован в газете «Правда», органе ЦК КПСС, и привлек внимание Н.С. Хрущева, руководителя партии и главы союзного Правительства. 24 апреля он направил труженикам передового района телеграмму, в которой выразил уверенность в том, что на их «призыв откликнутся председатели колхозов, директора совхозов и МТС, специалисты сельского хозяйства [...] все труженики деревни»¹.

Телеграмма Н.С. Хрущева была обсуждена в республиканской и местной печати, в трудовых коллективах. Было принято и направлено ответное послание чадыр-лунгских колхозников главе Правительства. Оказавшись инициаторами почина, которому партийное руководство решило придать общегосударственный размах, чадыр-лунгские колхозники привлекли общественное внимание в СССР к гагаузскому народу.

Овцеводы

Развитие птицеводства

НАЧАЛО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПОДЪЕМА

Одним из первых свидетельств интереса партийных и государственных органов к положению гагаузов стала работа бригады специалистов, по поручению ЦК КП(б) Молдавии изучавшей гагаузский и болгарский «вопросы» еще летом 1946 г. В составленной ею докладной записке Овчинникова, Ильяшенко, Чебана, Дмитриева и Ульянова «О состоянии и мерах по улучшению массово-политической и культурно-просветительной работы среди гагаузского и болгарского населения Молдавской ССР», представленной 9 сентября 1946 г. секретарю ЦК КП(б) М Н.Г. Ковалю,

И. Д. Тончу

авторы, вероятно, облеченные определенными полномочиями, рекомендовали вести культурно-просветительную работу среди гагаузов на русском языке, дублируя ее на гагаузском языке. С целью формирования гагаузского литературного языка они предлагали «при Молдавской Базе Академии Наук СССР создать секцию гагаузоведения», «обязать Комитет по делам культпросветучреждений при Совете Министров МССР собрать и записать гагаузский фольклор, а лучшие образцы народного творчества опубликовать в газетах и брошюрах», а также организовать радиопередачи на гагаузском языке, проводить подготовку клубных работников для гагаузских и болгарских сел, и, наконец, обеспечить печатание на гагаузском языке полос в уездной газете².

Вопрос был передан для изучения руководству Молдавской Базы АН СССР. 6 октября 1946 г. ее директор, академик В.П. Волгин, сообщил в Москву ученому секретарю Академии Л.С. Мацюку: «Придавая большое значение изучению этнографии, фольклора, истории и языка гагаузов, Бюро отделения литературы и языка АН СССР организовало особую комиссию в составе следующих специалистов: чл.-корр. АН СССР Н.К. Дмитриева, кандидата исторических наук И.И. Мещерюка. Секретарем комиссии было решено привлечь старшего преподавателя филологического факультета В.П. Арабаджи». В это время в стране усиливался голод, казалось, никаким научным инициативам места нет. Тем не менее, это письмо положило начало научным исследованиям по гагаузской проблематике и новому этапу культурной жизни гагаузов.

Л. А. Покровская, исследователь языка и фольклора гагаузов

Перед государственным руководством СССР вопрос о поддержке гагаузской культуры был поставлен неординарным образом. Трое студентов Московского института востоковедения, Л. Долганов, В. Попов и Р. Фиш, поработав летом 1948 г. в районах компактного проживания гагаузов на юге Молдавии, обратились с призывом оказать гагаузам содействие в создании гагаузской письменности непосредственно к И.В. Сталину. По резонному мнению студентов, отсутствие национальной письменности тормозило социально-культурное развитие гагаузского этноса. «Гагаузы, – не зная о еще дореволюционной гагаузской культурной традиции, о деятельности Михаила Чакира и других гагаузских просветителей, – сообщали студенты, – пишут, например, свои частные письма на родном языке, используя для изображения знаков своего языка русский алфавит и прекрасно понимая друг друга»³.

Предложения студентов соответствовали принципам интернационализма, кроме того, СССР уже обладал опытом создания письменности более 50 прежде бесписьменных народов⁴, поэтому сообщение об отсутствии у гага-

Гоггаузка

КУРСОВ УЧИТЕЛЕЙ ГАГАУЗСКОЙ ШКОЛЫ
ГАГАУЗ УРЕДИЖИЛЕДЕРЛИНИ КУРСЛАРЫ

1958

ЧЕШЕК СУРАМЧЕ

Г выпуск учителей гагаузской школы. 1958 г.

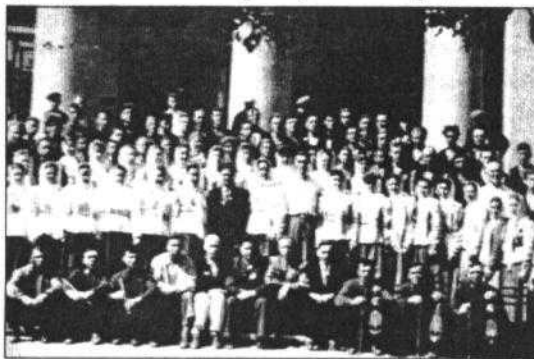
И. Мещерук, исследователь истории гагаузов

узов письменности произвело в ЦК КПСС ожидаемое впечатление. 16 декабря 1948 г. оно было направлено на рассмотрение в Министерство высшего образования СССР, и оттуда поступил положительный отзыв: студенты «совершенно правильно ставят вопрос о необходимости усиления культурно-просветительной работы среди гагаузов»⁵. Министерство представило проект постановления ЦК «Об организации культурно-просветительной работы среди гагаузов», включив в него перечень мероприятий, свидетельствующий не только о решимости оказать гагаузскому народу помощь в культурном строительстве, но и о нехватке у ведомства информации об истории гагаузов, их языке и культуре, этнокультурных чаяний гагаузского народа:

- а) поручить группе ученых тюркологов в трехмесячный срок приспособить русский алфавит к письменности на гагаузском языке;
- б) обеспечить силами Института востоковедения АН СССР и Московского Института востоковедения составление в течение 1949 года элементарного учебника по морфологии и синтаксису гагаузского языка, а также перевод действующих в средней школе учебников на гагаузский язык;
- в) организовать с осени 1949 года при Кишиневском педагогическом институте одногодичные курсы по подготовке преподавателей для неполной средней школы на гагаузском языке с контингентом курсантов 100 человек, а также ввести в этом институте подготовку педагогов для гагаузских средних школ с 1 сентября 1949 года;
- г) обязать Государственное издательство Молдавской ССР издать учебники на гагаузском языке;
- д) ввести с сентября 1950 года в средних школах гагаузских районов Молдавской ССР и Украинской ССР преподавание на гагаузском языке;
- е) ассигновать целевым назначением в распоряжение Министерства народного просвещения Молдавской ССР 1,0 млн рублей на расходы по составлению гагаузского алфавита, морфологии и синтаксиса и переводу на гагаузский язык учебников для средней школы»⁶.

На основе этих предложений в январе 1949 г. был разработан проект аналогичного Постановления Совета Министров СССР⁷. Ряд положений, направленных на развитие гагаузского языка и культуры, был включен в принятое тогда же Правительством Союза Постановление «О мероприятиях по организации культурно-просветительной работы среди гагаузского населения Молдавской и Украинской ССР»⁸. С небольшими поправками проект был передан правительству Молдавской ССР для внесения желательных изменений до его утверждения⁹. Заместитель председателя Совета Министров МССР Е.Н. Буков, министр народного просвещения А.М. Лазарев и заместитель директора Базы Академии наук СССР в Молдавии Я.С. Гросул провели по «гагаузскому вопросу» ряд совещаний с участием ученых. Только в октябре 1949 г. аппаратом правительства Молдавии было направлено в ЦК КПМ

на согласование «Заключение» по проекту. Правительство республики предлагало расширить его, озаглавив «О мероприятиях по организации обучения детей гагаузов на родном языке и улучшении культурно-просветительной работы среди гагаузов». Указывая на сложности задачи, правительство МССР отмечало невозможность немедленного обеспечения обучения гагаузских детей на гагаузском языке, поскольку отсутствуют кадры учителей, не установлена гагаузская терминология, отсутствуют учебники¹⁰.

Гагаузская делегация на Всемирном фестивале молодежи в Москве, 1957 г.

Под влиянием общественного подъема, царившего среди гагаузов, гагаузская этнокультурная идентичность была, наконец, признана и республиканскими властями. 16 июля 1957 г. Бюро ЦК КП Молдавии одобрило проект Указа Президиума Верховного Совета республики об утверждении алфавита гагаузской письменности на основе графики русского языка. 30 июля Президиум Верховного Совета МССР издал Указ «О введении письменности для гагаузского языка»; еще ранее был выпущен первый номер газеты на гагаузском языке – приложение к республиканской газете «Молдова Социалистэ». 16 ноября Совет Министров Молдавской ССР принял Постановление № 454 «О мерах по улучшению обучения детей гагаузской национальности». Правительственное решение предусматривало разработку гагаузской письменности на основе традиционной у гагаузов кириллической графики, организацию школьного обучения на гагаузском языке, изучение гагаузского языка как учебной дисциплины, подготовку педагогов для преподавания на гагаузском языке в начальной и средней школе, организации научных исследований в сфере гагаузского языка, истории и культуры гагаузов, развитие периодической печати и книгоиздания на гагаузском языке, а также целевое финансирование всех этих программ¹¹.

1 сентября 1958 г. в 38 школах Вулканештского, Комратского, Чадыр-Лунгского и Тараклийского районов обучение 14500 учащихся было переведено на гагаузский язык. В 1959 г. был выпущен фольклорно-литературный сборник «Буджактан сесляр» («Буджакские голоса»). Его издание положило начало гагаузской литературе.

Но при реализации этих мер не была учтена недостаточная разработанность литературных норм гагаузского языка, подготовка педагогических кадров, владеющих гагаузским языком, была начата с опозданием и, из-за отсутствия специалистов, владеющих гагаузским языком, осуществлялась на неудовлетворительном методическом уровне. Для весьма трудоемкой и требующей времени разработки вопросов истории и культуры гагаузов в АН МССР было выделено всего 3 дополнительных ставки. Недостаточность принятых мер была очевидна. Уже год спустя, после инспекторской проверки Комиссии Правительства СССР, которая признала работу Совета Министров МССР по выполнению названного решения неудовлетворительной, Бюро ЦК КПМ признало допущенные недоработки¹².

22 октября 1957 г., 3 декабря 1958 г. и 22 февраля 1959 г. известный специалист по

Учебники гагаузского языка, подготовленные Д.Н. Танасоглу

истории гагаузов доцент Кишиневского университета И.И. Мещерюк направил Н.С. Хрущеву письма, в которых обосновал идею создания на Юге Бессарабии Болгарско-Гагаузской автономной республики в составе Молдавской ССР. Ученый предложил комплекс мер из 6 направлений, призванных обеспечить создание и функционирование автономии, в том числе:

- административно объединить населенные болгарами и гагаузами территории, входящие в состав Молдавии и Украины, и образовать Болгаро-Гагаузскую Автономную Советскую Социалистическую Республику с центром в г. Болграде, бывшем около 50 лет общим центром болгар и гагаузов;

- обеспечить создание дополнительных условий для развития болгарской и гагаузской культур, в том числе создание школ с обучением на болгарском и гагаузском языках и Болгаро-Гагаузского филиала Кишиневского Государственного педагогического института, подготовку из числа болгар и гагаузов специалистов массовых профессий, а также предоставить болгарам и гагаузам преференции в доступе в партийно-административный аппарат;

- в составе Молдавского филиала Академии наук СССР создать научно-исследовательский Болгаро-Гагаузский институт истории, языка, литературы и экономики; обеспечить издание на болгарском и гагаузском языках учебников и политической литературы и выпуск в Кишиневе двух ежедневных газет – на болгарском и гагаузском языках;

- осуществлять массово-политическую и культурно-просветительскую работу на языках обеих народностей, т.е. придать болгарскому и гагаузскому языкам статус региональных официальных языков;

- в Кишиневе создать радиоцентр для вещания на болгарском и гагаузском языках¹³.

Предложения И.И. Мещерюка соответствовали общему курсу национальной политики КПСС того времени, часть их, – прежде всего, направленные на улучшение условий социально-культурного развития гагаузов, – были уже приняты к исполнению. Однако перспектива изменения границ, установленных между Молдавией и

Украиной в 1940 г., не нашла поддержки у политического руководства двух республик. Предложение о создании болгарско-гагаузской автономии было ими, а по их отзывам и руководством КПСС признано преждевременным. И.И. Мещерюк не учел также то обстоятельство, что языком межнационального общения и языком социального прогресса и гагаузов, и болгар мог быть только русский язык. После собеседований с учениками, их родителями, председателями колхозов, руководителями партийных организаций и местной администрации болгарских и гагаузских сел Одесской области специально созданная для изучения этого вопроса комиссия пришла к выводам о целесообразности сохранить обучение на русском языке, второй язык изучать по выбору родителей, а изучение гагаузского языка в школах не вводить¹⁴.

В Молдавии вскоре выяснилось, что ведению обучения на гагаузском языке не предшествовала серьёзная подготовительная работа. А ведь в СССР существовал богатый опыт организации национального образования, подготовки национальных кадров для малочисленных народов. Почти сорок лет медленно, шаг за шагом, готовились национальные кадры по различным направлениям, разрабатывались учебники, выпускались словари, открывались национальные факультеты и высшие учебные заведения и т.д. С гагаузами всего этого не происходило. В реальности не была разработана программа по развитию национальной гагаузской культуры на долгосрочной основе. ЦК КП Молдавской ССР в ответ на телеграмму, адресованную животноводом Чадыр-Лунгского района Генсеком ЦК КПСС Н.С.Хрущёвым, решило провести ряд мероприятий, связанных с развитием языка и культуры. Вскоре фиксированное открытие гагаузских школ выявило массу проблем в этом деле. Самой серьёзной была проблема подготовки национальных кадров. Краткосрочные курсы для подготовки учителей гагаузского языка и группы в Кагульском педучилище не решали проблему. Национальное образование требовало сбалансированного подхода, сочетавшего в образовании гагаузов преподавание русского и молдавского языков. В случае с гагаузами произошёл резкий переход от школ с русским языком обучения на гагаузский язык обучения в начальных классах.

Партийные инстанции Молдавии недооценили значение русского языка и двуязычия в интеллектуальной, духовной и социальной жизни гагаузов. Перевод школьного обучения на гагаузский язык ослабил внимание органов народного образования к изучению русского языка. Недостаточное владение русским языком осложняло дальнейшее обучение детей, создавало препятствия получению гагаузской молодежью высшего образования, грозило ограничить ей социальные перспективы. Сложившуюся ситуацию гагаузы воспринимали как неприемлемую.

Служащие и крестьяне – направляли в партийные и государственные органы

Учитель гагаузского языка, Н. Бабоглу,
1957, с. Копчак

Фольклорный коллектив г. Комрат

письма с требованием обеспечить их детям возможность учиться на русском языке. Необходимо подчеркнуть, что гагаузы выступали не против развития гагаузского языка и культуры, они протестовали против профанации образования на национальном языке. Кампания стихийных¹⁵ протестов достигла пика к концу 1960 г. В состоявшихся в декабре родительских собраниях приняли участие свыше 6 тысяч человек, около 500 родителей выступили. В целом, недостаточно продуманная и плохо организованная республиканскими властями под благовидным предлогом обеспечения гагаузам права на образование на родном языке, провалилась. 3 января 1961 г., приказом № 1 министра просвещения МССР «О переводе школ с учащимися-гагаузами на русский язык обучения» со второго полугодия 1960/1961 учебного года, обучение в гагаузской школе было вновь переведено на русский язык.

Если это решение было продиктовано волей родителей, то другие меры министерства просвещения Молдавской ССР, - прекращение преподавания гагаузского языка как предмета - не имели оправдания. В республике было прекращено издание странички на гагаузском языке и радиовещание, свернута подготовка учителей для гагаузской школы в педучилище и в Кишиневском педагогическом институте им. И.Крянгэ, расформировано научное подразделение в АН МССР по изучению гагаузского языка, фольклора, истории и этнографии гагаузов. Дело строительства гагаузской культуры было дискредитировано почти на три десятилетия.

В то же время, для абитуриентов из южных районов, в том числе для гагаузов, была сохранена квота в высших и профессионально-технических учебных заведениях Молдавии. В целом, процент гагаузов среди студентов не уступал доле гагаузов среди населения республики (3,5%). Эта политика обеспечила быструю и массовую подготовку гагаузской интеллигенции. В 60-80-е гг. XX века по темпам социально-культурного развития гагаузы далеко опережали другие этносы Молдавии. Доля гагаузов, получивших высшее образование, возросла за эти годы в 32 раза, в то время как среди молдаван - в 13,5 раза, а среди русских - всего в 3,5 раза. Отставание гагаузов по числу лиц с высшим образованием на 1000 чел. населения резко сократилось. Только за 70-е гг. среди гагаузов, занятых в народном хозяйстве, доля лиц с высшим, неполным высшим и средним специальным образованием возросла более чем втрое, с 2,3% до 6,9%.¹⁶

Существенный вклад в расширение культурного кругозора гагаузов вносили сельские библиотеки. В чадыр-лунгской районной газете еще в 1952 г. отмечали хорошую работу библиотеки в селе Томай, где на каждого читателя в среднем пришлось по 13 прочитанных книг, вулканештская газета рассказывала о работе библиотеки села Этулия, услугами которой пользовались 572 читателя. Фонды библиотек в 50-60-е гг. постоянно пополнялись, и обеспеченность гагаузских сел литературой соответствовала среднереспубликанскому уровню. В 1972 г. фонд библиотек Вулканештского

района составили 303 тыс. экземпляров книг и журналов, в Комратском – 277,3 тыс., в Чадыр-Лунгском – 375,9 тыс. В среднем библиотечный фонд одного района Молдавии в то время составлял 373,8 тыс. экземпляров.

Любимым развлечением населения, особенно молодежи, стало кино. В 50-е гг кинофильмы в сельских клубах показывали, главным образом, при посредстве узкоплёночных кинопередвижек. К концу этого периода почти все сельские клубы обзавелись стационарными киноустановками, а в 70-е гг. более 50% киноустановок были заменены аппаратами для просмотра широкоэкранных фильмов, и хотя популярность киносеансов снижалась в связи с развитием телевидения, в Вулканештской и Чадыр-Лунгском районах число их посещений населением превышало уровень, средний по Молдавии. В 50-е гг. предпринимались попытки использовать кино в целях повышения культуры земледелия. «Особенно хорошо, – отмечено в ведомственной справке 1954 г., – организован показ сельхозфильмов в Комратском р-не киномехаником т. Тукан, на сеансах которого проводятся лекции и обсуждения просмотренных фильмов¹⁷».

В Комрате, ЧадырЛунге, Вулканештах были построены Дворцы культуры, а в большинстве сел – Дома культуры, в которых показывали кинофильмы, проводили репетиции хоры, другие коллективы художественной самодеятельности. В Комратском райгоне были созданы духовой оркестр, оркестр народных инструментов, сводный хор в составе 600 чел. и танцевальный коллектив из 100 танцоров. Они успешно выступали на республиканских смотрах, исполняли песни самодеятельных авторов. В 60-е гг. в Комрате и гагаузских селах появились самодеятельные вокально-инструментальные ансамбли.

В 50-е гг. в жизнь гагаузского села вошло радио, а в 60-е – телевидение. В 1974 г. 26% жителей гагаузского села имели в доме радиотрансляционные точки, передававшие наряду с мировыми, общесоюзными и республиканскими известиями также местные новости, народную музыку, литературные передачи. 66% гагаузских семей располагали радиоприемниками, а 47%, – также телевизорами.

Наглядным свидетельством пробуждения исторической памяти гагаузского народа и ценным пополнением инфраструктуры гагаузской культуры стало создание в Комрате, Вулканештах, Чадыр-Лунге историко-краеведческих музеев, а в селе Бешалма – историко-этнографического. Последний был учрежден в 1966 г. по инициативе писателя Д.Н.Карачобана, ставшего его первым директором¹⁸. Фонды музеев постоянно пополнялись предметами культуры и быта, документами, фотографиями, записями гагаузских песен. Только в Бешалминском музее было собрано более 2 тыс. ценных экспонатов¹⁹.

Культурный подъем гагаузского этноса был ускорен массовым приобщением гагаузов к русскому языку. Чем убежденнее делали гагаузы русский язык своим национальным достоянием, отмечает М.Н. Губогло, тем ощутимее становился их вес в общественной жизни Молдавии. Формирование этнической идентичности гагаузов на основе двух языков, гагаузского и русского, позволило им в исторически короткий срок обрести многочисленный отряд работников умственного труда.²⁰ В Комрате и Кишиневе сформировалась группа гагаузских литераторов и журналистов, а в учреждениях Академии наук МССР и в высших учебных заведениях выросло поко-

Писатель Д. Карачобан

ление научных работников-гагаузов. В их числе, упомянутый почетный академик АНМ М.Губогло, Г.Гайдаржи, С.Куроглу, М.Маруневич и другие.

В 50-е годы XX в. начинает развиваться гагаузская художественная литература. Появляются писатели Н.Арабаджи, Н.Танасоглу, Д.Танасоглу, Д.Карачобан, М.Кёся, Н.Бабоглу, С.Куроглу и др. К сожалению, развитие гагаузской литературы проходило в трудных условиях ввиду объективных и субъективных причин. За тридцать лет на гагаузском языке было выпущено всего 30 сборников художественных произведений на гагаузском языке мизерным тиражом, в том числе 8 сборников прозы, 21 сборник стихов, книга переводов с русского на гагаузский; в переводе на гагаузский язык были изданы также три научно-популярные брошюры исторического содержания и некоторые другие работы²¹. Участники этнографического хора села Бешгиоз собрали, обработали и вернули к жизни старинные гагаузские песни²². Событием культурной жизни народа явились постановки пьес Д.Танасоглу «Буджакта йалын» и «Оглан хем Лянка». Их увидели тысячи зрителей в гагаузских селах²³. В 1982 г. вышел первый роман на гагаузском языке «Узун керван» («Долгий караван»), написанный Дионисием Танасоглу.

Ориентация на современного двуязычного гагаузского читателя, ценящего книгу не только за то, что она издана на родном языке, но и за художественные достоинства, знакомство гагаузских писателей с богатейшей русской культурой помогло им быстро преодолеть последствия социальной незрелости гагаузского общества и провинциализм, неизбежный и для литератур гораздо более многочисленных народов. Гагаузские писатели и поэты воспевали трудолюбие гагаузов, родной язык и природу Буджака, тепло родного очага. Наиболее важным для развития гагаузской культуры был их вклад гагаузских писателей и поэтов в разработку стандартов гагаузского литературного языка. Молодая художественная литература формировала этническую идентичность гагаузов. Литераторы приступили к поиску в прошлом гагаузского народа славных событий, легендарных героев, знаменательных дат и выдающихся деятелей²⁴.

В 60-70-е годы XX в. в деле национальной консолидации народа сыграл гагаузский писатель Д.Н.Карачобан. Параллельно художественному творчеству, писатель уделял много времени созданию историко-этнографического музея в селе Бешалма. Его усилия увенчались успехом. Село Бешалма стало известным не только в СССР, но и во многих странах мира. К Д.Карачобану приезжали учёные, писатели, журналисты. В результате, на страницах различных изданий появились материалы о гагаузской истории и культуре. В эти же годы активно работал талантливый гагаузский художник Д.Савастин. Проведение художественных выставок в Комрате, Кишинёве, Москве и др. городах пропагандировало культуру гагаузского народа.

По уровню своего функционального развития гагаузский язык, естественно, не

мог соперничать с молдавским или известным каждому гагаузу русским языком. Его литературные стандарты были попросту неизвестны большинству гагаузов. Как и молдаван, русских, украинцев, болгар и другие народы, не обошел гагаузов и процесс забвения традиционной культуры. «Современное поколение молодых людей, – отмечали публицисты и ученые, – уже не владеет фольклорным наследием народа, не поет колыбельных песен своим детям, не рассказывает им сказок на родном языке, дети не играют в национальные детские игры»²⁵. Но эти явления не могли перечеркнуть в сознании народа положительной оценки итогов социально-культурного развития гагаузов в 50–80-е гг.

Повышение благосостояния и подъем культуры способствовали упрочению национального сознания гагаузов. Несмотря на всеобщее знание русского языка, 96% гагаузов считали родным именно гагаузский язык и говорили на нем.

Подъем гагаузской культуры создал условия для расширения общественных функций гагаузского языка. В 1986 г. было возобновлено изучение гагаузского языка в школе (факультативно, в 7–10 классах). С 1 сентября 1989 г. в школах районов компактного проживания гагаузов гагаузский язык был введен как обязательный предмет изучения с первого класса, был издан гагаузский букварь, возобновлена подготовка преподавателей гагаузского языка в Кишиневском педагогическом институте им. И.Крянгэ.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ ГАГАУЗСКОГО ЭТНОСА

Демографическое развитие гагаузов в 50–80-е гг. XX вв. происходило в условиях стабильности и определялось соотношением рождаемости и смертности, а также этническими процессами. Согласно переписи 1959 г., на 100 мужчин у гагаузов приходилось 107 женщин, а у молдаван – 115, у украинцев 121, у русских – 126.

Уровень смертности после 1947 г. неуклонно снижался. Но решающим фактором воспроизводства населения является рождаемость, а уровень рождаемости определяют, прежде всего, экономические и социально-культурные причины. Если в 1950 г. Молдавия занимала по уровню рождаемости второе, после Туркмении, место среди республик СССР, 38,9 рождений на тысячу жителей (в сравнении с 26,7 промилле в среднем по Союзу), – то она же оказалась первой по темпам снижения рождаемости²⁶. Однако у гагаузов рождаемость оставалась почти в 1,5 раза выше, чем у их соседей-болгар, одной из самых высоких в республике, близкой к биологическому максимуму – 45 рождений на тысячу жителей ежегодно. Следующими после гагаузов по уровню рождаемости были молдаване и болгары, соответственно 32,5 и 29,3 промилле. За 30 лет (1959–1989 гг.) численность гагаузов в Молдавии возросла в 1,6 раза, с 95856 до 153458 чел., что существенно превосходило динамику численности молдаван (148,1%),

Гагаузы, 50-е годы, XX в.

украинцев (142,5%), болгар (141,9%) и несколько уступало темпам увеличения численности русских Молдавии (191,8%), получавших миграционное пополнение²⁷.

В 60–80-е гг. диспропорции полов, обусловленные гибелью мужчин в годы Великой Отечественной войны, постепенно выравнивались у всех национальных сообществ Молдавии. Однако снижение рождаемости в этот период было обусловлено не только вступлением в детородный возраст сравнительно малочисленного поколения, родившегося во время войны и понесшего потери в период голода 1946–1947 гг., но, главным образом, влиянием повышения образованности населения и других социально-культурных факторов, определявших темпы воспроизводства населения в Европейской части СССР, в том числе в Молдавии. В 1970 г. был пройден наименьший, как тогда полагали, уровень рождаемости за послевоенный период (19,4 промилле), и она начала возрастать.

Доля гагаузов среди населения республики в 1959–1989 гг. возросла с 3,3 до 3,5%. В 80-е гг. у гагаузов произошел переход от прогрессивной структуры населения, характеризуемой большей долей детей в общей численности населения, к стационарной, для которой характерно примерное равновесие долей детских и старческих возрастных групп²⁸. Еще более высокими темпами «старело» население, принадлежащее к другим национальным группам. Вследствие миграций оно теряло часть мужчин, поэтому диспропорция полов сохранялась; миграционная подвижность гагаузов была меньше. Поэтому по темпам падения рождаемости гагаузы по-прежнему отставали от других национальных сообществ Молдавии. Однако среди гагаузов, живущих в городе, рождаемость не всегда была ниже, чем у сельского населения. В 1989 г. у гагаузов, как и у молдаван, украинцев и болгар, живущих в городе, рождаемость оказалась выше, чем у сельских жителей тех же национальностей²⁹.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ГАГАУЗОВ

50-е годы XX в., гагаузская молодежь

Согласно переписи в Российской империи 1897 г., гагаузский этнос практически полностью состоял из крестьян. 94,5% гагаузов были заняты в сельском хозяйстве. По существу, крестьянами являлись и почти все остальные. В промышленности, ремеслах, на транспорте были заняты еще 2,4%, а в торговле и обслуживании 1,7%. В просвещении, науке, литературе, искусстве, здравоохранении были заняты всего 0,15% гагаузов³⁰. Эта структура занятости, несомненно, сохранилась до конца Великой Отечественной войны; можно предположить только еще большее сокращение доли занятых в торговле и обслуживании и некоторого увеличения численности рабочих. Участие нескольких тысяч мужчин-гагаузов, призванных по трудовой мобилизации в 1944–1945 гг., в восстановлении военно-промышленных и транс-

ГЕРОИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Басс Л. Ф., с. Кирсово

Карагяур Ф. С., Вулканешты

Георгиогло Н. Н., с. Дезгинже

Костов А. И., с. Баурчи

портных объектов не привело их к перемене рода занятий: после демобилизации они вернулись к крестьянскому труду.

М. Тузов – Герой Социалистического труда

Некоторые изменения в социальной структуре гагаузов произошли в 50-е гг. К 1959 г. среди гагаузов, проживающих на селе, доля занятых в сельском хозяйстве сократилась до 87,1%, а доля занятых в промышленности, на транспорте и в связи возросла до 4,2%. Иными словами, как уже отмечено, и в это время более 80% гагаузов работало в сельском хозяйстве, в то время как в среднем по Молдавии этот показатель составлял 73%, а по СССР 40%³¹.

Но в 60-80-е гг. Молдавия получала все более крупные средства из бюджета СССР, министерств и ведомств Союза. Их инвестировали в промышленность, в том числе винодельческую и табачную. Это позволило построить в районах компактного проживания гагаузов и болгар ряд винных заводов. За двадцать лет доля промышленных рабочих среди сельских гагаузов возросла более чем втрое, достигнув 14,4%. Но по темпам индустриализации гагаузские районы несколько отставали от средних по Молдавии. В целом по республике в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и на транспорте в 1979 г. были заняты 17,2% сельского населения. Доля гагаузов, занятых в торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении, равнялась всего 1,3% и более чем вдвое уступала средней по Молдавии (3,1%).

Отчасти это было обусловлено исторически – отставанием гагаузов в темпах урбанизации. Но доля горожан среди занятого гагаузского населения только за десять лет, в 1979-1989 гг., увеличилась с 39 до 44%³². Среди гагаузов, проживающих в городе, доля занятых в промышленности в 1959 г. составляла всего 18,5%, вдвое уступая средне-республиканскому показателю (31,4%). В промышленности и в дальнейшем преобладали работники из местного русского и украинского городского населения, обладавшие сравнительно высоким общеобразовательным и профессиональным уровнем, традициями промышленной культуры. Молдаване, как титульная национальность получившие приоритетные условия для социально-культурного роста, активно пополняли не только ряды рабочих, но и управленческий персонал, ряды работников торговли, здравоохранения, просвещения. Тем не менее, гагаузы-горожане успешно включались в структуру городского населения, к концу 70-х гг. доля занятых в промышленности, строительстве и на транспорте достигла среди них 27,1%, что уже немного уступало средне-республиканскому уровню – 34,6%³³. Однако доля горожан среди гагаузов в силу исторических причин оставалась меньше, чем у молдаван и других этносов. Преобразование в города ряда поселков с населением, занятым преимущественно сельскохозяйственным трудом, привело к тому, что даже в 80-е гг. пятая часть гагаузов-горожан трудилась в сельском хозяйстве. Занятость гагаузов в индустриальном производстве (14,5%) была в 1,4 раза меньше, чем в среднем по республике (25,6%), а в здравоохранении, просвещении, культуре, науке искусстве доля занятых среди гагаузов была в 2,4 раза ниже средне-республиканского показателя (8,8)³⁴.

Свидетельством социально-культурного прогресса гагаузов стало возрастание социальной активности гагаузских женщин. Среди самодеятельного гагаузского городского населения женщины составляли 48,6% (у молдаван столько же, у русских – 51,6%); в сельской местности гагаузские женщины составляли 54,2% всех занятых лиц своей национальности³⁵, что можно объяснить также увеличением, - в том числе благодаря усвоению русского языка, - миграционной подвижности гагаузов, поскольку большинство мигрантов составляли мужчины. Активизация миграций представляет собой еще одно свидетельство социально-культурного подъема гагаузов.

За тридцать лет (1959–1989 гг.) численность гагаузов в Молдавии, как отмечено, возросла с 95,9 тыс. до 153,5 тыс. чел., т.е. на 59,4%. Таким же оказался процент возрастания численности гагаузов в пределах СССР. Увеличение численности гагаузов, проживающих на Украине, за тот период даже в процентном отношении оказалось значительно меньшим: с 23,5 тыс. до 29,4 тыс., т.е. на 36,2%³⁶.

РОСТ ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРЫ. ГАГАУЗЫ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Одним из ключевых показателей культурного развития этноса является рост его образовательного уровня. За период, когда не успели смениться два поколения гагаузов (1944-1991 гг.), социально-культурный облик гагаузского народа изменился коренным образом. Относительное число лиц с высшим образованием (в расчете на 1000 чел. населения) возросло за эти годы более чем в 30 раз, число лиц со средним специальным образованием – почти в 20 раз, с общим средним – в более чем в 40 раз. В целом число гагаузов со средним, средним специальным и высшим образованием составляло в 1989 г. 40% гагаузского населения Молдавии³⁷.

Этот прогресс представлял собой закономерный результат национальной политики СССР и был достигнут в контексте общего социально-культурного подъема народов Союза, поэтому гагаузами, как и другими народами страны, он воспринимался как нечто само собой разумеющееся. Дистанция в социально-культурном развитии между гагаузами и другими национальными сообществами республики сократилась

Первая футбольная команда, с. Конгаз

до минимума. Сформировалась многочисленная и профессионально конкурентная гагаузская интеллигенция. В целом, гагаузы были удовлетворены национальной (языковой, кадровой) и социальной политикой, проводимой в СССР, и своим социально-политическим статусом в Молдавии.

Этнокультурный комплекс, поддерживающий гагаузскую национальную идентичность, опирается на традиционную народную культуру. Во второй половине XX в. у гагаузов, как и у других народов, под влиянием процессов глобализации

произошло сокращение реального функционирования традиционного компонента культуры. В отличие от русских и молдаван, гагаузы не смогли компенсировать это развитием профессиональной культуры. Реально гагаузы осваивали прежде всего русскую культуру. Лишь отчасти это было предопределено массовым обучением гагаузов на русском языке, скорее – свойствами самой русской культуры и широкой распространенностью и официальным статусом русского языка в СССР.

Хотя по-прежнему существовала возможность выбора языка обучения – молдавского или русского, – и школьное, и высшее образование свыше 95% гагаузов получали на русском языке. Русский – язык межнационального общения в СССР и язык православной церкви, стал для гагаузов вторым родным языком. Свободное владение русским языком было важным фактором, обеспечившим гагаузам социально-культурное равенство с другими народами страны.

На празднике. г. Чадыр-Лунга

Освоению русского языка гагаузами, аккультурации нового поколения на основе русского языка, способствовало то обстоятельство, что эти процессы протекали в отсутствие административного принуждения и не вели к смене их этнической самоидентификации. В 1979 г. гагаузский язык, как и в 50-е гг., признали родным 95,7% гагаузов Молдавии, а в 1989 г. – почти столько же, 91,2%. Доля гагаузов, назвавших родным русский язык, возросла вдвое, с 3,2% до 7,4%, т.е. оставалась очень небольшой. Практически прежней, – 1,1% против 0,9% в 1979 и 1% в 1959, – осталась в 1989 г. доля гагаузов, признавших родным молдавский язык³⁸.

Гагаузская культура оставалась фактором воспитания гагаузского национального сознания. По данным социологических опросов конца 80-х гг., 74% гагаузов знали, а 52% могли исполнять гагаузские народные песни, а 84 и 58 % соответственно – гагаузские танцы. Еще более высоким (соответственно 75 и 64, и 83 и 61%) был уровень владения гагаузской культурой среди молодежи. Хотя данные опросов, проведенных в обстановке подъема национально-политического движения, вряд ли отражают действительную степень приобщения молодых гагаузов к национальной культуре, – скорее, это показатель подъема национального сознания, – справедливо и обратное мнение: рост национального сознания активизирует приобщение к национальной культуре.

О почетном месте традиционной гагаузской культуры в сознании гагаузов в конце 80-х гг. XX в. свидетельствует их, – пусть, на уровне деклараций, – преимущественная ориентация на национальную музыку и танцы. При социологическом опросе, проведенном в 1989 г., на вопрос «Народные музыка и танцы какой национальности Вам больше нравятся?» была получена следующая иерархия этнокультурных предпочтений гагаузов: 1) гагаузские, 2) молдавские, 3) русская музыка, болгарские танцы, 4) болгарская музыка, русские танцы, 5) украинские музыка и танцы. Значительное

место молдавской народной музыкальной культуры в национально-культурных ориентациях гагаузов объясняется, прежде всего, проникновением традиционной молдавской музыкальной культуры в культуру гагаузскую. Оно практически противоположно месту в этих ориентациях, занимаемому профессиональной музыкальной культурой титульной нации³⁹.

Если в случае с молдавской традиционной культурой ее диффузия носит односторонний характер, – что объясняется численным соотношением этносов, а также преимущественной трансляцией молдавской культуры при посредстве государственных средств массовой информации, – то в случае с болгарами ситуация иная. Гагаузов объединяет с ними историческая память, и традиционная болгарская культура очень близка гагаузам.

Телефонистки Чадыр-Лунги

ИЗМЕНЕНИЯ В ДУХОВНОМ ОБЛИКЕ ГАГАУЗОВ

Переворот в экономической и культурной жизни, осуществленный в 50-е гг., преобразование социальной структуры гагаузов и массовое повышение их образовательного уровня привели к изменению их духовного облика. Широкое распространение получило среди гагаузов повышение профессионального уровня. В 70-е гг. различными формами профессиональной подготовки были охвачены около 30% работников колхозов и совхозов. В селах действовали школы рабочей молодежи и вечерние школы, в которых колхозники и рабочие, имевшие только неполное среднее или даже начальное образование, получали среднее образование. Некоторые выпускники этих школ продолжали образование в высших и средних специальных учебных заведениях.

Возрастало потребление культуры в проведении свободного времени. По данным социологических исследований, в 70-е гг. более половины (54%) гагаузов регулярно смотрели телепередачи, половина (49%) слушали радио, 16% читали художественную литературу.

При поощрительном отношении государства, руководства колхозов, местной администрации активизировалось массовое художественное творчество. В каждом гагаузском селе имелись любительские вокально-инструментальные ансамбли, хоры народной песни, оркестры народной музыки. Самодеятельные коллективы из гагаузских сел участвовали в проводившихся ежегодно республиканских смотрах художественной самодеятельности, их концерты транслировали телевидение и радио Кишинева. Количественные показатели самодеятельного художественного творчества в гагаузском селе были близки к уровню малых и средних городов Молдавии.⁴⁰

Работала сеть кружков политического просвещения, постоянных семинаров, других форм политического и экономического просвещения на предприятиях, в организациях и учреждениях, в учебных заведениях. Это, как и участие в партийных, профсоюзных, комсомольских собраниях, сельских сходах, избирательных кампаниях, вырабатывало у рабочих, колхозников, служащих, молодежи чувство причастности к решению общественно-значимых вопросов и навыки публичных выступлений, в конечном счете формировало современную традицию общественной

Свадьба в с. Авдарма

жизни. Одним из показателей социально-культурного подъема гагаузов стала активизация участия женщин в общественных делах. Среди 636 депутатов, избранных в 1980 г. в местные Советы Комратского района, было 322 женщины, в том числе 145 гагаузок. Л.Гаргалык, Л.Кичук, И.Шихова, Н.Кыса и многие другие женщины-гагаузки избирались депутатами Верховного Совета Молдавии.

50–80-е годы XX века стали самым продуктивным периодом в истории гагаузского народа. Это был, в целом, период небывалого социально-культурного взлета гагаузского народа.

Национально-культурный взлет гагаузского народа в 50–80-е гг. XX в. происходил в контексте ускоренного экономического и культурного развития Молдавии и всего Союза ССР. Особенность ускоренного социально-культурного прогресса гагаузов заключалась в том, что он был обеспечен в отсутствие национально-территориальной автономии. Тем не менее, его темпы оказались выше, чем у других национальных сообществ Молдавии. Не только юридическое равноправие, но и социально-культурное равенство гагаузов с другими народами Молдавии было, в основном, достигнуто.

К сожалению, популяризация хозяйственной деятельности и производственных успехов гагаузов осуществлялась средствами массовой информацией в ущерб освещению событий их культурной жизни.

Гагаузский народ оказался практически исключенным и из истории Молдавии. Последний обобщающий труд советского периода «История Молдавской ССР», изданный в 1982 г., оказался написан как история молдаван. Его авторы редко упоминали об участии бессарабских гагаузов и болгар в войнах России против Османской империи, русско-японской войне 1905 г., империалистической войне 1914–1918 гг., в боях против румынских интервентов в 1918 г., гражданской войне 1918–1921 гг., а также об участии гагаузов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Что касается истории и культуры, то даже деятельность просветителя М.М. Чакира раскрывалась без упоминания о том, что он был гагаузским священником и им написана «История гагаузов» на гагаузском языке.

К сожалению, в 80-е годы XX в. руководство МССР не разработало программу по национально-культурному развитию гагаузов, что привело к забвению многих культурных ценностей народа: не была организована подготовка специалистов в области

гагаузского языка и литературы, музыки, театра, не издавались газеты, журналы на гагаузском языке, не осуществлялись передачи по радио и телевидению и т.д. Вследствие этого выросли поколения гагаузов, лишённых минимальной информации о своей истории и культуре. Это привело к тому, что в середине 80-х годов в среде гагаузской интеллигенции, которая к этому времени, в основном, стала русскоязычной, стало выражаться недовольство сложившейся ситуацией. Мало что изменило создание в АН МССР в 1987 г. отдела гагаузоведения, а также выделение нескольких штатных единиц в министерстве образования, учреждение в 1988 г. газеты «Ана сёзю» и гагаузских страничек в районных газетах, открытие передач на радио и телевидении. Все эти меры не соответствовали велению времени.

В дальнейшем, в 1989 г., ситуация, подогретая националистическим угаром со стороны Народного Фронта Молдовы, привела к мощному стремлению гагаузов к созданию национальной автономии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Как чадыр-лунгские колхозники догоняют США. Кишинев. 1957. С.9.
- ² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее РЦХДНИ). Фонд. 573. Оп..1. Д.38. ЛЛ.48,49.
- ³ Там же. ЛЛ.52-54. См. также: Губогло М.Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. Москва. 2004. С.7.
- ⁴ См.: Алтатов В.М. 150 языков и политика.1917-1997; Социолнгвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997.
- ⁵ РЦХДНИ. Ф. 573. Оп..1. Д.38. Л.50.
- ⁶ Губогло М.Н. Указ. соч. С.11
- ⁷ Там же.
- ⁸ Гайдаржи Г. Язык и культура гагаузов: вчера, сегодня, завтра. \Советская Молдавия. 1990. 10 января.
- ⁹ Губогло М.Н. Указ. соч., С.12.
- ¹⁰ Там же. С.12-13.
- ¹¹ О создании Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Молдавской ССР. Кишинев. 1989. С.23.
- ¹² Там же. С.23.
- ¹³ Губогло М.Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. Москва. ЦИМО. 2004. С. 76.
- ¹⁴ Губогло М.Н. Указ. соч. С. 95.
- ¹⁵ Несмотря на поиски документов о чем-либо участии в организации этих протестов, предпринятом академиком М.Н.Губогло, таковых не обнаружено. (Губогло М.Н. Указ. соч. С.125) Ни одного свидетельства о чьей-либо причастности к ним не появилось и в периодической печати.
- ¹⁶ См.: Губогло М.Н. Указ. соч., С.128,129
- ¹⁷ Там же. С.179.
- ¹⁸ Булгар С. Гагаузские судьбы. Кишинев. 2003. С.138, 139.
- ¹⁹ Вержбицкий С. О чем рассказывают музеи. Кишинев. 1980. С.96.
- ²⁰ Губогло М.Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. Москва. 2004. С.127.
- ²¹ Там же. С.24.

- ²² Губогло М.Н. Указ. соч. С.172.
- ²³ Булгар С. Указ. соч. С.110.
- ²⁴ Там же., С. 141, 145, 148
- ²⁵ О создании Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Молдавской ССР. С.25.
- ²⁶ Этносоциальные проблемы гагаузов: Опыт монографического описания.\\ Российский этнограф. Этнологический альманах. №17. Москва. 1993. С.38.
- ²⁷ О создании Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Молдавской ССР. С.27-29, 39.
- ²⁸ Там же. С.29-32.
- ²⁹ Там же. С. 41.
- ³⁰ Там же. С.118.
- ³¹ Там же. С.120.
- ³² Там же. С. 116
- ³³ Там же. С.120-122.
- ³⁴ Там же. С.121.
- ³⁵ Там же. С.116.
- ³⁶ Там же. С.128.
- ³⁷ Там же. С.150.
- ³⁸ О создании Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Молдавской ССР. С.165.
- ³⁹ Там же. С.162,163.
- ⁴⁰ Курогло С.С. Изменение духовного облика гагаузского крестьянства за годы Советской власти.\\ Известия АН МССР. Серия общественных наук. 1979. №2. С.86-94.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ АФГАНИСТАН (25 ДЕКАБРЯ 1979 Г. – 15 ФЕВРАЛЯ 1989 Г.), ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ АТО ГАГАУЗИЯ

В декабре 1978 г. между СССР и Демократической Республикой Афганистан был заключен Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве.

В декабре 1979 г. советское руководство приняло решение о вводе войск в Афганистан. При этом имелось в виду, что соединения и части разместятся гарнизонами и возьмут под охрану важнейшие объекты. Но в результате советские войска в Афганистане были вовлечены в вооруженную борьбу с антиправительственной оппозицией и защиту от внешнего вмешательства.

Ввод советских войск в Афганистан не привел к спаду вооруженного сопротивления оппозиции. Наоборот, с весны 1980 г. оно началось разрастаться.

В соответствии с решением политического руководства СССР, советские войска в ответ на многочисленные обстрелы их гарнизонов и транспортных колонн отрядами оппозиции начали проводить совместно с афганскими подразделениями боевые действия по поиску и ликвидации наиболее агрессивных вооруженных групп противника.

В этих боевых действиях принимали участие и наши земляки. Из Гагаузии служил в Афганистане 441 человек. По официальным сведениям, в Афганистане погибло 17 гагаузов.

КОМРАТСКИЙ РАЙОН

Г. КОМРАТ

Рядовой Арнаут Николай Семёнович, 1960 года рождения; рядовой Арнаут Пётр Константинович, 1966; рядовой Анастасов Фёдор Ильич, 1960; рядовой Арабаджи Дмитрий Дмитриевич, 1960; рядовой Адещенко Михаил Иванович, 1965; рядовой Березняну Дмитрий Иванович, 1968; рядовой Бабаян Георгий Григорьевич (медаль «За боевые заслуги»), 1962; рядовой Беженарь Николай Владимирович, 1965; мл. сержант Барбов Семён Дмитриевич, 1964; сержант Бачу Анатолий Кириллович (медаль «За отвагу»), 1963; сержант Влах Михаил Георгиевич, 1966; рядовой Влах Илья Константинович, 1963; рядовой Выхрест Василий Георгиевич, 1960; рядовой Влах Георгий Степанович, 1966; сержант Влах Пётр Васильевич, 1963; рядовой Галкин

В.И. Иванов (сидит слева) из с. Конгаз. Перед операцией в апреле 1987 г. Служил в погранвойсках. Награжден медалью «За отвагу»

Владимир Тимофеевич, 1969; рядовой Греку Иван Васильевич, 1961; прапорщик Герчу Василий Константинович (медаль «За боевые заслуги»), 1953; рядовой Герцогло Иван Константинович, 1966; майор Геласимов Анатолий Георгиевич (орден «Красной Звезды»), 1951; мл. сержант Герцогло Пётр Дмитриевич, 1965; сержант Дюльгер Иван Фёдорович, 1968; старшина Драгу Фёдор Константинович, 1969; майор Димитрогло Илья Николаевич (орден «За службу Родине» III ст., медаль «За безупречную службу»), 1960; рядовой Добров Иван Борисович,

1964; рядовой Еринец Илья Андреевич, 1969; рядовой Еринец Иван Андреевич, 1964; сержант Железов Дмитрий Петрович, 1962; рядовой Златов Георгий Георгиевич, 1964; рядовой Кендигелян Сергей Михайлович, 1965; полковник Куликов Алексей Александрович (медаль «За отвагу»), 1961; рядовой Калачёв Вадим Владимирович, 1968; сержант Кысса Пётр Георгиевич, 1967; сержант Кроитор Степан Иванович, 1962; рядовой Кихаёгло Вячеслав Иванович, 1968; мл. сержант Кирьяков Григорий Петрович, 1969; ст. сержант Кирьяков Василий Иванович, 1967; рядовой Кара Иван Николаевич, 1967; рядовой Кихаёгло Иван Константинович, 1963; рядовой Кириогло Эдуард Дмитриевич, 1968; рядовой Казанжи Василий Дмитриевич (медаль «За боевые заслуги»), 1965; рядовой Кюлафлы Кирилл Фёдорович, 1964; рядовой Лейчу Илья Георгиевич (медаль «За отвагу»), 1962; мл. сержант Мавроди Пётр Фёдорович (медаль «За боевые заслуги»), 1968; рядовой Мелишинский Владимир Григорьевич, 1960; мл. сержант Маринов Пётр Фёдорович, 1968; рядовой Митиогло Иван Иванович, 1968; вольнонаемная Мутаф Елена Петровна, 1962; рядовой Мутаф Василий Иванович, 1968; рядовой Мавроди Константин Андреевич, 1963; рядовой Мардарь Иван Георгиевич, 1963; рядовой Михайлов Григорий Петрович, 1968; сержант Мишиогло Иван Петрович, 1959; рядовой Незальзов Григорий Иванович, 1963; рядовой Новак Фёдор Петрович, 1960; рядовой Остац Иван Михайлович, 1959; рядовой Паламарь Юрий Алексеевич, 1966; рядовой Пею Григорий Фёдорович (медаль «За боевые заслуги»), 1965; сержант Патраман Иван Михайлович, 1967; мл. сержант Пейогло Пётр Дмитриевич, 1969; мл. сержант Пиогло Григорий Константинович, 1967; рядовой Патраман Савелий Георгиевич, 1960; рядовой Петрович Пётр Петрович, 1968; рядовой Русика Евгений Иванович, 1968; сержант Росте Николай Сафронович, 1960; рядовой Собор Иван Андреевич, 1960; мл. сержант Топал Вячеслав Харлампьевич, 1965; сержант Терзи Дмитрий Иванович, 1965; рядовой Топал Юрий Михайлович, 1968; рядовой Топал Николай Иванович, 1969; рядовой Терзи Николай Иванович, 1968; сержант Станев Дмитрий Михайлович, 1960; рядовой Штиру Дмитрий Андреевич (медаль «За боевые заслуги»), 1964; рядовой Чебан Константин Фёдорович, 1962; ефрейтор Чиботаряну Георгий Александрович (медаль «За отличие в воинской службе») 1967; мл. сержант Узун Василий Николаевич, 1966.

С. КОНГАЗ

Рядовой Арнаут Николай Павлович, 1964; рядовой Арнаут Иван Гаврилович, 1964; рядовой Арнаут Павел Фёдорович, 1969; ст. сержант Бессараб Николай Петрович, 1965; рядовой Бессараб Константин Константинович, 1966; рядовой Гайдаржи Георгий Дмитриевич (медаль «За отвагу»), 1969; старшина Гурон Фёдор Семёнович, 1968; рядовой Душков Алексей Иорданович, 1969; рядовой Драгой Георгий Степанович, 1962; рядовой Драгой Дмитрий Иванович, 1967; рядовой Душков Николай Иванович, 1962; рядовой Есир Василий Павлович, 1960; сержант Есир Дмитрий Васильевич (медаль «За отвагу»), 1968; рядовой Жежу Дмитрий Петрович, 1963; рядовой Зотович Илья Иванович (орден «Красной Звезды»), 1965; старшина Иванов Вячеслав Иорданович (медаль «За боевые заслуги»), 1967; сержант Икизли Константин Васильевич, 1962; рядовой Куцар Фёдор Иванович, 1969; рядовой Каракоста Павел Кириллович, 1960; рядовой Калпакчи Василий Павлович, 1959; рядовой Комур Афанасий Васильевич, 1966; рядовой Комур Василий Михайлович, 1960; ст. сержант Николаев Дмитрий Кириллович, 1967; рядовой Рожков Фёдор Георгиевич, 1969; рядовой Палик Павел Степанович, 1968; ст. сержант Прудел Дмитрий Степанович (медаль «За боевые заслуги»), 1967; рядовой Пулукчу Степан Фёдорович, 1964; рядовой Палик Гаврил Иосифович, 1969; старшина Палик Кирилл Георгиевич (медаль «За боевые заслуги»), 1968; мл. сержант Собор Дмитрий Петрович (медаль «За боевые заслуги»), 1967; рядовой Стефу Илья Кириллович, 1968; ст. сержант Терзи Иван Георгиевич, 1967; рядовой Татареску Кирилл Андреевич, 1969; старшина Терзи Степан Иванович, 1962; мл. сержант Таралеш Георгий Николаевич, 1968; сержант Тельпиз Степан Андреевич, 1964; рядовой Урум Николай Георгиевич, 1963; рядовой Узун Константин Васильевич, 1964; сержант Узун Константин Николаевич, 1960; рядовой Чебанов Пётр Васильевич, 1963; рядовой Чебанов Степан Васильевич, 1967; рядовой Чебанов Александр Михайлович, 1966; рядовой Шкембежи Василий Иванович, 1963; рядовой Янаков Пётр Васильевич, 1969; рядовой Ясыбаш Иван Васильевич, 1964.

В.К. Герчу – служил в ДРА в дорожно-комендантских войсках. 1988 г.

С. КИРСОВО

Лейтенант Главчев Александр Георгиевич (медаль «За боевые заслуги»), 1968; мл. сержант Добриогло Степан Георгиевич (орден «Красной Звезды»), 1960; мл. сержант Драган Василий Васильевич, 1959; мл. сержант Златовчен Василий Георгиевич, 1967; рядовой Каражелез Дмитрий Васильевич, 1959; сержант Кристиогло Фёдор Иванович (медаль «За боевые заслуги»), 1967; рядовой Комур Афанасий Васильевич, 1966; ефрейтор Кулиш Гаврил Иванович (медаль «За отвагу»), 1967; ст. сержант Койнак Фёдор Петрович, 1958; рядовой Карасени Афанасий Георгиевич, 1959; ст. сержант Касияди Фёдор Александрович, 1967; рядовой Раткогло Георгий Георгиевич, 1966;

сержант Сакалы Пётр Георгиевич, 1960; рядовой Сакалы Георгий Дмитриевич, 1960; рядовой Сиркели Савелий Георгиевич, 1961; сержант Пирон Семён Степанович, 1962; рядовой Радов Георгий Петрович, 1960; рядовой Фуртуна Константин Петрович, 1967; рядовой Чолак Дмитрий Георгиевич, 1967.

С. БЕШААМА

Мл. лейтенант Богдан Семён Петрович, 1961; сержант Войков Николай Фёдорович, 1966; сержант Войков Константин Александрович, 1968; мл. сержант Кара Георгий Дмитриевич, 1967; сержант Кеся Георгий Константинович, 1959; рядовой Кеся Константин Афанасьевич, 1964; сержант Карачобан Георгий Георгиевич, 1963; сержант Кырбоба Пётр Дмитриевич, 1966; сержант Капаклы Иван Дмитриевич, 1967; рядовой Кулиш Степан Степанович, 1960; рядовой Сары Иван Владимирович, 1965; рядовой Стамов Степан Георгиевич, 1964; рядовой Топал Иван Дмитриевич, 1961; рядовой Топал Николай Иванович, 1961; сержант Терзи Афанасий Петрович, 1960; сержант Топал Савелий Георгиевич, 1968; рядовой Терзи Иван Антонович, 1963; ст. сержант Тюлюмень Демьян Иванович, 1968.

С. ДЕЗГИНЖА

Рядовой Байрактор Василий Дмитриевич, 1960; рядовой Болокан Андрей Иванович, 1967; рядовой Дели Фёдор Иванович, 1959; рядовой Капсамун Иван Васильевич, 1969; рядовой Кыналы Николай Георгиевич, 1964; рядовой Капсамун Георгий Георгиевич, 1969; сержант Кроитор Василий Семёнович, 1966; рядовой Кириогло Василий Иванович, 1959; сержант Киряков Андрей Фёдорович, 1969; сержант Кириогло Николай Степанович, 1967; рядовой Кичук Андрей Георгиевич, 1969; мл. сержант Кожокарь Виктор Иванович, 1968; рядовой Нягу Георгий Васильевич, 1969; сержант Радов Владимир Петрович (медаль «За отвагу»), 1961; рядовой Томайлы Георгий Георгиевич, 1969; старшина Тукан Василий Иванович (орден «Красной Звезды», медаль «За отвагу»), 1968; рядовой Узун Дмитрий Дмитриевич (медаль «За боевые заслуги»), 1967; ефрейтор Узун Георгий Петрович (медаль «За боевые заслуги»), 1965.

С. БУДЖАК

Мл. сержант Григолия Годерзи Арчилович, 1967; рядовой Бану Дмитрий Степанович, 1965; старшина Балабан Сергей Матвеевич (медаль «За боевые заслуги»), 1967; сержант Бербер Георгий Георгиевич (медаль «За боевые заслуги»), 1962; лейтенант Бояркин Сергей Иванович (медаль «За отвагу»), 1962; мл. сержант Богдан Виталий Фёдорович, 1960; рядовой Митаки Степан Васильевич, 1965.

С. КОТОВСКОЕ

Рядовой Барган Дмитрий Георгиевич, 1964; сержант Дювенжи Николай Петрович, 1959; рядовой Узун Николай Николаевич, 1960; сержант Ясыбаш Николай Дмитриевич, 1964.

С. ФЕРАПОНТЬЕВКА

Рядовой Адещенко Николай Александрович (медаль «За боевые заслуги»), 1967; сержант Димчогло Дмитрий Владимирович, 1960; ст. сержант Коваленко Фёдор Александрович, 1964; сержант Танасогло Анатолий Константинович, 1964.

С. РУССКАЯ-КИСЕЛИЯ

Мл. сержант Константинов Илья Дионисович (медаль «За отвагу»), 1965; мл. сержант Кырбыик Борис Николаевич, 1967.

С. СВЕТАОЕ

Рядовой Арнаут Иван Ильич, 1969; рядовой Дойков Николай Георгиевич, 1965; рядовой Ковалёв Михаил Константинович, 1959.

С. КОНГАЗЧИК

Рядовой Самси Георгий Захарович, 1967; рядовой Танасов Савелий Михайлович, 1967.

ЧАДЫР-ЛУНГСКИЙ РАЙОН

Г. ЧАДЫР-ЛУНГА

Сержант Арабаджи Данил Константинович, 1964; рядовой Бачу Владимир Иванович, 1967; рядовой Беженарь Андрей Георгиевич, 1962; рядовой Балов Степан Михайлович, 1963; ст. сержант Братан Фёдор Петрович (медаль «За боевые заслуги»), 1968; рядовой Балов Николай Владимирович, 1967; рядовой Беженарь Иван Георгиевич, 1968; рядовой Бурджуа Иван Филиппович, 1969; сержант Великсаров Владимир Акимович (медаль «За боевые заслуги»), 1963; рядовой Ватаман Александр Владимирович, 1968; сержант Верхоглядов Евгений Николаевич, 1963; старшина Губогло Пётр Семёнович, 1965; мл. сержант Генов Пётр Васильевич, 1967; сержант Голощанов Александр Борисович, 1961; рядовой Градинар Николай Георгиевич, 1968; мл. сержант Ганев Дмитрий Васильевич, 1967; рядовой Дулев Пётр Дмитриевич (медаль «За отвагу»), 1962; рядовой Дулев Степан Дмитриевич, 1962; рядовой Иванчук Николай Иванович, 1962; майор Козлов Олег Владимирович (орден «Красной Звезды», медаль «За отвагу»), 1950; лейтенант Кывыржик Николай Николаевич (медаль «За боевые заслуги»), 1961; рядовой Кюркчи Николай Данилович, 1968; сержант Камбур Михаил Иванович, 1963; сержант Келеш Пётр Иванович, 1968; мл. сержант Константинов Дмитрий Георгиевич, 1960; рядовой Кирица Владимир Фёдорович, 1960; мл. сержант Кулев Михаил Георгиевич, 1960; сержант Кристов Иван Дмитриевич, 1959; мл. сержант Колтуклу Спиридон Георгиевич, 1968; рядовой Казак Иван Георгиевич, 1962; рядовой Карибаев Андар Капанович, 1961; сержант Михальчук Степан Иванович, 1961; рядовой Панайтаки Пётр Иванович, 1959; ст. прапорщик Радов Иван

Иванович, 1946; сержант Сырбов Сергей Ильич (медаль «За отвагу»), 1962; рядовой Ставчук Валерий Сергеевич, 1964; ст. сержант Сипачёв Иван Анатольевич, 1968; рядовой Тукан Константин Ильич, 1969; рядовой Чебанов Александр Михайлович, 1969; ст. сержант Чалыку Христофор Васильевич (орден «Красной Звезды»), 1963; рядовой Чебаника Иван Васильевич, 1964; рядовой Черниогло Иван Васильевич, 1962; рядовой Шарбан Олег Георгиевич, 1968.

С. ТОМАЙ

Рядовой Бурак Александр Фёдорович, 1966; мл. сержант Бабов Николай Александрович, 1969; сержант Винокуров Серафим Дмитриевич, 1965; рядовой Гаргалык Пётр Афанасьевич, 1968; мл. сержант Гарчу Николай Дмитриевич, 1968; старшина Гаргалык Виктор Иванович (медаль «За отвагу»), 1966; рядовой Гаргалык Иван Ильич, 1961; сержант Димчогло Дмитрий Владимирович, 1960; рядовой Душков Степан Фёдорович, 1969; мл. сержант Карлаков Иван Георгиевич, 1967; рядовой Карабаджак Валерий Серафимович, 1965; сержант Келеш Виктор Семёнович, 1966; рядовой Миху Николай Дмитриевич, 1963; рядовой Стамат Дмитрий Иванович, 1963; рядовой Сакалы Иван Ильич (медаль «За отвагу»), 1965; мл. лейтенант Стайков Иван Харлампиевич, 1958; рядовой Сарюгло Дмитрий Ангелович, 1965; ст. сержант Терзи Виктор Иванович (орден «Красной Звезды», медаль «За отвагу»), 1964; сержант Таукчи Пантелей Пантелеевич, 1969; рядовой Чимпоеш Константин Эммануилович, 1967; ефрейтор Чимпоеш Николай Федорович (медаль «За боевые заслуги»), 1968; рядовой Чимпоеш Степан Ильич, 1967; рядовой Янак Пётр Владимирович, 1965;

С. КАЗАКЛИЯ

Г.К. Пиогло (слева),
И. Патраман. Кабул, 1986 г.

Рядовой Арнаут Иван Степанович, 1964; лейтенант Добров Иван Дмитриевич (орден «Красной Звезды»), 1961; рядовой Быиклы Дмитрий Георгиевич, 1963; сержант Дюльгер Георгий Иванович, 1960; рядовой Дюльгер Николай Петрович, 1960; рядовой Дюльгер Илья Дмитриевич, 1966; рядовой Еребаган Георгий Петрович, 1965; рядовой Ковальжи Пётр Николаевич (медаль «За отвагу»), 1964; рядовой Кихоял Александр Иванович, 1964; рядовой Колак Николай Петрович, 1964; рядовой Канны Михаил Николаевич, 1964; рядовой Кывыржик Дмитрий Николаевич (медаль «За боевые заслуги»), 1964; лейтенант Кол Василий Иванович (медаль «За отвагу»), 1965; рядовой Куюжуклу Василий Васильевич (медаль «За боевые заслуги»), 1964; рядовой Куюжуклу Василий Васильевич, 1960; прапорщик Кавалжи Дмитрий Петрович, 1960; прапорщик Кол Степан Иванович, 1958; мл. сержант Колчу Дмитрий Дмитриевич, 1967; сержант Прутяк Захарий Дмитриевич (медаль «За боевые заслуги»), 1967; рядовой Перчемлы Фёдор Афанасьевич, 1964; ст. сержант Радиш Дмитрий Васильевич, 1964; рядовой Терзи

Владимир Васильевич, 1963; сержант Терзинов Борис Васильевич (медаль «За боевые заслуги»), 1968; сержант Узун Анатолий Дмитриевич (медаль «За отвагу»), 1967; сержант Узун Михаил Афанасьевич, 1965;

С. КОПЧАК

Рядовой Бабогло Илья Ильич, 1965; сержант Гайдаржи Пётр Дмитриевич, 1961; рядовой Драган Иван Дмитриевич, 1965; рядовой Драган Афанасий Антонович, 1965; рядовой Драган Михаил Антонович, 1965; мл. сержант Кирчиогло Григорий Григорьевич, 1966; рядовой Колев Григорий Алексеевич, 1965; рядовой Кеменчеджи Николай Дмитриевич, 1968; сержант Келиогло Иван Ильич, 1963; рядовой Колиогло Юрий Антонович, 1968; рядовой Кабак Николай Васильевич, 1968; рядовой Недялко Иван Петрович, 1969; мл. сержант Стамат Михаил Пантелеевич, 1966; рядовой Текерлек Дмитрий Петрович, 1969; рядовой Табунщик Артур Демьянович, 1964; рядовой Узун Василий Николаевич, 1966; сержант Узун Николай Трифонович, 1964; сержант Чавдарь Пантелей Трифонович, 1968; рядовой Юсюмбели Георгий Георгиевич, 1967; рядовой Юсюмбели Зиновий Георгиевич, 1969.

С. ГАЙДАРЫ

Лейтенант Ангели Василий Фёдорович (медаль «За отвагу»), 1963; рядовой Ангели Василий Петрович, 1966; мл. сержант Братан Иван Дмитриевич (медаль «За боевые заслуги»), 1961; сержант Баку Георгий Васильевич, 1962; рядовой Баку Дмитрий Фёдорович, 1960; рядовой Капсамун Георгий Георгиевич, 1966; сержант Капсамун Иван Родионович, 1962; рядовой Кара Василий Иванович, 1964; рядовой Топал Дмитрий Георгиевич, 1959; рядовой Топал Дмитрий Константинович, 1964; рядовой Топал Дмитрий Николаевич, 1966; рядовой Терзи Фёдор Иванович, 1961; рядовой Хергеледжи Фёдор Васильевич, 1962; старшина Хаджи Георгий Фёдорович, 1968; сержант Чеботарь Василий Николаевич, 1966; рядовой Чебан Харлампий Иванович, 1960; рядовой Чеботарь Михаил Иванович, 1967; рядовой Чебан Иван Пантелеевич, 1964; сержант Челак Илья Ильич, 1968.

С. БАУРЧИ

Рядовой Афатарлы Илья Иванович, 1966; сержант Афатарлы Георгий Андреевич, 1959; рядовой Дмитриогло Николай Дмитриевич, 1964; рядовой Доброжан Афанасий Иванович, 1964; рядовой Дюльгер Григорий Иванович, 1966; рядовой Кристев Андрей Иванович, 1964; сержант Кристев Иван Андреевич (медаль «За отвагу»), 1965; рядовой Кристев Иван Дмитриевич, 1968; рядовой Карапунарлы Константин Ильич, 1962; рядовой Курдогло Николай Пантелеевич, 1968; рядовой Кёся Дмитрий Дмитриевич, 1960; рядовой Кадык Николай Иванович, 1968; ст. сержант Кадык Пётр Васильевич, 1968; сержант Курдогло Юрий Петрович, 1966; сержант Кристев Леонид Георгиевич (медаль «За отвагу»), 1969; сержант Костов Виктор Григорьевич, 1968; мл. сержант Остриогло Николай Николаевич, 1963; сержант Орманжи Пётр Иванович, 1964; рядовой Орманжи Фёдор Афанасьевич, 1966; рядовой Пулукчу Иван Васи-

льевич (медаль «За отвагу»), 1964; рядовой Помужак Константин Афанасьевич. 1966; мл. сержант Ратков Василий Васильевич. 1969; рядовой Торлак Михаил Афанасьевич, 1969; мл. сержант Терзи Андрей Иванович, 1967.

С. БЕШГИОЗ

Ст. сержант Арсении Илья Дмитриевич, 1961; сержант Великсар Георгий Иванович (медаль «За отвагу»), 1962; рядовой Кулев Дмитрий Андреевич, 1963; майор Каража Иван Данилович, 1961; рядовой Панаитов Илья Фёдорович, 1966; сержант Руссу Виктор Фёдорович, 1964; рядовой Славиогло Николай Петрович. 1968; сержант Стоянов Дмитрий Фёдорович, 1962; рядовой Сариигло Пётр Фёдорович, 1969.

С. КИРИЕТ-ЛУНГА

Рядовой Бургуджи Дмитрий Иванович, 1960; рядовой Гюмюшлю Георгий Пантелеевич, 1967; мл. сержант Железогло Николай Фёдорович, 1966; рядовой Кириякогло Степан Фёдорович, 1966; сержант Кайкы Иван Георгиевич, 1967; рядовой Кюркчу Пётр Иванович, 1967; ст. сержант Кара Иван Степанович. 1966; рядовой Никитин Владимир Михайлович (медаль «За боевые заслуги»), 1965; Никитин Степан Фёдорович. 1969; сержант Радов Афанасий Дмитриевич. 1962.

С. ДЖОЛТАЙ

Рядовой Демир Пётр Константинович, 1963.

ВУЛКАНЕШТСКИЙ РАЙОН

Г. ВУЛКАНЕШТЫ

Сержант Бозбей Сергей Михайлович, 1965; сержант Бозбей Иван Афанасьевич, 1961; сержант Гермек Валерий Константинович (медаль «За боевые заслуги»), 1968; рядовой Гермек Афанасий Николаевич, 1967; рядовой Димов Константин Иванович (медаль «За боевые заслуги»), 1962; старшина Давидоглу Фёдор Николаевич (орден «Красной Звезды», медаль «За отвагу»), 1966; мл. сержант Жерновой Аркадий Иванович (медаль «За отвагу»), 1963; рядовой Иваногло Фёдор Иванович, 1969; мл. сержант Кисаков Николай Степанович (медаль «За боевые заслуги»), 1960; рядовой Кирчу Николай Николаевич, 1964; ст. сержант Кубус Иван Дмитриевич, 1963; рядовой Колпакчи Валерий Петрович (медаль «За боевые заслуги»), 1967; рядовой Кыса Дмитрий Пантелеевич (медаль «За отвагу»), 1964; сержант Кисаков Михаил Дмитриевич, 1963; рядовой Кисаков Георгий Дмитриевич, 1963; мл. сержант Караяни Михаил Петрович, 1962; рядовой Келя Георгий Степанович, 1968; мл. сержант Молакчи Валерий Георгиевич, 1966; лейтенант Мутаф Михаил Валентинович, 1964; рядовой Онофрей Пётр Фёдорович, 1968; ст. сержант Пищенко Иван Филиппович (медаль «За отличие в охране государственной границы»), 1966; рядовой Павлиогло

Пантелей Ильич (медаль «За боевые заслуги»), 1962; старшина Павлиогло Георгий Дмитриевич, 1961; ст. сержант Попович Фёдор Ильич, 1963; мл. сержант Паруш Степан Николаевич, 1961; ст. сержант Радукан Лука Лукич, 1967; рядовой Радов Пантелей Дмитриевич (медаль «За боевые заслуги»), 1964; прапорщик Райчев Иван Георгиевич, 1962; рядовой Салабаш Константин Евгеньевич, 1963; рядовой Савастин Георгий Александрович, 1958; рядовой Смирнов Олег Викторович, 1960; сержант Соколов Георгий Михайлович, 1968; рядовой Топал Николай Кириллович (медаль «За отвагу»), 1960; сержант Узун Николай Ильич, 1960; рядовой Хиора Константин Николаевич, 1961; сержант Христов Николай Георгиевич, 1964; сержант Чебан Фёдор Харлампиевич, 1960; ст. лейтенант Чеботарь Юрий Георгиевич (медаль «За отвагу»), 1964; рядовой Чобан Яков Константинович (медаль «За боевые заслуги»), 1967; рядовой Чуженко Сергей Евдокимович, 1964;

С. ЧИШМИКИОЙ

Рядовой Бербер Дмитрий Евгеньевич (медаль «За отвагу»), 1964; рядовой Бербер Георгий Петрович (медаль «За боевые заслуги»), 1969; рядовой Боев Степан Николаевич, 1964; рядовой Граур Василий Иванович, 1962; рядовой Дулоглу Евгений Михайлович, 1962; мл. сержант Дерменжи Борис Дмитриевич (медаль «За боевые заслуги»), 1966; лейтенант Дулоглу Анатолий Николаевич, 1962; рядовой Костандоглу Евгений Дмитриевич, 1964; мл. сержант Каратерзи Александр Владимирович (медаль «За боевые заслуги»), 1960; ст. лейтенант Терзи Пётр Георгиевич (медаль «За боевые заслуги»), 1956; ст. сержант Петиш Иван Николаевич, 1962; сержант Петку Михаил Иванович (медаль «За боевые заслуги»), 1966; лейтенант Перчемли Николай Георгиевич (медаль «За боевые заслуги»), 1965; рядовой Соколов Николай Алексеевич, 1962; сержант Тузла Константин Михайлович, 1966; сержант Тузла Иван Иванович (медаль «За отвагу»), 1968; рядовой Хергеледжи Александр Петрович, 1964; ст. сержант Чобан Георгий Петрович, 1967; рядовой Шидер Константин Дмитриевич, 1964; рядовой Чобан Дмитрий Петрович, 1967.

С. ЭТУЛИЯ

Сержант Каранфил Дмитрий Иванович (орден «Красной Звезды»), 1962; рядовой Каракаш Михаил Пантелеевич, 1964; сержант Каракаш Константин Георгиевич, 1966; старшина Петиш Борис Афанасьевич, 1952; рядовой Радион Фёдор Иванович, 1964; рядовой Стеценко Анатолий Михайлович, 1961.

С. КАРБОЛИЯ

Рядовой Дерменжи Иван Георгиевич, 1964; мл. сержант Киоса Константин Иванович, 1964.

СПИСОК ПОГИБШИХ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ДОЛГА В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ АФГАНИСТАН (ПО АТО ГАГАУЗИЯ)

КОМРАТСКИЙ РАЙОН

1. Лейтенант Танасогло Михаил Кириллович, 28.09.59 г.р., уроженец с. Кирсово. Окончил Высшее военно-вертолётное училище в г. Сызрани. С мая 1981 г. – в Республике Афганистан, в/ч п/п 22630. Выполняя боевое задание, проявив мужество и героизм, погиб 15.01.1982 г. (посмертно награждён орденом «Красной Звезды»).

2. Мл. сержант Бодур Константин Петрович, 01.01.1963 г.р., уроженец с. Бешалма. В Афганистане с 30.10.1981 г., наводчик-оператор БМП. Проявив мужество и героизм, погиб при ведении боевых действий 25.02.1982 г. Награждён орденом «Красного Знамени» (посмертно).

3. Рядовой Киося Фёдор Иванович, 08.01.1962 г.р., уроженец с. Дезгинжа. Призван в ряды ВС СА 29.09.1981 г. В Афганистане с марта 1982 г., пулемётчик. Проявив мужество и героизм, погиб при ведении боевых действий 17.06.1982 г. Награждён орденом «Красной Звезды» (посмертно).

4. Рядовой Мавроди Дмитрий Афанасьевич, 30.09.1965 г.р., уроженец г. Комрата. В Афганистане с 22.03.1984 г., пулемётчик. Проявив мужество и героизм, погиб при ведении боевых действий 30.06.1984 г. Награждён орденом «Красной Звезды» (посмертно).

5. Рядовой Чебанов Николай Ильич, 23.04.1969 г.р. В Афганистане с 12.07.1988 г., старший радиотелефонист. Проявив мужество и героизм, погиб при ведении боевых действий 28.10.1988 г. в провинции Гильменд. Награждён медалью «Воину-интернационалисту».

ЧАДЫР-ЛУНГСКИЙ РАЙОН

1. Мл. сержант Казмалы Пётр Дмитриевич, 20.07.1967 г.р., уроженец г. Чадыр-Лунга. В Афганистане с марта 1986 г., командир отделения. Проявив героизм и мужество, погиб при ведении боевых действий 04.09.1986 г. Награждён орденом «Красной Звезды» (посмертно).

2. Мл. сержант Беженарь Харлампий Владимирович, 07.04.1964 г.р., уроженец с. Гайдары. В Афганистане с декабря 1982 г., санитар-инструктор. Проявив героизм и мужество, погиб при ведении боевых действий 01.03.1985 в аэропорту г. Газни. Награждён орденом «Красной Звезды» (посмертно).

3. Мл. сержант Янев Георгий Фёдорович, 08.04.1964 г.р., уроженец с. Казаклия. Призван в ряды ВС СА 28.09.1982 г. Службу проходил в в/ч п/п 39705. Сапёр. Проявив мужество и героизм, погиб при ведении боевых действий 23.04.1984 г. Награждён медалью «За боевые заслуги» и орденом «Красной Звезды» (посмертно).

4. Рядовой Молла Михаил Лазаревич, 21.12.1959 г.р., уроженец г. Чадыр-Лунга. Призван в ряды ВС СА 31.10.1979 г. Службу проходил в в/ч п/п 71205 в Афганистане. Проявив мужество и героизм, погиб при ведении боевых действий 16.02.1980 г.

5. Янакогло Борис Фёдорович, 07.12.1965 г.р., уроженец с. Копчак, Тараклийского р-она. В Афганистане с ноября 1984 г., водитель. Подорвался на mine 20.01.1986 г. За мужество и отвагу награждён орденом «Красной Звезды» (посмертно).

6. Монастырлы Иван Николаевич, 1953 г.р., уроженец с. Копчак. Врач. Погиб.

ВУЛКАНЕШТСКИЙ РАЙОН

1. Рядовой Белекчи Иван Евгеньевич, 30.07.1962 г.р., уроженец с. Чишмикой. Призван в ряды ВС СА 13.11.1980 г. Службу проходил в в/ч п/п 17397 в Афганистане, водитель. Пропал без вести в районе населённого пункта Баглан 23.07.1982 г. при выполнении рейса по перевозке грузов по маршруту Тернез-Файзабад.

2. Рядовой Руденко Сергей Алексеевич, 14.06.1964 г.р. уроженец г. Вулканешты. Призван в ряды ВС СА 22.10.1982 г. Службу проходил в в/ч п/п 82869 в Афганистане с 1983 г. Проявив мужество и героизм, погиб при ведении боевых действий 24.04.1984 г. Награждён орденом «Красной Звезды».

Молла Михаил Лазаревич
(1959-1980)

Белекчи Иван Евгеньевич
(1962-1982)

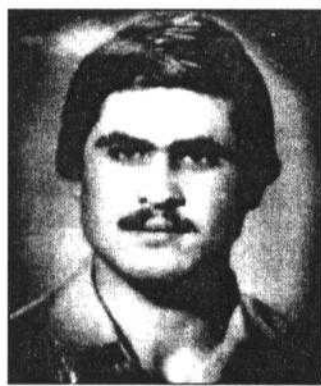
Бодур Константин
Петрович
(1963-1982)

Кюся Федор Иванович
(1962-1982)

Танасогло Михаил Кирил-
лович
(1959-1982)

Янев Георгий Федорович
(1964-1984)

*Мавроди Дмитрий
Афанасьевич
(1965-1984)*

*Руденко Сергей Алексеевич
(1964-1984)*

*Беженарь Харлампий
Владимирович
(1964-1985)*

*Казмалы Петр
Дмитриевич
(1967-1986)*

*Янакогло Борис Федорович
(1965-1986)*

*Чебанов Николай Ильич
(1969-1988)*

*Памятник посвященный
павшим и пропавшим
без вести при испол-
нении интернациональ-
ного долга в Демокра-
тической Республике
Афганистан в период
1979-1989 гг., г. Комрат*

Примечание: 1. Архив военного центра АТО Гагаузии; 2. М. Чебан, О. Капацынэ «Память о погибших воинах в афганской войне, Chişinău, 1997

ДВИЖЕНИЕ ГАГАУЗСКОГО НАРОДА ЗА АВТОНОМИЮ В ПЕРИОД КРИЗИСА СССР

ГРАЖДАНСКИЙ КОНФЛИКТ В МОЛДАВИИ И РАЗВЕРТЫВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ГАГАУЗОВ

Согласно переписи 1989 г., в Молдавии проживали 153 458 гагаузов. Гагаузы составляли 3,5% населения республики. Они знали родной гагаузский язык, но для 80 % из них (123 тыс. чел.) первым или вторым, которым они свободно владели, был русский язык. Молдавский язык знали всего 6,7 тыс. гагаузов, 4,4% гагаузского народа¹. Межэтнические отношения в Молдавии оставались корректными, националистических или сепаратистских движений в Молдавии не было. Однако в конце 80-х годов XX века Советский Союз вступил в полосу кризиса. С началом перестроечного процесса в МССР открылась сложная и противоречивая ситуация в области межнациональных отношений. Одной из самых острых проблем в республике стал вопрос национального самоопределения гагаузского народа.

В марте 1988 г. идея придания государственного статуса языкам титульных наций всех союзных республик была высказана на пленуме Союза писателей СССР в Москве, и кавказский сценарий стравливания людей различных национальностей был задействован в масштабах всей страны.

В Молдавии некоторые интеллигенты начали называть себя румынами и выступили за присоединение республики к Румынии. В сентябре 1988г. румынисты потребовали придать государственный статус молдавскому языку, признать его идентичность румынскому и перевести молдавскую письменность на латинскую графику, а в ноябре, раскрывая свою конечную цель – аннексию Молдавии румынским государством, – начали пропагандировать лозунг «Один язык – один народ!» Это было выступление против национального равноправия в республике и культурного суверенитета молдавской нации. 16 февраля 1989 г. в органе Союза писателей Молдавии газете «Литература ши арта» был опубликован проект закона «О функционировании языков в Молдавской ССР», авторы которого отрицали право родителей выбирать язык обучения своих детей и предусматривали (Ст.13) административную и даже уголовную ответственность должностных лиц, допускающих использование в официальном общении иного языка, нежели государственный. Другой проект этого закона, разработанный аппаратом Верховного Совета Молдавии и опубликованный 30 марта, также пред-

Митинг в Чадыр-Лунге. 1989 г.

усматривал придание государственного статуса только одному языку, молдавскому. Гагаузская общественность быстро осознала дискриминационный характер проектов законов о языковом режиме. «Если нет равноправия языков, – говорилось в открытом письме тружеников Комратского района, направленном в апреле 1989 г. в адрес ЦК КПМ, Президиума Верховного Совета и Совета министров Молдавии, – то, следовательно, нет равноправия и между народами-носителями этих языков». Народ еще верил горбачевскому руководству. Авторы письма призывали отложить принятие в Молдавии законов о языках до проведения пленума ЦК КПСС посвященного вопросам национальной политики².

Однако официальный Кишинев взял курс на принятие законопроекта. В Кишиневе возникли националистический «Народный фронт Молдовы» и противостоящее ему Интернациональное движение Молдавии «Унитате-Единство». В Комрате для обсуждения вопросов развития гагаузского языка и культуры еще весной 1988 г. был образован дискуссионный клуб «Гагауз халкы». Председателем был избран Д. Савастин, ведущим – С. Булгар. Первое заседание клуба состоялось в Комратском Доме культуры 31 марта 1988 г. В обсуждении политических событий участвовали Дмитрий Савастин, Степан Булгар, а также: Федор Маринов, Федор Язаджи, Дмитрий Новак, Андрей Буюклы, Мария Маруневич, Петр Завричко, Иван Бургуджи, Иван Кристиогло, Петр Мойся, Степан Курудимов и другие. В апреле участники клуба приступили к формированию его руководства и приняли Положение о дискуссионном клубе. В течение 1988 г. «Гагауз халкы» провело ряд заседаний клуба, где обсуждались как вопросы национальной культуры, так и политические проблемы, связанные с историей и развитием гагаузского народа.

В 1989 г. клуб «Гагауз халкы» превратился в политическую организацию. В Комрате была открыта его штаб-квартира, где заседал Совет. 11 февраля группа активистов «Гагауз халкы» выехала в Кишинев. Развернув лозунг «Требуем создания Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в составе МССР», они провели несанкционированное пикетирование здания ЦК КПМ. Участники этой акции С. Булгар, А. Новак, В. Топал, Г. Стаматов, Д. Савастин, А. Сиркели были арестованы, но это лишь ускорило политическое сплочение гагаузов. В Чадыр-Лунге возникло общество «Бирлик» («Единство») (лидер – Константин Кывыржик), а также общество «Миллет санжисы» (руководитель – Федор Терзи), а в Вулканештах – обще-

ство «Ватан» («Родина») во главе с Петром Фазлы. 8 января 1989 г. группа активистов из Чадыр-Лунги приняла участие в формировании Инициативной группы Интердвижения Молдавии «Унитате-Единство».

Гагаузы участвовали в выработке программы движения за национальное равноправие в Молдавии. 21 февраля 1989 г. народное движение «Гагауз халкы» при поддержке Инициативной группы Интердвижения и других неформальных

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МАНДАТ № _____

Тов. _____

является делегатом съезда народного движения „Гагауз Халкы“

Мандатная комиссия.

*Мандат участника съезда народного движения
«Гагауз Халкы»*

объединений провело в Комрате научно-практическую конференцию. В ней приняли участие около 1000 жителей Комратского, Чадыр-Лунгского, Бессарабского, Вулканештского районов Молдавии и Болградского района Украины, по существу она стала первым съездом гагаузского народа. На обсуждение было вынесено постановление Президиума Верховного Совета МССР «О подготовке законопроектов о функционировании языков на территории республики». В итоговом документе конференции было сформулировано требование о придании государственного статуса наряду с молдавским также русскому языку, «что явится необходимейшей правовой гарантией от любых попыток дискриминации представителей всех других народов». Знание или незнание какого-либо языка, отмечено в нем далее, не может служить ни препятствием, ни привилегией. Итогом дискуссии стало принятое его участниками обращение в ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР, а также в ЦК КПМ о необходимости создания гагаузской автономии. Обращение нашло отклик в народе, под ним подписались более 6000 человек. На конференции была избрана делегация из 15 человек в составе С. Булгара, П. Фазлы, Д. Савастина, Г. Кышлалы и других, которой было поручено от имени гагаузского народа отвезти подписи в Москву. 24 февраля 1989 г. делегация была принята в ЦК КПСС ответственным работником ЦК В.А. Шлыковым. В Президиум Верховного Совета делегация передала листы с подписями. Летом в Комрат прибыла специальная комиссия для изучения требований гагаузов. В ее состав вошли Председатель Верховного Совета МССР, главный прокурор республики, министры, ученые, представители общественности. Однако заседания комиссии выявили нежелание руководства Молдавской ССР допустить образование гагаузской автономии. На заключительном этапе был разработан проект заключения, по которому гагаузам предлагалось нечто вроде «культурной автономии».

Обсуждение проекта закона о языке раскололо общественность в Кишиневе и большинстве районов Молдавии, но сплотило гагаузов. Стремясь защитить свои права, жители гагаузских сел проводили сходы и митинги, на которых собирались подписи с требованием создания автономии.

Важнейшим политическим событием в Молдавии явился съезд народного движения «Гагауз халкы», который прошёл 21 мая в Комрате. Всю организационную работу по подготовке съезда провёл комитет во главе с С. Булгаром. Гагаузов поддерживали все сторонники национального равноправия. Среди 523 делегатов съезда было 338 гагаузов, а также русские, молдаване, украинцы, евреи. Присутствовали делегации Интернационального движения Молдавии «Единство», ученые, гости из союзных республик. Были приглашены и представители «Народного фронта Молдовы». В докладах историков Марии Маруневич и Степана Куроглу, экономиста Константина Таушанжи, учителя из села Гайдары Ивана Чебана, филолога Гавриила

Выступление С. Булгара на съезде народного движения «Гагауз Халкы», 21 мая, 1989 г.

Гайдаржи, были рассмотрены экономическое и социальное положение гагаузского народа, политическая ситуация на Юге Молдавии и перспективы ее развития. Представитель «Народного фронта Молдовы» Георгий Гимпу заявил, что в республике проживают только два народа – молдавский и гагаузский, остальные имеют культурные и административные центры за пределами Молдавии; из этого следовало, что с их интересами «фронтисты» считаться не намерены. Делегаты расценили это заявление как попытку Народного Фронта Молдовы политически изолировать гагаузов от других народов. Съезд принял декларацию о стремлении гагаузского народа самоопределиваться путем образования Гагаузской автономной республики в составе Молдавской ССР.

На съезде было решено объединить «Гагауз халкы», «Бирлик» и «Ватан» в гагаузское народное движение «Гагауз халкы». Съезд избрал новый Совет «Гагауз халкы» в составе 89 чел. и Исполнительный комитет из 21 чел. Председателем Совета народного движения «Гагауз халкы» был избран С. Булгар, а его заместителем – М. Кендигелян. Актив народного движения составили Г. Калчу, П. Фазлы, А. Буюклы, В. Капанжи, И. Бургуджи, М. Маруневич, Д. Савастин, И. Гарчу, Д. Градинар, Г. Арабаджи, А. Чешмеджи, И. Кристиогло, Д. Мавроди, Д. Новак, А. Киор, И. Топал, Г. Стаматов, И. Завричко, И. Пометко, Н. Димитриогло, З. Бакаева, М. Гагауз, Г. Кышлалы и др. Несмотря на отсутствие государственности, гагаузский народ сформировал свое политическое представительство. Достижение автономии становилось гагаузской национальной идеей.

Народный депутат СССР М.К. Пашалы, 1989 г.
(второй справа)

В этот период в Молдавской ССР в печати и на митингах шла яростная полемика о статусе государственного языка. Впрочем, еще не все надежды на либерализацию проекта закона о языках были утрачены. 23 мая 1989 г. Тираспольский горсовет обратился к Президиуму Верховного Совета МССР с призывом принять закон о функционировании на территории

республики двух государственных языков – молдавского и русского. В это же время руководство гагаузского движения взяло курс на создание гагаузской автономии. В Москву, где начал работу первый съезд народных депутатов СССР, выехала гагаузская делегация. С. Булгар, Д. Савастин, П. Фазлы, В. Капанжи, М. Маруневич, З. Бакаева, А. Буюклы встречались с народными депутатами СССР, представителями различных партий и движений, выступали на митингах. По просьбе гагаузской делегации народный депутат СССР от Ровенской области Г. Ануфриев, уроженец Вулканешт, обратился с письменным запросом по проблеме гагаузов МССР к руководству Съезда народных депутатов СССР. В начале июня 1989 года на одном из заседаний съезда Председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов озвучил текст запроса о необходимости создания гагаузской автономии. Определённую работу по разъяснению проблемы создания гагаузской автономии с руководством Верховного Совета СССР и народными депутатами, политическими движениями, проводили депутаты от Молдавской ССР – М. Пашалы и С. Гроздев, а также Ю. Блохин, один из руко-

водителей Интердвижения Молдавии. Всё это дало положительный результат. А.И. Лукьянов предложил встретиться с представителями гагаузов в августе 1989 г. После возвращения в Молдавию, на учредительном съезде Интердвижения Молдавии в Кишинёве, 8 июля 1989 г., делегация «Гагауз халкы» огласила требование о создании гагаузской автономии. Интердвижение поддержало требования гагаузов. Программу гагаузов о создании автономии поддержали также независимые эксперты профессор М. Орзих (Одесса) и доктор юридических наук А. Сурилов (Кишинев). И все же вопрос о целесообразности создания автономии зависел от того, каким будет закон «О функционировании языков на территории Молдавской ССР».

Но националистические круги в Кишиневе использовали демократические процедуры в целях дискриминации национальных меньшинств. В начале августа Президиум Верховного Совета МССР под председательством М.И. Снегура подвел итоги обсуждению законопроектов о языках и постановил рассмотреть на сессии еще более жесткий вариант законопроекта. Его текст огласке не подлежал, но 11 августа он был опубликован в Тираспольской газете «Кировец». Проект предусматривал письменное и устное использование органами государственной власти и управления только одного языка – молдавского. Было очевидно, что служащие и работники всех сфер деятельности, не знающие молдавского языка, подлежат увольнению. Дискриминация немолдавского населения Молдавии, говорилось в комментарии «Назвать вещи своими именами», неминуемо вызовет отчуждение между молдаванами с одной стороны и русскими, украинцами, гагаузами, болгарами, евреями – с другой³. 12 августа 1989 г. в Тирасполе на совещании представителей трудовых коллективов предприятий большинства городов Молдавии, в том числе и Комрата, был создан координационный орган рабочего движения Молдавии – Объединенный Совет трудовых коллективов. 16 августа по решению ОСТК состоялась предупредительная двухчасовая забастовка с требованием отложить сессию Верховного Совета МССР. Хотя в забастовке приняли участие более 30 тыс. рабочих и служащих, национал-радикалы продолжили курс на конфронтацию. 18 августа Президиум ВС МССР подтвердил решение о вынесении на обсуждение Верховного Совета нового законопроекта и сделал неизбежной Республиканскую политическую забастовку.

21 августа начал забастовку тираспольский завод «Точлитмаш». К 29 августа, когда началась сессия Верховного Совета, работу прекратили 170 предприятий, в том числе крупнейшие заводы и фабрики Кишинева, Тирасполя, Рыбницы, Бельц, Дубоссар, Бендер, а также Комрата, Чадыр-Лунги, Вулканешт. Комратский забастовочный комитет возглавил руководитель дорожно-транспортного предприятия С.М. Топал. И.Г. Бургуджи организовал выпуск печатного органа забастовочного комитета – газеты «Бастующий Комрат». Число бастующих только в Комратском районе составило 6000 чел⁴. Десятки коллективов колхозов, школ, учреждений торговли, здравоохранения и других организаций, чье участие в забастовке было нежелательным, принимали резолюции в поддержку бастующих и их требований. Крестьяне гагаузских сел безвозмездно направляли бастующим рабочим овощи и фрукты. В Приднестровье и в гагаузских районах забастовочные комитеты фактически стали властью. Наряду с русскими, украинцами, гагаузами, болгарами в забастовке участвовали десятки тысяч рабочих-молдаван, озабоченных курсом националистов на конфрон-

тацию. Стремясь спровоцировать межэтнический раскол, 27 августа руководство республики провело в Кишиневе большой митинг, на котором были оглашены шовинистические призывы, в том числе антигагаузские. 31 августа – 1 сентября Верховный Совет придал государственный статус только молдавскому языку и принял закон «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», предусматривающий (Статья 7) замещение всех руководящих постов и рабочих мест, связанных с общением, исключительно лицами, владеющими государственным языком. На пленуме ЦК КПСС 19 сентября группа М. Горбачева добилась принятия постановления, по существу, одобряющего установление в Молдавии и других республиках дискриминационного языкового режима.

21 сентября бастующие предприятия гагаузских районов, как и другие, возобновили работу, но все понимали, что нетитульное население Молдавии с националистическим произволом не смирится, и борьба только начинается. Националисты начали травлю гагаузов в печати. Из номера в номер газета «Литература ши арта» публиковала материалы под рубрикой «Чего хотят гагаузы?» Дело дошло до прямых угроз физического уничтожения. На страницах газеты «Тинеримя Молдовеи» гагаузов называли «лишаём на теле Молдавии». 1 октября, в день города, в центре Кишинева, националистические хулиганы с криками на румынском языке «Что, автономии хотите? Убирайтесь в Турцию!» разгромили «гагаузское подворье» и избили выступавших на улице музыкантов ансамбля «Дюз-Ава»⁵.

ОБРАЗОВАНИЕ ГАГАУЗСКОЙ АВТОНОМИИ

Весь ход политических событий в Советском Союзе и, в частности, в Молдавской ССР, убеждал гагаузов в необходимости защитить свои интересы политическими средствами. 6 сентября в Комрат прибыла делегация, в составе которой были народные депутаты СССР А.Н. Саунин, С.В. Андрашов, а также первый секретарь ЦК КПМ С.К. Гроссу. Выступая на встрече с представителями забастовочных комитетов, исполкома народного движения «Гагауз халкы», руководителями и секретарями партийных организаций хозяйств, предприятий и учреждений Комратского района, первый секретарь райкома КПМ народный депутат СССР С.В. Гроздев сообщил, что в Комрате проведено «объединенное заседание пленума райкома партии и сессии райсовета народных депутатов. Одним из пунктов решения записано развернуть работу по созданию автономной республики здесь, на юге»⁶. Таким образом, в результате Республиканской политической стачки идея гагаузской автономии была легализована. Впрочем, форму автономии партийный секретарь не уточнил.

Предвидя такой исход событий, руководство гагаузского движения пыталось добиться поддержки идеи создания гагаузской автономии Верховным Советом СССР.

В августе 1989 г. в Комрате была напечатана брошюра «О создании Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Молдавской ССР», составитель С. Булгар. В подготовке брошюры участвовали – С. Курогло, М. Маручевич, Г. Гайдаржи, К. Таушанжи и А. Димогло. Помощь в печатании брошюры

оказал председатель Комратского райисполкома В. Волков. Также была подготовлена предполагаемая карта ГАССР. С этими документами делегация гагаузов во главе со С.С. Булгаром численностью более шестидесяти человек выехала в Кишинёв, где встречалась с Председателем Совета Министров МССР Калиным и др. руководителями республики. Им был передан пакет документов и проведены переговоры, которые не дали результатов. После этого гагаузская делегация выехала в Москву. 26 августа в столице гагаузские делегаты встретились с Председателем Совета Народных депутатов А.И. Лукьяновым.

Комиссия по изучению просьб и обращений гагаузского народа, созданная по инициативе народных депутатов СССР, начала свою работу в обстановке политической нестабильности. Положительным моментом явилось то, что в октябре 1989 г. народное движение «Гагауз халкы» было зарегистрировано Министерством юстиции Молдавской ССР и, тем самым, обрело официальный статус. Программа Движения получила широкую поддержку среди населения гагаузских районов. К началу 1990 г. в составе местных организаций «Гагауз халкы» насчитывалось свыше 3000 чел.⁷

На чрезвычайном съезде полномочных представителей гагаузского народа. 12 ноября 1989 года
(слева на право – Г. Калчу, С. Булгар, С. Топал, М. Маруневич, В. Капанжи, М. Кендигелян, А. Буюклы)

Работа комиссии Верховного Совета проходила очень сложно. Председатель комиссии Виктор Пушкаш (Председатель Верховного суда) искусственно затягивал работу комиссии. Несмотря на то, что руководителями рабочих групп была проведена большая работа, были привлечены специалисты государства и права, истории. На последнем заседании комиссии 23 декабря 1989 г. руководители комиссии во главе с В. Пушкашем, убедившись, что большинство членов комиссии выступили за создание гагаузской автономии, демонстративно покинули зал заседаний, сорвав это заседание. На этом заседании выступили с окончательными докладами С. Курогло, С. Булгар, И. Каракаш. Руководитель комиссии по экономическому обоснованию автономии К. Таушанжи, покинул зал. Несмотря на то, что В. Пушкаш попытался сорвать завершающее заседание комиссии, делегаты проголосовали и подписали документ с выводами комиссии о необходимости создания гагаузской автономии.

12 ноября 1989г. открылся второй Чрезвычайный съезд гагаузского народа. Его участниками стали 449 гагаузов, 49 русских, 47 молдаван, 33 болгарина, 14 украинцев, 11 белорусов. Присутствовали представители Интердвижения «Унитате-Единство», рабочих Рыбницы, Тирасполя, Бендер, комитета по созданию польской автономии в Литве, а также Народного фронта Азербайджана⁸. Председательствовал М.В. Кендигелян. Председатель Совета народного движения «Гагауз халкы», С.С. Булгара. Съезд постановил образовать на территории компактного проживания гагаузов в Бессарабском, Вулканештском, Комратском, Тараклийском, Чадыр-Лунгском районах, и некоторых селах Кагульского района Гагаузскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

листическую Республику. Это решение поддержали все 30 выступивших на съезде докладчиков⁹.

Решение о создании автономии было следствием глубоких изменений в национальном сознании гагаузов. «В настоящее время, – говорилось в Декларации съезда о создании автономии, гагаузский народ пока еще существует как самостоятельный этнос, осознает себя как нация и в состоянии возродить себя и самостоятельно развиваться. Юридической и практической гарантией этого возрождения может явиться создание национально-территориальной автономии гагаузов». Вместе с тем, образование ГАССР не было актом сепарации от Молдавии, гагаузская автономия создавалась в составе Молдавской ССР. «Мы ничего не требуем, – говорилось далее в Декларации съезда, – Мы просим предоставить нам то, что по праву принадлежит гагаузскому народу. Отныне этот народ хочет строить свою жизнь самостоятельно и управлять ею, основываясь на собственном самосознании и национальном самоопределении. Да здравствует Гагаузская Автономная Советская Социалистическая Республика! Да здравствует дружба между гагаузским и молдавским народами! Да здравствует нерушимая дружба между всеми народами, живущими в составе великого Советского Союза!»¹⁰. Это была попытка оградить население региона от националистического произвола.

Однако официальный Кишинев, игнорируя причины, предпочел истолковать самоопределение гагаузов как акт сепаратизма. Уже 13 ноября Президиум Верховного Совета МССР под председательством М. Снегура признал решения съезда неконституционными и уведомил общественность, что комиссия по изучению вопроса об образовании автономии для гагаузского народа, созданная по запросам народных депутатов СССР, завершит работу к 1 декабря. Одновременно гагаузских деятелей уговаривали согласиться с образованием гагаузского национального района или вообще с неопределенной «национально-культурной автономией». Это был правовой капкан. Навязывая гагаузскому народу формы автономии, не предусмотренные Конституцией СССР, его подталкивали на незаконный путь создания национально-территориального образования и пытались выиграть время, чтобы сорвать создание автономии¹¹.

На съезде был образован Временный комитет содействия утверждению ГАССР во главе со С. Топалом и принято Положение о Временном комитете. Подчеркнув,

Митинг в Комрате, 1990 г. Выступает М. Кендигелян

что Временный комитет не является параллельным, то есть незаконным органом власти и управления, съезд по существу возложил на него функции временного парламента гагаузского народа. Временному комитету надлежало также подготовить законодательную базу выборов Верховного Совета Гагаузской АССР и обеспечить их проведение¹². На съезде был образован временный комитет во главе с С.М. Топалом. Большинство членов

движения «Гагауз халкы» перешли работать туда. С этого времени движение «Гагауз халкы» было оттеснено на второй план. Весной 1990 г. С.М. Топал, М.В. Кендигелян, Г.И. Калчу, В.Д. Капанжи и некоторые другие деятели гагаузского движения были избраны в Верховный Совет Молдавской ССР. Вместе с депутатами от Приднестровья и участниками движения «Единство» они составили депутатскую фракцию «Советская Молдавия». «Народный фронт Молдовы» располагал всего 25% мандатов. Председателем Парламента стал бывший председатель Президиума ВС МССР М.И. Снегур, а премьер-министром – экономически безграмотный лидер НФМ М.Г. Друк.

«Фронтисты» ужесточили курс на конфронтацию. Не согласных с ними депутатов, в том числе гагаузов, при выходе из парламента при попустительстве милиции оскорбляла (и были случаи избиения) «группа поддержки НФМ», скомплектованная из асоциальных элементов и изображавшая народ. Методами шантажа и насилия они вынудили прекратить участие в заседаниях около 150 (из 378 избранных) депутатов Верховного Совета. Парламент перестал отражать соотношение политических сил в обществе. Под предлогом выполнения закона «О функционировании языков...» Друк развернул массовые увольнения служащих – русских, украинцев, гагаузов, болгар и других. Используя телевидение, радио, газеты, «фронтисты» начали новую кампанию разжигания вражды к национальным меньшинствам. 23 июня 1990 г. «фронтисты» осуществили делегитимизацию молдавской государственности. Под их давлением Парламент принял «Заключение» по пакту Молотова-Риббентропа. Бессарабия и Северная Буковина провозглашались оккупированными румынскими территориями, а создание 2 августа 1940 г. Молдавской ССР – незаконным актом. НФМ выступил с требованием о переименовании Молдавской республики в Румынскую Республику Молдова. Румынисты открыто выступили как унионисты. Гагаузы были лояльными подданными России, а затем гражданами СССР и помнили оккупационный режим в Бессарабии в 1918-1940 и 1941-1944 гг. Поэтому отрыв Молдавии от Союза и ее присоединение к Румынии был для них совершенно неприемлем. Унионистская угроза требовала от гагаузского движения новых шагов по защите своего народа от произвола националистов. 22 июля 1990 г. был сделан следующий шаг к утверждению гагаузской автономии. На третьем заседании Чрезвычайного съезда представителей гагаузского народа в Комрате были утверждены гимн, герб, флаг ГАССР и учрежден Гагаузский национальный университет. В ответ на эти решения председатель парламента ССР Молдовы М.И. Снегур уже 27 июля подписал постановление об «аннулировании» решений первого, второго и третьего заседаний Чрезвычайного съезда. Гагаузам было отказано даже в статусе народа, в постановлении значилось: «народности». В других документах парламента их именовали этнической группой, проживающей на национальной территории молдаван. Республиканский центр, от имени которого выступали шовинисты, не оставлял региону выбора. Когда в Комрате стало известно об «отмене» решений представительного собрания гагаузов, это вызвало волну митингов протеста. Общественность Молдавии осознала, что в парламенте в условиях этнического голосования решение вопросов национальной политики всегда будет прерогативой прорумынских националистов – противников молдавской государственности. Население требовало созыва съезда народных депутатов Советов всех уровней городов и сел районов компактного проживания гага-

узов и принятия мер по защите от националистического произвола.

Съезд состоялся 19 августа 1990 г. в комратском кинотеатре «Дружба». Из 998 депутатов Советов всех уровней, – от сельских Советов до народных депутатов СССР, – в нем приняли участие 787. С оценкой политической ситуации и отчетом о работе, выполненной Временным комитетом содействия утверждению ГАССР выступил его председатель С.М. Топал. Заключение парламентских комиссий и постановлений парламента Молдовы по вопросу об образовании автономии гагаузского народа он оценил как антидемократичные, антинаучные и принятые без учета политических реалий дня. Провозглашенная 12 ноября 1989 г. Гагаузская АССР была преобразована в суверенную Гагаузскую Республику в составе обновленного Союза ССР. В декларации съезда «О свободе и независимости гагаузского народа от Республики Молдова» было указано, что, оставаясь гражданами СССР, гагаузы отныне не являются гражданами Молдовы. «Мы, народные депутаты сельских, поселковых, городских и районных Советов, а также Верховных Советов Республики Молдова и Союза ССР, как законные представители народной власти на всей территории компактного проживания гагаузского и других народов... В ответ на беспрецедентные оскорбления и унижения гагаузского народа со стороны высшего органа государственной власти республики, а также принимая во внимание его постановление от 23 июня 1990 года, в котором образование Молдавской ССР 2 августа 1940 года признано незаконным, мы, народные депутаты органов государственной власти всех уровней на территории компактного проживания гагаузов, заявляем о полной свободе и независимости гагаузского народа от государственной власти и управления Республики Молдова»¹³.

Депутаты утвердили примерную границу Гагаузской АССР и избрали Временный комитет во главе с С.М. Топалом¹⁴. Создание Гагаузской Республики, подчеркивали ее руководители, было осуществлено в юридически корректной форме. «Учитывая то, что юридическим основанием образования Гагаузской Республики, в соответствии с международно-правовыми актами, является признание Верховным Советом ССР Молдова 23 июня 1990 года незаконным провозглашения 2 августа 1940 года Молдавской ССР, – говорилось в постановлении Временного комитета ГР, – гагаузский народ на территории своего компактного проживания, а равно как и другие народы, проживающие на этой территории, правомерно считаются свободными от каких-либо политико-правовых обязательств по отношению к ССР Молдова»¹⁵. Выборы в Верховный Совет Гагаузской АССР были назначены на 28 октября. Постановлением Президиума Верховного Совета ССР Молдова уже на следующий день после съезда в Комрате его решения были объявлены недействительными. В парламенте «фронтисты» потребовали аннулировать депутатские мандаты С.М. Топала, М.В. Кендигеляна и некоторых других депутатов-гагаузов, но участникам фракции «Советская Молдавия» удалось предотвратить принятие этой меры, лишаящей гагаузских лидеров парламентского иммунитета. Зато правительство, выдвинув ложные обвинения, запретило народное движение «Гагауз халкы»¹⁶. В целях устрашения гагаузов министр внутренних дел И.Г. Косташ в сопровождении вооруженных подразделений МВД прибыл в Комрат, но, оценив ситуацию, применить силу не посмел. Националистическая пресса, государственные телевидение и радио развернули против гагаузов очередную пропагандистскую кампанию. Из политических

сил, представленных в парламенте, гагаузов поддержало только Интердвижение «Унитате-Единство». Попытки руководства ССР Молдова представить гагаузское движение, его борьбу за национальную государственность (так же как требования украинцев, болгар, русских и других меньшинств уважать их национальные права), говорилось в постановлении президиума Интердвижения «С гагаузским народом солидарны!», как покушение на интересы молдавской нации, несостоятельны. Демократия предполагает уважение законных прав национальных меньшинств. Интердвижение призывало руководство ССРМ и «Народный фронт Молдовы» к диалогу¹⁷.

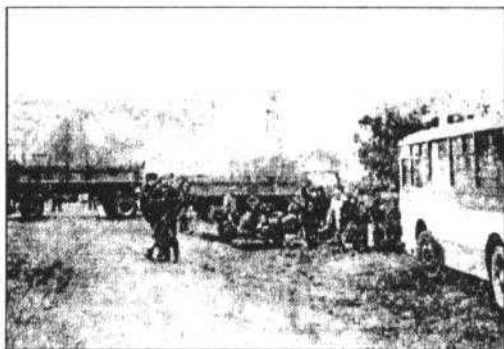
ПОХОД «ВОЛОНТЕРОВ»

Пока в Кишиневе решали, как поступить с движением за национальное самоопределение гагаузов, 2 сентября в Тирасполе была провозглашена Приднестровская Молдавская республика. В целях подготовки силовой акции в унионистской прессе Кишинева была развернута беспрецедентная по ярости антигагаузская кампания. Накануне выборов в Верховный Совет Гагаузской Республики, 20 октября, правительственная газета опубликовала обращение к президенту и премьер-министру «Молдова – в опасности!» В обращении содержался призыв к организации отрядов «волонтеров» для «решительного и энергичного отпора сепаратистам»¹⁸.

22 октября, в воскресенье, на многотысячном митинге, устроенном «фронтистами» в центре Кишинева, было объявлено о записи в добровольческие отряды для похода на Юг. Представив свои действия как инициативу НФМ, карательный поход против гагаузов организовало правительство ССР Молдовы. Ректорам высших учебных заведений было предписано сформировать из студентов и преподавателей отряды по 200–400 чел. В районах «волонтеров» мобилизовали через военные комиссариаты. Правительственным постановлением № 407 от 23 октября премьер-министр определил порядок финансового и материального снабжения «волонтеров». 25 октября на центральной площади Кишинева и в некоторых районных центрах начался набор «волонтеров». Перед ними была поставлена задача не допустить проведения выборов в Верховный Совет Гагаузии. Снабдив каждого обрезком арматуры, строительным шлемом из пластика, их отправляли автобусами на юг Молдовы, в Чимишлийский, Кагульский и Бессарабский районы, смежные с гагаузскими. Но главную силу составляли формирования МВД, вооруженные стрелковым оружием, численностью 2800 чел. Общая численность участников «волонтериады» – «волонтеров» и сотрудников МВД, – превысило 13 тыс. чел.

Стремясь лишить «поход» политического смысла, Временный комитет Гагаузской Республике в тот же день, досрочно, начал выборы в Верховный Совет ГР.

Воинственные настроения возобладали и в парламенте Молдовы. На Чрезвы-

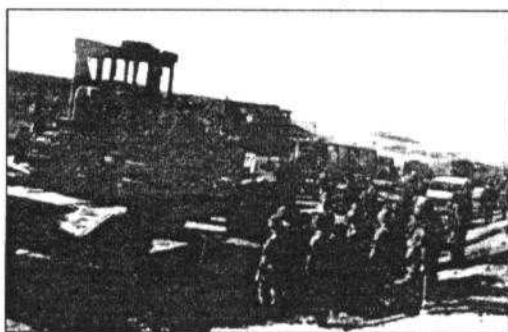
Посты на дорогах г. Чадыр-Лунга

чайной сессии Верховного Совета ССРМ 25 октября, дабы устроить противников начатой авантюры, ее организаторы добились аннулирования депутатских мандатов С.М. Топала, М.В. Кендигеляна, приднестровского лидера И.Н. Смирнова и деятелей Интердвижения А.М. Большакова, В.Н. Яковлева, А.К. Белитченко, А.М. Сафонова. Парламент принял постановление о введении чрезвычайного положения и «особой» формы управления в Вулканештском, Чадыр-Лунгском и Комратском районах и трех селах Бессарабского района. Приостанавливалась также деятельность местных Советов, были запрещены демонстрации, манифестации, собрания и забастовки¹⁹. Была прервана телефонная связь гагаузских районов с внешним миром. В Кагуле, Чимишлии, Бессарабке шла концентрация «волонтеров». Готовясь провести подобную операцию против Приднестровья, М. Друк приступил к формированию личной гвардии – батальона «Тирас-Тигина». Сознывая, что готовится погром, гагаузское население вооружалось и выставляло посты у въезда в села.

Тем временем нарастала волна солидарности с гагаузами. Рабочие организации Приднестровья мобилизовали и направили автобусами через территорию Украины 4500 дружинников. 2000 из них прибыли в Комрат. Мобилизация «волонтеров» на севере Молдавии была сорвана. Жители болгарских сел пытались остановить колонны полиции и «волонтеров». Интердвижение «Единство» сорвало информационную блокаду Гагаузии, передавая сведения информационным агентствам Кишинева, Москвы, Киева, Одессы. По просьбе коллег из руководства Интердвижения Молдавии в ночь на 26 октября народный депутат СССР Ю.В. Блохин связался с председателем Верховного Совета СССР А.И. Лукьяновым, проинформировал его о событиях на юге Молдавии и поставил вопрос о немедленной переброске туда воинских частей, чтобы предотвратить кровопролитие. Того же добивались в Москве маршал Советского Союза С.С. Ахромеев, народный депутат СССР М.К. Пашалы, генерал-майор Зайцев. 28 октября, уже по просьбе М. Снегура, в районы компактного проживания гагаузов прибыли войска МВД СССР под командованием генерал-полковника Ю. Шаталина²⁰. Гражданская война в Молдавии была предотвращена.

Ввод войск вызвал яростные протесты парламентских унионистов, но позволил стабилизировать политическую обстановку вокруг Гагаузии. С молдавской стороны отводу «волонтеров» и нормализации ситуации способствовал вице-премьер А.Н.

Прибыли волонтеры

Сангели, поддерживавший контакты с П.И. Бузаджи, заместителем С.М. Топала. К 28 октября выборы были проведены во всех гагаузских городах и селах. 30 октября состоялось первое заседание Верховного Совета Гагаузской Республики. Его председателем был избран С.М. Топал.

Однако предотвращение кровопролития было расценено официальным Кишиневом как вмешательство во внутренние дела республики и поддержка

сепаратизма. Парламент потребовал вывести воинские части из Молдовы²¹, а 2 ноября принял инициированное лидерами «Народного фронта» постановление

о формировании «Республиканской гвардии Молдовы», явно предназначенной для карательных операций. Волонтеры, отведенных от границ Гагаузии, М. Друк попытался ввести в Дубоссары. Полиция Молдовы открыла огонь по безоружным жителям, три человека были убиты, а 16 получили ранения. Депутаты-аграрии при поддержке коллег из Интердвижения поставили вопрос о смещении организатора «волонтариады» премьер-министра Мирчи Друка. Хотя попытка не удалась, выступление парламентариев помогло руководству ГР договориться о моратории: с одной стороны – на признание результатов выборов в Верховный Совет Гагаузии, а с другой – на отказ гагаузам в предоставлении автономии. Комиссия Верховного Совета ГР потребовала от Кишинева отказаться от введения чрезвычайного положения и прекратить уголовные дела, возбужденные против активистов гагаузского движения²². Делегация гагаузов в составе С.Топала, И.Каракаша, К.Таушанжи и др. встретила с Президентом СССР М. Горбачёвым.

21 ноября Верховный Совет ГР вновь собрался на сессию и сформировал руководящие органы республики. Первым заместителем председателя ВС был избран М.В. Кендигелян. Были приняты декларации «О государственном суверенитете Гагаузской Республики», «О принципах вхождения Гагаузской Республики в состав обновленного Союза ССР», «О власти в Гагаузской Республике» и др.²³. 11 декабря были сформированы постоянные комиссии Верховного Совета: по законодательству, законности и правопорядку, по социально-экономическому развитию и государственному бюджету; по народному образованию, культуре, здравоохранению и охране окружающей среды; по межнациональным отношениям и международным связям; по национальной безопасности и обороне республики²⁴.

Используя общественный подъем, в марте 1991 г. власти Гагаузской Республики успешно провели на подконтрольной территории Референдум СССР, в ходе которого гагаузы высказались за сохранение Советского Союза. В противоборстве официального Кишинева и Комрата наступило некоторое затишье. В мае 1991 г. аграрии и участники «Единства», другие патриоты, сместили инициатора «волонтариады» премьер-министра М.Г. Друка, и шансы на достижение гражданского согласия в Молдавии возросли. Но в августе ситуация изменилась к худшему.

«ПУТЧ» ГКЧП. СИТУАЦИЯ В ГАГАУЗИИ

Попытка ввести в СССР чрезвычайное положение, предпринятая государственным руководством 19 августа, совпала с празднованием первой годовщины образования Гагаузской Республики. На торжества в Комрат съехались представители интеллигенции всех тюркоязычных республики Союза ССР, а также гости из зарубежных стран. Выражая положительное отношение гагаузского народа к существующей государственности России/СССР, С.М. Топал, в ту пору председатель Верховного Совета ГР, направил в адрес руководителей Государственного Комитета по Чрезвычайному положению телеграмму с пожеланием «плодотворной работы на благо процветания всех народов Советского Союза». На митингах, состоявшихся в Комрате и Чадыр-Лунге, попытку стабилизировать политическую ситуацию в

стране поддержали и другие руководители Гагаузской Республики²⁵. Однако гагаузские «демократы» из партии «Аркалык» и «Движения демократических реформ Гагаузии» в тот же день заявили, что они «осуждают попытку установления диктатуры в нашей стране»²⁶.

27 августа 1991 г. Республика Молдова, подобно России, Украине и другим субъектам СССР, провозгласила свою независимость. Кишиневские национал-радикалы попытались свести счеты с оппозицией. В числе других деятелей спецслужбой МВД Молдовы были похищены и заключены в следственный изолятор в Кишиневе С.М. Топал и М.В. Кендигелян. В Дубоссары были введены силы МВД и «волонтеры». Они вели себя как оккупанты, оскорбляли и унижали жителей. Более 100 горожан были избиты.

Однако Ю.В. Блохин, В.Н. Яковлев и другие деятели «Единства» организовали в прессе России и Украины кампанию протеста. Женский забастовочный комитет Приднестровья прервал железнодорожное сообщение Молдавии с Украиной и Россией через Тирасполь и Рыбницу, рабочий комитет железнодорожников Украины прекратил движение поездов в Молдавию по другим путям. Женские забастовочные комитеты блокировали железную дорогу в Комрате и Вулканештах. Общественное мнение Молдовы расценивало аресты как политический произвол. Многие депутаты парламента Молдовы были встревожены арестом их бывших коллег; депутат из Бендер Г.Ф. Пологов и некоторые депутаты местных Советов были арестованы противозаконно, без санкции парламента и местных Советов.

Однако арест первых лиц не привел к краху «самопровозглашенные» республики, их руководящие органы продолжали функционировать. В Тирасполе и Комрате проходили митинги в поддержку арестованных, состав преступления в их действиях отсутствовал, ложных признаний от них получить не удалось, и в случае суда они готовы были защищаться. Учитывая все это, правящая группа Молдовы пересмотрела свои намерения. В конце сентября силы МВД и «волонтеры» были из Дубоссар выведены, а С.М. Топал, М.В. Кендигелян и другие арестованные освобождены.

Насильственные действия официального Кишинева вынудили руководство Гагаузской Республики к новым шагам по пути самоопределения. 4 октября 1991 г. Верховный Совет ГР сформировал правительство. Его председателем был избран С.М. Топал. На пост председателя Верховного Совета депутаты избрали М.В. Кендигеляна. Была сформирована также исполнительная власть. Заместителями С.Топала на посту главы правительства в разное время были Ф.Манолов и А.Буюклы. Управление иностранных дел Гагаузской Республики возглавил П.Завричко, управление сельского хозяйства – Копущук, управление экономики, финансов, госстатистики и госконтроля – Ф.Келеш, управление промышленности, транспорта и связи – И.Славиогло, управление науки и народного образования – А.Чешмеджи, управление культуры – А.Молла, управление социальной защиты – Д.Гаргалык, управление здравоохранения – К.Чеботарь, управление внутренних дел – И.Бургуджи, управление материальных ресурсов – И. Кочанжи, а Комитет по средствам массовой информации – М. Червень. Управляющим делами правительства был назначен Д. Чебанов. Правительство ГР создало собственные вооружённые силы, костяком которых стал батальон «Буджак» численностью около 400 добровольцев, вооруженных автоматическим оружием.

Одновременно с выборами Президента Республики Молдова, прошли выборы Президента Гагаузской Республики 1 декабря 1991 г. Петр Бозаджи. стал вице-президентом. Обеспечивая свою независимость от официального Кишинева, оказавшегося под контролем унионистов, гагаузы все же не желали разрыва интеграционных связей с Молдавией, Россией, Украиной. В ходе референдума, проведенного одновременно с выборами президента, 95,4 % избирателей дали положительный ответ на вопрос «Вы за независимость ГР в политическом и экономическом союзе суверенных государств?» Однако развитие новых независимых государств пошло по другому пути.

В годы кризиса Союза ССР гагаузский народ проявил политическую зрелость, способность осознать и организованно отстаивать свои интересы. В ответ на попытки установить в полиэтничной, в основном, двуязычной Молдавии одноязыковой режим он развернул движение за автономию. Каждый шаг гагаузского народа по пути самоопределения был продиктован отказом официального Кишинева выполнять официально признаваемые, закрепленные в Конституции национальные права и свободы. В период кризиса Союза ССР политика насилия, проводимая национал-экстремистскими силами Молдовы, привела к образованию Гагаузской Республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по ССР Молдова. Статистический сборник. Том I. Кишинев. 1990. С.100-101.
- ² Ленинское слово [Комрат]. 1989. 11 апреля.
- ³ Кировец [Тирасполь]. 1989. 11 августа.
- ⁴ Губогло М.Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. Москва. 2004. С.256.
- ⁵ Единство. 1989. 26 октября.
- ⁶ Губогло М.Н. Указ. соч. С.257.
- ⁷ Там же. С.281.
- ⁸ Единство. 1989. 1 декабря.
- ⁹ Там же; См. также: Основные документы принятые I и II заседанием Чрезвычайного съезда представителей гагаузского народа. Комрат. 1989. С.7.
- ¹⁰ Основные документы ... С.3.
- ¹¹ Там же. С.16.
- ¹² Там же. С.14,15.
- ¹³ Знамя [Чадыр-Лунга]. 1990. 21 августа.
- ¹⁴ Маруневич М. Правда о гагаузском народе как о самобытном этносе и его этнической территории. Комрат. 1993. С.3,4.
- ¹⁵ Ленинское слово [Комрат]. 1990. 30 августа.
- ¹⁶ Губогло М.Н. Указ. соч., С.342.
- ¹⁷ Единство [Кишинев]. 1990. 31 августа.
- ¹⁸ Moldova Suverana. 1990. 20 octombrie.
- ¹⁹ Правда [Москва]. 1990. 27 октября.
- ²⁰ Известия. 1990. 29 октября.
- ²¹ Известия. 1990. 28 октября.
- ²² Известия. 1990. 2 ноября.
- ²³ Ленинское слово. 1990. 11 декабря.
- ²⁴ Ленинское слово. 1990. 13 декабря.
- ²⁵ Гагауз Ери [Комрат]. 1991. 3 сентября.
- ²⁶ Совместное заявление. //Гагауз Ери. 1991. 3 сентября.

ГАГАУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА. ОТ КОНФЛИКТА К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ И НАЦИОНАЛЬНОМУ СОГЛАСИЮ 1991-1994 гг.

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В КИШИНЕВЕ И ГАГАУЗСКИЙ ВОПРОС

12 декабря 1991 г. президенты России и Украины Б. Ельцин и Л. Кравчук и Председатель Верховного Совета Белоруссии Шушкевич подписали договор о создании Содружества Независимых Государств. 25 декабря Союз Советских Социалистических Республик перестал существовать и юридически. Распад СССР осложнил положение гагаузов. Учитывая поддержку мировым сообществом обеспечения интересов национальных и лингвистических меньшинств без нарушения целостности существующих государств, гагаузам предстояло добиваться приемлемого административно-территориального статуса в составе Молдовы.

Население республики беспокоило стремление национал-радикалов к объединению Молдавии с Румынским государством. В ноябре 1991 г., еще до Беловежского сговора, президент Румынии Ион Илиеску заявил о том, что «после распада СССР может произойти воссоединение Румынии с бывшей советской республикой Молдовой»¹, а румынский премьер-министр Петре Роман – о «готовности Румынии к объединению с Республикой Молдова в случае, если народ Молдовы пожелает этого»². Распад СССР деморализовал часть интеллигенции. «Независимость, – заявил президент Республики Молдова М.И. Снегур, – конечно, преходящий период. Говорят еще, что будут существовать одновременно два румынских государства, но это не будет продолжаться долго. Повторяю: независимость Советской Молдавии представляет собой этап, а не цель».³ 1 декабря 1991 г. группа депутатов-«фронтистов» вместе с румынскими правыми радикалами учредила так называемый «Национальный совет объединения», призванный, говорилось в его декларации, «предпринять публичные действия для ускорения исторического процесса национального единения Румынии»⁴. Согласно социологическим опросам, доля лиц, видящих будущее Молдавии в составе Румынии, – не обязательно соглашаясь с этим, – возросла с 3,1% в феврале 1991 г. до 9,4% в феврале 1992 г.⁵

Однако не только гагаузы, население Молдавии, но и большинство молдавского народа стремилось сохранить молдавскую государственность. Распространению унионизма препятствовала и память о румынском оккупационном режиме 1918-1940 и 1941-1944 гг. В случае вынесения вопроса о «воссоединении» Молдавии с Румынией на референдум, заявил в октябре 1991 г. один из лидеров ХДНФ, депутат Г.Ф. Гимпу, народ проголосует против⁶. По оценке поэта-униониста Григоре Виеру, в этот момент лишь четвертая часть молдавских парламентариев проголосовала бы за

«объединение» Молдовы с Румынией. Остальные, свидетельствовал поэт, «приходят в бешенство, просто приходят в бешенство, когда слышат об объединении». «Молдаване, – признавал он, – не готовы к этому историческому акту»⁷. В это же время газета «Литература ши арта» из номера в номер печатала провокационные статьи в отношении гагаузского народа.

Соотношение сил в молдавском парламенте позволяло гагаузам рассчитывать на продолжение политического диалога с официальным Кишиневом. Унионисты контролировали руководство парламента, но их поддерживали не более трети депутатов. Политический центр составляли аграрии, объединенные в депутатский клуб «Вяца сатулуй» («Сельская жизнь»). Ряд лидеров аграриев, – А.Я. Снегур, А.Г. Попушой, Д.Г. Моцпан, – стояли за урегулирование отношений со славянами и гагаузами на путях диалога. Интердвижение Молдавии (С 22 декабря 1991г. – Движение за равноправие «Унитате -Единство») сохранило в парламенте представительство и вместе с группой депутатов-приднестровцев составило фракцию «Согласие» во главе с депутатом из Тараклии Г.В. Некитом. Фракция требовала продолжения переговоров с Тирасполем и Комратом. На тех же позициях стояла группа депутатов-гагаузов из фракции «Буджак».

В ДНИ ДНЕСТРОВСКОЙ ВОЙНЫ

После распада СССР для Гагаузии стало реальным повторение «волонтариады» 1990 года. Но как показали последующие события, главное направление удара было перенесено с юга на восток Молдавии. 1 марта 1992 г. началась Днестровская война. Однако война не нашла поддержки в массах молдавского народа, парламентская оппозиция постоянно разоблачала ее провокаторов, а российские части не позволяли втянуть себя в боевые действия.

24 мая Министерство национальной безопасности Молдовы направило с провокационным заданием в Чадыр-Лунгу свою оперативную группу. В ходе столкновения с местной полицией погиб полицейский Сыртмач, но пятеро террористов были схвачены, пятеро скрылись на автомобиле. Депутаты из группы «Буджак» получили видеозапись допросов кающихся террористов, сделанную чадыр-лунгской милицией, и показали ее в парламенте, а затем по местному телевидению в Комрате, появились публикации в прессе. Депутаты-гагаузы потребовали также прекращения прослушивания их телефонных переговоров и смещения министра безопасности А.Ф. Плугару.

В парламенте приднестровские депутаты начали переговоры об урегулировании конфликта. 16 июня парламент принял постановление «Об основных принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта, установления мира и согласия в восточных районах Республики Молдова». Они включали проведение досрочных выборов и формирование полиэтничного правительства национального согласия, а также обеспечение пропорционального представительства национальностей при формировании институтов власти и управления всех уровней. Но руководящая группа национал-радикалов сочла эти условия неприемлемыми. 19 июня она пред-

приняла еще одну попытку втянуть в боевые действия 14-ю российскую армию. В Бендерах полиция Молдовы спровоцировала вооруженное столкновение с местными гвардейцами, и в город была введена бригада спецназа МВД и другие части. Начались уличные бои.

26 июня в бою на бендерском мосту через Днестр погиб уроженец Вулканешт механик-водитель танка приднестровской гвардии Георгий Георгиевич Фуер⁸. Его тело было доставлено на родину. 29 июня в Вулканештах, заявил в парламенте министр безопасности А.Плугару, состоялись похороны погибшего в Приднестровье солдата-местного жителя. После похорон, сообщил министр далее, в Тирасполь двумя автобусами выехали добровольцы – гагаузы⁹.

Вторжение в Бендеры не оправдало ожиданий его инициаторов. Хотя вследствие обстрелов и диверсий погибли около 30 российских солдат, части 14-й армии не были введены в бой, и интернационализация конфликта не состоялась. 21 июля 1992 г. в Москве было подписано соглашение о прекращении огня в Приднестровье. Завершение Днестровской войны и размещение на Днестре российских миротворческих сил гарантировало от попыток ликвидации вооруженным путем и Гагаузской Республики.

В дальнейшем руководство Гагаузии поддерживало связи с Приднестровьем. Приемлемой основой для переговоров с Кишиневом партнеры признали подготовленный в Комрате проект закона «О правовом статусе Гагауз Ери (Гагаузии)».

Но позиции сторон совпадали не во всем. Весной 1994 г. их мнения разошлись также по вопросу об участии населения Гагаузии и Приднестровья в парламентских выборах в Молдове. Гагаузия участвовала в выборах. В Приднестровье участки голосования открыты не были.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ГАГАУЗИИ

Политическая ситуация в Гагаузской Республике характеризовалась коррект-

Выступает С.М. Топал

(фото из книги «Горячее лето 1989 г.»)

ными межэтническими отношениями. В Чрезвычайных съездах гагаузского народа наряду с гагаузами участвовали и представители болгарского, русского, украинского, молдавского населения гагаузских районов. Ни один руководитель местной администрации, ни один специалист не был смещен под предлогом незнания гагаузского языка. Русские, болгары, украинцы имелись в составе депутатов Верховного Совета и правительства ГР, руководителей местной администрации. Хотя специ-

альных мер по поддержанию национально-пропорционального представительства в администрации ГР не принималось, соотношение гагаузов и не гагаузов в них, в общем, соответствовало национальному составу населения Гагаузии.

В июне 1993 г. Верховным Советом ГР был принят закон «О функционировании языков на территории Гагаузской Республики», легализовавший использование гагаузского, русского и молдавского языка в государственном делопроизводстве, официальном и служебном общении, образовании, средствах массовой информации. В 1995 г., при формировании территории АТО Гагаузия (Гагауз Ери), в ее состав вошел поселок Светлый, в котором гагаузы составляли всего 24% населения. Учитывая демократический характер программы гагаузского национального движения, его неизменно поддерживало Интердвижение Молдавии.

В 1992-1994 гг. под влиянием падения производства в Молдове, России и Украине экономическая ситуация в Гагаузии быстро ухудшалась. Учителя, медики, другие работники бюджетной сферы, служащие полиции, а также бойцы батальона «Буджак», по три-четыре месяца не получали заработной платы. Эффективность рыночных механизмов в экономике переходного периода была невысокой.

В июне 1993 г. состоялся VII съезд депутатов Советов всех уровней. На съезде было решено настаивать на формировании Молдавского государства на федеративной основе¹⁰.

Верховный Совет ГР еще в январе 1993 г. ввел институт представителей Президента на местах. Представителем президента Гагаузской Республики по Вулканештскому району был назначен Г.Г. Кышлалы. 8 сентября был принят закон «Об основах местного самоуправления Гагаузской Республики». Осенью 1993 г. обострился конфликт с администрацией Чадыр-Лунги. 5 октября президиум Верховного Совета ГР, ссылаясь на процедурные нарушения, отменил решение Совета о смещении председателя райсовета, первого должностного лица района В.В. Терзи, осуществленное по предложению председателя исполкома районного Совета Д.В. Кройтора¹¹. Тем не менее конфликт между Чадыр-Лунгой и Комратом продолжался.

На практике указы С. Топала, в большинстве своём, не исполнялись. Кроме того, возникали конфликты из-за его непродуманных решений. Например, в указе Президента ГР С. Топала от 16.03.93 «Об освобождении Келеша Ф.В. от занимаемой должности начальника управления экономики и финансов ГР» говорилось, что Келеш Ф.В. «на низком профессиональном уровне разрабатывал экономическую стратегию становления Гагаузской Республики. Не предпринимал меры по урегулированию взаимоотношений бюджета Гагаузской Республики с бюджетом Республики Молдова». С.Топал предъявил своему подчинённому политическое обвинение. Длительное время патриот гагаузского народа Фёдор Келеш добивался отмены данного указа с целью защиты своего честного имени.

В период 1991-1994 гг. политическая ситуация в Гагаузии неоднократно обострялась. Осенью 1993 г. в Вулканештах произошли трагические события, когда полицейским был застрелен житель Вулканешт, что привело к волнениям в городе. В результате чего подожжены здания таможни на границе пограничного перехода Вулканешты-Болград, а также здания полиции и прокуратуры.

*М.В. Кендигелян, Председатель
Народного Собрания Гагаузии,
1999-2002 гг.*

Несмотря на всю сложность и противоречивость политической ситуации, территория проживания гагаузов не обособилась от Молдовы. На всех уровнях поддерживались политические, экономические и культурные взаимоотношения с государственными органами Республики Молдова.

Объективные причины в экономике привели к падению промышленного и сельскохозяйственного производства, закономерное условие экономической разрухи на всём пространстве разрушенного союза, унижительная бедность населения, наступившие после благосостояния 70-80-х годов XX века, компрометировали и лидеров и саму идею государственности.

ПОЛИТИКА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Под лозунгами возрождения гагаузской этничности гагаузы боролись за сохранение своего права на гагаузско-русское двуязычие, обеспечивающее им равенство и даже социально-культурные преимущества в общении с молдаванами, и знание одного из мировых языков, остающегося языком межнационального общения, науки, культуры на огромном постсоветском пространстве. С 1986 г. в населённых пунктах с компактным проживанием гагаузов началось преподавание гагаузского языка первоначально факультативно, а в дальнейшем – как предмет. Издаются учебники по гагаузскому языку и литературе. Этот процесс продолжается и в настоящее время, и в последние годы он приобрёл более качественную форму. В настоящее время в Гагаузии функционируют 55 учебных заведений.

Ансамбль «Кадынжа», рук. А. Кёся, Комрат

Наличие автономного образования позволило гагаузам в большей степени, чем другим национальным сообществам Молдовы, воспользоваться правом выбора языка обучения. В 1995/96 учебном году в школах с преподаванием на молдавском языке обучались 10 828 русских детей, 27,7% их общего числа, 14 467 детей украинцев (31,3%), 3015 болгар (24,1%) и 958 гагаузов, всего 3% их общей численности. Только в одном гагаузском селе (с. Баурчи Каушанского района) школьное обучение еще с советских времен велось на молдавском языке.

Одной из мер, направленных на обеспечение новому поколению современного социально-культурного уровня, явилось создание в Комрате университета. Совместным решением Всероссийского фонда образования и исполнительного комитета Комратского районного Совета народных депутатов 11 февраля 1991 г. был основан Гагаузский Национальный Университет (ГНУ). 1 августа 1991 г. постановлением правительства Республики Молдова №408 ГНУ был утвержден. Его преемником

стал Комратский Государственный Университет (КГУ), в соответствии с законом Республики Молдова «Об образовании» осуществляющий свою деятельность автономно¹². Университету было передано здание районного комитета КПМ, одно из наиболее представительных в городе, ряд других помещений. Однако работа КГУ как учебного центра налаживалась с трудом. Один за другим сменялись ректоры. В 90-е гг. на этом посту побывали И.П. Кристиогло, Г.Н. Топузлу, Д.Н. Танасоглу.

В этот период времени в Гагаузии проводились различные региональные фестивали и конкурсы: как фестиваль «Хедерлез» и «Касым», этнокультурный фестиваль народов, проживающих на территории Гагаузии, праздник родного языка «Ана дилимиз», праздник славянской письменности, «Мэрцишор», «Лимба ноастрэ» и т.д.

ОТНОШЕНИЯ С ОФИЦИАЛЬНЫМ КИШИНЕВОМ. ЗАКОНОПРОЕКТ «О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ГАГАУЗ ЕРИ (ГАГАУЗИИ)»

Гагаузская Республика, не признанная де-юре Кишинёвом и международным сообществом, поддерживала официальные связи с Молдовой. Так, на съезде депутатов Гагаузской Республики присутствовали заместители председателя парламента Молдовы, руководители парламентских комиссий. Решение о лишении гагаузских лидеров депутатских полномочий, принятое в октябре 1990 г., так и не было рассмотрено Кишиневом, однако другие гагаузы-депутаты молдавского парламента продолжали участвовать в его работе, выступая в качестве представителей Гагаузской Республики. Но на постоянной основе официальные контакты с Кишиневом более двух лет поддерживались в процессе начатой в конце 1992 г. совместной работе представителей ГР и молдавского парламента над проектом закона «О правовом статусе Гагауз Ери (Гагаузии)».

Руководство Гагаузской Республики, действительно, стремилось к урегулированию конфликта. Законопроект обсуждался на сессиях районных Советов Гагаузии. 27 января 1993 г. Вулканештский поселковый Совет при участии президента ГР С.М. Топала рассмотрел законопроект, подготовленный Верховным Советом ГР. Сделав ряд замечаний и выдвинув свои предложения, депутаты рекомендовали гагаузскому парламенту «выйти на Парламент Молдовы с данным проектом и попытаться быстрее решить гагаузский вопрос»¹³. Официальный Кишинев продолжал рассчитывать на силовое решение вопроса о реинтеграции Гагаузии с Молдовой и демонстрировал пренебрежение к «самопровозглашенной» республике. Даже второстепенный чиновник, советник президента Снегура по вопросам национальной политики, не считал нужным прибыть в Комрат для обмена мнениями по вопросу о содержании законопроекта. Для выступления перед депутатами Верховного Совета ГР был направлен служащий Департамента межэтнических отношений¹⁴.

К весне 1993 г. компромиссный вариант законопроекта все же был согласован. Он предусматривал придание официального статуса в Гагаузии молдавскому, гагаузскому и русскому языкам. В случае изменения статуса Республики Молдова как члена ООН, народ Гагаузии получал право самостоятельно решать свою судьбу.

Проект был обсужден и одобрен VI съездом депутатов всех уровней Гагаузии, но 18 мая 1993 г., когда законопроект надлежало рассмотреть парламенту Молдовы, депутатам был роздан не согласованный, а другой проект. Гагаузскую Республику в нем предусматривалось низвести до административно-территориального округа, в котором полномочия властей были такие же, как у обычного уезда.

Депутаты от Гагаузии покинули зал заседаний. Стремясь осложнить поиски компромисса в будущем, унионисты потребовали обсуждения законопроекта, несмотря на отсутствие гагаузов, но участникам Движения «Унитате-Единство» при содействии аграриев удалось это предотвратить. На пресс-конференции, организованной по поводу этого инцидента, председатель депутатской комиссии по выработке законопроекта Петр Бузаджи заявил: «Полтора месяца комиссия в поте лица трудилась над выработкой оптимального варианта документа и, судя по замечаниям специалистов, достигла цели».

В июне 1993 г. вопрос о законопроекте «О правовом статусе Гагауз Ери-Гагаузии» был вынесен на обсуждение VII съезда депутатов Гагаузской Республики. Нынешний состав парламента Молдовы, заключил М.В. Кендигелян, не в состоянии решить наши проблемы.

Однако именно в эти дни в Кишиневе началась передвижка власти, на которую рассчитывало руководство Гагаузии. Осенью 1993 г. аграрии и участники фракции «Согласие» добились досрочного самороспуска парламента. Встал вопрос о том, следует ли населению Гагаузии участвовать в предстоящих весной парламентских выборах. Участие в выборах означало и осложнение предстоящих переговоров по вопросу о статусе Гагаузии. 18 ноября 1993 г. Верховный Совет ГР после долгого обсуждения принял решение о неучастии населения Гагаузии в парламентских выборах Молдовы.

Но зимой 1993-1994 гг. соотношение сил в Молдове продолжало меняться в пользу сторонников сохранения существующей молдавской государственности. В Кишиневе активизировались сторонники урегулирования конфликта на Юге на путях компромисса. 5 февраля 1994 г. на форуме «Наш дом – Республика Молдова» президент М. Снегур впервые определенно заявил, что Молдова не стремится к объединению с Румынией и будет обеспечивать своим гражданам равные права. 17 февраля М. Снегур и премьер-министр Молдовы, один из лидеров аграриев А. Сангели прибыли в Комрат, встретились с руководством Гагаузской Республики и приняли участие в заседании Верховного Совета. Они признали: да, гагаузский народ есть, и с противостоянием пора покончить. Призывая гагаузов к участию в выборах, М. Снегур обещал использовать свои прерогативы и в качестве первоочередного вопроса, подлежащего обсуждению парламентом нового созыва, внести в повестку дня вопрос о политическом статусе Гагаузии, добиться закрепления этого статуса в Конституции.

Верховный Совет ГР за десять дней до выборов, намеченных на 17 февраля, решил открыть в Гагаузии избирательные участки. Было также решено принять участие в социологическом опросе «Совет с народом», намеченном правительством Молдовы и призванном выяснить отношение населения к статусу Республики Молдова. Одновременно с этим референдумом на территории Гагаузии

было решено провести референдум по вопросу «Вы за то, чтобы Гагаузская Республика, как национально-территориальное образование, развивалась в составе РМ как ее неотъемлемая составная часть?».

27 февраля гагаузские избиратели проявили высокую политическую зрелость. Выборы, социологический опрос и референдум о будущем Гагаузии прошли при высокой активности населения. В голосовании приняли участие 85,4 % избирателей. В Гагаузии за Блок СП-Единство проголосовали 62 тыс. чел., 72% всех участников выборов. В соседнем Тараклийском районе блок получил только 39% голосов, а 53% – аграрии. В целом по Молдавии мажоритарной оказалась Аграрно-демократическая партия, набравшая 43,2% голосов и получившая 56 депутатских мандатов из 104. Достойным оказалось и представительство Блока СП-Единство, он завоевал 28 мандатов, а «фронтисты» и их единомышленники из блока «крестьян и интеллигентов» получили в общей сложности 20 мандатов¹⁵. Такое соотношение сил создало условия для урегулирования отношений Гагаузии с официальным Кишиневом на путях компромисса. Решение руководства ГР об участии в парламентских выборах оказалось верным.

Успешно прошел и референдум о будущем Молдовы. В нем приняли участие 75% избирателей, и 95,1 % из них ответили на вопрос референдума положительно¹⁶. Народ Молдовы показал, что не желает ликвидации своего государства.

В связи с изучением гагаузского вопроса европейскими организациями Кишинев и Комрат посетил ряд комиссий. Проект Гагаузской Автономии в составе Молдовы получил положительную оценку комиссий Совета Европы и Сопровождающего по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Урегулирование конфликта с гагаузами стало условием приема Молдовы в Совет Европы.

Осенью 1994 г., после принятия новой Конституции Молдовы, отмены намеченной на весну этого года аттестации служащих на знание государственного языка и решения ряда других неотложных вопросов, переговоры с Комратом были возобновлены. Поскольку законопроект был, в основном, согласован еще в 1992-1993 гг., дискуссии шли, главным образом, по частным вопросам. 23 декабря 1994 г. после жаркой полемики, в которой приняла участие и делегация Верховного Совета Гагаузской Республики, парламент Республики Молдова принял закон «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)». За его принятие проголосовали 27 (из 28) депутатов-участников фракции «Социалистическое Единство» и большинство депутатов-аграриев.

Это был компромиссный документ. В преамбуле закона было указано: «руководствуясь принципами Конституции Республики Молдова, проявляя добрую волю и стремление сохранить веками сложившиеся добрые отношения между народами, с целью удовлетворения национальных потребностей и сохранения самобытности гагаузов, наиболее полного и всестороннего их развития, обогащения языка и национальной культуры гагаузов, обеспечения их политической и экономической самостоятельности, учитывая, что первичным носителем статуса Гагаузии (Гагауз Ери) является малочисленный гагаузский народ, компактно проживающий на территории Республики Молдова, при приоритете прав человека, сочетании общечеловеческих и национальных ценностей, равенства всех граждан, проживающих в территориальном автономном образовании, независимо от национальной принадлежности и других признаков, Парламент принимает настоящий закон».

Придание в декабре 1994 года юридического статуса Гагаузии для её народа имело огромное значение – малочисленный самобытный гагаузский народ занял подобающее ему место среди других народов, и появилась возможность самостоятельно решать вопросы своего экономического и культурного развития.

Принятый 23 декабря закон показал всей мировой общественности пример решения конфликта миром, парламентским путём.

Законом «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» был погашен и языковой конфликт. В статье 3 закона говорится, что официальными языками и языками делопроизводства в органах Гагаузии (Гагауз Ери) являются молдавский, гагаузский и русский языки. Наряду с официальными языками на территории Гагаузии законом гарантируется функционирование и других языков.

Закоу «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» был придан статус органического, т.е. второго по значимости, закона, изменения и дополнения в него могут быть внесены только тремя пятыми избранных депутатов Парламента Молдовы. Кто же войдёт в состав Гагаузии? Законом было определено, что в состав Гагаузии входят населённые пункты, где гагаузы составляют более 50 % населения. Другие населённые пункты, где гагаузы составляют менее 50 % населения, могли быть включены в состав Гагаузии на основе референдума, проведённого по инициативе не менее одной трети избирателей. Подобный референдум в Гагаузии был назначен на 5 марта 1995 года. В нём приняли участие жители 36 населённых пунктов Комратского, Чадыр-Лунгского, Вулканештского, Тараклийского и Бессарабского районов. В состав Гагаузии по его итогам вошло 29 населённых пунктов.

Выборы главы Гагаузии и законодательного органа автономии прошли в соответствии с временным положением правительства РМ о выборах Башкана и Народного Собрания Гагаузии. В этот же день жители Гагаузии участвовали в референдуме по определению административного центра Гагаузии, которым стал г. Комрат.

11 июня был избран первый Башкан Гагаузии – Г.Д.Табунщик и депутаты Народного Собрания.

20 июня 1995 г. в Комрате состоялось торжественное собрание, посвящённое вступлению в должность Башкана Гагаузии Г.Д.Табунщика. Присутствовавший на этом мероприятии Президент Республики Молдова Мирча Снегур в своём выступлении назвал историческим момент вступления в должность первого Башкана Гагаузии. С принятием закона о Гагауз Ери, по его мнению, найден компромисс, который устраивает всех в Молдове.

Важнейшей вехой в стабилизации политической обстановки в нашей стране стало принятие Парламентом 25 июля 2003 г. закона о внесении изменений в Конституцию РМ, который существенно укрепил статус нашей автономии и закрепил полномочия Гагаузии в Основном законе страны. Суть внесённых изменений и дополнений в Конституцию РМ состоит в том, что Гагаузия наделяется правом законодательной инициативы, а ст. 111 Конституции в новой редакции определяет статус АТО Гагаузия, основные принципы её деятельности и функционирования, определяет её компетенции, закрепляет гарантии её существования. Именно этим Молдова продемонстрировала всему миру, что все возникающие разногласия и конфликтные ситуации можно решить мирным путём при наличии политической воли и стремлении к сотрудничеству, взаимопониманию и национальному согласию.

Депутаты Парламента Республики Молдова XIII созыва, 1994-1998 гг., принявшие закон «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» 23 декабря 1994 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Adevarul /Bucuresti/. 1991. 21 noiembrie
- ² Suddeutsche Zeitung.12.12.1991 //Республика Молдова в 1989-1991 годах: Взгляд со стороны. (Дайджест зарубежной печати).Кишинев. 1992. С. 169.
- ³ Le Figaro. 27. 08. 1991.
- ⁴ Независимая Молдова. 1991, 4 декабря.
- ⁵ Результаты социол. исследований службы «Опиния» // Земля и Люди. 1998. 21 февраля
- ⁶ Moldova Suverana. 1991. 23 noiembrie.
- ⁷ Гражданин Молдовы. 1992. N1, февраль
- ⁸ Книга памяти защитников Приднестровья. Тирасполь. 1995. С.262.
- ⁹ Стенограмма заседания Парламента Республики Молдова 30 июня 1992г. С.4134.
- ¹⁰ Хаберлар. 1993. 12 июня.
- ¹¹ Хаберлар. 1993. 13 октября.
- ¹² Губогло М.Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. С. 377, 378.
- ¹³ Хаберлар. 1993. 6 февраля.
- ¹⁴ Хаберлар. 1993. 23 января.
- ¹⁵ Подробнее см.: Шорников П.М. Покушение на статус. Кишинев. 1997. С.116,117.
- ¹⁶ Оценка и прогнозы.// Хаберлар. 1994. 29 марта.

АВТОНОМНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ГАГАУЗИЯ

Гагаузский народ в рамках Закона «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» получил право на территориальное автономное образование с особым статусом, как форма самоопределения гагаузов. Гагаузия, будучи составной частью Республики Молдова, приобрела возможность в пределах своей компетенции самостоятельно решать вопросы политического, экономического и культурного развития в интересах всего населения.

*Президент РМ Мирча Снегур
и Башкан Гагаузии Георгий Табунцик,
Комрат, 20 июля 1995 г.
после торжественного собрания
посвященного вступлению в должность
Главы (Башкана) Гагаузии Г. Табунцика*

Создание АТО Гагаузия в рамках Молдавского государства явилось торжеством мудрости молдавского и гагаузского народов, это был один из немногих примеров мирного решения национального вопроса на всём постсоветском пространстве. Днём рождения автономно-территориального образования Гагаузия (Гагауз Ери) является 23 декабря 1994 года – день принятия Закона о Гагаузии. 5 марта 1995 г. состоялся референдум, согласно которому в состав автономии вошли гг. Комрат, Чадыр-Лунга, Вулканешты и 28 сел. Также на референдуме был определён административный центр Гагаузии – им стал г. Комрат.

Но это было лишь началом. Предстояло провести огромную работу по политическому, организационному, юридическому и экономическому становлению автономии, духовному и культурному возрождению гагаузского народа.

УТВЕРЖДЕНИЕ ГАГАУЗСКОЙ АВТОНОМИИ

В мае-июне 1995 г. состоялись выборы Главы (Башкана) Гагаузии и депутатов Народного собрания. Первым Главой (Башканом) Гагаузии был всенародно избран известный политический и государственный деятель Г.Д. Табунцик. Гагаузия получила также свой представительный (законодательный) орган – Народное Собрание (Халк Топлушу), состоящее из 35 депутатов, избираемых на 4 года. Депутатами были избраны руководители крупных аграрных и промышленных предприятий, представители интеллигенции и других слоёв населения.

Инаугурация (вступление в должность) Башкана состоялась 20 июня 1995 г. В Комрате, в Доме культуры, Глава Гагаузии принёс присягу гагаузскому народу. На церемонии инаугурации приняли участие Президент Молдовы М. Снегур, Председатель Конституционного суда П. Барбалат, депутаты Народного собрания, депутаты Парламента Молдовы, члены дипломатического корпуса, представители общественности.

23 июня 1995 г. состоялась первая сессия Народного Собрания Гагаузии. Председателем Народного Собрания Гагаузии был избран П.М. Пашалы, заместителями – И.А. Бежан и А.Н. Фучеджи.

Гагаузская автономия начала свою деятельность в условиях глубокого кризиса. Работникам бюджетной сферы заработную плату выплачивали с отставанием в 3-4 месяца, также обстояли дела с выплатой пенсий, а гвардейцам батальона «Буджак» заработная плата не выплачивалась более 8 месяцев.

В этих условиях Глава автономии Распоряжением № 1 от 27 июня 1995 г. прекратил деятельность исполнительной и законодательной власти, действовавшей до создания АТО Гагаузия, и уволил гвардейцев батальона «Буджак» которым, после изъятия оружия, была выплачена заработная плата и обеспечено, в основном, трудоустройство.

В свои права вступили вновь сформированные законные органы власти, органы внутренних дел.

Начался трудный и сложный процесс территориального и организационного оформления Гагаузии. На это ушёл весь 1995 год, а проблемы Вулканештского района и г. Вулканешты были решены только к концу 1996 г.

Населённые пункты, по референдуму изъявившие желание войти в состав Гагаузии, размещались в 5 районах: Бессарабском, Тараклийском, Чадыр-Лунгском, Комратском и Вулканештском. Из вошедших в состав Гагаузии населённых пунктов было сформировано три района – Комратский, Чадыр-Лунгский и Вулканештский. Районные Советы, ликвидированные Парламентом страны, в этих районах не были восстановлены. Для руководства всей общественной и экономической жизнью Башканом были назначены во все 3 района полномочные представители Главы Гагаузии с соответствующими администрациями. Жизнь показала, что в период организационного и территориального оформления районов и всей Гагаузии – это было правильным решением. К началу 1996 г. территориально Гагаузия в основном была сформирована. Территория автономии составляла 1,8 тыс. кв. км; численность населения – 171,5 тыс. человек, из них: гагаузов – 81,4%, молдаван – 4,4%, болгар – 5,2%, русских – 4,7%, украинцев – 3,3% и др. национальности.

Народное Собрание приняло ряд местных законов в различных областях жизнедеятельности. Среди них – законы «Об органах местной публичной власти Гагаузии», «О Счетной палате Гагаузии», «О наградах Гагаузии», Законы Ио государственных атрибутах автономии и др. законы.

В утверждении гагаузской автономии важным событием стали подготовка и принятие Уложения Гагаузии.

Проект Уложения Гагаузии обсуждался всем населением. К его подготовке и экспертной оценке были привлечены Совет Европы, Венецианская комиссия, Министерство юстиции Республики Молдова. 14 мая 1998 г. Народное Собрание приняло

*Председатель Народного Собрания Гагаузии
П. М. Пашалы, 1995-1999 гг.*

Уложение (Основной Закон) Гагаузии. 5 июня Конституция автономии была подписана Башканом Г.Д. Табунщиком и вступила в силу. Принятие Основного Закона Гагаузии сделало процесс становления автономии необратимым.

На соблюдение гагаузской национальной традиции были направлены изменения, внесённые в 1997 г. Народным Собранием в Закон «О функционировании языков на территории Гагаузии». Башкан Гагаузии утвердил эти изменения; отныне закон пред-

писывал, что при заполнении удостоверений личности, документов национальной паспортной системы для граждан гагаузской национальности должны указываться не только фамилия и имя, но и отчество, написание которых определяется орфографическими и грамматическими нормами гагаузского языка¹.

Программой социально-экономического развития Гагаузии на 1996-2000 гг. были определены приоритеты и основные показатели экономического роста. Требовалось отработать формы сотрудничества с Центром, улучшить условия для проявления частной предпринимательской инициативы, изыскать возможности привлечения в экономику и социальную сферу внешних инвестиций. В соответствии с Законом «Об особом правовом статусе Гагаузии» Глава автономии был утвержден членом правительства Республики Молдова. Для упорядочения взаимодействия Исполкома Гагаузии с правительством страны все начальники управлений АТО по рекомендации Башкана Г.Д. Табунщика были введены в состав коллегий соответствующих министерств и ведомств.

По инициативе Башкана, в целях материально-технического укрепления автономии, в 1997 г. Правительство Молдовы приняло Постановление о передаче всей собственности (кроме железной дороги), размещенной на территории автономии, в собственность Гагаузии. Автономия получила дополнительные возможности активнее влиять на свое экономическое и социальное развитие. Еще одной мерой, призванной ускорить экономическое развитие АТО, стало принятое по инициативе Башкана решение Парламента Молдовы о создании в 1998 г. в Вулканештах Свободной экономической зоны «Валканеш» на площади 122,3 га.

Несмотря на давление официального Кишинева, руководство Гагаузии не согласилось с осуществлением в АТО программы «Пэмьнт», ведущей к обезземеливанию и обнищанию крестьян, и до конца 1999 г. не допустило разрушения крупного сельскохозяйственного производства. Автономия осталась единственным регионом Молдовы, где были сохранены колхозы и агрофирмы. Это позволило значительно эффективнее, чем в остальной Молдове, осуществлять сельскохозяйственное производство. Но внутривладельческие отношения изменялись, колхозы были преобразованы в акционерные общества, сельскохозяйственные кооперативы. Сохранены комплексы по производству свинины и птицы, проводился курс на приоритетное развитие экспортно-ориентированных отраслей: табаководства, виноградарства,

полеводства. Для организации сбыта сельскохозяйственной продукции и снабжения агрохозяйств было учреждено государственное предприятие «Нива Гагаузии».

Статус автономии открыл перед Гагаузией возможность самостоятельного налаживания внешнеэкономических и культурных связей с зарубежными странами. Началась систематическая работа в этом направлении. В октябре 1995 г. состоялся первый визит Башкана Г.Д. Табунщика в Турецкую Республику, где состоялись встречи и переговоры с Президентом Турции г-ном Сулейманом Демирелем, Премьер-министром г-жой Тансу Чилер, с руководством Парламента Турции, с другими государственными и политическими деятелями. В ходе этого визита были заложены основы экономических и культурных отношений между Турцией и Гагаузской автономией. Турецкое государство, будучи лидером тюркского мира, с особой теплотой и вниманием отнеслось к проблемам становления и развития нашего края. В течение 1997-1998 гг. состоялось несколько визитов в Турцию Главы Гагаузии, в 1998-1999 гг. Президент Турции г-н Сулейман Демирель дважды посетил Молдову, в рамках этих визитов он посещал Гагаузию, знакомился с краем – его экономическими и социальными проблемами. Президент Турции г-н Сулейман Демирель впервые назвал Гагаузию мостом дружбы, через который должно идти сотрудничество Турции и Молдовы. Между г-ном Сулейманом Демирелем и Главой Гагаузии Г.Д. Табунщиком завязались личные особо тёплые, доверительные отношения.

В 1998 г. Турецкая Республика выделила Молдове для решения проблемы обеспечения питьевой водой Гагаузии и ряда припрутских населённых пунктов кредит в 15 млн. долларов США. Вода из подземного озера в районе сёл Чок-Майдан и Башкалия была подана в г. Комрат и в сёла Чок-Майдан и Башкалию. За короткий срок, менее года, Комратский проект в 8 млн. долларов был выполнен с высоким качеством работ. На сдачу объекта в эксплуатацию собрались тысячи комратчан и гостей. Приехал во главе крупной делегации и Президент Турции Сулейман Демирель², который вместе с Президентом Молдовы г-ном П.Лучинским и Главой Гагаузии Г.Д.Табунщиком открыли в торжественной обстановке этот водопровод.

Турецкая сторона оказывала поддержку и помощь в решении и других вопросов. Она финансирует обучение студентов-гагаузов в Турции, в Конгазе реализован совместный проект – открыт молдо-турецко-английский лицей им. С.Демиреля, в Комрате и Чадыр-Лунге действуют турецко-румынские колледжи, в Комрате открыт Дом турецкой книги им. К.Ататюрка. В Комратском университете обучаются студенты из Турции.

Одновременно шло развитие отношений с регионами России. В ноябре 1995 г. состоялся визит Башкана Г.Д.Табунщика в Москву, состоялась встреча с мэром г. Москвы Ю.Лужковым, был подписан договор об экономическом и культурном сотрудничестве между Гагаузией и Москвой.

В мае 1999 г. Глава Гагаузии с визитом побывал в Республике Татарстан. Состоялись встречи и переговоры с Президентом Татарстана г-ном М.Шаймиевым, с премьер-министром республики. Результатом этого стал Договор об экономическом, культурном и научно-техническом сотрудничестве Гагаузии и Республики Татарстан.

Гагаузия стала членом «Тюркской» – неправительственной организации тюркоязычных стран, руководство автономии участвовало во многих саммитах стран СНГ.

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА: НОВЫЙ СТАРТ

Главный экономический ресурс автономии – её плодородная почва. Площадь сельскохозяйственных угодий составляет 149 тыс. га. На долю Гагаузии приходится 3,8% населения, 5,5% территории и 6,6% сельскохозяйственных угодий Республики Молдова.

Гагаузия располагает значительными ресурсами сырья для пищевой промышленности, возможностями производства зерна, винограда, табака, подсолнечника, фруктов, шерсти, кож и др. Ведущие отрасли промышленности – виноделие и плодоовощноконсервное производство. Протяженность дорог общего пользования составляет на территории Гагаузии 451 км, в том числе 219 км дорог национального значения. 88% всей протяженности дорог имеют твердое покрытие. В автономии имелся избыток рабочих рук. Однако экономическое развитие Гагаузии осложняют отсутствие собственных энергетических ресурсов и нехватка воды.

Сохранение крупного сельскохозяйственного производства и государственная помощь ему позволили Гагаузии преодолеть самую острую фазу экономического кризиса с меньшими издержками, чем в остальной Молдове. В 1996-1998 гг. в Гагаузии возросло производство ряда видов сельскохозяйственной продукции, находящей спрос в Молдове и за рубежом. Занимая 5,5% территории республики, Гагаузия уже в 1998 г. произвела 9,2% зерновых и зернобобовых, 9,6% подсолнечника, 18,7% винограда, 8,9% молока и 14,1% шерсти, вырабатываемых в Молдове. Производительность труда в Гагаузии на 28% превышала среднюю по республике.

Расширение налогооблагаемой базы и рост бюджетных поступлений позволили увеличить финансирование образования, культуры, здравоохранения. В 1998/1999 гг. в Гагаузии действовали 4 лицея с обучением на молдавском языке. При том, что в среднем по Республике Молдова в лицеях и школах с лицейскими классами обучались 16% учащихся, в Гагаузии доля лицеистов составила 38% школьников. 78% процентов детей готовятся к школе в дошкольных учреждениях (в среднем по РМ – только 50%). Налаживалось изучение гагаузского языка. Если в 1996 г. его изучали 46% детей и подростков, в 1999 г. его изучали уже 97%. За это время было издано 26 наименований учебников и учебных пособий на гагаузском языке. В школах Гагаузии оборудовано 30 компьютерных классов. Число лагерей отдыха для детей возросло с 1 до 10, в них проходя курс оздоровления более трети школьников.

За вторую половину 90-х гг. в Гагаузии удалось сохранить все 57 имевшихся ранее библиотек, 27 клубных учреждений, 3 художественных школы, 4 музея, 2 музыкальные школы. Действовали 144 коллектива художественной самодеятельности. Особенно популярны ансамбли песни и танца «Дюз ава», «Кадынжа», «Гагаузлар», народный ансамбль песни и танца «Лале». В 1997 г. в Чадыр-Лунге, на родине просветителя, был открыт гагаузский национальный театр им. М. Чакира, ежегодно проводятся православные Чакировские чтения, международные конференции, посвященные народным традициям, обычаям, обрядам гагаузов.

Решением Народного Собрания Гагаузии и Исполкома широко начали отмечаться народные праздники «Хедерлез», «Касым», «Ана дилимиз», «Алтын ат» и др.

Большое внимание уделялось развитию спорта. В 1998 г. сборная Гагаузии заняла

первое место на чемпионате Молдовы по борьбе и завоевала 15 медалей, в том числе – 6 золотых. Гагаузские борцы вольного стиля участвовали в чемпионате мира в Англии и молодежных Олимпийских играх в Москве. Борец из Казаклии стал серебряным призером чемпионата Европы по самбо. Получили развитие и другие виды спорта: футбол, волейбол, тяжёлая атлетика, шахматы, шашки, гиревой спорт и др.

В отличие от других районов Молдовы, где участковые больницы закрываются из-за нехватки средств, в Гагаузии реформа здравоохранения осуществлялась с сохранением всех лечебных учреждений, существовавших до 1991 г. Несмотря на все еще сложное экономическое положение, рождаемость в Гагаузии, в отличие от большинства районов Молдовы, превышает уровень смертности.

Создание АТО Гагаузия положило начало новому этапу в истории гагаузского народа. Руководство автономии, в пределах своей компетенции, самостоятельно и успешно решало основные вопросы политического, экономического и социального развития автономии. Процесс духовного и культурного возрождения гагаузского народа продолжался.

ВЫБОРЫ 1999 Г. «ПЭМЫНТИЗАЦИЯ» ГАГАУЗИИ

Конструктивная, приносящая очевидные для большинства населения результаты деятельность руководства Гагаузии в 1990 г. была прервана. Против Башкана Г.Д. Табунщика и действующих депутатов НСГ объединились всевозможные оппозиционные силы. Встаёт вопрос – почему? Руководству Республики Молдова независимая политика, проводимая Г.Д. Табунщиком, не подходила. Не нравилось ему и сохранение в автономии (более нигде) крупнотоварного сельскохозяйственного производства в виде колхозов, агрофирм, АО, вразрез проводимой по стране политике раздробления агрохозяйств через насильственное внедрение программы «Пэмынт» («Земля».)

*Д. Кройтор, Башкан Гагаузии
1999-2002 гг.*

Руководство ПКРМ, после определённых колебаний, выдвинуло в Башканы своего кандидата. Центристы Молдовы во главе с Председателем Парламента г-ном Д.Г. Дьяковым, поддержали кандидатуру г-на Д.В. Кройтора. Всего баллотировалось на должность Башкана 6 кандидатов. Первый тур победителя не выявил. Во второй тур вышли Г.Д. Табунщик и Д.В. Кройтор. сразу после первого тура объединились против Г.Д. Табунщика все 5 кандидатов, обратились к народу с воззванием, в котором клятвенно обещали людям сохранить колхозы, в ход были пущены ложь и клевета. Г.Д. Табунщика обвинили в присвоении крупной суммы турецких кредитных денег, в приватизации 3-х винзаводов Гагаузии и др. грехах. Хотя последующая проверка Счётной палаты Республики Молдова, проведённая по инициативе Д.В. Кройтора и Д.Г. Дьякова, вопреки их ожиданиям, выявила, что это ложь и клевета, тем не менее, в период выборов всё это,

растиражированное ТВ и другими СМИ Молдовы, сыграло свою роль. Главой Гагаузии был избран Д.В.Кройтор.

Однако на посту Башкана Д.В.Кройтор не оправдал ожиданий избирателей. В 2000 г. он ликвидировал основные управленческие структуры районов.

Это решение оказалось ошибочным. Расходы на финансирование аппарата управления АТО возросли почти вдвое, а качество управления и его оперативность снизились. Государственное предприятие «Нива Гагаузии» использовалось для проведения сомнительных финансовых операций. В ноябре 2001 г. Исполком перечислил со специального счета на счет этой организации 2 млн. леев на закупку зерна. Зерно было закуплено, но не переработано, а в 2002 г. распродано как «фуражное». Ущерб составил 171 тыс. леев; на специальный счет Исполкома не поступило ни одного лея.

Вопреки своим обещаниям, данным во время избирательной кампании, Д.В.Кройтор уступил давлению из Кишинева и допустил осуществление в Гагаузии программы «Пэмынт». О ее вероятных результатах можно было судить по экономической разрухе в сельском хозяйстве остальной Молдовы. Внедрение программы «Пэмынт» представляло собой целенаправленное разрушение крупного сельскохозяйственного производства. Коллективные хозяйства были упразднены, а земля разделена между крестьянами, семьи получили по 1,5 – 2 гектара. Вместо 28 крупных агрохозяйств появились около 1000 маломощных обществ с ограниченной ответственностью и масса безработных в селах. Незамедлительно начался передел собственности, сельскохозяйственное производство было дезорганизовано. По сравнению с 1998 г. производство животноводческой продукции в 2001 г. упало в 5 раз, яиц – в четыре раза, почти вдвое сократилось производство табака, уменьшилось производство зерна. Развал сельскохозяйственного производства осложнил работу промышленности. В 2001 г. кредиторская задолженность предприятий промышленности, сельского хозяйства, строительства, торговли, а также бюджетной сферы автономии возросла, по сравнению с 1998 г., более чем вдвое и составила почти миллиард леев.

Бюджет АТО был подорван, и финансирование социальной сферы ухудшилось. Не считаясь с интересами населения, руководство автономии закрыло больницы в поселке Светлом и крупных селах Авдарма, Бешалма, Кирсово и Томай. Почти вдвое было сокращено число койко-мест в оставшихся больницах. Вследствие ухудшения питания и общего снижения жизненного уровня населения в 2001 г. смертность в Гагаузии впервые за более чем полувековой период превысила рождаемость. В обществе распространялись настроения безысходности. Не находя себе применения на родине, десятки тысяч гагаузов эмигрировали за рубеж, главным образом в Россию. Тысячи женщин выехали на временные работы в Турцию.

Однако на парламентских выборах 2001 г. квалифицированное большинство в молдавском парламенте завоевали коммунисты. Проверки, проведенные Счетной палатой Молдовы и Счетной палатой Гагаузии выявили нецелевое расходование бюджетных средств и массу финансовых злоупотреблений, допущенных лично Башканом. Материалы эти публиковались в республиканской и местной прессе. Башкан попытался оградить себя от ответственности, прибегнув к политической конфронтации с Кишиневом. Используя неприятие депутатами вмешатель-

ства Центра в дела автономии, в сентябре он провел через Народное Собрание два obstructионистских постановления, а в октябре в Комрате состоялось под теми же лозунгами собрание администраторов, названное в память о днях становления Гагаузской Республики съездом гагаузского народа. Унионистская и «демократическая» оппозиция Молдовы в пику коммунистам поддержала Д.В.Кройтора. Но в Гагаузии даже люди, в принципе не доверяющие кишиневской прессе, видели разрушительные для сельского хозяйства Гагаузии последствия «пэмынтизации». После бурного и скандального публичного разбирательства в Народном Собрании, Д.В.Кройтор, утратив общественное доверие, покинул пост Главы автономии.

ЗАДАЧА: ВОЗОБНОВИТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КРАЯ

(Слева направо) В. Цвиркун, В. Воронин, Г. Табунцик, В. Барбанягра, С. Есир. 2005 г. Комрат

Унионисты, располагая рядом газет и журналов, свободным доступом к государственному телевидению и радио, накануне досрочных выборов Башкана, назначенных на 6 октября 2002 г., развернули широкую пропагандистскую кампанию, призванную скомпрометировать кандидатуру Г.Д.Табунцика. Однако, в обществе уже наступило отрезвление. Большинство голосов он был вновь избран на пост Главы Гагаузии. Во время следующих выборов в Народное Собрание коммунисты увеличили свое представительство в гагаузском парламенте. Председателем Народного Собрания Гагаузии был избран Есир Степан Дмитриевич, заместителями – Чебан Иван Иванович и Радова Ольга Петровна. Исполком, сформированный по представлению Башкана в новом составе, возобновил курс на всемерное развитие экономики и решение социальных проблем.

В 2003-2005 гг. в сельском хозяйстве началась консолидация земель, создание сельскохозяйственных производственных кооперативов, было создано ряд агрокооперативов, 5 машинотехнических станций, посажено 1275 га новых виноградников. Увеличилось производство сельхозпродукции.

Большие позитивные изменения произошли в промышленности. Продолжилось строительство пошивочных предприятий, в 2004-2005 гг. здесь было открыто 1700 рабочих мест. (Только в селе Конгаз

Унионисты, располагая рядом газет и журналов, свободным доступом к государственному телевидению и радио, накануне досрочных выборов Башкана, назначенных на 6 октября 2002 г., развернули широкую пропагандистскую кампанию, призванную скомпрометировать кандидатуру Г.Д.Табунцика.

Президент Республики Молдова В. Воронин

Участники августовской педагогической конференции, 2005 г. Комрат

– абсолютно новое предприятие на 1000 рабочих мест). Реконструирована Комратская ковровая фабрика, где создано около 1000 рабочих мест. На основе Комратской нефтебазы создано совершенно новое для нас производство: нефтеперерабатывающий завод, первая очередь которого сдана в эксплуатацию в 2005 г. Продолжилось освоение Свободной экономической зоны в Вулканештах. Большое внимание было уделено развитию среднего и малого бизнеса. Количество этих предприятий возросло.

За три года всего было инвестировано в основной капитал 550 млн. леев, а в 2005 г. – 220 млн. леев – это наивысший уровень за 10 лет существования автономии. Экспорт продукции из Гагаузии достиг 1 млрд. леев.

Растущая экономика позволила более успешно решать социальные вопросы. В эти годы удалось возобновить работы по обеспечению питьевой водой населённых пунктов. Особый упор был сделан на завершение газификации Гагаузии. В 2004-2005 гг. газ получили сёла Светлый, Алексеевка, Буджак, Дезгинжа. Уровень газификации достиг 98%. За эти годы проводился массовый перевод на автономное газовое отопление школ, детских садов, больниц. Летом 2004 г. в Комрате был открыт гемодиализный центр, в котором бесплатно лечатся не только жители автономии, но и соседних районов. Уровень заработной платы в 2005 г. достиг 957 леев.

БУДУЩЕЕ СОЗИДАЕТСЯ СЕГОДНЯ

Гагаузская автономия создавалась во имя того, чтобы гагаузы не потеряли себя как народ, сохранили равноправие с другими народами, свободный доступ к ценностям мировой культуры. В Гагаузии официальным статусом обладают гагаузский, молдавский и русский языки. Основным языком делопроизводства, официального общения и массовой информации является русский. Русский язык, добровольно

Посещение агрохозяйства «Майдан-Грунт», с. Чок-Майдан 18 июня 2005 г. Президент РМ В. Воронин, Баикан Гагаузии Г. Табуницк, руководитель «Майдан-Групп» Ф. Яниогло, глава администрации Комратского р-на Н. Константинов

избранный подавляющим большинством населения, служит в автономии также основным языком обучения и воспитания. Большое внимание уделяется изучению государственного молдавского и родного гагаузского языка. Вместе с тем языковой режим остается самым либеральным в Республике Молдова. Единственной должностью, для замещения которой обязательно знание гагаузского языка, является должность Главы Гагаузии –

Башкана. Комплектование государственной администрации и продвижение кадров осуществляются независимо от национальной принадлежности служащих. Благодаря корректной языковой и кадровой политике межэтнические отношения в автономии остаются взаимно-комплиментарными.

Идет становление системы образования, ориентированной на вхождение в мировое образовательное пространство. Перед общеобразовательной школой поставлена задача добиться владения каждым выпускником гагаузским, молдавским, русским и иностранным языками. В 2004 г. в автономии функционировали университет, два молдавско-турецких колледжа, 19 лицеев, в которых обучаются 11 000 школьников, 46% молодых людей, обучающихся в 10-12 классах, 9 гимназий, 30 общеобразовательных школ, 58 дошкольных учреждений. В Комратском университете получают высшее образование 2500 студентов, в колледжах учатся 700 учащихся, в школах – 16 000 детей. Лицеисты, получающие диплом бакалавра, как правило, поступают в высшие учебные заведения Молдовы (более 60%) либо в Комратский университет (около 25%). Поступают также в ВУЗы России (10%), Румынии (5%), а также Турции, Болгарии, Украины.

В автономии ведется систематическая работа по возрождению исторической памяти гагаузского народа. В 2002-2005 гг. Советом научных исследований в области истории, культуры и образования при Исполкоме Гагаузии обеспечено переиздание классического труда В.А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда», трудов протоиерея Михаила Чакира «История гагаузов Бессарабии» и «Свадебные обычаи гагаузов», работы Дмитрия Чакира «Биографический очерк рода и фамилии Чакир», других исследований, призванных восполнить дефицит знаний о прошлом гагаузов³.

Состояние и тенденции развития системы образования Гагаузии подтверждают нацеленность ее народа на лучшее будущее.

23 декабря 2004 г. Гагаузская автономия отметила десятилетие своего легитимного существования. По этому поводу в Кишиневе состоялась международная конференция, а в Комрате было проведено торжественное собрание. В юбилейных празднествах приняли участие Президент Молдовы Владимир Воронин, Председатель Парламента Евгения Остапчук, премьер-министр Василий Тарлев. Радость торжества разделили также девятый президент Турции Сулейман Демирель, делегации из России, Татарстана, Белоруссии, Азербайджана, Украины, представители дипломатического корпуса.

Выступая на международной конференции, Президент Молдовы Владимир Воронин дал высокую оценку Гагаузии и гагаузскому народу: «Гагауз Ери, в отличие от других политических образований, рождено не в войнах и сопротивлении, а в мире. Согласии и единстве. Этот путь стал магистральным для дальнейшего развития всего нашего государства, он навсегда определил принципы становления многонационального народа Молдовы...

Гагаузия и гагаузская культура превратились в одно из государственно-образующих слагаемых нашей страны,

Первый зам. Башкана Гагаузии
Г. И. Молла

Депутаты Народного Собрания Гагаузии

Председатель Народного
Собрания Гагаузии С. Д. Есир

без которого просто немислим облик современной интегрированной Молдовы».

Г-н Сулейман Демирель – девятый Президент Турции, призвал гагаузский народ жить в мире и согласии со всеми другими народами нашего государства, блюсти интересы этой земли (Молдовы в целом), только на этом пути можно обеспечить экономическое и социальное развитие Гагаузии.

«Идти избранным 10 лет назад непроторённым путём отнюдь не просто, – сказал в своём выступлении Башкан Гагаузии Г.Д.Табунцик. – Мы возводим новое здание Гагаузии без всяких готовых чертежей, но мы сумели, преодолев трудности, сплотиться, и, опираясь на помощь всей страны, завершить процесс организационного, юридического и политического становления Гагаузии, и это уже свершившийся факт».

Да. Действительно, Гагаузская автономия состоялась. Для этого понадобилась концентрация всех усилий гагаузского народа, помощь и поддержка всего государства, великого турецкого народа, других стран.

Началась новая биография гагаузского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вести Гагаузии. 2004. 10 декабря.
- ² Вести Гагаузии. 2004. 10 декабря.
- ³ См.: Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографическое обозрение. 1901-1904. Кишинев. 2004; *Его же*. Турецкие племена на Балканском полуострове. Кишинев. 2005; *Его же*. Страницы истории и литературы гагаузов XIX-нач. XX вв. Кишинев. 2005.

Часть вторая
КУЛЬТУРА

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ГАГАУЗСКИХ И БОЛГАРСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ИХ ОТКРЫТИЯ И РАБОТЫ

Социально-экономическое положение гагаузского и болгарского населения Бессарабии и Новороссийского края в первой половине XIX в., хотя и было лучше, чем у крепостных и государственных крестьян, царан, однако не настолько, чтобы имелась возможность вкладывать в просвещение большие средства. Кроме того, для исследуемого периода была характерна зависимость хозяйственного благо-

Церковно-приходская школа, с. Кирсово, 1899 г.

получия и обустройства болгар и гагаузов в быту от времени их переселения. Исходя из того, что на решение собственными силами самых насущных проблем (строительство жилья, хозяйственных построек, приобретение необходимого инвентаря, тягловой рабочей силы) болгарам и гагаузам потребовалось минимум 10, а максимум 20 – 25 лет¹, выходцы из-за Дуная, обосновавшиеся в Новороссийском крае в начале XIX в., достигли достаточного уровня хозяйственного благополучия к середине 20-х гг. XIX в.; бессарабские болгары и гагаузы периода первого массового переселения 1806–1812 гг. достигли этого уровня к концу 20-х гг., а периода второго массового переселения 1828–1830 гг. – к середине 40-х гг. XIX в. Иными словами, в рассматриваемый период перед болгарскими и гагаузскими поселениями объективно стояли проблемы социально-экономического характера. На их решение отрицательное влияние оказывали военные кампании 1806–1812, 1828–1829, 1853–1856 гг., часто повторяющиеся стихийные бедствия (массовые заболевания населения, эпизоотии, засухи и связанные с ними неурожаи и голод, нашествия саранчи и т. д.), отсутствие всякой финансовой и иной помощи со стороны правительства. Все это тормозило развитие просвещения в болгарских и гагаузских поселениях.

Вместе с тем вызревание капиталистического уклада в недрах феодальных производственных отношений, расширение на его основе товарно-денежных отношений, торгово-экономических связей с сопредельными странами и внутренними губерниями Российской империи, обуславливали необходимость открытия школ в

получия и обустройства болгар и гагаузов в быту от времени их переселения. Исходя из того, что на решение собственными силами самых насущных проблем (строительство жилья, хозяйственных построек, приобретение необходимого инвентаря, тягловой рабочей силы) болгарам и гагаузам потребовалось минимум 10, а максимум 20 – 25 лет¹, выходцы из-за Дуная, обосновавшиеся в Новороссийском крае в начале XIX в., достигли достаточного уровня хозяйственного

болгарских и гагаузских поселений юга России, проникновения сюда материальных и духовных ценностей других народов, населяющих этот регион – молдаван, русских, украинцев.

При изучении истории школ в болгарских и гагаузских селах юга России нельзя не учитывать и такой важный фактор, как национальный состав населения. Само историческое прошлое этого края и связанные с ним демографические процессы объективного и субъективного характера (расселение здесь выходцев из-за Дуная, из Центральной Европы одновременно с беглыми крепостными из Российских губерний, Малороссии, беженцами из Дунайских княжеств и др.) обусловили пестрый национальный состав населения во всем этом регионе, в том числе в пределах поселений выходцев из болгарских земель. Так, к 1819 г. из общего числа «задунайских переселенцев» болгары и гагаузы составляли более 83 %, молдаване – 14,5 %. Были среди колонистов и русские, украинцы, греки, сербы, албанцы. В болгарских колониях Новороссийского края проживали также греки.

В документах, в опубликованных литературных источниках болгары и гагаузы официально не подразделялись на самостоятельные этнические группы населения. Все выходцы из-за Дуная причислялись к болгарам. В составленном чиновником Министерства внутренних дел России надворным советником И. Толстым в 1837 г. «Статистическом обозрении колоний Бессарабской области» говорится, что болгары «разделяются: на болгар черных, вышедших из Македонии, на гагауз, живших около Константинополя²... на арнаут, вышедших из Албании... и на румалийских переселенцев»³, т. е. кроме болгар речь идет о гагаузах и албанцах, являвшихся частью болгарского водворения в крае. В некоторых документах, где говорится о гагаузах, встречается такое выражение: «болгары, говорящие на турецком языке». Поэтому документы, в которых речь идет о болгарах, фактически содержат информацию и о гагаузах.

Гагаузы и болгары – это два народа, судьбы которых тесно переплетались на протяжении тысячелетия, но они имеют различное этническое происхождение. Однако лишь в работе П.Кеппена (1851 г.) и в переписи 1897 г. гагаузы в составе населения Бессарабии были выделены в отдельную от болгар этническую общность.

Гагаузы и болгары основали ряд сел в Бессарабии с практически однонациональным составом населения. Но некоторые колонии имели смешанное население, состоящее из обоих названных этносов. По данным И.И.Мещерюка, гагаузы и болгары проживали совместно в колониях Бешалма, Кирсово, Казаяклия, Кубей, Курчи, Табаки, Еникиой, Кайраклия, Ташбунар. Здесь гагаузы составляли большинство или примерно половину населения. В других поселениях (автор не указывает, в каких именно) гагаузов было меньшинство⁴. Кроме того, гагаузы проживали и в колонии Каракурт совместно с албанцами.

В исследуемый период ассимиляционные процессы, хотя и имели место, но не изменили сколько-нибудь национальный состав колоний со смешанным населением. При анализе и оценке состояния просвещения в целом и по отдельным колониям учитываются факторы, относящиеся к национальному составу населения и языку обучения.

Многонациональность как отдельных поселений Новороссийского края, так и

всех четырех округов «задунайских переселенцев» Бессарабской области объективно осложняла решение школьных проблем, главным образом тех, что были связаны с подбором учителей, методикой преподавания, составом учащихся. Русский язык, на котором проходило школьное обучение в колониях, подведомственных Управлению задунайскими переселенцами, менее всего был доступен детям гагаузской национальности.

При рассмотрении проблем истории школ в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи следует учитывать, что процесс школьного образования здесь совпал по времени с таким же процессом, происходившим во всем этом крае. Обусловлен он особой политикой Петербурга, сравнительно-быстрым развитием капиталистического уклада, стремлением царизма «образовать верных сынов церкви и верных подданных, преданных богу и царю». Так, в царанской и резешской деревне Бессарабской области начальные школы стали открываться с середины 30-х гг. XIX в. К концу исследуемого периода здесь действовали 159 сельских школ при церквях, 17 домашних школ, две сельские школы в помещичьих имениях и девять приходских училищ⁵. Основной контингент учащихся в них – дети молдавской национальности. Обучение проводилось на русском языке, а также на молдавском, которым учитель-священник, как правило, владел. Однако необходимо отметить, что областные и губернские власти – Бессарабский военный губернатор П. И. Федоров и генерал-губернатор Новороссийского края и Бессарабской области М. С. Воронцов – были противниками изучения молдавского языка в школе. Их русификаторская политика привела к тому, что к 40-м годам «школы взаимного обучения» были полностью русифицированы и молдавский язык был изгнан из уездных училищ, и как предмет он остался только в Кишиневской гимназии и в Кишиневском уездном училище». Такая политика вызвала отрицательную реакцию в крае, а бессарабское дворянство «в 1841 г. начало хлопотать о более широком преподавании молдавского языка в Бесарабии». В результате он был введен в Хотинском, Бельцком и Сорокском уездных училищах⁶, хотя и ненадолго.

В государственной деревне Бессарабской области в 1840 – 1842 гг. действовали волостные школы писарей, занимавшиеся подготовкой кадров для низовой сельской администрации (в Каушанах, Чимишлии, Татарбунарах, Оланештах и Гаджикурде). В 30-е гг. XIX в. в казенной деревне открывались школы грамотности, а с 1842 г. на основании царского указа вводилась более массовая начальная школа – сельские училища – для «распространения и утверждения между крестьянами религиозно-нравственного образования и первоначальных более или менее для каждого сословия нужных сведений». Судя по отчетам Бессарабской палаты государственных имуществ, в казенных селениях действовали: в 1842 г. 34 школы (два училища писарей, 22 школы грамотности и 10 церковно-приходских школ), насчитывавшие 510 учащихся, в 1843 г. – 51 (794 учащихся), в 1845 г. – 54, в 1852 г. – 68, в 1853 г. – 70 учебных заведений с 1095 учащимися-мальчиками. Обучение проводилось на русском языке, в селах с молдавским населением также и на родном.

Начальные школы были открыты в Дунайском (Новороссийском) казачьем войске в станциях Волонтировка, Акмангит, Староказачья Николаевка-Новороссийская (Байрамча), а войсковое училище – в Аккермане.

С 30-х гг. XIX гг. в Бессарабской области получило развитие и профессиональное образование. Кроме Кишиневской духовной семинарии, открытой еще в 1813 г., духовных училищ, школ по подготовке писарей, здесь в начале 30-х гг. на базе аккерманских виноградников известным руководителем швейцарских переселенцев мэром колонии Шабо К.Тарданом было открыто первое учебное заведение сельскохозяйственного профиля. В нем школьное обучение сочеталось с практической работой.

В 1842 г. в немецкой колонии Сарата было открыто центральное училище по подготовке учителей начальных школ, писарей, землемеров и сельских архитекторов со сроком обучения четыре года и преподаванием предметов в основном на немецком языке.

В 1844 г. было основано Бессарабское училище садоводства с четырехгодичным сроком обучения. Здесь же по сокращенной, годичной, программе готовились специалисты по виноградарству, виноделию, табаководству⁷.

Из Бессарабской области крестьянские подростки отправлялись на учебу в Магарачское училище виноделия в Крыму, Одесское училище садоводства, Ришельевский лицей, Херсонскую духовную семинарию, двухгодичную школу пчеловодства в с.Пальчики Конотопского уезда Черниговской губернии; на учебно-показательные фермы в немецких колониях Екатеринославской губернии⁸.

Все это положительно сказывалось на решении практических вопросов функционирования школ в болгарских и гагаузских селах. Кроме того, болгары и гагаузы, как сельские, так и городские жители, имели возможность обучать своих детей в других учебных заведениях Бессарабии и Новороссийского края. Так, в Кишиневском ланкастерском училище, открытом в 1824 г., из 168 воспитанников в том году 16 были болгарского происхождения⁹, в 1826 г. – 34 из 129, в 1827 – 20 из 136, в 1828 – 21 из 125, в 1830 – 14 из 123¹⁰. Имея в виду именно этих учеников, ректор Кишиневской духовной семинарии, он же и ревизор Бессарабских ланкастерских школ, архиепирей Ириней сообщал в феврале 1824 г. Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору М. С. Воронцову: «Кишиневские болгары представили множество детей в школу. Любопытная картина. Поелику многие из сих детей малолетны, то болгары приносят их на плечах, и как школа от жилищ их не в малом расстоянии, то они вместе с малютками приносят пищу и оставляют их на целый день в школе»¹¹.

В измайльском ланкастерском училище в 1826 г. обучалось семь болгарских мальчиков из г. Тучкова, в 1827 – уже 15 (причем один из колонии Чешмя-Варуита); в 1828 – восемь, в 1830 – пять. Снижение числа воспитанников болгарской национальности в этой школе вызвано общим сокращением численности школьников и ней.

В бендерском ланкастерском училище в 1827 г. обучалось трое болгар, а в 1829 – 1830 гг. – четверо¹².

Таким образом, политическая, демографическая и социально-экономическая обстановка в регионе болгарских и гагаузских поселения была сложной и противоречивой: наличествовали процессы как способствовавшие развитию школ, так и препятствовавшие им, тормозившие их.

ЧАСТНЫЕ ШКОЛЫ

Бессарабские гагаузы и болгары еще до перехода в подданство России приняли первую попытку открыть у себя школу. 14 сентября 1816 г. исполняющий обязанности попечителя выходцев из-за Дуная Дм.Ватикиоти в рапорте полномочному наместнику Бессарабской области А.Бахметьеву сообщал, что переселенцы с целью возместить различимо общественные расходы, в том числе и на постройку «училищного дома для обучения детей их и на наем учителей», предложили «сами между собой собрать с каждого семейства по 10 левов». Школа необходима была для подготовки писарей и «старшин грамотных» из своей среды¹³.

Нам неизвестно, была ли открыта тогда школа и где именно. Скорее всего, решение этого вопроса было отложено, ибо устройство переселенцев на казенных землях в Буджаке затянулось до конца 1819 г.¹⁴

Решение царского правительства о предоставлении выходцам из-за Дуная, поселившимся в Бессарабии, прав иностранных колонистов и особого административного управления положительно сказалось и на развитии у них школьного дела. Уже в 1819 г. в колонии Чадыр-Лунга открылась частная школа. Ее основателем стал священник Захарий Чакир.

Судьба семейства Д.Чакира, отца Захария, похожа на судьбу тысяч беженцев из болгарских земель. Спасаясь от преследования за православное вероисповедание, его семья вместе с семьями братьев поселилась в конце XVIII в. вблизи г.Плоешть, что в Валашском княжестве. Скорее всего, здесь в 1783 г. и родился Захарий Чакир¹⁵. В 1790 году Д.Чакир вместе с другими переселенцами-гагаузами, приняли приглашение от молдавского боярина Бальша и поселились на его землях, в селении Чадыр, расположенном недалеко от Прута.

Отец отдал Захария учиться в плоештскую школу. После завершения учебы, женитьбы в 17 лет и рукоположения в сан священника Чадырской церкви в начале XIX века в Бессарабии Захарий Чакир открыл школу грамотности в своем доме. Он занимался не только с родственниками, но и детьми прихожан, обучая их «грамоте молдавско-церковной и отчасти славянской», которым сам был обучен в плоештской школе¹⁶.

В 1819 г. священник организовал переселение гагаузов из с.Чадыр в Буджак, где ими была основана колония Чадыр-Лунга.

Частная школа, открытая здесь З.Чакиром, также в своем доме, сочетала в себе черты ланкастерской (в ней применялся метод взаимного обучения), келийной (одной из ее главных целей была подготовка служителей культа для Чадыр-Лунгского и близлежащих колонистских приходов).

Чадыр-Лунгская частная школа почти не располагала учебниками и методическими пособиями. Единственной

Крест на могиле священника Захария Чакира, который в 1819 году открыл первую частную школу в с. Чадыр-Лунга

книгой по первоначальному обучению грамоте была славянская «Азбука», печатавшаяся в то время в Киево-Печерской лавре и в типографии Кишиневского архиерейского дома. Как и прежде, З. Чакир занимался обучением в частной школе детей своих прихожан «славянской и молдавской грамоте» – учил «читать, писать и считать», а также знакомил с часословом и псалтырем»¹⁷.

(Со смертью священника в мае 1830 г. школа, по-видимому, прекратила свое существование за неимением другого учителя.)

В конце 1821 г. в колониях Болград и Комрат были открыты еще две частные школы. Активно содействовал этому председатель Попечительного комитета об иностранных поселенцах южного края России И.Н.Инзов. С их помощью он рассчитывал подготовить грамотные и преданные российскому престолу местные кадры, необходимые для управления колониями «задунайских переселенцев». Инзов полагал, что в болгарской и комратской школах дети колонистов должны обучаться русскому языку и закону божьему. Содержание этих школ (постройка специальных зданий или наем дома под школу, оборудование классов, жалование учителям, отопление и освещение) приобретение учебной, методической и иной литературы и т. д.) лежало полностью на колонистских обществах. В частности, И.Н.Инзов предписывал, чтобы каждому учителю предоставлялось за счет колоний жалование по 500 левов в год, а также бесплатно «квартира с отоплением и прокормлением»¹⁸.

Болградская и Комратская частные школы с момента их основания были ланкастерскими одноклассными¹⁹. Есть основания предполагать, что первая некоторое время находилась под опекой декабристских кругов. Это проявилось, в частности, в том, что Аккерманская полковая школа, которой заведовал декабрист В.Ф.Раевский, удовлетворила просьбу попечителя «задунайских переселенцев» майора С.И.Малевицкого и выслала в 1821 г. один экземпляр печатного набора прописей таблиц для обучения по ланкастерскому методу²⁰.

В обеих названных школах в первые годы после их открытия преподавались Закон божий, чтение и письмо на русском языке, а также первая часть арифметики²¹. В Комратской школе после смерти учителя в 1827 г. стали обучать учащихся лишь «церковному чтению», т. е. она приобрела характер келийной. В связи с этим новый учитель – местный дьячок – стал получать плату «от родителей сих детей», а не от всего колонистского общества²².

Еще одна школа была открыта в 1829 г. в колонии Малый Буялык, расположенной вблизи вышеназванной колонии Большой Буялык. Учителя содержали родители школьников – по 20 руб. за одного учащегося. Сама школа находилась в доме нежинского купца грека Б. Краснокутского. Детям преподавали чтение, письмо, Закон божий (об арифметике в документе не упоминается)²³.

Обе школы, по нашему мнению, были частными, материально менее обеспеченными, чем те, которые содержались за счет колонистских обществ. В подобные школы детям бедняков и даже середняков путь был закрыт.

В 30-е гг. XIX в. частные школы в болгарских и гагаузских селах продолжали открываться как в старых, так и в новых колониях, образовавшихся в Бессарабии после русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. Сколько их было в последних – неизвестно. Из документа, опубликованного А.Клаусом, видно, что в колониях Нижне-

Учащиеся, XIX в.

вало еще около 1833 года»²⁵, хотя приходская школа была открыта здесь официально в начале 40-х.

В колонии Исерлия Нижнебуджакского округа с момента ее основания в 1830 г. существовала школа грамотности, учителями которой были наемные дьячки, пономари и отставные офицеры. Просуществовала она до открытия там одноклассной церковно-приходской школы в начале 40-х гг. XIX в.²⁶

Еще две частные школы имелись в колониях Измаильского округа, о чем свидетельствует учительствовавший в них мещанин И.Синявский. В 1846 г. в своем прошении Попечительному комитету он писал, что с 1837 г. служил «в колониистском водворении в колониях Измаильского округа учителем колониистских детей» и именно в колонии Чийшии до 2-х лет, отколь перешел в таковую в Тараклию, где исправлял учительскую должность до 6-ти лет»²⁷. Следовательно, в Чийшии школа существовала по крайней мере с 1837 г., а в Тараклии – с 1839 г., хотя в обеих колониях официально школы были открыты после 1840 г., о чем будет сказано ниже.

Есть основание предполагать, что в 30-е гг. частная или келийная по типу шкода имелась в колонии Главан Нижнебуджакского округа, в ней изучали часослов, псалтырь²⁸.

Итак, с 1819 во 1839 г. в болгарских и гагаузских поселениях юга России и в г. Кишиневе было открыто более 10 частных школ. Они содержались за счет поселенческих обществ или за счет родителей, дети которых учились в них. Школы открывались по инициативе поселенцев, властей и учителей. По методике обучения и по типу училищ их можно разделить на ланкастерские, келийные и смешанные. Язык обучения – церковно-славянский (Закон божий, псалтырь, часослов), русский (чтение, письмо, первые четыре правила арифметики). В некоторых обучение шло также на молдавском (в Чадыр-Лунгской школе) и греческом (в Болгарской, Большебуялыкской и Малобуялыкской школах; последние две принадлежали колониям со смешанным населением – греками и болгарями).

Частные школы в гагаузских и болгарских поселениях по различным причинам субъективного и объективного характера не могли получить широкого распространения и решить проблему подготовки кадров для колоний.

буджакского округа в 1840 г. насчитывалось 252 ученика, однако в нем указано, что официально школ там не было²⁴. Но если были ученики, должны были быть помещения, где они занимались, и учителя, которые их обучали. Мы предполагаем, что здесь имелись частные школы, которые могли располагаться в частных домах, а в качестве учителей, по примеру З. Чакира, выступали священники. Наши предположения подтверждаются тем, что в Твардице, по рассказам старожиллов села, «училище существо-

НАЧАЛЬНЫЕ ПРИХОДСКИЕ ЛАНКАСТЕРСКИЕ ШКОЛЫ

Существовавшие в болгарских и гагаузских поселениях частные школы явились одним из факторов, изменивших отношение населения и местных властей к проблеме обучения детей.

Первые начальные приходские школы в этих колониях были открыты в начале 1832 г.: 8 января – Комратская приходская Успенского прихода, 10 января – Болградская приходская Преображенского прихода. Они находились в подчинении Попечительного комитета и Министерства внутренних дел. Кроме того, определенные надзорные функции над учебным процессом в этих школах, а также в тех, что возникли впоследствии в колониях «задунайских переселенцев», осуществляли дирекция училищ Бессарабской области, Одесский Ришельевский лицей (1830 – 1835 гг.), Одесский учебный округ (с 1835 г.), а также духовные ведомства края.

В 1837 г. в Болградском училище обучалось 155 мальчиков, в Комратском – 39; в следующем году соответственно 150 и 45. В Болградском училище преподавалось на русском языке чтение, чистописание, первые четыре правила арифметики, на церковно-славянском – краткая священная история, катехизис об обязанностях человека и гражданина; некоторые ученики изучали также греческий язык. Кроме того, в школьном саду ученики «упражняются и приучаются практически садоводству, под руководством садовника Болградского общественного сада, как-то: выведению из семян древесных школ, пересадке дерев, прививке, колировке их и прочему», – писал И. Толстой. В Комратском же изучались букварь, чистописание, часть арифметики – на русском языке и псалтырь на церковно-славянском. Отличия, на наш взгляд, обусловлены уровнем профессиональной подготовки учителей, материальными возможностями жителей Болграда и Комрата, а также тем, что Болград являлся центром всего водворения. Болградское общество, например, имело возможность содержать учителя, помощника учителя и сторожа, в то время как Комратское – лишь одного учителя²⁹.

К концу 30-х гг. XIX в. приходские ланкастерские училища были открыты также в колониях Дизгинжа (12 января 1837 г.), Чадыр-Лунга (26 марта 1837 г.) Веснебуджакского округа, Карагач (21 октября 1837 г.), Слободзея, Хаджи-Абдул (1838 г.) Кагульско-Прутского округа, Чешмя-Варуита (22 февраля 1838 г.) Измаильского округа³⁰. В них изучались букварь, чистописание, часть арифметики, часослов и псалтырь. Школы содержались «за счет платы с ученика, по добровольному согласию родителей учащихся детей», «на счет родителей»³¹. Порядок содержания школ только за счет тех родителей, дети которых учились в них, лишил колонистских детей из малообеспеченных семей возможности получать образование; такой порядок сдерживал процесс открытия школ в других колониях: еще две школы были открыты лишь в 1840 г. – в Феропонтьевке (2 января) к Кирютне (8 декабря) Верхнебуджакского округа³².

Положение стало меняться после посещения осенью 1840 г. колоний «задунайских переселенцев» министром государственных имуществ П. Д. Киселевым. Выполняя указание министра, Управление задунайскими переселенцами предписало окружным приказам в начале 1841 г. «приказать сельским приказам озаботиться о

немедленном открытии школ в тех колониях, где оные еще не заведены, или отдаче детей в Болградское училище, в коем обучаются безденежно». Сами же окружные приказы должны были «употреблять все возможное старание и побуждение, дабы школы и число учеников умножилось»³³.

В том же году приходские ланкастерские школы были открыты в 21-й колонии «задунайских переселенцев»: Чешмекиое, Этулии, Барте, Курчи, Джолтае, Бешалме, Валя-Пержей, Твардице, Кирсово, Гайдаре, Авдарме, Конгазе, Казаяклии, Баурчи, Бешгиозе, Кириет-Лунге, Томае, Башкалии, Чийшии, Тараклии, Татар-Копчаке. В колониях Чийшия и Тараклия школы, вероятно, были преобразованы из частных.

В 1842 г. школы были открыты еще в 47 следующих колониях; Вайсал, Ново-Троян, Кубей, Ташбунар, Ердекбурну, Долукиой, Кайраклия, Дермендере, Бабиль, Каракурт, Чокмейдан, Импуцита, Болбоки, Сагунов (Сагу Ноу), Картал, Фрикацей, Анадолка, Джуржулешты, Валены, Брынза, Колибаш, Волканешты (Вулканешты), Иванова, Дмитриева, Исерлия, Девлет-Агач, Дюльмен (Гюльмен), Пандаклия, Гасанбатыр, Саталык-Хаджи, Задунаевка, Голица, Главен, Фынтынедзинилор, Код-Китай, Сели-оглу, Бановка, Шикирли-Китай, Старо-Троян, Кулевча, Камчик, Чумлекиой, Бургуджи, Дельжилер, Купаран, Еникиой, Тропекло³⁴. Две школы были открыты в колонии Табаки в 1844 г. и в Кислице в 1846 г.³⁵. К 1846 г. здесь работали 80 приходских ланкастерских школ³⁶, в том числе и в поселениях с молдавским населением. Школы были открыты вновь или преобразованы из частных в церковно-приходские в колониях Большой Буялык, Малый Буялык, Кубянка, Терновка Херсонской губернии³⁷. Кроме того, в 1842 г. школы были открыты в Парканах этой же губернии, а также в колониях Старый Крым и Кишлав, что в Таврической губернии (в Крыму), в 1844 г. – в Катаржине Херсонской губернии. Таким образом, в поселениях «задунайских переселенцев» и в болгарских колониях. Херсонской и Таврической губерний к 1846 г. было открыто 87 школ, абсолютное большинство из которых были ланкастерскими³⁸.

К 1846 г. школы не были открыты в Новопокровке, Новом Карагаче и Эскиполосе Нижнебуджакского округа. Сведениями о наличии к этому времени училищ в колониях Балта Чокрак и Ольшанка (Новороссийский край) мы не располагаем.

С момента появления первых школ в 1819 – 1821 гг. и до начала 40-х в отношении школьного дела действовало общероссийское законодательство, в частности «Устав учебных заведений» 1804 г. и новый школьный устав 1828 г. В первом система просвещения подразделялась на четыре звена: университеты (в каждом учебном округе); гимназии (в каждом губернском городе); уездные училища (по одному в каждом уезде); приходские училища (по городам и селам). По образу и подобию последних открывались школы (частные или в системе Министерства внутренних дел и Министерства государственных имуществ) в болгарских и гагаузских поселениях. В них практиковался способ взаимного обучения. Инструктивные материалы по его применению были обобщены в 1819 г. в «Руководстве к взаимному обучению». Смысл такого обучения состоял в том, что учитель прежде всего обучал небольшую группу способных учеников, а затем каждому из них поручал обучение небольших групп учащихся, на которые подразделялся весь контингент школы. Метод взаимного обучения, называвшийся еще и ланкастерским, несколько видоизмененным сохранился в приходских школах до 60-х гг. XIX в.³⁹.

В 1828 г. в условиях сословно-крепостнической охранительной идеологии Николая I был разработан и утвержден новый школьный устав, согласно которому четырехступенчатая система образования аннулировалась, и вместо нее закладывался принцип изолированной сословности. Низшее звено – одногодичные приходские училища. Они предназначались для детей крестьян, мещан и ремесленников и обучались закону божьему, чтению, письму, первым четырем правилам арифметики. Дальнейшее обучение детей в уездных училищах, гимназиях и университетах не предусматривалось. Материальное и финансовое обеспечение училищ возлагалось на сельские и мещанские общества («по их воле»)⁴⁰.

Массовое открытие церковно-приходских школ в поселениях «задунайских переселенцев» в конце 30 – начале 40-х гг. XIX в. потребовало от местной власти разработки правил, определяющих специфику их работы, обусловленную главным образом особым административно-территориальным устройством этого разряда крестьян южной части Бессарабской области.

В 1842 г. были составлены «Наставления о главных правилах для сельских школ в колониях». Их автор нам неизвестен. Скорее всего, им мог быть кто-то из Управления задунайскими переселенцами: либо священник Болградского собора или учитель Болградской церковно-приходской школы. «Наставления...» были представлены в Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России, который одобрил их и направил в сельские приказы болгарских поселений Новороссийского края, требуя руководствоваться ими при открытии и организации работы местных сельских школ. «Наставления...» действовали в школах гагаузских и болгарских поселений несколько десятилетий.

Учащиеся реального училища XIX в.

Правила, названные «наставлениями», включают 29 статей. Каждая из них имеет свое весьма характерное название» указывающее на ее суть: «О необходимости и пользе учения», «О избрании учителей и какие они должны иметь познания и нравственные качества», «О том, что за учение детей ничего не платят, кроме покупки азбуки и прописей», «Прием в школу учеников», «Предметы учения, в школах преподаваемые», «О замечании особых склонностей учеников и о предложении избирать из отличнейших в кандидаты для должностей сельских писарей и учителей, а также в сельские архитекторы и мерщики», «О домах к помещению школы» и т. д. В целом «Наставления...» убеждали крестьян в целесообразности и необходимости открытия школ в поселениях, определяли роль сельских обществ и сельских приказов в их материально-техническом и финансовом обеспечении, в найме учителей, а также очерчивали круг требований, предъявляемых к учителям и учащимся.

Главная цель школы двоякая: с одной стороны, «обучать детей грамоте» (статья I), с другой – внушать им «в точности исполнять все религиозные обязанности», «преданность престолу».

«Наставления о главных правилах для сельских школ в колониях» ориентировали сельские общины, местную власть на подготовку из переселенческой среды необходимых им управленческих, хозяйственных и учительских кадров. Однако начальная школа не способна была решить эту задачу.

В 40-х гг. XIX в. во всех приходских ланкастерских училищах болгарских и гагаузских поселений обучали чтению, чистописанию, первым четырем правилам арифметики, закону божьему, то есть обучение шло по той программе, по которой оно проходило в Болградской школе в 30-е гг. и во всех других начальных приходских школах Бессарабии, за исключением школ в немецких колониях⁴¹. Преподавание велось на русском языке, лишь закон божий изучался на церковнославянском⁴².

Есть основание предполагать, что в школах гагаузских и болгарских поселений изучение всех предметов было необязательным. Так, в 1842 г. в Комратском училище числился 91 ученик, из них чтению обучалось 54 школьника, письму – 20, арифметике – 17. В Кирсовском из 45 учеников 23 обучались чтению, 16 – письму, 6 – арифметике, в Чадыр-лунгском из 34 учеников 18 учились чтению и 16 – письму, в Томайском все 29 учеников учились только чтению. Но в Болградском все 230 учеников изучали все предметы⁴³. Такой дифференцированный подход, на наш взгляд, мог быть обусловлен многими факторами, в том числе низким уровнем профессиональной подготовки учителей, национальным составом учеников и их способностями, желанием родителей и др.

В сравнении с частными и приходскими ланкастерскими училищами 20 – 30-х гг. XIX в. в 40-е гг. все школы в болгарских и гагаузских селах юга России содержались «на счет общественных сельских сумм», «на счет общественных сборов с колонистов»⁴⁴.

До 1833 г. в болгарских и гагаузских поселениях в Бессарабии не было построено ни одного здания под школу. Для Болградского и Комратского приходских училищ были наняты частные дома. В последующее десятилетие на средства колонистов было построено 12 школьных зданий⁴⁵. К 1846 г., по данным А.Скальковского, их было уже 46, из них 18 – каменной постройки⁴⁶. Следовательно, к середине 40-х гг. 34 школы в колониях «задунайских переселенцев» находились в частных домах, как правило, не приспособленных для учебных целей.

Наем помещений под школу обходился колонистам очень дорого. Так, общество колонии Паркан, что в Херсонской губернии, в смете расходов на 1848 г. предусмотрело «на наём квартиры для сельской школы»⁴⁷ 30 руб. серебром, что составило лишь четверть всех расходов на содержание школы. Естественно, это вынуждало колонистов строить специальные здания.

В 1852 г. на строительство школ в бессарабских колониях было выделено 1446 руб.⁴⁸ В 1854 г. на перестройку училища в колонии Иванова израсходовано 500 руб., а в 1855 г. общество колонии Кирютня предусматривало отпустить из общественных сумм на строительство дома «под помещение сельского училища» по утвержденной смете 2069 руб.⁴⁹ Если колонистские общества не располагали наличным капиталом на строительство школ, они использовали другие возможности.

Часть средств ежегодно расходовалась на текущий ремонт училищных помещений. На ремонт здания каменной постройки Болградского училища было истрачено в 1842 году 63 руб. 07 коп., а в 1843 году – 13 руб. 53 коп. серебром⁵⁰. В 1849 году

на побелку сельских приказов и училищ, постройку в училищах голландских печей, вставку стекол и ремонт окон, перекрытие черепицей крыш и настил дощатых полов в школах колоний Кагульско-Прутского и Нижнебуджакского округов израсходовано 348 руб. серебром⁵¹.

Другой важной статьёй расходов на образование в болгарских и гагаузских поселениях было обеспечение приходских ланкастерских школ учебниками, методическими пособиями и другой необходимой литературой.

Вместе с тем одновременно с закрытием ланкастерских приходских училищ проходил и процесс открытия новых школ, дальнейшего становления всего образовательного дела в этих поселениях.

Именно в эти годы Болградское приходское училище стало двухклассным. Второй класс открылся 1 января 1850 г. в нем учились 41 мальчик и 56 девочек. Обучение было дифференцированным: мальчики изучали закон божий, русскую грамматику, вторую часть арифметики, географию, чистописание, рисование, в то время как девочки – чтение, чистописание, закон божий, первые четыре правила арифметики и рукоделие⁵².

В 1853 г. в Болграде и Комрате были открыты отдельные классы для девочек⁵³. Вскоре девичий класс Болградской приходской школы был распущен и преобразован в отдельную школу для девочек, о чем свидетельствует хранящееся в Государственном архиве Одесской области дело «Об определении г-жи Домгер наставницею в Болградское девичье училище»⁵⁴.

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ОТКРЫТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ

В гагаузских и болгарских поселениях, как известно, с самого их основания существовала острая нехватка врачей, учителей, сельских писарей, землемеров, архитекторов, агрономов, садоводов. Местные власти решали эту проблему, приглашая специалистов из других ведомств. Однако этот путь был неэффективным, поскольку и за пределами колониальных округов таких специалистов было недостаточно. В рассматриваемый период только начала складываться система подготовки профессиональных кадров. В связи с этим приглашенные в гагаузские и болгарские колонии на должности писарей, учителей и т. д. имели довольно низкую квалификацию или вообще ее не имели. Кроме того, они не знали языка, обычаев и традиций местного населения. Многие из них шли на эти должности, чтобы как-то прокормить себя и свою семью, иные – из корыстных побуждений. Последнее особенно относится к чиновникам Управления задунайскими переселенцами, окружных приказов, сельским писарям. Положение необходимо было менять.

Первые шаги в данном направлении были предприняты в середине 30-х гг. Из «Статистического обозрения колоний Бессарбской области», составленного в августе 1837 г. И. Толстым, и рапорта управляющего «задунайскими переселенцами» М. Бутова Попечительному комитету от 10 января 1838 г.⁵⁵ видно, что в 1835 г. из числа колониальных детей были отобраны и направлены в Болград 18 мальчиков для обучения

их оспопрививанию. М.Бутков распорядился, чтобы «выдано было из сельских сумм каждому ученику по 45 рублей на содержание»⁵⁶. Эта довольно значительная сумма могла быть выдана для прохождения длительного по времени курса обучения, рассчитанного не менее чем на год. В 1836 г. они завершили свое образование и были распределены по колониям, где провели трем тысячам детей первую массовую прививку против оспы. Мальчики-оспопрививатели «исполняют сию обязанность с похвальным успехом», а «некоторые же из сих учеников обучены еще и прививанию оспы овцам» и «лечению обыкновенных болезней скота»⁵⁷ – отмечали колониистское ведомство.

Для подготовки медицинских работников из числа местных жителей М. Бутков использовал и другие возможности. Принимая в 1839 г. на должность врача в колониях «задунайских переселенцев» отставного штабс-лекаря Правицкого, он назначил ему годовой оклад 1500 рублей ассигнациями, бесплатную квартиру и отопление, а также определил в прислугу к нему одного мальчика из колониистских сирот, которого «он, Правицкий, обязывается обучить фельдшерскому искусству»⁵⁸.

Министр государственных имуществ П.Д.Киселев после посещения колоний «задунайских переселенцев» осенью 1840 года дал указания подготовить из колониистских мальчиков специалистов-лесоводов, агрономов, мерщиков, архитекторов и тем самым обеспечить колонии грамотными специалистами по этим остро необходимым профессиям и устранить «неустройство в колониях» в этом отношении. Кроме того, министр предложил местным властям поощрять «к ремеслам мальчиков». Выполняя это предписание, М.Бутков потребовал от окружных приказов «внушать сельским приказам и обществам, дабы каждая колония завела необходимых в сельском быту ремесленников – портных, сапожников, кузнецов, каменщиков, черепичников, плотников, для чего отдавать учиться тем ремеслам детей из сирот и одиноких, не имеющих хозяйства, или из семейств, имеющих много работников, коим недостаточно определенной для них пропорции земли»⁵⁹. Указание П.Д.Киселева, как видно, рассматривалось и под углом зрения решения конкретных социальных и хозяйственных проблем в поселениях.

Учащиеся, XIX в.

Наиболее активно велась работа по подготовке специалистов по землеустройству и сельской архитектуре.

Этот аспект из истории просвещения в гагаузских и болгарских поселениях юга России нашёл широкое, но противоречивое и ошибочное освещение в литературе. А.Скальковский утверждал, что в Болграде «по воле министра государственных имуществ в 1842 году» было открыто специальное землемерное училище «с целью обучения колониистских детей практическому межеванию и архитектуре, преимущественно сельской». В нем один учитель «из опытных землемеров и 8 учеников»⁶⁰. Почти слово в слово это утверждение повторяют А.Клаус⁶¹ и Г.Занетов⁶².

И.Титоров, опираясь на народные предания, пишет, что в 1840 г. председатель Попечительного комитета

об иностранных поселенцах южного края России И.Н.Инзов выбрал четырех колонистских мальчиков от центральной колонии Болград и направил их учиться на общественный счет в Одесское землемерное училище для освоения инженерного искусства. Он приводит фамилии трех мальчиков, якобы окончивших «курс тамошнего землемерного училища»: Т.Н.Афлатарл⁶³, Т.Н.Фитов и С.Паскалов; фамилию четвертого Титоров не помнил⁶⁴.

К.А.Мыславский разделяет мнение А.Скальковского, однако вынужден признать: «Документов об организации училища и Устава нет». Он предполагает, что Устав Болградского землемерного училища такой же, как и Устав открытого в 1842 г. в немецкой колонии Сарате центрального училища, цель которого «доставлять учителей для сельских школ и писарей для волостных правлений, а равно землемеров и архитекторов». Автор убежден: Болградское землемерное училище «несомненно» существовало вплоть до 1848 г.⁶⁵

Некоторые источники, относящиеся к 1849 г., содержат сведения о двух учениках-садоводах, осваивавших на практике «садоводческую науку» в Хаджиабдульском и Ивановском общественных садах и получавших от Кагульско-Прутского и Нижнебуджакского окружных приказов по 60 руб. серебром⁶⁶.

В 1854 г. Кишиневская и Хотинская митрополия предложила открыть в Болграде духовное училище по подготовке церковнослужителей для приходов «задунайских переселенцев». Воспитанниками этого училища должны были стать дети колонистов. Болградское сельское общество согласилось и даже выделило место для постройки здания училища. Переписка по этому поводу между различными заинтересованными учреждениями в центре и в крае продолжалась до 1856 г. В связи с отходом Болграда в Молдавское княжество после Парижского мирного договора вопрос о духовном училище был закрыт.

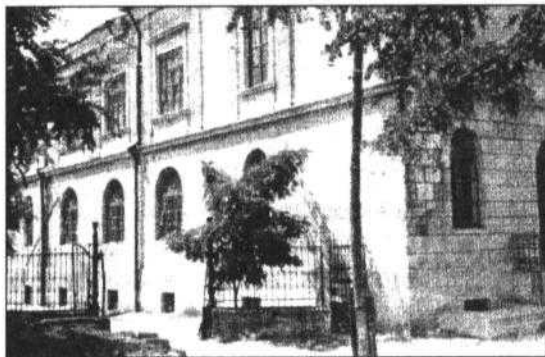
ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ БОЛГРАДСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО УЧИЛИЩА

Учебные заведения, имевшиеся в гагаузских и болгарских поселениях юга России, не решали проблему подготовки грамотных специалистов из числа поселенцев, в которых нуждались колонистские общины: в первую очередь, учителей для сельских школ, писарей для сельских приказов, а также грамотных сельских выборных. Осознание этого факта пришло не сразу, что нашло отражение в выдвигаемых идеях и проектах открытия в Болграде центрального училища.

Такая идея впервые была выдвинута в середине 30-х гг. XIX в. В 1835 г. управляющий задунайскими переселенцами М.Бутков предложил преобразовать Болградское приходское ланкастерское училище в центральное для всех поселений. Как известно, к этому времени приходское училище существовало только в Комрате⁶⁷.

В Болградском центральном училище, по мнению М.Буткова, должно было обучаться не менее 200 учеников из всех колоний «Задунайских переселенцев». Его содержание должны были осуществлять все колонистские общины из расчета 12 коп. с долями с каждого семейства, но не вновь вводимого на них налога, а путем

Здание Болградской гимназии XIX в.

всему обществу колонии Болград⁶⁹. Таким образом, даже финансирование не стало центральным. Кроме того, в самом предложении М.Буткова не шла речь о повышении статуса Болградского ланкастерского училища до среднего специального учебного заведения, не предлагалось каких-либо изменений и в программе обучения, что входило бы в противоречие со школьным Уставом 1828 г. Проект М.Буткова, тем не менее, не был поддержан Попечительным комитетом.

Вопрос об открытии в Болграде центрального училища вновь был поднят в середине 40-х гг. XIX в. Есть данные, позволяющие предположить, что предложение на этот раз исходило от самих переселенцев: тогда в Управление задунайскими переселенцами, в Попечительный комитет неоднократно обращались делегации колонистов с просьбой открыть среднее учебное заведение в Болграде⁷⁰. Можно согласиться с мнением болгарского историка Р.Радковой, что инициатива принадлежала священнослужителю Болградского приходского училища Д.Панайотову, а подготовлена она была в 40-х гг. патриотической деятельностью среди бессарабских болгар известных возрожденцев Натанаила Охридского, Захария Княжеского и того же Д.Панайотова⁷¹. На наш взгляд, большое значение имела также и педагогическая деятельность С.Панайотова, на которой мы остановимся.

Ходатайства «задунайских переселенцев» находили понимание и поддержку у местных и центральной властей. Так, в 1846 г. чиновник Министерства государственных имуществ Флессиер отмечал, что у них еще не открыто училище, которое бы готовило учителей для сельских школ, и высказывался за учреждение в Болграде такого. Он подчеркивал в своем донесении руководству министерства, что, хотя об устройстве центрального училища и «сделано представление, но разрешение доселе не последовало»⁷². Помимо бюрократической волокиты объясняется это еще и тем, что по школьному Уставу 1828 г. не разрешалось создавать в сельской местности средние специальные учебные заведения.

В следующем году исполняющий должность управляющего задунайскими переселенцами майор Алеамбаров предлагал отвергнутый Попечительным комитетом способ подготовки сельских писарей из колонистских детей непосредственно в канцеляриях Управления и окружных приказов, но предупреждал, что этот способ «не может сравняться с тем, если основать для сего общее выше ланкастерских школ училище на общественный счет», и что среди подготовленных предлагаемым

отчислений из местных доходов, поступающих из оброчных статей сельских обществ. Это открывало возможность «и бедным семействам, и вдовам отдавать детей своих в училище, а также принимать и круглых сирот»⁶⁸. М.Бутков вскоре добился изменения порядка финансирования Болградского приходского училища: вместо «платы, получаемой за учение по одному рублю в месяц с ученика», деньги стали поступать от средств, принадлежащих

способом учителей «хорошие не могут быть». Попечительный комитет согласился с этим мнением и признал необходимым открыть в Болграде училище для подготовки учителей и писарей⁷³. Однако местные власти доказывали, что задунайские переселенцы не располагают необходимыми средствами для открытия и содержания такого училища⁷⁴.

К этому времени «задунайские переселенцы» располагали капиталом в 147550 руб. серебром. Из них 70 тыс. руб. они пожертвовали на военные расходы. Оставшиеся деньги с процентами от них, а также текущие поступления полностью могли быть использованы на развитие образования и другие нужды колонистов. Чтобы обеспечить будущее центральное училище необходимыми средствами, Попечительный комитет предложил создать «особый неприкосновенный капитал... приблизительно из 110 тыс. рублей серебром». С учетом уже имевшихся 77 550 руб. недостающая сумма могла быть собрана в течение трех лет. Для постройки помещения под училище могли быть использованы проценты от капитала колонистов, хранящегося в банке и в Попечительном комитете⁷⁵.

Свои настойчивые требования открыть центральное училище в Болграде Попечительный комитет обосновывал сложившейся ситуацией в просвещении и управлении в колониях, где «все почти избираемые из среды поселенцев должностные лица сельских и окружных приказов неграмотны» и нет возможности найти среди них грамотных, способных «к занятию мест писарей, а еще более учителей в сельских школах». В связи с этим местные власти вынуждены приглашать на эти должности лиц «сторонних ведомств» и даже разночинцев, к которым они относятся с подозрением. В результате этого делопроизводство в сельских приказах находится в неудовлетворительном состоянии, в колониях «безграмотное начальство отдается в руки наемного грамотея», руководящегося зачастую корыстными целями, слабы также, и «успехи в обучении колонистских детей»⁷⁶.

Примечательно, что и само население к началу 50-х гг. утвердилось во мнении, что Болградское центральное училище будет давать знания на уровне гимназии. В прошении, поданном в 1857 г. молдавскому князю Н.К.Вогориди, колонисты из отошедшей к княжеству части Бессарабии писали, что после того, как переселенцы устроились здесь в хозяйственном отношении, они стали открывать у себя «приходские училища для удовлетворения духовных нужд жителей». Когда же все сказанное приведено было в должный порядок, тогда крайняя необходимость потребовала открытия в колонии Болградского центрального училища, в котором колонистские дети могли бы получать более высокое образование. Мысль о подобном образовательном учреждении, по ходу дел нашей колонизации, не могла появиться раньше. Она возникла и развивалась едва перед началом прошлой войны. Русское правительство одобрило нашу мысль и обещало для ее осуществ-

Здание девичьего училища в Болграде XIX в.

вления свою поддержку»⁷⁷. Крымская война затормозила процесс его открытия, а ее итоги отстранили Россию от практического решения этого вопроса⁷⁸. Тем не менее, можно сказать, что вся предварительная идейная, организационная и часть практической работы по подготовке к открытию Болградского училища была проведена до 1856 г.

Итак, в рассматриваемый период в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи открывались сначала частные, затем приходские ланкастерские школы и предпринимались серьезные попытки открыть и профессиональные учебные заведения.

Большинство частных школ по изучаемым в них предметам, методике преподавания приближались к ланкастерским, но среди них некоторое время были и келийные (Комратская школа с 1827 по 1832 г.) и смешанные келийно-ланкастерские (Чадыр-лунгская с 1819 по 1830 г.). Частные школы содержались, как правило, на средства родителей, дети которых их посещали. Это являлось серьезным препятствием на пути их широкого распространения и охвата ими всех болгарских и гагаузских поселений. Практически они были доступны лишь для зажиточных переселенцев.

Обучение осуществлялось на русском и церковнославянском языках, а в некоторых школах – дополнительно и на молдавском (в Чадыр-Лунгской), и греческом (в Болградской, Большебуялыкской и Малобуялыкской). Болгарский и гагаузский языки в этих школах не преподавались из-за отсутствия учителей, учебной литературы (болгарской) или самой письменности (гагаузской).

Приходские ланкастерские школы начали открываться с 1832 г. К середине 40-х гг. они существовали в 87 колониях из 92. Такого количества школ не было ни в царанской, ни в казенной, ни в резешской деревнях, ни в немецких колониях Бессарабии⁷⁹.

Преподавание в этих школах шло на русском и церковнославянском языках. Делались хотя и неразрешенные властями, но небезуспешные попытки преподавать и на болгарском языке. Нам неизвестно, на каком языке шло обучение в тех колониях, население которых было молдавским.

Приходские ланкастерские школы с 40-х гг. содержались за счет общественных сумм. Это несколько улучшило их материальное положение позволило учиться и детям из бедных семей. Но эти школы, как и частные, могли дать лишь самое первоначальное образование: здесь учили чтению, письму, первым четырем правилам арифметики (сложение, вычитание, умножение и деление). Подготовить необходимые колониетским обществам кадры для самих школ, сельских приказов, а также землемеров, фельдшеров, сельских архитекторов эти школы не могли. К тому же они по-прежнему испытывали большие материальные затруднения.

Открытие школ в гагаузских и болгарских поселениях юга России проходило по инициативе и при самом активном участии их населения, а также исключительно за его счет. И нет оснований утверждать, что гагаузы и болгары не понимали значения просвещения в жизни.

УЧИТЕЛЯ. СОСТАВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

В результате массового выселения из болгарских земель на территориях соседних государств поселилось несколько сот тысяч гагаузов и болгар» среда которых были, конечно же, священники и учителя⁸⁰. Именно им в первые годы предстояло решать задачи просвещения и религиозно-нравственного воспитания переселенцев» несмотря на то, что по уровню своего образования они не намного превосходили свою паству⁸¹.

Священник Захарий Чакир – первый известный нам учитель в Чадыр-Лунгской частной школе, основанной им в 1819 г. Имея уже опыт работы в школе с. Чадыр, он применил его и здесь⁸². Примечательно, что методика обучения, используемая З. Чакиром в Чадыр-лунгской частной школе, была обусловлена крайне малым числом учебников или их полным отсутствием. Из-за этого ученики должны были «на память, машинально» обучаться чтению. З. Чакир применял «буквослагательный» метод: вначале ученики усваивали буквы и звуки, а затем лишь переходили к слогам.

Обучение письму проходил следующим образом. В установленный поднятый желоб насыпался песок. Ученик под руководством учителя или старшего ученика писал буквы на песке указательным пальцем до тех пор, пока не приобретал устойчивые навыки в их написании. После этого начинали писать буквы на досках небольших размеров (около 5 вершков в ширину и 6 – в длину), разлинованных и покрытых черной краской. Писали гусиными перьями, обмакивая их в белые чернила из мела. И только затем переходили к бумаге и настоящим чернилам.

Курс арифметики был коротким и ограничивался первыми четырьмя правилами арифметики. В обучении письму и арифметике З. Чакир применял отдельные элементы метода взаимного обучения (старший ученик обучал младшего).

Что же касается часослова и псалтыря – главных предметов в Чадыр-Лунгской частной школе, то они усваивались методом механического заучивания текстов.

Отец З. Чакир был строг, но всегда стремился быть справедливым к своим ученикам. Благодаря этому он надолго остался в памяти односельчан и тех, кто учился у него.

К моменту открытия частных школ в Болграде и Комрате, в конце 1821 – начале 1822 г., там, вероятно, не было никого, кто способен был взяться за обучение детей. Этим можно объяснить тот факт, что в поисках учителей председатель Попечительного комитета И.Н. Инзов обратился в архиепископу Кишиневскому и Хотинскому Дм. Сулиме. По рекомендации последнего в Комратскую школу был направлен студент философии Кишиневской духовной семинарии Стефан Лукьянов, а в Болградскую – студент этой же семинарии Емилиан Каневский⁸³. Оба – выходцы из священнических семей. С. Лукьянов к тому времени уже не посещал семинарию. Больше сведений сохранилось о Е. Каневском. Он уроженец селения Раснополь Тираспольского уезда Херсонской губернии. С 1810 г. учился в Екатеринославской семинарии «грамматическим наукам», а через несколько лет был определен в Кишиневскую духовную семинарию. Здесь он слушал риторику и один год философию⁸⁴. О методике обучения, которую применили молодые преподаватели, нам ничего не известно.

С. Лукьянов учительствовал в Комрате до своей смерти в 1827 г., а Е. Каневский, вероятно, до 1829 г., когда болградское сельское общество наняло другого учителя-колониста Ротарева⁸⁵. Последний проработал в Болградской частной школе недолго. Его заменил дьякон Иванов, который оставался здесь в качестве учителя и в 1832 г., когда школа была преобразована из частной в приходскую ланкастерскую, и в последующие два года.

Комратскую частную школу после смерти С. Лукьянова возглавил приватный дьячок местной церкви Тымошевский. Он придал ей иное направление, но неизвестно, как долго в ней работал.

В 30-е гг. учителем в Главанах был священник М. Киранов, переселившийся сюда из одноименного села из-под Адрианополя в 1830 г. «вследствие гонений и бесчеловечных притеснений со стороны турок». Известно, что он учил детей часослову и псалтырю, старался привить им веру в бога, проповедовал религиозную нравственность⁸⁶.

Среди учителей в колониях «задунайских переселенцев» наиболее известным был Степан Панайотов. В «Ревизской сказке» за 1835 г. по колонии Болград записано, что у священника Ивана Панайотова, умершего в 1831 г., было пять сыновей и одна дочь. Старшему, Стефану, в 1835 г. было 19 лет, а третьему по счету, Дмитрию – 13 лет. Следовательно, Стефан – в русской транскрипции Степан – родился в 1816 г.⁸⁷ Старший сын болградского священника после смерти отца находился под личным попечением И.Н. Инзова. По его просьбе Дм. Сулима в сентябре 1831 г. определил С. Панайотова во второй класс Кишиневского духовного приходского училища на казенное содержание. В школьной ведомости за 1832/33 учебный год он «показан способностей очень хороших, прилежания очень хорошего, успехов и поведения очень хорошего и принадлежит к 1-му разряду, и в июне месяце того 1833 года переведен в низшее отделение уездного училища»⁸⁸. Вскоре, однако, по материальным причинам ему пришлось прервать учебу: необходимо было помогать матери, у которой на руках остались малолетние братья и сестра. В декабре того же года он посетил И.Н. Инзова и попросился учителем в Болградскую школу. 23 декабря Инзов предписал управляющему задунайскими переселенцами назначить 17-летнего С. Панайотова помощником учителя Иванова «для обучения колонистских детей»⁸⁹.

Этому воспротивился архиепископ Кишиневский и Хотинский Дм. Сулима, считавший, что это – самовольное решение, принятое М. Бутковым. Чтобы С. Панайотов мог стать учителем, настаивал Дм. Сулима, он должен быть уволен «из духовного звания». Он потребовал от И.Н. Иванова «выслать помянутого Панайотова в семинарию для прохождения наук», а поступок М. Буткова «не оставить без рассмотрения»⁹⁰. И только после разъяснений И.Н. Инзова Дм. Сулима уволил С. Панайотова «из духовного звания» и из училища, и распорядился выдать ему свидетельство об образовании⁹¹.

С. Панайотов недолго проработал помощником учителя. Уже в 1834 г. он по согласию Болградского общества стал учителем в приходской школе⁹². С его вступлением в должность учителя в Болградской школе регулярно стал применяться метод взаимного обучения. С. Панайотов выполнял свои обязанности «с постоянным отличием и усердием»⁹³, обходился с мальчиками в обучении весьма ласково,

от чего дети имеют всегда к нему приверженность, и число их теперь (1845 г. – И.Г.) простирается до 276»⁹⁴, С.Панайотов, хорошо знавший методы взаимного обучения, оказывал методическую помощь учителям «сельских школ прочих колоний»⁹⁵. Таким образом, Болградская приходская школа, благодаря своему учителю, фактически стала выполнять в методическом плане роль центрального училища для гагаузских и болгарских поселений Бессарабии. Этому, как отмечал управляющий задунайскими переселенцами Лосев в рапорте Попечительному комитету в марте 1846 г., способствовало то обстоятельство, что С.Панайотов – болгарского происхождения, знает нравы и обычаи своего народа, владеет, кроме русского, еще четырьмя языками: болгарским, турецким, молдавским и греческим. Он благотворно воздействует на поселенцев, возбуждая «болгар-колонистов на обучение своих детей русской грамоте». Но не меньший интерес он проявлял к болгарскому языку и истории своего народа. Известно, например, что С.Панайотов совместно со своими учениками Цано (фамилия в документе не указана), М.Дончевым, А.Минковым и С.Паскаловым сняли копию с копии «Истории славяноболгарской» П.Хилендарского, известной под названием «Дрянровский царственный». Со сделанной ими копии В.Априлов снял еще одну копию для Ю.И. Венелина⁹⁶.

И все же местные власти высоко ценили его как учителя-подвижника. В 1842 г. по указанию П.Д.Киселева, отметившего педагогическую деятельность С.Панайотова при посещении Болграда в 1840 г., и по представлению управляющего задунайскими переселенцами М.Буткова учитель был «высочайше награжден серебряною медалью на Аннинской ленте для ношения на груди»⁹⁷. В качестве награды за его труд Болградский сельский приказ от 1845 г. принял решение увеличить ему зарплату со 160 до 200 руб. серебром в год, которое, однако, было отвергнуто Попечительным комитетом.

Комрат, конец XIX в.

После открытия в 1837-1838 гг. школ в ряде колоний «задунайских переселенцев» учителями были определены: в Чешмяваруитской – местный колонист М.Гагура⁹⁸ (он лишь исполнял эту должность), в Комратской – бабельский колонист Г.Арабаджи, в Дизгинжинской – местный колонист М.Морцун, в Чадыр-Лунгской – сельский писарь колонии Тодорович, в Карагачской – житель г. Рени, Е.Рошкован⁹⁹. Конкретными сведениями мы располагаем лишь об одном – Г.Арабаджи, но они касаются его общественной деятельности в связи с массовыми выступлениями «задунайских переселенцев» в первой половине 40-х гг.¹⁰⁰.

В 1843 г. Г.Арабаджи (в документах встречается Диордий Горобаджи, Георги Арабаджи) был «учителем начальных правил русского языка и арифметики» в колонии Казаяклия. Летом, когда вокруг избрания окружного старшины во всех колониях Верхнебуджакского округа, в том числе и в этой, развернулась открытая борьба между сторонниками М.Буткова и его противниками, возглавляемыми влиятельным комратским колонистом К.Койчо, Г.Арабаджи и большинство казаяклийцев активно поддержали кандидатуру Д.Койчо, сына К.Койчо. В ответ на это

Выпускники Комратского реального училища и Комратской женской гимназии, нач. XX в.

сторонники М.Буткова собрали сельский сход для «учинения акта над теми колонистами, которые волнуют все общество своим беспокойным характером». Среди них были Г.Арабаджи и местные жители И.Киосе, Н.Ясонов, К.Димов, Ж.Тащи, Т.Чекологлы, Н.Влахогло и К.Дульгиер. На мирском сходе Г.Арабаджи, пользовавшийся уважением среди колонистов, выступил и убедил собравшихся не подписывать такой акт, за что был обвинен в организации беспорядка в колонии. Вместе с Т.Чекоглы, И.Стояновым, Ж.Тащи он был арестован, закован в кандалы и отправлен в Болград, где вместе со своими товарищами наказан «казаками розгами». Вернувшись в Казаяклию, он вновь был «наказан телесно», после чего по указанию М.Буткова его «лишили места учителя», дававшего ему и его семье «пропитание». Начались мытарства, продолжавшиеся несколько лет. До лета 1844 г. М.Бутков не давал ему возможности устроиться учителем в подведомственных колониях. Когда же он попытался занять место учителя в Бабельской школе, («поскольку колонисты желают меня иметь как своего односельца»), то выборный местной колонии избил его, якобы за то, что он «возмущает» поселенцев, т. е. подстрекает их подавать жалобы на начальство. Чтобы прокормить семью, Г.Арабаджи вынужден был заниматься хлебопашеством. Одновременно он добивался, чтобы комиссия П.Атрешкова, изучавшая причины волнений в поселениях, защитила его от произвола местного начальства¹⁰¹. Но лишь в 1847 г. он вновь стал учителем, вернувшись в Комратскую приходскую школу¹⁰².

С 1840 г. и до начала 60-х гг. XIX в. учителем Катаржинского приходского училища был священник местной церкви И.Тинтулов. Ходатайствуя перец архиепископом Херсонским и Одесским Дмитрием о его поощрении, Попечительный комитет в августе 1863 г. высоко оценил религиозно-просветительскую деятельность И.Тинтулова, особенно подчеркнув его «безмездное, вполне успешное и старательное обучение грамотности их (колонистов. – И. Г.) детей»¹⁰³.

Массовое открытие приходских училищ в колониях «задунайских переселенцев» в начале 40-х гг. XIX в. потребовало от местных властей и самих поселенцев решения проблемы педагогических кадров. Решали ее по-разному.

По данным за 1846 г. часть учителей была представлена выходцами из других

сословий. Значительное их число было из мещан: 10 – из Измаила, пять – из Кишинева, по два – из Одессы и Рени и по одному – из Килии, Аккермана, Бендер, Кагула, еще пять из других мест Бессарабии. Откуда был еще 21 учитель, нам неизвестно, но примечательно, кем они были до того, как стать учителями: отставным хорунжим, коллежским регистратором, губернским секретарем, писарем, отставным штабс-капитаном, юнкером, унтер-офицером и т. д.

Еще пять учителей были из священников. Конечно, все эти люди не имели специального образования, и, за редким исключением, не имели педагогического призвания и преподавательских навыков. Но некоторые из них были людьми, которых уже в то время власти относили к «разночинцам» – предтечам революционеров-разночинцев 60-х гг. Некоторые уже тогда активно участвовали в общественной жизни колониетских округов. Так, в 1843 г. учитель приходской школы колонии Курчи, кишиневский мещанин Печинский принимал участие в подготовке коллективного выступления жителей Верхнебуджакского округа против местных властей¹⁰⁴.

Другая часть учителей – 35 человек – выходцы из колониетской среды. У нас нет сведений относительно их профессиональной подготовки, применяемой ими методики преподавания, национальной принадлежности. Есть основание предполагать, что некоторые из них были учениками С.Панайотова и окончили Болградское ланкастерское училище, освоив метод взаимного обучения. Так, в 1846 г. учителями в колониях Табаки, Ташбунар, Авдарма, Твардица, Джолтай, Барта, Волканешты, Давлет-Агач работали соответственно Болградские колонисты В.Дядов, И.Грабчов, И.Недов, А.Маздраклий, П.Велев, Н.Иванов, В.Маздраклий, А.Гунчев. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что они работали не только в болгарских селах, но и в гагаузских (Авдарма, Джолтай), и молдавских (Варга). Вообще для того

времени было характерно, когда учитель-колонист одного села работал в школе соседнего села. Так, в Татар-Копчаке учителем местной школы в 1846 г. был тараклийский колонист С.Волканов, а в Кубейской татар-копчакский колонист П.Курдогло, в Чийшейской – кайраклийский колонист С.Кавруков, а в школе в Дермендере – чийшейский колонист Г.Михайлов, в Кайраклии – тараклийский колонист К.Бэров, в Бешалме – баурчийский поселенец Д.Бузданджи, в Болбоке – бановский житель Г.Киррилов, в Каргале – этулийский колонист С.Трофимов, в Чумлекиое – колонист из Дмитриевой Ж.Ильчев, в Анадолке – житель из Волканешт Недельчев (имя не указано), а Кислице – джурджулештский поселенец Д.Янчов. В нескольких колониях учителями были односельчане: в Долукиое – Б.Загорский, Чадыр-Лунге – К.Стойков, Казаяклии – Степанов (имя не указано), Кирсове – Нигдицов, Инпуците – Мавров, Карагаче –

Ученый-библиограф, автор книги «Бессарабиана» Петр Драганов среди своих учеников в Комратском реальном училище, нач. XX в.

Директор Комратского
реального училища
Голубовский

Нанковский, Валенах – И.Телегин, Исерлии – Д.Стоянов, Купаране – Д.Карасенли. В двух колониях – Чишмекиое и Фрикацее – был один учитель – чишмекиойский колонист В.Терзлиев¹⁰⁵.

С 1845 г. законоучителем в Болградской школе был младший брат С.Панайотова – священник Д.Панайотов. Родился он в 1822 г. В конце 30-х гг. учился в Кишиневской духовной семинарии¹⁰⁶, где познакомился и подружился с прибывшим сюда на учебу монахом Натанаилом, будущим митрополитом Охридским и Пловдивским, известным болгарским возрожденческим деятелем. Будучи еще студентами, они решили вести среди бессарабских болгар патриотическую деятельность: пропагандировать исторические знания о Болгарии, издавать и распространять болгарскую литературу¹⁰⁷.

Учителем в Девлет-агачском училище с 1849 по 1859 г. был священник Стефан Киранов, сын М.Киранова. Он имел лишь начальное образование, которое дал ему отец, но не ограничился им, а «усердно принялся за самообразование через чтение книг, попадавшихся ему под руки». В 60 – 70-е гг. он преподавал в училищах в селах Чумлекиой и Код-Китай. За время своей пастырской и учительской деятельности он собрал библиотеку, состоявшую приблизительно из 500 названий книг по математике, химии, медицине, естествознанию, географии, религии. Благодаря самообразованию он по своим знаниям «превосходил многих священников, получивших семинарское образование»¹⁰⁸.

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ

Таких учителей, как братья С. и Дм.Панайотовы, Г.Арабаджи, С.Радулов, П.Саялянджи, Печинский, были единицы. В целом же профессиональный уровень многих учителей в гагаузских и болгарских приходских школах был довольно низким. Например, из-за неподготовленности к учительской деятельности, постоянного отвращения на исправление церковных треб учитель болгарского приходского училища дьякон А. Иванов показал в 1832 – 1834 гг. «весьма слабые успехи в учении детей»¹⁰⁹. Чиновник МГИ Флессиер, характеризуя учительский корпус в колониях «задунайских переселенцев», в 1846 г. писал: «Вообще школьные учителя весьма мало сами подготовлены к своему званию и от того, само собою разумеется, успехи учеников медленны»¹¹⁰. Некоторые из них или оставляли детей в классе одних, или появлялись перед ними в нетрезвом виде. Инспектор Одесского учебного округа Клименко, проверявший в 1847 г. состояние училищ в ряде колоний «задунайских переселенцев», писал в своем отчете о том, что в приходской школе Чешмя-Варуите в классе отсутствовал учитель, и ученики сами мучились с учебным материалом. В Колибаше школа была закрыта еще 7 мая. Раньше времени прекращены занятия в приходских школах в Брынзе, Слободзее и даже в Болграде¹¹¹. Смотритель Никола-

евского уездного училища коллежский асессор Ливанский при посещении им в 1848 г. школы в колонии Терновка в Херсонской губернии не обнаружил в ней ни одного ученика, а учитель валялся пьяным в классе¹¹².

Попечительный комитет констатировал в 1855 г.: сельские общества предоставляют учительские должности в основном лицам «сторонних ведомств или же разночинцам, которые, по большей части, помещаются без внимания к нравственным качествам и степени познаний, лишь бы были учителями. Обстоятельство это имело, к несчастью, самые плачевные плоды»¹¹³. Таким образом, вся вина за «плачевные результаты» перекладывалась на колонистские общества, поскольку они, согласно «Наставлениям о главных правилах для сельских школ в колониях», самостоятельно решали вопрос о найме учителей. Такую же позицию занимало тогда и Министерство народного просвещения. В мае 1856 г. оно зафиксировало наличие «почти в каждом селении учителей, приглашаемых жителями, которые не имеют ни вида, ни звания учителей, ни одобрительных свидетельств о своем поведении, изъясняются по-русски весьма дурно, читают по складам с неправильным ударением и редко кто из них знает первую часть арифметики»¹¹⁴.

Объективно справедливая оценка низкого профессионального уровня учителей в гагаузских и болгарских колониях со стороны МГИ, имеет лишь характер констатации, не подкрепленной анализом причин такого явления.

Одной из причин было то, что в подборе учителей для приходских школ нередко участвовали управляющие задунайскими переселенцами, прежде всего Арандаренко. Последний, как отмечал К.Иречек, «учительские места представлял солдатам, невежественным людям, не знающим ни слова по-болгарски и более занимавшимся употреблением водки, чем преподаванием»¹¹⁵.

Другая причина, на наш взгляд, наиболее существенная, – это низкая оплата труда учителя. Хотя, как отмечалось выше, в 40-е гг. учителям платили из общественных колонистских сумм и это было лучше, чем раньше; но зарплата все же была недостаточной. Социально-экономическое положение гагаузов и болгар оставалось нестабильным, имело тенденции к ухудшению. Частые засухи, различные эпидемии приводили к массовому падежу скота, неурожаем, голоду. В этих условиях колонистские общества не могли выделять сколько-нибудь значительные средства на содержание школы, в том числе на оплату труда учителя.

В 1843 г. Болградское сельское общество определило годовое жалование учителю С.Панайотову в размере 142 руб. 85 коп. серебром, его помощнику П.Ниделкову – 34 руб. 28 коп. серебром, надзирательнице А. Самофаловой – 57 руб. 14 коп. серебром, а регенту певческого хора школы – 181 руб. 42 коп. серебром¹¹⁶. С.Панайотову вскоре повысили оплату до 160 руб. Просьбу же сельского приказа Болграда разрешить повысить оклад

Духовой оркестр Комратского реального училища, нач. XX в.

учителю до 200 руб. Попечительный комитет отверг, считая, что С.Панайотов «за свои труда достаточно награжден»¹¹⁷.

В том же году учитель Тараклийской приходской школы И.Синявский окружным приказом Измаильского округа был назначен сельским писарем в колонии Татар-Копчак. Он согласился, поскольку должность писаря была более престижной, а занимавший ее в материальном положении находился выше учителя. И. Синявский имел все основания утверждать, что для него должность учителя была «весьма обременительной»¹¹⁸.

По ведомостям расходов на содержание сельских школ в 1849 г. жалование всем учителям приходских училищ Кагульско-Прутского округа составило 1004 руб. 14 коп., а Нижнебуджакского – 1393 руб. серебром¹¹⁹. В среднем на одного учителя (если допустить, что в том году ни одна школа в колониях еще не закрылась) выходило по первому округу 52 руб. 85 коп., по второму – 55 руб. 72 коп. серебром.

По данным Попечительного комитета, представленным в рапорте министру государственных имуществ в середине 50-х гг., в приходских школах в колониях «задунайских переселенцев» и болгарских поселениях Херсонской и Таврической губерний сельские общества учителям и законоучителям, платили до 1847 г. от 60 до 120 руб. серебром и по 10 четвертей зерном, а с 1848 г. всем повысили оплату до 120 руб. серебром¹²⁰. Вышеприведенные данные, однако, опровергают это утверждение.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Мещеряк И. И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в южной Бессарабии (1808 – 1856 гг.). Кишинев, 1970.
- ² Скорее всего И. Толстой имел в виду район Адрианополя.
- ³ История Молдавии: документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Кишинев, 1969. С. 179.
- ⁴ Мещеряк И. И. Болгарские и гагаузские поселения Бессарабии в 20-х годах XIX столетия // Учебные записки Кишиневского государственного университета. Т. II: Гуманитарные науки. Кишинев, 1950. С. 75, 85. Кайраклия – нынче с. Лоциновка (Одесская обл.).
- ⁵ Защук А. Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область Спб., 1862. С. 398 – 403. Нам представляется, что эти данные неполные. К тому же школы открывались и в селах с молдавским населением, входивших в состав государственной деревни и «задунайских переселенцев», а также в левобережных районах.
- ⁶ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII – первая половина XIX вв. М., 1973. С. 457 – 458.
- ⁷ Анцупов И.А. Развитие начального образования на юге Бессарабии в 40-е – 60-е гг. XIX в. Рукопись. Автор выражает искреннюю благодарность Ивану Антоновичу за предоставленную возможность использовать материал, подготовленный им на основе богатейших архивных и литературных источников.
- ⁸ Защук А. Указ соч. С. 403. Здесь не включены данные по школам южной части Бессарабской области, входившей в это время в состав Молдавского княжества.
- ⁹ Поглубко К. А. През равнините към Балкана. София, 1979. С. 59. В работах исследователей, как и в документах, говорится лишь о болгарях. Мы предполагаем, что среди них были и гагаузы. Необходимо подчеркнуть, что, по мнению А. И. Ешану, кишиневские болгары еще в начале XIX в., когда город находился в составе Молдавского княжества, посылали своих детей учиться в существовавшие там школы, в частности, в светскую господарскую школу, открытую на основании грамоты господара Александра Морузи от 24 мая 1803 г. См.: Ешану А. И. Школы Кишинева во второй половине XVIII – начале XIX в. // Известия АН МССР. Сер. Обществ. Наук. 1978. № 2. С. 90.

- ¹⁰ Радкова Р. Нови данни за просветно-църковното състояние на българските колонии в Новорусийския край и Бесарабия през първата половина на XIX век. // Известия на българското историческо дружество. Кн. 32. София, 1978. С. 105 – 106.
- ¹¹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 214. 1819 г. Д. 5. Л. 225; Ганицкий М. Ланкастерские школы в Бесарабии // Кишиневские епархиальные ведомости. 1878. № 2. С. 46.
- ¹² Радкова Р. Нови данни... С. 106.
- ¹³ Устройство задунайских переселенцев в Бесарабии и деятельность А.П.Юшневского. С. 278, 280, 382 – 383; ЦГА РМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 355. Л. 107 – 108.
- ¹⁴ Устройство задунайских переселенцев... С. 542 – 547; Мещеряк И.И. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар в Бесарабии в 1812 – 1820 гг. Кишинев, 1957.
- ¹⁵ Согласно «переписи о священно- и церковнослужителях при церкви селения Чадыр-Лунги», составленной 9 мая 1821 г., 3. Чакиру в то время было 38 лет. У него была довольно большая семья: жена, три сына и две дочери, а также отец 96 лет и мать 71 года (ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 23705. Л. 12.).
- ¹⁶ Чакир Д. Г. Биографический очерк рода и фамилии Чакир. Кишинев, 1899. С. 5 – 7.
- ¹⁷ Там же. С. 12 – 13.
- ¹⁸ ЦГА РМ. Ф. 285. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
- ¹⁹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 214. 1819 г. Д. 5. Л. 160.
- ²⁰ Огаян Л.Н. Общественное движение в Бесарабии в первой четверти XIX в. Ч. 1. Кишинев, 1974. С. 194. Автор ошибочно говорит о Табакской школе. Болград до 1821 – 1823 гг. в документах часто упоминается и под названием Табаки. В колонии Табаки школа была открыта лишь в середине 40-х гг. XIX в.
- ²¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2428. Л. 17, 45.
- ²² Там же. Л. 45.
- ²³ Радкова Р. Нови данни... С. 115 – 116.
- ²⁴ Клаус А. Наши колонии. Спб., 1869. Приложения УП. Отсутствие официально открытых школ в этом округе до 1840 г. подтверждается и другими док. См.: ГАОО Ф. 1. Оп. 1. Д. 4924. Л. 2 – 3.
- ²⁵ ЦГА РМ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 44. Л. 52.
- ²⁶ Чакир Дим. Историко-статистическое описание церкви и прихода села Исерлии, Аккерманского уезда // Кишиневские епархиальные ведомости. 1891. № 19. С. 613.
- ²⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8674. Л. 4.
- ²⁸ Кишиневские епархиальные ведомости. 1891. № 24. С. 825.
- ²⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4924. Л. 2 – 3; История Молдавии. Документы и материалы. Т. 3, ч. 2, с. 190 – 191.
- ³⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9009. Л. 2 – 3; Клаус А. Указ. соч. Приложение IV: Число церквей, школ и количество учащихся.
- ³¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4924. Л. 2 – 3.
- ³² Там же. Д. 9009. Л. 6. Ведомость об учебных заведениях в колониях бессарабского болгарского водворения. С.З.Новаков и Н.Н.Червенков утверждают, что училище в Кириутне существовало с 1844 г. См.: Новаков С.З., Червенков Н. Н. Прошлое и настоящее села Кириутня. Кишинев, 1980. С. 10.
- ³³ Филиал ГАОО в г. Измаиле. Ф. 93. Оп. 1. Д. 85. Л. 9.
- ³⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9009. Л. 1 – 14. Здесь ошибочно указано, что школа в Чешмя-Варуете была открыта в 1842 г. в ряде документов более позднего времени также ошибочно утверждается, что в колонии Камчик школа была открыта в 1845 г., в Кулевче – в 1843 г., в Дюльмене – в 1846 г. (см.: ЦГА РМ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 140. Л. 85. об. – 86). Школа в Твардице была открыта 5 декабря 1841 г., а не 4 мая 1842 г., как об этом пишут К. Поглубко и И. Забунов (см.: Обновленная Твардица. Кишинев, 1980. С. 19.).
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ ЦГА РМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4574. Л. 148 об. Т.А.Крачун утверждает, что в болгарских колониях с середины 30-х гг. учреждались «церковно-приходские школы» и «к началу 1844 г. здесь почти во всех населенных пунктах были церковные школы» (Крачун Т.А. очерки по истории развития школы и педагогической мысли в Молдавии. Кишинев, 1969. С. 67). Однако церковно-приходские школы и церковные школы – это не одно и то же. Мы придерживаемся мнения, высказанного другими исследователями, которые относят училища в болгарских и гагаузских колониях в разряд «начальных приходских школ» (Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII – первая половина XIX вв. С. 460 – 461).

- ³⁷ Радкова Р. Нови данни... С. 118; ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 11515. Л. 3. Оп. 4. Д. 20510. Л. 54; Д. 22041. Л. 17 – 21; Д. 22052. Л. 2, 10.
- ³⁸ В.Терновской школе лишь в мае 1848 г. предлагалось «ввести ланкастерскую методу обучения для скорого изучения в чтении и письме» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 11686. Л. 2.).
- ³⁹ Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки истории начального образования в России. М., 1949, С. 72 – 77.
- ⁴⁰ Там же. С. 78 – 80; Андрус О.Г. Очерки по истории школ Бессарабии и Молдавской ССР первой половины XIX в. Кишинев, 1951. С. 8.
- ⁴¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII – первая половина XIX вв. С. 460 – 461.
- ⁴² Перед возникновением во второй половине 30-х гг. XIX в. дискуссии вокруг болгарского литературного языка некоторые деятели болгарского возрождения, в частности В. Априлов, не делали различий между болгарским и церковнославянским языками. См.: Априлов В. Съчинения. София, 1968.
- ⁴³ Филиал ГАОО в г. Измаиле. Ф. 193. Оп. 1. Д. 142. Л. 3 – 4.
- ⁴⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9009. Л. 2 – 14. Оп. 4. Д. 22052. Л. 2.
- ⁴⁵ История Молдавии: Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 247 – 257.
- ⁴⁶ Скальковский А. Указ. соч. С. 102, 104.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 2. Д. 11515. Л. 3.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 3. Д. 16494. Л. 18.
- ⁴⁹ Там же. Л. 16 – 17.
- ⁵⁰ Там же. Д. 165. Л. 19; Д. 164. Л. 31.
- ⁵¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 12702. Л. 2 – 10; Д. 12703. Л. 2 – 5.
- ⁵² Филиал ГАОО в г. Измаиле. Ф. 93. Оп. 1. Д. 328. Л. 5 – 6.
- ⁵³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 15733. Л. 1 – 2.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4868. Л. 7; История Молдавии: Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 180.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5164. Л. 3.
- ⁵⁹ Филиал ГАОО в г. Измаиле. Ф. 93. Оп. 1. Д. 85. Л. 7 – 8.
- ⁶⁰ Скальковский А. Указ. соч. С. 132.
- ⁶¹ Клаус А. Указ. соч. С. 338.
- ⁶² Занетов Г. Българските колонии в Русия // Периодическо списание на българского книжно дружество в Средец. Година 9. Кн. XVIII. Средец, 1895. С. 884 – 885.
- ⁶³ Правильно: Алфатарлы.
- ⁶⁴ Титоров И. Указ. соч. С. 106.
- ⁶⁵ Мыславский К. А. Исторический очерк гимназии императора Александра III в Болграде. Болград, 1905. С. 11.
- ⁶⁶ Там же. Д. 12702. Л. 2.; Д. 12703. Л. 2
- ⁶⁷ Радкова Р. Нови данни... С. 132 – 133.
- ⁶⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4384. Л. 1.
- ⁶⁹ Там же. Л. 1 – 2.
- ⁷⁰ Радкова Р. Към предисторията на Болградската гимназия // Векове. 1978. № 3. С. 43 – 44.
- ⁷¹ Там же. С. 43.
- ⁷² ЦГИА Спб. Ф. 383. Оп. 9. 1846. Д. 8056. Л. 48, 82, 117. 128. ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 10121. Л. 2 – 4.
- ⁷³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 10121. Л. 2 – 4.
- ⁷⁴ Там же, Л. 2.
- ⁷⁵ Радкова Р. Към предисторията на Болградската гимназия // Векове. 1978. № 3. С. 44 – 45; ЦГИАСпб. Ф. 383. оп. 18. Д. 23700. Л. 3.
- ⁷⁶ ЦГИАСпб. Ф. 383. оп. 18. Д. 23700. Л. 3.
- ⁷⁷ Цит. по: Мыславский К.А. Указ. соч. С. 15.
- ⁷⁸ Мыславский К.А. Указ. соч. С. 8, 12; Бернштейн С.Б. О языке города Болграда // Ученые записки Института славяноведения. Т. 2. М., 1950. С. 225 – 226.

- ⁷⁹ Очерки истории школ и педагогической мысли народов России. XVIII – первая половина XIX вв. С. 451 – 461.
- ⁸⁰ Радкова Р. Българската интелигенция през възраждането. София, 1986. С. 57–58; Мещеряк И. Переселение болгар в Южную Бессарабию. 1828 – 1834 гг. Кишинев, 1965. С. 172.
- ⁸¹ Стойков Н. Религиозно-нравственное состояние болгарских колоний в Бессарабии со времени их основания до настоящего времени // Труды Бессарабского историко-археологического общества. Вып. VI. Кишинев, 1911. С. 14 – 23.
- ⁸² Чакир Д. Биографический очерк рода и семьи Чакир. Кишинев, 1899. С. 12 – 14.
- ⁸³ ЦГА РМ. Ф. 285. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 – 3, 6.
- ⁸⁴ Там же. Л. 2, 7 – 8.
- ⁸⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2428. Л. 17, 45.
- ⁸⁶ Кишиневские епархиальные ведомости. 1891. № 24. С. 824 – 825.
- ⁸⁷ ЦГА РМ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 53. Л. 288 об. – 289.
- ⁸⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2861. Л. 7.
- ⁸⁹ Там же. Л. 5.
- ⁹⁰ Там же. Л. 5 – 6.
- ⁹¹ Там же. Л. 3, 13, 17.
- ⁹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2861. Л. 5; Д. 8906. Л. 1; Филиал ГАОО в г. Измаиле. Ф. 93. Оп. 1. Д. 206. Л. 1.
- ⁹³ Там же. Л. 1.
- ⁹⁴ Филиал ГАОО в г. Измаиле. Ф. 93. Оп. 1. Д. 206. Л. 1.
- ⁹⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8096. Л. 1.
- ⁹⁶ ОР ГБР. Ф. Вен. УП. Д. 8. Л. 52. об.; Ангелов Б. Паисий Хилендарский. София, 1985. С. 110 – 111.
- ⁹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8906. Л. 1.
- ⁹⁸ Возможно, это ранее упомянутый Агуров.
- ⁹⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4924. Л. 2 – 3.
- ¹⁰⁰ Об этих выступлениях подробнее см.: Грек И. Ф. Общественное движение и классовая борьба болгар и гагаузов юга России (конец 20 – середина 50-х годов XIX в.). Кишинев, 1988. С. 64 – 97.
- ¹⁰¹ ЦГА РМ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 389. Л. 22 – 23, 223 – 225; Д. 394. Л. 5 – 6.
- ¹⁰² Радкова Р. Нови данни... С. 119.
- ¹⁰³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 21242. Л. 3.
- ¹⁰⁴ ЦГА РМ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 389. Л. 41.
- ¹⁰⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9009. Л. 2 – 14.
- ¹⁰⁶ Потоцкий П.А. Список и краткие биографии окончивших полный курс Кишиневской духовной семинарии за сто лет ее существования (1813 – 1913 гг.). Кишинев, 1913. С. 12.
- ¹⁰⁷ Жизнеописание митрополита Охридо-Пловдивского Натанаила // Сборник на народни умотворения, науки и книжнина. Кн. УП. София, 1909. С. 22.
- ¹⁰⁸ Кишиневские епархиальные ведомости. 1891. № 24. С. 825 – 828.
- ¹⁰⁹ ГАОО. Ф. 6. оп. 1. Д. 4384. Л. 1.
- ¹¹⁰ Радкова Р. Нови данни... С. 127.
- ¹¹¹ ГАОО. Ф. 6. оп. 2. Д. 11686. Л. 1 – 2.
- ¹¹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 11686. Л. 1 – 2.
- ¹¹³ ЦГИАСпб. Ф. 383. Оп. 18. Д. 23700. Л. 1.
- ¹¹⁴ ЦГИАСпб. Ф. 383. Оп. 11. Д. 10664. Л. 42; Радкова Р. Нови данни... С. 130.
- ¹¹⁵ Иречек К. История болгар. Одесса, 1878. С. 685.
- ¹¹⁶ Филиал ГАОО в г. Измаиле. Ф. 93. Оп. 1. Д. 165. Л. 5, 12, 14, 18 – 19.
- ¹¹⁷ Фил. ГАОО в г. Измаиле. Ф. 93. Оп. 1. Д. 206. Л. 1; ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8906. Л. 3.
- ¹¹⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8674. Л. 1.
- ¹¹⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 12702. Л. 2. Д. 12703. Л. 2.
- ¹²⁰ ЦГИАСпб. Ф. 383. Оп. 11. Д. 10664. Л. 40; Радкова Р. Нови данни... С. 130.

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ У ГАГАУЗОВ

Современные учёные считают гагаузов коренным христианским населением Северо-восточной Болгарии. До середины XVIII в. в Каварне находился «экзарх» или высший церковный сановник, по более позднему значению титула – глава православной церкви. Земли, принадлежащие экзархии, имели особенный статус. До нашествия османских турок Варненский митрополит был патриарший наместник в Добруджанских землях. Церковная терминология у гагаузов, в основном, греческая и болгарская. Отсюда появились слова: «ристиян» – христианин, «пападия» – супруга священника, «папаз» – поп, священник, «клизе» – церковь, «ангелос» – ангел, «арахангел» – архангел, «нафора» – церковный хлеб, «Паная» – Богородица, «андидора» – хлеб, «ай, айос» – святой, «ставрос» – крест, «прусура» – церковный хлеб, «евангело» – евангелие, «кандил» – кадило, «Паскале, Паскелле» – Пасха, «апостолос» – апостол, «миро» – миро, «акона» – икона, «айазмо» – святой источник, Божи, Свети, писание, кресница «Христос воскрес!» и др. Христианская литература на караманлийском языке (синкривный турецкий язык, созданный на основе турецких диалектов) также повлияло на формирование лексики гагаузского языка. Религиозная гагаузская лексика сохранила арабско-персидский пласт: «жендем» – ад, «женнет» – рай, «дин» – вера, «гунах» – грех, «мум» – свеча, «дува» – молитва, «дунья» – свет¹.

Со времен принятия христианства гагаузы традиционно являются православным народом. Свою веру они сумели пронести через пять веков османо-турецкого ига, она помогла им сохранить свою самобытность. Даже во время владычества религиозная жизнь населения Болгарии не замирала, хотя и была поставлена в тяжёлые условия. Христиане были лишены права строить новые церкви. Христианские требы вынуж-

Храм Св. Успения Богородицы, г. Каварна, Болгария

дены были совершать на дому. Священники и монахи, приезжали к членам паствы из дальних монастырей, преодолевая большие расстояния. Вот как описывает этот период жизни гагаузов священник Дмитрий Чакир в книге «Библиографический очерк рода и фамилии Чакир» «... иконы в жилищах христиан всегда были спрятаны в секретных местах, а о церкви христианской нечего было и говорить: если и бывало где-либо церковь, то вдали от жилищ и устраивалась в роде шалаша, покрытого хворостом и камышом, без потолка, где ветер гулял по весь простор, священник в ней служит в турецкой

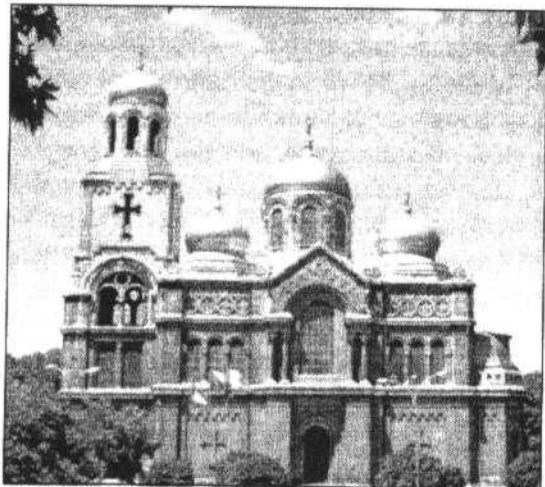
чалме, опасаясь подозрения со стороны турок. Что же касается до священнослужителей христианских, то они большею частью были малограмотны и ограничивались одними требоисправлениями»².

Просветительская деятельность православной церкви способствовала приобщению гагаузов к византийской культуре. Сам народ на протяжении веков сохранял сокровища устного народного творчества. Христианские песни и религиозные сказки учили члена церкви мудрости, вселяли в него оптимизм, укрепляли его веру в торжество добра и справедливости. За сказочной фабулой и вымышленными героями, как правило, скрывались узнаваемые персоны и обстоятельства.

Коллекцию гагаузских сказок, рассказов и легенд религиозного содержания собрал русский этнограф, фольклорист В. А. Мошков. В монографии «Наречия бессарабских гагаузов» увидели свет сказки: «Божий крестник», «Похождения Ивана несчастного, женатого на Божьей дочери», «Работник у Солнцева отца», «Ленивец», «Ной», «Единоборство Давида с Голиафом», «История креста Господня», «Св. Пётр покровительствует своему крестнику», «О Св. Николае», «Легенда о Св. Константине» и другие. В работе «Гагаузы Бендерского уезда» В. Мошков писал: «Бога Отца представляют себе таким, как он рисуется на образах, т.е., стариком с седой бородой, — писал этнограф, — Кроме большого ума, большой доброты и большой силы творить чудеса, фигура Бога в воображении гагауза ничем не отличается от почтенного старика крестьянина или помещика. Живя на небе, Бог спускается по временам на землю, чтобы водворить на ней порядок. Он обходит свои владения, как хороший помещик, смотрит на поля во время посева и жатвы, добродушно разговаривает с крестьянами об их житье-бытье, об их хозяйстве, и любит, когда ему отвечают толково, вежливо и почтительно. Жестоко карает он грубых и непочтительных людей. Как добрый помещик, он иногда крестит у своих крестьян детей и потом, как всякий порядочный «саадыч», покровительствует всеми мерами своим крестникам и старается вывести их в люди». И далее: «Из числа всех святых гагаузы выделяют Петра, который пользуется наибольшим значением и почётом у Бога и является его постоянным спутником; все же прочие находятся при исполнении разных обязанностей. Так, например, Св. Илья заведует громом, Св. Тодур — лошадьми, Св. Георгий — прочим скотом, и т.д.

От святых Бог требует такого же строгого исполнения его воли, как и от людей.

Мошков писал в своих очерках «Гагаузы Бендерского уезда»: «Вот почему собранные мною сказки религиозного содержания, которые будут напечатаны целиком в Изданиях Императорской Академии Наук, заменяют для гагаузской массы Священную историю и закон Божий. Тем более, что сам язык

Кафедральный собор «Св. Успения Богородицы», г. Варна, Болгария

Протоиерей Дмитрий Чакир
(1839-1916)

гагаузов не делает различия между сказкой и былью. Одно и то же слово «масал» означает у них и сказку и вообще рассказ³. Ученные отмечают, что религиозный фольклор у гагаузов сохраняется и в настоящее время. В гагаузских сёлах исполняются песни об Иисусе Христе, о Деве Марии, о жертвоприношении Авраамом Исаака, песня «Панайанын тюркюсю», в которой описывается паломничество в Иерусалим. В песне «Яковун тюркюсю», записанной в селе Бешгиоз, речь идет об Иосифе рассказывается о предательстве братьев, которые продали Иосифа в рабство.

Самыми распространёнными являются песни о рождении Иисуса Христа, о его распятии, о втором пришествии, о Ное и потопе, об архангеле Михаиле, а также песен о христианских святых: Святом Петре и Святом Илье.

После В.А. Мошкова сбор и изучение гагаузского фольклора религиозного содержания, хотя они продолжали бытовать среди местного населения, никто не занимался.

Особо надо отметить, что православные священники становились духовными лидерами своей паствы. В сборнике документов «Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П. Юшневского» в рапорте от 27 мая 1811 г. М.И. Кутузова государственному канцлеру Н.П. Румянцеву об устройстве задунайских переселенцев в Валахии, Молдавии и Бессарабии пишется: «... к рассмотрению дел, касающихся до показанных переселенцев, и для положения правил, по коим управляться они должны, признал я также за нужное составить на тот предмет Особый комитет, в котором кроме действительного статского советника Коронелли, присутствует бывший силистринский митрополит Кирилл». Во время русско-турецкой войны 1806-1812 года Митрополит Кирилл оказывал помощь беженцам, вёл переговоры с командованием русских войск, связанных с проблемами переселенцев.

Более двадцати представителей фамилии Чакир, священники, дьячки, дьяконы, пономари, псаломщики и два протоиерея, служили гагаузскому народу как учителя, просветители и общественные деятели.

Первым на пастырскую стезю ступил Захарий Дмитриевич Чакир. Семнадцатилетним юношей он принял священнический сан и вскоре был отмечен царским правительством – наравне с российским духовенством награждён бронзовым крестом за войну 1812 года. В 1819 г. о. Захарий организовал переезд жителей села Чадыр в Буджакскую степь, став основателем Чадыр-Лунги. В этом же году отстроил с прихожанами церковь, при которой открыл школу грамотности, одну из первых в Бессарабии. Внук о. Захария – протоиерей Дмитрий Георгиевич Чакир, написал в 1892 г. «Биографический очерк рода и фамилии Чакир». В этом труде, исполненном смирения и достоинства, история рода неотделима от истории народа. Вот что писал о приверженности гагаузов православной вере Дмитрий Чакир: «Нужно представить себе, какую сильную веру и приверженность к религии христианской

имели наши предки, и какую силу воли и железный характер нужно было иметь, чтобы сохранить самые основы христианского вероисповедания. К чести наших предков, при таких трудных обстоятельствах они смогли сохранить и сохранили самое важное: веру православную, имя и происхождение. И это дражайшее наследие, благодарение Богу, и по настоящее время твердо и непоколебимо нашим потомством сохраняется».

Вот с каким благоговением описывает Дмитрий Чакир пастырскую деятельность своего отца в с. Чадыр-Лунга: «Особенно достойны замечания истинно пастырские его заботы о постройке новой каменной церкви. Приходская церковь, построенная в с. Чадыр-Лунга еще в 1825 году, при моем деде, о. Захарии, была очень малая и ветхая, вследствие чего он, надеясь на любовь и расположение своих пасомых, возбудил мысль о постройке новой церкви. Благодарение Богу, при неусыпных трудах и его энергии, по благословлению Архиепископа Антония, в 1860 году была заложена каменная довольно поместительная церковь, которая в 1867 году освящена была благочинным. Елевферием Григорьевым, при участии многих священнослужителей, – в том числе и пишущего сии строки, и при многочисленном стечении народа из окружных селений. Нужно было видеть моего отца, когда он первый раз приносил бескровную жертву в новоустроенном храме, с каким умилением и слезами на глазах после окончания службы Божией: «Коль возлюблена селения Твоя, Господи сил желает скончаться во двори Господни». Он как служитель алтаря и раздаятель духовных даров благодати, всегда отправлял все службы церковные с особенным благоговением, всегда он вставал к утрени в четыре часа утра. Живо помню, как в то время, обязательно в кафтане, являлся пономарь в глубокое утро праздника, не входя в комнату, читал пред дверьми молитву «Молитвами святых отец, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас» и по получении ответа «аминь» входил в комнату, причем непременно говорил: «Благослови, отче, благовестить». Таким порядком, в том время начиналось благовестие ко всем службам церковным. Все церковные службы совершались по чину и благообразно. Благообразное и точное исполнение при богослужении церковного чина или устава невольно возбуждали в душе каждого богомольца в храме Божиим религиозных чувствах и полагали к молитве, вызывая невольно крестное знамение. Присутствовавшие при таком богослужении – этому свидетели. Не скоро изгладится из памяти Чадыр-Лунгских прихожан его умиленное до глубины души священнослужение. Чтение молитв, особенно Евангелия, и произношение ектеньи и возгласовать, совершавшееся всегда с чрезвычайной ясностью, внятностью, расстановкой и чувством, трогали предстоящих до глубины души. Чтение 12 евангелий, на утрени великого пятка, часто прерываемо были от внутреннего сильного волнения чувств, слово, его изнемогало и голос дрожал, а другой раз заметно было в нем усилие подавить в

**ЕВАНГЕЛИЕ
ГАГАУЗЧА
ТЮРКЧЯ**

*Евангелие на гагаузском языке
(перевод М. Чакира)*

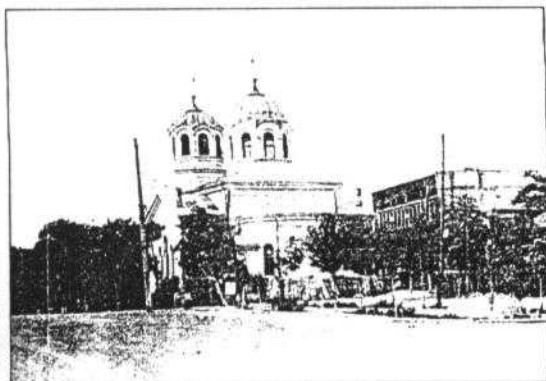
Михаил Чакир с матушкой Ириной (слева), конец XIX в., Кишинев

себе это волнение религиозных чувств. Голос он имел твердый – сильный тенор. И надобно было побывать в Чадыр-Лунгском храме в то время, когда мой отец например на литургии преждеосвященных даров, с кади лом в руках, пред престолом пел один «да исправится молитва моя», или пред плащаницей, среди храма, певал тоже один «Благообразный Иосиф», а также светлого дня Христова «Воскресения день» звучный его голос разливался и число, естественно, свободно. Без сомнения, многие из пастырей церкви русской певали и поют теперь гораздо искуснее моего отца, но речь идет не об искусстве, а о том впечатлении или, пожалуй, влиянии, какое своим пением, чтением и действием при богослужении производил отец мой на своих тогдашних прихожан, и какое сохранилось в памяти моей и прихожан с Чадыр-Лунги»⁴.

Нерасторжимыми узами был связан с народом протоиерей Михаил Михайлович Чакир – учёный, писатель, общественный деятель. В 1881 г. он работал учителем Кишинёвского духовного мужского училища и священником при церкви этого же училища. Вся жизнь его была наполнена неустанным трудом, который нёс народу свет просвещения. Главная заслуга религиозной деятельности М. Чакира заключается в переводе церковной службы с русского языка (малоизвестного многим гагаузам в то время) на гагаузский язык. Он перевёл и издал главные книги и молитвы православия: «Псалмы», «Начало христианского учения с кратким катехизисом», «Святую историю церкви старого и нового завета», «Церковную историю», «Историю старых святых», «Историю новых святых» и др. В 1904 году он ходатайствовал перед Священным Синодом о разрешении печатать газету на гагаузском языке. Получив разрешение, Чакир несколько лет издавал в Кишинёве религиозную газету-листок. Деятельность М. Чакира не вменялась в религиозные рамки. Область интересов просветителя распространялась на историю, этнографию, языковедение, топонимику и т.д. Выдающийся сын гагаузского народа по праву занимает достойное место в ряду деятелей культуры молдавского народа. По словам Н. Костенко, редактора журнала «Viața Basarabiei», отец Михаил Чакир открыл в 1900 году в Скиноаса церковную школу. Через год купил на свои деньги участок, построил за свой счёт монументальный каменный дом для школы. Дом, вместе с участком и всеми построенными на нём зданиями для хозяйства школы, подарил жителям села Скиноаса, пожертвовав также средства на содержание этой школы. В статье Николая Костенко, написанной после смерти М. Чакира пишется «Мне посчастливилось быть его другом и я вспоминаю отца Михаила, человека всегда веселого, на которого уже накладывался груз старости. У него был румяный цвет лица, большой нос и седые растрепанные волосы:

– Эй, эй. Молодчина! Крепкий, здоровый! Молодчина. А ну-ка, напишу-ка я тебе

Церковь Св. великомученика Дмитрия.
г. Чадыр-Лунга, 60-е годы XX в.

- и пожимал руку. Если бы я не писал, давно бы не ступал уже на землю. Работа меня держит, вот!

Мы смотрели с удивлением на этот дуб, измученный временем и болезнями и сердце наполнялось неимоверной силой работать бескорыстно и упорно, чтобы быть достойным этого человека, который является скорее символом чем живым существом.

Под изумленным взглядом доктора КонстантINESКУ из больницы Regina Maria в Кишиневе, который попытался облегчить его страдания, отец Михаил работал без устали. Он писал и днем и ночью, как будто предчувствуя что в скором времени бумага и перо ему больше не понадобятся на этой земле.

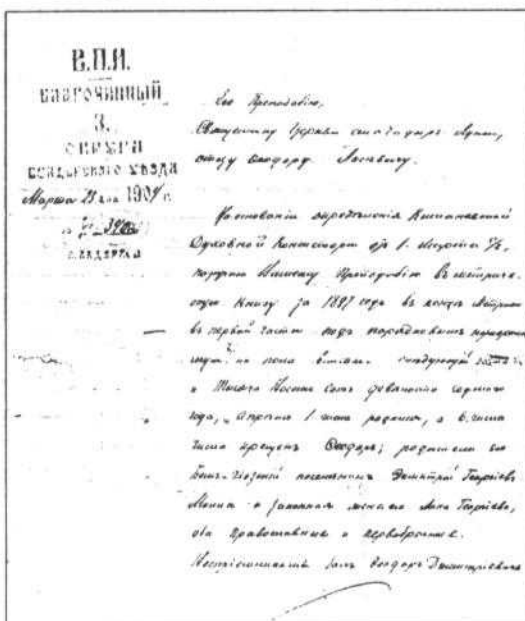
Когда священники, облаченные в золотые стихари, отслуживали литургию, когда голос возвещал: «Приблизьтесь, братья, воздадим мертвому последний поцелуй», и в воздухе послышался шорох: молдавские Кодры наклоняли свои знамена и гулящий ветер доносил гул тысячлиловых звонков из Буджакских степей. Великий Дух Гагаузов открыл глаза, оставив их на спокойное небо, зеленоватое и пыльное как оболочки глаза и, как будто бы, под звон золотых солнечных труб, ворота рая открылись, и отец Михаил, избавленный от мучений, встреченный ватагами ангелов и собором святых, ступает в Вечный Сад»⁵.

После переселения в Бессарабию, гагаузы стали российскими подданными. С 1812 года возникла Бессарабская епархия, сыгравшая большую роль в духовной жизни гагаузов. Сохрани-

два слова на этой Псалтыри! Я храню как святые мощи этот автограф на первом экземпляре Псалтыри, переведенной моим добрым собратом: Santa Eazeadjiea Costenco Nicolasa avtordar. Prot.M.Ciachir.

Помню как он, с больными ногами, обутый в галоши, так как ботинки были ему малы, зимой 1937-38 года приходил в типографию журнала.

- Эй, эй, Господин Болога - а ну-ка давайте-ка напечатаем что-нибудь для моих Гагаузов. А ну-ка, вот так мне нравится. Чтобы вы трудились и писали,

Свидетельство о крещении, 1904 г.

лись сведения о православных священниках – выпускниках Кишинёвской духовной семинарии, уроженцах гагаузских сёл Бессарабии. Николай Чакир, сын священника Захария из Чадыра, родился в 1822 году. Обучал греческому языку в низшем отделении Кишинёвского духовного училища, являлся священником Благовещенской церкви и Кишинёвского кафедрального собора. В этом славном списке: Семён Топалов, сын дьячка Ивана из колонии Гайдар Колонистской управы, учительство в Кишинёвском приходском училище совмещал со священническим долгом в Благовещенской церкви. До нас дошли имена Елевферия Григорьева, сына священника Григория из колонии Бешалма, Михаила Емельянова, сына священника Николая из колонии Болбоки, Василия Златова, сына священника Петра из колонии Комрат. Кирияк Топалов, сын дьячка Иоанна из колонии Гайдар, был протоиереем. Троицкой церкви города Кишинёва. Андрей Димитров, сын священника Димитрия из колонии Дизгинжа, имел сан священника. Феодор Златов, сын священника Петра из Комрата, преподавал Закон Божий в Комратском реальном училище. Его брат Феодосий служил священником в Аккерманском уезде. Андрей Емельянов, сын священника Николая колонии Болбоки, пошел по стопам своего отца.

Димитрий Чакир, сын священника Георгия из колонии Чадыр-Лунги, был протоиереем в Аккерманском уезде. Его брат Захарий и Николай были заштатными священниками. Михаил Чакир, сын дьячка Михаила из села Чадыр-Лунги Бендерского уезда, преподавал в Кишинёвском духовном училище. Избирался Протоиереем училищной церкви, членом Кишинёвской духовной Консистории. Иван Иванов, сын диакона Иакова из села Комрат Бендерского уезда, окончил Киевскую духовную академию. Преподавал в Единецком духовном училище, служил благочинным 1-го округа Бендерского уезда, священником в Одессе, Херсоне, избирался уездным наблюдателем церковно-приходских школ. Василий Македонский, сын дьячка Димитрия из села Козаклии Бендерского уезда, служил в Херсонской епархии. Федор Чакир, сын дьячка Михаила из села Чадыр-Лунги Бендерского уезда, служил священником в Измаиле, инспектировал церковно-приходские школы уезда. Иван Койчев, сын поселенца Николая из села Желтая Бендерского уезда, окончил Киевскую духовную

Метрополит Кишиневский и Вся Молдовы Владимир на панихиде у могилы протоиерея Михаила Чакира и священники Комратского Благочинического округа, Кишинев 2001 г.

семинарию, служил надзирателем в Кишинёвском духовном училище. Константин Статов, сын поселенца Дамиана из села Конгаз Измаильского уезда, нес службу священника в Аккерманском уезде. Михаил Греков, сын поселенца Георгия села Чадыр-Лунги Бендерского уезда, священник в Измаильском уезде. Петр Ругинов, сын священника Григория из села Комрат Бендерского уезда, окончил Киевскую духовную семинарию, преподавал в Кишинёвском духовном училище. Иван Ница, сын коллежского регистратора Константина из села

Комрат Бендерского уезда, священник в Измаильском уезде. Андрей Сибов, сын поселенца Николая из села Комрат Бендерского уезда, служил приходским священником. Андрей Дмитров, сын псаломщика Ивана из села Дизгинжа Бендерского уезда, нес службу священника в Бендерском уезде.

Николай Емельянов, сын священника Алексея из села Булбока Измаильского уезда, окончил факультет восточных языков при Санкт-Петербургском университете. Служил в Консульстве в Константинополе. Василий Ругинов, сын священника Григория из Комрата Бендерского уезда, священник в Аккерманском уезде. Георгий Жушков, сын священника Георгия из села Казаклия Бендерского уезда, добровольно сняв сан, поступил в Варшавский университет. Георгий Дьяконов, сын священника Иоанна из Вулканешт Измаильского уезда, священник в Измаильском уезде. Николай Чакир, сын дьякона Николая села Кирютни Бендерского уезда, священник в Измаильском уезде. Автоном Вылков, сын псаломщика Ивана села Баурчи Кирютни Бендерского уезда, был приходским священником, законоучителем в Болградской мужской гимназии, в 1912 году – кандидат Киевской духовной академии, преподавал Закон Божий в кишиневском коммерческом училище Скородинского. Георгий Калудов, сын священника Николая села Каракурт Измаильского уезда, был священником в Измаильском уезде. Иван Бабченко, сын священника Григория села Авдармы Бендерского уезда, законоучитель низших училищ Кишинёва. Игнатий Макрицкий, сын псаломщика Ивана из Татар-Копчак Аккерманского уезда, был приходским священником. Алексей Гинкулов, сын священника Андрея из Чадыр-Лунги Бендерского уезда, окончил Харьковский ветеринарный институт и работал врачом – ветеринаром в Бессарабской губернии. Димитрий Коршунджи, сын поселенца Бориса из села Кирсова Бендерского уезда, был кандидатом Киевской духовной академии, преподавал в духовной семинарии. Захария Арнаутов, сын поселенца Димитрия из Кирсова Бендерского уезда, был приходским священником. Иван Новаков, сын псаломщика Димитрия из Кубея Аккерманского уезда, был приходским священником.

Макарий Чакир, сын кишиневского протоиерея Михаила, окончил Санкт-Петербургский университет. Служил присяжным поверенным в Северной столице. Иван Столейков, сын народного учителя Спиридона из Чадыр-Лунги, окончил Санкт-Петербургский историко-филологический институт. Преподавал в Могилёвской губернии. Владимир Лашков, сын протоиерея Николая из Дезгинжи Бендерского уезда, учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Василий Молявин, сын священника Димитрия из Кубея Аккерманского уезда, окончил Санкт-Петербургский университет, юридический факультет, служил в Крестьянском банке в Каменец-Подольске. Григорий Чакир, сын священника Николая из Галилешт Измаильского уезда, был приходским священником.... Что нам эти незна-

*Митрополит Кишиневский
и всей Молдовы Владимир*

комые имена? Лаконичные сведения говорят о том, что служители православной церкви несли христианскую культуру в разные слои общества – от глухой деревни до консульства в Константинополе⁶.

*Владыка Анатолий
– епископ Кахулско-Комратский*

В очерке «Монография села Вулкэнешть Кагульского уезда» (1920 г.) Ал. Сатмаря, учителя из Вулканешт, рассказывается о Вулканештской церкви которая сгорела в 1940 году: «Вулканештский приход создан в 1860 г. Сельская церковь, состояние которой сегодня ужасное, полуразрушенное, основана около 1812 г., но строительство закончено примерно в 1816 г. Построена из глины с соломой и обшита снаружи деревом. Сделана во времена Митрополита Молдовы Гаврила Бэнулеску Бодони и, благодаря стараниям одного человека из г. Рении, который потратил много на её строительство. Этот хороший человек Константин Хаджиев.

Церковь в форме креста и вмещает до 300 человек. Внутри иконы деревянные и кажутся старинными. Иконостас, а также иконы, никогда не реставрировались и даже не были покрашены со времён появления церкви. У входа в алтарь видим престол и жертвенник, сделанные из двух толстых мраморных плиток с каменным фоном. Стол длинный вместо квадратной формы и имеет следующие размеры: 3,5 аршин или 2,52 метра длины и 2 аршина или 1,44 метра ширины.

На краю есть надпись на греческом языке. Столы изготовлены в Константинополе по заказу основателя церкви в 1813 г., как следует из надписи. В этой церкви было много священников, отслуживающих мессу на русском и румынском языках. Старейший, по рассказам людей, о котором много говорят – это отец Андрей Старадубовский 70 лет, который здесь жил, и затем переехал в Сатул Ноу Измаильского уезда.

Затем был отец Иоанн Дияконоф, который служил на румынском и вскоре умер, будучи похоронен вместе с женой во дворе церкви.

После этого был отец Ефимие Ковач, который переехал в Измаильский уезд, где он живёт и по сей день. В настоящее время в церкви служат 2 священника-молдаванина, Василий Спанакэ – приходский священник и Атанасе Чобану, два хороших румына и смиренных священника, которые проповедуют Божье слово, внося, таким образом, огромный вклад в сохранение православной религии среди гагаузов, которые начали отклоняться от правильного пути⁷.

Необходимо отметить роль архимандрита Иосифа Гаргалыка, уроженца с. Авдармы в процессе возрождения православной церкви Молдовы в конце XX века. Теперь все православные церкви автономии входят в Комратско-Кагульскую епархию, возглавляемую епископом Анатолием.

Собор святого Иоанна Предтечи, построенный в 1848 году привлекает сотни верующих Комрата и окрестных сел. Церковь Святой Троицы в Конгазе построена

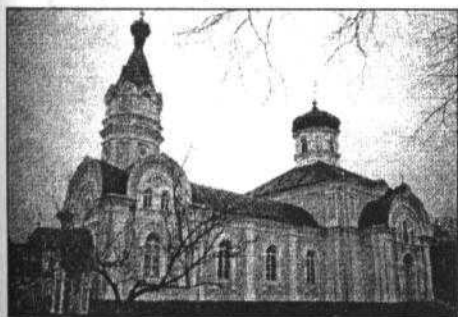
ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ ГАГАУЗИИ

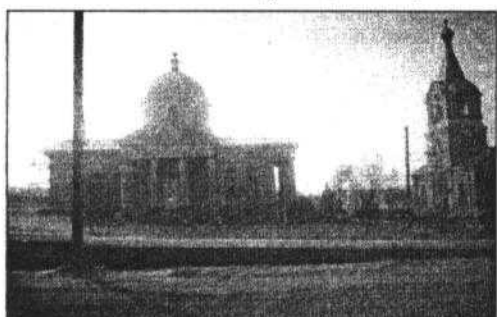
Собор Иоана Предтечи, г. Комрат

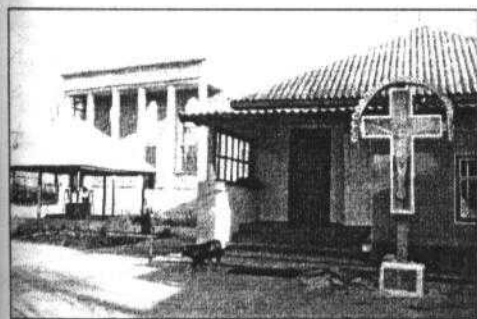
Свято-Успенская церковь, с. Гайдары

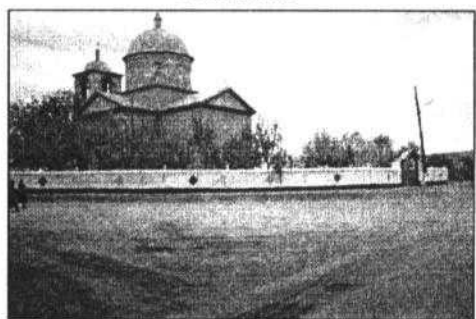
Церковь Святой Троицы, с. Конгаз

*Храм в честь Святого Великомученика Георгия,
с. Казаклия*

*Церковь Покрова Пресвятой Богородицы,
г. Вулканешты*

Свято-Вознесенская церковь, с. Чок Майдан

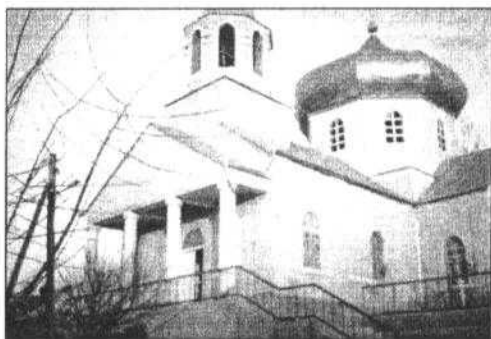

Храм в честь Св. Дмитрия, г. Чадыр Лунга

Свето-Троицкая церковь, с. Джолтай

Церковь Св. Афанасия, с. Этулия

Свято-Петро-Павловский храм, с. Котовское

*Церковь Успения Божией Матери,
с. Чимикиной*

*Церковь имени Св. Великомученика
победоносца Георгия*

*Свято-Успенский храм,
с. Томай*

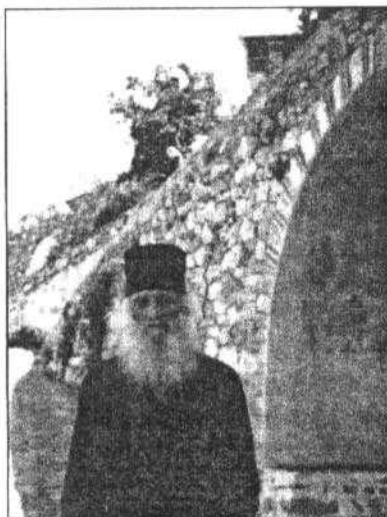
*Свято-Никольский храм,
с. Баурчи*

*Храм в честь Св. Николая,
с. Кириет-Лунга*

на средства прихожан в 1883 году в честь Святой Троицы. Церковь украшает самобытная роспись, трехъярусный иконостас, колокольня, высотой более 20 метров. В Чок-Майдане Свято-Вознесенская церковь построена в 1840-1860 годы. Церковь Святого Великомученика Победоносца Георгия в Бешалме – тоже из старых: с 1880 года. В селе Котовское церковь только начинает возрождаться. В 2000 году здесь открылся молитвенный дом, благочинный о. Дмитрий освятил помещение для совершения богослужений и организовал церковно-приходской совет, во главе с иереем отцом Анатолием. Храм в честь Святого Архангела Божия Михаила в Авдарме верующие за свои деньги построили в 1863 году. В 1946 году церковь закрыли. Больше 40 лет местные жители сохраняли ритуальные предметы и иконы. В октябре 1988 года, уступая обращениям прихожан, церковь вновь открыли. После открытия первым настоятелем был назначен иерей Михаил Лысенко. Под его патронатом был произведен внутренний и внешний ремонт. В Кирсово – церковь Успения Божьей Матери построили в 1898 году. При Томайском Свято-Успенский храме работает воскресная школа, церковная библиотека. Церковь в селе Гайдары носит имя Успения Божьей Матери, она построена в 1905 году. В Кириет-Лунге храм назван в честь Святителя Николая. В Казаклии – Святого Великомученика Георгия, построен в 1740 году. В Баурчи – Свято-Никольский храм, построен в 1896 году, в Джолтай – Свято-Троицкий храм, построен он в 1895 году. В. Бешгиоз – храм назван в честь всех святых первоверховных апостолов Петра и Павла. В Вулканештах – церковь Покрова Пресвятой Богородицы, в Этулии – церковь Святого Афанасия, в Чишмикиой – церковь Успения Божьей Матери, в Конгазе – Свято-Никольская церковь, освящена в 2000 году. Верующие получили церкви, права и свободы, которые ему помогут преодолеть пропасть между Богом и человеком.

*Отец Арсений, монах монастыря
Св. Пантелеймона на Афоне, Греция
(уроженец с. Авдарма)*

11 ноября 2005 года Молдову посетил с двухдневным визитом Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. В Кишинёвском аэропорту Алексия II встречали Митрополит Кишинёвский и всея Молдовы Владимир в сопровождении собора священнослужителей, Президент Республики Молдова Владимир Воронин, председатель парламента Марианн Лупу. Премьер-министр Василе Тарлев.

Патриарха Московского и всея Руси Алексия II ждали не только представители руководства страны и молдавской Митрополии, но и многочисленные православные граждане Молдовы, которые встречали колонну с высоким гостем на протяжении всего пути от аэропорта. Специально для встречи Патриарха Московского и всея Руси Алексия II приехали тысячи православных верующих из Гагаузии.

Данный визит Алексия II в Молдову стал важным историческим событием, которое останется надолго в памяти жителей страны и внесёт большой вклад в развитие духовности в Молдове⁸.

Протоиерей Михаил Чакир в своей книге «История гагаузов Бессарабии» призывал гагаузов «... чтобы были настоящими христианами, как их отцы, прадеды, как прежние гагаузы, и везде были уважаемы. Прежние гагаузы дали клятву, что они всегда будут православными христианами»⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Градешлиев И. Гагаузы. Одесса. 1998. С. 65.
- ² Чакир Д. Биографический очерк рода и фамилии Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Кишинёв. 2005. С. 25.
- ³ Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинёв. 2004. С. 1999.
- ⁴ Чакир Д. Биографический очерк рода и фамилии Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Кишинёв. 2005. С. 44.
- ⁵ Костенко Н. Апостол протоиерей Михаил Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Кишинёв. 2005. С. 79.
- ⁶ Лотоцкий П.А. Список и краткие биографии окончивших полный курс Кишинёвской Духовной Семинарии за сто лет её существования (1813-1913 гг.). Кишинёв. 1913. С. 10.
- ⁷ Сатмарь А. Монография села Вулкэнешть Кагульского уезда» (1920 г.) // Вести Гагаузии. 2005, 23 сентября. № 142.
- ⁸ Визит Алексия II в Молдову // Вести Гагаузии. 2005, 18 ноября. № 174.
- ⁹ Чакир М. История Гагаузов Бессарабии // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Кишинёв. 2005. С. 98.

МОЛИТВА И ЗАКЛИНАНИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ ФОЛЬКЛОРЕ ГАГАУЗОВ

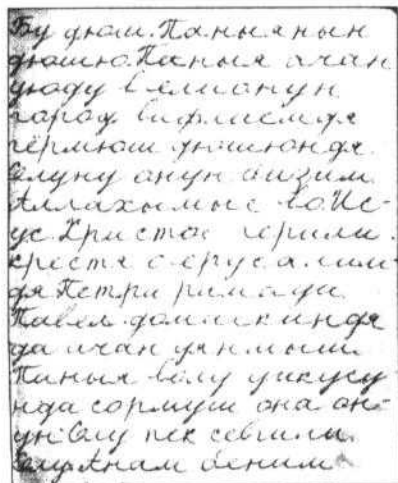
В этой статье выявлены в общих чертах признаки, характерные народным молитвам и заговорам («окумак»), которые мы находим среди гагаузов. Эти два тесно связанных народных жанра развивались параллельно на протяжении веков, первый, влияя, либо находясь под влиянием второго, с начала средних веков Я выбрал и сосредоточил свое внимание на этих двух аспектах религиозного гагаузского фольклора по двум причинам. Во-первых, обе эти категории оказываются особенно полезными при работе с христианским компонентом европейского наследия гагаузов. Во-вторых, ни один из этих жанров не стал предметом изучения исследователей гагаузского фольклора. Обращаясь ко второму пункту, я надеюсь открыть путь для дальнейшей работы по сбору и исследованию этой области гагаузскими фольклористами и исследователями.

Первая часть этой статьи имеет дело с гагаузскими целительными заговорами и их связью с церковными текстами благословений и экзорцизмов, примеры которых также найдены в гагаузском языке. Вторая часть – дает введение в структурные элементы наиболее распространенной формы христианской народной молитвы, найденной среди гагаузов, той, которая упоминает страсти Христовы.

НАРОДНЫЕ ЦЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЗАГОВОРЫ У ГАГАУЗОВ

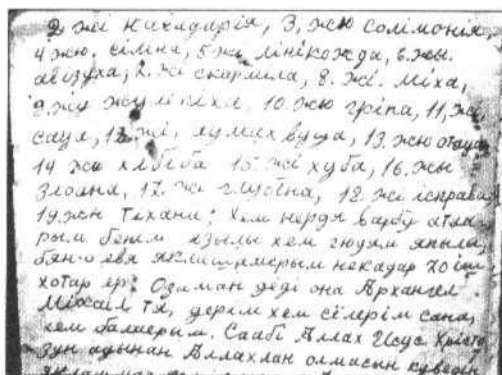
Традиционный целитель, «ілацці» и «окууиси», играют важную роль среди жителей сел и небольших городов Гагаузии как целители и консультанты по физическому и психологическому состоянию.

К ним обращаются за консультацией относительно широкой цепи физических и душевных расстройств и состояний, при которых они применяют целительские методы, которые в свою очередь, по опыту автора, всегда содержат вербальный элемент. Этот вербальный элемент далее будет упоминаться как «окумак». Современное определение этого термина в английской фольклористике изложено кратко, «Все традиционные устные формулировки для принесения удачи или здоровья, кроме определенных молитв, это заговоры или «окумак», ...¹. Таким образом, обязательная цель действия (принесение удачи или здоровья) вмешательства в данную ситуацию,

Бу драм. Па мья нок
драма. Па мья ахан
ураду. Па мья нок
па роу. Па мья нок
сермаш. Па мья нок
вину. Па мья нок
амахо. Па мья нок
де. Христе. Сермаш.
Христе. Сермаш.
де. Христе. Сермаш.
Па мья нок. Па мья нок
де. Христе. Сермаш.
Па мья нок. Па мья нок
де. Христе. Сермаш.
Па мья нок. Па мья нок
де. Христе. Сермаш.
Па мья нок. Па мья нок

Молитва Сон Пресвятой Богородицы

Апокрифическая молитва

Однако границы между молитвой и «okumak» часто становятся неясными, особенно в тех случаях, когда специальные вербальные формулировки «okumak» призывают заступничество сверхчеловеческих сил, также как и официальные церковные молитвы. И, более того, также как и «okumak» официальные молитвы могут призывать те силы не только в помощь верующему в достижении общих целей христианской жизни, но и в интересах конкретных мирских целей³.

На самом же деле большая часть того, что мы сегодня называем колдовством или суеверием может иметь общее происхождение с практикой священников и монахов в более ранние века. Церковная практика благословения, чтобы помочь верующему во времена испытаний, и изгнания демонов или дьявола, если изучить тщательно, используют методы идентичные тем, что были найдены в колдовстве традиционного целителя в Центральной и Восточной Европе.

Более того, когда мы встречаем особенные вербальные формулировки «okumak», они зачастую сопровождаются литургическими молитвами, такими как Господня молитва, роль которых заключается в усилении целительной силы «okumak». Так, в истории европейского крестьянина мы находим молитву и «okumak», используемые в обычных ситуациях с обычными целями, отражающие синкретическую природу крестьянского мировоззрения, в которой колдовство и религия жили бок о бок о времен распространения христианства⁴.

«Okumak» были распределены в различные группы фольклористами. Одна из таких групп, распространенная среди гагаузов, называется «erik okumak», то есть «okumak», повествующий историю, подобную эпической. Эпические «okumak» принимают одну из базовых форм колдовства, которую мы называем «аналогической магией». В Европе эта форма известна везде и была зафиксирована во всех возможных ситуациях и с различными функциями.

В эпических заговорах сила исцеления основана на силе аналогии с событием благополучного исцеления или изгнания безвредного дьявола или демонов в историческом или мифическом прошлом. Источник благополучного события в прошлом, на котором основана аналогия, часто находится в христианстве. Многие образцовые повествования или жизнь Христа и Святых (как библейские, так и апокрифические⁵) изображают главного героя в роли целителя и жизнедателя. Эти рассказы были широко известны и распространены как в устной, так и в печатной

это определяющий фактор этой категории. Так, ссылаясь на текстуальный элемент заговора, нам должно быть известно, что он определен как «okumak» только из-за функции устной формулировки, более чем из-за особенной определяющей характеристики текста. Поэтому «okumak» может в действительности быть текстом любой формы и содержания. Таким образом, это может быть даже литургическая молитва, славословие, а также любой другой вид вербальных формулировок².

форме. Более того, церковь сама ссылается на чудеса Иисуса, святых и Девы Марии в текстах экзорцизмов и благословений, поэтому совсем не удивительно, что эти же самые рассказы нашли свое изложение в целительском репертуаре народа. Особенность этой категории «okumak» заключается в постоянном обновлении, появляются новые, основанные на старых примерах, но содержащие новые благополучные события из более поздних религиозных источников и литературы. Многие такие целительные заговоры у гагаузов начинаются со слов

Чтение молитвы

«İsus Hristos çeketmiş bir uzun yola...» и продолжают рассказом о том, как Христос исцелял людей в Иерусалиме и на реке Иордан. На самом деле, эта начальная строка характерна среди почти всех народов Центральной и Восточной Европы, и, именно она объясняет, почему мы ссылаемся на эти заклинания как на эпические формулировки. Нижеследующий пример был найден в селе Авдарма.

İsus Hristos çeketmiş bir uzun yola gitmää,
 O uzun yola gidärkän etişmiş bir büyük bayıra,
 O büyük bayırı geçtiynän etişmiş bir büyük çayıra,
 O büyük çayırın içindä, İerusalimin çayırında,
 İsus Hristos yapmış bir büyük pınar,
 O büyük pınarın dolayında yapmış dokuz holluk,
 Dokuzunu da suylan doldurmuş,
 Dübüdüz küüylärä da haber yollamış,
 Toplaştı hepsicii nazarlılar, dertlilär, acılılar,
 Kimin ne hastalı varmış, hepsicii gelmişlär,
 Da İerusalimin çayırında, Ay Yordanın suyunda,
 Eşil çibritacıklan yıkanmışlar,
 Da nicä saamışlar, genä ölä saa olmuşlar.
 (hastanın adını söyleysin)
 Da o da saa, pak kalmış.

Как я отметил ранее, все формы «okumak» проявляют характеристики, имеющие много общего с официальными религиозными текстами, с благословениями, экзорцизмами и проклятиями (против дьявола). Особенно это касается эпических «okumak», и может быть ясно продемонстрировано материалом, собранным мной, который содержит «народные» заговоры также официальные или полуофициальные⁶ церковные тексты экзорцизмов и проклятий.

Первое, довольно ясное, подтверждение этой связи заключено в начальных строках этих текстов. Библейский персонаж отправляется в путь и встречается с болезнетворным дьяволом или демоном. Затем следует начальная строка из церковного текста

экзорцизма, который был переведен неизвестным автором в начале 20 века.

“Bän, Ayoz Arhangel Mihail Gökün Askerlerin, Eleon bayırlarından inirkän karşılıdım Avizuhii – satanın kanadı”⁷.

Такие начальные строки, зачастую переданные в 3-ем лице, это одна из наиболее распространенных главных тем, открывающих эпические заклинания. Как, например, этот пример из Авдармы:

İsus Hristos çeketmiş gitmää uzun yola,
Etişmiş bir büyük köprüyâ,
Büük köprün altında fenalık oturmuş...⁸

Обе эти формы, официальные церковные тексты и формулировки заговоров, могут иметь свои корни в текстах, датирующихся самыми ранними письменными документами. Такие примеры текстов для изгнания демонов были найдены в Египетских и Ассирийских посвящениях, также в древнееврейских и арабских рукописях.

После того, как сцена встречи с дьяволом или демоном установлена, приводится

Старинная икона, с. Томай

магическая аналогия, сила которой повлияет на благополучное исцеление в настоящем. Один такой прием – произнесение имени или имен, перечисление качеств и прошлых деяний демона или дьявола болезни. Этот способ магически обезоруживает демона и делает его безопасным. И снова, этот магический метод существует и в церковных текстах в Гагаузии и в заговорах целителей. Текст экзорцизма из с. Томай перечисляет 19 имен крыла Сатаны, каждое из которых представляет форму болезни, и гарантирует, что, после перечисления их или при хранении их в доме, эти болезни не смогут подойти ближе, чем за 70 границ к тому, кто это делает. В гагаузских народных заговорах имена демонов болезней часто появляется в форме национальности, «если та или иная болезнь германка, да будет она изгнана, если та или иная болезнь гречанка, да будет она изгнана» и. т. д.

Эти самые древние тексты также содержат третий общий элемент, который связывает священные тексты церкви с текстами народного целителя. Изгнание демона в океан, скалистые места характерно по всей Европе и может быть найдено в древних магических текстах Среднего Востока, и, особенно, в эллинистических текстах изгнания демонов, откуда оно и распространилось в византийские и римские христианские тексты. Так, во многих средневековых церковных источниках на эти места ссылаются как на дом Сатаны и его отправляют туда во многих текстах благословений и экзорцизмов⁹.

Следующие два примера ниже были найдены в Томае и Конгазе. Первый – церковный текст (возможно переведенный переводческой миссией Михаила Чакир в начале 20 века, хотя никогда не изданный, но распространенный в рукописном варианте в селе), второй – из заговора от дурного глаза.

“Kork, kaç, sus, hem denmenedä saklan barabar başka kötü hem diil pak duhlarlan, hem git su sus hem pustiya erlerä silenmedik, neredä insan yaşamêr, ...”

Da gitsin daaya, taşa,
Nerede kuş uçmêr,
Nerede popaz gezmeer,
Nerede çiçek büümeer,

Все эти элементы, найденные в гагаузских заговорах указывают на общее наследие с магическими системами других Европейских народов. Эта магическая система, которая впервые была основана на древних языческих традициях Ближнего Востока и, особенно, эллинской Греции, сыграла важную роль в создании христианского понимания Дьявола, демонов и их роли в болезни. Это понимание сохранялось и развивалось как в рамках официальной церкви, так и в целительском колдовстве европейских крестьян. Эти две традиции позднее вступили с языческими методами аналогической магии в связь взаимовлияния на протяжении веков, которая существует и ныне в динамическом творении эпических заклинаний, сочетающих церковные традиции и учения.

НАРОДНАЯ МОЛИТВА У ГАГАУЗОВ

Второй жанр гагаузского фольклора, который я представляю здесь, народная молитва, тесно связан с тем, который мы рассмотрели выше. Несмотря на это, наилучший способ различить эти два жанра – это определить функцию или ситуацию, в которых каждая применяется. Как мы установили выше, заговоры применяются для вмешательства или влияния на специфическую ситуацию, например для исцеления от болезни. Народные молитвы же чаще всего произносят, читают или носят как талисман как общее примитивное средство против свирепства мирских страданий или, как помощь в достижении вечного спасения.

Однако границы между этими двумя жанрами зачастую расплываются, так как литургические или «народные» молитвы часто применяются как целительские «okumak».

Изучение народной молитвы как отдельного жанра фольклора появилось сравнительно недавно, в 1970-х годах, до тех пор она оставалась более или менее скрытой традицией или *spiritualia incognita*, как некий толкователь определил ее¹⁰. Народная молитва стала общепринятым термином, используемым для описания форм молитвы, которые не относятся к признанным каноническим и литургическим молитвам, применяемым в церкви. Исторически это часто означало, что такие

Текст народной молитвы

молитвы содержат элементы, которые церковь считает апокрифическим, и которые иногда противоречат официальным церковным учениям и доктринам. В некоторых частях Европы церковь приступила к значительным мерам в попытке уничтожения народных молитв, которые она считала особенно не соответствующими ее учению, таким образом, обеспечить их применение строго только в частной сфере. Социалистическая власть в Восточной Европе, которая отбила интерес фольклористов затрагивать религиозные темы в своей деятельности, это несколько объясняет, как эта богатая устная традиция ускользнула от внимания ученых до конца XX века.

Вследствие путешествий с целью сбора информации в селах Гагаузии,¹¹ возможно сделать несколько общих утверждений относительно традиции народной молитвы среди

Гагаузов, хотя их следует рассматривать только как экспериментальные заметки на данном этапе, благодаря необходимости более глубокого исследования области.

Я начну с комментариев о структурных элементах народной молитвы в общем и о том, как гагаузская народная молитва сличается с общим образцом Центральной и Восточной Европы. Затем я изучу несколько образов из Гагаузской молитвы, которые в частности заслуживают внимания в сравнительном контексте.

Наиболее распространенный центральный образ народной молитвы в Центральной и Восточной Европе это натуралистическое изложение Страстей Христовых, часто в форме диалога¹². Несмотря на существование исключений, мы можем говорить об этом образе как о центральной характеристике, вокруг которой и, чаще всего, строятся народные молитвы. Это также верно среди гагаузов, как и в регионе как в целом.

Жужанна Ердей (Zsuzsanna Erdély), исследователь народной молитвы в Венгрии, считает, что этот способ выражения Страстей Христовых на уровне чувства сохраняет средневековую католическую францисканскую традицию. В подробных и ярких натуралистических образах мы наблюдаем ничто иное, как выражение *imitatio Christi*.¹³ В гагаузских народных молитвах мы находим распятие Христа изложенное следующим образом:

İsus Hristosu zeetledilär,
Kruçaya da Gerdilär,
Ayaklarına, ellerinä enser kaktılar,
Çalıdan fenet ördülär,
Başına da koydular, kanını da
Aktıtlar, ama zanetmedilär.

(Казаклия (Казаяк), записано 19 декабря 2005г.)

Повествовательное описание Страстей Христовых часто появляется вместе с вводным диалогом, что является вторым характерным элементом народной молитвы. У него может быть множество форм, но он всегда составляет апокрифический или небиблейский элемент в народной молитве. В Венгерской народной молитве диалог часто слагается между Христом и Девой Марией, Христом и Святым Лукой или Девой Марией и Святым Лукой. Один из пары пересказывает другому события, окружающие распятие Христа.¹⁴ В Румынском фольклоре мы встречаемся с такой же диалоговой формулировкой, но на этот раз в широко распространенной румынской легенде о поиске Богоматерью Господа Иисуса Христа, *Căutarea Domnului Iisus Hristos*, происхождение которого было установлено как апокрифическое сказание с названием

Старинная икона,
с. Томай

«*Visul Maicii Domnului*»¹⁵ или «Сон Пресвятой Богородицы» на русском, сказание, из которого также происходит и «*Panaiyanın Düşü*».¹⁶ В Румынской легенде, в поисках сына, Дева Мария встречает путников, один из которых рассказывает ей трагические события. Драматическая формула плачущей Богоматери, ищущей своего сына особенно широко распространена в молдавском фольклоре. Хотя я не нашел примеров этой особой формулы в гагаузской народной молитве, она появляется в гагаузских народных религиозных песнях. Следующий пример – одна из нескольких песен, опубликованных Елизаветой Квилинковой¹⁷, которая содержит этот апокрифический элемент:

Panaiya aarêêr oolunu,
Hem aarayor hem ayleer.
Panaiya çekeder yola,
Karşı eder insannan.
Hem ayleyor hem sorêr:
– Görmediniz mi oolumu,
Benim oolumu Hristozu?
Hepsi bir sestân baardi:
– Biz onu hiçicik görmedik,
Hiçicik işitmedik.
Panaiya aarêêr oolunu,
Hem aarayor hem ayleer.
Karşı eder insannan.
Panaiya sorêr oolunu:
– Görmedeniz mi oolumu,
Benim oolumu Hristozu?
Hepsi bir sestân baardi:
– Biz onu hiçicik görmedik.
Birisi çıktı da dedi:

– Senin oolunu tuttular.
Çifitlar onu aldılar,
Kepezeyä kapadılar.

В «Panaiyanın Düşü», которую мы находим среди всех православных народов региона, диалог происходит между Богородицею и Христом, после вешего сна о распятии, как это ясно видно в этом примере из с. Авдарма:

“İsus gelmiş da sormuş: „Mamum benim, sfint anacum, uyurdun mu?“ Ama o demiş: „Usaam benim, sevgili hem gözäl İsus, uyukladım da tä gördüm bir aar düş senin için.“ İsus sormuş: „Sölä benim anam düşünü.“ Ah – demiş – sevgili İsus gördüm Petriyi Romada hem Pavel ‚Fomoksendä‘, ama seni gördüm İerusalimdä. Kruçaya geriliydin, iki hırsızın arasında, kıyatçı hem farisey hem inansız çifitlar pek zeetlerdilär, gülmää alardılar, hem sudit ederdilär pelinän duyurardılar, sirkeyländä sulardılar, kazaklarlan başına duuyärdilär. Çalı fenet urdulär, başına giydirdilär. Ama bir soldat sapladı koltuundan kılıçlan. O saat akardı kannan su”.

Центральный мотив распятия, часто выраженный в диалоговой форме, как мы видим выше, рассматривается Венгерским этнографом Жужанной Ердей (Zsuzsanna Erdély) как предпосылка обещания о спасении или (настоящее облегчение от земных страданий), выраженная в заключительных формулах народных молитв, что и является третьим характерным элементом в восточно-европейской народной молитве.¹⁸ В венгерской народной молитве Христос отправляет Марию или даже Мария или Христос отправляют Святого Луку сообщить условия, согласно которым, прочитав молитву указанное количество, раз можно достигнуть спасения или освобождения от страданий.¹⁹ В примерах гагаузских народных молитв, которые я собрал на данный момент, эта миссия поручается Ayoz Cumaа (Святой Параскеве из русского религиозного фольклора),²⁰ Ангелу Господню, либо, в случае «Panaiyanın Düşü», сам Христос делает заключительное сообщение. Этот пример записанный в Бешалме ясно демонстрирует условную и договорную природу отношений между посланником Бога, в данном случае sevgili Cumaа, и чтецом молитвы:

Sevgili Cumaа durdu dedi,
– Kim benim bu duamı bilecek hem sölecek,
perşembä günü avşamnän beş kerä,
cumaa günü sabaalän altı kerä,
gelecek Ayozınca, götüreceк dinnenmää,
bal mumundan slemgeye, Avramın kucaana,
İsaan, İakovun, Amin.

(Бешалма, записано 8 июня, 2004)

Такая разновидность заключительной формулы – это самый простой способ отличить народную молитву от канонических церковных молитв.

Как только заключительная формула сформирована посланником Бога или

самим Христом, остается раскрыть духовные или земные блага. Большое количество народных молитв имеют защитную природу и перечисляют, как свою цель, защиту от многих ежедневных страхов человека, таких, как молния, внезапная смерть, болезнь, утопление, а также дьявола, и других злых духов.

Кроме защиты от физического вреда многие народные молитвы дают обещание вечного спасения. Это часто выражается принесением души на небо ангелами или Архангелом Михаилом:

“Nem o açan çkacek o dünnedän ona bän görüncäm seninnän onun Angellerinnän. Onun Angeli, onun canını götüreceк göк padişahluna”.

(Авдарма)

“Arahangel Mihail canıda götürücek o adamın canını Avramın hem Yakovun şeneniceк orada benim gökümdä”.

(Казаклия)

Этим можно объяснить, почему такие народные молитвы, как «Panaiyanin Düşü» и др. считаются особенно сильными и используются при крайней необходимости:

“Panaiyan düşünü çalêrlar o zaman açan bir can pek hasta, eli eli soluyêr. O zaman onu çalêrlar, sölerlâr, okuyêrlâr da her olarsaydı alişêr, yokseydi öler”.

(Казаклия)

Трехчастная структура народной молитвы, которую я выделил, предназначена для того, чтобы представить только наиболее характерные элементы, которые часто встречаются. Есть много исключений в фольклоре других европейских народов, и несомненно, это будет также подтверждено и в случае относительно гагаузской народной молитвы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье я постарался показать много параллелей и общих характерных элементов, существующих между заклинаниями и народными молитвами, найденными среди гагаузов и других народов центральной и восточной Европы. Примеры формулировок гагаузских «эпических» заговоров, которые я привел, помещают их твердо в рамки общей традиции восточной Европы.

Структура и функция народных молитв у гагаузов таким же образом является идентичными в структуре и функции их у других христианских народов восточной Европы. Центральный мотив Страстей Христовых, представленный апокрифическим диалогом между библейскими персонажами, и завершающейся условной формулой, которая обещает защиту и спасение читающему молитву, является характерным в Венгрии и Польше, в России и на Балканах.

Сбор и изучение религиозного гагаузского фольклора находится на начальном

этапе. Больше сравнительных исследований стоит сделать с фольклором болгар, греков и других балканских народов и народов Восточной Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Dr. J. Simpson, S. Roud (eds.), *Oxford Dictionary of English Folklore*, Oxford: Oxford University Press, 2003, стр. 56.
- ² É. Pócs, *Szem meglátott, szív megvert*, Helikon Kiadó, 1986, стр. 243
- ³ V. Táncoş, *Csapdosó Angyal*, Csíkszereda: Pro-Print Könyvkiadó, 1999, стр. 252.
- ⁴ Pócs, *Szem meglátott*, 1986, стр. 244.
- ⁵ Апокрифическая – это литература, которая повествует о жизни и учениях библейских или церковных персонажей, но которая не принята церковью в свои официальные каноны.
- ⁶ Некоторые из этих текстов могут считаться полуофициальными, притом, что появились в церкви или были составлены монахами или священниками, но перестали с тех пор применяться или считаются теперь неуместными.
- ⁷ Записано в селе Томай, 27-ого апреля, 2006г.
- ⁸ Записано в селе Авдарма, 11 ноября 2006г.
- ⁹ Pócs, *Szem meglátott*, 1986, стр. 255.
- ¹⁰ Zs. Erdélyi, *Hegyét hágék, lőtöt lépék, Archaikus népi imádságok*, Pozsoni: Kalligram, 1999, стр. 13-24.
- ¹¹ Весной 2003г. в с. Бешалма, в июне 2004г. в с. Бешелме и Гайдары и с сентября 2005г. в селах Авдарма и Казаклия.
- ¹² V.Táncoş, *Eleven osztya szép virág, A moldvai csángó népi imák képei*, Csíkszereda: Krónika, 2000, стр. 283.
- ¹³ Так как мы находим эту же традицию среди христианских народов, этот выбор следует пересмотреть.
- ¹⁴ *ibid.* стр. 284.
- ¹⁵ S.F. Marian, *Legendele Maicii Domnului*, Studiu Folcloric, Bucureşti: Editiune Academiei Române, 1904, стр. 107.
- ¹⁶ По истории и происхождение сна Богородицы см. А.Н.Веселовский, *Опыты по истории развития христианской легенды*. 1876, стр. 341-63.
- ¹⁷ Е. Квилинкова, *Moldova gagauzların halk türküleri*, Кишинев, Pontos, 2003, стр.35.
- ¹⁸ Táncoş, *Eleven osztya*, 2000, стр. 284.
- ¹⁹ *Ibid.*, стр. 283.
- ²⁰ См. L.Ivanits, *Russian Folk Belief*, Armonk, New York, and London: M. E. Sharpe, Inc., 1989, стр. 33-35

ИСТОРИЯ ИСЛЕДОВАНИЯ ГАГАУЗСКОГО ЯЗЫКА

Гагаузский народно-разговорный язык и язык фольклора впервые стал известен в науке в начале XX века благодаря трудам русского этнографа В.А.Мошкова. В последнее пятилетие XIX в. В.А.Мошков приезжал в гагаузские сёла Бендерского и Измаильского уездов Бессарабской губернии России (по административно-территориальному делению того времени). В гагаузских сёлах (особенно в селе Бешалма) В.А.Мошков собрал обширные этнографические и фольклорные материалы, на базе которых им были написаны фундаментальные труды по этнографии и языку гагаузов Бессарабии. Работа В.А.Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда»¹ даёт полное представление о жизни, быте, обычаях и обрядах бессарабских гагаузов конца XIX столетия.

Книга В.А.Мошкова «Наречия бессарабских гагаузов»² представляет собой X (последний) том научной серии «Образцы народной литературы тюркских племён», изданной знаменитым российским тюркологом академиком Фридрихом Вильгельмом Радловым. Народной литературой в то время назывался фольклор, то есть устное народное художественное творчество. В этой книге Мошкова, которая открывается большой вводной статьёй. Основное место занимают фольклорные тексты на гагаузском языке, записанные в фонетической транскрипции³, разработанной акад. Радловым для тюркских языков.

В книге имеются следующие разделы: I. Сказки. Рассказы и легенды религиозного и мифологического содержания (117 текстов); II. Анекдоты из современной обыденной жизни (68 текстов); III. Загадки (1-98); IV. Пословицы и поговорки (1-271); V. Скороговорки (1-7); VI. Песни (50 текстов тюркю); VII. Мани (Четверостишия, 111 текстов). Приложения к текстам составляют: 1. Нотные записи гагаузских народных песен, мелодий и танцев, сделанные В.А.Мошковым (он был не только учёным-этнографом, но и музыкантом); 2. Словарь языка бессарабских гагаузов (гагаузско-русский словарь, содержащий около 3000 слов).

После выхода в свет книги В.А.Мошкова «Наречия бессарабских гагаузов», по содержащимся в ней фольклорным текстам и словарю, тюркологи получили ясное представление о гагаузском народно-разговорном языке, как об одном из тюркских языков (тогда ещё бесписьменном).

В 1910-1930-х годах в Кишинёве была издана литература религиозного содержания на гагаузском языке в переводе гагаузского духовного просветителя протоиерея Михаила Чакира: Евангелие от Матфея, Литургия. Псалтырь, молитвенник и другие церковные книги. До 1918 г. М.Чакир писал на гагаузском языке буквами старого русского алфавита, после 1918 г., когда Бессарабия стала принадлежать Румынии, он использовал в своих книгах румынский алфавит.

М. Чакир также является автором сочинения по истории гагаузов⁴ и краткого гагаузско-румынского словаря⁵, составленного в помощь гагаузским школьникам, обучавшимся в 20-30-е годы на румынском языке.

Первые научные статьи о гагаузском языке появились только в 30-е годы XX века. Они были написаны известным русским тюркологом проф. Н.К. Дмитриевым на основе тщательного изучения материалов, собранных В.А. Мошковым. Благодаря тому, что тексты были записаны Мошковым в фонетической транскрипции с учётом всех тонкостей гагаузского произношения, Н.К. Дмитриев смог на основании этих текстов дать детальное описание фонетики гагаузского языка в сопоставлении с фонетическими явлениями турецкого языка (а также, в некоторых случаях, азербайджанского и туркменского языков). При этом проф. Дмитриев исходил из того, что «Среди тюркских языков гагаузский язык (точнее: диалект бессарабских гагаузов) относится к южной группе, т.е. он ближе всего стоит к турецкому, крымско-татарскому (его южному диалекту), азербайджанскому и туркменскому языкам»⁶.

В статье «Гагаузская фонетика» (впервые опубликована в 1932-33 гг.) Н.К. Дмитриев прежде всего выделил гласный звук *ä* (имеющийся также в азербайджанском и туркменском языках и соответствующий обычно турецкому гласному *e*). Были выделены долгие гласные вторичного происхождения (возникшие путём стяжения двух гласных вследствие выпадения согласных *ğ*, *k*, *h* и *y*), а также долгие гласные в словах арабского и персидского происхождения.

Н.К. Дмитриев выявил протетический (некорневой) согласный *y* (йот), возникающий в начале слова перед гласными *e*, *i*, *ı*, *ö*, *ü*; появление протетического согласного *h* в целом ряде слов. Отпадение сонанта *r* в середине и конце многих грамматических форм; переход сонанта *l* в *n* перед сонантами *m* и *n* и другие фонетические явления, характерные для гагаузского языка.

В статье «Гагаузские этюды» (впервые опубликована в 1939 г.) рассмотрены некоторые характерные черты морфологии и синтаксиса гагаузского языка, отличающие его в первую очередь от турецкого языка, а также – ряд особенностей, вообще не свойственным тюркским языкам (в частности, особое управление глаголов. Построение придаточных предложений европейского типа: со сказуемым – глаголом в личной форме и союзами, «славянский» порядок слов в предложении и др.).

Изучение морфологических и синтаксических особенностей гагаузского языка (по материалам Мошкова) привело Н.К. Дмитриева к следующему важному выводу:

«Гагаузский язык, в основном принадлежащий к языкам тюркской системы, испытал, однако, столь значительное влияние славянских и румынского языков, что к моменту наблюдений Мошкова не только фонетика. Но и особенно синтаксис довольно далеко отошли от обычного строя тюркских языков с их обусловленным порядком слов, специфической структурой сложного предложения и т.д.»⁷. В то же время Дмитриев рассматривал свой анализ языка гагаузских текстов, записанных Мошковым, как своего рода введение к изучению современного, живого гагаузского языка.

Ещё две статьи Н.К. Дмитриева по гагаузскому языку были опубликованы только после его безвременной кончины (он скончался в Москве в декабре 1954 г. в возрасте 56 лет).

Статья Н.К. Дмитриева «Долгие гласные в гагаузском языке»⁸ посвящена анализу

вторичных долгих гласных, которые образовались путём стяжения. Методом сопоставления многих гагаузских слов (с долгими гласными и без них) с теми же словами в турецком, в азербайджанском и туркменском языках, было убедительно доказано, что гагаузские долгие гласные имеют фонематическое значение (т.е. являются самостоятельными фонемами).

Заметим, что в то время в гагаузском языке ещё не были выявлены тюркские слова с первичными (этимологическими) долгими гласными, которые, судя по орхонским и енисейским письменным памятникам VII века, существовали как особые фонемы в языках ряда древнетюркских племён.

В статье «К вопросу о словарном составе гагаузского языка» Н.К.Дмитриев, на основе анализа гагаузско-русского словаря В.А.Мошкова, рассмотрел словарный состав гагаузского языка конца XIX в. с точки зрения происхождения слов и пришёл к выводу, что «большинство гагаузских слов, несомненно, тюркские»⁹. Продолжая линию сопоставления гагаузского и турецкого языков, Н.К.Дмитриев привёл более ста примеров семантических отличий гагаузской лексики от турецкой, т.е. показал, что многие слова в гагаузском языке имеют другие значения, чем в турецком языке. Он выявил также пласты заимствованных слов в гагаузском языке: греческий пласт, романский (главным образом, молдавские и румынские заимствования) и славянский пласт (заимствования из болгарского, русского и украинского языков).

Таким образом, в четырёх статьях проф. Дмитриева дано описание многих характерных черт гагаузского языка, что положило начало его всестороннему исследованию в российской тюркологической науке.

В послевоенные годы (1948-1951) московские и ленинградские студенты и аспиранты проф. Дмитриева ездили на языковую практику и для сбора материалов по своим дипломным работам и диссертациям в гагаузские сёла Молдавской ССР и Украинской ССР.

В результате этого в Москве были написаны и защищены две кандидатские диссертации по гагаузскому языку¹⁰. В Ленинграде была написана и защищена кандидатская диссертация по гагаузскому песенному фольклору¹¹.

С 1956 по 1961 год в секторе тюркских языков Института языкознания АН СССР в Москве велась работа по созданию научной грамматики современного гагаузского языка¹². Эта монография была основана на языковом материале, собранном автором во время экспедиций в гагаузские сёла Молдавской ССР в 1956, 1957, 1959, 1960, 1961 гг. Была использована также первая печатная литература на гагаузском языке, вышедшая в Кишинёве в 1957-1962 гг.: газеты, школьные учебники для начальных классов, первый фольклорно-литературный сборник¹³.

После опубликования в 1964 г. первой в истории тюркологии академической грамматики гагаузского языка этот язык прочно вошёл в научный обиход. Данные современного гагаузского языка стали использоваться тюркологами всего мира.

Во II томе серии «Языки народов СССР

Наряду с очерками по другим тюркским языкам помещён также очерк «Гагаузский язык»¹⁴.

Достойное место занял младописьменный гагаузский язык и в серии «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху», где в очерке

«Гагаузский язык»¹⁵ освещена история создания гагаузской письменности (1947-1957 гг.), раскрыта диалектная база гагаузского письменного языка, изложены принципы разработки орфографии и терминологии, другие научные вопросы, относящиеся к созданию и развитию гагаузского письменного языка.

В 60-70-е годы в Институте языкознания АН СССР в Москве, под руководством Л.А.Покровской были написаны и успешно защищены три кандидатские диссертации по гагаузскому языку: по диалектологии¹⁶, синтаксису¹⁷ и лексикологии¹⁸. В 1965 г. в городе Баку была защищена кандидатская диссертация по сложноподчинённому предложению гагаузского языка¹⁹.

В различных тюркологических сборниках и научных журналах публиковались статьи по отдельным вопросам гагаузской грамматики, диалектологии и орфографии²⁰.

За рубежом гагаузским языком занимались в 60-е и 70-е годы польский тюрколог Владимир Зайончковский и румынский тюрколог Владимир Дримба. В.Зайончковский в 1957 и 1958 гг. ездил в гагаузские сёла северо-восточной части Болгарии, где записал фольклорные тексты (сказки, песни, загадки, поговорки и поговорки), которые он затем опубликовал в своих работах²¹. В обобщающей книге В. Зайончковского «Язык и фольклор гагаузов Болгарии» (на польском языке, Краков, 1966)²² представлено краткое описание фонетики, морфологии и синтаксиса гагаузских говоров Болгарии и помещены все собранные им фольклорные тексты.

Владимир Дримба в конце 50-х–начале 60-х годов провёл исследование фонетики языка буджакских гагаузов на основании трудов В.А.Мошкова, гагаузско-румынского словаря М.Чакира (1938), статей Н.К.Дмитриева по фонетике гагаузского языка и исследования фонетики современного гагаузского языка Л.А.Покровской²³. Работы В.Дримбы опубликованы в Бухаресте на румынском языке²⁴ и в переводе на русский язык²⁵. В. Дримба исследовал также некоторые грамматические особенности гагаузского языка²⁶ и дал характеристику гагаузских говоров в северо-восточной Болгарии (по материалам В. Зайончковского)²⁷.

В 1974 г. была защищена в качестве докторской диссертации монография Л.А.Покровской «Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении»²⁸. В первой её части дано описание типов простого и сложного предложения современного гагаузского языка, а во второй части исследованы выявленные автором особенности синтаксиса гагаузского языка, которые развились в нём, в основном, под влиянием балканских языков ещё в период жизни гагаузов в северо-восточной Болгарии (до XIX в.), а в XIX и XX вв. – под влиянием русского языка в южной Бессарабии (Буджаке).

До 90-х годов XX в. актуальным было изучение и гагаузско-русского двуязычия, так как гагаузы, живущие в пределах Республики Молдова, после окончания Второй Мировой войны (1945 г.) вновь стали учиться в русских школах (после перерыва с 1918 по 1945 гг.) и вновь пользоваться русским языком как языком межнационального общения. Этой теме посвящена кандидатская диссертация Н.Т. Жековой²⁹, защищённая в 1991 году в Москве.

Следует отметить, что наиболее интенсивно исследование современного гагаузского языка велось со второй половины 50-х годов до середины 80-х годов. Была написана и издана научная грамматика гагаузского языка, изучены его диалекты,

проведена значительная работа по изучению лексического состава. С 1963 по 1973 гг. велась большая работа по составлению и изданию гагаузско-русско-молдавского словаря³⁰. Все эти труды заложили лингвистический фундамент современного научного гагаузоведения.

К концу 80-х годов историческая реальность сложилась так, что на первый план выступила необходимость дальнейшей разработки гагаузской письменности (алфавита и орфографии на базе латинской графики), создания терминологии в различных областях знания и оформления нормированного литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА:

- ¹ Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение. Т. 44, № 1, 1900; т. 48, № 1, т. 49, № 2, т. 51, № 4, 1901; т. 54, № 3, т. 55, № 4, 1902.
- ² Мошков В.А. Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племён. Изд. акад. В. Радловым, т. X, СПб., 1904.
- ³ Транскрипция – это система знаков для точной записи устной речи.
- ⁴ Ciachir M. Gagauzlarân istorieasâ. Chişinău, 1934.
- ⁵ Ciachir M. Dicţionar gagauzo (tiurco) – român. Chişinău, 1938.
- ⁶ Дмитриев Н.К. Фонетика гагаузского языка // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962. С. 202.
- ⁷ Дмитриев Н.К. Гагаузские этюды // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962. С. 251.
- ⁸ Дмитриев Н.К. Долгие гласные в гагаузском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. I. Фонетика. М.: АН СССР, 1955. С. 203-207.
- ⁹ Дмитриев Н.К. К вопросу о словарном составе гагаузского языка // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962. С. 273.
- ¹⁰ Гафаров Б.Г. система спряжения в гагаузском языке. АКД. М., 1951; Калякина-Каледина Т.Г. Порядок слов в простом предложении гагаузского языка. АКД. М., 1955. К сожалению, авторы диссертаций не продолжили исследования гагаузского языка.
- ¹¹ Покровская Л.А. Песенное творчество гагаузов. АКД, Л., 1953.
- ¹² Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. (298 с.).
- ¹³ Буджактан сесләр. Литература йазылары. Кишинёв, 1959.
- ¹⁴ Покровская Л.А. Гагаузский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М.: Наука, 1966. С. 112-138.
- ¹⁵ Покровская Л.А. Гагаузский язык // Основные процессы внутроструктурного развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков. М.: Наука, 1969 С. 211-235.
- ¹⁶ Тукан Б.П. Вулканештский диалект гагаузского языка. АКД. Кишинёв, 1965.
- ¹⁷ Гайдаржи Г.А. Типы придаточных предложений в современном гагаузском языке. АКД.М., 1971. Монография Гайдаржи Г.А. была издана в двух частях: Гайдаржи Г.А. Гагаузский синтаксис. Относительное и бессоюзное подчинение придаточных. Кишинёв, 1973; Он же: Гагаузский синтаксис. Придаточные предложения союзного подчинения. Кишинёв: Штиинца, 1981.
- ¹⁸ Сычёва В.А. Арабские и персидские лексические заимствования в гагаузском языке. АКД. М., 1974.
- ¹⁹ Танасоглу Д.Т. Сложноподчинённое предложение в современном гагаузском языке. АКД. Баку, 1965.
- ²⁰ Колца Е.К. Орфография гагаузского языка // Орфографии тюркских литературных языков. М., 1973; Она же. Образование сложных слов в гагаузском языке // Исследования по лексикографии и лексикологии. Кишинёв, 1973; Покровская Л.А. Гагаузско-турецкие фонетические параллели // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971; Она же. Инфинитив и его употребление в гагаузском языке // Тюркологические исследования. М.: Наука, 1976; Она же. Специфика развития гагаузского языка в иноязычной среде // Лингвистическая география, диалектология и история языка. Ереван, 1976; Lyudmila A. Pokrovskaya. Gagauz dilinin ve Balkan türk ağızlarının bası sentaks özellikleri // Bilimsel

- bildiriler, 1972. Ankara, 1975 и др.
- ²¹ Włodzimierz Zajczkowski. Terminologia zwierząt domowych u Gagauzów // Rocznik orientalistyczny. T. XVII. Kraków, 1952. P. 386-392; Он же. Gagsyjskie teksty folklorystyczne // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски. София, 1960. С. 855-886; Он же. Пословицы и поговорки гагаузов из Болгарии // Folia Orientalia. Vol. V, 1962. P. 127-164; Он же. Vocabulaire gagaouze-français // Folia Orientalia. Vol. VII. Kraków, 1965-1966.
- ²² Włodzimierz Zajczkowski. Język i folklor gagauzów z Bulgarii. Kraków. 1966.
- ²³ Покровская Л.А. Основные черты фонетики современного гагаузского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. II. Баку, 1960. С. 170-190.
- ²⁴ Vladimir Drimba. Aspecte din fonetică găgăuă // Fonetică și dialectologie. Vol. II, 1960. P. 121-129; Он же. Cercetări asupra foneticii găgăuă. (I, II) // Studii și cercetări lingvistice. Anul XII, 1961, № 3. P. 399-419; № 4. P. 555-575.
- ²⁵ Владимир Дримба. Исследования по фонетике гагаузского языка (I-II) // Revue de linguistique. T. VI, 1961, № 2. P. 239-258; T. VII, 1962, № 1. P. 141-169.
- ²⁶ Drimba V. Sur le vocatif en gagauye // Acta orientalia Hung. T. XIII, fasc. 3. P. 253-260; Он же. Etudes gagaouzes (I). L'origine des mots paroxymons terminés par -u, -ü et -I // Revue roumaine de linguistique. T. IX, 1964, № 2. P. 203-211. Etudes gagaouzes (II). Les derives en -ka // Там же. № 3. P. 325-331.
- ²⁷ Drimba V. Remarques sur les parlers gagaouyes de la Bulgarie du Nord-Est // Rocznik orientalistyczny. T. XXVI, zeszyt 2. Warszawa, 1963.
- ²⁸ Покровская Л.А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978.
- ²⁹ Жекова Н.Т. Функционирование и развитие гагаузско-русского двуязычия. АКД. М., 1990.
- ³⁰ Об этом словаре см. в разделе «Лексика».

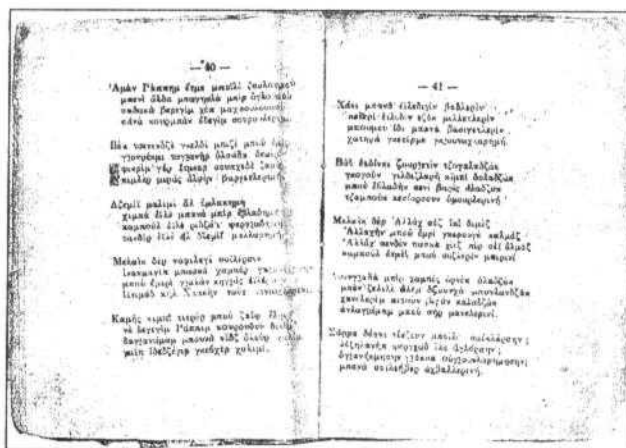
ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ГАГАУЗОВ XIX – НАЧ. XX ВВ.

В XIX веке у гагаузов появились религиозные и светские книги, написанные по-турецки греческим алфавитом. По определению профессора Н. К. Дмитриева, этот язык представлял собой турецкий говор с элементами анатолийских диалектов, напоминал язык балканских гагаузов, но назывался караманлийским¹. Религиозную литературу на караманли печатали типографии митрополита Серафима Ангорского и митрополита Паисия Кессарийского, её также выпускал священник Сергей из Невшехира. Эти книги издавались, в основном, в пределах Османской империи, а некоторые печатались в различных городах Европы, например, в Лондоне, Одессе и др. Необходимо отметить, что караманлийскую литературу издавали представители православия и протестантских церквей. Вместе с религиозными книгами стала появляться и светская литература². С 1711 по 1935 гг. вышли в свет около тысячи наименований книг на языке «караманли»³. Некоторые произведения караманлийской литературы в течение XIX в. стали частью духовной культуры гагаузов.

В записках «Гагаузы Бендерского уезда» русского этнографа Ф.А.Мошкова также рассказывается о литературе на караманли. «Книги свои они печатают по-турецки, – отмечает Мошков, – но греческими буквами, и вот эти-то книги, которые они приносят с собой на продажу в Бессарабию, и привлекают к ним симпатию гагаузов. Свои книги караманли ценят довольно дорого, а поэтому редкому из гагаузов удаётся их приобрести, но у кого они есть, тот, как говорится, ценит их на вес золота»⁴. Этнограф подчёркивает, что книги имели духовное содержание: главы из Библии, Евангелие, псалтирь, молитвенник. В сборниках духовных стихов шла речь о Богатом и Лазаре, об Алексее, божьем человеке, о принесении Авраамом в жертву Исаака. Любопытен рассказ автора о любителе караманлийских книг из Бешалмы, при этом поясняет, что

Страницы книги "Aleksios – Allahın adamı"
("Алексис – Божий человек"). Книга была обнаружена
в 2004 г. в с. Баурчи Каушанского р-на

Фрагмент песни об Аврааме (конец XIX в.)

и замечает, что «стих об Аврааме, приносящем в жертву своего сына Исаака, некоторые из гагаузов переделали с караманлийского печатного текста на свой язык и поют его в сильном искажении и с большими пропусками»⁵.

Болгарский учёный И. Градешлиев пишет в связи с христианством гагаузов, что «его поддержание связано с особенным видом церковной литературы – караманлийской, с помощью которой, очевидно, утверждается часть религиозной лексики греческого происхождения»⁶. Это подтверждает С. Кабакчиев, который пишет о периоде крымской войны 1859–1861 гг., что в г. Варна «среди христиан преобладали гагаузы, а турецкий язык используется в обиходе всеми народностями, включая церковную службу»⁷.

В предисловии к книге «Народные песни гагаузов Молдовы» Е. Квилинкова пишет: «На Балканах и долгое время после переселения в Бессарабию получали знания о христианской истории из караманлийской религиозной литературы».

Гагаузский фольклорист и музыковед Василий Ёкюзю, рассказывая о своей жизни в Бессарабии 30-х годов, вспоминал о хождении среди гагаузов караманлийских книг⁸.

Кое-что из этого наследия дошло до нас. Например, в историко-этнографическом музее села Бешалма находится «Псалтырь»⁹. Жительнице села Баурчи Каушанского района от отца перешла книга «Алексиос Аллахын адамы» («Алексиос – божий человек»)¹⁰. Некоторые письменные памятники на «караманли» сохранились и у гагаузских священников. Конечно же, сегодня караманлийская книга – большая редкость, но до сих пор фольклористы записывают у жителей гагаузских сёл Бессарабии христианские песни, молитвы, фрагменты текстов жития святых, имеющих караманлийскую основу¹¹. В книге Е. Квилинковой «Moldova gagauzları halk türküleri» («Народные песни гагаузов Молдовы») (2003 г.) опубликованные материалы свидетельствуют об этом.

Исследователи гагаузского языка и фольклора отмечали влияние, которому подвергся гагаузский язык в период проживания гагаузов в пределах Османской империи. Учёный В. А. Сычёва выявила в современном гагаузском языке более тысячи арабских и персидских слов, признавая при этом самостоятельность гагаузского языка¹².

подобных знатоков в селе было несколько. Даже по нынешним меркам 30-летний крестьянин Пётр Капсыз был уникам. Ревностное участие в богослужениях помогло ему овладеть русским и молдавским языками, на которых он свободно читал и писал. Молитву же Господу и Символ веры Капсыз читал на наречии караманли. «Надо было видеть, какую сенсацию вызывало всякий раз между гагаузов это чтение» – пишет Мошков

Выдающийся лингвист Л.А. Покровская исследовала влияние на гагаузский язык караманлийской религиозной литературы. И обнаружила целую группу религиозных терминов мусульманского происхождения¹³. Но при этом учёный подчёркивает, что, «несмотря на территориальную и лингвистическую близость гагаузских и турецких говоров в северо-восточной Болгарии, трудно предположить, что гагаузы-христиане могли заимствовать арабские и персидские термины устным путём от турок мусульман в процессе непосредственных контактов. Все эти мусульманские термины переосмыслены в гагаузском языке в соответствии с понятиями христианской религии». Анализируя гагаузскую христианскую терминологию, Л. А. Покровская пишет, что «религиозная терминология у караманлийцев и гагаузов почти полностью совпадает», «влияние караманлийской религиозной литературы на гагаузские религиозные термины является бесспорным». Таким образом, можно сделать вывод, что как на Балканах, так и в Бессарабии, проникновение караманлийской литературы в культуру гагаузов, в первую очередь, происходило посредством православной церкви. Если печатная продукция на «караманли» имела ограниченное хождение среди гагаузов, то чтение в церкви молитв, символа веры и других православных текстов, приобщало к караманлийской христианской литературе широкие массы прихожан. Эту традицию развил протоиерей М. Чакир, осуществив перевод всех религиозных текстов, необходимых для богослужений, на гагаузском языке. Практическому осуществлению задуманного помешали исторические реалии. Но эта работа не прекращалась и после Чакира, она продолжается и по сей день.

Кроме книг на караманли, выходила и другая религиозная литература на гагаузском языке. Известен «Псалтырь», напечатанный в 1810 г. в Австрии¹⁴. В библиографическом справочнике П. Драганова находим информацию, что в 1875 г. в городе Варна был издан гагаузский молитвенник, издатель которого – некто Паничков¹⁵. В 1927 г. в Софии было издано «Евангелие от Иоанна»¹⁶ на гагаузском языке священником И. Тодоровым и доктором С. Томовым.

Продолжателем традиций христианской тюркоязычной литературы, принесённой с Балкан, стало гагаузское православное духовенство на территории Бессарабии. Во многом это случилось благодаря видному гагаузскому просветителю протоиерею

9 "Ἰμτι σὶζ φοίλε τοῦ ἐτίν· Για κολερτέ ὄλιν Πετερ-
ιμίξ, ἰσμίν μοκαττέξ ὄλασίν·

10 Πατὶθαχλῆρῆν κελσίν· ἰρατετίν κότεκί ἐπὶ γῆρ
ὄξερντέ ταχί ὄλασίν·

11 Χέρ κόνκὶ ἐκμεγίμιζὶ πιζέ ποι κόν βέρ·

12 Βέ πιζέ πορτζλαρημηζή παγηθλά, νίτζε κὶ πιζ ταχί
πορτζλαουλημηζή παγηθλάρῆ·

13 Βέ πιζὶ ἰμτιχάνα κέτιρме, ἄλλα πιζὶ γιараμζῆтā
коуртāр·

Молитва Господни на языке караманли

В главе «Верования» В. А. Мошковой пишет: «Самое бо́льшее место гагаузской религиозной жизни – это то, что первоначально богослужение совершается на непонятных для него языках, славянском и молдавском. Мы уже упоминали ранее, что некоторые священники доживают своим прихожанам гагаузам читать в церкви «Отче наш» на «Симпол вера» на языке караманли. Вот так звучит пост-гагаузский текст этих двух молитвословий»:

Молитва Господни. Ят окерди олап бобамыз, сени адин аналсан. Падинахлани гелсин, сени куветтин гьвгт гийн ердя да олуи. Гинкелик екомесин и верь бити бу гови. Хемь битимь боредримиз баатар, индажъ бити, та бити борчу буаит горис. Хемь бити фелдаа жельверим ива бити фелат акан куртар.

Символ веры. Пинапарис бирь Аллаха Юбая, джамсетинь, кинчасина ери-гько ирдани гьренери ит гьрмесленери нар едока.

Хемь бирь Аллаха Инсуз Христос Аллахан бирь. Окуна илет ин баштан дуумун олаи, нурдан нур, хак Аллахтан хак Аллаха дуумун, ама ирдиктамыш Аллахан бирь тайбетег ир, себебик ектан нар олу.

Битимь-гити гинохкверар ичин, хемь битимь хербирь гинохларма гининь, гелсининь, Марнлао высантук кызфетинь гериш пысан олу.

Бу старора геривди Пантос Ислахосун говновидя илет чекти гьмьвалдо ит старора геривди.

Ит кин гьаран сойдемесинь гори йуч говонь арасында месардан диривди.

Ит гьокларя чыкки Аллахан сая гарифанда отурду.

Ит гьей бююк куветтин гелсежък елолери ит диридерин джавасын кесип гьрмьа, овуни джавасын сону ектур.

Пинапарис бирь а нуруха гини гьмьр вереджя Аллахан аналмыш Аллахан аналан проворсаран васп еттинилан сойдемь.

Пинапарис бирь доору Аллаха Анодалсаран висетъ еттинди клиселери.

Пинапарис бирь гинохларан прост-омасы ичин

Гелки гьмьрлерин диривамсинь.

Тюкельме накылапк беклесине. Амин.

ЕВАНГЕЛИА ДЪРЪ ПАСКЕЛЪ ПЕДЪЛЪ ПЪСЕРЪЛЪ ДЪ ДЪСЪ

(евангелие Марка, глава 120-а)

Библия Дж. С. Магистроне евангелие, отъ галатъ, Маркандъ.

15 пав. 16 — 41 стр. (67 кашавей).

Израилю Падшадъ Христѣхъ шинди старозданъ шинди, ни вѣзи 32
гирани ханъ онѣ инваландъ. Онѣманъ караваръ староздъ гирани-
ларъ да онѣ штинерарданъ¹⁾. Ни галатъ аатий галатинди, доудъ са- 33
адъ надаръ, штинди ерѣ индонди каравандъ оалдъ. Хинъ доудъ са- 34
аттѣ Инѣхъ некъ сѣманъ каравандъ, динди: Васнъ, Фелъ, лавандъ сакауданъ,
хѣнъ динотиръ²⁾, Палаурѣхъ, Палаурѣхъ шѣнъ Пини браванди³⁾. Ни 35
оралъ Абраварданъ шинди шинди, динди: шти Пини чаварѣ.
Хинъ шти надаръ штинди шти шти шти динди хѣнъ шти са- 36
авандъ⁴⁾ штинди, онѣ штинди, динди: штинди, лавандъ, Пини онѣ
штинди штинди⁵⁾. Ни Инѣхъ шинди шти шти штинди, динди 37
штинди. Хинъ штинди штинди штинди штинди штинди⁶⁾ штинди. Хинъ 38
онѣхъ штинди, штинди Абрава инваландъ штинди штинди, ни штинди
штинди, динди штинди, динди: штинди штинди штинди штинди 40
Хинъ штинди штинди штинди штинди да штинди, хинъ штинди штинди
штинди штинди, хинъ штинди штинди штинди штинди штинди штинди 41
штинди штинди, штинди штинди, штинди штинди, штинди штинди.

Страница из Евангелия на гагаузском языке.

Переводчик М. Чакир, 1910 г.

Gagauzlarân istorieacă» («История гагаузов Бессарабии»). В 1936 г. М. Чакир опубликовал на румынском языке статью «Obiceiurile Găgăuilor la nunți» «Свадебные обряды гагаузов». В 1935 г. была напечатана в Бухаресте «Евангелие от Марка» на гагаузском языке «Ai (Aiozlu) Evanghelia Markudan»¹⁹.

Библиографический справочник П. Драганова содержит сведения о том, что в 1879 г. германский генеральный консул в Одессе Блау Отто Г. опубликовал в журнале «Zeitschrift der Deutschen Morgenländisch en gesellschaft B.XXIX» статью «Volksthum und Sprache der Kumanen»²⁰, в аннотации к которой П. Драганов о первоисточниках по языку гагаузов сообщает, что «была сделана попытка перевести на этот язык одну трагедию Еврипида и этот отрывочный перевод напечатан греческими буквами». В 1878 году в Афинах²¹ вышла в свет поэма Д. Крахтоглу на греческом языке, посвящённая Каварненскому восстанию. Фольклор, собранный В.А. Мошковым, впервые появился в 1896 году в сборнике «Известий Общества Археслогии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете» в статье «Материалы этнографические. Гагаузские тексты»²². Самый объёмный материал по гагаузскому фольклору «Наречия бессарабских гагаузов» вышел в 1904 г. в сборнике «Образцы народной литературы тюркских племён», изданном академиком В.В. Радловым²³. В 1933 г. статья, посвящённая песенному творчеству и этнографии села Конгаз²⁴, была опубликована уроженцем этого села Г. Занетовым. Устное народное творчество, собранное А. Мановым, вошло в его книгу «Происхождение гагаузов, их обычаи и нравы»²⁵. Этот труд появился в Варне в 1938 г.

Михаилу Чакиру. Сучреждением в Кишинёве переводческой комиссии в 1906 г., которую возглавил протоиерей, появились переведённые на гагаузский язык «Евангелие», «Псалтырь», «Часослов», «Акафист», «История святых» и других церковных книг¹⁷. Одновременно Чакир издавал православную газету на гагаузском языке «Хакикатын сеси»¹⁸ («Голос истины»). Употребление им арабско-персидских слов и выражений доказывают, что переводчик использовал в своей работе арсенал караманлийского языка. Архиепископ Владимирский и митрополит Макарий (с обоими протоиерей Чакир встречался в 1907 году), высоко оценили христианскую литературу на гагаузском языке.

В 30-е годы М. Чакир продолжил свою переводческую и издательскую деятельность, на гагаузском языке с использованием румынского алфавита. В 1934 г. была опубликована книга «Basarabieală

Особое место в истории языка занимает литература гагаузских авторов на русском языке. В 1891 году братья Фазлы перевели стихи А.С. Пушкина²⁶. Но и здесь авторами-первопроходцами оказались Чакиры. Дмитрий, например, написал «Биографический очерк рода и фамилии Чакир»²⁷, увидевший свет в 1897 году. Сыну протоиерея, Михаилу, удалось освоить жанр, дотоле малознакомый гагаузам – драматургию. Пьесы этого самобытного автора, офицера царской армии и достойного потомка династии просветителей, остались неизвестными широкому читателю и ещё ждут своего открытия. Литературное наследие драматурга составляют пять больших пьес: это драмы «Тело женщины», «Дым и огни», трагедия-хроника «Прибои войны»²⁸, и две комедии – «Ты не мужчина», «Сватовство товарища делегата». В числе переселенцев, которые из Бессарабии перебрались в Бразилию, оказался Емельян Стойков. Добровольцем в составе интербригады он воюет на гражданской войне в Испании. Его корреспонденции из окопов публиковались в журнале «Красная Бессарабия», который издавался бессарабским землячеством в Москве²⁹. Белым пятном в истории гагаузской литературы остались этнографические исследования Х.А. Монастырлы³⁰.

В 30-е годы в румынских газетах и журналах появляются материалы представителей гагаузской интеллигенции. Один из них – учитель из гагаузских школ В. Касым³¹ из с. Авдарма.

Малоизвестной частью гагаузской литературы являются авторы, жившие в Турции в 30-е годы XX века. Среди них – писатель Доган Дан, автор повести «Akıncılar». Уроженец села Кобей П.С. Заврак опубликовал собранные им народные песни и фольклорные тексты в журналах³². В турецкой музыкальной энциклопедии 1947 г. появилась статья музыковеда Василия Ёкюзю «Gagauz halk türküleri»³³ («Гагаузские народные песни»). Кроме специального музыковедческого содержания там есть ряд сведений этнографического характера. Вторая часть этого материала представляет собой краткий этнографический очерк.

Даже этот краткий анализ источников даёт представление, какими духовными ступенями шла гагаузская литература.

ПРИМЕЧАНИЕ:

- ¹ Дмитриев Н.К.. Материалы по османской диалектологии. Фонетика «караманлийского» языка, «Записки коллегии востоковедов» // 1928, т. III. С. 417-458; т. IV. С. 107-159.
- ² Мошков В.А. Турецкие племена на Балканском полуострове (Отчёт о поездке на Балканский полуостров летом 1903 г.) // Известия русского географического общества. Т. X, СПб., 1904, стр. 424.
- ³ Balta E. Periodisation et typologie de la production des livres karamanlis // Deltio cendru mikrasiatikon spudon. Т. XII, Afina, 1997-1998.
- ⁴ Мошков В.А.. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение. Кн. XLIV, № 1, 1900; кн. XLVIII, № 1, кн. XLIX, № 2; кн. LI, № 4, 1901; кн. LIV, № 3, кн. LV, № 4, 1902.
- ⁵ Мошков В.А.. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение. Кн. XLIX, № 2, 1901, с. 42.
- ⁶ Градешлиев И. Гагаузы // Одесса, 1998. с. 70.
- ⁷ Кабакчиев С.. Спомени за града Варна от времето на Крымската война 1853/56 год // ИВАД, 1910. с. 33.
- ⁸ A.R. Önder. Veysel Arseven // Türk Folklor Araştırmaları Dergisi. Ocak 1970, s. 5120.
- ⁹ Псалтырь. Фонд музея с. Бешалма.
- ¹⁰ «Алексиос Аллахын адамы» (личный архив автора).

- ¹¹ E. Kvilinkova. Moldova gagauzları halk türküleri // Kişinöv. 2003, s. 7.
- ¹² Сычѣва В.А. Арабские и персидские лексические заимствования в гагаузском языке // Материалы научно-практической конференции, посвящённой 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Часть I. Т. II.
- ¹³ Покровская Л.А. Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов // Советская этнография, 1997, № 1. с. 139.
- ¹⁴ Чеботарь П.А. Гагаузская художественная литература (50-80-е годы XX в.) // Кишинёв, 1993. с. 6-7.
- ¹⁵ Драганов П. Bessarabiana // Кишинёв. 1911. с. 688.
- ¹⁶ Тодоров И., Томов С. Евангелие от Иоанна // София. 1927.
- ¹⁷ Ciachir M. Basarabiealá Gagauzlarân istorieacă. Chişinău. 1934, p. 36.
- ¹⁸ Булгар С. Гагаузские судьбы // Кишинёв, 2003. с. 27.
- ¹⁹ Doerfer G.. Die gagausische literature // Philologiae Tucicae fundama, t. 1. Wiesbaden, 1959, p. 260-272.
- ²⁰ Драганов П. Bessarabiana // Кишинёв. 1911. с. 80.
- ²¹ Крахтоглу Д.К. Чееркезките кланета в градеца Каварна и в околните му гръцки села. Перевод с греческого в прозе Х. Кодова. Стилевая обработка Д. Кисьова // Каварна от древността до освобождението. Съставители В. Василев, Ц. Генев, Д. Кисьов. София, 1984, с. 230-252.
- ²² Мошков В.А. Материалы этнографические. Гагаузские тексты // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. Казань. 1896. т. 12, вып. 2.
- ²³ Мошков В.А. Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племён (сборник, изд. Акад. В.В. Радловым), т. X, СПб., 1904.
- ²⁴ Занетов Г. Български народни песни от с. Конгазъ, Бесарабия // София. 1933.
- ²⁵ Манов А.И. Потеклото на гагаузите и тяхните обичаи и нрави // Варна, 1938.
- ²⁶ Чеботарь П.А. Гагаузская художественная литература (50-80-е годы XX в.) // Кишинёв, 1993. с. 7.
- ²⁷ Чакир Д.Г. Биографический очерк рода и фамилии Чакир // Кишинёв, 1899.
- ²⁸ Булгар С.С. Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. // Кишинёв, 2005, с. 113.
- ²⁹ Булгар С. Гагаузские судьбы // Кишинёв, 2003. с. 57.
- ³⁰ Булгар С. Гагаузские судьбы // Кишинёв, 2003. с. 38.
- ³¹ Булгар С. Гагаузские судьбы // Кишинёв, 2003. с. 72.
- ³² Doerfer G.. Die gagausische literature // Philologiae Tucicae fundama, t. 1. Wiesbaden, 1959, p. 260-272.
- ³³ V. Arseven. Gagauz kompozitörü müzikolođu ve folklorcusu // Ankara, 2004, s. 35.

ГАГАУЗСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Каждая литература так или иначе связана с устным народным творчеством. Аксиомой считается закономерность: чем менее развиты письменные национально-художественные традиции, тем сильнее связь литературы с фольклором. Бывает даже так, что на начальном этапе развития литература и фольклор неотделимы друг от друга и существуют как единое целое. Не случайно первая книга на гагаузском языке, опубликованная в 1959 г. с использованием гагаузского алфавита, представляла собой фольклорно-литературный сборник.

Национально-художественные традиции складываются, с одной стороны, путем унаследования идейных, жанровых и языковых особенностей национального фольклора, с другой стороны, – под влиянием традиций соседних, более развитых литератур. Для развития младописьменной гагаузской литературы огромное значение имеют достижения русской и молдавской художественных традиций.

Каждый гагаузский писатель в той или иной степени может считать себя фольклористом. Д. Танасоглу, Н. Бабоглу и М. Дурбайло опубликовали фольклорные сборники. Богатые коллекции произведений устного народного творчества собраны в архивах Д. Карачобана, С. Куроглу, Г. Гайдаржи, Е. Колцы, М. Кёся.

До утверждения письменности гагаузский фольклор также был объектом сбора и исследования. Например, русский ученый-этнограф В. А. Мошков в конце XIX – начале XX в. посетил ряд гагаузских сел в Буджаке и на Балканах и собрал там богатый фольклорный материал, опубликованный им в научных изданиях. Отдельные фольклорные произведения выходили в свет в 30-е гг. в Кишиневе благодаря усилиям просветителя М. Чакира. Наконец, в 1950 г. советский тюрколог-гагаузовед Л. Покровская собрала гагаузский песенный фольклор, научное исследование которого завершилось написанием и защитой кандидатской диссертации.

Развитие поэзии как литературного жанра органично связано с фольклорно-песенными традициями. Ведь по сути своей песни как раз и представляют собой жанр народной поэзии. С введением официальной письменности на гагаузском языке были созданы благоприятные условия для развития письменной поэзии. И не случайно многие стихи гагаузских поэтов конца 50-х – начала 60-х гг. стали песнями и получили широкое распространение в народе. Среди гагаузов и ранее было немало сочинителей песен, а когда появилась возможность публиковать свои произведения на родном языке, поэты-песенники как бы легализовались.

Интересное свидетельство о песенном творчестве гагаузов конца прошлого века оставил выдающийся русский гагаузовед В.А. Мошков: "Песни вырастают в таком же изобилии, как листья на дереве, так как сочиняются чуть ли не каждым индивидуумом. Иногда они, как и листья, увядают, не успев расцвести, так как не идут дальше своего автора. Иногда же они имеют временный успех, и тогда существование их несколько продолжительнее, так как подобные песни перенимают и распевают многие

знакомые автора. Но если они не имеют глубокого смысла и общечеловеческого значения, то с течением времени также засыхают и уносятся “рекой забвения”. Только весьма немногие из всей этой многочисленной массы песен имеют шансы пережить своего автора, получить широкое распространение и обогатить умственное достояние народа. ...В сфере созидания тюркю (песен. – П.Ч.), – продолжает В.А.Мошков, – народное творчество гагаузов также еще пока не иссякло. Так, у гагаузов существуют еще присяжные стихотворцы, своего рода баяны, занимающиеся сочинением песен как ремеслом”. Эти слова были написаны в 1901 г.

В с. Гайдар Чадыр-Лунгского района Гагаузии живет еще один сочинитель и исполнитель собственных песен – Пётр Георгиевич Чеботарь. Уровень его текстов нельзя назвать профессиональным, но в силу ряда других достоинств его творчество пользуется успехом у земляков. Довольно виртуозный аккордеонист, П.Г. Чеботарь не только сочиняет новые песни, но и обрабатывает уже известные, приспособлявая их под местные условия. Популярности этих песен может позавидовать иной профессионал. Достаточно сказать, что они записываются любителями на магнитофонную ленту и “ходят по рукам”.

Таких поэтов-певцов в гагаузских селах немало. Их творчество существует как бы вне литературы, но гагаузским поэтам-профессионалам, думается, есть чему поучиться у местных “акынов”, часто умело интегрирующих устную народную и официально-письменную песенные традиции.

Гагаузские поэты, опираясь на традиционную фольклорную поэтику, также создают произведения, со временем переходящие в разряд народных.

К числу специфических и наиболее распространённых жанров гагаузского фольклора относятся поэтические четверостишия маани.

Главные черты поэтики этого жанра – краткость (отсюда – оперативность), образность, меткость. Точная, звучная рифма – неперменный компонент маани. Основной способ рифмовки – ааба, но изредка встречается и парная рифма: аабб. Данный жанр оказал сильное воздействие на творчество поэтов. Едва ли не у каждого гагаузского стихотворца есть свои циклы маани.

Как правило, маани по содержанию делятся на две части: в первой даётся какая-нибудь картина или деталь, имеющие отношение к явлениям природы, вторая часть представляет собой сообщение (наблюдение, шутку, мечту) любого ного, бытового или исторического содержания, она всегда неожиданна и призвана создать комический эффект, который достигается тем, что между первой и второй частями маани логической связи не существует. Целостность этому жанру придают единство формы, четко выдержанные размер и рифма.

Профессиональные поэты расширили жанровые границы маани и обогатили их тематику. Появились четверостишия о колхозах, о полётах в космос, о строительстве новой жизни. Традиционная тематика маани стала нарушаться.

Заметный след оставили фольклорные влияния и на гагаузской литературе для детей. Здесь также встречаются различные атрибуты фольклорной поэтики: всякого рода присказки, зачины народных сказок, загадок, считалок, песенок. Например, “дана-дана-дастана”, “нани-нани-нани-на”, “кон-кон-келебек” (“садись-садись, лбочка”) и т.д.

Таким образом, в творчестве гагаузских писателей значительную роль играют традиции устного народного творчества. В одних случаях используется сюжет, в других – заимствуются отдельные мотивы и поэтические приемы, в третьих – лексико-фразеологические черты. Но в целом – и это самое главное – из фольклора литераторы заимствуют “самый взгляд на природу и человека, а вместе с тем и те живительные народные соки, которыми питается национальное чувство”.

Безусловно, художественная литература более тесно соединена с фольклором на изначальном этапе. Со временем эта связь ослабевает, но никогда полностью не исчезает. Как показывает опыт больших литератур, фольклор воздействует на литературу в разные времена, в том числе в эпоху всеобщей грамотности и расцвета литературы. Этот неиссякаемый источник народного опыта и философии жизнеспособен до тех пор, пока живы народ и его духовная культура.

***

Николай Танасоглу

Одним из первых гагаузских писателей-просветителей был Николай Георгиевич Танасоглу (1895-1970). Его литературная деятельность начинается до введения гагаузской письменности (1957), но наиболее плодотворно она развивается в конце 50-х – 60-е гг.

Детство будущего писателя прошло в родном селе Кириет-Лунга. С ранних лет приходилась помогать родителям в нелёгком крестьянском труде. Учился он сначала в сельской школе, затем поступил в Реальное училище г. Комрата, которое закончил в 1917 г. В 1918—1940 гг. работал учителем. В 1940 г. Н. Танасоглу был назначен директором школы. Он сразу же взялся за большую разъяснительную работу среди родителей, многие из которых в силу консервативных традиций не желали обучать своих детей грамоте. Одновременно Н. Танасоглу активно включился в общественную деятельность. В военные годы (1941—1944) Н. Танасоглу учительствовать не пришлось. После августа 1944 г. Николай Георгиевич вернулся к педагогической деятельности: снова работал директором школы, участвовал в ликвидации неграмотности среди односельчан, был избран делегатом на 1-й республиканский съезд учителей.

К литературной деятельности Н. Танасоглу стал обращаться в конце 40-х гг., уже будучи в зрелом возрасте. Пробовал себя в переводах, писал стихи, рассказы, собирал и обрабатывал фольклор, собирал и систематизировал лексический материал для гагаузского словаря. Но вся его литературно-просветительская деятельность обрела истинный смысл только со введением гагаузской письменности. Появилась возможность публиковаться, выступать на радио и телевидении, перед учащимися школ. В эти годы Н. Танасоглу написал ряд сказок, легенд, баллад. Мотивы и сюжеты, очевидно, почерпнуты автором из устного народного творчества. В качестве примера можно привести небольшую сказку “Кушлар бей сечерляр” (“Птицы

выбирают вожака”). Сюжет сказки простой. Давным-давно собрались все птицы и решили выбрать себе бея, т. е. вожака, лидера. Долго спорили, но не могли сойтись во мнении, кто же достоин стать беем. Наконец, по предложению жаворонка, победителем согласились признать того, кто выше всех взметнется в небо. И тут всем стало ясно, что беем суждено быть орлу – кто может тягаться с ним в этом споре? Но когда началось состязание, жаворонок незаметно для орла гристроился у него на спине и таким образом поднялся выше всех. Остальные птицы сильно отстали. Когда орел достиг высшей точки и обессилел, жаворонок в этот момент оттолкнулся от его спины и взлетел еще выше. Но птицы разгадали хитрость жаворонка, и звание бея справедливо получил могучий орел. С тех пор, говорится в сказке, жаворонок постоянно пытается взлететь как можно выше, но затем резко снижается и повторяет: “Я птичий бей”.

Эта сказка – не просто занимательное повествование для детей, она заключает в себе определенную воспитательную идею: ведь и в человеческой жизни нередко случается так, что некоторые люди стремятся взойти на вершину славы “на чужой спине”.

В балладах Н. Танасоглу “Хайдук Йуван” (“Гайдук Йуван”) и “Андрей” запечатлены картины тяжёлой жизни гагаузского народа на Балканах. Положенные в их основу события отражают свободолюбивый дух народа, его стремление к справедливости.

Н. Танасоглу – один из первых проводников школьного обучения на гагаузском языке. Он принимал деятельное участие в создании первых гагаузских учебников, издававшихся в 1958–1962 гг., занимаясь главным образом разработкой литературных разделов.

В 50-е гг. Н. Танасоглу выступал в печати и как автор стихов. Его поэтический багаж сравнительно невелик. В сборник “Буджактан сесләр” (1959) попало, например, всего три стихотворения. В них явственно слышны отголоски народной поэзии. В жанровом отношении они выполнены под четверостишия маани.

В дальнейшем, особенно в последние годы жизни, Н. Танасоглу больше обращался к прозе. 9 февраля 1970 г. был сдан в набор сборник его рассказов и очерков “Буджак, Буджак...”, а через 13 дней писателя не стало, он так и не увидел свою книгу, не дожив до ее выхода в свет всего нескольких месяцев.

Книга “Буджак, Буджак...” стала итогом литературной работы Н. Танасоглу. В ней сконцентрирован весь литературный и жизненный опыт автора. Книга имеет не только художественное значение, но и историко-познавательное, этнографическое, бытописательское.

Большой по объему рассказ “Софи” (имя главной героини) – пожалуй, лучшее достижение Н. Танасоглу как прозаика. Действие происходит в конце 40-х гг. в одном из гагаузских сёл, названном автором условно Сарылык: “Прошло уже четыре года после окончания войны. Осталась позади голодовка, унесшая из жизни многих селян. Люди, переведа дух, все еще старались вернуться к нормальному ходу жизни, как это бывает после страшного пожара или большого наводнения” (С. 8). Это было то нелёгкое для Бессарабии время, когда стали организовываться колхозы, создавались и укреплялись партийные и комсомольские ячейки. Объектом художественного описания в повести служит семья крестьянина-бедняка Харчу Моти. Сам Харчу

Моти, его жена Матрона и их дочь Софи являются главными героями повести. Их характеры обрисованы наиболее подробно.

Через образ Харчу Моти писатель показал трудности, которые приходилось преодолевать организаторам колхозов в послевоенной Бессарабии. Однако автор по неизвестным причинам, о которых можно только догадываться, не касается одного важного вопроса, без которого историческая правда о колхозном строительстве представляется неполной. Речь идёт о жёстких мерах, порой жестоких репрессиях по отношению к зажиточным крестьянам, не желавшим вступить в колхоз. "Сталинские соколы" зачисляли их в категорию врагов народа и выселяли в отдаленные сибирские края. Теперь мы знаем, что это были волонтаристские перегибы. Возможно, Н. Танасоглу сознательно обошёл данную тему, но и не исключено, что ему препятствовал в этом метод социалистического реализма, превратившийся в определенные годы в застывшую догматическую теорию.

Характер Софи раскрывается не только во взаимоотношениях с родителями, но и ее поведением на работе. Примечателен такой эпизод. Бригадир Ламбу собрал членов своей бригады и сообщил, что надо немедленно начинать косить, хотя все прекрасно понимали, что косить еще рано – колосья влажные. Однако что мог сделать бригадир, если из района поступила соответствующая директива. Правда, колхозный агроном попытался было возразить уполномоченному из района, но в ответ посыпалась брань и последовало страшное по тем временам обвинение во вредительстве. Агроном сразу осёкся. А Софи не побоялась выступить против. "Пусть меня назовут вредителем, – говорит она бригадиру, – а я и скажу, что косить незрелую пшеницу – еще большее вредительство!"

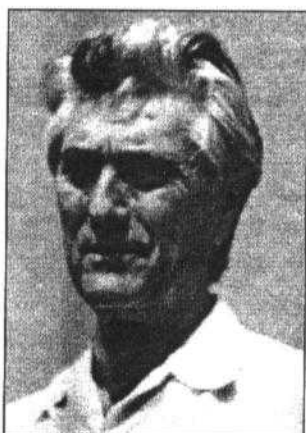
Хотя внешне Н. Танасоглу и склоняется к мысли о прогрессивности новых порядков на селе, вместе с тем объективно он нет-нет да и обнаруживает противоречивость своих взглядов. Например, когда в селе открылся клуб, старые обычаи, такие как хору, посиделки и т. п., постепенно стали забываться, а взамен их ничего равноценного не пришло. В этом проявлялись и противоречие самого времени, и непоследовательность отношения писателя к нему. В конечном итоге картина получалась, надо признать, достаточно реалистической.

В сборник "Буджак, Буджак..." вошли еще два произведения, отнесённые автором к жанру очерка. В действительности они, на наш взгляд, ближе к мемуарной хронике. Здесь и впечатления детских лет, и сохранившиеся в памяти рассказы родителей, односельчан. При чтении очерков вспоминаются такие старинные литературные жанры, как житие, жизнеописание.

В целом творчество Н. Танасоглу занимает скромное, но вполне достойное место в гагаузской литературе. Деятельность этого неутомимого человека и просветителя заслуживает большого уважения уже потому, что она была первопроходческой. Оценивая значение литературного наследия Н. Танасоглу с позиций сегодняшнего дня, мы не должны забывать о том, что писатель был сыном своего времени, которое не могло не повлиять на его творчество и получило в последнем отражение.

***

Дионис Танасоглу

Одной из значительных фигур в гагаузской литературе и культуре в целом, несомненно, является Дионис Николаевич Танасоглу. Д. Танасоглу родился в 1922 г. в с. Кириет-Лунга Чадыр-Лунгского района.

1957 г. для гагаузской культуры во многом является переломным. В частности, именно в этом году произошло событие, обусловившее рождение гагаузской литературы: 30 июля в республиканских газетах "Советская Молдавия" и "Молдова Социалистэ" был опубликован Указ Президиума Верховного Совета МССР об утверждении письменности для гагаузского языка. Но прежде чем утвердить письменность, необходимо было разработать алфавит, максимально точно и полно отражающий звуки гагаузской речи, а также правила орфографии,

без которой ни одна письменность функционировать не может. Вся эта непростая работа в короткие сроки была выполнена. Самое деятельное участие в ней принял Дионис Николаевич Танасоглу. Конечно, не всё получалось с первой попытки, ведь опыта практически не было. К примеру, в конце упомянутого года по настоянию московских тюркологов (в первую очередь, Л. Д. Покровской) пришлось вернуться к уже утверждённому алфавиту и внести в него некоторые коррективы. Гагаузский алфавит, как известно, основывался на русском, однако ряд специфических звуков нуждались в соответствующем графическом отображении. Первоначально было решено обозначить их буквосочетаниями оь, аь, уь. На практике же выяснилось, что такой подход крайне неудобен, особенно в тех случаях, когда необходимо передавать на письме долгие гласные переднего ряда. Получались сочетания букв, неизмеримо затруднявшие правописание и даже чтение. Тогда было решено для обозначения этих звуков ввести новые, буквы: ö, ä, ü.

В конце 50-х гг. под руководством и при активном личном участии Д. Танасоглу была развернута большая литературно-просветительская работа. В 1957—1960 гг. был налажен выпуск еженедельного приложения к газете "Молдова Социалистэ". В этот же период впервые в эфир стали выходить радиопередачи на гагаузском языке. Благодаря усилиям Д. Танасоглу первые шаги стали делать коллективы художественной самодеятельности. В Чадыр-Лунге был создан гагаузский ансамбль песни и танца, принявший участие во Всемирном фестивале молодёжи и студентов, проходившем в Москве.

Особенно много сил и энергии Д. Танасоглу отдавал школьному делу. Уже в 1958 г. в научно-исследовательском институте школ (ныне институт педагогических и психологических исследований) были организованы специальные курсы по подготовке учителей родного языка, и с сентября того же года в школах с гагаузским контингентом учащихся впервые в истории началось преподавание на родном языке. Для обеспечения учебного процесса в кратчайшие сроки были подготовлены и отпечатаны учебники для начальной школы, изданы "Правила орфографии гага-

узского языка" (авторы Д. Танасоглу и Л. Покровская), "Орфографический словарь" (Д. Танасоглу).

На фоне этих событий стала зарождаться гагаузская художественная литература. Условно годом ее рождения можно считать 1958-й, когда в Кишиневе состоялся II съезд писателей Молдавии. На нем Д. Танасоглу выступил с докладом.

В том же году Д. Танасоглу первым из гагаузской среды был принят в члены Союза писателей СССР.

В 1959 г. стараниями Д. Танасоглу был подготовлен и опубликован фольклорно-литературный сборник "Буджактан сесләр" ("Буджакские голоса"). На гагаузском языке и до этого выходили книги, но все гагаузские тексты в них были написаны с помощью иноязычных алфавитов: греческого, болгарского, русского, румынского. Сборник "Буджактан сесләр" – первое печатное издание, в котором использован собственно гагаузский алфавит. В этом смысле книга имеет известное историческое значение.

Основную часть сборника составили произведения устного народного творчества: баллады, песни, сказки, пословицы, поговорки, маани и т. д., т. е. наиболее распространённые в народе образцы фольклора, созданные порой в далёком прошлом и чудом сохранившиеся до наших дней.

Во вторую часть "Буджактан сесләр" вошли литературные пробы (в основном поэзия) гагаузских авторов: Д. Танасоглу, Н. Танасоглу, Н. Арабаджи, Н. Бабоглу, К. Василиоглу, Д. Карачобана, М. Кёся, Ф. Попаза, А. Тукана, И. Чакира. Впервые творческие достижения гагаузских писателей были опубликованы в книге.

Сборник "Буджактан сесләр" получил многочисленные положительные отзывы в прессе.

После того, как в 1962 г. была закрыта национальная школа и прекращено преподавание гагаузского языка, Д. Танасоглу сконцентрировал свои силы в области литературного творчества. В течение десяти лет он опубликовал один за другим четыре поэтических сборника: "Чал, туркум" ("Звени, моя песня", 1966), "Адамын ишлери" ("Дела человека", 1969), "Хошлук" ("Счастье", 1970), "Генчлик туркулери" ("Песни молодости", 1975).

Первая из перечисленных книг отражает атмосферу начала 60-х гг. – времени так называемой хрущевской оттепели. Издание открывается стихотворением "Ленина тўркү" ("Песнь о Ленине"):

Какие чудесные дни пришли
В бедные двory.
Кто их привел
К нам, гагаузам?

К числу поэтических удач Д. Танасоглу можно отнести стихотворение "Родной язык". Автор последовательно сравнивает материнский язык то со сладким мёдом, то с запахом цветов акации, то с красивой музыкой, тем самым выражая идею его красочности и многогранности. Красоту родного языка невозможно передать каким-либо одним сравнением или эпитетом, какими бы ёмкими они ни были.

В первой же своей книге Д. Танасоглу стал активно обращаться к стилистике гагаузской народной поэзии. Например, цикл "Космос, улица моя" целиком написан в жанре маани, которым, как уже отмечалось, свойственны короткие (обычно

трехстопные двухсложные) размеры и регламентированный традицией способ рифмовки, уходящий корнями в глубокую древность, – ааба. Новаторство Д. Танасоглу проявилось в том, что традиционно изолированные друг от друга маани он соединил в сюжетное повествование, и в итоге получилось довольно своеобразное поэтическое произведение, близкое к поэме, и в то же время пропитанное духом народной поэзии.

Во второй своей книге – “Адамын ишлери” (“Дела человека”) – Д. Танасоглу, оставаясь в целом верным наметившимся творческим ориентирам, расширяет жанровые и тематические рамки поэзии. Именно в этой книге поэт впервые обращается вплотную к исторической тематике. Появляются стихи, посвященные конкретным историческим событиям и деятелям. Автор славит мужество и героизм своих выдающихся земляков: вдохновителя Комратского восстания 1906 г. Андрея Галацана (ему посвящена небольшая поэма, названная именем главного героя), участника боев против фашизма в Испании Емельяна Стойкова (“Баллада о Стойкове”).

Стихотворение “Стуян-хайдук” (“Стоян-гайдук”) повествует о легендарном народном мстителе, память о котором сохранилась с балканского периода истории гагаузов.

Ключевым произведением сборника “Адамын ишлери”, бесспорно, нужно считать одноименную поэму. В гагаузской литературе это, пожалуй, самое крупное по объему поэтическое произведение. Поэма содержит в себе эпическое начало. Как уже отмечалось, это одна из особенностей поэзии Д. Танасоглу. В поэме пунктирно обозначен исторический путь гагаузского народа, пройденный с начала века (русско-японская война, первая русская революция) вплоть до середины 50-х гг., когда наметились существенные сдвиги в развитии гагаузской культуры и пробуждении национального самосознания.

Из поэтических книг Д. Танасоглу сборник “Хошлук” (“Счастье”) занимает особое место. По композиционной завершенности этот труд коренным образом отличается от других книг поэта. В кратком вступительном слове Г. Гайдаржи акцентировал внимание на его художественном своеобразии: “Сборник назван „Счастье“, но это не обычное описание человеческого бытия, труда и творчества людей, их радостей и волнений. Автор олицетворяет понятие счастья: оно повествует, само ведет рассказ, ведет читателя по жизни, думает вместе с ним, ставит и решает вопросы, спорит...”

В сборнике “Генчлик туркулери” представлены все основные тематические особенности и мотивы поэзии Д. Танасоглу. Здесь, конечно же, есть стихи гражданского звучания, выражающие отношение автора к своему народу, к древним традициям и обычаям. Тёплые, трогательные строки посвящает поэт Родине:

Я даже не песня, а просто слог
В той песне, где славит тебя народ.
Пылинка твоих бесконечных дорог,
Капля бескрайних вод.

(Перевод В. Чудина)

И так же, как в других своих книгах, Д. Танасоглу объясняется в сыновней любви к родному буджакскому краю:

Смотри, как степь украшена цветами,
А родники прозрачнее стекла.
Тут небо дышит тихо над дугами
И смотрится в озера-зеркала.
Вокруг лежат бескрайние равнины,
На них лучи наводят мягкий лоск,
Повсюду склоны подставляют спины
Упрямым толпам виноградных лоз.

(Перевод М. Хазина)

Невозможно не поверить в искренность этих строк, поэт беспредельно любит родной Буджак, обжигаемый горячим летним солнцем, но, тем не менее, вечно красивый и близкий сердцу в любое время года.

Что касается интимной лирики, то она, конечно же, широко присутствует в поэзии Д. Танасоглу, да и можно ли представить себе поэта, не пишущего о любви к Женщине!

В 60-е гг. поэт пишет о любви преимущественно в фольклорном стиле, как правило, в жанре маани, одной из особенностей которых является широкое использование приема параллелизма. Вот ряд примеров:

В небе звезды расцвели,
Моя душа опалена.
Я ждал, а ты не пришла,
Жаль мои горячие чувства.
В небе громоздятся
Кучерявые облака.
На сердце словно бродят
Волнами чувства.
Розы расцвели красно-белые,
Еле держатся веточки.
Грудь красивой девушки –
Аромат цветущего базилика.

В дальнейшем Д. Танасоглу постепенно отходит от фольклорной поэтики, что само по себе нельзя считать достоинством или недостатком, поскольку это позволяло расширить пределы формального уровня: фольклорные жанры при всех своих положительных характеристиках все же ограничивают возможности самовыражения поэта.

После 1975 г. Д. Танасоглу приступил к созданию большого произведения, в котором намеревался отразить сложную и малоисследованную историю гагаузского народа. Результатом многолетнего настойчивого труда стало издание первого в истории гагаузской литературы романа – “Узун керван” (“Долгий караван”, 1985). Книга сразу же была замечена гагаузской общественностью, она явилась не только литературно-художественным, но и, в известной мере, историческим по своему значению, фактом для развития культуры малого народа. В откликах на роман отме-

чалось, что даже без глубокого анализа его художественного уровня ему суждено занять заметное место в истории гагаузской литературы. “Рождение романа Д. Танасоглу, – писал в предисловии доктор исторических наук М.Н. Губоглу, – явление далеко не случайное. Без риска ошибиться можно сказать, что оно подготовлено всей нашей социальной и культурной действительностью и что такое произведение крупного жанра отвечает уже возросшей объективной потребности малого народа художественно осмыслить свой исторический опыт. И в этом – одно из проявлений неизбежного роста национального самосознания народа”.

Д. Танасоглу поставил перед собой задачу: отобразить в художественной форме историю гагаузского народа с древнейших времен до начала XX в. Здесь следует напомнить, что даже новейшая история гагаузского этноса не становилась объектом фундаментального исследования ни со стороны ученых-историков, ни со стороны писателей. Сведения по этой проблеме носят весьма фрагментарный характер. Попытка заглянуть в раннюю историю гагаузов, кроме эрудиции и специальной подготовки, требует еще и дерзости, уверенности в своих силах.

Композиционно роман включает в себя три книги: “Узак деделәр” (“Далекие предки”); “Балканда йуртлук” (“На Балканах”); “Бужак кыры” (“Степь буджакская”).

Ввиду того, что хронологически произведение охватывает значительный отрезок времени – в десятки раз больше продолжительности жизни одного поколения, – автору пришлось искать формы связи его частей. В этих целях использован литературный приём, позволивший в значительной мере сгладить фрагментарность произведения из-за отсутствия единой фабулы и сквозных героев. Что собой представляет этот прием, становится ясно уже с первых абзацев:

– Расскажи-ка, дедушка, старый каушчу-пиетчи, что ты помнишь о давно минувших временах нашего народа. Откуда мы приходим? Где, как жили наши предки?

– Э, друзья мои, наши родовые корни древние, очень древние. Такие древние, что уже забываются, и вам даже не поверится, какие события произошли, например, более двух тысяч лет назад с тюрк-огузами, которые в то время появились в легендарных местах старого Алтая. Вам будет казаться, что это сказка, но нет, все было на самом деле”.

Итак, читатель сразу знакомится с первым героем романа – старым каушчу-пиетчи. Этот образ нельзя считать нововведением писателя. Дело в том, что на Востоке хранителем народной мудрости и исторической памяти традиционно выступал старец, вещавший слушателям о “грядущем, сущем и былом”. Как известно, такие старцы у разных народов назывались по-разному: акын, ашуг. Д. Танасоглу обозначил своего героя словосочетанием каушчу-пиетчи, что в переводе с гагаузского означает “поэт-каушист”.

Множество героев проходят перед глазами читателя в первой книге романа. Местами даже теряется нить повествования, так как персонажи часто сменяют друг друга, создавая впечатление фрагментарности, калейдоскопичности. Обилие исторического материала также затрудняет читательское восприятие.

Балканский период в истории гагаузов, описанный во второй книге романа, представляет собой более или менее ясную картину, хотя и здесь в распоряжении автора была весьма скудная историческая литература. Творческое воображение дорисовало

недостающие звенья, и надо отметить, что эти звенья не выглядят инородным телом, они вполне естественно вписываются в логику развития событий.

Именно на Балканах гагаузы окончательно сформировались как народ. Д. Тана-соглу передал в романе аксиому всякого исторического развития: жизнь есть борьба за выживание с враждебными силами, с природной стихией. И на Балканах эта борьба не прекращалась. Непродолжительные отрезки сравнительного спокойствия сменялись противоречиями и антагонизмами. Лилась кровь. Но народ в самые критические моменты своей истории находил в себе дополнительные силы, консолидировался, и снова караван отправлялся в путь.

Третья книга романа посвящена последнему переселению гагаузского каравана – с Балкан через Дунай в Буджакскую степь. Чем было обусловлено это переселение? Как оно происходило? На эти вопросы в книге даны подробные, аргументированные ответы.

В начале прошлого века Болгария уже пятое столетие находилась под гнетом Османской империи. Невзирая на этногенетическую и языковую близость с турками, гагаузы страдали от этого гнета не меньше, чем другие балканские народы. Дело заключалось в том, что гагаузы исповедовали византийскую ветвь христианской религии, а турки-мусульмане с этим не могли смириться. История свидетельствует, что идеология (а религия и есть идеология и философия вместе взятые) играет в жизни народов огромную роль.

За время русско-турецких войн XVIII—XIX вв. жителям северных районов Болгарии приходилось особенно тяжело. Со второй половины XVIII в. отдельные группы гагаузов и болгар начинают переправляться через Дунай и искать прибежище в Бессарабии.

Завершается роман главой “Бужакта йалын” (“Пламя в Буджаке”), рассказывающей о Комратском восстании 1906 г. Эта часть произведения, кажется, несколько выпадает из общего стилистического рисунка романа. В ней много диалогов, а авторский текст напоминает театральные ремарки. Возникает ощущение, что это переделанная пьеса. Если рассматривать главу как самостоятельное произведение, то она оставляет благоприятное впечатление своим динамизмом, соразмерным сочетанием исторического и вымышленного. Словом, картина создана в реалистическом духе.

Художественный уровень произведения, откровенно говоря, невысок. Вообще романом его мы называем с большой долей условности, поскольку, с точки зрения теории, “роман – это литературный жанр, эпическое произведение большой формы, в котором повествование сосредоточено на судьбах отдельных личностей и в их отношении к окружающему миру, на становлении, развитии их характеров и самосознания”.

И все-таки историко-познавательное и культурное значение романа “Узун керван” большое. В нем сконцентрирован богатый материал. В ходе работы автор ознакомился с огромной литературой: исторической, художественной, фольклорными текстами и т.п.

Сразу после выхода в свет роман получил немало откликов в отечественной и зарубежной прессе. Однако большинство из них носят своего рода констатирующий характер.

Литературное творчество Д. Танасоглу – лишь часть его многогранной плодотворной деятельности на ниве искусства, народного образования и других сфер культуры.

В гагаузской литературе явно доминирует поэзия. Такое положение типично для молодых литератур, когда писатели обращаются преимущественно к коротким, оперативным жанрам. Проза, как правило, начинает развиваться позднее.

***

Николай Бабоглу

Николай Игнатьевич Бабоглу (родился в 1928 г.) – один из тех немногих гагаузских литераторов, кто посвятил себя главным образом прозе. Когда и где родился писатель, лучше всего сказать словами “патриарха” гагаузской литературы Д. Н. Танасоглу: “В живописном гагаузском селе Кыпчак, в самом сердце солнечной Буджакской степи, в лунную ночь 1928 г., родился в семье крестьян сын Николай. Кто бы мог предсказать, что тогда в маленьком домике взойшла звезда будущего писателя?”

С детских лет Н. Бабоглу тянулся к знаниям. В этом плане красноречив и показателен эпизод, подробно описанный в рассказе “Божьим соизволением”, героя которого, по-видимому, можно целиком идентифицировать с автором.

Бабоглу-старший – Игнат – решил отдать сына на учёбу в духовную семинарию. Отцу, естественно, хотелось получше устроить сына. Перспективы рисовались заманчивые: получив духовное образование, сын мог рассчитывать на должность в церкви и тем самым обеспечить безбедное существование не только себе, но и всему семейству. Вопрос престижа также играл не последнюю роль...

Итак, Бабоглу-младший должен был поступать в духовную семинарию. Не будем забывать, что действие происходило в 30-е гг. До этого в школе мальчик учился на одни десятки, особенно заметные успехи он делал на уроках закона божьего. Но ни блестящие знания, ни даже ходатайство местного священника Тудорана, благоволившего семье Бабоглу, не могли помочь ему поступить в семинарию. Мешала одна запись в документах, та самая, которая указывала на национальность. Детей гагаузов и других национальных меньшинств, по утверждению писателя, в такие учебные заведения, как духовная семинария, не принимали. Для этого надо было родиться румыном. Центральная сцена рассказа – визит к нотариусу, от которого зависела дальнейшая судьба отрока. Поп Тудоран и Бабоглу-старший убеждают нотариуса, что “мальчик божьим соизволением создан румыном, а нам ли не верить в провидение всевышнего?” Нотар сначала упирался, возражая, что во всех документах мальчик записан гагаузом и для того, чтобы доказать его румынское происхождение, не хватает “аргументов”. И тут главным аргументом, развеявшим все сомнения нотариуса, стала баранья туша, предусмотрительно захваченная с собой в качестве взятки.

Герой поступил в духовную семинарию, но доучиться не успел – наступил сороковой год, в Бессарабию вошли советские войска. Ввиду того, что дальнейшая необ-

ходимость оставаться румыном отпала, Н. Бабоглу вернул себе первоначальную национальность. “В первое время после освобождения, – пишет он, – мы еще многого не понимали, и оттого я всерьез струхнул, когда некоторые коллеги поугивали меня тем, что я румын, а работаю в советской школе. Во избежание неприятностей я решил сам объяснить в роно чудесное перерождение... Инспектор роно товарищ Лушников сказал, что для советской власти национальность не имеет значения, был бы человек советским по духу”. Что касается духа, эта категория в документах не фиксируется...

Рассказ “Божьим соизволением” выдержан в едко-иронической тональности, что, по замыслу автора, должно было усилить критическую направленность повествования. Осуждение системы, в которой царят национальное отчуждение, нетерпимость и взяточничество, также является одной из идейных установок рассказа.

Первые литературные опыты Н. Бабоглу появляются в печати в конце 50-х гг. Это были незамысловатые эскизы, не отличавшиеся ни техническим совершенством, ни яркостью лирических образов, ни идейной глубиной.

Большое внимание Н. Бабоглу уделял сбору и обработке гагаузского национального фольклора. Его многолетняя кропотливая работа увенчалась изданием сборника “Гагауз фольклору” (“Гагаузский фольклор”), в который вошли все основные жанры устного народного творчества гагаузов, записанные в с. Татар-Копчак Тараклийского района республики. Это, в первую очередь, исторические песни, баллады, сказки, маани, легенды, предания и т. д. Кроме того, отдельными разделами в сборнике были представлены пословицы, поговорки, загадки, поучительные и веселые истории (или попросту анекдоты) о знаменитом герое восточного фольклора Ходже Насреддине. При знакомстве с художественной прозой Николая Бабоглу без труда можно прийти к заключению, что стиль народных сказок из рассматриваемого сборника и стиль бабогловской прозы восходят к одному создателю.

Таким образом, тяготение Н. Бабоглу к художественной прозе обнаруживается задолго до выхода в свет его первой книги рассказов – “Легенданын изи” (“След легенды”). Нисколько не преувеличивая, можно утверждать, что в этой книге отразились все основные свойства прозы Н. Бабоглу: тесная связь с фольклором, обращение к рассказам старожил, сочный язык, динамичные диалоги.

Рассказ “Легенданын изиндән” (“По следам легенды”) весьма велик по объему, хотя не отличается оригинальным или хитроумным сюжетом, по сути это своеобразная хроника одного реального события.

С рассмотренным рассказом во многом перекликается ещё один – “Бурук бейин ежели” (“Судьба Кривого бая”). Здесь также в основу положена легенда, услышанная автором из уст старого колхозного сторожа Карасинни. Легенда, или, может быть, точнее, предание, повествует о драматической судьбе рода Карасинни, в числе других когда-то основавшего буджакское село Конгаз.

В рассказ “Дерево Пушкина” отсутствует сквозной сюжет. Здесь много этнографических описаний. Оказывается, один из далеких предков Мануша – помещик Костаки Каназирский – был знаком с самим Пушкиным. Более того, именно благодаря Каназирскому и Пушкину в Болграде был заложен парк, в котором до сих пор растёт дерево, посаженное этими двумя благородными, людьми.

В 1979 г. был опубликован второй сборник рассказов Н. Бабоглу “Бужак ежеллери”

(“Буджакские судьбы”), ставший, пожалуй, лучшей книгой писателя. Именно здесь автору удалось найти и соблюсти ту золотую середину между художественностью и реалистичностью, а самое главное – искренним отношением к своим героям и проблемам, которые встают перед ними.

Рассказ “Табеет” (“Характер”) из этого сборника отличается завершенностью и ясностью изложения. Автор удачно “вживается” в образ своего героя, и, хотя рассказ написан от третьего лица, временами кажется, что читателю предложен фрагмент автобиографии.

Привлекателен, симпатичен главный герой рассказа – простой, трудолюбивый, непривередливый человек, которому кажется дикостью, непозволительной роскошью целыми днями валяться на морском песке. Его мучают угрызения совести, а руки жаждут дела.

В рассказе “Тракторжулук” (“Трактористы”) Н. Бабоглу обращается к послевоенным временам, когда на селе появились первые колхозы, первые трактора. Основу повествования составляет анекдотичный случай: два неопытных тракториста разобрали трактор, смазали его, а когда дело дошло до сборки, выяснилось, что для них это очень сложная задача. Мучались горе-трактористы, мучались, и в результате кое-как трактор был собран, но вот беда – целая куча деталей осталась лишней.

В прозе Н. Бабоглу работает преимущественно в жанре рассказа. Но однажды он предпринял попытку создать более панорамное эпическое полотно. Это закончилось написанием повести “Каранфилләр ачтылар енидән” (“Гвоздики расцвели вновь”). В ней рассказывается о событиях в Буджаке в два предвоенных года – последний год перед присоединением Бессарабии к Советскому Союзу и год кануна Великой Отечественной войны.

Немаловажной гранью творческого амплуа Н. Бабоглу можно считать его публицистическую деятельность.

Н. Бабоглу – писатель “деревенского” направления. Его традиционные герои – сельские жители: крестьяне, батраки, колхозники-трактористы, свинари, пастухи, водители.

Заметное место в прозе Н. Бабоглу занимает романтический рассказ “Демирчу” названный по имени главного героя. В его основе – драматический случай, имевший место в одном из гагаузских сел.

Думается, невозможно найти в писательском мире человека, занимающегося исключительно прозой. Более типична другая ситуация: сначала идет поэзия, а затем рано или поздно писатель обращается к прозе. Н. Бабоглу также начинал с поэзии, но вскоре перешел на прозу, а стихи писал спорадически. Многолетнее поэтическое творчество вылилось в конечном итоге в издание объемного сборника стихов “Тарэфымын пиетлери” (“Напевы родного края”, 1988).

Включенные в сборник стихи условно разбиты на четыре раздела: “Асирым” (“Мой век”), “Поэмалар, легендалар, масаллар” (“Поэмы, легенды, сказки”), “Инжә дуйгулар” (“Тонкие чувства”), “Гөлгелар” (“Тени”). Видимо, нет необходимости растолковывать, какого характера стихи вошли в каждый из указанных разделов, названия говорят сами за себя.

Одной из особенностей лирики Н. Бабоглу является ее абстрактность, всеохватность. Поэт обращается к эпохе, к человеку, к земле. И даже когда он говорит о себе, читатель чувствует, что речь идет не конкретно об авторе стихотворения, а выходит за рамки

индивидуального “я”, приближаясь к универсальной формуле “человека вообще”.

Абстрактность стихов из первого раздела проявляется, к примеру, в частом употреблении глаголов повелительно-сослагательного наклонения:

Пусть виновные будут наказаны,
Пусть истина будет истиной,
Пусть люди будут людьми.
 (“Етти!” – “Хватит!”)

Говоря о поэзии Н. Бабоглу, нельзя обойти ее тесную связь с устным народным творчеством. Речь идет не только об отдельных мотивах или образах – поэт заимствует из фольклора целые сюжеты, творчески переосмысливает их и создает новые произведения (сказки, легенды, баллады), основанные на национальном колорите. Наиболее яркой иллюстрацией “фольклорности” поэтического творчества Н. Бабоглу может служить поэма “Тарафымын пиетлери” (“Напевы родного края”), герои которой – юноша Оглан и красавица Лянка – заимствованы из фольклора. Поэма воспевает любовь и преданность, стремление к свободе, даже если на пути к ней лежат непреодолимые препятствия.

Язык поэзии Н. Бабоглу близок к народному. Обилие органично вкрапленных в текст пословиц, поговорок, крылатых выражений придает стихам яркий национальный характер.

***

Дмитрий Кара Чобан

Дмитрий Николаевич Карачобан (1933-1986) родился 27 мая 1933 г. в с. Бешалма Комратского района.

С детских лет его притягивали книги, литература, искусство. Учился будущий писатель с жадностью. Уже в школьные годы он ощутил в себе творческие способности: с удовольствием писал сочинения, неплохо рисовал и лепил.

Литературный дебют молодого поэта состоялся в историческом 1957 г., когда он стал публиковаться на родном языке в листке-приложении к газете “Молдова Социалистэ”. Поэтические опыты Д. Карачобана были тогда еще ученическими. Однако первые шаги в литературе показали, что он тяготеет к образной, вдумчивой поэзии. Этим основным принципам он остался верен на протяжении всего тридцатилетнего пути в литературе.

В его ранних стихах, как правило, присутствовал стержневой образ или одна главная мысль, проходившая через все стихотворение. Например, в стихотворении “Нистру, Нистру” поэт говорит о своем отношении к Днестру, и центральным образом является одно-единственное сравнение, ради которого стихотворение и написано: река Днестр сравнивается с красивым ожерельем на шее Молдовы. Безусловно, сравнение довольно простое, но в чем поэту нельзя было отказать с самого начала, так это в искренности, свежем взгляде, стремлении избежать штампа. Следовательно, им

были взяты верные ориентиры в художественном плане. И это было очень важно.

В стихотворении “Расти, акация” поэт обращается к древней обитательнице буджакских степей – акации.

Расти, акация,
Стройна и высока.
Достань, акация,
Вершиной облака.
Следи за девушкой,
Что в тишине
Придет грустить
С тобой наедине.

(Перевод К. Шишкани)

Образ этого неброского, на первый взгляд, но выносливого дерева, вечно борющегося с засухами и суховеями, сопоставим с людьми, населяющими эту землю. Известный литературный критик В. Дементьев писал о гагаузах: “Словно низкорослая, с перекрученным стволом акация, выдержавшая напор степных ураганов и бурь, устоял этот народ против испытаний и бед, выпавших на его долю”. Поэтому не случайно Д. Карачобан обращается именно к акации. Для него это не просто живой образ, знакомый с детских лет, а нечто большее – частица малой родины, ее символ.

В 1959 г. 26-летний Д. Карачобан поступил на заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького, успешное завершение которого помогло ему стать первым профессиональным писателем, пишущим на гагаузском языке.

В том же 1959 г. в издательстве “Картя Молдовеняскэ” увидела свет первая книга с использованием гагаузской письменности. Руководитель поэтического семинара, в котором занимался Д. Карачобан в Литературном институте, В. Дементьев, позднее вспоминал: “Однажды он (Д. Карачобан. – П. Ч.), широко улыбаясь, подал мне толстую книгу с аляповатым рисунком на обложке и сказал, что здесь напечатаны его стихи. Книга эта вышла на родном поэту языке, и я смог среди выходных данных по-русски прочитать только, что называется она “Буджакские голоса” и что вышла книга в Кишиневе. Мог ли я знать тогда, что это один из первых литературно-фольклорных сборников гагаузов, а стихи в нем – стихи первого поэта-профессионала Дмитрия Карачобана”.

Итогом раннего этапа творчества поэта стала книга стихов “Илк лаф” (“Первое слово”, 1963) – первый авторский сборник на гагаузском языке. В него вошло 60; стихотворений, разбитых на четыре цикла. Главной особенностью этой книги можно назвать ее органическую связь с устным народным творчеством. Поэт широко использует художественные приемы, свойственные народной поэзии: параллелизм, сравнения, повторы, постоянные эпитеты, уменьшительно-ласкательные слова и т. д. Особое место в поэзии Д. Карачобана занимает такой популярный жанр гагаузского фольклора, как маани.

К числу наиболее заметных и удачных в сборнике “Илк лаф” следует отнести лирические стихотворения, выдержанные в фольклорном духе: “Солă бана” (“Скажи мне”), “Истейиш” (“Желание”), “Аарээрым бан” (“Я ищу”), “Аушам усту” (“Под вечер”). Они глубоко народны и трудно переводимы на другой язык ввиду их ярко

выраженной национальной самобытности. В то же время это не апологетическое подражание фольклору, в них четко ощутима авторская концепция.

Отдельного рассмотрения заслуживают три стихотворения, построенные на использовании междометий: “Ча-хэйс”, “Ляк-тык”, “Йорту ойуну” (“Праздничная пляска”). Междометия, как известно, в каждом языке свои. Как правило, они не имеют определенного значения, являясь звукоподражаниями. В гагаузском языке междометная пара “ча-хэйс” используется для понукания волов: “ча” означает направо, “хэйс” – налево.

Ранним утром по проселочной дороге едет одинокая подвода, а в пей два бедняка: отец и сын. Они держат путь на свою делянку, расположенную далеко за селом. В стихотворении нет какой-то ясно выраженной идеи, это своего рода живая картина, создающая настроение. Никакого описания, никаких “подсказок” читателю – только ряд деталей: телега, дорога, скрип колес, акациевая роща, поздняя потухающая звезда и через каждое двустишие – рефрен: ча-хэйс, ча-хэйс. По эмоциональному тону и техническому исполнению – это, безусловно, одно из самых сильных стихотворений Д. Карачобана.

Стихотворение ““Ляк-тык”” заключает в себе антивоенный заряд, протест против бессмысленных войн:

Летит отряд
За рядом ряд,
Земную твердь
Качает смерть.
Огонь кипит,
Сверкает штык.
Седло скрипит:
Ляк-тык, ляк-тык!
Ляк-тык, ляк-тык!
Со всех сторон –
Последний крик,
Предсмертный стон...
Ляк-тык, ляк-тык!

(Перевод В. Кузнецова)

Междометие, вынесенное в название, в гагаузском языке передаёт скрип седла. Поэт же использует его не просто как звукоподражание: в контексте стихотворения оно приобретает значение образа. Вместе с тем это звукоподражание придает также стихотворению ритмический рисунок и напряжение.

Будучи прекрасным знатоком истории родного края, Д. Карачобан всегда стремился показать жизнь парода изнутри, а не как сторонний наблюдатель. Он всю жизнь прожил в родном селе, внешне ничем не отличался от односельчан: ходил в невзрачной крестьянской одежде, был приветлив и разговорчив. Но при этом он ни минуту не забывал о своем высоком предназначении, о задачах творчества.

Д. Карачобана волнуют, прежде всего, нравственные конфликты. И даже в тех

случаях, когда он обращается к вечной поэтической теме всех времен и народов – любви, нередко от его стихов исходит печальное чувство. Безответная любовь или трагические ситуации, когда влюбленные по разным причинам не могут соединиться, – любимые темы поэта. Возьмем для примера стихотворение “Старинная песня”. Это монолог юноши, присутствующего на свадьбе своей возлюбленной, которая выходит замуж за другого. Здесь Д. Карачобан предстает мастером лирического сюжета. В каждой строфе органично соединяются два плана: дастся какая-нибудь деталь свадебной атрибутики, и тут же мысль юноши, как бы комментирующего происходящее перед его глазами:

Молнии, как стружки,
Ленты не сожгли,
Что тебе подружки
В косы заплели.
Горькою отравой
Сладкий мед не стал.
Что тебе – неправой –
Поднесли к устам.
Не было расплаты,
Не ударил гром
В дом, куда вошла ты,
Нежеланный дом.
Лишь слеза проклятьем
Стыла на щеке...
Шла ты в белом платье
Со свечой в руке.

(Перевод В. Кузнецова)

В каждом четверостишии – этнографическая картинка, эпизод свадебного ритуала, и везде – печать душевного состояния несчастного юноши. Это стихотворение, пронизанное большой эмоциональностью, является одной из вершин лирики Д. Карачобана.

Поэт пробует себя в разных лирических жанрах. И для каждой осевшей его идеи он находит наиболее адекватную форму выражения. Обратимся к стихотворению, написанному в жанре колыбельной песни. Оно так и называется: “Колыбельная (30-е годы)”. Мать, баюкая дочь, поет ей песню, первая часть которой выдержана в традиционном духе:

День окончился, ночь заливает сады,
Все отчетливей слышится голос воды.
Ты мала еще, ты, как травинка в росе,
Спи, усни, моя умница, спят уже все...

(Перевод В. Измайлова)

Но затем из колыбельной выясняется, что отец девочки скоро должен вернуться из Добруджи, куда он поехал на заработки. Теперь становится понятно, почему песня “привязана” именно к 30-м гг. В этот период гагаузам часто приходилось покидать родные края и наниматься на чужбине на самую тяжелую физическую работу, чтобы получить немного денег и как-то свести концы с концами. Финал стихотворения еще более усиливает общее тягостное впечатление и отличается сильным художественным воздействием:

Но я чувствую сердцем, малыш мой родной,
Что отец твой приедет? без денег домой.

Поэт постоянно развивался, он сомневался, боролся, порой впадал в отчаяние. К нему легко применимы знаменитые слова Н. Заболоцкого:

Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь.

Душа Д. Карачобана, действительно, не знала покоя, но, что очень важно, непрерывная душевная работа не мешала поэту творить. И не только в литературе, но и в других сферах: живописи, скульптуре, музейном деле. Вся жизнь и деятельность Д. Карачобана – яркий пример диалектического развития, умения доказывать свою правоту, признавать ошибки и преодолевать их. Этот человек представлял собой некую философскую модель жизни, в которой можно было наблюдать различные законы: отрицания отрицания, единства и борьбы противоположностей, развития по спирали и т. д.

Незадолго до смерти Д. Карачобан как бы подвел итог своей тридцатилетней работы в литературе – подготовил и издал два небольших тома, в один из которых вошли его лучшие стихи, в другой – прозаические произведения. Это были не просто избранные сочинения, а лучшее, что вышло из-под его пера. Первая книжка открывается маленьким примечанием автора: “Из всего написанного мною законченным я считаю только те тексты, которые я включаю в свои книги „Стихи» и „Проза»”.

Во второй книжке (она стала последним прижизненным изданием писателя) авторское примечание воспринимается как завещание: “Прошу в будущем не публиковать моих текстов, которые я не включил в свои книги „Стихи» и „Проза»”.

Показательно, что под многими стихами, вошедшими в сборник “Стихлар” (“Стихи”), стоят две даты: год первоначального написания и год переработки. Некоторые из переработанных стихов неузнаваемо изменились. Все остальное писатель отверг как несостоятельное, незавершенное, не отвечающее его требованиям на тот момент.

Начав с поэзии, со временем Д. Карачобан стал все чаще и чаще обращаться к прозе. Более четверти века он параллельно работал и в поэзии, и в прозе, показав себя приверженцем малых форм. В прозе Д. Карачобан отдавал предпочтение классическому рассказу, зарисовке, небольшому очерку. Однажды он попробовал себя в жанре романа, но остался недоволен результатом и сжег рукопись.

Тематика рассказов Д. Карачобана во многом повторяет тематику его стихов, по крайней мере здесь можно найти немало точек соприкосновения. Серию прозаических произведений писатель посвятил исторической судьбе своего народа и в частности односельчан. В рассказе “Душәр йылдыз” (“Падающая звезда”) показана типичная судьба бедной гагаузской семьи досоветского периода. Первый ребенок Лянки, жены Ганчу Киру, заболел и умер только оттого, что не к кому было обратиться за элементарной помощью – в селе не было ни одного медицинского работника. Ребенок буквально таял на глазах. Все попытки спасти его народными средствами ни к чему не привели. И вот Лянка ждет второго ребенка. Муж всячески оберегает ее от тяжелой работы, во всем помогает. Но Лянка не может усидеть без дела, и однажды после того, как она подняла ведро с зерном, ей стало плохо. “Всю ночь горел в доме свет, – пишет Д. Карачобан, – были слышны страшные крики Лянки. И только под утро бабка-повитуха открыла дверь и сообщила, что Лянка здорова, но ребенок родился мертвым.

Небо прочертил свет падающего метеора. Киру заметил его и поверил, что это закатилась звезда его сыночка”.

В рассказах “Околжу” (“Скотник”), “Дуа” (“Молитва”), “Бир чифт чарык” (“Пара постолов”), “Сопа жинкмесиндә” (“Бросание палки”), заложен большой силы протест против существовавших порядков.

Многие рассказы Д. Карачобана автобиографичны. Личность автора легко узнать, к примеру, в герое рассказа “Фанатик”.

Д. Карачобан любил простых людей за их скромность, приветливость, непосредственность. Ему нравилось, когда конфликты между людьми разрешались тихо и мирно, путем взаимных уступок и уважения друг к другу. Он терпеть не мог скандалистов, старался всячески избегать общения с ними. При этом писатель прекрасно понимал, что жизнь – это постоянная борьба. И он вел нескончаемую борьбу с невежеством, бескультурьем и бюрократизмом. Судя по всему, он от этой борьбы удовольствия не получал, а вступал в нее вынужденно, когда уже иного выхода не оставалось.

Еще один весьма характерный для творчества Д. Карачобана рассказ – “Мария”. Работала в рекламной конторе девушка, скромная, молчаливая, безропотная. Она всегда аккуратно выполняла свою работу. Директор иногда срывался и повышал на нее голос, но, не встретив ни отпора, ни даже намека на обиду, тут же раскаивался, ему становилось стыдно за допущенную несправедливость. Образом директора Д. Карачобан показывает, какие большие надежды он возлагает на человеческую совесть, самоочищение.

Действие рассказов Д. Карачобана почти всегда происходит в селе, однако назвать его “деревенским” писателем значит сузить круг его творческих интересов до деревенских проблем, что не соответствует объективной реальности. Писателя волнуют не столько социальные аспекты сельской жизни, сколько морально-нравственные, эстетические, философские, то есть общечеловеческие. Его герои (простые крестьяне, представители сельской интеллигенции, чудачки, ухитряющиеся в сельских условиях заниматься искусством) – люди мыслящие, беспокойные, стремящиеся к духовному совершенству. Они часто отличаются от окружающих тем, что умеют заме-

чать и задумываться над тем, что для большинства кажется обыденным и непримечательным. Один из его героев, например, возмущается названием торта "Наполеон". Он не может никак понять, почему у людей такая короткая историческая память, почему они не проклинают имя человека, погубившего ради собственной славы тысячи и тысячи жизней. Герою возражают, разгорается спор. Так через маленькую бытовую деталь – название торта – писатель выходит к важнейшей проблеме, волнующей человечество в течение многих столетий.

Народность творчества Д. Карачобана бесспорна. И проявляется она различным образом. В одних случаях писатель использует мотивы и композиционные приемы из фольклора. В других – открыто признается в любви и симпатиях к простому человеку, пытается проникнуть в его внутренний мир. Но это не все.

Полон грусти и умиления рассказ "Злата". В центре повествования – образ молодой женщины – исполнительницы старинных народных песен.

Идеи гуманизма, сострадания к людям пронизывают все творчество писателя. Даже самых, казалось бы, падших людей Д. Карачобан стремится понять, объяснить причины их падения и тем самым вынести оправдательный приговор. Наиболее наглядным примером здесь может служить рассказ "Йанык" ("Проклятая").

Выскажем несколько кратких наблюдений над техникой рассказов Д. Карачобана. Первое и неотъемлемое качество его стиля – простота и ясность изложения. Короткие, четкие предложения, не загроможденные вводными оборотами и придаточными предложениями, – основа карачобановской прозы. "Краткость – сестра таланта", "Писать надо так, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно" – этим крылатым выражениям Д. Карачобан следовал на протяжении всей своей писательской биографии. За редким исключением, объемы его рассказов не превышают трех-четырёх страниц. В такие жесткие рамки писатель втискивал свои сюжеты, которые при соответствующем подходе могли бы быть развернуты в пространные повествования. Но кредо Д. Карачобана было иным. Многословие, витиеватость, ложная многозначительность категорически отклонялись им как в творчестве, так и в жизни. Они противоречили его человеческому и художественному духу. Отсюда – поразительная цельность его лучших рассказов. Никаких долгих вступлений и отступлений, никакого увлечения подробностями – ничто не должно отвлекать читателя от стержневой идеи. И даже там, где по характеру сюжета в соответствии с замыслом не обойтись без описания, подробности не замедляют, не заслоняют хода авторской мысли и сюжета. В таких случаях на помощь призывается яркая и точная художественная деталь. В умении своевременно ее найти Д. Карачобан достиг большого мастерства. В этом отношении в гагаузской литературе ему, пожалуй, равных не было, и нет.

Писатель оставил своим читателям десять книг стихов и прозы. Они полны поэзии и народной мудрости, гуманизма и красоты, стремления к нравственному совершенству. В них сохраняются душа и мысль их создателя. Литература – всего лишь одна сторона многогранной деятельности Д. Карачобана. В юности он серьезно увлекался также живописью, скульптурой, но впоследствии литература взяла верх. И все же, думается, есть основания считать его небесталанным художником. Так, в 1987 г. в Комрате состоялась художественная выставка, посвященная 30-летию гага-

узской советской литературы и письменности. Там были выставлены работы многих профессиональных художников. Virtuозные по технике линогравюры и литографии, замысловатые композиции, многоплановые натюрморты и авангардистские пейзажи. Но, кажется, ни в одной из этих работ не было столько любви к человеку, сколько в нехитрых, “старомодных” портретах Д. Карачобана. Написанные, видимо, с натуры, они поражали своей простотой и искренностью. Что ни портрет, то яркая личность, особый характер, живой человек.

Д. Карачобан был также кинематографистом-любителем. И здесь он сумел сказать свое негромкое, но веское слово. В тяжелейших условиях, обрекая семью на лишения, он отснял около двух десятков художественных короткометражных фильмов под общим названием “Гагаузские новеллы”. Первые из этих киноминиатюр были показаны в Москве в Литературном институте. “Не скрою, меня захватили эти самодельные, во многом наивные и уж, конечно, несовершенные ленты своей глубокой искренностью и правдивостью, – писал В. Дементьев. – Вот когда я по-настоящему увидел пустынные степи вокруг гагаузских сел, одинокие акации, беленькие хатки, пыльные, широкие большаки, увидел все это так, как не могли мне показать опытные и профессиональные кинохроникеры”.

Писатель был и музейным работником. Причем профессионалом с большой буквы. По крупицам день за днем, год за годом собирал он экспонаты. Исходил вдоль и поперек всю Буджакскую степь. Его узнавали в каждом гагаузском селе. Многие считали чудачком, и они не ошибались. В одном из своих выступлений о Д. Карачобане, доктор филологических наук Л. А. Покровская из Ленинграда сказала так: “Он был человеком совсем бескорыстным, чудачком, на таких чудачках держится мир. Кто думает о себе, о своем богатстве, после него ничего не остается. А после Карачобана осталось огромное богатство, наследником которого является весь народ”.

Ушел из жизни писатель в расцвете сил. Как ни избито это звучит, но он действительно был полон творческих планов и энергии. В последние годы обстоятельства сложились так (а они, как известно, создаются в основном людьми), что ему был нанесен ряд тяжелых ударов. Хрупкая поэтическая душа не выдержала, и писатель покончил с собой.

Когда человек безвременно уходит из жизни, это всегда печально. И если речь идет о простом, обыкновенном человеке, как правило, можно услышать: “Он мог бы еще порадоваться жизни”. Если же это был человек незаурядный – художник, поэт, творец, – говорят по-другому: “Он мог бы еще многое совершить, он мог бы еще порадовать нас”.

Таким незаурядным, талантливым человеком в истории гагаузской культуры был и остается Дмитрий Николаевич Карачобан.

***

Мина Кеся

Мина Васильевич Кеся (1933 – 1998 гг.) – уроженец с. Бешалма Комратского района Республики Молдова. Окончил исторический факультет Кишиневского госуниверситета. Работал учителем, директором школы, секретарем партийной организации местного колхоза, директором Бешалминского историко-этнографического музея имени Д. Карачобана. Первые стихи М. Кеся были опубликованы в 1959 г. в сборнике “Буджактан сеслър” (“Буджакские голоса”). Ничем особенным они не отличались, это были типичные упражнения в стихотворчестве, выполненные неопытной, еще не уверенной рукой.

В дальнейшем стихи поэта неоднократно печатались в школьных учебниках и хрестоматиях, однако в полный голос он заявил о себе в 1973 г., когда вышел в свет его сборник стихов “Кысмет” (“Счастье”). Книга состояла из четырех циклов, очертивших основные темы поэтических замыслов и поисков поэта: “Кысмет” (“Счастье”), “Вақыт ресимнери” (“Картины времени”), “Генчлик” (“Молодость”), “Хем да таа...” (“И еще...”).

Общая тональность дебютного сборника выражается уже в первом из перечисленных циклов. Поэт полон оптимизма, он буквально заряжен положительными эмоциями. Об этом красноречиво свидетельствуют названия стихотворений: “Йашасын кысмет!” (“Да здравствует счастье!”), “Чал турку!” (“Пой песни”), “Кысмет сеслери” (“Счастья голоса”), “Кысмет боллуу” (“Обилие счастья”), “Гулуш” (“Смех”), “Севинерим” (“Радуюсь”), “Тост” (“Тост”), “|Кысмет кужаа” (В объятиях счастья”), “Кысмет буунку” (“Счастье нынешнее”) и т. д. и т. п.

Итак, чему же поэт так неистово радуется? Что воспевает в своем творчестве с изощрённостью молодого любовника? Ответы на эти вопросы долго искать не надо. Поэт сам обо всем сказал предельно откровенно и просто:

Да здравствует земля!
Щедрая, ласковая.
И – любящая меня
Новая жизнь!
Да здравствуют руки
Трудолюбивые!
Родине – забота,
Моему дому – счастье!
Да здравствует Родима,
Построившая колхоз!

Главным свойством процитированных строк является, на мой взгляд, неприкрытая плакатность, их обращенность не к отдельно взятому потенциальному читателю, а ко всем людям сразу.

С первых стихов М. Кеся показал свою приверженность сельскохозяйственной тематике. В стихотворении “Алтын елләр” (“Золотые руки”) поэт признается:

Люблю, земледелец, тебя,
Твои красивые дела,
За то, что ты неустанно трудолюбив,
Щедр и не жаден.

Впрочем, своё творческое кредо поэт без обиняков выразил в стихотворении “Чалэрым” (“Пою”):

Пою: замечательна жизнь,
Я со счастьем побратался,
Село мое заполнено цветами –
Оно охотно выбрало этот путь.

Наверно, нет другого поэта, который бы посвятил Буджаку больше поэтических строк, чем М. Кеся.

Главный прием, используемый поэтом, когда он говорит о Буджаке, – это противопоставление современного поэту цветущего края голодному, выгоревшему уголку земли, каковым, по мнению М. Кеся, его родина была в историческом прошлом.

Так сложилась судьба поэта, что временами он ощущает в себе раздвоенность. С одной стороны, поэт крепко связан с землей, с традиционным укладом жизни своих предков-хлеборобов; с другой стороны, основную часть времени и сил он отдает совершенно новому для земледельца занятию – стихосложению. В результате рождаются следующие строчки:

И тогда, когда я дивлюсь сам себе,
Своей нынешней зрелой судьбе,
И пытаюсь понять, и теряю покой.
Сам себя вопрошая:
– А кто ты такой?
Хлебороб, чьи угодья – тетрадь на столе?
Стихотворец, чей стих – борозда на земле?

(Перевод) П. Измайлова

Таким образом, обе ипостаси, в которых ощущает себя поэт, суть сообщающиеся сосуды: жизнь в крестьянской среде, где царят свои неписанные законы и обычаи, стимулирует поэтическое творчество М. Кеся, и, наоборот, работа за письменным столом помогает ему глубже и тоньше понять поэзию, романтику и красоту повседневного физически напряженного труда своих земляков.

На протяжении всего творческого пути поэт остается верным своим любимым темам и идеям. Никаких сенсационных новшеств в области формы или содержания он не признает, предпочитая ортодоксальные, проверенные классической лите-

ратурой трюизмы, которые сводятся к декларациям о необходимости защищать Родину, почитать предков, любить жену и детей, беречь хлеб, боготворить человеческий труд и т. д.

Наверно, поэтому, творчество М. Кося не становится объектом бурных, эмоциональных дискуссий. Какие, например, споры и возражения может вызывать стихотворение “Как брат брату”:

Заходи во двор ко мне, гость дорогой!
Нет замка на воротах моих.
Ты их только легонько толкни рукой .....
И откроются в тот же миг.
Поднимись на крыльцо, распахни мою дверь,
Как водится у нас на селе.
Угощу я на славу тебя, поверь,
Все давно уже на столе.
...Заходи, мой брат! Если братья вдвоем –
Можно всякой беде помочь.

(Перевод М. Поздняева)

В последние годы М. Кёся в некотором смысле сменил свое амплуа и один за другим издал два сборника стихов, обращенных к читателям младшего и среднего школьного возраста: “Хазыр ол!” (“Будь готов!”, 1986) и “Сабансээрсын, гун” (“Доброе утро, день!”, 1990). Судя по тому, что в названиях обеих книг ость восклицательный знак, можно догадаться, какие настроения доминируют в помещенных в них стихах. Безудержный оптимизм и жизнелюбие, бьющие ключом во “взрослой” поэзии М. Кёся, здесь получают дальнейшее развитие. Главным образом за счет расширения тематики стихотворений. В книгах для детей появились многочисленные образы из мира растений и животных, играющих огромную роль и жизни маленьких читателей.

В стихах для детей М. Кёся не забывает о таких функциях поэзии, как воспитание любви к родной земле и к красоте окружающего мира, к материнскому языку и отчужденному дому.

С точки зрения технического исполнения детские стихи М. Кёся точь-в-точь повторяют его поэтическое творчество, обращенное к взрослым: они достаточно ритмичны, читаются легко, я бы даже сказал, несколько монотонно и убаюкивающе. Поэт не делает культа из рифмы: она может быть, а может и не быть, может быть точной, а может быть настолько приблизительной, что возникает вопрос: а рифма ли это вообще? Словом, читая стихи М. Кёся, ощущаешь какую-то легковесность, граничащую порой с лихостью. Вполне вероятно, что подобная легкость стала одной из причин беспрецедентной для гагаузской поэзии плодовитости: поэт издал семь поэтических сборников, т. е. больше, чем кто-либо “из его товарищей но литературному цеху.

Таковы идейный арсенал и художественный стиль одного из самых опытных гагаузских стихотворцев, которым стоял у истоков национальной поэзии.

* * *

Гаврил Гайдаржи

Имя Гаврила Аркадьевича Гайдаржи (1937-1998), родился в с. Карбалия Вулканештского района, в гагаузской культуре известно в нескольких ипостасях. Во-первых, он был одним из видных лингвистов-гагаузоведов. Его монографии по синтаксису гагаузского языка получили всесоюзное и даже международное признание. Г. Гайдаржи был одним из основных авторов гагаузско-русско-молдавского словаря. Его перу принадлежат также научные работы по топонимике, ономастике, этимологии, лексикологии. Словом, это филолог с широким кругом научных интересов.

Во-вторых, Г. Гайдаржи вёл большую педагогическую работу. Его стаж на этом поприще в высшей школе составляет более двадцати пяти лет. С возобновлением преподавания гагаузского языка Г. Гайдаржи отдавал много сил подготовке педагогических кадров для гагаузской школы. Начиная с 1986 г. он ежегодно преподавал на республиканских курсах по повышению квалификации учителей гагаузского языка и литературы.

Наконец, в-третьих, Г. Гайдаржи занимался художественным творчеством. Его рассказы, очерки и обработки фольклорных текстов опубликованы в школьных учебниках. Стихи изданы отдельной книгой "Ана тарафым" ("Родная сторона").

Что касается прозаических произведений, то они занимают в творчестве Г. Гайдаржи сравнительно скромное место, и нет необходимости подробно останавливаться на их анализе.

Книга "Ана тарафым" – поэтический дебют Г. Гайдаржи. К сожалению, в дальнейшем автор редко обращался к поэзии, и дебютная книга осталась его единственной художественной публикацией. Хорошая половина книги посвящена Буджаку, то есть родному краю поэта, где он не только родился, но и вырос, сложился как личность. Несомненно, это центральный образ книги, пронизывающий ее насквозь.

Ай, Буджак мой, Буджак,
Твои зори розовые.
Я счастлив тем,
Что родился здесь.
Ай, Буджак мой, Буджак,
Песенный и щедрый,
Превратился ты
В разноцветный луг.

Затем поэт обращает свой взор в прошлое, напоминая читателю о сравнительно недалеких временах, когда Буджакская степь была полумертвой целиной, где, кроме диких зарослей сорных трав, ничего не росло. Но вот времена изменились. Трудно-

любивые жители Буджака превратили его в благодатный край. И людям жить стало легче, и степь преобразилась, повеселела.

В стихотворении “Каавийсин сән” (“Ты могуч”) поэт беседует с дубом и вспоминает свое детство, когда он скрывался под сенью молодого тогда дерева. Прошло много лет, дерево окрепло, разрослось буйными ветвями. В конце стихотворения поэт возвращается к теме земли:

Ты силен и я силен,
Трудно нас сломать.
Наша сила от земли,
От ее соков.

Мотивы родной природы в поэтическом творчестве Г. Гайдаржи занимают значительное место. Поэт размышляет о прошлом и будущем своей родины, рисует различные пейзажи. Уже сами названия стихотворений подсказывают читателю, о чем пойдет речь: “Илкйаз сабаасы” (“Весеннее утро”), “Илкйазын” (“Весной”) “Гузун” (“Осенью”), “Бүүк йаамурун ардына” (“После грозы”), “Бүүк йолда кавак” (“Тополь у шоссе”) и др.

Интимная лирика в сборнике представлена на удивление скромно – в общей сложности стихотворений пять, зато на редкость мелодичных и искренних. К сожалению, эти стили не переводились на другие языки, что можно объяснить, видимо, скромностью автора. Ведь часто бывает, что тот или другой литератор в переводах печатается чаще, чем и оригинале (благодаря упорному обиванию редакционных и издательских порогов).

Два замечательных стихотворения посвятил поэт Матери. Особенно эмоциональным, берущим за душу получилось стихотворение “Афет бени” (“Прости меня”). Так получилось, что лирический герой (в данном случае автор) узнает о смерти матери далеко от родительского дома. Чувство скорби усиливается тем, что в последнее время сыну редко удавалось приезжать в гости к матери. По эмоциональности и стилистической выдержанности данное стихотворение можно смело отнести к лучшим художественным достижениям автора.

На поэтическое творчество Г. Гайдаржи наложили отпечаток бессмертные шедевры М. Еминеску. Это можно проследить, в частности, на примере стихотворения “Гел даайа” (“Приходи в лес”):

Приди в лес, где тишина,
Где ручей беседует с галькой,
Где трава, как коврик,
Скрывается под ветками.
Мои любящие объятия скучают
По твоей фигуре, похожей на тростинку,
А губы мои тоскуют
По твоему горячему поцелую.

Результатом влияния национального фольклора на творчество Г. Гайдаржи явился цикл четверостиший маани. Автор умело использует не только классический размер и ритмику маани, но и некоторые другие поэтические приемы и тропы, вплоть до вплетения в ткань четверостиший целых строк, взятых из фольклорных образцов.

Как и в фольклоре, эти строки выполняют функции своего рода зачинов и абстрагированы от первоначальной семантики.

В тематическом отношении стихи Г. Гайдаржи не претендуют на новаторство, о чем свидетельствуют и их названия: “Сенсиз сыкынтылы” (“Без тебя тоскливо”), “Женгӱ йок ер” (“Войне нет места”), “Буудун екмек” (“Растите хлеб”), “Чӱрек” (“Хлеб”) и т. д. Свежесть и неповторимость поэзии автора проявляются в поиске оригинальных сравнений и параллелей, порой подспудных, порой лежащих на поверхности. Характеризуя нравственные основы творчества поэта, можно утверждать, что главным для него являются общечеловеческие ценности.

На основе известного фольклорного сюжета Г. Гайдаржи создал поэтическую сказку для детей, зачин которой опять-таки целиком заимствован из фольклора:

Естек-пестек,	Естек-пестек,
Топал ешӱӱ кӱстек,	Хромому ослу подножка,
Ким масалы сеслеер –	Кто слушает сказку
Бана ага,	Мне брат,
Ким сеслӱмеер –	Кто не слушает –
Аннысына дамга.	На лоб ему клеймо.

Для более яркой характеристики личности Г. Гайдаржи и своего отношения к нему приведу фрагмент из газетной статьи, написанной мной к 50-летию юбилею героя настоящего очерка:

“Наше знакомство с Гаврилом Аркадьевичем состоялось более десяти лет назад. Еще в студенческие годы я не раз обращался к его работам и к нему лично за консультацией. И никогда он мне не отказывал, всегда у него находилось время для беседы и дружеского совета. И хотя я не слушал его лекций с кафедры, не сдавал ему экзаменов, тем не менее, считаю себя его учеником. У него есть чему поучиться. Взять, к примеру, знание языков. Не считая немецкого, который Гаврил Аркадьевич знает на уровне кандидатского минимума, он в совершенстве владеет еще четырьмя: румынским, русским, болгарским, гагаузским, то есть не просто изъясняется на этих языках, а говорит, пишет и даже на профессиональном уровне разбирается в их грамматических тонкостях. Сам Гаврил Аркадьевич ничего необычного в этом не видит, но мы то с вами знаем, что современные ученые-филологи (доктора наук и даже академики), как правило, чувствуют себя свободно лишь в пределах одного языка.

Где бы мы с ним ни встречались – в академическом коридоре или в его гостиничном номере – у нас всегда находится интересная тема для разговора. Один из нас (это я) преимущественно слушатель, другой – рассказчик. Причем рассказчик замечательный. Много лет он работал в пединституте (преподаватель, доцент, заведующий кафедрой), это выработало в Гавриле Аркадьевиче высокую культуру речи. Он всегда облакает свои мысли в стройные, плавные фразы, голос его звучит

ровно и уверенно. Часами он может рассказывать о гагаузской литературе, о судьбе нашего языка, об этимологии тех или иных слов, о жанровых особенностях четверостиший маани, о современной поэзии и т. д.

С ним очень приятно спорить. Он не бывает резким, категоричным, назойливым. Умеет тактично выслушать собеседника, спокойно изложить свою позицию. Но одно его качество имеет особую ценность. Это чувство юмора...

По природе своей Гаврил Аркадьевич мягкий, деликатный человек. Но эта мягкость не мешает ему быть настойчивым, принципиальным и требовательным. Если к нему попадает на рецензию научное исследование или рукопись будущей книги стихов, автору не следует обольщаться надеждами, что ему попался сердобольный, сговорчивый рецензент, и многое сойдет с рук. Напрасные надежды! Не волнуйтесь, рецензия будет обстоятельной, предметной, что, в конечном счете, сыграет добрую службу автору. Лично я в этом не раз убеждался.

До недавнего времени Г. Гайдаржи жил в Бельцах и работал в пединституте имени А. Руссо. Когда же в отделе этнографии и искусствоведения АН МССР стала формироваться группа гагаузоведения, он решил, что здесь принесет больше пользы, и поменял место работы и место жительства. Этот гражданский, патриотический поступок доставил ему массу житейских неудобств и хлопот. В течение продолжительного времени он был постоянным пассажиром автобусов (а нередко и такси) Бельцы—Кишинев—Бельцы. В кишиневских гостиницах он стал своим человеком. И все-таки есть в его душе что-то такое, что движет им, невзирая на объективные трудности и чье-то субъективное непонимание. Наверно, это вера в нужность своего труда”.

...В шестьдесят лет Гаврила Аркадьевича не стало. Гагаузская филология осиротела.

***

Степан Куроглу

Степан Степанович Куроглу (родился в 1940 г.) – уроженец с. Димитровка Болградского района Одесской области Украины. Окончил исторический факультет Кишиневского государственного университета, отслужил в рядах Советской Армии, работал преподавателем истории, затем – директором школы в родном селе. В 1974 г. окончил аспирантуру. Кандидат исторических наук, ведущий специалист в области гагаузской этнографии.

Литературный дебют С. Куроглу состоялся в конце 60-х гг. Одну за другой молодой автор издал две книги: сборник стихотворений “Бир кужак гүнеш” (“Охапка солнца”, 1969) и сборник рассказов “Йоллар” (“Дороги”, 1970). Романтик по натуре, С. Куроглу в дальнейшем к прозе почти не обращался, по крайней мере, факт остается фактом: его первая книга прозы оказалась и последней. Все свои литературные пристрастия он сосредоточил на поэзии, и в последующие тридцать лет из-под его пера вышли еще четыре

поэтических сборника: “Кызгын чийләр” (“Горячая роса”, 1974), “Кауш авалары” (“Напевы струн”, 1977), “Уусек кушлар” (“Птицы поднебесья”, 1982) и избранная поэзия в переводе на русский язык – “Родословное древо” (1988).

Уже сами названия книг свидетельствуют о тяготении автора к образной, ёмкой и романтической манере стихосложения, что находит подтверждение и в содержании указанных книг.

Структура и тематика первых двух поэтических сборников С. Куроглу явственно перекликаются и наталкивают на мысль об условном выделении их в некую целостность, характеризующую ранний этап в творчестве писателя. Обе книги открываются циклами, преисполненными гражданского пафоса: соответственно “Корууйун гүнеши” (“Берегите солнце”) и “Ал бойалар” (“Алые краски”). Названные циклы состоят сплошь из традиционных для того времени прославлений вождя мирового пролетариата, Октября и Партии.

Значительное место в творчестве автора занимает тема войны. Пожалуй, ни один гагаузский писатель не уделил этой теме такого внимания, как С. Куроглу. Этот объективный факт можно объяснить двояко: с одной стороны, тем, что на войне погиб близкий родственник автора, и на его плечи легла своего рода моральная ответственность рассказать потомкам о погибшем дяде; с другой стороны, тема войны оказалась созвучной мироощущению поэта. В стихотворениях “Коммунист”, “Докуз лаапсыз” (“Девять безмянных”), “Меневша” (“Фиалка”), “Уйуйэр солдат” (“Спит солдат”), “Мезар башында” (“Над могилой”), “Сус, аалама” (“Не плачь”) автор отдаёт дань памяти павших в Великой Отечественной войне и преклоняется перед их мужеством и бесстрашием.

Памяти Героя Советского Союза Антона Буюклы, повторившего подвиг Александра Матросова, посвящено стихотворение “Колышутся травы, волнуются маки”:

К числу программных можно, без сомнения, отнести стихотворение “Корууйун гүнеши” (“Берегите солнце”), в котором поэт призывает всех людей беречь драгоценный мир, чтобы “в небе не появилась черная туча, чтобы счастливо расцвели цветы жизни”.

В первых книгах С. Куроглу доминируют общечеловеческие, порой макроскопические образы, поэт часто мыслит глобальными категориями. Не случайно одно из его стихотворений озаглавлено “Акыллы дуннейя” (“Обращение к человечеству”).

Стихи, родившиеся в результате долгих раздумий поэта о смысле жизни, о судьбе своего народа, о предназначении поэта, можно отнести к философской лирике. В одном из таких стихотворений – “Поэт йолу” (“Путь поэта”) – С. Куроглу сравнивает поэта с пчелой, перелетающей с цветка на цветок в поисках нектара. В то же время автор акцентирует внимание на том, что, даже если бы он знал, что ему не суждено найти нектар, он все равно продолжал бы предначертанный судьбой долгий путь.

В другом стихотворении утверждается, что поэт обязан петь, если его народ поет, и стонать, если народ стонет. Но если вдруг народ замолчит, поэт не имеет права молчать.

В стихотворении “Поэт, чего тебе страшиться?” автор рассуждает о своем предназначении в подлунном мире и в заключительных двух строчках приходит к выводу, который звучит как жизненное кредо поэта:

Коль нет стихов и нет наитий,
Тогда зачем мне жизнь дана?

(Перевод И. Кондаковой)

Любовь к своей малой родине – степному Буджаку – зримо присутствует в каждой книге поэта. Она начинается с любви к родному очагу. Примечателен авторский эпиграф к стихотворению “У очага детства”: “Дом детства – наша первая родина. В нем бережно хранится память семьи. Память хранят даже стены. Пока жива мать, не затухает очаг. Как и очаг, сердце матери томится в ожидании гостей – детей, живущих вдали от родных мест”.

К слову, Буджак поэт неизменно прибавляет эпитет “попынный”. И этот поэтический штрих отражает не только внешний факт, отмечающий характерную особенность буджакской флоры, но и как бы подспудно напоминает о суровых условиях засушливой степи, о вкусе полыни, о несладкой жизни жителей этого уголка земли. В стихотворении “Слово о Буджаке” поэт пишет:

Если спросят, что в мире подлунном
Я святее всего берегу,
Без сомненья – “Буджак мой опынный” –
Я и другу скажу и врагу.

(Перевод Н. Кондаковой)

Небольшое по объему стихотворение, всего четыре строчки, из сборника “Кызгын чийләр” (“Горячая роса”). Но как поразительно свежи и благозвучны эти строки! Они, безусловно, украсят любую антологию гагаузской поэзии:

Кыш. Аул куртун-куртун. Зима. Двор весь в сугробах.
Фиданнар да гумуштан. Деревья из серебра.
Хербир ев чекер тутун И каждый дом курит
Дёрт кошели луледан. Из квадратной трубки.

К числу наиболее важных в творчестве С. Куроглу, особенно в первых двух книгах, относится тема любви. Именно в ней поэту удалось раскрыть свой талант во всей полноте и глубине. Говоря об интимной лирике поэта, никак нельзя обойти стихотворение “Сенсиз” (“Без тебя”):

Без тебя
И небо – в тучах,
И огромный город – пуст.
Без тебя дороги круче,
Даже мед горчит на вкус.

Надо заметить, что в оригинале это стихотворение, на мой взгляд, воспринимается значительно лучше. Перевод получился неадекватным и явно уступает ориги-

налу. В нем нет первозданности, присущей оригиналу, а, напротив, уже с первых слов создается впечатление чего-то заезженного до банальности. Более того, последняя строфа даже напрашивается на едкую пародию.

В стихах о любви С. Куроглу следует традициям восточной поэзии, где любимая женщина воспевается в возвышенном стиле.

Национальная специфика и колорит проявляются, в частности, в древнейшем жанре народных миниатюр – маани. Цикл этих самобытных четверостишии представлен в книге “Напевы струн” под общим названием “Кыш седефлери” (“Ожерелья зимы”). Приведем несколько примеров, дающих представление о поэтике рассматриваемого жанра:

Белый снег неудержимо
 Страсть несет к огню без дыма.
 Нам дана такая ж доля –
 Быть в объятиях любимой.

Отдельного разговора заслуживает цикл двустиший “Надписи на свадебных полотенцах”. Разработка этого жанра – целиком и полностью заслуга С. Куроглу.

По форме и афористичности поэтические надписи на полотенцах С. Куроглу нередко напоминают пословицы и поговорки. Например:

Не зарься на чужое,
 Свое – береги.

***

Сбережешь любовь свою –
 Сохранишь свою семью.

В последних поэтических книгах творческий почерк С. Куроглу претерпел значительную эволюцию. И в этом нет ничего удивительного. Как говорили мудрые римляне, *tempora mutantur et nos mutamur in ilis* (“времена меняются, и мы меняемся вместе с ними”). Во-первых, и это очень важно, поэт практически отказался от конъюнктурных тем, не приносящих особой радости ни читателям, ни, очевидно, самому поэту. Во-вторых, поэзия С. Куроглу сделала явный поворот в сторону все большей “национализации” стиха, что особенно отчетливо проявилось в области формы и во вплетении в ткань произведения специальных этнографических и фольклорных терминов, а также большого числа имен собственных. Никким образом нельзя однозначно утверждать, что указанный поворот оказал лишь позитивное влияние на качество стиха. В отдельных случаях придание стихам –национального колорита носит экспериментаторский характер, и тогда форма становится самоцелью, отчего, естественно, страдает содержание.

До 80-х гг. прошлого века стихи для детей на гагаузском языке практически не печатались. В 1981 г. благодаря стараниям С. Куроглу в издательстве “Литература

артистикэ” увидела свет подготовленная коллективом авторов книга “Чык, чык, гүнеш!” (“Взойди, взойди, солнышко!”). Это было первое издание стихов, песен, сказок и загадок на гагаузском языке, адресованное детям дошкольного и младшего школьного возраста.

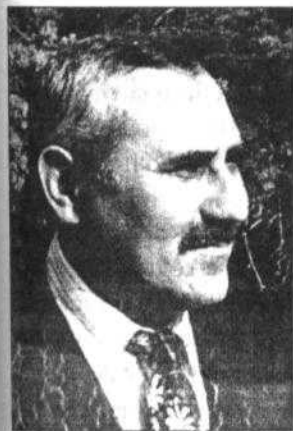
Из всех книг, изданных С. Куроглу, как уже говорилось, только одна включает в себя прозу. Это небольшой сборник рассказов “Йоллар”. Вошедшие в него рассказы за редким исключением имеют историко-этнографическую направленность, что является естественным результатом профессиональных интересов писателя. Действие рассказов, как правило, не выходит за рамки одного из буджакских сел. Отражаются события 20 – 30-х гг. минувшего века.

В рассказе “Порезенжи” (“Весельчак”) автор также не скрывает своего восхищения оптимизмом и силой духа бедняка Марина. «Казалось бы, о какой радости в жизни может идти речь, когда Марин с трудом сводит концы с концами, одних детей у него восемь душ. Но нет, Марин всегда весел и жизнерадостен, за словом в карман не лезет, и на все случаи жизни у него припасена шутка. Самое удивительное в том, что окружающие как бы заражаются оптимизмом Марина, и уже не всё в окружающей жизни им видится в черных красках.

Еще одна нравственная доминанта, отраженная в рассказах, да и в стихах тоже, – мужество и сила воли человека, перед которыми автор преклоняется. Небольшой по объему рассказ “Коркусузлук” (“Бесстрашие”) – один из ярких примеров, иллюстрирующих высказанную мысль. В основе рассказа – конфликт между простыми жителями неназванного гагаузского села с представителями власти.

В заключительном разделе книги помещены рассказы, действие которых происходит в современной писателю жизни. В них чувствуется автобиографическая жилка, а доминирует тема любви. Эти рассказы без труда можно было бы выделить в самостоятельный цикл и противопоставить остальным. По стилю они более реалистичны и отличаются заземленностью, неторопливостью и психологизмом. В них меньше пафоса, патетики и театральности. И то же время с точки зрения сюжетной динамики и компактности эти рассказы кажутся менее удачными.

***

Степан Булгар

Степан Степанович Булгар родился в 1953 г. в с. Виноградовка Болградского района Одесской области.

Одним из первых изданий, положивших начало новому этапу в гагаузской литературе, стала книга С. Булгара “Жан пазары”. По жанровой характеристике ее можно определить как синкретическую. Книга состоит из документально-художественных очерков, призванных, по замыслу автора, заполнить так называемые белые пятна в гагаузской истории нашего столетия.

Герои очерков – представители гагаузского народа, принимавшие деятельное участие в важнейших исторических событиях: русско-японском и первой мировой

воинах, Октябрьской революции и Великой Отечественной войне. Автор приводит многочисленные факты, документы, воспоминания. Разумеется, все это не лежало на "поверхности". Требовалась кропотливая работа с научной и мемуарной литературой, совершались поездки по селам, проводились беседы с ветеранами и теми, кто хоть что-то помнит о героях, ушедших из жизни.

Один из очерков С. Булгара посвящен Герою Советского Союза Антону Буюклы, повторившему в 1945 г. подвиг Александра Матросова. Об этом герое было написано довольно много: очерки, воспоминания, стихи и даже целые поэмы. Однако до 1987 г. не было ясно, сыном какого народа был А. Буюклы. Многие авторы его считали болгаринном, но гагаузская фамилия допускала и другую версию. Наконец, в сентябре упомянутого гола отдел гагаузоведения АН МССР организовал фольклорно-этнографическую экспедицию в Запорожскую область Украинской ССР, где в ряде сел проживают небольшие группы гагаузов. В селе Александровка Акимовского района состоялись встречи с родственниками и односельчанами героя. Оказалось, что в Александрова живут и болгары, но семья Буюклы – гагаузская. Члены экспедиции, в числе которых был и С. Булгар, записали на магнитную ленту беседу с двоюродным братом Антона – Константином Буюклы, взяли на память оригинал его воспоминаний о брате, сняли копии с сохранившихся фотографий, писем и других документов.

Таким образом, все стало на свои места. С точки зрения общественной значимости книга "Жан пазары" имела большой резонанс, она воздействовала на национальное самосознание читателей. И все же полноценным писательским дебютом С. Булгара с большим основанием можно считать сборник рассказов "Жанавар йортулары" – плод десятилетнего труда.

Рассказы С. Булгара – безусловно, явление неординарное, это новая, свежая струя в гагаузской прозе. В своих лучших рассказах писатель "соперничает" с классическими рассказами Д. Карачобана: те же четкость слога и бережное отношение к слову, гуманизм и неожиданный взгляд на обыденные явления, стремление раскрыть душу простого человека. Проза С. Булгара узнаваема и в то же время чеповторима. Хотя во многих рассказах чувствуется влияние великих предшественников: Горького и Чехова, Гоголя и Бунина, все же, если рассматривать вещи в конкретно-историческом контексте, можно смело произнести комплиментарную фразу: "Такого ещё в гагаузской литературе не было".

Подобно всем гагаузским писателям, С. Булгар испытал на себе благотворное влияние фольклора. Разница, однако, в том, как проецировались фольклорные мотивы в том или ином случае. Блестящий пример использования фольклорного материала – небольшой по объему рассказ "Тракалы ёкуз" ("Вол с колокольчиком"). В нем чувствуется уже рука зрелого, сформировавшегося прозаика, а не робкого новичка. Фабула такова. Детство главного героя пришлось на 20-е годы прошлого века. Мальчик батрачил у богатого хозяина. Работа была изнурительная и не доставляла никакой радости. Лишь изредка у мальчика было легко на душе: в те минуты, когда его старший товарищ, тоже батрак, по прозвищу Масалджды (Сказочник), рассказывал вечером сказки. Одна из них – про вола с колокольчиком – запала мальчику в сердце на всю жизнь. Через несколько лет Масалджды умер. И герой рассказа,

уже взрослый мужчина, оказался в Испании, в рядах защитников республики. Там он попадает в безвыходную ситуацию: его вместе с боевыми товарищами окружают фалангисты, наступает кульминация. А развязка неожиданна: герой вспоминает сказку, ему грезится тот самый вол с колокольчиком. И рассказ обрывается. Но читателю все ясно, продолжения не нужно. Перед смертью человек возвращается к своему детству, к юности, к истокам.

Отдельной книжкой вышли сказки С. Булгара для детей. Буквально в каждой из них встречаются фольклорные сюжеты. В одних случаях это литературно обработанная сказка, в других автор соединил несколько близких по духу сказочных сюжетов, введя одного сквозного героя. Единый стиль изложения также создает ощущение целостности и гармоничности. В итоге получилось новое, фольклорно-приключенческое повествование.

Мифологическая система гагаузов преимущественно христианская. Гагаузы как народ сформировались на Балканах, где они вместе с другими балканскими народами приняли христианство. Однако внимательный анализ показывает, что в гагаузском фольклоре (особенно в сказках) сохранились отголоски языческих верований. Именно такие сказки привлекли внимание С. Булгара. Чудовище Тепягёз, великан Дев, оборотень Тылсым, колдунья Джады и даже имена героев: Зулум, Курти, Дюнняя Гёзели – все указывает на самый древний пласт гагаузской мифологии.

Большое место в прозе С. Булгара занимают юмористические рассказы. Они сделаны на высоком профессиональном уровне. Как правило, в их основе лежит какой-нибудь анекдотичный случай или даже просто анекдот. Схематичный сюжетный скелет обрастает деталями, динамичными диалогами, что уже вызывает улыбку, смех, оживление. А непременно неожиданный конец создает не просто комический эффект, а своего рода резонанс, и впечатление от рассказа многократно усиливается.

Среди наиболее удачных юмористических рассказов С. Булгара такие, как "Утанжак" ("Стыдливый"), "Сыкы Мирчу" ("Жадный Мирчу"), "Не аннадын сән?" ("Что ты понял?").

В ряде рассказов С. Булгар выступает как неплохой бытописатель и этнограф. Правда, сразу же следует оговориться, что писатель включает в свои рассказы те или иные сцены из народной жизни не с целью описательно-познавательной или создания юмористического фона: они служат материалом для более рельефного и контрастного выделения идеи произведения.

В рассказе "Дамга" ("Клеймо") герой шел с другом на литературную встречу, а попал по стечению обстоятельств на похороны. Автор подробно описывает все, что видит в доме покойника: горящие свечи, благостный шепот стариков и старух, запах ладана. Обстановка волей-неволей настраивает на размышления о вечных категориях, таких, как жизнь и смерть, смысл человеческого бытия, на раздумья о суетности и эфемерности мелких забот, обид, тщеславия. И что-то переворачивается в душе человека, он становится чище, разумнее, добрее. Финальная фраза заключает в себе идею рассказа: "Они шли рядом, но им уже не хотелось ни говорить о своих обидах, ни искать виновных, так как после увиденного все слова казались очень мелкими и дешевыми".

Еще более насыщена фольклором и этнографическим материалом повесть “Каурма”. Нисколько не боясь преувеличений, можно сказать, что по своей поэтике это произведение не знает аналогов в гагаузской литературе. Дело в том, что все написанное гагаузскими литераторами не выходило за рамки романтизма и реализма (в основном социалистического). В “Каурме” же наряду с суровым реалистическим фоном присутствует фантастическое начало. Замешанное на сугубо национальном материале повествование получилось новаторским и на редкость колоритным. Есть в нем что-то от булгаковской черной магии (вспомним “Мастера и Маргариту”). А сюжет вкратце таков. Журналист Тезек Мити вертится в своей редакции, как белка в колесе. Социалистическая действительность и начальник-зверь доводят его до той отчаянной черты, когда человек постепенно теряет собственный облик. Тезек перестал бриться, начал опаздывать на работу. И вдруг однажды утром он проснулся и ощутил в себе какое-то раздвоение. Оглянувшись, увидел, что лежит он не у себя в комнате, а под каким-то навесом прямо на снегу. Оказалось, что он превратился в ягненка, и его облизывает большая овца. “А-а-а! – попытался крикнуть Тезек, но почему-то вышло: “Ме-е-е-е!”

Дальнейшие события показаны через воспоминания ягненка, бывшего Тезека. Сюжет как бы начинает крутиться в обратную сторону. Заканчивается повесть тем, что к хозяину овчарни, куда попал Тезек, приходит директор совхоза и просит зарезать ягненка, так как из района ожидают почетные гости.

Выбор падает на Тезека. По-другому и быть не могло. Иначе повесть потеряла бы смысл. А почетным гостем оказывается редактор районной газеты, тот самый, который измывался над Тезеком.

В этой повести С. Булгар отрывается от канонов социалистического реализма. Героя повести никак не отнесешь к убежденным коллективистам, идущим в ногу со всеми окружающими. Он глубоко индивидуален, одинок, где-то даже эгоцентрист. Обстоятельства буквально изматывают его, он борется, но силы его тают. После фантастической метаморфозы, кажется, автор спасает своего героя, однако финал повести фатально-трагичен и, несмотря на ирреальность происходящего, глубоко реалистичен.

За последние годы Степан Булгар опубликовал ряд рассказов в журнале «Сабаа йылдызы». Среди них можно выделить рассказ «Марку Жежунун йолу» (2004). В этом произведении рассказывается о переселенце из Болгарии, который оказался арестованным царскими властями за сопротивление боярам и неуплату подати. Отчаянное стремление к свободе кончается гибелью героя. Этот трагический художественный образ как бы олицетворяет судьбу гагаузов в начале XIX в. В военном рассказе «Лазари пазары» (2005) повествуется о старике Милиш Йорги, который гибнет от рук оккупантов. В рассказе «Чобан йылдызы» (2005) идет речь о судьбе маленького пастушонка. В рассказе «Чалгыджы» (2002) повествуется о судьбе маленького музыканта. Похожий сюжет отражает судьбу художника в рассказе «Вани Папазоглу – ресимжинин йолу» (2005).

Отметим также детские рассказы и сказки в журнале «Гюнешчик»: сказки «Дада Далиман, суда Сулиман...» (1996), «Девлет кушу» (1997), «Жанавар сюдю» (1997), «Гогужу-Могужу» (2005).

На наш взгляд, событием гагаузской литературы, явилось издание воспоминаний С.Булгара о писателе Дмитрие Кара Чобане «Булушмаklar Дмитрий Кара Чобаннан» (2003). В этих очерках рассказывается о встречах с писателем Дмитрием Кара Чобаном в период с 1979 по 1986 гг., где также анализируется творчество гагаузского классика.

Особое место в творчестве писателя занимает тема жизни и творчества династии просветителей рода Чакир. Одним из документально-художественных произведений, посвящённым этой теме, являются документальные очерки о жизни и творчестве гагаузского просветителя Михаила Чакира «Михаил Чакир гагауз айдыннадыжысы» (2002). Продолжением данной темы в гагаузской литературе явилось издание книги «Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв.» (2005). В книгу вошли: статья С.Булгара «Из истории литературы гагаузов XIX – нач. XX вв.», очерки о жизни и творчестве Дмитрия Чакира, Михаила Чакира и Михаила Михайловича Чакира и их произведения, а также ряд исторических и литературных текстов из истории гагаузов.

Ярким событием в культурной жизни гагаузов стало издание книги очерков «Гагаузские судьбы» (2003). Книга содержит пятьдесят очерков о жизни и творчестве выдающихся деятелей культуры и науки гагаузского народа XIX-XX вв.

В 2004 году писатель издал книгу «Вейсел Арсевен (Васили Ёкюзчю) гагауз композитору, музикологу, фольклоржусу», где рассказал о яркой личности, которая, несмотря на тяжёлые условия жизни в 30-е годы XX века в Румынии, уехал в Турцию, где стал выдающимся музыковедом, фольклористом и композитором.

Степан Булгар подготовил к переизданию труды В.А.Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда» (2004), «Турецкие племена на Балканском полуострове» (2005), академик Н.С.Державина «О наименовании и этнической принадлежности гагаузов» (2005).

***

Из числа дебютантов 80-х гг. в гагаузской литературе выделяется также молодой поэт Тодур Мариноглу (родился в 1955 г.) в с. Авдарма Комратского района. Его

Федор Мариноглу

лирика темпераментна, насыщена свежими образами и глубокими идеями. Один из любимых поэтических приемов Т. Мариноглу – олицетворение, выражение тех или иных предметов, явлений природы в образе живого существа, в результате чего создается ощущение единства человека и природы:

Твоей израненной души
Я излечить не смог – прости
Но только поле покажи,
Где деревом мне прорасти,
Чтоб в знойные любила дин
Ты постоять в моей тени.

Помимо традиционных стихов, Т. Мариноглу пробует себя в белом стихе. Его лирические миниатюры хоть и не имеют внешних поэтических атрибутов: размера, рифмы, ритма, – тем не менее, по духу своему, по воздействию на читателя, безусловно, относятся к поэзии и, надо сказать, поэзии интересной, не вторичной, что само по себе считается достоинством высокой пробы. Вот одна из таких миниатюр, дающих общее представление о творческих поисках молодого поэта в этом направлении: “Идите, обойдите весь мир до последнего уголка, одевайтесь так красиво, как никто еще не одевался, отведайте самых вкусных в мире яств, но красивее, слаще и целительнее маминых слов нет ничего на свете. В ее седых волосах, глубоких морщинах, сердечной боли осталось наше детство. Нет человека, которому надоело бы слово „Мама””.

Пли другой пример: “Ночь. На небе ни звезд, ни луны. Кругом ни души. Слышна только тишина. Мерцание огней и редкий лай собак говорят о том, что где-то рядом село.

Я радуюсь этой ночи. И нанизываю ее на слова родного языка, как бусинки па нитку”.

Стремление поэта к афористичности и философскому осмыслению нашей действительности и личного жизненного опыта получило отражение в цикле “Сөлейишләр” (“Поговорки”). В этом жанре Т. Мариноглу добился довольно значительных успехов. Правда, в одних случаях остается ощущение вторичности, кажется, что где-то уже подобное встречалось. Так, например, “Сколько ступенек – столько ошибок”, “Познай себя, потом учи других”, “Жизнь цветка коротка, но красива”, “Огонь любви вода не тушит”, “Печь греет извне, а ласковое слово изнутри”. В других случаях мысль поэта неожиданна и образна: “Будь зубастым, но не при делёжке”. “Обида проходит, а слова не забываются”, “Деньги играют с человеком, как котенок с клубком” и т. д.

Т. Мариноглу полон энергии и творческих планов. Он подготовил сборник стихов для детей. Несколько циклов из будущей книги уже опубликованы в периодической печати. Писатель уже заявил о себе в полный голос. Однако своего главного слова в литературе он еще не сказал.

***

Василий Филиоглу

Творчество Василия Филиоглу (родился в 1949 г. в с. Бешалма Комратского района) носит стабильно ортодоксальный характер. Поэт не ставит нерол собой задачи удивлять или шокировать читателя изысканной формой, хлесткой фразой, необычной идеей. Все у него идет от спокойного земледельческого взгляда па жизнь. Традиционные темы, привычные, но близкие простому человеку идеи о любви к родным буджакским холмам, к материнскому языку и родной Бешалме. Кстати, В. Филиоглу – земляк двух других гагаузских поэтов – Д. Карачобана и М. Кёся. Если сопоставить творчество всех трех бешалминских поэтов, то даже при поверхностном рассмотрении

видно, что В. Филиоглу гораздо более органично и естественно связан с М. Кёся. Здесь можно говорить и о преемственности, и о взаимовлиянии. Оба поэта живут рядом, воспевают жизнь своих односельчан, радуются их успехам, огорчаются в случае неудач.

Многие стихи В. Филиоглу стали народными песнями. Их поют не только в Бешалме, но и в других гагаузских селах, они передаются по радио.

Характеризуя поэзию В. Филиоглу, нельзя не отметить еще одно ее ценное качество – юмор, улыбку, иронию. Ряд стихов, такие, как “Оф!” (“Ох!”), “Балыкчылар” (“Рыбаки”), “Бир керä” (“Однажды”), написаны в юмористическом ключе, от них веет народным оптимизмом, весельем, отражающим дух и нрав самого автора и его героев. В 2005 году В. Филиоглу выпустил книгу стихов «Давайте возьмемся за руки».

* * *

Одной из активных фигур в гагаузской литературе нового поколения является Тодур Занет.

Поэзия Т. Занета отличается тематическим разнообразием и какой-то непередаваемой категоричностью. Создается впечатление, что автор твердо уверен в себе, умудрен жизненным опытом, что ему все ясно, и он ни в чем не знает сомнений. Многие стихи молодого поэта стали песнями, их можно услышать по радио и телевидению. Например, вот это:

Говорю я дому “Здравствуй”,
Возвратись из долгих странствии.
Двери распахни свои,
Зря обиду не таи...

“Детская” поэзия Занета адресована самым маленьким читателям: дошкольникам и учащимся младших классов. Главное достоинство стихов из сборника “Карымжалык” – непосредственность и ясность изложения, что отвечает уровню восприятия окружающего мира детьми.

Многие стихотворения написаны от первого лица, но от имени ребенка. Такая манера позволяет создать особую, доверительную интонацию. Это очень важный момент, так как поучающий, морализаторский тон отталкивает читателей, в том числе самых маленьких.

Большое место отведено в сборнике игре, и это резонно и легко объяснимо. Ведь именно через игру дети знакомятся с жизнью, накапливают первый опыт. Собственно говоря, считалки и скороговорки – это жанры, в которых элемент игры основополагающий. Одновременно стихи носят не чисто развлекательный, а и воспитательный характер. Кроме того, хорошие детские стихи развивают речь, обогащают словарный запас детей, прививают им любовь к родному языку.

Соль – вода,
Соль – вода,

Получилось вроде льда.
Ты комочек разобьешь –
Тех, кто спрятался, найдешь.

Или:

Колесо под горку мчится,
В небе бабочка кружится.
Утки по воду выходят.
Кто остался, тот и водит.

Еще одно ценное качество детских стихов Т. Занета – краткость: четыре, максимум шесть строчек. Как известно, короткие стихи порой писать сложнее, чем длинные. Здесь каждая рифма, каждое слово на виду, все должно быть на своем месте... В этой связи вспоминается известная реплика С.Я. Маршака, который на упреки в краткости его детских стихов ответил вопросом: “Вы что, думаете, маленькие часы сделать легче, чем большие?”

Из этических соображений отметим, что имена Маршака и Занета оказались рядом произвольно, без всяких иронических подтекстов.

К недостаткам занетовских стихов можно отнести гот факт, что автор использует преимущественно один и тот же размер – четырехстопный хорей. Казалось бы, ничего предосудительного в этом нет. Но для читателя было бы лучше, если бы изредка хорей заменялся, скажем, на ямб, анапест или даже какой-нибудь дольник. В противном случае книга получается монотонной. Гладкий, как шоссе, дорога, хорей убаюкивает.

* * *

С момента утверждения официальной письменности для гагаузского языка, что послужило основой для развития литературы, прошло более сорока лет. С тех пор утекло много воды. Каковы же итоги развития нашей молодой литературы?

Издано более шестидесяти книг поэзии и прозы. Каждая из вышедших книг была “удостоена” одной-двух рецензий репрезентативного характера. Появилось несколько литературно-критических статей и обстоятельных обзоров, наиболее серьезные из которых принадлежат И. Топалу, П. Дьячуку, Г. Гайдаржи.

Успехи, надо отметить, весьма скромные. Полнокровный литературный процесс в эти годы по-настоящему так и не развился, он едва-едва теплился. Причин тому было немало. Но главная – отсутствие понимающего, внимательного, заинтересованного читателя. А какая же это литература без обратной связи? Разговор глухого с немым.

Небольшая группа стихотворцев по принципу manus manum lavat (рука руку моет) сама себя поочередно редактировала, рецензировала и сама же выступала в роли читательской аудитории. Тем не менее, книги, выходящие тысячами тиражами,

более или менее успешно расходились. Кто же их покупал? Люди, в которых, невзирая ни на какие политические ветры, продолжал жить естественный интерес к родному языку, литературе, фольклору, национальным истокам. Кто-то из них (таких было очень мало) с интересом знакомился со всем, что выходило на гагаузском языке, другие (их было большинство) покупали книги с надеждой на "потом" авось когда-нибудь пригодится! А настоящего, массового читателя практически не было. Да и откуда ему было взяться, если с 1962 по 1986 г. гагаузский язык в школах не преподавался. А если и звучал там, то разве что на переменах. Справедливости ради нужно отметить, что и в эти годы были люди, понимавшие необходимость принятия мер для исправления ситуации. Еще в 1975 г. Г. Л. Гайдаржи писал: "Подготовка читателей наших отстает от темпов развития литературы. Она тесно связана с преподаванием родного языка в школе. Должны быть подготовленные читатели. И если есть читатель, то писатель может быть уверен, что идейно-эстетические ценности, создаваемые им, станут достоянием его народа, будут способствовать организации мыслей и чувств трудящихся масс к творческой активности".

И то время это был глас вопиющего в пустыне. Бюрократическая машина работала в привычном режиме, не допуская никаких отклонений.

У Расула Гамзатова есть эпиграмма с длинным названием: "На поэта, чьи стихи в переводе выходят раньше, чем на родном языке":

Приятель, объясни, чтоб мы поверили,
Отпеть нам на такой простой вопрос:
Как получилось, что сперва на севере,
А не на юге вызрел абрикос?

В самом деле, ситуация неестественна, абсурдна. К сожалению, в гагаузской литературе такой порядок вещей был, до недавнего времени, чуть ли не нормой. Однако объяснялось это не только желанием опубликоваться любой ценой, безразлично на каком языке (хотя и такое бывало), но и тем, что на родном языке было мало возможностей печататься. Вот и приходилось как-то заявлять о себе через переводы на русский или молдавский язык. Иного выхода не оставалось, если человек хотел остаться на литературном поприще.

Лёд тронулся только в середине 80-х гг. В 1986 г. гагаузские писатели получили возможность публиковаться на родном языке в специальных выпусках газет "Литература ши арта", "Ленинское слово" (Комрат), "Знамя" (Чадыр-Лунга), "Путь к коммунизму" (Вулканешты), "Свет Октября" (Тараклия). В августе 1988 г. была учреждена отдельная газета на гагаузском языке "Ана сөзү" ("Родное слово") в Чадыр-Лунге. Примерно с этого же времени в Кишинёве sporadически стал выходить журнал для детей "Kırlangaç" ("Солнышко"). Наконец, с 1996 г. в Комрате издаются журнал для взрослых "Sabaa yıldız" ("Утренняя звезда") и журнал для детей "Güneşlik" ("Солнышко").

Несмотря на то, что выходит она нечасто и ее объем ничтожно мал, ситуация все же нынче совсем иная, чем была лет пять назад. По крайней мере, национальные писатели могут дебютировать на том языке, на котором они творят, а не в переводе, как это было в недавние абсурдные времена.

Республиканские издательства стали больше печатать произведения гагаузских писателей. Только в 1988–1990 и. увидели свет следующие книги: “Тарафымын пиетлери” (“Песни родной стороны”) Н. Бабоглу, “Умутлар” (“Надежды”) и “Сабансэ-эрсин, гун” (“Здравствуй, день”) М. Кёся; “Саклы жнкчиләр” (“Бойцы подполья”) Н. Туфара, “Жан пазары” (“Не на жизнь, а на смерть”) и “Жанавар иортулары” (“Волчи праздники”) С. Булгара, “Карымжалык” (“Муравейник”) и “Заманнээрсин, евим!” (“Здравствуй, мой дом”) Т. Запета, “Жана йакын” (“Близко к сердцу”) П. Чеботаря, коллективные сборники “Илкйаз туркулери” (“Весенняя песня”), “Айдыннык. Заманнээрсин, евим! Урек далгасы” (“Свет. Здравствуй, мой дом! Сердечные волны”). Кроме того, в переводе на русский язык вышла книга С. Куроглу “Родословное древо”.

Данный период примечателен не только рекордным числом изданных книг, но и тем, что среди авторов появились новые имена: С. Булгар, В. Филиоглу, Ф. Мариноглу, Т. Занет. Это представители новой волны в гагаузской литературе, дети перестроечной оттепели. Все названные авторы пришли в литературу достаточно давно, их творческий стаж исчисляется 10–15 годами. С большим трудом им удавалось изредка выходить к читателю. Разными путями – через рукописные списки, через литературные встречи и вечера. Публикация какой-нибудь сверхскромной подборки в одной из газет считалась “огромным событием” в культурной жизни гагаузского народа. Многие не выдерживали и предпочитали другие виды деятельности литературному творчеству. “Выплыли” самые стойкие и самые преданные литературе личности.

Конец 80-х гг. стал для гагаузской литературы исторической вехой. Слова эти громкие, ответственные, но отражают они реальное положение вещей. В будущем открываются еще более широкие перспективы для гагаузыязычных литераторов. С января 1991 г. увеличилась периодичность издания газеты “Ана сёзу”. Стал выходить в свет детский журнал “Кырлангач” (“Ласточка”).

Таким образом, гагаузская литература за сорок с небольшим лет прошла путь от первых примитивных стихов, написанных под сильным влиянием фольклора, до первого романа и первого литературного журнала, создающих объективные предпосылки для дальнейшего развития.

БИБЛИОГРАФИЯ:

I. ЛИТЕРАТУРА НА ГАГАУЗСКОМ ЯЗЫКЕ*

1. М. Сеачир. Besarabiyaly gagauzларыn istoriyasy. Chişinău, 1934.
2. Буджактан сесләр (Буджакские голоса). Стихи, очерки, фольклор / Сост. Д. Танасоглу: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1959.
3. Бабоглу Н.И. Дневник атеиста. Очерки на русском, гагаузском и молдавском языках: Картя молдовеняскэ. Кишинев. 1962.
4. Кара Чобан Д.Н. Илк лаф (Первое слово). Стихи: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1963.
5. Кара Чобан Д.Н. Алчак сачак алтында (Под низким потолком). Рассказы: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1966.
6. Танасоглу Д.Н. Чал, туркум! (Звени, моя песня!). Стихи: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1966.
7. Кара Чобан Д.Н. Йаныклык (Мечты). Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1968.

8. Гагауз фольклору (Гагаузский фольклор). Картя молдовеняскэ. Кишинёв, 1969.
9. Куроглу С.С. Бир кужак гүнеш (Охалка солнца). Стихи: Картя молдовеняскэ. Кишинев. 1969.
11. Кара Чобан Д. Н. Байылмак (Вдохновение). Стихи: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1969.
12. Танасоглу Д.Н. Адамын ишлери (Дела человека). Стихи: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1969.
13. Танасоглу Д.Н. Хошлук (Счастье). Стихи: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1970.
14. Куроглу С.С. Йоллар (Дороги). Рассказы: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1970.
15. Кара Чобан Д.Н. Персенгеләр (Вариации). Стихи: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1970.
16. Гайдаржи Г.А. Ана тарафым (Родной край). Стихи: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1972.
17. Көсә М.В. Кысмет (Счастье). Стихи: Картя молдовеняскэ. Кишинёв, 1973.
18. Бабоглу Н.И. Легенданын изи (След легенды). Рассказы: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1974.
19. Куроглу С.С. Кызгын чийләр (Горячая роса). Стихи: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1974.
20. Танасоглу Д.Н. Генчлик туркулери (Песни молодости). Стихи: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1975.
21. Көсә М.В. Кардашлык (Братство). Стихи: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1975.
22. Кара Чобан Д.Н. Таманнык (Совершенство): Литература артистикэ. Кишинев, 1977.
23. Куроглу С.С. Кауш авалары (Напевы струн). Стихи: Литература артистикэ. Кишинев, 1977.
24. Бабоглу Н.И. Бужак ежеллери (Буджакские судьбы): Литература артистикэ. Кишинев, 1979.
25. Чык, чык, гүнеш! (Взойди, взойди, солнышко!). Стихи: Литература артистикэ. Кишинев, 1981.
26. Көсә М.В. Топраан урек дуулмеси (Земли сердцебиенье). Стихи: Литература артистикэ. Кишинев, 1983.
27. Кара Чобан Д.Н. Стихлар (Стихи): Литература артистикэ. Кишинев, 1984.
28. Танасоглу Д.Н. Узун керван (Долгий караван). Роман: Литература артистикэ. Кишинев, 1985.
29. Кара Чобан Д.Н. Проза: Литература артистикэ. Кишинев, 1986.
30. Көсә М. В. Хазыр ол! (Будь готов!). Стихи: Литература артистикэ. Кишинев, 1986.
31. Бабоглу Н.И. Тарафымын пиетлери (Мелодии родного края). Стихи: Литература артистикэ. Кишинев, 1988.
32. Булгар С.С. Жан пазары (Ради жизни). Документальные очерки: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1988.
33. Көсә М.В. Умуллар (Надежда), Стихи. Литература артистикэ. Кишинев, 1988.
34. Илкйаз туркулери (Весенняя песня). Сост. и ред. Куроглу С.С. Стихи, рассказы: Литература артистикэ. Кишинев, 1989.
35. Занет Ф.И. Карымжалык (Муравейник). Стихи: Литература артистикэ. Кишинев, 1989.
36. Занет Ф.И. Заманайэрсин, евим! (Здравствуй, мой дом!) Стихи: Фирма "Дельта". Кишинев, 1989.
37. Булгар С.С. Жанавар йортулары (Волчьи праздники). Рассказы: Литература артистикэ. Кишинев, 1990.
38. Булгар С.С. Дев адамын оолу (Сын великана). Сказки, рассказы: Литература артистикэ. Кишинев, 1990.
39. Занет Т. Бөжежик (Букашка). Кишинёв, 1991.
40. Көсә М.В. Сабансэерсын, гүн! (Здравствуй, день!) Стихи. Литература артистикэ. Кишинев, 1990.
41. Куроглу С.С. Усек кушлар (Птицы поднебесья). Стихи: Литература артистикэ. Кишинёв, 1982.
42. Чеботарь-Гагауз П.А. Жана йакын (Близко к сердцу). Стихи: Литература артистикэ. Кишинев, 1989.
43. Филиоглу В.Г., Занет Ф.И., Мариноглу Ф.И. Айдыннык. Заманнайэрсин, евим! Урек далгасы (Свет. Здравствуй, мой дом! Волнение сердца). Стихи: Литература артистикэ. Кишинев, 1990.
44. Масаллар (Сказки). Собр. Бабоглу Н.И. Кишинёв, 1991.
45. Бизим дост – Настрадаин (Наш друг Настрадаин). Народные анекдоты. Сост. и перев. Чеботарь П. Комрат, 1992.
46. Бошков В. Бужактан лузгәр (Ветер с Буджака). Стихи. Одесса, 1993.
47. Бошков В. Айазма (Освящённая вода). Стихи. Одесса, 1995.
48. Дерменжи М. М. Итраф (Исповедь). Эссе: Маяк. Одесса, 1995.
49. Dermençi M.M. Үтраф (Исповедь). Günah suçlarına eseleri. Safin-grup. Комрат: год не указан.
50. Филиоглу В.Г. Йыл кушаан корафлары (Узоры радуги). Стихи: Кишинёв. Hyperion, 1995.
51. Көсә М.В. Гулумсемәә – диил гунаа (Улыбаться – не грех). Кишинёв, 1996.
52. Marinoglu T. Ү. Tatlı düplär (Сладкие сны). Рассказы, сказки, стихи. Кагул, 1997.
- Zanet. T. Akar yıldız (Текучая звезда). Стихи. Кишинёв, 1998.
54. Vasilioglu K. K. Sevgili şiirlär (Любимые стихи). Кишинёв, 1998.

55. Vasilioglu K.K. Sevgilim. (Моя любимая). Стихи: Штиинца. Кишинёв, 1998.
  56. Baboglu N.ÿ. Mumnar saalyk için (Свечи во здравие). Пьеса. Ana sözü. Кишинёв: 1999.
  57. Baboglu N.ÿ. Publiŝtistika yazylarýndan (Из публицистики). Кишинёв, 2000.
  58. Kuroglu S.S. Yol yýldýzy (Путеводная звезда). Стихи: Ruxanda. Кишинёв, 2000.
  59. Kösä M. V. Duŝunmekläp (Раздумья). Комрат, 2000.
  60. Stamatoğlu G. Gagauzlarýn altýn kitabý. Gagauzlarýn tarihi hem etnogenezi (Золотая книга гагаузов. История и этногенез гагаузов). Komrat, 2000.
  61. Gagauz çadðap þiiri antolojisi (Антология современной гагаузской поэзии). Сост. Осман Баймак Ankara, 2000.
  62. Koçancy A. Ana memleket (Родной край). Стихи: Кишинёв. Pontos, 2001.
  63. Laaleläp (Тюльпаны). Стихи и песни: Маяк. Одесса, 2001.
  64. Çimpoeş L.S. Duygu başçesi (Сад чувств). Стихи: Pontos. Кишинёв: 2001.
  65. Hacı Ý. A. Pen bukvalýk (Весёлая азбука). Чадыр-Лунга, 2001.
  66. Vasilioglu K.K. Masallar. Uygun sözlär. Bilmeycelär (Сказки. Крылатые выражения. Загадки.). Штиинца, 2002.
  67. Дермежи М. Каршылышмаклар (Встречи). Повесть: Маяк. Одесса, 2002.
  68. Ganeva E. Çiçekli dünya. Стихи: Serv-Grafika. Кишинёв, 2002.
  69. Vasilioglu K.K. Vataným – Bucak (Моя Родина – Буджак). Стихи: Штиинца. Кишинёв, 2003.
  70. Baboglu N.ÿ. Gagauzlarýn kaderi (Судьба гагаузов). Рассказы: Понтос. Кишинёв, 2003.
  71. Ekonomov S. P. Zavally üredici (Бедный учитель). Рассказы: Елена В.И. Кишинёв, 2003.
  72. Vlah P. N. Susak taa dünnä kurulmasýndan (Сусак с сотворения мира). Центральная типография. Кишинёв, 2003.
  73. Eni Testament (Новый завет). Çevirici V. Tukan. Парагон. Кишинёв, 2003.
  74. Yalýncy P. T. Sünmöz yýldýzlar (Негасимые звёзды).
  75. Radova O. K. Canýmýn sesi. Стихи: Elena V. Ý. Кишинёв, 2003
  76. Kara Çoban D. N. Seçmä yaratmalar (Избранные произведения). Анкара, 2004.
  77. Koca S.Z. Var neýä yaşamaa (Стоит жить). Стихи, загадки, скороговорки: Elena V.Ý. Кишинёв, 2004.
- * В настоящий раздел не включены школьные учебники и хрестоматии. – П.Ч.

ПЕРЕВОДЫ

1. Бабоглу Н.И. Дунай, пожалуй в дом. Очерки на русском языке: Литература артистикэ. Кишинев, 1984.
2. Бабоглу Н.И. Гвоздики расцвели вновь. Повесть, рассказы на русском языке: Литература артистикэ. Кишинев, 1986.
3. Гагауз фольклору (Гагаузский фольклор) // Сост. Н.И. Бабоглу: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1969.
4. Дунайская баллада (на молдавском, русском, гагаузском и болгарском языках): Литература артистикэ. Кишинев, 1988.
5. Есауленко А.С., Ройтман М.Л. В.И. Ленин хем Бүүк Октябринин Молдавияда енсейиши (В.И. Ленин и победа Великого Октября в Молдавии): Картя молдовеняскэ. Кишинёв, 1980.
6. Кара Чобан Д.Н. Призвание сердца. Стихи (на русском языке): Молодая гвардия. М., 1970.
7. Кара Чобан Д.Н. Зелёное пламя. Стихи (на русском языке): Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1972.
8. Кара Чобан Д.Н. Азбука открытий. Стихи (на русском языке): Советский писатель. М., 1989.
9. Кösä M.V. Запах земли. Стихи (на русском языке): Литература артистикэ. Кишинёв, 1979.
10. Копанский Я.М. Бессарабия сорушунун дорулуклу карара гетирилмеси ичин совет дипломатиясынын савашы. 1918-1940. (Борьба советской дипломатии за справедливое разрешение бессарабского вопроса. 1918-1940): Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1987.
11. Крянгэ И. Бийаз Арап (Белый Арап). Сказки и рассказы: Картя молдовеняскэ. Кишинев, 1974; То же. Изд. 2-е: Литература артистикэ. 1982. Переводчик К. Крецу.
12. Курогло С.С. Родословное дерево. Стихи на русском языке: Литература артистикэ. Кишинев, 1988.
13. Трандафирий драгостей (Розы любви). Гагаузский фольклор (на молд. языке). Сост. Н. Бабоглу: Литература артистикэ. Кишинев, 1981.

14. Гагаузские народные сказки. Сост. и переводчик П. Чеботарь. Ахул-З. Кишинёв, 1998.
15. Puşkin A.S. Saltan ȧar iin masal (Сказка о царе Салтане). evirici T. Angeli. Litera. Кишинёв, 2000.
16. Кёся М.В. Время отрицает время. Комрат, 2000.
17. Гун-кыз хем уч ок. Дочка Сонця та її невмеруще кохання. Гагаузские народные сказки. На гагаузском и украинском языках. Київ, 2003.
18. Крылов И. А. Масаллар. Переводчик К. Крецу. Кишинёв.
19. Eni Testament (Новый Завет). Переводчик Б. Тукан. Парагон. Кишинёв, 2002.

III. КРИТИКА (СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ)

1. Алмазов Б. Солнце и крылья // Аврора. 1972, № 11.
2. Афонин И. Воскресшая земля // Молодежь Молдавии. 1979. 27 октября.
3. Бабоглу Н. Кауш авалары (Напевы струн) // Ленинское слово (Комрат). 1977. 13 октября.
4. Бабоглу Н. Башлантыжыларын бириси (Один из основоположников) // Литература ши арта. 1987. 26 февраля.
5. Бабоглу Н. Сын Буджака // Кодры. 1987. № 11. С. 148-149.
6. Болгар Е. Первый гагаузский роман // Ленинское слово. 1985. 8 августа.
7. Булгар С. Певец новой жизни // Советская Молдавия. 1980. 27 декабря.
8. Василев Д. Приятели от рождение (Друзья от рождения) // Антени (НРБ). 1987. 1 июля.
9. Гайдаржи Г. Бир кужак гунеш (Охотка солнца) // Нистру. 1969. № 10. С. 150—153.
10. Гайдаржи Г. На верном пути // Кодры. 1975. № 7.
11. Гортинский Е. Гагаузская новелла // Комсомольская правда. 1966. 27 декабря.
12. Дементьев В. Признание в любви // Москва. 1966. № 2. С. 203-204.
13. Дерменжи М. На гагаузском языке // Знамя (Чадыр-Лунга). 1981. 11 декабря.
14. Дерменжи М. В ногу со временем // Знамя (Чадыр-Лунга). 1984. 12 ноября.
15. Дьячук И. Прошлое и настоящее Буджака в творчестве гагаузских писателей // Кодры. 1982. № 1. С. 139-143.
16. Дьячук П. Детям Буджака // Ленинское слово (Комрат). 1986. 10 июля.
17. Жекова А., Попова Т. Великое доверие народа // Ленинское слово (Комрат). 1988. 2 июня.
18. Занет Ф. Возвращение в отчий дом // Кодры. 1986. № 10. С. 89-90.
19. Колца Е. Дебутул уней литературь // Нистру. 1966. № 12.
20. Колца Е. Д. Кара Чобан // Литература ши арта. 1986. 4 декабря.
21. Курогло С. Звучит слово молодых // Молодежь Молдавии. 1982. 15 апреля.
22. Курогло С. Литература и искусство гагаузов // Знамя. 1980. 18, 20 сентября.
23. Маларчук Г. Сегодня в Бешалме // Литературная газета. 1979. 12 марта.
24. Чеботарь П. А. Гагаузская художественная литература (50-80-е гг. XX в.). Очерки: Штиинца. Кишинёв, 1993.
25. Дьячук И. А. Очерки, литературно-критические публикации о развитии гагаузской литературы, изобразительного искусства, истории гагаузов и Буджака, научные труды в области медицины. Библиографический указатель: Комрат, 2000.
26. Мещеряк И., Колца Е., Тукан Б. Художественное слово гагаузского народа // Днестр. 1960. № 3. С. 62—65.
27. Попова Т. Зову – отзовись // Ленинское слово. 1981. 23 апреля.
28. Радова О. Жан йортусу Бешалмада (Праздник души в Бешалме) // Литература ши арта. 1987. 19 ноября.
29. Танасоглу Д. Маря феричире а унуй мик попор (Большое счастье маленького народа) // Нистру. 1968. № 12. П. 128-129.
30. Танасоглу Д. Оннары олмаз унутмаа (Их нужно помнить) // Литература ши арта. 1987. 26 февраля.
31. Топал И. Я – это вы... Стихотворения Дмитрия Кара Чобана // Кодры. 1973. № 2. С. 140—143.
32. Топал И. Ступени роста. О развитии гагаузской литературы // Ленинское слово. 1976. 29 мая.
33. Топал И. Ориентир – совершенство // Кодры. 1978. № 1. С. 151—152.
34. Топал И. Он особый, запах земли // Ленинское слово. 1979. 3 августа.

36. Топал И. Сказки молдавского классика // Ленинское слово. 1982. 16 ноября.
37. Топал И. Нет легкого обретения // Ленинское слово. 1984. 25 сентября.
38. Топал И. И снова будет день // Ленинское слово 1986. 3 апреля.
39. Топал И. Право на дебют // Ленинское слово. 1989.
40. Тукал Б. Примул кувынт // Ниструл. 1964. № 7. С. 147-149.
41. Тукал Б. Рецензия на кн.: Д. Карачобан "Алчак сачак алтында" // Нистру. 1967. № 4. П. 138—139.
42. Тукал Б. Ын маря фамилие (В большой семье) // Нистру 1967. № 8. П. 45—46.
43. Фрэцие де граурь, фрэцие де лире (Братство языков, братство лир) // Оризонт. 1987. № 10. П. 18—25.
44. Чащин Ф. Карачобан из Бешалмы // Кодры. 1973. № 4.
45. Харламенко А. Илк сеслар Буджактан (Первые голоса из Буджака) // Ленинское слово. 1989. 4 ноября.
46. Хорошее начало // Днестр. 1960. № 3. С. 61.
47. Чеботарь П. Новая встреча с поэтом. 1983. 20 августа.
48. Чеботарь П. Свет прошлого // Знамя (Чадыр-Лунга). 1984. 18 августа.
49. Чеботарь П. Легенды озаряют мглу столетий. Фольклор в поэзии Степана Курогло // Знамя (Чадыр-Лунга). 1984. 19 августа.
50. Чеботарь П. Призвание сердца // Железнодорожник Молдавии. 1984. 14 октября.
51. Чеботарь П. Знакомьтесь: Мина Кёся // Знамя (Чадыр-Лунга). 1986. 11 января.
52. Чеботарь П. Первый гагаузский роман // Вечерний Кишинёв. 1986. 16 января.
53. Чеботарь П. Праздник дружбы и искусства // Ленинское слово (Комрат). 1986. 4 марта.
54. Чеботарь П. Инсан йылдызы (Чадыр-Лунга). 1986. 26 июня.
55. Чеботарь П. Гвоздики расцвели вновь // Советская Молдавия. 1986. 5 июля.
56. Чеботарь П. Певец родной земли // Свет Октября. 1988. 4 февраля; Знамя (Чадыр-Лунга). 1988. 27 февраля. (Звезда человека) // Знамя
57. Чеботарь П. Йылдыз шафкы (Свет звезды) // Ана созү. 1988. 28 августа.
58. Чеботарь П. Будем оптимистами. Заметки о гагаузской литературе // Железнодорожник Молдавии. 1989. 2 июня; Молодёжь Молдавии. 1989. 8 июля.
59. Чеботарь П. Фольклор в творчестве гагаузских писателей // Ленинское слово (Комрат). 1989. 21 февраля.
60. Шмундяк Т. Крылья таланта // Советская Молдавия. 1968. 3, 21 июля.
61. Яланжи П. Булушмак Бешалма топраанда (Встреча на Бешалминской земле) // Свет Октября (Тараклия). 1987. 5 ноября.
62. Дьячук И.А. Избранные произведения о гагаузской литературе. Комрат, 2003.
63. Чеботарь П. Новый Завет на гагаузском // Независимая Молдова 2003, 8 июля.
64. Чеботарь П. "Он вечно жил взахлёб" // Русское слово, № 9 (53), май 2003.
65. Чеботарь П. "Я презираю бездарей всех наций" // Независимая Молдова, 4 июня. 2003.

ГАГАУЗСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Гагаузские народные сказки стали известны широкому кругу читателей в конце XIX – начале XX века, когда появились первые публикации гагаузского фольклора, подготовленные на материале Бессарабии русским этнографом В.А. Мошковым (Мошков, 1895; Мошков, 1904).

Несмотря на наличие указанных выше публикаций, богатое поэтическое наследие гагаузов долгое время оставалось в целом несобраным и неизученным. Лишь в конце 1930-х годов появилась книга болгарского собирателя и исследователя А.И. Манова, посвящённая гагаузам Болгарии, где были представлены и сказки, наряду с другими фольклорными жанрами (Манов, 1938).

В послевоенное время собрание, публикация и изучение гагаузских народных сказок ведутся особенно усиленно. Научные работники, аспиранты, студенты, учителя, писатели, журналисты включились в работу по сбору гагаузского фольклора, в результате чего были изданы сборники, отразившие и сказочные жанры (Танасоглу, 1959; Zajaczkowski, 1966; Бабоглу, 1969; Чимпоеш, 1997; Чеботарь, 1998 и другие), написана и успешно защищена докторская диссертация по волшебной сказке (Sârf, 2001).

Таким образом, усилия фольклористов в области сказок были в основном направлены на их публикацию. Этот опубликованный материал и записи, хранящиеся в архиве отдела гагаузоведения Академии наук Республики Молдова, лежат в основе данного исследования.

Для облегчения пользования названия произведений в тексте и в списке источников даны в переводе на русский язык. К текстам даётся полная паспортизация. Ссылки на публикации, вошедшие в «Библиографию...», даны в скобках, где указаны фамилия автора или составителя, год выхода книги или статьи, номера страниц; разные работы отделены друг от друга точкой с запятой.

1. СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

В сказочном эпосе гагаузов сказки о животных занимают важное место. Это один из наиболее древних видов фольклора, многие его сюжеты однотипны у разных народов мира.

В животном эпосе переплелись рассказы о происхождении зверей, птиц, о брачных отношениях между животными и людьми, мифы о тотемных животных и тому подобное. Среди гагаузских сказок о животных на первое место выдвигаются тексты, в которых просматриваются мифологические представления народа; далее идут более развитые сказки со всеми специфическими чертами этого вида.

В ряде зооморфных сказок с архаическими элементами использован один из основных признаков мифа – этиологизм, то есть объяснение происхождения отличительных признаков тех или иных объектов, явлений живой природы.

Роль этиологизма прослеживается, например, в сказке «Вол и муравей» (Мошков, 1904: 219). Её содержание сводится к следующему. Муравей хвастается, что поднимает свинцовую пулю величиной с его рост. В ответ вол наступает муравью на поясницу, а тот рассекает топором копыта обидчика. С тех пор у муравья тонкая талия, а у вола раздвоены копыта.

Сказки подобного типа родственны мифам и легендам, в которых объясняются различные природные явления. Об этом можно судить по концовкам таких сказок, как «Жадный ворон» (Танасоглу, 1959: 120): «О замандан беери гаргалар адамдан коркэрлар. Ачан гөрерләр, саде „гаа!“, „гаа!“ йапэрлар». («С тех пор вороны боятся человека. Когда видят его, «гаа!», «гаа!» каркают, только и всего.») и «Калина» (Танасоглу, 1959: 122): «Те о замандан кечи куйруксуз, саксанын йаннары биаз, казлар да лаф едәмеерләр, саде гаглээрлар». («Вот с тех пор коза без хвоста, у сороки бока белы, а гуси не разговаривают, лишь гогочат.»)

Всё это свидетельствует о том, что в сказках о животных этиологические концовки приобретают орнаментальность, тогда как в мифе, как известно, этиологизм носит принципиальный характер. Вышеприведённые примеры гагаузских сказок говорят о наблюдательности, остроте мышления, глубине мировосприятия наших предков и их попытках обобщать наблюдения в художественной форме.

Если в мифах, легендах, поверьях и в сказках древнего происхождения животные почитались, то с распадом мифологических представлений звери постепенно становились объектом осмеяния, что отчётливо выразилось в сказках о животных более позднего происхождения. Они иносказательно выражают определённые идеи через конкретные образы и имеют, как правило, поучительные концовки.

С другой стороны, надо выделить сказки, где действуют только животные, и сказки, в которых главными героями являются животные и люди. В свою очередь, они делятся на группы или циклы сюжетов, различаемых по главному герою: 1) о лисе, 2) о волке, 3) о других животных -- медведе, зайце, быке, коне и других, 4) о птицах – о вороне, воробье, об орле и других. Все данные циклы весьма разнообразны по сюжетам, и многие из них имеют большое число вариантов.

Лиса является излюбленным героем сказочного эпоса многих народов мира, в том числе и гагаузов. В цикле сказок о лисе линия её поведения намечена достаточно ясно: она изображается как коварный и хитрый хищник, обманщик и подхалим (Мошков, 1904: 213; Гайдаржи, 1987: 28-32).

Наряду с лисой центральным героем может быть и другой зверь (волк, ёж, змея), но все трюки, происходящие, например, с волком в цикле сказок о лисе и в цикле сказок о волке, всегда проделываются одним и тем же героем – лисой (мотив борьбы слабого с сильным).

В таких сказках подразумеваются типы хитрых и алчных людей. Для примера возьмём сказку «Лиса и Волк» (Zajaczkowski, 1966: 131-132). Лиса обманывает волка, сказав, что свой улов рыбы приобрела в запруде, опустив хвост с вершей в воду. Послушавшись её, волк опустил хвост в запруду близ мельницы, но тот примёрз и,

когда волк потянул его, чтобы спастись от нагрянувшего мельника, оторвался. Далее сказка развивается по известному сценарию – «битый небитого везёт».

Сюжет ловли рыбы хвостом зверей встречается у многих народов мира, но каждый народ вносит в сказку что-либо своё, национальное. В гагаузской сказке мы встречаем видоизменение сюжета – в конце его лиса приделывает волку искусственный хвост из древесины, после чего волк стораает целиком, прыгая через костёр. Кроме того, этническая специфика проявляется через название каши из пшеничной муки, поджаренной на масле (*bulamaç*), унесённой лисой из мельницы.

В гагаузских сказках в основном лиса побеждает, но надо заметить, что есть и сюжеты, где она терпит поражение. Так, в сказках «Лисица и ёж», «Жаворонок, лисица и собака» (Мошков, 1904: 211-213) – везде лису подстерегают неудачи: она попадает в капкан, позарившись на даровщинку; получает по заслугам за то, что хотела прогнать жаворонка с птенцами со своего участка земли.

Некоторые сказки о животных данного цикла имеют кумулятивный характер (Гайдаржи, 1987: 28-32 и другие), но чаще представляют собой рассказы-назидания, где с помощью проделок лисы изобличаются человеческие недостатки: глупость, чрезмерная доверчивость, жадность, неблагодарность. В трактовке образа лисы проявилось стремление народа к социальной справедливости.

Другим циклом, где чаще всего встречается образ, противостоящий лисе и другим животным, является цикл сказок о волке. К нему относятся и те сказки, которые мы рассматривали выше, и сказки, где волк – главное действующее лицо. Например, «Глупый волк», «Волк, лисица и овца» (Мошков, 1904: 208-210), «Волк и овца», «Волк, лиса и осёл» (Чеботарь, 1998: 28-32).

Волк в зооморфных сказках гагаузов выступает как опасный вредитель домашних животных. Отношение человека к волку насмешливо-отрицательное: он представлен сильным, жестоким, глупым, грубым и жадным. В образе волка показаны отрицательные черты bestолковых, надменных и злобных людей.

Такое представление о волке у гагаузов появляется после принятия ими христианства, когда он вообще изгоняется из официального культа и превращается в устрашающее пугало, что нашло отражение в многочисленных сказках сатирического характера (Zajaczkowski, 1966: 113-114, 131-132 и другие).

В гагаузских сказках о животных часто животное и человек действуют совместно, и противопоставляются друг другу, хотя человек стоит выше зверей. Например, в сказках «Лиса освобождает человека от змеи» (Мошков, 1904: 215-216), «Путник и змея» (Чеботарь, 1998: 16-19), «За то, что ты спас меня, я тебя съем» (Дурбайло, АОГ) человек спасает животных (змею, волка), которые после этого хотят убить его, чему препятствует лиса. В данном случае она выступает как друг человека, она хитроумна, мудра, и тем самым помогает человеку избавиться от врагов.

В сказках «Котаран-бей» (Zajaczkowski, 1966: 113-114), «Кот Мыр-Мыры» (Бабоглу, 1969: 181-185), «Кот Мыр-Мыр» (Чеботарь, 1998: 19-22) кот выступает в союзе с лисой, как владелец, хозяин всего леса, где живут также волк, медведь, кабан. В этих сказках весело высмеивается страх диких животных перед домашними. Данные сказки, видимо, более позднего времени, и поэтому в них уже появляются отзвуки социального расслоения.

Таким образом, в животном эпосе гагаузов основное место занимают сказки, где показана борьба зверей между собой, борьба людей с хищниками.

Сказки о животных невелики по объёму, их композиция проста: редко употребляются традиционные начальные формулы и стереотипные концовки. Они не очень богаты по использованию средств и приёмов фольклорной поэтики, сатирическое изображение главных героев достигается с помощью диалога, иронии, интонации.

Повествование в сказках о животных развивается очень динамично, чему способствуют диалоги. Они вводятся в моменты, когда действие достигает кульминации, благодаря им раскрываются образы зверей.

Для зооморфных сказок характерно поведение животных в реальных человеческих обстоятельствах: животные разговаривают, обманывают, женятся и так далее. Забавные ситуации, потешные выходки, хитрые проделки – всё это увлекает слушателей в своеобразный мир животных.

В сказках о животных нашли отражение разные национальные формы обращения: "efendi", "batü", "bey". Животные могут иметь свои имена: *Marivka* – имя овцы, *Kotaran* или *Mir-Miri* – имя кота.

Если продолжить наблюдения над повествованием сказочника, то можно заметить следующее: в его речи слышится юмор, весёлое и лёгкое восприятие сюжета, при диалоге рассказчик применяет народные идиомы, восклицания, междометия, уменьшительно-ласкательные слова, эпитеты и так далее.

Сравнивая сказки о животных, бытующие у гагаузов, со сказками других народов по принципам композиции и художественным приёмам, можно обнаружить много общего. Вероятно, это обусловлено и законами типологии, и тем, что в сказках много заимствованных сюжетов.

Итак, гагаузские сказки о животных разрабатывают различные темы, в которых выражаются народные идеи. Их главными действующими лицами являются дикие и домашние животные, птицы, насекомые. Наибольшей популярностью пользуется лиса, чуть меньше – волк и змея. В сказках животные, как правило, борются между собой.

В животном эпосе гагаузов аллегорически отражена человеческая жизнь с её страстями, алчностью, коварством, глупостью, хитростью и в то же время с дружбой, верностью, благодарностью, борьбой за справедливость.

2. ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Гагаузская волшебная сказка (далее – ГВС) – один из самых древних видов народной прозы. Она сохранила отголоски событий и явлений ранних стадий общественного развития, пронизана высокими идеалами. По занимательности сюжета, увлекательности фабулы, остроте ситуаций, цельности характеров персонажей, красочности повествования ГВС превосходит другие фольклорные виды и подвиды.

Состав сюжетов ГВС является результатом многовекового развития, сложных и длительных взаимоотношений различных народов, проживавших на территории современных Болгарии, Греции, Румынии, европейской Турции, Молдовы и соседних с ними стран.

В ГВС имеется немало сюжетов, параллельных или сходных с сюжетами сказок как соседних с гагаузами народов, так и отдалённых. Часть таких сюжетов носит международный характер, что объясняется универсальным, типологическим развитием фольклора разных народов.

Один из наиболее популярных сказочных сюжетов – сюжет “Чудесные дети”, который своеобразно разрабатывает тему невинно гонимых: он повествует об оклеветанной жене.

Всеобщий процесс к моногамии и патриархату имел у каждого народа свои особенности, вследствие чего тема невинно гонимой жены в каждом национальном фольклоре получала самостоятельную разработку.

Например, в турецкой сказке “Падишах и три девушки” (Стеблева, 1986: 293-299) говорится о том, что падишах подслушал разговор трёх сестёр. Каждая хотела стать его женой и хвалилась своим чудесным умением. Падишах женится поочерёдно на всех трёх, но предпочтению, в конце концов, отдаёт младшей.

В сказке европейского типа, в том числе и в гагаузской (Мошков, 1904: 63-64), и в молдавской (Ботезату, 1976: 364-372), сын падишаха или царя женится только на младшей сестре.

ГВС имеет ряд особенностей, образующих её национальное своеобразие. Одни из них складывались веками в соответствии с патриархальными нормами нравственности, с отношениями людей в семье и в обществе. Другие вызваны распространением христианства, сохранением элементов язычества и проникновением восточных элементов сказочной традиции. Третьи характеризуются элементами композиции и лингвистического анализа текста.

Сказочный репертуар гагаузов формировался также путём творческого заимствования.

Исследуя процессы заимствования в ГВС, следует учитывать следующее: гагаузы на протяжении длительного времени находились в тесном контакте с народами Балкано-Дунайского региона и Пруто-Днестровского междуречья. Эти контакты обусловили фольклорные взаимосвязи. Так, ряд сюжетов ГВС встечается как у болгар, так и у румын, молдаван, русских: “Победитель змея”, “Марко Богатый”, “Мачеха и падчерица”, “Царевич и серый волк”, “Благодарные животные”, “Чудесные дети” и другие.

Взаимопроникновению сюжетов и мотивов способствовали не только интенсивные межэтнические контакты, но и мобильность вида, большое структурно-типологическое сходство, близость систем образов в сказочных традициях названных выше народов.

Главный герой ГВС – это эстетический идеал народа, в котором он выразил свои представления о прекрасном и возвышенном, свои мечты о счастье, о справедливости, о закономерности победы добра над злом.

ГВС знает разные типы главного героя: герой-богатырь, спасающий людей от чудовищ, защитник рода (*Vançu, Çorlan, Miti-Ayı Kulaklı çocuk*); невинно гонимые (*Küllü Pepeleşku*, младшая сестра, падчерица); герой-хитрец (*Cücä Todur, Dimitraş-Pitiraş*). Образы главных положительных героев эволюционируют от героико-богатырских к социально-бытовым.

Главного героя в ГВС окружают многочисленные и разнообразные помощники, наделённые волшебными свойствами и способностями:

а) зооморфные помощники – волк, орлица, конь, собака, бык (вол) и другие;

б) антропоморфные помощники фантастического характера – встречные богатыри-великаны (*Taş-Falayan, Çatı-Kıvradan, Aaç-Kıran* и тому подобные), а также невидимый дух (*arap*);

в) люди-помощники – волшебный старик, чудесные женщины, благодарный мертвец, христианские покровители (*Allaa*, архангелы *Mihail, Gavriil*, святые), покровительницы святых дней недели (*Çarşamba-Babusu, Perşembä - Babusu, Cuma-Babusu, Pazar-Anası*);

г) волшебные предметы – волшебная шапка, золотое кольцо или перстень, ручная мельница и многие другие.

При достижении своей цели герою приходится встречать и различного рода противников, врагов, олицетворяющих собой злое начало. Они наделены огромной силой, властью, страшным обликом, такими качествами, как людоедство, обжорство, коварство, вероломство, высокомерие и тому подобное.

В зависимости от происхождения противники главного героя могут быть разделены на две группы: с одной стороны, это фантастические существа мифологического характера (*Çadı-Babusu, Dev, Tepägöz, Ajder, Balaur, Evrem, rusali, şeytan*, длиннобородый старик-карлик), с другой, отрицательные персонажи, выхваченные из самой жизни и придающие сказке ярко выраженную социальную остроту и сатирическую окраску – падишах, мачеха с дочкой или дочерьми, завистливые братья или сёстры, как правило, старшие и другие.

ГВС противопоставляет их настоящему герою – честному, сильному и бесстрашному человеку, стоящему во всех отношениях выше злых и жестоких, хвастливых и глупых, безобразных и безнравственных сказочных персонажей.

Композиция ГВС в целом однотипна: зачин, эпическая часть, состоящая из завязки, кульминации, развязки, и концовка. Однако заметим, что ГВС часто начинается с **присказки**, которая к её содержанию никакого отношения не имеет и настраивает слушателей на особый лад, стремясь оторвать их от обыденной жизни и перенести в сказочный мир. Она имеет шуточный характер, отличается ритмичностью и внутренней формой:

«Zamanzamandaykana, başaksamandaykana, tınazkalburdaykana, bän sallangaçtaykana, bobam da dünneedä taa yokkana, Uzun padişaalında develär botalarinnan top oynarmışlar, kliselerdä meleklär sinek gibi uçuşarmışlar, bir kabak koç kestiynän, bütün memleketin insanını doyurarmışlar». (Гайдаржи, АОГ) («Давным-давно, когда колос ещё на стебле был, стог сена в решете был, я в колыбели был, а отца на свете ещё не было, в государстве Уз-падишаха верблюды с верблюжатами мяч гоняли; в церквях ангелы, как мухи летали; зарезав одного безвкусного барана, всю страну кормили».)

Кроме того, в ряде гагаузских версий сказок на международные сюжеты «Три царства», «Звериное молоко», «Хитрая наука», «Чудесные дети» появляется **пролог**, который подготавливает слушателей к дальнейшему развёртыванию сюжета. Чаще всего встречается пролог, повествующий о бездетных родителях и о чудесном рождении героя, становясь предысторией к сюжету и расширяя его.

Например, в сказке «Чорлан» (Сырф, АОГ) старушка, проглотив комок перекасти-поля, беременеет и рождает мальчика, который затем становится богатырём, побеждает чудовище и освобождает братьев и сестёр.

Отличительной чертой композиции является также и то, что сюжет после, казалось бы, завершения эпической части может иметь продолжение, то есть *эпилог*, рассказывающий либо о судьбе героя, либо о деяниях его близких: «Çocuklar büümüşlär da eralti memlekettän aydinnik dünneeyä, pınarı kazıp, kısa yol yarmışlar, bir merdiven yolu». (Гайдаржи, АОГ) («Мальчики выросли, и из тёмного царства в светлое, прокопав колодец, сделали дорогу покороче – по лестнице.»)

В ГВС используются следующие художественные приёмы и средства: гипербола, контраст, повтор, градация, ретардация, постоянный эпитет и другие. Они способствуют лучшему запоминанию сказки и более точной передаче при пересказе.

Особого рассмотрения требуют *традиционные стилистические формулы*. Художественно приближаясь к пословицам, поговоркам, прибауткам (обобщённостью мысли, рифмами, ассонансами, ритмом), они в основе своей всё же остаются композиционным средством сказки (См.: Рошияну, 1974).

Различают *начальные* формулы (присказки, зачины), *переходные* (медиальные) формулы-связки, соединяющие повествовательные мотивы, *финальные* (концовки), которые создают в сказке своеобразную «обрядность».

Приведём примеры из ГВС на каждый вид стилистических формул: начальные – «Естек-пестек, ешää бир көстек, ким сеслийер бени – бана ага, ким сесләмийер – аннысына дамга». (Гайдаржи, 1981: 118) („Естек-пестек, ослу – подножка, кто слушает меня, тот мне старший брат, кто не слушает, на лоб тому клеймо“.), „Bir vakit varmış, bir vakit yokmuş, her olmaуaуmış, söylenmeуseуmiş“. (Колца, АОГ) (“Было-не было, если бы не было, не сказывалось бы”.); переходные – “Uz gitmişlär, düz gitmişlär, altı ay bir güz gitmişlär...” («Прямо шли, ровно шли, шесть месяцев и одну осень шли...»), «Aaz mı, çok mu vakit geçmiş...» (“Много ли, мало ли времени прошло...”); финальные – “Bän dä oradaydım, da keflenip çıktım, ama onnar, lääzım olsun, şindi dä konuşerlar». («И я там был, и подвыпив, ушёл, а они, должно быть, и сейчас пируют.»), «Bän dä oradaydım, da ne gördüm, sizä dä söledim». („И я там был, и что видел, то вам и рассказал.“)

Наряду с классическими, восходящими к древности сюжетами, в которых сохраняется *архаическая лексика* (*bitki* (растение), *civan* (молодец), *cebelär* (доспехи), *ajder* (дракон), *telal* (вестовой), *onikilär* (свита падишаха), *bezirgän* (купец), *çekelez* (белка) и другие) ГВС знает и более поздние, деформированные произведения, где опущены многие детали, особенности традиционного сюжета и преобладает *современная лексика*, в основном заимствованная (*babu* (старуха, баба), *dädu* (старик, дед), *tatı* (мама), *kufnä* (кухня), *fayton* (фаэтон), *lak tuflı* (лакированные туфли), *bluza* (блузка) и другие).

Показателем современности ГВС служит также её *стилистика*, в которой просматривается авторское лицо сказочника: в сказке появляются оценочные суждения, выражающие отношение рассказчика к происходящим в ней событиям: «Dädu, zavallı, can acısından er kendinä bularmış, ama ne var kolay yapsın bir deli babuylan?!» (Колца, АОГ) („Старик, бедняга, от боли в душе места себе не находил, но что можно было сделать с сумасбродной старухой?!“)

Видимо, попытка прокомментировать поведение героев сказки является отражением психологии современного человека, воспитанного на художественной литературе. В целом, заметна тенденция не только к олитературиванию народной волшебной сказки, но и к сближению её с бытовой.

3. БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

К числу наиболее распространённых видов гагаузской народной прозы относится бытовая сказка. Основанная на социальном и бытовом конфликте, она ближе всего, по сравнению с зооморфной и волшебной сказкой, стоит к реальной действительности, отражая многие существенные стороны общественной жизни, рост человеческого сознания, эволюцию народного мировоззрения.

По идейно-художественным особенностям бытовые сказки гагаузов можно условно разделить на следующие основные группы: *а) сказки-загадки, б) сказки о дураках, о ловких ворах, об одурачивании, в) семейно-бытовые сказки.*

Однако множество сюжетов данных групп иллюстрирует их близость к притче, анекдоту или к волшебной сказке. Часто повторяются одни и те же приёмы изображения глупости героев, порой полностью совпадают сюжетные звенья, повторяются одни и те же действия и поступки. Видимо, это совпадение не случайно, а является следствием процесса взаимосвязей и взаимодействия сказки, анекдота и притчи.

Одним из распространённых типов сюжетов бытовых сказок является *сказка-загадка*. Поэтическая структура этой разновидности сказок характеризуется единым композиционным приёмом – загадывания и отгадывания, на котором выстраивается весь сюжет.

В сказках-загадках обобщаются народные представления о мудрости, они имеют нравоучительный и назидательный характер. В одной из них (Гайдаржи, 1981: 106-108) старец просит пятерых сыновей растолковать ему смысл рассказанной им истории одного дуба, но никто из них не нашёл ответа. Тогда отец и говорит им: «Генчсиниз таа, онуштан да башыныза дүшмеди бу масал. <...> ...онун маанасыны: даа буўк фиданнарлан – о бизим мемлекетимиз, фычы – бир айлә (чўнкў, фамилия, семья), догалар бизиз, чемберләр – бирлик хем аннашмак, шарап сайды – севинч хем мутлу, кысметли йашамак». („Вы молоды ещё, потому и не поняли эту сказку. <...> ...её смысл: лес с могучими деревьями – это наша страна, бочка – это семья, клёпки – это мы с вами, обручи – это союз и согласие, вино же – это радость и счастливая жизнь“.)

Произведение имеет краткое содержание и лаконичную мысль, сюжет его не развит в ситуациях, не осложнён конфликтом, а ограничивается воспеванием мудрости и нравственных качеств, в его основе лежит иносказание.

В сравнении с предыдущей более сложной представляется композиция сказки „*Остроумная девушка, дающая загадочные ответы*“ (Мошков, 1904: 181-182). Она более реалистична, включает в себя много бытовых деталей, привязывает место действия к определённой местности.

Текст сказки состоит из нескольких последовательно развивающихся эпизодов.

Сын падишаха ищет себе невесту, находит её в лице дочери вдовы. Девушка разговаривает с сыном падишаха загадками, но их разгадывает падишах, и в результате он женит сына на бедной, но умной девушке.

Такая композиция способствует объёмному, выпуклому воспроизведению образа главной героини, передавая моральные качества человека из народа, свойства его ума, мировоззрения.

Конфликт построен на несовместимости жизненных позиций, выраженных в словесном единоборстве.

Поэтика гагаузской сказки-загадки определена следующими чертами: а) связью с условной иносказательной речью, б) социальными условиями в прямом и иносказательном проявлении, в) присутствием одновременно сказочно-эпического и реалистического повествования.

Диалог в сказках данного типа несёт скрытый смысл, отсюда возникают аллегории, метафоры, алогизм, контрастность и так далее. Отметим при этом, что в основе алогизма лежат умные и ловкие ответы.

Сказка-загадка, таким образом, в системе бытовых сказок гагаузов представляет один из основных типов сюжета, основанный на состязании умов.

В составе гагаузской бытовой сказки различаем далее обширную группу сюжетов, которую определяем как *сказки о дураках, о ловких ворах, об одурачивании (о лжецах)*. Объединяются данные сюжеты благодаря структуре построения, однотипности героя, повторяемости основной ситуации – обмана, одурачивания.

Сюжеты о дураках представляют собой особую разновидность. Они группируются как по характеру основного героя, так и по его поступкам и ситуациям, связанных друг с другом в последовательную цепь.

В подобных сказках своеобразная логика героя-дурака основывается на алогизме. Его наивность, неприспособленность к жизни приводят к смехотворным ошибкам.

Характерна в этом плане сказка „Муж-домохозяйка“ (Бабоглу, 1969: 211-214). Суть её в том, что, имея самые благородные побуждения, дурак совершает действия, сопровождающиеся комическим эффектом.

Жена поручила мужу следить за хозяйством, и в частности за гусыней, но тот упустил её из погреба, забыв налить воды, в итоге он был вынужден сесть на яйца, чтобы те не остыли, пока гусыня вернётся, по „разумению“ дурака.

Глупость героя движет развитие сюжета. Сказку отличает живость изложения, которое завершается неожиданной концовкой комического характера.

В группе сказок о дураках „*Delică*“ (Baboglu, 1997: 23-27) представляет собой ещё одну разновидность. В основе её лежат действия героя, также построенные на алогизме. Однако данная сказка отличается большим количеством эпизодов, включающих и традиционные мотивы, и мотивы волшебных сказок, сказок о животных, и такой поворот событий, когда дураку везёт, он не только теряет, но и находит что-либо ценное для жизни.

Народная фантазия гагаузов сложила не только сказки с определённой идеей и структурой, но и устойчивые представления об этом образе, воплотив их в прозвище („*Delică*“ с гаг. безрассудный, сумасбродный), подобно русскому «Ивану-дураку», турецкому «*Keloğlan*» и другим.

По общему содержанию и финалу сказки о дурне можно понять, что глупость в народе не почитается: брат-дурак, несмотря на то что судьба несколько раз сулила ему удачу, не только не сумел этим воспользоваться, но и чуть было не опозорил всю их семью перед людьми: чуть было не сорвал поминки по матери, к которым готовились братья.

Перейдём далее к рассмотрению *сказок о ловких ворах*, в основе которых лежит изощрённое умение, хитроумная изобретательность.

К сюжетам сказок о ловком воре можно отнести произведения «*Ловкий парень*» (Мошков, 1904: 132-133), «*Парень учится воровству*» (Мошков, 1904: 136-137) и другие.

Гагаузские сказки о ловких ворах, как и аналогичные им у других народов, высмеивают глупость, недалёкость и прочие отрицательные качества антипода героя.

Так, например, в сказке «*Ловкий парень*» мы наблюдаем, как герою удалось украсть у встреченного им путника козла, прибегнув к хитрости: он поочерёдно выставлял на дорогу по сапогу, и пока путник собирал их, увёл добычу.

В другой сказке – «*Парень учится воровству*» – герой уносит рубаху пастуха, когда тот позарился на серебро, которое подбросили ему.

Как видим, воровство и одурачивание могут легко переходить из одного качества в другое. Остановимся подробнее на *сказках об одурачивании*, бытующих у гагаузов достаточно широко.

С большим юмором обрисованы в сказках гагаузов хитрецы и плуты. Часто такие сказки получают ярко выраженный сатирический характер. Одним из главных персонажей сказок об одурачивании является *Kösä* (Безбородый). С ним происходят разные истории, и он сам активно устраивает всяческие проделки, добываясь для себя благополучия, лучшей жизни и при этом наказывая других героев сказки за жадность, глупость и прочие человеческие недостатки (Мошков, 1895: 80-83; Мошков, 1904: 111-113).

Иногда выражается отрицательное отношение к *Kösä* из-за его плутовства (Zajackowski, 1966: 128): он проигрывает юноше в состязании по рассказыванию небылиц.

В бытовых сказках гагаузов особое место отводится теме духовенства. В ряде текстов используется приём одурачивания, служители культа выглядят в них комическим образом: «*Причетник, умерший четыре раза*» (Мошков, 1904: 151-152), «*Проделки мошенника с попом*» (Мошков, 1904: 158), «*Чей сон лучший*» (Бабоглу, 1969: 231-233) и другие.

В сказке о причетнике разоблачение святости дьячка обнажает его разврат, пошлость, бесстыдство. В сказках о попе перед нами вырисовывается беспредельная глупость, убожество, ложное чувство собственного достоинства святого отца. Какой бы сюжет мы ни рассматривали, в каждом из них раскрывается какая-либо черта характера священника и других духовных лиц. Как правило, они невелики по объёму и перекликаются с анекдотами.

Семейно-бытовые сказки гагаузов частично затрагивались при рассмотрении сказок о дураках. Это одна из больших разновидностей бытовой сказки, так как тематика её многообразна. Касаясь общечеловеческих пороков и недостатков, такие сказки дают им свою оценку, показывая высокие моральные качества и нравственный идеал народа.

Типичны в этом плане сказки: *“Лучше иметь хорошую жену, чем богатство”* (Мошков, 1904: 56-57), *“Кто не работает, пусть не ест”* (Мошков, 1904: 185-187), *“Сказка про деда и бабу”* (Бабоглу, 1969: 121-124), *“Трусливый охотник”* (Чеботарь, 1998: 39-42), *“Бестолковая жена”* (Чеботарь, 1998: 173-175) и другие.

В ряду юмористических сказок, высмеивающих женские и мужские пороки, находятся и *сюжеты о женской лени, о женском любопытстве*. Так, в одной из таких сказок, *“Про ленивую жену”* (Колца, АОГ), рассказывается о том, как жена обленилась до того, что ходила в рваной одежде, пока не понадобилось ехать на свадьбу в соседнее село.

Муж решил проучить жену за её безделье и неряшливость: вместо того чтобы принести ей платье от матери, он попросил приготовить большую белую курицу, так как по гагаузскому обычаю все гости на свадьбу приходят с караваем и с варёной курицей поверх него. Жена, ожидая платье, кинула в горящую печь свои обноски, оставшись совершенно голой.

Муж предложил жене закрыться ... в бочке и отправиться на свадьбу таким образом, чтобы та могла через отверстие в бочке наблюдать за праздничным действием, Но увы! – бочка развалилась, и жена предстала перед всем честным народом в чём мать родила. Однако с тех пор она избавилась от лени.

Подобные сказки, как правило, содержат назидательный, морализаторский оттенок. Не менее поучительны юмористические сказки с сюжетами о женском коварстве. Лёгкий добродушный юмор придаёт им характер весёлой и забавной шутки (Чеботарь, 1998: 191-194).

В группе семейно-бытовых сказок встречаются и произведения на *тему измены супругов, неверности жены, семейного разлада*: *“Человек, которого жена выгнала из хаты”* (Мошков, 1904: 156-157), *“Невестка и деверь”* (Дурбайло, АОГ) и другие.

Неверность жены, к примеру, высмеивается с юмором и иронией в сказке *“Любовник хозяйки и работник”* (Мошков, 1904: 159-160). Поп нанимает работника, который в отсутствие хозяина ежедневно приходит к попадье для исполнения поручений и становится активным соучастником в её разоблачении. Работник совместно с попом подстраивает всевозможные комические ситуации, разоблачающие неверную жену.

В начале сказки работник, явившись к попадье, закладывает дрова в печь, в которой спрятался любовник. Комизм ситуации в том, что дров было заложено столь много, что дьяку деваться уже некуда.

В другой раз работник расстроил свидание любовников, когда пробил поленом голову дьяка, найдя того скрывающимся на чердаке. Наконец, работник одурачил не только любовников, но и хозяина, разыграв его на пашне с помощью шуток и остроумия.

Данный сюжет типичен для рассмотренной ранее группы сказок о дураках и об одурачивании. Комизм его усиливается к развязке произведения, которому в целом сопутствует чёткость композиции, динамизм, диалог героев, острые драматические ситуации. Смех лежит в основе повествования и создаёт особую атмосферу сказочного вымысла.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить следующее. В гагаузском

народном эпосе нет чётких, полностью определившихся границ и различий между видами и жанрами. Об этом свидетельствует, например, наличие в составе волшебных сказок богатырских и легендарных, а также промежуточных сказок между волшебными и бытовыми, с одной стороны, между волшебными и зооморфными, с другой стороны (Ботезату, 1983: 248-249, 254-257. В последнем случае – ещё один пример кумулятивной сказки.).

Заметим также, что при заимствовании эпического текста часто происходит жанровое „смещение“: произведение героического или романического эпоса у гагаузов обычно приобретает черты сказки или полностью переходит в неё. Следовательно, дастан как жанр фольклора нетрадиционен для гагаузов и встречается, как правило, в тех районах их современного проживания (Северный Кавказ, Средняя Азия и Казахстан), где имеются контакты с народами, для которых свойственна дастанная традиция. У гагаузов же в целом намного сильнее развиты традиции сказочного эпоса, нежели дастанного.

Распространению и сохранению сказочного творчества среди гагаузов способствовал, прежде всего, кочевой образ жизни их предков. Чабаны, уходя на дальние пастбища или оберегая ночью стада, скрашивали свой досуг сказками, песнями, легендами. Любимым развлечением сказки были и позднее, когда кочевники осели на Балканах. На посиделках происходил как бы обмен сказками, бытующими в разных местах проживания. Всё это благоприятствовало скрещиванию и размножению различных сказочных сюжетов, вместивших в себя элементы тюркской, славянской, романской фольклорных культур.

В настоящее время гагаузская народная сказка, сохраняя своё эстетическое и воспитательное значение, продолжает живое бытование, то есть этнографы и фольклористы в значительной мере ещё могут фиксировать естественные фольклорные процессы и явления.

БИБЛИОГРАФИЯ: ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

- Бабоглу, 1969 – Гагауз фольклору / Собр. и сост. Н.И. Бабоглу. Кишинёв, 1969.
- Ботезату, 1976 – Повешть фантастиче / Алк., артик. ынтр. ши ком. де Гр. Г. Ботезату. Кишинэу, 1976.
- Ботезату, 1983 – Фрумос е ла шезэтоаре / Едиц. ынгриж. де Гр. Ботезату, Н. Бэшу. Кишинэу, 1983.
- Гайдаржи, 1981 – Гайдаржи Г. А. Гагаузский синтаксис. Придаточные предложения союзного подчинения. Кишинёв, 1981.
- Гайдаржи, 1987 – Гагауз дили. Ўренмак кийады 8 класс ичин / Хазырл.: Гайдаржи Г. А., Колца Е. К. Кишинёв, 1987.
- Гайдаржи, АОГ – Ванчу в подземелье. Архив отдела гагаузоведения Академии наук Республики Молдова (далее – АОГ АНМ). Вулканештский р-н, с. Дерменжи, 1960. Информ. К.М. Дерменжи, 46 лет. Запись Г.А. Гайдаржи.
- Дурбайло, АОГ – За то, что ты меня спас, я тебя съем. АОГ АНМ. Комратский р-н, с. Конгаз, 1988. Информ. М. И. Сабийа, 84 года. Запись М. А. Дурбайло.

Дурбайло, АОГ – Невестка и деверь. АОГ АНМ. Комратский р-н, с. Авдарма, 1976. Информ. М. С. Саранди, 56 лет. Запись М. А. Дурбайло.

Колца, АОГ – Дочь старика и дочь старухи. АОГ АНМ. Комрат, 1959. Информ. А.С. Колца, 43 года. Запись Е.К. Колца.

Колца, АОГ – Клубок, мой клубочек... АОГ АНМ. Комратский р-н, с. Дезгинжа, 1959. Информ. Е. Кыналы, 24 года. Запись Е. К. Колца.

Колца, АОГ – Про ленивую жену. АОГ АНМ. Комрат, 1959. Информ. И.П. Йофчу, 59 лет. Запись Е.К. Колца.

Манов, 1938 – Манов А.И. Потеклото на гагаузите, техните обичаи и нрави. В 2 части. Варна, 1938.

Мошков, 1895 – Мошков В.А. Гагаузские тексты // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете, 1895. Т. XIII. Вып. 2. С. 70-83.

Мошков, 1904 – Мошков В.А. Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племён, изд. В. Радловым. СПб., 1904. Часть X.

Рошияну, 1974 – Рошияну Н. Традиционные формулы сказок. М., 1974.

Стеблева, 1986 – Турецкие сказки / Сост., пер., вступ. ст., прим. И. В. Стеблевой. М., 1986.

Сырф, АОГ – Чорлан. АОГ АНМ. Чадыр-Лунгский р-н, с. Бешгиоз, 1994. Информ. Ф.Д. Градинарь, 68 лет. Запись В.И. Сырфа.

Танасоглу, 1959 – Буджактан сесләр. Литература йазылары / Хазырл. Д. Танасоглу. Кишинёв, 1959.

Чеботарь, 1998 – Гагаузские народные сказки / Сост. и пер. с гаг. П. Чеботаря. Кишинёв, 1998.

Чимпоеш, 1997 – Чимпоеш Л. С. Дастанный эпос гагаузов. Кишинёв, 1997.

Baboglu, 1997 – Baboglu N., Baboglu İ. Gagauz literaturası. Hrestomatiya VIII-ci – IX-cu klaslr için. Chişinău, 1997.

Sârf, 2001 – Sârf V. Povestea fantastică găgăuză: Autoref. Tezei de doctor în filologie. Chişinău, 2001.

Zajaczkowski, 1966 – Zajaczkowski W. Jezyk i folklor Gagauzow z Bulgarii. Krakow, 1966.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

ДМИТРИЙ САВАСТИН

Дмитрий Иванович Савастин родился в 1942 году в Вулканештах. Во время голода 1946 года мать увезла сына в Азербайджан.

После возвращения в Молдавию, в 1959 году, Дмитрий оканчивает в Вулканештах восемь классов и поступает в Кишиневское художественное училище им. И.Репина. Еще в период ученичества его работы поражали самобытностью, проникновением в глубины национальной культуры. Савастин учится на заочном отделении Львовского полигра-

фического института, осваивает книжную графику.

Тематика работ Дмитрия Савастина разнообразна. Первые его работы были посвящены народным борцам, революционерам. Значительное место в его творчестве занимают серии «Буджакская сюита», «История моего народа» и др. Это гравюры «Гайдуки – народные мстители», «Буджакские чабаны», «Борьба». В эти годы художник создаёт цикл графических работ, посвящённых гагаузскому фольклору. Среди них «Гагаузские девушки» (1972), триптих «Гагаузская свадьба» (1975), «Каушист» (1972), «Баллада о любви» (1978), «Баллада об Оглане» (1981), «Митираш-Пытыраш» (1980), «Баллада о Бойчу» (1980), «Легенда о Тудорке» (1981), «Поэт Д. Карачобан» (1984). Его произведения проникнуты глубоким чувством, внимательным наблюдением, знанием истории своего народа, его обычаев. В литографии «Гагаузские девушки» ярко проявляется профессиональное мастерство художника. Здесь изображён целый ряд образов, среди которых – девушка во всей своей красе. Все эти образы объединялись в одно целое и выражают нераскрытые чувства красавиц, душевную чистоту крестьянских девушек. В литографии «Каушист» показан образ народного музыканта, играющего на струнном инструменте – кауше. С большой художественной правдивостью созданы и другие гравюры Дмитрия Савастина. Среди них следует отметить работы «Гагаузская невеста», «Гагаузская свадьба» из триптиха «Гагаузская свадьба». Впечатляет литография «Невеста». Левая часть этого триптиха – молодость в образе невесты, олицетворяет весну, земную красоту. Правая часть триптиха «Жених» – олицетворение изобилия. Средняя часть триптиха «Танец», в котором передан и национальный обычай и колорит. Эти литографии были представлены на выставке в Москве.

В своих гравюрах Д. Савастин изображает земледельцев и овцеводов, среди них «Буджакские чабаны», «Семья чабана», «На Буджакской земле», «Стрижка овец» и

др. В этих работах изображены образы труженика. Большие перемены, которые принесла в Буджак Советская власть, хорошо показаны в литографии «Портрет Героя социалистического Труда И.А.Щербана». Эта литография была представлена на Всесоюзной выставке в Москве. Чтобы полнее выразить свои творческие порывы и способности, свои взгляды, художник выбрал полюбившийся ему жанр – графику. Он работает в области литографии, проявляя высокое мастерство владения техникой. Изо дня в день, вдохновляясь, высекает на чёрном камне образы, которые потом притягивают взгляды людей, трогают их души, вызывают высокое эмоциональное наслаждение.

Специалисты высоко оценили его серию литографий «Из гагаузского фольклора». В 80-е годы он завершил эту серию. Работая на Всесоюзной творческой базе «Сенеж», он создал литографии «Буджакская легенда», «Митираш-Пытыраш» и другие литографии из этой серии на мотивы гагаузского фольклора. Получив высокое признание, Д. Савастин ещё более развил талант в своём творчестве, утончил свою технику. В его картинах показана история гагаузского народа, взгляды человека на добро и зло. Перед нами предстают народные герои, которые боролись за справедливость и счастье народа.

В этих гравюрах чувствуется высокое мастерство художника в технике литографии: каждая черта, тень – на своём месте, мы ясно ощущаем, что же хотел показать нам художник.

Много гравюр этой серии неоднократно экспонировались на различных выставках. Так, на IV-ой выставке эстампа в Москве, были представлены его работы: «Митираш-Пытыраш», «Баллада о Бойчу», «Буджакская легенда».

Дмитрий Савастин немаловажен и для творчества гагаузских писателей. Он выполнил много иллюстраций к их книгам, и это сотрудничество даёт свои плоды. Его иллюстрации вышли в книге «Гагаузский фольклор» «Грандафирий драгостей» («Розы любви») на молдавском языке, в книге «Чык, чык, гюнеш!» («Взойди, взойди, солнышко!»), в сборнике Д. Кара Чобана «Стихлар» («Стихи»), С. Курогло «Уусек кушлар» («Перелётные птицы»), М. Кёся «Топран урек дуулмеси» («Земли сердцебиение»).

С 1983 по 1993 гг. Дмитрий Савастин работает директором детской художественной школы в Комрате.

В 1995 году он уехал работать в Турцию. За годы жизни в Турции художник написал много работ маслом. Среди них: «Огуз», «Легенда Бозкурта», «Огузхан», «Гарип ашик», «Деде коркут», «Кто ты?», «Лянка», «Влюблённые», «Танец кадынжа»,

«Табаководы», «Возвращение Карачобана», «Красная Роза», «Гагауз выходит в дорогу» и др.

Дмитрий Савастин – участник республиканских выставок в Кишинёве (1968, 1971, 1972, 1974, 1976, 1981, 1984), в Вулканештах (1974), в Комрате (1980, 1983). С 1972 года его работы экспонируются в Москве: на выставках «СССР – наша Родина» (1972), «Мы строим коммунизм» (1981), «IV-я выставка эстампа» (1981), «V-я выставка эстампа» (1983). В 1972 г. – участие в «Зональной выставке произведений белорусских, украинских и молдавских художников».

Работы Д. Савастина экспонировались в Анкаре (1995), в 1996, 1997, 1998, 2000 гг. – в Стамбуле, Конго, Македонии, Афганистане, Сирии, Лаосе, Ираке, Франции, Германии, Гане, Болгарии, Чехословакии и др. Иллюстрации его работ помещены в ряде каталогов: «Художники юга Молдавии» (1985), «Художники Гагаузии» (1993), «Выставка гагаузских художников в Турции» (2000) и др.

За эти годы признанный мастер провёл ряд персональных выставок в Анкаре, Стамбуле и других городах Турции.

В 2000 году Министерство культуры Турции выпустило красочный альбом, посвящённый творчеству Д.И. Савастина. В него вошли избранные 94 произведения художника: литографии, линогравюры, рисунки, пастели и др., охватывающими сорок лет творчества. В альбоме помещены отзывы художников, писателей и других видных деятелей культуры о творчестве художника, в которых даётся высокая его оценка.

Дмитрий Савастин – один из основоположников гагаузского изобразительного искусства. Он и ныне полон творческих сил, продолжает успешно работать, много внимания уделяя развитию гагаузского изобразительного искусства.

ЧАКИР ПЁТР ПЕТРОВИЧ

Пётр Чакир родился в с. Котловина, Одесской области (бывшая Измаильская). Педагог, преподаватель рисования, черчения (художник; график, эмальер, живописец, монументалист).

Член Союза художников СССР с 1980 г., член Национального Союза художников Украины.

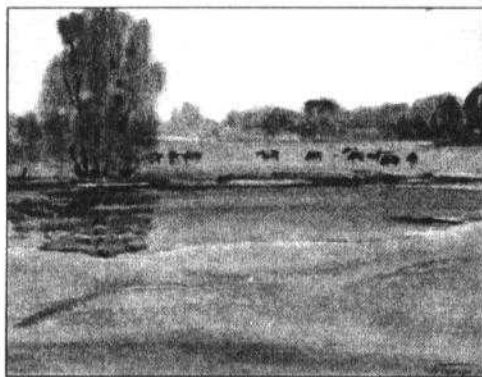
Получил высшее образование в Одесском пединституте им. Ушинского в 1968 г., окончив факультет изобразительного искусства, педагог – Н.А. Павлюк.

Почётная грамота и Диплом Союза художников СССР за активное участие в выставочной деятельности (1983). Премия и Диплом за участие в Международной выставке, посвящённой 2000-летию Рождества Христова «Под звездой Вифлеема». Отмечена работа «Распятие» (Одесса, 2000). Почётная грамота Министерства культуры Украины (2001).

С 1955-1972 гг. – преподаватель черчения и рисования в средней школе. Художе-

ственный фонд, оформитель высшей категории фонда СССР, монументалист.

Участие в республиканских, всесоюзных, международных выставках. Персональные: Бендеры, Кишинёв, Бельцы (Молдавия) в 1979-1981 гг., Чехословакия (1987), Румыния (1986), Венгрия (1995, 1999). Работы Петра Чакира хранятся в музеях Киева, Кировограда, Сум, Ильичевска, Одессы, Кишинёва, Бендер; в Голландии, Канаде, Италии, Австрии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Словакии и др. Участвовал во всесоюзной выставке «Голубые дороги Родины» (1982).

Земля Буджака, 1989 г.

На Всесоюзной (передвижной выставке по СССР и за рубежом) экспонировалась работа «Хлеб» из серии «Земля Придунавья» (1977). Серия работ была представлена на республиканской и Всесоюзной выставках в 1985 г., посвящённая Великой Отечественной войне «Вещи рассказывают», а также – серия портретов ветеранов Великой Отечественной войны (1985). Часть этих работ была приобретена Союзом художников Украины, Министерством культуры Украины. Серия работ, посвящённая Всесоюзному Студенческому строительному отряду (1977). Работа «Горечь утраты» (1977), представлена на выставке, посвящённой Дню милиции. Работа «Распятие» (2000) – горячая эмаль, сталь.

Цветные иллюстрации работы П.П. Чакира были опубликованы в журнале «Украина» (1982), журнале «Радянська жінка» (1979), «Образотворче мистецтво» (1977, № 1), Одесском журнале «Пассаж» (2001).

Работы П.П. Чакира представлены в международных каталогах, периодических изданиях как украинских, так и международных. Участник Международного симпозиума художников по эмали в Венгрии с 1988 г. и по настоящее время.

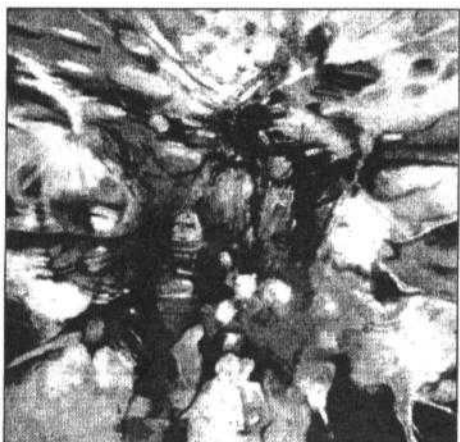
ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ФАЗЛЫ

Пётр Фазлы родился в 1953 г. в Вулканештах, Молдавия.

В 1972 году он окончил Кишинёвское художественное училище им. И.Е. Репина. С 1985 г. – член Союза художников СССР и член Союза художников Молдовы, с 1986 г. – член Союза художников Гагаузии. В 1986 г. его назначают директором детской художественной школы в Вулканештах, где работает по настоящее время. В 2005 году окончил Государственный педагогический университет им. И.Крянгэ по специальности «изобразительное искусство и дизайн».

В 1984 г. секретариат Союза художников СССР утвердил Пётра Фазлы своим стипендиатом.

Композиция

В 1987 г. Пётр Фазлы был награждён поощрительной медалью за оригинальное исполнение композиции сельской тематики на выставке в Японии за картину «Обрезка винограда», а иллюстрация этой работы была помещена в каталог этой выставки.

Высоко оценили специалисты его работы: «Портрет гагаузки» (1983 г.), «Натюрморт» (1984 г.), «Натюрморт с бокалом» (1982 г.), «Пейзаж» (1982 г.), «Буджакские чабаны» (1984 г.), «Наряд на полевые работы» (1984 г.), «Обрезка винограда» (1986 г.), «Портрет сына» (1990 г.), «Буджакские старушки» (1991 г.), «Вулканештский мотив» (1992 г.), «Преобразование» (1993 г.), «Композиция» (1994 г.), «Маски» (1996 г.), «Весна» (1996 г.), «Лето» (2000 г.), «Композиция 111» (2000 г.), «Композиция» (2001 г.) и многие другие.

Земля ярчайших красок жёлто-красных долин, прочерченных бескрайней зеленью виноградников, лазурь неба. Свечение человеческих лиц от трепетности души – это Гагаузия Петра Фазлы. Сложившиеся стиль и тема творческого пути художника обращены к самобытной жизни гагаузского народа, психологическому складу характеров его героев. Его картины чувствительны и глубоко национальны. Художника волнует проблема прошлого и настоящего его родной земли, которая раскрывается в ярких образах его картин. Его «Обрезка винограда», «Гагаузские старушки» и другие произведения из серии «Из жизни и быта гагаузов» знакомят нас ближе со всеми тонкостями национального стиля, любовью простых людей, сроднившихся с землёй и ставших с ней единым целым. Его работы характеризуются гармоничностью красок, применением тонких, сложных, изысканных нюансов колорита, плотной лепкой формы, некоторой монументальностью. Многие из работ художника вошли в серию «Краски Буджака». В своих произведениях Пётр Фазлы создал образ своих современников, отразил красоту окружающего мира, родного края. Он – один из первых гагаузских живописцев, показавший в своих произведениях жизнь, традиции, обычаи гагаузского народа. Он также – талантливый портретист. Пётр Фазлы выполнил портреты поэта Дмитрия Карачобана, животновода Молявина и др.

“Хора”. Озаренные огнем лица людей, взявшиеся за руки фигуры, взметнувшиеся в небо костры на фоне темной, погруженной в ночную прохладу Буджакской степи. Языки пламени, охватывающее все веселье, яркие сполохи на одежде, на земле, на небе передают состояние всеобщей радости, веселья, жизни. Всплески смеха и музыки, танцы и песни бросают вызов спокойствию и тишине окружающей природы. Яркие, смелые мазки вступают в контраст со всепоглощающей прохладной пеленой.

Петра Фазлы волнует психологический склад характеров его героев. Его картины чувствительны и глубоко национальны. Серия работ “Из жизни и быта гагаузов” посвящена трудолюбивым, любящим свою землю жителям Гагаузии. Тематические полотна Петра Фазлы полны поэзии и особого доброго отношения к женщинам, работающим на полях.

Тему труда художник решает, прежде всего, как этическую: отношение к труду всегда у него служит пробным камнем человеческих характеров.

Особый контраст образов и цвета отображен в его работе "Люди и деревья". Перед нами – залитая солнцем долина, звенящий от жары воздух, черная распаханная земля и женщины, собирающие ветки деревьев. Молодые, сильные и гибкие тела девушек, не знающих усталости. Руки с быстрыми и цепкими пальцами, живые, веселые глаза. Они с легкостью несут свою ношу, играючи выполняют тяжелую работу. Их молодость и жизненная энергия подобна стройным, гибким деревьям, которые даже после сильного ветра найдут в себе силы распрямиться. Им противопоставлены усталые, натруженные тела женщин, согнутые спины, опущенные плечи которых выдают их усталость. Тяжелая работа состарила их раньше времени. И сами они похожи на старые, корявые деревья, которые стонут и скрипят, качаясь на ветру.

Яркими, живыми контрастами художник передал нам состояние единения человека с природой, подчеркивая самобытность образов. Он использует сложную смешанную технику. Фактура холста порой напоминает рельеф. И эта насыщенная, колоритная техника придает работам неповторимые ощущения и формы, создавая особый стиль художника.

Дмитрий Айоглу: «Совершенство работ Петра Фазлы столь значимо, что они стали известны по всему миру, будь то Стамбул, Берлин, Москва или Токио. Его путь в искусстве – это всегда высокая подлинность и артистизм исполнения, изображение окружающей жизни в начале пути и вселенское соединение человека, природы и мысли, в едином хороводе мироздания в настоящее время».

Художник работает в ярко выраженной форме авангардизма и экспрессионизма. Он создал ряд новых образов, в которых также отражены буджакские мотивы.

П. Фазлы неоднократно становился участником многих республиканских, зарубежных и международных выставок: «Пейзаж, натюрморт, керамика» (Кишинёв, 1976 г.); «Молодость страны» (Кишинёв, 1978, 1982, 1984 гг.); «60 лет ВЛКСМ» (Кишинёв, 1978 г.); «Осенняя выставка» (Кишинёв, 1977, 1979, 1982, 1984 гг.); «СССР – наша Родина» (Кишинёв, 1982 г.); «Физкультура и спорт в изобразительном искусстве» (Кишинёв, 1983 г.); «60 лет образования МССР и создания КПМ» (Кишинёв, 1984 г.); «Молодость страны» (Москва, 1982 г.); «СССР – наша Родина» (Москва, 1982 г.); «Выставка молодых художников Молдавии» (Афганистан, 1983 г.); выставки в Стамбуле (1991, 1993, 1997 гг.) и Анкаре (1994 г.).

Высокую оценку получили выставки произведений Пётра Фазлы в Турции, Германии и других странах. Иллюстрации многих работ помещены в каталогах выставок работ художников тюркских народов.

На выставке Берлинско-Брандербургского общества выставок, куда был приглашён П.Фазлы, в том же году, он выставил 40 своих работ, в которых выражено умение мастерски владеть красками – в общем, виден талант одарённого художника.

Из последних выставок, организованных в Гагаузии, участником которых стал Пётр Фазлы, можно назвать такие, как «Выставка произведений членов Союза художников Гагаузии», Комрат (1999 г.), «Персональная выставка картин Петра Фазлы», Комрат (2001 г.), «Выставка произведений художников Гагаузии», Комрат (2001 г.).

По характеру Пётр спокоен и добродушен, талантлив и трудолюбив, а своё твор-

ческое влечение и работу живописца любит всей душой. Он открыл художественную школу в родном городе, в фойе школы выставлены его известные картины. Произведения художника хранятся также в музеях, в разных частных коллекциях Республики Молдова и за рубежом.

Иллюстрации работ художника помещены в каталогах «Художники юга Молдавии», Кишинёв (1985 г.), «Художники Гагаузии», Комрат (1993 г.), во многих каталогах выставок художников тюркских народов, персональных выставок.

МИХАИЛ АРАБАДЖИ

Портреты Михаила Арабаджи похожи на пейзажи, пейзажи обладают портретной узнаваемостью. Таков почерк этого оригинального гагаузского живописца.

Родился Михаил в 1957 году в Комрате. На всю жизнь он сохранил чувство благодарности к своим родителям, не окончившим университетов, но понявших и поддерживавших его стремление следовать своему призванию.

Когда в 1969 году в Кишинёве открылась Республиканская средняя специальная художественная школа (а ныне – колледж им. И.Виеру), Михаил поступил в неё. Отсюда он начал путь к вершинам мастерства, демонстрируя его сначала на школьных, а потом и профессиональных выставках. Первый персональный отчёт Михаила Арабаджи состоялся в 1992 году. Он не пропускает ни одной групповой демонстрации творческих опытов и находок. Участвует в выставке молодых живописцев, что устроил Комратский историко-краеведческий музей, где экспонировалось 20 его лучших работ: живопись, акварель, пастель. Потом выставка за выставкой: членов Союза художников Гагаузии (1999, 2001). Вскоре работы Арабаджи занимают достойное место сразу в нескольких каталогах – «Художники Гагаузии» (1999), тюркских народов, изданном в 2000 г. в Турции.

С годами в Михаиле пробуждается тонкий колорист, умеющий превращать краски в застывшую музыку. После окончания художественной школы он продолжил свое образование в Львовском полиграфическом институте. Львов навсегда вошел в его сердце, и ему художник посвятил серию линогравюр, где отразились часовни, соборы, церкви, крепость, поэтические улочки и дома. Но где бы Арабаджи не бывал, какие не видел чудеса архитектуры, он всегда возвращался в тихий, как бы задумчивый Комрат. Это место стало для него культовой вселенной, где легенды смешиваются с реальными событиями, историческая память – с действительностью, и этот волшебный коктейль зажигает кровь и волнует воображение... Он без устали лижет окраины своего любимого городка, Бешалминскую церковь, собор Святого Иоанна. Даже когда Михаил рисует, используя разные художественные приемы и технику многоликий Буджак, в «Моей улице», «Доме с красной крышей», «Элева-

торе» и «Осени» любители его живописи угадывают все тот же Комрат.

Художник Дмитрий Айоглу: «У нас появилась культурная память, эта память – Арабаджинская природа Гагаузии, это тихий уют человеческого жилья, человеческого окружения, подлинности изображения».

Время в его изменяющейся красе – вот что интересует художника. Поэтому он легко переходит от реализма, в этой манере им написаны работы «Кошара», «Вечер»,

«Овраги», «В окрестностях Ферапонтьевки», «Дождь». Пейзажи «Лесной пейзаж», «Виноградники», «Март», к запоминающейся метафоричности образов, присущие его портретам. «Окружающий мир, – говорит Михаил Арабаджи, – может измениться, памятники и дома разрушиться или обрести другой облик, люди угаснуть и перейти в другой мир. Я хочу остановить мгновения их краткой и бесконечной жизни...».

Михаил Арабаджи принимал участие в выставках: в Кишинёве – выставка гагаузских художников (1992), в Тирасполе – выставка художников Гагаузии (1993), регулярных выставок художников Гагаузии (1994-2003); в международных выставках в Турции, Стамбуле – выставка художников Гагаузии, Молдовы и Приднестровья (1995), выставка художников Гагаузии (1996, 1997, 1998, 1999), выставка художников тюркоязычных стран (2000). Был участником Первого и Второго международных симпозиумов в Комрате (2004, 2005).

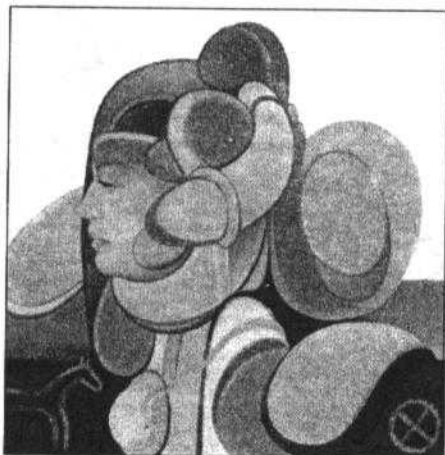
Старый дом

ДМИТРИЙ АЙОГЛУ

Дмитрий Айоглу родился в Комрате в 1957 году. Окончил Украинский Политехнический институт им. И.Фёдорова в 1986 г. Участник республиканских. Всесоюзных и международных выставок. Произведения художника хранятся в частных коллекциях и музеях республики и за рубежом (в Турции, Франции, Азербайджане, Македонии, Украине, Словении, Германии). Член Союза художников Гагаузии. С 1992 г. и по настоящее время является председателем Союза художников Гагаузии. Участвовал в числе ста лучших современных художников мира на выставке современного искусства «МАС-2000» в 2002 г. в Париже во Франции.

В 80-е годы Дмитрий активно включился в политическую борьбу за права гагаузского народа. является одним из основателей народного движения «Гагауз халкы», участвовал во многих политических акциях и мероприятиях вплоть до образования Гагаузской автономии.

Вечность

Приводим ряд высказываний искусствоведов о творчестве художника Д. Айоглу.

Par Christian Germak, PARIS 2002 ("MAC 2000"):

«Он создаёт свои картины, как серпантин форм и совершенно законченные, которые вписываются в эти фигуры.

И на самом деле символы и персонажи в реальности утаиваются за представлением той мысли, которая является чисто художественной».

Поэт Георгий Генов:

«Ключ к пониманию творчества художника Д. Айоглу – сложная история и культура

гагаузского народа. Народа, который просто фактом своего существования являет неразрывную связь между великими цивилизациями. В творчестве Д. Айоглу, в его холстах и графике, штриховых рисунках и акварелях будоражит и волнует яростное стремление разгадать удивительную загадку бытия. Понять причинно-следственные связи нашего сумасшедшего мира. Дойти до самой сути. Разложить действительность до сгустка материи, до Хаоса. И через хаос образов, цветовых пятен, нагромождения пространств и измерений он творит собственный мир. И, как символ возникновения под кистью Художника новых Галактик, из полотна на полотно переходит изображение яйца.

Народ – символ начала всех начал. Символ рождения вселенной. И этот древний символ обретает новые значения в контексте его работ. Он открывает нам странные, но в то же время мучительно узнаваемые миры. Даже не совсем так. Скорее, мы знакомимся с запечатлёнными на холсте видениями, сталкиваемся с неустанными попытками пробиться в иные измерения, где не властны наши привычные представления, логика, ощущения.

На своих полотнах Айоглу манипулирует категориями: пространство, время... и возникает на холстах призрачная реальность. Айоглу как бы отторгает время из своих работ.

Работам Айоглу присуща некая статичность, он охотно использует замкнутые объёмы, необычные цвета, от его полотен исходит необъяснимый эмоциональный настрой.

И вместе со всей отчуждённостью от нашей реальности, одновременно с отказом от привычных категорий, в большинстве работ Айоглу присутствует образ женщины необъяснимо прекрасной и загадочной.

Искусствовед Стефания Дюльгер писала о творчестве художника:

«Дерзкий стиль без вступления в пререкание с изобразительным наследием, устремлённость к совершенству и торжественность, искусный синтез реальных и нереальных форм, и в целом фантастический неомир характеризуют творчество Айоглу.

Некоторые зрители отмечают, что хочется войти, вжиться в его картины. И это естественно. Силовое поле состояний магически притягательно. Пространственно

ассоциативные игры при созерцании работ настраивают на многоплановость интерпретаций и многомерность восприятия.

Пространство у Айоглу представлено эволюцией неопластических форм. Познавший форму во всех её отступлениях, она у него внушительна и органична. Пластическая геометризация и некоторая схематичность не лишают композицию эмоциональности, а пластика завораживает. Позы присутствующих фигур спокойны, состояния устремлены в бесконечность.

Художник осмысливает тюркские мотивы и достижения современного искусства, синтезируя в современные веяния своё историческое прошлое через древние тюркские орхонские знаки, трансформируя их духовный контакт. Модернизируя и внося в них современное звучание».

Если в творчестве Айоглу пространство созерцательно, время отображаемо, то движение проходит через сложнейшие лабиринты восприятия. Кажущийся покой прикрывает всю разноликую палитру человеческих чувств. Virtuозность автора проявляется в обыгрывании движения в напрочь застоявшихся формах.

Художник беспощаден как к одушевлённому, так и к неодушевлённому. Всё застывает в промежуточных состояниях: между живым и неживым, между начальным и конечным, между бытиём и сознанием.

Если принять всё сущее во вселенной, имеющее свою несомненную форму условно за позитив, то вакуум – негатив. Также духовный мир, как продукт вполне высокоорганизованной материи имеет своё форменное отображение, но имеющий безграничное множество эстетических формул.

Д. Айоглу неоднократно участвовал во многих республиканских, зарубежных и международных выставках. В Молдове: 1987, Республиканская выставка «Молодость страны» – Кишинёв; 1987, Республиканская выставка «Страна советов» – Кишинёв; 1987-2005, Выставки в музее г. Комрат. В Москве: 1989, Советско-Американская выставка «КОСМОС»; 1996, Художественная выставка, галерея «Гороскоп». В Украине: 1989, 1-ая Интернациональная Биенале «Impreza 89», Ивано-Франковск. В Азербайджане: 1990, Художественная выставка, галерея «Sattar Bahulzade», Баку. В Турции: 1991, Выставка гагаузских художников, İzmir, «Центр культуры Atatürk»; 1993, Выставка «Центр культуры и искусства Kadikoу»; 1994, Выставка «Музей искусства и скульптуры», Ankara; 1995, Выставка «İzfas, Центр культуры», İzmir; 1997, Выставка «Центр культуры и искусства Kadikoу», İstanbul; 1998, Художественная выставка, галерея «Beyoglu», İstanbul; 2001, Персональная выставка, галерея «Alkent Actuel Art», İstanbul; 2001, Персональная выставка, галерея «Boyut», Ankara; 2003, International İstanbul Fairs «TUUYAP», İstanbul. В Германии: 1999, Художественная выставка «Американский Центр культуры», Берлин. Во Франции: 2002, Манифест современного искусства MAC-2002, Париж. В Словении: 2004, Выставка «Connections», галерея Dlum, Maribor.

Художник принимал участие в симпозиумах: в Турции (2000), Симпозиум по культуре Тюркского мира, İsparta, и в 2003, Симпозиум по изобразительному искусству «Türksoy», Mersin; в Македонии (2002), XXXIX-ая Интернациональная колония по искусству, Струмица; в Молдове в 2004, I-ый Международный Художественный Симпозиум, Комрат.

ПЁТР ВЛАХ

Пётр Влах родился в городе Комрате в 1945 году. Окончил Республиканское художественное училище им. И.Е. Репина в 1969 г. и Львовский полиграфический институт в 1980 г.

После окончания художественного училища молодой художник Пётр Влах, приехав в Комрат, пробует себя в большой графике и создаёт триптих «Переселение гагаузов в Буджакскую степь», который выставляет в Бешалминском историко-этнографическом музее. Первая часть триптиха «Хозяева степей» характеризует особенности климата, автор передаёт засушливые степи, какими они были в то время. Жизнь гагаузского народа того времени представлена во второй части триптиха, названной «Поиски». Свободолюбивые и трудолюбивые люди пришли на эту землю, чтобы изменить её облик и обрести свободу, сделать эту землю плодородной. И земля эта ожила – третья часть триптиха «Жизнь».

Художник всецело отдаётся изучению истории, обычаев, традиций своего народа, его культуры. Касаясь истории становления художника, следует отметить, что он создал также триптих «Три этапа лука», отражающий и историю, и философские размышления: на первом этапе лук был средством охоты, на втором – оружием, на третьем – средством спорта. Первый триптих был экспонирован на выставке «Земля и люди», второй – на выставке, посвящённой физкультуре и спорту (бывшего СССР). В дальнейшем он оканчивает Львовский художественный институт. Но особенно проявился талант Петра Влаха в малой графике, росписях сусаков и резьбе по дереву. Пётр Влах не только изучал жизнь и народное творчество гагаузов, обычаи и обряды, традиции, но и воплощал их в своих произведениях: им созданы сотни произведений малой графики – экслибрисов. В которых художнику удалось весьма талантливо и правдиво создать серию образов представителей своего народа, его историю, обычаи, обряды. Его экслибрисы экспонировались на республиканских, всесоюзных и зарубежных выставках, опубликованы во многих каталогах названных выставок, представляют фонды многих музеев. Экслибрисы художника посвящены людям, учреждениям, писателям, поэтам, музыкантам, врачам, музеям и другим. Созданию образа предшествует большая и кропотливая работа, и она не легче, чем создание живописного образа или другого вида изобразительного произведения. Живописец или другой художник передаёт непосредственно образ, создание же экслибриса требует глубокого изучения и особых приёмов передачи черт и особенностей изображаемого образа, а штрихи передачи образа, его черт и особенностей весьма утончённые, малыми штрихами порой следует передать величие души и тонкие особенности характера, его интересы и т.д.

Его экслибрисы были опубликованы в каталогах выставок и периодической печати, в литературных и художественных журналах, высокую оценку его работам дали и ведущие искусствоведы. Так, высокую оценку его работам дал искусствовед, ведущий специалист в области экслибриса Я.Л. Бейлинсон, который отнёс Влаха к числу ведущих художников изобразительного искусства (Каталог экспозиции эксли-

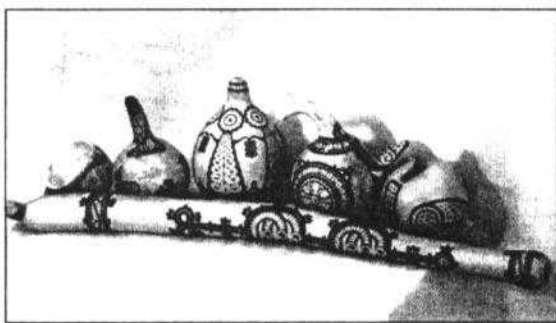

брисов, Москва, 1973). П. Влах участвовал также на выставке экслибрисов, посвящённой 50-летию СССР (Вильнюс, 1972), на выставке во Львове (1972) и др.

Пётр Влах известен и как книжный график. Он иллюстрировал сборник рассказов Н. Бабоглу «Бужяк ежеллери» и др.

Произведения художника хранятся в коллекциях музеев Гагаузии, Республики Молдова, и в зарубежных странах.

Пётр Влах – участник многих республиканских, зарубежных и международных выставок, где экспонировались его экслибрисы и сусаки. Его работы представляли на этих выставках гагаузское изобразительное искусство, а также вошли в каталоги выставок. Его произведения экспонировались на республиканских выставках в Кишинёве в 1970, 1971, 1976, 1978 гг.

Декоративные тыквы «сусак».

На Всесоюзном конкурсе «Известий» в Москве в 1981 году он был удостоен звания лауреата этого конкурса, награждён дипломом и медалью I Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества трудящихся и мастеров декоративно-прикладного искусства в 1977 г.

В Москве также экспонировались его работы в 1973, 1975, 1979, 1982, 1983 гг. В 1981 г. его работы экспонировались на персональной выставке в Ленинграде. Его работы экспонировались также в Одессе, Вильнюсе, Львове и др.

О творчестве Петра Влаха издан персональный каталог «Пётр Влах», куда вошли его экслибрисы (Тирасполь, издательство «Типар», 1996), библиографический указатель «Пётр Влах» (Комрат, 1997). Его работы помещены в каталогах «Художники юга Молдавии» (Кишинёв, издательство «Литература артистикэ», 1985), «Художники Гагаузии» (Комрат, 1993), «выставка гагаузских художников в Турции» (2000), опубликованы в литературно-художественных журналах и периодической печати.

Художник и в настоящее время плодотворно работает над созданием новых произведений, готовит к изданию альбом, в который войдут его новые работы.

В 2004 году вышла книга Петра Влаха о сусаках «Сусак со дня сотворения мира».

СЕРГЕЙ САВАСТИН

Гагаузский художник Сергей Савастин родился в 1966 г. в Вулканештах, Молдавия. Сын известного гагаузского художника Дмитрия Савастина, в доме которого часто бывали художники Пётр Фазлы, Дмитрий Айоглу, поэты и писатели. Его учителем был его отец.

После окончания школы Сергей поступает на художественно-графический факультет Кишинёвского педагогического университета им. И. Крянгэ. После окончания учёбы он возвращается в Комрат, где занимается творчеством и педагогической работой, работая директором и педагогом Комратской детской художественной школы.

Участвует в «Выставке произведений гагаузских художников» (Тирасполь, 1993), где экспонировались его живописные работы «Этулийский пейзаж» (1992) и «На краю села» (1992). В этих работах проявился талант живописца, особое глубокое проникновение в изображаемое, познание окружающего мира, выбор наиболее характерного и яркого, способность к обобщению и типизации явлений, природы, жизни людей.

В 1997 г. С. Савастин участвует в «Выставке кандидатов в члены Союза художников Гагаузии», на которой представляет ряд своих живописных работ: «Комратский дворик» (1994), «Утро» (1994), «Моя земля – Гагаузия» (1994), «Закат» (1994), «Девочка с петухом» (1997), «Натюрморт», «Японская айва», «Полдень» и др. Выставком высоко оценил его работы и Сергей стал членом Союза художников Гагаузии.

Но его педагогические и творческие интересы не замыкаются только личными успехами в творчестве и педагогической работе. Он изучает успехи преподавателей и учащихся всех детских художественных школ Гагаузии, и издаёт в Турции «Каталог работ преподавателей и учащихся детских художественных школ Гагаузии» (Анкара, 2000).

В каталоге «Художники Гагаузии» (Комрат, 1993) помещены две работы художника – «Этулийский пейзаж» и «На краю села». В каталоге «Выставка гагаузских художников в Турции», изданном в Анкаре министерством культуры Турции и в каталоге «Dimitri Savastin. Mete Savaşan» («Дмитрий Савастин. Мете Савашан»), изданном в Турции в 2000 г., также есть его работы.

В 1996 г. Сергей Савастин участвовал в выставке в Кишинёве. В 1998 и 1999 гг. – выставках в г. Стамбуле, где были представлены его пейзажи «Собиратели хвороста» (1994), «Зимний натюрморт», «Осень» (1997), «Весна» (1997), «Гагаузский натюрморт», «Натюрморт с фруктами» и др.

ВЛАДИМИР ТОПАЛ

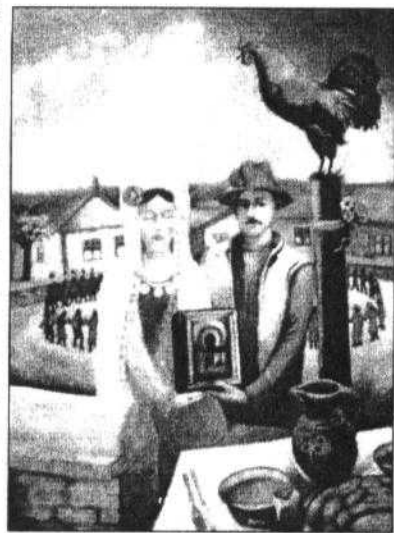
Гагаузский художник Владимир Топал родился в с. Казаклия Чадыр-Лунгского района 22 августа 1967 года. С детства проявилось его призвание к рисованию. Он много рисует, а потом, окончив среднюю школу в родном селе, поступает в Комратскую художественную школу, где его учителем был художник Пётр Влах, который стал известным благодаря его работам по декоративной обработке тькв «сусак». В этот период Владимир участвует в работе народного движения «Гагауз халкы». Выбрав свой путь, В. Топал, чтобы расширить и углубить творческие познания, едет учиться в Баку. Через несколько лет учёбы Владимиру предоставляется возможность учиться в Турции. В 1995 году В. Топал окончил Стамбульский университет имени Мимара Синана.

Все эти годы художник плодотворно работает и создаёт целый цикл рисунков «Старый Стамбул». Все эти рисунки в 1996 г. вошли в отдельный альбом. Художник организует ряд выставок. Самые значительные из них – Стамбул (1995); Анкара (1996).

В Стамбуле он создаёт серию великолепных пейзажей города Стамбула «Тихая улица» (1994), («Старый и новый») (1995), «Только одно музыкальное дерево» (1999), «Красивый султанский дворец» (1995).

Эти плавные и величественные городские пейзажи, выписанные художником в технике графики. Художник показывает большое мастерство в этом стиле художественного творчества. Ему присуща яркая творческая индивидуальность, чёткое композиционное решение образа старинного города. Его пейзажи подкупают поэтичностью и лиризмом. Эти графические листы характеризуются чёткостью и изяществом рисунка, искусным владением линий, лаконичностью художественного решения, правдивостью изображения, пейзажной поэтичностью. Применяя свои композиционные изыскания, Владимир Топал создал удачные городские пейзажи Стамбула. Работая над этими рисунками, художник использовал контурный рисунок, эффективность и декоративность светотени, ритмическое взаимодействие линий. Его городские пейзажи – правдивые зарисовки с натуры, выполненные с этнографической точностью и детальностью. В период учёбы в Стамбульском университете Владимир Топал много общался с художником Дмитрием Савастиним и учился у большого мастера, что, несомненно, плодотворно отразилось на творчестве художника.

Затем несколько лет Владимир Топал прожил в Англии. В настоящее время В. Топал живёт в Канаде,

Гагаузская свадьба

в г. Торонто, где В 2003 году художник организовал две большие выставки своих картин.

С 27 октября по 8 ноября 2004 года прошла выставка его работ в Берлине.

В цикле работ, представленных художником на выставке в Германии, он обратился к национальной тематике. В картине «Гагаузская свадьба» В. Топал отобразил основные национальные символы гагаузов – это жених и невеста, которые держат в руках православную икону. Православие – это религия, которая сформировала гагаузов в духовном плане как народ, и определила их будущность. Петух на картине – символ земледельческой культуры и гордый характер, присущий гагаузам. Картина «Колада» - воспоминание о детстве, праздниках, которые всегда в душе художника.

Владимир Топал тонко чувствует природу родной ему гагаузской культуры. Жизненный опыт, проживание на поликультурном американском континенте обострила в нём национальные чувства, и пробудила глубокий интерес к истории и культуре гагаузов. В настоящее время художник работает над новым циклом картин.

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ГАГАУЗОВ

*Оперная певица Мария
Златова (1884-1966)*

Основой музыкальной культуры гагаузов, как, собственно, и многих других народов, является песенно-инструментальный пласт народного творчества в форме устной традиции.

Сформировавшись как народ и прожившие большую часть своей жизни на Балканах (XI – XIX вв.) гагаузы и духовную свою среду предопределили сообразуясь с реалиями окружавшей их действительности, используя в художественной практике наряду с общими элементами характерных для многих народов этого разноэтнического региона свои древнетюркские фольклорные традиции.

Эта, изначально сложившаяся особенность гагаузского духовного быта, за некоторым исключением, сохранилась и в условиях последующего исторического проживания гагаузов на просторах буджакских степей Южной Бессарабии и современной Молдовы.

В общей гамме духовных потребностей, сопровождающих жизнь гагаузского народа, не последнюю роль играет сфера музыкального творчества.

Во все периоды своей истории в народной среде появлялись талантливые самородки, своеобразные «баяны», которые в своих песнях или инструментальных наигрышах отражали происходящие в жизни гагаузов, как грустные (порою и трагические), так и радостные события.

Об этом, в частности, ярко повествуют многочисленные исторические песни и баллады, свадебные и любовно-лирические песни.

Особой популярностью пользуются веселые куплеты гагаузской «маани».

В целом же, в музыкальном быту гагаузов утвердились три относительно самостоятельных жанра народного творчества, каждый из которых имеет свое специфическое название: *тюркюляр* (түркүләр), *мааниляр* (мааниләр) и *хавалар*. Первые два жанра представляют из себя вокальную сферу, третий – инструментально-танцевальную.

Характеризуя каждый жанр, особо следует выделить первый. *Тюркю* (түркү) – что означает протяжная песня, является основным песенным жанром гагаузов, поднявшимся до большого уровня обобщения черт национального характера народа, ярко воплотив его основные образы. *Түркү* – это своего рода музыкально-поэтическая классика гагаузов.

Напевы большинства песен отличаются развернутой мелодикой, красивой интонационностью, богатством метроритми-

*Дирижер симфонического оркестра Николай
Кильчик (1931-1983)*

Композитор
Михаил Колса

ческих оборотов, разнообразной ладовой основой, в которой, однако, преобладает минорный строй, что роднит его с особенностями общетюркской любовно-страдальческой лирики (Ашик гарип).

Интересны и поэтические тексты «түркү», охватывающие обширный круг жизненного содержания, начиная от глубоко эпических, исторических песен и заканчивая группой лирико-бытовых, и обрядовых песен.

Другой вокальный жанр – *маани* (частушка) является противоположностью «түркү».

Если «түркү» связан в основном серьезной, значительной тематикой и соответствующими формами воплощения, то «маани» – поистине, призван раскрыть народный оптимизм.

Его характеризуют яркий эмоциональный подъем, игривая подвижная образность. Кроме этого всех «маани» объединяет квадратность построения, четкий ритмический рисунок, скорый темп.

Для текстов «маани» характерно четверостишие. В каждом стихе должно быть не более восьми и не менее пяти слогов, но чаще всего встречается семислоговый размер.

Тематическое содержание «маани» подразделяет их на следующие виды: обрядовые, бытовые, любовно-шуточные, сатирические.

Третий жанр гагаузского музыкального фольклора – *хавалар*, что означает наигрыши, представляет (как уже выше отмечалось) инструментальную сферу, в которой наблюдаются три поджанра:

- 1) ойун хавалары (танцевальные наигрыши);
- 2) түркү хавалары (песенные наигрыши);
- 3) узун хавалар (длинные наигрыши).

Ойун хавалары связан непосредственно с народной хореографией гагаузов, охватывающий немалое количество жанров и типов танцевальных движений. Каждый танец сопровождается своей танцевальной мелодией и ритмом, в различных смешанных метрах (5/16, 7/16 и в особенности, 9/16).

Общий характер мелодий энергичный, темпераментный, хотя встречаются иногда и спокойные мелодии в размере 4/4.

Наиболее распространенные танцевальные мелодии и, соответственно, танцы

Коллектив ансамбля «Дюз Ава»

связаны со следующими названиями: «кадынжа», «дюз ава» (или дюз хору), юч аяк, хору, марамжа, ельжа и другие.

Кроме перечисленных национальных танцев, гагаузы любят танцевать под мелодии и других народов живущие с ними по-соседству: туканжа (болгарский), молдованжа (молдавский), русча (русский), чифитча (еврейский).

В основе *второго* поджанра (түркү хавалары) лежат мелодии известных

песен переработанных на инструментальный лад и исполняемых специально для слушания. Некоторые образцы этого типа наигрышей, благодаря талантливым исполнителям приобретали новые, высокохудожественные качества (Кираца хавасы).

Третий поджанр инструментальных наигрышей представляет вполне самостоятельный вид, основанный на оригинальной мелодии и проникнутый повествовательно-импровизационным характером. Такого рода мелодии рождались в чебанской (пастушеской) среде и исполнялись, как правило, на духовых инструментах (кавал, чиртма, дюдюк). (Примером может явиться «Порняла» из собраний В. Мошкова).

Композитор Дмитрий Гагауз

Непосредственно с гагаузской народной инструментальной мелодикой (музыкой) связаны наиболее распространенные в быту гагаузов музыкальные инструменты.

Их можно разделить на три группы: струнные, духовые и ударные.

К струнной группе принадлежат широко популярный кемеңчә (скрипка), кауш, кобза и тамбура. Первые два являются смычковыми инструментами, вторые два – щипковыми.

В группу духовых инструментов входят: кавал, гайда, жиртма, дюдюк (дүдүк).

Ударная группа представлена двумя барабанами среднего и малого размера, называемыми даул (или доба).

Все инструменты могут использоваться как сольно, так и ансамблево (три-четыре человека).

Кроме названных инструментов в последнее время широко используются и другие (главным образом классические) инструменты: кларнет, саксофон, труба и в особенности, аккордеон.

Среди народных исполнителей в разное время выделялись следующие музыканты-самородки: И. Юварлак, С. Лазарев, А. Дишли (скрипка), П. Кара (кавал), Е. Димова, М. Мичкарь, М. Радова (пение), И. Басс, М. Кыса, Т. Дудогло.

Сбор и изучение гагаузского музыкального фольклора впервые было начато в конце XIX – в начале XX века русским этнографом В.А. Мошковым. Немаловажна также роль прогрессивного гагаузского священника, архиерея М. Чакира в познании народной культуры гагаузов.

Но наиболее активный период в собирании, использовании музыкального фольклора гагаузов наступил после окончания Второй мировой войны, в советское время.

Среди собирателей наиболее известны Н. Киоса, Д. Гагауз, М. Колса. Последнему принадлежит альбом из двух пластинок с образцами фольклорной музыки под названием «Музыка гагаузов» (1980 г.).

В 70 – 80-е годы прошлого века начала зарождаться и профессиональная национальная музыкальная культура гагаузов.

Степан Курудимов в роли Евгения Онегина

В 1973 году при Комратском Доме культуры впервые был создан Оркестр гагаузской народной музыки «Дюз ава» под руководством С. Пометко, а чуть позже и Ансамбль гагаузской песни и танца «Кадынжа» (М. Колса, А. Кёся).

В конце 70-ых – в начале 80-ых создается первый коллектив гагаузской эстрадной музыки «Серин су» (рук. Ф. Радионов).

В конце 90-ых годов усилиями композитора и музыковеда Дмитрия Гагауза была организована и первая группа гагаузской классической музыки «Филиз» в составе С. Филиогло, О. Душкова (виолончель), Д. Усов (скрипка), Г. Влад (сопрано), С. Курудимов – все неод-

нократные участники и лауреаты Международных музыкально-исполнительских конкурсов. Но особо велики заслуги последнего участника группы.

Степан Михайлович Курудимов родился в Чадыр-Лунге в 1958 году. В шестнадцать лет он уезжает в Ленинград, в город мировой культуры и искусства. Здесь он решил попробовать свои силы и найти своё призвание. Интерес к культуре у него был настолько велик, что, приехав в Ленинград, он несколько дней ходил по городу и знакомился с его архитектурными достопримечательностями. Только после этой экскурсии по городу, Курудимов занялся поисками училища, адрес которого у него был. Поступив в профессионально-техническое училище при Кировском заводе, юноша принимал участие в художественной самодеятельности, занимался спортом, играл на гитаре. Здесь его заметил руководитель хора Ленинградского телерадио Григорий Моисеевич Сандлер. Он взял Степана солистом в хор. В этом коллективе молодой певец прошёл хорошую школу, а главное, понял, что необходимо получить музыкальное образование. Он поступил в Ленинградское музучилище. Так определилось его будущее как вокалиста.

С.Курудимов происходит из семьи гагаузских крестьян, где были сильны национальные традиции. Любовь к пению Степан унаследовал от своей матери, у которой в молодости был хороший голос, она часто пела сыну гагаузские народные песни.

Чувство Родины приводит Степана в Молдавию и он поступает в Кишинёвскую консерваторию, где учится вокалу у Виктории Слюсаревской, затем у известного певца, педагога по вокалу, Владимира Драгоша. Степан считает Владимира Драгоша выдающимся певцом и педагогом. Ещё одним важным человеком в его судьбе и крёстным отцом в искусстве С.Курудимов считает композитора и педагога Николая Киоса.

После учёбы в консерватории, Степан Курудимов пел в Москве, Челябинске, Ленинграде, в Ростове-на-Дону, Красноярском театре оперы и балета, был стажёром в Большом театре в Москве у знаменитого певца Зураба Соткилавы.

В период становления Гагаузской автономии выступления С.Курудимова перед массовой аудиторией сыграло большую роль в формировании национального духа гагаузского народа.

В 1993 году певца приглашают на работу солистом в Анкарскую оперу.

За последние десять лет он пел на оперных сценах различных стран – во Франции, Дании, Америке, России, Белоруссии, Германии, Голландии, Румынии. В его репертуаре – почти все драматические и лирические партии оперной классики.

Выдающаяся оперная певица Мария Биешу так оценила творчество певца: «Курудимов владеет уникально красивым и душевным голосом. Его тембр драматического тенора в мире встречается очень редко. Очень объёмный и мягкий, имеющий полный диапазон. С таким голосом и мастерством, которым владеет С.Курудимов, можно петь все теноровые партии, и лирические и драматические». С.Курудимов неоднократно участвовал в оперных фестивалях, которые проходили в турецкой части Кипра. Певец являлся организатором оперных концертов турецких артистов Анкарской оперы в Молдове. Ежегодно тенор С.Курудимов вместе с басом Булентом Атешоглу, Пекином Кыргызом, и другими турецкими певцами, приезжают в Молдову и Гагаузию, где дают успешные концерты.

В этих исторических концертах Особым вниманием южане встречали яркие выступления прославленной примадонны молдавской оперы М. Л. Биешу.

С гагаузской народной музыкой певец не расстается. Это одна из черт его внутренней цельности, которая невольно выявляет живую и естественную связь фольклора с классикой. Все ведь началось с народной музыки, и как хорошо, когда этот животворный ручей в наши дни пробивается на поверхность, не уходит под землю. Курудимов аранжирует песни и баллады, записал 10 клипов, выпустил аудиокассету с гагаузским фольклором и сейчас работает над следующим выпуском.

В 2005 году Министерство культуры и туризма Молдовы и Исполком Гагаузии учредили международный оперный фестиваль «Степан Курудимов и его друзья». Первый фестиваль с успехом прошёл в Молдове в 2005 г. В настоящее время С.Курудимов является солистом Мерсинского оперного театра (Турция) и Молдавского оперного театра.

Созданием и исполнением оркестром Молдавской филармонии симфонической сюиты «Буджакская сюита» Н. Киосы (в конце 50-х – в начале 60-х годов) начала становиться и гагаузская профессиональная композиторская школа. Являясь одновременно и композитором и певцом Н. Киоса, кроме вышеназванного произведения, написал много песен и романсов, с которыми сам же и выступал на концертной эстраде.

Немалая заслуга принадлежит и М. Колса, активно работавшем на ниве композиторского творчества в 70 – 80-ые годы. Им были обработаны и созданы оригинальные сочинения с гагаузской тематикой в основном в сфере вокальной (хоровой) музыки и впервые были изданы нотные сборники его сочинений («Түркүвар», «Королар»). Михаил Колса – автор и музыки гагаузского национального гимна.

Отличился он и как музыковед, опубликовавший статьи о гагаузской музыке в некоторых музыкальных журналах, а также в советском музыкально-энциклопедическом словаре (1990 г.).

*Композитор и музыковед
Василий Экюзчо (1919-1977)*

Лауреат международных конкурсов Сергей Филиогло
(фортепиано)

Но наиболее весомые достижения в области гагаузской музыкальной культуры приходится на 90-ые годы XX и начало 2000-х годов XXI века.

Они связаны, прежде всего, с именем гагаузского композитора и музыковеда Дмитрия Гагауза.

Неутомимый подвижник национального музыкального искусства в своей активной деятельности успешно проявляет себя в различных направлениях творчества: педагог, композитор, публицист, организатор, исполнитель собственных сочинений, участник всевозможных научных форумов, где

постоянно поднимает проблемы возрождения культуры и искусства гагаузов. В 1999 г. привлекался и на государственную службу в качестве руководителя культурного ведомства Гагаузской Автономии, одновременно являясь членом коллегии Министерства культуры Молдовы. Его многочисленные статьи о гагаузской музыке и ее представителях опубликованы в различных периодических отечественных изданиях.

В 2004 году в издательстве «Pontos» было издано рекордное количество творческих работ композитора (семь) с различной тематикой и жанровой направленностью. Среди них: «Гагаузия» для солиста и смешанного хора, Трио «Оглан», «Тюркские мотивы» для виолончели и фортепиано, «Четыре прелюдии А. Скрябина» для смешанного хора а cappella, музыка к театральной сказке С. Булгара «Падишахъен оолу» («Сын падишаха») и другие.

В конце этого же года (27 декабря) состоялся и авторский концерт гагаузского мастера в одном из престижных концертных салонов Молдовы – Органном зале.

Этот исторический концерт, посвященный 10-ой годовщине образования Гагаузской Автономии стал, несомненно, важным событием и ярко продемонстрировал возросший уровень музыкального искусства гагаузского народа, пожалуй, за всю его долгую и непростую историю.

Из других знаменитых представителей гагаузского народа в области музыки, жившие в разное время, из-за отсутствия необходимых условий для творческой деятельности в родной среде, и посвятившие свой талант другим национальным культурам, необходимо назвать славные имена Марии Златовой, Василия Өкүзчй (Вейсель Арсевен), Николая Кильчика.

Их плодотворные и яркие успехи, несомненно, являются предметом гордости и образцом подражания для молодого поколения гагаузов.

Поет оперная певица Мария Радии

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА И СИСТЕМА ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Под терминологией родства в науке понимается набор терминов определенного языка, обозначающих родственные отношения. Под системой терминов родства – комплекс структурообразующих принципов, принципов терминологического объединения или разграничения отношений родства, свойственных конкретной системе терминов родства, которые оформляют терминологию родства в определенную систему.

Значение изучения системы терминов родства для этнологии заключается в том, что данная высококатегориальная система наиболее удобна для выяснения социальной структуры общества, ее современного функционирования и логики ее развития в прошлом. Прежде всего, это относится к эволюции основной социальной ячейки – семьи, семейно-брачным отношениям, а также и к различным родственным структурам – роду, линиджу, семейно-родственным группам (патронимиям и матронимам). Кроме того, как показывают исследования последнего времени, изучение и терминологии, и системы терминов родства являются важнейшим источником для установления этногенетических связей, степени родства или межэтнического взаимопроникновения между народами.

Анализируя основные принципы горизонтального структурирования системы терминов родства – слияние или разграничение прямой (родство по рождению) и боковых (родство по наличию общих предков) линий кровного родства, а также слияние или разграничение терминов родства по отцовской и материнской линиям родства – обычно выделяют четыре основных эволюционных типа.

Наиболее стадиально древним признается так называемый бифуркативный тип, в котором сливаются прямая и боковые, но строго разграничиваются друг от друга две боковые – отцовская и материнская – линии родства. Данный тип обусловлен господством в обществе родового строя и родовой экзогамии.

Распад родового строя привел к формированию на его остатках различных постродовых структур, таких как семейно-родственная группа, а также семейной общины. Соответственно, бифуркативный тип эволюционно сменяется бифуркативно-линейным типом, в котором от предыдущего сохраняется разграничение родства по отцовской и материнской линиям, но, кроме того, также начинает разграничиваться от боковых прямая линия родства.

На этой же стадии развития человеческого общества, в особых условиях господства эндогамного брака, в некоторых районах Восточной Азии и Океании формируется другой тип системы терминов родства – генерационный или поколенный. В нем не разграничивается ни прямая и боковые, ни отцовская и материнская линии родства. Для данного типа оказываются существенными лишь два структурообразу-

ющих принципа – принадлежность родственника к поколению и его пол.

Наконец, “завершающим” этапом эволюции системы терминов родства является линейный тип, характерный для современных урбанизированных народов, у которых господствуют малая семья, а какие-либо другие родственные структуры в жизни человека и общества не играют существенной роли. В этом типе выделяется прямая линия родства (например: *отец, сын, внук*), но боковые линии сливаются в одну (например, рус. *дядя* – и “брат отца”, и “брат матери”, *тетя* – и “сестра отца”, и “сестра матери”).

Еще недостаточно изученные принципы вертикального структурирования позволяют, прежде всего, выделять релятивные типы, свойственные многим народам урало-алтайской лингвистической общности. Основной их особенностью является широкое применение принципа косо́го родства или скользящего счета поколений для терминологического выделения боковых родственников из отцовской филиации.

По данному принципу, для терминологического выделения родственника существенным оказывается не его принадлежность к определенному поколению (поколению *эго*, то есть – говорящего лица, центра эгоцентрической по своей природе терминологии родства; поколению родителей *эго*; поколению его детей и т. д.), как во всех других вышеохарактеризованных типах, а его возраст по отношению к родственникам прямой линии. Например, тюрк. *ауа* – “мужской родственник старше *эго*, но младше его отца”, то есть и “старший брат” (поколение *эго*), и “младший брат отца” (поколение родителей), и “неродной дед младше отца” (поколение родителей родителей) и т. д. По принципам горизонтального структурирования различные подтипы релятивной системы находят соответствия с бифуркативно-линейным и линейным типами (*Шабашов А. В. К проблеме типологизации... С. 122–129.*)

Ни одно из выдвинутых предположений об этносоциальной обусловленности релятивного типа не нашло обоснования в науке. Самым общим образом оно может быть определено какими-то своеобразными чертами хозяйственного, социального, культурного или даже ментального плана в специфических условиях Северной Евразии, а значительное его распространение – массовым и широким расселением, прежде всего, тюркских народов в других ареалах, а также их исключительным лингвистическим и социальным влиянием на окружающие этносы.

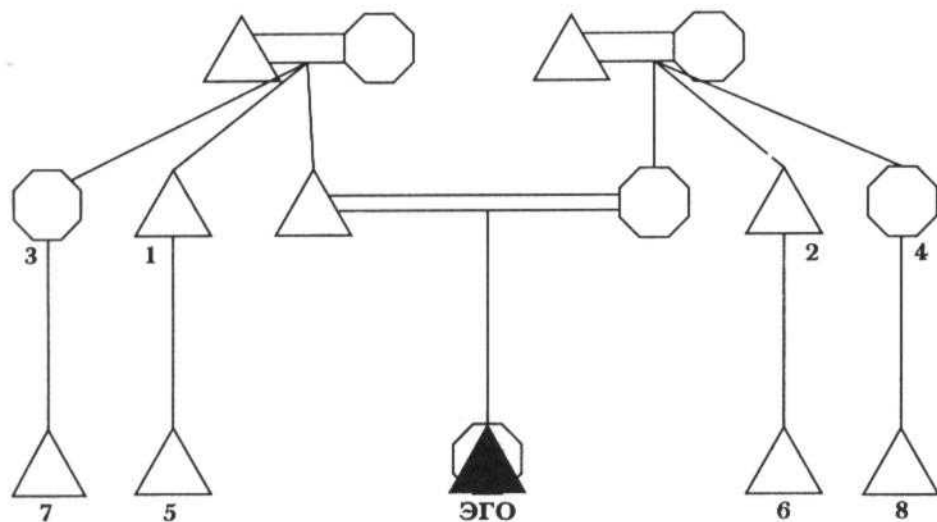
* * *

Переходя к анализу системы терминов родства гагаузов с точки зрения принципов горизонтального структурирования, следует констатировать, что она распадается на четыре подтипа, которые мы условно обозначим цифрами (типы 1–4). Один из них (тип 1) соответствует бифуркативно-линейному типу общей типологии. Три другие – различные переходные варианты от бифуркативно-линейного к линейному типу. Однако сам линейный тип у гагаузов, во всяком случае, в ареале их компактного расселения не зафиксирован.

Собственно бифуркативно-линейным следует считать тот тип, в котором и в поколении родителей *эго* (+ 1 п) и в поколении *эго* (0 п) последовательно проводится принцип разграничения отцовской и материнской линий родства (см. схему 1)

(разграничение прямой от боковых линий родства присутствует в системе терминов родства всех гагаузов).

Так, брат отца (*чучу, амыджа*) терминологически разграничивается от брата матери (*учу, дайка*), сестра отца (*нени, цаци*) разграничивается от сестры матери (*лелю //леля*). Соответственно, разграничиваются: дети брата отца (двоюродные братья и сестры со стороны дяди по отцовской линии) (для простоты будем указывать только термин для кузена мужского пола) – *чучун (амыджанын) чоджуу*; дети брата матери (муж.) – *учунун (дайканын) чоджуу*; дети сестры отца (муж.) – *ненинин (цацинин) чоджуу*; дети сестры матери (муж.) – *лелюнун //лелянын чоджуу*.

Схема 1. Тип 1 гагаузской системы терминов родства: 1 – брат отца (*чучу, амыджа*); 2 – брат матери (*учу, дайка*); 3 – сестра отца (*нени, цаци*); 4 – сестра матери (*лелю //леля*); 5 – сын брата отца (*чучун (амыджанын) чоджуу*); 6 – сын брата матери (*учунун (дайканын) чоджуу*); 7 – сын сестры отца (*ненинин (цацинин) чоджуу*); 8 – сын сестры матери (*лелюнун //лелянын чоджуу*).

Графическая схема данного типа системы терминов родства, как видим, носит симметричный характер. Это визуально иллюстрирует последовательное разграничение в нем отцовской и материнской линий родства.

Отметим, что тип 1 не имеет, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам (*Шабашов А. В. Гагаузы... С. 12*), четкого географического ареала распространения. Он спорадически встречается лишь в г. Комрат – столице Гагауз Ери – Гагаузии, а также в с. Дмитровка Болградского района Украины.

Данный факт подчеркивает архаичность рассмотренного типа, исчезновения его из современного языка и быта гагаузского народа. Вместе с тем, имеющиеся данные, а также представления об эволюции систем терминов родства народов мира указывают на то, что в прошлом такой тип имел повсеместное распространение у гагаузов и оставшиеся три типа, к рассмотрению которых мы переходим, являются историческим развитием описанного выше.

Следующие три типа, напротив, в той или иной степени ассиметричны, а, следовательно, как отмечалось, в той или иной степени занимают промежуточное положение между бифуркативно-линейным и линейным типом (последний графически и будет иметь ассиметричный вид).

Тип 2, сохраняя симметрию и разграничение отцовской и материнской линий в + 1 п, всех кузенов объединяет под одним составным термином (см. схему 2) – *икинджи (ильк) кардаш*, буквально “второй (первый) брат”, являясь, таким образом в + 1 п – бифуркативно-линейным, а в 0 п – линейным.

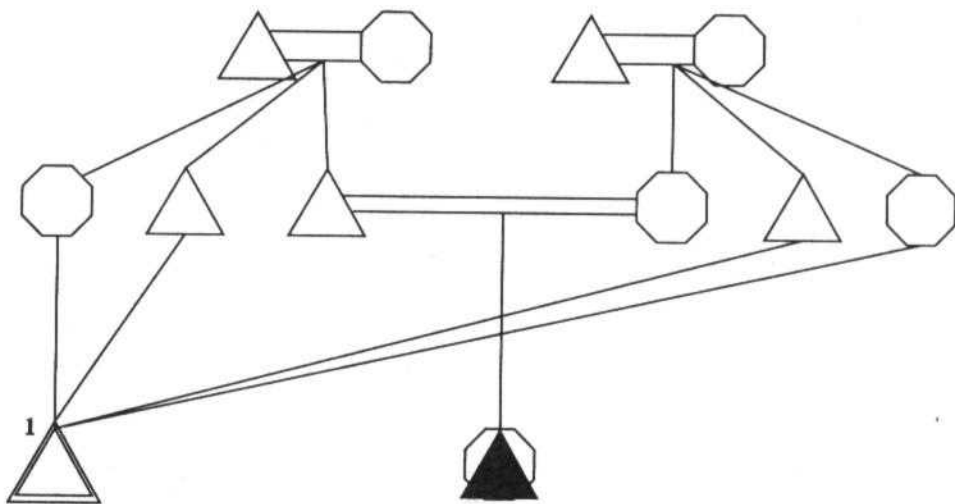

Схема 2. Тип 2 гагаузской системы терминов родства: 1 – сын брата отца; сын брата матери; сын сестры отца; сын сестры матери (*икинджи (ильк) кардаш*).

Тип 2 имеет ареалом распространения указанные выше два гагаузских поселения – г. Комрат и с. Дмитровку.

В следующих двух типах наблюдается частичное слияние отцовской и материнской линий в + 1 п, а именно объединение под одним термином сестры отца и сестры матери (*лелю*). Таким образом, оба данных типа в первом восходящем поколении – смешанные, переходные от бифуркативно-линейной к линейной модели системы терминов родства. Различия между ними заключаются в принципах группировки родственников в 0 п.

В типе 3 (см. схему 3), также как и в типе 1, кузены разграничиваются в зависимости от их принадлежности к линии родства (другими словами, в зависимости от связывающего родственника), с тем исключением, что поскольку в + 1 п здесь терминологически сливаются сестра отца и сестра матери, для их детей также имеется одно общее название. То есть в данном типе наличествует не четыре, как в типе 1, а три отдельных термина для кузенов. Следовательно, в 0 п этот тип, в целом, носит бифуркативно-линейный характер, хотя частичное слияние отцовской и материнской линий в + 1 п отражается и на нисходящем поколении.

Тип 4 распространен среди гагаузов практически повсеместно, за исключением отмеченного выше. Он, таким образом, явно доминирует и является основным для этого народа.

Социально-историческая обусловленность перехода от бифуркативно-линейной к линейной системе терминов родства, как упоминалось, считается непосредственно связанной с логикой перехода от большой к малой форме семьи. Действительно, имеющиеся данные позволяют утверждать, что основными типами семьи у гагаузов с начала XIX в. и до наших дней были отцовская однолинейная семейная община и малая семья.

Малая семья включает в свой состав супругов и их детей (при наличии последних).

При отцовской однолинейной семейной общине в доме с родителями пожизненно остается один из детей, вступивших в брак, как правило, младший сын (обычай минората), в исключительных случаях (при отсутствии сыновей), – одна из дочерей (в остальных случаях, дочери, после замужества, уходили в дом супруга). Он и наследует родительский дом и имущество. Остальные сыновья, после женитьбы, выделяются в отдельные домохозяйства и образуют малые семьи. Эти вновь созданные малые семьи со временем, при вступлении в брак младшего из появившихся в них сыновей, опять же превращаются в отцовские однолинейные семейные общины. При определенных обстоятельствах (большая продолжительность жизни, ранний возраст вступления в брак и др.), такая форма семьи может включать в свой состав и более двух брачных пар со своими детьми, практически, – до четырех брачных союзов, в которых мужья связаны между собой прямой линией родства: дед с женой – отец с супругой – женатый сын и – женатый внук.

Такая форма семьи, в сущности, является последней стадией перехода от сложных к наиболее простой – малой семье, поэтому логично, что ей соответствует переходный тип системы родства – от бифуркативно-линейного к линейному, причем на последней стадии трансформации из первого в последний.

В обозримом прошлом, у гагаузов имелись (хотя и не составляли большинства) и более сложные формы семьи – отцовская многолинейная семейная община, а также братская семейная община. В первой все сыновья, даже обзаведясь супругами и детьми, оставались в родительском доме. Такая семейная община могла разделяться уже после смерти родителей. В братской семейной общине семьи двух или нескольких братьев даже после смерти родителей продолжали жить вместе и сообща вести хозяйство.

Наличие определенного процента таких форм семьи, возможно, объясняет длительное сохранение у гагаузов, хотя и в пережиточных формах, более архаичных подтипов системы терминов родства (типы 1–3).

Впрочем, по нашему мнению, бифуркативно-линейный тип, как и переходные формы от последнего к линейному типу, не обусловлены прямо формами семьи, поскольку терминологически разграничивающиеся отцовские и материнские родственники (или большинство из них) во всех описанных моделях семейной общины принадлежат на протяжении большей части жизни к разным семьям и логика функционирования любой формы большой семьи не объясняет необходи-

мости терминологического выделения боковых родственников. Лишь брат отца и его дети, при братской семейной общине, а также сестра отца до своего замужества могли принадлежать к одной семье с *эго*, все остальные боковые родственники входили в состав других семей.

Поэтому бифуркативные черты системы терминов родства скорее определяются логикой функционирования надсемейных структур – патронимий и матронимий (семейно-родственных групп), представляющих собой союз родственников, в первом случае – по отцовской, во втором – по материнской линиям, семей, сохраняющих известное единство и солидарность, формы которого определяются обычным правом, несмотря на внутреннюю самостоятельность каждой из них.

Вместе с тем, разложение сложных форм семьи и редукция связей между семейно-родственными группами – до известной степени синхронный процесс, поэтому изменение соотношения в обществе различных форм семей, хотя и косвенно, но отражается и на структуре терминологии родства.

***

Рассмотрение принципов вертикального структурирования системы родства гагаузов указывает на значительную степень присутствия в ней особенностей релятивных типов. Хотя в чистом виде принцип косо́го родства в системе терминов родства гагаузов достаточно редок, но значительная группа терминов внутреннего (супруги кровных родственников) и внешнего (родственники по браку, по жене или по мужу) свойства, а также бокового родства выделяется по смешанным принципам, в которых учитывается и принадлежность к поколению (противоположный релятивным – генерационный принцип), и относительный возраст альтера – лица описываемого определенным термином родства. Другими словами, в термине родства смешиваются разные поколения, что не допустимо в генерационных системах родства и /или учитывается относительный возраст (старше /младше).

Несмотря на известную непоследовательность в принципах выделения данной группы терминологии, обусловленную трансформацией гагаузской системы родства в генерационном направлении, под влиянием их соседей и этнических субстратов, вошедших в состав народа, ее связь с релятивными терминологиями убедительно доказывается тем, что большинство самих терминов, выделяемых у гагаузов по смешанным структурообразующим принципам, встречается и у других тюркских народов, а также в реконструированном пратюркском языке (Сравнительно-историческая грамматика... С. 290–314) и именно в релятивном значении.

К таким терминам относим: *гелин* “жена младшего кровного родственника *эго* из его поколения (по-преимуществу, жена младшего брата), жена младшего брата жены, жена младшего брата мужа (0 п.); жена сына (-1 п)” < пратюрк. *kelin с близкими значениями; *гювя* “муж младшей кровной родственницы *эго* из его поколения (по-преимуществу, муж младшей сестры), муж младшей сестры мужа (0 п); муж дочери (-1 п)” < пратюрк. *küdagü, тур. *güvej*, аз. *gijev*, туркм. *gijew*, тат. *kijaw* и пр. “муж дочери, младшей сестры”; *булю* “жена старшего кровного родственника *эго* из его поколения (по-преимуществу, жена старшего брата), жена старшего брата жены,

жена старшего брата мужа (0 п); жена брата отца и брата матери (+ 1 п) < пратюрк. *bölö с первоначально далеким от гагаузского значением “дети от двух мужчин, женатых на двух родных сестрах”; *йениште* “муж старшей кровной родственницы эго из его поколения (по-преимуществу, муж старшей сестры), муж старшей сестры мужа (0 п); муж сестры отца и сестры матери (+ 1 п)” < пратюрк. *jezne “муж старшей сестры, тети”, точнее – “муж кровной родственницы из рода эго, которая старше эго, но младше его отца”; *ага* // *батю* “старший брат (родной и коллатеральный), старший брат жены, старший брат мужа, муж старшей сестры мужа (0 п); неродной брат отца (+ 1 п); мужчина – родственник или не родственник старше эго из любого поколения” < пратюрк. *ага “кровный родственник из рода эго, старше его, но младше его отца”; тюрк.-болг. *bat // *batja* с подобным предыдущему значению; *каку* “старшая сестра (родная и коллатеральная), старшая сестра жены, старшая сестра мужа (0 п); неродная сестра отца (+ 1 п); женщина – родственница или не родственница старше эго из любого поколения” < тюрк.-болг. < фин.-угор. *kuaka // *koka* “кровная родственница из рода эго, старше его, но младше его отца”; термины *кардаш* “брат; младший брат” и *кыскардаш* “сестра; младшая сестра” имеют пратюркское происхождение, но первоначально с иной семантикой – “единоутробник, единоутробница”, у других тюркских народов понятие “младший брат” и “младшая сестра”, обычно объединяются в более широком значении по релятивному принципу – “родственник младше эго, но старше его детей”, “родственница младше эго, но старше его детей”.

Принципы вертикального структурирования, присущие гагаузской системе терминов родства, подчеркивают, с одной стороны, их связь с тюркским и, шире, восточноевропейским (центральноазиатско-сибирским) миром, а с другой стороны, значительное проникновение в их культуру и быт этнических черт тех народов, с которыми гагаузы тесно общались и взаимодействовали в период их проживания на Балканском полуострове и в Буджаке.

* * *

В целом, к тем же выводам позволяет прийти и анализ этимологии самих терминов родства гагаузов, которые можно разделить по их происхождению на следующие группы (ниже приводятся основные, наиболее употребительные лексемы):

1) тюркские общеогузские термины – термины, свойственные и пратюркскому языку, и языку древних огузов, а также их современных потомков, кроме гагаузов: туркам, балканским тюркам, юрукам, азербайджанцам, туркменам. К ним относятся упоминавшиеся выше *гелин*, *гювяя*, *йениште*, *ага*, *кардаш*, *кыскардаш*, а также: *буба* // *боба* “отец”, *ушам* “(мой) ребенок”, *чоджум* “(мой) мальчик, сын”, *оолум* “(мой) сын”, *кызым* “(моя) дочь”, *дайы* // *дайка* // *дайыка* “брат матери”, *коджам* “(мой) муж”, *адам* “(мой) мужчина, муж”, *карым* “(моя) жена”, *кайната* “тесть, свекор”, *кайна* // *кайнына* // *кайнана* // *кайынна* “теща, свекровь”, *каинчу* “брат жены”, *белдеза* // *балдыска* “сестра жены”, *баджанак* “муж сестры жены”, *йельты* // *йельтика* // *йельтийка* // *йельтыка* “жена брата мужа”;

2) тюркские термины, которые лексически или фонетически связаны с другими из основных групп этой языковой семьи – кыпчакской и /или булгарской, а следо-

вательно, с другими (неогузоязычными) древнетюркскими народами, вошедшими в состав гагаузов, либо влиявшими на их предков, включая тюркские заимствования из языков других семей: *булю* (< кыпч.?), *батю*, вероятно, *кираца* // *кераца* // *киряца* “сестра мужа” (< тюрк.-болг.), *каку*, *чучу* // *чичу* “брат отца”, *лелю* “сестра отца и сестра матери” (последние, вероятно, < тюрк.-болг. < фин.-угор.);

3) термины, заимствованные в турецком языке, арабо-персидские по происхождению: *амуджа* // *амыджа* “брат отца”, устар. *абла* “старшая сестра”;

4) славяно-болгарские термины: *маму* “мать”, *тети* // *тетю* // *тати* // *тоту* “отец”, *бабу* // *бабо* “бабушка”, диал. *мани* “бабушка”, диал. *мале* // *мали* “бабушка”, *дяду* “дед”, *онука* // *онука* “внук”, *уйчу* // *учу* “брат матери”, *суватулар* “родители мужа и жены между собой (мн.)”, *драгинку* “брат мужа”;

5) молдавские термины: диал. *непотул* “внук”, диал. *мошу* “брат отца”.

Таким образом, этимология терминологии родства гагаузов являет собой своеобразный исторический срез, обнаруживающий различные составные компоненты этноса: тюрко-огузская основа, значительный тюркский же, но не огузский компонент (тюрко-болгарский, кыпчакский), позднейшее арабо-персидское (через посредство турок), славяно-болгарское и молдавское влияние.

Отметим, что тюркские неогузские термины, представленные в гагаузской терминологии, имеются и в восточнoболгарских диалектах. Остается открытым вопрос – попали ли они из первоисточника параллельно и в болгарский (славянский) язык, и в язык предков гагаузов, либо были заимствованы последними уже непосредственно у болгар, либо имел место и тот, и другой процесс.

Важно также обозначить, что значительный пласт предположительно тюрко-болгарской по происхождению терминологии имеет параллели скорее в финно-угорских, чем в тюркских языках, что может быть свидетельством либо сохранения у этого средневекового народа общих урало-алтайских изоглосс, либо, что более вероятно, – финно-угорским субстратом в их составе.

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда // ЭО. 1901. Кн. 49. № 2. С. 6–7.

Пимпирева Ж. Родствени отношения при гагаузите в България // БЕ. 2000. № 3. С. 75–87.

Покровская Л. А. Гагаузские термины родства // АР. 1995. Вып. 1. С. 260–267.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001. С. 290–314.

Шабашов А. В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002. С. 6–303.

Шабашов А. В. К проблеме типологизации систем терминов родства некоторых этнических общностей Северной Евразии // АР. 1999. Вып. 4. С. 122–129.

Шабашов А. В. Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства (по материалам Южной Украины) // ЭО. 1995. № 3. С. 84–92.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ:

* перед словом, обозначает реконструированное слово.

< между двумя словами обозначает направление развития, а именно что слово или форма, находящиеся за острием угла или перед ним, развились из слова или формы, находящейся перед широкой частью угла или за ней.

аз. – азербайджанский язык

AP – Алгебра родства (Санкт-Петербург)

БЕ – Българска етнология (София)

диал. – диалектная лексема

кыпч. – кыпчакский (половецкий, куманский) язык

мн. – множественное число

муж. – мужской род

пратюрк. – пратюркский язык

рус. – русский язык

тат. – татарский язык

тур. – турецкий язык

туркм. – туркменский язык

тюрк. – тюркские языки

тюрк.-болг. – тюрко-болгарский язык

устар. – устаревшая лексема

фин.-угор. – финно-угорские языки

ЭО – Этнографическое обозрение (Москва)

I

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ И ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ

1. ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И ВЕРОВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С БЕРЕМЕННОСТЬЮ ЖЕНЩИНЫ И РОЖДЕНИЕМ РЕБЕНКА

В ходе исторического развития человечества одной из важнейших функции семьи являлось воспроизводство человека. Поэтому ценнейшим качеством женщины считалась способность к деторождению. Бесплодие женщины обычно вызывало отрицательное отношение к ней. У гагаузов бесплодие рассматривалось как следствие болезни или результат колдовства. Чтобы вылечиться от бесплодия, применялись различные средства: массаж, пар, настойки целебных трав, купание в утренней росе в день св. Георгия. Представление о благотворном влиянии массажа, пара и целебных трав на здоровье людей основано на рациональном опыте народа. С давних времен известны их излечивающие свойства при простудных и других заболеваниях. Однако употребление их в качестве средства от бесплодия связано с незнанием причин недуга.

В основе обычая купания бесплодных женщин в предрассветной росе лежало, по всей вероятности, представление о магических свойствах воды и зелени. В обычаях многих народов они выступают как символы здоровых жизненных сил. Например, албанцы местности Мати в Георгиев день до зари отправлялись к источнику, где мыли глаза смоченными в воде листьями грецких орехов, «чтобы не заболеть летом лихорадкой»¹. Сербь считали, что купание в утренней воде, росе в Юрьев день не только приносит счастье, здоровье и красоту, но и излечивает от болезней, увеличивает продуктивность скота, т. е. способствует плодородию². В Западной Болгарии в этот день бесплодные женщины купались в росистой траве³. Поскольку бесплодие рассматривалось как следствие болезни, перечисленным магическим средствам приписывалась исцелительная функция. Со временем купание в росе трансформируется в идею о здоровье⁴.

Пол будущего ребенка старались угадать по внешнему виду беременной женщины. Если живот острый, ожидали мальчика, если плоский – девочку.

В народе сохранились многочисленные представления, свидетельствующие о стремлении крестьян сохранить здоровье женщины и ребенка в дородовой период. В это время старались избавить женщину от излишних волнений и тяжелых работ, заботились об улучшении ее питания. Особенно предосудительным считалось отказывать женщине в желанной пище. Даже в период религиозных постов ее не ограничивали в этом, понимая, что невыполнение желания беременной может отрицательно сказаться на развитии плода⁵. Физиологически это явление имело рациональный

смысл. Известно, что в период беременности у женщин повышенная потребность в пище.

В дореволюционной историографии стремление удовлетворить желание беременной объясняли «сугубым страхом перед нею, как перед существом опасным, которое помимо своей собственной души носит в себе еще начало другой, не облекшейся в плотскую форму таинственной души»⁶. Но надо заметить, что не страх определял стремление выполнить желания беременной, а понимание людьми того, что это обеспечит нормальное развитие плода в утробе матери. В связи с этим, видимо, надо рассматривать рекомендации беременной женщине больше двигаться и выполнять легкие домашние работы.

Во избежание надрыва беременной существовали различные запреты: переступать через протянутый канат или чьи-либо ноги, перешагивать через забор, отгонять ногой животных, садиться на камень, мазать глиной печную трубу и т. д. Как правило, объяснения их причин информаторы не дают. Соблюдение запретов аргументируется необходимостью: «Так надо». Нарушение их строго осуждалось. Анализ содержания запретов показывает, что большинство из них связано со страхом для беременной преодолеть недозволенные препятствия, выполнять сложные работы, которые могли бы повлиять на ее здоровье, что принесло бы ущерб не только ей, но и семье, заинтересованной в воспроизводстве потомства. Следовательно, в основе своей большинство запретов имело рациональный смысл. Необходимость их соблюдения была продиктована производственной и биологической потребностью людей.

Наряду с этим существовали табу магического характера. Нарушение их осмысливались как повод для действия какой-либо грозной силы. Например, запреты беременной смотреть на пожар (чтобы у новорожденного не оказалось красных пятен на лице), калек (чтобы ребенок не уродился таким же), резать петуха (чтобы ребенок не родился с маленькой головкой), есть желудок курицы (так как у ребенка могут вырасти толстые губы) основаны на мистическом принципе действия магии подобия.

Хотя в народе существовали нормы этики, правила и запреты, предполагавшие охрану здоровья беременной женщины, использование ее труда на тяжелых сельскохозяйственных работах все-таки в XIX – начале XX в. было частым явлением, особенно в беднейших крестьянских семьях, испытывавших материальную нужду и недостаток в рабочих руках. Это иногда приводило к преждевременным родам в полевых условиях или к смерти новорожденного. Роды у гагаузов происходили обычно в жилом помещении, откуда на время удалялись дети и мужчины, кроме мужа, которому разрешалось присутствовать при этом.

Исследователи прошлого обособление роженицы обычно связывали с так называемой ее сакральной нечистотой, с представлением о злых духах или божествах. Например, Э.Тейлор считал, что роженицу обособляли, чтобы злые духи, которыми она одержима в период родов, не нанесли вреда другим членам семьи и общества. Ю.Липперт это объяснил тем, что женщина в период родов связана с божеством и поэтому ей необходимо уединение⁷. Ряд исследователей обособление роженицы связывали со взглядом на женщину, как на «существо нечистое», которое якобы оскверняет собою то место, где находится, и тех лиц, которые присутствуют при ней⁸.

В основе обычая лежит рациональное стремление людей создать более спокойную атмосферу родов. Кроме того, половозрастное деление общества предполагало обычно для некоторых его групп сохранение тайны деторождения. Взгляды о «нечистоте женщины» и другие представления – более поздние наслоения.

С начала родовых схваток прибегали к услугам повивальных бабок (*küy babusu*). Ими могли стать женщины в возрасте 60 и более лет, неоднократно присутствовавшие при родах и приобретшие некоторые навыки народных методов акушерства. Таких женщин в селе было мало. В случае если роды имели смертельный исход, повивальную бабку больше никто не приглашал. В помощь повивальной бабке выделялась помощница (*arb babusu*).

Придя по вызову в дом, повивальная бабка крестилась, и трижды плевала в угол, затем, сняв фартук, бросала его на плечо роженицы. Эти колдовские приемы имели цель отогнать «злые силы» от роженицы и по принципу имитативной магии способствовать облегчению родов. Перед тем, как приступить к приему родов, роженице расплетали волосы, расстегивали одежду, снимали серьги и браслеты. Подобные приемы основаны на практике народной медицины, хотя впоследствии получили магическую интерпретацию. Суть их проста: освободить роженицу от всего, что может помешать в период родов.

При трудных родах предпринимались всевозможные меры: всдили роженицу по комнате, заставляли перешагивать через кочергу, ударять ногой о порог, принять горячую ванну, употребляли массаж, рекомендовали держаться за кушак (мужской красный шерстяной пояс) или веревку, подвешенные к потолку, и т.д.⁹ Большинство приемов основаны на звании народной медицины или имели практический смысл – облегчить роды. Исключение составляют удары ногой о порог и перешагивание через кочергу. Первый обычай, встречающийся среди соседних народов, исследователями прошлого объясняется как «молитвенное обращение к домовому», любимым местом которого считался порог¹⁰. Верования о способности домового оказывать помощь семье были широко распространены у восточных славян¹¹. Однако представление о домовом и его любимом месте не распространено среди гагаузов. В гагаузской мифологии существует образ *tahisma*, связанный с домом, но ему приписывается только отрицательная роль. Видимо, обычай ударять об порог при трудных родах распространился у гагаузов под влиянием соседних народов.

Обряд перешагивания через кочергу интерпретировался этнографами по-разному¹². Этнограф Н.Ф.Сумцов основывал свое мнение на представлении, что печь у славянских народов считалась местом, наиболее приятным домовому. А кочерга, как известно, одно из орудий, непосредственно связанных с печью. На наш взгляд, в употреблении кочерги необходимо усматривать магический обряд, целью которого было отогнать от роженицы «злые силы», препятствующие формальным родам. Кочерга – орудие из железа, имеющее связь с огнем. А огонь и железо – общеизвестные очистительные и апотропеические магические средства, применяемые в самых различных обрядах. На магическое назначение обряда указывает также троекратный характер повторения действия.

Представляет интерес употребление гагаузами мужского пояса и веревки при родах. Подвешивание их к потолку могло иметь практическое назначение – способ-

ствовать облегчению родов. В подтверждение этому можно привести пример из народной акушерской практики отдельных кочевых тюркских народов¹³. Наряду с этим в обычае имелись элементы магии. Развязывание пояса по закону имитативной магии предполагало легкие роды. Употребление для этой цели мужского пояса, обыкновение при трудных родах поить роженицу водой, в которой мыл руки ее муж – архаичные обычаи, происхождение которых этнографами объяснялось по-разному. В. Мешков в обряде усматривал «доказательство глубочайшей покорности жены своему мужу»¹⁴. Большинство этнографов аналогичные обычаи относили к куваде¹⁵. Мы придерживаемся такого же мнения.

Зарождение обычая относится к переходному периоду от матриархата к патриархату, когда отец ребенка начал предъявлять права на него. В данном случае помощь осуществлялась путем контактной магии: (предлагая роженице смытую с рук воду или конец подвешенного к потолку кушака, отец ребенка как бы помогал при родах, тем самым, утверждая право отцовства. Со временем элементы кувады потеряли значение, а элементы магии сохранились.

Таким образом, в обычаях родовспоможения переплетались различные представления, удельный вес которых в течение веков изменялся в зависимости от реальных объективных условий. В конце XIX – начале XX в. эти обычаи уже осмысливались как действия, облегчающие роды вне связи с магическим смыслом и другими реликтовыми представлениями.

После рождения ребенка повивальная бабка проводила по его пупку куском хлеба. Отрезанный кусок пуповины от мальчика клала на плут, от девочки – на ткацкий станок, прялку, ножницы или вязальные спицы¹⁶. Содержание обрядов указывает на их непосредственную связь с земледельческим бытом народа, с существующим в прошлом разделением труда по полу. В сознании крестьян развилось представление о том, что уделом мужчины является земледелие, уделом женщины – домашнее хозяйство и ткачество. Два вида этих занятий позволяли обеспечивать семью основным – пищей и одеждой. Особенно важны были эти занятия в период развития натуральных форм хозяйства и ранее. В связи с ролью земледелия в жизни людей и возникали обряды, целью которых было магически повлиять на судьбу ребенка, в частности, его будущую профессию.

Аналогичные обряды встречались у соседних народов. Например, болгары и черногорцы, если родился мальчик, прикасались к нему каким-нибудь земледельческим орудием, если девочка – клоком льна¹⁷; украинцы пуповину отрезали на топоре или гребне¹⁸. В средневековой Руси ребенку мужского пола клали в колыбель хлеб, маленький лук и стрелу, а девочке – пряслице¹⁹. Как видим, по своему функциональному значению и структуре гагаузский обряд не отличается от аналогичных обрядов соседних народов.

После родов повивальная бабка купала ребенка и мать в воде с различными травами. Прежде чем искупать младенца, воду непременно солили, чтобы его тело не потело. Воду из купели выливали под фруктовое дерево или розу. Считалось, что это повлияет на здоровье и красоту новорожденного (по закону имитативной магии).

Различные обряды совершались в гагаузской семье в случае преждевременного рождения ребенка. До конца родового срока его кутали в отцовскую рубаху или

рукав козуха из овечьей шерсти. Аналогичные обряды встречались у молдаван, болгар²⁰ и других славянских народов²¹. В этнографической литературе их объясняли по-разному. Многие авторы связывали обряд с патриархальным строем жизни, властью отца над жизнью ребенка²², особой, отгоняющей от «злых духов» силой мужских вещей²³, с кувадой²⁴. На наш взгляд, возникновение обычая обусловлено естественным стремлением завернуть ребенка потеплее. Наиболее удачным для этого являлась овчина. В дальнейшем обычай подвергается магическому переосмыслению. Поскольку ребенка кутали в одежды, которые носили люди старшего поколения, им отводилась по законам контактной магии роль влияния на долголетие ребенка. Выбор мужских вещей, видимо, связан с кувадой.

Большой интерес для исследователя представляют обряды, совершаемые в семьях, где систематически не выживали дети. Здесь ребенка трижды пронесли через конский хомут, после чего к правому уху цепляли серебряную или золотую серьгу в форме монеты с цветной эмалью, трижды передавали ребенка через окно многодетной женщине или пропускали через ворот ее платья, шили ему рубаху из 9 кусков, собранных повивальной бабкой у 9 многодетных матерей, сменяли крестного отца, объявляли во всеуслышание, что в случае выживания ребенка по истечении трех лет ему устроят торжественную стрижку (стрижба)²⁵.

Комплекс таких обрядов связан как с магией, так и с верой в добрые и злые силы, которых можно отогнать или задобрить. Троекратные действия над ребенком с конским хомутом (конь – символ здоровья), имитация деторождения или одевание в одежду, сшитую из кусков материала, собранного у многодетных матерей – магические приемы. Символ круга, троекратное повторение, как и у многих других народов, имели цель не допустить действия злых сил на ребенка. Серьгам, тем более золотым, приписывалась магическая роль оберега.

Употребление оберегов в качестве оградительных средств от действия злых сил – явление, широко известное в этнографической науке. Оберегами могли служить не обязательно железные вещи. У гагаузов в качестве амулетов-оберегов употреблялись различные предметы: красные нити, серебряные браслеты, голубые и синие бусинки (*nazar boncuu*), талисманы (*miskacik*), метелка, ножницы, нож, гвоздь и т. п., которые должны были находиться рядом с колыбелью или под подушкой ребенка, чтобы воспрепятствовать действию злых сил. По мнению гагаузов, младенца никогда нельзя оставлять одного. В случае отлучения из дому при ребенке оставляли какой-нибудь предмет (чаще всего железный). Мать же, уходя из дому, также брала в карман какую-нибудь металлическую вещь.

Ворование в действие злых и добрых сил – известное в этнографии явление. Его реликты сохранились у многих народов. Согласно этому верованию злые силы могут нанести определенный вред человеку: покалечить, измучить, нагнать болезнь, умертвить. По народным понятиям злые силы господствуют ночью. Ночной мрак, таким образом, выступает, как источник всякого зла, в это время злые силы могут оказать пагубное влияние на ребенка или роженицу. Поэтому роженице у гагаузов категорически воспрещалось ночью выходить или выносить ребенка из дома. Если необходимо было ночью вылить воду после купания ребенка, в нее бросали с апотропеической целью раскаленный уголек. Всю ночь в доме, особенно в первые 40 дней, должен

был гореть свет. Роль магической отгоняющей силы приписывалась огню каганца (*poponeŭ*) или лампы (*kandil*) с ладаном. Глиняный сосуд с этим огнем устанавливали в комнате, где располагались роженица и ребенок.

В связи с представлениями об отгоняющей, очистительной силе огня у гагаузов существовал запрет выдавать ночью огонь, если в доме есть новорожденный. В основе запрета лежит представление о том, что злые силы будут господствовать в доме, из которого отдан огонь. Разрешалось выдать огонь с условием, что человек, взявший его, оставит какую-нибудь вещь на ночь в доме, которую утром может забрать. В данном случае роль оберега выполняла вещь, оставленная взамен взятого огня.

Враждебные силы, способные оказать влияние на роженицу и ребенка, представлялись гагаузам в образе мифических женщин, наряженных в белые одежды (*luŝniŭ*). Им приписывалась способность окликать ночью рожениц, и если последние решались выйти на их зов, то лушницы, по народным воззрениям, могли увести их подальше от дома и замучить до смерти, а ребенка украсть или задушить²⁶.

В гагаузской демонологии мифические женщины выступают под различными названиями: *lufusniŭa*, *luŝniŭa*, *urisniŭa*, *bet karisi*. По верованию гагаузов, три лушницы являются к родильнице и предсказывают судьбу ребенку. В народе сохранилось много легенд, идентичных по содержанию, о пророчествах лушниц. Чаще всего они сводятся к недобрым предсказаниям, которые рано или поздно сбываются²⁷. Особо опасной для матери и ребенка считалась третья ночь после родов, поэтому их одних не оставляли. На ночлег к ним приглашали женщин, которые ложились спать поперек двери. Иногда в этой роли оказывалась повивальная бабка. Спать роженице в эту ночь не рекомендовали. Нередко в комнату к роженице и ребенку приглашали девушек. Гагаузы считали, что в эту ночь девушкам снятся суженые. Аналогичные представления о мифических женщинах – предсказательницах судьбы – существовали почти у всех соседних народов²⁸.

Изучение терминологии, связанной с гагаузскими представлениями о мифических женщинах – предсказательницах судеб детей, показывает, что по корневому значению слова большинство названий тюркского происхождения.

Сравнительное изучение гагаузских верований о мифических женщинах свидетельствует, что по времени, приписываемому их действию, роли, которая отводилась им, их количественному составу гагаузское верование сходно с верованиями большинства славянских народов, особенно болгар. Однако у гагаузов образы мифических женщин более расплывчаты, чем у болгар. У последних количество урисниц неограниченное, они различались по возрастам, внешности, были юны и красивы; их часто видели пряхами или ткачихами. У гагаузов такие представления отсутствовали. Они также приписывали мифическим женщинам злонамеренность в большей степени, чем соседние народы.

В течение изучаемого периода представления о мифических женщинах претерпели изменения. Если в XIX в. их образы в сознании крестьян еще смутно представлялись, в начале XX в. они начали забываться, что связано с общим процессом культурного развития народа.

В связи с представлениями о появлении мифических женщин – предсказательниц судьбы – можно рассматривать обычай класть с целью их умилоствивить к изголовью ребенка на ночь в первые три дня после рождения хлеб, соль и серебряную моне-

ту²⁹ Аналогичные обычаи встречались у болгар, молдаван, сербов и других славянских народов, что свидетельствует об общих чертах в их обрядовой жизни³⁰.

Широко распространено было в народе также понятие о «нечистоте женщины» в течение 40 дней после родов. В этот период для роженицы существовал целый комплекс запретов: ей не полагалось ходить за водой, так как «в колодце могут завестись черви», брать соления или вино из бочки, чтобы их не «испортить», ходить босиком по двору, чтобы трава не «высохла», посещать соседей, так как молоко может «пропасть», и т.д.³¹. «Нечистыми» считались не только роженица, но и помещение, в котором происходили роды.

Православная церковь использовала воззрение о «нечистоте» женщины. Она не позволяла ей 40 дней после родов входить в церковь. На сороковой день совершался обряд «очищения». В этот день роженица шла с ребенком и повивальной бабкой за молитвой (*okunmaa*)³². У входа в церковь священник ставил их на колени, осенял крестом, произносил молитву он обносил ребенка, если он мальчик, вокруг алтаря, если же девочка, подносил только к иконам.

С целью «очищения» помещения, в котором происходили роды, совершался обряд *ayazma* – окропление помещения «святой» водой. В день айазмы приглашался священник, который зажигал свечи, освящал молитвой кутью (*koliva*) и все углы дома окроплял «святой» водой³³.

Представления о «нечистоте» женщины были широко распространены у соседних народов. Они нашли отражение во всех крупнейших мировых религиях. Будучи в основе профилактическими мерами, основанными на рациональном опыте людей и направленными на укрепление здоровья женщины после родов, обычаи и обряды, связанные с представлениями о «нечистоте» женщины, со временем приобретают характер запретов-символов.

Таким образом, у гагаузов, как и у других народов, существовал целый комплекс обычаев, обрядов и представлений, связанных с беременностью женщины и рождением ребенка. В основе их лежало стремление сохранить здоровье женщины-матери и обеспечить нормальное развитие ребенка в дородовой период, повлиять на благополучный исход родов, сберечь здоровье матери и ребенка в послеродовой период.

По характеру большинство обрядовых действий были профилактическими. Они основывались на многовековом практическом опыте людей. Значительный пласт составляли магические обряды. В связи с представлениями об уязвимости роженицы и ребенка от действия «злых сил» основная часть этих обрядов носила апотропеический характер. Происхождение магических обрядов восходит к первобытно-общинной эпохе. Сохранялись также отдельные реликты первобытной религии в форме табу, фетишизма, пережитки кувады.

Существование архаичных явлений в семейной обрядности гагаузов в XIX – начале XX в. объяснялось не только их живучестью, но и консервативностью крестьянского быта. Христианская религия также наложила отпечаток на обряды данного цикла («очищение» роженицы и помещения, где происходили роды и т.п.).

Сравнительный анализ свидетельствует о сходстве большинства обрядов гагаузов с традициями соседних народов, особенно болгар. Имеются и отдельные тюркские параллели. На этом фоне выделяется своеобразие, присущее гагаузской обрядности.

2. ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПРИНЯТИЮ ДЕТЕЙ В СЕМЬЮ И ОБЩЕСТВО

В честь рождения ребенка в гагаузской семье устраивалось торжество. Оно называлось *küçük pita* (маленький хлеб). Организатором торжества являлась повивальная бабка. Искупав роженицу и ребенка, она готовила на пресном тесте три круглых пресных хлеба (*pita*), выпекала их в печи и приглашала родственниц и знакомых на торжество. Участвовать в нем имели право только женщины, имеющие детей. Не явиться на торжество считалось предосудительным. Приглашенные приносили с собой по тарелке муки, сладости, еду и напитки, выражали добрые пожелания роженице и ребенку. Для собравшихся накрывался стол. Повивальная бабка смазывала медом испеченные хлеба, ломала их на куски и раздавала всем присутствующим³⁴. Уходя, женщины уносили с собой недоеденный кусок питы, чтобы угостить членов своей семьи. Повивальной бабке на прощанье вручали тарелку муки и деньги.

В дореволюционной этнографической литературе обряд выпечки и дележа хлеба ошибочно рассматривался как жертвоприношение богам³⁵. Обрядовые хлеб и каша (кутья) действительно употреблялись у многих народов для умилостивления умерших предков, возведенных в культ. Эти обряды совершались обычно в период календарных поминальных праздников. Однако деление хлебов и каши на торжествах по случаю рождения ребенка могло иметь и другое значение. Известный русский фольклорист А.А. Потебня, давая мифологическое истолкование обряда деления каши, отметил, что «...самое варенье каши имеет целью урожай хлеба ...и плодородие скота»³⁶. Выпекая хлеб, и распределяя его между присутствующими, люди стремились наделить участников обряда частицей богатства, счастья. Значит, хлеб в обряде выступает как символ благополучия, добрых пожеланий участникам торжества. Обряд связан с бытом народа, его хозяйственной деятельностью. Являясь результатом многодневного и кропотливого труда земледельца, смыслом его трудовой деятельности, хлеб сопровождал все важнейшие моменты его трудовой и обрядовой жизни.

Аналогичный обряд встречался у соседних народов: болгар, молдаван, у русского населения Бессарабии³⁷. Наиболее близок гагаузский обряд к болгарскому. Причем сходство отмечается не только в содержании, но и в названии обряда. Гагаузы заимствовали его у болгар. Надо заметить, что в гагаузском языке хлеб имеет тюркские названия: *ekmek*, *çorek* которые обычно используются в повседневной жизни. В обряде же употреблен болгарский термин *pita*.

Торжество, называемое *büyük pita* (большой хлеб), *ponuda* или *paramoni*, совершалось в гагаузской семье в день, когда повивальная бабка «подымала» роженицу с постели. В этом торжестве участвовало до 30—40 женщин. Так же, как и на первом празднике, здесь принято было дарить подарки. Самое почетное место за столом отводилось повивальной бабке и роженице. Гости высказывали добрые пожелания матери и ребенку, наставляли, как растить дитя. Кульминационным моментом торжества, как и в предыдущем обряде, являлось деление питы. Вынув хлеб из печи, повивальная бабка смазывала его медом и обносила вокруг стола. Каждый из присутствующих обязан был поцеловать хлеб и воткнуть в него монету. Деньги доставались повивальной бабке, а хлеб, разрезанный на части, раздавался участникам торжества.

В знак благодарности роженица вручала повивальной бабке таҕ елку муки (в муку втыкались цветков и свеча), кусок мыла, несколько рублей, отрез на фартук.

Торжество завершалось следующим образом: у порога стелили пеленку ребенка, на которую наступала каждая из уходящих женщин. Пеленке ребенка приписывалась способность магически (пример контактной магии) влиять на плодородие женщины. Повивальная бабка веточкой мяты, которую погружала в сосуд с водой, освященной в церкви, брызгала на руки женщин, желая им потомства. Существовало поверье: сколько семян мяты упадет на руки, столько детей будет у женщины.

Торжество *büük pita* так же, как и *küçük pita*, носило представительный характер. Многие элементы этих обрядов перекликаются. Разница заключалась в количестве участников. По структуре обряды мало отличались друг от друга. Основная их функция заключалась в представлении ребенка обществу. Новым элементом *büük piti* являлся обряд «размывания рук».

Изучение этнографической литературы позволило установить, что обряд «размывания рук» под различными названиями существовал почти у всех соседних славянских, романских народов и греков³⁸. Возникновение его относят к древности. Основан он на воззрении, что роженица и ребенок в течение некоторого времени после родов нечисты. Воззрение это было вызвано послеродовым состоянием женщины. Еще в глубокой древности человек заметил очистительные свойства воды. «Размывание рук» – гигиеническая мера по очищению рук женщин, участвующих в качестве помощниц повивальной бабки во время родов и в первый период после них. У древних греков, например, руки обмывали именно женщины, ухаживающие за роженицей³⁹. Гигиеническая функция обряда не вызывает сомнения. Очищение рук всех присутствующих на торжестве *büük pite* женщин является, видимо, расширением обряда. Служители церкви объясняли обряд якобы «извечной нечистотой» женщины. Однако сущность его заключается не в «нечистой» природе женщины, а в осознанной людьми физиологической потребности. Использование в качестве очистительного средства «святой» воды – гораздо позднее явление, связанное с утверждением христианства. Употребление мяты связано с известным верованием в ее таинственную силу.

Гагаузский обряд «размывания рук» аналогичен обрядам соседних народов. Различия отмечают лишь в сроках его проведения. У русских, например, он совершался через 1—2 недели после родов⁴⁰, у украинцев – после крестин⁴¹, у молдаван – в начале торжеств по случаю рождения ребенка⁴². С болгарским обрядом сроки проведения совпадают: у обоих народов обряд исполнялся в конце торжеств. Сходство с болгарским обрядом имеется и в самом названии торжеств. Название *büük pita* является переводным с болгарского. Термин *ponuda* также встречался у бессарабских и зарубежных болгар⁴³. Так называлось торжество по случаю рождения ребенка. Словом *ponuda* болгары называли и хлеб в обхват двух рук, который делился между женщинами на торжестве по случаю родов⁴⁴. Жители Западной Болгарии этим словом называли вареные зерна риса, приносимые роженице на второй-третий день после рождения ребенка⁴⁵. В народе этим словом обычно называли гостинец для роженицы. Интересно, что вне обрядов термин гагаузами не употребляется. Это свидетельствует, видимо, о его распространении в связи с заимствованием обряда.

Название *paramoni*, встречаемое в гагаузских селах Вулканешты, Етулия, Чишмикиой, специфично для гагаузов и у соседних народов не зафиксировано.

Следующим обрядом, совершаемым над ребенком, являлось церковное крещение. Происходило оно обычно в один из воскресных дней периода от одного до трех месяцев после рождения ребенка. Если новорожденный был очень слаб, его крестили в первый воскресный день, чтобы в случае смерти хоронить крещеным. На крещение в церковь ребенка несла кума, редко – кум (*nina*) в сопровождении повивальной бабки.

Кумовство у гагаузов обычно наследственное и передается из поколения в поколение. Кум выбирается навсегда, крестит в семье всех детей и свое право передает, только умирая. Это же относится и к куме (*krestnița*). Передавать право кумовства мужу или жене считалось предосудительным. Интересно, что гагаузы с Чок-Майдан, граничащего с молдавскими селами, избирали много кумовьев, как и молдаване⁴⁶.

К перемене кума гагаузы прибегали только в случае смерти двух-трех крестников подряд или вследствие ссоры с ним, что бывало очень редко. Ослушаться кума или поссориться с ним считалось тягчайшим грехом. В случае смерти родителей заботу о воспитании крестных детей брали на себя кумовья. Важную роль играли они и при решении вопроса о браке крестников.

Происхождение института кумовства М.О.Косвен относил к первобытности⁴⁷. В крестном отце он видел видоизмененного дядю со стороны матери, который, но древним представлениям, был ближайшим родственником новорожденного, его покровителем и руководителем в жизни. С распадом родовой и возникновением соседской общины древние традиции начали нарушаться. Восприемником избирали не обязательно дядю по линии матери. Им мог быть старший родственник или свойственник. В дальнейшем распространяется обычай избирать кумовьями влиятельных односельчан, почетных людей. Христианская церковь роль крестного отца видела прежде всего в восприемничестве при крещении. Однако в гагаузском обществе в прошлом роль кума была гораздо шире и ничего общего не имела с религией.

Крещение детей в церкви происходило согласно христианскому догмату.⁴⁸ По утверждению отцов церкви, родившийся не чист от самого рождения по своей природе и только обряд крещения придает ему «святость» и избавляет от всех несчастий, нищеты и бесправия.

Одним из обрядов, совершаемых во время крещения, являлось миропомазание. Данный обряд носил на себе следы колдовской магии, предполагающей с помощью приставшего к ребенку масла принести ему «благодать божью». Как и предыдущий обряд, он был перенят христианством у предшествующих религий.

В связи с церковным миропомазанием находится обряд *mirudan çıkarmak* (смывание мира), совершаемый на следующий день после крещения. Он заключался в ритуальном купании ребенка. Исполняли обряд повивальная бабка и кума в присутствии родных и знакомых роженицы. В воду, которую предварительно кипятили, бросали зерна пшеницы, винограда, монеты, перо, три разбитых яйца вместе со скорлупой. По углам корыта зажигали свечи. Во время купания лицо ребенка накрывали полотном (*miru bezi*), принесенным кумой из церкви. В период купания было принято дуть на ребенка, чтобы «отогнать злой дух». С этой же целью употреблялись свечи, а также различные обереги. Искушав ребенка, смазывали некоторые

части его тела овечьим жиром. Веточкой мяты повивальная бабка обрызгивала присутствующих, за что полагалось оставлять по монете. Воду выливали обычно в корень плодового дерева или розы. Купание завершалось угощением женщин – участниц обряда.

В основе обряда смывания церковного мира лежал рациональный взгляд народа о необходимости гигиенического очищения ребенка. Обряд был обусловлен практическими требованиями жизни. Вместе с тем многие его моменты носили магический характер. Использование при купании зерен, пера и прочего, выливание воды в корень плодового дерева имели целью магически повлиять на будущее ребенка. Зерна и монеты употребляли с пожеланием здоровья и богатства, перо – с пожеланием легкой жизни и т. д. Опрыскивание женщин водой из купели предполагало магически повлиять на их плодородие. Церковная терминология (*miru, miru bezi*) говорит о влиянии религии на народный обряд.

Во время крещения ребенок получал имя. Священник давал его согласно христианскому календарю. Но в быту употреблялось не церковное имя, а то, которое ребенку дали родители. По свидетельству В.А.Мошкова, «имя, данное гагаузу при крещении, становится для него только официальным именем, под которым он записан только в официальных списках, в обыденной же жизни его этим именем не зовут, а дают другое имя, под которым он остается в селе до смерти»⁴⁹.

Имя ребенку обычно давал отец на второй или третий день после рождения. Чаще всего ребенка называли по имени деда или реже – кума. Этот обычай гагаузы объясняли желанием увековечить род. В результате родовое имя повторялось из поколения в поколение.

В быту гагаузы редко упоминали фамилии своих односельчан, называя обычно их неофициальными именами, т. е. к личному имени прибавляли имя отца и деда, например, *Stuyanciin Tuku*, т.е. Николай, сын Стояна, или *Gogu Petrinin Demir*, т.е. Демир, сын Петра, сына Георгия. Известен также счет родства по материнской линии. В случае ранней смерти отца семейства к имени сына прибавляли имя его матери или бабушки, например, *Kalä Todurun Aleksisi*, т.е. Алекси, сын Тудора, сына Калины. Нередко употреблялись уличные прозвища, указывающие на материнский счет родства: *Bibi Vanka*, т.е. Иван, сын женщины, *Kizi Kostinin Peti*, т. е. Петр, сын Константина, сына девушки.

Употребление сита, укладывание ребенка в кожух, использование железа в обряде преследовали цель магически воздействовать на долголетие ребенка, пожелать ему богатства и защитить от «злых сил». В XIX – начале XX в. гагаузский обряд сохранял традиционную форму. Однако к началу XX в. многие его функции меняются. Например, передаче ребенка через сито крестьяне не придают магического значения. Обряд приобретает игровой характер.

Из обычаев, связанных с представлением ребенка семье и обществу, наиболее торжественным и веселым являлась *kumëtriya*. Она совершалась после крещения ребенка, обычно в тот же день вечером. В случае если крестьянин не мог ее сразу провести, торжество откладывали на год и более.

На кумэтрию приглашали восприемников, родных и знакомых. Гости приходили с калачами, вином и подарками для ребенка. Войдя в дом, они приветствовали родителей,

и поздравляли их с новым членом в семье, вручали матери ребенка калач и подарки. Восприемников сажали на самом почетном месте. За столом презозглашались здравницы в адрес роженицы и ребенка. Гостей одаривали полотенцами и платками, а кумовьев – калачом, рубахой или платьем. В свою очередь восприемники дарили роженице калач с отваренной курицей (*kaniska*) и вручали ребенку комплект одежды⁵⁰.

Почет и уважение на торжестве оказывали повивальной бабке. Она с калачом кума и куском хлеба с солью обходила всех гостей, которые на калач клали подарок для ребенка и деньги, предназначенные роженице. Торжество сопровождалось музыкой, песнями, танцами. Завершалось оно дележом калача, кусок которого получал каждый участник *кумэтрии*.

Аналогичный праздник в честь ребенка в XIX – начале XX в. бытовал у соседних народов. У молдаван он носил название *кумэтрия*⁵¹, у болгар, украинцев и русских – крестины⁵². Название гагаузского обряда свидетельствует о заимствовании из молдавского языка. Словом *кумэтрий* молдаване называли кумовьев. Основные элементы гагаузского обычая сходны с обычаями соседних народов. Отдельные различия несущественны. Например, у гагаузов на торжестве повязывали полотенцами всех гостей, в то время как у соседних народов – только самых почетных.

Итак, обычай *кумэтрия* означал принятие ребенка в общество. Он носил сугубо гражданский характер. Церковь упорно пыталась подчинить его себе. Однако народная традиция продолжала сохраняться в нерелигиозной форме.

Различные обычаи и обряды соблюдались в гагаузской семье в связи с важными событиями в жизни ребенка. Знаменательной датой считалось исполнение ребенку 6 месяцев. В этот день в доме растапливали очаг. Мать брала в руки ребенка и трижды обносила вокруг очага, после чего давала ему глоток вина со словами: «Будь розовощеки, как это вино»⁵³. Аналогичный обряд бытовал у болгар, однако он совершался в первые дни после рождения ребенка⁵⁴. В основе обычая лежит древнее представление о культе домашнего очага, приобщение к которому означало вступление под его покровительство⁵⁵, защиту ребенка от всех зол, которые могли выпасть на его долю.

Употребление вина в обряде связано с представлением о его благотворном влиянии на организм человека. Как известно, хлеб и вино являлись основными продуктами крестьянского хозяйства и поэтому играли существенную роль в обрядовой жизни. Словесная формула пожеланий ребенку носила магический характер (один из видов вербальной магии).

Интересные обряды совершались в гагаузской семье при исполнении ребенку года. В этот день принято было опрыскивать его лицо водой, потягивать за ухо. Такие действия предполагали магически повлиять на рост ребенка. По классификации С.А.Токарева подобные магические приемы причисляются к инициальным⁵⁶. Сущность их в том, что производится только начало желаемого действия, а окончание его возлагается на магическую силу.

В связи с важной датой в семье готовили праздничный стол и специально выпекали круглый хлеб на пресном тесте, называемый калачом года (*yaş kclaci*). На торжество приглашались ближайшие родственники и крестные родители. Важным моментом торжества являлась стрижка ребенка (*strijba, kirkin*). После стрижки ребенку вручали подарки. Для гостей накрывали стол. В честь ребенка и его родителей провозгла-

шались здравицы. Торжество завершалось известным обрядом дележа ритуального хлеба между всеми присутствующими. Аналогичный обряд широко был распространен среди соседних народов.

Особым обрядом (*kösteeni kesmek*) гагаузы отмечали первый шаг ребенка. Когда он становился на ноги и силился сделать первый шаг, ножницами состригали куриное перо между его ног, приговаривая: «Пошли, пошли, золотая нога – железная опора»⁵⁷. В честь этого события в доме пекли специальные хлебцы из пресного теста, называемые *adım çörää* (хлеб за шаг), смазывали их медом и бегом разносили родственникам и соседям. Содержание обряда: разрезание острым предметом «хода» ребенку, раздача испеченного хлеба бегом – указывает на магический имитативный характер исполняемых действий. Подобные обряды бытовали у соседних народов: русских, болгар, турок⁵⁸. Аналогии наблюдались не только в функциональном значении обрядов, но и в их структуре и в названии, особенно с турецкими.

Своеобразными обрядами в гагаузской семье отмечали также отлучение ребенка от груди, произнесение им первого слова и другие жизненные события. Неотъемлемым элементом этих торжеств считалась выпечка обрядового хлеба, дележ его между участниками обряда, пожелание ребенку здоровья.

Таким образом, основной функцией обычаев и обрядов данного цикла являлись принятие ребенка в семью и представление его обществу. Торжества, проводимые по этому поводу, носили социально-бытовой характер. На это указывают большое количество участников празднеств, роль, отводимая крестным родителям и повивальной бабке. Обязательная выпечка обрядового хлеба, стремление наделить им всех присутствующих на торжествах свидетельствуют о жизненно-практической основе обрядов, их связи с бытом народа, характером его трудовой деятельности.

Имея общие с соседними народами черты, гагаузская обрядность обладала определенной самобытностью, отразившейся в названии и содержании отдельных обрядов, ономастиконе и антропонимии народа.

II СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Традиционная свадьба представляла собой сложный праздничный комплекс, в котором нашли отражение различные стороны семейного и общественного быта, мировоззрение и историко-правовые знания людей, формы взаимоотношений между ними, элементы фольклора. Основной целью свадьбы являлись оформление и закрепление брачного союза, предусматривавшего рост и развитие семьи и экономики. Содержание свадебной обрядности зависело от характера унаследованных вековых традиций, социально-экономических условий, исторических форм семьи и брака. Имея общую для гагаузского населения Бессарабии структуру ритуала, свадьба все же отличалась пестротой локальных вариантов. Народная пословица «Что ни село, то обычай» отражала своеобразие, присущее обрядности села, ритуалу каждой свадьбы.

Структура традиционной гагаузской свадьбы почти не изучена. Общая схема ее основных этапов в этнографической литературе разработана слабо. В наиболее раннем источнике по гагаузской свадьбе – описании К.Малая, относящемся к третьей четверти XIX в., не выделены основные этапы свадьбы, многие обряды упущены⁵⁹. Страдают неполнотой также более поздние описания свадьбы К.Пееза⁶⁰, Е.Хоппе⁶¹, М.Чакира⁶². Наиболее полно структура гагаузского свадебного ритуала просматривается в описании В.Мошкова⁶³. Однако указанный автор не объединил обряды в комплексы, не выделил среди них существенные и второстепенные. Определенный интерес представляет схема, предложенная М. Маруневич⁶⁴. В ней выделены этапы свадьбы, наиболее важные обряды ритуала объединены в циклы. Правда, некоторые обряды выделены необоснованно, например, обряд *kaynanın pişirdiinä* (тещино угощение). В то же время не отражены обряды оформления свадебного знамени (*bayrak*), приготовления свадебных венков (*fenĵä*) и др.

Предлагаемая нами схема свадебного ритуала составлена на основе анализа полевых материалов и этнографических источников. Обряды свадьбы разделены на предсвадебные, свадебные и послесвадебные.

В предсвадебный этап включены обычаи и обряды, связанные со сватовством, створом, приготовлением непосредственно к свадьбе. В XIX – начале XX в. сватовство являлось основной формой заключения брака у гагаузов. Оно предполагало начальный этап (*dünürlük*), завершающийся соглашением о приеме сватов родителями невесты. Официальное сватовство (*söz*) заканчивалось, как и у многих соседних народов, договоренностью о размерах затрат с обеих сторон на свадьбу и о сроке следующего предсвадебного этапа. Важным моментом обряда *söz* являлось повязание невесты платком, подаренным родителями жениха.

Очередной цикл обрядов (*emiş, goda, çotra*) совершался в доме невесты. Он означал собой согласие родителей жениха и невесты на брак. В назначенный день родителям невесты вручались подарки (*boba hakı, ana toru*) от жениха, в честь этого организовывался праздничный стол, завершавшийся повязанием родичей жениха полотенцами и передачей подарка (*goda*) жениху от невесты. На вечере решался вопрос о сроке непосредственно свадьбы, о количестве участвующих в ней с обеих сторон и др.

В случае если брак заключался посредством умыкания (*kapmak, kavramak*) или добровольного ухода невесты к жениху без согласия родителей (*kaçmak*), предсвадебный этап ограничивался маленьким торжеством в доме жениха. Проведение свадьбы зависело от желания родителей как невесты, так и жениха, от материального благосостояния их семей.

Собственно свадьба начиналась с приготовления ритуального хлеба (*hamur*), свадебного знамени (*bayrak*), обрядовых венков (*fenâ*), с приглашения родственников и знакомых на свадьбу. Накануне свадьбы устраивалась баня для каждого из молодоженов, совершались обряды, связанные с совершеннолетием молодых (ритуальное бритье жениха, торжественное заплетание кос невесте). Ряд обрядов посвящался прощанию молодых с родным домом, «выкупу» невесты, одеванию ее в свадебный наряд. Многочисленными обрядами сопровождался вывод невесты из родного дома, свадебное шествие, встреча молодоженов в доме родителей жениха. Завершала обряд непосредственно свадьбы *konuşka* – свадебное торжество. Обряды свадьбы, имея общие черты, различались отдельными локальными вариантами. Особенно это заметно в терминологии обрядов, в обычаях избегания, в особенностях девичьей бани и т. д.

Послесвадебный ритуал был посвящен образованию новой семьи и связанным с этим обрядам снятия невестинного убора, проверки хозяйственных навыков молодых, приема их в состав обоих родов.

1. ПРЕДСВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА У ГАГАУЗОВ.

Заключению брака у гагаузов предшествовал длительный период знакомства и дружбы. Молодежь встречалась обычно на массовых сельских гуляниях (*horu, sbor*), посиделках (*dernek, oturmak, sidänka*), весенних играх (*rop-rop*), коллективных работах взаимной помощи (*meci, ortaklık*), спортивных состязаниях (*güreş, koş*) и т. д.

Хотя совершеннолетними считали 18-летних парней, однако, уже в 12–14 лет мальчики начинали заводить знакомства с девочками. Делалось это через кого-либо из родственниц, которые сообщали девушке о желании парня с ней встретиться. В знак согласия девушка передавала цветок для парня.

Совершеннолетие девушки определяли по ее внешнему виду. Выдавали девушек замуж к 16-18 годам. Известны были и более ранние браки. Это объяснялось как потребностью в рабочих руках, так и боязнью, что девушка останется в старых девах. Выдавали девушек по порядку старшинства. Если младшая сестра выходила замуж раньше старшей, о последней говорили, что она «накрыта корытом».

Сватание парня и девушки происходило на *horu eri (jok)* или посиделках. Беседы (*lafetmäk*) между ними в первом случае велись на почтительном расстоянии (2–3 метра) друг от друга, на посиделках – через закрытое окно. Общественность гагаузских сел осуждала нарушение этих традиций. Излюбленным местом встреч молодежи являлись также родники (*çöşmä*).

Договорённость о браке между парнем и девушкой закреплялась их согласием и решением парня выслать сватов к родителям девушки. Решив пожениться, парень через одного из старших родственников извещал родителей о своём выборе. В первый же праздник родители парня отправлялись на *horu eri*, чтобы посмотреть на девушку, интересовались, какими моральными и физическими качествами она обладает, каково её материальное положение, из какого она рода и в какой отдалённости родственные связи с ней.

Предложение жениха обсуждалось на семейном совете, в который входили также близкие родственники⁶⁵. Если избранная девушка соответствовала желаемым требованиям, то на семейном совете избирали сваху – красноречивую женщину, или свата – смелого, расторопного мужчину. Наиболее удачными днями для сватовства считались суббота и воскресенье. Сват (*dünürcü başı, aaracı, kodosçu*) отправлялся к родителям невесты рано утром или поздно вечером, чтобы остаться незамеченным и избежать позора в случае отказа. Нередко свату приходилось отправляться к родителям невесты с предложением два-три раза. Даже при положительном отношении родителей к сватам в первый раз им обычно отказывали, чтобы тем самым повысить авторитет невесты.

Войдя в сени невестиного дома, сват первым долгом перемешивал кочергой золу в печи. В народе этот обряд объясняют таким образом: «Как загорится жар в печи, пусть таким же удачным будет сватовство»⁶⁶. По представлениям первобытных людей, совершивший этот обряд поступал под покровительство семьи, и хозяин дома обязан был защищать его, в данном случае не отказывать в предпринятом деле⁶⁷.

Зайдя в комнату, сват проводил рукой по печи, проверяя, нет ли на ней трещин, чтобы убедиться в опрятности и хозяйственности избранницы жениха. Разговор о сватовстве был иносказательным. Речь шла о покупке определённого товара (верблюжонка, тёлочки, ткацкого станка и т.д.), под которым подразумевалась невеста. Подобная форма брачного предложения в изучаемый период встречалась у многих соседних народов. Её происхождение связано с развитием частнособственнических отношений и исчезает с отменой последних. Употребительно было предложение брачного союза в форме: «У нас есть прекрасный, умный и храбрый жених. У вас есть прекрасная невеста». Иногда сваты передавали привет от родителей жениха и извещали, что они нуждаются в помощнице по хозяйству. Данные формы предложения сохранились у гагаузов вплоть до наших дней, однако, вторая форма обращения занимает главенствующее положение.

В случае если родителей невесты не устраивало предложение жениха, отказ давался в мягкой форме: дочь годами не подошла, приданое еще не готово и т. д.

При положительном исходе сватовства договаривающиеся стороны назначали день сговора (*söz*). В знак согласия родители невесты передавали родителям жениха одно из ее платьев для выкройки подарочного платья. Платье невесты являлось своего рода залогом того, что ее сторона не откажется в дальнейшем от брачного договора, а также символом, выражающим официальное согласие на брак. В честь благополучного исхода сватовства отец невесты организовывал небольшой стол.

Наряду с основной формой брака – по сватовству – существовали также браки в форме похищения или добровольного прихода невесты в дом жениха без офици-

ального сватовства. Здесь различались насильственное похищение (*gelini kapmak*); мнимое похищение с согласия невесты (*kavramak*); добровольный приход невесты в дом жениха (*kaçkın*).

К насильственному похищению невесты гагаузы прибегали в XIX в. очень редко. Умыкание совершалось в случае, если невеста и ее родители не были согласны на брак.

При форме заключения брака в виде фиктивного похищения, т.е. с согласия девушки, если ее родители были против, умыкание совершалось женихом в сопровождении его дружка и одной из женщин-родственниц. Девушку встречали в условленном месте и провожали в дом жениха. В таком случае родители невесты также отказывали ей в приданом и свадьбу не играли. Маленькое торжество могло состояться только в доме жениха.

Если родители невесты желали простить ее за побег из дому, они присылали ей с одной из женщин узелок будничных платьев и приглашение в определенный день посетить их. Прибыв в условленное время в сопровождении жениха и его родственников в дом своих родителей, невеста становилась на колени. До тех пор, пока отец не позволял ей встать, она не считалась прощенной. После прощения родители молодоженов вели переговоры о сроке свадьбы и соответствующих приготовлениях. За 10—12 дней до свадьбы невеста возвращалась в дом родителей для участия в приготовлениях к свадьбе. Предсвадебные обряды — *söz, goda* при этом не совершались.

К фиктивному похищению с согласия невесты женихова сторона прибегала с целью удовлетворить желание жениха или избежать затрат на свадьбу. Наряду с этим фиктивное похищение являлось своего рода протестом девушки против патриархального деспотизма родителей. К данной форме брака прибегали и в случае, если в семье невесты одна из старших сестер «засиделась», т.е. не могла выйти замуж.

Существовали также, как уже отмечалось, браки в форме *kaçkın*, совершаемые в результате добровольного прихода девушки в дом жениха, даже если он или его родители были против. Обычно это происходило в случае сватания девушки за нелюбимого или ее беременности в результате добрачных отношений с парнем. После приема невесты в дом жениха организовывался свадебный вечер. На нем присутствовали только близкие родственники жениха. Родители невесты долгое время не прощали ей ухода, но в конце концов отношения между ними улучшались. Бывали также случаи отказов невесте с жениховой стороны.

Аналогии этого обычая встречались у болгар (*пристанка*)⁶⁸ и молдаван (*не куптьор*)⁶⁹. Суть обычая заключалась в том, что невеста приходила в дом жениха и садилась на печь, после чего жених не имел права прогнать ее.

Как видим, в XIX — начале XX в. у гагаузов существовали различные формы заключения брака. Выбор формы брака в основном зависел от социального и имущественного положения семьи. Мнимое похищение с согласия невесты, добровольный уход невесты к жениху, иногда насильственное умыкание отражали проявляющуюся в исследуемый период в связи с имущественной дифференциацией крестьянства тенденцию к укорочению ритуала свадьбы.

Одним из проявлений этой тенденции являлся обычай примачества, бытующий у гагаузов под названием *içgüvelik*. К примачеству прибегали в случае отсутствия мате-

риальных средств на организацию свадьбы или жилищных условий в семье жениха, а также если в доме невесты не было мужчины – наследника состояния ее отца. При этой форме брака по договоренности между обеими семьями совершались традиционные сватовство, помолвка и свадьба в сокращенном виде.

Несмотря на бытование в XIX – начале XX в. различных форм брака, преобладающим являлся брак в форме сватовства.

Söz (сватовство).

Следующим после предварительного сватовства этапом традиционной гагаузской свадьбы являлся *söz* – обряд официального сватовства. В гагаузских селах этот обряд называется также *annaşmak*, *yavklu etmək*, *yavklu olmak*, *söz vermek*, *laf*, *laf brakmak*. У гагаузов Болгарии обряд назывался *söz* или *küçük goda*⁷⁰. Наиболее употребительны в гагаузских селах названия *söz* и *annaşmak*. В переводе они означают «слово» или «договоренность». Это термины тюркского происхождения. У некоторых тюркских народов данный обряд носил аналогичное название⁷¹.

День переговоров между родными жениха и невесты приурочивали обычно к субботе или какому-нибудь календарному празднику. В состав сватов входили родители, братья и сестры жениха с женами и мужьями, первый сват (*dünürcü*) с женой жених с дружкой. Число сватов всегда подбиралось парное. Сваты брали с собой *kanisku* (калач с отварной курицей), выпивку, сладости, подарок для невесты (*nışan*). Отправлялись и дорогу обычно к середине ночи. Прибыв к дому невесты, *dünürcü* стучал в калитку или дверь дома. Хозяева выходить на стук не торопились. Когда глава дома открывал дверь, *dünürcü* объявлял, что сваты прибыли согласно договоренности.

В доме гостей и родных невесты усаживали за стол, за исключением жениха с дружкой, которые ждали на улице исхода переговоров. Разговор между представителями обеих семей вначале носил отвлеченный юмористический характер, постепенно переходя на серьезный лад. Основными вопросами разговора были размер «платы» со стороны жениха за невесту, состав приданого невесты, примерное количество участников на официальных свадебных торжествах, количество подарков с обеих сторон, размер общих расходов на подготовку к свадьбе и назначение срока очередного торжества. Важнейшим вопросом переговоров являлось определение размера платы родителям невесты. В большинстве гагаузских сёл эта плата называлась *boba hakı* и *ana toru*. В селах Чишмикиой и Сатылык-Хаджи плата за невесту называлась *arlık*⁷².

В.А. Мошков оставил подробное описание рассматриваемого обычая. Согласно его сведениям, относящимся к концу XIX – началу XX в., невестин отец просил для дочери *left* – золотое украшение в форме нанизанных определенным образом монет, которое женщины носили на груди, браслет, серьги, серебряный пояс и двадцать золотых; для себя – *boba hakı* (в размере 30—40 рублей); для жены – *ana toru*, состоящий обычно из нескольких аршин сукна. Кроме этого невестин отец требовал для себя и своего сына по паре сапог, а для жены и дочери – по паре башмаков⁷³.

Уплата за невесту считалась самым большим расходом на свадьбе. Приобрести для невесты лефть могли лишь состоятельные семьи. О стоимости этого украшения

свидетельствует следующее. Гагаузы в шутку говорили, что иная женщина «носит у себя на шее не одну пару волос»⁷⁴. В состав украшения входило около 40 алтынов – мелких золотых монет, 4–12 махмудя – золотых монет средней величины, 3–4 лефть – крупных золотых монет. Общая стоимость украшения равнялась 300–400 рублям (в зависимости от количества монет)⁷⁵. Даримые невесте одежды и украшения: три юбки, полусапожки, шерстяной платок *bariz*, длинная суконная шуба с каракулевым воротником и лацканами (*caninker*), пара золотых серег, серебряный перстень – стоили примерно 60–70 рублей⁷⁶. Если учесть плату отцу невесты, ее матери и родным, растраты на угощения, то расход даже среднего крестьянина доходил до 800 рублей. Не удивительно, что термин *boba hakı* переводится как пошлина отцу. Употребляемый в ряде сел термин *aarlık* переводится как тягость, бремя⁷⁷. О значении, придаваемом боба хаки, можно судить по тому, что без его уплаты родители невесты не соглашались на брак своей дочери⁷⁸.

После решения вопросов о размерах боба хаки между родными жениха и невесты начинался торг о дарах со стороны невесты. Она должна была иметь приличное приданое (*çiiiz*), в которое входили постельные принадлежности, ковры, сундук с одеждой, вышивки, полотенца и т.д. Кроме этого, с родителей невесты требовали *bosçalık* – определенное число рубашек, платков и полотенец для родных и близких родственников жениха, и *zestra* – конкретное количество земли для молодой семьи. Такой же участок в дар просили от родителей жениха. Оговаривалось также количество даримого скота и инвентаря, необходимого для обзаведения молодых хозяйством⁷⁹. Следует отметить, однако, что по сравнению с затратами жениха расходы со стороны невесты были невелики.

Переговоры между двумя семьями не всегда оканчивались благополучно. В.А. Мошков отмечал, что на помолвке шумят, кричат, ругаются, торгуясь, «будто какую-нибудь скотину продают»⁸⁰.

Положительно решив обговариваемые вопросы, сваты били по рукам и целовались. Обряд рукобитья выступал как своего рода примитивный акт заключения торговли-сделки, как один из пережитков древнего обычая купли-продажи невест⁸¹. После рукобитья для сватов накрывали стол и приглашали невесту, чтобы спросить ее согласия на брак. Опрос невесты носил формальный характер, ибо вопрос о браке уже был решен родителями.

Важным элементом обряда помолвки считалось повязание невесты платком (*nışan çember*), к углу которого была пришита золотая монета. У гагаузов Северо-восточной Болгарии к четырем углам платка пришивалось по монете и одна размером побольше – в центре⁸².

Обычаю повязания платком придавалось большое значение. Только после него гагаузская девушка считалась сосватанной (*yavklu kız*). Выходить в общество после помолвки ей разрешалось только в этом платке⁸³.

Повязание невесты платком на помолвке было широко распространено среди различных тюркских народов. Например, турки Конийского вилайета после сговора набрасывали на голову невесты платок⁸⁴. После этого невеста у них называлась *yavuklu* (укутанная в платок, сосватанная). У татар также обязательно необходимо было подарить невесте платок (*nışan*) на сватовстве⁸⁵. Туркмены Средней Азии

помолвку называли *nışaç* (знак, память)⁸⁶. Как и у гагаузов, туркменская невеста не выходила в общество без платка, накинутого на голову.

Из соседних народов обычай повязания невесты встречался у болгар-магометан⁸⁷.

В связи со значением, придаваемым повязанию невесты платком на помолвке, можно рассматривать обычай добрачного посещения женихом невесты. В период после помолвки до свадьбы жених мог навещать вечерами невесту. Во избежание вступления молодоженов в добрачные связи к ним на весь вечер приставляли кого-нибудь, чаще всего младшую сестру или бабушку невесты.

Помолвка заканчивалась обычно повязанием гостей: мужчин – полотенцами, женщин – платками. Приглашенный на завершающую часть торжества жених и его мать получали в подарок рубашку и платье. Во время застолья приглашенные на вечер скрипачи играли специальные мелодии. На прощание во дворе устраивали хоровод, в середине которого под звуки музыки танцевала невеста с отцом и матерью. Возвращение домой нарочито демонстрировалось: музыка, танцы, выкрики и стрельба в воздух символизировали успешное завершение сватовства.

Таким образом, важнейшим этапом предсвадебной обрядности у гагаузов являлось официальное сватовство – *söz*. Результатом его была договоренность сторон о размерах затрат на свадьбу и сроке последующего предсвадебного торжества. Особая роль, придаваемая обычаю уплаты за невесту, характер переговоров о приданом, размерах даримой земли и другие элементы ритуала помолвки указывают на их связь с частнособственническими отношениями и патриархальными пережитками в гагаузской семье. Истоки обряда, как видно из анализа обычая повязания невесты и исполняемых вслед за этим действий, восходят к первобытной эпохе. Последующие века наложили свой отпечаток на обряд. Изменились его форма и содержание, в частности, смысл обычая боба хаки.

Сравнительный анализ ритуала официального сватовства и связанных с ним обрядов позволил выявить в них ряд черт, сходных с обычаями отдельных славянских и тюркских народов (например, болгар и турок), что свидетельствует о глубоких этнокультурных контактах гагаузов с ними.

Обрядовый цикл *emiş* (изюм).

Следующим после официального сватовства этапом гагаузской свадьбы являлась так называемая неделя изюма (*hafta emiş*)⁸⁸ (среди соседних народов: болгар, молдаван, украинцев данный термин не зафиксирован). Это название связано с тем, что ритуал предполагает обязательное угощение изюмом. Наряду с упомянутым бытовали названия *goda*, *çotra*, к началу XX в. подменившие традиционное название. Информаторы объясняют, что в емише участвовало большое количество людей. Кроме угощения изюмом его составной частью являлось вручение большого числа подарков невесте со стороны жениха⁸⁹.

«Хафта емиш» совершался через неделю-две после помолвки. Гости на торжество приглашались накануне назначенного дня. Для этой цели от обеих семей из молодых холостых парней-родственников снаряжались гонцы (*izmetçi*). Им отводилась также роль сопровождения жениха в отдельные обрядовые моменты, помощи в несении

даров невесте, вывозе приданого, обслуживании торжественного свадебного стола и т. д.

Приглашение осуществлялось на лошадях, к гривам которых привязывались платки (*basma*). Изметчи угощали родственников вином из фляги из резного дерева (*çotra*), к которой также привязывался платок, и приглашали на емиш. Основные торжества проходили в доме невесты. Наряду с изметчи в приглашении на торжество со стороны невесты участвовали также ее незамужние сестры и подруги (*zılvı kumalar, drujkalar*). Они приглашали жениха на емиш.

К назначенному времени в дом жениха сходились приглашенные, чтобы принять участие в обряде несения подарков невесте. Их оформляли в несколько свертков. В одном помещался *söz kolacı* (калач помолвки) с вареной курицей или гусем, в другом – большое блюдо с *mezä* (сладостями, изюмом, орехами, и т. д.), в третьем – подарки для родителей, братьев и сестер невесты, в четвертом – подарки для самой невесты.

После угощения, устраиваемого женихом, процессия в сопровождении музыки отправлялась в дом невесты. Вслед за музыкой шёл деверь (шафер со стороны жениха, выбираемый из его ближайших неженатых родственников), затем родители жениха и дружки с подарками для невесты. В отдельных сёлах для несения подарков назначалось несколько деверей⁹⁰. Музыкальное оформление свадебных торжеств также зависело от экономического положения семьи. Михаил Чакир в одном из своих описаний отмечал: «Если жених богат, тогда на свадьбе играет городской оркестр, а если он беден, играет только один музыкант на волынке, которого называют *gaydacı*»⁹¹. В дороге исполнялась специальная мелодия – *yol havası* (дорожная мелодия). Прибавшую процессию во дворе встречали родители невесты и молодежь. Под музыку им преподносили подарки. Тем временем деверь шел за невестой, которую прятали зылвы и не соглашались выпустить, пока он не уплатит «выкуп». В изучаемый период «выкуп» состоял в исполнении танца или песни.

Со временем назначение обряда было забыто, символичным стал и «выкуп» за невесту⁹². Исполнение гагаузским деверем песни или танца вместо подарка подтверждает это.

Рудиментом борьбы между представителями двух родов является также сопротивление гагаузской невесты одеванию ее в принесенное платье (*emiş fistanı*). Она трижды сбрасывала с себя платье, которое старалась надеть на нее мать жениха.

После совершения этого обряда деверь выводил невесту к жениху. Гости приглашались за стол, где у молодых официально спрашивали, любят ли они друг друга. Поскольку эти вопросы уже решались на других этапах свадьбы, то здесь обычно давался положительный ответ. Правда, бывали случаи отрицательного ответа, если сторона жениха нарушала условия договора об уплате боба хаки или невеста передумала выходить замуж за парня.

Молодожены целовали руки гостям, за что им вручались деньги. Мать невесты повязывала родственников жениха полотенцами и рубашками. После этого вокруг стола несли поднос с куском хлеба, солью и вином. Каждый из сидящих произносил здравницу за здоровье молодых, выпивал стакан вина и клал на поднос деньги, которые затем вручались молодоженам. У татар Крыма, например, раздача изюма совершалась на второй день свадьбы. Медный кувшин, в котором приносили изюм,

намывался *куман-емиш*. У оренбургских татар старший брат жениха привозил невесте от суженого сундук, в котором вместе с туалетными принадлежностями был также *кишмиш*, т.е. изюм, и другие сладости⁹³. Н.А. Кисляков приводит примеры широкого бытования этого обычая у тюркских народов Средней Азии⁹⁴. Из славянских народов он встречался у турецких сербов⁹⁵. Название обычая и его содержание свидетельствуют о близости гагаузской традиции к тюркской.

Во время торжеств емиш жених с дружкой и невеста с подружками располагались в отдельной комнате. Невеста угощала жениха и остальных присутствующих стоя и не могла сесть без разрешения жениха, что свидетельствует о сохранении патриархальных взглядов на нее. Вечер угощения жениха назывался *güveyi konuklamak*. Перед рассветом жених уходил раньше всех, чтобы никто его не заметил. Считалось неприличным попадаться кому-либо на глаза.

В отдельных селах, например, в Казаклии, к утру оформлялся свадебный поезд из трех повозок, который провозил молодоженов по селу и возвращал их обратно в дом невесты, после чего жених уходил с дружкой домой⁹⁶.

Участники емиша расходились со свадебными дарами. Перед уходом им вручали также поднос со свертком, называемый *goda*. Оформлялся он обычно таким образом: поднос с калачом помещали в сверток (*bosça*), через который перевешивали два длинных вышитых домотканых полотенца из местного шелка (*nişan çevrez*). Поверх полотенца клали четыре платка (*goda basmalı*), сложенную рубашку жениха, два накрахмаленных платочка с красивыми узорами по краям, на которых иногда вышивали имена жениха и невесты. На самом верху красными нитками пришивалась красная роза, а за один конец свертка – мужской красный пояс – *kuşak*. Впоследствии, в 30-е гг. XX в., вместо розы стали употреблять синтетические цветы, а вместо кушака – красную ленту. Деверь приподнимал году над головой и, пританцовывая под музыку, двигался во главе процессии в направлении дома жениха.

Дома жених встречал деверя с сопровождающими его участниками торжества и, схватив году, быстро убежал в дом. По традиции с него причиталось в качестве платы за году ведро вина.

Между емишем и свадьбой был определен промежуток времени, согласованный обеими семьями. Это связано, видимо, как с необходимостью подготовки к традиционной дорогостоящей свадьбе, так и с невозможностью жениховой стороны в кратчайший срок рассчитаться с обременительным боба хаки родителям невесты. Часть «даров» переносилась на период свадьбы. Определенное влияние могла оказать и религия, запрещавшая браки без венчания. В период между емишем и свадьбой нужен был залог верности молодоженов друг другу, чем и являлись емиш фистаны и года.

На следующий день после емиша, т.е. в воскресенье, жених с невестой, одевшись в подаренные накануне друг другу одежды, шли на хору, прихватив с собой сладости, изюм, орехи. Молодежь их поздравляла, а они в ответ угощали изюмом. На хору заказывали танец, во время которого невеста танцевала рядом с женихом, держась за руку, что не дозволено было парням и девушкам, не состоящим в родстве, согласно традиционным гагаузским правилам приличия. Во время этого танца невеста должна была публично поцеловать руку своего жениха, за что получала от него рубль и золотую монету⁹⁷.

В период между емишем и свадьбой жених украдкой посещал вечерами невесту. Объяснение этих обычаев было дано в предыдущем параграфе.

Представляет интерес сообщение Е.М. Хоппе, что в период от помолвки до свадьбы гагаузская невеста избегала встречи с родителями жениха. «Если это происходит – писал Хоппе, – то девушка плачет безутешно»⁹⁸. В предсвадебных обрядах гагаузов наблюдалось как избегание невестой родителей жениха, так и женихом родителей невесты. В этнографической литературе существуют различные мнения о содержании и смысле этих обычаев⁹⁹. Мы полагаем, что избегание молодоженами родителей друг друга в период, когда допускалось посещение женихом невесты, могло являться выражением стыда или же было связано с нежеланием поставить себя в неловкое положение. Посещение женихом невесты, являясь пережитком матриликального брака и вытекающих отсюда последствий, с утверждением патриархальных взглядов на брак не могло быть воспринято без осуждения с одной или другой стороны. Поэтому молодые люди избегали встреч, которые могли дать повод для этого. В то же время новые взаимоотношения между семьями, договорные условия брака не препятствовали этому. Следовательно, избегание выступало как противоречие между отживающим прошлым и установленными новыми отношениями между молодыми и их семьями.

Таким образом, обряд емиш (чотра, года) у гагаузов являлся переходной ступенью к свадьбе.

2. ОБРЯДЫ СОБСТВЕННО СВАДЬБЫ

Для обозначения свадебного цикла существует термин *düün*, распространенный повсеместно. В обрядах собственно свадьбы условно можно выделить три важных этапа: подготовительный (*hazırlanmak*), включающий приготовление молодоженов и их семей к свадьбе, основной (*fenĭä*), во время которого совершались обряды, связанные с совершеннолетием молодых и переездом невесты в дом жениха, и заключительный (*konişka*), завершающийся свадебным застольем в честь вступления молодых в брак. Необходимо заметить, что гагаузский свадебный обряд в отличие от других семейных обрядов изобилует разнообразием локальных вариантов. Оно проявляется не только в отдельных элементах обрядов, их терминологии, но и в составе обрядности (некоторые из обрядов являются специфичными для того или иного села). В работе мы будем придерживаться принципа освещения единого для гагаузов свадебного ритуала, выделяя также его локальные особенности.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К СВАДЬБЕ

Свадьба у гагаузов обычно назначалась недели через две или через месяц после помолвки. В этот период семьи жениха и невесты запасались необходимыми для торжества провизией и спиртными напитками. Сладости (*mezä*) обычно покупались. В качестве напитка в основном употребляли вино собственного изготовления. Количество заготавливаемых продуктов зависело от зажиточности семей жениха и

невесты. На бедные семьи свадьба действовала разорительно. Народная поговорка «Три дня „хоп“, сорок лет „ох“» (*Üç gün "hop", kırk yıl "of"*) метко отмечает, как проведение свадьбы отражалось на положении неимущих крестьянских семей¹⁰⁰. Свадьбы богатых гагаузов отличались пышностью, большим количеством участников.

Немало хлопот приносило шитье нарядов для невесты и оформление ее приданого (*çiiz*). Приданое выступало как важнейшее условие брака. Его отсутствие могло привести к расторжению брака. Состав приданого, как известно, являлся одной из основных тем предсвадебных переговоров. Готовить его для дочери родители начинали еще в раннем возрасте, с 9—10 лет. К периоду сватовства оно обычно оказывалось почти укомплектованным.

Экспедиционные материалы, собранные в гагаузских селах, позволяют восстановить перечень приданого. Как правило, в него входили 4—6 длинных подушек, набитых соломой (*yastık*), 4—6 пуховых подушек, 3—4 одеяла (*yorgan*), 3—4 матраса, набитых шерстью (*döşek*), простыни, наволочки, пододеяльники, шелковые полотенца (*peşkir*), тщательно вышитые невестой, занавески (*perdä*), дорожки (*gergef*), ковер (*kilim*), половики (*pala*), а также вещи невесты (7—8 платьев, верхняя и нижняя одежда, обувь, дары для жениха и членов его семьи). Обязательными элементами приданого были также подаренные родителями и родственниками хозяйственный инвентарь, птица, скот, зестре. Разумеется, размер приданого зависел от имущественного положения крестьянской семьи.

Приданое невесты тщательно обследовалось родителями жениха, приглашенными для окончательного решения вопросов, связанных со свадьбой (*kaavil almaa*). Мать жениха, осматривая приданое, выставленное с особым вкусом, расхваливала искусство невесты и на каждый слой вещей на сундуке клала по рублю. Осмотр приданого имел целью проверить готовность невестиной стороны к свадьбе.

Важнейшим аспектом предсвадебных приготовлений являлось обеспечение свадебного стола едой. Учитывая, что свадьба обычно длилась три-четыре дня, а отдельные достаточно массовые церемонии – в течение почти недели, можно себе представить, сколько забот составляло приготовление еды. Специально назначенные для этой цели женщины (*aşçıyıklar*) пекли хлеб, готовили сладости и разнообразные кушанья. Только для обрядовых целей выпекалось 10 больших свадебных калачей, в частности для приглашения и проводов посаженных родителей, совершения ритуала обхождения дома, встречи молодоженов у ворот и у порога, вручения в качестве подарков победителю на скачках, главной поварихе (*aşçıyka*) и т. д. Первый свадебный хлеб выпекался с особой торжественностью, он сопровождался исполнением специального обряда *hamur*. Выпекалось также 30–40 хлебов для еды.

К общепринятым холодным кушаньям можно отнести рыбу, соленья, холодец, различные сладости. Готовилось около 10–12 горячих блюд, которые периодически меняли. Наиболее распространены были плов из измельченной пшеницы или риса (*pilaf*), голубцы (*sarma*), жаркое из баранины (*kartofı manca*), кури (*tauk mancası*), капуста (*laana bulgur*) и др. Особое значение на свадьбе придает угощению пловом. Он подается в начале свадьбы и в конце ее. У гагаузов с Червоноармейское существует выражение: «Подан плов – пора домой»¹⁰¹.

Из мясного чаще всего подавали баранину и птицу. Употребляли также свинину

и говядину. К свадьбе резали до 15—20 гусей или уток. Свадебные столы помещали в парадной комнате (*büük ev*) вдоль стен буквой «П». Если ее размеры были невелики, столы ставили и в других комнатах (*küçük içer*), а также в коридоре (*hayat*). В таком случае молодежь располагали отдельно от старших участников свадьбы.

В пятницу приготавливали свадебное знамя и плели обрядовые венки. В субботу после обеда совершалось обрядовое купание жениха и невесты. У каждого в доме нагревали воду, в которую бросали веточки мяты, монеты, яблоко и пр. Подруга невесты, выкупавшаяся после нее в той же воде, считалась счастливой.

Баня устраивалась на следующий день для всех участников обряда. После бани невесту покрывали длинной (до земли) вуалью и сопровождали в дом. Жених в этот день раздавал друзьям и знакомым *lokum* (печенье из теста), жареные орехи, изюм и деньги.

Обряд *hamur* (тесто).

Гагаузская свадьба обычно начиналась в четверг с исполнения обряда выпечки хлеба (*хамур*). К этому дню зилвы и изметчи приглашали на обряд родственников. Изметчи приглашал с флягой вина на коне, к гриве которого привязывали белый платок. Вечером приглашенные собирались в доме жениха. Молодые парни и девушки с музыкой и танцами отправлялись за водой для замешивания теста к реке или источнику, сопровождая двух девушек, ряженных под жениха и невесту. Девушка, изображавшая жениха, надевала мужскую шапку и в руки брала топор, перевязанный полотенцем, а представлявшая невесту опускала платок на глаза и закрывала им почти все лицо. Принесенную воду грели под звуки музыки, называемой мелодией невесты (*gelin havası*).

Ряженные «жених» и «невеста» просеивали муку в квашне (*teknä*) одновременно через три сита. Во время этого обряда мальчик и девочка, у которых живы родители, держали в руках зажженные свечи, временами ряженные заявляли, что сито имеет прореху и его необходимо заменить. Это означало, что в него надо бросать деньги, которые потом распределялись между исполнителями обряда.

Приготовив тесто, его клали в печь. После выпечки хлеб (*ballı çörek*, *ballı pita*) смазывали медом и делили на куски, которые деверь раздавал участвующим в хороводе парням и девушкам. Один из парней в это время угощал их вином. После выполнения обряда молодежь отправлялась к невесте с кусочком этого калача и теста¹⁰². У невесты обряд выпечки хлеба совершался аналогично, не было только детей со свечами.

Являясь продуктом труда земледельца, хлеб сопутствовал ему в важнейших моментах жизни. Его ритуальное употребление было связано со стремлением повлиять на благополучие и счастье людей.

Bayrak (свадебное знамя).

Знамя (*bayrak*) являлось атрибутом свадьбы. Его выставление на крыше означало, что в доме свадьба. Оформляли знамя в субботу молодые девушки. В этот день до восхода солнца совершался интересный обряд освящения дома к свадьбе. Исполняли его двое детей (мальчик и девочка), у которых живы оба родителя. Девочка с калачом

и мальчик с вином трижды обегали дом навстречу друг другу. После совершения обряда организовывался хоровод, калач разламывали и раздавали присутствующим, бутылку, из которой выпивали вино, разбивали¹⁰³. Обегание трижды дома, участие в обряде детей, у которых были живы родители, имели цель магически повлиять на исход начатой свадьбы, обезопасить дом от несчастий¹⁰⁴. Угощение присутствующих хлебом и вином, являющимися результатом многодневного, кропотливого труда земледельца, символизировало объединение, укрепление дружбы между участниками свадьбы; раздача каравая по кусочку – стремление наделить участников свадьбы частицей урожая, богатства, счастья. В то же время это пожелание молодым благополучия и здоровья.

Свадебное знамя оформлялось в обед или в субботний вечер. Во время совершения обряда несколько девушек располагались внутри дома (за порогом), несколько – снаружи, держась за древко знамени. В качестве полотнища служило полотенце, вытканное из шелка.

После оформления знамени исполняли специальные танцы (*düz horu, iki yanna*), во время которых деверь размахивал знаменем высоко над головой. Затем оно укреплялось на крыше. К нему приставляли «охрану» – одного-двух мальчиков, которые возвращали знамя деверю за определенную плату в день переезда невесты в дом жениха. К знамени пришивали подарки, предназначенные для победителей скачек (*koş*) на свадьбе. На крыше дома невесты также вывешивались подарки. Их вручали мальчишкам-бегунам (*ödülcülär*), первыми прибежавшим в дом невесты с известием о приближении свиты жениха.

Обычай оформления свадебного знамени характерен для большинства соседних народов¹⁰⁵.

В этнографической литературе высказывались различные мнения относительно оформления знамени. Например, в употреблении яблока усматривался культ солнца¹⁰⁶, красный цвет на полотнище считали средством от глаза и болезней или видели в нем «оплодотворительное или воспроизводительное начало»¹⁰⁷.

***Fenġä* (обряд изготовления свадебных венков).**

Свадебным венкам гагаузы придавали большое значение. Видимо, поэтому в некоторых селах один из дней свадьбы, приходящийся на субботу, называется *fenġä*.

Сплетенные в доме невесты венки употреблялись в прошлом также для венчания молодоженов. В 30-х гг. XX в. М. Чакир писал, что «...летом в церковь приносятся красные венки из цветов и листьев, которые при венчании кладутся на голову жениха и невесты, и с этими венками они возвращаются домой...»¹⁰⁸.

Окончив плести венки, девушки с ритуальной флягой шли приглашать жениха на *fenġä*. Это считалось проявлением особого внимания к жениху со стороны невесты. В знак благодарности за приглашение жених угощал девушек вином и дарил им по несколько монет.

Употребление венков на свадьбе – характерная черта гагаузского быта XIX – начала XX в. Оно было широко распространено у юго-западных славян¹⁰⁹. Наиболее близок гагаузский обряд к болгарскому. Название обряда, как и его содержание, свидетельствуют о славянском влиянии.

Относительно назначения венков на свадьбе существовали различные теории. Сторонники мифологической школы видели в них символ солнца, покровительствующего браку¹¹⁰. Ряд исследователей, основываясь на материалах песенного фольклора, усматривали в них символ девичьей невинности¹¹¹. Отдельные этнографы допускали обе версии¹¹². Наиболее верна, на наш взгляд, трактовка русского фольклориста Е.В. Аничкова, утверждавшего, что свадебные венки являются символами счастливой жизни, любви и брачного союза¹¹³.

Pelik örmäk, traş etmäk (обряды совершеннолетия молодоженов)

В субботу вечером совершались обряды плетения кос невесте (*pelik örmäk*) и ритуального бритья жениха (*güveyi traş etmäk*). Основными исполнителями их являлись деверь и посаженные родители (*saadıç, nâşa*). За ними посылали изметчи в сопровождении музыки. Из дома жениха процессия в составе деверя, посаженной матери и участников свадьбы отправлялась к невесте, чтобы заплести ей косу и вручить свату каниску.

Вручив каниску, деверь начинал «торг» с зылвами из-за невесты, которую девушки прятали и не выдавали до уплаты «выкупа». В качестве выкупа от деверя требовалось станцевать пару танцев или спеть несколько песен. Получив «выкуп», девушки выводили невесту в круг, предварительно распустив ей волосы. Невеста усаживалась на стуле с ястыком, повязавшись платком так, чтобы лоб и подбородок были прикрыты. Характер повязания свидетельствовал об изменениях в ее положении (девушки обычно повязывались более открыто). Посажённая мать плела невесте косу в сопровождении мелодии скрипки и песен девушек. Вслед за *нашей* косы плели *зылвы*. По свидетельству В.А. Мошкова, в конце XIX – начале XX з. «волосы невесты заплетали ... в 12 косичек и, кроме того, две косички ... вокруг уха»¹¹⁴. Последние назывались *kodîta*. В каждую косичку вплеталось по нитке мишуры (*tel, sim*).

Во время плетения кос исполнялись «песни невесты» (*gelin türküsü*). Они повествовали о том, что невеста прощается с юностью, что будущая жизнь неизвестна, пелось о горечи расставания с родной семьей¹¹⁵. В песнях нередко говорилось о том, что невесту выдали замуж вопреки ее воле, за нелюбимого, что характерно было для досоциалистических браков, выражалась тоска по родному дому; и т. д.¹¹⁶ Во время исполнения песен невеста по традиции плакала, даже если выходила замуж за любимого человека.

По завершении обряда невеста угощала присутствующих вином из чотры, целуя им руки. На ее место усаживали одну из подруг, которой предрекали скорое замужество. Во дворе организовывалось три хороводных танца (*düz horu*). Невеста танцевала рядом с посаженной матерью.

Обряд *pelik örmäk* имел различные локальные варианты. Например, в с. Конгаз перед началом плетения кос подруги поднимали над головой невесты четырехугольное сито (*kalbur*), которое накрывали коричневым платком (*bariz*) и качали из стороны в сторону. На бариз, пританцовывая, бросали веточки мяты, обвязанные красной нитью и ленточками мишуры. После плетения кос бариз сворачивали.

После заплетения кос невесте свадебная процессия отправлялась к жениху, чтобы участвовать в обряде его бритья. Выполняли этот обряд обычно деверь, посаженный

отец или отец деверя (*bobalık*). Жениха усаживали в центре комнаты и устанавливали перед ним зеркало. Двое детей (мальчик и девочка) держали в руках зажженные свечи. Во время бритья скрипач играл «мелодию печали» (*aalamak havası*). Гости бросали в посуду с водой монеты, которые затем раздавались детям. В перерывах, когда скрипач переставал играть, девушки исполняли «песню жениха» (*güvâ türküsü*). Эти песни имели ритуальный характер и исполнялись только во время бритья жениха. В них рассказывалось о том, что жених прощается с юностью, что он опечален, ему больно расставаться с родными¹¹⁷.

По окончании бритья жених угощал присутствующих вином. Молодые люди устраивали потасовку, чтобы первыми сесть на его место. По народному поверью, это предвещало скорую женитьбу.

К ночи участники свадьбы во главе с деверем шли за посаженными родителями. В доме жениха оформлялась процессия для подарков невесте и ее родителям. Деверь и изметчи несли подарки впереди процессии на больших подносах в сопровождении музыки. Невесте несли «платье, *çember* (платок), полусапожки (*çerîç*) и ожерелье, которое вешается на шею в три раза ... Отцу невесты и ее брату (*kaymçı*) несут по паре сапог, а матери – платье и башмаки или полусапожки»¹¹⁸.

Возвестив выстрелами из пистолета о прибытии процессии, деверь шел «выкупать» у девушек невесту.

Во время одевания, как писал К. Малай, невеста упорно сопротивлялась: «Руки держит прямо, платье рвется – это ей нипочём. Уступает лишь тогда, когда ей пропоют какую-либо песнь две подруги со стороны жениха»¹¹⁹. После одевания невеста угощала гостей вином, и на этом обряд завершался. Гости расходились по домам, а посаженный отец с изметчи возвращались в дом жениха, где устраивался так называемый вечер загадок.

Обряды совершеннолетия и ритуального одевания в изучаемый период подверглись определенным изменениям. Это отразилось, во-первых, в укорочении церемониала. В 30–40-х гг. XX в. обряд *pelik örmäk* и одевание невесты стали совершаться одновременно. Сначала проводили обрядовое бритье жениха, затем отправлялись к невесте, чтобы заплести ей косу и одеть. Во-вторых, многие элементы обрядов стали выпадать или измениться. Например, во время бритья жениха не везде употреблялись свечи, роль брадобрея стали поручать любому из гостей.

Песни, приуроченные к обрядам, стали забываться. Отдельные обряды: «выкуп» невесты, сопротивление ее одеванию и другие – приобретали игровой характер.

Обряды *güveyi traş etmäk* и *pelik örmäk* были связаны с переходом молодоженов из одной половозрастной группы в другую. Символический постриг и обрядовое бритье жениха – своего рода рудименты древних инициационных обрядов¹²⁰. Совершение обряда также над сверстниками жениха даже при отсутствии внешних черт возмужалости, участие в нем молодых людей примерно одинакового возраста, содержание исполняемых песен также подтверждают, что обряд относится к пережиткам инициации, которые в первобытное время являлись серьезным испытанием для юношей.

В с. Конгаз после ритуального бритья жениха молодежь организовывала игру в подмигивание – *bakışmak*, во время которой парни и девушки договаривались о свидании вблизи дома¹²¹.

***Düünä çaarmak* (приглашения на свадьбу).**

Приглашения на свадьбу всегда отличались особой торжественностью. Их осуществляли специально снаряженные гонцы (*düniürcü*) из числа родственников и близких (один-два человека). Коня гонца покрывали ярким ковром, к гриве привязывали белый платок. Всадник с чотрой, повязанной платком, в воскресенье утром объезжал родственников и близких и, угостив их вином, приглашал на свадьбу. В ответ ему давали деньги. В труднодоступные части села и в непогоду посылали пешего гонца. Приглашались также друг к другу родители молодоженов.

Со стороны невесты в приглашениях участвовали зылвы. Оформив букеты из цветов (зимой использовали искусственные цветы), они группой в несколько человек отправлялись приглашать родственников невесты. Специально приглашали также жениха, тем самым выражая уважение к нему. Зылв одаривали деньгами и угощали вином.

Деверь и посаженные родители приглашались на свадьбу несколькими ее участниками в сопровождении музыканта. К посаженным родителям обычно шли с вином и калачом в присутствии деверя. Следует отметить, что указанных участников приводили на свадьбу и отводили каждый раз торжественно, под музыку.

В семьях, где не было в живых родителей молодоженов, принято было посещать их могилы. Жених или невеста оплакивали умерших родителей и „приглашали» их на свадьбу. Эта традиция являлась своего рода отголоском древнего культа предков.

***Gelini donatmak* (наряжение невесты).**

Обряд наряжения невесты совершался в воскресенье. Основными исполнителями его являлись посаженная мать (*nâşa*) с родственницами (*koltuklar*). Время исполнения обряда в разных селах не было одинаковым. В Бешалме, Джолтае, Казаклии, Томае, Чадыр-Лунге свита посаженной матери отправлялась от жениха к невесте с утра¹²². После совершения обряда его участники возвращались к жениху, откуда со свадебной процессией шли в церковь на венчание. До прихода *nâşi* для посаженного а и гостей организовывали стол.

На наряжение невесты посаженные родители приглашались женихом, деверем, друзьями со всеми почестями: под музыку, с калачом. Калач, а также обговоренный на сговоре аарлык предназначались родителям невесты. *Nâşa* брала с собой все необходимое для подготовки невесты к венцу (*bosçalık*).

Прибывших к невесте встречали у ворот с музыкой и танцами (*maramca, tukanca*). Родителям невесты вручали каниску и *aarlık*. Гостей угощали вином и приглашали к столу. Посаженная мать шла наряжать невесту. Зылвы требовали с нее плату за доступ к невесте. Платили обычно саадыч или деверь.

Пока невесту наряжали, жениха с деверем в дом не пускали. В селах Етулия, Котловина, Старые Трояны жених с деверем в это время должны были скрываться в одном из соседних домов¹²³. Это, видимо, одно из проявлений известного в этнографии обычая избегания. Аналогичное явление наблюдалось в период *emîşa*, а также во время обряда *pelik örmäk*.

Наряжение невесты представляло собой довольно сложный обрядовый комплекс. Оно имело много общего с обрядами расплетения невестинной косы и одевания её

в подаренное женихом платье. Непосредственное участие в обряде *gelini donatmak* принимали мать, сестры и подруги невесты. Они одевали ее в подвенечное платье (*gelinnik, steunozluk*) и другие предметы женского туалета, подаренные нашей, обували в праздничную обувь. В с. Старые Трояны в туфли невесте перед обуванием принято было класть деньги, конфеты и спички¹²⁴. По представлениям суеверных крестьян, это должно было способствовать благополучию молодой в ее будущей семейной жизни.

Расплетала девичью косу обычно мать. При расчесывании волосы смачивали вином. *Náşa* сплетала волосы невесте в одну косу, вплетая в нее мишуру. Сплетенную косу обвивали вокруг головы, делая женскую прическу (*kok, kukuy*). На лбу невесты укрепляли корону (*çiçek*) и покрывали длинной белой вуалью (*paprika, val, fata*). Затем подпоясывали невесту кожаным поясом, отделанным медными и посеребренными украшениями, и на руку вешали отрез на платье (*duak*).

Наряд невест гагаузов Болгарии, по свидетельству Е.М. Хоппе, несколько отличался от бессарабского. Он состоял из женских брюк в темно-белую полоску (*don çatal*), шёлкового кафтана, феса, надеваемого на голову, и шали, которой повязывалась невеста. Шею ей украшали цепочкой, лоб - венком из цветов, подпоясывали позолоченным поясом. Покрывали невесту красной вуалью таким образом, чтобы не было видно лица¹²⁵.

Некоторые различия в наряде невест бессарабских и болгарских гагаузов определялись особенностями проживания в различных этнических сферах. Общими признаками в наряде невест являлись опоясывание, украшение венками из цветов, покрытие вуалью. Неполнота описаний этнографами быта болгарских гагаузов затрудняет исследование эволюции в культуре гагаузов Бессарабии. Однако анализ показывает, что покрытие невесты у бессарабских гагаузов в прошлом существовало. К. Малай отмечал, что в церковь невесту ведут, покрыв «с головы до ног ситцем, подаренным ей на платье венчальной матерью»¹²⁶. Ситец, видимо, подбирался красного или розового цвета. В народных песнях невесту обычно называют *al duaklı* (невеста с розовой вуалью). Со временем плотно сотканный ситец был заменен белой вуалью фабричного производства – более эстетичной и удобной тем, что позволяла невесте обозревать все вокруг.

Эволюции в традиции способствовало также то, что значение обычая «изоляции» невесты стало забываться. В начале XX в. вместо венков из мяты и живых цветов стали употреблять короны из воска фабричного или кустарного производства. Серебряные или позолоченные пояса вышли из употребления, став музейной редкостью.

***Prost olmak* (прощание молодожёнов с родителями).**

Обряд прощания (*prost olmak*) молодоженов с родными являлся одним из эмоциональных моментов свадьбы. Он совершался перед отправлением молодых на венчание. Определенных различий в обрядах прощания жениха и невесты не существовало. Молодожены становились перед родителями на колени и, перекрестившись, целовали им руки, просили прощения и испрашивали благословения на брак. Родители, крестьяне, желали молодым счастья и целовали их в щеку. С близкими родственниками молодые прощались стоя, но тоже целовали им руки. Жених после прощания

угощал присутствующих вином. Невеста прощалась после наряжения к венцу. Во время совершения обряда исполнялись грустные мелодии (*aalamck havası*), особенно в доме невесты. В них пелось о горечи расставания с родным домом.

После обряда прощания невесты подруги прятали ее и приглашали деверя, с которого требовали плату. Уплатив зылвам, деверь приглашал жениха и за определенную плату допускал его к невесте. В отдельных селах деверь выводил невесту, зацепив платочком за пояс.

При встрече жених и невеста стремились первыми наступить друг другу на ноги. Считалось, что от этого зависит, кто будет главенствовать в семье.

Зылвы прикрепляли к груди жениха цветок (*çiçek*) из мяты или искусственного гаруса, воска. Восковые цветы, как указывал В.А. Мошков, получили распространение в конце XIX – начале XX в.¹²⁷. Такие же цветы полагались всем участникам свадьбы. На головы молодоженов и посаженных родителей возлагались венки из мяты. Венки (из цветной бумаги) полагались также деверю, друзьям. Получившие венки и цветы, исключая молодоженов, давали деньги, которые затем вручались невесте.

Венки и цветы являлись не только украшением. Они указывали на роль тех или иных чинов на свадьбе, являлись отличительными признаками участников торжества. Кроме того, употребление венков было своего рода общественным признанием заключающегося брака.

***Gelini almak* (обряды, связанные с выводом невесты из родного дома).**

В большинстве гагаузских сел невесту выводили из родного дома сразу после наряжения к венцу. В селах же Джолтай, Бешгиоз, Бешалма, Казаклия, Димитровка, Томай после венчания жених и посаженные родители отправлялись к невесте, в доме которой организовывалось застолье. Через некоторое время родители жениха высылали за молодоженами деверя с друзьями¹²⁸.

Вывод невесты из родного дома сопровождался различными обрядовыми действиями.

Проявлением родственных чувств на свадьбе являлись одаривание и угощение гостей. Одаривание совершалось перед выводом невесты из дома или у порога после выведения ее из дома. Подарки получали посаженные родители (платье и рубаху), деверь (рубаху), музыканты и изметчи (полотенца), зылвы (*çember*)¹²⁹.

Вывод невесты из родного дома сопровождался обрядом совместного благословения молодоженов родителями невесты. Совершалось оно следующим образом: деверь подводил молодых к родителям невесты, которые вручали им калач со щепоткой соли, икону, и две свечи, обвязанные лентой. В гагаузском селе Старые Трояны принято было дарить также два яблока. В селах Етулия и Табаки молодые получали калач, яблоко и несколько кусочков сахара¹³⁰. Вручение молодоженам хлеба с солью, сладостей и фруктов – эстетический обряд, вобравший в себя лучшие народные традиции.

Благословение молодоженов не являлось специфическим гагаузским обрядом. Оно бытовало у всех соседних народов и приурочивалось ко времени вывода невесты из родного дома¹³¹.

Из родного дома невесту у гагаузов выводили обычно родители или посаженные

отец и мать. Родители с калачом в руках выходили спиной к двери, а молодые следовали за ними, держась за калач.

На крыльце дома молодых осыпали зерном, деньгами, изюмом, выливали вслед им воду и вино. В отдельных селах принято было на прощанье угощать молодых вином.

Во время вывода невесты из дома деверь с друзьями увозили приданое (*çiiz*). При этом полагалось выкупать его у мальчиков – родичей невесты, охранявших *çiiz*. Первую подушку (*yastık*) бросали на крышу, а затем снимали вместе со свадебным флагом невесты.

Перед выходом со двора организовывали три хороводных танца с участием молодоженов. В с. Комрат в центре танцевального круга устанавливали стул с подушкой, на который сажали невесту. Деверь ломал калач над ее головой, трижды подбросив и перевернув его в воздухе, и раздавал участникам свадьбы¹³².

Перед выходом на улицу ворота обычно перегораживали молодые парни, требуя *kari parası* (деньги за переход через ворота) или *bobalık para* (деньги за отцовство), которые выплачивались деверем или посаженным отцом. Если жених был родом из другого села, с него требовали еще выкуп *toprak parası* (села Копчак, Конгаз, Червоноармейское, Чишмикиой, Вулканешты, Димитровка), *toprak bastısı* (с. Виноградовка), *toprak bastı parası* (с. Етулия), *hotar parası* (села Бешалма, Джолтай, Казаклия) или *smir parası* (с. Баурчи) за увоз невесты через границу села¹³³.

Steunoz (венчание).

Венчание гагаузы обозначали терминами греческого происхождения *stenoz*, *steunoz*¹³⁴. Гагаузы Болгарии употребляли также термин *стефано*, *фенцетмек*¹³⁵. Эти термины связаны с православной церковной обрядностью. Время венчания в гагаузском свадебном ритуале не одинаково. В одних селах оно совершалось до вывода невесты из родного дома. В этом случае жених и невеста шли на венчание отдельно, каждый из своих домов. В большинстве же сел, как указывалось ранее, венчание производилось после вывода невесты из родного дома.

Венчание в церкви совершалось согласно христианскому догмату. Оно сводилось к вождению жениха и невесты вокруг аналоя, возложению на их головы венцов и надеванию обручальных колец. Во время венчания зажигались свечи, новобрачных окуривали ладаном и окропляли водой. Эти обряды, почерпнутые церковью из языческой религии, были направлены против действия «злых духов». Церковники предписывали во время венчания жениху надевать золотое, невесте – серебряное кольца, читали молитву о сотворении женщины из адамова ребра и поучение апостола Павла: «Жена да убьется мужа своего». Венчание введено было византийской церковью в конце IX в.¹³⁶. Общественным признанием брака являлась свадьба.

Обряды *düün geçmesi* (свадебного шествия).

Свадебное шествие представляло собой один из красочных моментов гагаузской свадьбы. Оно всегда вызывало интерес у жителей села. Услышав выстрелы, музыку и традиционные свадебные выкрики, они выходили встречать свадебный поезд.

Свадебная процессия обычно состояла из молодоженов с посаженными родите-

лями, деверя с музыкантами и изметчи, гостей со стороны жениха и провожатых невесты. Если поезд был конный, впереди на подводах выезжали посаженные родители с молодоженами. Количество повозок в зависимости от благосостояния семей молодоженов могло варьировать от 3 до 12. Поезд красочно оформлялся. Сбрую лошадей украшали платками, коврами, бубенцами. Участники свадьбы ехали в праздничных нарядах, повязанные рубахами и полотенцами. Везущие приданое под стрельбу и традиционные свадебные выкрики подбрасывали высоко в воздух подушки. Если свадебный поезд был пеший, процессия двигалась в том же порядке с особой торжественностью. Однако и в этом случае приданое вывозилось на повозках.

Пожеланием счастья и благополучия молодым являлся обычай выливать перед свадебным поездом воду. Чаще всего это делали дети, которых жених и саадыч одаривали деньгами. Было принято также, остановив процессию, угощать молодых и посаженных вином с пожеланиями счастья и благополучия.

При приближении к дому жениха устраивались состязания бегунов (*ödülcü*) или скачки (*koş*). На свадьбах бедняков обычно ограничивались состязанием бегунов, которые должны были предупредить родителей жениха о приближении процессии. Сохранилось описание этих состязаний в третьей четверти XIX в. «Перед домом жениха, – согласно сведениям К. Малая, – если он состоятельный, развешаются несколько флагов: 1) из сукна; 2) из рубахи или куска материи; 3) из платка и прочего. Эти подарки достаются тем удальцам, которые, прискакав на лошадях, первые схватят... их. Если хозяин бедный, то ему дают знать о свершившемся венчании ... сына пешие охотники-бегуны, которые получают несколько копеек и по стакану вина»¹³⁷.

Обычай устраивать на свадьбе состязания бегунов и скачки широко бытовал у турок, однако он не приурочивался к упомянутому этапу свадьбы¹³⁸. Скачки устраивались на болгарской и молдавской свадьбе: у молдаван – по пути движения от жениха к невесте, у болгар – аналогично гагаузскому обычаю¹³⁹.

Повсеместно в гагаузских селах бытовал обычай встречать свадебный поезд с калачом и вином.

Одной из важнейших черт обряда являлось его бытовое назначение. Хлеб, калач в первую очередь имели утилитарное значение как вкусная пища. Свадебный обрядовый хлеб являлся своего рода символом благополучия молодоженов. Угощение им считалось как бы приобщением к счастью и благополучию молодых. Важно заметить, что в период разламывания и раздачи калачей высказывались пожелания счастья молодоженам. В качестве примера можно привести материалы из этнографии черногорцев. У них во время разламывания свадебного калача старый сват невесты желал, «чтобы в новом доме ее родилась пшеница и кукуруза ... чтобы расплодились овцы, как на небе звезды, чтобы сколько было в мире песку, столько было бы в ее доме жита, чтоб у нее было много сыновей, чтобы крыша ее дома не проваливалась»¹⁴⁰. Таким образом, бытовая функция обряда была одной из основных. Не исключено, что в прошлом ему придавалось и магическое значение, однако в сознании крестьян оно не сохранилось. В начале XX в. обряд принял шуточно-игровую форму. Его исполнение вносило элементы веселья в свадебный обряд.

***Gençleri karşılamak* (встреча молодоженов родителями жениха).**

Прием нового человека в семью – важное событие, которому сопутствовали различные обряды. В гагаузских селах они в целом были идентичными, хотя и встречались отдельные локальные варианты.

О приближении свадебной процессии к дому обычно извещал деверь выстрелом в воздух. У калитки в большинстве сел принято было с известной целью выливать перед молодоженами ведро воды. Разновидностями этого обычая являлись выставление перед процессией ведра воды, которое жених должен был опрокинуть ногой (села Дезгинжа, Новосёловка), или вручение его молодоженам, вносившим ведро во двор и опрокидывавшим его (с. Чишмикиой)¹⁴¹.

У порога процессию встречали родители жениха с вином, калачом и медом. Молодожены становились на постланный у порога ковер или шкуру овцы, зарезанной накануне свадьбы. Последняя традиция бытовала в селах Етулия, Котловина, Джолтай, Конгаз, Дезгинжа, Бешгиоз¹⁴². Новобрачные держали в руках зажженные свечи, обвязанные лентой. Родители жениха под музыку (*tukanca*) трижды, пританцовывая (во время танца их обсыпали мукой, лица мазали сажой или грязью), обходили молодоженов с посаженными родителями и деверем и угощали их вином и медом, вкладывая каждому за ухо цветок. Первыми угощали саадыча и нашу, затем деверя и молодых. Впрочем, в конце XIX в. бытовала традиция, видимо, навеянная патриархальными взглядами, угощать сначала мужчин, затем женщин. В ответ невеста должна была угостить родителей медом.

В XIX в. принято было встречать молодых не с калачом, а с миской муки, на которой устанавливали три горящие свечи, стакан меда и кусок хлеба¹⁴³. Так же встречали молодоженов на свадьбе гагаузы Болгарии¹⁴⁴. Вручение молодоженам калача, видимо, характерно было для свадеб в состоятельных семьях. В дальнейшем эта традиция утверждается повсеместно. В гагаузском селе Старые Трояны на калаче принято было устанавливать яблоки, соль, сахар¹⁴⁵.

Обычай встречать молодоженов с хлебом-солью существовал у всех соседних народов¹⁴⁶. Его происхождение и развитие связаны были с земледельческим бытом этих народов. Вручение калача, соли, яблок, угощение вином и медом символизировали наделение молодоженов частицей урожая, богатства, являлись своего рода пожеланием им счастья и благополучия.

Употребление меда характерно было для обрядов нескольких народов Балкано-Дунайского ареала.

Употребление овчины в свадебных обрядах имеет аналогии у большинства соседних народов.

Троекратный обход родителями молодоженов, употребление свеч, обсыпание мукой и обмазывание сажой были магическими приемами. Одни из них совершались с целью усилить действие обряда, другие как оберег от сглаза, «злых духов». Однако в представлении крестьян не сохранялся магический смысл обряда. Скорее он выполнялся неосознанно, а элементы обсыпания и обмазывания выступали в шуточно-игровой форме.

По окончании церемонии угощения родители приглашали молодоженов войти в дом, однако последние обычно отказывались, требуя от родителей и родствен-

ников даров. Отец жениха и его родичи объявляли состав даров (земля, скот, инвентарь и др.), а деверь топором «записывал» (делал зарубки) на стене или деревянной опоре крыши. Обычай назывался *adamak* (обещание). Он, видимо, связан с родовыми традициями материальной помощи молодой семье, подвергшимися влиянию частнособственнических взглядов.

После объявления даров молодоженов вводил в дом посаженный отец, опоясав свадебным полотенцем, дуаком невесты или лентой от свадебных свеч. Существовал обычай ударять жениха при входе в дом.

Когда молодожены входили в дом, их усаживали на сундук и вручали им детей разного пола, у которых живы родители. Детям дарили головные уборы. Аналогичные обряды практиковались на свадьбах многих народов¹⁴⁷. В основе обычая лежали представления о возможности магического влияния на появление большого потомства у молодоженов.

По выполнении обряда молодых уединяли в отдельной комнате. Гостей приглашали за праздничный стол.

Копушка (свадебное застолье).

Свадебные торжества, совершаемые в домах молодоженов в воскресенье, обозначались термином *düün* (свадьба). Кульминационной частью свадьбы являлось праздничное застолье. В гагаузских селах существовали различные названия свадебного застолья: *kopuşka* (пир), *düün sofrası* (свадебный стол), *masa mare* (большой стол). Последний термин получил распространение в соседних с молдавскими селами.

Хотя свадебные пиршества организовывались в домах обоих молодоженов, основными считались торжества в доме жениха. Они отличались богатством и большим количеством гостей. В доме жениха совершались наиболее важные заключительные обрядовые действия свадьбы: одаривание молодых и повязание гостей, кормление новобрачных, благословение со стороны посаженных родителей на брак и окончательный переход невесты в социальную группу замужних женщин.

Кормление новобрачных *gelini konuklamak* занимало особое место в обрядах копушки. Совершали его женщины (*kaniskacılar*), специально снаряженные родителями невесты. С собой они приносили еду, ритуальный калач, различный хозяйственный инвентарь в подарок молодой семье и ключи от сундука невесты, в котором хранились подарки для гостей. В комнате молодоженов для них накрывали стол, на который поочередно клали еду от семьи жениха и невесты. В с. Конгаз в обряде кормления новобрачных наряду с женщинами участвовали двое мужчин, переодетых в женскую одежду¹⁴⁸. За обрядовым столом женщины произносили последние наставления невесте, передавали ей наказы матери.

Торжественным моментом свадебного вечера являлось повязание гостей. Совершали его деверь и мать жениха, которым невеста передавала подарки: рубашки, платки, полотенца. Если даров не хватало, их добавляла от себя мать жениха. Во время повязания совершался обряд *dolucak*. Он заключался в том, что перед каждым из гостей, начиная с посаженных родителей, ставили поднос с вином, хлебом и солью. Каждый из угощающихся вином должен был высказать свои пожелания молодым, бросить на блюдо несколько рублей и сделать подарок. В тостах участники торже-

ства желали молодым здоровья, счастья, большого потомства, богатства, послушания родителей и т. д.

За свадебным столом исполнялись различные песни (*türkü*) и частушки (*maani*)¹⁴⁹. На свадебном вечере практиковались также театрализованные сцены. Свадебные песни, частушки, увеселительные сцены сопровождались музыкой. Наряду с гагаузскими народными мелодиями исполнялись болгарские (*туканжа*), молдавские (*mulți ani trăească*), русские (марш), что свидетельствовало о влияниях соседних народов.

Одним из завершающих обрядов конушки являлось благословение молодоженов посаженными родителями. В большинстве сел обряд назывался *proška*. Аналогичный обряд под названием *прощаване*, *прошка*, *отговяване* совершали болгары¹⁵⁰. Существовали и другие названия обряда, отражающие один из его элементов: *söletmāk* (буквально - вынудить говорить), *tuz-ekmek* (хлеб-соль). Обряд заключался в том, что посаженный отец вручал молодоженам калач с курицей, хлебом и солью и трижды спрашивал, что находится на калаче. По обычаю молодым полагалось лишь на третий раз ответить: «Хлеб-соль». Посаженым отец выражал пожелание, чтобы в доме молодых всегда были хлеб и соль и благословлял их на брак. Над молодоженами о косяк двери разбивали тарелку «на счастье». Битье посуды на свадьбе – магический обряд, имеющий целью повлиять на потомство молодых. В конце XIX – начале XX в. он теряет первоначальное значение и приобретает символический смысл.

Ритуальное употребление хлеба и соли характерно для свадебных обрядов всех соседних народов. Оно связано с многовековыми земледельческими традициями. Терминология обряда *прошка*, его место в ритуале свадьбы и функциональное значение указывают на сходство с болгарскими традициями и свидетельствуют о их влиянии.

По исполнению упомянутого обряда организовывались торжественные проводы посаженных родителей. Ко времени проводов садыча приурочивалась подготовка брачного ложа для молодых. Эта роль отводилась матери деверя или одной из женщин-родственниц. Перед тем, как лечь в постель, молодые трижды раскладывались. Их закрывали на замок, около двери выставляли охрану – вооруженного пистолетом.

На свадебный стол подавался плов, символизирующий окончание праздничного застолья. После прощального угощения гости расходились, а изметчи с музыкантами провожали посаженных родителей. На этом обряды свадебного застолья завершались.

ПРИМЕЧАНИЯ:

I.

- ¹ Иванова Ю.В. Албанцы. – В кн.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (конец XIX – начало XX вв.). Весенние праздники. М., 1977, с.318.
- ² Кашуба М.С. Народы Югославии. – Там же, с.262-263.
- ³ Колева Т.А. Болгары. – Там же, с.289.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Манов А.И. Потеклото на гагаузите и техните обичаи и нрави. Варна, 1938, с. 109.
- ⁶ Сумцов Н.Ф. О славянских народных воззрениях на новорождённого ребёнка. – Журнал Министерства народного просвещения (далее: ЖМНП). Спб., 1880, ч. ССХ, с. 72; Карский Е.Ф. Белорусы, т. III. М., 1916, с.208.
- ⁷ Редько А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери. – Этнографическое обозрение (далее: ЭО), 1899, № 1-2, с. 104.
- ⁸ Фрэзер Джеймс. Золотая ветвь, вып. II. М., 1928, с. 51; Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. Спб., 1903, с.335; Харузина Н.В. Программа для собирания сведений о родильных и крестильных обрядах у русских крестьян и инородцев. – ЭО, 1904, № 4, с.129.
- ⁹ Полевые записи автора за 1972 г.
- ¹⁰ Сумцов Н.Ф. Указ.соч., с. 72.
- ¹¹ Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 92-118.
- ¹² Сумцов Н.Ф. Указ.соч., с.75.
- ¹³ Островских П. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (Отчёт о поездке 1894 г.). – Живая старина, вып. III, IV. Спб., 1895, с.321.; Белиловский А.К. Об обычаях и обрядах при родах инородческих женщин Сибири и Средней Азии. – Там же, вып. III, IV, 1894, с.384.
- ¹⁴ Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. – ЭО, 1900, № 1, с. 19.
- ¹⁵ Сумцов Н.Ф. Указ.соч., с. 72.
- ¹⁶ Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. – ЭО, 1900, № 1, с. 19.
- ¹⁷ Макушек В. Задунайские и адриатические славяне. Спб., 1867, с. 24.
- ¹⁸ Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, т. IV. Спб., 1877, с. 5.
- ¹⁹ Сумцов Н.Ф. Указ.соч., с. 89.
- ²⁰ Каравелов Л. Памятники народного творчества болгар, ч. I, М., 1861, с.180.
- ²¹ Сумцов Н.Ф. Указ.соч., с. 88.
- ²² Там же.
- ²³ Редько А. Указ.сочин., с. 126.
- ²⁴ Плосс Г. Женщина в естествоведении и народоведении, т. I. Киев –Спб. – Харьков, 1903, с.155.
- ²⁵ Полевые записи автора за 1972 г.
- ²⁶ Манов А.И. Указ.сочин., с. 110.
- ²⁷ Подробнее об этом см.: Мошков В.А. Указ.соч. – ЭО, 1900, № 1, с.25; Он же. Наречия бессарабских гагаузов. – В кн.: Образцы народной литературы тюркских племён, изд. Акад. В.В.Радловым, т. X. Спб., 1904, с. 96.
- ²⁸ Срезневский Н. Роженицы у славян и других языческих народов. – Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. М., 1855, с. 107-110; ТелбизовК., Векова-Телбизова М., Сборник за народни умотворения и народолис, кн. II. София, 1963, с. 201; Молдаване. Очерки истории, этнографии и искусствоведения. Кишинев, 1977, с. 282.
- ²⁹ Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда.– ЭО, 1900, № 1, с. 25.
- ³⁰ Телбизов Я., Векова-Телбизова М. Указ, соч., с. 201; Молдаване, с. 267; Ястребов И.С. Обычаи и песни турецких сербов. Спб., 1886, с. 456; Сумцов Н.Ф. Указ, соч., с. 84.
- ³¹ Полевые записи автора за 1972 г.
- ³² Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда.– ЭО, 1900, № 1, с. 25.
- ³³ Там же, с. 20.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Сумцов Н. Ф. Указ, соч., с. 84; Карский Е. Ф. Указ, соч., с. 221.

- ³⁶ Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865, с. 59.
- ³⁷ Музыченко А. Рождение и первые годы детства у болгар. – Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, 1903, № 3, с. 25; Оранский М. Описание с. Чорешт Кишиневского уезда. – Кишиневские епархиальные ведомости (далее: КЕВ), 1878, № 2, с. 31; Завойчинский В. Селение Ленковцы Хотинского уезда. – КЕВ, 1880, № 13, с. 541; Добруджа. Етнoграфски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974, с. 269–270.
- ³⁸ Сумцов Н.Ф. Культурные переживания. Киев, 1890, с. 183; Шейн П.В. Белорусский сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, т. 41. Спб., 1887, с. 14; Чубинский П.П. Указ. соч., с. 13; Музыченко А. Указ.соч., с. 25; Гиро П. Частная и общественная жизнь греков, вып. I. Спб., 1913, с. 50; КЕВ, 1874, № 15, с. 565.
- ³⁹ Гиро П. Указ.соч., с. 50.
- ⁴⁰ Успенский Д.И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным. – ЭО, 1895, № 4, с. 77.
- ⁴¹ Чубинский П.П. Указ.соч., с. 13.
- ⁴² КЕВ, 1874, № 15, с. 565.
- ⁴³ Державин Н.С. Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). – В кн.: Материалы по славянской этнографии. София, 1914, с. 107, 113; Добруджа, с. 270.
- ⁴⁴ Державин Н. С. Указ.соч., с. 107.
- ⁴⁵ Шапкарев К. Обредни песни. Народни обичаи. – Сборник от български народни умотворения, т. I. София, 1968, с. 384.
- ⁴⁶ Молдаване, с. 283.
- ⁴⁷ Косвен М.О. Кто такой крестный отец. – Советская этнография, 1963, № 3, с. 104–105.
- ⁴⁸ Суглобов Г. О крещении детей. – Культурно-просветительная работа, 1959, № 7, с. 40.
- ⁴⁹ Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. – ЭО, 1901, № 2, с. 3.
- ⁵⁰ Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. – ЭО, 1900, № 1, с. 24.
- ⁵¹ Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества, вып. I. Пг., 1914, с. 106.
- ⁵² КЕВ, 1873, № 19, с. 671; 1880, № 16, с. 691. Живописная Россия, т. V, ч. I. М., 1897, с. 47.
- ⁵³ Танасоглу Д. Хошлук. Кишинев, 1970, с. 63.
- ⁵⁴ Маринов Д. Народна вера и религиозни народни обичаи. – Сборник за народни умотворения и народопис, кн. XXVIII. София, 1914, с. 54; Телбизов К., Векова-Телбизова М. Указ, соч., с. 214.
- ⁵⁵ Токарев С. А. Религии в истории народов мира. М., 1965, с. 203.
- ⁵⁶ Токарев С. А. Происхождение и сущность магии. – В кн.: Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959, с. 21.
- ⁵⁷ Полевые записи автора за 1972 г.
- ⁵⁸ Степанов В. Сведения о родильных и крестинных обрядах в Клинском уезде Московской губернии. – ЭО, 1907, № 3–4, с. 232; Добруджа, с. 272; Гордлевский В. Рождение ребенка и его воспитание. – ЭО, 1950, № 3-4, с. 169.

II.

- ⁵⁹ Малай К. Приход Чок-Мейдан Бендерского уезда. – Кишиневские епархиальные ведомости (далее: КЕВ), 1875, № 20, 22.
- ⁶⁰ Peez Carl Christliche Turken oder turkische Christen. – Österreichische Monatsschrift für den Orient. Wien, 1894, N 20.
- ⁶¹ Hoppe E. M. Die türkischen Gagauzen-Christen. – Oriens christianus. Wiesbader, 1957, Bd. 41.
- ⁶² Ciachir M. Obiceurile găgăuzilor la nunți. – Viața Basarabiei. Chișinău, 1936, N 3 4.
- ⁶³ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. – Этнографическое обозрение (далее: ЭО), 1901, № 1.
- ⁶⁴ Маруневич М. В. Традиционная свадебная обрядность у гагаузов Молдавской ССР. – В сб.: Этнография и искусство Молдавии. Кишинев, 1972.
- ⁶⁵ Мошков В. А. Указ. соч. – ЭО, 1901, № 1, с. 101.
- ⁶⁶ Там же, с. 101.
- ⁶⁷ Токарев С.А. Религии в истории народов мира, изд. 2-е. М., 1965, с. 203.
- ⁶⁸ Волков Ф. Свадебные обряды в Болгарии. – ЭО, 1895, № 4, с. 17.
- ⁶⁹ Зеленчук В.С. Очерки молдавской народной обрядности. Кишинев, 1959, с. 15.

- ⁷⁰ Манов А. И. Потеклото на гагауэите и техните обичаи и нрави. Варна, 1938, с. 103.
- ⁷¹ Бонч-Осмоловский Г.А. Брачные обряды татар горного Крыма. – Известия государственного Русского географического общества, т. VIII. М.-Л, 1926, вып. 1, с. 30.
- ⁷² Полевые записи автора за 1975 г.
- ⁷³ Мошков В.А. Указ. соч. – ЭО, 1901, № 1, с. 103.
- ⁷⁴ Там же, с. 124.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973, с. 22.
- ⁷⁸ Манов А.И. Указ. соч. – ЭО, 1901, № 1, с. 125.
- ⁷⁹ Мошков В.А. Указ. соч. – ЭО, 1901, № 1, с. 125.
- ⁸⁰ Там же, с. 102.
- ⁸¹ Бердников. Форма заключения брака у европейских народов в её историческом развитии. – Учёные записки Императорского Казанского университета по юридическому факультету. Казань, 1888, с. 13; Довнар-Запольский М.В. Исследования и статьи, т. I. Киев, 1909, с. 66.
- ⁸² Манов А.И. Указ. соч., с. 103.
- ⁸³ Мошков В.А. Указ. соч. – ЭО, 1901, № 1, с. 104.
- ⁸⁴ Гордлевский В. Османская свадьба. – ЭО, 1914, № 3-4, с. 5.
- ⁸⁵ Бонч-Осмоловский Г.А. Указ. соч., с. 30.
- ⁸⁶ Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, с. 128.
- ⁸⁷ Шишков Н.С. Българо-мохаметаните (помаки). Пловдив, 1936, с. 88.
- ⁸⁸ Манов А.И. Указ. соч., с. 104.
- ⁸⁹ Полевые записи автора за 1977 г.
- ⁹⁰ Полевые записи автора за 1975 г.
- ⁹¹ Ciachir M. Op. Cit., p. 42.
- ⁹² Кисляков Н.А. Указ. соч., с. 106, 131.
- ⁹³ Бонч-Осмоловский Г.А. Указ. соч., с. 49.
- ⁹⁴ Кисляков Н.А. Указ. соч., с. 132, 142.
- ⁹⁵ ЭО, 1901, № 1, с. 134, прилож. 13.
- ⁹⁶ Полевые записи автора за 1977 г.
- ⁹⁷ КЕВ, 1873, № 19, с. 671; 1880, № 16, с. 691. Живописная Россия, т. V, ч. I. М., 1897, с. 47.
- ⁹⁸ Танасоглу Д. Хошлук. Кишинёв, 1970, с. 63.
- ⁹⁹ Маринов Д. Народна вера и религиозни народни обичаи. – Сборник за народни умотворения и народопте, кн. XXVIII. София, 1914, с. 54; Телбизов К., Векова-Телпизова М. Указ. соч., с. 214.
- ¹⁰⁰ Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1965, с. 203.
- ¹⁰¹ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. – ЭО, 1900, № 1, с. 27.
- ¹⁰² Мошков В.А. Указ. соч. – ЭО, 1901, № 1, с. 107-109.
- ¹⁰³ Полевые записи автора за 1975 г.
- ¹⁰⁴ Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности, с. 158
- ¹⁰⁵ Еремеев Л.Е. Юрюки. М., 1969, с. 92; Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах преимущественно русских, с. 11.
- ¹⁰⁶ Афанасьев А. Указ. соч., т. III. М., 1869, с. 436.
- ¹⁰⁷ Волков Ф.К. Сватбарските обреди на славянските народи. – Сборник за народни умотрениа, наука и книжнина, кн. IV, София, 1891, с. 228.
- ¹⁰⁸ Ciachir M. Op. Cit., p. 42.
- ¹⁰⁹ Волков Ф.К. Сватбарските обреди на славянските народи, кн. III, София, 1890, с. 162.
- ¹¹⁰ Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах преимущественно русских, с. 87-89.
- ¹¹¹ Вакарелски Х. Указ. соч., с. 50; Ящуржинский Х. Лирические малорусские песни, преимущественно свадебные. Варшава, 1880, с. 43.
- ¹¹² Волков Ф.К. Сватбарските обреди на славянските народи, кн. III, с. 162; Карский Е.Ф. Указ. соч., с. 252-253.
- ¹¹³ Аничков Е.В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, ч. II. Спб., 1905, с. 149, 153, 194.
- ¹¹⁴ Мошков В.А. Указ. соч. – ЭО, 1901, № 1, с. 112.

- ¹¹⁵ Курогло С.С. Свадьба и свадебный фольклор гагаузов. – В сб.: Женурь ши спечий фольклориче. Кишинэу, 1972, с. 161.
- ¹¹⁶ Там же, с. 163; Буджактан сеслак, с. 47-48, 50.
- ¹¹⁷ Курогло С.С. Указ. соч., с. 159; Гагауз фольклору. Кишинэу, 1969, с. 85.
- ¹¹⁸ Мошков В.А. Указ. соч. – ЭО, 1901, № 1, с. 112.
- ¹¹⁹ Малай К. Указ. соч., с. 839.
- ¹²⁰ Зеленин Д. Указ. соч., с. 234-237.
- ¹²¹ Полевые записи автора за 1975 г.
- ¹²² Полевые записи автора за 1973 г.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Норре Е. М. Op. cit., S. 136.
- ¹²⁶ КЕВ, 1875, № 22, с. 839.
- ¹²⁷ Мошков В. А. Указ. соч. – ЭО, 1901, № 1, с. 116.
- ¹²⁸ Полевые записи автора за 1975 г.
- ¹²⁹ Мошков В.А. Указ. соч. – ЭО, 1901, № 1, с. 116.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Българско народно творчество в 12-ти тома, т. V, с. 494; Лоскутова Л.Д. Развитие семейной обрядности в Советской Молдавии. Кишинев, 1979, с. 31; Русский народный свадебный обряд, с. 173; и т. д.
- ¹³² Полевые записи автора за 1975 г.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Покровская Л.А. Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов. – Советская этнография, 1974, № 1, с. 142.
- ¹³⁵ Peez Carl Op. cit., S. 85.
- ¹³⁶ Бердников. Указ. соч., с. 38.
- ¹³⁷ КЕВ, 1875, № 22, с. 840.
- ¹³⁸ Гордлевский В. Указ. соч., с. 28—31.
- ¹³⁹ Добруджа, с. 283; Молдаване, с. 278.
- ¹⁴⁰ Попович-Липовац И.Ю. Черногория и черногорские женщины. Спб., 1887, с. 161.
- ¹⁴¹ Полевые записи автора за 1975 г.
- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ КЕВ, 1875, № 22, с. 840.
- ¹⁴⁴ Zajackowski WL. Język i folklor gagauzów z Bułgarii. – Polska Akademia nauk – oddział w Krakowie. Prace komisji orientalistycznej, N 5, с. 93.
- ¹⁴⁵ Полевые записи автора за 1975 г.
- ¹⁴⁶ Русский народный свадебный обряд, с. 174; Лоскутова Л.Д. Указ. соч., с. 32; Демиденко Л. Указ. соч., с. 75; Телбизов К., Векова-Телбизова М. Традиционен бит я култура на банатските българи. – Сборник за на-родни умотворения и народопис, кн. I. София, 1963, с. 226; и др.
- ¹⁴⁷ Водовозова Е.Н. Указ. соч., с. 106; Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах преимущественно русских, с. 202; Фрэзер Д. Золотая ветвь, вып. I. М., 1928. с. 40; Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности. – Сборник музея антропологии и этнографии, т. VIII. Л., 1929, с. 174.
- ¹⁴⁸ Полевые записи автора за 1975 г.
- ¹⁴⁹ Подробнее об этом см.: Курогло С. С. Указ. соч., с. 149—166.
- ¹⁵⁰ Вакарелски Х. Сватбената песен, с. 486; Демиденко Л.А. Указ. соч., с. 76.

НАРОДНЫЕ И ПРАВОСЛАВНЫЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ

§ 1. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КАЛЕНДАРНЫХ ПРАЗДНИКОВ В ТРАДИЦИОННОЙ ЖИЗНИ НАРОДА

Календарные праздники, верования и приметы (1) хранятся в народной памяти и передаются из поколения в поколение, являясь как бы неписанным сводом правил поведения в семейном и общественном быту. Систематизация знаний о гагаузском народном календаре помогает лучше понять этническую культуру гагаузов, их представления об окружающем мире, эстетические и морально-этические взгляды и позволяет заполнить имеющиеся пробелы в знании древних пластов традиционной культуры. Для «бесписьменных» народов, каким в прошлом был гагаузский народ, изучение обрядов и обычаев является чрезвычайно важным для установления их исторических корней. При отсутствии письменных источников роль этнографических данных о характере народной культуры намного возрастает. В них содержится часть истории народа. Изучение обычаев и обрядов дает возможность сохранить творческое наследие народа.

Календарные праздники можно разделить на две группы: «непереходящие», точно повторяющиеся каждый год в одно и то же время, и «переходящие», время проведения которых изменяется в зависимости от дня празднования Пасхи (Троица, Вознесение, Тодоров день, Русальные праздники и др.). Дата празднования Пасхи в свою очередь определяется по лунному календарю (первое воскресенье после наступления первого весеннего полнолуния в период апреля – мая). Поэтому, чтобы не было путаницы «переходящие» праздники даны без дат.

В соответствии с сохранившимся в народе двухциклическим делением года, праздники, обряды и обычаи сгруппированы нами по двум циклам: зимний (от праздника *Kasım* – День Св. Димитрия (26 октября / 8 ноября) до праздника *Hederlez* – День Св. Георгия (23 апреля / 6 мая) и летний (от праздника *Hederlez* до праздника *Kasım*). Отметим, что в научной литературе используются различные способы классификации календарных праздников, обычаев и обрядов по сезонам.

Деление праздников по двум циклам является условным, так как наряду с двухциклическим делением года у гагаузов широко использовалось и четырехциклическое деление года (зима, весна, лето, осень). Даты перехода от одного сезона к другому не четкие. Переходным рубежом от зимы к весне является День Св. Трифона, а также Масленица, которая представляет собой праздник проводов зимы и встречи весны. Началом окончательного наступления весны считаются праздники: 1 марта, 40 мучеников, Благовещение. Для обозначения начала лета и осени нет четких дат. На основании содержания календарной обрядности можно считать, что начало лета связывалось с Русальной неделей (отмечавшейся после Троицы), начало осени – с

праздником Преображения (6 / 19 августа), а начало зимы – с Болчьими праздниками (середина ноября), а также с праздником *Kasim*.

В зимнем цикле народных праздников можно выделить четыре основных момента: 1) обряды и обычаи, связанные с наступлением нового солнечного года, призванные обеспечить магическим путем плодородный и счастливый год; 2) гадания и предсказания, относящиеся к хозяйственной деятельности человека и к его личной судьбе; 3) магические действия, совершавшиеся с целью предохранения от «нечистой» силы; 4) элементы культа предков. Основным содержанием праздников переходного периода (от зимы к лету) являются обряды, совершавшиеся с целью пробуждения природы, в которых проявляются элементы культа предков.

Центральным праздником летнего цикла являлся Хедерлез, который знаменовал собой начало нового скотоводческого сезона: первый выгон скота на поле, снятие пищевого табу на употребление в пищу молодого бараньего мяса и молочных продуктов. Цель земледельческих обрядов летнего цикла заключалась в заботе об урожае при его созревании и уборке (снятие пищевого табу на определенные виды фруктов, меда и др. (День Св. Петра, Преображение, Успение). Составной частью земледельческой обрядности, связанной с уборкой урожая, являются жертвоприношения животных, домашней птицы в праздник Успения, Св. Петра, при окончании молотбы, в которых проявляются элементы культа предков. Скотоводческий праздник (Петковден) знаменовал собой начало спаривания овец и подготовку помещений для зимовки скота.

Необходимо отметить, что в процессе своей жизнедеятельности гагаузы использовали два календаря: солнечный и лунный. Солнечный календарь являлся основой для регулирования хозяйственной деятельности (начало посева – после дня 40 мучеников, уборка винограда – после Рождества Богородицы, начало скотоводческого сезона (выгона скота) – на праздник *Hederlez* и т.д.) и культурной жизни людей. В повседневной жизни время воспринималось конкретно через различные повседневные явления, связанные с положением солнца в пространстве: *sabaa ekmää* (завтрак), *üülen ekmää* (обед), *auşam ekmää* (ужин) и т.п. (2).

В народном представлении качественные характеристики времени («благоприятное» и «неблагоприятное») находились в прямой зависимости от времени суток, дней недели, фаз Луны, т. е. существовала хозяйственная регламентация в соответствии с воззрениями о времени согласно солнечному и лунному календарю. Например, важные хозяйственные работы (посев, пахота и т. п.) начинали рано утром, когда день «набирает силу», чтобы дело спорилось и также «набирало силу» и избегали для этого понедельник, который считался неблагоприятным днем недели.

Лунный календарь, являясь частью народной хронологии, также регламентировал хозяйственную жизнь. С конкретными фазами Луны соотносили определенные виды действий, запретов и предсказаний. Например, полнолуние считалось благоприятным временем для начала важных дел: посев, строительство дома, в то время как новолуние и понедельник наделялись отрицательной магической силой и считались неблагоприятным временем для начала работ. Согласно народному поверью, человек, впервые увидевший молодой месяц, должен посмотреть затем в степь, но не на людей и дома, «чтобы не навредить». Сведения, приведенные В. Мошковым (3),

противоречивы и не дают четкого ответа на вопрос какая же из фаз луны, согласно воззрениям гагаузов, является наиболее благоприятной для начала сельскохозяйственных работ. Согласно одним данным, благоприятным временем для начала весеннего сева является новолуние, а по другим сведениям – это время считалось неблагоприятным. По состоянию Луны гадали также о погоде.

В гагаузской календарной обрядности конца XIX – начала XX вв. проявляются отдаленные реликты ранних форм религии: фетишизма, анимизма, тотемизма, пережитки культа предков, почитание умирающей и воскресающей природы, которые можно классифицировать как пережитки различных верований эпохи доклассового и раннеклассового общества.

Народный календарь гагаузов, как и народные календари других христианских народов, является результатом языческо-христианского синкретизма. Следствием этого было включение элементов христианской обрядности в народные обряды, а также использование двойных названий для обозначения многих праздников, например: *Hederlez – Ay Görgi* (Хедерлез – день Св. Георгия), *Rusalı çarşambası – Prepoloveniye* (Русальная среда – праздник Преполование), *Topal canavar günü – Ovdeniye* (день Хромого волка – праздник Введение в храм Богородицы) и т. д.

Христианство в значительной степени повлияло на ход этнических процессов, а также на духовную культуру предков гагаузов. С одной стороны, оно объединило разнородные этнические компоненты в единую этническую общность. С другой стороны, оно сыграло роль этнического размежевания гагаузов-христиан от турецкого мусульманского населения Балкан и в то же время стало основой для близости разноэтничных народов (болгар и гагаузов, греков и гагаузов). С принятием христианства и изменением хозяйственно-культурного типа предками гагаузов был воспринят и христианский календарь, включавший в себя и языческую обрядность народов Балкано-Дунайского региона.

В основе календарных обычаев и обрядов лежал свод правил и понятий, регулирующих хозяйственную, социально-общественную и семейную жизнь крестьян. В традиционном мировоззрении время воспринималось как что-то «вещественное», на которое можно оказывать влияние, изменять его содержание, в частности с помощью магии, например: обряды и обычаи, связанные с инициальной магией, и так называемые «предупредительные» обряды – соблюдение ритуальных запретов с целью предотвратить град, заморозки, эпидемии и т. д. Таким образом, обряды и обычаи выполняли функцию снятия психологического стресса.

Обряды и обычаи занимали свое особое место во временном континууме, как передача определенного культурного кода, освященного временем, т. е. отношение ко времени, как освященному: так было раньше, так делали наши деды, так делаем и мы. В первую очередь это проявляется в отношении к принадлежности к христианству и к традиционным обрядам и обычаям. Данный способ освоения времени с помощью преданий основывается на непрерывной связи предков с потомками осуществляемой с помощью смены поколений.

Обряды и обычаи регулировали также форму поведения индивидуума согласно обычному праву (подчинение интересов отдельного члена общины коллективным интересам), а также выполняли функцию социализации (перехода члена общины из

одной возрастной группы в другую).

Важной функцией народного календаря являлось регулирование системы питания, которая устанавливалась в соответствии с хозяйственной деятельностью, природно-климатическими условиями и религиозными воззрениями. Семейно-брачные и семейно-родственные отношения в определенной степени также регулировались календарными праздниками (соблюдение полового табу; время визитов к родственникам и т.д.). С глубокой древности праздники и обряды выполняли важную социальную функцию – являлись средством сплочения (консолидации) всех членов общины в единый социальный организм.

Указанные функции обычаев и обрядов объективно способствовали сохранению традиционного образа жизни и специфики национального характера.

§ 2. ЗИМНИЙ ЦИКЛ ПРАЗДНИКОВ

Согласно народному календарю, праздник **Kasım / Ay Dimitri** (День Св. Димитрия – 26 октября / 8 ноября) считался началом зимы и по значению приравнивался к празднику Хедерлез. В праздник Касым производили расчеты с пастухами и другими работниками за летний сезон и нанимали их на новый сезон. К этому времени завершали осенний сев озимых.

Хозяева, имевшие большое количество овец, совершали курбан с целью «обеспечить» здоровье и сохранность скота на период зимы «*kurban mal saalık için – Allahlık*» («курбан за здоровье скота») (5). Села, у которых церкви были названы в честь Св. Димитрия, отмечали храмовые праздники с использованием жертвенных животных. Мужчины с именем Димитрий и семьи, у которых хранителем являлся этот же святой, совершали курбаны.

Димитрий из Солуни, второго по величине города Византии, был одним из стойких борцов за веру в первые века Христианской Церкви. Во время гонений на христиан, в 306 году, он был казнен.

В некоторых гагаузских селах (Баурчи, Бешалма) известен праздник под названием *Sıçan günü* (День мыши), который отмечали 27 октября / 9 ноября, то есть сразу после дня Св. Димитрия. Женщины совершали магические действия с целью сохранить собранный урожай: глиной закрывали все мышиные норы, чтобы «замазать глаза мышам». В основе этих обрядовых действий лежит предохранительная и контактная магия.

В церковном календаре этот день посвящен Святому Преподобному Нестору Летописцу, родившемуся в 1050 году в Киеве.

Праздник в честь Архангела Михаила (**Arahangil Mihail, Ahrangil Mihail**) – 8 / 21 ноября являлся одним из поминальных дней. В представлениях гагаузов, как и других православных народов, Архангел Михаил был связан с потусторонним миром, так как считался «перевозчиком душ».

В канун дня Св. Михаила (*Duşnița*) и непосредственно в праздник хозяйки одаривали соседей и родственников едой в память умерших родственников (*potana, ileştirmäk*).

Согласно Православной Церкви, Св. Михаил – один из семи первенствующих ангелов, которые всегда стоят перед престолом Господа. В иконографии он изображен с копьем в руке, топчущим ногой дьявола. Михаил – ангел милосердия и проситель людей перед Богом.

Окончательное наступление зимы в народе связывалось с Волчьими праздниками (*Canavar yortulari, Yabanı yortulari*), с началом Рождественского поста. Их отмечали в основном с 11(24) по 17(30) ноября с целью предохранить скот от опасных хищников. Количество дней, соблюдаемых в честь волков во всех селах различно – от 3 до 7 дней. При этом половина из празднуемых дней должна приходиться на канун Рождественского поста, а другая половина – непосредственно на Рождественский пост. Следует отметить, что Волчий пост (*Canavar orucu*) совпадает с началом Рождественского поста (*Krêçun orucu, Kolada orucu*).

Через неделю после начала Рождественского поста отмечали День Хромого Волка (*Topal canavar günü* – 21 ноября / 4 декабря). Согласно легенде, Хромой волк считался более опасным, чем другие волки. К Вольчим праздникам относятся День Св. Трифона (1/14 февраля), Сретенье (2/15 февраля), День Св. Симеона (3/16 февраля) и День Св. Спиридона (12 /25 декабря), которые считались «опасными» (*hatalı*) (6).

Во время Волчьих праздников запрещалось вязать, ткать, прясть, шить и использовать какие-либо острые предметы (иголку, спицы, ножницы). Особенно строго этот запрет соблюдали женщины в отношении мужчин, поскольку они являлись основными работниками в поле. Согласно народному поверью, если мужчина окажется в поле в той одежде, которую женщина связала или сшила во время Волчьих праздников, то за ним непременно погонится волк.

К архаическим элементам также относится соблюдение запрета на произнесение имени волка. У гагаузов, как и у других тюркских народов, имеется древнее слово для обозначения понятия волк «*kurt*». В результате соблюдения ритуального запрета (табу) это слово в значении «волк» не употребляли в повседневной жизни. В диалектах современного гагаузского языка сохранились многочисленные нарицательные имена (слова-заменители), которыми называли волка: *canavar, yabanı, bozkumi, bozbey, aaz kitlenecää, kudurucaa* (7). Считалось, что употребление настоящего имени волка являлось для него своего рода приглашением. У гагаузов сохранилось поверье, что волку известны все мысли и намерения людей. Поэтому женщины переходили на шепот, как только речь заходила о волке. Возникновение данного поверья связывается учеными с периодом, когда народы занимались преимущественно скотоводством. К этому же разряду относится и сохранившийся у гагаузов обычай клясться и проклинать именем волка. За ложную клятву грозило наказание от волка. Еще в 60-х годах XX века у гагаузов существовал обычай клясться именем волка: «*Canavar ursun!*» (Пусть меня покарает волк, если обманываю!). Существовало также проклятье именем волка: «*Kurtlar isin seni!*» (8).

Описанные выше обычаи и верования свидетельствуют о том, что волк у предков гагаузов воспринимался как существо, имеющее божественное происхождение, в руках которого находятся невидимые рычаги для поддержания миропорядка и справедливости среди соплеменников. В народных представлениях образ волка связывался с добрым началом, он являлся символом доброго предзнаменования. Этот

момент четко отражается в земледельческой обрядности. Известно, что у многих народов первый выход крестьянина весной на поле связывался с многочисленными приметами. Считалось, что успех во многом зависит от первого встретившегося на пути человека или животного. У гагаузов встреча с зайцем считалась недобрый предзнаменованием, и посев старались отложить на следующий день. И напротив, если по пути встречался волк, то это обозначало удачу (9). Вместе с тем в гагаузском фольклоре прослеживается связь волка с демонической силой. Как следует из поверья, черт создал волка (10).

Анализ обрядов, обычаев, верований и поверий, связанных с образом волка, позволяет говорить о реликтах культа волка у гагаузов. Однако отметим, что культ волка в той или иной степени присущ многим народам Европы (11), которые, наряду с земледелием, занимались и скотоводством.

В исследованиях многих гагаузских ученых, элементы культа волка необоснованно гиперболизируются. В частности, выводы, в которых акцент делается на особом значении культа волка у гагаузов, свидетельствующем о кочевом прошлом их предков, основываются, главным образом, на содержании Волчьих праздников в календарной обрядности и некоторых приметах и верованиях, связанных с образом этого животного. Односторонность выводов по вопросу о происхождении культа волка у гагаузов делает необходимым тщательное исследование содержания и формы Волчьих праздников у гагаузов и у народов Балканского региона (откуда значительная часть гагаузов переселилась в Бессарабию). Вместе с тем представляется важным сравнить гагаузские обряды и верования, связанные с образом волка, с обрядами и преданиями, характерными для других тюркских народов. Без такого сравнительного исследования выводы по данному вопросу будут иметь односторонний характер.

Сравнивая содержание Волчьих праздников у гагаузов с аналогичной обрядностью народов Балкано-Дунайского ареала следует отметить, что элементы культа волка имеют общие черты, свойственные народам, проживающим на данной территории. Обрядность Волчьих праздников у гагаузов, а также даты их празднования во многом совпадают с аналогичными традициями болгар (*Вълчи празници*), сербов (*Вучки празници*), молдаван и румын (*Ziua lupului*) (12).

Проведенное нами исследование показало, что Волчьи праздники, широко распространенные у гагаузов, по содержанию (совершение ритуальных запретов, магических действий – «чтобы не напали волки») и датам празднования в целом схожи с аналогичными праздниками болгар. Почти полностью совпадают объяснения последствий нарушения запретов, связанных с празднованием Волчьих дней: «волки нападут на пастухов и стада»; «волки унесут овцу или нападут на человека, который одет в вещь связанную или шитую во время Волчьих праздников» и т.д. (13). Значительное сходство проявляется в датах празднования дней «в честь» волков: они приурочены примерно к одному периоду – середине ноября (у гагаузов – с 11 по 17 ноября, у болгар – примерно с 11 по 14/16 ноября). При этом совпадает одно из важных требований при соблюдении данного праздника: первая половина празднуемых дней должна была приходиться на канун Рождественского поста, а другая – на начало поста, при котором соблюдали табу на употребление скоромной пищи

(14). Прикрепление половины праздничных дней в честь волка к началу Рождественского поста, вероятно, можно рассматривать как результат языческо-христианского синкретизма.

Совпадает также и дата празднования в честь наиболее опасного и кровожадного из волков – «День Хромого волка» (*Куцалан, Натлапан, Кривио* – у болгар); она связана с церковным праздником Введение в храм Пресвятой Богородицы (21 ноября – Ловешский край, Добруджа). В некоторых областях Болгарии праздник в честь Хромого волка отмечали в День Св. Филиппа (14 ноября) или в другие дни. Празднование «от волков» двенадцати дней от Рождества или Нового года до Богоявления зафиксировано у болгар (*Мръсните дни, Погани дни, Влъчко Погано*) и у гагаузов Болгарии (**Kurt yortusu, Oniki günnär – Mındar günnär**) (15).

Одним из элементов обрядности Волчьих праздников являлось приготовление обрядового хлеба и одаривание им. У гагаузов в день Хромого волка угощали соседей лепешкой с медом «за здоровье скота», а у болгар обрядовым хлебом одаривали на Трифунци и в Петковден с целью обезопасить скот от нападения хищников – «чтобы волк не унес овец» (16).

Таким образом, многие из элементов, составляющих культ волка у гагаузов, имеют место и у болгар: празднование определенного количества дней в честь волка, совершение разнообразных магических действий и соблюдение многочисленных запретов, табу на упоминание имени волка, пищевое табу и др. (17). Некоторые запреты в Волчьи дни, имеющие место в отдельных регионах Болгарии, не зафиксированы у гагаузов, например: половое табу; поверья об оборотнях, связанные с образом волка (в «Поганые» дни, в Тодорову неделю) и др.

В некоторых областях Болгарии празднование в честь волков хронологически шире, чем у гагаузов. Оно включает в себя *Петковден, Погани дни, День Св. Иеремии* и др. (18). Праздник *Petkovden / Petkov günü* также отмечался гагаузами Болгарии в честь пастухов и овец (19). Однако в настоящее время у гагаузов не зафиксировано соблюдение запретов в Петковден и в День Св. Иеремии, связанных с волчьей тематикой.

Важной чертой Волчьих праздников у бессарабских гагаузов является запрет на упоминание имени волка, который имеет место и у болгар (20). Вместе с тем, для обозначения Волчьих праздников у гагаузов Болгарии и у болгар широко используется слово «волк» (тюрк. «курт»), в то время как у бессарабских гагаузов для названий праздника используются слова-заменители.

Образ волка в представлениях и поверьях как гагаузов, так и болгар не однозначный и противоречивый. С одной стороны, волк воспринимался как демоническая сила, для предохранения от которой соблюдали ритуальные запреты, совершали различные магические действия, одаривали обрядовым хлебом и праздновали Волчьи дни. С другой стороны, в одном из болгарских поверий зафиксировано особое место волка в народном мировоззрении и связь этого животного с Богом (Бог защитник волков) (21). Более тесная связь болгарских христианских святых с образом волка проявляется в народных представлениях о праздновании дня Петкова дня: Святой Петко умеет перевоплощаться в волка. При этом его почитали на всей территории Болгарии как покровителя семьи (22). Сведения о том, что у части болгар (в восточной

Болгарии) сохранились следы отношения к волку, как к божеству, приведены также и другим болгарским этнографом Т. Колевой (23). Вероятно, это объясняется значительным влиянием тюркского населения в данной области.

Волчьи праздники особо отмечались на всей восточнороманской территории (24). В результате проведенного исследования Т.Н. Свешниковой было зафиксировано более 30 различных праздников, отмечавшихся румынами в честь волков в течение всего календарного года.: Св. Андрей, Св. Димитрий, Успение Богородицы, Св. Харалампий, Св. Георгий, Св. Федор, канун Рождества и др. Специальный праздник в честь Великомученика Лупу (23 августа), имя которого происходит от слова «волк», отмечался румынами с целью, «чтобы волк не уничтожил овец». Согласно существующим у них народным представлениям, в праздник *Sinziene* (Рождество Иоанна Крестителя – 24 июня) «щенятся волки» и потом его также отмечали (25).

На основании представленных в работе сведений видно, что у румын (как у гагаузов и у болгар), в честь волка широко отмечались дни в ноябре и феврале. При этом у всех указанных народов совпадает время их празднования. У румын дни Св. Филиппа осеннего (*Filipii, Ziua lupului* – «День волка»), отмечались в ноябре (с 14 по 16; с 11 по 16; с 12 по 16 и 21). Особо праздновался ими день в честь Филиппа Хромого (*Filipul cel șchiop*), которого в народе называли *Gădineț / Gădinețul șchiop* («Гэдинец», «Гэдинец хромой»). Его празднование совпадает с религиозным праздником Введение Богородицы – 21 ноября (аналогично дню в честь Хромого волка у гагаузов и болгар). Празднование дней в честь Филиппа зимнего (*Filipii de iarna*) было приурочено у румын к началу февраля (с 1 по 3; или с 30 января по 2 февраля), что аналогично гагаузским праздникам в честь Св. Трифона, Св. Симеона и Сретенья; у болгар – Трифунци (26).

В содержании запретов, соблюдавшихся румынами в Волчьи дни, довольно ярко проявляется их скотоводческая направленность. Запрет на работу в течение этих дней, а также магические действия, напрямую связаны с предохранением от волков (не шить, не обрабатывать шерсть, веретеном не прясть; не выносить мусор; не выходить в поле; «закрывание пасти» волкам – гребни для чесания шерсти вставляли один в другой и перевязывали их ниткой, и т.д.). Во время Волчьих праздников, отмечавшихся в течение шести дней накануне Св. Николая (6 декабря), соблюдали важное условие – три дня должно было быть постных и три – скоромных (27), что отражает аналогичный принцип празднования осенних Волчьих дней у гагаузов и болгар (пищевое табу). Накануне Рождества румыны совершали магические действия с целью обезопасить скот от диких зверей (перевязывали цепью стол, чтобы связать диких зверей в лесу; натягивали цепь у входа в стойло, через которую утром должна была переступить скотина, и т.п.).

Интересным является запрет давать огонь взаймы в Волчьи праздники, распространенный у болгар и румын. Он связан с поверьем о том, что волки от огня размножаются (28). У гагаузов Болгарии в качестве предохранительного средства «от волков» (в осенние Волчьи праздники и в Поганные дни) во дворе дома, возле амбаров, рассыпали золу и горящие уголья (ПЗА). Запрет выносить золу и уголья за пределы двора, чтобы не способствовать размножению волков, и совершение магических действий с горящими угольями, в основе которых лежит предохранительная

магия, являются составной частью Волчьих праздников и Поганых дней у болгар.

Столь многочисленное количество Волчьих праздников, отмечавшихся народами Балкано-Дунайского ареала, свидетельствует о том, что волк воспринимался ими как объект достойный почитания. В народных представлениях балканских народов образ волка наделен характерными демоническими чертами, для предохранения от которого совершали магические действия; широко распространены поверья о волке, связанные с его способностью перевоплощаться (волк-оборотень) (29). Связь волка с Богом (распределение для него пищи, забота о волчьем потомстве) отражена в фольклоре и верованиях различных народов (30), что, возможно, объясняется адаптацией образа волка в христианстве.

Представленный материал позволил дать общую картину календарей Волчьих праздников у народов Балкано-Дунайского ареала и показать разнообразие обычаи, обряды, поверья и представления, которые свидетельствуют о высокой степени сохранности древних традиций, связанных с празднованием в честь волка. Причины широкого распространения и столь длительного сохранения этого культа у народов Балкано-Дунайского ареала обусловлены особенностями хозяйственно-культурного типа данного региона, в котором скотоводство всегда играло важную роль. Волк, являясь опасным хищником, представлял серьезную угрозу стадам и человеку. Вследствие этого он стал фигурой достойной быть объектом почитания. Волка старались ничем не рассердить и иногда ему преподносили угощение в виде обрядового хлеба (или одаривали мукой). В данном обычае проявляется связь Волчьих праздников с земледелием.

Анализ гагаузских верований и обычаев, связанных с образом волка, позволяет говорить о том, что культ волка у гагаузов во многом схож с народами Балкано-Дунайского ареала. Это объясняется длительным совместным проживанием этих народов, общим языческим субстратом, единой религией (православием) и общим хозяйственно-культурным типом.

Исходя из проведенного сравнительного исследования, нет оснований говорить о том, что цикл Волчьих праздников у гагаузов «...хронологически гораздо шире, чем у окружающего болгарского населения, и имеет более широкую тематику обрядовых действий» (31) или о том, что цикл Волчьих праздников у гагаузов «... хронологически гораздо шире, чем у окружающих восточных и южных славян ...» (32). С.А. Токарев, подробно исследовавший поверья и приметы, связанные с почитанием волка пришел к выводу о том, что у восточных славян следы культа волка проявляются слабее, чем у южных славян (33).

Учитывая этот факт, считаем, что было бы целесообразнее проводить сравнение цикла Волчьих праздников у гагаузов с Балканскими народами (и в первую очередь с болгарами), ввиду значительной близости их культур. Культ волка у народов Балкано-Дунайского ареала имеет свои характерные черты, которые отличают его от элементов культа волка, сохранившихся у восточных славян. У первых составной частью культа волка являются Волчьи праздники с богатой обрядностью, которые по содержанию (запретам, магическим действиям, поверьям), датам празднования (фиксированным и подвижным) почти полностью совпадают.

Вместе с тем, сравнение описанных в научной литературе верований и обрядов,

связанных с культом волка у многих тюркоязычных народов Средней Азии и Сибири, с элементами культа волка у гагаузов не позволяет говорить об имеющем место значительном сходстве в данной области. Общим у гагаузов с другими тюркскими народами является поверье о том, что встреча с волком – это символ доброго предзнаменования. Однако аналогичная примета широко распространена не только у тюркских народов и у монголов (34), но также у восточнославянских и многих европейских народов (35).

Анализ реликтов культа волка в мифологии, обрядах и обычаях у указанных тюркоязычных народов широко представлен в советской и постсоветской историографии. В основе культа волка у тюркских народов (турок, азербайджанцев, туркмен, узбеков, башкир и др.), а также у монголов, лежат тотемистические представления о волке, как о прародителе (36).

У гагаузов же не зафиксировано тотемистических мифов и легенд, в которых бы волк выступал в качестве их далекого предка. В этой связи не вполне понятна точка зрения ученых, которые делают вывод о том, что предки гагаузов «верили в магическую силу волка-тотема, не случайно на их знамени золотом была вышита волчья голова» (37), или о том, что гагаузы вели свое происхождение от волка и лишь уточнение вопроса от кого именно – волка-прародителя или волка-прародительницы, является пока затруднительным (38).

Составной частью культа волка у многих тюркских народов является широкое использование в прошлом волчьих оберегов-амулетов (ожерельев из волчьих клыков, когтей), а также применение различных частей его тела в лечебной магии: от злых духов, от лихорадки, холеры, от сглаза; при краснухе, нарывах, грудных болезнях, при бешенстве, при кашле, от бесплодия; использовали волчью шерсть, желчь (при болезни натирали непосредственно тело ребенка и взрослых людей, а также пили при кашле, смешивая ее с водой). От злых духов, болезней и наговоров под порог дома или в фундамент закапывали волчью голову, челюсти, когти; волчью лапу клали на дверную подушку. Считалось, что эти обряды предотвращают беду, приносят благополучие, богатство и счастье (39).

Что касается столь важного элемента в культе волка у многих других тюркоязычных народов как использование частей тела этого животного в качестве оберега или в лечебной магии отметим, что у гагаузов не известно ношение волчьих амулетов. Согласно поверью, «дотрагиваться до языка мертвого волка считалось очень опасным, потому что человек непременно заболит: начнутся вередя и в теле заведутся черви. Мясо овцы, загрызенной волком, считается ядовитым, и его не едят» (40). Нет каких-либо сведений об использовании гагаузами частей тела волка в лечебной магии.

Таким образом, представленный здесь материал по Волчьим праздникам, обычаям, обрядам и верованиям, сохранившимся у гагаузов, не позволяет классифицировать их этноспецифические черты, свойственные в большей степени гагаузам, чем другим соседним народам. В противном случае это неоправданно уменьшало бы значение аналогичных элементов в традиционной обрядности других народов Балкано-Дунайского ареала, так как значительная их часть характерна для болгар и для восточнороманских народов, что позволяет говорить об общих для них элементах культа волка.

На основании рассмотренного нами содержания культа волка у гагаузов, нельзя говорить о его сходстве или значительной близости с культом волка других тюркских народов, поскольку у первых отсутствует ряд важных элементов, составляющих основу культа волка у вторых. Наряду с обрядами почитания волка как сверхъестественного существа (волк-покровитель), у гагаузов в то же время нет никаких мифов и легенд, в которых бы волк выступал в качестве их далекого предка, в отличие от других тюркских народов, у которых широко распространены тотемистические представления о волке как о прародителе.

В целом можно сказать, что гагаузская обрядность, связанная с Волчьими праздниками, во многом схожа с аналогичной обрядностью народов Балкано-Дунайского региона и имеет балканское происхождение.

В народе День Св. Андрея (30 ноября / 13 декабря) назывался **Andrey günü**, **Ay Andrey**, День чеснока **Sarmisak günü**. Со дня Св. Андрея начинались зимние молодежные гуляния. Главное место в обычаях этого дня занимал чеснок. Еще с древности люди знали о полезных свойствах этого растения, который является профилактическим средством от некоторых болезней. Накануне дня Св. Андрея (*Andreya karşı*) совершали различные магические действия с чесноком с целью предохранения от злых сил (*Cadı* – колдун), в основе которых лежит апотропеическая (предохранительная) магия. На стенах комнат, на дверях, воротах, в помещении для скота чесноком чертили кресты. Его носили в кармане, а также употребляли в пищу с другими блюдами.

Вечером, накануне дня Св. Андрея, молодежь собиралась в чьем-либо доме на посиделки (*dernek*, *sedänka*, *perdänka*). Под присмотром пожилых женщин они танцевали под музыку до глубокой ночи. Каждый, кто приходил в дом, приносил с собой головку чеснока, которую клал в общую тарелку. Весь вечер за этой тарелкой наблюдали парни и девушки, чтобы она не пропала. У гагаузов этот обычай известен под названием *Sarmisak beklemää* (букв. «Охранять чеснок») (41). Под утро каждый из присутствующих брал с собой домой головку чеснока. Зубчики чеснока сажали в цветочный горшок по количеству домочадцев. По росту чеснока на следующий день гадали о счастье членов семьи. В День Св. Андрея девушки гадали о суженых.

Обрядность дня Св. Андрея у гагаузов, аналогична обычаям этого дня у молдаван (42). Отсутствует у гагаузов Болгарии обычай, связанного с Охранением чеснока, позволяет говорить о том, что он был заимствован гагаузами у молдаван в бессарабский период.

Согласно Православной церкви, Св. Андрей Первозванный (Апостол) являлся одним из двенадцати апостолов Христа, брат Петра. Он был первым из учеников, кого Иисус Христос позвал с собой для Великого служения. По преданию (апокрифические «Деяния Андрея») Андрей проповедовал христианство балканским и причерноморским народам и был распят по распоряжению римского магистрата в греческом городе Патры на кресте, имевшем форму буквы «X» (т.н. Андреевский крест).

День Св. Варвары (**Varvara**, **Varvara günü** – 4 / 17 декабря) связан с двумя следующими друг за другом праздниками Св. Савва (*Sava*) и Св. Николай (*Nikulay*), которые в народе всегда называются вместе (*Varvara-Sava-Nikulay*). В День Св. Варвары во

многих селах готовили обрядовую лепешку, смазанную медом (*ballı pita*) «за здоровье детей» и «чтобы облегчить муки Св. Варвары». Рано утром ею угощали соседей (*ileştirmää*). Варвару почитали как целительницу от кори и оспы.

В некоторых селах (с. Бешгёз, Котловина, Виноградовка) помимо большой лепешки пекли еще три маленькие (*saçak pitası*) с целью задобрить болезнь, «чтобы она наелась и не вошла в дом». Эти лепешки подвешивали к стрехе дома или на садовые деревья. В обрядности дня Св. Варвары тесно переплетены христианские и дохристианские представления.

День Св. Варвары (целительницы от оспы) отмечался многими народами Балкано-Карпатского региона (43). У болгар в этот день также приготавливали медовую лепешку (44).

Согласно христианским преданиям, Варвара была единственной дочерью богатого язычника Диоскора. Ее отец ревниво относился к тому, что руки дочери добивались многие аристократы Египта. По его приказу была построена высокая башня, в которую он заточил дочь. Узнав о том, что Варвара тайно исповедует христианство, отец донес на дочь префекту Египта, который подверг ее жестоким пыткам. Под пыткой она пела псалмы. Взбешенный Диоскор собственноручно отрубил дочери голову.

В православных верованиях Варвара выступает как святая, в трудных обстоятельствах спасающая христианина от опасности умереть без причащения.

Образ Св. Саввы восходит к реальному историческому лицу, жившему в XII – начале XIII вв. и впоследствии канонизированному Православной церковью. Этот персонаж широко распространен в южнославянской мифологии. Ему приписывали способность оживлять мертвых, исцелять слепых, превращать борзых в волков, людей в животных, иссекать железом воду из камня, а также считалось, что он мог делать свое тело несгораемым.

День в честь Св. Николая (*Nikulay, Nikulay günü, Ay Nikola, Nikul günü, Sveti Nikola*) отмечали два раза в году зимой (6 / 19 декабря) и летом (9 / 22 мая). У гагаузов, как и у других народов Европы, Св. Николай считался покровителем рыбаков и моряков. Ему молились паломники, отправляющиеся в Иерусалим.

В гагаузском фольклоре много текстов, связанных с именем этого святого, который выступает в роли заступника бедных. Имя Николай широко распространено у гагаузов. Во многих семьях в день Св. Николая отмечали *венчальный курбан* (*steunoz kurbanı*) в честь святого, покровителя семьи (которого обычно выбирали по имени мужа), курбан в честь ангела-хранителя; в ряде сел отмечали общесельские и церковные курбаны. В некоторых семьях на Николая-зимнего готовили *рыбный курбан* (*balık kurbanı*) либо холодец из рыбы (*balık paçası*), так как этот праздник приходился на Рождественский пост. У болгар в этот день готовили «рыбный курбан».

Эти дни Православная церковь отмечает в честь Николая Мирликийского Чудотворца (с греческого переводится как «побеждающий народ»), известного также как Николай Угодник. Николай был избран епископом города Миры в Ликии (юго-запад Малой Азии). Отсюда обозначение Николая как «Мирликийского». Согласно христианским преданиям он жил в первой половине IV века. Св. Николаю приписывается власть над морской стихией и многочисленные чудеса избавления мореплавателей и

утопающих. Николай почитался также как заступник несправедливо осужденных. Существует много преданий, в которых Св. Николай представлен как покровитель бедных и обездоленных. С этим именем связана популярная история о вставшем в нищету отце трех дочерей, который с отчаяния уже был готов согласиться с тем, что дочери будут зарабатывать на жизнь собственным телом. Узнав об этом, Св. Николай тайно подбросил три узелка с золотом на приданое каждой из дочерей.

День Св. Спиридона (12 / 25 декабря) «*Skirdon*» считался одним из наиболее опасных дней (*hatalı gün*). Обычаи этого дня связаны с культом волка, в основе которого лежит предохранительная магия (ритуальный запрет на использование острых предметов). Существовало воззрение, что с этого праздника день начинает увеличиваться (*gün döner*) (45).

У разных народов образ Св. Спиридона связан с различными представлениями. У молдаван и румын Св. Спиридон, также как и у гагаузов, почитался как целитель от ушибов и порезов (46).

Св. Спиридон родился на Кипре и был знаменитым проповедником христианства (умер около 348 года). Участвовал в Первом Вселенском Соборе (Никейский Собор).

День Св. Игнатия (20 декабря / 2 января) в народе назывался по-разному: *İgnat günü*, *İgnajka*, *İgnajdin*, *Taukların günü* / *Tauk yortusu* (День курицы), *Domuzların günü* (День свиньи). Он открывает цикл рождественско-новогодних праздников. Важной частью обрядности Игнатьева дня являются магические действия с кутьей (*koliva*) и обрядовым хлебом (*pita*), которые совершали с целью «обеспечить» плодородие земли, увеличить число домашней птицы и домашних животных. Накануне Игнатьева дня, вечером, тарелку, в которой находились зерна пшеницы и кукурузы, окуривали ладаном. Утром куски обрядового хлеба с кутьей давали курам.

Народное название этого праздника *День курицы* связано с обрядом *Poleznik* (Полезник), посещением первого, вошедшего в дом человека. Войдя в дом, он имитировал звуки характерные для цыплят, ягнят, телят. Данные магические действия совершали с целью увеличить приплод домашней птицы и животных. Первого посетителя усаживали около очага «*nicä kloçka*» (как квочку) и угощали едой и вином (47). Считалось, что пол полезника влияет на пол будущих цыплят и животных и от того, «насколько легкая у него рука, зависит плодородие в хозяйстве». Поэтому иногда хозяйки сами приглашали известного им человека к себе домой, посещение которого считали благоприятным для разведения домашней птицы.

Начиная со дня Св. Игнатия и до Рождества во многих гагаузских селах резали откормленных свиней (*domuz kesmää*), еду из которых готовили лишь на Рождество. Поэтому этот день и назывался «День свиньи» (*Domuzların günü*). По селезенке свиньи гадали о продолжительности зимы.

С Игнатьевым днем связано представление об увеличении светового дня и активизации «нечистой силы» (*Cadi*). С целью предохранения от нечистой силы рассыпали во дворе просо, сопровождая это действие словесным заклинанием. (48)

Начиная с Игнатьева дня до Рождества женщины, особенно беременные, соблюдали запрет на прядение (49), в основе которого лежит легенда о предродовых муках Девы Марии, широко распространенная у народов Юго-Восточной Европы (50).

Православная церковь отмечает этот день в честь Св. Игнатия Богоносца, ученика Иоанна Богослова, позже ставшего епископом Антиохии. Его называли «одним из мужей Апостольских». Считается, что Св. Игнатий был назван Богоносцем, так как носил в сердце Бога. За религиозные убеждения он был осужден на смерть римским императором Траяном. В 107 году Св. Игнатий принял мученическую смерть – был растерзан львами.

Рождество Христово **Kolada, Koladi, Krêçun, Kraçun** (25 декабря / 7 января) – один из самых значительных зимних праздников (51). Праздник Рождества Христова был приурочен церковью ко дню зимнего солнцестояния. Рождественский пост (*Kraçun orucu, Kolada orucu*) начинается 15 (28) ноября и длится 40 дней.

Накануне Рождества (*Koladaya karşı, Ajun*) трапеза состояла из постных блюд, компота из сухофруктов (*hoşaf*) и кутьи. Перед началом ужина трапезу окуривали ладаном. Наличие кутьи в обрядовой трапезе свидетельствует о связи праздника с поминовением умерших. Считалось, что накануне Рождества мертвые посещают свои дома и угощаются приготовленной для них едой.

Колядовать (*Kolada gezmää, Koladeli*) начинали накануне Рождества. К празднику молодежь готовилась заранее. В течение Рождественского поста молодые парни собирались в пустующем доме и там, уважаемый всеми мужчина, обучал их колядкам (*kolinda, kolada çalmaa*). При колядовании он исполнял роль «царя» (*tar*). Голову «царя» украшали обручи, напоминающие корону (*fenet*). Другие колядующие были одеты в праздничную одежду. К шапкам прикрепляли букетики цветов из бумаги или разноцветных шерстяных ниток (*kitka*), которые были подарены парням девушками.

В группу (*kol*) входило 15-30 человек. Иногда формировалось 2-3 группы в зависимости от размера численности молодежи в селе. Для колядований территория села делилась между колядующими на участки, которое производил староста села. Еще до темноты начинали колядовать дети. С наступлением ночи колядовали взрослые. В некоторых селах (с. Конгаз, Копчак) под Рождество колядовали только взрослые парни, то есть строго соблюдался возрастной ценз. Соблюдение этого принципа свидетельствует о том, что рождественское колядование выполняло социальную функцию – регулировало переход юношей из одной социальной группы в другую, в группу мужчин, которые могли жениться (посвятительный обряд).

Одного из колядующих называли «осел» (*eşek*), в обязанности которого входило оповещать хозяев о приближении колядующих и носить обрядовые хлеба, подаренные группе. В некоторых селах одного из участников обряда называли «кошка» (*keci*), который также оповещал хозяев о приближении колядующих с помощью мяуканья и просил у хозяев сало или мясо. Колядующих одаривали калачом с зажженной свечой, деньгами. Иногда поверх калача клали свиное сало, мясо, вареную курицу (с. Копчак) или сладости (с. Джолтай) (52). Обычай одаривать мясом на Рождество известен у болгар и у гагаузов Болгарии (53). Обычай одаривания участников обряда свиным мясом (до которого домочадцам не разрешалось употреблять его в пищу), на наш взгляд, можно рассматривать как обычай «кормления предков», широко распространенный у народов Юго-Восточной Европы на святки (Рождество).

После получения калача, один из колядующих, которого называли «поп» (*poraz*),

благодарил хозяев, произнося «благословения» (*kolaç okıtmaa* – благодарственные слова-молитву) на молдавском, реже на болгарском языке. Во время прочтения «благословения» колядующие несколько раз выкрикивали хором: «Аминь!». Если хозяйка оказывались скупыми, колядующие могли что-либо украсть со двора, снять с петель калитку и унести ее подальше от дома и т.п.

Почти все рождественские колядки исполнялись гагаузами на болгарском языке, содержание которых сами колядующие не понимали. Их заучивали наизусть и поэтому они произносились с ошибками. Рождественские колядки исполнялись индивидуально для каждого члена семьи соответственно его положению, возрасту, полу. Колядующие исполняли различные колядки в зависимости от того, где они находились: у ворот, в доме или при выходе из дома, на улице.

На гагаузском языке нами было записано три рождественских колядки религиозного содержания, которые исполнялись еще 20-30 лет тому назад (54).

Moş Krêcun Sfint Bătrîn
Oturêr bir ceviz aacin altında.

O ceviz aacin dalında
Var bir altın sallangaç.

Sallangaçta kim oturêr?

– İsus Hristoz.

İsus Hristoz küçücük.

Kim onu sallêêr sallangaçta?

Moş Krêcun Sfint Bătrîn.

Hem sallêêr, hem sorêêr:

– «Nezaman dünnään bitkisi?»

İsus Hristoz ona söleer:

– «Nezaman ool bobayı düvecek,

Kız da anayı,

Ozaman bilärsin,

Ani dünnään bitkisi.»

Дед Крэчун святой старик

Сидит под ореховым деревом.

На ветке этого орехового дерева

есть колыбель из золота.

Кто сидит на качели?

– Иисус Христос

Иисус Христос маленький.

Кто его качает на качели?

Дед Крэчун святой старец

Качает и спрашивает:

– «Когда наступит конец света?»

Иисус Христос ему говорит:

– «Когда сын отца побьет,

А дочь – мать,

Тогда знай,

Что наступит конец света”.

(с. Дезгинджа)

Возникновение этой колядки, вероятно, объясняется молдавским влиянием, так как одно из главных действующих лиц в ней – мифический образ *Moş Crăciun*, широко распространенный в рождественском фольклоре у восточно-романских народов.

Согласно сведениям информаторов, колядовать можно было от Рождества и до Богоявления. Вероятно, это касалось лишь колядования со звездой, так как в основном колядовали накануне Рождества (*Kolada gezmää*), Нового года (*Hey-hey gezmää*) и в первый день Нового года (*Survaki gezmää*).

Одной из форм рождественского колядования было Хождение со звездой, которое называлось *Stăuylan gezmää* (из молдавского *steaia* – звезда) реже *Yıldızlan gezmää*. Со «звездой» колядовали 2-3 мальчика. На деревянную палку устанавливали бумажную звезду, внутри которой помещали иконку. К обеим сторонам звезды прикрепляли свечи, которые зажигали при исполнении религиозного текста (тропаря). Коляду-

ющих одаривали полотенцем, платком и деньгами. Колядование со звездой было, по видимому, заимствовано гагаузами у молдаван, так как тексты религиозного содержания произносились в основном по-молдавски. Со звездой обычно ходили цыгане или дети бедняков.

Важное место в Рождественской обрядности занимали обрядовые хлеба. За несколько дней до Рождества приготавливали различные виды калачей, которыми одаривали колядующих. С ними также ходили в гости к крестным и родственникам.

В рождественское утро, прежде чем приступить к употреблению скоромной (жирной) пищи разговлялись жареным воробьиным мясом (*saçak kuşu*) (55). Ритуал разговления мясом жертвенной птицы до праздничной трапезы свидетельствует о стремлении людей приобщиться к магическим свойствам, которые приписывались съеденной птице. По сведениям современников, целью разговления воробьиным мясом было «приобрести быстроту и легкость, подобно воробью» (*güüdän ilin olsun*). В основе этого обычая лежит контагиозная магия, то есть передача человеку особых качеств, свойственных в данном случае воробью, с помощью контакта (поедание воробья).

У гагаузов, как и у других европейских народов, главное место в рождественской обрядовой трапезе занимали блюда из свинины. Обязательное использование в рождественско-новогодней трапезе блюд из свинины символизировало достаток семьи и благополучие хозяйства. В основе этого обычая лежит инициальная магия (магия «почина»), стремление обеспечить и сохранить в новом году имеющееся благополучие.

Христианская Церковь отмечает этот праздник как День рождения Иисуса Христа. В христианской религиозно-мифологической системе Иисус Христос это Богочеловек – Бог-Сын (второе лицо после Троицы). Иисус – это греческая передача еврейского личного имени Иешу («Бог помощь, спасение»), исходная форма – Йегошуа. На греческий язык слово Христос переводится как «Мессия» («Помазанник»). Христос был распят около 30 года н.э. на кресте. Добровольно приняв страдания и смерть, он искупил первородный грех Адама и Евы. Иисуса называют «Сыном человеческим», так как он рожден Девой Марией от Святого Духа.

В христианской мифологии существует легенда, связанная с рождением Иисуса Христа. Ирод, царь Иудейский, уничтожал всех, в ком видел соперников. При известии о рождении Иисуса Христа он приказал стражникам убить всех новорожденных мальчиков («избиение младенцев»). Ребенок чудесным образом спасся.

Новый год (*Eni yıl, Ay Vasili* – 1 / 14 января) – один из наиболее почитаемых гагаузами праздников, который в XIX в. отмечали три дня. На Новый год совершали множество обычаев и обрядов, значение которых заключалось в том, чтобы обеспечить плодородный и счастливый год. В основе новогодних обрядов лежит инициальная магия, то есть магия «первого дня».

Традиционные новогодние поздравления, колядования *Hey-hey gezmää* происходили накануне Нового года. При этом возраст колядующих мог быть различным – колядовали мальчики, начиная с 7 лет, молодые парни и женатые мужчины. Колядующие ходили с гармошкой, звоночком и колотушкой (*traka*), кнудом (*kamçı*) и др.

Группы взрослых колядующих ходили со специальным инструментом (*buga, bua, uultu*), имитирующим мычание быка (пустой бочонок или тыква с натянутыми посередине конскими волосами). Такой способ колядования назывался – *Bugaylan gezmää* (*Buylan gezmää*).

Новогодние колядки, в отличие от рождественских, исполнялись гагаузами в основном на молдавском, реже на гагаузском языке.

№ 1.

Gittim booday dolaşmaa:

Saaz gibi saplar,

Kuş gibi başaklar.

Kopardım iki başak,

Geldim evä, içeri girmädim,

Pençeredän baardım:

“Kalk, karı, booday döküler!

Korkma, adam, korkma!

Gir dama, kara beygiri al,

Apsent yolunu kap,

Kaavi insannar için,

Girgin uşaklar için”

Baarınız delikannılar: “Hey – hey!”

Пошел «проверить» пшеницу:

Стебли словно камыши,

Колос словно птица.

Сорвал два колоса,

Пришел домой, в дом не вошел,

В окно крикнул:

«Поднимайся, жена (хозяйка), зерно осыпается!

Не бойся, муж (хозяин), не бойся!

Зайди в конюшню, возьми черного коня,

Поезжай по дороге на Апсент (?),

За сильных людей,

За храбрых детей

Крикните парни: «Хэй – хэй!» (56)

№ 2.

Avşamêrsın, amuca, avşamêrsın

Kalk, ne yatêrsın?!

Ay Vasilinin avşamını sürelim.

Puluklar olsun hazır,

Çizilär yapılı.

Başaklar olsun kuş gibi;

Boodaylar olsun koor gibi;

Tenelär olsun graa gibi.

“Hey – hey!”

Добрый вечер, дядя

Вставай, чего спишь?!

Будем «пахать» вечер Св. Василия.

Плуги чтоб были готовы,

Борозды сделаны (вспаханы).

Колосья чтоб были как воробей;

Пшеница чтобы была как уголья;

Зерна чтобы были как горох.

“Хэй-хэй!” (57).

Другое длинное новогоднее поздравление, исполнявшееся в 50-60-е годы в с. Джолтай, представляет собой широко распространенный у народов Юго-Восточной Европы сюжет «истории хлеба» или «биографии калача». В этом поздравлении хлеб фигурирует во всех его разновидностях: семена, колос, сноп, зерно, мука, тесто, хлеб, как бы символизируя этапы крестьянского труда. В тексте используются своеобразные литературные приемы (смещение во времени): будущее переносится в настоящее, желаемое выдается за действительное. Колядующие выступают в роли магических заклинателей, а целью описания “истории хлеба” является стремление вызвать описанное благополучие.

№ 3.

Öküzleri pulaa koşêr,

Kara çizi çeker,

Впрягает волов в плуг,

Проводит черную борозду,

Sürmää bitirer,	Завершает пахать,
Ekmää çekeder,	начинает сеять,
Kırmızı koor gibi booday saçêr ...	Сеет зерно красное, как уголья ... (58)

Приводимый ниже текст новогоднего поздравления тесно связан с земледелием и со скотоводством.

№ 4.

Traka, traka, duydunuz mu?	Дзинь, дзинь, услышали ли (почувствовали ли)?
Selâm verdik, aldınız mı?	Передали приветствие, ответили ли вы нам?
Kırda puluk işlâr,	На поле работает плуг,
Küydä koyun kışlar.	В селе овцы зимуют.
Sıra-sıra sürülâr,	Ряд за рядом овцы (стада овец),
Şindi geldi koçitlâr;	А сейчас пришли бараны;
Koçitlerin karnı aaç.	Их желудки пусты.
Day, baba, pâtaç.	Дай, баба, пятак (59).

Разновидностью новогодних поздравлений на гагаузском языке являются шуточные колядки, одна из которых была записана в сел Баурчи (60).

В основе древних новогодних поздравлений лежат представления земледельцев и скотоводов о возможностях магического слова и действия.

В некоторых гагаузских селах накануне Нового года колядующие исполняли обряд ритуальной запашки при помощи деревянного плуга (*Puluklan gezmää*) (61). Двое из колядующих выполняли роль вола, третий – роль пахаря, а четвертый – погонщика волов. В памяти жителей с. Баурчи, Томай сохранились сведения о бытовавшем некогда в их селах обряде колядования с настоящим плугом и волами, который исполнялся, по сведениям информаторов с. Баурчи, «румынскими солдатами» в период вхождения Южной Бессарабии в состав Румынии, то есть до 40-х годов XX века. Обряд колядования с плугом накануне Нового года является результатом этнокультурного влияния молдаван. У гагаузов Болгарии аналогичный обряд не зафиксирован.

Характерной чертой гагаузской новогодней обрядности является использование масок (козы, медведя, реже – овцы), а также вывернутого наизнанку тулупа, ряженье, обрядовое переодевание мужчин в женские одежды.

Обряд колядования «с козой» называется *Kaprıylan gezmää*, *Keçiyân gezmää*. Колядование «с козой», в котором участвовало 4-5 человек, представляет собой небольшое театрализованное представление: ее как бы пригоняли издалека, прищелкивая при этом кнутом. Внезапно колядующие прекращали пение из-за того, что козе «плохо» (хочет пить или заболела). После того как козе клали в рот деньги, а колядующих одаривали калачами, они возобновляли пение, а коза опять начинала плясать. С козой ходили с целью получить богатый урожай, так как коза являлась символом плодородия. При колядовании с «медведем» (*Ayiylan gezmää*) инсценировали борьбу «медведя» с хозяином.

14 января рано утром, затемно, взрослые парни и мальчики (*kumi*) поздравляли своих крестных родителей с Новым Годом и угощали их водкой. По отношению к

данному обычаю нет четкого термина. Для его обозначения обычно использовали целое выражение, описывающее содержание обрядового действия. Иногда использовали выражение *Rakiylan gezmää*. Специально для крестников устраивали угощение и одаривали их различными подарками и деньгами. Если за столом кто-то чихал, ему обещали подарить первого ягненка из нового приплода.

Одной из форм новогоднего поздравления является обычай Сурваки (*Survaki, Suvraki, Survaki gezmää*). Утром в первый день Нового года девочки, реже мальчики, ходили к родственникам и соседям с веточками (яблони, груши, кизила), украшенными разноцветной бумагой (*survaçka, fişkan, çibik*). Войдя в дом, они легко ударяли ею всех домочадцев (*survaklamaa*), произнося при этом поздравления на болгарском языке: «*Surva, surva, pak do gudina*». Колядующих одаривали сладостями, носовыми платками и мелкой монетой. В основе данного обычая лежит контактная магия и вера в магическую силу свежесорванной ветки. Обычай «соркова» широко распространен у Балканских народов (болгар, части сербов, македонцев, греков, албанцев, румын, молдаван) (62).

В некоторых селах (Авдарма, Баурчи, Джолтай) известна и другая форма новогоднего поздравления – обряд Посевание (*Ekinnän kutlamaa*) (63). В с. Авдарма соседки ходили «посевать» друг к другу, а в с. Джолтай этот обряд исполнял главный в доме мужчина. Заклинания с пожеланиями урожая зерновых, винограда, богатого приплода скота произносили на молдавском языке (с. Авдарма), что свидетельствует о его заимствовании у молдаван.

Важное место в новогодней обрядности занимала праздничная трапеза, которая обязательно включала холодец из петуха (*paça*), различные блюда из свинины, молочную рисовую кашу (*sütlü pirinç*) и др. Все перечисленные блюда имели магическое значение: петух являлся символом нового солнца, свинья и каша – символом плодородия.

Составной частью новогодней обрядности являлись гадания. Под Новый год гадали о дожде (с помощью лука и соли), о суженом (по лаю собак, по брошенной туфле и т. п.), о счастье (по праздничному пирогу). Накануне Нового года готовили слоеный пирог с творогом (*döşemä, kış kurmasi, plaçinta*), в который запекали монету, разные палочки, соломинку, перышко. Каждая из палочек обозначала определенный вид хозяйственной деятельности. Пирог делили на всех членов семьи и по тому, кому какой предмет доставался, судили об успехе в этом виде деятельности в наступающем году (в разведении птиц, ягнят, коров и т. д.). Считалось, что кому досталась монета, тот будет хозяином дома. В основе многочисленных и разнообразных зимних гаданий и магических действий лежит стремление крестьян предугадать будущее и повлиять на него.

Этот день Церковь празднует в честь важного события в жизни Иисуса – посвящение Его Богу – Обрезание Господне. Обрезание у младенцев крайней плоти – ритуал, совершавшийся многими древними народами. Этот ритуал исполняют все правоверные евреи и мусульмане в знак верности и посвящения Богу. На восьмой день после рождения младенец был посвящен Богу. В этот день его и называли именем Иисус, которое было возведено архангелом Гавриилом Деве Марии при благовещении.

В этот же день Православная церковь чествует также христианского мыслителя и философа Святого Василия Великого, Кесарийского (330-379). Он родился и вырос в Малой Азии, был архиепископом Кесарии Каппадокийской и был известен своей борьбой с арианской ересью (учение, в котором отрицается божественная природа Христа). Св. Василий закрепил принципы ортодоксального христианства в большей части восточной территории Римской империи. Он организовал первый благотворительный монашеский центр в Кесарии, который оказывал безвозмездную помощь больным и нуждающимся. После смерти был канонизирован Церковью.

Второй день Нового года отмечали в честь волов – Воловий день (*Öküzlerin günü*). По церковному календарю это День Святого Сильвестра (2 / 15 января). Вечером, накануне второго дня Нового года совершали обряд Очищения хлева (*Dam kürümää*), в котором принимала участие группа молодых людей, колядовавших на Новый год. Они пытались тайком очистить от навоза хлев какого-нибудь хозяина. Если это у них получалось, то хозяин угощал их, в противном случае, они угощали хозяина.

Функциональное значение данного обычая заключается в стремлении «обеспечить» волов как главных кормильцев семьи здоровьем. В празднике в честь волов проявляются элементы почитания этого животного. У гагаузов Болгарии этот день назывался **Kuyrukları uzaltmaa**, что дословно переводится как «Удлинять хвосты» (64).

Архаическим элементом праздника является обрядовое кормление волов: в этот день их особенно хорошо кормили. Праздник в честь волов отмечали в гагаузских селах и во второй половине XX века, устраивая застолье “за здоровье животных”. Хозяйки в этот день пекли лепешки из пшеничной муки и раздавали и соседям «за здоровье домочадцев» (65), что свидетельствует об утрате функциональной значимости обряда.

В целом можно отметить, что обрядность праздника в честь крупного рогатого скота у гагаузов схожа с аналогичной обрядностью народов Балкано-Карпатского региона.

Святой Сильвестр родился и жил в Риме во времена правления императора Константина Великого. Своими выступлениями против иноверцев он способствовал укреплению императора Константина в христианской вере. На протяжении 12 лет был папой Римским. С его именем связано православное предание о том, что Сильвестр возвратил жизнь животному, которую у него отнял колдун. Поэтому он считается покровителем животных и особенно волов.

За Новым годом следует большой христианский праздник Богоявление, Крещение Господне (6 / 19 января), который в народе называется **Vaatziz, Ayazma, Yordan günü, Ay Yordan**. Этот праздник завершал цикл новогодней обрядности; после этого дня все колядования прекращались.

Накануне праздника (*Ay Yordana karşı, Yordan ajunu*) постную трапезу окуривали ладаном (*tütütmää, günnüklemää*). Как и у других христианских народов, в этом празднике у гагаузов наблюдается большое смешение христианских и народных обрядов. Крещенскую обрядность гагаузы делили на две части: «Малое» и «Большое» Крещение. Первое происходило в церкви, а второе – в общественном месте, у колодца или у проточной воды. Во время большого водосвятия, когда крест (*kruça, stavroz*) опускали в воду, стреляли из ружей с целью изгнания «нечистой силы». Группа

парней тут же бросалась за крестом в воду. По состоянию креста гадали о будущем урожае: «если крест покрывался льдом, считали, что год будет урожайным».

После Большого водосвятия священник в течение нескольких дней освящал колодцы и дома жителей села, за что получал вознаграждение: что-либо связанное из шерстяных ниток (носки, джемпер и др.), а также деньги. По народному поверью «все болезни прошлого года должны были намотаться на эти нити» (66). В этом обычае заключается смысл прощания с прошлым годом, «чтобы все плохое и болезни остались в прошедшем году». В праздник Крещения мыли иконы, брызгали друг на друга освященной водой (*ayazma*). Ею окропляли скот, а также хранили дома на случай болезни. В этот день устраивали конные скачки с призами от старосты села.

Согласно православному календарю, в этот день Иисус Христос в возрасте 30 лет был крещен пророком Иоанном Крестителем в реке Иордан. В момент крещения с небес на Иисуса Христа спустился голубь и затем донесся голос, провозгласивший, что Иисус Христос является Сыном Божиим, Мессией, и в нем заключено Божье благоволение. Сразу же после крещения, Иисус ушел в пустыню на 40 дней, чтобы в полном уединении и воздержании от пищи встретиться «в духовном поединке с дьяволом».

В День Иоанна Крестителя – **Ay Yuvan, Yuvan günü** (7 / 20 января) совершали обрядовое купание молодоженов *Eni güveyi yıkamaa* (досл. Купание новоиспеченного жениха). Крестные родители обливали водой молодоженов, женившихся в прошлом году, после чего угощали их обедом. Парни обливали водой именинников, которые должны были откупиться и устроить для них угощение. Аналогичный обычай широко распространен в Болгарии. У гагаузов Болгарии в этот день, который назывался “*Исламаа*” (Обливание), посаженный отец и холостые парни купали молодого мужа в реке. Молодую жену «купала» посаженная мать: поливала ей воду на голову.

Обычай обрядового купания молодоженов выполнял социальную функцию – торжественное принятие молодоженов в другую социальную группу и наделение их всеми соответствующими правами. Таким образом, в основе данного обычая лежит обряд посвящения, то есть переход юношей и девушек из одной социальной группы в другую (67).

В этот день Церковь чествует Святого Иоанна Крестителя, который был последним из пророков Ветхого Завета. Родители Иоанна (Захария и Елисавета) не имели детей до пожилого возраста и постоянно молили Господа о том, чтобы он дал им детей. Отец Иоанна был древнееврейским священником. Когда ангел принес известие Захарии о том, что у них будет сын, он не поверил. В знак подтверждения истинности слов посланника Божия, Захария онемел и молчал до тех пор, пока не родился сын.

Иоанн воздействовал на людей своей строгой аскетической жизнью и проповедью покаяния. В реке Иордан Иоанн совершал над покаявшимися людьми обряд священного омовения. Он крестил Иисуса Христа в р. Иордан и первым засвидетельствовал, что Иисус есть сын Божий. Иоанн назван Предтечей, так как он предсказал приход Мессии и был его предшественником.

По окончании новогодних праздников женщины отмечали Бабин день – **Babu günü, Baba günü, Babinden** (8 / 21 января), посвященный Бабе-повитухе и роженице. Они собирались в доме повитухи. Женщины, у которых она принимала когда-то

роды, одаривали ее полотенцем, мылом, чулками, калачом с вареной курицей *kaniska* и др. Хозяйка для всех устраивала угощение. Во время гуляний, продолжавшихся до глубокой ночи, женщины везли Повитуху на санях или на телеге к колодцу и там обливали ее водой. От встречавшихся им на пути мужчин они требовали выкуп вином, деньгами, в противном случае их обливали водой, отнимали шапку и т.п.

Аналогичный праздник распространен у других народов Балкано-Дунайского ареала: болгар (*Бабинден*), молдаван и румын «*Zi a toașei*» (68). Некоторые элементы данного обычая у болгар, по мнению Т. Колевой, имеют фракийскую основу (69).

Праздник в честь Св. Афанасия – *Tanas, Ay Tanas* отмечали дважды: зимой (18 / 31 января) и летом (2 / 15 мая). Афанасия-зимнего отмечали, чтобы предохраниться против чумы, так как он считался защитником людей от этой болезни. Согласно народному календарю, День Св. Афанасия являлся 85 днем зимы, то есть серединой зимы (*kış yarısı*), так как отсчет вели от праздника Касым.

Святой Афанасий (293/298 г. – 373 г.) был патриархом Александрии. Прозвище «Великий» получил в борьбе против основателя арианской ереси, священника Ария, отрицавшего Троицу.

Интересным является праздник День петуха (**Horoz günü** – Болг., Кав., Кант., Кич., Ор., Мор.), **Petlövden** (Болг.), **Ay Eftimiy** (Болг., Кант.) широко распространенный у гагаузов Болгарии. Православная церковь в этот день чествовала Св. Евтимия (20 января / 2 февраля). Святой Евтимий считался покровителем детей, уберігающим от различных болезней.

Ввиду того, что петух занимает центральное место в обрядности праздника, он и получил название День Петуха. Этот день отмечался как праздник в честь мужчин **Çocuk günü** (День мальчиков). Важную часть праздника составляет обрядовое заклятие петуха «за здоровье сыновей» (*çocuun saalık için*), которое совершалось рано утром. Если в семье имелись дети обоего пола, то «за сына» резали петуха, а «за дочку» – курицу (с. Кичево), еще не начавшую нести яйца (*yarka*). Петуха резали на специальном пне, предназначенном для забоя птицы (*yarık başında*). Это приспособление затем оставляли на видном месте и не смывали с него кровь до вечера (Болг.). Обрядовое заклятие петуха в народе связывается с двумя легендами: с ветхозаветной историей об избииении царем Иродом всех младенцев мужского пола; вторая легенда связана с турецким рабством, во время которого забирали христианских детей в янычары (*eniçeri*) (70).

Петуха варили целиком с пшеничной крупой (*булгур / bulgur*). Приготовляли также специальные хлебцы (*pitka*), которыми вместе с обрядовым блюдом угощали приглашенных соседей и родственников. Часть блюда и обрядового хлеба раздавали в три соседних дома.

Обычай обрядового заклятия птицы женского пола «за здоровье дочерей» относится, по-видимому, к более позднему времени и объясняется трансформацией обрядности этого дня. Во второй половине XX века Праздник в честь мальчиков приобрел более широкое значение и стал отмечаться в честь детей вообще. В этот день женщины устраивали веселье. Обрядность этого праздника во многом напоминает Бабин день.

Время возникновения и происхождение этого обряда у гагаузов является дискус-

сионным. У В.А. Мошкова отсутствуют сведения о существовании данного обряда у гагаузов Бессарабии; он не зафиксирован нами в ходе полевых исследований, но встречается у гагаузов (и у болгар) с. Кирсово (71). В этой связи отметим, что он широко распространен у болгар Болгарии.

Первые три дня февраля (День Св. Трифона, Сретение, День Св. Симеона) считались границей между зимой и весной и относятся к праздникам «переходного» периода. Началом окончательного наступления весны считаются праздники: 1 марта, 40 мучеников, Благовещение.

В День Св. Трифона – **Trifun günü, Trifun** (1 / 14 февраля) крестьяне окропляли виноградники и скот освященной в церкви водой. Некоторые из хозяев, имевшие значительное количество виноградников, совершали также ритуальное подрезание виноградной лозы (*çibik*) (1-3 куста), после которого хозяин поливал куст вином и сам выпивал стакан вина. Магические действия, связанные с «обрядовым подрезанием виноградника», совершали с целью увеличения плодородной силы виноградников. В основе обычая лежит симпатическая магия, где желаемое достигается подобным. Обряд ритуального подрезания виноградной лозы не получил у бессарабских гагаузов широкого распространения. Но у гагаузов Болгарии этот день широко отмечался: выбирали царя виноградной лозы (Дядо Трифон), устраивали массовые гуляния.

Повсеместно известна легенда о Трифоне, который отрезал свой нос. В легенде говорится: когда по истечении сорока дней Божья мать шла в храм, то по дороге встретила Трифона, который обрезал виноградную лозу. Он посмеялся над Божьей матерью, высказав свои сомнения о ее непорочном зачатии. Тогда она ему сказала, что он сегодня отрежет свой нос. Прийдя домой, Дева Мария сказала жене Трифона, чтобы та пошла в виноградный сад, так как ее муж отрезал себе нос. Прибежав к мужу и увидев его здоровым, жена рассказала ему про свой разговор с Девой Марией. На это Трифон ответил, что не может себе отрезать нос, так как он режет «вот так, а не так». Сказав эти слова, он отрезал себе нос. Легенда о Трифоне, широко распространенная у гагаузов и у других балканских народов, вероятно, имеет более позднее происхождение.

День Св. Трифона и два последующих праздника Сретение Господне (**Strateniya**) (2/15 февраля) и День Св. Симеона Богоприимца (**Simon, Simön**) (3/16 февраля) по содержанию относятся к так называемым «Волчьим праздникам», так как основу их обрядности составляет ритуальный запрет (табу) на использование острых предметов (нож, ножницы и т. п.). Целью данного запрета было уберечь домашний скот и людей от волков, в основе которого лежит предохранительная магия. Этот день считался очень опасным (*hatalı gün*). Празднование первых чисел февраля, связанное с почитанием волка, известно так же у болгар, румын (72).

Святой мученик Трифон жил в середине III века в селении Кампасаде. Он с юных лет обладал силой чудотворения и совершил множество добрых дел. Был замучен и казнен во время гонения на христиан в годы правления императора Декия.

Святой Симеон назван Богоприимцем потому, что принял Иисуса на руки, когда родители принесли его в Иерусалимский храм для посвящения Богу. Вместе с Симеоном младенца встречала пророчица Анна, которая посвятила себя служению в этом Храме. Симеон Богоприимец считался в народе хранителем здоровья младенцев.

В праздник Сретение Господне (**Strateniyä** – 2 / 15 февраля) запрещалось использовать любые острые предметы, чтобы дети и скот не родились с физическими недостатками. Этот день считался очень опасным (*hatalı gün*). В основе ритуального запрета, который связан с культом волка, лежит предохранительная магия.

У гагаузов Болгарии в обрядности этого дня отражается религиозная обрядность – праздник в честь Девы Марии и рождения Иисуса – **Pana(i)ya günü, Bogorodıta günü** (День Богородицы), *Pana(i)ya pitası* («пита» Богородицы). Согласно народным обычаям, через сорок дней после рождения ребенка женщина должна пойти в церковь, чтобы очиститься (священник произносит над ней специальную очистительную молитву). Этот обычай называется *kırklanmaa*. Основу дня Богородицы составляют обычаи, имеющие очистительную функцию.

В этот день женщины собирались в назначенном доме и пекли обрядовый хлеб *Pana(i)ya pitası* («пита» Богородицы), внутрь которого клали монету; в него втыкали свечу и зажигали «за здоровье» и делили поровну между участницами обряда. Хозяйка окуривала ладаном трапезу и подол бездетных женщин (73). Это делалось для того, чтобы активизировать их детородную функцию. Праздник сопровождался музыкой и танцами. По своему содержанию праздник в честь Богородицы во многом схож с Бабиным днем.

Сретение, как и День Св. Трифона и День Св. Симеона, относится к праздникам переходного периода от зимы к весне.

Сретение – один из четырех праздников, посвященных Божьей Матери. Он отмечается на сороковой день после Рождества. История этого праздника такова: Иосиф и Мария принесли сына в Иерусалимский храм для совершения обряда посвящения Богу. Старцу Симеону, который служил в этом храме, было предсказано, что он еще при жизни увидит приход Мессии. Он принял на руки Иисуса (отсюда и название Симеон-Богоприимец) и сказал: «Ныне отпускаешь раба Твоего Владыко, по глаголу твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое ...». Символическое значение этого события проявляется во встрече двух миров, двух сознаний – Старого и Нового (до рождения Иисуса Христа – и после его рождения).

В День Св. Харалампия – **Aralambu günü, Ay Haralampi, Sfintu Aralambu** (10 / 23 февраля) освящали в церкви мед, которым мазали приготовленную лепешку (*pita*). Ею угощали соседей. В с. Баурчи соседей одаривали тарелкой муки со свечой «за здоровье живых», что, по-видимому, заменяло собой одаривание обрядовой лепешкой. В основе этого обычая лежит вера в существование низших природных духов (вероятно, чумы), способных навредить человеку. Чтобы уберечься от злого воздействия духов, их старались задобрить подобными подношениями. Гагаузы Болгарии в День Св. Харалампия готовили такую же медовую лепешку с целью предупредить у детей заболевание ушей.

Св. Харалампий умер мученической смертью за христианскую веру около 198 года в г. Магнезия (Фессалия), где он был епископом. На иконах его часто изображали как повелителя болезней, которые окованы им девятью цепями.

Мясные заговены – **Et orucu** (букв. Мясной пост) приходятся на предпоследнюю неделю перед началом Великого поста, во время которых происходило «прощание» с мясной пищей. В последний день недели (в воскресенье) в каждом доме готовили

различные мясные блюда. Несколько тарелок с блюдом разносили в соседние дома в память умерших. Оставшуюся еду целиком съедали домочадцы. После этого дня мясо в пищу не употребляли до Пасхи.

Великому посту предшествуют Сырные заговоры – *Piinir aftasi, Maslința* (Сырная неделя, Масленица), во время которых происходило «прощание» с молочной пищей. Масленица является переходным рубежом от зимы к весне и представляет собой праздник проводов зимы и встречи весны. В течение Масленицы (Сырных заговен) употребляли только молочную пищу, различного рода пресные слоеные пироги, с творогом (*döşemä, gözlemä, plaçinta*), голубцы (*sarma*), яйца вареные и жареные. Сырные заговоры, во время которых запрещено было употребление мясной пищи, являлись своего рода подготовкой организма от обычной системы питания к длительному семинедельному Великому посту, во время которого запрещалось употребление скоромной пищи.

На Сырной неделе ездили в гости к родственникам на санях или телегах. Обильное угощение на Масленицу, как и на Новый год, связано с магией первого дня. Считалось, что «как проведешь этот праздник, таким будет и весь год (обильным)».

Масленица считалась «женским праздником», так как она праздновалась в основном женщинами (Масленичная неделя). После обеда, несколько женщин собирались в одном доме с различными женскими работами (шитьем, прядением и т. д.). Вечером из собранных сообща продуктов они устраивали застолье и веселились (с. Джолтай).

Самым важным днем Масленицы было Прощеное воскресенье, которое включало в себя обычай коллективного раскаяния *Prost olmaa*, обрядовую трапезу, ритуальные огни (*ateş, pirliga*), верховую езду (*beygirlän gezmää*). Обычай просить прощение накануне Великого Поста исполняется пожилыми людьми и в настоящее время. По обычаю в этот день полагалось навестить родителей, старших родственников, кумовьев и соседей, у которых просили прощения, целуя руку. После совершения обряда раскаяния «посаженые» родители одаривали своих «приемных» детей (*kumi, kumița*) свечей, вареным яйцом и платком.

Для детей на Масленицу устраивали развлечения: различные игры с яйцом (или халвой) под названием *Hamam, Hamlatmaa, Sallamaa*. Очищенное яйцо или халву подвешивали на веревке к потолку и раскачивали по кругу. Дети должны были поймать яйцо ртом. Верили, что этот обычай способствует хорошему урожаю, увеличению поголовья скота и птицы и т. д. Существовали также и другие игры – достать монету ртом из тарелки с водой и т. д.

Важной частью Прощеного воскресенья являлись обрядовые огни. Вечером возле каждого дома старший в доме разжигал небольшой костер из соломы, через который должны были обязательно перепрыгнуть и молодые, и старые. Детей проносили над костром на руках. Кроме того, на каждой улице разжигали общий костер (с. Бешалма). На холмах молодежь жгла большие общественные костры.

Развлечениями молодежи на Масленицу было – скатывание со склонов горящих колес, соревнования по верховой езде, а также перепрыгивание верхом на лошади через костер (с. Авдарма, Гайдар, Вулкэнешть, Карбаляя). Согласно народному поверью, масленичные костры отгоняют нечистую силу, предотвращают появление

чесотки у лошадей и предохраняют людей от блох. По мнению Д. Зеленина и В. Проппа обычай “обогревания земли” есть не что иное, как обычай “обогревания предков”, широко распространенный в весенней обрядности многих народов и совершался с целью получить хороший урожай (74).

У гагаузов Болгарии на Масленицу имело место колядование ряженных «Кукеров» (*Kiker*). Участники были одеты в вovorоченные тулупы, с рогатыми масками, с колокольчиками. Войдя во двор, они устраивали различные комические сценки (ПЗА). Считалось, что колядование Кукеров влияет на плодородие и благополучие в хозяйстве.

Масленичную обрядность у гагаузов можно классифицировать как праздник «прощания» с зимой. Она во многом схожа с масленичной обрядностью народов Балканского региона (болгарами, сербами, черногорцами, македонцами), а также с восточными славянами (обряд прощения, верховая езда, костры).

Из четырех постов, имевших место в течение всего года, самыми важными считались Великий пост (**Büük oruç**) и Успенский пост (*Panaiya ogucu*). Перед началом Великого (Пасхального) поста каждый человек должен был совершить ряд очистительных обрядов, в том числе и обряд раскаиания. Почти все взрослые, особенно пожилые женщины, соблюдали так называемый *trimur* (трехдневный пост, в течение которого ничего нельзя есть и пить). Такой же пост соблюдали некоторые прихожане с Чистого четверга до Пасхи. По окончании трехдневного поста, после богослужения причащались (*komka almaa*).

В течение Великого поста молодежь продолжала собираться небольшими группами (в селе таких групп насчитывалось 3-4) и устраивала различного рода игры под общим названием “*top-top*”, “*ropucuk*”. В общее «хору» объединялись только на Пасху. У гагаузов, как и у других народов, были широко распространены посиделки (*dernek*, *perdänka* (на улице возле дома), *sedänka*), которые проводились обычно в доме какой-нибудь вдовы.

Церковь называет начало Великого поста «предверием божественного покаяния», в течение которого люди постятся, отказываются от своих грехов, «очищаются», чтобы приблизить себя к Христу. Пост укрепляет веру в борьбе против зла и утверждает силу духа и его способность владеть телом.

Одним из наиболее ярких праздников в течение Великого поста был праздник, посвященный лошадям, отмечавшийся в первую субботу Великого поста в День Св. Федора – **Todur günü**, **Ay Todur**. Святой Федор считался покровителем лошадей. Праздник в честь коня в более ранние времена не имел точной даты. Позднее Христианская церковь придала Св. Федору черты покровителя лошадей.

В этот день во многих селах устраивали конные скачки (*koşu*). (Скачки и езда на лошадях верхом имели место и в другие праздники: Масленица, День Иоанна Крестителя, Вознесение, на межсельских праздниках «Сбор».) В некоторых селах в настоящее время возродили данный обычай (75). В празднике принимало участие все село. При этом призы выставлялись в основном именинниками – Федором, Федорой: рубашки, полотенца, ткани, калачи, реже – деньги.

Рано утром по каждой улице разъезжали всадники (*atlı gezmää*) на празднично убранных лошадях. Еще до того, как молодые парни верхом на лошадях начинали разъезжать по селу, девушки мыли голову и выливали воду на проезжую часть

улицы. При этом они произносили на молдавском языке заклинание о том, чтобы их волосы были длинными и красивыми как лошадиный хвост (76).

Обычно скачки начинались за селом после утреннего богослужения и завершались в центре села, возле церкви. По окончании соревнований в доме хозяина лошади-победительницы устраивали небольшое угощение для всех присутствующих, что являлось своеобразной формой чествования коня и всадника. В основе обычая устраивать скачки в Тодоров день лежит предохранительная магия. Согласно народному поверью, участие лошадей в этом празднике было главным средством для предохранения их от болезней.

Культ лошади был широко распространен у фракийцев. Обычаи, посвященные лошадям, составляют основу обрядности Тодорова дня у болгар, румын, молдаван (77).

Св. Феодор (Федор) Тирон был римским воином во времена императора Максимиана. Его принуждали отречься от Христа и принести жертву языческим богам. Несмотря на пытки, он не отказался. За это его сожгли на костре (в 305 году). Спустя 50 лет византийский император Юлиан Отступник (был язычником), желая осквернить христианский Великий пост, приказал константинопольскому градоначальнику тайно кропить кровью языческих жертв съестные припасы, которые продавались на городских рынках. Согласно легенде, Св. Федор явился во сне константинопольскому епископу и раскрыл эту тайну. В честь этого события Православная церковь много веков отмечает память Федора Тирона в первую субботу Великого поста.

1/14 марта назывался в народе по-разному: **Mardin biri, Marta Babusu, Sfintu Dokiya** (1 Марта, Баба Марта, Святая Евдокия). Согласно православным святым в этот день чествовали Преподобную мученицу Евдокию. 1 марта воспринимался в народе как первый день весны. Во многих селах первые числа месяца отмечали в честь Бабы Марты. В некоторых селах Комратского района 1 / 14 марта отмечали день «Бабы Докии» (*Sfintu Dokiya*) (с. Чок-Майдан).

Рано утром 1 марта хозяйка подвешивала к стрехе дома кусок красной ткани или красный пояс (*kirmızı marta parçası*), «чтобы солнце светило ярче». Детям, девушкам повязывали красную и белую шерстяные ниточки «*marta*», «*martacık*» на руку или шею, которые носили до прилета первых птиц: ласточки или аиста. Такие же мартеницы повязывали на шею домашним животным и ветви плодовых деревьев. В этот день тщательно подметали в доме пол и, выбрасывая мусор во двор, приговаривали: «*mart – içeri, pirelär – dışarı*» («март в дом, блохи вон»). В основе мартовских обычаев лежит очистительно-предохранительная и симпатическая магия (увеличение солнечной активности с помощью красной материи).

С 1 по 9 марта соблюдали запрет на всякую женскую работу с целью не разгневать Бабу Марту или Бабу Евдоху и чтобы не было заморозков (т.е. чтобы «не способствовать возвращению зимы»). Этот запрет связан с празднованием в честь мифических существ Бабы Марты и Бабы Евдохи, которые, согласно народным воззрениям, могли приблизить или отдалить наступление весны.

Аналогичные обычаи (с красной материей и мартеницами) были широко распространены у народов Балкано-Карпатского региона, а также в Средней Азии (в праздник Навруз) (78).

Св. Евдокия была самаритянкой по рождению. В молодости она отличалась редкой

красотой, но вела греховную жизнь. Уверовав в Христа, она полностью переменялась, совершила немало духовных подвигов, стала игуменьей обители, где помогали и лечили скитальцев. В 152 году, во время очередного гонения на христиан, приняла мученическую смерть.

Праздник Сорок великомучеников 9 / 22 марта в народе называется **Kırk meçik** (Сорок мучеников), **Kırk ayoz** (Сорок святых), **Kırk kaşık** (Сорок ложек). По сведениям информаторов с. Баурчи, народное название праздника 40 ложек произошло от обычая одаривать в память умерших 40 ложками.

День 40 мучеников в народном календаре обозначал приход весны и начало нового сельскохозяйственного года. Согласно народным воззрениям, «после этого дня погода становится значительно теплее». Обрядовые действия, совершавшиеся в этот день, направлены на пробуждение природы. Празднование весеннего Нового года является древним обычаем в честь возрождающейся природы, праздник победы весны над зимой. С датой 21 / 22 марта связано астрономическое начало весны по современному календарю (день весеннего равноденствия).

Обрядность дня 40 мучеников состоит из двух основных компонентов, в которых проявляются элементы культа предков: одаривание обрядовыми хлебами соседей и разжигание обрядовых огней. В этот день каждая хозяйка пекла сорок небольших калачиков в виде восьмерки, которые раздавала соседям (по два калачика) в честь 40 великомучеников и в память поминовения умерших.

Утром во дворе каждого дома, под деревом или возле калитки, разжигали из «мусора» небольшой костер с целью «согреть землю», через который перепрыгивали домочадцы. Считалось, что костры способствуют установлению теплой погоды и предохраняют виноградники от заморозков. Исполняли и другие обрядовые действия, целью которых было «пробудить землю от сна» (стучали 40 раз длинной палкой по земле (с. Баурчи). В основе обрядовых действий лежат воззрения об умирающей и воскресающей природе, тесно связанные с культом предков.

В день 40 мучеников совершали магические действия с топором, с целью «запугать» неплодоносящее дерево *Aacı korkutmaa* (79).

В обрядности дня 40 мучеников отражаются древние воззрения, связанные с инициальной магией (магией «первого дня») и числом 40. Считалось необходимым проделать в небольшом объеме все работы, которыми занимались в течение года: ткать, прясть, шить, а также посадить 40 кустов картошки, посеять понемногу от всех семян и т. д. Верили, что во всех работах, сделанных в День 40 мучеников, будет сопутствовать удача в течение всего года. Считали, что для «обеспечения» себя здоровьем необходимо выпить 40 стаканов вина. Воззрения, связанные с магией числа 40, распространены как у христиан, так и у мусульман, и относятся к числу древнейших.

Обрядность дня «40 великомучеников» у гагаузов по своему содержанию и обрядовым действиям во многом схожа с обрядностью румын, молдаван, болгар, сербов, черногорцев, македонцев (80). Некоторое сходство наблюдается с обрядностью праздника «Навруз» (Ноуруз, Навроз – 21 / 22 марта), отмечаемого мусульманскими народами, как начало Нового Года, в котором проявляется иранское влияние.

Церковь празднует этот день в честь 40 воинов-христиан родом из Каппадокии,

погибших в 320 году мученической смертью за то, что не пожелали изменить христианской вере.

Благовещение – **Blagușteni, Blaguștin** (25 марта / 7 апреля) считается большим праздником, в который запрещена любая работа. По своему значению этот праздник приравнялся к Пасхе. Согласно поверью, распространенному у многих европейских народов, даже прилетевшие птицы в этот день не выют гнезд.

Основу данного праздника составляют обрядовые огни, имевшие очистительную функцию. Считалось, что перепрыгивание через костер избавляет людей от блох. С этой же целью у гагаузов молодые парни перепрыгивали через костер на лошадях (81). Однако четко проявляется связь благовещенских костров с поминовением умерших. Раню до восхода солнца каждый хозяин разжигал перед своим домом костер, куда, согласно народным верованиям, приходят мертвые, чтобы согреться.

В праздник Благовещения разрешено кушать рыбу. Согласно народным поверьям, «даже если у тебя нет рыбы, ты должен хотя бы рыбной косточкой поковырять в зубах» (83).

В календаре Христианской церкви праздник утвержден в VII в. В этот день к Деве Марии явился Божий посланник (архангел Гавриил) и сообщил, что она обрела благодать у Бога, зачнет во чреве и родит сына и назовет его Иисус. Эта благая весть и дала название празднику – Благовещение.

В Лазареву субботу – **Lazari cumaaertesi, Lazari** (предпоследняя суббота перед Пасхой, накануне Вербного воскресенья) исполняли весенний девичий обряд *Lazari*, который сохранился в некоторых селах до наших дней. Обряд Лазари исполнялся девочками 7 – 10 лет, которых называли *lazarki*. Лазарки ходили по домам по трое с пением лазарских песен. Одна из лазарок изображала «невесту» (*gelincik*). Ее лицо обычно было закрыто белой коротенькой фатой или платком. В то время как две участницы исполняли в доме перед иконой (позднее во дворе дома) обрядовую песню (*lazarki türküsü*), «невеста», переходя из одного конца в другой (как бы шатаясь), махала двумя белыми платочками, которые она держала в руках. Участниц одаривали сырыми яйцами и мелкой монетой, которые, после окончания обхода домов, делили поровну, при этом не устраивалось никаких общественных трапез.

В некоторых гагаузских селах Комратского района (с. Бешалма, с. Конгаз) обряд Лазари исполнялся девушками 14-16 лет. «Взрослые лазарки» ходили по домам группой состоящей из 8-10 человек. Две девушки изображали «молодую», что подчеркивалось элементами их обрядового костюма (особой формой повязания платка, как у молодой жены; при этом их лица не были закрыты тканью). В с. Бешалма данная форма колядования называлась *Минюша*, вероятно, от одноименной обрядовой лазарской песни Миневша.

У гагаузов известны две общераспространенные обрядовые песни Лазари и Миневша. Наиболее употребительной была песня с повторяющимся после каждой строчки рефреном «Лазари-Лазари». Обрядовая песня делится на две половины, по содержанию не связанные между собой. Во второй части песен говорится о каких-то военных событиях, происходящих на Черном море. Объединение двух разных песен в одну, на наш взгляд, произошло позднее.

Uçtum, gittim, dala kondum.
 Припев: Lazari, Lazari.
 Dal bana emiş verdi,
 Bän o emişi erä ektim,
 Er bana çimen verdi,
 Bän o çimeni koyuna verdim,
 Koyun bana kuzu verdi,
 Bän o kuzuyu beyä verdim,
 Bey bana katır verdi.
 Pindim, gittim Kara suya.
 Kara suda kannar akar,
 İki dilber durmuş bakar,
 Biri küçücük, biri – büük,
 Küçücüünä alma attım,
 Büücüünä seläm verdim.

Полетел, пошел, на ветку сел.
 Припев: Лазари, Лазари.
 Ветка мне ягоду дала,
 Я ягоду в землю посадил,
 Земля мне траву дала,
 Я траву овце дал,
 Овца мне ягненка дала,
 Я ягненка бею (господину) отдал,
 Господин мне мула дал.
 Сел, поехал на Черное море.
 На Черном море кровь течет,
 Две красавицы стоят, смотрят,
 Одна младшенькая, другая – старшая,
 Младшенькой яблоко бросил,
 Старшенькой – поклон отдал.

Другая распространенная лазарская песня у гагаузов Бессарабии – *Menevşa* (Фиалка).

Menevşa buldum deredä,
 Kızlan bir gelin birerdä.
 Sordum: «Evlerniz nerädä»?
 – «Karşıda, mermer taşında».
 Gittim, evlernä girdim;
 Kadıncık yatmış, uyuyêr.
 Başı altı – altın döşeli,
 Yannarı sedef döşeli;
 Alk ucu feslen döşeli;
 Yannası ribä dizili.
 Kalk, kadıncık, sefä süri bizä”!

Фиалку нашел у ручья.
 Девушку с невестой вместе;
 Спросил: «Где вы живете»?
 – «Напротив, на мраморном камне».
 Пошел, в их дом вошел;
 Женщина легла, спит.
 Под головой – золото постелено,
 С боков – жемчуга постелены;
 Круглый конец базиликом услан;
 Вокруг (?) нанизано (расположено рядами).
 Встань, женщина, обрадуй (развесели) нас!

Лазарками исполнялись также песни, в которых пелось о девушке, о парне и т.д. Эти произведения, предназначенные для конкретных лиц (дифференцированные), исполнялись редко и лишь в тех случаях, если об этом просила сама хозяйка, у которой в доме был взрослый сын или невестка (84).

Весенние девичьи обычаи, связанные с различными видами лазарований (*Лазарки, Боенец, Данец, Лазэрелул*), были широко распространены у народов Балкано-Дунайского региона (болгар, сербов, македонцев, части румын (в Мунтении), молдаван) (85).

Воскрешение Лазаря считают последним чудом Христа перед ночью Страстей. Однажды, когда Иисус проповедовал в местности к востоку от реки Иордан, к нему из Вифании прибыл человек от Марии и Марфы. Сестры сообщили, что Лазарь тяжело болен. Иисус не сразу отправился в селение, а когда пришел вместе с учениками, мертвый Лазарь уже лежал в пещере, вход в которую был завален камнем. У древних евреев существовал такой обычай хоронить мертвых, и подобные пещеры они называли «гробом».

Лазарь к тому времени пролежал мертвым уже четыре дня, и никто не поверил, что Иисусу под силу совершить подобное чудо – даже сестры на мгновение усомнились. Иисус потребовал, чтобы его отвели к месту захоронения Лазаря. Затем отвалили от входа тяжелый большой камень ...

«Лазарь, выйди!» – громко крикнул Иисус. Оцепеневшие от изумления, люди увидели выходящего из пещеры, обвитого погребальными полотнищами Лазаря.

«Развяжите его, и пусть идет», – сказал Иисус. Лазаря развязали, и он отправился домой вместе с сестрами и Иисусом.

Вербное воскресенье (*Süüt pazarı*) отмечается за одну неделю до Пасхи. В этот день поминали умерших. Прихожане приходили в церковь с ветками вербы и там освящали их. Затем с ними шли на кладбище, втыкали ветки в могилы и угощали присутствующих обрядовой едой (с. Карбалия). Одну ветку несли домой и оставляли ее в помещении для скота или под иконой.

В г. Вулкэнешть накануне Вербного воскресенья и непосредственно в праздник жители также посещали кладбища, зажигали возле могил небольшие костры и одаривали едой "*rotana*" в память умерших. В с. Казаклия в этот день существовал обычай приносить венки в церковь, чтобы освятить, а также прихожане обрызгивали друг друга в церкви освященной водой. В Вербное воскресенье пост облегчается: разрешается кушать рыбу.

Этот праздник отмечается в память торжественного въезда Иисуса верхом на осле в Иерусалим. Христос въезжал как царь, несущий примирение. Горожане встречали Иисуса с пальмовыми ветвями в руках – как было принято встречать победителей. Люди сопровождали его криками: «Слава! Слава Сыну Давидову!».

В странах, где не растут пальмы, они были заменены вербой. Обычай освящать пальмы (вербы) Церковь ввела в IV веке. Отсюда и название праздника – Вербная неделя.

На седьмой неделе Великого поста (последняя неделя перед Пасхой), которая в народе называлась **Büük afta** (Большая / Великая неделя), в церкви проходило чтение Евангелий (*Büük Deniyä*) (86). Существовал обычай после последнего богослужения нести домой зажженную свечу, огонь которой считался освященным и назывался «*okitmiş ateş*» (освященный огонь). Этот обычай соблюдается и в настоящее время в некоторых гагаузских селах (Чок-Майдан, Баурчи, Гайдар). Такую свечу хранили за иконой и зажигали ее при сильной грозе.

На Великой неделе запрещалось стирать, шить, заниматься женскими работами и работать в поле. Существует народное поверье, согласно которому тот, кто умер на Великой неделе, попадает прямо в рай. Особо почитался на этой неделе четверг. Последние три дня Великого поста многие пожилые люди соблюдали «тримур» (ничего не ели и не пили).

Обрядовые хлеба (*paska* и *kolaç*; *kozonak* – у гагаузов Болгарии), с которыми в день Пасхи ходили к родственникам и кумовьям, выпекали в четверг или пятницу перед Пасхой. Тогда же красили и расписывали различными способами яйца «*yazılı yumırta*»: *alaca yumırta*, *yazılı*, *kondeyli*, *kuşaklı*. Для каждого отдельного рисунка, изображаемого на яйце, использовали особые названия: «*puluk*» (плуг), «*kaplın*» (петли), «*yapraklı*» (листья), «*koç kaçası*» (баранья голова), «*tirmik*» (грабли) и др. В некоторых селах до

сих пор сохранился обычай расписывать яйца, который совершается пожилыми женщинами (с. Баурчи, с. Конгаз, с. Казаклия, с. Гайдар). Пасхальное яйцо (обычно окрашенное первым или просто освященное) наделялось магической силой и использовалось как апотропеическое средство от града (с. Бешгёз). Считалось, что оно способно защищать дом и его обитателей от зла и наделять людей здоровьем. С этой целью дети терли таким яйцом щеки, лоб.

В первые три дня Страстной седмицы Церковь вспоминает о последнем пребывании Христа в Иерусалиме. В эти дни Иисус проповедовал в храме и излечивал от болезней тех, кто пришел к нему. Четверг, пятница и суббота связаны со страшными событиями: предательством Иудой Иисуса Христа (четверг), принесением Иисусом себя в жертву (пятница) и его смертью (суббота). В гагаузском фольклоре есть песня «*Gefsimaniyü başçası*», в которой освещаются мучения Иисуса и Его распятие.

Одним из наиболее почитаемых дней Великого поста является Великий (Чистый) четверг – **Ak perşembä**, последний четверг перед Пасхой. Обрядность этого дня, которая сохранилась в некоторых селах в архаической форме (Конгаз, Баурчи), связана с поминовением умерших. Начиная с Чистого Четверга, отмечали семь, (в с. Дезгинджа – девять) четвергов от града (87). Аналогичный обычай существовал у болгар, румын, молдаван (88).

Каждый год в Чистый четверг, согласно народным представлениям, «души умерших родственников возвращаются в свои дома и остаются там до кануна Вознесения». К этому дню приводили в порядок могилы. Целью обрядовых действий, совершавшихся в Чистый четверг, было «пригласить умерших родственников домой, как дорогих гостей». Обычай Чистого четверга связаны с древними представлениями о загробной жизни, о влиянии умерших на жизнь живых.

Рано утром во дворе каждого дома разводили небольшой костер (обряд «согревания покойников»), рядом с которым ставили столик с кутьей, калачом и свечой. У порога в дом вешали полотенце и ставили ведро или тазик с водой, «чтобы душа могла умыться» (89). На убранную постель ставили белую подушку, а рядом – кружку с водой, «чтобы душа могла утолить жажду и отдохнуть». На следующий день все домочадцы пили воду из этой кружки (90). Эти обрядовые действия, на наш взгляд, можно расценивать как реликт одного из древних способов приобщения умерших предков к жизни живых.

Уходя на кладбище, оставляли калитку приоткрытой, «чтобы умершие предки могли беспрепятственно войти в дом». По пути на кладбище (с. Конгаз, с. Бешалма, с. Баурчи) на обочине дороги, на колодцах и мостах оставляли зажженную свечу, коливу, питу (дрожжевая лепешка), мелкую монету, черные нитки, «чтобы душа могла с помощью ниток выбраться на землю с того света» (с. Бешалма). Окуривали ладаном могилу и все принесенное с собой: коливу, питу, сладости и вино.

Количество лепешек соответствовало числу умерших в семье. На кладбище обменивались принесенной едой, угощая друг друга. Часть вина уносили в бутылке домой. Уходя домой, кладбищенские ворота поливали небольшим количеством вина со словами: «*kal saalceylan İspasadan*» (досл. «до встречи в праздник Вознесения»). Оставшееся в бутылке вино расценивалось как «подарок от умерших родственников». Им угощали на Пасху всех домочадцев, что являлось одной из форм причащения. В

подобном способе причащения остатками «четвергового вина», существовавшего у болгар и гагаузов еще на Балканах и сохранившегося до XX века, проявляются пережитки культа предков.

Начиная с Вербного воскресенья до Фоминой недели в церкви не совершали панихид в память умерших и, соответственно, не освящали кутью. Поэтому на кладбище кутью несли неосвященной. Церковь оказалась бессильна против древнего обычая поминовения умерших в Чистый четверг. Поминальные обычаи «Чистого» Четверга широко распространены у народов Балкано-Карпатского региона и у восточных славян (91).

Великий четверг – день Тайной Вечери. На ней Иуда находился в непосредственной близости от Христа и слышал его слова: «Один из вас предаст Меня». В знак того, что это сделает именно Иуда, Христос подал ему обмотанный кусок хлеба. После слов Христа: «что делаешь, делай быстрее» Иуда вышел из комнаты в ночь. Иуда привел толпу, посланную схватить Христа, на известное ему место, и помог своим поцелуем опознать Христа в ночной темноте: «Кого я целую, тот и есть, возьмите его». За эту услугу ему заплатили тридцать сребреников. Синедрион обвинил Иисуса в несоблюдении 10 заповедей, соблюдаемых евреями, в совершении работы с субботы (исцеление больных) и т.п. Узнав об осуждении Христа судом Синедриона и выдаче его на расправу Понтию Пилату, Иуда в раскаянии возвращает тридцать сребреников своим нанимателям со словами: «согрешил я, предав кровь невинную». Но было уже поздно. Иуда в отчаянии повесился.

Пасха (*Paskellä*) считается большим религиозным и народным праздником. Ко дню Пасхи производили в доме все ремонтные работы: покраску, побелку, глиной обмазывали полы в домах. Детям покупали что-либо из одежды.

На пасхальное богослужение в церквях собиралось много людей. В полночь прихожане вместе с духовенством совершали крестный ход вокруг церкви. Свечу с пасхальной заутрени «*okunmuş ateş*» несли зажженной домой, как и в Чистый четверг, и давали поддержать всем домохозяевам. Ею зажигали фитиль в лампадке и венчальные свечи. После обряда причастия освящали обрядовый хлеб, яйца и др. В церкви и дома родственники и соседи обменивались поздравлениями и обрядовой едой (пасхой и яйцами).

В некоторых гагаузских селах (Авдарма, Чок-Майдан, Дезгинджа, Баурчи, Джолтай) на Пасху дети ходили из дома в дом. Поздравляя домохозяев с праздником и целуя им руку, они произносили принятое поздравление: «Христос воскрес» и «Воистину воскрес» или «*Hristoz dirildi*» и «*Akına dirildi*». Детей одаривали крашеными яйцами и сладостями. Этот обычай назывался *Kırmızı yumurtıylan gezmää* («Ходить с красным яйцом»).

На Пасху, как и на Новый год, семейные пары приходили в гости к матери невесты, а молодожены – к посаженным родителям.

Важную часть пасхального праздника составляли молодежные развлечения: танцы (*horo, foru, jok*) и состязания по борьбе (*güreş*), которые повторялись каждое воскресенье, вплоть до праздника Хедерлез. Для победителя учреждался специальный приз – баран, петух, деньги. На такие праздники собирались жители нескольких сел. Излюбленным занятием детей и молодежи на Пасху являлось катание с горок крашенных яиц, а также обычай чокаться крашеными яйцами.

Праздник Пасха имеет древнюю историю. Первую Пасху праздновали древние Иудеи за 1500 лет до Рождества Христова. Тогда это был праздник освобождения евреев от египетского плена (слово «Песах» значило «исход, избавление»). Христианскую Пасху (Новозаветную) апостолы установили после крестной смерти и воскресения Иисуса Христа.

Сначала христианскую Пасху праздновали одновременно с иудейской, в день приготовления евреями пасхального агнца. Пасхальная жертва стала олицетворять Иисуса Христа, пожертвовавшего собой ради человечества.

Во II веке к Пасхе, которую посвящали смерти Спасителя, добавили второй праздник – Пасху в честь Его воскресения. И только в V веке на Вселенских Соборах Отцы Церкви окончательно утвердили сроки, обряды и каноны Пасхи. Они установили, что христианская Пасха – это праздник Воскресения Христова. Ее обязательно празднуют отдельно от иудейской, в первое воскресенье после полнолуния, которое следует за мартовским равноденствием 21 марта. У православных церквей Пасха приходится на период с 22 марта / 4 апреля по 23 апреля / 6 мая. Поэтому христианская Пасха осталась праздником, дату которого нужно исчислять каждый год. По ней определяют даты других переходящих праздников.

В пасхальной обрядности яйцо занимает важное место. Красное яйцо – символ воскресения, символ Пасхи. Есть предание о том, что обычай красить яйца появился благодаря разговору Марии Магдалины с римским императором Тиберием. Мария подала ему яйцо с возгласом: «Христос воскрес!».

Император засомневался, что смертный человек может воскреснуть из мертвых. «В это также трудно поверить, как и в то, что это белое яйцо может стать красным!». И в тот же момент, согласно легенде, белое яйцо стало алым.

В христианской религии яйцо получило новое символическое значение. Как из яйца возникает новая жизнь, так мир заново родился после Воскресения Христова. Красный цвет не только говорит о радости воскресения и о возрождении рода человеческого, но еще и напоминает о крови, которую Христос пролил на кресте, искупая грехи человечества. Вначале яйца красили только в красный цвет, но впоследствии стали раскрашивать во всевозможные цвета и даже разрисовывать их (писанки).

Девятый день после Пасхи (в понедельник) в народе назывался **Küçük Paskellä, Paskellenin dokuzu, Ölülerin Paskellesi** (Малая Пасха, Девятый день Пасхи, Пасха мертвых). В этот день в храме служили панихиды, а на кладбище устраивали коллективные поминки по умершим родственникам. Данный обычай исполняется во многих гагаузских селах и в настоящее время. С утра, на кладбище собиралось все село семьями, и устраивали общественные трапезы. Принесенную еду (пасху, кутью, вино и др.) выстраивали в два и более рядов. По окончании панихиды, совершавшейся прямо на кладбище, священник проходил по рядам и освящал продукты. Затем все присутствующие шли на могилы своих родственников, окуривали их ладаном и устраивали на ковриках, которые расстилали на земле, жертвенную трапезу. Обычно родственники собирались несколькими семьями вместе и поминали всех умерших, в том числе родовых предков. В.А. Мошков отмечал, что настроение при этом у всех было праздничное, «как будто бы с ними вместе пировали умершие родственники». В этот день запрещалось стирать, шить и заниматься другими женскими и мужскими работами.

Представления о том, что умершие предки могут влиять на деятельность живых, на плодородие и благополучие распространены у многих народов и имеют индоевропейские корни. Например: представления о зависимости материальной жизни от почитания памяти предков, о могуществе предков, происходящем от их пребывания в потустороннем мире. Сроки общественного поминовения умерших (в Фомино воскресенье, во второй понедельник или вторник после Пасхи) во многом совпадают у народов Юго-Восточной Европы (болгар, народов бывшей Югославии, украинцев, белорусов, русских, части румын, молдаван), что связано со временем поминовения умерших, установленным православной церковью (92).

§ 3. ЛЕТНИЙ ЦИКЛ ПРАЗДНИКОВ

Праздник в честь Великомученика Георгия Победоносца (23 апреля / 6 мая) в народе называется **Hederlez, Ederlez** (Хедерлез) реже **Ay Yorgi, Ay Görgi** (Св. Георгий). Этот день считался одним из самых больших праздников в году, празднование которого в XIX веке длилось три дня. По своей значимости праздник Хедерлез не уступал Пасхе. В этот день чествовали Св. Георгия, который в народных представлениях являлся покровителем крупного и мелкого рогатого скота. Согласно народным воззрениям, «с этого дня начинается лето».

Праздник Хедерлез считался началом нового хозяйственного года и играл важную роль в экономической жизни народа. Отнесение начала годового цикла к первой половине мая связано с периодичностью скотоводческого хозяйства, с появлением первой зелени и перегонем скота на летние пастбища. В этот день заключались и расторгались различные договоры, в том числе обговаривали условия найма пастухов.

Основными компонентами праздника Хедерлез являются обычаи и обряды, связанные с жертвоприношением животного (*kurban*), с культом предков, со скотоводством, с водой и растительностью, которые переплетаются друг с другом. Необходимо отметить, что жертвоприношение животного с аналогичным названием известно многим народам мира в самые различные исторические эпохи: древним евреям (*korban*), ассирийцам (*kurbanu*), арамейцам, арабам, туркам, албанцам (*kurban*), эллинистическому населению Малой Азии и Восточного Средиземноморья (*korban, korbana*), сербам, македонцам, болгарам, гагаузам (*курбан*), чувашам (*харпан*), удмуртам (*курбон*).

Накануне этого дня женщины собирали различные целебные травы и заваривали их. Рано утром в день Св. Георгия купались в этой воде. На рассвете росой промывали глаза, ноги, руки, «чтобы не болели». Эти обычаи связаны с воззрениями о том, что природа накануне праздника Хедерлез приобретает магическую силу.

Утром мужчины верхом на лошадях совершали обрядовый обход полей с целью определить степень созревания зерновых.

В обрядности праздника Хедерлез прослеживаются черты древней скотоводческой традиции. Центральным моментом праздника было обрядовое заклятие жертвенного ягненка и приготовление из него специального блюда – «курбан с крупой»

(*kurban bulgurlan* - "курбан с булгуром"). (Позднее вместо крупы использовали рис - *kurban pirinçlän* "курбан с рисом").

Для жертвоприношения на праздник Хедерлез выбирали обычно самого лучшего ягненка из нового приплода, мужского пола без физических недостатков. Над ним совершали ряд обрядовых действий, затем кадили ладаном, перекрещивали и резали. Если в селе была церковь, то некоторые прихожане святили там живого ягненка. Шкуру ягненка давали священнику в качестве платы за услугу.

К архаическим элементам также относится использование костей и крови жертвенного животного. Считалось, что кровь жертвенного животного обладает магической силой, в том числе предохраняет от воздействия злых сил. Ею делали детям кресты на лбу, щеках, подбородке, а также на дверях дома. Оставшуюся кровь выливали на землю в недоступном месте (под амбаром, то есть где никто не ходит). После трапезы кости жертвенного ягненка уносили домой и зарывали в землю. Согласно народным воззрениям, этим костям приписывали магическую силу - способность влиять на увеличение потомства у людей и приплода у животных. В основе обрядовых действий с костями и кровью жертвенного животного лежит контактная магия для увеличения плодородия земли, плодовитости скота и людей.

Когда курбан и обрядовый хлеб (*kurban ekmää*) были готовы, их несли в церковь святить. После окончания обедни на церковном дворе устраивали коллективную трапезу, то есть жертва приносилась от каждой семьи и от лица всего коллектива (от всех жителей села). Иногда коллективную трапезу устраивали отдельно на каждой улице. Обряд «поедания» жертвенного ягненка обставлялся различными ритуальными запретами: при еде нельзя было ломать костей, чтобы не «нанести физических увечий овцам». Данный запрет связан с воззрениями о возрождении и размножении жертвенного животного (93).

Важной частью обрядности праздника Хедерлез является апотропеическая (предохранительная) магия. Согласно народному поверью, накануне дня Св. Георгия активизировалась нечистая сила (*Cadı*), которая отнимала у молочного скота "ману" (*mana*) или урожай в поле. В понятие "мана" народ включал жизненную силу животного и его способность давать молоко. Чтобы уберечься от колдунов, рассыпали во дворе освященные на Пасху семена мака или проса, приговаривая: «пусть джяды возьмет свою "ману" (добычу) тогда только, когда соберет до последнего зернышка все рассыпанное просо».

Составной частью праздника были молодежные развлечения - хоро, качания на качелях («чтобы летом работа была легка»). Согласно народному поверью, обычай качаться на качелях обеспечивал благополучие людей и всего хозяйства. В этот день принято было подводить некоторые итоги: детей взвешивали и измеряли их рост, сравнивая эти данные с предыдущим годом.

Особенностью обрядности праздника «Хедерлез» у бессарабских гагаузов является отсутствие некоторых элементов, составляющих важную часть георгиевской обрядности у народов Балкано-Карпатского региона (болгар, албанцев, румын, молдаван, народов бывшей Югославии): многочисленные обычаи, связанные с первым доением овец (украшение зеленью сосудов для доения, кошар, овцу (которую доили первой); использование различных магических предметов при первом доении овцы - кольцо,

монета, яйцо) и обрядовым выгоном скота на пастбища (94). Вместе с тем отметим, что некоторые обычаи, связанные с использованием молочных продуктов (молока, брынзы, рисовой каши и др.), совершались гагаузами Болгарии (95). Отсутствие этих обычаев и обрядов у бессарабских гагаузов, вероятно, объясняется их забвением.

Праздник Хедерлез – это древний праздник первой травы, первой росы, первого приплода, который в первую очередь связан со скотоводческой деятельностью.

На иконах Георгий Победоносец изображен победителем над злом в виде змея (Змеборец, Драконоборец). Он, согласно церковному житию святых, родился в Каппадокии (Малой Азии) и происходил из знатной и богатой семьи. Уже с юных лет красивый, физически сильный и отважный юноша состоял в свите императора Диоклетиана. Георгий совершил немало воинских подвигов и был талантливым полководцем. Воспитанный родителями в христианском духе, он стал ярким приверженцем христианской веры. Георгий был подвергнут жестоким истязаниям и пыткам, но не отказался от христианской веры. Он был обезглавлен 23 апреля 303 г. (Есть и другая дата его смерти – 288 г.).

Георгий является образцом «идеального воина-христианина» и святым, который покровительствует воинам. Праздник этого популярного святого вобрал в себя представления первобытной религии и христианские легенды. Культ Св. Георгия распространился в Византийское время. В христианстве функции языческого божества, связанного с водными источниками, вобрал в себя Св. Георгий, а в мусульманстве Св. Хыдыр.

Через сорок дней после Пасхи отмечали праздник Вознесение Господне – *Is pas* (Испас), в обрядности которого христианские элементы тесно переплетены с древними представлениями о загробном мире, о душе. Поминальная обрядность является наиболее консервативной частью духовной культуры народа. Поэтому обрядовые действия Вознесения и других праздников, связанных с поминовением умерших, хорошо сохранились и совершаются в некоторых селах и в настоящее время. Это последний из семи Великих четвергов, отмечавшихся от града.

Основная часть обрядности была сосредоточена накануне праздника Вознесения, в среду. Согласно народным воззрениям, души умерших родственников, отпущенные на землю в Чистый четверг, возвращались обратно в загробный мир в день Вознесения. Перед возвращением «туда» они ждут у ворот кладбища подаяний от родственников. Если о них никто не вспомнит, то они возвращались обратно, захватив с собой лишь землю.

К этому дню готовили обрядовые хлеба (*paska*) и красили яйца, которые вместе с другой едой освящали в церкви. Накануне Вознесения крестьяне приходили на могилы умерших родственников и «прощались» с ними, одаривая друг друга калачами и обрядовой едой. По народным представлениям, умершие родственники на том свете продолжают вести свое хозяйство и живут обычной жизнью, а потому «им, как членам семьи, тоже должна выделяться часть еды».

Воззрения о том, что загробная жизнь является продолжением земной жизни, были распространены у древних греков и у других народов. Обычай одаривания в память умерших накануне Вознесения и в Вознесение связан с религиозной обрядностью и широко распространен у христианских народов (96).

В Вознесение многие гагаузские, а также болгарские села, отмечали межсельские праздники «Сбор» (*Zbor*), которые сопровождалось жертвоприношениями животных, спортивными состязаниями (скачками, борьбой), всеобщим весельем и ярмарками (97). Обычай устраивать спортивные состязания, приуроченные к поминальному дню, вероятно, можно рассматривать как остатки древних погребальных игр и пиршеств.

В христианских религиозных представлениях Вознесение – это возвращение Иисуса Христа по завершении им земной жизни в божественную сферу бытия – «на небо». Согласно Новому Завету, Вознесение произошло через 40 дней после Воскресения, в окрестностях Иерусалима, на склоне горы Елеон, в присутствии апостолов после беседы с ними. Последний жест Христа перед исчезновением в глубине небес – благословение (Евангелие от Луки).

В День Св. Иеремии – 1/14 мая совершали обряд вызывания дождя Пипируда (*Pipiruda*) с целью предупредить засуху. Накануне 14 мая мать одной из участниц обряда лепила из глины человеческую фигурку длиной 20-30 см., которую обычно одевали как младенца (в шапочку и кофточку). Ночью группа девушек (позднее девочек) во главе с одной из женщин оплакивали в доме *Германчу* (глиняную куклу), который для участниц обряда являлся как бы «младшим братом» (*nicä kardaşçık*). Обрядовое оплакивание носило естественный характер и сопровождалось искренними слезами.

Наиболее распространенным названием такой «куклы» было *Германчо* или *Германчу*. В некоторых гагаузских селах это название имело незначительные отличия: *Герменчо* (с. Чок-Майдан), *Герданчо* (с. Джолтай), *Ерменчо* (с. Кирсово), *Герги* (с. Конгаз, с. Бешалма), *Кальянко*, *Кальенка* (г. Вулкэнешть), *Кальенчу* (с. Авдарма). Иногда такую «куклу» называли сразу двумя именами: *Германчу* и *Танасчик* (с. Гайдар, г. Чадыр-Лунга, с. Кириет-Лунга, Бешгёз) или *Сенька* (с. Казаклия).

Рано утром (14 мая) группа девочек (иногда вместе с женщинами), состоящая из 10-30 человек, обходила крестьянские дома с пением обрядовых песен, в то время как мать одной из участниц оставалась возле «покойника». Девушки выбирали в своей среде одну главную, которую называли *Пипируда* или «невеста» (*gelincik*). В некоторых селах на роль Пипируды выбирали сироту (с. Джолтай). Ее голову украшал венок из белых полевых цветов (*pipiruda çiçää*); в руках она держала два букетика из этой же травы или базилика (*feslen*) и ведро с водой. Все участницы обряда обычно были одеты в траурную черную одежду и держали в руках листья лопуха (*kälabak yapraa*). Войдя во двор, они становились в круг, а Пипируда ходила по кругу, размахивая своими букетиками, в то время как остальные участницы пели песню-заклинание о дожде (*pipiruda türküsü*). В заключение одна из девушек (в некоторых случаях это была сама Пипируда) кропила хозяйку и дом водой.

Хозяйка одаривала участниц обряда (*pipirudacılar*) различными продуктами: мукой, свиным жиром, растительным маслом, яйцами, мелкой монетой и др. Муку приносили в сите, которое затем катали по земле. По положению, в котором сито останавливалось, гадали об урожайности года (вверх дном – урожай, вниз дном – неурожай). В отдельных селах некоторые хозяйки не давали яиц, чтобы не вызвать град (98). У гагаузов Болгарии одаривали свечами и ладаном, которые использовались при похоронах и поминовении *Германчу* (99).

После одаривания хозяйка поливала Пипируду водой, «чтобы пошел дождь». В данном обряде проявляются элементы *симпатической магии*, где желаемое достигается подобными же действиями. По мнению многих ученых, ритуал поливания Пипируды водой свидетельствует о человеческих жертвоприношениях, имевших место в древние времена.

Обряд Пипируда включал в себя множество похоронных атрибутов. Специально для Германчу делали маленький гробик, иногда его просто ставили на доску или черепицу, то есть он изначально представлял собой уже умершего младенца мужского пола. Вокруг Германчу выкладывали цветы, руки ему скрещивали на груди и вставляли зажженную восковую свечу. Участницы обряда делали деревянный крест и «поминальное дерево» (не во всех селах), на которое вешали калач, полотенце и другие предметы.

После обхода дворов, пока женщины готовили «поминальную» трапезу из собранных продуктов, а участницы обряда несли Германчу к источнику и закапывали его на берегу озера или ручья или сразу бросали в воду. Если водный источник находился слишком далеко, то «покойника» закапывали на поле или бросали в недействующий колодец (*kör pınar*). По прошествии 3 или 9 дней «куклу» раскапывали и затем бросали в воду (с. Гайдар). После «похорон» с обрядовой ветки снимали поминальные дары, которые доставались девочке, несшей ветку. В заключение «ветку», венок Пипируды и всю зелень бросали в воду, «чтобы пошел дождь». Обряд завершился поминальной трапезой (в честь Германчу) и мольбами о дожде и плодородии в том доме, где ранее оплакивали куклу. По мнению большинства этнологов, в основе обряда с Германчу лежат воззрения об умирающем и воскресающем божестве растительности.

Наиболее распространенная песня, исполнявшаяся в обряде Пипируда, представляет собой песню-молитву с просьбой о дожде.

Pipiruda gezerim,	Пипирудой хожу,
Allaha duva ederim:	Бога молю:
“Ver, Allahım, yaamurcuk,	«Дай, Господи, дождик,
Tarlalara – çamurcuk,	Чтоб на поля – грязь,
Teknelerä – hamurcuk,	В корыта – тесто,
Sinillärä – kollaççık,	В формы – калачи,
Fırınnara – ekmecik,	В печи – хлеб.
Ver, Boje, yaamur!”	Дай, Боже, дождь!»

Сохранились этнографические сведения, из которых следует, что в первой половине XIX века гагаузы Бессарабии совершали обряд вызывания дождя с жертвоприношением животного (барана). В донесении старшего благочинного колониистского управления, протоиерея Н. Петрова епархиальному начальству от 10 февраля 1848 г. говорится о том, что жители колонии Комрат, «... будучи болгарами, говорят на турецком языке ...», совершая обряд вызывания дождя, сделали себе другого бога – идола, к которому «... приходили толпами, в безрассудстве своем жены, девы и некая часть мужей ...» и оказывали идолу (*Германчу*) идольские почести: оплаки-

вали, окуривали ладаном, зажигали свечи, приносили жертвоприношения, которые состояли «... в закалывании барашков... и приготовлении из них яств...», умоляли и просили у «... господина идола плодоносный дождь на засохшую землю и вверенные ей посевы» (100).

Факт использования в XX веке бессарабскими болгарскими (к которым обычно причисляли и гагаузов) жертвенного животного (ягненка) в поминальной трапезе в честь «Германа» подтверждается сведениями болгарских этнографов М. Арнаудова и Р. Попова (101).

В случае длительной засухи женщины неоднократно совершали обряд Германчу, с похоронами «куклы» и поминальной трапезой. По сведениям информаторов, обряд вызывания дождя с погребением Германчу и торжественной процессией был совершен жителями г. Комрат во время длительной засухи в 1996 году.

Помимо обряда Пипируда, существовали и другие способы вызывания дождя – обрядовый обход полей вдовами села (*dul karilar*), то есть ритуально «чистыми» женщинами. Во время длительных засух женщины шли на поле, на границу с соседним селом, и окропляли поля освященной в церкви водой (*ayazma*). Наиболее распространены были крестные ходы с иконами и с участием духовенства.

Обряды “вызывания дождя” *пеперуда*, *папаруда*, *герман*, *додола*, *калоян* известны всем народам Балкано-Карпатского региона (болгарам, сербам, грекам, албанцам, румынам и молдаванам) (102).

В этот день Христианская церковь чествует древнееврейского пророка Иеремию, жившего в VII – начале VI вв. до н. э. Основу книги Ветхого Завета составляют проповеди и изречения Иереми. Ему также приписывается авторство книги Ветхого Завета «Плач Иереми». Он был прорицателем яростным изобличителем человеческих пороков. Народное и церковное содержание праздника имели между собой мало общего.

Праздник в честь Св. Николая-летнего (*Nikulay*, *Nikulay günü*, *Ay Nikola*, *Nikul günü*, *Sveti Nikola*) отмечали 9 / 22 мая. Во многих семьях в День Св. Николая делали курбан (*steunoz kurbani*) в честь святого, покровителя семьи (которого обычно выбирали по имени мужа), курбан в честь ангела-хранителя, а также церковные курбаны. В с. Казаклия в День Св. Николая-летнего устраивали курбаны на улице (коллективные трапезы).

На венчальный курбан готовили обрядовое блюдо из жертвенного ягненка или петуха, которым угощали приглашенных родственников.

Суббота накануне Троицы (Троицкая суббота) называется в народе **Moşa**, **Moşa Cumaartesi**, **Duşnița** (Моша, Душница) была днем общественного поминовения умерших. В этот день исполнялся поминальный обычай называемый *Моша*. На кладбище собирались женщины с кутьей на блюдах и с графинами воды, которые там же освящал священник. По окончании молебна они угощали друг друга “коливой” и одаривали различной деревянной посудой в память умерших родственников, а воду выливали на могилу. При одаривании глиняной посудой ее наполняли молоком или фруктами (103).

В троицкой обрядности важную роль играет зеленая растительность, которая использовалась в качестве апотропейного (предохранительного) средства. В

Троицкую субботу украшали ворота ветками ореха (*ceviz yapraa*) или акации (*biyaz salkım*). В домах и в церкви полы покрывали травой. Считалось, что трава, которая пролежала на полу эти дни, обладает магической силой. По окончании праздников ее собирали и использовали с лечебной целью (в ней мыли голову и купали детей).

Предохранительная магия, занимавшая важное место в троицкой обрядности, имела целью защитить людей, урожай и скот от колдунов (*Cadı*). Считалось, что накануне Троицына дня *Cadı* отбирали у урожая «ману».

Троицкая обрядность у гагаузов (*Moşa*) аналогична троицкой поминальной субботе («*simbăta rusalilor*», «*moşii cei mari*») у молдаван и румын (105). Использование зеленой растительности в троицкой обрядности в качестве апотропейного средства широко распространено у многих европейских народов (106).

В праздновании Святой Троицы - *Troița, Troița pazarı* (Троицкое воскресенье), *Duminika Mari* (Великое воскресенье), которая отмечается на 50-й день после Пасхи, сохранились пережитки дохристианских верований. Этот праздник отмечали три дня: канун Троицы (Троицкая суббота), Троицу и понедельник после Троицы (день Святого Духа). Некоторые гагаузские села отмечали Сбор на Троицу (104).

Согласно народному календарю, до Троицы было запрещено косить траву. В действительности этот обычай имел практическое значение – разрешить заготовку сена для скота только после ее окончательного созревания, чтобы она смогла пролежать всю зиму.

Началом истории Церкви, ее рождением, явился праздник Пятидесятницы, который отмечался, начиная с 30-го года н.э. Когда над учениками Христа пронесся таинственный звук, подобный шуму ветра, и вспыхнули языки небесного пламени, они получили божественный дар убеждать людей и наставлять их в христианской вере. Это день сошествия Святого Духа на апостолов, с которого началось широкое распространение христианства.

В христианском учении отмечается, что сущность Бога едина, но бытие имеет три ипостаси: Господь-Отец – носитель бескрайнего начала, Бог-Сын – спаситель света и Святой Дух – «животворящее» начало. На иконах Троица изображена в виде трех ангелов (символ Троицы).

Сразу после Троицы, с понедельника, отмечали **Rusali aftası** (Русальную неделю), которая завершалась в первый день Петрова поста обрядом «Проводов Русалий» *Rusalileri koolamaa* («Прогнать Русали») реже *Rusalileri geçirmää* («Проводить Русали») (107). Это второй этап в праздновании в честь мифических существ Русали. Первый этап начинался в Русальную среду, в праздник Преполование, который отмечали через 25 дней после Пасхи (четвертая среда). В народе этот день назывался **Rusali çarşambası** (Русальная среда). В этот день совершали обряд Встреча Русали (*Rusalileri getirmää* – букв. Привести Русали). В некоторых селах (Авдарма, Чок-Майдан, Джолтай, Казаклия, Баурчи, Чадыр-Лунга) обряд представлял собой театрализованное представление, сутью которого было «приглашение» Русали в село «как дорогих гостей с другой планеты». Празднование начиналось на полях в обеденное время. Участницами обряда являлись женщины, которые на поле переодевались в белую одежду. Вслед за этим начиналось гулянье с хоро, песнями, музыкой (не везде), весельем и коллективной трапезой. С поля вся процессия направлялась к определенному дому и там веселье продолжалось до глубокой ночи.

Накануне Русальной недели расстилали полынь (*pelin*) в комнатах на полу, ее носили в кармане рубашки, на поясе, клали в постель. Трапеза этого дня обязательно включала водку или вино, в которые предварительно клали полынь. Предохранительная магия выражается также в соблюдении некоторых запретов, связанных с этими днями, с целью не разгневать Русали: нельзя работать ни в поле, ни дома; нельзя спать в обед, стирать, купаться и т. д.

В Русальных праздниках магия плодородия тесно переплетается с предохранительной магией. Связь Русали с водной стихией проявляется в их способности орошать поля водой. Поэтому в русальных обрядах принято поливать друг друга водой при приглашении и проводах Русали, а также поливать ею землю. Магические действия совершали с целью обеспечить плодородие земли.

В представлениях о Русали как о мифических существах наблюдается некоторая двойственность, связанная с представлениями о добрых и злых духах. С одной стороны, Русали – это злые духи, способные навредить человеку и его хозяйству, если он не соблюдает всех предписанных запретов: человека, спящего в поле в полдень, могут сделать сумасшедшим и т.п. С другой стороны, – это добрые духи, которые ухаживают за посевами зерновых и орошают их. Русалий приглашали прийти в село с плодородием «*bereketlän*» (108), то есть их чествовали как духов плодородия и водной стихии. Двойственные и нечеткие представления о Русали проявляются также в том, что иногда их смешивали с мифическими существами другого рода (мужского пола, зачастую похожих на великанов, плохо относящихся к человеку). По-видимому, представления о Русали как о демонических существах (умершие некрещенные дети) являются более позднего происхождения и возникли под влиянием христианства.

Обряды с незначительными изменениями в названии, связанные с празднованием в честь мифических существ Русали, известны у многих народов Юго-Восточной Европы, но они в определенной степени отличаются по форме, содержанию и времени исполнения. Гагаузская русальная обрядность во многом схожа с аналогичной обрядностью восточных славян: связь Русали и Русалок с плодородием и водной стихией (109). В то же время, в гагаузской русальной обрядности, в отличие от русальной обрядности болгар, румын и молдаван, отсутствуют ритуальные действия направленные на “исцеление, врачевание людей” (110).

Сразу же после Троицы Церковь отмечала праздник в честь Святого Духа (это пятьдесят первый день после Пасхи). В этот день Православная церковь возносит благодарение Животворящему Духу Господню. Первая же неделя после Троицы посвящена памяти всех святых.

Рождество Иоанна Крестителя (24 июня / 7 июля) совпадает с днем летнего солнцестояния, который в народе называется **Dragayka** (из молд. *Drăgaica*) и связывается серединой лета (*yaz ortasi*). Этот день считается большим религиозным праздником, в который запрещено работать. В с. Копчак он называется **Yan günü, Yani günü, Yeni günü** (из болг. *Еньовден*). Согласно народным воззрениям, на Драгайку «солнце поворачивает к зиме» (*gün dönmesi*): день уменьшается, а ночь увеличивается.

Основное обрядовое действие – обрядовый обход полей с целью проверки состояния зрелости пшеницы. Рано утром каждый хозяин осматривал свои поля и опре-

делял сроки начала уборки урожая. Уходя с поля, он срывал с четырех углов поля по пучку колосьев, которые скармливали впоследствии домашней птице. После Драгайки начинали косить ячмень.

В день летнего солнцестояния было принято просушивать и перетряхивать вещи от моли, тем самым этот обычай давал возможность для девушек показать свое приданое.

Широко распространены были гадания о счастье по цветам чертополоха (*genger*). Накануне праздника Драгайка (*Dragaykaya karşı*) дети или девушки приносили домой чертополох согласно количеству детей в семье и условно называли каждый цветок именем члена семьи. Затем верхушку цветка подстригали. На следующий день смотрели, у кого верхушка цветка выросла длиннее, того ожидало счастье в будущей семейной жизни. Девушки гадали по цветам чертополоха о суженом (*kismetini bakmaa*).

Следует отметить, что аграрная обрядность праздника летнего солнцестояния (обряды связанные с водой и растительностью) у гагаузов, в отличие от народов Юго-Восточной Европы, выражена слабо. Обрядовые огни, которые являются важной частью «солнечных» праздников у земледельческих народов, у гагаузов отсутствуют; нет также обычая аналогичного болгарскому – «Янева буля». Незрелость обрядности праздника летнего солнцестояния, вероятно, объясняется более поздним его происхождением.

Православная церковь отмечает в этот день рождение Иоанна Предтечи, названного так потому, что он начал проповедовать раньше Христа. Крестителем он назван был потому, что крестил Иисуса Христа и первым стал крестить людей в христианскую веру.

В Евангелии нет точной даты рождения Иоанна Предтечи. Согласно евангельскому рассказу, Иоанн родился за шесть месяцев до Христа. А так как день рождения Христа празднуется зимой, в дни зимнего солнцестояния, то было решено праздновать память Иоанна Крестителя в середине лета, в дни солнцеворота. Под знаком Иисуса Христа солнце начинает «возрастать», а под знаком Иоанна Крестителя – «уменьшаться» (своеобразная материализация слов Иоанна Крестителя: «ему должно расти, а мне умяться»).

Тысячи людей шли в Иудейскую пустыню, чтобы услышать проповедь Иоанна и принять от него крещение в водах реки Иордан. Иоанн Креститель всенародно засвидетельствовал, что Иисус является Мессией. Иоанн Креститель стоит на рубеже Ветхого и Нового Завета. Образ Иоанна Крестителя играет в православной традиции более важную роль, чем в католической.

Праздник в честь святых апостолов Петра и Павла – **Petro-Paul, Petro hem Pavli** (29 июня / 12 июля) в народе часто называется по имени первого святого – *Petro*. До Петрова дня убирали ячмень и рожь, а с Петрова дня начинали косить пшеницу. Согласно сведениям информаторов, этот день отмечали также от града (с. Баурчи). Празднику предшествовал Петровский пост (**Petro orucu**), который соблюдали «для здоровья». В этот день устраивали венчальные и именные курбаны (именинники отмечали день ангела-хранителя). В церкви освящали первые фрукты: яблоки и абрикосы, которыми вначале угощали других, а потом уже ели сами. Аналогичный обычай известен у румын (111).

К архаическим элементам относится обычай разговляться мясом домашней птицы (*Petro pilici* – “Петровский цыпленок”). Впервые в День Св. Петра употребляли в пищу петухов нового вывода. В данном обычае прослеживаются пережитки древних жертвоприношений, связанные с началом уборки урожая с целью заручиться поддержкой умерших родственников на период жатвы. Иногда соседей или бедняков одаривали живым петухом. Обычай жертвоприношения в День Св. Петра петуха известен у болгар, словенцев (112).

При завершении жатвы сплетали пучок из лучших колосьев наподобие «бороды» (*brada*) и ставили под икону. Считалось, что зерна этих колосьев обладают магической силой, способной восстановить репродуктивную функцию земли. В следующем году “бороду” могли заменить, а зернами от прежней «бороды» кормили домашнюю птицу, чтобы лучше неслись. Иногда такую «бороду» оставляли висеть под иконой несколько лет для сравнения урожаев разных лет.

Согласно христианскому календарю, в этот день чествуют апостолов Петра и Павла. По традиции Петр считается учителем иудеев, а Павел – язычников. Они творили чудеса, исцеляли людей и даже воскрешали умерших. В последние годы жизни они проповедовали в Риме, где и были казнены. Петр был приговорен к кресту и распят, по своей просьбе, вниз головой (то есть на перевернутом кресте), а Павлу отрубили голову. Мученичество Петра и Павла относят обычно к эпохе императора Нерона.

Петр – один из двенадцати апостолов, брат Андрея. Первоначальное его имя – Симон. До встречи с Христом он жил в Копернауме, занимаясь рыболовством. Петр занимал особое положение среди апостолов: его Христос учредил пастырем над своими «агнцами». По преданию евангелистов, Петр постоянно показывал Христу свою любовь и преданность, но по совершении Тайной вечери Христос предрек его трехкратное отречение «в эту ночь, прежде, нежели пропоет петух». Петр был первым из апостолов, кому явился по воскресении Христос.

Павел не знал Иисуса Христа во время его земной жизни и не входил в число двенадцати апостолов, но в силу своего призвания и чрезвычайных миссионерско-богословских заслуг почитается как «первопрестольный апостол» и «учитель вселенной» сразу после Петра и вместе с ним. Воспитанный в духе консервативного иудаизма Павел первоначально испытывал ненависть к первым христианам и даже участвовал в гонениях на них. Повторявшееся видение, после которого он ослеп, а потом исцелился, сделало Павла ярким христианином. Он крестился и начал проповедь христианство в Аравии. Его память в народе чествуют 30 июня / 13 июля.

Многие июльские праздники День Св. Кирика (**Kirikaşköp**) (15 / 28 июля), Св. Марины (**Marina**) (17 / 30 июля), Св. Илья (**Ay İliyä**) (20 июля / 2 августа), Св. Мария Магдалена (**Foka, Magdalina**) (22 июля / 4 августа), считались «опасными» (*hatalı gün*). Их отмечали “от пожара”, так как в июльское знойное время увеличивалась опасность пожаров во время жатвы и молотбы. Основу обрядности этих дней составляют запреты предохранительного характера, в основе которых лежит суеверный страх перед огнем, как природной стихией, способной уничтожить весь урожай. Запрещалось выполнять какую-либо работу и разжигать огонь.

Согласно народным представлениям, Св. Илья заведует небом, ветрами, облаками и дождем. Этот день празднуют также от пожаров. В день Св. Ильи в церкви

освящали мед, вареную кукурузу, яблоки, сливы, арбузы, которыми угощали друг друга. Мед освящали и в другие праздники по мере новой его выемки.

Празднование определенных дней в июле от пожаров широко распространено у южных славян и у восточно-романских народов (113).

Илия, как и другие ветхозаветные пророки, признан святым человеком у христиан и мусульман (Илияс). Имя его переводится с древнееврейского как «Бог мой Яхве». Илия жил приблизительно в IX в. до Рождества Христова. В ветхозаветном писании указывается, что он вел аскетический образ жизни и был последователем единого Бога (Яхве). Народ Израиля снова начал поклоняться языческому божеству (Ваалу) и забыл Бога, который помог Моисею вывести Израильский народ из египетского рабства. Талантливый проповедник и чудотворец, большую часть жизни он посвятил тому, чтобы его родной народ – евреи – снова вернулся к истинному Богу.

Простой человек, ставший посланником Божьим, Илия совершил много подвигов во имя добра и мира среди людей. На глазах у своего изумленного ученика Елисея, его унесла огненная колесница, которая спустилась с неба. В позднейших славянских православных традициях, а также и в некоторых балканских, Илья-пророк выступает, прежде всего, как персонаж, связанный с громом, дождем, а также с плодородием, летом, урожаем.

Праздник Преображение – **Probajne, Pobrejene** (6 / 19 августа) считался границей между летом и осенью. В день Преображения в церкви освящали яблоки, виноград, сливы и мед, после чего снималось пищевое табу на употребление этих фруктов. Ими одаривали соседей (*ileštirmää*) в память умерших. Запрет на употребление созревших фруктов до Преображения особенно соблюдали женщины, у которых были умершие дети. Считалось, что если мать ест фрукты до этого дня, то на том свете дети лишались их. Связь пищевого табу с умершими детьми является, по-видимому, более позднего происхождения. В основе запрета лежит древний обычай одаривания первыми продуктами земли духов плодородия и умерших предков.

Обычай освящать в День Св. Ильи и в праздник Преображения мед, виноград и другие фрукты и одаривать ими в честь умерших, широко распространен румын, молдаван («Ispas Mari»), греков, южных и восточных славян (114).

Свидетелем события Преображения были три человека: Петр, Иоанн и Иаков. Христос молился на вершине горы, а Петр, Иоанн и Иаков спали неподалеку. Когда же они пробудились, то увидели Учителя преобразенным: его лик после молитвы излучал сияние, одежда была пронизана светом. Рядом, беседуя с ним, стояли два пророка ... С небес прозвучали слова: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, Его слушайте». В этот день Церковь смягчала пост (Успенский) – разрешалось кушать рыбу.

Одним из наиболее празднуемых дней в году был праздник Успение Пресвятой Богородицы – **Büük Panaiyä** (15 / 28 августа). В народе его отмечали как праздник урожая. Ему предшествовал двухнедельный Успенский пост (*Panaiyä ogisu*). На Успение в церкви освящали виноград и новый урожай зерна. С этого дня разрешалось употребление винограда. Данный запрет имеет практическое значение – охрана здоровья: дожидаться полного созревания винограда. Из новой муки пекли калачи и хлеб, которыми одаривали соседей и прохожих за здоровье живых и в память

умерших. У гагаузов Болгарии в этот день совершали обряд «Аллахлык», который заключался в том, что хозяйки приготавливали обрядовую лепешку из нового помола муки и одаривали ею прохожих у источника, предварительно обрызгав ее водой (ПЗА). В основе данного обычая лежат древние воззрения: одаривание первыми продуктами земли духов плодородия и умерших предков.

Многие села в этот день отмечали «курбан церкви» *klisänin kurbanı* (храмовый праздник), а также проводили «Сбор» (межсельский праздник). На храмовом празднике принимали участие все жители села и приезжали гости из других сел. Даже в первой половине XX века этот праздник сохранял архаическую форму. Кроме баранов в жертву приносили быков. Коллективная трапеза сопровождалась танцами, скачками и различными театрализованными представлениями ряженых. Более массовыми были «Сборы» в которых принимали участие жители трех-четырёх сел. Они также сопровождалась жертвоприношениями животных, скачками, борьбой всеобщим весельем и ярмарками.

Празднику Успения приписывали особые свойства. Согласно народным воззрениям, в этот день, так же как на Пасху и День Св. Георгия, зарытые клады странным образом проявляли себя (*mal oynaması, mal oynâr*). О значении данного праздника в народных воззрениях свидетельствует тот факт, что более половины церквей в гагаузских селах Бессарабии были посвящены Богоматери.

В христианской религии праздник Успение связан со смертью Божьей Матери и ее воскресением.

С праздником Усекновение Главы Иоанна Крестителя – **Yuvan Krestitel, Seknovene** (29 августа / 11 сентября) связано множество запретов, которые имеют религиозный оттенок. Запрещалось употреблять в пищу все, что было красного цвета или имело круглую форму, то есть все, что напоминает кровь и голову Иоанна Крестителя: красный виноград, арбуз, дыню.

Православная церковь отмечает этот день в память печального события – отсечения главы пророка Иоанна Крестителя. В житие святых сказано, что глава Иоанна Крестителя была отсечена по желанию царицы Иродиады. В качестве ревнителя праведности Иоанн Креститель выступил с обличением Ирода Антипы, правителя Галилеи, который отнял у своего брата жену Иродиаду и при жизни прежнего мужа женился на ней, грубо нарушив этим иудейские обычаи. Ирод заключил Иоанна Крестителя в темницу, однако не решался казнить, страшась его популярности. Однажды на пир по случаю рождения правителя (тетрарха) его падчерица Саломея очаровала отчима своей пляской, после чего он обещал исполнить любую ее просьбу. По наущению Иродиады Саломея попросила принести ей голову Иоанна Крестителя. Тело Иоанна Крестителя погребли его ученики, а голова осталась как реликвия, которую переносили из одного города в другой.

8 / 21 сентября отмечали праздник Рождество Богородицы. В народе этот день называется Малая Богородица (**Küçük Panaiya**). С этого дня начинался массовый сбор винограда. У гагаузов не отмечено каких-либо обрядов, связанных с началом уборки винограда. Этот праздник отмечался в честь матери Богоматери – Анны.

Праздник в честь Рождества Богородицы установлен в IV веке. В Евангелии от Иакова рассказывается о скорби благочестивых пожилых иудейских супругов –

Иоакима и Анны, которым Бог долгое время не давал детей. Однажды, когда Иоаким пришел в храм, чтобы в очередной раз молить Господа о ребенке, один книжник надсмехался над ним. Печаль и стыд Иоакима были так велики, что он даже ушел в горы, где пастухи сторожили его стадо. Анна, которая также сильно страдала из-за своей бездетности, обратилась к Богу с молитвой дать им детей. И тогда в саду перед Анной появился ангел Господень и предвозвестил ей, что у нее родится дочь. Подобное видение в тот день было и в горах Иоакиму. Он сразу же поспешил домой, обещав принести Господу обильную жертву. Через девять месяцев у пожилых родителей родилась дочь. Ее назвали Марией.

Праздник в честь события Воздвижение Честного Креста (**Krestov, Ziua Kruça** – День Креста) отмечали 14 / 27 сентября. По народным приметам считалось, что с этого дня птицы начинают улетать в теплые края. В некоторых селах совершали обычаи, связанные с зеленой растительностью: в церкви из цветов сплетали крест, который находился там целую неделю; через неделю его расплетали и раздавали людям, которые использовали эти растения при мытье головы (от головной боли) (115). Обычаи этого дня, в которых проявляются элементы культа растений, широко распространены у румын, молдаван (116).

Происхождение праздника Воздвижения связано с торжеством христианской веры при римском императоре Константине Великом в IV веке. На горе Голгофе был обнаружен Крест Христов.

Следующий праздник приходился на время, когда завершены основные сельскохозяйственные работы, в Петковден (**Petkovden** – 14 / 27 октября). Этот праздник отмечался гагаузами Болгарии и связан, прежде всего, с животноводческой деятельностью. В этот день начинали спаривать овец (*koç-koyun*). Основу празднования Петкова составляет колядование, известное под названием *Camal* (117). Колядовать начинали накануне Петкова дня, после полуночи. Участниками колядования являлись холостые парни. Они были одеты в плащи-дождевики (*yaamurluk*), а лица были прикрыты различными масками. Один или несколько участников облачались в женскую одежду. При обходе домов колядующие гремели колокольчиками (*traka*), привязанными к их поясам. Войдя во двор, музыкант исполнял на аккордеоне специальную мелодию *horu avası*. Колядующие танцевали высоко подпрыгивая. После окончания обрядового танца участники поздравляли хозяев с праздником: «*Camalar geldi – duydunuz mi? Selâm verdi – aldınız mi?*» (Носильщики пришли – услышали ли? Передали Вам приветствие – приняли ли Вы его?) Хозяин в знак благодарности угощал колядующих вином и одаривал их деньгами.

Праздник Петковден знаменовал собой окончание хозяйственного года (конец лета начало зимы): «*Petkov geldi – geldi kış*» (Пришел Петков день – пришла зима). К этому дню завершали все необходимые работы, связанные с приготовлением к зимнему содержанию овец. Упоминание о праздновании этого дня бессарабскими гагаузами находим у В.А. Мошкова – «Св. Петкоф» (118).

День Св. Петки (14 октября) повсеместно отмечается в Болгарии как христианский праздник. У болгар Св. Петко обычно почитается как семейный и родовой покровитель. С этого дня начинаются семейно-родовые «службы» и «курбаны» в честь анонимных патронов (покровителя) семьи, воплощенных в образе христианских

святых. В народных представлениях болгар Святой Петко – это зверь; чаще всего он принимает облик волка (119). В некоторых областях Болгарии *Петковден* отмечался как Волчий праздник с соответствующей обрядностью (ритуальные запреты «от волков» и т.д.). С этого дня начинался двенадцатидневный обрядовый цикл, посвященный волкам: «Вълчи празници», «Вучи дни», «Вучляци», «Зверини дене» и др. От зимнего Петкова дня до дня Св. Димитрия женщины соблюдали ритуальный запрет на кройку и шитье одежды для своих супругов «от волков».

* * *

Корни гагаузской календарной обрядности неоднородны и непосредственно связаны с этапами этнической истории гагаузов. Характерной чертой гагаузского народного календаря является контаминация в нем земледельческой и скотоводческой традиций, а также наличие разных этнокультурных компонентов (тюркского, южно-славянского, греческого, восточно-романского и восточно-славянского).

Сравнение гагаузской календарной обрядности с аналогичной обрядностью народов Балкано-Дунайского региона показывает значительное сходство многих обычаев, обрядов и поверий (в большей степени с болгарскими), что объясняется их длительным совместным проживанием, общностью исторической судьбы, единым хозяйственно-культурным типом, природно-климатическими условиями, единой религией (православием) и вхождением части болгарского элемента в гагаузский этнос (120). Общность с календарной обрядностью болгар проявляется как в обрядах языческого происхождения, так и в праздниках, связанных с христианской религией (121).

В результате длительных этнокультурных контактов предков гагаузов с народами Балкано-Карпатского региона сформировалось много сходных обычаев и обрядов, отражающих специфику данного региона, основанную в значительной степени на фракийских обрядовых традициях (балканский субстрат). Поэтому зачастую сложно говорить о том, какие обычаи и обряды можно отнести к заимствованиям, а какие возникли в результате конвергентных условий и являются результатом типологического сходства.

Не вдаваясь в дискуссию о генетических корнях тех или иных обрядов, отметим гагаузские праздники, которые имеют схожую обрядность с праздниками народов Балканского региона (в частности с болгарскими): День Св. Георгия и обряд курбан, День Св. Димитрия, Архангела Михаила, Св. Варвары, Саввы, Николая, Игнатия, Волчьи праздники, Рождество, Новый год, День Св. Сильвестра (День домашних животных), Крещение Господне, День Иоанна Крестителя (Иванов день), Бабин день, День Петуха, День Св. Трифона, Сырные заговоры (Масленица), День Св. Федора, 1 марта, Благовещение, Лазарева суббота (обряд *Лазари*), Вербное воскресенье, Пасха, обряды вызывания дождя *Пипируда* и *Германчу*, Вознесение, Троица, Троицкая суббота, Русальная неделя, Рождество Иоанна Крестителя, Успение Богородицы, Петковден и др.

В то же время следует отметить, что форма исполнения некоторых обрядов, а также значение тех или иных праздников в жизни народа, свидетельствует о том, что гагаузская календарная обрядность имеет свою специфику. Как мы отмечали в

предыдущих работах, посвященных изучению духовной культуры гагаузов (122), характерные черты гагаузской календарной обрядности сформировались на Балканах, до их переселения в Бессарабию.

Бессарабский пласт более поздний и связан с культурным взаимодействием гагаузов с соседними народами, и в первую очередь с молдаванами и восточными славянами (украинцами), на новой родине в Бессарабии. В результате тесных этнокультурных контактов гагаузов с румынами и молдаванами гагаузская календарная обрядность обогатилась значительным числом терминов и разнофункциональных обрядов.

Календарная обрядность бессарабских гагаузов характеризуется единством содержания обрядов при некотором разнообразии их форм. Существуют отдельные локальные варианты, различия между которыми проявляются в обрядовой одежде, в возрастном составе участников обряда, в элементах обрядовых действий, в продолжительности и дате празднования. Варианты обрядовых действий в разных районах или селах объясняются некоторыми объективными факторами: этническими традициями жителей села, степенью межэтнических влияний и др.

Начиная с конца XIX – начала XX вв. для эволюции календарных обычаев и обрядов характерно постепенное отмирание религиозно-магических элементов за счет увеличения развлекательного момента. Некоторые архаичные обряды (Пипируда, Русалии, Лазарские обычаи, а также обряды Чистого четверга и Пасхи умерших) исполняются в отдельных гагаузских селах и в настоящее время.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В основе написания данного раздела лежит полевой материал автора (Квилинковой Е. Н.), собранный в гагаузских селах юга Молдовы (15 сел) и Северо-Восточной Болгарии (6 сел) в результате проведенных индивидуальных исследований в 1996–2005 гг. В качестве дополнительного источника были использованы данные, содержащиеся в работе известного русского этнографа В. А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда» (1900-1904), а также сведения из других источников и литературы. Краткая информация о религиозном содержании праздников представлена из книги: Энциклопедия Российских праздников. СПб. 1997.
2. Квилинкова Е. Н. Пространственно-временные представления гагаузов // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной VII годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Комрат, 2003 г. Т. I. С. 149-151.
3. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение далее – ЭО. 1901. № 4; ЭО. 1902. № 4; Мошков В. А. Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В. Радловым. Ч. X. СПб., 1904.
4. Квилинкова Е. Н. Этническая специфика гагаузской календарной обрядности // Вестник Славянского Университета. Вып. 7. Кишинев, 2002. С. 70-82; Квилинкова Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău, 2005. С. 76-91.
5. Полевые записи автора – Е. Н. Квилинковой (далее – ПЗА), с. Авдарма.
6. Квилинкова Е. Н. Культ волка у гагаузов // Мысль. № 2. Кишинев, 2000. С. 83-85; Квилинкова Е. Н. Цикл «волчьих праздников» у гагаузов в сравнении с другими народами // Этнографические исследования в Республике Молдова (История и современность). Кишинев, 2006. С. 365-412. Квилинкова Е. Н. Гагаузский народный календарь. Кишинев, 2002. С. 17-21.
7. Чеботарь П. А. Что воскликнул турецкий паша? Кишинев, 1990. С. 40; Квилинкова Е. Н. Гагаузский народный календарь. С. 18; Сырф В. И. Категория зооморфных помощников героя в гагаузской

- волшебной сказке // Ежегодник Института межэтнических исследований. Т. I. Кишинэу, 2000. С. 140; Губогло М. Н. Культ волка у гагаузов. Этнокультурные параллели в тюркском мире // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях. (Этнологические очерки). М., 2005. С. 412.
8. Губогло М. Н. Гагаузы // Наука и жизнь. № 10. 1969. С. 100; Булгар С. С. Жанавар йортулары. Кишинев, 1990. С. 313; Чеботарь П. Указ. Соч. С. 40.
  9. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 23, 26, 28; ЭО. 1902, № 4, С. 65.
  10. Мошков В. А. Указ. Соч. // ЭО. 1901. № 4. С. 10.
  11. Зеленин Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. Ч. II. // Сборник музея антропологии и этнографии. М., 1929. С. 34; Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве».) Избр. соч. Т. II. М., 1961. С. 497; Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. М., 1957. С. 46-47.
  12. Этнография на България. Духовна култура. Т. III. София, 1985. С. 134; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы / Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 219, 240, 255; Весенние праздники. М., 1977. С. 275, 296; Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинев, 1977. С. 290; Свешникова Т. Н. Календарь «волчьих дней» у румын // Античная Балканистика. М., 1987. С. 105; Eliade M. Les Daces et les loups // Numen, 1959. VI. № 1. P. 15-31; Pamfile T. Sărbătorile de vară la Români. București, 1910; Pamfile T. Sărbătorile la români. Sărbătorile de toamnă și postul Crăciunului. București, 1914.
  13. Гребенарова С. Календарни обичаи и обреди // Странджа. Материална и духовна култура. София, 1996. С. 316; Попов Р. Календарни празници и обичаи // Ловешки край. Материална и духовна култура. София, 1999. С. 295; Мошков В. А. Указ. Соч. // ЭО. 1902. № 3. С. 49.
  14. Этнография на България. Т. III. С. 109; Добруджа. София, 1974. С. 340.
  15. Этнография на България. Т. III. С. 133; Василева М. Календарни празници и обичаи // Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. (Этнографски и езикови проучвания). София, 1985. С. 229-230; Стаменова Ж. Календарни празници и обичаи // Пловдивски край. (Этнографски и езикови проучвания). София, 1987. С. 278; Попов Р. Указ. соч. // Ловешки край. С. 294-295. Добруджа. Этнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974. С. 340; Квилинкова Е.Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии. С. 28-29.
  16. Маринов Д. Избрани произведения. Народна вяра и религиозни народни обичаи. Т. I. София, 1981. С. 490; Этнография на България. Т. III. С. 110; Попов Р. Указ. соч. // Ловешки край. С. 319.
  17. Этнография на България. Т. III. С. 110; Василева М. Указ. Соч. // Капанци. С. 229-230; Попов Р. Светци демони // Этнографски проблеми на народната духовна култура. София, 1994. Т. 2. С. 93-94.
  18. Стаменова Ж. Указ соч. // Пловдивски край. С. 278; Гребенарова С. Указ. Соч. // Странджа. С. 339; Гребенарова С. Указ. Соч. // Странджа. С. 348; Попов Р. Указ. Соч. // Ловешки край. С. 319.
  19. Квилинкова Е.Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии. С. 74-75.
  20. Попов Р. Към характеристиката на българските народни вярвания свързани с периодите на преход към зимата и пролетта // Этнографски проблеми на народната духовна култура. София, 1989. С. 56. Использование эвфемизмов для обозначения Волчьих дней имеет место в некоторых областях Болгарии: *Зверински празници, Лихите дена, Куцалан, Румалан, Натлалан, Кривю*). По отношению к волку у болгар использовались выражения: «двое, трое, девять душ».
  21. Гребенарова С. Указ. Соч. // Странджа. С. 339-340.
  22. Попов Р. Светци демони // Этнографски проблеми на народната духовна култура. София, 1994. Т. 2. С. 93-94. Согласно сведениям, приводимым болгарским ученым Р. Поповым, в «Троянских Балканах» известно поверье о том, что Святой Петко – это зверь; чаще всего он принимает облик волка. День Св. Петки (14 октября) повсеместно отмечается в Болгарии как христианский праздник. С этого дня начинается двенадцатидневный обрядовый цикл, посвященный волкам: «Вълчи празници», «Вучи дни», «Вучляци», «Зверини дене» и др. От зимнего Петкова дня до дня Св. Димитрия женщины соблюдают ритуальный запрет на кройку и шитье одежды для своих супругов «от волков». Св. Петко обычно почитается болгарскими семьями как семейный и родовой покровитель. С этого дня начинаются семейно-родовые «службы» и «курбаны» в честь анонимного патрона (покровителя) семьи, воплощенных в образе христианских святых.
  23. Колева Т. А. Георгиев день у южных славян // Советская этнография. 1978. № 2. С. 36.

24. Свешникова Т. Н. Указ. Соч. С. 106.
25. Там же, С. 103.
26. Связь данного временного промежутка с активизацией волков, имеет место и у русских. Согласно сведениям приведенным В.Я. Чичеровым, с середины ноября начинался «волчий месяц» Около Филиппова дня волки стаятся и начинают подбираться к жилищам людей. Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI – XIX вв. (Очерки по истории народных верований). М., 1957. С. 17.
27. Свешникова Т. Н. Указ. Соч. С. 106.
28. Свешникова Т. Н. Указ. Соч. С. 103; 40. Попов Р. Указ. Соч. // Ловешки край. С. 294-295; Гребенарова С. Указ. Соч. С. 316.
29. Свешникова Т. Н. Волки оборотни у румын // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 208-221; Свешникова Т. Н. Волк в контексте румынского погребального обряда // Исследование в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
30. Densușianu O. Graiul din Țara Hațegului. Бу. 1915. Р. 108; Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха / Сборник отделения русского языка и словесности. Собр. соч. Т. XXXII. СПб., 1883. С. 333.
31. Губогло М. Н. Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова (К вопросу о происхождении гагаузов). Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1967. С. 12.
32. Губогло М. Н. Культ волка у гагаузов. С. 413.
33. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. М., 1957. С. 46.
34. Гордлевский В.А. Что такое «босый волк»? Изб. Соч. Т. II. М., 1961; Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969. С. 269-270; Урманчеев Ф. По следам Белого Волка // Советская тюркология. 1978. № 6. С. 12.
35. Зеленин Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии // Сборник музея антропологии и этнографии. Ч. II. М., 1929. С. 34.
36. Короглы Х. К тюрко-венгерским фольклорным связям // Советская тюркология. 1988. № 3. С. 28; Илимбетова А.Ф. Пережитки культа волка в мифологии, в обрядах и обычаях башкир // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях. (Этнологические очерки). М., 2005. С. 379-380; Назаров Р.Р., Алиева В.Р., Юнусова Д.М. Указ. Соч. С. 389-404; Гордлевский В. А. Указ. Соч. С. 494; Еремеев Д. Е. Юрюки. С. 96; Урманчеев Ф. Указ. Соч. С. 12.
37. Сырф В.И. Указ. Соч. Кишинэу, 2000. С. 140.
38. Guboglu M. P. Gagauz folklorunun Özellikleri, Önemi ve Canavar (Kurt) Kültü // II. Milletlerarası Türk Folklor Kongresi Program ve Bildiri Özetleri. Ankara, 1981. S. 13. Bursa, VI. 1981; Губогло М. Н. Культ волка у гагаузов. С. 425.
39. Илимбетова А.Ф. Указ. Соч. С. 381-382; Гаджиев Г. А. Доисламские верования и обряды народов горного Дагестана. М., 1991. С. 105; Соколова З. П. Указ. Соч. С. 115; Денисов П.В. Указ. Соч. С. 107-108; Потапов Л.П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1958. Вып. XXX. С. 135-142; Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. С. 41, 51, 53; Денисов П.В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969. С. 106.
40. Мошков В.А. Указ. соч. // ЭО. 1901. № 4. С. 61.
41. ПЗА, с. Бешгёз.
42. Hâncu-Tentiuc A. Inflențe interetnice în cadrul obiceiurilor populare tradiționale din sudul Basarabiei // Tiragetia. Anuar IX. Chișinău, 1999. Tiragetia, 2000. P. 256-257.
43. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы / Зимние праздники. М., 1973. С. 236-237, 267, 286, 309.
44. Календарни празници и обичаи на българите. Энциклопедия. София, 1996. С. 9-10.
45. Архив Института археологии и этнографии АН РМ. ф. 24. оп. 2. д. 43. с. 205.
46. Сырку П. А. Из быта бессарабских румын // Живая старина. № 1-2. Петроград, 1914. С. 172; Календарные обычаи и обряды ... / Зимние праздники. М., 1973. С. 287.
47. ПЗА, с. Дезгинджа, г. Чадыр-Лунга.
48. ПЗА, с. Авдарма; Мошков В. А. Указ. Соч. // ЭО. 1902. № 3. С. 51.
49. Мошков В. А. Указ. Соч. // ЭО. 1902. № 3. С. 51.

50. Календарные обычаи и обряды ... / Зимние праздники. М., 1973. С. 242, 270, 287.
51. Термины *Коляда, Коледа, Колада* и производные от него используются у славянских народов для обозначения праздника Рождества. Колядка, колядование обозначают обрядовые песни у народов индоевропейской языковой семьи, исполнявшиеся на Рождество. По-видимому, эти термины происходят от латинского слова *Calendae* (календы – в римском календаре отмечались первые числа месяцев, приходящиеся на время, близкое к полнолуннию). Термин *Стъцип* с незначительными изменениями используется у румын, молдаван, у венгров, а также у некоторых славянских (у части болгар, украинцев, словенцев, словаков) в значении – Святки, Рождество. (Календарные обычаи и обряды ... / Зимние праздники. М., 1973. С. 288; Маринов Д. Избр. Произв. София, 1981, Т. I. С. 388); У гагаузов Болгарии термин *Крэчун* нами не зафиксирован.
52. ПЗА, с. Копчак, с. Джолтай.
53. ПЗА, с. Генерал Кантарджиево, с. Кичево; Маринов Д. Указ. Соч. Т. I. С. 466; Василева М. Коледа и Сурва. София, 1988. С. 27-30; Българско народно творчество. Обредни песни. В 12-ти томах. Т. V. София, 1962. С. 283-285.
54. Moldova gagauzların halk türküleri / Toplayan hem hazırlayan E. Kvilinkova. Kişinöv, 2003. С. 30, 169; Квилинкова Е. Н. Гагаузский народный календарь. С. 33.
55. ПЗА, с. Авдарма, Чок-Майдан, г. Чадыр-Лунга, с. Гайдар, с. Бешгёз, с. Джолтай, с. Казаклия, с. Карбаляя, с. Копчак.
56. ПЗА, с. Авдарма.
57. ПЗА, с. Авдарма, с. Джолтай.
58. ПЗА, с. Джолтай.
59. ПЗА, с. Копчак.
60. Moldova gagauzların halk türküleri / Toplayan hem hazırlayan E. Kvilinkova. Kişinöv, 2003.
61. ПЗА, с. Авдарма, с. Джолтай, с. Баурчи, с. Томай.
62. Василева М. Коледа и Сурва. С. 1-93; Календарные обычаи и обряды ... / Зимние праздники. М., 1973. С. 318, 258, 295; (181, 1974, 58-63) Българско народно творчество. Т. V. С. 283-290; Маринов Д. Избр. Произв. Т. I. С. 464-466; Т. II. С. 100-105.
63. Этот термин является условным, так как в таком виде он не употреблялся для обозначения данного обычая, а использовалось целое выражение, например: «приходили посеять к соседям».
64. ПЗА, с. Генерал Кантарджиево, с. Болгарево, с. Кичево.
65. ПЗА, с. Бешгёз.
66. ПЗА, с. Авдарма.
67. Квилинкова Е. Н. Гагаузские календарные обычаи и обряды как форма регуляции хозяйственной, социальной и семейной жизни в конце XIX – начале XX века // Ежегодник Института межэтнических исследований. Т. II., Кишинев, 2001. С. 92-95.
68. Hâncu-Tentiuc A. Influențe interetnice în cadrul obiceiurilor populare tradiționale din sudul Basarabiei // Tyragetia. Anuar IX. 1999. Chişinău, Tyragetia. 2000. P. 358; Календарные обычаи и обряды ... / Зимние праздники. М., 1973. С. 297; Pamfile T. Sărbătorile la români. Studiu etnografik. Bucureşti, 1997. С. 233.
69. Календарные обычаи и обряды ... // Зимние праздники. М., 1973. С. 280.
70. Квилинкова Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии. С. 42-43.
71. Губогло М.Н. Культ волка у гагаузов. С. 435.
72. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С. 275, 296.
73. ПЗА, с. Генерал Кантарджиево; Квил. 2005. С. 42-43.
74. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. 1991. С. 400; Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Ленинград, 1963. С. 18.
75. ПЗА, с. Конгаз, Гайдар; в г. Чадыр-Лунга – на праздник Хедерлез.
76. Мошков В.А. Указ. Соч. // ЭО. 1902. № 3. С. 39.
77. Восточные славяне также отмечали праздник в честь лошадей в день Св. Флора и Лавра (18 августа), сопровождавшийся в некоторых местах скачками. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991, С. 93; Календарные обычаи и обряды ... // Весенние праздники. М., 1977. С. 282.
78. Мухиддинов И. Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира XIX – начала XX в. Душанбе, 1989. С. 79.
79. ПЗА, с. Баурчи, с. Бешалма.

80. Календарные обычаи и обряды ... / Весенние праздники. М., 1977. С. 254, 283, 301; Маринов Д. Избр. Произв. Т. I. С. 522-526; Сырку П. А. Из быта бессарабских румын // Живая старина. № 1-2. Петроград, 1914. С. 159.
81. Мошков В.А. Указ. Соч. // ЭО. 1902. № 3. С. 39.
82. Малай К. Приход Чок-Мейдан Бендерского уезда // Кишиневские Епархиальные ведомости (далее – КЕВ). 1875. № 22. С. 831.
83. ПЗА, с. Болгарево, с. Генерал Кантарджиево.
84. ПЗА, с. Баурчи, с. Казаклия.
85. Календарные обычаи и обряды ... / Весенние праздники. М., 1977. С. 255, 284-285, 303; Бэешу Н. М. Поезия популаре а обичерилор календариче / Алкэт., комент. Н. Бэешу. Кишинэу, 1975. С. 335.
86. ПЗА, с. Баурчи; Мошков В. А. Указ. Соч. // ЭО. 1902. № 3. С. 36; Сырку П. А. Указ. Соч. С. 177.
87. ПЗА, с. Дезгинджа; Мошков В. А. Указ. Соч. // ЭО. 1902. № 3. С. 43; Малай К. Указ. Соч. // КЕВ. 1875. № 22. С. 836.
88. Календарные обычаи и обряды ... / Весенние праздники. М., 1977. С. 287; Сырку П.А. Указ. Соч. С. 178.
89. ПЗА, с. Конгаз.
90. ПЗА, с. Бешгёз.
91. Календарные обычаи и обряды ... / Весенние праздники. М., 1977. С. 257, 330; Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 140.
92. Сырку П. А. Указ. Соч. С. 178; 92. Зеленчук В. С. Очерки молдавской народной обрядности (XIX – начала XX вв.). Кишинев, 1959. С. 83; Державин Н. С. Болгарские колонии в России. Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии. София, 1914. С. 164; Календарни празници и обичаи на българите. Энциклопедия. София, 1996. С. 60.
93. Квилинкова Е. Н. Праздник «Hederlez» у гагаузов и обряд жертвоприношения животного (Kurban) // Мысль. Кишинев, 2001. № 4. С. 62-64.
94. Календарные обычаи и обряды ... / Весенние праздники. М., 1977. С. 309-310, 288-289, 317-318, 262-264; 156. Молдаване. Кишинев, 1977. С. 291.
95. ПЗА, с. Болгарево.
96. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 245; Зеленчук В. С. Очерки молдавской народной обрядности (XIX – начала XX вв.). Кишинев, 1959. С. 66.
97. ПЗА, с. Виноградовка (Украина); Мошков В. А. Указ. Соч. // ЭО. 1902. № 3. С. 46, 53; Архив Института археологии и этнографии АН РМ. 1984. ф. 24. оп. 2. д. 31. с. 192.
98. ПЗА, с. Баурчи.
99. ПЗА, с. Катарджиево, с. Кичево.
100. Деятельность архиепископа Иринарха в период управления им Кишиневской епархией (1844-1858). // КЕВ. 1911. № 33, 34. С. 1148-1150.
101. Арнаутов М. Студии върху българските обреди и легенди. Т. I. София, 1971. С. 178- 179, 204; Попов Р. Пеперуда и Герман (Български празници и обичаи). София, 1989. С. 81.
102. Календарные обычаи и обряды ... / Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 244, 262, 224- 226, 201, 265, 275; Зеленчук В.С., Попович Ю. В. Антропоморфные образы в обрядах плодородия у восточно-романских народов (XIX – начало XX вв.) // Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М., 1976. С. 195-196.
103. ПЗА, с. Чок-Майдан.
104. Мошков В. А. Указ. Соч. // ЭО. 1902. № 3. С. 54.
105. Зеленчук В. С. Очерки молдавской народной обрядности (XIX – начала XX вв.). Кишинев, 1959. С. 84; Сырку П. А. Указ. Соч. С. 179-180; Календарные обычаи и обряды ... // Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 246.
106. Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848. С. 173.
107. ПЗА, с. Бешгёз, с. Авдарма, с. Чок-Майдан, с. Джолтай, с. Казаклия, с. Баурчи.
108. ПЗА, с. Баурчи, с. Джолтай, с. Авдарма.
109. Златковская Т. Д. Rosalia – русалии? (О происхождении восточно-славянских русалий) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Загреб-Люблина, Сентябрь, 1978 г. Доклады советск. делегации. М., 1978. С. 216-217; Зеленин Д.К.

- Очерки русской мифологии. Т. I. Вып. I. Умершие неестественной смертью. Петроград, 1916. С. 202.
110. Златковская Т. Д. Указ. Соч. С. 221.
111. Календарные обычаи и обряды ... / Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 251.
112. Маринов Д. Избр. Произв. Т. I. С. 678; Календарные обычаи и обряды ... / Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 212.
113. Календарные обычаи и обряды ... / Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 214, 232, 251-252; Сырку П. А. Указ. Соч. С. 165-166.
114. Календарные обычаи и обряды ... / Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 214, 232, 238, 251-252, 276; Сырку П. А. Указ. Соч. С. 165-167; 107. Кавалов А. И. Календарни празници и обичаи в град Твъдица, България и в село Твардица, Република Молдова // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. Кишинев, 1999. С. 190-201. С. 199; Православные праздники. М., 1990. С. 35.
115. ПЗА, с. Чок-Майдан.
116. Календарные обычаи и обряды ... / Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 253; Сырку П. А. Указ. Соч. С. 168.
117. ПЗА, с. Кичево, с. Генерал Кантарджиево, с. Орешак; Квилинкова Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии. С. 74-75.
118. Мошков В. А. Указ. Соч. // ЭО. 1902. № 3. С. 48.
119. Попов Р. Светци демони // Етнографски проблеми на народната духовна култура. София, 1994. Т. 2. С. 93-94.
120. Квилинкова Е. Н. Некоторые вопросы идентификации и идентичности гагаузов // Ежегодник Института АНРМ. Т. VI. Кишинев, 2006.
121. Квилинкова Е. Н. Религиозность гагаузов и формы проявления религиозной идентичности (по этнографическим и архивным материалам XIX – первой половины XX в.) // Этнографические исследования в Республике Молдова (История и современность). Кишинев, 2006. С. 242-264.
122. Квилинкова Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии. С. 92.

№/ п	Латинское название месяцев	Народное название месяцев *	
		У гагаузов Молдовы	У гагаузов Болгарии
1	Январь	Büük ay	Бююк ай
2	Февраль	Küçük ay / Küçük-giçük	Гюджюк ай
3	Март	Sürmāk ay/ Baba Marta	Март баба
4	Апрель	Hederlez (в XIX – нач. XX вв.)/ Çiçek ay	Чичек ай
5	Май	Hederlez / Pipiruda (в XX в.)	Маис ай / Пеперуда
6	Июнь	Kirez ay	Ай Петро ай
7	Июль	Orak ay	Ай Илия ай / Орак ай
8	Август	Harman ay / Lobut ay	Панайя оруджу / Лобут ай / Харман ай
9	Сентябрь	Baa bozumu / Ceviz ay	Иставрос ай
10	Октябрь	Pastırma ay / Kasım (в XIX – нач. XX вв.)	Касым
11	Ноябрь	Kasım (в XX в.) / Canavar ay	Джанавар йортулары
12	Декабрь	Kıran	Христос оруджу / Кырым

ОСОБЕННОСТИ ОДЕЖДЫ ГАГАУЗОВ

Мария Васильевна Маруневич (справа) во время этнографической экспедиции в Запорожской области, 1986 г.

Традиционный костюм как историческая категория, являясь, с одной стороны, достаточно мобильной частью традиционо-бытовой культуры, а с другой – одним из устойчивых этнознаковых элементов этой культуры, отражает в себе ярче, чем другие ее явления, исторические судьбы этноса в целом¹. С этой точки зрения при исследовании народной одежды важен учет диалектического взаимодействия двух существенных свойств одежды как объекта исторической эволюции: устойчивости ее этнических стереотипов в главных, принципиальных чертах и мобильности при изменении экологических и социально-экономических условий (реакция на природную среду и характер материалов, развитие производительных сил и связанный с ним уровень технологических возможностей, подверженность влиянию культуры сильных этносов и урбанизирующих факторов, влияние моды и т.д.)².

Изучая одежду, надо также принимать во внимание ее семиотичную (знаковую) специфику, способность демонстрировать наряду с этнической социальной и половозрастную характеристики.

Интерес представляют и другие аспекты исследования одежды, касающиеся ее связи с народными знаниями и сферой духовной культуры. Так, например, прямая связь одежды с эстетическими представлениями и вкусами народа говорит о причастности национального костюма к системе декоративно-прикладного искусства³.

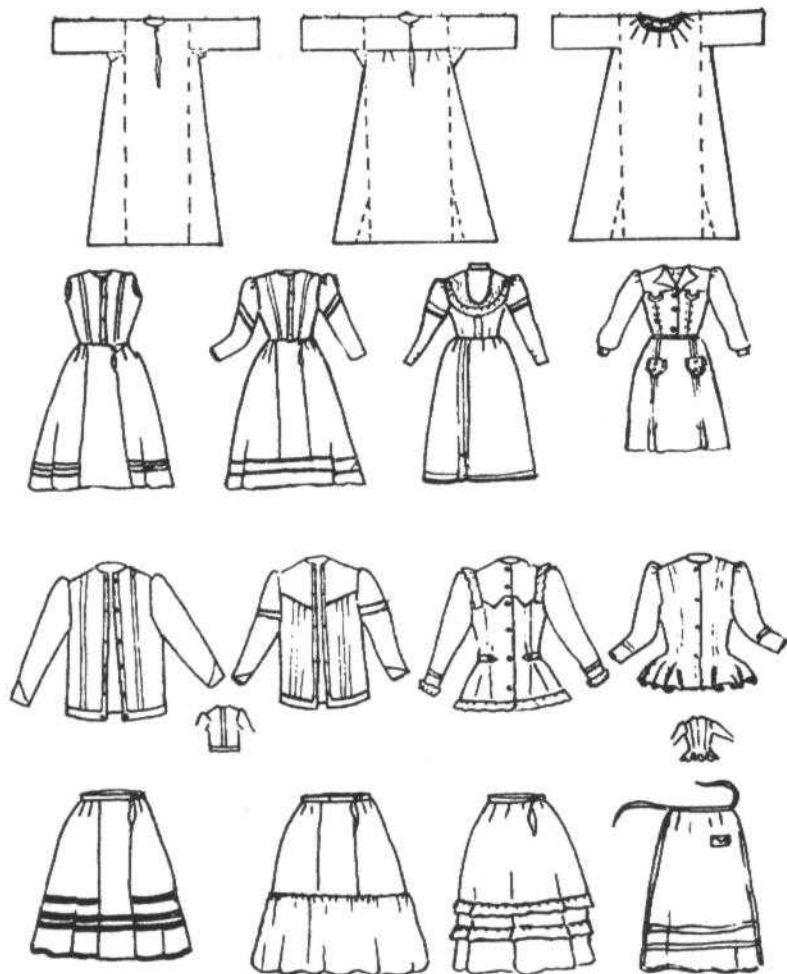
Традиционный костюм в своих вариациях и способах ношения отражает также народные представления о нормах этикета и поэтому имеет отношение к поведенческой культуре. Это превращает одежду в важный элемент социальных и педагогических традиций.

Наконец, как целые комплексы традиционной одежды (обрядовая), так и ее отдельные элементы и атрибуты показывают связи народного костюма с верованиями, исследование которых дает возможность глубже изучить традиционные мировоззренческие представления народа, лучше постичь сущность самих обрядов⁴.

Учитывая, что с упомянутых точек зрения гагаузская народная одежда еще не исследовалась, предлагаемая глава может квалифицироваться как первая попытка изучить национальный костюм в указанном комплексе аспектов.

АРХАИЧНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ОДЕЖДЫ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ В XIX В.

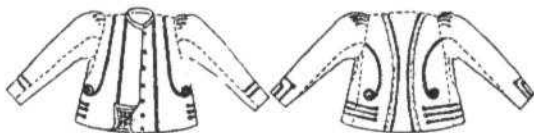

Типы и крой женской одежды

Анализ различных материалов показал, что если не учитывать незначительные локальные различия в мелких элементах и отдельных терминах, то основные традиционные типы одежды в целом в XIX – начале XX в. во всех обследованных селах были идентичны. Традиционный костюм гагаузов четко подразделялся на выходной и будничный. Причем будничный во все периоды жизни и истории народа сосредоточивал в себе наиболее старинные элементы и изменялся медленнее.

Особая пластичность в развитии костюма наблюдалась с точки зрения половозрастного признака. Так, в целом медленнее эволюционировала женская одежда и особенно костюм женщин старшего поколения. В результате наиболее архаичным в конце XIX в. был будничный костюм женщин. Это же можно сказать о костюме мужчин старшего поколения.

На основе полевых материалов, подтвержденных и дополненных описаниями В.А. Мошкова, нам удалось воссоздать архаичный комплекс народной одежды гагаузов, бытовавший в течение прошлого века.

Женская теплая кофта

Женский костюм. Одним из характерных архаичных комплексов женской одежды, не сохранившихся у бессарабских гагаузов, но описанных К. Иречком, А. Мановым и другими авторами у гагаузов Северо-Восточной

Болгарии в середине XIX в., является обычная туникообразная рубаха (*гольмек*), в сочетании с широкими шароварами (*дон, читал дон*) из пестрого материала⁵. Обязательными элементами этого комплекса были также распашная безрукавка (*антери*) и курточка (*контош*), богато декорированная золоченой тесьмой. Дополняли ансамбль платок (*мамука*) или фес, обвиваемый платком в виде чалмы. У бессарабских гагаузов конца XIX в. память об этом костюме сохранилась только в преданиях и старинных песнях. Он коренным образом отличался от того традиционного, что сложился у переселенцев к данному периоду.

В конце XIX в. будничным костюмом гагаузских женщин в Бессарабии состоял из полотняной рубахи (*гольмек*), игравшей роль женского белья, безрукавного платья (*чукман, энсиз чукман, колсуз фистан, энсиз фистан*), на которое надевали фартук, преимущественно темных цветов из домотканой шерсти или покупного плотного полотна (сатина, репса и др.). Обязательным дополнением в рассматриваемый период, как и позже, являлся большой черный платок (*чембер*) из тонкого фабричного полотна. В.А. Мошков сообщает, что платок чаще всего был из покупной тонкой шерсти и носился сложенным вдвое по диагонали. Под него повязывали платок поменьше (*батик*), чаще всего белый. Этот автор упоминает и о шелковом платке, называемом *бариз* – светлом у девушек и темном у женщин⁶.

В холодную погоду надевали платью (или несколько платьев) с рукавами (*фистан, енни фистан, коллу фистан*), подбитую шерстью суконную кофту (*кофта*) и меховую безрукавку (*кептар, бондица, кюрк, пошкина*). На ногах были вязаные шерстяные чулки (*чоран*), самодельные суконные сандалии (*терлик*), или самодельные кожаные туфли (*емени*), или покупные галоши. В теплую погоду ходили босиком либо в терликах.

Важную роль играли украшения. Ими служили серьги (*куня*), браслеты (*билезик*), множество низок бус (*бонжук*), в том числе старинных, перламутровых (*седеф*).

Использование такого костюма в качестве выходного допускалось в том случае, если сверху надевали кофту с рукавами: пожилые – свободного покроя, молодежь – приталенную (*секиз нарчалы, белли*, у В. А. Мошкова – *баска*)⁷. Праздничным дополнением служили также металлические нагрудные украшения и пояс.

В качестве будничной одежды, главным образом пожилых женщин, этот комплекс бытовал и всю первую половину текущего столетия. В несколько укороченном варианте безрукавного платья этот комплекс как будничным для женщины старшего поколения сохраняется до настоящего времени. Почти полную аналогию он имеет у болгар Юго-запада СССР⁸.

Более полно представить генезис, бытование и эволюцию гагаузской народной одежды позволит анализ отдельных ее элементов.

Наиболее древним элементом женской одежды является рубаха. В древности ее шили из холста, в основном конопляного. Праздничные и обрядовые варианты часто были из шелка. В.А. Мошков отмечал, что в конце XIX в. рубаху шили «исключительно из «бези» – очень тонкой бумажной материи домашнего тканья»⁹. Гельмек никогда не орнаментировали вышивкой.

Домотканое полотно *без*, *бязь* или *холст* исторически являлось основным материалом для нижней одежды у народов многих областей Европы¹⁰.

Гагаузы часто ткали *без* с цветной полосой по краям, которую образовывали пропущенные в основе ткани шелковые или подкрашенные луковой кожурой хлопчатобумажные нити. Это была старая традиция, встречавшаяся также у болгарского и другого населения Балкан. Со временем домотканое полотно стало заменяться ситцем светлых тонов или просто белым фабричным полотном.

Наиболее старинными типами рубахи были туникообразные или сшитые из двух полотнищ. При покрое из двух полотнищ последние сшивали на плечах. Рукав при этом был прямой с прямым швом по краю основного полотнища у плеч. При туникообразном покрое основная часть гельмека представляла собой согнутый вдвое длинный кусок домотканого полотна¹¹. По сообщениям информаторов, туникообразные рубахи изготавливались абсолютно без отходов материала. Ворот был круглый, с прямым глубоким разрезом (*ортмежик*) по середине груди, застегивался на пуговицу у самого горла. Такой крой был удобен для кормления ребенка. С боков к полотнищам рубахи для ширины шага пришивались косые или прямые клинья (*клину*).

Туникообразный покрой женской рубахи свойствен почти всем народам земного шара. Из балканских аналогий гагаузский гельмек рассматриваемого типа без вышивки наиболее близок к распространенному в Болгарии и входящему в состав некоторых сукманных комплексов¹². Встречались у гагаузов и рубахи с вставками на плечах, но у гагаузов они были не усложненные, не орнаментированные, а прямые и не играли той важной роли, какая им отводилась в покрое рубахи у восточных славян (в том числе украинцев)¹³ и у молдаван¹⁴. Такие рубахи гагаузов более близки по силуэту и крою к общегородским фасонам на кокетке конца XIX в.¹⁵.

Так же, как соседние народы (украинцы, молдаване и др.), гагаузы иногда шили рубахи, состоящие из лифа (*чупак*) и подола (*етек*), как правило, из разных материалов. На *чупак* шло полотно потоньше, *етек* же был из материала другого цвета и более низкого качества. Информаторы объяснили это целями экономии дорогого белого полотна. Составные рубахи предназначались для ежедневной носки, тогда

Женская теплая одежда

как цельные служили выходной и обрядовой одеждой. Бытование этого явления у гагаузов, на наш взгляд, выявляет общность их традиций с таковыми соседних по Юго-Восточной Европе народов, а непосредственно в Бессарабии – болгар, молдаван, украинцев¹⁶.

Следующим типичным элементом костюма гагаузок в прошлом было платье без рукавов, которое надевали на рубаху. Его шили из домотканого шерстяного полотна, однотонного (бордовый, синий, зеленый, морковный) или в полоску, клеточку.

Отрезной лиф платья кроили из двух цельных полотнищ или с кокеткой (*платка, чупак*) с глухим воротом. В обоих случаях лиф украшался застроченными (*пасту*) или присборенными (*топлу, бурушук*) складками, впереди по центру предусматривалась вертикальная застежка на пуговицах, продолжением которой являлся разрез в верхней части юбки (*örtмеч, örtмеч назва*). В наиболее старинных вариантах платья лиф был на подкладке (*хастарлы*). Подол чукмана кроили широким (до девяти прямых полотнищ) и пришивали в поясе к лифу, присборивая в мелкую складку (*складкалы, бурушуклу, топлу*). В перед подола часто вшивали кусок из материала попроще, так как эта часть платья прикрывалась фартуком. Иногда низ подола украшала широкая оборка (*аборка*). По подолу застрачивались широкие складки (*паста*). Декоративным элементом служили также отделочные ленты (*ширит, кыйнаш парча, парчажык*), преимущественно черного или коричневого цвета, сочетавшиеся со складками. Количество и вид этого декора не были произвольными, они указывали на возрастные различия. Так, платья девушек или молодых женщин украшали две или три полоски из лент либо оборка. У женщин старшего возраста одна полоса сочеталась с поперечными складками, число которых доходило до девяти¹⁷.

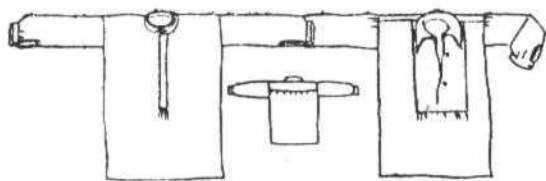
Отделочные ленты, а также неяркие, сдержанные тона платьев у женщин пожилого возраста отражают традицию, свойственную населению Восточной Болгарии¹⁸. Х. Вакарельский связывает ее с сильным влиянием в этих краях восточного, тюркского элемента, прежде всего турецкого. Соглашаясь с ним частично, мы считаем, что относительно гагаузских традиций данный вопрос еще ждет специального исследования.

Подол платья получался очень пышным. При каждом шаге назад откидывалась масса тяжелого шерстяного материала («как хвост», – говорят пожилые женщины). Длинный, тяжелый подол из грубой домотканины, по данным информаторов, при ходьбе натирал ноги до крови.

Старые женщины некоторых сел Чадыр-Лунгского района шили безрукавное платье с несколько завышенной талией и сравнительно укороченным подолом – по аналогии с соседним болгарским населением, у которого этот силуэт обычен¹⁹. Повидимому, традиции кроя энсиз фистана привезены гагаузами из Северо-Восточной Болгарии²⁰ и восходят к аналогиям с болгарской роклой. У болгарских переселенцев Бессарабии старинная рокла имеет не только завышенную талию, но и более короткую юбку. У гагаузов, вероятно, поясной шов в результате эволюции опустился до уровня естественной талии и получился отличительный от болгарского платья силуэт, ставший к концу XIX в. характерной чертой традиционной одежды гагаузок Бессарабии.

В целом же энсиз фистан имеет аналогии в безрукавных платьях сукманных

комплексов, широко бытующих у южных и восточных славян и известных под общим названием *сукман*²¹. Термин *фистан* уходит в бытовую терминологию народов Южной Европы, где словами *фустанела*, *фустан*, *хустан*, *фуста* издревле называли легкие виды верхней одежды²², сильно приспособленной в подоле.

Мужская рубаша

Принимая во внимание, что такой тип безрукавного платья имеет широкое распространение, мы все же склонны считать, что генезис данного основного элемента старинного комплекса одежды гагаузок связан с периодом их жизни на Балканах. В Бессарабии этот тип одежды уже окончательно сформировался. Устойчивость балканских черт обеспечило соседство болгарского населения, вместе с которым гагаузы переселились в Бессарабию²³.

У гагаузов до настоящего времени сохранился обычай называть одежду по материалу. Например, платье из ситца называется *чит* (ситец). Уточнение достигается добавлением названия цвета (*маави чит* – голубое платье, *кырмызы чит* – красное платье и т.д.).

По образцу гагаузского *енсиз фистана* и болгарской *роклы* молдавское население Южной Бессарабии стало шить аналогичную одежду – *фуста ку жубя*²⁴. Распространению безрукавного рокленного *сукмана* в южных районах Украины также способствовала одежда гагаузов и болгар²⁵.

Одним из обязательных элементов костюма гагаузок является *передник* (*фыта*, *фарта*). Его шьют из цельного, специально для этого вытканного куска полотна в еле заметную продольную полоску по всему изделию или по краям. Но иногда *фартук* сшивают из двух продольных кусков. У пояса делают ряд складочек, а вдоль подола – одну-две поперечные складки. В селах средней и южной зоны расселения гагаузов словом *фыта* называют старинный домотканый *передник* из темной шерсти с завязками из шерстяных крученых нитей, предназначенный для выходных и праздничных дней²⁶. *Передники* же из фабричного материала и сшитые соответственно новым формам одежды называют *фарта*. Логику такого различия трудно объяснить.

Если в старинном комплексе одежды *фыту* всегда, невзирая на возрасты, шили из темных тканей, то начиная с 30-х гг. XX в. у молодых женщин и девушек распространился в качестве праздничного белый *фартук*. Его украшают оборками, кружевной строчкой, вшивными декоративными тесемками. *Фарту* из темного сатина оторачивали круговой широкой бейкой из этого же материала. В отличие от *фыта* на *фарту* пришивали карманы²⁷.

В традиционных комплексах народной одежды в Болгарии *передник* – обязательный элемент, связанный не только с практическими, но и эстетическими целями. Там это, как правило, один из наиболее орнаментированных элементов одежды²⁸.

Судя по описанию А. Бихана, *передник* конца XIX в. у гагаузок Болгарии был ярким элементом костюма (цветной, в полоску) в отличие от однотонных *передников* у гагаузок в Бессарабии²⁹. Любопытен в этом отношении костюм самой

молодой женщины на фотографии в книге А. Манова³⁰. Передник на ней в полоску. Такие же яркие тканые клетчатые и полосатые передники носят молодые гагаузки в селах Северо-Восточной Болгарии и в настоящее время.

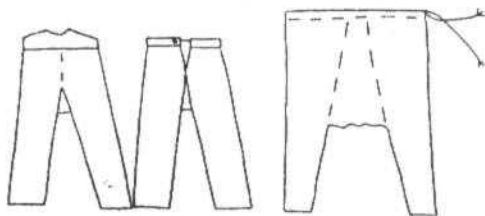
Полевые материалы свидетельствуют, что у гагаузок Бессарабии передник, как и весь костюм, преимущественно однотонный, не орнаментируется, а, гармонизируя с цветом платья, играет свою роль в общем силуэте традиционной одежды. Украшения в виде вышивки (редко), накладных карманов, декоративных тесемок, оторочек, пуговиц, кружев были только на фартуках белого цвета из покупных материалов и лишь с 50-х гг. XX столетия.

Специальным элементом старинной женской одежды гагаузок являлись украшения. Глухой ворот и несложный крой переда лифа старинных платьев предполагали множество нагрудных украшений в виде монист и бус (*седеф*, *бонжук*). Обязательными в женском наряде были золотые серьги (*күпә*, *халка күпә*), медные, а у богатых – серебряные браслеты (*билезик*). Последние обычно дарили на свадьбе. Это украшение было в основном покупное, дорогое и, как правило, передавалось по наследству от матери к дочерям. Браслеты носили каждый день, не снимая (за исключением периодов грязной работы). Золотые браслеты были редкостью даже у самых богатых гагаузов. В.А. Мошков наблюдал также стеклянные браслеты, покупаемые на ярмарках и в лавках. Бусы покупные (перламутровые и стеклянные) надевали в несколько рядов. Их носили и в праздники, и в будни, но в торжественных случаях надевали большее количество низок. По свидетельству А. Манова, гагаузы когда-то называли бусы Маргарита, в чем обнаруживается влияние терминологии романизованного населения³¹. Обычным было ношение крестика (*ставро*) – медного, костяного перламутрового, реже – из драгоценных металлов. Ставро были в основном привозные.

Общепринятым нагрудным украшением являлись ряды ожерелий из металлических монетообразных кружков (*махмудя*, *алтын*). Ожерелье из золотых монет (*лефт*) имели только богатые гагаузки. Металлические монетообразные украшения в качестве обязательного вида украшений гагаузского народного костюма упоминаются и К. Иречком и А. Мановым³². В. А. Мошков, подробно описав виды ожерелий, отметил, что в праздники «...всех этих украшений вешается так много, что они закрывают всю грудь до пояса»³³.

Многие украшения привозили в край ходоки к святым местам. Наиболее ценились привозные перламутровые бусы – *седеф*. Седеф носили постоянно, считая, что они обладают оберегающей силой, так как происходят из святых мест. Ставро, часто также перламутровое, вешали на одну из низок седефа. Носить его должна была каждая женщина с рождения. Такой же магической силой наделяли браслеты.

Обязательным элементом одежды гагаузок (по словам В. А. Мошкова, «даже самых маленьких») являлся пояс (*колан*) с серебряной пряжкой (*пахта*), украшенной чеканным узором. В конце XIX в. Мошков сообщал, что бытовал и более старинный

Мужские штаны

серебряный пояс *гүмүш кушак*, изготовленный из посеребренных пластинок, прикрепленных к кожаной ременной основе. Но такой пояс был редкостью – один или два в селе. Его надевали невесте на свадьбе, занимая на время у владельца³⁴.

Все перечисленные виды украшений свойственны также болгарам Бессарабии и юга России³⁵. Многие из них являются составной частью костюма задунайских гагаузов и имеют широкие аналогии в традиционных комплексах одежды не только балканских народов (в частности, болгар), но и всего тюркского мира, а также Восточной Европы³⁶. Это свидетельствует о древнейших корнях большинства архаичных элементов одежды гагаузов, при более углубленном исследовании которых можно получить дополнительные сведения из их ранней истории.

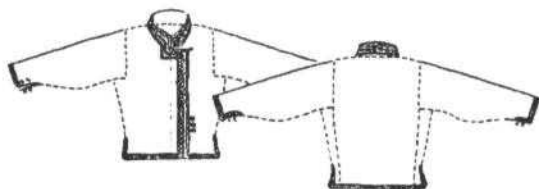
Рудименты древних эпох можно наблюдать и в традиционной обуви гагаузов. На ноги гагаузские женщины и девушки надевали вязаные на спицах чулки (*чоран*). Для женщин постарше и детей вязали теплые носки из грубой шерсти (*томак*). Обычной обувью являлись самодельные или покупаемые у ремесленников широкие кожаные башмаки, часто без задников (*емени*). Информаторы преклонного возраста сообщали, ссылаясь на рассказы предков, что это турецкие сандалии, так как их покупали в лавках. Очевидно, в продолжение старой традиции в XIX в. эти изделия ремесленников болгарских городов, производившиеся не без влияния образцов обуви местных зажиточных слоев турецкого населения, ввозились в Бессарабию (ввиду спроса на них в колониях) местными и иностранными купцами. В начале XX в. словом *емени* в большинстве сел называли самодельные туфли на небольшом каблучке, служившие праздничной обувью девушек. У женщин старшего поколения такой обувью являлись кожаные туфли без каблучков и без задника – *пануч*³⁷. Женщины из бедных семей носили постолы и самодельные суконные или вязаные из шерсти тапочки – *терлик*. В Кубее такие тапочки называли *калцы*. В будни и в период полевых работ эти виды обуви носили и женщины из богатых семей.

Старинные типы женской обуви имели прямые аналогии не только в быту задунайских гагаузов, но и в традиционных комплексах одежды болгар³⁸. Об *емени* и *чарыках* упоминают и К. Иречек и А. Манов³⁹.

Ареал бытования такого типа обуви, как постолы (*чарык*), включает и территорию расселения тюркских народов, у которых наблюдается не только аналогичный гагаузским чарыкам покрой, но и сходный термин. Например, *чарых* у азербайджанцев, *чирик* у арабов Кашкадарьинской области УзССР, *чарых* у узбеков Хорезма и таджиков⁴⁰.

Интересно замечание В. А. Мошкова о том, что в песнях гагаузов в качестве женской обуви упоминаются красные сапожки⁴¹. На наш взгляд, это один из тех элементов архаики в культуре гагаузов, которые еще ждут специального исследования.

Вероятно, со спецификой сукманного комплекса, основу которого составляло безрукавное платье из сравнительно тонкого материала, в Болгарии связан очень старый обычай надевать в холодную погоду несколько платьев сразу⁴². Этот обычай был широко распространен и в гагаузских селах Бессарабии вплоть до первых десятилетий Советской власти. Кроме того, утепляющим дополнением, по описанию К. Иречека, служила безрукавная куртка *елек* – очень распространенный вид одежды в Болгарии. В Бессарабии безрукавные суконные куртки нашли замену в местной

Мужская праздничная куртка

меховой безрукавной короткой одежде. Характерно, что женская меховая безрукавка приняла название аналогичной мужской (*минтан*), а последняя, в свою очередь, унаследовала название от старой суконной безрукавной жилетообразной одежды, привезенной предками гагаузов из Болгарии.

По сведениям В.А. Мошкова, в зимнее время верхней одеждой многих гагаузских женщин конца XIX в. являлся овчинный полушубок длиной до колен с карманами⁴³. Приталенные женские меховые пальто (мехом внутрь) встречались во многих комплексах женской одежды в Болгарии⁴⁴. Как меховую безрукавку, так и полушубок В.А. Мошков считает массовой одеждой. Об этом свидетельствуют также полевые материалы и литература. По аналогии с мужской одеждой из меха женскую тоже называли *күрк*⁴⁵. Х. Вакарельский не считает меховую одежду типичной для населения восточных областей Болгарии, отмечая приоритет в этом отношении западных комплексов одежды⁴⁶. Значит, ограничено было ее бытование и у гагаузов. Но считать, что в Северо-Восточной Болгарии у гагаузов вовсе не было меховой одежды, нет оснований, так как у А. Манова есть неоднократные упоминания о кожухах (в том числе в качестве верхней одежды женщин) под названием *күрк*, т.е. под тем же, под каким известен этот вид одежды у гагаузов до настоящего времени. К примеру, в одной из игр молодежи, описанных упомянутым автором, ведущая (девушка) восклицает:

Ал, сатэрым,	Купи, продаю,
бал сатэрым!	мед продаю!
Устам өлдү,	Скорняк мой умер,
Күркумү ⁴⁷	кожух свой
сатэрым!	продаю!

В описании другой игры обращает на себя внимание диалог ведущей с игроками:

– Ушүдүм, үшүдүм,	Продрогла, продрогла,
Ал бени, жаным,	Возьми меня, милый,
үшүдүм!	продрогла!
– Күркүнү гий,	– Надень кожух,
күркүнү гий!	надень кожух!
– Куркум өк,	– Кожуха моего нет,
күркүм өк!	кожуха моего нет!
Ал бени, жаным,	Возьми меня, милый,
күркүм өк! ⁴⁸	кожуха моего нет!

Согласно В.А. Мошкову, меховая одежда богатых гагаузов в Бессарабии в конце XIX в. включала и длинную лисью шубу с широкими рукавами, крытую сукном (*жаньинкер*), или такую же, но только короткую – *салтамарка*, которую подбивали также каракулем⁴⁹. Последняя имеет прямые аналогии в одежде болгар и гагаузов за Дунаем. Подбитая мехом длинная одежда свойственна многим комплексам болгар-

ской одежды. Но наиболее характерным дополнением ансамбля сукманного типа в Болгарии является салтамарка⁵⁰. Таким образом, очевидна преемственность в одежде болгарских и бессарабских гагаузов.

А. Манов упоминает и о длинной нарядной (обшитой гайтаном) суконной одежде в виде тонкого пальто под названием *антери*. На помещенной в его книге фотографии в антери одета самая молодая женщина. Очевидно, это была только молодежная одежда, причем в основном праздничная или обрядовая⁵¹. В одной из приводимых А. Мановым песен антери упоминается как типичный элемент наряда невесты. Одинокая, нелегкой судьбы женщина жалуется в ней: «Гелин антери бана дар гелди!»⁵² («Антери новобрачной не по мне пришелся!»). Здесь антери невесты, являясь обрядовой одеждой, по народным представлениям олицетворяет судьбу.

У болгар Бессарабии аналогичная распашная одежда – *касак* – в середине XIX в. являлась обязательной принадлежностью костюма замужней женщины⁵³. У гагаузок Бессарабии в конце XIX в. одежда в таком качестве с названием антери уже не встречалась, хотя полностью утраченной традицию длинной приталенной суконной одежды в женском (и прежде всего в девичьем) костюме гагаузов Бессарабии считать нельзя. Мы склонны усматривать ее сохранение в суконном девичьем приталенном пальто – *аба*, *кастёр*. Его шили зажиточные гагаузки у местных мастеров из домотканого сукна (*аба*). Сильно приталенные за счет цельнокроенных по всей длине стана клиньев, расклешенных в подоле, они имели изящную линию рукава, зауживающуюся к запястью и завершающуюся фигурными отворотами (*капак*). Застегивался кастёр на один ряд пуговиц, иногда имел накладной пояс с затейливой застежкой на дополнительные пуговицы, нашитые по бокам. Декорирован он был так же, как старинное антери, черным или цветным гайтаном, нашитым вдоль подола, бортовых и шовных линий, рукавов, спинки. Гайтан, как правило, нашивали узорными извилами, образующими характерный орнамент. Цвет сукна был в основном темных, насыщенных тонов (черный, темно-синий, темно-коричневый). Отдаленными аналогами этой одежды гагаузов, на наш взгляд, являются некоторые элементы саечной и сукманной одежды в болгарских комплексах⁵⁴. Как и болгарские аналоги, кастёр не имел воротника (иногда был маленький плюшевый). Этот же признак отличал кастёр от женских пальто городских покровов. Основная причина тут заключалась в том, что гагаузки носили платок с бахромой (*шалинка*), завязываемый поверх кастёра. Спускающиеся на спину концы и длинная бахрома платка, закрывающая грудь и плечи, делали воротник излишним. Дальнейшая эволюция этого вида одежды выразилась у бессарабских гагаузов в том, что богатые крестьяне стали шить своим дочерям нарядные легкие пальто по образцу суконных кастёров из дорогостоящего в те времена плюшевого материала. Называли такие пальто *пардися*.

Еще в Болгарии у гагаузок, вероятно, существовали для повседневной носки какие-то виды одежды с рукавами, близкие по покрою и материалу к антери. К сожалению, усмотреть преемственность по этой линии имеющиеся у нас сведения не дают возможности. В конце XIX в., судя по материалам полевых исследований, женщины поверх колсуз фистана надевали кофту из тонкого домотканого шерстяного полотна или из плотного фабричного материала (репс, сатин, байка). В.А. Мошков называет ее *баска* и сообщает, что она всегда была черного цвета, шилась по городским фасонам

и использовалась лишь в холодное время года, так как летом женщины ходили только в колсуз фистане, надетом на рубаху⁵⁵. О том, что данная кофта по сравнению с салтамаркой – более легкая одежда, свидетельствует обычай опоясывать ее, как и фистан, нарядным поясом. Вполне возможно, что с самого начала такая кофта различалась в покрое в зависимости от возраста: для молодежи – приталенная или стянутая поясом, для пожилых – свободного покроя. Об этом говорят и полевые материалы. Наиболее архаичным покроем данного вида одежды, характерной для женщин среднего и особенно пожилого возраста, был свободный. Кофту шили с глухим воротом и застежкой посередине груди, из плотных тканей темной расцветки. Декорировали ее застроченными складками и нашитой лентой – у предплечий, по краям рукавов, в верхней части груди, иногда вдоль подола. Карманы обычно обшивали бейкой под цвет ленты. Аналогичный вид одежды бытовал всю первую половину XX столетия и сохранился до наших дней в костюме старых женщин⁵⁶.

Важное место в традиционном женском костюме гагаузов играет головной убор. Традиция носить одновременно два платка: косынку снизу и большой черный платок сверху – сложилась здесь на основе уже имевшихся в задунайском варианте элементов женского костюма. Там наряду с шапочкой (*фес*), вокруг которой в давние времена обвивали платок (*чембер*) в виде чалмы, гагаузки имели и большой платок (*мамука*), возможно, с бахромой, а также плед (*шал*)⁵⁷ в качестве теплой одежды для пожилых. Термин *мамука* в конце XIX в. уже был утрачен, но *чемберы*, носившиеся без *феса*, сохранились. *Фее* исчез вместе с другими элементами, именуемыми Х. Вакарельским «ориенталистскими»⁵⁸. С *чембером* связаны наиболее старинные для бессарабского периода жизни гагаузов способы повязывания платка (например, *аннылык*), несомненно, являющиеся отчасти продолжением балканских традиций. Способом «*аннылык*» повязывали головной убор пожилые гагаузки Бессарабии. Аналогично повязан платок и на старшей из женщин, изображенных на фотографии в упоминавшейся уже книге А. Манова.

Интерес представляет анализ существовавших в быту гагаузов Бессарабии в конце XIX в. способов повязывания платков. Их было несколько:

- на темени (*тепедан*, *аннылык*) – пожилой возраст, постоянно;
- перекрещенные под подбородком концы платка заложены у щек под платок – женщины пожилого возраста в старину. Сохранился у гагаузов Запорожской области и отчасти в с. Димитровка Белградского района Одесской области УССР;
- над ухом сбоку (*мода*, *намода*, *влашка*) – все женщины и девушки во время работы и дома;
- под подбородком (*ченя алтындан*) – женщины всех возрастов в теплую погоду, на выход;
- вокруг шеи (*бойнудан*, *дартылы*) – подростки, девушки, молодые женщины на выход и в холодную погоду.

Платки без бахромы (*чембер*, *касинка*, *батик*) повязывали всеми этими способами, а с бахромой (*шалинка*) надевали только «*бойнудан*». Тонкий платок *бариз* был праздничным даже у зажиточных гагаузок. Он повязывался под подбородком, или концы закидывались на спину.

Способом «*тепедан*» надевали в основном *чембер* и большей частью женщины

пожилого возраста, способом «мода» повязывали обычно легкие белые платки, представляющие собой согнутый по диагонали четырехугольный кусок полотна (*батиста*), или треугольную косынку (*батик, касинка*). Батик женщины пожилого возраста повязывали способом «аннылык» в случае, когда поверх него надевали чембер.

Способ повязывания платка «аннылык» состоит в том, что нижний платок надевали так, чтобы его концы, перекрещиваясь на затылке и над лбом, образовывали валик вокруг головы. Верхний черный платок, оттопыриваясь на месте прохождения валика, образовывал характерный для гагаузок силуэт⁵⁹. Информаторы рассказывают, что около дома женщины ходили, как правило, в батике с валиком, а верхний платок надевали в случае выхода из дома.

Волосы заплетали девушки в две косы, молодые женщины – в одну косу. Те, кто был постарше, закручивали волосы сзади в пучок (*кукуй*) и закалывали шпильками, украшенными бусами, ракушками. Закрепляли волосы и гребнем, который изготавливали из кости сельские мастера. Бусы, ракушки, а также незамысловатый орнамент на гребне, согласно поверью, обладали силой оберега. Сохранение у гагаузов в конце XIX в. любопытного обычая заплетать невесте множество косичек говорит о наличии давних аналогий прежде всего с традициями восточных народов, у которых он сохранился до нашего времени. Известно также, что и у болгар девочкам в далеком прошлом заплетали множество косичек. Замужние заплетали обычно две косы, а если больше, то обязательно парное число.

Головным убором гагаузской девушки в стародавние времена, еще до XVIII в., была небольшая шапочка (фес), часто украшенная монетами.

В Бессарабии гагаузская одежда эволюционировала в течение XIX в. в условиях тесных этнических контактов с соседним болгарским населением, при определенных взаимовлияниях также с молдавским и украинским. В результате к концу века здесь сложился особый тип женской одежды: безрукавное платье, дополненное рядом специфических элементов (богатство нагрудных украшений, свои способы повязывания платков, характерные верхняя одежда и обувь). По большинству признаков архаичные комплексы женской одежды гагаузов и болгар Бессарабии очень похожи. Это сходство, имевшее место на их прежней родине, получило своеобразное завершение в Бессарабии.

Мужской костюм. Мужская одежда гагаузов при переселении в Бессарабию мало отличалась от описанной во второй половине XIX в. (у гагаузов на территории Болгарии) К. Иречком и данной в ретроспекции А. Мановым. Ее основу составляли широкие черные штаны (*чаашыр*). На заправленную в них рубаху (*гълмек*) надевали короткие безрукавки (*минтан*) голубого цвета. Головным убором служили красный фее и шапка из овчины. К. Иречек называет шапку болгарской, по-видимому, считая ее принадлежностью в первую очередь болгарского костюма. А. Манов пишет о наличии в обиходе не только широких штанов, но и узких, обшитых гайтаном (*бир гътлу чаашыр*). Обязательной частью костюма являлся жилет (*жамадан*) с пуговицами из гайтана. Поверх него надевали контош – короткую одежду, накидываемую на одно плечо. Обязательным был широкий красный пояс (*кушак*), которым подпоясывались и на который подвешивали кожаный футляр (*силӓхлык*) для оружия. Иногда на голову надевали белую шапочку (*такӓ*), на которую наматывали платок

(сервиета). Обувью служили своеобразные сандалии без задников, называемые *емени*. У богатых были короткие ботинки с шерстяными гетрами (*томак*), украшенными красной бахромой⁶⁰.

Ж. Чанков, приводя в своей книге описание мужского костюма А. Мановым, пытается уточнить его, объясняя, что чалма (у Манова – сервиета) – это черный платок, что некоторые селяне носили фесы или низкие шапки – *калпак*, а также коричневые штаны из овечьей шерсти и «турецкие *емени*»⁶¹. Можно предположить, что речь идет о кожаных туфлях без задника с загнутыми вверх носками, которые не только в Болгарии, но и во всем Балканском регионе считали элементом восточного (турецкого) костюма.

Анализ материалов дает основание считать, что в мужском костюме задунайских гагаузов к восточным элементам можно отнести фес, чалму, смени. В ходе исторической эволюции они исчезали в первую очередь. Об этом свидетельствуют данные А. Бихана о том, что в 30-е гг. XIX в. многие черты старинного костюма, в том числе так называемые ориенталистские, исчезли. Он сообщает: «Мужчины носят рубашку (*гёлмек*) хлопчатобумажную, узкие шаровары из темно-коричневой шерсти (*чаашыр*), широкие, большей частью красного цвета пояса, обмотки или шерстяные чулки (*чоран*), надеваемые с сандалиями или ботинками, соломенную шляпу или черную шапку. В холодную погоду носят жилет, куртку (пальто), плащ (*йаамурлук*) с капюшоном (*гагуле*)»⁶². Иностранец А. Бихан, добросовестно описывая все, что видел, разумеется, не сумел отразить местную специфику. Поэтому его материалы нуждаются в некоторых комментариях, позволяющих правильно оценить отдельные элементы одежды в соответствии с традицией, свойственной гагаузскому костюму в XIX в. и позже. Благодаря этому удалось в общих чертах восстановить и мужской костюм задунайских гагаузов, упомянутый выше.

Наиболее архаичный вариант мужской одежды бессарабского периода можно восстановить из описаний В.А. Мошкова в 90-е гг. XIX в., по возможности дополненных полевыми наблюдениями, а также сведениями из имеющейся литературы⁶³. Одним из основных и самых древних элементов в упомянутом варианте является рубаха (*гёлмек*). Под широкие суконные штаны (*дими*, *дими дон*) черного или коричневого цвета надевали нижние холщовые (*дон*). Дими (у В. А. Мошкова – *чаашыр*) присборены на шнуре (*учкур*). Поздней модификацией дими можно считать штаны, в которых слегка присборенные штанины соединены четырехугольной вставкой и вшиты в пояс с застежкой спереди или сбоку. По сведениям В.А. Мошкова, у молодежи штаны были более узкие, а у стариков – очень широкие, всегда черного цвета⁶⁴ (это же сообщает К. Иречек о задунайских гагаузах)⁶⁵. Старинные *чаашыр* встречались иногда даже в 50-е гг. XX в.⁶⁶

Дополнялся этот костюм широким тканым поясом (*кушак*). Голову покрывали шляпой (*паралийя*), зимой – меховой шапкой (*калпак*). Обычной обувью являлись постолы (*чарык*), которые носили с домоткаными онучами (*саргы*). В летнее время часто около дома ходили босиком или в самодельных либо покупных сандалиях (*емени*) и шерстяных вязаных чулках (*томак*).

В праздник на *гёлмек* надевали рубаху из домотканой шерсти (*фланя*), разрез которой (па груди или сбоку) обшивали плюшем. В качестве верхней одежды по

традиции служили меховая или суконная безрукавка (*минтан*) либо однобортная также короткая суконная куртка (*антери*), обшитая гайтаном.

В холод носили меховые куртки (*кёрк*) и длинные шубы (*кожук, бой кожук*). Обычной верхней одеждой был суконный плащ (*йаамурлук*). Его, как правило, шили с капюшоном (*гугла*).

Сравнение убеждает, что мужской костюм бессарабских гагаузов сохранил основные черты и структуру костюма задунайских сородичей.

О характере бытования и эволюции всего комплекса в целом и его отдельных элементов можно судить на основе анализа каждого элемента в отдельности.

Центральное место в традиционном мужском костюме гагаузов занимает рубаха, выполняющая функции нательного белья. Она была обязательной как в будничном, так и в выходном комплексе одежды. В прошлом этот элемент одежды изготавливали из домотканой хлопчатобумажной или конопляной ткани (*без*). Не случайно в 60-е гг. XIX в. О. Накко отмечает, что рубаха гагауза сшита из «грубого полотна» домашней выделки⁶⁷. Причем эта ткань не окрашивалась и имела натуральный цвет сырья, из которого была изготовлена. Время замены домотканины фабричными материалами было то же, что и для женских рубах – конец XIX – начало XX в. На смену домотканой беги из конопли пришли фабричное хлопчатобумажное белое и цветное полотно, а также другие тонкие ткани серых или темно-серых тонов.

Существовало несколько видов покроя мужских рубах: 1) туникообразный, 2) из двух полотнищ, 3) на кокетке. Для всех трех типов покроя характерен разрез для застежки посередине груди или сбоку и стоячий узкий воротник. Наиболее старинный покрой – туникообразный, с разрезом посередине груди, без украшений⁶⁸. Аналогов ему у других народов очень много, но ближе всего – туникообразная рубаха некоторых национальных комплексов одежды у населения Болгарии⁶⁹.

Более поздними вариантами являются рубахи, скроенные из двух полотнищ или на кокетке⁷⁰. В этнографическом смысле интересна рубаха с цельным передом и кокеткой (*платка*) на спине. Платка была обязательно двойная. Под ее край солнцеобразными сборками пришивалось полотно спинки. Такие рубахи можно было увидеть также у молдаван и украинцев⁷¹. Наиболее поздним вариантом является рубаха с вшитой манишкой, стоячим воротником и застежкой сбоку – по типу русской косоворотки. Рукав у всех рубах был прямой, с манжетом. Изредка рубахи орнаментировались вышивкой. При этом характер орнамента и его расцветка были сдержанные и разительно отличались от ярких цветовых всплесков на болгарских, украинских и молдавских рубахах. При полном отсутствии вышивки на других элементах народной одежды гагаузов здесь она, как и покрой на кокетке, свидетельствует, с одной стороны, о заимствованиях у соседних молдаван, болгар, украинцев, с другой – о городском влиянии.

Элементом одежды более позднего происхождения является верхняя рубаха – *фланя*. С появлением фланя гельмек превратился в нижнюю рубаху, носимую с жилетом, больше около дома и на полевых работах.

Фланя шили главным образом из двух полотнищ, с вшивным рукавом, из более плотных, чем гельмек, материалов (домотканого шерстяного, позже – фланели, диагонали, сатина и т.д.)⁷².

Употребляемое для шитья фланя домотканое шерстяное полотно окрашивалось в темные цвета (бордовый, темно-синий, темно-зеленый, морковный). Полотно могло быть однотонным, но чаще всего было в полоску. Застегивающийся на пуговицы разрез посередине груди (*örtmеч*) обычно обшивали бейкой (*зүүс нарчасы*) из того же материала или плюша. Наиболее старинным считается покрой со стоячим воротником. Нередки были и косоворотки.

В поздних вариантах фланя с прямым разрезом стоячий ворот заменялся отложным (*йака*).

В.А. Мошков в своем описании называет верхнюю рубаху *фанелой* (вероятно, это его передача гагаузского названия *фланя*). Интересно его сообщение о том, что черным бархатом обшивали не только ворот, но и разрез на груди фанелы. Под упоминаемой им «вышивкой» надо понимать орнамент, выполненный методом аппликации⁷³. Аналогии такого варианта фланя наблюдаются в одежде гагаузов Болгарии под названием *джамадан*. Как джамадан, так и фланя являлись праздничной одеждой. Рубаху подобного покроя из плюша или вельвета болгарские гагаузы шили на свадьбу⁷⁴.

Аналоги этому типу одежды есть и в некоторых болгарских национальных вариантах, главным образом чернодрешном восточном. В целом появление данного элемента ученые связывают с влиянием городской одежды⁷⁵.

Штаны (*дими*, *тучлу дон*) в старинном традиционном костюме изготавливались из домотканого сукна дими и были, как правило, черного или коричневого цвета (цвет темной шерсти, из которой выделано сукно). Шили их широкими, сильно присборенными в поясе на плетеном из шерстяной пряжи шнуре (*учкур*). Такой покрой имел аналогии у населения Северо-Восточной Болгарии⁷⁶. Именно этот признак позволяет отнести мужской гагаузский костюм XIX в. к одному из наиболее типичных для территории Болгарии типов мужской одежды, именуемому чернодрешным⁷⁷. Но исследования показали, что у предков гагаузов были и элементы так называемой белодрешной одежды, связанной с древнейшими славянскими традициями. Это – узкие белые суконные штаны, являвшиеся, по свидетельству А. Манова, одной из разновидностей старинной одежды гагаузов Болгарии. Но этот же автор подчеркивает, что узкие белые дон, чаашыр встречаются значительно реже, чем широкие суконные штаны темного цвета, названные им *шалварами*⁷⁸. Оба указанных типа штанов имели распространение и у соседнего с гагаузами болгарского и другого населения восточных областей Болгарии. Классификация рассматриваемого вида поясной одежды дана Х. Вакарельским⁷⁹.

У шалвар передняя и задняя части трудно различимы из-за ширины и сильной присборенности в поясе. В узких штанах, которые шили и из домотканого сукна, хорошо просматривается разный крой передней и задней частей. Поэтому гагаузы называли их в отличие от шалвар *бир гөтлү чаашыр* (буквально – односторонние) или словом *дон*, обозначающим по традиции преимущественно белые узкие холщовые штаны, служившие нижним бельем либо будничной, рабочей одеждой⁸⁰.

Оба типа мужской поясной одежды есть на фотографии, помещенной в книге А. Манова⁸¹. В узкие белые чаашыр одет самый молодой из троих изображенных на фотографии мужчин. Об узких черных штанах *чаашыр* у молодежи и очень широких у стариков сообщает и К. Иречек⁸². А. Бихан пишет о широких «шароварах» из темно-коричневой шерсти у гагаузов Болгарии⁸³.

Синие широкие штаны, «туго обхватывающие ногу ниже колена», наблюдал у жителей бессарабских колоний в середине XIX в. А.И. Защук⁸⁴. «Широченные серые суконные штаны» видела у гагаузов Бессарабии в 70-х гг. прошлого столетия О. Накко⁸⁵. О черных чаашыр (узких – у молодых и широких – у стариков) писал в свое время В. А. Мош-ков⁸⁶. О бытовании в прошлом у гагаузов суконных дими на учкуре и узких белых холщовых штанов свидетельствуют также полевые материалы и литература⁸⁷.

Элементы белодрешной одежды, привезенные гагаузами из Болгарии, наверняка проявили определенную степень устойчивости в Бессарабии в связи с тем, что встретили здесь аналогии у соседнего молдавского, а также украинского населения, у которого мужская поясная одежда белого цвета была этнической традицией⁸⁸. Таким образом, мужская поясная одежда гагаузов, как и другие элементы их старинного национального костюма, тесно связана с соответствующими явлениями бытовой культуры на Балканах. В Бессарабии она отчасти нашла подтверждение в традициях соседнего молдавского и украинского населения.

О происхождении широких в шагу штанов можно сказать, что они имеют прямую или опосредованную связь со специфическими формами одежды у народов степной Евразийской полосы⁸⁹. Вопрос преемственности древних форм этой одежды у гагаузов требует дополнительных исследований.

Обязательными элементами старинного мужского костюма являлись широкий шерстяной пояс красного цвета, суконная безрукавка и суконная куртка. Каждый из этих элементов также имеет свою предысторию в традициях, привезенных гагаузами из Болгарии, о чем свидетельствует сравнительный анализ литературы.

О красном поясе как части старинного национального костюма гагаузов Болгарии писал К. Иречек⁹⁰. Эти сведения подтверждают материалы книги А. Манова, где дается его более подробное описание⁹¹. О кушаке, преимущественно красного цвета, в костюме болгарских гагаузов сообщает А. Бихан⁹². Широкий пояс наблюдала у гагаузов О. Накко⁹³. Говоря об одежде жителей бессарабских колоний, А.И. Защук в середине XIX в. отмечал, что у мужчин «талию опоясывает широкий голубой или красный кушак, за который заткнуты нож и трубка⁹⁴». Аналогичные элементы одежды у бессарабских гагаузов выделяет в конце XIX в. В.А. Мошков. Он обращает внимание на то, что с длинным шерстяным вязаным кушаком, обмотанным вокруг пояса, гагаузская молодежь не расстается даже во время самой сильной летней жары. Этот автор сообщает также, что кушак у стариков широкий, синий, у молодых – уже и только красного цвета⁹⁵. Любопытно упоминание А. Манова о шелковом поясе *тарабулуз*, являвшемся принадлежностью костюма жениха на гагаузской свадьбе⁹⁶.

Красный кушак сохранился в костюме гагаузов старшего поколения до настоящего времени.

Жилет в таком виде, в каком он дошел до настоящего времени, как по покрою, так отчасти и по материалу соответствует характерному элементу городской одежды. Но его появлению в старинной одежде гагаузов, на наш взгляд, способствовало наличие в традиционной основе суконной безрукавной одежды *минтана* (у А. Манова – *елек*, у А. Бихана – *жилет*). Фактически жилет – это результат своеобразной эволюции старинного минтана.

Наиболее полное описание минтана содержится в книге В. А. Мошкова: «...сверх фанелы надевают короткую безрукавку вроде жилета (*минтан*). Она имеет стоячий невысокий воротник и застегивается на петли и застёжки из толстого шнура (*гайтан*) на один борт. Край воротника и борт у минтана обшиты тем же гайтаном черного цвета. Минтан делается настолько коротким, что едва только закрывает кушак. В шаровары он не заправляется. Нужно думать, что эта часть костюма принадлежит к числу старинных, потому что такие же куртки-безрукавки, по описанию Иречека, носят и задунайские гагаузы. Даже цвет минтана у тех и других сходен: у задунайских гагаузов он голубой, и бессарабская молодежь также носит минтан ярко-голубого цвета, но кроме того он бывает здесь ярко-красного и зеленого цвета. Впрочем, такой минтан парни надевают только по праздникам в церковь. Он делается даже атласным или из черного бархата. Но дома и в будни носят более простые, из ситца, или из тонкого домашнего сукна *литу* черного или темного цвета. Зимой носится теплый минтан из толстого тоже домашнего сукна (*дими*)»⁹⁷.

Из приведенной выдержки видно, как многосторонне практичен этот архаичный элемент мужского костюма, являющийся неслучайной принадлежностью большинства комплексов национальной одежды народов Балкано-Дунайского региона⁹⁸.

Своеобразной частью старинного мужского костюма является *антери*, или *аба*, имеющая широкие аналогии в одежде населения Болгарии и сопредельных регионов⁹⁹. Это короткая мужская куртка из темного сукна своеобразного покроя, орнаментированная гайтаном в традициях балканской одежды. А. Бихан называет ее просто *куртка*¹⁰⁰. У А. Манова специальное описание не дается, но, очевидно, это упоминаемый им *контош*, который обычно закидывали на плечо¹⁰¹. Судя по указанному способу ношения антери у В.А. Мошкова и контоша у А. Манова, можно заключить, что у обоих речь идет об одном и том же виде одежды.

На фотографии в книге А. Манова верхняя одежда молодого мужчины есть не что иное, как антери¹⁰². Ее вид совпадает с описанием аналогов в болгарской одежде и, что важно, у гагаузов Бессарабии конца XIX в.

Гагаузская антери, надеваемая поверх минтана, — это однобортная куртка со стоячим воротником и узкими рукавами, имеющая аналогию у бессарабских болгар и молдаван и носящая у них то же название. Шили ее из черного или темно-синего сукна и обшивали гайтаном. В.А. Мошков отмечает, что это в основном молодежная одежда, которая от аналогичной болгарской отличается тем, что декор на ней менее ярок. У болгар антери декорируют не только черным гайтаном, но и красным сукном. Особого внимания заслуживает упоминание В. А. Мошкова о том, что гагаузские парни летом носили антери *внакидку*¹⁰³. «Широкую куртку темно-синего сукна» с разрезами на рукавах отметил в своем описании одежды жителей бессарабских колоний А.И. Защук¹⁰⁴.

Антери (*чуфа антери*, *аба*) из домашнего черного, темно-синего или коричневого сукна на подкладке из хлопчатобумажного материала бытовала в гагаузских селах до 40-х гг. XX столетия как оригинальный вид мужского национального костюма и использовалась в старинных вариантах покроя как праздничная одежда молодых людей¹⁰⁵.

Особенностями традиционного покроя антери являлись: стоячий ворот, укра-

шенный строчным узором, распашной перед с косо вытянутым верхним концом правого борта к левому плечу, разрезы по бокам. Рукав цельнокроеный, вшивной, с глубоким заходом на плечо (что создает силуэт полуреглана), к запястью он зауживается и застегивается на две пуговицы. Разрезы по бокам, швы на спине, полы бортов отсрочиваются гайтаном. Пуговицы тоже сделаны из гайтана. Спинка дополнена по бокам клиньями. Карманы горизонтальные или косые¹⁰⁶. Описанный крой наиболее архаичен и имеет прямые аналогии в одежде гагаузов Болгарии, а также в болгарских комплексах мужской одежды. Балканские черты кроя стали утрачиваться еще в начале XX в. В это время уже встречаются антери с втачными рукавами по линии плеча. Спинка имеет шов посередине и дополнена клиновидными вставками по бокам. Часто по образцу жилета пришивали хлястик. Ворот глухой (без традиционного стоячего воротника), борта распашные, прямые, застегиваются посередине груди на ряд пуговиц. Карманы боковые и нагрудные, внутренние, иногда оконтурены декоративным швом. Такой же декор украшает обшлага рукавов и все крупные швы.

В настоящее время словом *антери* часто называют жилетку с глухим воротом.

Верхняя зимняя одежда гагаузских мужчин включает овчинную безрукавку с таким же названием, как женская (*минтан, кептар, пошкина, бондица*), овчинный полушубок (*кюрк*) и тулуп (*кожук, бой кожук, бой кюркү*).

В.А. Мошков описывает этот вид одежды так: «В холодное время года и зимой носят овчинные полушубки (*кюрк*) различных видов. Есть полушубок, соответствующий минтану, т.е. в виде короткой безрукавки (*минтан, кюрк*), есть в виде «антыре» (надо думать, куртка с рукавами. – М. М.). Есть еще полушубки длинные с талией и с рукавами вроде русских (*бой кюрк*), которые считаются старинными и теперь носят довольно редко. Такие же самые полушубки, но без талии (*тулуп*) носят только старики»¹⁰⁷. Описанные упомянутым автором виды меховой одежды бытовали в гагаузских селах и позже в несколько модифицированном виде, составляя характерную черту народной одежды¹⁰⁸.

Рассмотрим такой традиционный элемент мужской верхней одежды, как меховая безрукавка. Она имела прямой разрез на груди, застегивающийся на пуговицы из крученой кожаной тесьмы. По бортам, полам, проймам рукавов, а также вдоль швов орнаментировалась черными лентами из кожи. Вдоль бортов и карманов кожа декорировалась резным ажурным узором. В архаичных вариантах мужской безрукавки имелись маленький стоячий воротник и меховая опушка вдоль бортов, пройм, ворота и подола¹⁰⁹. Встречались в прошлом и безрукавки с застежкой сбоку. Такой покрой, по мнению ряда ученых, заимствован у румынских пастухов (моканов), прибывших в Буджак в конце XVIII – начале XIX в. из Трансильвании¹¹⁰.

В целом безрукавная меховая одежда считается новой для переселенцев из Болгарии, тогда как другие ее типы были знакомы им и на прежнем месте жительства.

Эволюция безрукавного мехового сравнительно нового вида одежды бессарабских гагаузов происходила во всех селах одинаково, но терминология все же различается. В Вулканештах и окрестностях безрукавку называли *кептар*, в Димитровке и других близлежащих селах – *пошки, пошкина*, в Комрате и округе – *бондица*, в Болбоке – *минтан, кюрк*, и т.д.

Длинный кожух назывался *бой кожук*. В Димитровке, Александровке и Кубее его

иногда называли *минтан*. Бой кожук предназначался для мужчин пожилого возраста. Носили также короткую меховую куртку (*кыса кожук*) – в основном мужчины молодого и среднего возраста. В с. Курчи большие кожухи называли бой курку, а короткие – *кыса кюрк, куфайка*.

Развитие овцеводства обусловило появление и специфического чабанского костюма. В нем обычная рубаха сочеталась со штанами из овчины (*мешин*) мехом внутрь. Спереди был разрез с застежкой. Внизу у стопы на штанинах также имелись разрезы, застегивавшиеся на пуговицу. Обязательными элементами пастушьего костюма были меховая безрукавка обычного покроя и короткая куртка из овчины (*кюрк*), иногда декорированная красной и зеленой строчкой. Дополняли ансамбль постолы с шерстяными онучами, меховая шапка и длинная овчинная шуба¹¹¹.

Важным элементом верхней мужской одежды являлся суконный плащ (*йаамурлук*) с капюшоном (*гузла*). Его шили в основном местные портные из домотканого коричневого (естественного цвета) сукна. А. Бихан называет йаамурлук «пальто с капюшоном»¹¹², В.А. Мошков – «длинный армяк». Мошков указывает, что этот вид одежды надевали в дорогу и в случае непогоды. О назначении этого вида одежды свидетельствует его название¹¹³, буквально означающее «дождевик». Аналогичную одежду у гагаузов Северо-Восточной Болгарии описал В. Маринов¹¹⁴.

Непосредственная связь меховой одежды гагаузов с традиционными формами таковой на территории Болгарии просматривается во всех элементах¹¹⁵. Свойствен этот тип верхней одежды и соседним по Бессарабии народам – молдаванам, украинцам, болгарам¹¹⁶.

На голову гагаузские мужчины надевали зимой меховые шапки из каракуля (*калтак*), летом – войлочные шляпы (*паралийя*). Меховые шапки упоминаются всеми авторами, начиная от К. Иречека и кончая В.А. Мошковым¹¹⁷. Этот обычай сохранился до настоящего времени.

Многие авторы особо подчеркивают бытовавший у болгарских гагаузов обычай носить фес, который обертывали платком в виде чалмы¹¹⁸. К. Иречек сообщает о красных фесах, которые якобы уже в его время заменялись у гагаузов «болгарскими барашковыми шапками»¹¹⁹.

О том, что фесы были когда-то и у бессарабских гагаузов, говорят музейные и архивные материалы¹²⁰. Однако В.А. Мошков в конце XIX в. отмечал, что у гагаузов Бессарабии не сохранилось даже воспоминаний о том, что мужчины когда-то носили красные фесы. Летом, по его сведениям, мужчины надевали круглые барашковые белые и черные шапки с плоским верхом (*калтак*) или же высокие с острым верхом (*сиври калтак*). Кроме того, в это время наблюдались (как редкость) зимние шапки с пришитыми к ним меховыми наушниками (*кулаклы калтак*)¹²¹. Примечательно, что перечисленные виды головных уборов были свойственны и всему остальному населению Бессарабии.

Наиболее старинными видами мужской обуви у гагаузов считаются постолы из свиной или воловьей кожи. Ноги обертывали в домотканые длинные куски белого шерстяного полотна (*саргы*) на манер онучей или обмоток. Саргы обвязывались, кроме кожаных тесемок от постолов, черным шнурком (*кара баа, тырсына, кылип*), изготовленным из конского волоса или козьей шерсти.

Заправленные в саргы темные штаны и черный шнур на белоснежном фоне создавали характерный для гагаузов ансамбль одежды. Этот вид обуви имеет аналогии у соседних народов, и прежде всего у болгар¹²². Что постолы – основная обувь задунайских гагаузов, констатируют все авторы, хоть в какой-то мере описавшие их быт¹²³. Об обуви бессарабских гагаузов в 70-е гг. XIX в. О. Накко сообщала следующее: «...человек ... в лаптях: ноги до колен обернуты в белую толстую шерстяную ткань домашнего изделия и перевиты тоже до колен черным узким ремешком»¹²¹. В.А. Мошков по этому поводу писал: «На ногах носят лапти (*чарык*) из воловьей или свиной шкуры»¹²⁵.

В литературе упоминается и более совершенная обувь, бытовавшая у гагаузов в Болгарии и отчасти сохранившаяся в Бессарабии. Это в первую очередь кожаные туфли без каблуков (*емени*), надеваемые с длинными вязаными шерстяными чулками (*чоран*). Кроме того, богатые гагаузы, особенно молодежь, носили самодельные ботинки с узорно вязанными из шерсти гетрами, называемыми *томак* и украшенными красными кисточками¹²⁶.

Полевые исследования показали, что *емени* в Бессарабии не исчезли, они использовались весь XIX в., передав позже свое название другим типам кожаной обуви на низком каблуке. Это название бытует до настоящего времени. Таким образом, традиционные формы обуви, как и многие другие элементы старинной одежды, во многом являвшиеся продолжением былых балканских традиций, сохранились после переселения гагаузов в Бессарабию в прежнем или несколько модифицированном виде.

Старинная одежда изготовлялась в крестьянских семьях своими руками. Но уже в первые десятилетия после переселения многие гагаузы, прежде всего зажиточные слои, стали все чаще покупать при возможности готовые изделия на рынке или заказывать у ремесленников. Это касалось прежде всего верхней суконной одежды и обуви. Так, в одном из архивных документов за 1842 г., содержащем материалы о переписи имущества болгарского колониста Бояжи (фамилия явно гагаузская) в связи с тяжбой, наряду с такими ценными для того времени вещами, как «суконная кацавейка на подкладке» и «кожух с вышитыми шнурами» упоминается пара турецких сапог, стоящих 10 рублей ассигнациями. Судя по перечисленным серебряным вещам (ложки, часы, ножи), это был богатый человек¹²⁷. На престижные устремления богатой части населения колоний, отражавшиеся в элементах одежды, обращает внимание в середине XIX в. А.И. Защук. При описании одежды колониста он прежде всего указывает на «высокие сапоги и туфли»¹²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бромлей Ю.В. Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 205, 246; Маркарян Э.О. Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 8, 18-19.
- ² Маркова Л.В. некоторые тенденции развития культуры и быта болгар Юго-запада СССР. М., 1966; Она же. О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар // Советская этнография. 1974. № 1.
- ³ Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 16-23; Она же. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – нач. XX вв. М., 1984. С. 3.
- ⁴ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – нач. XX вв. М., 1984. С. 3.
- ⁵ Иречек К. Княжество България. Ч. II. Пловдив. 1899. С. 828; Манов А. Потеклото на гагаузите: Техните обичаи и нрави. Ч. I. Варна, 1938. С. 40, 48; Чиракман-Карвуна-Каварна. София, 1982. С. 100-102.
- ⁶ Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение. 1902. № 4. С. 38.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Державин Н.С. Болгарские колонии в России // Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. XXIX. София, 1914. С. 85, 90; Маркова Л.В. некоторые тенденции развития культуры и быта болгар Юго-запада СССР. М., 1966. С. 8.
- ⁹ Мошков В.А. Указ. соч. С. 38.
- ¹⁰ Вакарелски Х. Етнография на България. София, 1974. С. 239-250; Зеленчук В.С. Молдавский национальный костюм. Кишинёв, 1985. С. 32. Он же. Основные типы традиционной молдавской национальной одежды // Этнография и искусство Молдавии. Кишинёв, 1972. С. 86; Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русско-крестьянская одежда XIX – нач. XX в.: Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1968; Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 152, 215. Беларуское народное адзение. Минск, 1975. С. 8.
- ¹¹ Зеленчук В.С., Филимонова М.Ф. Национальная гагаузская одежда и её бытование в настоящее время (по материалам сёл Вулканештского, Чимишлийского и Чадыр-Лунгского районов МССР) // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской СССР. Кишинёв, 1964. С. 68.
- ¹² Вакарелский Х., Иванов Д. Български народни песни в сега и в миналото. София, б.г.
- ¹³ Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов // Восточнославянский этнографический сборник: Труды института этнографии имени Миклухо-Маклая. Т. XXXI. М., 1956. С. 605-617.
- ¹⁴ Зеленчук В.С. Основные типы традиционной молдавской национальной одежды. С. 87.
- ¹⁵ Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов. С. 612.
- ¹⁶ Там же. С. 603.
- ¹⁷ Личный архив автора. Полевые материалы; Зеленчук В.С., Филимонова М.Ф. Указ. соч. С. 68.
- ¹⁸ Вакарелский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 80, 146.
- ¹⁹ Заицук А.И. Материалы для географии и статистики России. Собранные офицерами Генштаба (Бессарабская область). Ч. I. СПб., 1862. С. 505. Берг Л.С. Бессарабия: Страна – люди – хозяйство. Пг., 1918. С. 126; Державин Н.С. Указ. соч. С. 90.
- ²⁰ Вакарельский Х. Указ. соч. С. 250.
- ²¹ Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов. С. 627, 647; Кърстева-Ножарова. Народната носия в Поибрене и Среднегорец Панагюрско // БАН. Известия на Етнографския институт и музей. Кн. VI. 1963. С. 172; Велева М. Котленската носия през XIX и първата половина на XX в. // Там же. Кн. II. 1995. С. 30-31 и др.; Вакарелский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 93-110.
- ²² Народы зарубежной Европы. Т. I. М., 1964. С. 543, 583-584, 646; Вакарелский Х. Указ. соч. С. 249.
- ²³ Маркова Л.В. некоторые тенденции развития культуры и быта болгар Юго-запада СССР. С. 8; Заде-рацкий П.Э. Болгары – поселенцы Новороссийского края и Бессарабии // См.: Маркова Л. В. Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар Юго-Запада СССР. С. 8; Зеленчук В. С. Молдавский национальный костюм. С. 64.
- ²⁵ См.: Иаулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975. С. 236.
- ²⁶ См.: Зеленчук В. С., Филимонова М. Ф. Указ. соч. С. 69.
- ²⁷ Личный архив автора. Полевые материалы.

- 28 См.: Вакарельский Х. Указ. соч. С. 251.
- 29 Bihan A. *Liber semicircularis societatis fennougricae*. Helsinki, 1933. P. 55.
- 30 См.: Манов А. Указ. соч. С. 48.
- 31 Там же. С. 40.
- 32 См.: Иречек К. Указ. соч. С. 87; Манов А. Указ. соч. С. 67.
- 33 Мошков В. А. Указ. соч. С. 41.
- 34 См.: Там же.
- 35 См.: Задерацкий П. Э. Указ. соч. С. 165; Рачинский А. В. Походные письма ополченца из Южной Бессарабии. 1855–1856. М., 1858. С. 9; Защук А. И. Указ. соч. С. 505; Берг Л. С. Указ. соч. С. 126; Державин Н. С. Указ. соч. С. 85–91.
- 36 См.: Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 74–75; Путнев В. и др. Болгарское народное искусство. София, 1979. С. 102–112 Благоева С. Болгарские народные украшения. София, 1977; Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. М., 1977. С. 127–193; Народы мира: Народы европейской части СССР. Т. II. М., 1964. С. 497, 517, 531, 617, 714 и др.; Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1971) С. 113–142; и др.
- 37 См.: Зеленчук В. С, Филимонова М. Ф. Указ. соч. С. 73.
- 38 См.: Вакарельский Х. Указ. соч. С. 228, 229; Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 72–73.
- 39 См.: Манов А. Указ. соч. С. 103; Irecsek C. *Fürstentum Bulgarien*. Wien, 1891. S. 30.
- 40 См.: Каракашлы К. Т. Материальная культура азербайджанцев Северо-Восточной и Центральной зоны Кавказа. Баку, 1964. С. 161; Костюм народов Средней Азии С. 152, 217, 225.
- 41 См.: Мошков В. А. Указ. соч. С. 40.
- 42 См.: Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 106, 107.
- 43 См.: Мошков В. А. Указ. соч. С. 40.
- 44 См.: Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 111.
- 45 См.: Зеленчук В. С. Филимонова М. Ф. Указ. соч. С. 70.
- 46 См.: Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 131.
- 47 Манов А. Указ. соч. С. 100.
- 48 Там же. С. 101.
- 49 См.: Мотков В. А. Указ. соч. С. 40.
- 50 См.: Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 86–87, 110–111.
- 51 См.: Манов А. Указ. соч. С. 106.
- 52 Там же. С. 171.
- 53 См.: Задерацкий П. Э. Указ. соч. С. 165.
- 54 См.: Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 80, 87, 95, 99 и др.
- 55 См.: Мошков В. А. Указ. соч. С. 38.
- 56 См.: Личный архив автора. Полевые материалы; Зеленчук В. С, Филимонова М. Ф. Указ. соч. С. 69–70.
- 57 См.: Манов А. Указ. соч. С. 40, 106.
- 58 Фес в тот период сохранился только в сундуках и во всех коллекциях этнографических материалов, собранных в конце XIX – начале XX в. в гагаузских и болгарских селах Бессарабии, фигурирует как архаизм. Термин чембер, означающий «круг», возможно, происходит от способ повязывания платка вокруг феса, сам же платок (полотно обязательно одноцветное, черное, без бахромы), очевидно, является реликтом старого вида головного убора.
- 59 См.: Исторические аспекты славяно-волош-«ких связей. Кишинев, 1973.
- 60 См.: Манов А. Указ. соч. С. 40.
- 61 См.: Чанное Ж. Гагаузите в България // Известия на болгарско географско дружество. Кн. IV. 1936. С. 67.
- 62 Бихан А. Указ. соч. С. 55.
- 63 См.: Зеленчук В. С, Филимонова М. Ф. Указ. соч. С. 76.
- 64 См.: Мошков В. А. Указ. соч. С. 42.
- 65 Irecsek C. *Baz Rîgîlelîştî Vîşdapep*. 5. 206.
- 66 См.: Зеленчук В. С, Филимонова М. Ф. Указ. соч. С. 63, 64.
- 67 См.: Накко О. Из бессарабской старины. Кишинев, 1970. С. 70–71.
- 68 См.: Архив ГМЭ. Ф. I. Оп. 2. Д. 726. Л. 64; Мошков В. А. Указ. соч. С. 41.
- 69 См.: Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 65.
- 70 См.: Кишиневский государственный краеведческий музей. Фонды. Кол. № 5905; Личный архив

- автора. Полевые материалы.
- 71 Зеленчук В. С. Молдавский национальный костюм. С. 89; Николаева Г. А. Украинская народная одежда. Киев, 1987. С. 86.
- 72 См.: Личный архив автора. Полевые материалы; Зеленчук В. С., Филимонова М. Ф. Указ. соч. С. 63.
- 73 См.: Мошков В. А. Указ. соч. С. 62.
- 74 См.: Манов А. Указ. соч. С. 106.
- 75 См.: Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 237; Велева М. Г., Лепавцева Е. И. Народная одежда болгар в Северной Болгарии в XIX – начале XX в. София, 1961. С. 10, 25.
- 76 См.: ГМЭ. Фонды. Кол. 743. № 72, 74.
- 77 См.: Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 132, 136; Вакарельский Х. Указ. соч. С. 236.
- 78 См.: Манов А. Указ. соч. С. 40; Чанков Ж. Указ. соч. С. 67.
- 79 См.: Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 132.
- 80 См.: Личный архив автора. Полевые материалы; Манов А. Указ. соч. С. 40, 106.
- 81 См.: Манов А. Указ. соч. С. 48.
- 82 См.: Иречек К. Княжество България. С. 828.
- 83 См.: Бихан А. Указ. соч. С. 55.
- 84 См.: Защук А. И. Указ. соч. С. 505.
- 85 См.: Накко О. Указ. соч. С. 70–71.
- 86 См.: Мошков В. А. Указ. соч. С. 42.
- 87 См.: Личный архив автора. Полевые материалы; Зеленчук В. С., Филимонова М. Ф. Указ. соч. С. 63, 64.
- 88 См.: Зеленчук В. С. Молдавский национальный костюм. С. 98.
- 89 См.: Масло ва Г. С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов. С. 754; Народы мира: Народы европейской части СССР. Т. II. С. 496, 617, 658, 659, 715–717; Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 132; Костюм народов Средней Азии. С. 134; Гад-жиева С. Ш. Материальная культура ногайцев XIX–XX вв. М., 1976. С. 100.
- 90 См.: Иречек К. Княжество България. С. 828.
- 91 См.: Манов А. Указ. соч. С. 40, 48, 106.
- 92 См.: Бихан А. Указ. соч. С. 55.
- 93 См.: Накко О. Указ. соч. С. 70–71.
- 94 Защук А. И. Указ. соч. С. 505.
- 95 См.: Мошков В. А. Указ. соч. С. 42.
- 96 См.: Манов А. Указ. соч. С. 106, 107.
- 97 Мошков В. А. Указ. соч. С. 42–43.
- 98 См.: Вакарельский Х. Указ. соч. С. 237, 250; Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 133, III.
- 99 См.: Вакарельский Х. Указ. соч. С. 257; Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 66.
- 100 См.: Бихан А. Указ. соч. С. 55.
- 101 См.: Манов А. Указ. соч. С. 40.
- 102 См.: Там же. С. 48.
- 103 См.: Мошков В. А. Указ. соч. С. 43.
- 104 См.: Защук А. И. Указ. соч. С. 505.
- 105 См.: Зеленчук В. С., Филимонова М. Ф. Указ. соч. С. 64–65.
- 106 См.: Личный архив автора. Полевые материалы; Кишиневский государственный краеведческий музей. Кол. 5905, 6512; ГМЭ. Фонды. Кол. 743. № 69, 71.
- 107 Мошков В. А. Указ. соч. С. 43–44.
- 108 См.: ГМЭ. Фонды. Кол. 743. № 67.
- 109 См.: Личный архив автора. Полевые материалы.
- 110 См.: Мошков В. А. Указ. соч. С. 43; Зеленчук В. С., Филимонова М. Ф. Указ. соч. С. 66.
- 111 См.: Архив ГМЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 726. Л. 46, 48, 52, 60; ГМЭ. Фонды. Кол. 4097. № 15–24.
- 112 Бихан А. Указ. соч. С. 55.
- 113 См.: Мошков В. А. Указ. соч. С. 43.
- 114 См.: Маринов В. Принос към изучаването на бита и културата на турците и гагаузите в Североизточна България. София, 1956. С. 122.
- 115 См.: Вакарельский Х. Указ. соч. С. 229; Велева М. Г., Лепавцева Е. И. Указ. соч. С. 20.
- 116 См.: Задерацкий П. Э. Указ. соч. С. 164; Державин Н. С. Указ. соч. С. 85, 90; Зеленчук В. С. Молдав-

- ский национальный костюм. С. 101.
- ¹¹⁷ См.: Иречек К. Княжество България. С. 828; Манов А. Указ. соч. С. 128; Защук А. И. Указ. соч. С. 505; Мошков В. А. Указ. соч. С. 45.
- ¹¹⁸ См.: Иречек К. Княжество България. С. 828; Манов А. Указ. соч. С. 40, 106.
- ¹¹⁹ Иречек К. Княжество България. С. 828.
- ¹²⁰ См.: ГМЭ. Фонды. Кол. 6431; Архив ГМЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 455. Л. 14, 64.
- ¹²¹ См.: Мошков В. А. Указ. соч. С. 45.
- ¹²² См.: Вакарельский Х., Иванов Д. Указ. соч. С. 72–73; Вакарельский Х. Указ. соч. С. 228, 229; Валева М. Г., Лепавцева Е. И. Указ. соч. С. 20.
- ¹²³ См.: Манов А. Указ. соч. С. 128; Маринов В. Указ. соч. С. 142, 153, 215.
- ¹²⁴ Накко О. Указ. соч. С. 70–71. 126 Мошков В. А. Указ. соч. С. 44.
- ¹²⁶ См.: Манов А. Указ. соч. С. 40.
- ¹²⁷ См.: Филиал ГАОО в г. Измаиле. Ф. 93. Оп. 1. Д. 44, Л. 25; Д. 104. Л. 4.
- ¹²⁸ Защук А. И. Указ. соч. С. 505.

ТРАДИЦИИ ПИТАНИЯ

Традиционная пища наряду с жилищем и одеждой в контексте культуры составляет систему жизнеобеспечения, то есть является важнейшим компонентом существования этноса, первой жизненной необходимостью. В традициях народного питания как одного из самых консервативных элементов материальной культуры, накапливаются напластования элементов различных эпох с рудиментами культуры отдаленных периодов истории народа.

Общеизвестно, что систему питания какого-либо этноса или региона, населенного рядом близких по культуре этносов, составляют:

определенный набор основных продуктов, употребляемых в пищу, а также типы блюд, приготовленных из них;

многообразный набор дополнительных компонентов таких как приправы и специи;

характерные способы обработки продуктов и приготовление блюд;

пищевые ограничения и предпочтения, правила поведения, связанные с приготовлением и приемом пищи; утварь, постройки, помещения, где происходит приготовление и прием пищи (Культура жизнеобеспечения..., 1983, 189).

Система питания гагаузов представляет собой сложное, исторически сложившееся явление, претерпевшее определенную эволюцию. Поскольку гагаузский этнос входит в историко-культурную область Юго-Восточная Европа, его соседями по региону являются молдаване, болгары, украинцы и др. население. Поэтому вполне естественно, что в их культуре есть немало параллелей с культурой соседних народов. Но это отнюдь не свидетельствует о «слепом» заимствовании друг у друга этих элементов. Причиной возникновения общих черт являются единые экологические условия, в которых обитают названные этносы, единый тип хозяйства (хлебопашество и домашнее животноводство) и единая конфессиональная принадлежность (православное христианство).

СЫРЬЕВАЯ БАЗА СИСТЕМЫ ПИТАНИЯ ГАГАУЗОВ

СПОСОБЫ ОБРАБОТКИ И ХРАНЕНИЯ ПРОДУКТОВ.

Особенности питания того или иного народа складываются под влиянием природной среды, которая в свою очередь влияет на характер хозяйственной деятельности.

Помимо хлебопашества и домашнего животноводства переселенцы – гагаузы и болгары – занимались огородничеством, которое носило подсобный характер, хотя и имело весьма давние традиции. Среди всего набора продуктов, составлявших базу

национальной системы питания, первое место принадлежало зерновым и зернобобовым: пшенице (*booday*), кукурузе (*paşoy*), ржи (*çavdar, sakara*), ячменю (*arpa*), фасоли (*fasülâ*), чечевице (*mercimek*), гороху (*nohut/graa*). В пищу употреблялись овощи и зелень: капуста (*laana*), картофель (*kartofi*), морковь (*morkuva*), огурцы (*hiyar/salata*), свекла (*çükündür*), помидоры (*patlacan*), баклажаны (*mor patlacan*), перец (*biber*), лук (*su(v)an*), лука-порей (*prasa*), чеснок (*sarmisak*), стручковый перец (*ardey*), петрушка (*petruşka, maydanoz otu*), укроп (*marar/kopar*), мята (*kara naanâ*), чабрец (*çibriţa*), сельдерей (*felina*), щавель (*labada*).

Масла производились в основном из семян подсолнуха (*gündöndü toomu, semîçka*), реже из рапса (*rapîta*), сурепки (*hardal*), конопли (*kenevir tomu*), из семян льна (*keten*), гороха (*mazare tenesi*), косточек абрикосов (*zerdeli çekerdää*) и других культур (Маруневич, 1988, 152).

Зерновые продукты превращались в полуфабрикаты – муку (*un*) и крупу (*bulgur*) – на специальных ручных механических мельницах, в деревянных ступах (*dübek*) и других приспособлениях (*kaya/rişniţa*).

В середине XIX века зерно хранили в ямах (*kuyu*), на чердаках (*tavan*), или в сусеках амбаров (*göz*). Мука помещалась в плетеные корзины из лозы (*unnuk*), обмазанные снаружи и изнутри глиной. Обычно корзина имела два-три отделения (*göz*), предназначенных для разных сортов муки, крупы, отрубей (*kepek*). Эти емкости с продуктами стояли на кухне, недалеко от очага или в кладовой (*ambar*). Зернобобовые хранили на чердаках, в амбарах. Часть этих продуктов держали на кухне в глиняных сосудах (*çölmek*), корзинах (*sepet*) и в другой пригодной для этих целей утвари.

Овощи заготавливали в виде солений (*turşu*) в бочонках (*kada, baler*). Излюбленным видом солений считались соленье из фаршированные капустой баклажаны (*mor patlacan*). Содержимое бочонка заливалось рассолом (*salamura* – от рум. *sălămură, sârămură*), закрывалось деревянной крышкой, на которую ставили в качестве пресса булыжники (*taş*). Иногда различные виды овощей солили отдельно: капусту – *laana turşusu*; арбузы – *karpuz turşusu*; помидоры – *patlacan turşusu* и т. д. Хранили соленья в погребе (*maaza*), в неотапливаемом коридоре (*hayat*) или в сарае (*dam*). Этот способ консервирования, используемый гагаузами по сей день, является традиционным для народов Балканского полуострова, Передней Азии (в том числе и для тюркоязычных народов) (Этнография питания..., 1981, 25). Аналогичными навыками засолки овощей владели гагаузские и болгарские переселенцы еще будучи в Болгарии (Маринов, 1956, 134), (Этнография на България, 1983, т.2, 290). Такой же способ известен соседнему населению Южной Бессарабии – молдаванам и болгарам.

Однако, если для гагаузов термин *turşu*, обозначающий данный вид пищи, является исконным, так как бытует во многих тюркских языках, а также в языках населения Передней Азии, Кавказа, где влияние тюркоязычных народов было достаточно сильным, то для болгар название *туришия/трушия* считается заимствованным. Молдаване же используют романский термин *murături*.

Гагаузы практиковали и другие способы хранения овощей. Морковь, свеклу сберегали в корзинах с песком в погребах, лук и чеснок с сухой ботвой заплетали в косы и подвешивали к балкам в коридоре или в подвале. Сушению подвергались

травы (петрушка, укроп, перечная мята, чабрец, любисток, сельдерей, тмин и др.). В печи или на солнце сушили абрикосы, сливы, яблоки, груши.

Арбузы, дыни, тыквы заготавливали впрок в натуральном виде в подвалах. Свежий виноград подвешивали к балкам потолка кладовой или к стропилам чердака (*üzüm*). Нередко его держали разложенным на подстилке на чердаке. Иногда виноград, сливы, тыкву, арбузы, дыни и орехи хранили в переработанном виде. Из них варили повидло (*meyva ezmesi, povidla*) или варенье (*tatli*). В качестве свадебного угощения готовили варенье из особого сорта арбузов (*uzun karpuz*), также варили густой сироп из винограда (*pekmez*). Традиции по приготовлению варенья, повидла, сладких сиропов были свойственны гагаузам еще в Добрудже до поселения в Буджаке (Маринов, 1956, 132; 191).

Растительные масла (*oloy*) в домашних условиях не производились. Семена подсолнуха вывозились на механические маслобойки (*oloynița*), расположенные в городах и отдельных селах (Мещеряк, 1971, 192).

К числу древнейших продуктов, потребляемых гагаузами Буджака, как и их предками на территории Добруджи, относится мясо. Предпочтение отдавалось баранине и свинине (Маруневич, 1988, 154). В пищу употреблялись баранина (*koyun yaanisi*), свинина (*domuz yaanisi*), говядина (*sur yaanisi*); изредка – крольчатина или зайчатина (*tauşam yaanisi*). Значительное место в рационе питания гагаузского крестьянина занимала домашняя птица: куры (*tauk*), гуси (*kaz*), утки (*ördek/rața*), индюки (*pipi, mısırka, kurkan*). В соответствии с народным календарем у гагаузов существовал сезонный забой скота и сезонное потребление мяса, зависящее от календарного цикла. Например, ягненка закалывали весной на день Святого Георгия (Hederlez), барашка или молодого бычка осенью на день Святого Дмитрия (Kasim), свинью – на Рождество и Пасху, петуха – на день Святых Петра и Павла.

Гагаузам известно много способов хранения и заготовки впрок всех видов мяса. Наиболее простым является заготовка сала (*slanina*, от рум. *slănină*), Обычно его засаливали кусками, добавляя различные специи. Часть сала (свиного или овечьего) перетапливали в жир и заливали в кувшины (*çölmek*) или глиняные корчаги (*küp*), закрывали тряпкой и обмазывали глиной. В этих сосудах жир хранился длительное время. Впрок запасали и выжарки (*sızırma*), которые считались у гагаузов вполне самостоятельным блюдом. Молдаване и болгары на территории Молдовы для обозначения данного вида пищи употребляют другое название - болг. *джермерки*, рум. *giumeri*, в то время как гагаузы пользуются термином *sızırma*, распространенным в других тюркских языках.

С целью длительного хранения мясо обжаривали в чугунном котле (*çu(v)en, çain*), помещали в глиняные корчаги и заливали жиром. Мясо, приготовленное подобным образом, называется у гагаузов *kaurma*.*

Термин *kaurma* и данный способ приготовления мяса известны многим народам, и прежде всего тюркским (аз. *говурма*, тур. *kavurma*) (Гавилов, 1988, 24-25). Этот вид пищи, как отмечается в исследованиях, распространен в значении «жареное

* Термин *kaurma* у гагаузов обозначает также блюдо, представляющее собой поджарку из свежего мяса, бараньих и свиных потрохов (печени и легких).

мясо, приготовленное для длительного хранения, у некоторых народов Передней и Центральной Азии. Согласно мнению ученых, технология его приготовления уходит корнями в кочевой быт многих народов, в том числе и тюрок, как наиболее рациональный способ сохранения мяса в условиях кочевого хозяйства. При этом кочевники подвергали мясо длительному обжариванию, а затем помещали в бурдюки, изготовленные из очищенных внутренностей или из шкур животных (Этнография питания..., 1981, 26).

Кроме того, *каурма* известна соседнему населению Молдовы. Болгары называют этот вид пищи *каварма* и употребляют его во всех регионах Бессарабии. Для молдаван же, его распространение ограничивается лишь югом республики, что свидетельствует о бытовании в этом регионе «балканской» региональной традиции (молд. диал. *căvărma*) (Дикционар диалектал., 1985, т. 2, 296).

Другим, не менее рациональным способом хранения мяса является его копчение или вяление. Такой вид пищи носит название *пастрама* (гаг. *pastirma*) и известен многим народам. Вялению и копчению подвергалась баранина, говядина и (у некоторых народов) свинина. Мясо на некоторое время помещали в соленый раствор и добавляли в него различные специи (петрушку, кардамон, чабрец, тмин, черный и красный перец), а затем подвешивали на специальные крюки к стрехе дома для сухого вяления или помещали в дымоходную трубу (*баса*) для копчения. Для приготовления указанного вида пищи гагаузы применяют не только баранину, но и свинину. Вяленая свинина почти во всех гагаузских селах называется *pastirma*, а в некоторых населенных пунктах – *jambon*, что свидетельствует о заимствовании данного термина у молдаван.

В других случаях свежее мясо разрезали на части и помещали в бочку слоями. На дно укладывали самые лакомые куски – ляжки или филе, второй слой составляло мясо с костями. Все содержимое бочки заливалось соленым раствором (*salamura*). Соленое мясо употребляли в течение всей зимы, вплоть до великого поста. Вначале в пищу шло, в основном, мясо с костями. Примерно за две недели до Пасхи оставшиеся ляжки и вырезку вынимали и вывешивали на дворе для того, чтобы стекла вода. За 2–3 дня до праздника мясо опускали в холодную воду. Затем, смазав жиром, помещали его в глиняный или чугунный котел, плотно закрывали крышкой, обмазывали тестом, ставили в печь (*фирн*). Так, к пасхальному столу гагаузского крестьянина поспевали самые лакомые кусочки. Интересно отметить, что ряд исследователей указывают на бытование аналогичного вида пищи у кочевых народов, в том числе и тюркских (Ögel, 1991, 379).

Термин *pastirma* имеет соответствия в разных тюркских языках: тур. – *pastirma*, кр.-т. – *бастырма*, аз. – *бастырма*, что также подтверждает его тюркское происхождение (Курылев, 1976, 120); (Традиционная пища как выражение..., 252, 254).

Аналогичный способ приготовления известен румынам, болгарам и другим народам Юго-Восточной Европы. Однако термины, обозначающие этот вид пищи, несомненно, заимствованы у тюркоязычных народов в результате этнокультурных контактов: рум. – *pastramă*, болг. – *пастърма*. Более того, гагаузский вариант *pastirma*, в отличие от молдавского, содержит большее количество перца.

Молоко и молочные продукты, являющиеся одним из основных компонентов

питания крестьянина, также требовали особой обработки. Гагаузы редко употребляли в пищу свежее молоко. Обычно его перерабатывали в кислое молоко (*yurt*) и ели ложками вместе с хлебом или мамалыгой прямо из миски. Известный географ и этнограф Л. С. Берг сообщал, что *yurt* в начале XX в. являлся традиционным блюдом задунайских поселенцев и употреблялся в качестве самостоятельного блюда (Берг, 1918, 144-145).

При изготовлении кислого молока (*yurt*) молоко кипятили и разливали в кувшины, где оно остывало до чуть теплого состояния, а затем добавляли небольшое количество сметаны или *yurt*, оставшийся от прошлой закваски. Кувшины хорошо укутывали, давали содержимому прокиснуть и выносили на холод, чтобы полученная масса могла достигнуть сметанообразного состояния. Готовили его как из коровьего, так и из овечьего молока. Данный термин бытует во многих тюркских языках: тур. – *yoğurt*, туркм. – *ëyurt*, кумык. – *юурт*, кирг. – *жуурат* (Айтабаев, 1936, 13; Гаджиева, 1960, 202; Оразов, 1965, 50; Фиельструп, 1930, 276).

У многих народов, в том числе и у гагаузов производство молочных продуктов носило безотходный характер. Это проявляется при получении сметаны (*kaymak*), творога (*işimik*), брынзы (*piinir*), сладкого сыра (*niur*). Сметану (*kaymak*), творог (*işimik*) готовили в основном из коровьего молока. Обычно в кувшины наливали сырое молоко и оставляли на два дня. Снятую сверху сметану (*kaymak*) собирали в отдельный сосуд. Оставшуюся в кувшинах простоквашу (*uynuk*) грели на огне. После того, как она створаживалась, ее помещали в мешочек из домотканого полотна (*çendelä*), который подвешивали с целью сцеживания сыворотки (*survatka*). Как только с него стекала жидкость, творог становился пригодным к употреблению. Сыворотку использовали для приготовления различных мучных изделий.

Брынзу (*piinir*) по традиции производили из овечьего и реже из коровьего молока. Она является излюбленной едой гагаузов. Готовили ее по особой технологии в домашних условиях или на месте выпаса овец (Маруневич, 1988, 155). Парное овечье молоко заквашивали сычугом из желудка ягненка (*mayä*). После закисания молоко подогревали слегка на огне. Створожившуюся массу выливали в полотняные мешки (*çendelä*) и оставляли в подвешенном состоянии для стока сыворотки. Из оставшейся сыворотки посредством подогревания получали сладкий сыр *niur* (ср. рум. *urdä*, болг. *удвара*). Готовую брынзу разрезали на куски, помещали в специальные кадки (*piinir kadası*) и заливали рассолом (*salamura*). До сих пор у гагаузов сохранилась традиция хранить брынзу в глиняных корчагах (*küp*). С целью длительного хранения брынзу иногда заливали овечьим жиром. Гагаузам известен был еще более древний способ хранения брынзы в шкуре ягненка (*tulum*). Эта традиция была также свойственна многим народам с кочевым прошлым, в частности тюркским (Курылев, 1976, 108; Пахутов, 1978, 16-17).

Почти все, указанные выше способы обработки молочных продуктов, и термины, их обозначающие, распространены у других тюркских народов. Например, тур. – *kaymak*, реунір, узб. – *каймак*, алт. – *каймак*; аз. – *пиндир* (Абдуллаев, 1981, 23; Курылев, 1976, 107; Фиельструп, 1930, 272-273). Аналогичные способы существовали у болгар и молдаван. Однако их терминология существенно отличается от гагаузской. Так, в переводе на болгарский *кислое молоко* – *кисело мляко* (ср. гаг. *yurt*); *брынза* – *сирене*, у молдаван

– *brinză* (ср. гаг. *piinir*). Гагаузское название *iışimik* в значении *творог* созвучно с такими у ногайцев (*иримчик*) и у казахов (*еримишук*), что подтверждает устойчивость тюркского пласта в пищевых традициях гагаузов (Гаджиева, 1960, 203; Кшибеков, 1984, 204; Фиельструп, 1930, 288; Шарифуллина, 1990, 68; Мамбетов, 1971, 301).

Производство вина проходило по традиции в несколько этапов. В деревянную кадку (*kada*) вначале высыпали виноград и давили его сучковатой палкой (*çatal çibik*), а затем гладкой прямой дубинкой (*krosna, tokmak*). После этого виноград помещали в специальный мешок (*üzüm torbası*), затем - в давилню в виде большого корыта удлиненной формы с высокими бортами (*şarapana*), где его давили ногами. Выжатый сок стекал через отверстие в дне давилни в специальные емкости (*saan, tekne*), откуда затем сливался в бочки. Оставшиеся после этой операции виноградные выжимки переносили в специальный пресс (*tâsk*), и выжимали оставшийся сок. Сухие выжимки шли на корм свиньям. Бочки с виноградным соком помещали в погреб (*maaza*) и, не закрывая, хранили до окончания брожения. При этом некоторые хозяева делали особое приспособление, позволяющее следить за брожением. В верхнюю часть бочки вставляли полую втулку, герметично закрытую снаружи. В просверленное сбоку втулки отверстие вставляли камышовую трубочку и погружали ее конец в воду. Таким образом, по интенсивности выхода пузырьков газа из трубочки, можно было судить о брожении вина и определять его окончание. К окончанию брожения бочку тщательно герметизировали. Аналогичные традиции по производству вина были известны соседним болгарам и молдаванам. Об этом свидетельствует и сходство в терминологии. Например, рум. – *teask*, болг. – *тяск*, болг. – *шарпана* (Демченко, 1978, 60).

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПИЩИ

Приготовление пищи по традиции производилось в печах (*firin, soba*) и очагах (*kotlon*). В XIX в. в Болгарии и Бесарабии у гагаузов, равно как и у другого населения, хлеб выпекали в духовых печах (*firin*).

Виды пищи растительного происхождения

В системе питания гагаузов XIX – нач. XX, как и у любого другого земледельческого народа, первое место занимают виды пищи, приготовленные на мучной и крупяной основе.

На мучной основе

Главным среди данных видов пищи является *хлеб*. В гагаузском языке он обозначается термином *ektek*, в соответствии с др.тюрк. *etmāk*) (Древнетюркский словарь, 1959, 188; Гаджиева, 1961, 154).

а) хлебные изделия из пресного теста

Наиболее древним видом хлеба у гагаузов считаются пресные лепешки *çörek/pita* (др.тюрк. *çöräk*) (Древнетюркский словарь, 1959, 155). Исследования по семейной обрядности гагаузов показали, что уже в конце XIX в. их приготовление было связано в основном с некоторыми семейными обрядами, главным образом родильного цикла (Мошков, 1902, № 4, 33; Курогло, 1980, 25).

Технология приготовления *çörek* чрезвычайно проста. Муку замешивали на воде с

добавлением соли. Готовое тесто формовали руками в виде толстых лепешек и выпекали на раскаленном поду духовой печи. Но наиболее архаичной считалась выпечка лепешек на раскаленном, очищенном от золы основании открытого очага – отголосок древнейшей технологии хлебопечения. Термин *çörek* распространен в ряде тюркских языков и восходит к древнетюркскому *çoräk* (Древнетюркский словарь, 1959, 155; Оразов, 1965, 55). Названия *pita* и *çörek* являются синонимами. Причем термин *pita* (ср. рум. *pită*) является более поздним заимствованием у болгар. Употребляется и редко встречающийся термин *turta*, известный также молдаванам и болгарам. Однако если у болгар на территории метрополии он использовался в значении 'пресный хлеб', то у гагаузов это лепешки из квашеного теста. Термин *turta*, вероятнее всего, является румынским заимствованием (рум. *turtă*). Терминологические параллели и технологическое сходство в выпекании данных видов хлеба у соседних народов на территории Молдовы, а также в регионе Юго-Восточной Европы и других сопредельных территориях свидетельствуют об их региональном распространении и позволяют считать такой вид хлеба у гагаузов наиболее древним, укоренившимся на основе архаичной технологии хлебопечения.

Из пресного тонко раскатанного теста гагаузы готовят также лепешки (*pazlama*), выпекаемые на сухом раскаленном противне. Они, как правило, заменяли хлеб, который по той или иной причине не выпекался.

в) изделия из квашеного теста

Наряду с пресным тестом гагаузы выпекали хлеб и хлебные изделия из квашеного теста (*hamurlu / kabardılmış hamur*). В этом случае закваской обычно служил кусочек засушенного теста, оставшегося от прежней квашни. Последние полевые исследования показали, что народный способ приготовления закваски не утратил своего значения в последние десятилетия как достаточно экономичный и удобный. Использование пены бродящего вина для приготовления дрожжей было распространено и у других народов и связано с многовековыми традициями виноградарства и виноделия.

Кроме хлеба из кислого теста, гагаузы готовили множество других изделий. Из пшеничной муки выпекались рождественские калачи (*kolaç*), булочки (*pesmet*), обрядовые калачи-восьмерки (*kirk-mecik*), булочки в виде голубей (*guguş*), бублики (*kovrik*). На Новый год подавалось лакомое блюдо (*gogoloş/gogoneli*) – обжаренные в кипящем масле пончики. Локальное употребление слова *gogoloş* свидетельствует о его заимствовании гагаузами Комрата из молдавских говоров (от рум. *cocoloş* – комок, шарик).

Особо почитался свадебный хлеб, получавшийся из переплетенных полос теста, а также пасхальный кулич (*paska*). Интересно заметить, что в отдельных локальных зонах, в частности в Комратском районе, наряду с термином *paska*, в значении пасхальный кулич употребляется также слово *kozopak*. Этот термин встречается во многих районах Болгарии, а также Молдовы и Румынии. В других гагаузских селах, например, в Вулкэнештском районе, этот термин не зафиксирован. Вместо него употребляется слово *paska*. Помимо пасхального кулича выпекается также большая ватрушка, украшенная сверху вылепленным из теста жгутиком, уложенным крест-накрест. В образовавшиеся ячейки помещается начинка из творога, перемешанного

со взбитыми яйцами. В Комратском и Чадыр-Лунгском районах это изделие носит название *paska*.

Всю еду, которую ели как добавку к хлебу, хлебным изделиям и мамалыге гагаузы называют *katik* (*вся еда, кроме хлеба*), что созвучно с азербайджанским *gatyg* – простокваша. У казахов, каракалпаков и других народов с кочевым прошлым, данный термин в варианте *катык* или *гатыг* имеет аналогичное значение, то есть, 'кислое молоко, простокваша' (Гавилов, 1988, 24-25; Шарифуллина, 1990, 68; Шаниязов, 1972, 68; Этнография каракалпаков, 1980, 128; Трофимчук, 1930, 191; Агамалиева, 1989, 115-116; Оразов, 1965, 50).

Вполне возможно, что в прошлом предки гагаузов термином *katik* называли кислое молоко. Впоследствии, с переходом к оседлости и с изменением модели питания (когда в рационе стали доминировать виды пищи из злаковых) наиболее четко обозначилась дифференциация между молочно-мясной пищей, с одной стороны, и едой, приготовленной из злаков, – с другой. Поэтому термин *katik* обрел несколько иной смысл и стал обозначать 'всю еду, кроме хлеба', то есть молочные (и, возможно, мясные продукты). На наш взгляд, в гагаузском языке употребление термина *katik* в этом значении, вероятно, иллюстрирует тот исторический период, когда у предков гагаузов, осевших на Балканах, произошла смена ХКТ и ведущее место стало занимать земледелие.

Характерным блюдом традиционной гагаузской кухни были слоеные пироги из пресного теста с различной начинкой. Обычно это была начинка из творога и брынзы. Пироги такого рода, приготовленные из пресного теста, назывались «*kivirma, pidä/pide, plaçinta, kirdä*». Пироги, начиненные тыквой, называются «*kabaklı*». Традиционными блюдами гагаузской кухни считается *kesmä çorba* и *makarina*. Данные кушанья по своему исполнению близки к домашней отварной лапше (*kesmä çorba*), посыпанной сверху творогом или брынзой и политой разогретым подсолнечным маслом (*makarina*).

г) изделия из жидкого теста

Из жидкого теста готовили блины (*akltma*), оладьи (*lalanga*). В гагаузских селах Украины оладьи обозначали термином *çiristä*.

Повседневной пищей гагаузов в прошлом и в настоящее время является *mamaliga* (от рум. *mămăligă*) на кукурузной муке и подсоленной воде. Оставшуюся мамалыгу использовали и на следующий день, обжаривая в растительном масле и посыпая брынзой или творогом. Такое блюдо называлось *cizli mamaliga* (жареная мамалыга).

2) На крупяной основе

Значительное место в системе питания гагаузов занимали виды пищи, основным компонентом которых являлись крупы. Особое предпочтение отдавалось пшеничной крупе из твердой породы пшеницы под названием *арнаутка*.

Наиболее типичным блюдом считается *bulgur*. Оно представляет собой пшеничную кашу, заправленную жиром, луком, томатом или пастой из красного перца, всевозможными приправами и запеченную в печи. По случаю праздника *Hederlez* (Святого Георгия) эту крупу готовят с жертвенным барашком, а в обычные дни – с любым другим мясом или с рыбой.

На основе крупяного фарша, состоящего из смеси риса и пшеничной крупы с добавлением жиров и всевозможных приправ, готовят голубцы (*sarma*) и фарши-

рованный перец (*dolma biber*). Это блюдо распространено в регионе Юго-Восточной Европы и в странах Передней Азии (Этнография питания..., 1981, 44).

В прошлом готовили *kuskus*, представляющее собой крупяную кашу, сваренную на молоке с добавлением яиц. К обычной повседневной еде относятся блюда из бобовых. У гагаузов Болгарии до сих пор популярной едой является чечевичная похлебка (*mercimek çorbasi*).

Как показали последние полевые материалы, еще в начале XX в. гагаузы Бессарабии готовили блюда из чечевицы. Однако с течением времени данный вид пищи все реже появлялся в рационе гагаузов. В настоящее время чечевицу не выращивают, поэтому традиция приготовления блюд из чечевицы полностью утрачена. Повседневным блюдом является также вареная фасоль (*fasülâ*), приправленная тушеным луком, томатом, пастой из красного перца, а также зеленью петрушки, укропа и перечной мяты.

4) Из овощей и на овощной основе

Определенное место в рационе питания гагаузского крестьянина занимали овощи и блюда из них. К повседневным блюдам можно отнести *kallâ/kalle*. Оно представляет собой ленивые голубцы из кислой или свежей капусты с пшеничной крупой или рисом, с мясом или без. Аналогичное яство бытует у других народов. У украинцев подобное кушанье называется *капустняк*. У турок термин *kalle/kallya* имеет несколько иные значения – тыква, жаренная в масле и жареные баклажаны. Необходимо отметить, что термин *kallâ* употребляется в указанном значении в основном на территории Комратского района. В селе Чишмикьой Вулканештского района для обозначения данного блюда используется термин *laana bulgur*. Популярной у гагаузов является тушеная капуста с мясом или без него, приправленная соусом из тушеного лука, свежими помидорами и пастой из красного перца под названием *laana*. В селах Вулканештского района этому блюду соответствует название *laana mancasi*. Еда, приготовленная по этой технологии, бытует у гагаузов, турок и болгар Северо-восточной Болгарии и называется *kalle* (Маринов, 1956, 291). Аналогичное блюдо можно встретить и у молдаван (ср. рум. *varzã câlită*).

Кабачки, баклажаны, перец подвергались обжариванию в соусе из лука и помидоров. Популярной закуской считался жареный перец (*kaurulmuş biber*), приправленный соусом из помидоров (*patlacan mancasi*). Часто обжаренные в масле овощи заправлялись уксусом.

Как уже отмечалось ранее, распространенными в конце XIX в. были блюда из картофеля. Гагаузы готовили вареный картофель в кожуре (*süüş kartofi*). Повседневной пищей считался жаренный на подсолнечном масле картофель с добавлением пасты из красного перца (*kaurulmuş kartofi*). В некоторых селах картофель варили вместе с пшеничной крупой. Это блюдо называется *kartofi bulguru*. Приправой к нему также является тушеные на растительном масле лук и паста из красного перца, а в летнее время – свежие помидоры.

Жидкие блюда готовили на овощной основе, варили на мясном бульоне или просто на воде (*çorba, borç, bulamaç*). К числу наиболее распространенных жидких блюд относится *borç* – кислый щавелевый суп с крупой. Жидкое блюдо под названием *borç* варят также с капустой, свеклой, морковью, сельдереем и другими овощами.

5. Фрукты

Фрукты дополняли повседневный рацион каждой гагаузской семьи. ЛАбрикосы, персики, сливы употреблялись в пищу как в свежем, так и в сушеном виде. Из абрикосов варили густой компот (*hoşaf*), который ели из мисок ложками как самостоятельное блюдо.

ВИДЫ ПИЩИ ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Из мяса или с добавлением мяса

Значительным в системе питания гагаузов был и остается ассортимент видов пищи из мяса. Предпочтение отдавалось баранине (*koyn yaamsi*), свинине (*domuz yaamsi*), говядине (*sur yaamsi*), телятине (*dana yaamsi*). Распространены были и блюда из птицы – курятины (*tauk yaamsi*), индюшатины (*pipi yaamsi*). У гагаузов слову *мясо* соответствуют названия: *yaani / yahni, et, lokma*. Термин *yaani* имеет соответствия в ряде языков: ср. гаг. *yaani* – мясо; тур. *yahni* – мясо, тушенное с луком; рум. *jahnie* – рагу из овощей с мясом или рыбой; болг. *яхния* – мясо, тушенное с луком. Аналогичный термин *яхни* встречается и в таджикской кухне, где имеет значение ‘холодное отварное мясо’ (Материальная культура таджиков..., 1989, 151-158).

Из голов и ножек животных варили холодец (*paça*). Его готовили как из свинины, так и из курятины. Лучшим считался холодец из курятины, называемый гагаузами *tauk paçası*. Иногда хозяйки варили смешанный холодец.

Интересен тот факт, что у населения Передней Азии *paça* обозначает кушанье из отварных голов и ног, употребляемое в горячем виде (Этнография Питания..., 1981, 26). У алтайцев и других народов также бытует подобное блюдо. Съеденное мясо обычно запивается бульоном (Потапов, 1969, 47-50; Жуковская, 1979, 65-66). Из головы, ножек, бараньих потрохов, мяса молодых ягнят, а также из курятины готовили традиционную подкисленную домашним квасом похлебку (*çorba*) с добавлением домашней лапши (*kesmä çorba*).

Популярным для гагаузской кухни было жареное мясо. К видам пищи такого рода относится *kaurma* – мясная поджарка с приправами (речь о которой пойдет ниже) и *kizartma/yaani kizartma*.

Последнее блюдо представляет собой жаренное на сковороде с подсолнечным маслом мелко нарезанное мясо, приправленное травами и взбитыми яйцами. Подобное блюдо под названием *къзартгъан* бытует в традиционной кухне кумыков, где приправами служат лук и уксус (Гаджиева, 1961, 152).

Оригинальным блюдом, которое готовили только чабаны, является *çoban kuzusu** (букв. ягненок по-чабански). Предварительно выпотрошенную тушку ягненка, приправленную солью, перцем и всевозможными травами, заворачивали в собственную шкуру, а затем выпекали в прогоревших углях. Аналогичное кушанье под названием *киуи кебаби* бытует у турок (Курылев, 1976, 111). В азербайджанской кухне такому же блюду соответствует название *бастырма* (Абдуллаев, 1981, 20). По мнению авторов «Этнографии питания...», этот способ выпекания (на углях или

* Данный термин был зафиксирован доктором филологии Г. А. Гайдаржи в 1995 г. в Чадыр-Лунге

в золе в яме, засыпанной землей или заваленной камнями, на которых разводится костер), является наиболее древним. Он известен кочевникам Евразии и восходит к доскоготовческому охотничьему ХКТ лесостепной и степной зоны (Этнография питания..., 1981, 122). Известный специалист в области истории огузских народов С. Г. Агаджанов отмечает, что данный способ был известен огузам Средней Азии. Указанное блюдо, по его словам, представляло вид шашлыка (*büryan kebabı*) из кусков баранины, завернутых в шкуру и испеченных в горячей золе (Агаджанов, 1971, 187). Архаичность данного явления отмечают и турецкие исследователи (Ögel, 1991, 331).

Блюда из яиц.

В рацион питания гагаузов входили яйца (*yımırta*). Вареные крашенные яйца являлись непременным атрибутом пасхальной трапезы. Повседневным блюдом считалась яичница (гаг. *gaygana/kaugana*). Она представляла собой яйца, перемешанные с брынзой или творогом, жаренные на растительном масле. Яйца, взбитые с молоком и жаренные на сковороде, также назывались *gaygana*. Само слово *gaygana*, являясь персидским по происхождению, распространено в других языках: тур. *kaugana*, кр.-тат. *къайгъна*, где имеет одинаковое значение – яичница, омлет. Аналогичные термины встречаются в балканских языках: серб. *kajgana*, алб. *kaikana* и др. (Благожевит Обрен, 1971, с. 144). В молдавских говорах юга республики слово *гайгана* также означает яичница (Дикционар диалектал, 1985, т.1, 240). Вполне возможно, что данный термин молдаване заимствовали у гагаузов.

В некоторых гагаузских селах готовят (*yımırta kaşası/öşmer mancası*). Данное блюдо представляет собой жаренные на сковороде лук и муку, залитые яйцами и посыпанные брынзой.

Как правило, яйца служили чаще всего добавкой к блюдам, улучшающей их вкусовые качества. Во взбитом состоянии их подмешивали в тесто при изготовлении лапши, в различные начинки из творога и брынзы для приготовления мучных изделий. Взбитые яйца добавляли в некоторые первые и вторые блюда. Большое количество яиц использовалось при изготовлении пасхального кулича.

Рыбные блюда.

Гагаузское население центральной части Буджака в прошлом почти не употребляло рыбу из-за отсутствия здесь крупных рек и озер. Однако блюда из рыбы изредка присутствовали в рационе. Рыбный промысел был привычным занятием гагаузов приозерных сел: Балбока, Етулия, Чишмикей, Ески Троян, Еникиой (Маруневич, 1988, 156). Лексика, связанная с рыбным промыслом, свидетельствует о том, что это занятие было известно предкам гагаузов задолго до переселения в Бесарабию, еще на территории Болгарии; вероятнее всего, предки жителей этих сел до переселения в Буджак обитали на побережье Черного моря. Как правило, рыбу покупали на рынке. Чаще всего это была дунайская рыба. В некоторых селах близость водоемов позволяла поддерживать рыбный промысел. В пищу употреблялись щука, сом, карась, линь и т. п. Наиболее распространенным блюдом была жареная рыба (*kaurulmuş balık*). Из рыбы готовили уху (*balık çorbası*), в которую добавляли картошку, рис, морковь (иногда горох), черный перец, чеснок, зелень укропа и петрушки. Не менее популярным блюдом была каша с рыбой (*bulgur*), а также рыба в соусе (*balık mancası*). Употребляли также рыбу в соленом (*tuzlu balık*) и вяленом виде (*kuru balık*).

Наиболее специфичные сложносоставные блюда гагаузской кухни**Мучные изделия с начинкой.**

Специфичным блюдом гагаузской кухни является упомянутые ранее *gözlemä* – пресные лепешки в форме полукруга с начинкой из творога или брынзы, жаренные в большом количестве растительного масла. Полевые материалы показали, что некоторые хозяйки смешивают начинку из творога с укропом. Термин *gözlemä* является турецким по происхождению и имеет соответствия в других турецких языках: тур. *güzleme*, кр.-тат. – *гезлемя*. Этот же термин с подобным значением – *лепешка из пресного теста* – зафиксирован в некоторых южных молдавских селах (*ghioziotea/ghiozloveli*), а также у болгар (*гизлеми*), что свидетельствует о заимствовании турецкой терминологии соседним населением (Дикционар диалектал..., 1985, т.1, 282). Однако в других болгарских селах, расположенных на юге Украины, аналогичные блюда несколько иной формы – в виде конвертика называются *кръстачки*. Добавление в начинку укропа и зеленого лука можно квалифицировать как молдавскую традицию.

Аналогия в названиях и в технологии приготовления прослеживаются на примере слоеных пирогов с различной начинкой (*pidä/pide, kivirma, plăcintă*). Как правило, тонко раскатанное тесто, смазанное подсолнечным маслом или жиром, посыпалось начинкой из подсолненного творога, брынзы. Движениями рук с обеих сторон руками оно складывалось «гармошкой», помещалось на противень и заливалось перед выпечкой сметаной со взбитыми яйцами. Такой пирог назывался у гагаузов еще *каймакли* (букв. пирог-сметанник). Иногда *kivirma* готовят в форме крученного, начиненного брынзой слоеного жгута. Способы приготовления и названия данного блюда находят аналогии у соседнего болгарского населения и у гагаузов Болгарии. В начинку его шла брынза, измельченная тыква, режа – творог.

Именно поэтому существуют определенные различия в терминологии, обусловленные взаимовлиянием и с соседними по Молдове народами и, прежде всего, с молдаванами. Название *kivirma* обозначает *крученный*, обнаруживая в этом сходство с молдавским термином *învirtita*. Румынским словом *plăcintă* (гаг. *plăcintă*) называют этот пирог в некоторых селах Комратского района, где контакты с соседним молдавским населением являются наиболее тесными. Вариант названия гагаузского пирога, как присобранного, так и крученного, состоит из сочетания двух слов. Например, *каймакли plăcintă* или *кабакли plăcintă, piinirli plăcintă*. В с. Чишмикье распространены названия *каймакли pidă, кабакли pidă*. В данном случае каждое название обозначает вид начинки. Необходимо отметить, что вкус собранного «гармошкой» пирога отличался от крученного. Это является специфической особенностью традиций питания гагаузов, поскольку болгары и молдаване готовят подобный пирог в форме жгута.

Идентичный пирог под названием *чевирме*, то есть крученный характерен также для гагаузов Болгарии (Маринов, 1956, 292). Таким образом, слоеный пирог, называемый у гагаузов *kivirma*, находит аналогии у других народов, а его традиция имеет региональный характер в Балкано-Дунайском пространстве. Такой же вид пирога (*kivirma*), приготовленный из дрожжевого теста, называется в некоторых селах *kirdă*. Отличительной особенностью слоеного пирога у гагаузов является утрата традиции пропитывать его сладостями и употреблять в качестве лакомства (Маруневич, 1988, 158).

Особое место в традициях гагаузов занимает слоеный пирог с начинкой из творога (реже из брынзы) в виде жгута (вертуты) под названием *döşemä/ pınırlı*, выпекаемый на Новый год. В Комрате в некоторых семьях в этот праздник готовили подобный пирог из кислого теста с брынзой, который называли *tokmanița*. Аналогичное блюдо *тутманик* готовили бессарабские болгары. Эквивалентом болгарского сырного пирога *баница* является гагаузский пирог *kivırma*, который в отличие от болгарского начиняли творогом, а не брынзой.

Жидкие блюда.

Наиболее древним блюдом у гагаузов была похлебка с клецками из теста (*иита çorba*). Она, по мнению М. В. Маруневич, являлась поздней разновидностью кушанья *таран (tarhana)*, которое представляло собой похлебку, приготовленную из сушеных шариков из теста и творога (Маруневич, 1988. с. 161). Аналогичное блюдо встречалось у многих кочевых в прошлом народов (Этнография питания..., 1981, 20). Технология приготовления этого блюда у гагаузов имеет свои особенности, хотя по своему содержанию *таран* и *иита çorba* представляют «затирухи». Для приготовления *иита çorba* гагаузы в миску с пшеничной мукой брызгали воду, слегка перемешивали пальцами до образования комочков, которые бросали в кипящую воду и варили до готовности. Иногда клецки предварительно поджаривались на подсолнечном масле.

У турок аналогичное блюдо называется *tarhana*, у юрюков – *тархана чорбасы*. Клецки готовят иным способом. Обычно пшеничную крупу, сваренную в кислом молоке, обычно скатывают в шарики и сушат на солнце, затем растворяют в кипящей воде и едят как похлебку (Курылев, 1976, 106; Еремеев, 1969, 70). У венгров высушенные на солнце мелкие кусочки теста, замешанные на молоке, также назывались *tarhana* (венг. *tarhonya*) (Минц, 1985, 8).

Гагаузский термин *иита çorba* имеет соответствие в ряде тюркских языков: башк. *уумач*, кум. *увмач гьалва*, ног. *уумаш сорпа*, тат. *умач*, узб. *умоч*. Технология приготовления «затирухи» подобного рода аналогична гагаузскому варианту (Шаниязов, 1972, 102; Шарифуллина, 1990, 72; Гаджиева, 1976, 206; Шитова, 1979, 101).

Традиционным блюдом гагаузской кухни является *çorba* в значении суп, (ср. др.тюрк. – *çobra* – похлебка) (Древнетюркский словарь, 1959, 51). Тюркский термин *çorba*, означающий ‘суп, похлебка’, у многих народов Северного Причерноморья и тюркского мира, имеет соответствия в ряде языков (ср.: тур. *çorba*, ног. *шорпа*, кум. *шорва*, казах. *сурпа*, узб. *шурво*, караим. *шорба*, а также болг. *чорба*, рум. – *ciorbă* и т. п.) (Гаджиева, 1961, 151; Гаджиева, 1976, 206; Шаниязов, 1972, 105; Шарифуллина, 1990, 73; Материальная культура народов..., 1966, 119; Жилина, 1996, 143; Традиционная пища как выражение..., 253).

Это блюдо также является традиционным для современных народов Турции, Ирана, Афганистана. Для приготовления такой похлебки мясо здесь варят кусками в большом котле до готовности. В образовавшийся густой бульон иногда добавляют муку или же крошат лепешки. Арабская кухня имеет аналогичное по технологии приготовления блюдо под названием *абгуш* (Этнография питания..., 1981, 25). Турецкий вариант представляет собой густую похлебку с кусочками баранины, обильно приправленную горьким перцем. Есть основания полагать, что эта традиция уходит корнями в скотоводческо-кочевой мир евразийских степей, так как это блюдо

было известно кочевым огузским племенам Средней Азии (Агаджанов, 1971, 184; Ögel, 1991, 401).

Çorba у гагаузов означает то же, что и у остальных перечисленных выше народов, то есть, 'суп'. Обязательным компонентом этого блюда у гагаузов является кислый домашний квас (*borç*) и домашняя лапша (*kesmä çorba*). Но в традиционной гагаузской кухне существует и другая специфика в употреблении термина *çorba*. Так, все блюда, приготовленные с применением домашней лапши, гагаузы называют *süt çorbası* – молочный суп, *kesmä çorbası* – суп с лапшой. В данном случае добавляется название основного компонента: *kuzu çorbası* – суп из ягненка, *tauk çorbası* – суп из курицы, *fasülâ çorbası* – суп из фасоли и т.д. Одновременно термином *çorba* или *kesmä çorba* называют в Комрате, Бешалме, Конгазе, Авдарме и др. селах домашнюю отварную лапшу, которая подается с вареным мясом. Приготовление отварной лапши характерно для многих народов. Например, как и в прошлом, блюда из лапши пользуются большим распространением среди курдского населения Турции, Ирана, Ирака (Этнография питания., 1981, 19). Изготовление домашней лапши с мясом, приправленной чесноком (*тутмач*) было известно полуоседлым огузам Средней Азии (Агаджанов, 1971, 187).

Термин *çorba* под влиянием общетюркской традиции (возможно, через гагаузов) распространился также у румын и молдаван (*ciorba*). Полагаясь на материалы ряда словарей, и главным образом, на труд румынского лингвиста Л. Шаиняну, можно утверждать, что румыны и молдаване заимствовали это блюдо у тюрков, пребывание которых в регионе Юго-Восточной Европы насчитывается веками (Dicționar explicativ, 1975, 153; Скальковский, 1848, 373; Студенецкая, 1974, 491; Zamfirescu, 132; Şăineanu, 1900). Доказательством тому является сходство в смысловом значении термина *ciorba* (борщ, жидкая похлебка), и в технологии приготовления указанного блюда. В молдавских говорах, наряду с названием *ciorba* бытует термин *zeamă*. В отличие от гагаузов молдаване называют термином *ciorba* еще жидкое блюдо из различных овощей (фасоли, капусты, картофеля, грибов и т. д.), мяса (курицы, телятины) и рыбы.

Излюбленным блюдом гагаузов является молочный суп с лапшой (*sütleş, süt çorbası*). Можно полагать, что *süt çorbası* и *uuma çorba* являются древнейшими видами пищи, так как имеют прямые аналоги у всех народов Передней Азии (Этнография питания., 1981, 27). Нехитрой похлебкой была *jandra*, приготовленная на кукурузной крупе и воде. Древним видом пищи у тюрков кочевников является *bulamaç* – похлебка или каша из пшеничной или ячневой крупы (ср. др-тюрк. *bulyama*, см. Древнетюркский словарь, 1959, 122).

Традиционным для гагаузской кухни стало первое блюдо на овощной основе, по всей видимости, заимствованное у соседей по региону: молдаван и украинцев. Его называют, как правило, *laana borcu* – капустный борщ. Он варится с мясом, но в семьях бедняков его готовили без мяса (*haşlanmadık borç*), то есть, диетический борщ.

Блюда на крупяной основе

Наиболее типичным блюдом, приготовленным из крупы, является *bulgur*. В основе его технологии лежит пшеничная крупа, заправленная жиром, луком, пастой

из красного перца или томатом, запеченная в котлах или медных формах с бараниной или каким-то другим мясом. При этом вначале тушению подвергались овощи, а затем добавлялась хорошо обжаренная крупа, которая после совместного тушения с овощной массой заливалась водой.

Пшеничную крупу готовят на большие праздники преимущественно крестьянского и христианского календаря. Это блюдо носит обрядовый характер и является жертвенной пищей (*kurban*), которую готовят на праздник Святого Георгия. Аналоги этого блюда и с ним связанного обычая имеют место у многих тюркских народов, у населения Передней Азии и Балканского полуострова (Этнография питания., 1981, 24). Жертвенного барашка, разрезанного на куски, варили вместе с пшеничной крупой в больших котлах. Иногда в домашних условиях тушку заполняли крупой и выпекали в печи. В обычные дни *bulgur* готовили без мяса или запекали в печи с курицей. При этом, залив крупу водой, сверху в чугунок помещали две деревянные палочки крест-накрест и на них укладывали мясо. Иногда гагаузы запекали *bulgur* с рыбой.

Вообще термину *bulgur* в тюркских языках соответствует значение *пшеничная крупа, сваренная, высушенная и дробленая пшеница*, блюдо из пшеничной крупы (Курылев, 1976, 106). В некоторых гагаузских селах по аналогии словом *bulgur* называют другую крупу или кашу, приготовленную из нее. Так, всем известный плов из риса, не характерный для гагаузов в прошлом также называется *bulgur*. В первом своем значении (*пшеничная крупа*) данный термин распространен в молдавских селах южного региона республики и на территории Одесской области Украины (Дикционар диалектал..., 1985, т. 1, 175).

Популярным блюдом у гагаузов и у других народов во все времена являлись голубцы (*sarma*).

Традиционно гагаузы готовили *sarma* с пшеничной крупой. Рис пришел в их быт сравнительно недавно. Затем рис стали смешивать с пшеничной крупой. Крупу, как правило, вначале слегка поджаривали, а потом заливали кипятком. Фарш заворачивали в капустные или виноградные листья. Приправой к крупяной массе служил соус из жареного лука, моркови, мяса, пасты из красного перца и соли, петрушки, укропа и черного перца. Варили *sarma* в чугунках, залив их водой или домашним кислым квасом.

Разновидностью голубцов у гагаузов является фаршированный перец (*dolma biber*). В традиционной кухне кумыков, азербайджанцев, армян словом *долма* – называют голубцы, завернутые в виноградные листья. Сам термин *долма (dolma)* бытует во многих тюркских языках и обозначает блюдо из фаршированных овощей.

Голубцы и фаршированные овощи (перцы) распространены и у бессарабских болгар, румын и молдаван, а также на территории Румынии. Как для гагаузов, так и для румын молдаван и болгар голубцы также являются традиционным блюдом и называются *sarmale* (ср.: др. тюрк. *sarmaş* – обматывание; тур. *sarma* – заворачивание, кушанье из голубцов; кр.-тат. *сарма* – голубцы; гаг. *sarma* – голубцы, болг. – *сърми*). В некоторых болгарских селах Украины это блюдо называется *гушки*. Опираясь на материалы ряда словарей, а также, учитывая ареалы распространения термина *sarmale* в зонах межэтнических контактов, можно утверждать, что в молдавские говоры это

слово попало из тюркских языков (Dicționar explicativ, 1975, 872; Șăineanu, 1900, 285). Для молдавских сел характерно употребление термина *găluște*.

Технология приготовления этого блюда у румын и молдаван в своей основе соответствует тюркским вариантам, в особенности, гагаузскому, балкано-тюркскому и турецкому. Как гагаузы, так и молдаване готовят голубцы, используя капустные и виноградные листья. Однако существуют некоторые различия. Так, для молдавских голубцов характерна преимущественно начинка из кукурузной крупы. Для придания сочности начинке молдаване иногда в нее добавляют мелко нарезанную капусту. Эти явления не свойственны технологии приготовления голубцов у гагаузов. А если таковые и встречаются, то это является результатом взаимовлияния культур двух соседних народов.

Каурма

Традиционным блюдом гагаузской кухни считается *kaurma* – своеобразная поджарка из свежего мяса и потрохов животного. В первом своем значении (жареное мясо, приготовленное для длительного хранения) этот вид пищи представляющий собой снесь, рассматривался в первой главе. Другое значение *kaurma* – это 'обжаренное свежее мясо' (баранина или свинина с потрохами), приправленное травами (укропом, петрушкой и т. п.). В качестве добавки компонентом, придающим изысканный вкус этому яству, является белое вино. Его добавляют, когда мясо слегка поджарится. Аналогичное по технологии приготовления блюдо встречается у других тюркских народов (ног. *къвурма* – мясо молодого барашка, жаренное в жире с луком и перцем; турк. *говурма* – жареная баранина; аз. *говурма* – жаркое из баранины) (Гавилов, 1988, 24–25). Интересно отметить, что болгары на территории «метрополии» называют данное блюдо также *kaurma*. Однако на территории Украины в болгарском селе Огороднее мясную поджарку, напоминающую каурму, называют *усмянка*. Однако говорить о ней как об абсолютном аналоге рассматриваемого нами элемента пока нет оснований. Для решения этого вопроса требуются наиболее подробные исследования традиций питания болгар, проживающих не только в нашей стране, но и на территории самой Болгарии. У молдавского населения Бессарабии термин *kaurma* (молд. диал. *căvărma*) носит региональный характер. Его распространение ограничивается территорией юга республики. В молдавских говорах *căvărma* обозначает «блюдо из жареной свинины или баранины» (Дикционар диалектал..., 1985, т. 2, 296). В других регионах республики у молдаван аналогичное блюдо называется *friptură*, что подтверждает тюркское происхождение.

Манса

Особое место в национальной кухне гагаузов занимают соусы – *манса* (манджа). Основная часть из них состоит из большого количества лука, обжаренного в растительном масле с добавлением муки, томата или пасты из красного перца.

У гагаузов данное блюдо называется, как правило, по продукту, занимающему в нем преимущественный объем. Оно имеет несколько разновидностей: *suvanni mancası* (луковый соус), *labada mancası* (соус со щавелем), *kartofı mancası* (соус с картофелем), *patlıcan mancası* (помидорный соус), *erik mancası* (соус со сливами), *balık mancası* (соус с рыбой), *meşmer/öşmer mancası* (соус из яиц с брынзой).

Но классический тип этого блюда все же связан с основным компонентом в виде

мяса. В этом случае разновидности *manca* определяют по виду мясной основы: *tauk manca* – соус с курицей, *lokma manca* – соус с любым мясом, *piri manca* – соус с индюшатиной, *koyn manca* – соус с бараниной.

Наибольший интерес вызывает происхождение этого блюда – самого специфического для традиционной гагаузской кухни. Технология приготовления блюда следующая: по традиции в чугунок с растительным маслом, раскаленным до легкого дымка, гагаузы кидают лук, нарезанный ломтиками, и слегка его поджаривают. Затем в нем обжаривают кусочки мяса. Добавляют молотый перец, домашнюю пасту из красного перца, пшеничную муку и тушат все это около 10 минут, заливают кипятком так, чтобы вода покрывала полученную массу, и варят. По мере готовности добавляют петрушку, укроп, красный стручковый перец и перечную мяту. Едят данное блюдо из миски, обмакивая в соус хлеб или мамалыгу.

Своеобразием традиций питания гагаузов является то, что название *manca* является также и обобщенным названием еды вообще, общим названием всех вторых блюд, то есть еды горячего приготовления, готовой к употреблению. Посему все разнообразие обрядовых блюд определяется гагаузами одним словом *mancalar* (мн. ч. от *manca*). Наличие у гагаузов блюда с названием *kallä manca* (блюдо, приготовленное из мяса и айвы или из мяса, крупы и капусты), в составе которого отсутствует соусная основа, подтверждает то, что понятие *manca* и его производные означают название вторых блюд.

Аналогичное блюдо с таким же корнем в названии (*mange*) бытует у молдаван Южной Молдовы в селах Спикоаса и Бадикул-Молдовенеск Кагульского района, Дойна Кантемирского районов, Камышовка Измаильского района Одесской области. Молдавская *mange* подобна традиционному молдавскому блюду *токана (tokană)*, которая также содержит жареные овощи, лук, помидоры (Дикционар диалектал., 1986, т. 3, 54-55). Как видим, в молдавском варианте, также как и в гагаузском, присутствует соусная основа.

Распространен этот тип еды и у болгар Молдовы и Украины. Технология приготовления отличается от гагаузского варианта тем, что болгары используют чабрец, а гагаузы – перечную мяту. У болгарского населения Бессарабии, у гагаузов, турок и болгар Северо-Восточной Болгарии термин *manca* (болг. *манджа*, тур. *manca*) имеет такое же собирательное значение, что и у гагаузов Бессарабии, т.е. общее название всех вторых блюд, в смысле готовой еды (Маринов, 1956, 290-291).

В турецком языке, в отличие от гагаузского и болгарского, термин *manca* не обозначает конкретное блюдо. Данному термину соответствует значение 'жратва', 'еда для кошек и собак'. В настоящем исследовании мы придерживаемся точки зрения болгарских лингвистов, авторов болгарского этимологического словаря, которые считают, что термин *manca* – итальянского происхождения (ит. *mangiare* – есть, кушать; *mangia* – еда; фр. *le manger* – еда). Вероятно, он был заимствован предками гагаузов (и болгарами) от венецианских и геновских моряков еще на Балканах в XIV-XV вв. (Dictionnaire etimologique..., 1989, 441; Курогло, 1995, 15; Български этимологичен речник, т. 3, 1971, 645; Карпов, 1990; Карпов, 1991, 82-97; Каварна от древността..., 1984, 97; Кисьов, 1979, 3; Шкорпил, 1888, 8, 9). Кроме того, в работе турецкого исследователя Б. Огеля (B. Ögel), являющейся энциклопедическим спра-

вочником по традиционной пище турок, сведения по данному блюду совершенно отсутствуют (Ögel, 1991). Специфичность этого блюда для гагаузов доказывается еще и тем, что у других тюркских народов указанное кушанье (*manca*) и термин, его обозначающий, также отсутствует.

Лакомства. Напитки. Пряности и приправы

Ассортимент *сладостей и лакомств* в гагаузской кухне неширок. В основном это изделия из дрожжевого теста, которые носили обрядовый характер и готовились на Новый год и Рождество. К ним относятся уже упомянутые бублики (*kovrik*), новогодние шарики (*gogoloş/gogoneli*), булочки в виде голубей (*guguş*), пышки из сдобного теста (*kabartma*) и др. Новогодние шарики (*gogoloş/gogoneli*) в некоторых регионах назывались *lokum*. Название *lokum* распространено в ряде тюркских языков и появилось у гагаузов намного раньше, чем термин *gogoloş*. В настоящее время он почти вышел из употребления. У ногайцев слову *lokum* соответствует значение «лепешка из пресного теста, жаренная на масле» (Гаджиева, 1976, 207). Этот термин распространен и в языках других народов. Этнографы отмечают, что подобное блюдо (жаренные в бараньем жире или масле кусочки теста) – *баурсаки* является «сугубо скотоводческим» и бытует в кухне ряда тюркских народов – казахов, башкир, ногайцев (Шитова, 1979, 118; Гаджиева, 1967, 201). По мнению исследователей, сама технология приготовления блюда (жарение в масле или жире животного) восходит к кочевому быту (Студенецкая, 1974, 158). Что касается терминов (*gogoloş/gogoneli*), то, вероятнее всего, они заимствованы гагаузами у молдаван от *cocoloş* – «комоч, шарик». У населения Северо-Восточной Болгарии, в том числе у гагаузов, существует дрожжевое мучное изделие под названием *локум* в виде кусочков теста, которые выпекаются на противне (Добружа..., 1974, 252).

К лакомствам относится *kortmaç pidesi* – сладкий пирог, замешанный на молозиве. Излюбленным рождественским и праздничным блюдом на свадьбах, а также других семейных торжествах являлся *gevrek* (хворост). В.А. Мошков описал приготовление данного лакомства, бытовавшего у гагаузов Бессарабии под названием *kauk*. Аналогичное название носили кукурузные зерна, запеченные на горячем песке или в соли (Мошков, 1902, № 4, 81).

По сведениям А. Манова, гагаузы Болгарии пропитывали слоеный пирог сиропом (*pekmez*) и использовали его в обрядах вместе с другими сладостями (Манов, 1938, 98; 104). Вероятно, такой способ появился у гагаузов под влиянием соседнего турецкого населения, у которого ассортимент сладостей и всякого рода лакомств был несравненно более обширных.

Гагаузы Бессарабии в настоящее время уже не применяют сироп (*pekmez*) для пропитки мучных изделий. По мнению М. В. Маруневич, отголоском этой традиции можно считать случаи, когда уже свежеспеченные *kivirma*, *placinta* (пирог с сыром) посыпали сахаром (Маруневич, 1988, 158). Однако это явление не имеет широкого распространения. Интересно отметить, что упомянутый сироп (*pekmez*), приготовленный обычно из винограда или других фруктов, был известен и полуоседлым племенам огузов Средней Азии. Как отмечал известный тюрколог-востоковед С. Г. Агаджанов, он использовался для изготовления лакомства в виде патоки под названием *bekmez* (ср. гаг. *pekmez*) (Агаджанов, 1971, 187).

Вид пирога, начиненного измельченной тыквой, перемешанной с сахаром (*kabaklı*), привезенный поселенцами из Болгарии, также является лакомством. В молдавской кухне существует аналогичное блюдо – *plăcintă cu bostan*. Можно констатировать, что на данный момент этот вид пирога является одним из характерных элементов южно-бессарабской кухни. Иногда очищенную тыкву посыпали сахаром и запекали дольками в печи. Такое лакомство давали детям. Запекали в печи и целую тыкву.

К лакомствам можно отнести и некоторые обрядовые блюда. Это всем известная кутья (*koliva*) и рисовая каша на молоке с черносливом (*sütleş*). В эту кашу подмешивали сахар и уже в готовом виде украшали конфетами и орехами, уложив их крест-накрест. Праздничным яством является пасхальный кулич и рулет с повидлом.

В домашних условиях гагаузы готовили конфеты (*halvişa*). Конфеты (*bomboni*, от рум. *bomboane*) и халву (*tauşam piiniri* – букв. *заячий сыр*) приобретали на рынке.

Таким образом, лакомства и сладости (в истинном смысле этого слова) у гагаузов занимали сравнительно незначительное место. Сейчас в гагаузских семьях к праздничному столу готовят различные торты, печенье, рулеты. Особенно популярным стало безе печенье из песочного теста с начинкой из повидла. Сладости и лакомства, купленные в магазинах, все чаще входят в рацион повседневного питания, что объясняется влиянием городской культуры.

Специфическим компонентом питания являются различного рода напитки (*içki*).

Присутствие в традиционной системе питания гагаузов алкогольных напитков определяется спецификой местного сырья. Среди них надо различать напитки, получаемые сбраживанием натурального виноградного сока (вино), сбраживанием специально приготовленного сула, для его дальнейшей перегонки в водку (*raki*). Изготавливали гагаузы и своеобразный напиток (*boza*).

Наиболее популярным напитком у гагаузов остается вино (*şarap*). Навыки населения по виноградарству и виноделию позволили производить различные сорта вин, отличающихся своеобразными вкусовыми качествами. Без вина не обходился ни один праздник, ни одна повседневная трапеза. Оно являлось неременным элементом той или иной трапезы. Степень значимости и ценности вина в жизни гагаузского крестьянина была такая же, как и у хлеба.

В гагаузских семьях изготавливали водку (*raki*). Кроме виноградного сула ее готовили из слив, персиков, шелковицы (иногда из пшеницы, из винных осадков и гущи). Но традиционно водке отдавали меньше предпочтения, чем вину.

Boza была известна гагаузам еще на территории Болгарии. Она считается напитком, как кочевников, так и земледельцев. Грубую просяную или кукурузную муку смешивали с водой и помещали в печь, где эта масса варилась. Затем полученное варево смешивали с чуть теплой водой и отрубями и давали прокиснуть в течение дня. В конце добавляли сахар, прокаленный на огне. Иногда в качестве закваски использовали проросшие зерна ячменя (высушенного и смолотого). Технология приготовления *boza* у гагаузов находит аналогии и у других народов (Мамбетов, 1971, 367; Потапов, 1969, 62). По своей сути она близка к технологии пивоварения. До 30-х годов XX века в каждом селе, как правило, были люди, которые непосредственно занимались этим (*bozacı*) и продавали *boza* другим. Наличие в семейной системе гагаузов

антропонима *Vozaci* указывает наличие такой профессии. В настоящее время этот напиток готовят редко.

В народных сказках, песнях, песенных миниатюрах (*maani*) немало свидетельств об употреблении гагаузами напитка «*ayran*».

Из безалкогольных напитков гагаузам известен виноградный сок (*şıra*), компот из свежих или сухих фруктов (*oşaf*) и шербет (*şerbet*). В 50-е годы XX столетия *şerbet* еще производили, однако в настоящее время эта традиция исчезла из быта гагаузов.

В прошлом, как и сейчас, употребляли сладкий напиток, приготовленный из винограда под названием *şıra*. Кислое молоко (*yuurt*) являлось не столько напитком, сколько самостоятельной едой. Чаще всего его ели из миски ложками. В летнее время оно было незаменимым яством в доме каждой гагаузской семьи. В качестве напитка употреблялся также рассол от солений (*laana suyu*) и кислый квас (*borç*). В рассол добавляли жаренный на масле лук, красный перец. Полученную жидкость ели с холодной мамалыгой или хлебом.

Значительное место в традиционной кухне гагаузов Бессарабии занимали различные пряности и приправы.

В пищу употреблялись укроп (*marar/kopar*), петрушка (*petruşka*), чабрец (*çibriţa*), тмин (*boy(poy) otu/çörek otu*), сельдерей (*şelina*), перечная мята (*kara naanä*, ср. болг. *gëzum*), любисток (*leuştän*), щавель (*labada/makriş*). Укропные зонтики, сельдерей, чебрец и тмин служили приправами для солений. Корень и зелень петрушки, укроп, лавровый лист, перечную мяту, любисток добавляли и в первые, и во вторые блюда.

Наиболее часто гагаузы употребляли в пищу перечную мяту (*kara naanä*), которую добавляли почти во все блюда. Особый вкус она придавала традиционному блюду *manca*.

Популярным для гагаузов было употребление в качестве приправы для первых блюд любистка (*leuştän*, от рум. *leuştean*). Чорба с домашней лапшой, кислым домашним квасом с добавлением любистка являлась излюбленной едой гагаузов Буджака. В жидкие блюда добавляли также щавель (*labada*). Из него (*labada*) в семьях с малым достатком готовили соус (*labada mancası*).

Гагаузской кухне свойственно употребление сушеных трав. Петрушка, укроп, тмин, чебрец, любисток, высушенные и измельченные до порошкообразного состояния, смешивались с черным и красным молотым перцем. В эту смесь добавляли иногда ароматную траву (*mürüda*), которая придавала ей особый запах. Называли эту своеобразную приправу по наименованию главного компонента *mürüdä*. Обычно ее употребляли с хлебом, ею посыпали нарезанное на куски сало, вареную картошку и т. д. В некоторых гагаузских селах данную приправу называют *koki*. Она широко распространена в традициях питания гагаузов, болгар и турок, проживающих на территории Болгарии. У бессарабских болгар она называется *мерудия*.

Незаменимой приправой к первым блюдам считался кислый домашний квас (*borç*). Технология его приготовления имеет аналогии с соседним по Бессарабии молдавским населением (ср. рум. *borş*). Данный элемент появился в системе питания гагаузов уже на территории Бессарабии в результате этнокультурных контактов с соседним молдавским населением. Согласно последним полевым материалам, такая приправа отсутствует в традициях питания гагаузов Болгарии. Вместо нее использу-

ется кислое молоко, смешанное с яйцом. Домашним квасом заливали также голубцы, приготовленные из свежих виноградных или капустных листьев.

Специфической приправой, свойственной традиционной гагаузской кухне, является толченый красный перец или его разновидность – паста из красного перца (*kırmızı dumati/biber povidlası*). При этом термин *kırmızı dumati* распространен в селах Вулкэнештского района, термин *biber povidlası* в населенных пунктах Комратского и Чадыр-Лунгского районов, что объясняется славянским влиянием

Как правило, при изготовлении пасты очищенный красный перец, слегка подсушенный на солнце, пропускают через мясорубку и варят до густой консистенции, затем полученную массу смешивают с подогретым подсолнечным маслом, добавляя соль, сахар. Полученную смесь выдерживают в печи (после выпечки хлеба), и затем помещали в посуду для хранения, заливая небольшим количеством прокаленного масла во избежание образования плесени (*küf*). Готовую пасту используют в течение всего года для приготовления самых разнообразных блюд (*manca, sarma, bulgur, kaurma* и т. д.). В другом случае, при изготовлении толченого перца его хорошо подсушивают, измельчают, солят и добавляют немного масла.

Необходимо отметить, что название некоторых трав (*marar, petruşka, makriş*) гагаузы заимствовали у соседнего населения (молдаван, украинцев). На территории Болгарии и Греции им были известны другие названия: *maydanoz* (петрушка) и др. У соседнего по региону украинского населения любисток не используется в пищу, так как считается священной травой. Например, в гагаузских традициях приготовления пищи сохранилось немало элементов, свойственных кочевникам-скотоводам, что указывает на род деятельности их предков и на связь со средневековым тюркским миром. Эти соответствия отмечены в этнографических исследованиях по пище народов с кочевым прошлым и со скотоводческими и более ранними традициями. Наиболее характерными из них являются:

запекание мяса в шкуре животного в золе (гаг. *çoban kuzusu*);

выпекание пресных лепешек на углях (*çörek/pita*);

жарение теста в жире (*gözlemä, lokum*) и т. д.

способы обработки и хранения мясных и молочных продуктов

Эти виды пищи и способы их приготовления составляют самый архаичный пласт традиций и сохраняются у гагаузов по сей день, что видно из анализа этнографических наблюдений. Значительный пласт в системе питания гагаузов Молдовы, составляют элементы «балканских» традиций, которые также вошли в перечень специфических национальных черт. К их числу относятся разнообразные мучные изделия (*kıvrıma, pidä, kabaklı, akıtma, gözlemä* и т.п.), и ряд других видов пищи и блюд (*kallä, manca*).

РАЦИОН ПИТАНИЯ

Как и у большинства этносов, в сельском крестьянском быту гагаузов повседневное питание составляли блюда, не требовавшие особо сложных технологий приготовления. Повседневный рацион питания основной массы населения гагаузов Бессарабии в XIX – начале XX вв. был в той или иной степени однообразным, несмотря на наличие весьма широкого ассортимента традиционных блюд и много-

образия продуктов. Обыденная пища гагаузов состояла из хлеба, мамалыги в сочетании с кислым молоком, вареной фасолью, брынзой, кислым домашним квасом или рассолом для приготовления жидких блюд, соленьями, соусами при широком употреблении толченого перца, растолченной смеси сухих трав.

В прошлом имело место двухразовое питание. Пища бедноты, работающей в поле от зари до зари, состояла из холодной мамалыги с луком, иногда в сочетании с капустным рассолом, квасом домашним или кислым молоком. В летний сезон вся семья ела лишь один раз в сутки – поздно вечером. Однако в более состоятельных семьях имела место веками испытанная традиция трехразового питания. В.А. Мошков выделяет четырехразовое питание, куда входит и полдник (Мошков, 1902, с.35).

В неурожайные годы крестьяне один раз в неделю готовили *“borc”*, пекли хлеб с добавлением отрубей. Обычное жидкое блюдо борщ с добавлением щавеля варили, как правило, без мяса из-за его отсутствия. Признаком бедности был вареный картофель в мундире. Начинку для голубцов бедняки готовили иногда из кукурузной крупы или пшена из-за недостатка пшеничной. Пищей бедняков считались лепешки, выпекаемые на сухой сковороде *“pazlama”* или на поду духовой печи (*çörek, pita*). Повседневной едой бедняков являлись *“bulamaç”* (похлебка из пшеничной крупы) и *“candra”* (жидкая мучная каша) – свидетельство крайней бедности. В голодные годы хлеб часто заменяли кукурузные лепешки *“malay”*. Их готовили из замешанной на кукурузной муке кашеобразной массы, которую заливали в формы и запекали в печи. С тем, чтобы сдобрить эту еду, иногда в состав жидкого теста замешивали нарубленную мелко квашеную капусту или тыкву, а иногда, по возможности, и творог или брынзу.

Хлебом бедности считался хлеб, выпеченный из теста с большим добавлением кукурузной и непросеянной пшеничной и ржаной муки. Выражая пренебрежение к этому хлебу, его называли *“çatlak malay”* (потрескавшийся кукурузный хлеб, называемый *малай*), так как из-за преобладания в тесте кукурузной муки такой хлеб плохо всходил и получался с трещинами по краям и на верхней корке. Когда хотели подчеркнуть бедственность своего положения, говорили: “остались одни лепешки” (*kaldik pazlamaya malaya*) или на вопрос “что будем есть?” отвечали: “позавчерашний борщ” (*otoogunku borç*).

Обрядовая и праздничная пища отличались от повседневной. В праздники гагаузы готовили холодец, запеченный в печи картофель с мясом, запеченную в печи баранину, свинина или говядина, голубцы, фаршированный перец, тушеную капусту с мясом, пшеничную кашу с мясом, отварную лапшу с мясом и т.д. Обрядовым блюдом, характерным для свадебных, а также похоронных и поминальных трапез, является сладкая пшеничная или рисовая каша на молоке, в которую иногда добавляли чернослив. В день похорон, а также в другие поминальные дни (девять, сорок, полгода, год, два и три) готовили фасоль, голубцы, жаркое из баранины, бигус (капустняк) и т.д. Если эти дни приходились на период поста, то все блюда готовились без мяса, на растительном масле

Праздничными кушаньями были традиционные блюда из свинины, баранины, птицы, приготовленные по обычным рецептам на Пасху, Новый год, Рождество, именины и т.п.

ТРАДИЦИОННЫЕ ВИДЫ ТРАПЕЗ

В реальной жизни пища, как правило, функционирует в составе трапезы. Порядок и правила потребления пищи у гагаузов в соответствии с традициями носили довольно устойчивый характер.

В прошлом, впрочем, как и сейчас, в гагаузских семьях сохраняется традиция совершать повседневную трапезу за маленьким деревянным столиком на трех ножках (*sofra*). В прошлом члены семьи усаживались вокруг него на подстилке или на низких стульчиках. Зимой столик устанавливали в жилой комнате на полу или на глинобитном возвышении (*pat*), а в теплое время года – в сенях или во дворе. Аналогичная мебель была у болгар, турок и гагаузов на территории Северо-Восточной Болгарии. Большие деревянные столы устанавливали лишь при приеме гостей, в праздники или во время различных обрядовых застолий. Об этом сообщает в своих исследованиях В. А. Мошков. Он отмечает, что в обыденной жизни гагаузы «...по-прежнему придерживаются древних обычаев кочевников, принимая еду за низеньким деревянным столиком, сидя просто на земле, без всяких скамеек и табуреток, в лучшем случае, положив под себя подушку». По его мнению, круглый старинный стол по устройству очень близок к прототипу всех столов – к простой доске, укладываемой в древности прямо на землю. Позже под него стали подкладывать деревянные чурбаки, превратившиеся затем в ножки (Мошков, 1902, №4, 34-35). По наблюдениям М. В. Маруневич, в гагаузских селах еще помнят о небольших круглых столешницах с чуть завышенными краями по окружности, прибитых к небольшой колоде, что придавало столику вид перевернутой шляпы. Вероятно, поэтому в народе этот столик назывался *sofra paraliya* – стол-шляпа (рум. *pălărie* – шляпа) (Маруневич, 1988, 167). Подобный столик находится в фондах Государственного этнографического музея в селе Бешалма. Как отмечает известный археолог, исследователь культуры хунну (древнего тюркского народа), С. И. Руденко, подобные столики с завышенными краями были распространены среди центрально-азиатских скотоводческих народов. Они были найдены при раскопках гунно-сарматского периода в Туве, на Алтае, в курганах Ферганы (Руденко, 1969, 30-33). Этот факт свидетельствует об архаичности данного элемента в культуре гагаузов.

Повседневная трапеза

В гагаузской семье в будни все ее члены рассаживались, по традиции, вокруг круглого столика, называемого *sofra*. В прошлом у гагаузов, как и у других народов, семья ела из одной миски ложками или руками (в зависимости от вида блюда). Мамалыгу вываливали из чугунка на середину стола (*sofra*) и разрезали на части при помощи нитки. За столом запрещалось ругаться, перечить старшим по возрасту. Существовал особый порядок рассаживания и ритуала еды. Каждый был обязан знать свое место за столом и взять свою ложку. Вся семья принималась за еду после того, как начинали есть старшие: отец, мать, старший брат, бабушка. Взрослые следили за поведением детей. Женщина садилась за стол только после мужа. Перед едой обязательно все молились и крестились.

Характерной традиционной чертой повседневного застольного этикета в гагаузской семье было распределение кусков мяса. Обычно это касалось блюд, приго-

товленных из птицы. Куски мяса птицы обычно раздавали отец, мать или бабушка. Лучшие части: ножки (*but*) – доставались мужчинам; хвост и мясо с тазовой костью (*tirta*) – матери, старшей женщине (свекрови или бабушке); крылья (*kanat*) – девочкам, младшей сестре или невестке – лопатка (*kürek/seralı kemik*). Самым младшим, как правило, доставалась печень (*kara ceer*), желудок (*kati*), сердце и другие части. Распределение кусков зависело от численного состава семьи от возраста, пола, семейного статуса, а также от взаимоотношений между членами семьи. Если в семье было несколько младших братьев, то куриные ляжки разделялись на несколько частей за исключением тех кусков, которые отводились старшим в доме мужчинам.

Распределение кусков мяса основывается на половозрастной сегрегации участников трапезы, причем лучшие куски достаются главе семьи, являющемуся кормильцем. В данном случае пища как элементу материальной культуры принадлежит разъединяющая функция. В распределение некоторых кусочков мяса вкладывали символический смысл. Например, крылышко (*kanat*) доставались девушке или девочке на том основании, что она скоро «улетит» из родительского гнезда, то есть выйдет замуж, не засиживаясь долго в «девках». Бедренная часть ноги – мужчинам, поскольку считалось, что дом и его устои держатся на них. Задняя часть курицы (*tirta*) предназначалась матери семейства так как она символизировала ее детородную функцию в семье и роль хранительницы гнезда (семьи) и очага. Если блюдо готовили из барашка, то голова также доставалась главе семьи, который считался кормильцем. Шея животного отводилась старшей женщине в семье. Последние полевые материалы показали, что аналогичное распределение кусков мяса характерно и для гагаузов Болгарии.

Дифференцированное распределение мяса в семье свойственно не только гагаузам. Параллели можно встретить у некоторых соседей по региону – молдаван и болгар. Среди тюркоязычных народов издревле существовало распределение мяса в семье и обществе согласно положению того или иного индивида, его социального статуса, а также принадлежности к определенному роду или племени (Патачаков, 1982, 39).

Особые правила поведения у гагаузов существовали во время приема гостей. Согласно неписаным традиционным правилам этикета хозяин должен был проявлять радушие и быть внимательным по отношению к гостю, оказывать всяческое содействие по его просьбе. Непререкаемой обязанностью хозяина являлся уход за гостем, обеспечение ему за столом всяческих удобств, обильного угощения и отведения самого почетного места. Долгом вежливости для хозяина считалось предложить гостю домашнее вино. В старину в гагаузской семье все участники трапезы пили из одной посуды, что символизировало их единение и являлось гарантией того, что вино качественное. При этом первым пил хозяин, произнося тост за здоровье гостя и всех присутствующих. В своих тостах гость выражал благодарность за прием, а также различные пожелания хозяину дома и членам всей семьи. Наиболее распространенным застольным выражением являлось пожелание: «*Saalik!*» («Здоровье!») на которое все участники стола обычно отвечали: «*Alla versin!*» («Дай Бог!»).

Порядок подачи сосуда, из которого пьют, происходил по кругу. Вино предлагалось в первую очередь гостю, старшему по возрасту, личности высокого социального

статуса или новому гостю. В случае отсутствия таковых всех участников застолья угощали вином «по закону солнца», – по кругу (слева направо) или «по закону хороводного танца» (справа налево) (Курогло, 2000, 83). Подобная традиция бытовала у других народов Бессарабии, занимавшихся виноградарством и виноделием: у болгар, молдаван, бессарабских украинцев, а также у гагаузов Болгарии (Несторовский, 1905, 140).

Особыми правилами этикета были обставлены *обрядовые трапезы*. Одной из центральных и важных частей обрядового ритуала в семейных обрядах являлось застолье, объединявшее хозяев и круг гостей в соответствии с целью и характером обряда.

Свадебная трапеза.

Свадебное застолье – это важнейший этап свадебной обрядности, представляющий собой ритуальное действие. Социальный смысл свадебной обрядности, как особого общественного действия, состоит в том, что свадьбу играют две семьи, два рода, более того – общественность села. Все основные должности в ней распределены в строгом соответствии с обычаем. Это находит наиболее четкое свое выражение в модели и обрядовых функциях свадебного стола и обычаев, связанных с ним. этой точки зрения, анализ свадебной обрядности гагаузов показывает, что роль реликтового родового старейшины на свадьбе играют посаженный отец (*saadiç*) и посаженная мать (*naşa/kresnişa*). Посаженым отец – это персона, пользующаяся всеобщим почтением и уважением. Он является распорядителем обряда, авторитетом для молодой семьи.

Главенствующая роль посаженного отца отражена и в этикете свадебного застолья гагаузов. За свадебным столом, имеющим, как правило, форму каре, самые почетные места отводились посаженным родителям. В знак особого уважения им под спины подкладывали традиционные ритуальные подушки *yastık*. По правую руку от посаженного отца располагалась мужская часть гостей, по левую от посаженной матери – женская половина прибывших на пир вместе с ними. Приглашенные со стороны посаженных родителей назывались *saadiç koltuu*. Внутреннюю сторону стола в его центре занимали родители и ближайшие родственники жениха и их гости. На концах стола по обе стороны сидели другие гости со стороны жены и невесты. Судя по схеме рассаживания пирующих, свадебное застолье (*düün sofrası, büük masa, masa mare*) предполагало цепь обрядов, символизирующих праздник рода и освещающих факт приема невесты в род жениха, а также образование новой семьи и прием ее в общество. Одновременно свадьбу играл и род невесты в доме ее родителей. Весь этикет застолья тут повторялся, только без главных персонажей: посаженных родителей и молодоженов.

Примечательным является то, что в обоих случаях (и в доме жениха, и в доме невесты) в старинном свадебном застолье молодоженам за общим столом места не отводилось. Не сажали за стол и неженатую молодежь. Пировал только род жениха во главе с посаженными родителями. Лишь в 50-х годах XX столетия, начали приглашать за стол и молодежь, но для нее накрывали стол отдельно в соседнем помещении. Только в настоящее время молодежь стала участвовать в общем застолье, что

изменило характер обряда, вытеснив из традиционной свадьбы отдельные обычаи и обряды. Аналогичный обычай отчуждения молодоженов от застолья бытовал в свадебной обрядности молдаван и болгар (Sojosaçu, 1998, 124).

Анализ свадебной трапезы гагаузов показал, что объединение участников застолья происходит по принципу родовой принадлежности, то есть в доме жениха пирует только род жениха. Свадебная трапеза носит дуальный характер: она дуальна по половому признаку (и мужчины и женщины сидели по разные стороны стола), по возрастному (жених и невеста сидели с остальной неженатой молодежью отдельно от семейных пар), а также по социально-ролевому (мужскую половину стола возглавлял посаженный отец, женскую – посаженная мать). Иными словами, социальный смысл совместной трапезы служит выражением обрядового взаимодействия между определенными группами людей, объединенными по вышеуказанным признакам, отражая этим отголоски древних родовых отношений (Nikoglo, 1997, 146-148), (Nicoglo, 1999, 190).

В старинной свадебной обрядности с отторжением от застолья молодых был связан целый ряд архаичных, символических традиций. Например, обряд «кормление невесты» (*gelini konuklamaa*), совершаемый после полуночи, происходил в одной из свободных комнат дома, куда приходили «посланцы» матери невесты (*kaniskacilar*) с угощением (*kaniska*) в виде калача с вареной курицей сверху и вином. Группу (*kaniskacilar*) представляли только женщины. Мужчины, даже если и входили в состав этой группы, то только переодетые в женскую одежду. Принесенную еду ставили на стол перед молодыми и, угощая, передавали наставления матери невесты.

Несомненно, в этом обряде отображены отголоски семейно-брачных отношений древнейшей эпохи, которыми богата обрядность семейного цикла не только у гагаузов. Им, вероятно, отмечают тот момент торжества, когда невеста еще не успела стать членом нового рода. Примечательно то, что у молдаван данный обычай не существует (Sojosaçu, 1998, 124).

Обрядовый калач с курицей несет двойную символику. Калач символизирует женское начало, курица (изначально – петух) мужское. Ритуальное кормление этими видами пищи означало своеобразное пожелание молодым согласия в семейной жизни.

Следующим действием, происходящим на свадебном застолье, являлся обряд повязания гостей (*dolucak*). Он заключается в том, что гостям подносили поднос с хлебом и солью. Каждый угощающийся высказывал пожелание и клал на поднос деньги. После этого ритуала мать жениха одаривала гостей всевозможными подарками, в том числе повязывала полотенцами. Вкушение хлеба, соли и символизировало с одной стороны, пожелание достатка и здоровья молодоженам, объединение участников застолья как представителей двух родов – с другой.

М. Чакир отмечал, что за свадебным столом устраивались представления ряженных, которые исполняли песенные миниатюры (*taani*), и другие песни (*türkü*) (Seachir, 1936, 41-44).

Одним из завершающих этапов свадебного застолья является обряд под названием *прошка*. Как отмечают исследователи, наряду с этим названием существовали и другие названия: *söletmâk* (вынудить говорить) и *tuz-ekmek* (хлеб-соль) (Курогло, 1980, 83). Вручая калач с курицей и хлеб с солью, посаженный отец трижды спрашивал

молодых о том, что находится на калаче. По обычаю молодожены должны ответить только в третий раз: «Хлеб-соль». При этом посаженный отец выражал пожелание молодым изобилия, достатка и благословлял их на брак. В данном обряде калач с курицей и хлеб с солью символизировали единение жениха и невесты в одну семью (Курогло, 1980, 83-84). Ко времени завершения свадебного застолья происходило снятие фаты невесты и повязание ее платком по-женски (*gelinca*), что означало прием невесты в род жениха, являлось символическим выражением появления новой семьи и свидетельствовало о переходе невесты в иную половозрастную группу – женщин.

В XIX – начале XX вв. ассортимент блюд на гагаузских свадьбах был сравнительно небольшим. Каждое блюдо готовилось в большом количестве, чтобы свадебный стол был достаточно сытным и обильным.

Характерной чертой свадебного застолья является установленный порядок подачи и церемонии приема пищи. Гостей встречали вином и сладостями (*meze*). Начиналось само застолье подачей холодца, а голубцы (*sarma*) – а в некоторых селах (например, в Авдарме) отварная лапша с мясом – (*şorba*), подавались к концу пиршества. Для присутствующих это был знак того, что пора собираться домой. Знаком прекращения свадебного застолья у украинцев и молдаван является мучная или лапшовная запеканка с яйцами (Артюх, 1987, 153). В некоторых гагаузских селах Одесской области Украины (с. Червоноармейское) завершающим блюдом на свадебном столе был плов (*bulgur/pilaf*) (Курогло, 1980, 58). В данном случае как холодец, так и голубцы не являлись ритуальными блюдами. Они выполняли функцию сигнала, символизирующего начало и окончание свадебного застолья.

На свадьбах, по традиции, назначали людей (*izmetçi*), которые на подносах предлагали участникам церемонии стаканы с вином или другими напитками, строго следя за тем, чтобы не пропустить кого-либо из них. Обычай угощения из одного стакана чаще всего встречался при прощании («на посошок»). У гагаузов существовало подобное выражение – «*yolculuk*» (букв. «на дорожку»), у болгар – «на *кръката*» (букв. «на ногах»), у румын (молдаван) – «*la botul calului*» (букв. «у морды лошади»).

Похоронно-поминальные трапезы, также, как и свадебная, предполагают разделение участников по половому признаку. В поминальные дни, совпадающие с народным календарем (Фомина неделя, Чистый четверг и т. д.), обычным было ритуальное коллективное вкушение пищи, совершаемое родственниками умершего на могилах усопших сородичей. В то же время поминальное угощение раздавалось окружающим. Это не что иное, как отголоски древних магических обрядов, связанных с культом умерших.

По традиции поминки совершают на 3-й день после кончины, 9-й, 20-й, 40-й, через год, два и через три. Начиная с девятого дня, родственники ходят на кладбище с кутьей, калачом и вином. Принесенные продукты делят между собой и угощают всех, кто находится рядом.

После погребения на поминальном столе основными атрибутами были кутья, вино и поминальные калачи со свечками (см. подробнее *koliva, kolaç, şarap*). Подавали также тушеный картофель с мясом, вареную фасоль, «ленивые» вареники, голубцы, в зависимости от сезона – соления или свежие овощи. В постные дни готовили блюда без мяса. Угощение на поминках каждый старается приготовить как

можно лучше. Существует поверье, что, если кто-то из присутствующих осудит хозяев за невкусную еду, то это может повредить покойнику (Мошков, 1902, № 3, с. 12-13). Кроме того, блюда должны подаваться на стол в горячем виде, так как считалось, что умершие питаются паром, исходящим от кушаний. Данное верование было основано, вероятно, на том, что такая нематериальная субстанция как душа может питаться только «легкой» для нее пищей. В некоторых селах приглашенные на поминальный обед приносили с собой еду. Этот жест оценивался не просто как помощь, но и как угощение за помин душ своих умерших родственников. Священник окуривал трапезу ладаном, читал молитву. В отсутствие священника эту роль выполнял близкий человек: вдова, вдовец, мать или отец умершего. После произнесения слов "*Alla prost etsin onun günahı*" («Да простит ему Бог его грехи») или "*Alla da buyurun olsun onun canı için*" («Пожалуйста, угощайтесь за помин его души») все крестятся, пробуют коливо и выпивают вино. Каждый произносит слова: "*Bo da prosti. Alla alsın onu saa tarafında*" («Бог простит и возьмет его в правую сторону») или "*İlin topraam olsun*" («Пусть земля ему будет пухом»). Затем все приступают к трапезе и едят остальные блюда. Трапеза заканчивается только тогда, когда все насытятся и прекратят есть. В конце все встают, крестятся, пробуют коливо, выпивают по стакану вина и уходят, унося с собой калачи, платочки или полотенца. Остатки еды, как правило, отдают птицам, которых считали материализованными душами умерших. В прошлом за поминальным столом женщины и мужчины сидели отдельно друг от друга, по разные стороны стола. Вино пили из двух-трех стограммовых стаканчиков, которые по очереди передавали друг другу. За столом было принято вести тихую беседу, вспоминать умершего добрым словом; нельзя было ругаться, смеяться. После похорон не принято было плакать, поскольку считалось, что покойник может вернуться в дом, будет постоянно являться во сне и тем самым мучить живых. Не прийти на поминки считалось предосудительным. Этот поступок расценивался как неуважение к памяти покойного. Поминальные трапезы, совершаемые в другие поминальные дни, проходили аналогичным способом. Менялся только состав участников. Если в день похорон за стол сажали всех, кто был на кладбище, то на 9-й день в трапезе участвовали самые близкие родственники и соседи. В Кирсово, кроме близких родственников, в этот день приглашались те, кто омывал покойника, рыл могилу, нес гроб, готовил еду. В годовщину смерти и в последующие два года состав участников зависел от желания родственников умершего.

Традиция поминальной трапезы является одним из самых архаичных элементов и восходит к культуре предков. Основной символический смысл поминального обеда состоит в том, что в нем отражено еще не разорванное единство покойника с домом и родными. В силу наибольшей архаичности самих похоронно-поминальных обычаев и обрядов (по сравнению с другими элементами духовной культуры) состав основных блюд, маркирующих поминальный стол (кутья, вино, калачи), остается консервативным, в то время как трапезы, приуроченные к другим событиям, более чувствительны к изменениям. Данная традиция является общей для всех народов, исповедующих православие.

В некоторых календарных обрядах совместное принятие пищи основывалось на половой сегрегации. Это происходило в ночь на Рождество и Новый год. Колядующие

парни разбивались на ватаги. Собранное во время колядок угощение использовали для накрытия общего стола, за которым устраивали состязания в песнях, соревнования в удалстве и другие молодежные игры и развлечения. В обряде Пипируда, коллективная трапеза является прерогативой девушек.

Общесельские трапезы.

Для гагаузов характерны и общесельские трапезы, сопровождающие некоторые обряды календарного цикла. В основе праздника *Hederlez* (Св. Георгия) и *Kasım* (Св. Дмитрия) лежит древнейший обычай коллективного жертвоприношения животного и ритуальных действий, его сопровождающих.

Основой этого праздника являлся ритуал общенародной, общесельской трапезы во дворе церкви, на краю села. Описание такого обряда у гагаузов Болгарии дано у А. Манова (Манов, 1936, 94). У жителей бессарабских колоний во второй половине XIX в. подобный праздник описан у А. И. Защук: «По окончании всех полевых работ, после сбора фруктов и винограда, почти в каждой колонии, населенной болгарями (читай: «и гагаузами» – Д. Н.), устраивают общеизвестный праздник. Для этого к назначенному дню каждый из хозяев, в зависимости от своего материального положения, жертвует кур, баранов, даже иногда волов. Все это приносится на площадь около церкви, где мужчины варят и жарят мясо жертвенных животных, а женщины по домам в то же время занимаются приготовлением других кушаний, между которыми главное – *коливо* (Защук, 1862, 306-307).

Трапеза совершалась тут же на траве во дворе церкви (или на лугу, на краю села). Для этого длинными рядами расстилали узкие ковры (*pala*) или ткань, раскладывали еду. Пирующие располагались вдоль этого общего стола и вкушали пищу. Раньше совершались межсельские сборы, на которые собирались жители двух или трех соседних сел.

***

Таким образом, система питания гагаузов после их переселения на территорию Бессарабии существенно не изменилась. Она сохранила свои архаичные черты, характерные для народов с кочевым прошлым. Прежде всего, это способы обработки и хранения мясных и молочных продуктов (*kaurma*, *pastırma*, *yuurt*, *piinir*, и т. д.), древние виды утвари из шкур животных (*tulum*), древние виды хлеба (*çörek*), мучные блюда (*uuma çorba*, *bulamaç*), отправление обряда жертвоприношения животного (*kurban*), ритуальное вкушение печени жертвенного животного и т.п. Однако уже к началу XX в. под влиянием культуры молдаван и других соседних этносов традиции питания гагаузов претерпели определенную модификацию и завершили очередной этап своего становления. В этом виде система питания этноса (естественно, с известными изменениями) существует в настоящее время. Иными словами, национальная система питания, как впрочем, и весь комплекс традиционно-бытовой культуры гагаузов, окончательно сформировались уже на территории Бессарабии. При этом под влиянием «балканских» традиций, носителями которых являлись гагаузы и болгары, происходило формирование южно-бессарабской модели и системы питания с ее общерегиональными чертами.

Однако ряд элементов в питании гагаузов можно назвать этноспецифическими или особенными. К ним относятся следующие:

Гагаузы в отличие от молдаван, проживающих на севере республики, предпочитают более перченые блюда, пасту из красного перца (вместо томата-пасты), что сближает их традиции с болгарскими.

В отличие от болгар и турок гагаузский обряд жертвоприношения животного «*Kurban*» отправляется исключительно за здоровье, но не по случаю смерти.

Обрядовое блюдо *курбан* у гагаузов обязательно готовится с мясом и пшеничной крупой. Для турок и болгар характерен вареный *курбан*.

Ритуальное вкушение печени жертвенного животного на праздник Святого Георгия и при освящении нового дома, представляющее собой отголоски архаичного общетюркского мировоззрения. Данный элемент не зафиксирован ни у болгар, ни у молдаван.

В отличие от турок в рацион питания гагаузов входит вино и почти отсутствуют сладкие блюда.

Для гагаузского сырного пирога *kivirma* характерна присобранная форма, в то время как болгары, а также молдаване чаще готовят его в виде жгута (вертуты).

Начинкой для мучных изделий служат в основном молочные продукты (брынза и творог), а также тыква, в то время как болгары, молдаване и украинцы используют еще картофель, капусту и фрукты.

В системе питания гагаузов сохранились архаичные элементы, указывающие на связь предков гагаузов с кочевой культурой древних тюркских племен.

В системе питания гагаузов для обозначения различных видов пищи преобладает терминология, сохранившая тюркское происхождение и являющаяся для соседних по региону этносов заимствованной. Для гагаузов как для единственного тюркоязычного народа, проживающего на территории Бессарабии, данные термины выступают в качестве показателей национального своеобразия, этноспецифическими элементами.

У гагаузов специфически этнические особенности в определенной мере связаны с древними элементами «*добалканских*» кочевых скотоводческих традиций. На данные архаичные элементы гармонично наложились «*балканские*», а впоследствии и «*бессарабские*» черты. Те и другие подкреплены общим для ареала Юго-Восточной Европы ХКТ и единым конфессиональным фоном – православием. Так, в конечном итоге, сложилась специфика традиций питания гагаузов XIX – начала XX вв. (Никогло, 2001).

БИБЛИОГРАФИЯ:

ИСТОЧНИКИ

1. Личный архив автора: полевые материалы за 1995-1999, 2001 гг.
2. Фонды Государственного этнографического музея с. Бешалма, Комратского района РМ.
3. Архив этнографических материалов Отдела гагаузоведения АН РМ за 1986-1988 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаджанов С.Г. Огузские племена Средней Азии IX-XIII вв. (Историко-этнографический очерк) // Страны и народы мира. Вып. X. М., 1971. С. 179-193.
2. Агамалиева С.М. О пище таузского и казахского районов Азербайджанской ССР // Долгожительство в Азербайджане. М., 1989. С. 45-120.
3. Агапкина Т. Обрядовое печенье дня сорока мучеников у восточных и южных славян // Хлябът в славянската култура. София, 1997. С. 48-63.
4. Айтабаев М.Т. Пища киргизов XIX - начала XX вв. // Известия АН Киргизской ССР. Т. V. Вып. I. 1963. С. 13-23.
5. Артюх Л.Ф. Пища и питание украинских крестьян конца XIX - начала XX вв. (Этнографическая характеристика) Автореф. дисс. канд. ист.н. Минск, 1981(а).
6. Артюх Л.Ф., Яровая В.А. Пища // Украинско-молдавские этнокультурные взаимосвязи в период социализма. Киев, 1987. С. 136-155.
7. Берг Л.С. Бессарабия. Страна - люди - хозяйство. Петербург, 1918.
8. Благоиев Обрен. Пива. Природа. Историја. Етнографија, револуција // Београд, 1971.
9. Бурдуков А.В. Значение молочных продуктов и способы их приготовления у монголов в Джаргалантуйском и Джалхантуйском округах МНР // Советская этнография, 1936. № 1. С. 121-129.
10. Български етимологичен речник. Т. I, II, III. София, 1971 Вакарелски Хр. Български погребални обичаи (сравнително изучаване). София, 1990.
11. Вакарелски Хр. Етнография на България. София, 1974.
12. Гавилов Г.А. Скотоводческое хозяйство Азербайджана в XIX в. (Историко-этнографическое исследование) Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1988.
13. Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков XIX - начала XX вв. Махачкала, 1960.
14. Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961 Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX - начале XX вв. М., 1976.
15. Демченко Н.А. Виноградарство и виноделие в Молдавии в XIX - начале XX в. Кишинев, 1978.
16. Денисов П.В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969.
17. Дикционар диалектал ал лимбей молдовенешть. Кишинэу, 1985. Т. I-II; 1986. Т. III, IV, V.
18. Добруджа. Етнографически, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974. С. 249-265.
19. Древнетюркский словарь. Ленинград, 1969 Еремеев Д.Е. Юрюки (турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969.
20. Етнография на България. София, 1980. Т. I; 1985. Т. II. Т. III.
21. Жилина А.И. Современная материальная культура сельского населения Ташкентской области Узбекской ССР // Материальная культура народа Средней Азии и Казахстана. М., 1996. С. 140-145.
22. Жуковская Н.Л. Пища кочевников Центральной Азии (к вопросу об экологических основах формирования модели питания) // Советская этнография, 1979, № 5. С. 64-76.
23. Зацук А. И. Материалы для географии и статистики России: Бессарабская область. Ч.I. СПб., 1862.
24. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
25. Иванова Р. Знакова същност на сватбени хлябове // Хлябът в славянската култура. София, 1997. С. 27-28.
26. Карпов С.П. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII - XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.
27. Карпов С.П. Маршруты черноморской навигации венецианских галей "линии" в XIV-XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 82-97.
28. Каварна от древността до освобождението. София, 1984.

29. Карамышева Б.Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 160.
30. Карамышева Дж. Х. Земледельческая обрядность у казахов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.
31. Каховский Б.В. Дохристианский погребальный обряд чувашей как материал к этногенезу // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984.
32. Кишбеков Д. Кочевое общество. Алма-Ата, 1984.
33. Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983.
34. Курогло С.С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX вв. Кишинев, 1980.
35. Курогло С.С., Никогло Д.Е. К проблеме этнокультурных взаимосвязей гагаузов с другими народами (на примере терминологии традиционной гагаузской кухни) // *Știința*, 1995, № 1. С. 15.
36. Курогло С.С. Гагаузы, народ на рубеже тысячелетий // *The collage*, 2000, № 2. С. 82-83.
37. Курылев В.П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства. М., 1976.
38. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск, 1989. С. 70-71.
39. Мамбетов С.Х. Материальная культура населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.
40. Манов А. Потеклото на гагаузите: техните обичаи и нрави. Ч.І. Варна, 1938.
41. Маринов В. Принос към изучаването на бита и културата на турците и гагаузите в Северо-Източна България. София, 1956.
42. Маруневич М.В. Поселение, жилище и крестьянская усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX – начале XX вв. Кишинев, 1980.
43. Маруневич М.В. Материальная культура гагаузов конца XIX – начала XX вв. Кишинев, 1988.
44. Материальная культура таджиков верховьев Заревшана. Душанбе, 1973.
45. Мецгерюк И.И. Социально-экономическое развитие болгарских ми гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808-1856 г.). Кишинев, 1971.
46. Минц Л.Н. Система питания венгров (к изучению этнокультурных связей). Автореферат диссертации кандидата исторических наук. М., 1985.
47. Молдаване. Очерки истории этнографии, искусствоведения. Кишинев, 1977.
48. Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение, 1900, № 1. С. 2-26.
49. Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение, 1902, № 3. С. 2-38.
50. Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение, 1902, № 4. С. 19 –34.
51. Мухамедшин Ю.Г. Татары-кряшены. М., 1977.
52. Несторовский П.А. Бессарабские русины (историко-этнографический очерк). Варшава, 1905.
53. Никогло Д.Е. К вопросу о сочетании аграрных и скотоводческих элементов в обрядово-пищевых гагаузов // *Al 3-lea simpozion național de istorie și retrologie agrară a Moldovei. Chișinău 23 - 24 octombrie, 1998 (a)*. С. 40 - 41.
54. Никогло Д. Е. Традиционная пища гагаузов начала вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001.
55. Никогло Д.Е. Традиционные виды трапезы у гагаузов // *Мысль*, 2002, № 6.
56. Никогло Д.Е. Элементы дохристианских верований в обычаях и обрядах гагаузов (на примере традиций питания) // Мифология и религия в системе культуры этноса. Материалы вторых санкт-петербургских этнографических чтений. СПб., 2003. С. 116-118. (в)
57. Оразов А. Материальная культура прибалханских туркмен в конце XIX – начале XX века по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965. С. 48-57.
58. Патачаков К.М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан, 1982.
59. Пахутов А.Е. Традиционная пища монгольских народов как историко-этнографический источник. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1978.
60. Пономарьев А.П. Сім'я і родина обрядовість // *Культура і побут населення України*. Киев, 1993. С. 175-203.
61. Потапов Л.П. Особенности материальной культуры казахов обусловленные кочевым образом жизни // Сборник музея антропологии и этнографии. Т.12. М-Л., 1949. С. 54-68.
62. Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.-Л., 1962. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991.
63. Скальковский А.А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. СПб., 1848.
64. Степанов В.П. Похоронно-поминальная обрядность села Чийшия (Огороднее) Болградского района

- Одесской области // Вестник Славянского университета, 2001, Вып. 5. С.166-203.
65. Стрижев А. Мята // Наука и жизнь, 1975, № 1. С. 160-162.
  66. Студенецкая Е.Н. Пища и связанные с ней обычаи и обряды, как показатель межнационального своеобразия и межнациональных связей // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. С. 156-166.
  67. Трофимчук Н.А. Санитарный очерк обследования водоснабжения, питания, жилища и одежды жителей Казахстана // Казаки. Л., 1930. С. 177-206.
  68. Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001.
  69. Фиельstrup Ф.А. Молочные продукты турков-кочевников // Казаки. Л., 1930. С. 263-295.
  70. Шаниязов К.Ш. О традиционной пище узбеков // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Ташкент, 1972.
  71. Шарифуллина Ф. Л. Традиционная пища и кухонная утварь у касимовских татар // Историческая этнография татарского народа. Казань, 1990. С. 68-79
  72. Шитова С.Н., Гаделгареева Р.Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX – начале XX века // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX века. М., 1979 (а). С. 78-125.
  73. Шкорпил К., Шкорпил Х. Паметници на гр. Одесос, Варна (Паметници из Българско). Годишен отчет на Варненската държавна мъжка гимназия «Фердинанд I» за 1887 – 1888 учебна година. Варна, 1898.
  74. Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. М., 1981.
  75. Этнография каракалпаков XIX – начала XX века (материалы и исследования). Ташкент, 1980.
  76. Seachir M. Nunta la găgăuzi // Viața Basarabiei, 1936, № 34. P. 41-44.
  77. Seachir M. Obiceiurile religioase ale găgăuzilor din Basarabia // Viața Basarabiei, 1943, iunie. P. 4-8.
  78. Cojocaru D. Structura nunții tradiționale în Basarabia. Teza de doctorat. Chișinău, 1998.
  79. Dictionnaire etimologique et Historique. Paris, 1989.
  80. Dictionar explicativ al limbii română. București, 1975.
  81. Nicoglo D. Aspectele simbolice ale mesei nupțiale găgăuzești din sec. al XIX – începutul sec. XX-lea // Tiragetia, 1998 (6). С. 189-192.
  82. Nikoglo D. Gagauzların düğün yemekleri // Bilig, 1997, № 4. S. 146-148.
  83. Ögel B. Türk kültür Tarihine giris. Türklerde yemek kültürü; Göktürklerde osmanlılara. Ankara, 1991.
  84. Onal M.N. Din folclorul turcilor Dobrogeni. București, 1997.
  85. Șăineanu Lazar. Influența orientală asupra limbii și culturii română. București, 1900.
  86. Văduva O. Pași spre sacru (din etnologia alimentăției românești). București, 1997.
  87. Zamfirescu I. Contribuții la cercetarea unei gospodării țărănești din satul Cornova // Patrimoniul (revista de lectura istorica), 1993, № 2. P. 153-203.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Булгар С.С.).....	3
--------------------------------	---

ЧАСТЬ I. ИСТОРИЯ

ЭТНОГЕНЕЗ (Шабашов В.А.).....	8
I. ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА ГАГАУЗОВ В ИСТОРИОГРАФИИ.....	8
II. ЭТНИЧЕСКИЕ КОРНИ И ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ	15
III. ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.....	31
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ ГАГАУЗСКОГО НАРОДА (В СВЯЗИ С ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕМ) (Дяченко В.Д.)	44
ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПОПУЛЯЦИИ ГАГАУЗОВ МОЛДАВИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА (Варзарь А.М., Спицын В.А., Спицына Н.Х.)	49
ГОСУДАРСТВО В ДОБРУДЖЕ В XIV-НАЧ. XV ВВ. (Булгар С.С.)	54
ДОБРУДЖА В СОСТАВЕ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА В XV-НАЧАЛЕ XVII ВВ. (Булгар С.С.)	61
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ГАГАУЗАХ ДОБРУДЖИ XV-XVIII ВВ.	61
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ.....	61
ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ.....	65
ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	66
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В БЕССАРАБИЮ	69
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ (Радова О.К.)	71
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И УСТРОЙСТВО КОЛОНИСТОВ (Анциупов И.А.) .	89
АНТИКРЕПОСТНИЧЕСКАЯ БОРЬБА ГАГАУЗОВ И БОЛГАР В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ КОМИССИИ 1816 г. (Мещерюк И.И.).....	100
БУДЖАК КАК ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЗОНА (Анциупов И.А.)	127
ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА (Анциупов И.А.).....	134
В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853-1856 гг. (Булгар С.С.).....	146
КРЫМСКАЯ ВОЙНА. ОТТОРЖЕНИЕ ПОДУНАВЬЯ (Анциупов И.А.).....	153
ИМУЩЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ (Анциупов И.А.).....	170
РЕФОРМЫ 70-х ГОДОВ (Анциупов И.А.)	185

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА, РЕМЁСЕЛ, ПРОМЫСЛОВ И РЫНКА В ПОСЕЛЕНИЯХ ГАГАУЗОВ И БОЛГАР ПОСЛЕ РЕФОРМ 70-х ГОДОВ XIX в. (Новаков С.З.)	192
БЕССАРАБСКИЕ ОПОЛЧЕНЦЫ, УЧАСТНИКИ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 гг. (Булгар С.С.)	238
СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ЕЁ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ В ПОСЕЛЕНИЯХ БЫВШИХ ГАГАУЗСКИХ И БОЛГАРСКИХ КОЛОНИСТОВ (Новаков С.З.)	240
УЧАСТИЕ ГАГАУЗОВ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904-1905 гг. (Булгар С.С.)	270
КОМРАТСКОЕ ВОССТАНИЕ 1906 ГОДА (Булгар С.С.)	273
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914-1918 гг. (Булгар С.С.)	286
УЧАСТИЕ ГАГАУЗОВ В РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (Булгар С.С.)	290
В РЯДАХ РЕВОЛЮЦИОННО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ БЕССАРАБИИ (Шорников П.М., Булгар С.С.)	298
КОМРАТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ	298
КРЕСТЬЯНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ.....	303
ГАГАУЗЫ И РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ БЛОК.....	305
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СОСТОЯНИЕ ГАГАУЗОВ В ГОДЫ РУМЫНСКОЙ ОККУПАЦИИ	307
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГАГАУЗОВ В 20-40 гг. XX ВЕКА (Шорников П.М.)	313
ГАГАУЗЫ В СССР И ИДЕЯ ГАГАУЗСКОЙ АВТОНОМИИ. 1920-1940 гг.....	313
МИРНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ БЕССАРАБСКОГО ВОПРОСА	317
ИЮНЬСКИЕ ДНИ. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ 1940 Г. И ГАГАУЗСКИЙ НАРОД	320
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ГАГАУЗСКИХ РАЙОНАХ.....	323
ГАГАУЗЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 гг. (Булгар С.С.)	325
НА ФРОНТЕ И В СОВЕТСКОМ ТЫЛУ	325
ПОД ПЯТОЙ ОККУПАНТОВ	331
НАРОДНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ	336
ПАРТИЗАНСКАЯ БОРЬБА В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ БЕССАРАБИИ.....	340
ГАГАУЗСКИЙ НАРОД НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ.....	342
В ТРУДОВОЙ АРМИИ.....	343
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО ГАГАУЗСКОГО СЕЛА (Шорников П.М., Булгар С.С.)	349
ЗАСУХА И ГОЛОД 1946-1947 ГОДОВ.....	349

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В ГАГАУЗСКИХ РАЙОНАХ.....	357
ОРГАНИЗАЦИЯ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ.СОЗДАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ	360
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ГАГАУЗСКОГО ЭТНОСА В 50-80-е ГОДЫ XX в. (Шорников П.М., Булгар С.С.).....	364
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ РАЙОНОВ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ГАГАУЗОВ.....	364
УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ ГАГАУЗОВ.....	366
НАЧАЛО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПОДЪЕМА.....	367
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ ГАГАУЗСКОГО ЭТНОСА	377
ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ГАГАУЗОВ	378
РОСТ ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРЫ.ГАГАУЗЫ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ.....	381
ИЗМЕНЕНИЯ В ДУХОВНОМ ОБЛИКЕ ГАГАУЗОВ.....	383
СПИСОК УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ АФГАНИСТАН (25 ДЕКАБРЯ 1979 Г. - 15 ФЕВРАЛЯ 1989 Г.), ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ АТО ГАГАУЗИЯ (Булгар С.С.).....	387
ДВИЖЕНИЕ ГАГАУЗСКОГО НАРОДА ЗА АВТОНОМИЮ В ПЕРИОД КРИЗИСА СССР (Шорников П.М.).....	399
ГРАЖДАНСКИЙ КОНФЛИКТ В МОЛДАВИИ И РАЗВЕРТЫВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ГАГАУЗОВ.....	399
ОБРАЗОВАНИЕ ГАГАУЗСКОЙ АВТОНОМИИ.....	404
ПОХОД «ВОЛОНТЕРОВ»	409
«ПУТЧ» ГКЧП. СИТУАЦИЯ В ГАГАУЗИИ	411
ГАГАУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА. ОТ КОНФЛИКТА К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ И НАЦИОНАЛЬНОМУ СОГЛАСИЮ 1991-1994 гг. (Шорников П.М., Булгар С.С.).....	414
РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В КИШИНЕВЕ И ГАГАУЗСКИЙ ВОПРОС.....	414
В ДНИ ДНЕСТРОВСКОЙ ВОЙНЫ	415
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ГАГАУЗИИ.....	416
ПОЛИТИКА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ.....	418
ОТНОШЕНИЯ С ОФИЦИАЛЬНЫМ КИШИНЕВОМ. ЗАКОНОПРОЕКТ «О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ГАГАУЗ ЕРИ (ГАГАУЗИИ)».....	419
АВТОНОМНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ГАГАУЗИЯ (Шорников П.М., Булгар С.С.).....	425
УТВЕРЖДЕНИЕ ГАГАУЗСКОЙ АВТОНОМИИ	425
ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА: НОВЫЙ СТАРТ	429
ВЫБОРЫ 1999 Г. «ПЭМЫНТИЗАЦИЯ» ГАГАУЗИИ	430
ЗАДАЧА: ВОЗОБНОВИТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КРАЯ	432
БУДУЩЕЕ СОЗИДАЕТСЯ СЕГОДНЯ.....	433

ЧАСТЬ II. КУЛЬТУРА

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ГАГАУЗСКИХ И БОЛГАРСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.) (<i>Грек И.Ф.</i>)	438
ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ИХ ОТКРЫТИЯ И РАБОТЫ	438
ЧАСТНЫЕ ШКОЛЫ	442
НАЧАЛЬНЫЕ ПРИХОДСКИЕ ЛАНКАСТЕРСКИЕ ШКОЛЫ	445
ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ОТКРЫТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ.....	449
ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ БОЛГРАДСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО УЧИЛИЩА.....	451
УЧИТЕЛЯ. СОСТАВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ	455
ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ.....	460
ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ У ГАГАУЗОВ (<i>Булгар С.С.</i>)	466
МОЛИТВА И ЗАКЛИНАНИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ ФОЛЬКЛОРЕ ГАГАУЗОВ (<i>Каполо Д.А.</i>)	479
НАРОДНЫЕ ЦЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЗАГОВОРЫ У ГАГАУЗОВ.....	479
НАРОДНАЯ МОЛИТВА У ГАГАУЗОВ.....	483
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	487
ИСТОРИЯ ИСЛЕДОВАНИЯ ГАГАУЗСКОГО ЯЗЫКА (<i>Покровская Л.А.</i>)	489
ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ГАГАУЗОВ XIX – НАЧ. XX ВВ. (<i>Булгар С.С.</i>)	495
ГАГАУЗСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА (<i>Чеботарь П.А.</i>).....	501
ГАГАУЗСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА (<i>Сырф В.И.</i>)	547
1. СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ	547
2. ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ.....	550
3. БЫТОВЫЕ СКАЗКИ	554
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО (<i>Булгар С.С., Дьячук И.А.</i>).....	560
МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ГАГАУЗОВ (<i>Гагауз Д.Ф.</i>)	575
ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА И СИСТЕМА ТЕРМИНОВ РОДСТВА (<i>Шабашов А.В.</i>) ..	581
I. ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ И ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ (<i>Курогло С.С.</i>).....	591
1. ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И ВЕРОВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С БЕРЕМЕННОСТЬЮ ЖЕНЩИНЫ И РОЖДЕНИЕМ РЕБЕНКА	591
2. ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПРИНЯТИЮ ДЕТЕЙ В СЕМЬЮ И ОБЩЕСТВО	598
II. СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ (<i>Курогло С.С.</i>).....	604
1. ПРЕДСВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ	605
2. ОБРЯДЫ СОБСТВЕННО СВАДЬБЫ	613

НАРОДНЫЕ И ПРАВОСЛАВНЫЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ (Квилинкова Е.Н.).....	631
§ 1. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КАЛЕНДАРНЫХ ПРАЗДНИКОВ В ТРАДИЦИОННОЙ ЖИЗНИ НАРОДА.....	631
§ 2. ЗИМНИЙ ЦИКЛ ПРАЗДНИКОВ.....	634
§ 3. ЛЕТНИЙ ЦИКЛ ПРАЗДНИКОВ.....	665
ОСОБЕННОСТИ ОДЕЖДЫ ГАГАУЗОВ (Маруневич М.В.).....	686
ТРАДИЦИИ ПИТАНИЯ (Никогло Д.Е.).....	710

Подбор иллюстраций к книге – С. Булгар.

В книге использованы фотографии и документы из личного архива С. Булгара, Комратского регионального историко-краеведческого музея Гагаузии, Гагаузского национально историко-этнографического музея им. Д. Н. Кара Чобана, Историко-краеведческого музея г. Вулканешты, Историко-краеведческого музея г. Чадыр-Лунги, музея села Этулия, села Червоноармейское (Украина), села Виноградовка (Украина).

*Tiparul executat la F.E.-P. «Tipografia Centrală»
Str. Florilor, 1, Chişinău
MD-2068, Republica Moldova*

Comanda nr. 95

